

**История Европы: дохристианской и
христианской. Римская империя и
переселение народов. Том VI
протоиерей Владислав Цыпин**

Глава 1. Эпоха святого Константина Великого

1. Граница эпох

В историографии присутствуют разные версии хронологической границы между античностью и средневековьем. Один из вариантов периодизации сопрягает начало средневековья с разделением Римской империи по завещанию святого императора Феодосия Великого между его сыновьями Аркадием и Гонорием на две части, и одна из них с этих пор именуется уже историками Западной Римской империей, а другая – Восточно-Римской, или Византийской. Между тем ни императоры, ни их подданные – римляне, или, по-гречески, ромеи, даже и не подозревали о существовании этих новообразований. Хорошо известно, что это только кабинетные топонимы. Сам факт разделения империи в 395 г. представляется фантомом. В порядке управления, но при сохранении имперского единства, единого юридического пространства, империю делили не раз и до Феодосия Великого: соправительство при территориальном размежевании сфер ответственности императоров случалось и до Диоклетиана, Диоклетиан установил режим тетрархии, после кончины святого Константина империя разделена была на три части между его сыновьями, а потом воссоединилась под властью одного из них – Констанция.

Не прошло и сотни лет после мнимого раздела империи в 395 г., как в 476-м предводитель варварских полчищ Одоакр низложил западно-римского, как его называют историки, императора Ромула Августула и, отослав императорские инсигнии в Константинополь, восстановил единство империи. Это верно, что власть Зинона над западной частью империи оставалась номинальной, но таковой она была уже и раньше, при 9 последних западно-римских императорах, юридически же Одоакр стал всего лишь наместником единовластного с этих пор Римского императора Зинона, имевшего резиденцию в Константинополе, довольствуясь титулом римского патриция. А при святом Юстиниане восстановлена была вполне реальная власть императора над западными диоцезами, или Гесперией, как называли эту

часть империи греки, и хотя после Юстиниана западные владения были утрачены империей, но не в Италии и не над самим Римом, который еще в течение двух веков управлялся из Нового Рима наместниками императоров. Таким образом, поскольку ничего радикально значимого в 395 г. не произошло, эта дата не годится в качестве эпохального рубежа.

Иная версия границы периодов – упомянутое уже низложение Ромула Августула, возводимое в статус «падения Западной Римской империи». Между тем падения Западной Римской империи быть не могло, потому что призрачно и надуманно само ее существование. Для римлян гораздо более роковым событием, чем падение не существовавшей империи и низложение находившегося в Равенне и без того безвластного императора, был причинивший им неслыханные бедствия и действительно потрясший основы их мирочувствия захват Рима полчищами Алариха в 410 г., так что на поверку оба упомянутых варианта хронологической границы – 395 и 476 гг. – должны быть отринуты ввиду относительной малозначности произошедших тогда событий.

И все же античный мир свое существование действительно прекратил, и считается, что на смену ему пришло средневековье. Но что такое средневековье? Откуда пошел сам этот термин «*medium aevum*»? Он появился в эпоху гуманизма и первоначально обозначал время упадка классической латыни, когда на смену языку Цицерона пришла «кухонная» или «вульгарная» латынь – «*sermo rusticus*» (деревенская речь). В этой системе координат средние века продолжались до опытов возрождения классической латыни, предпринятых гуманистами. Немецкий историк XVII века Кристоф Целларий (Келлер) перенес эту периодизацию из области филологии и культуры на историю в собственном смысле слова, разделив мировую историю на три эпохи и выделив из нее таким образом средние века. Концепция Целлария была воспринята его коллегами и в конце концов стала нормативной в науке и расхожим трюизмом в непрофессиональной среде, легла в основу школьного преподавания мировой истории. Конец средневековья традиционно датировали падением Константинополя в 1453 г.

Эту периодизацию, сложившуюся на европейском и средиземноморском материале, и сам Целларий и после него другие историки переносили на иные регионы и цивилизации, в рамках которых она не имела для себя совсем никаких оснований.

При этом точные даты начала и конца средневековья смещались в зависимости от разных причин, в том числе и от идеологических доктрин, и это касается не только начала, но и конца средневековья. Его отодвигали до рубежа XV и XVI столетий – эпохи великих географических открытий, до начала реформации, и даже, в советской историографии, конец средневековья датировался серединой XVII века – началом английской революции, которой усваивался статус первой в истории буржуазной революции. Эпоху абсолютизма, по существу дела представляющего собой антитезу феодализма в первоначальном и классическом значении этого термина, в рамках формационной теории исторического процесса рассматривали как продолжение радикально отличного от него феодализма. На исходе XX века была выдвинута идея, продлевающая средневековье еще на полтора столетия, до конца XVIII или даже до первой трети XIX века. Автор концепции «долгого средневековья» – знаменитый французский медиевист Ж. Ле Гофф. При этом и начало средневековой эпохи отодвигается им до III столетия от Р. Х., когда Римская империя вступила в состояние затяжного кризиса.

И все же, если опираться на здравый смысл в оценке исторических явлений, нельзя отвернуться от того обстоятельства, что самой характерной чертой западноевропейского средневековья был феодализм, причем в классическом значении понятия, относящемся преимущественно к специфическому политическому и юридическому строю общества и затем только к экономическим отношениям. Параллельные явления наблюдались и в Восточной Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, причем в разные эпохи, в том числе и в древности, но классический феодализм сложился все-таки в Западной Европе, вот только не в середине I тысячелетия от Р. Х., а многими столетиями

позже всех расхожих вариантов датировки конца античности, вероятно, уже только в начале II тысячелетия, при этом предпосылки к его появлению начали появляться в эпоху Карла Великого.

Европа первой половины и середины I тысячелетия от Р.Х. не была феодальной. Раннесредневековые, если угодно, бенефиции радикально отличались от действительно феодальных ленов и фьефов, откуда и пошло само понятие «феодализм». В пределах Римской (Ромейской) империи, которая до VIII века включала в себя значительную часть Италии, Сицилию, Сардинию и сам Рим, весь строй государственной, общественной и даже экономической жизни существенно отличался от классического феодализма, в нем сохранились еще многие черты античного мира.

Характерной чертой этой эпохи, сближающей ее с античностью и отделяющей ее от аутентичного средневековья, является то обстоятельство, что до экспансии ислама ареной большой истории оставалось Средиземноморье с примыкающими к нему регионами в трех частях света, а не Европа в ее географических границах. До самого конца I тысячелетия контрастной культурной границей, разделявшей саму Европу, оставался лимес, давно прорванный и упраздненный как комплекс оборонительных сооружений, но сохранивший значение границы двух культурных миров, разумеется, лишь в общих чертах, без топографических деталей. В сравнении с этим колоссальным контрастом различия между европейским Востоком и Западом имели тогда лишь второстепенное, едва заметное значение. Рим и Равенна, города южной Галлии и Испании, составляли культурное пространство, существенно идентичное с тем, что названо было историками позднейшего времени Византией, решительно не похожее на полуварварскую арианскую и варварскую языческую северную Европу как на ее западе, так и на востоке. Иными словами, римляне и ромеи отличались друг от друга несравненно меньше, чем те и другие от германских, славянских и финских народов, в отличие от ситуации, сложившейся во II тысячелетии, когда Европа совсем иначе разделена была на две сферы: православный Восток и католический Запад.

Но Европа I тысячелетия, сохраняя характерные черты античного мира, в то же время радикально отличалась от него. И в сердцевине этого контраста лежит, конечно, религиозный феномен. Главное, что отличало Римскую империю до святого Константина и после него, – это место в ней Христианской Церкви, гонимой при языческих императорах и ставшей ее душой и сердцем во времена христианских императоров. Именно этим обстоятельством, своей приверженностью Церкви, своим покорством Христу, Европа эпохи, которая началась с издания Миланского эдикта, сближается со средневековьем в классическом смысле слова. Но Европа оставалась еще христианской и после того, как средневековье ушло в прошлое. Таким образом, вера во Христа как стержень духовной жизни характеризует европейскую историю на значительно более длительной ее протяженности, чем средневековье. Исповедание Христа рассекает европейскую историю на два ее периода – дохристианский и христианский, но оно не может служить маркером средневековья.

Самый очевидный выход из обозначенных трудностей в периодизации европейской истории лежит на поверхности, и заключается он в выделении эпохи от святого Константина до Карла Великого, которая в церковной истории традиционно обозначается как эпоха Вселенских Соборов, в самостоятельный период – уже не античный, но еще и не средневековый. Из сказанного нельзя однако делать вывод о переходном характере выделенной таким образом эпохи. Она столь же самоценна и полноценна, как и другие периоды европейской истории – античный или средневековый. Вопрос о начале этой эпохи решается самым очевидным образом в пользу времени правления Константина Великого. При этом из значимых событий его правления – издание Миланского эдикта, созыв Собора в Никее, основание Нового Рима – предпочтение следует отдать все-таки 313 году, когда с изданием эдикта о свободе исповедания для христиан началось формирование симфонии священства и царства, составившей самую важную черту государственного строя христианской Римской империи. В

сравнении с этим событием акты 395 и 476 гг., и даже захват Рима варварами в 410 г., меркнут и уходят в тень.

Завершается же эпоха образованием, в действительности впервые, сепаратной империи на Западе в 800 г. При этом два с половиной следующих столетия, вплоть до великого раскола 1054 г., были эпохой предсредневековья, а средневековье в собственном смысле слова началось уже после разрыва Западом церковного общения с Востоком, когда там в параллель с католичеством сложился классический феодализм и начались крестовые походы.

Но почему подобная периодизация, обоснованность которой представляется вполне веской, если не сказать очевидной, в историографии фактически не известна? Объяснение этому феномену заключается главным образом в том, что при принятии ее невозможно обойти то обстоятельство, что в эпоху Вселенских Соборов, когда собственно и рождалась Европа, ее эпицентр находился не на западе, а на востоке эйкумены, и это был уже не ветхий, но Новый Рим, выстроенный святым Константином в молниеносно короткий по историческим меркам срок на европейском берегу Босфора, на месте древнего Византия. Долгое средневековье, включающее в себя столь разительно отличающиеся друг от друга эпохи по обе стороны от хронологического перевала между первым и вторым тысячелетием от Р. Х., изобретено было и охотно подхвачено западной исторической наукой, а затем ввиду ее монополии стало едва ли не общепринятым, чтобы уклониться от признания гегемонии Константинополя в европейской цивилизации на протяжении целой эпохи ее истории. Есть насущная необходимость в коррекции оси исторических координат.

Итак, новый период в истории Европы, продолжавшийся в течение нескольких столетий до переходной эпохи Карла Великого, открылся правлением святого Константина.

2. Биография Константина до начала его правления

Гай Флавий Валерий Константин родился 27 февраля 274 г. в городе Наиссе (ныне сербский Ниш) в семье Констанция, романизованного иллирийца, состоявшего в отдаленном родстве с императором Клавдием II, и его первой супруги святой Елены. Мать Константина появилась на свет около 244 г. Хотя в средневековье в Англии возникла романическая версия о том, что она дочь короля бриттов Коула Колчестерского, ее действительное происхождение было несравненно более прозаическим и заурядным. Отец святой Елены, судя по древним, в том числе агиографическим, источникам, был трактирщиком в сицилийском Дрепане, где и могло произойти ее знакомство с офицером или уже генералом Констанцием Хлором, взявшим ее в жены. Елена была христианкой, и снисходительное отношение Констанция к христианам в той части империи, которой он правил в период тетрархии, могло проистекать от влияния его жены, впрочем в ту пору уже бывшей. По указанию Диоклетиана Констанций Хлор должен был оставить ее перед назначением его цезарем, чтобы породниться с августом Максимианом, помощником которого он становился, женившись прежде на его падчерице Феодоре.

Разлученная с мужем, Елена пребывала в скромном положении, обстоятельства которого неизвестны документально, пока ее сын, став правителем империи, не возвысил ее, удостоив титулом августы. Своим всемирно-историческим подвигом – изданием Миланского эдикта, положившего начало христианизации Римской империи, – Константин до известной степени обязан матери. Хотя ни в детстве, ни в юности, находясь при своем отце, а потом в свите Диоклетиана, Константин не был сознательным христианином, но его отношение к единоверцам матери и к исповедуемому ими учению зависело, очевидно, от светлых впечатлений, которые он получил от общения с нею. Возвышенная сыном в старости, святая Елена тяготилась пышностью дворцовой жизни и на закате своего земного жития отправилась в долгое

паломничество на Святую землю Палестины. Преставилась она уже в начале 330-х гг.

Отправив цезаря Констанция Хлора на запад империи, Диоклетиан оставил при себе его сына, отчасти в качестве заложника для предотвращения возможных узурпаторских поползновений со стороны его отца; но пребывая во дворце, Константин пользовался подобающим ему по его положению почетом, привлекался к исполнению административных поручений и участвовал вместе с верховным правителем в походах и сражениях. Получив ранее основательное книжное образование, он обучался воинскому и полководческому искусству, делам государственного правления.

Его биограф Евсевий Кесарийский сравнивает положение Константина в свите Диоклетиана с пребыванием во дворце фараона пророка Божия Моисея, которому «Бог... дал случай... получить воспитание в самых чертогах, на груди тиранов и научиться у них мудрости»¹. Императоров, учинивших гонение на Церковь, Евсевий называет тиранами, замечая при этом, что «среди них был уже Константин, впоследствии бич тиранов, но тогда еще юноша ранних лет, нежный, украшенный едва пробившейся бородой»².

В 295 и 296 гг. он участвовал в военной экспедиции в Египте, состоя в свите Диоклетиана. На обратном пути они останавливались в Кесарии Палестинской. Евсевию, позже ставшему епископом этого города, а тогда еще мирянину, другу и ученику святого Памфила, мученически скончавшегося богослова оригеновской школы, случилось увидеть Константина, и в своем жизнеописании императора он писал, вспоминая полученные тогда впечатления: «Стоя с правой стороны от василевса... он казался величественным и уже в то время обнаруживал в себе знаки царского высокоумия. По красоте тела и высоте роста не было подобного ему, а телесной силой до того превосходил он сверстников, что они боялись его»³.

Патетический тон этого словесного портрета мог бы представляться вытекающим из панегирической стилистики биографии, если бы не статуи Константина, в особенности хранящаяся в Капитолийском музее скульптура, от которой сохранилась

огромных размеров голова с прекрасными и правильными чертами лица человека, исполненного поразительного мужества, власти, абсолютной самодостаточности и спокойной решительности. Более царственный образ едва ли вообще существует. Любопытно, что в средневековье первого христианского императора представляли в ином образе. На Капитолийской площади до недавних пор возвышалась древняя конная статуя гонителя христиан Марка Аврелия, бородатого, с задумчивым, мягким, если не сказать кротким, выражением лица. Она уцелела потому, что ее считали изображением святого Константина. Ради лучшей сохранности уже в наше время оригинал переместили с площади в расположенный рядом музей, заменив его на прежнем месте копией.

В 299 г., во время войны с персами, Константин был ближайшим помощником Диоклетиана, уже тогда обнаружив незаурядные полководческие дарования. Он находился рядом с первым августом при разрушении никомидийской церкви, которым открылись гонения на христиан, но нет никаких свидетельств того, что Константин лично был причастен к этим гонениям, а судя по положению христиан в области, контролируемой его отцом, можно косвенно заключить, что он положительно не сочувствовал гонителям.

Когда после ухода Диоклетиана от власти и переезда его в Салону в 305 г. Константин оказался под рукой у находившегося в Никомидии Галерия, особенно яростно преследовавшего и истреблявшего христиан, он осознал опасность, грозившую ему со стороны нового августа, стремившегося к единовластию и знавшего о болезненном состоянии своего соправителя Констанция, который пребывал тогда далеко на западе. И Константин обнаружил поразительную решительность, изобретательность и выносливость: усыпив бдительность Галерия, он бежал из никомидийского двора к отцу. Чтобы предотвратить погоню, он велел перерезать жилы почтовым лошадям по пути своего следования на запад. Встретившись с тяжело больным отцом в Булони, где готовилась военноморская экспедиция в Британию против прорвавших Адрианов вал пиктов, Константин вместе с ним переправился через Ла-

Манш; из-за болезни Констанция именно ему пришлось осуществлять практическое руководство военными действиями, и в течение нескольких недель пикты были разбиты. А их остатки отброшены на север, за Адрианов вал.

25 июля 306 г. Констанций Хлор умер в Эбураке (Йорке), и сразу же после этого печального события его боевой товарищ король союзных Риму алеманнов, командовавший германскими вспомогательными войсками, провозгласил новым августом Константина, и он незамедлительно был аккламирован легионерами и федератами, находившимися в Эбураке, а вскоре потом признан августом и императором и всеми войсками, состоявшими ранее под командованием его отца. С этих пор Константин стал одним из ключевых участников политической и вооруженной борьбы за власть в империи.

Первым браком Константин был женат на Минервине, которая родила ему сына Криспа, вторым – на дочери Максимиана Фаусте, от которой он имел трех сыновей – Констанция, Константа и Константина.

3. Обращение Константина и его победа над Максенцием

После самоубийства Максимиана и смерти Галерия в 31 г. в империи осталось четыре правителя, из которых каждый именовал себя августом и императором, не признавая верховных прав конкурентов, но был готов к образованию коалиций, направленных против общих соперников. Это были святой Константин, власть которого распространялась на трансальпийский Запад, сын Максимиана Максенций, имевший резиденцию в имперской столице Рима и правивший в Италии, Испании и Африке, Лициний, контролировавший Балканы и примыкавшую к ним территорию центральной Европы, и, наконец, Максимин Даза, который держал в своих руках азиатские провинции и Египет – самую населенную и богатую часть имперской территории. С точки зрения легитимности, восходящей к конституировавшему новый порядок управления империей акту Диоклетиана, законными правителями могли считаться Константин и Лициний и, до известной степени, Максимин Даза, который, вероятно, имел право на титул цезаря, но не августа, в то время как Максенций справедливо рассматривался соперниками как тиран, что на юридическом языке эпохи обозначало узурпатора.

Не признаваемый августами Константином и Лицинием, Максенций обрел союзника в лице обладавшего сомнительными правами Максимиана Дазы. На этот союз их обоих подталкивало отсутствие опоры в населении подвластных им стран. Даза обнаружил себя заядлым врагом Церкви, а в его власти находились самые христианизированные провинции империи, к тому же местные язычники, с ужасом наблюдавшие преследование своих соседей и часто добрых друзей христиан, не сочувствовали гонениям – кровожадные фанатики составляли среди них исключение, а Максенций был ненавидим подвластным ему народом ввиду действительно тиранического режима, который он установил, особенно в Риме, и своей крайней и вызывающей безнравственности, напоминавшей римлянам, и особенно стра-

давшим от его произвола сенаторам, о временах Калигулы, Нерона и Коммода. Он «у мужей отнимал законных жен и, обесчестив их, отсылал с позором назад к мужьям. Такие насилия совершал он не с незначительными и маловажными людьми, а с занимавшими первые места в римском сенате»⁴. Терроризируя ненавидевших его сенаторов, узурпатор не щадил и простолудинов: «Однажды, под каким-то незначительным предложением, он предал народ на убийство своим копьеносцам, и целые тысячи римлян пали среди города»⁵.

Константин знал, что в Риме его встретят как освободителя от тирании. Евсевий, может быть и упрощая ситуацию в панегирическую сторону, так писал о причинах, побудивших Константина к войне против Максенция: «Видя, что... – царственный город римской земли терпит рабское притеснение от тирана... Константин сказал, что жизнь ему не в жизнь, пока царственный город будет оставаться под бременем бедствий, и начал готовиться к уничтожению тирана»⁶.

Сам же Максенций обоснованием предстоящей войны выдвинул месть за гибель своего отца Максимиана, повесившегося после последней неудачной попытки устранить Константина, который предоставил ему свободу в выборе способа самоубийства. Максимиан если и имел популярность, то лишь в войсках, которыми он некогда командовал, иными словами, среди находившихся под началом Максенция ветеранов, так что обозначенная Максенцием цель войны, относившаяся к частной жизни узурпатора, к тому же скорее демагогическая, поскольку его взаимоотношения с отцом не раз обострялись до соперничества и откровенной вражды, не могла вызвать ни доверия, ни широкой поддержки. Вступив в схватку с Константином, Максенций не использовал лозунга защиты древней отечественной религии от экспансии христианской веры, к которой, как это виделось уже тогда многими, склонялся его противник, – этот лозунг был вконец дискредитирован провальной кампанией Диоклетиана и Галерия, – но, сознавая смертельную опасность начавшейся борьбы, он обнаружил приверженность изуверской оккультистской практике в надежде получить помощь от inferнальных сил: «Для целей магии то рассекал он беремен-

ных женщин, то рассматривал внутренности новорожденных младенцев, то умерщвлял львов и совершал другие невыразимые мерзости, чтобы вызвать демонов и отвратить наступавшую войну. Этими-то способами надеялся он одержать победу»⁷. В словах биографа можно, придираясь, обнаружить противоречие, но оно мнимое: Максенций не хотел этой войны, сознавая ее бесперспективность, – она была навязана ему Константином, но уж коли она началась, ему оставалось только цепляться за надежду на победу.

Перед началом войны Константин сблизился с августом Лицинием. Залогом их союза стала помолвка между Лицинием и единокровной сестрой Константина Констанцией. Лициний не участвовал в боевых действиях против Максенция, но тылы Константина в центральной Европе могли считаться безопасными благодаря этому союзу.

Поскольку однако Британия оставалась под угрозой вторжения с севера, рейнский лимес могли прорвать германцы – франки или алеманны, а в Галлии с ее недобитыми багаудами тлели угли жакерии, способные вспыхнуть пламенем в любой момент, Константин смог употребить для войны с Максенцием лишь около трети находившихся в его власти вооруженных сил – 8 тысяч кавалеристов и 90 тысяч пехотинцев. Значительное большинство войска составляли включенные в легионы или состоявшие во вспомогательных частях галлы, бритты и германцы – как римские граждане, так и федераты. Ядро кавалерии образовывали особенно преданные императору романизированные иллирийцы, доставшиеся ему от отца.

Армии Константина противостояли численно превосходящие силы противника: преторианский корпус и рекрутированные в Италии легионы, насчитывавшие вместе до 80 тысяч человек, 40 тысяч превосходных воинов, набранных в Африке, в основном из берберов; вместе с крепостными гарнизонами итальянских городов получалось более полутора тысяч воинов. Ударной силой Максенция была тяжелая кавалерия клибинариев, которая заимствовала экипировку и тактику у Ирана и своими надежно защищавшими, но чрезмерно

тяжелыми доспехами предвосхищала средневековое рыцарство.

Зиму и весну 312 г. Константин провел не в своей трирской резиденции, а ближе к театру военных действий, в Кольмаре, занимаясь разработкой стратегии предстоящей войны и проводя военные учения. Летом основные силы сосредоточены были на юго-востоке Галлии, и в сентябре армия во главе со своим полководцем двинулась из Арелата, где находилась штаб-квартира, в сторону Альп. Константин провел ее через перевал в Женевских отрогах, по дороге, которой не существовало во времена Ганнибала, приблизительно этим же маршрутом вторгшегося из Галлии в Италию на пять столетий раньше.

На итальянском склоне Альп молниеносным штурмом был взят укрепленный город Сузы (Сегуэнсо). Император удержал солдат от привычного для них грабежа, напомнив им о том, что в Италию они пришли не как завоеватели, но как освободители. От Суз лежал путь на Турин. У стен этого города Константин столкнулся с контратакой прославленных клибинариев, но для встречи с ними он предусмотрительно вооружил своих воинов тяжелыми палицами, обитыми толстыми стальными пластинами, действовать которыми воины обучались заблаговременно, до начала похода. Ими они пробивали доспехи клибинариев и их коней. Не выдержав натиска противника, клибинарии повернули назад, но городские ворота оказались для них запертыми. Так в первый раз обнаружилось ставшее затем вполне очевидным обстоятельство: войска хранили верность Максенцию, но население итальянских городов ненавидело его и принимало его противника как освободителя.

После взятия Турина Константин не повел армию кратчайшим путем на юг, на Рим, но двинулся на восток по Падуанской долине, чтобы на будущее гарантировать себя от ударов с тыла. Вслед за Туринском пали Медиолан, Брешия и Верона. У стен Вероны он столкнулся с энергичным сопротивлением преданных Максенцию войск, которыми командовал один из самых способных военачальников, префект претория Руриций Помпеян. Битва длилась всю ночь, победа досталась Константину дорогой ценой, но потери противника были

ужасающими. Преторианский корпус фактически прекратил свое существование. Оставшиеся в живых были взяты в плен, и, как язвительно писал Я. Буркхард, Константину «пришлось заковать всех пленных воинов Вероны в цепи... Предать их смерти значило поступить несогласно с новоявленными идеалами гуманности и интересами государства, а на слово их, по-видимому, нельзя было положиться; поэтому мечи их перековали на кандалы»⁸. Одна часть армии была оставлена Константином для завершения операции у Вероны, а другая двинулась дальше на восток. Очистив север Италии от гарнизонов Максенция, Константин повел войска на юг мимо Болоньи, через Аримин, затем вдоль Адриатического берега до Фано и оттуда по Фламиниевой дороге на Рим.

Стратегический расчет Максенция заключался в том, чтобы нанести решающий удар по численно уступавшим войскам противника у стен столицы. После гибели своего лучшего полководца Руриция Помпеяна Максенций вынужден был взять командование на себя, хотя он понимал, что как полководец он уступает Константину. Альтернативой сражения на подступах к Риму была оборона внутри стен, укрепленных при Аврелиане настолько основательно, что они считались совершенно неприступными, но Максенций не мог положиться на готовность римлян вынести испытания длительной осады, предвидя, что с обострением ситуации с продовольственным снабжением угроза голодной смерти превозможет страх мести со стороны его карателей и Рим восстанет против него. Расчет был на победу над основными силами врага в генеральном сражении, которое решит исход противостояния. До подхода к Риму Константин одерживал одну победу за другой, но до сих пор ему противостояли относительно малочисленные отряды. Исход битвы с превосходящими по численности войсками Максенция представлялся неясным.

И вот тогда, в канун генерального сражения, по версии Лактанция, «во время сна (in quiete) Константин получил вразумление (commonitus est), чтобы он изобразил на щитах небесное знамение Бога (coeleste signum Dei). Константин и сделал так, как ему было открыто: изобразил на щитах

монограмму»⁹. Лактанций рассказал об этом событии год, два или три спустя, не позже 315 г., в сочинении «О смертях гонителей» (*De mortibus persecutorum*), так что буквально по самым свежим следам.

Другое свидетельство о нем принадлежит биографу Константина Евсевию Кесарийскому, который вскоре после смерти равноапостольного императора писал о том, что, молясь Богу о даровании ему победы, «василевс получил... посланное от Бога знамение... Нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда... мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы... Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, – говорил василевс, – я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: “сим побеждай!” (тоуто ника). Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое... продолжало созерцать явившееся чудо. Константин находился... в недоумении и говорил сам себе: “что бы значило такое явление?” Но... наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знаменем и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употребить его для защиты от нападения врагов. Константин рассказал друзьям свою тайну и потом, созвав мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и, описавши образ знамени, приказал, в подражание ему, сделать такое же из золота и драгоценных камней»¹⁰.

Евсевий подробно описывает его: «Это знамя некогда случилось видеть и нам собственными очами. Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал венок из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, из середины которых выходило “р”. Эти буквы василевс впоследствии имел обычай носить и на шлеме. Потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат – царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями

и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивым, вися на рее, он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей. Этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс, для преодоления противной и враждебной силы, и приказал во всех войсках носить подобное ему»¹¹.

Реальность этого события – видения креста на небе самим Константином и его войсками и затем явление императору во сне Христа – отвергается многими историками, в том числе обыкновенно и историками Церкви из протестантской среды. По большей части, их основной мотив очевиден: он кроется в предубеждении против самой возможности чуда; а еще для протестантской традиции, не лютеровской, а восходящей к Кальвину, но усвоенной в позднейшие времена едва ли не всем протестантским миром, характерно негативное восприятие самого подвига Константина, не только даровавшего Церкви свободу, но и оказавшего ей покровительство, так что к нему в конечном счете восходит византийская симфония священства и царства, вызывающая солидарное отторжение на протестантском и постхристианском Западе.

У христианских авторов, принципиально не ставящих под вопрос возможность чуда, тем не менее обсуждался вопрос о том, имело ли оно место в этом событии или то было лишь, говоря словами В. В. Болотова, «провиденциальной случайностью. Дело в том, что около солнца видны бывают иногда полосы, принимающие, – если это явление, «Parhelion», «ложное солнце», бывает около полудня, – форму креста. Но в такой постановке, пишет русский историк, нам задаваться этим вопросом не приходится. В сущности то и другое представление отделяются лезвием бритвы. Ведь и для чуда не требуется творческого акта: Бог пользуется здесь теми же силами, которые расположены в мировой массе. Чем бы мы ни объяснили этот факт: сверхъестественным ли вмешательством

или естественными факторами, – дело в сущности не изменяется»¹². По поводу еще одного демагогического аргумента, нацеленного на дискредитацию сообщения Евсевия: «Бог любви и мира будто бы является в рассказе Евсевия богом войны, поэтому весь рассказ нужно предать забвению и презрению, как *natuerlich erlogen* (очевидно вымышленный. – В.Ц.)», – В. В. Болотов язвительно замечает, что «такая критика не заслуживает одного красивого мыльного пузыря»¹³.

Между тем слухи о видении широко распространились в разных концах империи, в особенности в Галлии, уроженцами которой была едва ли не большая часть воинов Константина в канун его решительной схватки с Максенцием, в том числе и в языческой среде. Свидетельством тому служат глухие отголоски события, встречающиеся у нехристианских авторов. Так, «осенью 313 г. в Галлии оратор Евмений, говоривший похвальное слово Константину, выразился очень неопределенно: “какой-то бог побудил Константина отправиться в поход, как на победу, обещанную уже богом»¹⁴. В. В. Болотов ссылается также на речь, произнесенную в 321 г. другим галльским ритором Назарием, по словам которого «во всей Галлии рассказывали, что видны были на небе войска, заявлявшие, что они посланы от Бога... Видели, как помощь страшно сияла, и щиты, которые воины несли, блестели, а сами они говорили: “мы идем на помощь Константину»¹⁵. Слова Назария воспроизводят лишь слухи, которые распространились в Галлии и шли, несомненно, от воинов Константина, и поскольку среда эта была языческой, действительное событие при передаче из уст в уста претерпело метаморфозу, приобретая характер, совместимый скорее с языческими верованиями, чем с христианскими представлениями. Но тем достовернее становится в такой искаженной передаче сам факт события.

К адекватности сообщения о нем Евсевия скептически относится и В. В. Болотов, обнаруживая при этом, как кажется, излишнюю придирчивость. В свидетельстве биографа императора он находит противоречие с рассказом Лактанция, который ничего не писал о видении креста на небе, но лишь о некоем вразумлении небесным знамением, которое Константин

должен был изобразить на щитах. Болотов не подозревает Евсевия в намеренной дезинформации, но считает, что он «просто не понял рассказа, сообщенного ему Константином. Император не такой собеседник, которого можно интервьюировать и ставить ему вопросы. Он сказал несколько слов, а Евсевий истолковал их по-своему»¹⁶.

Два сообщения – Евсевия и Лактанция – действительно расходятся, но это не значит, что они противоречат друг другу. Лактанций упоминает «небесное знамение Бога» (*coeleste signum Dei*), не говоря, в чем оно заключалось. Из Евсевия явствует, что этим знамением был крест. Словам Лактанция это никак не противоречит. Между тем некоторые историки находят противоречие и в том, что, по Лактанцию, знак Божественного знамения был нанесен на щитах, а у Евсевия нет упоминания о щитах. Но у Евсевия ясно сказано, что изготовлено было не только драгоценное символическое изображение, но что василевс не только сам пользовался им «для преодоления... враждебной силы», но и «приказал во всех войсках носить подобное ему», по Лактанцию, – носить его изображенным на щитах.

Конечно, и это место и весь вообще текст Евсевия, посвященный видению и его изображению, в отличие от рассказа Лактанция, не имеет хронологической привязки. Если исходить из последовательности повествования, то можно заключить, что видение произошло до начала войны с Максенцием, а не перед решающей битвой, а приказ о ношении изображения в войсках относится к неопределенному времени, возможно, наступившему уже после одержанной победы. Но в биографии Константина, написанной Евсевием, во многих случаях порядок изложения не совпадает с хронологической последовательностью самих событий, так что и относительно времени видения нет оснований усматривать противоречия между ним и Лактанцием, который точно указывает на канун генерального сражения как на время «небесного вразумления», в то время как из Евсевия видно только, что видение это относится к войне с Максенцием, а о том, когда оно было, он попросту не пишет, тем более что биографию императора он

составил не менее четверти века спустя после его сражения с Максенцием, а о видении креста писал со слов самого Константина, услышанных им много позднее самого события. Весть о нем пронеслась по Галлии и Западу, но едва ли она скоро дошла до Палестины, где тогда жил и, возможно, уже занимал епископскую кафедру Евсевий, потому что в армии Константина о выходцах с Востока империи ничего не известно, в отличие от уроженцев западных провинций.

Изображение знамени, которое увидел святой Константин на небе, было названо лабарумом. Этимология этого слова не ясна, по одной из версий оно восходит к языку басков, которым владели многие воины Константина – выходцы из юго-западной Галлии. И значит оно «знамя». О том, почему было употреблено именно это баскское слово, не известно.

Некоторые историки, в том числе и В. В. Болотов, находят, что достоверность свидетельства Евсевия подрывается тем обстоятельством, что, по нему, «Константин видит крест с надписью и в сонном видении ему является Христос с крестом. А у себя на знамени и на шлемах он воздвигает не крест, а монограмму Христа. Таким образом, он употребляет особый, не явленный ему знак»¹⁷. Между тем, если внимательнее читать Евсевия, то у него нетрудно обнаружить упоминание и о кресте на знамени: «На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста... висело... изображение... василевса и его детей»¹⁸.

Видение креста стало толчком к обращению Константина. Несмотря на христианское исповедание матери, он не был христианином с детства, но стал им. В какой момент? До известной степени это был постепенный процесс, и все же в нем выделяются особенно важные моменты. И самым значимым из них было, очевидно, явление креста, предшествовавшее дарованной ему победе. Подобная констатация, естественно, отвергается историками, не сочувствующими христианству. Так, один из биографов Константина нового времени Я. Буркхард вовсе отказывается считать его сознательным христианином: «Со стороны императора это – эксперимент, не обязывавший его ни к чему, кроме терпимости, которая и так стала законом во

всех его владениях... Он, скорее всего, считал Христа одним из богов... Без сомнения, он руководствовался исключительно соображениями успеха; если бы в Италии он столкнулся с неприятием ХР, знак бы мгновенно исчез со щитов и знамен»¹⁹.

К самому факту его обращения скептически относятся, по большей части, и протестантские авторы, находя его образ жизни, правительственный и полководческий, сопряженный с пролитием крови, несовместимым с искренним исповеданием Христа. Наивность такого подхода, если его принимать всерьез, при последовательном проведении принципа должна была бы исключить искреннее христианство всех вообще правителей, царей и князей, в служебные обязанности которых входит принятие решений, ведущих к кровопролитию. Но скепсис по поводу происшедшей с Константином перемены разделяют также добросовестные и благонамеренные историки. Так, В. В. Болотов не склонен преувеличивать значение видения для обращения императора: это было, по его словам, «лишь начальным шагом к христианству... Сверхъестественное событие... не могло иметь для него решающего значения... Если он стал на сторону христианства без глубокого религиозного убеждения, то мотивов для этого очевидно должно искать в политике»²⁰. И в этом утверждении церковный историк вполне сходится с Буркхардом, историком антихристианским.

Биографическое основание для скепсиса относительно обращения Константина после явления креста находят в том, что крещение он отлагал до конца своей жизни и принял его уже на смертном одре от арианина Евсевия Никомидийского. Известная из католической традиции версия о крещении Константина святым епископом Сильвестром, совершенном над ним намного раньше, давно уже никем не принимается всерьез. Между тем подобное отлагательство представляло собой не исключение, но норму в жизни христиан Древней Церкви. Святой Амвросий был избран епископом Медиоланским, когда он еще не был крещен. Аналогичный хрестоматийный случай относится к избранию Нектария епископом столичного города – Нового Рима. Тем более обычным было длительное отлагательство крещения обращенными и сознательными

христианами во времена Константина, предшествовавшие эпохе Феодосия Великого, когда подвизались святители Амвросий и Нектарий, более чем на полвека. Это однако не значит, что Константин оставался вне Церкви до смертного одра. Оглашение в те времена почти во всех случаях совершалось не сразу перед крещением, как это делается ныне, но часто предшествовало крещению не месяцами, а годами и десятилетиями, как это и имело место в случае Константина.

Станным образом его биографы как будто не замечают помещенную сразу после рассказа Евсевия о видении креста главу, которая надписана «О том, как Константин, будучи оглашен, читал Божественное Писание», которая, если доверять ее достоверности, ставит, что называется, точку над *i* в вопросе о времени его обращения: «Пораженный дивным видением и решившись не чтить никакого другого Бога, кроме виденного, Константин призвал к себе таинников (мистас) Его слова и спросил их, кто тот Бог и какой смысл знамения, которое он видел? Они отвечали, что тот Бог есть едиnorodный Сын одного и единственного Бога, а явившееся знамение – символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью, которую одержал Он, когда приходил на землю... Константин... сам начал заниматься чтением Божественных Писаний. Сверх сего, повелел находиться при себе Божьим иереям с той мыслью, что виденного Бога должно чтить всеми способами служения»²¹.

С этого момента святой Константин стал христианином, а если в своих последующих государственных деяниях он не всегда обнаруживал это с исчерпывающей ясностью, то причиной тому были политические соображения, стремление не оттолкнуть от себя своих языческих подданных, которые до конца его жизни все еще составляли большинство в населении империи. Именно поэтому не выдерживает критики противоположная позиция – попытка представить само его христианство плодом политического расчета. Для такого расчета не было тогда бесспорных резонансов. Доля христиан в империи, по разным выкладкам, составляла от 5 до 20 процентов. Одна десятая населения будет, вероятно, наиболее реалистичной оценкой.

Лишь в самых христианизированных провинциях Азии число христиан могло приближаться к половине их населения. На Западе, представлявшем собой главную опору Константина в его противостоянии с соперниками, христиан было многократно меньше; в Британии, очевидно, они не составляли и 1 процента.

Константин стал христианином после того, как удостоился видения свыше. Но кем был он по своим религиозным верованиям до обращения? Евсевий определенно не считает его и в ту пору язычником. Он сближает или прямо отождествляет его религиозные убеждения с теми, которые разделял его отец Констанций Хлор. Вступив в войну с Максенцием, он «стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь. При решении сего вопроса ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов... бывали обманываемы льстивыми оракулами... и оканчивали свое дело неблагоприятно... Только отец его шел путем тому противным. Видя их заблуждение и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства... Константин... почитал безумием – попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого»²².

Отец Константина, как и многие другие офицеры и генералы римской армии, как некоторые из императоров, особенно иллирийского происхождения, был митраистом, почитателем «Sol invictus» (Непобедимого солнца). Евсевий определенно отличает верования Констанция от языческих, отождествляя их, возможно не без натяжки, с единобожием. Святой Константин и после обращения в ряде своих актов, очевидно по политическим соображениям, сближал чтимого им Бога с солнцем. Для христианина солнце было, конечно, лишь образом, в конце концов Христа Спасителя мы именуем также и «Солнцем правды». Но ведь и митраисты не были в своих верованиях наивными натуралистами, и для них солнце все-таки являлось символом Высших Сил. Со свойственным Константину трезвым, расчетливым и прагматическим отношением ко всему, а особенно к делам правления, допустимость сближения веры его отца-

митраиста, которая разделялась многими солдатами и офицерами, с христианством оказалась удобным обстоятельством, позволявшим не отталкивать преданных ему воинов, не ставших еще христианами, но одновременно удобным и в миссионерских целях, потому что помогало многим из них принять веру во Христа без особенно драматических переживаний и внутреннего надлома. Возможно, что с чисто религиозной точки зрения это и не самый надежный способ обращения, но что было, то было – такова история. После Константина и вслед за Константином граждане и жители империи становились христианами иначе, чем во времена гонений.

28 октября 312 г. армии Константина и Максенция вышли навстречу друг другу на равнине у Красных скал, там, где в Тибр впадают две реки – Кремера и Аллия, между городами Вейи и Фидены, примерно в 15 километрах от Рима. Максенций вынужден был вывести войска за стены столицы, потому что, лишенный поддержки римлян, он не мог рассчитывать на их стойкость и верность в случае длительной осады. Численное превосходство было на его стороне, но армия Константина обладала большим опытом и во главе ее стоял лучший полководец своего времени. И самое важное: таинственное видение вселило в сердца его воинов уверенность в победе.

По приказу Максенция на правом фланге была поставлена легкая африканская кавалерия, на левом – тяжелая конница, а в центре чрезмерно вытянутая, выстроенная почти в одну линию, лишенная глубины итальянская пехота с ядром из преторианцев. В тылу у Максенция текли мутные воды Тибра. Авангард армии Константина составляла конница, которой командовал он сам. Она вступила в схватку с марша, двигаясь из Фалерий, сразу обрушив удар по тяжелой кавалерии противника. Африканская конница стремительным броском попыталась зайти в тыл войскам Константина и зажать их в клещи, но удар наступавшей кавалерии Константина прорвал боевые ряды противника. Всадники Максенция отступили, и вскоре это отступление превратилось в паническое бегство. На противоположном фланге воины Константина остановили африканскую конницу и отбросили ее на берег Тибра. Оказавшись

без защиты с флангов, пехота Максенция дрогнула и обратилась в бегство, мужественно оборонялись лишь преторианцы, и почти все они пали от мечей противника. Разбитые войска, отступая, сгрудились у Мульвиева моста через Тибр и затем бросились на этот мост, который не был рассчитан на подобную нагрузку. На мосту находился и сам Максенций. Мост рухнул, и воды Тибра поглотили сорвавшихся с него воинов вместе с их полководцем.

По приказу Константина труп Максенция был после долгих и тщательных поисков обнаружен и извлечен из пучины. На следующий день после одержанной победы, когда устроен был триумф, отрубленную голову тирана несли по Риму водруженной на острие копья, а затем она была отправлена в Африку, чтобы убедить местную администрацию как можно скорее подчиниться победителю Константину. Имя Максенция незамедлительно было изглажено из надписей на монументах. Рим приветствовал Константина как освободителя от тирании. Примеру столицы последовали вся Италия, Испания и Африка. У императора не было надобности искоренять оппозицию в самом Риме. Репрессии ограничились казнями ближайших родственников Максенция и нескольких его сторонников, остававшихся верными ему до конца.

Сенат выразил благодарность Константину за дарованную Риму свободу, признал его первым августом и оказал ему традиционные почести: провозгласил его «верховным первосвященником» (*pontifex maximus*), постановил воздвигнуть в его честь триумфальную арку. При этом из деликатности к религиозным убеждениям императора, о которых у сенаторов сложилось, вероятно, адекватное представление, надпись на ней не содержала упоминания имени Юпитера, как это делалось в прошлом. Надпись гласила: «Императору Цезарю Флавию Константину, который по внушению Божества (*instinctu divinitatis*) и по причине превосходства своего духа отмстил за государство в справедливой войне против тирана и всех его сторонников». И все же арка была украшена изображениями языческих жертвоприношений Марсу, Аполлону, Сильвану и Диане. Воздвигалась она наспех, и, как писал Я. Буркхард, при ее соо-

ружении «воспользовались изящными фрагментами арки Траяна. Возможно, знали, что Константин иногда называл Траяна “стенным лишаем» из-за множества надписей, увековечивших его память; тем меньше колебались, строя памятник из Траяновых камней»²³.

Кроме того, как известно из Евсевия Кесарийского, «на самом людном месте Рима поставили ему статую» и уже сам он приказал «высокое копьё в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: “Этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу”»²⁴. Воздав этим монументом и надписью благодарность Христу Спасителю за дарованную ему победу, Константин, щадя религиозную совесть римских язычников, в том числе и сенаторов, среди которых если и обретались христиане, то в самом ничтожном числе, оставил для них возможность подразумевать под «спасительным знамением» само копьё, а не изображаемый им крест. В римской базилике, сооруженной при Максенции, срочно переименованной после его гибели, но в археологической топографии снова носящей его имя, была помещена статуя Константина колоссальных размеров, от которой уцелели лишь голова и другие фрагменты тела, хранящиеся ныне в Капитолийском музее.

Константин со своей стороны, заняв в сенате место принцепса, выразил признательность и уважение этому древнему учреждению, пообещав сохранить за ним роль высшего государственного совета, призванного участвовать в подготовке проектов всех важных решений и законов. Тем самым император обозначил исконное место сената в системе правительственных учреждений, которое он занял вновь с введением принципата, поскольку всевластие сената в эпоху классической республики представляло собой узурпацию. Сенаторы, давно уже отученные от ностальгических воспоминаний о прежнем величии своей корпорации, искренне радовались великодушию, которое явил им Константин. По

душе пришлось им и совершенное упразднение преторианского корпуса, созданного как орудие устрашения всякой оппозиции императорской власти, в особенности со стороны сената, но со временем ставшего инструментом государственных переворотов, свержения одних императоров и поставления других.

С особым ликованием приветствовали Константина римские христиане. В Риме он часто встречался с епископами итальянских городов и римскими клириками, обсуждая с ними церковные дела. По словам Евсевия, «эти мужи, по своей одежде казавшиеся ничтожными... разделяли с ним трапезу... куда бы сам ни шел, брал и их собой в том убеждении, что Бог, которому они служат, по крайней мере, за это будет к нему милостив... Своими богатствами помогал он и церквям Божиим, то расширяя и возводя выше молитвенные дома, то весьма многими приношениями украшая святые алтари»²⁵. За счет фиска в Риме начато было строительство Латеранской базилики. По праву первого августа святой Константин потребовал от Максимиана Дазы ввести в действие на контролируемой им территории эдикт своего дяди Галерия о веротерпимости и прекратить гонения христиан, и враг Церкви вынужден был хотя бы формально выполнить это указание.

Власть Константина после устранения Максенция распространилась, кроме Британии, Галлии и Германии, которыми он владел раньше, на Италию, Испанию и Африку. Центральноевропейский регион и Балканы находились под контролем его политического союзника Лициния, в то время как самая населенная и богатая часть империи – азиатские провинции, Египет и Ливия – оставались в руках Максимиана Дазы.

4. Миланский эдикт

Пробыв в Риме несколько месяцев, Константин отправился в Медиолан для встречи с Лицинием, на которой предстояло отпраздновать его бракосочетание с сестрой Константина Констанцией, ранее уже помолвленными, и обсудить дальнейшие шаги по консолидации империи. Встреча между императорами состоялась в феврале 313 г. На совещании в Медиолане обсуждались вопросы о территориальном размежевании власти августов, о титуле Максимиана, который не довольствовался званием цезаря, отверг дарованный ему его дядей Галерием и им же изобретенный титул сына августа (*filius augusti*) и в своих актах именовал себя августом. Фактически Константин и Лициний в Медиолане обсуждали план совместных акций против него, о содержании которого можно лишь отчасти судить по последующим событиям, поскольку Максимин первым вступил в борьбу, и, наконец, о юридическом статусе христианских общин в империи и об основных принципах религиозной политики. Лициний признал сложившееся после устранения Максенция положение дел с распределением провинций между ним и Константином, иными словами, отказался от претензий на Италию и Африку. О принадлежности Испании Константину не могло быть никаких разногласий уже в силу ее географического положения на крайнем западе Европы.

Важнейший результат встречи – знаменитый Миланский эдикт, изданный от имени двух августов, но, разумеется, по инициативе Константина и, очевидно, в его редакции. Миланскому эдикту 313 г., как известно, предшествовали два других акта, которыми легализованы были христианские общины: эдикт от 30 апреля 311 г., изданный гонителем христиан Галерием совместно с Константином и Лицинием, и эдикт 312 г., изданный также от имени двух августов. До нас он не дошел, и о факте его издания известно только по императорскому рескрипту на имя презида Никомидии, а о его содержании приходится судить по эдикту 313 г.

Текст Миланского эдикта помещен в латинском подлиннике в книге Лактанция «О смертях гонителей» и в переводе на греческий язык в «Церковной истории» Евсевия. Эдикт начинается со ссылки на изданный ими ранее акт о веротерпимости, который признается несовершенным: «С давних пор считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставить уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание. Но так как в указе, содержавшем это разрешение, были упомянуты неопределенно многие и различные вероисповедания, то, возможно, некоторые вскоре лишились возможности хранить свою веру. Когда же я, Константин август, и я, Лициний август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали все, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многом полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем свободно, по своему собственному желанию, выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим»²⁶. Хотя в апелляции к Божеству здесь нет прямых христианских коннотаций, но употребленная формула имеет явно выраженное монотеистическое звучание и плохо совместима с официальным римским пантеизмом.

В отличие от изданного в 311 г. эдикта Галерия, Миланский эдикт провозглашает принцип, идущий дальше самой широкой веротерпимости. Он дарует римским гражданам и подданным полную религиозную свободу: «Руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо»²⁷. Затем в эдикте отменяются и дезавуируются ранее изданные акты, касающиеся христиан: «Угодно нам совершенно

отменить посланные прежде твоему благочестию (как и другие эдикты, Миланский адресован был президам провинций. – В.Ц.) распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи. Мы даровали христианам полное право совершать богослужение»²⁸. Предоставленная христианам свобода вероисповедания не нарушала однако принципа юридического равноправия религий: «Поскольку же им даруется неограниченная свобода, то твоей чести должно быть понятно, что дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру. Так определено нами, дабы не казалось, будто мы умаляем достоинство какой-либо веры»²⁹.

Существенную часть эдикта 313 г. составляет регулирование имущественных прав христианских общин, именно христианских, поскольку только они подвергались ранее гонениям, а их храмы конфискации и разорению: «Если места, в которых они раньше собирались... куплены у нашей казны или у кого-либо, то пусть их вернут христианам безвозмездно, без возврата заплаченной за них суммы, немедленно и беспрекословно. Равным образом получившие такие места в дар должны немедленно вернуть их христианам. И если купившие эти места или получившие их в дар хотят просить за них от нашей доброты вознаграждения, то пусть обратятся в суд к нашему правителю, и наша милость не оставит их просьбы без внимания... И так как христианам принадлежали не только те места, где они обычно собирались, но и другие, составлявшие собственность не только частных лиц, а целого общества, то, согласно закону, только что нами изложенному, ты распорядишься без всякого промедления вернуть их христианам, то есть всему их обществу и каждому собранию, соблюдая, конечно, и упомянутое указание о том, чтобы вернувшие те места безвозмездно рассчитывали на вознаграждение от нашей доброты»³⁰. Таким образом, христианам возвращались отнятые у них храмы и иное их имущество, находившееся как в

частной собственности, так и во владении общин, причем возвращалось немедленно, а те лица, которые добросовестно приобрели впоследствии это имущество, могли просить о возмещении убытка по суду из казны.

Миланский эдикт вошел в мировую историю как один из важнейших актов. По существу дела, его изданием проведена была граница между эпохами – историей языческого Рима и Рима христианского. По своему юридическому содержанию он был актом о религиозной свободе и религиозном равноправии, нисколько не ущемлявшим права язычников и иудеев. Святой Константин не сделал христианство господствующей религией, но, с другой стороны, поскольку сам он стал христианином, это не могло не сказаться в дальнейшем на его религиозной политике, во всякого рода привилегиях частного характера, которые предоставлялись им Христианской Церкви. Этот процесс повышения юридического статуса Церкви, шаг за шагом, хотя и не без рецидивов, продолжавшийся и при преемниках Константина, завершился при Феодосии Великом, когда юридический разрыв империи с язычеством был проведен последовательно и радикально. С этих пор во взаимоотношениях Церкви и империи выработалась система, позже, уже при Юстиниане, официально названная симфонией священства и царства. Но начало процессу, приведшему к установлению симфонии, составляющей самую суть той христианской римской цивилизации, которая в позднейшие времена была названа византийской, положено было Миланским эдиктом.

5. Святой Константин на пути к единовластию

Для участия во встрече августов в Медиолан приглашался Диоклетиан, давно уже отрекшийся от власти и поселившийся в Салоне, вблизи родных мест. Формально его пригласили на торжество бракосочетания Лициния и Констанции, но одновременно предполагалось, вероятно, что он, в свое время явившийся инициатором гонений христиан, подпишет эдикт о религиозной свободе и тем придаст ему особую легитимность. Диоклетиан однако отказался выехать из Салоны, сославшись на старческие немощи и трудности дальнего зимнего пути. В ответ императоры написали ему письмо, в котором обвинили его в поддержке, которую он оказывал Максенцию. В год издания Миланского эдикта Диоклетиан умер. Возникли подозрения, что это была добровольная смерть, что бывший император принял яд или уморил себя голодом. В иной мир Диоклетиана, по постановлению сената, проводили с почестями. Хотя в историю он вошел как один из главных гонителей Церкви, но император, даровавший ей свободу и сам ставший христианином, через своего отца Констанция был все же его преемником. Тетрархия в том виде, в котором ее задумал Диоклетиан, провалилась, но многие из предпринятых им реформ государственного управления, военного строительства, налоговой и финансовой политики легли в основу той системы администрации, которая сложилась в империи при Константине.

Совещание августов и праздничные торжества в Медиолане были прерваны, когда пришло известие о мятеже Максимиана Дазы. Опираясь на ресурсы подчиненных ему богатых провинций Востока и Египта, он попытался побороться за верховную власть, по меньшей мере добиться пересмотра сложившихся к тому времени внутриимперских границ в свою пользу и за счет Лициния. Было еще одно обстоятельство, которое могло подтолкнуть его к выступлению: хотя прямые репрессии против христиан он приостановил, но Миланский эдикт предусматривал восстановление разрушенных христианских храмов на средства казны. Самые большие

потери Церковь понесла на Востоке: в Азии, Понте, Сирии и Египте – наиболее христианизированных регионах империи, находившихся под его управлением, так что, выполняя Миланский эдикт, Даза должен был потратить немалые средства в пользу тех, кого продолжал считать своими врагами, потому что из числа гонителей он был самым остервенелым. Возле себя он держал ораву жрецов, магов, гадателей и прорицателей, которые сулили ему победу над врагами. Один из них, Феотекн, потребовал от Максимиана, чтобы он изгнал из своих владений всех христиан. Характеризуя этого правителя, Дж. Бейкер писал не без сарказма, что он находился «во власти своей собственной веры в знамения и предзнаменования – не способный даже есть или дышать, пока не получит ответ высших сил, следует ему это делать или нет. Однако его религия не налагала на него никаких ограничений в смысле увлечения вином или женщинами. Он мог в пьяном виде подписывать указы и отменять их, протрезвев. Его пиры славились по всей провинции... И никто, кроме христиан, не осмеливался критиковать его»³¹.

В Медиолане узнали, что Максимиан, выступив с армией из Никомидии, где находилась его резиденция, стремительно форсировал Босфор, штурмом взял Византий и осадил Ираклий. Константин заверил Лициния в своей поддержке и отправился на рейнскую границу, чтобы там вести войну с франками, в очередной раз прорвавшими лимес. Лициний срочно отправился на Балканы, перебрался через Альпийский перевал и прибыл в Наисс – родной город Константина. Тем временем Максимиан взял Ираклий, но осада этого города заняла время, понадобившееся Лицинию для набора войск. Хотя у Максимиана имелось двойное превосходство в численности армии, но иллирийцы Лициния, в отличие от азиатов Максимиана, отличались превосходной воинской выучкой, боевым опытом, храбростью и преданностью своему полководцу-соотечественнику. Сражение между противниками состоялось вблизи Адрианополя. Многочисленная армия Максимиана была наголову разбита, а сам он с отрядом своих телохранителей бежал, остановившись уже только в киликийском Тарсе. Он попытался набрать новую

армию, но вскоре убедился в тщетности своей надежды на реванш. Его враг водворился в Никомидии, отпраздновал триумф, и 13 июня там официально оглашен был Миланский эдикт.

Максимин окончил свою жизнь в Тарсе, не переступив порог сорокалетия. По одной из версий, которую находим у Евсевия Кесарийского, он был поражен молнией, после чего прожил еще некоторое время, перед смертью раскаявшись, подобно своему дяде Галерию, в преследовании христиан: «Почитая свою жизнь, наконец, вне опасности, он вдруг поражен был огненной стрелой Божьей и лежал лицом вниз. Тело его посланным от Бога ударом было истощено, так что все черты прежнего его образа исчезли, и из него остался только походивший на привидение скелет сухих костей. Когда же мышца Божья отяготила его еще сильнее, глаза у него выкатились, и, выйдя из своих мест, оставили его слепым... Впрочем, и после такого поражения тиран еще дышал и, хоть поздно, однако же исповедывался перед христианским Богом, признавался в своем богоборчестве и... переменив образ мыслей, в законах и указах письменно высказал свое заблуждение касательно чтимых им прежде богов и в собственном опыте находил убеждение, что истинный Бог есть только Бог христианский»³². По Лактанцию, Максимин покончил с собой: «Он принял яд... который сжигал его внутренности, так что от боли он потерял рассудок. Во время такого приступа, который продолжался четыре дня, он голыми руками рыл землю, брал ее в рот и жадно глотал ее. В страшных мучениях он бился головой о стену; глаза его выступили из орбит... В конце концов он познал свою вину и молил Христа о милосердии. Стеная как тот, чье живое еще тело горит, он испустил свою отягощенную грехами душу, претерпев ужасную смерть»³³.

Одолев противника, Лициний стал мстить его близким. Жертвой отмщения пали родственники Максимиана Дазы и его дяди Галерия, включая детей – малолетних сыновей Максимиана и сына Галерия Кандидиана. В Фессалониках были схвачены вдова Галерия Валерия и ее мать Приска, бывшая супругой Диоклетиана. Обеих женщин казнили мечом. Лициний явным

образом выкорчевывал конкурирующих династов – его нетрудно было заподозрить в стремлении к единоличной власти. Овладев азиатской половиной империи, Египтом и Ливией и сохранив за собой власть над Иллириком, он теперь контролировал территории, население которых превосходило ту часть империи, которой владел Константин.

Прошло несколько месяцев после поражения и гибели Максимиана Дазы, и империя вступила в новый раунд гражданской войны. Прологом к ней послужило предложение Константина о новой ревизии внутренних границ, а именно о выделении третьей области, которую должны были составить Италия и балканские провинции. Лициний вынужден был согласиться с этим проектом. Соправителем августов стал Вассиан, военачальник, женатый на сестре Константина Анастасии и удостоенный звания цезаря. Это назначение оказалось неудачным. Неизвестно, по какой именно причине Вассиан оказался вовлечен в заговор против своего тестя. Возможно, он был недоволен тем, что его не удостоили титула августа, который бы поставил его в равное положение с двумя другими правителями, или тем, что Константин не спешил с передачей провинций в его подчинение. Причиной его недовольства могли быть и внутрисемейные отношения. В тайные сношения с ним вступил Лициний. Связующим звеном интриги стал родной брат Вассиана Сенеций, оказавшийся клеветником Лициния. Именно он предложил Вассиану организовать заговор и свергнуть Константина, пообещав ему поддержку Лициния. Заговор был открыт и Вассиан вместе со своими вовлеченными в интригу и схваченными сторонниками незамедлительно казнен, но один из главных обвиняемых, Сенеций, успел бежать к Лицинию. Константин потребовал его выдачи – Лициний отверг это требование. Война между августами стала неизбежной, тем более что оба они в ходе ее надеялись окончательно решить вопрос о верховной власти. Прямым запалом к войне послужил приказ Лициния низвергнуть статуи Константина, находившиеся в Эмоне (современной Любляне), расположенной у самых границ Италии.

Летом 314 г. Константин двинулся из Галлии во главе армии численностью в 25 тысяч человек, как и в прошлых его войнах,

это были в основном бритты, галлы и германцы. Навстречу ему Лициний вел 35-тысячное войско, состоявшее почти исключительно из иллирийцев. Противники встретились вблизи Сирмия (Сремской Митровицы). Сражение состоялось ранним утром 8 октября у деревни Кибалы, расположенной в долине Савы. Иллирийцы сражались стойко, но несли тяжелые потери. Германская и галльская кавалерия, действовавшая под прямым командованием Константина, в конце концов смяла их передовые ряды. Лициний приказал отступить. Потери его были обескураживающими – на поле битвы пало больше половины его воинов.

Остатки разбитой армии Лициний повел через Сирмий, Наисс и Сардику (Софию) во Фракию. Туда же по его приказу были стянуты отряды, расквартированные в Мезии и Македонии. В канун решающего сражения он удостоил своего лучшего полководца Валента титула цезаря. Местом новой битвы стала равнина возле Мардии, на подступах к Адрианополю. И на этот раз иллирийцы упорно сопротивлялись. «Больше века иллирийская армия и иллирийские командующие правили империей. И они вовсе не собирались уступить власть из рук. Однако в разгар схватки Константину удалось смять ряды противника. Иллирийцы попросту стали спиной к спине и продолжали сражаться до тех пор, пока не сгустились сумерки. На рассвете оказалось, что они отступили к Македонским горам, что было равносильно признанию поражения»³⁴.

Лициний направил к Константину делегацию для переговоров. Константин согласился вести их. В качестве предварительного условия он однако потребовал устранить Валента. Лициний принял это требование, приказав своему боевому товарищу покончить с собой, и тот, как верный солдат, выполнил приказ. Затем уже состоялась встреча между самими августами. Признав вину за начало военных действий против первого августа, Лициний уступил Константину балканские провинции, за исключением Фракийского диоцеза. Договорились также о том, что Константин как первый август может назначить двух цезарей, а Лициний – одного.

Во исполнение этой договоренности в 317 г. Константин возвел в цезари своего сына от первой жены Минервины Криспа, которому шел 15-й год, и старшего сына от Фаусты – младенца, носившего имя отца. В свою очередь Лициний удостоил титула цезаря другого ребенка – собственного сына Лициниана. После победы над Лицинием резиденцией Константина стал Сирмий, но в 318 г. он перенес свою штаб-квартиру поближе к владениям соправителя в Сардику, что усугубило опасения Лициния.

Миланский эдикт издан был обоими августиами, и он устанавливал один и тот же правовой режим для христианских церквей и других религиозных общин в империи, но реальная религиозная политика зависела от личных убеждений правителей. Приверженность святого Константина христианству была широко известна и на Западе, находившемся в его владении, и на Востоке, где число христиан было значительно большим, но который оставался во власти Лициния. И это не могло не влиять на отношение христиан, христианского клира и епископов к тому и другому императору. Лициний не мог не замечать своей непопулярности в христианской среде, питавшей его подозрительность. Подобно низвергнутому им Максимиனு, и он все больше склонялся к тому, чтобы опереться на те элементы, которые держались за языческие верования и стремились к реваншу, к восстановлению былой монополии политеистического культа.

Как это было в начале гонений Диоклетиана, Лициний удалил христиан из своего дворца, увольнял чиновников, исповедовавших Христа, изгонял христиан из армии, подвергая при этом их имущество конфискации. На отмену изданного им вместе с Константином эдикта он не отважился, но в конце концов дело дошло до прямого притеснения христиан. Характеризуя религиозную политику Лициния, церковный историк Сократ Схоластик писал, что он «ненавидел христиан, и если, боясь Константина, не смел воздвигнуть на них явного гонения, зато многим строил козни тайно... Он поставил закон, чтобы епископы не сближались с эллинами и чрез то не представляли повода к распространению христианства»³⁵.

Помимо мер, направленных на пресечение христианской миссии, Лициний, опасаясь заговоров против себя со стороны епископов, запретил им проводить соборы и посещать друг друга.

Изобретая самые вычурные способы притеснения христиан, Лициний издавал акты, граничившие с абсурдом: «Он издал... закон, запрещающий мужчинам, при возношении молитв к Богу, находиться вместе с женщинами, а женщинам посещать досточтимые училища добродетели. Запрещалось также епископам преподавать женщинам учение о богопочтении и требовалось, чтобы для наставления женщин избирались бы женщины (как видим, у современного протестантского феминизма давняя традиция. – В. Д.) ... Он, для разрушения церквей... приказал обычные собрания народа делать за городскими воротами, на открытом месте, под тем предлогом, что воздух вне города вообще гораздо чище, нежели в городских молельнях»³⁶. Лициний изощрялся в изобретении предлогов для притеснения христиан, потому что боялся бросить открытый вызов Константину. Тем не менее в некоторых провинциях дело дошло до прямых репрессий. В Амасии и других городах Понтийской провинции одни церкви были разрушены, а другие заперты, а предстоятель Амасийской церкви священномученик Василий казнен. Епископ Севастийский святой Власий был по приказанию местного презида Агриколая, желавшего угодить Лицинию, подвергнут истязаниям и затем обезглавлен. Жертвой гонителя пал великомученик Феодор Стратилат, до начала Лициниевых гонений командовавший гарнизоном в Гераклее.

Император Константин не мог оставаться безучастным наблюдателем происходившего на востоке империи, оставленном им во власти соправителя. Новая война между августами становилась неизбежной. По свидетельству Евсевия Кесарийского, Константин выступил против Лициния как защитник своих единоверцев христиан и «поспешил на помощь угнетаемым»³⁷.

Современнику очередной гражданской войны и в позднейшие годы собеседнику равноапостольного императора, Евсевию были хорошо известны ее действительные причины. Но прямым

поводом к войне послужили события, разворачивавшиеся на дунайской границе. Перебравшись через Дунай в его нижнем течении, в империю дважды, в 319 и 322 гг., вторгались готы и сарматы. В обоих случаях нападения были отражены войсками, действовавшими под командованием Константина; затем последовали карательные экспедиции в глубь вражеской страны. Во время этих операций подчиненные Константину отряды входили на территорию Фракийского диоцеза – единственного в Европе, оставленного под властью Лициния. Демонстрируя недовольство посягательством на свои права, Лициний распорядился запретить обращение в своей части империи монеты, выпущенной в честь победы над готами и сарматами с девизом «Sarmatia devicta» (Побежденная Сарматия). Император Константин расценил этот оскорбительный вызов как достаточный повод для военных действий против соправителя. К войне давно готовился и Лициний.

Оба августа в короткий срок набрали легионы и вспомогательные войска федератов колоссальной численностью: 130 тысяч человек было под рукой у Константина и 165 тысяч – у Лициния. Он имел также преимущество и в военно-морских силах: его флот насчитывал 350 боевых кораблей, а флот Константина – только 200. Военно-морскими силами Лициния командовал опытный адмирал Абантус, а флотоводцем у Константина был его юный сын цезарь Крисп, правда, уже имевший опыт командования в военных операциях на западе. Численное преимущество армии Лициния сводилось однако на нет тем, что в армии его противника сосредоточены были самые боеспособные силы империи – не только галлы и германцы, но на этот раз также и иллирийцы. Наспех набранные в азиатских провинциях солдаты Лициния уступали им боевым опытом.

В июне 323 г. армия Константина вторглась во Фракию. Впереди войск по приказу Константина несли священный лабарум с изображением креста, увиденного на небе перед сражением с Максенцием, и монограммой Христа Спасителя, к которому император, по свидетельству Евсевия, и обратился вместе с находившимися в армии священниками с молитвой о даровании победы. Навстречу двигались войска Лициния. «Окруживший

себя «прорицателями и египетскими гадателями, составителями волшебных снадобий (фармакетес) и шарлатанами (гоитас), жрецами и пророками чтимых ими богов» он «вопрошал, каковым будет конец его войны. Прорицатели согласно отвечали, что он, бесспорно, останется победителем врагов и одержит верх в войне»³⁸. А в самый канун сражения Лициний «созвал избранных своих щитоносцев... и титулованных друзей в одно из заповедных и священных, по их верованиям, мест. То была влажная и тенистая роща, в которой стояли различные, высеченные из камня статуи чтимых (язычниками) богов. Зажигая перед ними восковые свечи и принеся обычную жертву, Лициний произнес, говорят, следующую речь: "Любезные друзья и соратники! Вот отеческие боги, которых мы чтим, приняв издавна, от предков (наставление) благоговеть перед ними. Напротив, начальник враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял безбожное мнение и... прославляет какого-то чужеземного, неизвестно откуда взятого Бога. Постыдным его знаменем он срамит войско... Он поднимает оружие не против нас, а более против оставленных им богов"»³⁹. Если доверять осведомленности Евсевия, которому передали сведения об этой речи «лично слушавшие» ее, Лициний сказал затем: «Настоящее время откроет, кто заблуждается в своем мнении, оно отдаст преимущество либо нашим богам, либо (богам) стороны противной, ибо если увенчает победой нас, то... докажет, что спасители и истинные помощники суть наши боги, а когда над нашими... одержит верх какой-то, не знаю, откуда взявшийся Бог Константина, то пусть уже никто не остается в сомнении, кого почитать Богом, пусть всякий обратится к сильнейшему и отдаст ему пальму первенства»⁴⁰.

Войска противников встретились у ворот Адрианополя. Воины Лициния не дрогнули под натиском более опытных ветеранов противника, но несли тяжелые потери. Чтобы спасти армию, Лициний приказал отступить, когда исход сражения еще не был ясным. Как оказалось, на поле битвы пало 34 тысячи его солдат. Как и в первую войну с Константином, Лициний отвел свои войска к Византию. Тем временем флот под командованием Криспа разгромил военно-морские силы

противника у входа в Гелеспонтский пролив и, войдя затем в Босфор и Золотой Рог, блокировал Византий, который с суши уже был осажден армией Константина. Лициний, объявив о низложении Константина и удостоив своего генерала Мартиниана титула августа, поручил ему командовать обороной Византия, а сам с частью армии перебрался на азиатский берег у Халкидона, пытаясь набрать там подкрепления для продолжения войны. Оставив часть войск для блокады Византия, Константин отправился во главе основных сил через Босфор и настиг армию Лициния у Хрисополя. В сражении у его стен Лициний потерял еще до 25 тысяч воинов. С оставшимися у него войсками он отступил в Никомидию.

Жена проигравшего императора Констанция убедила мужа, что у него остался единственный способ спасти свою жизнь – просить пощады у Константина. Заручившись его согласием на этот унижительный шаг, Констанция отправилась к брату. Тот изъявил готовность встретиться с Лицинием, приветливо принял его, отобедал вместе с ним, затем назначил ему достойное содержание и предоставил ему резиденцию в Фессалониках. На этот раз Константин пощадил и новоиспеченного «августа» Мартиниана.

Но прошло несколько месяцев, и Лициний, а заодно и Мартиниан, были казнены по приговору сената. Лициния обвинили в том, что он вступил в сговор с враждебными империи готами. В «Гетике» Иордана, написанной через две с лишним сотни лет после Константина, содержится своеобразно трансформированный отголосок этого события: «При Константине их (имеются в виду готы. – В.Ц.) позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишенного власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя»⁴¹. По версии Евсевия, Лициний был предан смерти как враг Божий. О его сговоре с готами он не упоминает: «Богоненавистника и его приверженцев по окончании войны (Константин) предал... должной казни»⁴².

После низложения Лициния все изданные им акты были немедленно отменены и христиане Востока получили полную

свободу исповедания, дарованную им Миланским эдиктом. С окончанием гражданской войны в Римской империи было восстановлено единовластие. Введенная Диоклетианом тетрархия окончательно пала. Евсевий воздает за это хвалу Константину в самых патетических выражениях: «Все части римской империи соединились в одно, все народы востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и все начало жить под владычеством монархии. Светозарное сияние благочестия сидевшим прежде во тьме и сени смертной доставило дни радостные, не было больше и памяти о минувших бедствиях; все и всюду прославляли победителя и соглашались признавать Богом только Того, Кто доставил ему спасение... Василевс-победитель... принял восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей римской империей. Первый проповедав всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое»⁴³. В этих словах церковного историка впервые в христианской литературе выражена кардинальная для позднейшей византийской историософии идея взаимосвязи Божественной монархии с воспроизводящей ее в тварном мире монархией политической.

Утверждение монархического элемента в государственном строе империи выражено было в возвышении статуса императорского дома. Еще в 317 г. сыновья Константина Крисп и Константин были провозглашены цезарями, в 324 г. цезарем стал его второй сын от Фаусты Констанций, тогда еще младенец, позже, в 333 г., этого титула были удостоены младший из сыновей императора Констант, в ту пору достигший отроческого возраста, а в 335 г. также и его племянник Далмаций. В 324 г. мать Константина святая Елена стала августой, одновременно она получила право пользоваться средствами из фиска, не предоставляя сыну отчета в их расходовании. Благочестивая старица тратила их на строительство церквей, в особенности на Святой Земле, а также на помощь нуждающимся и нищим. И все же, несмотря на укрепление монархических начал правления, Рим и при святом Константине оставался республикой и ни он, ни его преемники во власти до VII

столетия по отношению к самим себе никогда не употребляли в официальных актах титула гех, или, по-гречески, василевс, не возбраняя однако придворным панегиристам вроде Евсевия Кесарийского величать их царями – василевсами.

Победе Константина над Лицинием радовались не одни только христиане, но и другие благонамеренные римляне, вероятно, за исключением только ревностных язычников, к тому времени уже встречавшихся не часто, а по словам Евсевия, которые, конечно, не стоит понимать буквально, – все, ибо «исчез всякий страх бедствий, которые перед тем всех удручали, и люди, до того времени с поникшим взором, теперь смотрели друг на друга светлыми глазами и на лицах были улыбки»⁴⁴.

6. Церковь в период от издания Миланского эдикта до Никейского Собора

Не стесняя религиозной свободы язычников, Константин издал ряд актов, направленных на поддержку христиан и христианских общин. За счет казны строились новые церкви на месте разрушенных, христианам возвращалось конфискованное у них имущество. Христиан запрещалось привлекать к присутствию на общественных языческих жертвоприношениях. Церкви предоставлено было право получать имущество по завещанию. Клирики были освобождены от исполнения обременительных обязанностей декурионов и от каких бы то ни было муниципальных и государственных налогов и повинностей. Тем самым на них распространены были привилегии, которыми раньше пользовались языческие жрецы, а также врачи.

Константин Великий предоставил епископам право вершить суд по тяжёлым делам между христианами. И в этом случае приговор епископа признавался безапелляционным и окончательным. Причем для рассмотрения дела епископским судом достаточно было желания одной стороны. Безапелляционный епископский суд, наделенный официально-государственным статусом, по мере христианизации империи с успехом стал конкурировать с юрисдикцией гражданских магистратов. Это привело впоследствии к тому, что епископы оказались перегруженными массой дел, весьма далеких от духовной области, и стали тяготиться ими. И позднейшие императоры, чтобы разгрузить епископов от рассмотрения обременительных дел, обусловили компетенцию епископского суда в рассмотрении гражданских исков обоюдным согласием сторон.

Константин Великий издавал и такие законы, которые, не касаясь прямо правового положения Церкви и христианских общин, основаны были на христианской этике. В 319 г. им издан был акт, воспрещающий убийство рабов независимо от тяжести совершенных ими проступков или преступлений, в 320 г. было запрещено бесчеловечное обращение с заключенными. Христиане с одобрением встретили включение воскресного дня

venerabilis die solis в число неприсутственных выходных дней. Хотя в соответствующем законе, изданном 7 марта 321 г., речь шла о «дне непобедимого солнца», так что он мог восприниматься как праздник солнцепоклонников и, в частности, митраистов, к числу которых принадлежал отец Константина, но сам император праздновал этот день уже как христианин, и во всяком случае объявление этого дня, следующего за субботой, выходным и праздничным, было исключительно благоприятно для христиан, которые в этот день праздновали Воскресение Спасителя и причащались Его Тела и Крови.

После победы над Лицинием святой Константин публично заявлял о своей приверженности христианской вере. Он издал тогда эдикт, адресованный президам восточных провинций, на которые распространилась его власть. В нем он именует себя: «Победитель Константин. Великий Август». Этот акт начинается со слов, посвященных действию Промысла Божия в мире, где присутствует добро и зло: «Все, определяемое главнейшими законами природы, дает каждому достаточно чувствовать попечение и промысл Божьих распоряжений... Благотворность добродетели оставалась бы для нас бесполезно сокрытой, если бы порок не противопоставлял ей жизни развращенного безумия»⁴⁵. Примеры такого безумия Константин находит в деяниях своих предшественников – гонителей христиан: «Я чуждался бывших перед этим автократоров, потому что видел дикость их нравов. Только мой отец, во всех делах с удивительным благоговением призывавший Бога Отца, держался правил кротости... Будучи еще в раннем детстве, я слышал, как один, занимавший в то время первую степень между римскими автократорами... заботливо расспрашивал своих дорифоров, кто таковы на земле праведники, и как некто из окружавших его совершителей жертв отвечал, что это, без сомнения, христиане. Выслушав такой ответ... он устремился на безукоризненную святость с теми мечами, которые изобретены для наказания преступлений»⁴⁶. В печальной участи гонителей Константин видит торжество Божественной справедливости: «Нашли постыдный свой конец, низверглись в бездну Ахерона

для вечного мучения они, предписавшие эти ненавистные действия, запутавшись в междоусобных войнах, они не оставили после себя ни имени, ни рода»⁴⁷.

В свой эдикт император включил молитвенное обращение к Богу: «Теперь молю Тебя, великий Боже! Будь милостив и благосклонен к твоим живущим на востоке народам и через меня, Твоего служителя, даруй исцеление всем епархам, так пострадавшим от долговременных бедствий. ... Владыка всех, святой Боже! Под Твоим руководством и начал я, и окончил дела спасения: везде нося перед собой Твое (знамя), я вел победоносное войско... Потому-то и предал я Тебе свою, хорошо испытанную в любви и страхе душу, что искренне люблю Тебя»⁴⁸. Исповедуя свою веру в Отца и Его Божественного Сына, Константин не собирается никого принуждать к истинной вере: «Хочу, чтобы, подобно верующим, приятности мира и тишины радостно вкушали и заблуждающиеся... Пусть никто не беспокоит другого, пусть каждый делает то, чего хочет душа»⁴⁹. Став вполне сознательным христианином, император не собирался употреблять власть для принуждения к истинной вере, посягать на свободу совести – принцип веротерпимости и религиозной свободы оставался неприкосновенным. Он увещевал подчиненных ему чиновников: «Что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего, а когда это невозможно, должен оставить его. Ибо одно дело – добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное быть вынужденными к ней посредством казни»⁵⁰.

В заключение святой Константин предостерегает от необоснованных иллюзий о скором искоренении язычества: «Утверждают, будто обряды (языческих) храмов и владычество мрака разрушены. Этому я охотно верил бы вместе со всеми, если бы сильное сопротивление – гибельного заблуждения, ко вреду всеобщего восстановления, в душах некоторых людей не укоренилось слишком глубоко»⁵¹. Такое наставление должно было отводить провинциальных начальников от административной ретивости ради распространения истинной веры, от подражания гонителям христиан в искоренении язычества.

В Константине христиане видели своего единоверца, покровителя и защитника. Более того, при возникновении внутренних разделений они обращались к нему, как к арбитру. В начале IV века раскол сотрясал Африканскую церковь. Там часть христиан во главе с Донатом не признала избранного в 311 г. после смерти епископа Карфагенского Менсурия нового предстоятеля Африканской церкви Цецилиана под тем предлогом, что его хиротонию возглавил епископ Аптонгский Феликс, обвиненный в выдаче Священных Книг во времена гонений. Сторонников Доната поддерживали 70 епископов из соседней Нумидии во главе с Секундом Тигизским. Причиной поддержки нумидийскими епископами карфагенских оппозиционеров могло быть то обстоятельство, что в избирательном соборе не участвовал примас Нумидии. Стремясь предотвратить раскол, Цецилиан предлагал своим собратьям, чтобы они сами заново рукоположили его. С канонической точки зрения это была несостоятельная идея, но она многое говорит о миролюбии Цецилиана. Но предложение это не побудило никомидийских епископов к примирению. Один из них, Пурпурий, сказал тогда: «Пусть он только явится к нам... и преклонит голову для рукоположения: пробить ему голову в знак покаяния – делу конец»⁵². Имелось в виду, конечно, не убийство Цецилиана, а принятие его как кающегося грешника, из чего вытекала бы невозможность его рукоположения. Когда о таких настроениях и планах стало известно собратьям Цецилиана, они не позволили ему отправиться в Нумидию. Зато уже в 312 г. сами нумидийские епископы прибыли в Карфаген и устроили там собор, на котором объявили о низложении и отлучении Цецилиана и вместо него поставили предстоятелем Карфагенской церкви некоего чтеца Майорина. Так возник раскол, названный впоследствии по имени предводителя раскольников, ставшего уже в 313 г., после смерти Майорина, его преемником, донатистским. За пределами Африки ни одна из поместных церквей не имела общения со схизматиками.

После издания Миланского эдикта христианским общинам возвращалась их собственность, утраченная во время предшествовавших гонений. Соответствующий эдикт направлен был

Константином Великим на имя проконсула Африки Анулина. На его основании Анулин принимал меры по передаче утраченной христианами собственности местной Кафолической Церкви во главе с Цецилианом. Эти действия вызвали недовольство донатистов, которые обратились к императору с просьбой рассмотреть их спор с Цецилианом на соборе епископов Галлии. Выбор Галлии связан был с тем, что поскольку при правлении там Констанция Хлора в этом диоцезе не было гонений, то в Галлии не обреталось павших епископов, а самая суть аргументации схизматиков заключалась в том, что они считали павших клириков лишенными благодати священства уже в силу самого падения, независимо от того, имеется или не имеется на этот счет судебное постановление законной церковной власти.

Святой Константин, который ценил мир и согласие, болезненно реагировал на церковные нестроения и во всех подобных случаях искал полюбовного разрешения споров. Поэтому он сделал шаг навстречу донатистам, но идти у них на поводу не хотел. Он решил созвать собор в Риме, обратившись с посланием к епископу Рима Мильтиаду: «От Анулина, светлейшего проконсула Африки, поступило ко мне много важных сообщений о том, что Цецилиана, епископа Карфагенского, некоторые его африканские соепископы во многом обвиняют. Мне особенно прискорбно, что в тех провинциях... находятся люди, разделяющиеся как бы на партии, и даже между епископами возникают споры и разногласия. Мне думается, пусть Цецилиан с десятью епископами, которые его обвиняют, и с десятью другими, которых он возьмет как необходимых защитников, прибудет морем в Рим, чтобы там, в присутствии вас, а также Ретиция, Матерна и Марина (епископы галльских городов Отена, Колонии Агриппины и Арелата; приглашая их на собор, Константин делал примирительный шаг навстречу донатистам. — *В.Ц.*), соепископов ваших... можно было его выслушать: как вы знаете, это соответствует священнейшему закону... От вашего внимания, конечно, не укроется, с каким почтением отношусь я к законной Кафолической Церкви, поэтому и хочу, чтобы вы нигде не допустили ни раскола, ни разногласия»⁵³.

Собор состоялся в Риме. Выслушав обе стороны и тщательно исследовав обвинения донатистов, собор нашел их бездоказательными. Самый факт традиторства – выдачи Священных Книг Феликсом Аптонгским – не нашел подтверждения. Но донатисты, проигравшие дело, не хотели смириться с поражением и снова просили Константина о созыве собора в Галлии, утверждая, что в Риме дело решалось поспешно и не были выяснены все обстоятельства. Константин, стремясь к восстановлению единства Африканской церкви, еще раз сделал примирительный шаг в отношении донатистов и распорядился созвать новый собор, как они и настаивали, в Галлии. Собор созван был в Арелате в августе 314 г., и он подтвердил решения Римского собора. В параллель с церковным разбирательством император приказал гражданским властям в Африке проверить основательность обвинений Феликса в традиторстве. Проведенное расследование не подтвердило справедливость обвинения.

Донатисты однако решили идти до конца, продолжая настаивать на низложении Цецилиана. Еще раз обратившись к императору, они просили теперь его самого принять решение по делу и низложить Цецилиана своей собственной властью. Известна возмущенная реакция Константина на подобную настырность: «Какое безумие требовать суда у человека, который сам ожидает суда Христова! На суд священников (sacerdotum) следует смотреть как на суд самого Бога»⁵⁴. И все же император решил лично изучить дело, после чего 10 ноября 316 г. им вынесено было решение в пользу Цецилиана. Чтобы предотвратить столкновения между африканскими кафоликами и донатистами, Константин велел задержать Цецилиана в италийском городе Бриксии (Брешии), а Донату запретил въезд в Карфаген. Донат однако пренебрег запретом и самовольно водворился в столице Африки, после чего разрешение на возвращение в свой кафедральный город получил и Цецилиан.

Ввиду вызывающего неповиновения властям донатисты подверглись репрессиям: их храмы были закрыты, а епископы удалены со своих кафедр в изгнание. В отдельных случаях для разгона собраний схизматиков употреблялись воинские

команды. Тогда донатисты обратились к императору с просьбой предоставить им свободу вероисповедания, одновременно они подчеркивали свою совершенную непримиримость по отношению ко всем, кто имеет общение с Цецилианом, иными словами, заявляли о своем окончательном разрыве с Кафолической Церковью. Константин снова пошел навстречу раскольникам: репрессии против них были прекращены и они могли пользоваться полной религиозной свободой. Более того, император и впредь проявлял к донатистам крайнюю снисходительность. Когда они разрушили в Карфагене церковь, которая строилась на средства императорской казны для кафоликов, Константин не стал преследовать вандалов и даже не потребовал от них возмещения убытков, отстроив церковь заново за счет фиска. В Африке, Нумидии и Мавритании донатисты имели много сторонников, так что там у них к 330 г. насчитывалось 270 епископов. В других странах у них не обрелось единомышленников, но раскольники дерзнули поставить своего епископа в Рим, и тот совершал богослужения со своими малочисленными сторонниками за пределами города.

Среди донатистов преобладали люди, убежденные в своей правоте, настроенные фанатично. Коренным заблуждением раскольников была эkkлeзиологическая несостоятельная идея о том, что смертный грех епископа и клирика сам по себе, независимо от церковного суда, делает его безблагодатным, а значит, одно только подозрение в совершении епископом тяжкого греха оправдывает разрыв общения с ним. В этом отношении легко обнаружить преемство донатизма с более ранним новацианством, которое также имело свою опору в Африке.

В. В. Болотов усматривает некую связь между донатистскими идеями и позицией священномученика Киприана относительно крещения в схизматических общинах, которое он признавал недействительным, хотя у святого Киприана такая его позиция заострена была как раз против предшественников донатистов – новациан: «Исходя из положения, что *extra ecclesiam nulla salus*, что вне Церкви нет спасения, донатисты и кафоликов третировали, как язычников, некрещенных.

Естественно было для них требовать, чтобы кафолик, являясь в церковь донатистов, говорил: “*paganus sum*” и получал крещение. Вопрос о перекрещивании кафоликов получил высокую важность у донатистов именно потому, что они держались круга тех воззрений, которыми Киприан мотивировал крещение вновь еретиков»⁵⁵.

В этом сближении экклезиологии священномученика Киприана и донатистов присутствует натяжка. Водораздел между ними лежал в том обстоятельстве, что для Киприана при решении вопроса о действительности Таинств принципиальное значение имели не личные грехи их совершителей, как это виделось Донату и его сторонникам, а их принадлежность или непринадлежность к Кафолической Церкви: не личные грехи, но пребывание вне Церкви в силу разрыва общения с кафоликами делало епископа и клирика безблагодатным. Поэтому в сложившейся в Африканской церкви ситуации линию святого Киприана продолжал всетаки Цецилиан, в то время как Донат явился своего рода новым и, как представляется, худшим изданием Новациана.

Параллельно с донатистским расколом в Африканском диоцезе в Египте возникла мелитианская схизма. Когда в Египте свирепствовали гонения Галерия, епископ Ликопольский Мелитий, по свидетельству Епифания Кипрского, выступил с критикой слишком снисходительного, как ему представлялось, отношения епископа Александрийского Петра к принятию в общение падших. Разногласия в конце концов вылились в разрыв общения и в поставление Мелитием и его сторонниками епископов на те кафедры, которые заняты были архиереями, признававшими своим кириархом епископа Петра. Впрочем, существует и иная версия относительно причины раскола, фактически противоположная той, которая изложена у Епифания. Сократ Схоластик писал, что Мелитий был низложен «за то, что во время гонения отрекся от веры и принес жертву»⁵⁶. Сторонники Петра называли свою церковь Кафолической, а мелитиане свою – мученической. Мученическая кончина выпала однако на долю предстоятеля Кафолической Церкви Петра. Известно, что когда кафедру священномученика

Петра в 312 г. занял после кратковременного пребывания на ней Ахилла святой Александр, Мелитий и его сторонники склонялись уже к примирению с кафоликами. Императору Константину пришлось иметь дело с расколом в Египте лишь начиная с 324 г., когда после низложения Лициния Египет перешел под его управление.

«В это время, – по словам блаженного Феодорита, – бразды Римской церкви держал Сильвестр»⁵⁷. Он занял ее в 314 г. «В Антиохии по смерти тирана... власть правительственную принял Виталий... а следовавший за ним предстоятель Филогоний... во время Ликиния показал ревность по благочестию»⁵⁸. Время предстоятельства святого Филогония – с 318 по 322 г. Его преемник Павлин занимал Антиохийскую кафедру в течение одного года, и в 323 г. на нее был поставлен святой Евстафий. «Церковь Иерусалимская, после Ермона, была вверена Макарию, мужу, вполне достойному своего имени»⁵⁹. Святитель Макарий возглавлял Иерусалимскую церковь с 313 по 333 г.

7. Никейский Собор

Созыву Собора в Никее предшествовало появление в Александрийской церкви нового разделения, вызванного учением, которое проповедовал местный пресвитер Арий. Он был родом из Ливии, изучал христианское богословие в Александрии и Антиохии. В Александрии уже на рубеже III и IV веков пресвитеры, возглавляя христианские общины отдельных кварталов со своими храмами, подобными современным приходским церквям, пользовались большой самостоятельностью. Арий к тому же имел репутацию знатока богословия, искусного экзегета Священного Писания, красноречивого проповедника и миссионера. Его популярности способствовало умение общаться с паствой с особой доброжелательностью, в которой одни видели проявление христианской любви, а другие – стремление к успеху у публики, находя самый тон его бесед чрезмерно заискивающим. Напряжение в отношениях между ним и правящим епископом Александром возникло уже в силу того, что Арий, опираясь на свою популярность в народе, держался слишком независимо. При священномученике Петре Арий присоединялся к мелитианскому расколу, затем, правда, оставив схизму, вернулся в каноническую юрисдикцию.

Как пишет о появлении арианской ереси Сократ Схоластик, епископ Александр «иногда, в присутствии подвластных себе пресвитеров и других клириков, любочестно богословствовал о Святой Троице, рассуждая философски, что Святая Троица есть в Троице единица, один подчиненный ему пресвитер, Арий, человек не без знания диалектики, думая, что его епископ вводит учение Савеллия ливийского, из любопытства уклонился к мнению, прямо противоположному мысли Савеллия, и на слова епископа стал грубо предлагать возражения, говоря, что если Отец родил Сына, то рожденный имеет начало бытия; а отсюда явно, что было время, когда не было Сына, и необходимо следует, что Сын имеет свою личность из небытия»⁶⁰. Изъясняя учение о Сыне Божиим, Арий утверждал, что, будучи рожденным от Отца, Он имеет начало во времени,

что только Отец имеет вечное и безначальное бытие, а Сын рожден Отцом прежде сотворения мира и поэтому он называл Его перворожденным всей твари. Отвергая единосущие Сына Отцу и при этом настаивая на ипостасном бытии Сына, что для него обозначало и обладание Им иной, чем у Отца, природой, Арий действительно обвинял оппонентов в скрытом савеллианстве.

Спор в Александрии разгорелся в 318 г., когда Арий бросил вызов своему епископу: настаивая на соответствии своего учения Преданию, он пренебрег запретом святителя Александра проповедовать его. И тогда «зло распространилось по всему Египту, Ливии и верхней Фиваиде и пожирало уже прочие епархии и города»⁶¹. Единомышленники Ария появились также в Сирии и Малой Азии. Александрийский архипресвитер Коллуф упрекал святителя Александра в том, что он не принимает решительных мер для пресечения ереси, напрасно надеясь на возможность примирения с еретиками. Под этим предлогом Коллуф порвал общение с Александром, объявил себя епископом и стал рукополагать пресвитеров и диаконов. Из повиновения святителю вышли и некоторые другие противники Ария, обвинявшие Александра в потворстве еретикам. В 321 г. святитель Александр созвал в Александрии собор с участием около ста епископов Египта, Ливии и Пентаполя; собор анафематствовал Ария и его единомышленников, в основном бывших в пресвитерском и диаконском сане, но также и епископов Секунда Птолемаидского и Феону Мармарикского. Ни Арий, ни его сторонники не подчинились Собору, продолжая распространять учение, отвергнутое собором.

Его содержание святитель Александр изложил в послании, с которым обратился к предстоятелям церквей: «Изобретенные... и высказываемые ими, вопреки Священному Писанию, положения суть следующие: Бог не всегда был Отцом; было время, когда Он не был Отцом. Не всегда также было и Слово Божие, но родилось из небытия; потому что Бог, существуя как Бог, сотворил Его... из не-сущего; следовательно, было время, когда Его не было. Сын есть создание и творение: Он и по существу не подобен Отцу, и по природе не есть истинное Сло-

во Отца... но есть одна из Его тварей и порождений. ... По природе Он, как и все разумные существа, превратен и изменчив: Слово отчуждено, обособлено и отделено от существа Божия, Отец неизглаголим для Сына; потому что Сын и не знает Его совершенно, с точностию, и не может видеть Его в совершенстве. Да Он не знает, что такое и собственная Его сущность. Сын сотворен для нас, чтобы чрез Него, как чрез орудие, Богу сотворить нас. Его и не было бы, если бы Бог не восхотел дать бытие нам. Итак, спросите их: может ли Слово Божие превратиться, как превратился дьявол? Они не побоятся сказать: да, может, потому что природа его, по свойству бытия рожденного и превратного, превратна»⁶².

Арианство нередко характеризуют как рационалистическую ересь. Такая аттестация верна частично, потому что его оппоненты не считали, что защищаемое ими учение Церкви неразумно и не может быть обосновано философски, но, с другой стороны, Арий также ссыался как на высший авторитет на Предание Церкви, на учение прежде бывших отцов. Предосудительный рационализм Ария заключается однако в его избыточном доверии к аристотелевской логике, в том, что, прибегая к элементарным силлогизмам, он пытался объяснить непостижимую тайну Божественного бытия, в то время как формальная логика не является до конца адекватным орудием даже в познании природы тварного мира и способна лишь на то, чтобы дискредитировать явно абсурдные утверждения, основанные на ошибочных умозаключениях. Квинтэссенция заблуждений Ария – в неспособности принять идею о вневременном рождении Сына от Отца, в том, что из факта рождения он выводил на, как он считал, непреложных формально-логических основаниях представление о времени, бывшем до рождения Сына. Поскольку рождение Сына от Отца он, естественно, не мыслил по подобию плотского рождения или в виде эманации в неоплатоническом значении этого термина, то рождение для него оказывалось тождественным творению и Сына Божия он представлял созданным, подобно всей твари, из ничего.

Истоки арианства, по собственному признанию ересиарха, в учении одного из основателей антиохийской богословской школы Лукиана Самосатского. Своего покровителя епископа Никомидии Евсевия, который находился в родстве с императором Лицинием и в свойстве с Константином, Арий называл «солукианистом». В то же время в арианстве отразились и крайние выводы из оригеновского субординационизма, поскольку другой Евсевий, отец церковной историографии, занимавший кафедру Кесарии Палестинской, верный ученик, последователь и почитатель Оригена, не находил в учении Ария глубокого расхождения с Преданием Церкви. Но ложная идея Оригена о предвечном существовании душ избавляла его от необходимости мыслить о рождении Сына Божия во времени, таким образом его субординационизм не доходил до арианского отвержения совечности Сына Отцу: у Оригена все духовные существа – и Ангелы и человеческие души – в известном смысле совечны Богу.

Анафематствованный Александром, Арий искал поддержку со стороны влиятельных епископов. С этой целью он обратился с письмом к пользовавшемуся большим влиянием епископу Евсевию, переведенному накануне с Беритской кафедры в Никомидию, где находилась резиденция императора Лициния. Письмо начинается с обращения к «вожде леннейшему господину, человеку Божию, верному православному Евсевию»⁶³. Себя при этом Арий представляет как «несправедливо преследуемого папою Александром за всепобеждающую истину, которую и ты защищаешь» и просит могущественного иерарха о заступничестве от епископа, который, по его словам, «признал нас людьми безбожными и изгнал из города»⁶⁴. Учение святителя Александра, отвергаемое самим Арием и его единомышленниками, он представил в таком виде: «Бог всегда, Сын всегда; вместе Отец, вместе Сын; Сын сосуществует Богу нерожденно; Он – всегда рождаемый и нерожденно-рожденный; Бог ни мыслию, ни каким-либо атомом не предшествует Сыну; ... Сын из Самого Бога»⁶⁵. За исключением двусмысленного выражения «нерожденно-

рожденный» – это верное, хотя и предельно упрощенное изложение православной триадологии.

В этом письме Арий прибегает к явной натяжке, утверждая, что анафема папы Александра распространяется на епископов Евсевия Кесарийского, Феодота Лаодикийского, Павлина Тирского, Афанасия Аназарбского, Григория Берийского, Аэция Лиддского и «всех пастырей востока, говорящих, что Бог безначально пред существует Сыну... исключая только Филогония, Элланика и Макария – людей., еретичествующих, из которых один производит Сына от Отца через изрыгание, другой – через выбрасывание, а третий называет Его сонорожденным»⁶⁶. В этом пассаже Арий преувеличивает близость воззрений епископов, которые, по его словам, подпадают под анафему святителя Александра, к его собственному учению: Евсевий Кесарийский, например, оставался всего лишь оригенистом, что весьма далеко отстоит от арианства, и представляет в карикатурном виде православно мысливших епископов: святых Филогония Антиохийского и Макария Иерусалимского, а также Элланика Триполийского. Епископ Никомидийский Евсевий внял просьбе Ария и взял его под свое покровительство.

Христианский Запад отверг еретическое учение Ария как уничижающее Сына Божия, не углубляясь при этом в богословское исследование поставленной проблемы, а Восток – церкви Египта с Ливией и Пентаполем, Сирии, Малой Азии – терзались разделениями. После победы над Лицинием и распространения своей власти на восточную половину империи император Константин неизбежным образом столкнулся с проблемой, созданной Арием. Ему, в ту пору весьма поверхностно осведомленному в христианском богословии, разномыслие святителя Александра и Ария показалось несущественным, так что он склонен был считать, что настоящая причина разделения кроется не в глубоких богословских расхождениях, а в мелочном любопытствии сторон, и он попытался погасить пожар побуждением его главных участников к примирению, к тому, чтобы, осознав незначительность своих расхождений, они

прекратили спор, оставаясь при этом, если им это угодно, каждый при своем мнении.

Константин Великий обратился к епископу Александру и Арию с посланием, проникнутым искренним огорчением, граничащим с глубоким разочарованием, – он-то считал ранее, что Церковь, на которую он решил опереться, едина и монолитна, а она, оказывается, разделена на враждующие группировки: «Как жестоко поразила мой слух, или, лучше, самое сердце весть, что между вами возникли разногласия более тяжкие, нежели какие были там прежде, и что вы, через которых я надеялся доставить исцеление другим, сами имеете нужду в гораздо большем врачевании»⁶⁷. Император считал, что спор возник из-за того, что оба его главных виновника углубились в исследование вопросов, непостижимых человеческому разумению: «Когда ты, Александр, спрашивал у пресвитеров, что каждый из них думает о каком-либо месте закона, или, лучше сказать, представлял на обозрение бесполезную сторону вопроса, тогда ты, Арий, неосмотрительно предлагал то, о чем сперва не следовало и думать, или, подумав, надлежало молчать – вот откуда родилось между вами разногласие, расторглось общение, и святейший народ, разделившийся на партии, удалился от единомыслия с общим телом Церкви»⁶⁸. Император советует противникам примириться и прекратить бесполезные споры, потому что «подобные вопросы не вынуждаются каким-либо законом, а предлагаются для увлечения бесполезной праздности в спорах... Ибо кто может обстоятельно узнать или по-надлежащему истолковать силу столь великих и столь трудных вопросов»⁶⁹.

Константина легко упрекнуть в богословском невежестве или равнодушии к истине, но было бы более адекватно должным образом оценить его апофатическую интуицию. Для императора, политика по положению и по складу личности, компромисс представлялся наилучшим способом примирения и восстановления единства, но, понимая принципиальное отличие конфликтов, возникающих из-за конкуренции интересов, от споров из-за разномыслия, он побуждал противников не к изобретению взаимоприемлемых богословских формул, как это

нередко делали его незадачливые преемники на престоле, а к тому, чтобы не выпячивать свои особые богословские мнения, чтобы держать их при себе, не настаивая на принятии их другой стороной, придерживающейся иных взглядов: «Да будет у вас одна вера, одно понятие о Существе Всеблагом. А что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайнике души»⁷⁰. Обескураженный ожесточением споров в христианской среде, – император ставит в пример враждующим, как ему представляется, из-за разномыслия по второстепенным вопросам христианским богословам внешних философов, которые, «следуя одному учению, живут в союзе, если же нередко в рассуждении какого-нибудь частного мнения и разногласят между собой, то, разделяясь степенью знания... тем не менее сходятся друг с другом... Не гораздо ли справедливее вам, поставленным на служение великому Богу, проходить это поприще со взаимным единодушием»⁷¹. Константин Великий не понимал тогда, что для святителя Александра превратное суждение о природе Сына Божия имело сотериологическое значение, что в его религиозном сознании, совпадающем с самосознанием Церкви, неверие в полноту Божественной природы во Христе повергало заблуждающегося в духовно опасное состояние, в конечном счете лишая его надежды на спасение.

В заключение император настоятельно требует от своих адресатов, чтобы они помирились как можно скорее, указывая им на опасные политические последствия их распри: «Чтобы дать вам почувствовать чрезмерность моей скорби, скажу, что недавно, прибыв в город Никомидию, я тотчас возымел намерение отправиться на восток, но... получил весть о событии, изложенном в этой грамоте, и удержался от своего намерения... Отворите же, наконец, мне врата на восток посредством вашего единомыслия, врата, которые вы заперли своими прениями»⁷². По существу дела это было деликатно выраженное обвинение в пагубных политических последствиях богословского спора.

Константин Великий направил с этим посланием в Александрию епископа Кордубы (Кордовы) Осию, который находился возле него и к которому он испытывал тогда особое доверие. Тот должен был на месте ознакомиться со сложившейся ситуацией и попытаться примирить враждующих. В Александрии святитель Осия, придерживавшийся, подобно другим епископам Запада, православных убеждений, убедился в том, что спор идет не о второстепенных предметах, но о самом существовании христианской веры, и, вернувшись в Никомидию, сумел убедить в этом императора.

Так возникла идея для решения богословского вопроса, потрясшего Церковь, созвать собор епископов всей экумены – вселенной, как принято было тогда называть Римскую империю, иными словами, Вселенский Собор. Заодно на нем предполагалось рассмотреть другой важный вопрос – о времени празднования Пасхи, поскольку в разных церквях имела место разная практика. Наконец, существовала нужда и в рассмотрении вопросов церковной дисциплины ввиду изменившихся обстоятельств церковной жизни: гонимая Церковь обрела свободу, и в христианские общины все в большем числе стали входить вчерашние язычники, теперь уже, в отличие от прежних времен, не рискуя при этом ни жизнью, ни свободой, ни имуществом, ни карьерой.

Кроме того, «Константин захотел сделать собор символом и увенчанием и своей победы, и нового положения Церкви в Империи»⁷³. Собор намечено было созвать в 325 г., когда исполнялось 20 лет правления Константина Великого.

Местом проведения Собора была назначена Никея – небольшой город Вифинской провинции, расположенный в живописном месте на берегу озера, вблизи Мраморного моря и неподалеку от императорской резиденции в Никомидии. В конце 324 или начале 325 г. император направил послание епископам с приглашением их на Собор. Участников Собора доставляли в Никею за счет казны на экипажах государственной почты, а также на судах имперского флота.

В ту пору насчитывалось около 2 тысяч епископских кафедр на Востоке и Западе империи. Число прибывших на Собор свя-

тителей в разных источниках оценивается по-разному: около 250 – у Евсевия Кесарийского, более 300 – у церковного историка Сократа, более 320 – у Созомена. «Вошедшее в традицию точное число участников – 318, по словам протоиерея Валентина Асмуса, – первым назвал святитель Иларий, епископ Пиктавийский... и вскоре святитель Василий Великий... Святитель Афанасий Великий несколько раз упоминал о 300 участниках, но в 369 г. назвал число 318... Этому числу сразу приписали символическое значение: таково число воинов – рабов Авраама... и, еще важнее, греческие цифры ТΙΗ (318) изображают Крест и две первые буквы имени Иисус»⁷⁴.

Символизм числа не перечеркивает его фактической достоверности. Афанасий Великий сам был участником Никейского Собора, и присутствие в его творениях двух вариантов числа соборных отцов (300 и 318) не содержит очевидного противоречия, поскольку первое число, 300, легко прочитывается как приблизительное, тем более что и в других источниках присутствуют такие же округленные оценки – около 250, более 320. Противоречия в оценке числа участников Собора до известной степени могли быть связаны и с разным подходом к тому, кого надлежит считать его участниками: только полноправных членов Собора – епископов, или также иных лиц, входивших в их свиту, – пресвитеров, диаконов, в числе которых был и Афанасий Великий, аколуфов, мирян, которые также участвовали в Соборе. Наконец, вместе с Константином Великим на Соборе присутствовала и императорская свита. И все же число 318, несмотря на то что оно приближается к верхнему пределу в разных оценках числа участников Собора, вероятнее всего, относится к участвовавшим в Соборе епископам – отцам Собора. Таким образом, в Соборе участвовало менее одной пятой всего епископата Христианской Церкви. Документального списка отцов и иных участников Никейского Собора не сохранилось, по разным источникам известны имена лишь относительно незначительной части его участников.

Разные регионы империи были представлены на Соборе неравномерно. Ввиду удаленности запада от Никеи – путь в

этот город из Галлии должен был занять не менее полутора месяцев, – в Соборе участвовало непропорционально мало епископов латиноязычного Запада. Некоторые историки объясняли это обстоятельство менее убедительной причиной – нераспространением арианской ереси, ставшей главным поводом к созыву Собора, на Западе. Среди отцов Собора известны имена 7 западных отцов, и среди них Осии Кордубского и Цецилиана Карфагенского. Престарелый епископ Римский Сильвестр направил в Никею двух легатов в пресвитерском сане: Викентия и Витона. Восточную половину империи на Соборе представляли, в частности, такие святители, как Александр Александрийский, Евстафий Антиохийский, Макарий Константинопольский, Леонтий Кесарии Каппадокийской, Пафнутий Фиваидский, Павел Неокесарийский, Александр Фессалоникийский, Ипатий Гангрский.

Некоторые историки ставят под вопрос участие в соборных деяниях святителей Николая Мирликийского и Спиридона Тримифунтского, о чем известно из их житий, на том основании, что их имен нет в сочинениях современников Собора и хронологически ближайших к нему авторов позднейшей эпохи. Так, В. В. Болотов заметил, что «ни один из историков, ни одно из сказаний о Никейском соборе, хотя с слабою претензией на древность, не упоминает в числе его участников имени Николая, епископа Мир Ликийских»⁷⁵, но, поскольку в таких признаваемых наиболее достоверными документах упоминаются имена лишь нескольких соборных отцов, едва ли стоит всерьез принимать подобный аргумент и не доверять церковному преданию.

Среди участников Собора были и епископы, возглавлявшие христианские общины за пределами империи: «Один перс – Иоанн и один епископ готский – Феофил; Симеон, епископ Селевкии-Ктесифона, отправил на собор нескольких пресвитеров (в их числе Шах-дуста (Садофа), впоследствии мученик)»⁷⁶.

На Собор съехались исповедники, пострадавшие в гонения Диоклетиана, Галерия и Лициния, многие со следами ран и увечий, нанесенных пытками. По словам блаженного Феодорита Кирского, «Павел, епископ Неокесарии – крепости, лежащей на берегах Евфрата, испытал на себе жестокость Ликиния: у него

обе руки находились в расслаблении от того, что их обжигали раскаленным железом, которое стянуло и лишило жизни нервы, дающие членам движение. У иных был выколот правый глаз, у других подсечено правое колено. В числе последних находился Пафнутий Египетский»⁷⁷.

По богословским воззрениям участников Собора можно разделить на несколько групп. Одну из них составляли твердые приверженцы Священного Предания и одновременно хорошо образованные богословы, способные к аргументированной защите догмата о полноте Божества во Христе и о совечности Сына Божия Отцу; к их числу принадлежали святители Александр Александрийский, Евстафий Антиохийский, Осия Кордубский. Одним из самых искусных апологетов православного догмата был ближайший помощник предстоятеля Александрийской Церкви святой Афанасий, приехавший в Никею в диаконском сане. В Соборе участвовали пламенные ревнители Священного Предания, при этом не обладавшие основательным образованием, и в этом смысле скорее простецы, чем ученые богословы, такие, как святители Николай Мирликийский и Спиридон Тримифунтский.

Но в Никею приехали также и сам Арий, и единомышленники с ним епископы – Евсевий Никомидийский, Феона Мармарикийский, Секунд Птолемаидский, Марис Халкидонский. Заодно с ними был и предстоятель христианской общины города, где состоялся Собор, Феогнис. Особую позицию занимал стремившийся к богословскому компромиссу последовательный оригенист Евсевий Кесарийский, чей умеренный субординационизм расходился с догматическими воззрениями как Ария, так и его главного оппонента, святого Александра, которые представлялись ему одинаково уклоняющимися от золотой середины. Есть основания предполагать, что, не обладая эрудицией Евсевия, император Константин был близок к нему по своему отношению к богословскому спору и не менее Евсевия стремился к скорейшему примирению оппонентов. К числу последовательных противников Ария принадлежал и епископ

Анкирский Маркелл, богословские воззрения которого действительно тяготели к савеллианству.

Участники Собора съехались в Никею к 20 мая. Соборные заседания проходили в самом просторном помещении императорского дворца. До официального открытия соборных деяний шла неформальная дискуссия об учении Ария. В ходе ее «мнение Ария поддерживали... Евсевий Никомидийский, Феогнис и Марис... Против них мужественно подвизался Афанасий, который, хотя и был дьяконом александрийской церкви, но пользовался особенным уважением епископа Александра и тем возбудил против себя ненависть»⁷⁸.

Император Константин открыл соборные деяния 14 июня. Участник Собора Евсевий Кесарийский писал о появлении императора в зале соборных деяний с комплиментарным, но, вероятно, искренним восторгом – контраст покровителя Церкви с прежними правителями, гнавшими христиан, потрясал воображение епископов, съехавшихся в Никею и заполнивших дворцовый зал: «Собор... ожидал прибытия василевса. Вот наконец вошел кто-то один, потом другой и третий из приближенных василевса, входили затем и другие, но не из обыкновенных гоплитов и дорифоров, а из его друзей. Когда же подан был знак, которым обыкновенно возвещалось прибытие василевса, и все встали, вошел и сам он и выступил на середину собрания. То был будто ангел Божий, которого порфира сияла огненными лучами и украшалась переливающимся блеском золота и драгоценных камней... А душа его, очевидно, украшена была благоговением и страхом Божиим, это выражалось в поникшем его взоре, румянце на его лице и движениями его походки... Он превосходил окружавших себя и высотой роста, и красотой вида, и величественной стройностью тела... Дойдя до начала рядов, он сперва остановился на середине, когда же поставили перед ним небольшое, сделанное из золота, кресло, – сел, но не прежде, как подали ему знак епископы»⁷⁹.

От лица епископов императора приветствовал святитель Евстафий Антиохийский. Затем, открывая Собор, император произнес речь на латинском языке. Ее тут же перевели на

греческий, понятный, в отличие от латыни, почти всем участникам Собора. Выразив радость по поводу встречи с сонмом епископов, император затем говорил о пагубности разделений: «Внутренний раздор Церкви для меня страшнее и тягостнее всякой войны и битвы, это печалит меня более, чем все внешнее... Узнав о вашем несогласии, я не оставил и этого без внимания, но, желая содействием уврачевать зло, немедленно собрал всех вас. Радуюсь, видя ваше собрание, но думаю, что мои желания тогда только исполнятся, когда я увижу, что все вы оживлены единым духом и блюдете одно общее, миролюбивое согласие... Не медлите же, о други, служители и благие рабы общего нашего Владыки Спасителя, не медлите рассмотреть причины вашего раздора в самом их начале и разрешите все спорные вопросы мирными постановлениями»⁸⁰.

Почетное председательство на Соборе принадлежало императору. В его отсутствие на соборных деяниях председательствовали епископы Антиохийский Евстафий и Кордубский Осия, чье имя в существующих выборочных списках участников Собора ставится на первое место. Распространенная в католической литературе версия, что он при этом представлял епископа Римского Сильвестра, лишена оснований: представителями Римского епископа являлись присланные им на Собор пресвитеры Викентий и Витон. Осия был в ту пору главным советником императора по церковным делам и находился при его особе.

Главной темой обсуждения на Соборе стало учение Ария. По рассказу Евсевия Кесарийского, занимавшего примирительную позицию, после того как император Константин закончил речь, которой он открыл Собор, «одни начали обвинять своих ближних, другие защищались и порицали друг друга... Василевс выслушивал всех незлобиво, со вниманием принимал предложения и, разбирая в частностях сказанное той и другой стороной, мало-помалу примирил упорно состязавшихся»⁸¹. Компромиссно настроенный Евсевий здесь явно преувеличивает меру достигнутого примирения. Проект символа, предложенный другим Евсевием – Никомидийским,

составленный в соответствии с учением Ария, был единодушно отвергнут Собором.

Затем Евсевий Кесарийский огласил символ своей церкви. Сам Евсевий писал в послании, помещенном в «Церковной истории» Феодорита: «По изложению нами этой веры, не оставалось места для противоречий. Напротив, и боголюбивейший царь наш первый засвидетельствовал, что оно верно, что он сам так же мыслит, а потому повелел присоединиться к нему всем, подписать эти догматы и быть в согласии с ними»⁸². Евсевий преувеличивает степень согласия отцов Собора с предложенным им символом, что видно и из его собственного изложения хода соборных деяний – из его замечания, что император прибавил к символу Кесарийской церкви слово «единосущный» (омоусиос), а слово это имело предельно важное значение, потому что оно самым точным образом выражало отношение Сына Божия к Отцу и поэтому его принятие как раз и делало символ абсолютно несовместимым с арианским учением. Именно поэтому впоследствии было сломано столько копий вокруг этого термина, так что вся последующая история богословских споров, продолжавшаяся вплоть до созыва Второго Вселенского Собора, самым лаконичным образом может быть обозначена как борьба православных за «единосущие» против отвергавших его ариан. Святому Константину, вероятно, предложил внести это дополнение в символ епископ Кордубский Осия, потому что в латинском варианте этот термин *consubstantialis* употреблялся и раньше применительно к Отцу, Сыну и Святому Духу, в то время как на Востоке он был скомпрометирован и отвергнут Антиохийским Собором 268 г., осудившим ересь Павла Самосатского.

Так составлен был знаменитый Никейский символ, в котором содержится православное изложение тринитарного догмата: «Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; – и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного, чрез Которого все произошло, как на небе, так и на земле, ради нас человеков и ради

нашего спасения нисшедшего, воплощенного, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; – и в Духа Святого. Говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения, и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности; или что Он создан, или изменяем, или преложим, таковых предает анафеме Кафолическая и апостольская Церковь»⁸³.

Составленный на Соборе символ подписали участвовавшие в его деяниях епископы. Арий, отвергший этот символ, был анафематствован – отлучен от церковного общения персонально. Свои подписи под символом поставили и его принципиальные противники, как оказалось впоследствии, в действительности не изменившие своих убеждений, – Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский. Поэтому и вся последующая борьба против православного учения о Троице со стороны ариан сопряжена была с лицемерием, ложью, сокрытием своих истинных богословских взглядов при их неодобрении правителями и обнаружением, вплоть до вызывающего подчеркивания в условиях безопасности и тем более при покровительстве со стороны правящих сфер – черта, не свойственная богословской полемике доникейской эпохи. Лишь земляки Ария ливийцы Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский отказались подписать символ. Они были удалены Собором со своих кафедр, и, как и сам Арий, подверглись ссылке.

Помимо осуждения Ария и его единомышленников, Собор рассмотрел также дело, связанное с мелитианским расколом. По нему было принято решение, изложенное в послании Собора, адресованном Александрийской церкви: «Собор определил оказать Мелетию более человеколюбия, хотя последний, судя строго, не стоил никакого снисхождения. Он останется в своем городе, но отнюдь не имеет права ни рукополагать ни избирать, и по этому поводу не должен являться ни в селении, ни в городе, а только сохранять одно имя своего достоинства»⁸⁴, иными словами, он был принят в общение и, выражаясь языком

современной церковной канцелярии, почислен за штат. Что же касается мелитиан, то о них в соборном послании было сказано: «Поставленные же им... принимаются в общение, с тем чтобы они, сохраняя свое достоинство и служение, занимали непременно второе место после всех лиц, которые поставлены в каждом приходе и церкви и избраны почтеннейшим нашим сослужителем Александром»⁸⁵.

Одной из главных тем Никейского Собора был вопрос о времени празднования Пасхи. Совершение Пасхи в разных местных церквях в разные дни вызывало смущение, которое следовало устранить. Самое значительное расхождение в определении дня празднования Пасхи обнаруживалось между малоазийскими церквями, которые праздновали Пасху в ночь с 14 на 15 нисана, независимо от дня недели, и большинством других церквей, в том числе Римской и Александрийской, которые совершали празднование не ранее 14 нисана, но непременно в воскресенье, то есть в день, следовавший за субботой. Вопрос о времени празднования Пасхи был в свое время предметом спора между епископом Ефесским Поликратом и епископом Рима Виктором. Но, как считают церковные историки Л. Дюшен⁸⁶ и В. В. Болотов⁸⁷, ко времени I Вселенского Собора уже почти повсеместно праздновали Пасху в воскресенье и вопрос на Соборе стоял уже об определении начала месяца нисана, в исчислении которого наблюдалось расхождение между иудейской и сирийской традициями; в конце концов этот вопрос сводился к другому: допустимо ли праздновать христианскую Пасху до иудейской или нет.

Никейский Собор вынес по пасхальной теме постановление, текст которого, однако, не сохранился. Косвенным образом судить о нем можно по 1-му правилу поместного Антиохийского Собора, в котором, со ссылкой на постановление Никейского Собора, воспрещается празднование Пасхи совместно с иудеями. О характере Никейского постановления о времени Пасхи можно составить представление и по посланию святого Константина епископам, не присутствовавшим на Соборе, которое включено Евсевием Кесарийским в написанную им биографию императора: «Прежде всего показалось

неприличным праздновать тот святейший праздник по обыкновению иудеев, которые, осквернив свои руки незаконным поступком, как нечистые, справедливо наказаны душевной слепотой... Пусть не будет у нас ничего общего с враждебной толпой (охлоу) иудейской, потому что нам указан Спасителем другой путь... Ибо поистине странно бахвальство иудеев, будто, независимо от их постановления, мы не можем соблюдать этого. Да и о чем правильно могут мыслить те, которые, совершив Богоубийство (кириоктониан) и Отцеубийство (патрокониан), сошли с ума и влекутся уже не здравым смыслом, а необузданным стремлением, куда бы ни направляло их враждебное бешенство»⁸⁸.

В послании отцов Никейского Собора к Церкви Александрийской говорится, что именно ее пасхалия, совпадавшая в ту эпоху с римской, должна стать пасхалией всей Церкви Христовой. После Собора Александрийская пасхалия была принята Вселенской Церковью. Относительно правила, лежащего в основании этой пасхалии, святитель Епифаний Кипрский писал впоследствии, что в определении дня празднования Пасхи, в соответствии с календарным постановлением Никейского Собора, следует руководствоваться тремя принципами: полнолуние, равноденствие, воскресение⁸⁹.

Трудным для истолкования остается вопрос о том, какой смысл имело постановление Собора не праздновать Пасху «вместе с иудеями». В жизнь Церкви данное постановление вошло со значением, которое было придано ему в толковании Зонары на 7 Апостольское правило: «Надо, чтобы их непраздничный праздник совершался сначала, и затем уже праздновалась наша Пасха», иными словами, – как запрет праздновать Пасху вместе с иудеями и раньше их. Таково же и мнение Вальсамона. Этому правилу вполне соответствует Александрийская пасхалия. На превосходстве Александрийской пасхалии, предполагающей соблюдение этой нормы перед всеми другими, настаивали епископ Никодим (Милаш)⁹⁰ и профессор В. В. Болотов⁹¹.

Однако в XX веке некоторые православные авторы, и среди них видный канонист епископ Петр Л'Юилье, Д. Огицкий в

истолковании Никейского постановления о праздновании Пасхи делали иной вывод. Епископ Петр Л'Юилье писал: «Канонический запрет совершать Пасху “мета тон иоудаион” означал, что не следует совершать этот праздник, исходя из иудейского вычисления, но вопреки тому, что стали думать позднее, этот запрет однако не распространяется на случайное совпадение дат»⁹². По мнению Д. Огицкого, «ошибка Зонары и других толкователей канонов явилась следствием того, что фактически Пасха христианская во времена Зонары была всегда только после Пасхи еврейской. В этом фактическом положении дела канонисты видели подтверждение своих толкований»⁹³. Епископ Петр ТГЮилье писал: «Нам надлежит считать, что, в соответствии с тем, что было решено на Никейском Соборе, христиане должны все вместе, в один и тот же день, совершать празднование Пасхи. День этот – воскресный, следующий за первым полнолунием после весеннего равноденствия»⁹⁴. Практически сказанное им означает отказ от Александрийской пасхалии. Позиция Зонары и Вальсамона, а также епископа Никодима (Милаша), В. В. Болотова, соответствующая употребляемой ныне в Церкви пасхалии, представляется более убедительной в интерпретации действительного смысла постановления Никейского Собора о времени празднования Пасхи.

На Собор в Никею приглашался и новацианский епископ Акесий в надежде на воссоединение новациан в лоне единой Церкви. Император Константин предложил его вниманию соборный орос и определение о праздновании Пасхи. И, как пишет Созомен, Акесий сказал, что «Собором не определено ничего нового, – и одобрил соборное мнение. Я и сам, говорил он, точно так верую и праздную, и этот обычай принял от древности. – А если ты мыслишь одинаково с нами... зачем же избегаешь общения? В ответ на это Акесий, рассказав о разногласии между Новатом и Корнилием при Декие, заключил, что после разрешения впадающие в грехи, которые в Св. Писании называются смертными, недостойны приобщения Таинств; ибо отпущение их грехов зависит только от власти Божией, а не от священников»⁹⁵. Иронизируя над ригоризмом

собеседника, Константин сказал: «Акесий! Поставь лестницу и взойди на небо один»⁹⁶.

Собор занимался также и вопросами церковной дисциплины и в связи с этим издал 20 канонов. По содержанию их можно разделить на несколько тематических групп. Одна из важнейших тем канонов относится к статусу клириков и качествам кандидатов священства, отсутствие которых рассматривается как препятствие к рукоположению.

Так, 1 правило гласит: «Аще у кого в болезни отъяты члены, или кто варварами оскроплен: таковой да пребывает в клире. Аще же будучи здоров, сам себе оскопил: такового... надлежит исключить, и отныне никого из таковых не должно производить». Иными словами, оскопившие себя не могут быть рукоположены, а клирики, совершившие самокалечение, подлежат извержению из сана. Но само по себе состояние скопчества, когда оно не является следствием добровольного произволения, не препятствует совершению священнослужения, в чем содержится явное расхождение с нормами ветхозаветного права относительно священства.

Как писал епископ Никодим (Милаш) в своих комментариях на 1 правило, «это правило издано было по делу пресвитера антиохийского Леонтия, жившего с некоей Евстолией, с которой он не был повенчан. Не желая отпустить из своего дома эту женщину и в то же время желая предохранить себя от всякого подозрения, последний сам себя оскопил. За это Евстафий Антиохийский отлучил Леонтия от священнодействия и, как председатель Собора, побудил последний... восстановить старое правило о скопцах, что Собор и исполнил в данном правиле»⁹⁷. Впрочем, более корректно было бы сказать не о восстановлении «старого правила» (оно, разумеется, никогда не отменялось), а о том, что тем самым Собор напомнил о необходимости неукоснительного соблюдения нормы, которая существовала в дисциплинарной практике Церкви.

2 правило Собора декларирует недопустимость поставления неопитов на священные степени, не устанавливая при этом минимально необходимого срока, который должен пройти от крещения до рукоположения. Обоснованием этого

запрета посвящать неофитов является приводимое в правиле соображение: «Поелику и оглашенному потребно время, и по крещении дальнейшее испытание». Во 2 правиле – содержится также положение о том, что при обнаружении «душевного некоторого греха» рукоположенный подлежит извержению из сана.

9 правило предусматривает предварительное испытание перед поставлением. В соответствии с 9 правилом, не допускаются до священно служения как те, кто были посвящены без предварительного испытания, так и те, кто был рукоположен хотя бы и после исповедания своих грехов, но когда, вопреки установленному порядку, лица, решающие вопрос о поставлении, пренебрегли этим обстоятельством. Мотивируется подобная строгость очевидным соображением: «Ибо Кафолическая церковь непременно требует непорочности», подразумевается в данном случае – от клириков. 10 правило, составленное в дополнение предыдущего, касается самого тяжкого греха – отпадения от Церкви, или отречения от Христа, квалифицируя его как совершенно непреодолимое препятствие к рукоположению: «Аще которые из падших произведены в клир, по неведению, или со сведением произведших: сие не ослабляет силы правила церковнаго. Ибо таковые, по дознании, извергаются от священного чина».

Тему 3 и 17 правила составляет образ жизни клириков. Во избежание соблазна, 3 правило возбраняет вдовым или неженатым клирикам держать у себя дома посторонних женщин. В 17 правиле осуждается любостяжание и лихоимство и содержится категорический запрет клирикам заниматься ростовщичеством под угрозой извержения из сана.

4 и 6 правила устанавливают порядок поставления епископов. Для избрания епископа на вдовствующую кафедру собирались епископы области по приглашению митрополита, который и председательствовал на избирательном Соборе; отсутствующие должны были подать свое мнение письменно. Хотя термин «митрополит» впервые упоминается в канонах Никейского Собора, но по существу дела церковный статус митрополита был тем же, что и «первого» епископа «всякого народа», по

терминологии 34 Апостольского правила. Митрополиями на административном языке Римской империи именовались центры провинций. Этимология слова «митрополит» связана с тем, что столичный город провинции именовался город-мать (по-гречески – митерполис), отсюда и митрополит. В подтверждение того, что первые епископы на языке 34 Апостольского правила – то же, что митрополиты, можно сослаться на текст 9 правила Антиохийского Собора, содержательно почти идентичного 34 Апостольскому, только вместо «первого епископа» в нем говорится уже о митрополите.

В 6 правиле отцы Собора с особой категоричностью подтверждают, что избрание епископа не может состояться без согласия митрополита. В этом правиле предусматривался порядок, согласно которому, если при избрании епископа обнаружатся разногласия, дело решается большинством голосов: «Аще же общее всех избрание будет благословно, и согласно с правилом церковным; но два или три, по собственному любопрению, будут оному прекословите: да превозмогает мнение боынаго числа избранных». Но главная тема 6 правила связана с диптихом первенствующих престолов Вселенской Церкви: «Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими... Подобно и в Антиохии, и в иных областях да сохраняются преимущества церквей».

7 и 19 правила устанавливают порядок присоединения к Православной Церкви клириков и мирян из ересей и расколов. В 8 правиле признается действительность рукоположений у кафар (новациан), – и, согласно ему, новацианское духовенство принимается в Церковь в сущем сане через возложение рук, то есть чрез покаяние. Иначе судили отцы Собора о последователях Павла Самосатского. 19 правило Собора, не признавая действительности их крещения, требует вновь крестить «бывших павлиан», «прибегнувших к Кафолической Церкви». Но правилом не исключалась возможность после крещения рукополагать тех павлианских клириков, которые не имеют по своим нравственным качествам препятствий для поставления.

В 11 правиле предусмотрено отлучение от церковного общения падших, «отступивших от веры не по принуждению, или не по причине отъятия имений, или опасности». Собор предписал не допускать их до причащения в течение 12 лет, которые разделены были на 3 ступени. 12 канон Собора предусматривает отлучение от причастия особой категории падших – «отложивших воинские поясы, но потом, аки псы на свою блевотину возвратившихся». Причиной составления этого правила стало то обстоятельство, что во времена гонений, начатых Диоклетианом, непременным условием принятия на воинскую службу было отречение от Христа. Таким образом, не сама по себе служба подлежит, согласно этому правилу, осуждению, но сопровождавшие ее условия, связанные с принуждением христиан к вероотступничеству.

13 правило требует непременно причащать кающихся грешников, находящихся при смерти, однако если они выздоравливали после причащения, то должны были возобновлять покаянное делание, начиная с той ступени, на которой застала их угрожавшая смертью болезнь.

В 15 каноне воспрещаются не санкционированные законной церковной властью переходы епископов, пресвитеров и диаконов из одного города в другой, а 16 правило воспрещает епископам принимать пресвитеров, диаконов и всех вообще клириков, самовольно оставивших свои церкви. Совершаемые над таковыми клириками рукоположения Собор признает недействительными. 18 правило воспрещает диаконам преподавать Святые Дары пресвитерам и причащаться прежде епископов и пресвитеров, а также сидеть в церкви за богослужением посреди пресвитеров. Издание этого правила вызвано было тем, что некоторые диаконы, являясь ближайшими помощниками епископов, занимавших самое высокое положение в Церкви, например Римского или Александрийского, мнили себя стоящими иерархически выше пресвитеров и даже епископов, занимавших менее значительные кафедры. Правило указывает диаконам, что они во всех случаях занимают положение в Церкви ниже пресвитерского.

На Соборе предлагалось также издать правило, запрещающее брачное сожитие клирикам. Тогда слово взял епископ из Египта Пафнутий. «Он советовал Собору не постановлять такого закона; ибо трудно переносить это. Такой закон и для них и для жен их, может быть, сделается причиною нецеломудрия... И это предложил Пафнутий, сам, – по замечанию Созомена, – никогда не испытавший брачного согласия. Собор одобрил его совет»⁹⁸, и таким образом предложение о введении обязательного celibата для духовенства было отклонено.

Каноны Никейского Собора дают представление о церковной дисциплине в эпоху, когда гонимая Церковь обрела свободу.

25 августа Собор был закрыт. В этот день Константин в императорском дворце Никомидии, расположенной вблизи Никеи, дал его участникам прием, приуроченный к празднованию 20-летнего юбилея своего правления. По описанию Евсевия Кесарийского, присутствовавшего в пиршественной палате, «дюорифоры и гоплиты с обнаженными мечами стояли вокруг царского дворца и охраняли его входы. Служители Божьи безбоязненно проходили между ними и достигали внутренних покоев василевса. Потом одни из них возлегли вместе с василевсом, а другие разместились на скамьях по обеим сторонам палаты. Казалось, что это был образ царства Христова, и случившееся походило на сон, а не на действительность»⁹⁹.

Этот сон оказался настолько притягательным для некоторых из погружившихся в него, что они оказались способными поступиться своими религиозными убеждениями ради того только, чтобы не просыпаться и не видеть возврат печальной яви, в которой бы император и «гоплиты с обнаженными мечами» больше не защищали их. Борьба за православный Никейский символ, последовавшая за Собором, оказалась столь затяжной и столь отягощенной сложными перипетиями, оттого что не один раз в ход шли компромиссы, принципиально недопустимые в богословии, как, впрочем, и в иных сферах жизни, например в науке, когда речь идет не об интересах – их можно примирить, – а об истине. Промысл Божий однако и после 325 г. в конце концов вручал меч

государственной власти императорам, единомысленным с православными епископами, и тогда созывались Соборы, отвергавшие лжеучения, возобладавшие, порой на десятки лет, благодаря покровительству еретичествовавших правителей.

На приеме в честь участников Вселенского Собора святой Константин, по словам Евсевия Кесарийского, «угощая... епископов... сказал, что и сам он епископ (приводим собственные его слова, произнесенные при нас): “только вы – епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом дел внешних»¹⁰⁰. По замечанию В. В. Болотова, «это была скорее шутка, любезность, чем серьезная программа церковной политики... Смысл этих слов находят темным. Лучший комментатор их Евсевий; а по его мнению, из этого принципа вытекали попечения Константина о том, чтобы руководить, насколько от него зависело, всех подданных по пути спасения... Таким образом... епископ внешних дел ограничивал свободу языческого культа – и созывал соборы и принимал живое участие в них»¹⁰¹. Иными словами, под внешним епископством подразумевалось лишь содействие Церкви в ее служении, но вовсе не принадлежность в каком бы то ни было виде к священству, тем более что когда были сказаны эти слова, Константин не был еще и крещен. Впрочем, известна и иная интерпретация этого загадочного высказывания, опирающаяся на другое его прочтение: вместо «епископ внешних дел» – «епископ внешних», иными словами, тех, кто находится вне церковной ограды¹⁰². При таком прочтении этой фразы святой Константин вменяет ей в свой долг содействовать обращению внешних. Впрочем, как считает В. Поджи, в этих словах императора акцент сделан даже и не на миссионерском служении, а на защите прав внешних на религиозную свободу и, значит, на поддержании религиозного мира в империи, как существенно важного элемента *рaх ромaнa* (римский мир)¹⁰³.

Собор, созванный святым Константином в Никее, вошел в историю Церкви как Первый Вселенский Собор. С тех пор состоялось еще 6 таких Соборов, которым Церковь усваивает самый высокий авторитет, принимая их постановления за непогреши-

мые, признавая в их оросах аутентичное богодухновенное изложение догматов, преподанных в самом Откровении.

8. Новый Рим – Константинополь

Помимо издания Миланского эдикта и созыва Вселенского Собора в Никее, третьим важнейшим деянием императора Константина стало создание новой столицы империи – на Босфоре, на месте древнего Византия, названной в честь своего основателя Константинополем, а по-другому также и Новым Римом, ибо этот город стал новым центром Римской империи – со времен Константина уже христианской эйкумены.

Сразу после Собора Константин отправился в паломничество в Палестину. Вернувшись в Никомидию, он стал готовиться к отъезду на Запад, и в начале 326 г. вместе со всей семьей, кроме матери, оставшейся на Святой Земле, выехал в Италию, чтобы отпраздновать двадцатилетие своего правления в столице империи. Путь в Рим лежал через Наисс, где он явился на свет, Сирмий, Аквилею и Медиолан.

В столицу Константин прибыл в июле. В Риме он столкнулся с плохо скрываемым недовольством языческого большинства сенаторов его новой религиозной политикой. Константин принял вызов. 15 июля в честь его приезда состоялось традиционное торжественное шествие от храма Кастора и Поллукса на форуме до храма Марса за городским померием, и поскольку оно сопровождалось жертвоприношением, сам Константин отказался участвовать в нем, тем самым откровенно обнаружив свою приверженность христианству. Этот его поступок вызвал раздражение у римских язычников. Римляне задеты были и тем, что Константина окружали выходцы с востока империи. Комментируя нарастание напряжения, биограф императора Дж. Бейкер писал: «Римляне уже посмеялись над их одеждой из шелка и атласа. Теперь пришел их черед напомнить римлянам, что люди в шелках и атласе – старые профессиональные воины, которые не могут удержаться от соблазна посмеяться над римскими воинами-любителями». «Любители» были в ярости... Этот инцидент вызвал столь резкую реакцию, что императорский двор в Риме оказался практически в полной изоляции. Сам Константин не

мог пройти по улицам города без того, чтобы не оказаться объектом нападок со стороны прохожих»¹⁰⁴.

На императорском совете, созванном в связи с устраиваемой Константину обструкцией, предлагалось применить оружие для предотвращения открытого мятежа. Император однако не находил ситуацию опасной, видимо понимая неспособность фрондирующих римлян к вооруженной борьбе. Поэтому, когда «некий придворный сообщил: статую императора забросали камнями и разбили ей голову... Константин провел по голове и произнес: “Нельзя сказать, чтобы я это заметил!”»¹⁰⁵. И все же, при всем его великодушии и благодушии, обстановка становилась нервной.

В этой ситуации произошли драматические события в императорской семье. Вначале старший сын августа Крисп был сослан в истрийский город Полу и там вскоре убит, а затем его мачеха Фауста погибла, сгорев в горячей воде в ванной. И это был не несчастный случай, но убийство, учиненное по вынесенному ее мужем смертному приговору. Документальные сведения об этих трагических событиях крайне скудны. О них молчат биограф Константина Евсевий и другой церковный историк, Лактанций, который был наставником казненного по приговору отца Криспа. Более поздний историк Зосима, сообщающий об этих насильственных смертях, не заслуживает особого доверия ввиду враждебного отношения к святому Константину. У других древних авторов есть лишь отрывочные сведения о происшедшем.

Трагические события, поразившие императорскую семью, могут быть реконструированы приблизительно в таком виде: популярность Криспа, оказавшегося талантливым полководцем, в войсках и расположение к нему отца вызывали у Фаусты тревогу за участь собственных сыновей: Констанция, Константина и Константа, и, чтобы обеспечить их будущее, она, унаследовавшая от своего отца Максимиана отчаянно смелый и авантюрный характер, решила действовать немедленно и самым рискованным способом. Двадцатилетний юбилей правления Константина, в известном смысле бывшего наследником Диоклетиана, давал повод обвинить возмужавшего Криспа в том, что он

лелеял надежду, что, по примеру Диоклетиана, передавшего верховную власть Галерию и Констанцию Хлору после 20 лет правления, Константин также отойдет теперь от дел, но, сосредоточив полноту власти в собственных руках, восстановив в империи единодержавие, он всю ее уступит старшему сыну. Когда же выяснилось, что Константин вовсе не собирается уходить, то Крисп будто бы решил прибегнуть к насильственным действиям, попытавшись вовлечь в заговор мачеху, которой предлагалось поменять мужа, выбрав вместо отца его юного сына. Константин поверил клевете, тем более что в свое время Фауста ради спасения жизни мужа пожертвовала отцом, сообщив о замышляемом им покушении на Константина. Человек доверчивый, при суждении о людях прежде всего замечавший их лучшие качества, что немало способствовало его популярности, Константин прибегал к самым решительным, если не сказать скоропалительным, действиям, когда убеждался в том, что его доверием злоупотребляют, тем более когда предадут его самого. И на этот раз жертвой его гнева вначале пал оклеветанный сын Крисп, к которому он испытывал ранее безграничное доверие, а затем мачеха казненного, коварство которой открылось ему, поверженному в горе из-за смерти сына, вдовой Криспа Еленой, которая была дочерью свергнутого императора Лициния. Есть сведения, что обличению преступной клеветы способствовала и скорбевшая о гибели любимого внука другая Елена, святая мать императора. В том же году был убит также сын Лициния и пасынок сестры Константина Констанция подросток Лициниан, об обстоятельствах смерти которого фактически ничего не известно.

Пребывая в столице, император позаботился о сооружении в ней христианских церквей. На окраине города, по дороге на Остию, где, по преданию, был усечен мечом апостол Павел, он повелел построить базилику в честь апостола, главной святыней которой стала его гробница. Еще один храм в честь апостолов был тогда сооружен у Аппиевой дороги. Рассказывают, что Константин собственноручно перенес на стройке церкви 12 корзин со строительным бутом – каждую в память об одном из Двенадцати учеников Спасителя. За два года до прибытия импера-

тора в Рим в нем, на Ватиканском холме, вблизи цирка Нерона, был заложен храм, посвященный апостолу Петру. Его освящение состоялось в присутствии Константина 18 ноября 326 г. Так Рим обретал облик христианского города.

Но в конце 326 г. император покинул Рим и отправился на Восток. Открыто выражаемая неприязнь римлян и плохо скрываемое недружелюбие бессильного, но почтенного ввиду своей древности римского сената, семейная драма, разыгравшаяся в этом городе, – все это укрепляло Константина в решимости поменять столицу империи. Первый шаг к этому сделан был уже Диоклетианом, устроившим свою резиденцию в Никомидии. С тех пор местопребыванием императоров бывали разные города, а точнее говоря, военные лагеря, расположенные в этих городах или поблизости от них, так что подобными временными и неофициальными столицами служили, помимо Никомидии, Сирмий на Балканах, Медиолан в Италии, Трир на Рейне и Эбурак (Йорк) в Британии. Между тем еще со времен Антонинов центр тяжести империи – экономический и демографический – переместился из Италии на восток, а в культурном отношении грекоязычные провинции доминировали еще со времени их завоевания Римом. Римская элита давно уже стала двуязычной, одинаково хорошо владея и родным латинским, и греческим языком. Самые опасные военные угрозы также находились на востоке. Сильнейшим и потому главным противником Рима в течение многих веков являлась Парфия, которая с воцарением Сасанидов сбросила с себя вместе со свергнутой династией эллинистическую оболочку и вновь стала Ираном.

С Никомидией у императора связаны были грустные воспоминания о своем почетном заложенничестве при дворе Диоклетиана и затем об угрожавшей ему там смертельной опасности, когда властителем восточной части империи стал Галерий. Латиноязычный иллириец по рождению, Константин одно время собирался устроить новую резиденцию в Сардике, расположенной вблизи его родного города Наисса. Но стратегические соображения побудили его искать место для новой столицы дальше на востоке. Одним из вариантов рассматривались Фессалоники,

но это был большой город, который мог быть лишь приспособлен к новой для себя роли, а идея Константина заключалась в том, чтобы создать город, который бы не нес на себе несмываемой печати прошлого. Это был замысел, подобный тому, который 14 столетий спустя на севере Европы осуществил другой великий реформатор.

Возникла идея воздвигнуть новую столицу на месте к тому времени уже ушедшей в землю Трои, овеянной древними героическими воспоминаниями, и где при этом ничто не мешало строить совершенно новый город на месте, лишенном застройки. Эта мысль подкреплялась и официальным мифом о происхождении римлян от бежавшего из горящей Трои Энея, так что перенос столицы из Италии на восток представал в архаикомифологическом воображении как возвращение римлян на свою исконную родину. Но пассаистские мечты, к тому же замешанные на языческих древностях, уступили место трезвым стратегическим соображениям реального политика. На какое-то время внимание Константина задержалось на небольшом городке, расположенном на азиатском берегу Мраморного моря, вблизи впадения в него Босфорского пролива, – Халкидоне, и наконец сделан был идеальный выбор – европейский берег Босфора – город Византий, в прошлом значительный, но пришедший в упадок после ряда разорений, которым он подвергся в войнах последних столетий, особенно при Септимиусе Севере, приказавшем, правда, его восстановить, но и в заново отстроенном виде он не мог сравниться с тем городом, который был им же разрушен.

Византий расположен был в самом узле коммуникаций, связывавших припонтский север с Восточным Средиземноморьем, а также, в перекрестном направлении, – Европу с Азией. Глубокая бухта Золотого Рога, к которой он примыкал, представляла несравненные возможности для устройства в ней торгового порта и военно-морской базы, она также превосходным образом защищала город, который с трех сторон окружен был морской водою: Мраморным морем, Босфором и самим этим Золотым Рогом, так что оставалась лишь одна из четырех сторон, где город соприкасался с сушей и

где поэтому с несравненно меньшими затратами, чем, например, в Риме, можно было выстроить крепостную стену, протяженность которой, если бы новая столица осталась в стенах древнего Византия, могла бы составлять не более одного километра. Но, разумеется, новый город с совсем иным назначением, чем прежний, занял гораздо больше пространства и впоследствии распространялся в западном направлении, в котором расстояние между морем и Золотым Рогом увеличивалось, в связи с чем не раз после Константина строились новые стены, более протяженные, чем оставляемые позади них; более того, городские укрепления воздвигнуты были и там, где защитой служили уже самые морские воды, но в результате их построения эта защита становилась тем более непреодолимой, так что в течение без малого девяти столетий, прошедших со времени основания столицы, ее бесчисленным врагам, много раз осаждавшим ее, ни разу не удалось ее взять.

Константинополь расположен на холмистой местности, пересеченной долиной, которая проходит от Золотого Рога до Мраморного моря. Поскольку город назван был Новым Римом, в нем, по подобию столицы империи на Тибре, также, с известной долей условности, насчитывали семь холмов, лишь один из которых занимал древний Византий, что дает представление о масштабах градостроительного деяния, предпринятого императором. К западу от города высота местности над уровнем моря повышалась, приобретая уже горный вид. На северо-запад от Константинополя лежат Родопы, представляющие собой южную и самую высокую цепь Балканских гор.

Новую столицу заложили в местности с исключительно благоприятным климатом, теплым, но не жарким – со средней температурой января около 6, а июля около 24 градусов. Продуваемый с разных сторон, особенно часто черноморскими ветрами, город не знает изнурительной жары даже в самое теплое время года. Зимой температура редко опускается ниже нуля, снег временами идет, но сразу тает, осень бывает долгой, мягкой и сухой, дожди чаще выпадают зимой и весной, которая быстро превращается в теплое, но не жаркое лето.

4 ноября 328 г., – по местному греческому календарю шел первый год 276 олимпиады – совершена была закладка Нового Рима, сопровождавшаяся как христианским богослужением, так и языческими церемониями, включавшими предварительные ауспиции и затем инаугурацию, которую возглавил иерофант Претекст – некоторые историки, в частности Я. Буркхард¹⁰⁶, называют его великим понтификом, но это недоразумение, поскольку эту должность, занимавшую положение на вершине римской сакральной иерархии, со времен Цезаря и Августа занимал император. Роль эллинского жреца, телесты, выполнил при закладке Нового Рима философ неоплатонической школы Сопатр, которого в ту пору приблизил к себе Константин. Существует предание, известное из сочинения продолжателя «Церковной истории» Евсевия арианина Филосторгия, что когда императора, который «шел с копьем в руке, обозначая новую границу города и шел все дальше и дальше, один из тех, кто его сопровождал, спросил: “Как далеко хочешь ты уйти, господин?», тот ответил: “Пока не остановится Тот, Кто идет впереди меня”»¹⁰⁷. У Филосторгия этот диалог нашел осмысление в христианском контексте.

После закладки города началось интенсивное строительство, и когда воздвигнуты были основные сооружения, 11 мая 330 г. состоялось его освящение. Параллельные христианскому богослужению, совершенному епископом этого города святым Александром, языческие церемонии исполнялись и на этот раз, но без особой пышности и без присутствия на них Константина, допущенные лишь из уважения императора к религиозной свободе язычников, которые на основании Миланского эдикта имели одинаковые права с христианами. Но в этот день давались блестящие цирковые игры, увлеченным зрителем которых был и сам император. В канун торжеств языческий философ Канонарид «прилюдно прокричал императору: “Не пытайся возвыситься над нашими предками, ибо ты обратил наших предков... в ничто!». Константин заставил философа приблизиться и стал убеждать его отказаться от этой апологии язычества, но тот воскликнул, что хочет умереть за своих предков, и был... обезглавлен»¹⁰⁸.

Впоследствии 11 мая каждый год в Константинополе совершались праздничные торжества, когда горожане стекались на ипподром, на котором устраивалось грандиозное шествие: на триумфальной колеснице везли колоссальную статую Константина из позолоченного дерева, в левой руке он держал изображение Тихе (богини судьбы), на лбу которой виден был крест, что давало возможность христианского осмысления этого образа. Процессия сопровождалась эскортом солдат в парадных мундирах, и все они несли горящие факелы. Зрители, к которым приближалась колесница, склонялись в глубоком – поклоне. Автократоры, преемники Константина, когда триумфальная колесница со статуей основателя города двигалась мимо императорской ложи, вставали и также делали поклон.

В центре новой столицы устроен был так называемый «мильный столб», подобный тому, что стоял на республиканском форуме Древнего Рима, служивший точкой отчета расстояний на всех дорогах, которые вели из города: главными были маршруты на Адрианополь и Фессалоники. Это была площадь, окруженная со всех сторон четырьмя триумфальными арками. В 500 метрах к югу от «мильного столба» был устроен гигантский ипподром, в центре которого возвышалась «змеиная колонна», привезенная из Дельф. Она служила там подставкой для золотого треножника, сооруженного за счет союзных греческих полисов, одержавших победу над персами при Плутее. Колонна, сохранившаяся поныне, представляет собой три бронзовых змеиных туловища, свившихся в спираль. Винтовая лестница вела из ипподрома в расположенный с его восточной стороны императорский дворец, в комплекс которого входили также военные казармы и плацы. Ныне на месте дворца возвышается «Голубая» мечеть. При сыне Константина Констанции вблизи дворца была сооружена христианская церковь в честь Премудрости Божией – Святая София, два столетия спустя, при Юстиниане, подвергшаяся радикальной перестройке. Неподалеку выстроено было грандиозное подземное хранилище дождевой воды, получившее название цистерны «1001 колонны».

На полпути от «мильного столба» до дворца находилась рыночная площадь Византия, переименованная в Августейон. На ней выстроены были языческие храмы в честь покровительницы Византия богини Реи и богини судьбы Тихе, считавшейся защитницей Рима. На Августейоне находился христианский храм, построенный ранее основания новой столицы и по повелению Константина значительно расширенный и посвященный Божественному Миру – Ирине. Во времена османских султанов храм служил военным складом и сохранился до наших дней. За Божественной литургией, совершенной в этой церкви 11 мая, присутствовал святой Константин. От этой Литургии и берет начало официальная история Константинополя. Много других христианских церквей, существовавших некогда в Новом Риме, но потом утраченных, восходит ко временам Константина, о них однако нет точных сведений, но число их, несомненно, многократно превосходило количество языческих храмов новой столицы, из которых, помимо уже упомянутых, известен еще храм Диоскура и Поллукса, построенный вблизи цирка.

На запад от «мильного столба» шла главная улица столицы Месса. На пересечении этой улицы, существовавшей еще в древнем Византии, с крепостной стеной, выстроенной при Септимии Севере, был разбит форум – площадь овальной конфигурации, отделанная мрамором, в центре которой поставили порфирную колонну высотой более 30 метров, доставленную из египетского Гелиополиса. В цоколь колонны вложили христианские реликвии, и среди них сосуд с мирром Марии Магдалины, а на верху колонны была водружена созданная Фидием статуя Аполлона, голова которой была заменена портретным изображением императора Константина в ореоле из солнечных лучей. В правой руке он держал скипетр, а в левой – державу с частицей Креста Господня, обретенного святой Еленой в Иерусалиме.

Город окружен был померием – земляным валом и крепостной стеной, которая, по описанию Ф. И. Успенского, опирающегося на современную ему топонимику, «от Золотого Рога к Мраморному морю... шла в направлении к юго-западу, пересекая большую улицу, существовавшую и в древности под именем

Месса... между цистернами Аспара и храмом свв. Апостолов, затем склонялась к югу, проходя мимо цистерны Мокия, и доходила до моря в местности между Псаматией и Дауд Паша-капуси, неподалеку от древнего монастыря Перивлепта, или Сулу-монастырь»¹⁰⁹. Вне городской стены, на северном берегу Золотого Рога, были выстроены казармы для 7 тысяч готских воинов, находившихся на службе императора. При Константине значительная часть города оставалась еще не застроенной, тем не менее совершенные при нем постройки далеко выходили за черту древнего Византия.

По распоряжению императора новая столица украшена была многочисленными статуями, доставленными из разных городов империи, главным образом из Эллады и Ионии, но также и из Рима, откуда привезли скульптуры императоров. Там, где при Констанции был воздвигнут храм Святой Софии, перестроенной святым Юстинианом, установлено было 427 статуй. Едва ли не большую часть из них составляли изображения языческих божеств, но в Константинополь их переносили не для поклонения, а для того, чтобы они украсили город. Исключительно эстетическое восприятие античной пластики и всего вообще искусства языческой древности, столь характерное для нового времени, восходит к тому концепту имперской столицы, который принадлежит первому христианину в чреде императоров Рима. Среди скульптур, перемещенных в Новый Рим, были и настоящие шедевры: Зевс из Додоны, Афина из Линдоса, и даже статуи Фидия и Лисиппа. До нас из всех этих шедевров дошли, находящиеся, правда, уже не в Константинополе, разграбленном крестоносцами в 1204 г., а в Венеции, 4 бронзовых коня, водруженные на портал собора апостола Марка, – прекрасный образец античного литья.

Построив новую столицу империи, Константин наделил этот город статусом, подобным тому, который имел ранее и формально сохранил после появления соперницы на Босфоре исконный Рим. Город изъят был из провинции Европы и Фракийского диоцеза, в которые до тех пор входил Византий. Подобно Риму, он освобождался от поземельной подати, а его граждане от налогов на тех же основаниях, что и римляне.

Малоимущим горожанам бесплатно выдавалось зерно за счет фиска.

Обыватели Нового Рима стали называться одинаково с теми, кто проживал в исконном Риме, римлянами. Правда, поскольку их родным языком в большинстве случаев, был не латинский, а греческий, получалось не *romani*, но *romei*. И этот юридический и политический термин, став этнонимом, вскоре распространился на всех грекоязычных граждан и подданных Римской империи, вытеснив древнее самоназвание «эллины», которое стало употребляться для обозначения язычников, противопоставляемых настоящим ромеям – христианам, принявшим религию, ставшую со временем государственной. Правда, греческий язык не был при этой терминологической метаморфозе переименован в ромейский, оставшись эллинским, подобно тому как и язык исконных римлян не назывался римским, но всегда оставался латинским.

Подобно Риму, Константинополь был разделен на такое же число муниципальных округов – 14, из которых 12 располагались внутри стен, а два другие вне их. Городской архонт был удостоен Константином звания проконсула, одинакового с правителями наиболее важных провинций. Со стороны титулярной равенство Нового Рима с Древним наиболее выразительным образом символизировало учреждение в нем сената, в который был преобразован прежний городской совет Византия – курия, или, по-гречески, буле, но в который были включены также и сенаторы, по приглашению императора переселившиеся из Рима. Первоначально он состоял из 300 лиц, титуловавшихся, правда, в отличие от римских сенаторов, не *clarissimi* (сиятельнейшие), а только *clari* (сиятельные). Для сената сооружена была курия, а в новой столице и ее окрестностях выросли дворцы и виллы сенаторов. В городе поселились многочисленные чиновники, в значительной части перемещенные из Рима. Официальным и деловым, канцелярским языком империи, в том числе и учреждений, находившихся в Константинополе, оставалась латынь, и такое положение продолжалось еще в течение трех столетий.

В Новый Рим и по воле императора и по собственному выбору переселялись в основном сенаторы и чиновники, ставшие христианами, либо по меньшей мере чуждые языческих предубеждений против христиан. В результате в Новом Риме складывались условия, благоприятные для его становления как столицы христианской империи, в то время как римский сенат оставался, благодаря привилегиям сенаторов, защищавшим их от чрезмерно энергичного воздействия на их религиозную совесть, наряду с философскими школами и деревенской глубиной, одним из последних заповедников язычества.

При содействии правительства в Константинополь переселялись выходцы из окрестных городов. Численность городского населения стремительно росла. На рубеже IV и V столетий, во времена святителя Иоанна Златоуста, в нем проживало до 100 тысяч христиан; по меньшей мере насчитывалось еще не менее 50 тысяч язычников и иудеев. В V веке Новый Рим превзошел по численности населения Рим ветхий, к тому времени пришедший в упадок, и уступал тогда только Александрии и Антиохии, со временем опередив и их и став крупнейшим мегаполисом Средиземноморья.

9. Империя под властью святого Константина

Совершив колоссальный по своим всемирно-историческим последствиям переворот в религиозной политике, император Константин в области государственного строительства явился творческим продолжателем реформ, начатых Диоклетианом. Завершая финансовую реформу Диоклетиана, он ввел в обращение новую золотую монету – статир, явившуюся эффективным средством борьбы с инфляцией. В 327 г. вышел указ, не допускавший отсрочек в платежах должников в фиск. Куриалы, отвечавшие своим имуществом за поступление налогов от городов, которыми они управляли, лишены были права оставлять свои должности, которые практически стали наследственными и скорее обременительными, чем почетными. На состоятельных покупателей земельных участков у разорившихся владельцев возлагалась ответственность за недоимки казне, которые оставались за продавшими эти участки бедняками. Лица, нашедшие клад, обязаны были половину их отдавать в казну. Суровым преследованиям подвергались вымогатели и лихоимцы – наказанием для вымогателей было сожжение на костре. Зато покровительство оказывалось ремесленникам и специалистам – врачи, учителя, архитекторы и их родители, мастера 35 видов ремесел освобождались от податей. Бедных родителей, чтобы предотвратить детоубийство, император повелел снабжать одеждой и пищей. Защищая крестьян от эксплуатации, Константин запретил отбирать крестьянских лошадей для почтовых нужд, не разрешал в страдную пору привлекать крестьян к исполнению чрезвычайных государственных повинностей, запрещено было также брать в залог скот и рабов, занятых в сельском хозяйстве.

В то же время конституцией 332 г. Константин в интересах фиска закрепил переход арендаторов – колонов из одного имения в другое. Землевладелец, принявший чужого колона, не только должен был вернуть его прежнему арендодателю, но и заплатить за него подати, полагавшиеся фиску за весь срок его незаконного укрывательства. «Самих же тех колонов, – было

сказано в законе, – которые вздумают бежать, надлежит заковывать в кандалы, как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям»¹¹⁰. По существу дела это был акт, прикреплявший колонов, которые тогда составляли значительную часть крестьянства, к земле, подобный тем, что издавались в России в XVII веке, хотя при этом, как это видно из «конституции», юридически колоны оставались свободными и за ними признавались гражданские права.

Власть императора, сохраняя военную основу, заключавшуюся в верховном командовании вооруженными силами государства, подверглась традиционной для эллинистического Востока сакрализации. Но если при Диоклетиане эта сакрализация имела под собой зыбкую почву, потому что включенные в имперский государственный организм элементы римского правосознания отторгали прямое и откровенное обожествление правителя, по подобию египетских фараонов, а прикровенные формы такого обожествления, включая титулование императора господином (*dominus*) представляли собой неубедительный и не вызывавший особого доверия двусмысленный компромисс, то при святом Константине эта сакрализация обрела твердое основание. Император не объявлялся богом, потому что он не был богом, но власть императора становилась богоданной и Богом благословленной и в этом смысле священной. Эта идея, отражающая реальное положение дел, легла в основание самой идеи христианской монархии и обнаружила поразительную функциональность в течение последовавших веков европейской истории.

В связи с этим все, что имело тесное соприкосновение с особой императора, при Константине стало именоваться священным, или, что то же, сакральным. Так, одним из высших должностных лиц государства стал препозит священной спальни (*praepositus sacri cubiculi*). Эту должность обыкновенно занимали евнухи. Одинаковым с ним рангом *vir illustris* (сиятельный муж) обладал начальник служб (*magister officiorum*), что соответствовало отчасти гофмаршалам позднейших европейских дворов, отчасти же – премьер-

министрам. Высшие сановники империи имели титул comes (комитов) – спутников, или друзей императора. Впоследствии, в средневековье, из «комита» в результате сложной эволюции сложился графский титул – по-французски comte, но по своему действительному положению комиты Константина напоминали генерал-адъютантов свиты Российских императоров. При этом они разделялись на два ранга – comités primi ordinis и comités secundi ordinis. Высший ранг vir illustris имели комит императорских имений, или сальтусов (comes rerum privatorum), министр финансов (comes sacrarum largitionum), в ведении которого находилась государственная казна – aerarium sacrum, а также все фабрики и мастерские, квестор, являвшийся секретарем императора и его главным советником по законодательству (quaestor sacri palatii), и два начальника дворцовой стражи (comités domesticorum): один из них командовал конной, а другой – пешей лейб-гвардией. Комиты второго ранга назывались viri spectabiles (высокородные мужи). К их числу принадлежали примицерий священной спальни (primicerius sacri cubiculi), примицерий нотарииев (primicerius notariorum), castrensis sacri palatii, который ведал дворцовым хозяйством, и четыре начальника канцелярий (magister scriniorum) – своего рода министры. Нижестоящие сановники именовались notarii. Весь штат придворных чинов и имперских канцелярий именовался «дворцовым войском» (militia palatina). Священным назывался и высший государственный совет – sacrum consistorium, еще при Диоклетиане заменивший совет принцепса – consilium principis. Каждый высокопоставленный сановник имел свою канцелярию – officium. Чиновники, включенные в штаты этих канцелярий, именовались agentes in rebus, среди них числились также агенты тайной полиции – так называемые curiosii, в буквальном переводе – «любопытные».

В 335 г. своими соправителями с титулами цезарей Константин Великий назначил трех сыновей, родившихся от Фаусты, – Константина, Констанция и Константа, а позже, когда в 336 г. праздновался тридцатилетний юбилей его правления, такого же титула был удостоен его племянник – сын его единокровного брата Далмация, носивший отцовское имя, младший же брат

юного Далмация, Ганнибалиан, помолвленный с дочерью Константина Константиной, не только стал цезарем, но и был назначен правителем Понтийского диоцеза с заимствованным у персов титулом царя царей. Но августом оставался лишь сам Константин, сохранивший основы административного устройства империи, введенные Диоклетианом, но упразднивший оказавшуюся нежизнеспособной и чреватой гражданскими войнами тетрархию.

Разделение имперской территории на четыре префектуры при нем сохранилось. Только теперь они находились под управлением 4-х гражданских чиновников – префектов претория, лишенных военной власти и подчинявшихся цезарям, которые однако, во-первых, были членами семьи августа, а во-вторых, не обладали самостоятельностью прежних тетрархов, во всем подчиняясь императору, тем более что они были еще слишком юны и неопытны – младший из них Констант даже не вышел еще из детского возраста.

Резиденция префекта Галлии находилась в Августе Тревигов (Трире), Италии – в Риме, Иллирика – в Сирмии, а резиденция префекта Востока была переведена из Никомидии в Константинополь. Имперские столицы Рим и Новый Рим были выделены в особые административные единицы, которыми управляли *praefecti urbis*. Префекты причислялись к первому рангу сановников – *viri illustres*. Префектуры, в свою очередь, делились на 12 диоцезов, во главе которых стояли викарии, или, по-гречески, экзархи. Властные полномочия викариев, как заместителей префектов, имели ту особенность, что они приостанавливались на время пребывания на территории диоцеза самого префекта. Викарии по государственной табели рангов принадлежали к второму классу – высокородным мужам *viri spectabiles*. Галлия включала в себя следующие диоцезы: Британию, собственно Галлию с галльскими и германскими провинциями, а также Испанию с Мавританской провинцией на Африканском континенте. Префекту Италии подчинялись викарии Италии и Иллирика, включавшего иные провинции, чем префектура Иллирик, – Далмацию, Паннонию и Норик. Префектура Иллирика состояла из Македонского и Дакийского

диоцезов, а в-префектуру Восток входили пять диоцезов: Фракия (восточная оконечность Балканского полуострова с центром в Ираклии), на территории которой находилась и новая столица империи – Константинополь; Понт, занимавший северо-восточную часть Малоазийского полуострова и Армянское нагорье; Восток, или Сирия, и Египет. Викарий Востока имел титул комита, а викарий Египта именовался префектом августалом. Помимо Рима и Константинополя, из-под власти префектов были также выведены подчиненные непосредственно императору провинции: Азия, проконсульская Африка и Ахайа, управлявшиеся комитами первого ранга (*comités primi ordinis*).

Провинциями при Константине управляли подчиненные викариям ректоры, которые имели титулы президов, корректоров, а также проконсулов. Ректоры причислялись к третьему рангу по табели – светлейших мужей (*virī clarissimi*), кроме проконсулов, которые приравнивались к викариям и причислялись поэтому ко второму классу сановников.

Территориально империя разделена была также на военные округа, называвшиеся дукатами, потому что командовали ими военачальники с титулами *duces*. В средневековых королевствах этот титул получил значение герцогов – по-французски *duc*. Дуксы обладали вторым рангом по табели – *virī spectabiles* (высокородные мужи).

Император Константин завершил военную реформу, начатую Диоклетианом. Он упразднил и распустил преторианскую гвардию, которую в ее роли охраны особы императора и дворца заменила свита императора (*protectores domestici*) и дворцовая стража (*auxilia palatina*). Двор императора являлся заодно ставкой верховного главнокомандующего и назывался *comitatus*, – от титула состоявших при ней высших чинов – *comités*.

Армия при Константине была окончательно разделена на пограничные (*limitanes*) и превосходившие их числом и уровнем боевой подготовки мобильные войска (*comitatenses*), расквартированные в городах и лагерях, расположенных далеко от границ, но способных к быстрой переброске и ведению войны с сильным противником. На опасные участки границы для под-

крепления лимитанов командировались дополнительные вооруженные силы в виде вспомогательных полков, так называемые псевдолимитаны. Император назначал двух высших военных начальников, командовавших пехотой (*magister peditum*) и конницей (*magister equitum*). Оба они имели высший ранг по табели, титуловались, наравне с префектами, *viri illustres*, но поскольку в вооруженных силах империи, несмотря на повышение роли кавалерии в сравнении с прошлой эпохой, пехота по-прежнему преобладала, *magister peditum* занимал более высокое положение, чем его коллега.

Еще при Диоклетиане радикально уменьшилась численность легионов – с 6 тысяч до 1 или даже до 500 воинов. Лишь в отдельных случаях они именовались по-старому легионами, но чаще когортами, алами, *auxilia*, *vexillationes*, *numeri*, *équités*. Командовали ими офицеры со званием трибуна или префекта. Звание военных легатов исчезло из употребления, ушло и прежнее разделение офицеров на центурионов и трибунов, каковыми могли становиться лишь лица сенаторского или всаднического сословия. В связи с этим возможность для карьерного роста способных солдат и офицеров независимо от их происхождения и положения до вступления на военную службу существенно расширилась – для солдат открылся путь к генеральским должностям и чинам.

При императоре Константине укрепилась давно уже сложившаяся тенденция комплектовать вооруженные силы не из числа римских граждан, в большинстве случаев свою воинскую повинность исполнявших в виде особых налогов на содержание армии и лишь в крайне редких случаях и в малом числе набиравшихся в легионы, а наемниками, причем главным образом из варваров. В основном это были тогда северные варвары – германцы, в том числе особенно выделявшиеся среди них готы, бриты, а также сарматы, или аланы. Исключительно германцам император доверял охрану собственной персоны, семьи и двора. В результате римские граждане, и не только природные греки и италийцы, но и эллинизированные или романизованные инородцы, утрачивали способность и готовность воевать и защита империи от

варваров становилась делом самих варваров, нанятых на службу Риму, что, как выяснилось в исторически близкой перспективе, несло с собой грозную опасность, оказавшуюся смертельной для западной части империи.

Одним из испытаний для насыщенной германским элементом римской армии стала очередная война с готами, вторгшимися в 331 г. в Дакию, к тому времени оставленную римлянами и занятую сарматами. Сарматы просили императора о помощи, и, поскольку совместные действия с одними варварами против других были выгодны для империи, Константин решил помочь им. Когда римские войска готовились к военной операции, готы под предводительством короля Арариха, действуя на опережение, первыми форсировали Дунай и приступили к грабежу балканских провинций, который продолжался в течение всей зимы, пока римская армия не нанесла по ним сокрушительный удар ранней весной 332 г. Разбитые остатки готских полчищ после этого ушли в горы, где они претерпевали холод и голод, заставивший их сдаться на милость победителя. Сын готского короля Арариха был взят в заложники, а сам король отпущен. Он вывел своих соплеменников за пределы империи, но значительная часть готов пожелала остаться на ее территории. По, вероятно, преувеличенным сведениям, до 300 тысяч готов были расселены в пограничных провинциях: в Паннонии, Фракии и Македонии в качестве зависимых, но пользовавшихся самоуправлением союзников-федератов.

Вернувшись в Дакию, готы, уже при короле Геберихе, обрушили удар на сарматов и германское племя вандалов. Разбитые противником, сарматы просили императора об убежище и получили его – император приказал поселить их малочисленными группами на Балканах и в Италии. Вандалы обосновались тогда в междуречье Дуная и Тисы, на востоке современной Венгрии, куда они переместились с севера, из Силезии. Правил ими король Визимар. О войне готов с вандалами, которая относится к 337 г., последнему в земной жизни святого Константина, и ее последствиях Иордан писал: «Геберих, король готов, начал с ними войну на берегу... реки Маризии (Мароша. – В.Ц.); недолго сражались они с равным

успехом, но скоро король вандалов Визимар с большей частью своего племени был уничтожен. Геберих же... после одоления вандалов и захвата добычи вернулся в свои места, откуда вышел. Тогда небольшая кучка вандалов, которые бежали, собрали отряд своих небоеспособных (соплеменников) и покинули несчастную страну; у императора Константина они испросили для себя Паннонию и, устроив там селения, служили как местные жители по императорским декретам»¹¹¹, то есть в качестве федератов.

В этом сообщении факты обозначены верно, но налицо очевидные преувеличения – судя по позднейшей истории вандалов, совершивших победоносный поход по европейским и африканским провинциям империи, разоривших Рим, создавших свои государства в Испании и потом в Африке, большая часть их племени не была истреблена готами и в Паннонии поселились отнюдь не только «небоеспособные» вандалы, во всяком случае это племя смогло столетие спустя восстановить свою боеспособность, повергшую в ужас народы Римской империи.

10. Церковная жизнь после Никейского Собора

Готская война, закончившаяся успешно для Рима, явилась лишь эпизодом в политической жизни империи 330-х гг., в целом стабильной и мирной. После Никейского Собора главным предметом заботы императора стали церковные дела. Сразу после Собора он отправился в паломничество в Палестину, затем, уже после его возвращения в Никомидию, на Святую Землю прибыла его мать Елена, которая надолго задержалась там.

Как известно из сочинений древних историков, в Иерусалиме, в ту пору называвшемся Элией Адриана, ею был обретен Животворящий Крест Спасителя. В свое время на месте Гроба Господня был выстроен храм Афродиты. Узнав о том, где находилась пещера, в которой было погребено Тело Спасителя, Елена «откопав и очистив место», «нашла в гробнице три креста: один – преблаженный, на котором висел Христос, и прочие, на которых распяты были и умерли два разбойника. Вместе с ними найдена и дощечка Пилата, на которой распятого Христа провозглашал он в разных письменах царем иудейским. Но так как все еще неизвестен был крест искомый, то мать царя обуяла немалая скорбь. От этой скорби вскоре, однако, избавил ее Иерусалимский епископ по имени Макарий. Он... просил у Бога знамения и получил его... В той стране одна женщина одержима была долговременной болезнью и наконец находилась уже при смерти. Епископ вознамерился поднести к умирающей каждый из тех крестов, веруя, что, коснувшись креста драгоценного, она выздоровеет. Надежда не обманула его. Когда подносили к жене два креста не Господних, умирающей нисколько не было лучше, а как скоро поднесен был третий, подлинный, – умирающая тотчас укрепилась и возвратилась к совершенному здравью... Мать царя предложила создать на месте гробницы многоценный молитвенный дом и, построив его против того древнего разрушенного Иерусалима, назвала Иерусалимом новым. Что же касается креста, то одну часть его, положив в серебряное хранилище, оставила она там... а другую послала царю»¹¹², а Константин

«скрыл ее в своей статуе», «утвержденной на высокой порфировой колонне... в Константинополе»¹¹³. Вместе с Крестом Господним святой Еленой обретены были и гвозди, которые послужили орудием страстей. Из этих гвоздей Константин «приказал сделать себе шлем и для коня узду»¹¹⁴. По возвращении из паломничества равноапостольная Елена преставилась, вероятно уже в начале 330-х гг., в возрасте около 80 лет.

Император щедро жертвовал средства на строительство церквей в Палестине: кроме Храма Воскресения Христова, при нем воздвигнуты были церкви в Вифлееме и на Фаворской горе. Христианские храмы строились также в имперских столицах: Константинополе и Риме, в Никомидии, в провинциальных центрах и других городах империи – на западе и востоке. Свободой вероисповедания пользовались при нем и язычники, в храмах которых повсеместно были воздвигнуты статуи Константина, сохранявшего за собой звание великого понтифика, продолжались и кровавые жертвоприношения, но, следуя указанию своей христианской совести, святой Константин прекратил публичное пролитие человеческой крови, запретив гладиаторские бои. Из числа видов смертной казни он исключил распятие на кресте, не столько ввиду его чрезмерной жестокости, сколько потому, что после распятия Спасителя оно в восприятии христиан приобрело кощунственный характер.

Для воинов император составил молитву, которую приказал возносить в воскресный день на языке армии – латинском: «Тебя единого признаем Богом, Тебя исповедуем Царем, Тебя именуем Помощником, Тобой приобретали мы победы, Тобой преодолевали врагов, Тебе приносим благодарение за полученные благодеяния, от Тебя чаем и будущих благ. Тебе все молимся и Тебя просим, да сохранишь на многие годы здоровым и победоносным василевса (в оригинале, конечно, не *гех*, но *imperator*. – В.Ц.) нашего Константина с боголюбезными Его чадами»¹¹⁵. В этой молитве нет упоминания Иисуса Христа, так что она была приемлема как для христиан, так и для нехристиан, но своим подчеркнуто монотеистическим содержанием она едва ли совместима была с традиционно

римским или эллинским многобожием, хотя, конечно, для политеиста оставалась возможность подразумевать под единым Богом верховное божество – Зевса или Юпитера, так что, строго говоря, обязательность этой молитвы для воинов ничьей религиозной совести не насильствовала, при этом приближая молящихся воинов к познанию Бога, Которому поклонялся их император.

Оберегая Кафолическую Церковь от пагубных разделений, святой Константин издал указ относительно еретиков. В нем он обращается к отступникам от Православия со словами грозного обличения: «Узнайте теперь... новациане, валентиане, маркиониты, павлиане, так называемые катафригийцы и все, посредством своего учения умножающие ереси... сколько губительного яда содержит в себе ваше учение, от которого здоровые подвергаются болезни, а живые – вечной смерти! ... Ваши нелепости так многосложны и безмерны, так отвратительны и наполнены всякого рода жестокости, что для изображения их не хватит целого дня»¹¹⁶. Император призвал еретиков образумиться, отбросить свои заблуждения и войти в лоно Кафолической Церкви. Еретические собрания по этому указу подлежали запрету, а молитвенные дома передавались Кафолической Церкви.

Одним из постановлений Константина был запрет иудеям держать в рабстве христиан, ибо, по словам Евсевия Кесарийского, он «считал несправедливым, чтобы искупленные Спасителем были рабами убийц пророков и Самого Господа»¹¹⁷. Ранее император распространил льготы, которыми пользовались языческие жрецы, на христианских клириков, освободив их от всякого рода повинностей, от исполнения обязанностей декурионов, сопряженных с личной финансовой ответственностью за поступление городских налогов в казну. В то же время, придерживаясь принципа религиозного равноправия, эдиктами от 330 и 331 гг. он освободил от общественных повинностей также и иудейских раввинов и старейшин. Епископы до известной степени наделены были полномочиями публичной власти. Совершаемые в их

присутствии манумиссии (освобождение раба на волю) признавались действительными.

В свою очередь епископы привыкали смотреть на императора как на высшего судью и арбитра по спорам, которые возникали между ними. К нему же христиане обращались с жалобами на епископов. Еще до Никейского Собора «какие-то сварливые люди, – по словам блаженного Феодорита, – внесли обвинения на некоторых епископов и свои доносы подали царю письменно. Царь... сложив все в одну связку, запечатал своим перстнем и приказал хранить. Но потом, когда мир был утвержден, он принес поданные себе доносы в присутствии епископов и пред ними сжег их, утверждая клятвенно, что не читал ничего тут написанного: не надобно, говорил он, проступки иереев делать общеизвестными, чтобы народ, получив отсюда повод к соблазну, не стал грешить без страха. Сказывают, Константин прибавил к этому следующее: если бы ему самому случилось быть очевидцем греха, совершаемого епископом, то он покрыл бы незаконное дело своей порфирой, чтобы взгляд на это не повредил зрителям»¹¹⁸.

Внутрицерковный мир, утвержденный на Никейском Соборе, оказался, к большому огорчению императора, непрочным и недолгим. Епископы, разделявшие богословские взгляды Ария или придерживавшиеся воззрений, расходившихся с учением, утвержденным на Соборе, подписали Символ веры и акт, осуждавший Ария и единомысленных с ним еретиков, не потому, что они искренне изменили свои убеждения, но из-за стремления угодить императору, который, как это видно из его посланий, предварявших созыв Собора в Никее, не придавал важного значения богословским расхождениям, взбудоражившим Церковь, и если и не стремился достичь примирения любой ценой, то очевидным образом подталкивал спорящих к скорейшему примирению. Поняв это, искушенные покровители Ария, и в первую очередь Евсевий Никомидийский, решили эксплуатировать эту черту в отношении императора к церковным делам. Они постарались предстать в его глазах способными до конца следовать его желаниям, готовыми ради примирения к уступкам, а своих – противников, в особенности святителя

Александра Александрийского и его ученика и последователя Афанасия, изобразить в глазах императора в черном свете непримиримых упрямцев и раздорников, и до известной степени преуспели в этой своей политике, тем более что адвокатом арианской партии взялась быть единокровная сестра Константина Констанция. В 328 г. она добилась от брата разрешения на возвращение на свою кафедру Евсевия, которого она хорошо знала и ценила со времени, когда она вместе с мужем Лицинием находилась в Никомидии. Одновременно из ссылки вернулся и единомышленник Ария Феогнис Никейский.

17 апреля 328 г. преставился святитель Александр. Его преемником на Александрийской кафедре стал святой Афанасий. Он родился в конце 290-х гг. в египетской столице в христианской семье среднего достатка. Гонения Диоклетиана и Галерия он пережил еще ребенком, сам он не пострадал от них, но ему пришлось быть свидетелем ужасов, обрушившихся тогда на христиан. Его общее образование продолжалось недолго, а затем он прошел богословскую подготовку в знаменитой Александрийской школе и в доме святого Александра, который перед началом арианской смуты рукоположил его в диакона. В этом сане он приехал в Никею на Собор, сопровождая своего епископа. Когда Афанасий занял Александрийскую кафедру, местные ариане и их покровители выдвинули против него обвинение в том, что его хиротония была совершена в расхождение с каноническим возрастным цензом – ему не исполнилось еще и 30 лет. Довод этот не оказался особенно веским в глазах императора, но целеустремленная кампания по дискредитации самого одаренного и решительного противника арианства взяла старт.

Одним из самых последовательных обличителей арианской ереси и столпов Православия был тогда также святитель Антиохийский Евстафий. Епископы-ариане, которые, впрочем, так себя не называли, заявляя: как это они, епископы, могут считаться последователями пресвитера, – и предпочитали свою близость с александрийским еретиком обозначать словом «солукиане», решили устранить Евстафия, чтобы на кафедру,

занимаемую им, поставить своего единомышленника. Против защитника Никейского символа выступил тогда и знаменитый церковный историк Евсевий Кесарийский, который, не будучи арианом, тем не менее отвергал термин «единосущие» на том основании, что его нет нигде в Священном Писании, хотя на Соборе в Никее он подписал принятый там символ с этим термином. Он составил целый трактат «Церковное богословие», в котором критиковал термин «единосущный» как заимствованный у внешних и чуждый церковной традиции. Евстафий, отстаивая неприкосновенность Никейского символа, вступил с ним в полемику. Евстафий был не только последовательным антилукианистом, но и антиоригенистом, чем особенно задел горячего почитателя Оригена Евсевия. Ответом со стороны Евсевия стало обвинение своего оппонента в савеллианстве, в свою очередь святитель Евстафий и его единомышленники обвиняли явных и скрытых ариан, а также примирительно настроенных по отношению к Арию церковных деятелей в политеизме. Между тем в Антиохии и всей Сирии, где особенно почитали святого Лукиана Антиохийского как мученика за Христа, многие епископы выступили тогда против Евстафия. На их стороне была едва ли не большая часть местного клира и церковного народа, но среди антиохийцев были и единомышленники своего епископа, преданные ему. Ситуация в христианской общине города накалилась.

Около 330 г. в Антиохии созван был собор. Большинство его участников составили ариане или арианствующие, в полемике между Евсевием и Евстафием взявшие сторону Кесарийского епископа. На этом соборе святителя Евстафия обвинили в савеллианстве. Хуже того, – и это обстоятельство говорит уже о нравственном лице его противников, – против него было выдвинуто политическое обвинение в неуважении к матери императора святой Елене. Дело в том, что Елена особенно почитала мученика Лукиана. По словам А. В. Карташева, за этим стоит одна «исключительная случайность... Родилась она в западной Сицилии, в городке Дрепана – в нынешнем Trapani. Став царицей, она построила себе маленький дворец на своей родине. И вот случилось так, что там к берегу моря волны

прибили тело мученика, признанного за тело Лукиана... Св. Елена в память этого построила в Дрепане близ дворца церковь памяти Лукиана»¹¹⁹. Критические оценки богословия Лукиана, сделанные Евстафием, были, вероятно, в разгар спора доведены до ее сведения. Реакцией Евстафия на ставшее ему известным возмущение неуважением к памяти особенно горячо чтимого ею мученика могли быть слова, которые представлены были на соборе как оскорбительные для матери императора. Что в действительности сказано было Евстафием, неизвестно, но он мог упомянуть о низком происхождении Елены. «Св. Амвросий Медиоланский сообщает нам, что Елена взята была себе в невесты отцом Константина Великого Констанцием Хлором из простого положения *stabularia*, т.е. дочери начальника конной станции, стоявшей “за стойкой» и разливавшей вино путникам, ожидавшим перепряжки и перекладки лошадей...

Какие-то отзывы Евстафия об императрице Елене представлены арианствующими доносчиками Константину как *crimen laese maiestatis*»¹²⁰, как оскорбление величества.

Собор осудил святого Евстафия. В связи с этим в городе произошли беспорядки: сторонники низложенного епископа пытались добиться отмены соборного решения, а противники требовали перевести на кафедру Антиохии Евсевия Кесарийского. «К той и другой стороне присоединилась и городская община, так что, наконец, в город, будто против неприятеля, вступил отряд войск, и, конечно, дошло бы до мечей, если б Бог и страх к царю не укротили народного волнения, ибо царь своими посланиями, а Евсевий своим отказом остановили мятеж»¹²¹. Евстафий был арестован и доставлен в новую столицу империи на допрос к Константину, после чего подвергся ссылке во Фракию, где и преставился в городе Филиппополе в 337 г. Комментируя его низложение в послании к антиохийцам, Константин сравнивает его удаление с кафедры с «выбрасыванием нечистоты»¹²².

На Антиохийскую кафедру избран был арианин Евлалий, затем, в том же 331 г., его сменил еще один противник «единосущия» пресвитер из Кесарии Каппадокийской Евфроний, за ним следовали другие арианствующие епископы:

Плакентий, Стефан, Леонтий и Евдоксий, лишь в 358 г. на Антиохийскую кафедру поставлен был первый после Евстафия православный епископ, святитель Мелетий, но большая часть антиохийской паствы еще долго по-прежнему оставалась под властью епископов-ариан.

Устранив столп Православия в Сирии, арианствующие епископы и пресвитеры принялись за самого ревностного и богословски искушенного защитника Никейского символа Афанасия Александрийского. В своих интригах против него они использовали мелитиан, которые, по постановлению Никейского Собора, должны были воссоединиться с Кафолической Церковью. Святитель Афанасий неукоснительно пресекал попытки мелитиан сохранить обособленное положение в лоне единой Церкви. После смерти самого Мелития его последователи признавали своим духовным лидером епископа Мемфисского Иоанна Аркафа, и тот жаловался императору на чрезмерную требовательность Афанасия. Эту жалобу поддержал незадолго до этого возвращенный из ссылки на свою кафедру, но успевший уже сблизиться с императором, ставший его собеседником и советником по церковным делам епископ Никомидийский Евсевий, который, по существу дела, и был вождем арианской партии. Он внушил Константину мысль, что главным препятствием к успокоению церковной смуты является склонный к раздорам Афанасий, лишенный надлежащей гибкости и деликатности, непримиримый к любому мнению, отличающемуся от его собственного.

Константин потребовал от Афанасия принять в общение мелитиан, не настаивая на устранении ими своей обособленности. Для святителя это требование оказалось неприемлемым, и он тогда скрылся из города, опасаясь в противном случае лишиться православную общину Александрии своего законного предстоятеля. Он и впредь станет часто прибегать к подобным поступкам, ибо, как писал А.В. Карташев, «нельзя было в расчете на объективность правосудия спокойно верить себя арестам власти. Афанасий... сознательно вступил на путь конспирации, укрывательства от властей, уходил “в подполье» где-то в самой Александрии, а то и вдали от нее,

глубже – в принильских пустынях и полупещерных жилищах монахов»¹²³, где он, как известно, сблизился с преподобным Антонием Великим, первым и лучшим агиографом которого он стал. Антоний не знал греческого языка, а общались они, естественно, без переводчика – в Александрии не многие знали тогда коптский язык, в основном это были сами копты, поселившиеся в мегаполисе, так что предположение о возможном коптском происхождении святителя не лишено оснований.

Между тем жалобы и кляузы на святого Афанасия шли ко двору Константина одна за другой. Его обвиняли в произвольно установленном им налоге – не ясно представленное в источниках дело «пери стихарион линон» (о льняных стихарях), в том, что вместе с пресвитером Макарием он вошел в храм, где совершал литургию мелитианский пресвитер, и там Макарий разбил потир и пролил Святую Кровь; наконец, последовало обвинение в государственной измене, наказанием за которую могла быть лишь смертная казнь, а именно, в том, что Афанасий выслал ящик с золотом объявившемуся тогда в Египте тирану, иными словами, узурпатору Филумену. По этому обвинению Афанасий был доставлен ко двору – *ad comitatum*, но при допросе с очевидностью выявилась его невиновность, так что император даже назвал его после этой встречи «человеком Божиим». На Пасху 332 г. святитель вернулся в свой кафедральный город, но из Константинополя последовали новые увещания со стороны императора к преодолению разногласий и всеобщему примирению.

Тем временем сестра императора Констанция незадолго до своей смерти, последовавшей в 333 г., находившаяся под сильным влиянием Евсевия Никомидийского, которого она хорошо знала и ценила еще со времен, когда он был близок к ее мужу Лицинию, рекомендовала брату арианствовавшего пресвитера Евтокия, и тот, оказавшись при дворе, внушал Константину мысль о том, что Ария можно убедить принять Никейский символ и тем положить конец пагубному разделению в Церкви. Константин внял совету и обратился к Арию, находившемуся в ссылке, с посланием: «Победитель Константин, Великий, Август – Арию. Давно уже объявлено было твоей крепости, чтобы ты

прибыл в мой стан и мог насладиться лицезрением нас; но мы очень удивляемся, почему ты не сделал этого немедленно. Итак, теперь возьми общественную повозку и постарайся приехать в наш стан, чтобы, получив от нас милость и удостоившись снисхождения, тебе потом можно было возвратиться в отечество. Бог да сохранит тебя, возлюбленный. Дано за пять дней до декабрьских календ»¹²⁴.

Арий приехал к императору вместе со своим единомышленником Евзоем, и после беседы с Константином они оба подали ему составленное ими исповедание веры, в котором нарочито неопределенными словами замазывалось богословское расхождение между православным догматом о единосущии Божественного Сына Отцу и арианским учением, отвергающим тождество природы Отца и Сына: «Веруем во единого Бога Отца Вседержителя, и Господа Иисуса Христа Сына Его, прежде всех веков от Него рожденного Бога – Слово, чрез Которого все сотворено на небесах и на земле... и Духа Святого, и в воскресение плоти, и в жизнь будущего века, и в Царство Небесное, и в одну вселенскую Церковь Божию...»¹²⁵. Константин, по своей богословской неискренности, искренне поверил в то, что Арий отошел от своих прежних взглядов и принял никейскую веру, даром что в его исповедании, естественно, отсутствовал ключевой термин «единосущный». Величайшим богословом и философом Константин почитал Евсевия Кесарийского, и он хорошо знал, что тот избегал в своих сочинениях этого термина, находя его чуждым библейской и церковной традиции.

Разрешив Арию возвратиться в Александрию, император потребовал от святителя Афанасия принять его в общение, а тот отказался выполнить это требование, находя его совершенно неприемлемым, доколе Арий не откажется от своей ереси, приняв Никейский символ в его полноте, чем снова вызвал раздражение у Константина, стремившегося к водворению в Церкви мира и согласия. Узнав о непримиримости Афанасия, император писал ему: «Имея доказательство моей воли, ты должен позволять беспрепятственно вступать в Церковь всем, кто желает вступить

в нее. Если я узнаю, что ты воспрепятствовал кому-нибудь присоединиться к Церкви или возбранил вход в нее, тотчас пошлю низложить тебя, по моему приказанию, и вывести из тех мест»¹²⁶.

Воспользовавшись раздражением императора против Афанасия, его враги снова обрушили на него ушаты клеветнических обвинений, повторяя старые – о пролитии Святой Крови, о незаконных поборах, – и изобретая новые, среди которых была и экзотическая выдумка о том, будто Афанасий убил мелитианского епископа Арсения, отчленил его руку и затем пользовался ею в колдовских целях. Самого же Арсения они спрятали в одном из монастырей. При этом они демонстрировали человеческую руку, неизвестно как попавшую в их распоряжение, утверждая, что они отняли ее у Афанасия.

Между тем приближался тридцатилетний юбилей правления Константина. К тому времени в Иерусалиме на месте Голгофы завершилось строительство Храма Гроба Господня. Святой Константин пригласил в Иерусалим епископов из разных провинций империи; помимо освящения Храма, им предстояло рассмотреть споры, раздиравшие Александрийскую Церковь. Направлявшиеся в Иерусалим морем епископы высаживались в Тире финикийском. Вот там Константин и предложил провести собор, подобный Никейскому, с тем чтобы, уладив сперва спорные дела, затем уже совершить в Иерусалиме освящение Храма.

Соборные заседания в Тире открылись в 335 г. На собор съехалось до 180 епископов. Императора на соборе представлял комит Флавий Дионисий. По его приказанию преданный Афанасию пресвитер Макарий доставлен был в Тир в кандалах – именно его обвиняли в насилии, учиненном в храме, находившемся в распоряжении мелитиан, и в пролитии Святой Крови. Предвидя для себя какие угодно неожиданности, Афанасий прибыл в Тир в сопровождении 50 египетских епископов, приверженцев Никейского символа. Но комит под тем предлогом, что другие митрополии не были представлены столь многочисленным епископатом, лишил спутников Афанасия права голоса на соборе, на котором большинство

составили единомышленники Ария, Евсевия Никомидийского и, в лучшем случае, Евсевия Кесарийского. Среди них были и ревностные ариане, прибывшие из Иллирика, где отбывал ссылку Арий и где он сумел убедить их в правоте своей ереси. Это были Валент Мурсийский и Урсакий Сингидунский. Православные никейцы были представлены на соборе святителем Макарием Иерусалимским, епископом Фессалоникийским Александром. Афанасия Александрийского поддерживал также епископ Анкирский Маркелл.

Главным предметом соборных деяний был объявлен спор между Афанасием и мелитианами. Со своей стороны мелитиане утверждали, что поставление Афанасия на место Александра было совершено без согласования с ними, почему они и отказались подчиняться ему. Его обвиняли в арестах мелитианских епископов и пресвитеров, в избиении некоторых из них розгами. Наконец дело дошло и до пресловутой руки Арсения. И тут обвинители, что называется, сели в лужу. Так случилось, что Арсений в ту пору также находился в Тире, в потаенном месте, тем не менее его укрытие было обнаружено городскими властями, сочувствовавшими Афанасию, и в нужный момент он был доставлен на собор. Враги Афанасия, обвинив его в убийстве Арсения, «открыли... ящик и вынули из него посолennую руку. Увидев ее, все вскрикнули – одни потому, что считали это действительным злодеянием, а другие потому, что хотя и видели здесь ложь, но думали, что Арсений еще скрывается. Как скоро наступило непродолжительное молчание, обвиняемый спросил судей, знает ли кто из них Арсения. На этот вопрос многие отвечали, что они хорошо знают сего мужа. Тогда Афанасий приказал ввести его и опять спросил: это ли тот Арсений, которого я убил... и который, после убиения, осрамлен и лишен правой руки? Когда же они сознались, что это он, то Афанасий, раскрыв его плащ, показал обе его руки, правую и левую, и примолвил, что третьей, конечно, никто искать не будет, потому что каждый человек получил от Творца всяческих только две руки»¹²⁷. Оскандалившись, обвинители однако не отступили и, по словам того же историка, «произвели в собра-

нии шум и мятеж, называя Афанасия чародеем и говоря, что он каким-то волшебством отводит глаза людей»¹²⁸.

После провала с обвинением в убийстве недруги Афанасия во главу угла своих кляуз поставили старое обвинение в том, что по указанию Афанасия и в его присутствии пресвитер Макарий, содержащийся в оковах, разбил потир и пролил Святую Кровь. Для расследования дела образована была комиссия из 6 лиц, куда включены были заведомые враги Афанасия – Феогнис Никейский, Марий Халкидонский, Валент Мурсийский и Урсакий Сингидунский, и эта комиссия отправилась для проведения расследования на месте в Египет. Узнав о том, что комиссия пришла к заранее ожидавшемуся обвинительному заключению по делу, святой Афанасий решил оставить собор и скрыться из Тира. Он отправился в Константинополь на барже, груженной лесом.

Несмотря на отсутствие обвиняемого, Тирский собор объявил о низложении Афанасия и запретил ему возвращаться в Египет, находя его бегство равносильным признанию своей вины. Мелитианских епископов и пресвитеров собор принял в общение в сущем сани. Завершив соборные заседания, его участники прибыли в Иерусалим и там совершили освящение Храма Воскресения Христова. Слово на торжествах произнес самый ученый из съехавшихся в Иерусалим епископов Евсевий Кесарийский.

Между тем, добравшись до Константинополя, святой Афанасий добился аудиенции у императора. Выслушав его объяснения по делу, Константин потребовал к себе представителей Тирского собора. Во главе соборной делегации, прибывшей в столицу империи в начале 336 г., стоял пользовавшийся особым уважением императора Евсевий Кесарийский. По случаю 30-летнего юбилея правления Константина он произнес похвальное слово в его честь. Затем император занялся разбирательством дела Афанасия. Будучи человеком трезвым и рассудительным, он не поверил в достоверность выдвинутых против него обвинений, но неуступчивость Афанасия раздражала и отталкивала его. В его глазах он уже снискал репутацию возмутителя спокойствия. По

версии В. В. Болотова, Константин рассуждал о случившейся ситуации как государственный деятель: «Если гражданский начальник провинции ведет дело так, что против него происходят восстания, то он редко остается на месте. Его считают неумелым администратором и подвергают административной ссылке. Так именно взглянул Константин на дело Афанасия и... сослал Афанасия в Трир (Augusta Treviorum) в Галлии, вероятно, 5 февраля 336 года, не назначив впрочем ему преемника по Александрийской кафедре»¹²⁹.

Епископ Анкирский Маркелл, отказавшийся наравне со святым Макарием Иерусалимским осудить Афанасия, отправился в Константинополь и, получив аудиенцию у императора, безуспешно пытался добиться оправдания Александрийского святителя. Маркелл также настаивал на собственной реабилитации, преподнеся Константину трактат с изложением своих богословских взглядов. Для его рассмотрения император созвал в столице собор. Председательствовал на нем епископ Ираклии, являвшейся митрополией по отношению к Константинополю, Феодор – один из последователей Лукиана Антиохийского. Собор осудил Маркелла, обнаружив в его сочинении савеллианскую ересь, после чего Маркелл выехал в Рим, был там с любовью принят епископом Юлием, который занял Римскую кафедру в 337 г. после смерти пребывавшего на ней в течение одного года Марка, преемника святого Сильвестра, преставившегося в 335 г.

Маркелл не был савеллианином в собственном смысле слова, но его тринитарная схема страдала существенными изъянами, так что его осуждение впоследствии было подтверждено II Вселенским Собором. В богословии Маркелла ключевое значение имело основанное на 1 главе Евангелия от Иоанна именование Второй Ипостаси Логосом. Бог, учил он, – абсолютная Монада, Логос присутствует в Ней изначально лишь в потенции, затем Он проявляется в действии как энергия, творящая мир. Сыном Логос становится лишь с момента воплощения. Дух Святой до сошествия на апостолов пребывает в Логосе и Отце. Его явление – это новое раскрытие Монады, Которая вначале расширилась в Логос, а затем открылась в

Святом Духе. Божественная Троица – это феномен, имеющий сотериологическую основу. Ее существование обусловлено домостроительством. В самом себе Бог остается абсолютной Монадой. Подобно Афанасию, Маркелл не употреблял по отношению к Божественным Лицам термина «ипостась», но у него обнаруживается особая нетерпимость к подобной терминологии, так что его триадология совершенно уже несовместима с новоникейским богословием каппадокийских отцов. Никейское единосущие он использует как орудие против учения о божественных ипостасях, которое он инкриминирует арианам, отождествляя его с политеизмом. Савеллианские черты богословия Маркелла в восприятии подозрительных противников савеллианства набрасывали тень на богословие самого Афанасия, который не отмежевывался от своего незадачливого союзника в борьбе против арианства, подталкивали их к сближению с явными арианами. На Анкирскую кафедру, которую занимал низложенный Маркелл, был поставлен Василий. Не будучи арианином, он подозревался в сочувствии этой ереси со стороны таких староникейцев, как Евстафий Антиохийский или Макарий Иерусалимский.

После удаления в ссылку святителя Афанасия Арий со своими единомышленниками открыто проповедовал свое учение в Александрии, вызвав возмущение православных, которые составляли значительное большинство среди христиан Египта. В Константинополь поступали жалобы на ересиарха. Реагируя на них, Константин приказал Арию явиться для дачи объяснений в столицу, и когда он прибыл в Константинополь, среди местных христиан произошло разделение: одни отвергали его учение, а другие принимали его. Последовательным противником арианства был епископ Константинопольский Александр, но пользовавшийся тогда почти уже безраздельным влиянием на больного императора епископ Никомидийский Евсевий угрожал Александру отлучением, если тот не примет в общение Ария. Святитель Александр в смятении дерзновенно молил Бога о знамении, которое бы явило ему истинное лицо Ария. Император, призвав к себе Ария, потребовал от него в письменном виде подтвердить свое

согласие с Никейским символом, и тот не колеблясь, хотя и лицемерно, выполнил это требование.

А затем император «приказал Константинопольскому епископу Александру принять его в общение. ... Вышедши из царского дворца, Арий в сопровождении телохранителей своих, евсевиан, шествовал по самой середине тогдашнего города и обращал на себя взоры всех. Когда он находился уже близ так называемой площади Константина, на которой воздвигнута порфировая колонна, какой-то страх совести овладел им, а вместе с страхом явилось и крайнее расслабление желудка. Поэтому он спросил, есть ли где вблизи афедрон, и, узнав, что есть позади Константиновой площади, пошел туда и впал в такое изнеможение, что с извержением тотчас отвалилась у него задняя часть тела, а затем излилось большое количество крови и вышли тончайшие внутренности; с кровью же выпали селезенка и печень, и он тут же умер»¹³⁰.

В правление святого Константина христианская вера была принята правителями двух государств за пределами империи: Грузии, при царе Мириане в 330 г., благодаря миссионерскому подвигу святой равноапостольной Нины, которая, по преданию, находилась в родстве с великомучеником Георгием, и Эфиопии, куда епископом послан был поставленный святителем Афанасием Фрументий. Эфиопская церковь с тех пор находилась в юрисдикции Александрийской кафедры, а Грузинская, подобно церквам сасанидского Ирана и Армении, – Антиохийской.

11. Крещение и кончина святого Константина

В начале 337 г. империя стояла на пороге очередной войны с Ираном. В разгар ее подготовки император Константин, находясь в военном лагере в Азии, тяжело заболел и в канун Пасхи вынужден был вернуться в Константинополь. Там он с особой заботой контролировал ранее начатое строительство храма в честь Двенадцати апостолов, стремясь к скорейшему завершению постройки. Воздвигнутый храм, по словам биографа и панегириста Константина Евсевия, отличался роскошью отделки: «Когда это здание возведено было до несказанной высоты, стены его с верху до низу василевс обложил разноцветно блистающими камнями, а купол... покрыл весь золотом. Снаружи... медь доставляла зданию надежную защиту от дождей, по меди же положена густая позолота, так что блеск ее, при отражении солнечных лучей, был ослепителен... купол вокруг обведен был решетчатым, сделанным из золота и меди барельефом... Вокруг же храма простирался весьма обширный двор... по четырем его сторонам тянулись портики и замыкали площадь, окружавшую храм, за портиками занимали пространство дворцы василевса»¹³¹. В этом храме сооружены были 12 ковчегов, в которые предполагалось положить мощи апостолов, когда те будут обретены, а посреди них поставлена гробница, которую Константин предназначил для самого себя.

Страдая от болезни, император отправился на целебные воды в город, расположенный вблизи от столицы, но за Босфором, названный именем его матери, – Еленополь. Но воды не помогли, и святой Константин стал готовиться к смерти. Он усердно молился Богу в храме Мучеников и принял решение креститься. Отлагательство христианином крещения до самого конца земной жизни в ту пору не представляло собой исключительного явления. Младенцев в христианских семьях крестили относительно редко, обычно при опасении за их жизнь. Чаще крещение принимали взрослые и даже пожилые люди, вполне сознательно относившиеся к принимаемому ими Таинству, нередко это случалось уже на смертном одре.

Константин, по словам Евсевия, «подумал, что пора уже очиститься ему от прежних прегрешений, ибо веровал, что все, в чем он согрешил, как смертный, будет снято с души его силой мистических молитв и спасительным словом крещения»¹³². Для совершения над ним Таинства Константин перебрался в близлежащий город Никомидию, куда приехали епископы окрестных городов. Евсевий так передает слова, с которыми император обратился к собравшимся у его одра епископам: «Пришло то желанное время, которого я давно жду и о котором молюсь, как о времени спасения в Боге. Пора и нам принять печать бессмертия, приобщиться спасительной благодати. Я думал сделать это в водах реки Иордан, где во образ нам, как повествуется, принял крещение Сам Спаситель, но Бог, ведающий полезное, удостоивает меня этого здесь. Итак, не станем более колебаться, ибо если Господу жизни и смерти угодно будет и продлить мое существование, если однажды определено, чтобы отныне я присоединился к народу Божьему и, как член Церкви, участвовал в молитвах вместе со всеми, то через это я подчиню себя правилам жизни, сообразным с волей Божьей»¹³³.

Епископы во главе с местным правящим архиереем Евсевием, в последние годы самым приближенным из них к императору, совершили крещение, после чего, как пишет другой Евсевий, Кесарийский, «удостоившись Божественного запечатления, он ликовав духом, обновился и исполнился света Божьего, от переизбытка веры, душевно радовался и живо поражался действием силы Божьей»¹³⁴. Облачившись в белые ризы, он более уже не надевал на себя багряные одежды, подобающие императору.

21 мая 337 г., около полудня, в последний день празднования Пятидесятницы, святой Константин преставился к Богу. «В ту же минуту дорифоры и вся стража, разодрав одежды и повергшись на землю, начали ударяться головами, огласили дворец плачем, рыданиями и воплями и именовали Константина своим владыкой, господином, василевсом, и не столько владыкой, сколько отцом... Таксиархи и лохаги называли его своим спасителем, хранителем и благодетелем, а прочие войска... скорбели, как бы покинутые стада, о своем

добром пастыре, народ, блуждая по городу, выражал душевную скорбь криками и воплями, многие от печали, казалось, объаты были ужасом»¹³⁵.

Тело святого Константина, положенное в золотой саркофаг, покрытый пурпурным покрывалом, было доставлено в Константинополь и поставлено на высоком постаменте в большом зале дворца. Саркофаг находился там в течение трех с половиной месяцев, для того чтобы проститься с императором могли не только его близкие и сановники, но и его генералы, офицеры и солдаты, имперские чиновники и римские граждане, жившие в Константинополе и других городах. Из дворца саркофаг был перенесен в храм Двенадцати апостолов и помещен между гробницами Самовидцев Слова. Место погребения Константина способствовало тому, что он стал почитаться Церковью как исапостолос – равноапостольный, чему не помешало ни его крещение от арианствующего епископа, ни удаление из Александрии самого ревностного и искусного в слове защитника Никейского символа святителя Афанасия. Память святого Константина приходится на день его блаженной кончины – 21 мая по Юлианскому календарю. Впрочем, Западная Церковь не почитает его в сонме святых, хотя в отдельных регионах Запада, в разных местах Сицилии и Сардинии, – одним словом, в тех странах, которые долгое время находились во власти императоров Нового Рима, – сохранился его культ.

Четверть века спустя мощи императора были перенесены в близлежащую церковь святого мученика Акакия. Это сделано было при епископе Константинопольском Македонии из-за опасений, что храму Двенадцати апостолов грозит разрушение. Перенос мощей вызвал народное возмущение, подавленное с пролитием крови. Храм Двенадцати апостолов однако простоял до эпохи императора Юстиниана, когда он был основательно перестроен.

Римский сенат причислил скончавшегося императора к лику бессмертных богов, поставив его таким образом в один ряд с Цезарем, Августом, Веспасианом, Траяном и некоторыми другими принцепсами. Никто из римских императоров после Августа не правил империей столь долго, как святой Константин, –

31 год. Константин напоминает Августа и некоторыми чертами характера: выдающимся и острым умом, работоспособностью, хладнокровием, рассудительностью, уместной осторожностью в удачном сочетании со способностью к решительным действиям после того, как план затеваемого предприятия основательно продуман. Выходец из старинного рода, природный наследник вековых политических и культурных традиций Рима, Август превосходил Константина, романизованного иллирийца, эрудицией, рафинированностью и изощренностью ума, но он несомненно уступал ему как полководец, военные таланты Августа были, не в пример его двоюродному деду и усыновителю Цезарю, вполне посредственными – этот недостаток искупался, правда, тем, что Август знал о нем и, чуждый самомнения, сумел окружить себя блестящими помощниками в ратном деле, как, впрочем, они окружали его и в иных сферах государственного правления, а Константин был одним из самых великих полководцев Рима.

И тот и другой император начинают собой целую эпоху римской и мировой истории, но масштабность перехода от олигархической формы правления к принципату, путь к которому к тому же был проложен предшественником Августа Цезарем, несоизмерима с переходом римского государства из языческой фазы в христианскую, символически ознаменованным перемещением имперской столицы с берегов Тибра на Босфор, в самую сердцевину эллинистического мира. Подвигом Константина не только открылась новая эпоха в истории Рима: изданный им Миланский эдикт и последовавшее за ним созидание шаг за шагом симфонических отношений между Церковью и государством обозначили рождение новой христианской цивилизации на пространстве Средиземноморья, распространившейся потом на всю Европу и за ее пределы. Величие этого подвига и сделало Константина истинным равноапостолом, а поставление его саркофага между гробницами, уготованными для мощей Двенадцати учеников Христа, послужило всего лишь поводом для прославления его в этом чине.

Глава 2. Римская империя в IV столетии

1. Наследники святого Константина

Перед кончиной императора Константина его сыновья и племянники правили как цезари в разных префектурах: старший сын Флавий Клавдий Константин – в Галлии, Флавий Юлий Констанций – в префектуре Восток, младший Флавий Юлий Констант – в Италии, племянник Далмаций – в Иллирике, а его брат и одновременно зять почившего императора Ганнибалиан в выделенном из Восточной префектуры Понтийском диоцезе, обладая пышным восточным титулом «царя царей».

4 сентября 337 г. войска провозгласили августами сыновей Константина Великого: Константина II, Констанция II и Константа: «Находящиеся в военных лагерях... войска, – по словам Евсевия Кесарийского, – узнав о смерти василевса... решили никого не признавать римскими автократорами кроме детей его, и вскоре положили всех их называть не кесарями, а августами – именем, которое принимается за величайший и самый высший символ верховной власти»¹³⁶. Все трое были воспитаны как христиане, при этом Констанций, как выяснилось вскоре, склонялся к арианству, в то время как два других брата были приверженцами Никейского символа.

Сразу после кончины святого Константина в армии распространился слух, что, умирая, он держал в руках пергамент, на котором было написано, что его отравили и что виновники отравления – его единокровные братья Юлий Констанций и Далмаций. Утверждали также, что в предсмертной записке Константин призывал сыновей к отмщению за него. Епископ Никомидийский Евсевий клятвенно подтвердил справедливость обвинения, не постеснявшись тем самым набросить тень на искренность христианского обращения им же крещенного в канун кончины императора. Вероятным соучастником Евсевия в распространении клеветы был средний сын Константина Великого Констанций, который первым из братьев прибыл в Никомидию с восточной границы, оставив там армию, готовившуюся к войне с Ираном, и распоряжался траурными церемониями.

Взбужденные солдаты, совершая, как им представлялось, справедливое возмездие, учинили избиение мнимых отравителей вместе с их потомками. Жертвой суда линча пали Юлий Констанций вместе со своим старшим сыном, а также Далмаций с сыновьями: цезарем Далмацием и царем Понтийским Ганнибалианом. Затем были убиты сенаторы и консулярии Флавий Опат и Попилий Непоциан, женатые на единокровных сестрах Константина Великого Анастасии и Евтропии, префект претория Аблавий, дочь которого Олимпия была помолвлена с младшим сыном почившего императора Константина Константом. Из мужского потомства Констанция Хлора, кроме трех новых августов, в живых остались лишь младшие сыновья Юлия Констанция Галл и Юлиан, а также сын Непоциана и Евтропии, носивший имя отца, пощаженные, очевидно, из-за своего нежного возраста – они все трое были еще детьми.

Весной 338 г. три августа встретились в Виминации на Дунае и договорились о перераспределении имперской территории. Оставив за собой те части государства, управлять которыми они были назначены отцом, они присоединили к ним владения Далмация и Ганнибалиана. В результате старший Константин сохранил власть над Галлией, Испанией и Британией; азиатские провинции, включая упраздненное Понтийское царство и Египет с Ливией и Пентаполем, отошли к Констанцию; а Италия, Африка, дунайские и балканские провинции вместе с обеими столицами империи достались младшему брату – в ту пору 15-летнему Константу. В 339 г. Констант уступил Констанцию Фракию с Константинополем. Это было платой ему за поддержку, оказанную в фактически сразу наметившемся конфликте между старшим и младшим из братьев.

Константин II был недоволен тем, что ему не удалось воспринять власть отца в ее полноте, на что он считал себя в праве претендовать. Констанций был далеко – вернувшись из Рима на Восток, он командовал войсками, которые вели затяжную войну с персами, а его владения напрямую не соприкасались с областью Константина, так что, стремясь к

верховой власти, он попытался вначале устранить младшего брата, отказавшегося выполнять его указания. В 340 г. Константин II повел войска из Галлии в Италию воевать с братом. Навстречу ему из Рима двинулась армия Константа. Сам он был еще крайне молод и неизбежным образом неопытен, но у него оказались способные военные советники. У Аквилеи основные силы Константина вместе с самим императором попали в засаду и были разгромлены. Константин погиб в бою, прожив всего 23 года. Его труп был брошен в воды реки Альсы. Победитель Констант присоединил владения брата к своим, став правителем всего Запада. В тот момент Констанций довольствовался принадлежавшей ему частью империи – Востоком, который не уступал области младшего брата ни численностью населения, ни богатством.

Секст Аврелий Виктор в «Истории цезарей» характеризует Константа как безнравственного и корыстного правителя, которого ненавидели и презирали солдаты¹³⁷. Он пренебрегал исключительно важными легионами, стоявшими на Рейне и на верхнем Дунае, в задачу которых входила защита восточной границы империи от проникновения свирепых варварских племен, вместо этого он любил развлекаться с германскими пленниками»¹³⁸. В конце концов негодование легионеров достигло точки кипения. 18 января 350 г. высокопоставленный чиновник в галльском Августодуне (Отене) устроил праздничный банкет. Находившийся в этом городе Констанс в это время был занят охотой. Пока он охотился, командовавший преторианцами комит Флавий Магненций, который, по одним сведениям, был родом из Британии, а по другим – франком и уроженцем Галлии, облачился в императорский пурпур, и подвыпившие гости аккламировали его августом и императором. Узнав о происшедшем и не имея на кого опереться, Констанс бежал, но был скоро настигнут и на 27-м году жизни убит. Магненций овладел Галлией, Британией, Италией, Африкой.

В Риме с помощью отряда гладиаторов захватить власть попытался двоюродный брат Констанса Непоциан, уцелевший во время резни, учиненной в год смерти Константина Великого,

но сторонники Магненция умертвили его, передав Рим узурпатору. Водворившись в столице, Магненций учинил там избиение сенаторов и массовую резню горожан. В Сирмии выступил еще один претендент на верховную власть Ветраниан, которого поддержала сестра Констанция Константина, вдова убитого в 337 г. Ганнибалиана, носившего титул Понтийского царя. Она знала о причастности брата к этому убийству и жаждала мести. Получив сведения о гибели брата и появлении узурпаторов, Констанций повел снятую им с восточного театра военных действий армию на запад. Мятеж Ветраниана был им легко подавлен, а сам узурпатор убит. Свою сестру Констанций пощадил. Он выдал ее замуж за внука Констанция I и своего двоюродного брата Галла, сохранившего жизнь после резни 336 г. При этом он удостоил его титула цезаря. Флавий Клавдий Констанций Галл был назначен правителем восточных провинций империи.

Оставшись в Сирмии, Констанций направил войска на борьбу против Магненция. Театром вооруженного противостояния стал Иллирик. Вначале война шла с переменным успехом, затем однако в сражении у стен Мурсы – крепости на берегу Дравы, состоявшемся в сентябре 351 г., войска узурпатора потерпели поражение, хотя большие потери понесла и правительственная армия: погибло 30 тысяч бойцов из 80 тысяч. Число убитых со стороны противника составляло 24 тысячи – из 100 тысяч. Магненций отступил, двинувшись на северо-запад Балкан. 10 августа 353 г. враги встретились на поле битвы в Коттиевых Альпах, у подножья горы Монтеселевк. На этот раз войска Магненция были окончательно разбиты. Самому узурпатору удалось скрыться от преследования с малочисленным отрядом своих сторонников, который постепенно таял. Всеми оставленный, он наконец прибыл в галльский город Лугдун, где находилась его мать. И там он «умертвил свою мать, потом брата, которого сделал своим кесарем, а наконец, и самого себя... Спустя немного времени лишил себя жизни веревкой и другой брат Магненция, по имени Декентий»¹³⁹. Единственным императором остался Констанций.

2. Единовластие Констанция II

Флавий Юлий Констанций, сын святого Константина и его второй жены Фаусты, родился в 317 г. В 6 лет он был провозглашен цезарем. Как и его родные братья, старший Константин и младший Констанс, он получил христианское воспитание и, став императором, обнаружил незаурядный интерес к богословским вопросам. Ревностный христианин, он однако не сложил с себя титула великого понтифика, но принимал меры, направленные на ограничение языческого культа. В 341 г. им издан был закон, запретивший кровавые жертвоприношения. В 353 г. было воспрещено приношение жертв в ночное время. В его правление многие языческие храмы, особенно на Востоке, были разрушены, но когда Констанций овладел Римом, где большинство народа и сенаторов оставалось вне Церкви, он не отважился и там на разрушение языческих храмов, тем более что в столице они отличались особым величием. При нем принимались также ограничительные меры в отношении иудеев. Им запрещалось покупать рабов не из числа своих единоверцев, а «кто из них поступил бы вопреки этому закону, того раб отписывался к государству; а когда купленный, сверх того, по обряду иудейскому, подвергся бы обрезанию, то купивший присуждался к уголовному наказанию и лишению имени»¹⁴⁰.

Регулярное общение с епископом Никомидии Евсевием оставило неизгладимый след на религиозных воззрениях Констанция, сделав его приверженцем арианства. Характеризуя Констанция, Аммиан Марцеллин, язычник и почитатель Юлиана Отступника, писал: «Христианскую религию, которую отличает цельность и простота, он сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого принятия ее, он возбудил множество споров, а при дальнейшем расширении этих последних поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, стремясь наладить весь культ по своим решениям»¹⁴¹. С иронией отозвавшись об

увлечении императора богословскими спорами, писатель, хорошо знавший Констанция, не умалчивает и о том, что он в известном отношении был человеком твердых нравственных правил, которые, очевидно, вытекали из его искренней христианской религиозности: «Он так строго хранил целомудрие, что о том, чтобы он находился в любовной связи с кем-либо из мужской прислуги, не могло даже возникнуть подозрения»¹⁴². Первым браком он был женат на Евсевии, которая «выделялась красотой и нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность»¹⁴³.

Марцеллин набросал выразительный портрет Констанция: «Сложение его и внешний вид были таковы: темно-русый, с блестящими глазами, острым взглядом, с мягкими волосами, с гладко выбритыми и изящно блестевшими щеками; туловище от шеи и до бедер было длинновато, ноги очень короткие и искривлены»¹⁴⁴. И все же, несмотря на свое неспортивное сложение, Констанций, по словам того же историка, «в езде верхом, метании дротика, особенно искусстве стрелять из лука, в упражнениях пешего строя... обладал большим искусством»¹⁴⁵. Хотя Марцеллин писал о Констанции совсем не в комплиментарном тоне, он отдает должное некоторым его достоинствам, например его поразительной выдержке и самообладанию: «Никогда не видели, чтобы он обтирался платком, сморкался на людях, плевал, поворачивал лицо то в ту, то в другую сторону»¹⁴⁶. Когда Констанций праздновал триумф в Риме, он, «будучи очень маленького роста наклонялся, однако, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса... и не делал никаких движений рукой»¹⁴⁷. В образе жизни Констанций обнаруживал склонность к аскетической трезвости и «умеренности в еде и питье», которые, по словам историка, «сохраняли ему силы так хорошо, что он болел очень редко, но каждый раз с опасностью для жизни»¹⁴⁸.

Марцеллин, очевидно, не погрешает против истины, когда отмечает и несимпатичные черты в характере и образе действий

Констанция, в особенности его непомерную подозрительность и мстительность. А еще он, подобно многим другим не самым умным правителям, был падок на лесть: «В отношении своих жен, евнухов с их льстивыми речами и некоторых придворных он оказывался весьма податливым, когда те аплодировали каждому его слову и ловили, когда он скажет «да» или «нет», чтобы поскорее с ним согласиться»¹⁴⁹.

В правление Констанция усложнилась ситуация как на восточной, так и на рейнской границе. С 309 г. в Иране правил Сапор II, с особой ревностью заботившийся о восстановлении зороастрийской религии. Именно при нем было осуществлено редактирование и установление канонического текста «ЗендАвесты». Существование в его владениях христианских общин, поддерживавших общение с церквями Римской империи и находившихся в юрисдикции архиепископа Антиохии, подтолкнуло его к репрессиям христиан. Многовековое соперничество Рима и Ирана со времени христианизации Римской империи приобрело сообщивший им дополнительную остроту характер религиозного противостояния, усугублявшегося при Сапоре II его зороастрийским фанатизмом, так что война с ним со стороны Констанция велась и ради освобождения от гонений единоверцев-христиан.

Во главе вооруженных сил, действовавших на иранской границе, Констанций поставил цезаря Галла, штаб-квартира которого находилась в Антиохии. Война на Востоке шла, как всегда, с переменным успехом. После предпринятой персами неудачной попытки взять Осроену боевые действия затихли, свелись к пограничным стычкам. Воспользовавшись вовлеченностью римской армии в войну с Сапором, исавры, обитавшие в горах на юго-востоке Малой Азии, стали чаще, чем прежде, совершать разбойничьи набеги на города и селения соседних провинций: Киликии, Ликаонии, Памфилии и Каппадокии, осадили Селевкию. Горожанам угрожал голод, и цезарь Галл приказал комиту Востока Небридию «стянув отовсюду военные силы для освобождения от опасности этого богатого и столь важного по своему положению города, как можно скорее спешить к нему. Узнав об этом, разбойники отступили, не

совершив более ничего значительного, и, рассеявшись, как это было у них принято, направились в свои неприступные крутые горы»¹⁵⁰.

Успехи Галла вызвали у Констанция подозрение, не попытается ли он захватить верховную власть. Его обеспокоенность питали многочисленные доносы о свирепых расправах цезаря над неугодными ему сановниками и генералами. Возникло впечатление, что он проводит чистку своего окружения, чтобы в нем не осталось лиц, способных оказать противодействие, когда он поднимет мятеж. На расправы и казни Галла подталкивала его супруга сестра Констанция, в первом замужестве выданная за Ганнибалиана, убитого в 337 г. «Мегера в человеческом облике, она постоянно поощряла бешенство Галла будучи не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг... Супруги выведывали ложные... слухи через действовавших тайно коварных собирателей сплетен... На основании такого рода материала супруги стали возбуждать против ни в чем не повинных людей клеветнические обвинения в стремлении к верховной власти и в колдовстве»¹⁵¹. Некоторых из сановников Галл погубил, подстрекая к расправе над ними толпу. Страдавшим от голода антиохийцам он объявил, что виновником их бедствия является ректор Сирийской провинции консулярий Феофил, и тот был растерзан чернью. По прямому призыву Галла солдаты расправились над бывшим префектом и комитом финансов Домицианом, который слал доносы на цезаря Констанцию, и квестором Монцием, открыто обвинившим Галла в неповиновении августу.

Получив известие об этих деяниях Галла, император решил его устранить. Чтобы усыпить его бдительность, он пригласил к себе в Медиолан, где тогда находилась его штаб-квартира, свою сестру и жену Галла Констанцию, и та отправилась на свидание с братом, хотя и догадывалась о том, что таким образом он хочет лишить ее мужа опоры, чтобы легче было его погубить, но в надежде, что ей удастся переубедить брата и тот откажется от мысли об убийстве Галла. К несчастью для мужа, в пути она разболелась и скончалась от лихорадки в Вифинии на одной из почтовых станций.

Между тем Констанций слал Галлу одно за другим письма, в которых приглашал его на свидание. Галл колебался, подумывал и о том, чтобы провозгласить себя императором, но, не надеясь на поддержку армии, в конце концов подчинился и отправился в штаб к Констанцию, по пути остановившись в Константинополе.

Там он устроил бега на колесницах, «и на голову одержавшего победу возницы Торакса собственноручно возложил венец»¹⁵², что было прерогативой августа. «Когда об этом узнал Констанций, гнев его не знал границ, и чтобы Галл, беспокоясь о будущем, не стал предпринимать чего-либо ради своего спасения, удалены были из городов, лежавших на его пути, все расквартированные там войска»¹⁵³.

После того как Галл прибыл в город Норикской провинции Петавион, маски были сброшены. Дворец, в котором разместился цезарь, был окружен отрядом domestиков – императорской стражи под командованием Барбациона, который, войдя в покои Галла, приказал ему снять облачение цезаря, и в одежде частного человека он был под арестом переправлен в Истрию, в окрестности Полы. Там его подвергли допросу направленные Констанцием сановники. Они потребовали от него дать отчет в учиненных им в Антиохии казнях. Галл сказал, что в большинстве случаев он действовал по наущению своей жены, чем, конечно, лишь усугубил неприязнь к себе ее брата, когда тот узнал о таком ответе. Своим агентам он приказал казнить Галла. «Связав ему за спиной руки, как какому-нибудь разбойнику, они обезглавили его»¹⁵⁴. Он погиб в возрасте 28 лет. Шел 354 г. от Р.Х. За этой казнью последовали расправы над друзьями Галла и над теми, кто подозревался в соучастии в заговоре; Констанций собирался предать смерти и его родного брата Юлиана, которого он приказал арестовать, но «Евсевия, супруга Констанция, выпросила его себе и услала в Афины»¹⁵⁵.

Вскоре потом катастрофически ухудшилось положение в Галлии, провинции которой стали подвергаться разорительным набегам со стороны алеманнов, франков и саксов. По совету жены Констанций решил назначить новым цезарем брата казненного Галла Юлиана. Не имея детей, он мыслил

династически и не хотел допускать до участия в верховной власти лиц, не принадлежащих к кругу его родственников. 6 ноября 355 г. 24-летний юноша Флавий Клавдий Юлиан был доставлен из Афин в Медиолан и в присутствии армии облачен в пурпур, через несколько дней он вступил в брак с сестрой Констанция Еленой и отправился с нею в Виенну командовать армией, воевавшей с вторгшимися в Галлию германцами.

Юлиан был обескуражен своим неожиданным возвышением. В прошлом он не имел опыта участия в боевых действиях и по складу характера был скорее книжным человеком, чем солдатом или полководцем. А положение в Галлии представлялось катастрофическим: кастеллы, выстроенные на правом берегу Рейна, были разрушены, от лимеса оставались руины, не представлявшие никакой преграды для вторжения германцев в галльские провинции. Отряды варваров, нанятые Констанцием во время его войны с Магненцием, не ушли из Галлии. Малочисленные гарнизоны не в состоянии были защитить города, которые выбирались алеманнами, франками или саксами для грабежа. Возникла прямая угроза отпадения от империи страны, в свое время завоеванной Юлием Цезарем. Трудности, с которыми столкнулся Юлиан, усугублялись тем обстоятельством, что его власть на западе империи не была безграничной. Префект претория, бывший главным гражданским начальником в этой части государства, подчинялся напрямую Констанцию и не был обязан выполнять все распоряжения цезаря. Высшие военные чины, возможно из-за молодости и неопытности Юлиана, нередко противились его воле и не спешили выполнять его приказы.

Но юный полководец быстро усвоил военную науку и овладел искусством управления войсковыми операциями, тем более что учиться приходилось в боевой обстановке. Сосредоточив боеспособные части в окрестностях Виенны и проведя учения, Юлиан летом 356 г. повел армию на север – через Августодун (Отен), Трикасин (Труа) и затем в западном направлении на Конфлюэнтес (Кобленц) и далее на Колонию Агриппину, которая захвачена была франками. Изгнав варваров из Колонии (Кельна), Юлиан заключил с ними перемирие, чтобы дать

передышку войскам, которые он отвел на зимние квартиры в Сеноны (Санс). Воспользовавшись малочисленностью отряда, зимовавшего в Сеноне, германцы попытались взять этот город, но Юлиан умело организовал защиту крепости, и после 30 дней бесплодной осады варвары отступили и ушли. Во все это время «магистр конницы Марцелл, находившийся поблизости, – по словам участника событий Аммиана Марцеллина, – не оказал помощи., хотя он был обязан в случае нападения на город, не будь там даже цезаря, поспешить на выручку»¹⁵⁶. Констанций, узнав о том, что Марцелл не помог Юлиану в критический момент, уволил его от должности, тем самым опровергая слухи, что этот магистр, оставив Юлиана в опасном положении, действовал в угоду августу.

Одержанные Юлианом успехи в войне с германцами укрепили его популярность в армии. Самым серьезным испытанием его полководческих способностей стало сражение с алеманнами при Аргенторате (Страсбурге), состоявшееся в 357 г. Римская армия, участвовавшая в этой битве, насчитывала всего 13 тысяч воинов. Против нее действовали втроекратно превосходившие ее числом полчища алеманнов, предводительствуемые 7 королями во главе с Хонодомарием. Получив сведения о малочисленности римлян, варвары напали на их лагерь, разбитый под Аргенторатом. В течение долгого времени исход сражения висел на волоске. Германцам удалось обратить в бегство римскую конницу, но Юлиан сумел убедить кавалеристов остановиться: «Куда это, храбрецы, мы отступаем? Или вы не знаете, что бегство, которое никогда не приносит спасения, показывает только глупость тех, кто делает столь бесполезную попытку?»¹⁵⁷. Устыдившись, всадники восстановили боевые ряды и почти все полегли в сражении с неприятелем, нанеся и ему значительные потери.

Битва продолжалась. «Аламанны были сильнее телом и выше ростом, наши, – по словам Марцеллина, – ловчее благодаря огромному опыту; те – дики и буйны, наши – спокойны и осторожны; те полагались на свой огромный рост, наши – на свою храбрость. ... Внезапно вынесся вперед с боевым воодушевлением отряд знатнейших, среди которых

сражались и цари... Но наши солдаты укрепили свой строй, сплотившись в рядах, и, представляя из себя как бы крепкую башню, с большим воодушевлением возобновили бой; уклоняясь от ударов... они кололи врага в бок мечом, если тот в гневе открывался. Аламанны... пытались прорвать сомкнувшийся строй наших. Из-за множества мертвых тел, падших под ударами приободрившихся римлян, выступали уцелевшие еще варвары; но повсюду раздававшиеся стоны умирающих заставили их в ужасе остановиться. Наконец аламанны пали духом: остатка энергии хватило только на бегство... Если у наших солдат, поражавших отступающих в спину, гнулся меч и не хватало орудия рубить, то они вонзали в варваров их же собственное оружие. И никто... не пресытил свою десницу убийствами, никто не сжалился над молившими о пощаде... И вот многие лежали, пораженные насмерть, и жаждали избавления в скорейшей кончине; другие, полумертвые, с ослабевающим уже дыханием, ловили потухающими взорами луч света; у иных головы были разбиты метательным оружием наподобие бревна и, склоненные набок, еле держались на шейном хряще; другие... падали, поскользнувшись на крови раненых... и гибли под тяжестью груды падавших на них трупов»¹⁵⁸. Бежавшие алеманны оставили на поле битвы не менее 6 тысяч павших, в то время как аккуратно подсчитанные безвозвратные потери римлян составили 247 воинов.

В течение последующих двух лет Юлиан трижды переходил Рейн, совершая карательные экспедиции в земли франков, после чего у тех надолго отпала охота вторгаться в Галлию. Но франкскому племени салиев он разрешил поселиться на левом берегу Рейна, с тем чтобы использовать их для защиты лимеса от их же свободных соплеменников – это была политика, которую давно уже проводило правительство Рима. Наведя порядок в Галлии и на рейнской границе, цезарь избрал своей резиденцией расположенный на острове посреди Сены город Паризии, который он успел полюбить за время своего пребывания там.

Тем временем Констанций, находясь в Сирмии, руководил военными операциями на Дунае, защищая пределы империи от нападений германского племени квадов и сарматов. Но в 358 г. главным источником опасности вновь становится восточная граница. Престарелый иранский шах Сапор II направил к Констанцию посла Нарсеса с посланием, в котором потребовал уступить ему Армению и Месопотамию: «Я, царь царей, Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию цезарю, моему брату, привет. Радуюсь и вполне одобряю, что ты вернулся наконец на правильный путь и прислушался к неподкупному голосу справедливости, изведав на деле, какие несчастья иногда приносит упорное стремление овладеть чужим. ... О том, что мои предки владели территорией до реки Стримон и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я... превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. ...Я должен поэтому возвратить себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда. Никогда не будет принято у нас правило, которого вы высокомерно придерживались, а именно: не делая различия между храбростью и обманом, одобрить всякий исход войны. Одним словом, если ты хочешь послушать моего разумного совета, откажись от небольшой области, являющейся вечным предметом борьбы и кровавого спора, чтобы спокойно править остальным царством; пойми, что и врачи иногда жгут, режут и отсекают отдельные части тела, чтобы было возможно пользоваться здоровыми частями... Если это мое посольство вернется без всякого результата, то по окончании времени зимнего отдыха я поспешу со всей возможной быстротой выступить против тебя со всеми своими силами»¹⁵⁹.

Констанций не собирался подчиняться диктату и на требование Сапора II ответил отказом: «Я, Победитель на суше и на море, Констанций, Август вовеки, шлю привет моему брату царю Сапору. Приветствую твое благополучие, как будущий твой, если захочешь, друг; но твою жадность, никогда не убывающую и все ширящуюся, жестоко порицаю. Ты требуешь Месопотамию как свою собственность, а также и Армению и

советуешь отнять от живого тела некоторые его части... Этот совет лучше сразу отклонить, чем поддерживать его согласием в какой-либо форме... В ту пору, когда волны зависти, не раз воздымавшиеся на меня, умиротворены целым рядом моих подвигов, когда... весь римский мир повинуетя мне, нелепо и бессмысленно было бы отречься от того, что я долго сохранял нерушимым, когда еще правил только в восточных областях. Так пусть же прекратятся запугивания, с которыми подступают к нам по обычаю... По опыту и из истории мы знаем, что лишь изредка в некоторых битвах колебалось римское дело, но конечный исход войн никогда не оказывался в ущерб для римлян»¹⁶⁰.

За перепиской последовало землетрясение, поразившее Македонию, Фракию, Азию и Понт. Особенно тяжело пострадала великолепно отстроенная Никомидия, в течение десятилетий служившая резиденцией императоров и теперь лежавшая в руинах. Пожар, охвативший городские строения после подземных толчков, довершил разрушения. Восстановление пострадавших городов и селений требовало значительных средств, которые нужны были на подготовку к неизбежной войне с Ираном. Послы Констанция Проспер, Спектат и Евстафий безуспешно вели в Ктесифоне переговоры о мире и вернулись ни с чем. Сапор требовал уступки Месопотамии и Армении. В Иран для продолжения переговоров направлено было новое посольство – комит Луциллиан и нотариий Прокопий, но и они ничего не добились.

Весной 359 г. персидские войска осадили Амиду (Диарбакр). В стенах города сосредоточены были значительные силы – 7 легионов, но численность полчищ, окруживших город, многократно превосходила его гарнизон, которым командовал комит Элиан. Историк Марцеллин находился тогда в Амиде. И, по его описанию, когда персы окружили город, «при первых лучах наступившего дня все окрестности, насколько хватал глаз, блистали сверкающим оружием и закованная в железо конница наполняла поля и холмы. Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди всех своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными

камнями; его окружали разные высшие чины и свита из разных племен»¹⁶¹. В свите находился и царь вассального племени хионитов Грумбат. Когда Сапор приблизился к городской стене, на него обрушился град стрел и копий, одно из копий пробило дыру в его панцире, но сам он остался невредим. На следующий день Грумбат по поручению Сапора подъехал близко к стене, чтобы предложить гарнизону сдаться. Выстрелом из баллисты был насмерть поражен его сын, находившийся возле отца. Грумбат поклялся разрушить и сжечь город в отмщение за смерть своего единственного сына. Осажденные мужественно и умело сражались, и осада, сопровождаемая многочисленными отчаянными вылазками, затянулась надолго. Множество кишащих червями трупов защитников крепости и мирных обывателей, которые не успевали вовремя предать земле, а также голодное истощение осажденных вызвали повальную болезнь, римляне однако не хотели сдаваться, и противник нес тяжелые потери.

Но в конце концов осадные орудия сделали свое дело, и в крепостной стене открылся пролом, через который в город устремились враги. И все же гарнизон, в котором особой храбростью отличались галлы, не сложил оружия. «Дрались лицом к лицу на мечах... рвы заполнились телами убитых, и таким образом образовался более широкий путь. Город наполнили стремительно хлынувшие силы неприятеля, исчезла всякая надежда на бегство и всякая возможность отпора, и персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола»¹⁶². Просочиться из взятого города удалось немногим воинам, среди них был и автор этих строк Марцеллин. Комит Элиан и военные трибуны, умело организовавшие оборону, стоившую персам больших потерь, были распяты на крестах. Множество других командиров, воинов и мирных граждан было перебито, другие уведены в плен, городские стены подверглись разрушению. С приближением зимних холодов основные силы персов отошли на восток, но к тому времени ими заняты были часть Месопотамии и Армении.

В связи с опасным развитием событий на восточной границе император Констанций переехал из Сирмия ближе к ней – в

Константинополь, а оттуда перебрался в Кесарию Каппадокийскую, и там началась подготовка к большой войне с Ираном. Войск, расквартированных в Азии, не хватало для успеха кампании, и в январе 360 г. Констанций отправил в Паризии к цезарю Юлиану трибуна Деценция с требованием забрать у него воинов, причем из самых боеспособных частей. К дальнейшему походу в Месопотамию должны были готовиться вспомогательные отряды галлов, батавов и герулов и еще по 300 солдат из каждого легиона. В результате вооруженные силы, находившиеся под командованием Юлиана, сокращались вдвое. Имелось, однако, обстоятельство, затруднявшее выполнение требования императора: Юлиан уже обещал солдатам вспомогательных частей – германцам и галлам – не отправлять их на восток, откуда они имели мало надежды возвратиться к своим семьям.

Когда расквартированные в Паризии и ее окрестностях войска узнали о предстоявшем им походе, вспыхнул бунт. В ночное время воины с оружием в руках окружили дворец и потребовали, чтобы цезарь вышел к ним. На рассвете он появился перед ними, а они приветствовали его как августиана и императора. Напрасно Юлиан пытался их успокоить и отговорить от замышляемого переворота, обещая договориться с Констанцием о том, чтобы их оставили на родине. «Крики... стали после этого еще громче... и среди неистовых возгласов, к которым примешивались брань и упреки, Цезарь вынужден был уступить. Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, – какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги. На его замечание, что женское украшение было бы неподходящей приметой... стали искать конской фалеры... Но когда он отверг и это как неподобающее, то некто, по имени Мавр, ... сорвал с себя цепь, которую носил как знаменосец, и дерзко возложил ее на голову Юлиана. Чувствуя шаткость своего положения... Юлиан обещал всем солдатам по пяти золотых и по фунту серебра»¹⁶³.

Рубикон был перейден. Колебавшийся при начале бунта Юлиан присоединился к мятежникам и возглавил их, совершив акт узурпации верховной власти, или, как это принято было тогда называть, стал тираном. Но, оставаясь в неуверенности и тревоге за исход затеянного предприятия, он еще надеялся договориться с Констанцием о разделе власти и поэтому отправил ему письмо, в котором оправдывался и одновременно выставлял требования и условия: «Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу как Римскому государству, так и нам самим, которые связаны между собою единством крови и высотой верховного сана... Я буду тебе поставлять упряжных лошадей из Испании и для укомплектования гентиллов и skutariев посылать молодых летов из варварских семейств... Назначение префектов... будет делом твоего милостивого усмотрения; назначение же остальных гражданских чиновников и офицеров армии правильно будет предоставить мне, как и прием людей в мою свиту... Вот что, однако, позволю себе заявить без малейшего колебания: галлы, пострадавшие от продолжительных тревог и испытывавшие много тягчайших бедствий, не будут в состоянии ни по своей воле, ни по принуждению поставлять рекрутов в далекие чужие земли; ..не подобает вызывать отсюда вспомогательные отряды для борьбы с парфянскими племенами, когда до сих пор не устранена здесь угроза варварских нашествий»¹⁶⁴.

Когда это письмо было доставлено в Кесарию Каппадокийскую к Констанцию, он собирался немедленно двинуть армию на запад против Юлиана, но перед лицом угрозы со стороны Ирана ограничился тем, что велел своему посланнику квестору Леоне передать Юлиану, что он ни при каких обстоятельствах не признает учиненный тем государственный переворот и советует Юлиану, если он дорожит жизнью своей собственной и своих близких, и впредь довольствоваться саном цезаря. Чтобы продемонстрировать непризнание совершенного в Галлии переворота, Констанций назначил туда префектом претория Небридия, занимавшего при Юлиане должность квестора, а магистром оффиций – нотарию

Феликса и сделал ряд других назначений. – Прибыв в Лютецию, Леона передал послание Констанция Юлиану и доложил ему о сделанных им назначениях. – Послание было зачитано с трибунала перед войсками, собравшимися на плацу. В ответ на услышанное солдатами предложение Юлиану остаться цезарем раздались гневные крики: «Август Юлиан, ты избранник провинциалов, солдат, государства»¹⁶⁵.

Юлиан отправил Леону назад с ответным посланием, в котором настаивал на необратимости своего избрания августом. С назначением Небридия префектом претория он соглашался, а относительно магистра оффиций писал, что уже раньше сам поставил на эту должность Анатолия, который прежде стоял во главе канцелярии прошений.

В ноябре 360 г. Юлиан во Вьенне праздновал 5-летие своего правления. «Теперь он стал появляться в великолепной диадеме... тогда как в начале своего принципата надевал простой венец и скорее походил на ксистерха (судью на состязаниях. – В.Ц.) в пурпуре, чем на императора. В это время он отправил в Рим останки своей покойной жены Елены для погребения вблизи города на Номентинской дороге, где была похоронена также ее сестра Константа, жена Галла»¹⁶⁶. Раннее вдовство, похоже, не тяготило Юлиана, он не вступал больше в брак, и не только от верности памяти великодушно отданной ему в жены дочери святого Константина. Аммиан Марцеллин воздал Юлиану хвалу за его целомудренную жизнь: он «после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви. В полном цвете своей юности он с такой заботой сохранял себя от этой страсти, что даже ближайшие люди из прислуги не имели даже подозрения о каких бы то ни было его увлечениях»¹⁶⁷.

Понимая неизбежность вооруженной борьбы с Констанцием, Юлиан решил воспользоваться тем обстоятельством, что азиатская армия была скована противостоянием Сапору и он легко мог занять дунайские и балканские провинции. Прежде чем выступить в поход на Иллирик, он решил привести подчиненные ему войска к присяге на верность лично себе. «Солдаты, приблизив мечи к своим шеям, клялись по формуле со страшными заклятиями переносить за него всякие беды до

последнего издыхания, если того потребует необходимость; после солдат офицеры и все ближайшие к государю чины клялись ему в верности с подобными религиозными обрядами»¹⁶⁸. Лишь префект претория Небридий отказался принести присягу, и Юлиан отпустил его к себе на родину в Этрурию.

Тем временем Констанций, находясь в Антиохии, а потом в Эдессе, вел подготовку к войне на два фронта: с персами, собиравшимися с приходом весеннего тепла вновь вторгнуться в пределы Римской империи, и с узурпатором Юлианом. Лишившись жены Евсевии, он вступил тогда в брак с Фаустиной, которая родила дочь, названную Констанцией, уже после кончины ее отца. Император принял решение вначале попытаться договориться с персами о перемирии и только потом обрушиться на Юлиана, но узнав о стремительном и беспрепятственном продвижении его армии на Балканы, Констанций вынужден был немедленно двинуть подчиненные ему войска навстречу тирану.

В походе он, ранее отличавшийся железным здоровьем, внезапно заболел. Воспитанный с детства в христианской вере, живо интересовавшийся богословскими вопросами и принимавший самое энергичное участие в церковной жизни, в противостоянии разных направлений богословской мысли, действуя при этом на стороне ариан, Констанций, подобно отцу, откладывал крещение и принял это Таинство лишь на одре болезни, в Антиохии, от давнего единомышленника и сподвижника Ария Евзоия, занимавшего тогда Антиохийскую кафедру. Продолжая путь на запад и остановившись в Тарсе, Констанций страдал от лихорадки, которая стремительно усиливалась.

«Полагая, что нездоровье могло бы пройти от движения в пути», он «поехал по трудным дорогам в Мобускрены, последнюю на пути из этих мест станцию Киликии... На следующий день он предполагал поехать дальше, но усилившаяся болезнь его задержала. Жар был так велик, что нельзя было дотронуться до его тела, пылавшего как жаровня. Лекарства не действовали; чувствуя себя при последнем издыхании, он

оплакивал свой конец и, будучи еще в полном сознании, назначил, как говорят, Юлиана преемником своей власти. Затем он замолчал, начался предсмертный хрип, душа, готовая покинуть тело, долго боролась со смертью, и он умер 5 октября»¹⁶⁹ 361 г., на 45 году жизни. Его останки были доставлены в Константинополь для погребения протектором-доместиком Иовианом, которому суждено было вскоре потом на короткое время достичь верховной власти в Римской империи.

В своих оценках личности и дел Констанция язычник Аммиан Марцеллин, хотя и старается быть объективным, акцент все же делает на его пороках: «В тех случаях, когда он находил совсем ложный или самый незначительный повод подозревать покушение на свой сан, он вел следствие без конца, смешивал правду и неправду... Он в начале своего правления совершенно истребил всех связанных с ним узами крови и родства. Беды несчастных, против которых появлялись доносы об умалении или оскорблении величества, отягчали его жестокость... И если становилось известным что-нибудь подобное, он... приступал с жаром к кровавому розыску, назначал свирепых следователей, старался растянуть саму смерть в случаях казни, если это позволяли физические силы осужденных»¹⁷⁰. Главным пороком внутренней политики Констанция Марцеллин считает пренебрежение нуждами провинциалов, непомерную тяжесть взимаемых с них налогов, произвол сборщиков податей, которые «доставляли ему больше ненависти, чем денег»¹⁷¹. Жалобы провинциалов при этом не принимались и не рассматривались, усугубляя недовольство центральным правительством и императором.

Не повезло Констанцию и в христианской историографии. Гонения, которым он подверг православных защитников Никейского символа, вполне объясняют негативные характеристики его деятельности, которые в изобилии присутствуют в работах церковных историков. «Констанций... не наследовал лучших сторон характера своего отца, – писал В. В. Болотов, – его умеренности, политического смысла, осторожности, – в увеличенном объеме совместил в себе его недостатки, склонность к деспотизму, к жестокости, при слабости характера, открывавшей

сильный простор всяким придворным влияниям; его лукавство, мстительность, вероломство показывают, как мало в нем было личного величия»¹⁷².

Но от магистральной линии в оценке современниками и историками этого императора разительно отличаются суждения, высказанные его младшим современником и одним из отцов Церкви святым Григорием Богословом. В обличительном слове на Юлиана Отступника он сказал: «Кому из знавших сколько-нибудь Констанция не известно, что он для благочестия, из любви к нам, из желания нам всякого блага, не только готов был презреть... честь всего рода, или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы даже самую державу, целый мир и свою душу... Никто никогда и ни к чему не пылал такую пламенную любовь, с какою он заботился об умножении христиан и о том, чтобы возвести их на высокую степень славы и силы... Он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда дотоле не достигавшее совершенного единоначалия. За сие, думаю, и любил он особенно нам благодетельствовать. Если же и оскорбил несколько, то оскорбил не из презрения, не с намерением обидеть, не из предпочтения нам других, но желая, чтобы все были одно, хранили единомыслие, не рассекались и не разделялись расколами»¹⁷³.

3. Церковь в правление сыновей святого Константина

Забота о преодолении разделений в лоне Церкви причиняла головную боль отцу Констанция святому Константину. После его кончины обнаружилось, что братья придерживаются разных богословских взглядов, по-разному относятся к Никейскому символу. Старший и младший из них Константин и Констанс были его приверженцами, а богословские взгляды Констанция сформировались под влиянием арианина Евсевия Никомидийского.

Святого Афанасия смерть Константина Великого застала в далекой ссылке в Трире, где тогда находилась резиденция Константина Младшего, и тот, ссылаясь на предсмертную волю отца, распорядился о возвращении исповедника на свою кафедру в Александрию. В послании к александрийским христианам, отправленном 17 июня 337 г., он самую ссылку Афанасия оправдывал намерением покойного императора таким образом защитить святителя от его врагов: «Афанасий... был на время послан в Галлию – для того, чтобы, по жестокости кровожадных и непримиримых врагов, угрожавших опасностью священной главе его, не потерпеть ему от разврата злых неисцелимого зла... Блаженной памяти Константин... вознамерился уже возвратить упомянутого епископа на собственное его место, но так как, не исполнив сего желания, он... почил, то, сделавшись наследником намерения блаженной памяти царя, я счел долгом исполнить его. Увидевшись с Афанасием, вы сами узнаете от него, какое питал я к нему уважение»¹⁷⁴.

Александрийская паства, хранившая верность своему предстоятелю во время его ссылки, встретила его с энтузиазмом и ликованием, но в Египте как среди духовенства, так и среди мирян были, конечно, и приверженцы Ария, которые стали бурно протестовать. Их недовольством воспользовались епископы Сирии и Азии, как последователи Евсевия Никомидийского, так и вовлеченные им в интриги богословские консерваторы, которых по-прежнему смущал Никейский символ из-за присутствия в нем небиблейских выражений о единосущии Сына

Отцу и о Его рождении «из сущности Отца», – единомышленники другого Евсевия, Кесарийского, а также те, кто не расходился с Афанасием в богословских воззрениях, но считал его справедливо осужденным на соборе в Тире за канонические преступления. И те, и другие, и третьи были встревожены возвращением бесстрашного и искусного борца за Никейскую веру в Александрию. В направленные против него новые интриги удалось вовлечь императора Констанция, в область которого входил Египет. Из Антиохии, где собрались противники Афанасия, направлено было трем августам и епископам Кафолической Церкви соборное послание, в котором утверждалось, что Афанасий, осужденный Тирским собором, не может быть возвращен на кафедру волей императора. В этом послании на Афанасия возводилось политическое обвинение в том, что он удерживает в своем распоряжении хлеб, который через него, как предстоятеля местной Церкви, императоры жертвовали в пользу нуждающимся египтянам.

В ответ на эту интригу Афанасий созвал в Александрии собор епископов Египта, который рассмотрел выдвинутые против него обвинения и нашел их неосновательными. Собор прямо указал на главную причину клеветнических измышлений – стремление добиться отмены осуждения Ария и его последователей и тем самым дискредитировать Никейский Собор. Но Евсевий Никомидийский и его сторонники отвергли постановление Александрийского собора. На Александрийскую кафедру ими был избран некий Пист, хиротонию которого совершил один из арианствующих епископов Египта Секунд Птолемаидский; поскольку однако христиане Александрии его не приняли, на созванном в Антиохии в 338 г. очередном соборе вернулись к вопросу о замещении Александрийской кафедры. На нее решено было поставить одного из самых авторитетных иерархов Востока – таковым сочли епископа Каппадокийского Григория.

23 марта 339 г. префект Египта Филагрий издал распоряжение о том, чтобы клирики Александрии передали в распоряжение Григория свои церкви. До его прибытия они подлежали передаче местной администрации. Григорий въехал в

Александрию в сопровождении военной охраны во время Четырехдесятницы. Уличная толпа ариан, язычников и иудеев приветствовала его. Верующий народ пытался сопротивляться насилию, чинимому чиновниками и военными. В результате столкновений пролилась кровь. Уже в первой церкви, которую отняли у православных никейцев, были убитые и раненые. Епископский дом был захвачен с применением силы и со взломом. Захват храмов сопровождался арестами православных клириков.

Святитель Афанасий вновь тайно бежал из Александрии и из своего укрытия обратился к вселенскому епископату с посланием, в котором указал на главного виновника церковной смуты – Евсевия Никомидийского, протестовал против содеянного насилия и призывал собратий к твердому стоянию за веру: «Григорий – арианин и прислан арианами... И потому, как наемник и как чужой христианам соборной церкви, как ему не принадлежащим, чрез градоначальника причиняет бедствия и огорчения. ...На их стороне одни еретики, еще – отлученные от Церкви за вины и те, которые лицемерят по принуждению, боясь градоначальника. ... Поэтому не должно и вам оставаться в бездействии при их беззакониях; ... ибо хулится ими общий наш Спаситель»¹⁷⁵.

Из своего египетского укрытия Афанасий тайно отправился в Рим. Туда же выехал из Александрии посланец с письмом Григория, адресованным Римскому папе Юлию. В Риме тогда находился и давно уже осевший там Маркелл, гостями Юлия были и другие епископы Востока, изгнанные со своих кафедр арианами. От арианского епископа Антиохии Плакентия в Рим для объяснений направлен был пресвитер Макарий. Юлий направил епископам Востока приглашение на соборный суд в Рим. Это приглашение было отвергнуто. Ответное послание было составлено в Антиохии, арианский епископ этого города Флакилл поставил под ним первую подпись, за ней следует подпись епископа Кесарии Каппадокийской Диания, которого, между прочим, считал как своего наставника святитель Василий Великий. Третья подпись принадлежит Евсевию. После изгнания из Константинополя святого Павла, преемника незадолго перед

тем, в 340 г., скончавшегося святителя Александра, он занял ее при поддержке императора Констанция, оставив Никомидию. В этом послании принципиально отвергалась претензия епископов Рима на роль третейских судей во Вселенской Церкви – правота этой позиции подрывалась однако бесцеремонным вмешательством епископов Сирии и Азии в церковные дела Египта.

В 340 г. Юлий созвал собор для рассмотрения сложившегося положения дел в Египте и на Востоке в целом. Римский собор, в котором приняли участие 50 епископов, в основном италийских, полностью оправдал и поддержал как ревнителя Никейского символа Афанасия, так и не чуждого савеллианских заблуждений Маркелла. Очевидно, что в ту пору главной опасностью была арианская ересь, но поддержка Маркелла до известной степени говорит о недостаточной разборчивости Римской церкви, во всяком случае набрасывает тень на сформулированную в позднейшие времена доктрину о непогрешимости епископа Рима. В своем втором послании восточным епископам Юлий, излагая постановление Римского собора, укорял их: «Почему же не писано было к нам особенно о церкви Александрийской? Или не знаете, что было это обыкновение, – прежде писали к нам, и здесь уже решалось, кто прав»¹⁷⁶. Притязания на исключительную миссию Римской кафедры выражено было в этом послании вполне прозрачно, но негативная реакция на них со стороны восточных дискредитируется тем, что, отвергая право Рима на вмешательство, они отстаивали свое богословие, в разной степени отклонявшееся от Никейского символа, вплоть до откровенного арианства, в то время как святому Афанасию и его православным последователям было не до того, чтобы вникнуть в экклезиологическую неосновательность аргументации папы Юлия, когда он по-братски протянул им руку помощи.

В 341 г. после завершения строительства великолепного кафедрального храма Антиохии, получившего наименование «золотой церкви», состоялось ее освящение. На торжество в столицу Сирии съехалось около 100 епископов. Прибыл туда и император Констанций. Участвовавшие в празднествах

епископы провели собор под председательством предстоятеля местной церкви Плакентия. Обвиненные Афанасием и Юлием в арианстве, участники собора, оправдываясь, писали в своей энциклике: «Мы и не думали быть последователями Ария. Как мы, епископы, да последуем пресвитеру? Мы испытали и исследовали веру Ария и его приняли в свое общение, а не сами к нему присоединились»¹⁷⁷.

Антиохийскому собору принадлежит целых 4 символа, важнейший из которых именуется Лукиановым, хотя его принадлежность святому мученику Лукиану, которого, впрочем, считали своим учителем и Арий, и Евсевий Никомидийский, сомнительна. Этот символ гласит: «Веруем во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Его, Единородного, Бога, через Которого все произошло, рожденного прежде всех веков от Отца, Бога от Бога, Целого от Целого, Единого от Единого... непреложного и неизменного, неотличимый Образ божества Отца как существа, так и силы, воли и славы Его. Так что Отец есть истинно Отец, Сын есть истинно Сын и Дух Святой есть истинно Дух Святой. Это не просто имена, праздно употребляемые, но они точно означают собственную ипостась, равно как и славу и чин Каждого из именуемых, так что Они – три ипостаси и одно по согласию». Символ заканчивается анафематизмами: «Если кто учит, вопреки здравой и прямой вере Писаний, говоря, что были или совершились времена или века прежде рождения Сына, – да будет анафема. Или кто говорит, что Сын есть творение, как одно из творений, или рождение, как одно из рождений, – да будет анафема. Утверждающих, что Сын из не сущих, а не от Бога и что было время, когда Его не было, таковых чуждыми считает кафолическая Церковь»¹⁷⁸.

Считать этот символ арианским оснований нет, но ни в нем, ни в других вариантах символа, принадлежащих Антиохийскому Собору, нет никейской формулы о единосущии (омоусиос), взамен нанизываются не столь определенные выражения: «Целого от Целого, Единого от Единого, Совершенного от Совершенного, царя от царя, Господа от Господа, Слово Живое, премудрость Живую, свет истинный, путь, истину, воскресение, пастыря, дверь»¹⁷⁹. Большинство участников собора

действительно не были приверженцами ни Ария, ни даже Евсевия Никомидийского, который, однако, опираясь на поддержку Констанция и незаурядный талант интригана, сумел повести за собой восточных епископов. Соборная формула, усваиваемая Лукиану, выражала богословские воззрения оригенистов, подобных скончавшемуся накануне Собора, в 339 г., Евсевию Кесарийскому, и тех консерваторов, которых пугала и отталкивала никейская новация – не употребляемое в Священных книгах, заимствованное у внешних слово «единосущный». Но в символе Антиохийского Собора есть и замечательное богословское достижение.

В нем, против квазисавеллианства Маркелла, но также, конечно, по замыслу составителей, против напрасно подозреваемого в савеллианстве Афанасия, по отношению к Отцу, Сыну и Святому Духу употреблен еще один заимствованный из внешней философии термин «ипостась» – учение о Трех Ипостасях впоследствии было с виртуозной богословской тонкостью разработано каппадокийскими отцами и стало с тех пор нормой православной триадологии.

Антиохийский Собор, хотя и скомпрометированный своей антиафанасьевской и антиникейской тенденцией, вошел в историю Церкви не как еретическое собрание, но как один из православных поместных соборов. В состав канонического корпуса Православной Церкви вошли изданные им 25 правил, хотя, впрочем, есть и иная точка зрения относительно происхождения этих правил: архиепископ Петр ЛТОилье считает, что они были составлены раньше, на Антиохийском Соборе 330 г., проходившем под председательством святого Евстафия¹⁸⁰.

На западе у Антиохийского Собора 341 г. сложилась дурная репутация. Его результаты были обозначены как отступничество от православной веры, изложенной в Никейском символе. Такую позицию в полной мере разделял и святой Афанасий. К тому времени жертвой междоусобицы пал император Константин II, но вышедший победителем из столкновения его младший брат Констант был таким же приверженцем Никейского православия, как и павший Константин. Папа Юлий и другие епископы Запада обратились к Константу с просьбой созвать Вселенский

Собор, и тот откликнулся на эту просьбу. Местом Собора избран был город, находившийся на границе латиноязычного Запада и грекоязычного Востока – Сардика.

Собор датируется историками по-разному, но наиболее вероятной датой является 343 г. В Сардику съехалось 170 епископов: 76 восточных и 94 западных. Восточные приехали позже и застали собор западных уже открывшимся и заседавшим под председательством местного епископа Протогена и участника Никейского Собора Осии Кордубского. Восточных пригласили войти в состав этого собора, в то время как они считали, что соборные деяния формально должны начаться с их появления на соборе.

Другим и важнейшим камнем преткновения явилось требование восточных не допускать до участия в соборе Афанасия и Маркелла, доколе они не будут оправданы собором. Для рассмотрения дела Афанасия они предложили направить в Египет специальную комиссию. Западные участники Сардикийского собора находили, что святитель Афанасий и Маркелл не нуждаются в пересмотре их дела, поскольку они уже оправданы Римским собором. Западные отцы выступили на соборе как ревнители православного Никейского символа и защитники святого Афанасия от атаки на него со стороны ариан и потворствовавших им епископов Востока, но с формальной канонической точки зрения известная правота была на стороне восточных, не желавших признавать Римский собор высшим по статусу, чем соборы, состоявшиеся в Тире и Антиохии.

Протестуя против неприятия их аргументов, восточные покинули Сардику и провели сепаратное заседание неподалеку от нее, в Филиппополе, и на этом своем соборе, который они называли впоследствии «Сардикийским», низложили, помимо уже ранее осужденных на Востоке святителя Афанасия и Маркелла, Осию Кордубского, Протогена Сардикийского, Максимиана Трирского, Павла Константинопольского, Лукия Адрианопольского и Асклепу Газского, а также Юлия Римского, «как первоначальника и вождя этого зла, который первый... отверз дверь общения осужденным и преступным и имел дерзость поддерживать Афанасия»¹⁸¹.

Тем временем западные отцы, продолжая соборные заседания в Сардике, по предложению Осии Кордубского, намеревались составить новый символ, в котором были бы полнее изложены догматические определения, содержащиеся уже в Никейском символе, но святой Афанасий убедил их не делать этого, чтобы тем самым не принижать значение Никейского символа. Отцы собора ограничились заявлением своей приверженности Никейскому символу, еще раз подтвердили невиновность святителя Афанасия и Маркелла, которого они признавали законным епископом Анкирским, объявив о низложении занимавшего его кафедру Василия. Помимо него низложены были захвативший Александрийский престол Григорий и новые вожди арианской партии, выдвинувшиеся на первые роли после смерти Евсевия Никомидийского: Стефан, именовавшийся Антиохийским, Акакий, занимавший после кончины Евсевия Кесарийского его кафедру, Минофонт Ефесский, а также Феодор Фракийский, Наркисс Илинопольский, Георгий Лаодикийский, Квинтиан, занимавший Газскую кафедру, которая признана была принадлежащей епископу Асклепе, Валент Мурзкийский и Урсакий Сингидунский. Отцы Собора занимались также вопросами церковной дисциплины и в связи с этим издали 20 правил. Эти каноны были составлены сразу на двух языках: латинском и греческом. Правила Сардикийского Собора получили общецерковное признание. На Западе они некоторое время усваивались Никейскому Собору, и тем самым им придавался самый высокий авторитет.

Извещение о постановлениях собора было направлено всем епископам. Для доклада о принятых решениях к императору Констанцию в Антиохию, где он тогда находился, собором направлена была делегация в составе престарелых епископов: Викентия Капуйского и Евфрата, занимавшего кафедру Колонии Агриппины. Епископ Антиохии Стефан, низложенный Сардикийским собором, жаждал мести и отважился на грязную провокацию против посланцев собора. По рассказу блаженного Феодорита, «пришедши к одной непотребной женщине, он сказал ей, что какието недавно

прибывшие чужестранцы желают провести с нею ночь... Он ввел женщину во двор и, показав дверь в дом... приказал ей войти туда, а сам пошел позвать своих соумышленников. В передней комнате случилось спать Евфрате... Как скоро непотребная женщина вошла в комнату... Евфрата, услышав шум ее шагов, спросил, кто ходит. И едва только та отозвалась, пришел в ужасное смятение. Он вообразил себе, что говорит с ним демон, подделываясь под женский голос, и в ту же минуту стал призывать на помощь Христа Спасителя. Между тем Онагр – так звали предводителя злодейской шайки... – вошел с своею толпою сюда же и называл беззаконниками самых тех, которые хотят быть судиями беззакония»¹⁸². Поднялся шум, и во двор ворвалась вооруженная стража. Часть заговорщиков и женщину, приведенную в дом, схватили. Началось расследование. Благодаря добросовестным показаниям женщины, дело раскрылось. Виновником происшедшего признан был епископ Стефан. Негодуя на клеветника, император Констанций велел срочно созвать собор: Стефан был низложен, но на его место поставили такого же, как он, арианина – Леонтия.

После Сардикийского Собора прервалось общение между православными епископами Запада и восточными, в разной мере вовлеченными в арианскую ересь: при этом «западные простирали пределы свои до Фракии, а восточные – до Иллирии, и церкви, чего и следовало ожидать, возмущаемы были раздором и взаимными наветами: ибо хотя и прежде разногласили они в учении, но, имея взаимное общение, не производили большого зла и казались единомышленными»¹⁸³. Однако не все на Востоке были приверженцами арианства: «большая часть верующих в ней... признавала происхождение Сына из существа Отчего», но «некоторые упорно восставали против выражения «единосущный»¹⁸⁴. Оставались на Востоке и твердые приверженцы Никейского символа. Созомен называет таковыми прежде всего епископов Константинопольского Павла и Александрийского Афанасия и, что особенно характерно и важно, «все общество монашеское, как-то: Антоний Великий, который был еще в живых, ученики его и весьма многие другие в Египте и во всей римской империи»¹⁸⁵.

В ту пору в Египте подвизались великие подвижники: преподобные Макарий Египетский и Макарий Александрийский, Памва, Пафнутий, Серапион Великий. Вблизи селения Тавеннис в Фиваиде преподобный Пахомий собрал вокруг себя монашескую общину – киновию, чем положено было начало общежительному монашеству. Преподобный Пахомий составил первый общежительный устав. Вскоре такие киновии, получившие название монастырей, стали появляться и в других христианских странах – в Палестине, где особенно прославился своими подвигами ученик Антония Великого Иларион, в Сирии, Понте, Армении.

Одним из основателей монастырей в Пафлогонии и западной Армении был Евстафий, занимавший Севастийскую кафедру. Составленный им устав отличался крайним аскетизмом, и, как пишет Созомен, «по любви к излишней строгости, Евстафий допустил некоторые странности, нисколько не согласные с постановлениями Церкви»¹⁸⁶. Впрочем, Созомен склонен приписывать эти крайности не самому Евстафию, но его неразумным последователям. По словам другого церковного историка, Сократа, Евстафий «не допускал вступать в брак и учил воздерживаться от разных родов пищи, а потому и многим брачным запрещал жить вместе, внушал, избегая собраний церковных, иметь общение в домах; сам нося философский плащ, приказывал и последователям своим надевать какую-то странную одежду; женам предписывал стричься; учил также, избегая положенных постов, поститься в воскресенье; запрещал совершать молитвы в домах людей брачных; приказывал уклоняться, как от греха, от благословения и общения с пресвитером женатым, хотя бы он вступил в брак по закону, быв еще мирянином»¹⁸⁷.

Церковь вовремя разглядела опасность уклонения в манихейский по своей закваске ложный аскетизм. Учение и практика Евстафия и его учеников рассматривались и были осуждены на соборе, созванном в пафлагонийских Ганграх в 343 г. Впрочем, в литературе существует и иная датировка этого собора, представленная, в частности, А.С. Павловым, который относит его к значительно более позднему времени – 60-м

годам¹⁸⁸. Возможно, лишь внешне Евстафий подчинился постановлению Гангрского собора. Во всяком случае впоследствии он имел каноническое общение с православными, но в конце жизни отпал в духоборческую ересь, и одно время именно он, а не Македоний, с именем которого эта ересь вошла в историю Церкви, возглавлял эту группировку.

В IV веке монашество получает самое широкое распространение на востоке Римской империи. Расцвет монастырей объясняется главным образом снижением общего уровня нравственности церковного народа вследствие наплыва в Церковь недавних язычников и христианизации империи, начавшейся после издания Миланского эдикта. Люди, стремившиеся осуществить в своей жизни высокий евангельский идеал, порывали связь с миром, который уже не гнал их и все же оставался «миром, во зле лежащим», и уходили в пустыню, чтобы там претерпеть иное гонение, воздвигаемое исконным врагом спасения.

Монашеское сообщество непоколебимо стояло за православный Никейский символ, за веру, которую исповедовал святой Афанасий. А сам он, как и святитель Константинопольский Павел, по-прежнему находился в изгнании. Такое положение становилось неприемлемым для твердого приверженца «единосущия» императора Константа, и он обратился с угрожающим письмом к своему старшему брату: «Здесь при мне находятся Афанасий и Павел, которых, как я доподлинно узнал, преследуют за благочестие. Если ты дашь слово возвратить им престолы и наказать тех, которые понапрасну к ним привязываются, то я пошлю к тебе этих мужей. Если же не согласишься на это, то знай, что я сам приду и без твоего согласия возвращу им престолы их»¹⁸⁹.

Опасность гражданской войны устранила Констанция, к тому же случилось так, что его ставленник в Александрии Григорий умер в 345 г., что позволило ему уступить давлению без потери лица – без необходимости устранять им же навязанного Египту епископа, и он отправил святому Афанасию письмо, в котором просил его вернуться на свою кафедру в Александрию. Афанасий, прекрасно зная о недружелюбном

отношении к себе Констанция, выдержал паузу, возвратившись только после третьего письменного приглашения со стороны императора, во владения которого входил Египет. Встретившись по пути в Египет в Антиохии с Констанцием, святитель соглашался по просьбе императора уступить александрийским арианам одну городскую церковь, но при условии, что и в Антиохии один из храмов будет предоставлен евстафианам – приверженцам Никейского символа, которые вынуждены были собираться на богослужение за пределами города. Поскольку в Антиохии было несравненно больше православных никейцев, чем ариан в Александрии, Констанций снял свое предложение. Триумфальное возвращение святителя в Александрию состоялось 23 октября 346 г. Православные встречали его за полтораста километров от города. Сам святитель так писал о том, что происходило после его возвращения: «Многие из бывших в общении с арианами не по произволению, но по нужде, приходили ночью и оправдывались; они предавали ересь анафеме и просили себе прощения»¹⁹⁰.

Тогда же на Константинопольский престол, с которого удален был арианствовавший Македоний, вернулся святитель Павел, на Анкирскую кафедру должен был, по требованию Константа, вернуться Маркелл, которого на Востоке не без оснований обвиняли в скрытом савеллианстве, но анкирская паства, приверженная своему тогдашнему предстоятелю Василию, не позволила Маркеллу занять эту кафедру. Западные ариане Урсакий Сингидунский и Валент Мурсийский, осужденные Сардикийским собором, принесли покаяние перед епископом Рима Юлием как в своем отступничестве от никейского вероисповедания, так и в особенности в клевете на святого Афанасия.

Благодаря исповедничеству святителя Афанасия и других ревнителей единосуция, а также в результате вмешательства Константа в церковные дела, во Вселенской Церкви водворился мир и происходило возвращение отступников в Православие, но ситуация решительно изменилась после гибели Константа, павшего жертвой заговора Магненция в январе 350 г. Враги Афанасия клеветали на него Констанцию, обвиняя святителя в

том, что он своими интригами настроил против него младшего брата, и даже в тайном сговоре с узурпатором, против которого тогда воевал Констанций. Хотя Афанасию нетрудно было оправдаться в навете, связанном с не имевшими места контактами с Магненцием, но главным виновником оказанного на него давления со стороны Константа Констанций действительно считал Афанасия. «Констанций болезненно переживал “унижение”, нанесенное ему “никейцами” через убитого брата... К тому же Констанцию, более политику, чем богослову, “восточные” казались государственно удобными, “сговорчивыми”, тогда как “никейцы казались безнадежно упорными фанатиками”»¹⁹¹.

И на никейцев снова обрушились гонения. Уже в 350 г. Константинопольская кафедра была опять отнята у святителя Павла – по указанию Констанция его отправили в ссылку в каппадокийский город Кукуз, где в том же году он был удушен, а столичный престол был передан Македонию, с Адрианопольской кафедры свергли епископа Луция, посаженного в темницу в железных оковах, в которых он и отдал душу Богу, но репрессии против Афанасия откладывались как ввиду его исключительной популярности и всеобщей поддержки на Западе, так и потому, что император, вынужденным образом трижды приглашая его вернуться в Александрию, гарантировал ему пребывание на своем престоле до конца жизни.

Ведя войну с узурпатором Магненцием, Констанций оказался в Сирмии, епископ которой Фотин обвинялся в ереси как на Востоке, так и на Западе. В прошлом он был диаконом, в своих богословских воззрениях он оказался последователем Анкирского епископа Маркелла, но, доводя до крайности савеллианские черты в триадологии учителя, Фотин разошелся и с ним и стал отрицать «предвечное рождение и бытие Сына... утверждая, что Христос получил бытие от Марии»¹⁹². Для рассмотрения этого учения Констанций созвал в Сирмии в 351 г. собор, на который были приглашены Осия Кордубский, незадолго перед тем отправленный в изгнание, Василий Анкирский, Марк Аретузский, Валент Мурсийский и другие епископы – никейцы и ариане. Относительно еретического

учения Фотина участники собора были единодушны: его низложили как приверженца монархианских ересей Савелия и Павла Самосатского, но Констанций решил воспользоваться случаем, чтобы побудить участников собора к составлению нового символа, который бы объединил православный Запад и арианствующий Восток.

На Сирмийском соборе составлена была на греческом и латинском языке тринитарная формула с явно выраженным субординационистским акцентом. Более того, произошло отступление от Никейского символа: собор анафематствовал исповедовавших единосущие или подобосущие Сына Отцу, воспрещая само употребление понятия «сущность» как на греческом языке «усиа», так и на латинском *substantia*, между которыми есть некий зазор – латинский термин в большей мере носит оттенок вещественности и материальности, от которого свободнее греческое философское понятие «усиа». Сирмийский собор анафематствовал и тех, кто исповедовал, что Сын равночестен, а не подчинен Отцу. Осия Кордубский, в ту пору уже достигший преклонных лет, не хотел подписывать составленный в Сирмии символ, но, как пишет Сократ, «когда подвергли старца побоям и пыткам» он «согласился и подписал изданные тогда исповедания»¹⁹³.

22 мая 352 г. скончался защитник святителя Афанасия епископ Римский Юлий, на его место был избран Ливерий. В 353 г. Магненций погиб, и теперь вся империя, включая и православный Запад, оказалась во власти Констанция. И он, и арианствующие епископы сочли момент благоприятным для полного реванша, для склонения или прямого принуждения западных к отказу от Никейского символа. В октябре 353 г. на юге Галлии, где закончилась авантюра Магненция, в Арелате, Констанций велел созвать собор для суда над святым Афанасием. В Арелат прибыли православные епископы, среди которых находились и представители Римского папы Либерия. Западные епископы отказывались рассматривать обвинения против Афанасия заочно, но Констанций настаивал на необходимости срочного рассмотрения дела, поскольку Афанасий обвиняется в государственном преступлении – сношениях с низвергнутым

узурпатором Магненцием. В качестве обвинителя на соборе выступил сам император. Большинство участников собора, включая и представителей папы Либерия, подчинились диктату; отказавшийся поставить свою подпись под актом о низложении Афанасия Павлин Трирский был отправлен в ссылку далеко на восток – во Фригию. Папа Либерий, а также епископы Медиоланский Дионисий, Веркельский Евсевий и Каральский Люцифер заявили протест против заочного обвинения Афанасия.

Тем временем в самой Александрии предпринята была попытка арестовать Афанасия, но православный народ пришел в такое волнение, что силенциарий Монтан, которому было приказано осуществить полицейскую операцию, отказался от ее проведения из опасения спровоцировать бунт. Безуспешным было и повторение подобного опыта нотарием Диогеном в 355 г. Народ стеной стоял за своего архипастыря.

Епископ Римский Либерий настаивал на соборном рассмотрении дела Афанасия, и Констанций решил уступить. В 335 г. был созван собор в Медиолане, где тогда находилась резиденция императора. В соборе участвовало несколько десятков епископов – западных и восточных. Руководить соборными деяниями император приказал арианам Урсакию и Валенту, которые, правда, в свое время, когда им показалось, что перевес на стороне никейской партии, принесли покаяние епископу Римскому Юлию, в частности и в клевете на Афанасия, благодаря чему удержали за собой свои кафедры, но затем при перемене конъюнктуры сделали обратный ход и дезавуировали свое прежнее покаяние. Когда епископ Медиоланский Дионисий предложил предварить соборные деяния исповеданием приверженности Никейскому символу, Валент, в крайнем раздражении, вскочил со своего председательского кресла, набросившись на Дионисия, он вырвал из рук у него трость и заявил, что ничего подобного не допустит. Ввиду возникшего беспорядка введена была стража. Заседание было объявлено закрытым, а продолжение собора перенесено было во дворец, где император наблюдал за его ходом тайно, из-за занавеса.

С обвинениями против Афанасия выступил епископ Мурсийский Валент, но западные епископы продолжали настаивать на недопустимости заочного рассмотрения дела и на отсутствии доказательств вины. Подслушивая спор, Констанций пришел в крайнее негодование, вышел из-за занавеса и заявил: «Я сам обвиняю Афанасия. Ради меня вы должны верить Валенту»¹⁹⁴. Епископы Павлин Трирский, Дионисий Медиоланский и Евсевий Веркелльский стояли на своем, требовали дополнительной проверки фактов по делу и в присутствии императора повторили свой довод о неканоничности заочного суда. И тогда Констанций «ударяя плашмя своим мечом по столу, выкрикнул: “Моя воля – вот для вас канон”¹⁹⁵. Большинство участников собора в конце концов подчинилось требованию императора и подписало постановление о низложении Афанасия и акт о восстановлении общения между западными и восточными церквями, прерванного Сардикийским собором. Но епископов Павлина, Дионисия, Евсевия и Люцифера, занимавшего кафедру в сардинском городе Каралах (Кальяри), императорские угрозы изгнанием и даже казнью за выгораживание государственного преступника не устрасили, и они были отправлены в азиатскую ссылку. На одну из важнейших на Западе кафедр, в Медиолан, был назначен выходец из Каппадокии арианин Авксентий.

Узнав о происшедшем, протест заявил старец Осия Кордубский, за что был подвергнут аресту. В Рим к папе Либерию отправился императорский чиновник евнух Евсевий. Но он тщетно пытался уговорить святителя подписать акты Медиоланского собора, тогда решено было доставить его в Медиолан под конвоем. В состоявшемся там разговоре с ним Констанций пытался убедить папу отречься от общения с «нечестивым Афанасием», но тот настаивал на незаконности заочного приговора. Присутствовавший при этой беседе «епископ Эпиктет сказал: “Царь! Либерий спорит теперь не для защиты веры или определений церковного суда, а для того, чтобы похвастаться пред римскими сенаторами, что он царя переспорил”. Поэтому царь сказал Либерию: “Да что ты за важное лицо в государстве, что один поддерживаешь сторону

нечестивого человека и разрушаешь спокойствие вселенной, даже целого мира?” Либерий: “Слово веры не бессильнее оттого, что я защищаю его один. И в древности только три человека воспротивились повелению... Тут евнух Евсевий сказал: “Ты царя нашего сделал Навуходоносором?”. Но Либерий отвечал: “Отнюдь нет. Но незаконно было бы осудить человека так, без рассмотрения его дела. Я считаю нужным прежде всего собрать вселенскую подпись, которой бы утверждалась изложенная в Никее вера, чтобы, через это возвратив из заточения братьев наших и восстановив их на принадлежащих им кафедрах, а потом рассмотрев, окажутся ли согласными с апостольскою верою люди, производящие ныне в церквях столько смятения, тогда уже собраться в Александрию, где лично будут присутствовать и обвиняемый, и обвинители, и защитники той и другой стороны, и там, рассмотрев все дело, произнести единоголосное решение”»¹⁹⁶.

Проект, безупречный с канонической точки зрения, был абсолютно неприемлем для Констанция, который считал уже Афанасия своим личным врагом: «Он обидел всех вообще, но никого не обидел столько, как меня... Он не переставал возбуждать к вражде против меня блаженной памяти Константа... Для меня не может быть столь великого подвига, хотя бы даже я победил Магненция и Сильвана, каким подвигом было бы отторжение этого злодея от дел церковных»¹⁹⁷. Но ни убедить Либерия, ни заставить его подчиниться император не смог, и папа отправился в ссылку во фракийский город Бероэ, а на его место был поставлен диакон Феликс, один из многих антипап, бывших в истории Римской церкви. За верность никейскому богословию на Восток сослан был и один из самых значительных латиноязычных богословов епископ Пиктавии Иларий.

Настала очередь и для расправы над тем, кого Констанций считал главным виновником церковных разделений. К аресту Афанасия готовились, как к заправской военной операции. Дуксу Сириану император приказал стянуть в Александрию все легионы, расквартированные в Египте и Ливии. В ночь с 8 на 9 февраля 356 г. в александрийской церкви Феоны святитель

совершал всенощное бдение. И вот при чтении и пении псалма «Хвалите имя Господне» в храм ворвались солдаты, ранее оцепившие его. По рассказу самого святителя, «Сириан отдал приказание: и одни стали стрелять; другие восклицали; произошел стук оружий; засверкали мечи при свете светильников. А вслед уже за этим убиваемы были девы, многие потоптаны, падая друг на друга, при наступлении на них воинов; раненые стрелами, мужчины умирали. Некоторые из воинов обратились к грабежу, срывали покровы с дев, причем страх, при одном прикосновении к некоторым воинам, был для них тяжелее смерти»¹⁹⁸. Затем народ, по указанию святителя Афанасия, «стал расходиться из церкви, подпевая: “яко в век милость Его”, а вместе с народом после других незамеченным вышел и сам Афанасий. Отсюда заключают, – писал В. В. Болотов, – что фигура Афанасия была не из крупных, и Юлиан, называя его анфрупикос, выражает не только презрение к нему, как галилеянину, но намекает и на его фигуру»¹⁹⁹. Солдаты, имея приказ схватить Афанасия, объявленного врагом римского народа, рыскали в поисках его по всем углам храма, но безуспешно.

Святитель скрылся с помощью верных ему христиан в одном из египетских монастырей. Тщетно искали его потом в обителях этой страны по приказу императора. На случай его бегства в Эфиопию римские власти обратились к князьям этой страны с просьбой о выдаче Афанасия, если он там обнаружится. В укрытии святитель предался литературному труду, написав житие своего старшего друга и собеседника преподобного Антония, «Историю ариан», 4 слова против ариан и другие свои творения.

После удаления святого Афанасия церкви Александрии отнимались у православных и передавались арианам, составлявшим в Египте ничтожное меньшинство. Ввиду явного неприятия еретиков христианами Александрии правительство долго не решалось ввести в город избранного на соборе в Антиохии на Александрийскую кафедру Георгия, который раньше был чиновником финансового ведомства. Но 24 февраля 357 г. он прибыл в столицу Египта. После его приезда

в Александрии начались расправы над упорно отвергавшими его христианами. По описанию святителя Афанасия, который через верных ему людей пристально наблюдал за всем, что происходило в его кафедральном городе и во всем Египте, «после недели Пасхи дев ввергали в темницы, епископов связанных уводили воины, расхищали жилища и хлеба сирот и вдовиц, врывались в дома, ночью выгоняли из них христиан, дома опечатывались... В неделю по святой Пятидесятнице постившийся народ вышел молиться на кладбище, потому что все отвращались от общения с Георгием. Но узнав о том, этот вселукавый возбуждает военачальника Севастиана, манихея, и сам уже, ведя множество воинов с оружием и с обнаженными мечами, луками и стрелами, устремляется на народ в самом храме Господнем. И, нашедши немногих молящихся, – потому что большая часть удалилась уже по причине позднего времени... зажег костер и, поставив дев к огню, принуждал их говорить, что Ариевой они веры. Когда же увидел, что девы непобедимы и не заботятся об огне, – обнажив, до того бил по лицу, что несколько времени едва узнавали их. Захватив сорок человек мужчин, мучил их новым способом: только что срезав ветви с финиковых деревьев, пока они были еще с иглами, ими до того иссек хребты, что у иных нужно было не раз вырезывать вонзившиеся иглы, а иные не перенесли этого и умерли»²⁰⁰. 16 православных епископов Египта было удалено с кафедр и отправлено в ссылку, многие сами, подобно своему кириарху Афанасию, бежали и скрылись в монастырях. Подобной участи подвергались также пресвитеры и диаконы, исповедовавшие Никейский символ. Местом заключения епископов и клириков были рудники в Феноне, куда ранее, при Максимиане Дезе, уже ссылали христиан.

Констанций и его клеветы из числа ариан торжествовали победу. Оставалось еще сломить волю не многих уже никейцев, занимавших епископские кафедры на Западе. В 357 г. в Сирмии, где тогда находилась резиденция императора, вновь созван был Собор, и на нем удалось склонить к фактическому отказу от Никейского символа его прежних поборников Осию Кордубского, который, по словам самого святителя из его послания к

Констанцию, годился ему в деды, следовательно к тому времени приблизился уже к 100-летнему рубежу, и Потамия Олизиппонского (Лиссабонского), которых считают авторами изложения веры так называемой 2-й Сирмийской формулы. Ее оригинал составлен был на латинском языке, а греческий текст представляет собой перевод. По своему содержанию эта формула была вполне арианской: «Так как многих смущает вопрос о так называемой по-римски substantia, а по-гречески «оусиа», т.е., выражаясь точнее, вопрос об «омооусион» и так называемом «омоиоусион», то не об одном из этих выражений не должно быть и упоминаний... Никто, с другой стороны, не сомневается, что Отец больше Сына. Ведь всякий без колебания согласится, что Отец по чести, достоинству, божеству... и по самому имени Отца больше Сына»²⁰¹. Святой Иларий назвал этот документ «богохульством Осии и Потамия».

Вторую Сирмийскую формулу разослали епископам для подписи. После собора в Сирмии был освобожден папа Римский Либерий. Одни историки считают, что ценой, уплаченной им за освобождение, была поставленная им под этим документом подпись – святитель Афанасий писал: «Заточенный Либерий чрез два года изнемог в силах и, убоявшись смерти, какою угрожали, подписался»²⁰². Католические авторы, в том числе знаменитый историк кардинал Гефеле, утверждают, что Либерий подписал не вторую, а третью Сирмийскую формулу, не столь откровенно арианскую²⁰³, но и в таком случае это исторический факт, неблагоприятный по отношению к учению о папской непогрешимости. Продавливание Сирмийской формулы властью императора имело относительный успех. Одни епископы Запада, ранее приверженные Никейскому символу, под ней подписались, а другие съехались в галльский город Агены и там провели собор, на котором отвергли ее.

Неожиданной реакцией арианствующего Востока на собор в Сирмии был распад единого антеникейского лагеря на противоборствующие группировки. «Эта последняя победа, этот апогей арианства, – по замечанию протопресвитера Александра Шмемана, – оказался роковым для него. Сирмийский манифест был до такой степени откровенно арианским, что не мог не

вызвать реакции всех здоровых элементов Церкви. Коалиция, которую можно было склотить против Афанасия, Маркелла, Рима, теперь распалась, и Восточная Церковь... стала выздоравливать. Выздоровление это было медленным... Началось дробление епископов на богословские партии, составление все новых и новых вероопределений, борьба, взаимные отлучения, соборы и съезды. Позднее историк Церкви Сократ сравнивал это время с ночным побоищем, когда никто не знает, где враг и где друг»²⁰⁴.

При множестве группировок с разными оттенками богословской мысли их все можно разделить на четыре основных направления: епископов-омоусиан, оставшихся верными Никейскому символу, таких, как святители Афанасий и Иларий Пиктавийский, – за ними по-прежнему стояло большинство христиан в Египте и на Западе, крайних ариан, превзошедших нечестием самого ересиарха, учивших о «неподобии Сына Отцу» и потому названных аномеями, умеренных, или беспринципных ариан, объединившихся вокруг формулы о «подобии» – так называемых «омиев», и, наконец, выздоравливающих от поверхностного арианства «восточных», чей путь к сближению с никейским богословием обозначен был формулой о «подобосущии» Сына Божественному Отцу – «омиусиан».

Крайнее арианство представлял в эти годы диакон Аэций. Родом он был из Келесирии, в молодости овладел профессиями ювелира и врача, которые выручали его, когда он, уже став видным церковным деятелем, попадал в трудное положение, подвергался изгнаниям и ссылкам. Но предметом его увлечения была философия, а еще определеннее формальная логика и диалектика, своим учителем в которых он считал весьма поверхностно понятого им Аристотеля, и богословие, куда он с удивительной гносеологической отвагой переносил логические приемы мышления. В основу своего богословствования он положил противоположность понятий рожденного и нерожденного и в результате пришел к выводу о совершенном неподобии нерожденного Отца и рожденного Им Сына. А еще его богословские взгляды отличались крайне легкомысленным,

если не сказать кощунственным, рационалистическим оптимизмом, позволявшим ему утверждать, что он знает Бога не хуже, чем себя самого, потому что всякое знание он сводил к правильным определениям. В своем противостоянии православной триадологии Аэций доходил до критики самого Ария за его избыточную компромиссность. Из-за подобного богословия Аэций заслужил прозвище безбожника. При этом он отличался беспокойным характером, бешеной энергией и готовностью пострадать за свои убеждения, уподобляясь в этом своему идейному противнику святому Афанасию.

Диаконскую хиротонию он получил от епископа Антиохийского Леонтия, а потом пользовался покровительством переведенного на эту кафедру из Германики в 357 г. Евдоксия, который был близок ему по взглядам, но отличался большей склонностью к компромиссам. В проповедях Евдоксий позволял себе плоские шутки, например, «он не стеснялся кощунственно вышучивать божество Сына, говоря, что Бог-Отец не мог иметь Сына, ибо у Сына нет матери»²⁰⁵.

Арианом и аномеем был также и епископ Кесарии Палестинской Акакий, но из выгоды он, в отличие от последовательного и прямолинейного Аэция, готов был к любым компромиссам, так что стал впоследствии вождем партии умеренных ариан, названных «омиями». К этому же направлению принадлежал и предшественник Евдоксия на Антиохийской кафедре Леонтий. По словам Феодорита, он «еще в пресвитерстве лишен был сана за то, что проводил время с одной женщиной, по имени Евстолия, и потом, желая избежать подозрения в постыдной жизни, оскотил себя, с намерением после того свободнее посещать ту женщину, не подавая повода к клевете на нее»²⁰⁶. Благодаря своей доброжелательности, мягкости характера и обращения, но и склонности к соглашательству, он удерживал под своим окормлением и православных и ариан. Его компромиссность проявлялась порой в прямо анекдотическом виде. В богослужении православных и ариан разделяла, в частности, и формула славословия: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» – у православных и «Слава Отцу через Сына во Святом Духе» – у

ариан. Так вот, чтобы не задеть религиозных чувств ни тех и ни других, Леонтий тихо произносил славословие, так что невозможно было его точно расслышать, и затем громко возглашал: «всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Будучи стар, он «иронически говаривал, показывая на свою седоволосую голову: “Когда растает этот снег, то много будет грязи”»²⁰⁷. И в этом предсказании он не ошибся.

Сразу после его смерти в Антиохии произошло разделение между последовательными арианами, признавшими своим епископом поставленного на Антиохийскую кафедру Евдоксия, и теми, кто, не имея общения с ревностными приверженцами Никейского символа, общину которых, собиравшуюся за городской чертой, возглавлял Павлин, поставленный епископом Каральским Люцифером, отбывавшим восточную ссылку, отшатнулся от провоцирующе арианских высказываний Евдоксия, поскольку, разделяя давно сложившееся на Востоке предубеждение против термина «единосущный», в свое время отвергнутый на Антиохийском соборе, осудившем Павла Самосатского, они в глубине своего религиозного сознания исповедовали полноту Божества во Христе и в этом смысле оставались православными.

Большая часть христиан Востока, которых на Западе продолжали считать арианами, ужаснулись тем выводам, к которым приходили последовательные ариане вроде антиохийского диакона Аэция. От святителя Афанасия и других омиусиан их отталкивало подозрение в криптосавеллианстве, не лишенное оснований по отношению к такому ревностному защитнику Никейского символа, как Маркелл, но богословские упражнения Аэция, откровенное арианство Евдоксия их встревожили всерьез; они увидели теперь опасность, грозившую с другой, противоположной савеллианству, стороны. Знаменем для консолидации богословски здоровых элементов Востока стала формула «подобосущный» (омиусиос) – учение о подобии Сына Божия Отцу по сущности. В этой связи необходимо пояснить, что греческое слово «омиос» в большей мере, чем русское «подобный», обозначает равенство сравниваемых

предметов. По Аристотелю, термином «омион» обозначаются вещи, имеющие одинаковое качество.

Учение о подобосущии сплотило многих авторитетных епископов Востока. Среди них был святой Кирилл Иерусалимский, поставленный на кафедру Матери всех Церквей после смерти Максима III, занимавшего ее с 333 по 350 г. В его «Огласительных поучениях», строго православных по содержанию, но составленных без упоминания Никейского символа, встречается именно этот термин. К этой группе епископов присоединились тогда учитель святого Василия Великого Дианет, занимавший кафедру Кесарии Каппадокийской, и отец Григория Богослова епископ Назианза Григорий. Сторонником омиусианства стал также и Македоний, гонитель святого Павла Константинопольского, занявший столичный престол благодаря покровительству Констанция. Одним из колоритных участников этой группы был епископ Севастийский Евстафий, осужденный на Гангрском соборе за проповедь крайнего аскетизма, носившего манихейские черты. К числу омиусиан принадлежал и святитель Мелетий, возглавивший антиохийских христиан, ранее находившихся под окормлением Леонтия, но отделившихся от его преемника, откровенного арианина Евдоксия. Во главе этого направления оказались непримиримые в прошлом противники святого – Афанасия Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский.

В 358 г. Евдоксий провел в Антиохии собор с участием видных ариан Акакия из Кесарии Палестинской и Урания Тирского, на котором была провозглашена в качестве вероучительного символа арианская по своему содержанию 2-я Сирмийская формула и одновременно отвергнуто не только учение о единосущии, но и о подобосущии (омиусиос). Реакцией на собор стало послание Георгия Лаодикийского епископам Македонию, Василию, Кекропию и Евгению, в котором он призывал их немедленно принять меры по спасению Антиохийской церкви от еретической угрозы, которую несет с собой Евдоксий, покровительствующий откровенному аномею Аэцию.

В ответ на этот призыв епископ Анкирский Василий 12 апреля созвал в своем кафедральном городе собор, на котом было

зачитано обращение Георгия. Собор в свою очередь составил окружное послание, и в нем анафематствовались как Маркелл, так и аномеи, анафеме, правда, подвергались и приверженцы учения о единосущии. Превратным, с точки зрения участников этого собора, доктринам противопоставлялось учение о том, что Сын подобен Отцу по существу. Находившийся в ссылке на Востоке последовательный никеец Иларий Пиктавийский написал тогда сочинение «De conciliis» (О соборах), в котором, обращаясь к своим западным собратьям, призывал их к сближению с теми на Востоке, кто отвергал арианство. Иларий утверждал, что символ Антиохийского собора 341 г., известный под именем Лукиана, а также формула Анкирского собора с ее учением о подобии Сына Отцу «по существу» могут считаться догматически приемлемыми, если их правильно истолковывать, так же как и в свою очередь никейский термин о единосущии при неверной его интерпретации может звучать по-савеллиански. В свою очередь обращаясь к «восточным», он призывал их принять никейское единосущие: «Ведь вы же не ариане! Зачем же, отвергая это слово, вы навлекаете на себя упрек в арианстве? Нужно собраться вместе и сообща рассудить, чтобы не устранялось то, что хорошо установлено (омоусиос), и не отвергать то, что худо понимается (омиусиос)»²⁰⁸.

Делегаты Анкирского собора Василий Анкирский, Евстафий Севастийский и Элевзий Кизикский вместе с пресвитером Леонтием отправились к императору в Рим с соборным вероизложением, и им удалось убедить Констанция в своей правоте. Он немедленно обратился с посланием, в котором дезавуировалось поставление Евдоксия на Антиохийскую кафедру и давалась жесткая критика богохульств Аэция и его покровителей: «Евдоксий пришел не от нас; пусть так не думают: мы далеки от этого. А кто, кроме сего, вдается еще в подобные софизмы, то, очевидно, глумится над Всевышним. Да и от чего по собственной воле удержатся те, которые, ища власти, проходят города, перебегают из одного в другой, как бродяги... Между ними, говорят, есть пройдохи и софисты, которых и наименовать неприлично: это – племя злое и

нечестивейшее... Вы, по вашим же словам, совершенно знаете Аэция и последователей его ереси, у которых одно только дело – развращать народ... На первый раз довольно будет изгнать их из соборов и лишить участия в общих совещаниях; ибо в настоящее время я не намерен предварительно говорить, что вскоре потерпят они, если не оставят своего безумия»²⁰⁹.

За этим посланием последовала ссылка до 70 аномеев: Евдоксий был отправлен в Армению, а Аэций – в Пепузу.

Констанций встал на позицию омиусиан потому, во-первых, что он не был последовательным арианином, а во-вторых, он, подобно своему отцу, более всего стремился к объединению всех христиан, к прекращению внутрицерковных распрей, и в этот момент он рассчитывал, что учение о подобосущии способно будет примирить восточных и западных. Епископам было разослано императорское повеление подписать 3-ю Сирмийскую формулу, воспроизводившую символ Антиохийского собора 341 г., с добавлением слов «подобный по существу». Папа Либерий и Осия Кордубский подписались под этой формулой, но большинство западных епископов свои подписи под ней не поставили. Тем более ее не приняли аномеев и все вообще принципиальные ариане. Тогда возникла поддержанная многими епископами разных партий и ориентаций идея созвать Вселенский Собор. Местом его проведения вначале предполагалась Никея, потом договорились о Никомидии, но в августе 358 г. там случилось страшное землетрясение, разрушившее город.

В этой ситуации ловкие интриганы из арианской партии Урсакий и Валент, опасавшиеся консолидации православных и провала арианства, предложили созвать два отдельных собора западных и восточных епископов в Селевкии и Аримине, с тем чтобы на них был подписан заранее составленный символ. Император, находившийся тогда в своей сирмийской резиденции, согласился с этим предложением. Для составления проекта символа в Сирмий пригласили Василия Анкирского и Марка Аретузского. В результате консультаций был выработан символ, оглашенный в присутствии Констанция Марком Аретузским 22 мая 359 г. В связи с тем, что известна точная дата завершения

работы над ним, он получил название «датированной веры», или, по-другому, 4-й Сирмийской формулы. Символ завершается так: «Слово “сущность”, употребленное отцами по простоте и непонятное для народа, как служащее соблазном, потому что не встречается в Писаниях, заблагорассуждено отвергнуть и впредь, говоря о Боге, вовсе не употреблять его... Мы почитаем Сына подобным Отцу по всему, как и Священные Писания утверждают и научают»²¹⁰.

Эта формула обозначала поражение «омиусиан»: «подобие по всему» не представляет собой равноценного эквивалента «подобия по сущности». Сознвая это, Василий Анкирский сопровождал свою подпись под символом дополнительными пояснениями: «Верую и соглашаюсь с написанным выше, что Сын подобен Отцу во всем. А слово “во всем” понимаю в том смысле, что Он подобен Отцу не только по воле, но и по ипостаси, и по бытию, как Бог от Бога, как премудрость и Сын от премудрости Бога и Отца, что – одним словом – Сын во всем подобен Отцу, как сын отцу. И кто говорит, что Он подобен только в каком-либо отношении, тот чужд кафолической церкви»²¹¹.

Имея при себе текст «датированной веры», Валент и Урсакий отправились в Аримин, где собралось до 400 епископов Запада. Префект Тавр, выполняя приказ императора, объявил соборянам, что он их не выпустит из города, пока они не придут к соглашению. Заслушав представленный им новый символ, они отвергли его, настаивая на непреложности Никейского символа. От приехавших из Сирмия отцы потребовали, чтобы они анафематствовали ариан. Валент и Урсакий, отвергшие это требование, были низложены, но твердую позицию большинства не поддержало около 80 участников собора, готовых к продолжению переговоров с восточными. По предложению гостей Ариминский собор выделил две делегации, по 10 человек в каждой из них, одна из которых представляла позицию большинства, а другая – меньшинства, для дальнейших богословских консультаций.

На Восток они отправились вместе с Валентом и Урсакием. Переговоры велись во время утомительного путешествия по

дорогам Балкан с их, мягко говоря, мало комфортными почтовыми станциями и постоянными дворами. В такой обстановке даже те делегаты Ариминского собора, которые представляли ревностных никейцев, утратили сопротивляемость и склонились к уступкам. «Затрепанные долгими блужданиями по Балканским захолустьям, западные делегаты-пленники, – по остроумному замечанию А.В.Карташева, – 10 октября 359 г. в маленьком местечке под Адрианополем подписали... 4-ю Сирмийскую формулу. Для хитрецов Урсакия и Валента это было нужное им достижение, ибо данная почтовая станция носила название Ника. Подписанный тут документ, по названию сходный с “Никейским”, было полезно интриганам рекламировать для агитации в среде “западных”»²¹². Составленный в результате выкручивания рук, «Никский символ» был представлен отцам Ариминского собора, по-прежнему содержащимся фактически под арестом. Префект Тавр непреклонным условием закрытия соборных деяний, а значит освобождения, назвал подписание нового символа. В конце концов эти подписи были вырваны у ариминских пленников, после чего они смогли вернуться на свои кафедры.

В Селевкии собор открылся 27 сентября 359 г. Императора на соборе представлял комит Леон. В соборе участвовало более 150 епископов. Среди них был и находившийся в ссылке на Востоке приверженец Никейского символа Иларий Пиктавийский. К числу никейцев принадлежал и приехавший из Египта епископ Имерий. Омиусиане составляли на соборе большинство. Епископы Василий Анкирский и Македоний Константинопольский прибыли на собор с опозданием, но в нем с самого начала участвовали такие видные иерархи из этой группы, как святой Кирилл Иерусалимский, Элевсий Кизикский, Евстафий Севастийский и Георгий Лаодикийский. Присутствовали на соборе старые предводители арианской партии Георгий из Александрии, а также склонявшиеся к аномейству Евдоксий и Акакий Кесарийский.

В самый день открытия собора Акакий предложил отменить Никейский символ и отвергнуть учение о единосущии, подобосущии и даже подобии Сына Отцу, ибо ничто не может быть

подобно Божественной сущности Отца. Подобное богословие вызвало возмущение большинства участников собора, которое поддержало предложение подтвердить Антиохийский символ 341 г. Но затем до участников собора довели категорическое требование императора подписать согласованную с западными 4-ю Сирмийскую формулу с включением в нее анафемы аномеям. В ответ на этот ультиматум Акакий, днем раньше отстаивавший «неподобие», провозглашает анафему аномеям и предлагает новый вариант символа, по поводу которого «епископ Помпеополиса пафлагонского Софроний громко сказал... “Если ежедневное изложение собственных помыслов будем принимать за изложение веры, то истины точной у нас не останется”»²¹³. Но Акакий настаивал на собственном варианте, в основу которого было положено учение о «подобии», и после Севастийского собора он даже стал предводителем партии так называемых «омиев», объединившей старых ариан с оказавшимися способными к компромиссам аномеями. Когда омиусиане на продолжившихся заседаниях «спросили акакиан, в каком отношении признали они Сына подобным Отцу», те ответили: «в отношении только к воле, а не к существу»²¹⁴. Началась бурная дискуссия, в ходе которой выяснилось, что большинство соборян отвергает не только аномейство, но и формулу о «подобии», и комит Леон, явным образом сочувствовавший арианам, покинул собор. Когда «посланные к нему встретили в его доме сообщников Акакия и... стали... звать его в собрание, он отказался под тем предлогом, что собор разделился на партии, между тем как царь приказал ему присутствовать на соборе согласном и полном»²¹⁵.

Продолжая заседания без комита Леона и без акакиан, Севастийский собор низложил Акакия Кесарийского, Евдоксия Антиохийского, Урания Тирского, Феодула Керетанского, Феодосия Филадельфийского, Евагрия Митиленского, Леонтия Триполийского, Патрофила Скифопольского и Георгия, захватившего Александрийскую кафедру. Вместо Евдоксия на Антиохийскую кафедру был избран пресвитер Аниан, но Леон подверг его аресту и ссылке. Севастийский собор направил своих делегатов во главе с Василием Анкирским к императору,

вернувшись с иранского фронта в Константинополь. В свою очередь к Констанцию оправились также Акакий и Евдоксий с группой своих сторонников. Богословские прения продолжились там в присутствии императора. Акакий уже раньше анафематствовал аномеев, в Константинополе подобный шаг совершил и Евдоксий, преданный им Аэций после этого был выслан во Фригию, но Василий Анкирский отказался анафематствовать омоусиан. Тогда Констанций отверг василиан, обвинив их в несговорчивости, и взял сторону «сговорчивых» акакиан.

В 360 г. в галльской Лютеции состоялся собор, анафематствовавший ариан и выразивший, по предложению вернувшегося из ссылки Илария Пиктавийского, солидарность с отцами Севастийского собора. С братской поддержкой обратился к ним и скрывавшийся в одном из монастырей Фиваиды святитель Афанасий: «С теми, которые принимают все прочее из написанного в Никее, сомневаются же только в речении “единосущность”, надобно обходиться не как с врагами, и мы не восстаем против них... но рассуждаем как братья с братьями, имеющими ту же с нами мысль, и только сомневающимися об именовании. Ибо исповедующие, что Сын от сущности Отчей и не от иной ипостаси, что Он не тварь и не произведение, но преискреннее по естеству рождение, и вечно соприсущ Отцу как Слово и Премудрость, недалеки и от того, чтобы принять это речение “единосущный”. Таков Василий Анкирский, писавший о вере»²¹⁶.

Между тем на 15 февраля 360 г. было назначено освящение построенной в Константинополе церкви Святой Софии. В связи с праздничным торжеством созван был собор 72-х епископов, приехавших в столицу. На соборе была пересмотрена 4-я Сирмийская формула, или так называемая «датированная вера». Из нее удалены были слова «ката панта» (во всем), какими характеризовалось подобие Сына Отцу. Одновременно Константинопольским Собором по разным обвинениям были низложены 11 видных омоусиан, и среди них Василий Анкирский, святой Кирилл Иерусалимский, Македоний Константинопольский, Георгий Лаодикийский и Евстафий

Севастийский. Омиусиане, подписавшие соборные решения, Дианет Кесарийский и Григорий Назианский, один – учитель, а другой – родной отец двух великих каппадокийцев Василия Великого и Григория Богослова, избежали соборного отлучения. Это была победа омиев, или акакиан. Правда, по беспечности ариан на некоторые из ставших вакантными кафедр собором были поставлены православные епископы: на Анкирскую друг Василия Великого Афанасий, а на Лаодикийскую Пелагий. В связи с низложением Македония на Константинопольскую кафедру был перемещен Евдоксий. Вакантную Антиохийскую кафедру в 361 г. занял святой Мелетий; но спустя всего три месяца после своего поставления по выбору Констанция он, по его же указанию, был низложен как приверженец Никейского символа.

Последовавшая вскоре за тем смерть императора Констанция и приход к власти его двоюродного брата Юлиана радикально изменили положение Церкви.

4. Правление ренегата

Весть о кончине Констанция застала Юлиана в Наиссе, родном городе его дяди, святого Константина. Провозглашенный августом подчиненными ему войсками против воли императора, он готовился к вооруженной борьбе с ним, но смерть Констанция избавила империю от гражданской войны. Во главе армии Юлиан вступил в Константинополь. Народ встречал его кто с искренним, а кто с притворным ликованием. 11 декабря 361 г. сенат приветствовал Юлиана как августа и императора.

Флавий Клавдий Юлиан родился в 331 г. Его дедом был император Констанций Хлор, а отцом – единокровный брат святого Константина, родившийся от Феодоры, Юлий Констанций. Он был третьим сыном в семье отца. Свою мать, азиатскую гречанку Василину, Юлиан потерял на первом месяце жизни, а когда ему исполнилось 6 лет, его отец вместе с другими потомками Констанция I от Феодоры, обвиненными в отравлении Константина Великого, погиб в резне, учиненной ради того, чтобы обеспечить преемство власти родным сыновьям умершего императора. Убит был и старший брат Юлиана – сын первой жены Юлия Констанция Галлы. Уцелели лишь он, пощаженный ради своего младенческого возраста, его единокровный брат Галл, который по своей болезненности не подавал надежд дожить до взрослых лет, и их двоюродный брат Непоциан, сын их тетки Евтропии, в ту пору тоже еще ребенок.

Впечатления от этой резни, запомнившиеся мальчику потому ли, что он был ее свидетелем, или потому что он узнал о ней из рассказов очевидцев, травмировали его сознание: с одной стороны, побуждали к более раннему, чем это обыкновенно бывает, осмыслению трагической изнанки жизни, а с другой, – сообщали его характеру возбудимость и нервность, доходившую до истеричности, и неустойчивость. Он рано понял, в сколь опасной обстановке он живет, как легко он может стать жертвой придворных интриг, или, еще вернее, подозрительности своего дяди; и такое существование под Дамокловым мечом научило его скрытности и притворству, а еще оно

способствовало развитию в нем склонности и способности к размышлениям о жизни и смерти, о вечности, пробуждало интерес к философии и богословию, к чтению серьезных книг, тем более что увлеченность книжными занятиями, не вполне уместная для человека, который по праву рождения призывался к делам военным и правительственным, отвлекала Констанция от опасений получить в лице племянника конкурента, претендующего на верховную власть.

Первое время после резни Юлиан вместе с братом Галлом, здоровье которого поправилось, жил вблизи Константинополя, в Никомидии, и общее руководство его воспитанием осуществлял епископ этого города Евсевий, виднейший деятель арианской партии. Своего рода гувернером мальчика был евнух Мардоний, по происхождению скиф, хорошо образованный крещеный христианин, но при этом большой любитель языческой древности. Евсевий и Мардоний руководили чтением любознательного подростка, и он основательно изучал как Священные Книги под руководством крайнего арианина Аэция, прозванного «безбожником», к которому он, едва ли не единственному из христиан, сохранил благожелательное отношение, когда стал императором, так и труды греческих философов и поэтов, став знатоком классической литературы и философии. При этом его образование было подчеркнуто эллинским: латинский язык он знал, но не столь хорошо, как греческий, который был для него, в отличие от старших членов его семьи, родным.

Юлиан и Галл были крещены в детстве, раньше, чем было принято тогда, раньше Констанция, который, хотя и близко к сердцу принимал церковные дела, оставался, подобно своему отцу, некрещеным почти до конца жизни. Но вошедший в историю с прозвищем Отступника, Ренегата, Юлиан, похоже, уже в отроческие годы возымел предубеждение против христианства. Этому способствовали дух противления, который выработался в нем под влиянием трагических обстоятельств, сложившихся вокруг него, а также невысокие моральные качества епископа Евсевия, которого он близко наблюдал и об участии которого в устранении его отца и родственников – Евсевий был главным лжесвидетелем по обвинению жертв расправы в отравлении

императора Константина – Юлиан был осведомлен. Обладая рано приобретенной проницательностью, выработанной и усугубленной внутренним отчуждением от окружавшей его среды, Юлиан научился скрывать свои мысли и чувства, в особенности затаенную мстительную враждебность к дяде, лично его пощадившего, но бывшего главным виновником гибели его отца. При многих своих пороках Констанций был убежденным и ревностным христианином, хотя и еретического направления, и уже из этого обстоятельства в душе Юлиана могла зародиться антипатия к христианству, столь неудачно представленному в лице дяди.

После смерти Евсевия в 344 г. Галл и Юлиан были отправлены в своего рода ссылку – их поместили во дворце бывших царей Каппадокии в Макелле, расположенном близ Кесарии. Хотя братья жили там в обстановке, соответствующей их высокому положению, но Юлиан замечал, как он писал об этом впоследствии, что они окружены соглядатаями и шпионами, по большей части евнухами, бдительно наблюдавшими за их поведением, за их поступками, подслушивавшими их разговоры, – обстановка, развивавшая склонность к скрытности, притворству и лицемерию, ставшим условиями выживания. Окружение Юлиана и Галла составляли в основном христиане арианского толка, общение с ними раздражало юношу, настраивало его на скептическое отношение к христианству, но он аккуратно скрывал свои чувства и мысли, часто приходил в церковь для участия в богослужении, строго соблюдал посты и даже, как и его брат, был посвящен в чтецы.

У Констанция не было сына, поэтому ему приходилось с тревогой думать о наследнике; между тем опасности, угрожавшие империи по периметру ее границ, протянувшихся по обширным пространствам Евразии и Африки, побуждали императора, ставшего после убийства его брата Константа и устранения узурпаторов единодержавцем, постоянно перемещаться с востока на запад и с севера на юг на огромные расстояния. С точки зрения военного управления, командующие войсками в разных частях империи должны были обладать властью самостоятельно принимать решения, выходящие за

рамки компетенции обычных генералов, иначе говоря, существовала насущная потребность в призвании соправителя, поставленного в подчиненное положение императору, но наделенного полномочиями, возвышающимися над теми, которые могут принадлежать частным лицам. В 350 г. Констанций, с немалыми опасениями и колебаниями, поставил цезарем своего племянника Галла, назначив ему резиденцией Антиохию.

Из этого назначения произошла благоприятная перемена и для Юлиана. 19-летний юноша был вызван из Каппадокии и водворен в императорский дворец в Константинополе и смог там продолжить образование. Опасаясь языческих соблазнов для своего племянника, Констанций избрал ему в учителя ритора Экеболия, который однако не удовлетворял взыскательного и придирчивого ученика, уже в ту пору склонявшегося к язычеству, тем, что его лекции и беседы состояли, как впоследствии выразился сам Юлиан, из «поношения богов». Запретный плод языческого эллинизма представлялся Юлиану все более сладким.

В столице он был вовлечен в широкий круг знакомств, в том числе и с высокопоставленными сановниками и военачальниками. Подозрительный Констанций стал опасаться, как бы результатом этих контактов племянника не стал заговор, поэтому он велел ему удалиться в город, где он провел свое детство, – Никомидию, а там в ту пору давал уроки риторики знаменитый ученый и эрудит, великолепный знаток классической древности и учитель красноречия Либаний. Поскольку он оставался язычником, Юлиану, желавшему стать его учеником, предусмотрительный Констанций запретил брать у него уроки, но Юлиан, пообещав дяде не общаться с опасным профессором, нашел выход: за щедрое вознаграждение он нанял человека, которого посылал слушать лекции – Либания и записывать их, а потом тайком штудировал эти записи.

Когда до Констанция дошли сведения о дружбе Юлиана с язычниками, он коротко постригся и сбрил бороду: в ту пору длинные волосы и борода служили атрибутами философов – знатоков и почитателей философской классики – и стал вести

аскетическую жизнь, чтобы подчеркнуть свою приверженность христианству и даже склонность к монашеству – у него это получалось тем естественнее, что он действительно испытывал внутреннее расположение к аскезе.

Экзальтированный юноша, умевший скрывать свои действительные чувства, стремился к приобретению экстремального мистического опыта. И нечто подобное он пережил во время поездки в Эфес, где общался с неоплатоником Евсевием, учеником Ямвлиха Эдесием и Максимом, который, принадлежа к вульгарному направлению неоплатонизма, знаменит был как знаток магии, мантики и теургии. Философ Евсевий предостерегал Юлиана от сближения с ним, но его рассказ об одной из ловких проделок Максима, которым он хотел отвести юношу от близкого знакомства с ним, заинтриговал впечатлительного Юлиана. Евсевий наставлял его: «Необходимо беречься шарлатанов, к числу которых принадлежит Максим. Мы однажды... вошли вместе с Максимом в храм. Здесь... Максим сказал нам, что статуя одной богини будет улыбаться и смотреть, как живая... И в ту же минуту факел, находившийся в руках богини, ярко запылал»²¹⁷. Вместо того чтобы оттолкнуть Юлиана от желания общаться с трюкачом, этот рассказ побудил его ближе сойтись с Максимом, и тот произвел на него неизгладимое впечатление. У Юлиана осталось убеждение, что под руководством этого теурга он имел экстатический опыт, опыт реального общения с миром богов. Вероятно, именно тогда, во время поездки в Эфес, Юлиан окончательно осознал себя отпавшим от христианства, но он умело скрывал свои убеждения от дяди.

Устранение и убийство Галла по приказу императора поставило в смертельно опасное положение его младшего брата. Юлиана срочно доставили в Медиолан, где тогда находился Констанций, и в течение 7 месяцев он содержался под домашним арестом, против него велось следствие, которое легко могло закончиться казнью. Но Юлиана выручила императрица Евсевия. Она посоветовала мужу освободить юношу, не причастного ни к какому заговору, и позволить ему продолжить образование уже в Афинах. Юлиан провел там

несколько месяцев, слушая лекции знаменитых профессоров, знатоков классической философии и литературы, остававшихся язычниками. Впоследствии он тепло вспоминал о времени, проведенном в этом городе, насыщенном следами классической древности, «о садах, об афинском предместье, о миртовых аллеях и о домике Сократа»²¹⁸. Там он, как считает большинство историков и биографов Юлиана, «был посвящен элевсинским иерофантом (жрецом) в элевсинские мистерии. Это было, по словам Буасье, как бы крещением новообращенного»²¹⁹, иными словами, ритуальным актом отпадения от Христианской Церкви. В Афинах Юлиан познакомился с обучавшимися там же выходцами из христианских семей Каппадокии, ставшими впоследствии вселенскими учителями, – Василием Великим и Григорием Богословом.

Святой Григорий, вспоминая свое знакомство с Юлианом, набросал его выразительный портрет: «По мне, не предвещали ничего доброго: шея нетвердая, плечи движущиеся и выравнивающиеся, глаза беглые, наглые и свирепые, ноги – не стоящие твердо, но сгибающиеся, нос, выражающий дерзость и презрительность, черты лица смешные и то же выражающие, смех громкий и неумеренный, наклонение и откидывание назад головы без всякой причины, речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы, ничем не лучшие, смешиваемые один с другим, нетвердые, не подчиненные правилам... Тогда же, как увидел это, сказал я.: “какое зло воспитывает Римская империя!” и предрекши, желал быть ложным прорицателем»²²⁰.

Юлиан и сам был писатель и в памфлете «Мисопогон» (Ненавистник бороды), написанном уже в бытность императором, предлагает читателю ироничный, хотя при этом и нацеленный на самооправдание и даже самовозвеличение автопортрет, рисуясь и стилизуя себя под философа-киника: «Природа не дала мне ни большой красоты, ни величественности, ни привлекательности, и я по своей нелюдимости прибавил еще эту большую бороду как бы назло природе, что она не дала мне красоты. И вот в ней разводится

вошь, что в лесу звери, и я испытываю то неудобство, что не могу свободно ни есть, ни пить из опасения захватить волосы вместе с пищей... Но у меня не только длинная борода, я мало ухаживаю и за головой, редко стригусь и обрезаю ногти, и руки мои часто запачканы чернилами... Я непривлекателен и в образе жизни: по моей грубости не хожу в театр, а по моей необразованности не допускаю во дворце представлений, кроме новогодних... Я не люблю цирковых представлений... В моей частной жизни я провожу бессонные ночи на подстилке из соломы и довольствуюсь скромной пищей, едва утоляющей голод. С детских лет я веду войну с моим желудком и не позволяю ему наполняться пищей»²²¹.

Апологет Юлиана Аммиан Марцеллин так описывает его внешний вид: «Среднего роста, волосы на голове очень гладкие, тонкие и мягкие, густая, подстриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, с отвисшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные широкие плечи, от головы и до пяток сложение вполне пропорциональное, почему и был он силен и быстр в беге»²²².

Констанций вызвал Юлиана из Афин к себе в Медиолан, когда тому исполнилось 23 года, удостоил его титула цезаря, женил на своей сестре Елене и отправил правителем в Галлию. Сознавая свою неподготовленность к новой для него роли командующего и администратора, он сказал тогда со свойственным ему полупритворным самоуничижением: «Это не мое дело, седло надели на корову!»²²³. Юлиан опасался, что таким образом дядя хочет поскорее избавиться от него, что он готовит ему участь его старшего брата Галла, но, быстро усвоив азы военной науки и одержав ряд побед над германцами, он почувствовал себя увереннее, и там уже, приблизив к себе людей надежных, перед ними не скрывал своего паганизма. Местом своей резиденции в Галлии Юлиан избрал Лютецию паризиев (Париж). Он жил там во дворце, построенном его дедом, императором Констанцием Хлором, на левом берегу

Сены, соединенном с центральной частью города, расположенной на острове, деревянным мостом.

Провозглашенный августом в ходе военного мятежа, Юлиан не сразу обнаружил свои действительные религиозные взгляды, опасаясь реакции легионеров-христиан. 6 января 361 г., в праздник Богоявления, он присутствовал за богослужением, но уже летом 361 г. писал своему другу, философу Максиму: «Мы служим богам открыто, сопутствующее мне войско предано их культу. Мы публично приносим в жертву быков и многими гекатомбами воздаем богам благодарность»²²⁴. Большинство офицеров и солдат составляли, очевидно, язычники или люди, равнодушные к религии.

Вступив в Константинополь и овладев верховной властью в империи, Юлиан участвовал в погребении своего дяди и предшественника Констанция в церкви Двенадцати апостолов, облаченный в траурные одежды, которые он повелел надеть на себя всем жителям столицы. И это был, очевидно, последний раз, когда он присутствовал за богослужением в христианском храме.

Первым делом Юлиан распорядился образовать трибунал во главе с назначенным им префектом претория Секундом Саллюстием для производства следствия по обвинению в преступлениях тех приближенных к Констанцию сановников, которые действовали против него или против его брата Галла, а также обвиненных в иных государственных преступлениях. Трибунал заседал в Халкидоне. По его приговору «Аподемий, который... усердно старался погубить Сильвана и Галла, и нотариус Павел, по прозвищу Катена... были сожжены живыми... Кроме этих лиц был приговорен к смертной казни Евсевий, который состоял начальником опочивальни Констанция. То был гордый и жестокий человек»²²⁵. Одобрив эти смертные приговоры, почитатель Юлиана Марцеллин выражает однако сожаление о казни комита государственного казначейства Урсула: его смерть, «оплакивала... сама Справедливость, обличая императора», которому он в прошлом оказал ряд услуг, «в несправедливости»²²⁶. К смертной казни были приговорены и другие высокопоставленные чиновники: бывшие магистры

оффиций Палладий и Флоренций, префект претория Тавр, комит императорской казны Евагрий, заведующий дворцом Сатурнин, нотариус Пирин. Приговоренный заочно к смерти бывший префект претория Флоренций скрывался, пока не дождался смерти Юлиана.

Затем император произвел новые назначения, значительно сократив придворные штаты и уменьшив расходы на содержание двора. В связи с этим Марцеллин рассказывает о таком эпизоде: «Юлиан приказал позвать брадобрея постричь ему волосы. К нему вошел какой-то парадно одетый господин. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я приказал позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за свое ремесло, последовал ответ: по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей, так называемый *capita*, большой годичный оклад, а кроме того, много богатых подачек. Обратив на это внимание, Юлиан отправил в отставку всех таких людей, а также поваров и других подобных... как людей мало ему нужных и разрешил им идти, куда хотят»²²⁷.

Но главная забота Юлиана была не о сокращении расходов казны, а о религиозной революции, или, если угодно, контрреволюции. Он стремился вернуть язычеству господствующий статус: «Когда... исчезли всякие препятствия... он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определенные указы, разрешавшие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов»²²⁸.

На что мог опереться Юлиан в осуществлении задуманного им плана возрождения язычества? К середине IV столетия число христиан, возросшее за время правления христианских императоров, все еще значительно уступало числу язычников. Язычники явно преобладали в сельской местности, потому их и стали называть *pagani* от *pagus* (сельский округ), в то время как среди горожан Азии и Сирии, Египта и Африки, Балкан и Италии, от которых в гораздо большей степени зависел ход дел в государстве, чем от крестьян, христиане составляли уже большинство. Правда, существовали и относительно влиятельные языческие круги, на которые можно было попытаться опе-

реться реставратору официального языческого культа, – римские сенаторы, интеллигенция в грекоязычной части империи, с особым блеском представленная профессурой высшей школы в Афинах. Корпоративная сплоченность этого круга сделала его закрытым для христиан, хотя среди афинских студентов, судя по обучавшимся там великим каппадокийцам Василию Великому и Григорию Богослову, да и по самому Юлиану, который, занимаясь в этой школе, носил еще маску христианина, было немало христиан.

Языческие увлечения Юлиана носили черты, не способствовавшие успеху его предприятия. Традиционный официальный культ Римской республики, который грел души сенаторов и других «стародумов» Рима, закоснелых в своей приверженности старине, питавшей их патриотизм, был чужд эллинофилу Юлиану, так что в Риме, и даже среди римских язычников, он не сумел снискать популярность. В этом отношении характерен такой эпизод. Вступив на стезю мятежа против Констанция и фактически уже овладев Западом, он «послал в сенат резкую обличительную речь против него... Когда Тертулл, бывший в ту пору префектом города, читал ее в курии, высшая знать выразила свое благородство верным и благожелательным отношением к императору: раздался общий единодушный возглас: “Просим уважения к тому, кто тебя возвысил”»²²⁹.

Сам Юлиан называл усвоенные им религиозные взгляды эллинизмом. Не с его ли легкой руки эллинами стали называть язычников, так что даже после заимствования этого слова с его новым значением в славянский язык в древнерусских памятниках еллинами именовались уже язычники отнюдь не эллинского происхождения, а, например, самоеды, или ненцы русского Севера, и эта терминологическая традиция просуществовала по существу дела до рубежа XVIII–XIX веков, до начала освободительной борьбы греков против османского ига, которая велась под двумя знаменами: защиты Православия и возрождения эллинизма. В таком сочетании эллинизм мыслился уже не как религиозный, а как национально-культурный феномен, каковым он и был изначально. Именно тогда греки Эллады перестали называть себя ромеями, как они делали это на протяжении

полутора тысячелетий. Между тем новая столица империи названа была Новым Римом, она воздвигалась святым Константином как оплот христианства, оттого со временем слово римлянин (*romanus*, переделанное в результате языковой эллинизации столицы в греческое “ромеос” (ромей)) стало обозначать христианина византийского обряда, затем, после раскола 1054 г., православного, в противоположность католику, но также язычнику, еврею или мусульманину.

В основе антихристианских убеждений Юлиана лежали три кита: эстетический пассивизм – увлечение красотой античного искусства и, как он это воображал, языческого культа, о котором он судил скорее всего по книгам, а не по наблюдениям над его жалкими рудиментами, сохранившимися во времена Констанция, когда этот культ, оставаясь легальным, пребывал в опале; декадентское любопытство к тайнам оккультной практики и глубокий интерес к неоплатонической философии. Свое мировоззрение и свои верования Юлиан выразил в словах, произнесенных им на поле битвы после смертельного ранения: «Слишком рано, друзья мои, пришло для меня время уйти из жизни, которую я, как честный должник, рад отдать требующей ее назад природе. Не горюю я и не скорблю, как можно думать, потому что я проникнут общим убеждением философов, что дух много выше тела, и представляю себе, что всякое отделение лучшего элемента от худшего должно внушать радость, а не скорбь. Я верю и в то, что боги небесные даровали смерть некоторым благочестивым людям как высшую награду. И мне дан этот дар, – я в этом уверен, – чтобы я не изнемог под бременем страшных затруднений, не унизился и не пал»²³⁰.

Слова эти действительно были созвучны идеям философов, но не близки сердцам простых людей, застрявших в языческих суевериях. Участвуя в языческих молебствиях и совершая жертвоприношения богам, они помышляли не столько о смерти и вечной жизни, сколько о своих земных нуждах, надеясь на помощь богов в житейских попечениях. Да и оккультные опыты, которые манили страстное воображение императора, язычникам из народа представлялись опасным колдовством, прибегать к которому дерзали лишь немногие из них, когда их изводила

ненависть к недругам или безответная любовная страсть. Даже раздосадованные потерей прежних доходов и униженные своим изгойством жрецы плохо понимали императора-идеалиста, когда он требовал от них религиозной ревности, бескорыстия и жертвенного служения бедным и больным, словно он так и остался христианином, или, как он сам любил выражаться, галилеянином, а не вернулся к вере отцов, не предполагавшей ни бескорыстия, ни жертвенности, ни, тем более, милосердия и благотворительности.

В осуществлении своей грандиозной и безнадежной программы религиозной реставрации Юлиан мог опереться разве только на не особенно влиятельных философов и ученых вроде Либания. При этом Юлиану доставало здравого смысла, чтобы, пользуясь властью, не прибегать к прямому насилию над христианами. Он знал, что ответом на прежние гонения были мученичество и исповедничество христиан и умножение числа последователей Галилеянина, как он обыкновенно презрительно именовал Спасителя. Миланский эдикт, а следовательно и провозглашенная им свобода вероисповедания, при нем оставался в силе: «Пусть, – говорил он, – галилеяне веруют в своих мертвецов, мы не будем силой привлекать их к культу богов»²³¹. Ученик блаженного Августина Павел Оросий в связи с этим заметил: «Преследуя христианскую религию скорее хитростью, нежели открытым насилием, он старался побуждать людей больше наградами к тому, чтобы те отвергли Христа и приняли культ идолов, нежели принуждать пытками»²³².

Юлиан, правда, прибег к ряду административных мер в пользу языческого культа и в ущерб христианам. Христианских клириков он лишил привилегий, предоставленных им ранее святым Константином и Констанцием, языческие в прошлом храмы, переданные христианам и перестроенные в церкви, Юлиан возвращал язычникам, во многих случаях на христианские общины возлагалась обязанность компенсировать материальные потери, понесенные язычниками в результате изъятия у них храмов, особенно часто к таким компенсациям присуживали суды те общины, которые владели земельными

участками, ранее принадлежавшими языческим храмам. Жрецы, при Констанции прозябавшие в бедности, возрадовались об умножении своих доходов, но ответного энтузиазма и ревности, на которые рассчитывал Юлиан, он от них не дождался.

Еще более удручала его религиозная холодность профанов, иными словами, народа. Когда в Антиохии совершалось празднование в честь Аполлона, Юлиан, в ту пору имевший там свою резиденцию, рано утром отправился в загородную Дафну, где находилось главное святилище этого божества. Он надеялся увидеть там «торжественное собрание народа для жертвоприношений, но вместо этого встретил одного только жреца, несшего гуся. Юлиан спросил, какая жертва будет приноситься. Жрец ответил: “Я от себя несу гуся”. “А народу почему нет?” Жрец объяснил, что народ не находит нужным тратиться на жертвы. Юлиан вследствие этого корил антиохийцев. Он говорил: “Я полагал, что каждая фила... принесет по белому быку или по крайней мере весь город представит одного быка”. Антиохийцы за это отплатили ему двустилищем: “Белые быки приветствуют Юлиана; если он победит персов, то белым быкам житья не будет”»²³³. Как видно из этого эпизода, язычники с иронией относились к императору-единоверцу.

Пылкий ревнитель языческого культа, он сам любил подводить жертвенное животное к алтарю, подносить дрова к костру, изучать внутренности закланных быков или баранов, пытаясь обнаружить в них тайные указания на волю богов. Наблюдая такой его неумеренный неофитский энтузиазм, народ прозвал его «вомолохом» (из арамейского «вомо» – жертвенник и греческого «лох» – воинский отряд). Это была презрительная кличка малоимущего и нищего сброда, который во время жертвоприношений стекался к алтарю, чтобы полакомиться кусками жертвенного мяса.

Одной из репрессивных мер, предпринятых Юлианом против христиан, было увольнение их из армии и с государственных должностей. Он находил для этой меры не чуждое издевки благовидное основание: «Христианам не позволялось... быть начальниками провинций – потому, говорил он, что закон

повелевает им не употреблять меча для наказания людей, заслуживших своими преступлениями смерть. Многих располагал он к приношению жертв ласками и подарками, и тут-то, как в горниле, открылось перед всеми, кто был истинный христианин и кто мнимый. Христиане в смысле собственном охотно снимали с себя пояс, соглашаясь лучше претерпеть все, чем отречься от Христа»²³⁴. Чистка армии от христиан при нем однако далеко не была доведена до конца, вероятно потому, что в противном случае она осталась бы обезглавленной и сильно поредевшей.

Еще одной административной мерой против христиан был изданный 17 июня 362 г. эдикт, запретивший христианам преподавать риторику и грамматику. Эту акцию находил несправедливой и такой поклонник Юлиана, как Аммиан Марцеллин. «Изданные им указы... – писал он, – были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко то, что он запретил преподавательскую деятельность исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов»²³⁵. Предлог к дискриминации Юлиан находил в том, что, как он писал, «правильное преподавание заключается не в складной речи и красивых словах, а в том, чтобы учитель обладал здравым расположением мыслей и имел верные понятия о добре и зле, о благородных и постыдных вещах. ... Разве, по воззрениям Гомера, Гесиода, Демосфена, Геродота, Фукидида, Исократы и Лисия, боги не являются творцами всякого знания... Я находил бы нелепым, чтобы те, которые объясняют указанных писателей, позволяли себе отвергать чтимых ими богов. Я не требую, чтобы они переменили свои воззрения перед слушателями, но предоставляю на их свободный выбор: или не преподавать то, что не считают серьезным, или, если желают продолжить преподавание, должны прежде всего собственным примером убедить слушателей, что Гомер, Гесиод и другие, которых они толкуют и которых обвиняют в нечестии и заблуждении по отношению к богам, на самом деле не таковы»²³⁶. По словам Оросия, «почти все те, кого касались предписания эдикта, предпочитали покидать службу, нежели оставлять веру»²³⁷.

Оставлявшим преподавание риторам Юлиан предлагал идти в церкви галилеян «объяснять Матфея и Луку»²³⁸.

Своеобразной акцией, нацеленной на причинение вреда ненавистной ему Церкви, была та, за которую его трудно укорять в поспешии справедливости. В самом начале своего правления Юлиан даровал амнистию всем осужденным по обвинениям в церковных преступлениях. Ею воспользовались как православные никейцы, так и крайние ариане вроде Аэция, одинаково преследовавшиеся при Констанции. Аэций, в прошлом учитель Юлиана, был, пожалуй, единственным вернувшимся из ссылки «галилеянином», которого император приблизил к себе. Юлиан вернул епископов из изгнания вовсе не ради справедливости или по гуманным соображениям, а чтобы и таким образом нанести урон Церкви. Об этом откровенно пишет почитатель и единомышленник Юлиана Марцеллин: «Он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой христианских епископов вместе с народом, раздираемым ересями, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая тем на себя опасности, отправлял свою религию. Он выставял этот пункт с тем большей настойчивостью в расчете, что, когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единогодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях»²³⁹.

Эдикт об амнистии христиан был опубликован в Александрии 9 февраля 362 г., и уже 21 февраля святитель Афанасий вернулся из укрытия в свой город. Кафедра его к тому времени была уже освобождена от ее захватчика Георгия. Ненавидевшие Георгия местные язычники учинили над ним расправу сразу после того, как узнали о смерти покровительствовавшего ему Констанция. Убийству Георгия предшествовала казнь дукса Египта Артемия и еще нескольких высокопоставленных местных чиновников и офицеров. Арианин Георгий неоднократно «уязвлял» александрийцев «своим змеиным жалом. Сын шерстобитного мастера из киликийского города Епифании, он возвысился на горе многим... и был

назначен епископом Александрии, города, который нередко без повода со стороны и без достаточных оснований приходит в бурное волнение... Перед Констанцием... он оговаривал многих, будто они не повинуются его приказаниям, и, забыв о своем призвании, которое повелевает ему только кротость и справедливость, он опустился до смертоносной дерзости доносчика... К этим злым делам он прибавил еще одно... Когда он... проходил мимо великолепного храма Гения, то... воскликнул: «Долго ли будет еще стоять эта гробница?» Эти слова поразили многих, как удар грома. Стали бояться, как бы Георгий не предал разрушению и этот храм... И вот когда неожиданно пришло радостное известие о смерти Артемия, вся чернь в возбуждении... устремилась с ужасным криком в дом Георгия. Его вытащили, подвергли всякого рода истязаниям, волокли по земле и до смерти затоптали ногами. Вместе с ним были убиты начальник монетного двора Драконтий и некто Диодор, имевший звание комита, – их волокли по улицам, связав ноги веревками... Бесчеловечная толпа возложила растерзанные трупы убитых на верблюдов, отвезла их на берег моря и, предав немедленно огню, бросила в море пепел... Когда этих несчастных вели на страшную казнь, их могли бы защитить христиане, если бы ненависть к Георгию не была всеобщей»²⁴⁰.

Александрийские христиане с ликованием встретили своего предстоятеля Афанасия, вернувшегося из ссылки. Ближе ознакомившись с положением церковных дел в Александрии, он созвал в августе 362 г. собор, в котором приняли участие 22 епископа: помимо старых никейцев, это были также единомышленники Василия Анкирского – сторонники учения о подобии Сына Отцу по сущности. На соборе решался вопрос о присоединении к Кафолической Церкви бывших ариан. Принято было решение о том, что условием евхаристического общения с ними должно стать исповедание ими Никейского символа и анафематствование тех, которые признают Духа Святого творением. На соборе было выявлено, что древние учили о Божестве Духа одинаково с Божеством Сына, и правильность этого учения собор подтвердил в противоположность как крайним арианам, отрицавшим Божество Духа, равно как и Божество

Сына, так и умеренным арианам, которые отвергали полноту Божества в Сыне и в Святом Духе. Анафема Александрийского собора нацелена была и против так называемых пневматомахов, или духоборов, среди которых особым авторитетом пользовался в ту пору Евстафий Севастийский. Признавая полноту Божества в Сыне, пневматомахи приписывали Святому Духу тварную природу.

Александрийский собор констатировал зарождение новой, уже христологической ереси, связанной с именем епископа Лаодикийского Аполлинария, который превратно учил о воплощении, отрицая присутствие во Христе человеческого ума, или духа, считая, что он замещен в Нем Божественным Логосом. Собор противопоставил этой ереси учение о том, что в воплощении Сын Божий принял не только человеческое тело, но и разумную душу.

Самой болезненной проблемой, стоявшей перед отцами Александрийского собора, было разделение между двумя православными общинами в Антиохии. После низложения с Антиохийской кафедры святого Евстафия в 330 г. там сложилась малочисленная община, верная своему изгнанному епископу. В течение десятилетий она находилась под управлением пресвитеров. Ко времени Александрийского собора во главе антиохийских «евстафиан» стоял пресвитер Павлин. После удаления из Антиохии в 361 г. святого Мелетия, в юрисдикции которого было большинство местных христиан, – как тяготевших к православию омиусиан, так и умеренных ариан, – среди них произошло разделение: ариане признали своим епископом поставленного вместо святого Мелетия Евзоия, а никейцы и сблизившиеся с ними омиусиане составили отдельную общину, собиравшуюся на богослужение в так называемой церкви «старого города». Казалось бы, евстафиане и очистившиеся от арианского балласта мелетиане в этих условиях должны были установить евхаристическое общение и соединиться в единую общину, но этого не произошло. По словам В. В. Болотова, «евстафиане не хотели признать Мелетия, как запятнавшего себя общением с арианами, законным преемником Евстафия и своим епископом и вообще к

мелетианам относились сухо, с гордостью лиц, никогда не имевших общения с арианами. Нашелся и догматический предлог для этого разделения. Евстафиане говорили об одной «ипостасис» в Боге и тем навлекали на себя подозрение в савеллианстве. Мелетиане признавали в Боге три «ипостасис», и евстафиане, не различавшие «ипостасис» от «усиа», усматривали в этом остаток арианской закваски в последователях Мелетия»²⁴¹.

Это расхождение в богословской терминологии стало одним из предметов богословствования Александрийского собора. Святитель Афанасий, ранее также отождествлявший термины «ипостась» и «усиа» и потому избегавший формулы о «трех ипостасях», на Александрийском соборе нашел вполне приемлемым употребление этой формулы при условии признания Никейского символа, закрывавшего лазейку для арианской интерпретации тринитарной терминологии. И эта его позиция была одобрена собором.

Для примирения двух православных общин в Антиохию собором была направлена делегация во главе с епископом Евсевием Веркельским, которому предстояло возвращение из ссылки на родину, в Италию. Между тем Евсевия с его делегацией опередил еще один западный епископ—Люцифер Каралльский, по характеристике В. В. Болотова, «пылкий ревнитель, смелый в действиях и голова не из светлых»²⁴². Он «усмотрел в «трис ипостасис» мелетиан, которые для него были, понятно, *tres substantiae*, след арианства, стал решительно на сторону евстафиан и Павлина рукоположил во епископа»²⁴³. После того как во главе евстафианской общины стал епископ, они уже решительно не хотели объединяться с мелетианами, но и мелетиане не были готовы пожертвовать Мелетием ради соединения с относительно малочисленной общиной, продолжавшей подозревать их в криптоарианстве. Миссия Евсевия Веркельского оказалась не выполненной. Хотя Павлин подписал томос Александрийского собора, но примирения не состоялось. Сам же виновник срыва предполагавшегося воссоединения двух православных общин Антиохии, Люцифер, ознакомившись с решениями Александрийского собора, нашел

их неприемлемыми, усмотрел в них отход от богословия Никейского Собора, и впоследствии вокруг него сложилась схизматическая община люцифериан.

Между тем Афанасий Великий, вернувшись к своей пастве, приводил в порядок расстроенные дела своей церкви; христиане Александрии и всего Египта сплотились вокруг него. Пламенно проповедуя Христа и Его учение, святитель умел зажечь сердца не только уже обратившихся, но и бывших язычников. Когда до Юлиана дошли сведения о миссионерском успехе Афанасия, он пришел в негодование. Особое раздражение у него вызвало крещение нескольких знатных женщин. Император заявил тогда, что христианские епископы, и в том числе Афанасий, изгнанные при его предшественнике Констанции, неправильно поняли его эдикт, позволявший им вернуться из ссылки. Эдикт, утверждал он, не предусматривал возвращения их на кафедры, с которых ранее они были удалены. По словам Феодорита Кирского, Юлиан повелел не только изгнать Афанасия из Александрии, но и умертвить его. «Между тем как христиане были в страхе, Афанасий, говорят, предсказал, что эта буря скоро утихнет, и называл ее быстро разрешающеюся тучею. Впрочем, узнав, что посланные прибыли, он оставил город и, нашедши судно на берегу реки, отплыл в Фиваиду»²⁴⁴. На этот раз Афанасий провел в своем кафедральном городе 8 месяцев, оставив его 24 октября 362 г.

Юлиан не запрещал христианам исповедовать свою религию и не подвергал их репрессиям за саму веру, но убийства христиан, совершавшиеся языческой чернью, оставались безнаказанными, и в этом смысле можно считать, что при нем возобновились гонения на Церковь. Особенно много христианской крови пролито было в палестинском городе Газе. Местных христиан Евсевия, Нестора и Зенона схватили, подвергли избиениям и посадили в темницу по обвинению в том, что в предшествующее правление они разоряли языческие храмы. Собралась толпа язычников, раздались подстрекательства к убийству галилеян, и, как пишет Созомен, «убеждая друг друга, – что обыкновенно бывает при возмущении черни, – они побежали в темницу и, выведши

оттуда помянутых мужей, умертвили их жесточайшим образом: влачили то навзничь, то лицом книзу и ударяли о землю, а кому вздумалось, били, — кто камнями, кто палками, кто чем случилось.... Женщины выходили из-за станов и кололи их веретенами, а харчевники на площади то схватывали с очагов котлы горячей воды и выливали ее на мучеников, то пронзали их вертелами... Растерзав... их и разбив им головы... они вывезли их за город, куда обыкновенно бросают трупы околелых бессловесных животных, и, разведши огонь, сожгли тела их, а оставшиеся и не истребленные огнем кости перемешали с разбросанными там костями верблюдов и ослов»²⁴⁵. Но ночью одна христианка собрала кости мучеников и передала их на хранение родственнику одного из пострадавших — Зенону, впоследствии ставшему епископом и положившему эти мощи под алтарем храма.

Совершив избиение христиан, жители Газы опасались подвергнуться за свое самоуправство наказанию. Но они напрасно опасались возмездия за преступление. Юлиан обратился к газейцам с письмом, в котором обвинил начальника провинции за то, что тот «некоторых газейцев, признанных за зачинщиков возмущения и убийств... взял и держал в цепях, как людей, долженствовавших получить наказание по законам. Стоило ли брать их под стражу, говорил он, что они не многим галилеянам отмстили за многие оскорбления, причиненные и им самим и богам их»²⁴⁶.

В той же Газе и в соседнем Аскалоне толпа возбужденных язычников учинила избиение христианских священников и дев, давших обет безбрачия, после чего их тела были рассечены, их начинили ячменем и отдали на съедение свиньям. В финикийском Гелиополе фанатичный язычник вырвал кусок печени у диакона Кирилла и грыз его зубами.

Во фригийском городе Мире христиане Македоний, Феодул и Тациан ночью прокрались в языческий храм, в котором возобновились моления и жертвоприношения, и разрушили находившиеся там статуи богов. В возмездие за случившееся правитель города Амахий собирался предать смерти жителей Мира по жребию, и тогда разорители статуй, чтобы казням не

подверглись невинные люди, выдали себя в распоряжение градоначальника, а тот предложил им в возмещение совершенного преступления принести жертву богам. Христиане отказались сделать это, и тогда, «подвергнув их всякого рода мучениям, правитель приказал наконец положить их на железные решетки, подложить под них огонь и таким образом замучить. Они же и при этом показали величайшее мужество, говоря правителю: “Если ты, Амахий, хочешь попробовать жареного мяса, то повороти нас на другой бок, чтобы для твоего вкуса мы не показались полуизжаренными”»²⁴⁷.

От епископа Арефузского Марка местные власти потребовали восстановить разрушенный по его указанию при Констанции языческий храм, и когда тот отказался сделать это, его схватили, обнажили и, намазав тело медом, выставили на солнце для укусов кровососущих насекомых, но он остался невредим, и это обстоятельство устрасило толпу, так что издевательство было прекращено. Этот случай дал повод языческому писателю Либанию обратиться к Юлиану с ходатайством за христиан, ставших жертвами мстительных страстей черни.

Христианские кладбища подвергались разорению, а останки христиан и мощи святых поруганию. «Были попытки уничтожить открытые мощи Иоанна Крестителя в Севастии... Череп одного замученного христианского епископа язычники привесили вместо лампы»²⁴⁸.

Несмотря на свою показную снисходительность к «галилеянам», Юлиан Отступник не стеснялся прибегать к жестоким насмешкам над ними. «Однажды, проезжая мимо пещеры подвижника Дометия, он обратил внимание на собравшуюся около пещеры толпу христиан и, желая поиздеваться над ними, обратился к Дометию с такими словами: “Если ты желаешь спастись, то для чего собираешь народ? Проводи жизнь уединенную» – и приказал заложить пещеру камнями. Подвижник, таким образом, был заживо погребен в ней»²⁴⁹. По приказу императора продукты, продававшиеся на рынках Константинополя, окроплялись жертвенной кровью. Изготовленный по указанию святого Константина лабарум,

представлявший Крест и монограмму Спасителя, а также Его изображения на воинских знаменах Юлиан велел уничтожить, заменив их древними орлами.

Христиане, чью веру Юлиан подвергал поношениям, встречаясь с ним, в иных случаях не скрывали своего к нему отношения. Сократ рассказал о том, как однажды привели к нему престарелого и слепого епископа Халкидонского Мариса, который, впрочем, был одним из видных ариан и противником святого Афанасия. Когда император приносил жертву в константинопольском храме Фортуны, Марис всенародно «высказал ему много оскорбительного, называл его нечестивым, отступником и безбожником, а тот, воздавая обидой за обиду, именовал его слепым и прибавил: “Сам Бог твой Галилеянин не исцелит тебя»... На это Марис смело отвечал царю: “Благодарю Бога, что Он лишил меня зрения, и не дал видеть лица того, кто впал в такое нечестие”»²⁵⁰.

Из вражды к христианам Юлиан намеревался восстановить Храм в Иерусалиме, но этот его проект был пресечен действием силы Божией. Язычник Марцеллин так писал об этом событии: Юлиан, «желая оставить для будущих веков память о своем правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда Иерусалимский Храм, не жалея для этого никаких расходов... Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию... Алипий усердно принялся за дело; ... но страшные клубы пламени, вырывавшиеся близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии»²⁵¹.

Юлиан догадывался о том, что в своем предприятии по восстановлению эллинизма он сталкивается с противлением неодолимых для него сил и что столь любезный его сердцу паганизм представлял собой труп, оживить который он не властен. Но, отличаясь настойчивостью и упрямством, он продолжал гнуть свою линию. Чтобы вдохнуть жизнь в истлевший сосуд язычества, он пытался влить новое вино в ветхие мехи, заимствовав у Христианской Церкви некоторые элементы ее организации. По меткому замечанию А. Тойнби,

«отказавшись от попыток восстановить доконстантиновский и дохристианский порядок в его первоначальных формах, Юлиан решил начать культурную и религиозную войну против христианства, создав некую языческую антицерковь по христианской модели, которая не менее, чем само христианство, не соответствовала истинному эллинистическому этосу»²⁵². Так, «языческое духовенство он организовал по образцу иерархии христианской Церкви; внутренность языческих храмов была устроена по образцу храмов христианских; было предписано вести в храмах беседы и читать о тайнах эллинской мудрости (сравни христианские проповеди); во время языческой службы было введено пение; от жрецов требовалась безупречная жизнь, поощрялась благотворительность; за несоблюдение религиозных требований грозили отлучением и покаянием»²⁵³.

Жрецов Юлиан подчинил епископам, подобно тому как епископы стояли во главе христианских церквей, хотя исконному язычеству этот институт не известен. Назначая на должность епископа некоего Феодора, он писал ему: «Я хочу поручить тебе... главное начальство по всем религиозным учреждениям в Азии, епископскую власть над жрецами в каждом городе и право суда над ними»²⁵⁴. Давая наставление Феодору, Юлиан стремится внушить ему чувства и мысли, заимствованные у христиан и чуждые подлинному этосу «эллинизма»: «Первое качество, какое требуется в этом положении, это – мягкость, доброта и человеколюбие»²⁵⁵, правда, лишь – и это звучит уже совсем не по-христиански – «к достойным»²⁵⁶. С горечью он сетует в этом письме на религиозное равнодушие язычников: «Видя господствующую у нас холодность по отношению к религии, я глубоко страдал при размышлении об этом. В то время как приверженцы ложных учений оказываются так ревностными, что готовы пожертвовать за свою веру жизнью, выносить всякую нужду и голод... мы же оказываем такую холодность к богам, что совсем забыли отеческие законы»²⁵⁷.

Среди поставленных Юлианом жрецов были и подобные ему отступники. С одним из них, Пигасием, занимавшим ранее

Троадскую кафедру, Юлиан познакомился еще при Констанции, когда он, находясь в пути, остановился в Троаде. В одном из своих писем он писал: «Епископ встретил меня и, когда я пожелал осмотреть памятники города... предложил себя в проводники и повел меня повсюду... Там есть святилище Гектора, где стояла медная статуя в маленьком храме, при нем под открытым небом стояло изображение великого Ахилла... Заметив, что жертвенники еще хранят следы жертвоприношений и что статуя Гектора обильно полита благовониями, я обращаюсь к Пигасию с вопросом: “Что это? Разве троянцы приносят жертвы?” – “Что же дурного, – ответил он, – если они почитают хорошего человека и своего согражданина, как и мы кланяемся своим мученикам». – “Пойдем, – сказал я, – к святилищу Афины троянской». Он очень охотно повел меня и открыл храм и, как бы рисуясь, с полным вниманием показал мне сохранившиеся статуи, причем не позволил себе ничего такого, что обычно делают в таких случаях эти нечестивцы: не делал знамения на нечестивом челе и не шептал про себя, как они. Ибо высшая степень богословствования у них заключается в этих двух вещах: шипеть против демонов и делать на челе крестное знамение... Я слышал..., что тайно он воздавал поклонение солнцу... По моему мнению, не его только, но и других, переходящих к нам, следует принимать с честью, дабы они охотней следовали нашим призывам»²⁵⁸.

Но Юлиан напрасно рассчитывал, что успеху его замысла послужат лукавые перебежчики вроде Пигасия. Есть основания предполагать, что он, не признаваясь в этом не только перед друзьями и корреспондентами, но, может быть, и самому себе, скоро после начала своего безнадежного эксперимента осознал себя банкротом. Задуманный им поход против персов, который он предпринял как будто бы из честолюбивой мечты повторить подвиг Александра Македонского, в тайниках души продиктован был стремлением к смерти.

5 марта он двинулся во главе армии из Антиохии на восток, возобновив войну начатую Констанцием и прерванную им, когда Юлиан выступил как узурпатор. Маршрут похода проходил через Берию (современный Алеппо), в которой он на акрополе

принес в жертву Зевсу белого быка, затем через Иерополис. Когда войска приблизились к Евфрату, к ним присоединились отряды арабских шейхов. Далее армия двинулась вниз по течению Евфрата; южнее современного Багдада, где Евфрат максимально сближается с Тигром, войска преодолели разделявшее их расстояние и вышли на правый берег Тигра. Впереди высились стены персидской столицы Ктесифона. Вступив в персидские владения, римляне одержали ряд побед в стычках с противником, захватили города и крепости, взяли в плен тысячи вражеских солдат. Отступая, персы поджигали поля с поспевшей пшеницей, надеясь изнурить армию противника голодом. Подвоз продовольствия организован был плохо. Особую тревогу вызывало отсутствие вспомогательных сил, которые должен был привести армянский царь Арсак. В войсках нарастало беспокойство. «Чтобы уменьшить тревогу солдат, император приказал вывести нескольких пленных, которые были, как и вообще все персы, тонкого сложения, да к тому же исхудали, и, оглядывая своих, сказал: “Смотрите вы, которых делает мужами отважный дух, на безобразных и грязных козлов, которые, как мы узнали на этот раз на деле, обращаются в бегство, бросив оружие прежде, чем дело доходит до рукопашного боя”. После этих слов пленные были уведены и он провел военный совет о положении дел»²⁵⁹.

Мысль об осаде Ктесифона решено было оставить. Совет обдумывал маршрут отступления. Возвращаться тем путем, каким армия пришла в Месопотамию, было безрассудно, поскольку на пути ее следования был уничтожен хлеб и подножный корм, к тому же из-за летнего таяния снега «уровень воды в реках поднялся и они вышли из берегов. К трудностям общего положения присоединилось и то, что в тех местах в жаркое время года все кишит роями мух и комаров, которые закрывают свет солнца днем и блистание звезд ночью»²⁶⁰. 16 июня Юлиан приказал начать отступление. Персидские полчища преследовали противника, двигавшегося вверх по течению Тигра, терзая частыми нападениями его арьергард, уничтожая отстававших воинов. Хотя в ряде стычек персы терпели

поражение, они сохранили основные силы и продолжали преследовать отступающую армию.

26 июня, узнав об очередном нападении на свой арьергард, Юлиан поспешил на его выручку с небольшим отрядом телохранителей, второпях забыв надеть панцирь. Пока он наводил порядок в задних рядах, тяжелая конница персов ударила по находившимся в центре боевых порядков римским центуриям. В бой введены были слоны, самый вид и непривычный запах которых действовал на римлян устрашающе. Узнав о происходящем, император бросился в гущу сражения. Телохранители отстали от него и только кричали, чтобы он держался в стороне от толпы своих отступающих солдат, и тут «неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копье, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени. Пытаясь вырвать его правой рукой, он почувствовал, что разрезал себе острым с обеих сторон лезвием жилы пальцев, и упал с лошади»²⁶¹.

Созомен, рассказывая о смерти Юлиана Отступника, писал, что он «приговариваясь к войне с персами, грозился, что после этой войны худо будет от него церквам, и с насмешкою говорил, что тогда не защитить их Сыну Тектонову (плотника, имеется в виду праведный Иосиф. – В.Ц.) ... Получив удар, он... отчасти понял, откуда было поражение, и не совсем не разумел причину своего бедствия. Говорят, что когда рана была нанесена, он собрал с нее кровь и, как бы смотря на явившегося себе Христа и обвиняя Его в убиении себя, бросил ее на воздух»²⁶². По словам блаженного Феодорита, Юлиан при этом сказал: «Ты победил, Галилеянин!»²⁶³. Комментируя эти слова, писатель замечает: «В одно и то же время признать победу над собою и дерзнуть на богохульство? Какое безумие!»²⁶⁴. Убийцей Отступника мог быть и не перс, на этот счет существовали разные мнения, которые воспроизводит Феодорит: «Одни говорят, что поразила его невидимая сила, другие, что кто-нибудь из кочевых жителей пустыни, называемых исмаильянами, а иные думают, что убийцею был его же воин, доведенный до отчаяния голодом и трудностию похода в пустыне»²⁶⁵.

Отнесенный в лагерь, император, когда боль отступила, требовал дать ему оружие и коня, чтобы вернуться на поле битвы, но силы оставили его, и он понял, что умирает. Перед смертью он, если верить Марцеллину, произнес пространную тираду, в которой оправдывал себя во всех своих деяниях: «Я ухожу в радостном сознании того, что где бы ни выставляло меня государство как властный родитель на явные опасности, я стоял недвижимо, привыкнув одолевая бури случайностей... Я давно уже знал, что мне предстоит умереть от железа: таково было открытое мне вещее предсказание. С благодарностью склоняюсь я перед вечным Богом за то, что ухожу из мира не из-за тайных козней, не от жестокой и продолжительной болезни и не смертью осужденного на казнь, но умираю в расцвете моей славы... Как честный сын отечества я желаю, чтобы после меня нашелся хороший правитель»²⁶⁶. Останки умершего императора были затем доставлены его старым другом и дальним родственником Прокопием в Таре для погребения. После похорон Прокопий исчез, а потом, много позже, он появился в Константинополе, облачившись в императорский пурпур.

Юлиан «окончил жизнь... во время четвертого своего консульства, которое разделял с Саллюстием, в двадцать шестой день месяца июня. Это был третий год его царствования, седьмой – как Констанций провозгласил его кесарем и тридцать первый – его жизни»²⁶⁷. Шел 363 год от Р.Х. Сеанс реанимации угасавшего язычества провалился.

Учитель Юлиана Либаний, переживший своего ученика, в надгробном слове императору горестно укорял чтимых ими богов: «Почему же, боги и демоны, вы не спасли его? ... В чем попрекнув его душу, что из поступков его не одоблив? Разве он не воздвиг жертвенников? Разве не сооружал храмов? Разве не чествовал великолепно богов, героев, эфир, небо, землю, море, источники, реки? Разве не воевал он с супротивниками вашими?»²⁶⁸. Глубокую характеристику личности и мировоззрения этого трагического неудачника предложил А.Ф. Лосев: «Юлиан при всем своем самоутверждении признает себя исполнителем Божьей воли. Тут... у Юлиана действительно была некоторого рода христианская черта. Но все дело как раз

в том и заключается, что самый бог-то, которому служил Юлиан, по своей внеличной основе как раз не имеет ничего общего с христианским абсолютным персонализмом. От христианства к Юлиану перешел монотеизм, или, вернее сказать, само язычество в ту эпоху уже созрело до монотеизма. Но от язычества к Юлиану перешло обожествление природы, а заодно и обожествление героической личности человека в качестве момента, входящего в эту обожествленную природу. Вот почему этот монотеист умирает так нескромно и, даже можно сказать, надменно»²⁶⁹.

5. Император Иовиан

На следующий день после гибели Юлиана, 27 июня, высший командный состав отступающей армии собрался на совещание, чтобы избрать императора. Род Констанция Хлора пресекся на Юлиане. Поэтому на избрание не могли влиять соображения династического характера. Предлагались разные кандидаты. В конце концов сошлись на префекте претория Восточного диоцеза Саллюстии Секунде, коллеге покойного императора по консулату, но тот решительно отказался от предложенной ему чести, ссылаясь на свою старческую немощь. И тогда выдвинута была новая кандидатура, оказавшаяся для всех приемлемой. Это был командир отряда доместиков – телохранителей императора Иовиан. Ему исполнилось всего лишь 32 года, своей популярностью он отчасти обязан был отцу – выдающемуся полководцу комиту Варрониану, незадолго до этого уволенному от службы.

При избрании Иовиана, вероятно, имело значение и то обстоятельство, что он был христианином. Неудачи Юлиана склоняли настроения солдат и офицеров в сторону христианства. Иовиан «был трибуном, когда Юлиан служившим в войске его предложил на выбор одно из двух: или принести жертву, или выйти в отставку, – и избрал лучше сложить с себя пояс, нежели исполнить повеление нечестивого царя. Однако, по случаю предстоявшей войны, Юлиан снова принял его в число военачальников»²⁷⁰.

Ввиду крайней опасности сложившегося для отступающей и голодающей армии положения Иовиана срочно подняли на щите и облачили в императорские одежды. С этих пор он именовался Цезарем Флавием Иовианом Августом. Перебежчик из римского лагеря доложил персам о смерти Юлиана, и Сапор приказал, пользуясь вероятным замешательством в стане противника, напасть на его арьергард. Римлянам удалось отразить нападение, но сил для перехода в контрнаступление явно не хватало, и поэтому отступление продолжалось. Воспользовавшись бедственным положением римской армии,

Сапор инициировал переговоры о заключении мира, выдвинув исключительно тяжелые условия. И эти условия были приняты с незначительным смягчением. 5 расположенных за Тигром провинций с 15 крепостями и городами Нисибисом и Сингарой передавались Ирану. Уступкой со стороны персов было лишь согласие на предварительное выселение из этих городов римских подданных. Рим также обязывался впредь не оказывать помощи своему союзнику, армянскому царю Арсаку, что фактически отдавало Армению во власть Сапора. Этот мирный договор, который Марцеллин называет «постыдным»²⁷¹, заключен был на 30 лет. После заключения мира римская армия, впереди которой, как и до Юлиана, несли священный лабарум, получила возможность приобретать продовольствие у местного населения, и ее больше не терзали нападения персов с тыла.

Выполняя условия договора, Иовиан приказал жителям Нисибиса эвакуироваться. По словам Марцеллина, поклонника Юлиана и придирчивого критика его преемника, преувеличившего драматизм происходивших событий, жители города «умоляли императора, простирая руки, чтобы не заставляли их уходить; они заявляли, что они одни... могут за себя постоять... Но слова их шли на ветер... И вот для изгнания откомандированы были солдаты, угрожавшие смертью тому, кто будет медлить. Стенания и крики наполнили весь город; по всем частям его стоял всеобщий стон; рвала на себе волосы женщина-изгнанница, которой предстояла разлука с богами-покровителями, под охраной которых она родилась и воспитывалась; ... люди с плачем обнимали косяки и пороги домов. Разные дороги наполнились переселенцами, уходившими кто куда мог»²⁷². Историк делает вид, что принимает за чистую монету заверения горожан, что они станут сами защищать свой город от персов, в то время как более вероятным представляется их готовность остаться на родине под властью Сапора.

Когда император во главе армии прибыл в Антиохию, к нему стали приходить епископы, придерживавшиеся разных богословских взглядов, «надеясь, – по словам Сократа, –

склонить царя каждый к своему исповеданию веры. Но царь издавна был предан вере в единосущие и открыто предпочитал ее всем прочим. Он указом утвердил Александрийского епископа Афанасия, который сразу же после смерти Юлиана принял в управление Александрийскую Церковь... Царь вызвал также епископов, изгнанных Констанцием и не успевших возвратиться при Юлиане, а языческие капища в то же время все были закрыты»²⁷³. Остановившись затем на пути в столицу империи в Тарсе, Иовиан распорядился об украшении гробницы своего предшественника Юлиана. По прибытии в Анкиру император был провозглашен консулом вместе со своим сыном младенцем, носившим имя деда Варрониана.

Продолжая путь в Константинополь, Иовиан остановился в маленьком городке Дадастане на границе Галатийской и Вифинской провинций. И там 16 февраля 364 г. его «нашли ночью мертвым. По поводу его кончины,— замечает Марцеллин, — возникло много сомнительных предположений. Рассказывали, что его убил ядовитый запах, оставшийся после побелки комнаты, в которой он ночевал, что он погиб от угара, возникшего от слишком сильно дымившейся жаровни, и, наконец, что вследствие чрезмерного обилия пищи он получил смертельное несварение желудка. Умер он на 33 году жизни»²⁷⁴.

Характеризуя почившего императора, историк, в целом к нему весьма не расположенный, пытается все же дать ему сбалансированную оценку: «Осанка его при движении отличалась достоинством, лицо было очень приветливым, глаза голубыми, роста он был очень большого, так что долго не могли найти никакой подходящей ему царской одежды... Он был приверженец христианского закона и проявлял свое уважение к этой религии; образования был невысокого; по характеру был доброжелателен и, насколько можно было судить по немногим случаям сделанных им назначений, осторожен в выборе сановников. В пище он допускал излишества, имел склонность к вину и любовным утехам»²⁷⁵. Последнее замечание, не опровергая его с уверенностью, лучше было бы, как говорят в подобных случаях, оставить на совести писателя. Останки почившего

императора отправлены были в Константинополь для христианского погребения.

6. Империя при Валентиниане и Валенте

После смерти Иовиана основные силы римской армии вместе со штабом переместились в столицу Вифинской провинции Никею. Там и состоялось совещание высших чинов, на котором после перебора разных кандидатур императором был избран Валентиниан, командующий второй схолией skutариев, который в ту пору находился вместе с подчиненными ему войсками в Анкире.

Флавий Валентиниан Август родился в 321 г. в семье офицера Грациана, уроженца паннонского города Цибалы, происходившего из простого народа. В детстве он торговал канатами, но, обнаружив незаурядную физическую силу, которую унаследовал и его сын, сделал блестящую военную карьеру, на вершине которой командовал вооруженными силами в Африке в звании комита, а потом, после пребывания в отставке, — в Британии. Сын по стопам отца поступил на воинскую службу. Ко времени своего избрания императором это был уже опытный военачальник, с грубыми манерами, малограмотный, но обладавший полководческим талантом, стальной волей и мужеством и потому популярный среди солдат, ценивших его также за справедливость и заботу о них. Уже сама его импозантная внешность привлекала к нему солдатские сердца: «Он был мускулист и крепок, волосы и цвет лица были светлы, глаза голубые со взглядом всегда косым и жестким, рост — красивый, очертания тела правильные, что придавало ему в общем красу царственности»²⁷⁶. Недостатком Валентиниана, в армейской среде легко терпимым, была вспыльчивость и гневливость.

Новый император был крещеным христианином и приверженцем Никейского символа. Созомен рассказывает, как еще при Юлиане он, будучи уже высокопоставленным военачальником, находился рядом с императором, когда тот входил в языческий храм для жертвоприношения. «Жрец, держа в руках мокрое кропило... оросил входящих. При этом одна капля упала на платье Валентиниана, и он... тотчас, при глазах

царя, отрезал обрызганную часть платья и бросил ее вместе с самою каплею»²⁷⁷. За свою ревность он поплатился ссылкой в армянскую Мелитину, откуда был возвращен уже Иовианом.

Уже при самом своем поставлении императором Валентиниан обнаружил способность противостоять требованиям толпы. Увенчанный диадемой, он взошел на трибунал, чтобы обратиться к окружавшим его воинам. Но тут раздались крики солдат, требовавших немедленного назначения соправителя. В ответ Валентиниан, перекрывая шум возбужденной солдатской массы, заявил, что, хотя он и согласен с необходимостью избрать соправителя, но он сам выберет для этого подходящий момент. «Окончив эту речь, впечатление от которой усилил неожиданно властный тон, император вызвал всеобщее к себе сочувствие... Осеняемый орлами и знаменами, окруженный с почетом отрядами всех частей и ставший уже грозным, Валентиниан был отведен во дворец»²⁷⁸.

На следующий день он приказал войскам выступить в поход. По прибытии в Никомидию он назначил начальником императорской конюшни со званием трибуна своего младшего брата Валента. Затем, уже в Константинополе, 28 марта Валентиниан провозгласил брата соправителем с титулом августа. Многие из офицеров и солдат были недовольны таким избранием, но они благоразумно скрыли свое разочарование. Валент не был популярен, да его ранее и не знали в войсках. Уже сама его непрезентабельная внешность, не в пример старшему брату, вызывала разочарование: «Цвет лица у него был темный, зрачок одного глаза слепой... рост не высокий и не низкий, ноги несколько выгнуты, и живот немного выдавался»²⁷⁹. Он не обладал талантами старшего брата, но избран был потому, что Валентиниан ему доверял. Валент был на 7 лет моложе старшего брата. Как и тот, он был воспитан как христианин и отличался религиозной ревностью, но, крещенный в Константинополе арианином Евдоксием, он и сам стал приверженцем этой ереси и в пору своего правления оказывал ей энергичное покровительство за счет православных никейцев, в то время как Валентиниан, сам приверженец учения о

единосущии, в своей религиозной политике обнаруживал широкую веротерпимость, граничащую с полным нейтралитетом.

Распределяя сферы ответственности с братом, Валентиниан предоставил ему в управление восток империи – Фракию, азиатские провинции и Египет с Ливией, а за собой оставил управление Западом, сделав своей резиденцией Милан. Формально равный с ним по сану август и императора, Валент безоговорочно признавал приоритет старшего брата и никогда не пытался ему противоречить, при этом, однако, проводя самостоятельную политику в рамках полномочий, предоставленных ему Валентинианом.

В самом начале правления Валент столкнулся с опасным кризисом. Через несколько дней после отъезда из Константинополя в Сирию, где на персидском лимесе, несмотря на подписанный ранее мирный договор, обстановка накалилась в результате не прекращавшихся грабительских рейдов через границу в глубь римской территории, к нему пришла тревожная весть из столицы – дальний родственник Юлиана Прокопий провозгласил себя императором, поднял мятеж под лозунгом восстановления прав дома Констанция, хотя его принадлежность к нему была по меньшей мере сомнительной, – он был двоюродным братом Юлиана по его матери Василине. Кроме того, Прокопий держал в своем лагере вдову императора Констанция Фаустину и ее маленькую дочь, родившуюся в год смерти отца, – Констанцию, позже выданную замуж за сына Валентиниана Грациана. Получив поддержку от легионов, расквартированных в Константинополе, Фракии и Вифинии, Прокопий легко овладел этими провинциями и самой столицей. Успех узурпатора объяснялся крайней непопулярностью Валента, неприязнь к которому со стороны подвластного населения усугублялась жестоким налоговым прессом, которому он подверг подданных. Положение складывалось особенно тревожным потому, что Валентиниан, находившийся тогда в Галлии, где он воевал с вторгшимися в имперские пределы алеманнами, на первых порах собирался двинуть находившиеся в его распоряжении войска на Балканы, но

затем, по совету подчиненных генералов, отказался от этой мысли, предоставив брату самому справляться с опасной сложившейся для него ситуацией. Комментируя принятое им решение, он «не раз... повторял, что Прокопий – враг только лично его самого и его брата, а аламаны – всего римского мира»²⁸⁰.

В этой обстановке Валента, снявшего с восточной границы значительные силы, перемещенные им на Балканы, выручили раздоры между мятежными офицерами, поддержавшими узурпатора, в результате которых они один за другим стали покидать его и переходить на сторону законного императора. В мае 365 г. мятеж угас. Прокопий был схвачен во фракийском городе Филиппополе (современном Пловдиве), и ему отсекли голову, вместе с его спутниками, которые предали его, связав и доставив его в лагерь Валента. У церковных историков Сократа и Созомена иные сведения о способе казни узурпатора. Предателей Прокопия, несмотря на оказанную ими услугу законной власти, Валент велел распилить пилой, «а что касается тирана, то, нагнув два дерева, росшие одно близ другого, Валент к каждому из них привязал по одной его ноге и потом, дав деревьям распрямиться, разорвал ими Прокопия»²⁸¹. Включив в свою историю это дошедшее до него предание о казни узурпатора, Сократ выразительно подчеркнул жестокость императора-арианина.

После казни Прокопия Валент вступил в войну с готами, обвинив их в поддержке тирана. Римская армия переправилась через Дунай, но готы отступили, так что римляне вступили в фактически безлюдную страну. В следующее лето и осень подобная операция имела такой же результат. Лишь в третье лето войска Валента натолкнулись на сопротивление со стороны многочисленного войска, во главе которого стоял вестготский король Атанарих. Готы были разбиты и стали просить о мире. Мирный договор заключен был в 369 г. в результате переговоров, которые велись во время личной встречи Валента и Атанариха на гребных судах посередине Дуная. За этим договором последовало сближение готов с римлянами, послужившее толчком к их массовому обращению в

христианство. Поскольку однако во времена Валента на востоке империи господствовало арианство, готы принимали именно это учение. Впрочем, арианство преобладало и среди ранее поселившихся в римской Мезии готов – христиан, бежавших от преследования со стороны язычника Атанариха и воспользовавшихся гостеприимством Констанция за 20 лет до подписания договора Валента с этим королем. Во главе них стоял знаменитый епископ Вульфила, создатель готской письменности и переводчик новозаветных книг на этот язык.

Карая причастных к мятежу Прокопия, Валент не ограничился одними только готами. Репрессии обрушились и на римских граждан. По словам современного историка Дж. Норвича, по приказу Валента «во всех провинциях, охваченных ранее мятежом, совершались казни и пытки, изгнания и сожжения имущества дотла, и это проводилось в таких ужасающих масштабах, что даже последовавшее затем снижение годовых налогов на 25 процентов не смогло полностью устранить страх и ненависть, которые вызваны были его действиями»²⁸².

Возможно, Валентиниан не одобрял политику брата. Во всяком случае в 367 г., пережив опасную болезнь, он назначил вторым соправителем с титулом августа своего семилетнего сына Грациана, рожденного от его первой жены Севиры Марины. Комментируя это назначение, придирчивый историк Марцеллин усмотрел в нем разрыв с традицией давать наследникам титул цезаря, но не августа: «До сих пор ни один император не брал себе товарища с равной властью, кроме императора Марка, который сделал своего брата по усыновлению, Вера, соучастником императорского величия на полных правах равенства с собой»²⁸³.

Главной заботой Валентиниана во все время его правления была защита имперских границ от вторжений варваров. После успешного отражения алеманнов, за которым последовала карательная экспедиция за Рейн, в глубь территории этого племени, пришли тревожные вести из Британии: из Каледонии в пределы римской провинции вторглись так и оставшиеся непокоренными пикты и скотты, и часть живших в пределах провинции бриттов перешла на их сторону, учинив мятеж,

грозивший римскому господству на острове. Положение усугублялось еще и тем, что в охваченную мятежом Британию с континента вторглись саксы, пока еще не для овладения островом, как столетие спустя, а с грабительскими целями. Посланный в Британию комит доместиков Север не справился с задачей подавления мятежа и вскоре был отозван назад. В конце концов туда направлен был лучший из римских генералов, уроженец Испании Феодосий, и в 370 г. он уже мог доложить императору об успешном замирении Британии. Непокойной была и обстановка в африканских провинциях, страдавших от набегов обитавших в пустыне берберских племен. В результате недовольства местных жителей чиновничьим произволом и вымогательством в Африке вспыхнуло восстание во главе с сыном вассального мавританского царя Нубела Фирмом. Для наведения порядка в 373 г. в Африку направлен был занимавший тогда уже должность магистра конницы Феодосий, и он подавил мятеж. Спасшийся бегством после поражения Фирм покончил с собой.

Тем временем Валент занят был укреплением дунайского лимеса на Балканах, строительством там новых крепостей и кастеллов, а подчиненные ему офицеры в азиатских провинциях вынуждены были гоняться за разбойничьими отрядами исавров, спускавшихся с гор и совершавших грабительские набеги на города и села Киликии, Каппадокии и Памфилии. Опасность для империи со стороны персов, усилившаяся после того, как Сапор взял в плен союзного Риму армянского царя Арсака и принудил его к самоубийству, заставила Валента отправиться на восток, чтобы принять срочные меры по повышению боеспособности находившихся там легионов на случай возобновления войны с персами, неизбежность которой стала очевидной после того, как переговоры с посланниками Сапора о разделении сфер влияния в буферной зоне, которую составляли Армения, Иберия и Месопотамия, зашли в тупик.

Одновременно снова обострилась ситуация на рейнском лимесе. Отряд алеманнов совершил грабительский набег на римский город Могонтиак (Майнц), где в ту пору не было гарнизона. Многие жители города уведены были в плен. Чтобы

отбить у варваров охоту к подобным вылазкам, Валентиниан набрал многочисленную армию и, взяв с собой сына Грациана, отправился во главе нее с карательной экспедицией за Рейн. В генеральном сражении с алеманнами римляне одержали победу, истребив несметное число германцев, но победа достигнута была дорогой ценой. Среди погибших римлян оказалось много способных офицеров. Разгромив алеманнов, Валентиниан вернулся в Трир, где в ту пору находилась его резиденция, или, лучше сказать, штаб-квартира. Позже, в 373 г., с алеманнами заключен был мир, на время обеспечивший безопасность рейнского лимеса.

Но тут открылась новая опасность, на этот раз на среднем Дунае, в Паннонии, куда вторглись квады и действовавшие заодно с ними сарматы. Причиной войны они называли строительство римских крепостей на левом берегу Дуная, который они считали своим, а еще более коварное убийство их короля Габиния по приказу Марцеллина, дукса Валерии: король убит был в пути, когда он возвращался после переговоров с Марцеллином. Мстя за него, квады вместе с сарматами перешли Дунай, перебили много местных римских крестьян, а оставшихся в живых увели в плен. В это время «чуть не попала в плен дочь Констанция; ее везли на бракосочетание с Грацианом и сделали остановку для обеда в государственном имении, называвшемся Пистра. По милости Божьей находившийся тут правитель провинции Мессала посадил ее в экипаж, предназначенный для чиновников, и помчался во всю прыть коней в Сирмий за 26 миль оттуда. Этот счастливый случай спас девушку царского рода от опасностей жалкого рабства»²⁸⁴.

Весной 375 г. император Валентиниан во главе армии выступил из Колонии тревиров (Трира) в Иллирик. Свою штаб-квартиру он разместил в Карнунте. Затем, перейдя Дунай, он опустошил территорию квадов и сарматов, предав их поселения огню и во множестве избивая жителей этих поселений без различия пола и возраста. Карательные экспедиции одна за другой осуществлялись все лето и продолжились в осеннее

время. Варвары были ввергнуты в панику и стремились к миру, готовые к уступкам.

17 ноября 375 г. в городок Вергений, или Брегеций (современный Шени близ Коморна на границе Венгрии и Словакии), где тогда находилась ставка императора, прибыли послы квадов для переговоров о мире. Послы оправдывались в содеянном их соплеменниками, изъявляя готовность пойти навстречу требованиям императора, обещали поставлять ему рекрутов. Во время переговоров Валентиниан «страшно вспылал и... начал поносить в бранном тоне все их племя, упрекая за то, что они не хранят в памяти полученных благодеяний и неблагодарны. Понемногу он смягчился.., как вдруг... потерял дыхание и голос и страшно побагровел лицом; из горла внезапно хлынула кровь и на теле выступил предсмертный пот»²⁸⁵.

В тот же день он скончался. Перед смертью он пытался что-то сказать, отдать последние распоряжения, «как показывало частое подрагивание грудной клетки, скрежет зубов и движение рук»²⁸⁶, но не мог произнести ни слова. Сократ в рассказе о кончине Валентиниана называет послов не квадами, а сарматами и предсмертные слова разгневанного императора воспроизводит следующим образом: «Несчастлива римская империя, если она дошла до того, что и такой ничтожный, варварский народ не хочет наслаждаться своей независимостью, но берется за оружие, попирает римские пределы и осмеливается вступать с нами в войну». Этим криком он так надорвал себя, что открылись все его вены и разорвались артерии. Таким образом, истекши кровью, царь умер в крепости, называемой Вергенийской»²⁸⁷. Император Валентиниан преставился в 375 г., в возрасте 54-х лет. Его останки были доставлены для христианского погребения в Константинополь.

Характеризуя почившего императора, Марцеллин укоряет его в жестокости, с которой он карал преступников, и в корыстолюбии и в то же время отдает должное лучшим сторонам его характера, образа жизни и правления: «В отношении провинциалов он проявлял большую внимательность и повсюду облегчал

бремя податей, своевременно воздвигал укрепления на границах государства, чрезвычайно строго держал военную дисциплину... В представлении высоких санов он был осторожен до щепетильности: никогда в его правлении не являлся правителем провинции какой-нибудь меняла, никогда не случалось продажи должности... В войне, как наступательной, так и оборонительной, он проявлял большую умелость и осторожность... он был весьма предусмотрителен в совете за или против... чрезвычайно сведущ в военном деле вообще. Он складно писал, хорошо рисовал и моделировал, изобретал новые виды оружия; память и речь его отличались живостью; ... он любил изящную обстановку, а в пище – изысканность, а не обилие»²⁸⁸.

Язычник Марцеллин особенно ценит императора христианина за его веротерпимость, чем он решительно отличался от своего младшего брата Валента: «Никого он не беспокоил, не издавал повелений почитать то или другое и не заставлял строгими запрещениями своих подданных склоняться перед тем, во что сам верил»²⁸⁹. По словам историка, «и дома, и вне его проявлял он строгое целомудрие, не будучи несколько заражен язвой безнравственности и разврата. Поэтому он мог удерживать распущенность двора в строгих границах, и ему тем легче было это, что он не потворствовал своей родне»²⁹⁰.

До известной степени такой аттестации, правда, противоречат имеющиеся у Сократа удивительные сведения о его втором браке. Первая жена Валентиниана познакомилась и подружилась с Юстиной, дочерью Юста, высокопоставленного чиновника времен святого императора Константина: «Короткость между ними возросла до того, что они вместе мылись... Севира пленилась красотой девицы и сказала о ней царю... Царь... решил жениться на Юстине, не оставляя и Севиры... Итак, Валентиниан издал закон и объявил по городам, что всякий, кому угодно, может иметь двух законных жен. Этот закон вышел прежде их брака. Потом он женился на Юстине и родил от нее Валентиниана Младшего и трех дочерей: Юсту, Грату и Галлу»²⁹¹. Продержаться долго такой закон в христианском государстве не мог, никаких следов его существования в правление Грациана

уже не известно. Им вообще едва ли кто воспользовался и при Валентиниане, кроме самого императора, потерявшего голову от увлечения.

7. Этническая карта варварской Европы в IV столетии

В конце IV века от Р. Х. Римская империя подверглась смертельной опасности со стороны европейских варваров. Главную угрозу для Рима представляли тогда восточные германцы, в авангарде которых оказались готы. С их вторжения в пределы империи начался тектонический сдвиг этнической карты, названный впоследствии великим переселением народов. Между тем за предшествующее ему столетие ареалы расселения европейских варваров менялись мало и медленно.

В Британии за Адриановым валом, как и прежде, обитали кельтоязычные, но, вероятно, изначально не принадлежавшие ни к кельтской, ни вообще к индоевропейской языковой семье пикты, занимавшие большую часть Каледонии, и скотты, по которым страна эта стала позже называться Шотландией. Выходцы из Ирландии, где они, хотя и разделенные на племенные королевства, составляли относительно гомогенную этническую массу, в которой окончательно растворились остатки докельтского населения, скотты обосновались в юго-западной части страны – Аргайле, где впоследствии было образовано королевство Дал Риада. Этноним «скотты» впервые появляется в памятниках IV века от Р. Х., и он образован из ирландского слова *scotti*, что значит «совершать набег» или «грабить». Таким образом, первоначально он обозначал не народ, но любителей приключений, отправлявшихся в грабительские морские походы; в результате частых нападений на римские владения из Ирландии саму эту страну стали называть *Scottia*, и лишь в XI веке это название было перенесено на королевство, основанное переселенцами из Ирландии на территории старинной Каледонии, и так появилась Шотландия. Свою страну, у латинских авторов – Ибернию, ирландцы называли Эйре, а самих себя как жителей этой страны – эрины (*erainn*); их племенными этнонимами были улад, коннахта, лагин, из которых впоследствии образовались названия провинций Ульстер, Коннахт и Лейнстер.

На приполярном и заполярном севере Европы, в современных норвежских округах Нурланне, Тромсе и Финмарке, в шведском Норботтене, в финляндских Лаппи и Оулу, на российском Кольском полуострове и на севере Карелии обитали саами, или лопари. Родственные им финские народы занимали обширные пространства Восточной Европы: южную и большую часть Финляндии и Карелии, Эстонию и север Латвии, который входил в свое время в Лифляндскую губернию, а также и всю северную половину европейской России, так что южную границу их расселения можно обозначить областями Псковской, Новгородской, Тверской, Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Самарской, Оренбургской, на территории которой они соприкасались с заселявшими южный Урал родственными им угорскими племенами, к которым принадлежали известные по античным памятникам ирки, – вероятные предки современных венгров, ханты и манси. На крайнем северо-востоке европейской России, и дальше на восток, в Сибири, обитали состоявшие в дальнем родстве с угро-финнами самодийские племена, которых русские впоследствии называли самоедами, а сами себя они называют ненцами. Некоторые из древних финских этнонимов сохранились вплоть до позднего средневековья, а иные дожили и до наших дней. В «Гетике» Иордана, написанной в VI веке, упоминаются народы, покоренные готами, и среди них – тиуды, вас, меренс и морденс²⁹², в которых легко угадываются чудь, весь, меря и мордва.

На степном юге Восточной Европы, как и прежде, кочевали ираноязычные сарматы. На востоке ареала, в степном Прикаспии и Заволжье это были аланы, оттеснившие автохтонов северного Кавказа – наследников древних майкопской и кобанской культур в предгорья и горы, и ассимилировавшие меотов Приазовья и Нижнего Прикубанья. В первые столетия от Р. Х. шла интенсивная иранизация Боспорского царства. Проникнув в степной Крым, аланы ассимилировали родственное им скифское население Неаполя, при этом и сами до известной степени подвергшись вслед за скифами культурной и языковой эллинизации.

Ираноязычные аорсы, что в переводе с иранского значит «белые», теснимые из Поволжья продвигавшимися на запад аланами, частично были ассимилированы ими, а частично ушли дальше на запад, при этом, как это видно из источников, они усвоили себе название аланорсов, или белых аланов, заняв степи, простирающиеся от Дона до Днестра, либо продвинувшись в бассейн Прута. Часть сарматов остановилась в южной Дакии, но большинство их осело по берегам Прута, постепенно переходя к оседлому образу жизни. Один из этнонимов аланов «анты» был впоследствии перенесен на славян, потому что в регионе Подолья ареал их обитания соприкасался, или, скорее, совмещался с местом проживания славян: славяне там находились в симбиозе с аланами, которым они подчинялись, имея при этом численное превосходство и в конце концов ассимилировав господствующую верхушку, подобно тому как позже во Фракии и Мезии славяне ассимилировали подчинивших их себе тюркоязычных болгар. Среди славянских этнонимов, заимствованных у сарматов, помимо исчезнувшего анты, есть и другие, сохранившиеся, – хорваты, а также сербы, или сорбы.

Сарматский народ языгов продвинулся еще дальше на запад, в бассейн Тисы, где он соприкасался с римским лимесом, нередко совершая через него вторжения в пределы империи. К северу от дунайского лимеса, на территории оставленной римлянами Дакии, обитали ираноязычные роксоланы. В зависимость от языгов и роксоланов попали как не успевшие подвергнуться романизации, так и уже романизованные геты и даки – предки современных румын.

Археологические данные говорят о присутствии сарматов в Словакии, Чехии и на юге Польши, включая Силезию. В раскопках на этой территории находят богатые могилы, в которых погребены люди, черепа которых при жизни подверглись столь характерной для сарматов деформации, искусственно придающей им долихоцефальные пропорции. В этих могильниках найдены изделия, помеченные знаками тамги, по версии одних ученых имеющими магическое значение, а других – являющимися клеймами, обозначавшими принадлежность вещи ее

собственнику. Тамга не была сарматским изобретением, в Восточной Европе она встречается особенно часто в Боспорском царстве и появилась там до проникновения в него сарматского элемента, но в центральную Европу эти знаки проникали вместе с вторгавшимися туда сарматами. Характерно и то, что в Германии существует традиция называть славян, и в особенности поляков, сарматами, а в средневековые польская аристократия гордилась своим, очевидно вымышленным, происхождением от древних сарматских родов.

Северными соседями ираноязычных народов Европы, занимавшими лесостепную и лесную зоны, были близкие друг другу по происхождению и языку балты и славяне, при этом ареал расселения балтов в ту пору располагался к северо-востоку от мест обитания славян. Территория балтов, подвергшаяся в середине тысячелетия славянской экспансии, в IV столетии простиралась от Балтийского моря и правых притоков Вислы на западе до верховьев Оки и Москва-реки на востоке, от бассейна Западной Двины и верховьев Волги на севере до Припяти и Десны на юге, так что она включала большую часть современной Латвии, Литву, Восточную Пруссию, польские Мазурию, Мазовию и Подлясье, Белоруссию, украинское Полесье, а также области Смоленскую, Калужскую, Брянскую, Орловскую, юго-запад Тверской и запад Московской.

Общим названием балтов в памятниках рубежа тысячелетий было эстии, впоследствии этот этноним был перенесен на обитавший к северу от них финоязычный народ. У Иордана упоминается племя эстов, «которое населяет отдаленнейшее побережье Германского океана»²⁹³. В перечне народов, покоренных готским королем Германарихом, Иордан называет колдов²⁹⁴, которых предположительно можно отождествить с голиндами, или, по-русски, голядью – балтским племенем, просуществовавшим до полной их ассимиляции русскими уже в XII веке на этническом островке на границе современных Московской и Калужской областей, посреди затопившего восточный ареал балтов славянского моря. В IV столетии могли уже существовать встречающиеся в позднейших

документах балтские этнонимы пруссов, куршей, земиголов и судинов.

Места расселения славян в IV столетии имели более дисперсный вид. Как и на рубеже эр, славяне компактно проживали в междуречье верховьев и среднего течения Вислы и Одера и в соседстве с германоязычными квадами в Богемии, где они, подобно своим соседям германцам, ассимилировали обитавших там ранее кельтоязычных бойев. Славяне доминировали в восточном Прикарпатье, Галиции, на Волыни, дисперсно, в тесном соседстве с балтами, проживали в южной части Полесья по берегам правых притоков Припяти, в Подолье и в среднем Приднепровье, где они тесно соприкасались с ираноязычными кочевниками – аланами и антами. Славянские поселения появились также в северном Причерноморье и в оставленной римлянами Дакии, где доминировали ираноязычные кочевники.

В IV столетии за славянами прочно закрепился этноним «венеды». О происхождении этого этнонима делаются разные предположения. По словам слависта В. Хенселя, «неясна этимология наименования Veneti на латинском и «энетои» на греческом языке. Считается, что это слово могло обозначать людей «благородных», «пришельцев извне» (т.е. чужестранцев), «больших», «любящих род, принадлежащих к роду» «дружественных» или «досточтимых»²⁹⁵. Изначально этноним принадлежал особой индоевропейской языковой группе. Некогда историки отождествляли венетов с одним из иллирийских народов. «В более новых исследованиях, – пишет тот же ученый, – принято считать, что этот народ в отношении языка отличен от иллирийцев и славян. Его язык стоял в близком родстве к латино-фалисскому, а его италийско-адриатические поселения подверглись позже иллирийскому влиянию... Его кристаллизация происходила на значительной территории, охватывавшей первоначально, по-видимому, Северную Италию... и северную Югославию, южную Германию... Центральную Европу и значительные части Северной Европы – от Бретани до устья Вислы. В таком случае западная часть территории так называемой лужицкой археологической культуры от Лабы (Эльбы) до Вислы могла

находиться во владениях венетов. На этой территории венетскими считаются наименования рек, например Одра, Драва, Дрвенца, Опава, Нотец, Неца и Вежица. В части этих земель венеты жили «островками» в соседстве с другими народами»²⁹⁶. Именно эта дисперсность их расселения, которое простиралось и за пределы очерченного Хенселем региона, охватывая, как пишет историк, и ими колонизованные территории в Англии, Дании, Прибалтике, Македонии и Малой Азии²⁹⁷, способствовала их позднейшей ассимиляции славянами, иллирийцами, италиками, германцами и кельтами, завершившейся до начала IV века от Р. Х.

При этом сам этноним, перенесенный на славян, был воспринят не только их соседями, но, вероятно, также и ими самими. За отсутствием столь ранних славянских памятников судить об этом категорически затруднительно. Но несомненно, что именно так стали называть славян германцы: австрийские немцы и по сей день называют словенцев виндами, вкладывая в это наименование уничижительное звучание. Венетами или венедами именуют славян древние писатели Плиний Старший, Птолемей и Тацит.

С таким названием они известны и в «Гетике» Иордана, который так писал о войне славян с готами, относящейся приблизительно к середине IV столетия: «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за (слабости их) оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает и множество вооруженных подступает... Хотя теперь, – пишет писатель VI века, – по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха»²⁹⁸.

Тут же Иордан называет и два новых имени, под которыми венеды были известны в его время: «эти (венеты) ... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов»²⁹⁹. Эти же три этнонима он упоминает и в начале своего труда, где очерчивает границы расселения

европейских народов: у левого склона Альп, «спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы. – В.Ц.) на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским (оба топонима не поддаются точной локализации, но относятся приблизительно к Паннонии. – В.Ц.) до Данастра, и на север – до Висклы (выше названной Вистулой. – В.Ц.); вместо городов у них болота и леса. Анты же, сильнейшие из обоих (племен), – распространяются от Данастра до Данапра»³⁰⁰.

Этноним «склавены», «склавины», «славяне», «словени» известен из памятников начиная с VI столетия. Употреблялся ли он самими славянами уже в IV веке, сказать трудно, но его собственно славянское происхождение, его славяноязычная этимология очевидны, и, как кажется, при существовании разных интерпретаций первоначального значения этнонима, убедительна лишь одна из них – «словени» (отсюда современные «словаки» и «словенцы») значит «словесные», то есть наделенные даром речи, в отличие от соседей «немцев», «немых», речь которых, ставшая непонятной предкам славян, вероятно, уже во II тысячелетии до Р. Х. уподоблялась таким образом невнятному бормотанию немых.

В особых пояснениях нуждается этноним «анты»: изначально он принадлежал одному из ираноязычных аланских народов, который, однако, войдя в симбиоз с превосходившими его численно славянами, подвергся ими языковой ассимиляции, так что позже антами стали уже называть славяноязычный народ, аристократия которого имела аланские корни. «Анты, ил ас, – по словам Г. В. Вернадского, – пришли в регион Азова во время общей миграции аланов в первом и втором веках н.э. Позднее они были известны русским летописцам как асы или ясы (современные осетины) ... Группа славян, побежденная ас, могла получить имя своих новых правителей... Анты должны рассматриваться как славянское племя, контролируемое

аланским кланом ас. Иными словами, анты были ассо-славянами»³⁰¹. Поскольку слово анты (антес) встречается в греческих или латинских текстах, Г. В. Вернадский выводит трансформацию «ас» в «антес» из фонетических закономерностей греческого языка: «из первоначального «Ас» сначала могло быть сформировано множественное число «Антес», а затем вторичное производное, единственное число «Антас»»³⁰². У Аммиана Марцеллина, писавшего о том, что аланы «подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы»³⁰³, Г. В. Вернадский находит веское подтверждение своей версии о переносе этнонима ираноязычного народа на одну из ветвей славян³⁰⁴.

В IV столетии анты попадают в зависимость от германоязычного народа готов. В эту эпоху германцы становятся гегемонами на территории варварской Европы и главным источником беспокойства для Римской империи. Менее всего это заключение относится к северным германцам, а всего более к отделившимся от них восточногерманским народам, покинувшим Скандинавию. На Скандинавском полуострове южнее полярного круга проходила граница, разделяющая места обитания саами и германцев. Из германских этнонимов Скандинавии IV века известны свей, гауты и даны. Свей обитали в центральной, а гауты, от которых ранее отделились переселившиеся вначале на остров Готланд, а затем на континентальное побережье Балтийского моря, в устье Вислы, готы, – в южной ее части; центральные части современной Швеции даны занимали крайний юг полуострова и острова, ныне принадлежащие Дании и Швеции.

Предки норвежцев и в IV веке занимали Норвегию, но еще не вытеснили своих северных соседей саами за полярный круг. Наименование норманнов (людей севера) они получили позже от жертв своих нападений на европейский континент. В ту пору они еще довольствовались продуктами, которые сами производили в своей стране. Обитавшие в пределах современной Норвегии германцы были разделены фьордами приблизительно на 25 округов, каждый из которых занимал отдельный

клан – fylke (филк), в переводе на русский – «народ». У каждого филка был свой вождь, или король, собственно ярл. При этом высшая власть принадлежала народному собранию – тингу (thing). Такое же политическое устройство имели и другие германские племена и кланы, но в силу особого географического положения Норвегии, препятствовавшей консолидации кланов в более крупные образования, оно продержалось там до средневековья.

В IV столетии завершился процесс образования крупных племенных союзов среди западных германцев, сопровождавшийся переселениями племен и масштабной сменой этнонимов. С этнической карты центральной Европы окончательно исчезают известные из сочинений Цезаря, Тацита и других писателей эпохи принципата хавки, херуски, батавы, гермундуры, тевтоны, кимвры, амброны, авионы, варины, нуитоны, марсаки, хамавы, бруктеры, марсы, тенктеры, узипеты, убии, неметы. Некоторые из этнонимов времен Тацита сохранились, но они обозначали уже во многих случаях племена или кланы, вошедшие в новые племенные союзы, вроде хаттов, или сигамбров.

В III и IV веках сложился союз алеманнов, что значит «все люди», который вобрал в себя в основном племена, входившие ранее в племенной союз свевов. Во второй половине IV столетия алеманны, первоначально обитавшие в бассейне Майна, занимали уже Десятинные поля – верховья Рейна и Дуная, проникнув значительной массой в пределы Римской империи, где они заселили часть современного Эльзаса и германоязычные кантоны на севере современной Швейцарии. Нижнее и среднее течение Рейна по обе стороны лимеса освоили франки, что значит «свободные», среди которых историки выделяют рипуариев в южной части ареала и салиев в северной, к востоку от салических франков находилась обширная территория саксов, занимавшая побережье Северного моря, а также бассейн Везера, ядром их племенного союза могли быть древние херуски. К северу от саксов на Ютландском полуострове жили давшие название полуострову юты – преемники и вероятные потомки древних кимбров и

тевтонов. На севере Нидерландов жили фризы, сохранившие свой этноним со времен Тацита до наших дней. К югу от саксов, в самом сердце Германии, обитали туринги, прямые потомки прежних гермундуров. На юге Германии в результате германизации кельтоязычных бойев, завоеванных маркоманами, сложился народ, усвоивший себе этноним ассимилированных кельтов – баювары, или, по-русски, баварцы. К востоку от баюваров, на территории Австрии, обосновались квады. На северо-востоке западногерманского ареала в соприкосновении с восточными германцами – на правом берегу нижней Эльбы – находился ареал лангобардов, которые впоследствии были захвачены потоком великого переселения и переселились в среднее Подунавье, где в начале IV века обитали восточные германцы – герулы и гепиды.

Земли к востоку от лангобардов занимали ранее восточногерманские племена ругиев – на левом берегу Одера, откуда они, вытесненные готами, перебрались на юг, в Подунавье, и бургундов – в междуречье Одера и Вислы. В среднем течении Одера по его обоим берегам жили вандалы, разделенные на две ветви – асдингов и силингов, которые, собственно, и дали название стране Силезии. Вслед за готами на юг, в верховья Днестра, продвинулись малочисленные скиры, остановившиеся в своем продвижении на территории современной Моравии, гепиды, потерпевшие около 235 г. поражение в битве с готами, а также герулы, одна часть которых обосновалась в бассейне Тисы, а другая – далеко от нее, на берегах Азовского моря. Обитавшие на рубеже эр в нижнем течении Дуная бастарны, переселенные во Фракию, с середины III столетия уже не упоминаются в источниках, вероятно потому, что, подвергшись романизации, они совершенно слились с местным населением дунайских провинций империи. Ареал расселения восточногерманских народов не представлял собой этнически однородную территорию. Их поселения были рассеяны между местами обитания балтских, славянских и ираноязычных народов центральной и восточной Европы.

Сказанное в полной мере относится и к самому многочисленному восточногерманскому народу готов,

разделенному на две основные ветви: везиготов, этноним которых впоследствии изменился на вестготов, что значит «западные готы» – по-другому их называли еще тервингами – «лесными», и остроготов, ставших остготами, то есть «восточными готами», или гревтунгами, «степными». Трансформация этнонимов связана была с географическим местоположением ареалов этих двух ветвей: везиготы обосновались в Бессарабии, а остроготы в-степях от Днестра до Нижнего Днепра. Третью ветвь этого народа составляли готы, известные из греческих источников под именем трапезитов, или тетракситов, переселившиеся в Крым и на Таманский полуостров. Существовала еще одна малочисленная ветвь готского народа – тайфалы, которая продвинулась на юго-запад, в пределы Добруджи и Валахии. Самым могущественным из готских народов в IV веке, как и в предшествующее столетие, оставались остроготы, названные по имени своего короля Остроготы, правившего в первой половине III столетия.

После его смерти новым королем готов стал Книва, принадлежавший не к роду Амалов, из которого вышел Острогота, но к другому знатному готскому роду – Балтов. В начале IV века готским королем был Геберих, который также принадлежал династии Балтов и, по словам Иордана, «родился от отца Хильдерита, деда Овиды, прадеда Нидады»³⁰⁵, по предположению Е. Ч. Скржинской, – лица, идентичного с Книвой, и, следовательно, принадлежащего к вестготскому роду Балтов³⁰⁶.

«После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, – этим выражением Иордан обозначает смерть, – через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов»³⁰⁷. Произошло это в середине IV века. Со сменой династии доминирование в готском союзе вернулось к остроготам. По словам историка готского народа, Германарих «покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам»³⁰⁸. К числу покоренных готами народов принадлежали балтские, славянские, сарматские и финские племена. Покорилось ему и германское племя герулов. Так, по несомненно преувеличенной

характеристике Иордана, «он властвовал... над всеми племенами Скифии и Германии»³⁰⁹. О действительных границах владений Германариха точных сведений нет, но они, вероятно, охватывали большую часть современной Украины и тех областей современной России, которые расположены по берегам Дона, но его власть над зависимыми народами едва ли выходила за рамки взимания дани, а ядро империи Германариха находилось в местах относительно компактного обитания готов, в степном и лесостепном Причерноморье, – от Прута до Днепра.

8. Гунны в Европе и начало переселения народов

Толчком к великому переселению народов, потрясшему Римскую империю, послужила гуннская агрессия против готов, повлекшая за собой катастрофу для государства Германариха. Это были кочевники, ранее не известные ни готам, ни римлянам, самый вид которых, несущий на себе монголоидные черты, ошеломлял и ужасал европейцев. Выразительный портрет гунна с характеристикой образа жизни этого народа набросал современник нашествия Аммиан Марцеллин. В этом портрете историк, слышавший фантастические рассказы о гуннах из уст готов или аланов, разбитых этими выходцами из Азии и, возможно, пытавшихся загладить позор поражения гротескными преувеличениями, выводит победителей за границу человеческого рода, перемешивает правду с вымыслом: «Племя гуннов, – пишет он, – ... обитает за Меотийским болотом (то есть за Азовским морем. – В.Ц.) в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру»³¹⁰.

Редкий волосяной покров на лицах гуннских мужчин, свойственный монголоидам, Марцеллин объясняет как следствие выдуманного обычая: «Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорежают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставят на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попереть»³¹¹.

Комментируя этот пассаж, Л.Н. Гумилев остроумно замечает: «А что они едят зимой? Когда нет ни корней, ни трав? И

как можно пережить сибирскую зиму без огня?»³¹². Очевидным преувеличением является и утверждение Марцеллина, что гунны «никогда... не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их как гробниц... У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша... Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкур лесных мышей»³¹³. По поводу мышей Гумилев, пылкий защитник достоинства кочевых народов, которых он называет авелями в противоположность оседлым каинам, пишет, иронизируя: «Мыши, шкуры которых идут на одежды, – белки, горностаи, а то и соболя. Из шкур сусликов и тушканчиков тулуп не сшить»³¹⁴. «Нет у них разницы, – продолжает Аммиан Марцеллин свой рассказ об экзотическом племени, – между домашним платьем и выходной одеждой; один раз надетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения»³¹⁵. Похоже, судя по известным обычаям степняков позднейших эпох, в этом своем наблюдении историк близок к истине.

Подобно скифам и аланам, гунны воспринимались греками и римлянами в образе своего рода кентавров: «Они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то на совещание они едут сидя на конях»³¹⁶. Впрочем, чуть ниже Марцеллин пишет, что ночи они проводят все-таки не верхом на коне, а в кибитках: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сох. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей»³¹⁷.

При всем стремлении создать отталкивающий образ извергов человеческого рода, Аммиан Марцеллин отдает должное воинскому искусству и храбрости гуннов, благодаря

которым они одержали верх над превосходившими их числом готами, а еще раньше также и над аланами: «Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством у кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути... В бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан»³¹⁸.

До нападения на готов гунны, как это видно из «Истории» Марцеллина, обосновались к востоку от Азовского моря, иными словами, в междуречье Дона и Волги. Но они не были автохтонами юго-востока Европы. Это был впервые появившийся в этом регионе народ со значительной примесью монголоидной расы. Где же их прародина? На этот счет существует версия, признаваемая не всеми историками и этнологами, но все же приближающаяся к общепринятой, согласно которой местом их первоначального обитания была сухая степь в центральной и западной Монголии.

Многочисленные сведения об этом народе присутствуют в китайских текстах. В китайских источниках они обозначены иероглифами, которые прочитываются как «хунну». Вопрос лишь в том, тождественны ли азиатские хунну и европейские гунны. Значительное большинство ученых нашего времени склоняется к положительному ответу на этот вопрос, с тем только уточнением, что речь должна идти не о совершенной идентичности, а о преемстве, потому что в процессе перекочевки с востока на запад происходили этнические трансформации, до известной степени изменившие антропологический тип народа. В отличие от хунну, европейские гунны, несмотря на

то что Аммиан Марцеллин и другие авторы, писавшие о них, подчеркивают их монголоидные черты, за чем стоит лишь естественная склонность наблюдателя акцентировать внимание на непривычном и экзотичном, в действительности не были беспримесными монголоидами, но скорее метисами. Язык и хунну и гуннов был тюркским, хотя сам этноним «тюрки» относится, конечно, уже к более позднему времени; в разное время высказывались предположения о монголоязычии хунну и гуннов или о том, что гунны говорили на одном из тунгусских или угрофинских языков – повод к подобным версиям дает действительное присутствие в гуннской орде монгольских и угрофинских племен, возможно также самодийских и динлинских, то есть кетских кланов и родов.

Резюмируя сведения о хунну, почерпнутые из китайских источников, видный тюрколог Эдуард Паркер писал: «Кочевой народ хунну жил на коне. “Их страной была лошадиная спина». Они переезжали с места на место, перегоняя свои стада и отары в поисках новых пастбищ. Лошади, крупный рогатый скот и овцы – вот их обычное имущество... Время от времени в их стадах появлялись верблюды, ослы, мулы... Хунну не строили городов и других поселений подобного рода, но, хотя они и не задерживались подолгу на одном месте, каждому племени отводилась определенная территория... У каждого шатра, или семейства, был свой персональный участок земли. У хунну не было письменности, и потому все приказы и прочие административные акты передавались изустно. С самого раннего детства хунну учились ездить верхом на овцах и охотились на крыс или птиц при помощи крошечного лука и стрел. По мере взросления объекты охоты менялись, теперь целью охотников были лисы и зайцы. Каждый взрослый мужчина, способный натянуть лук, становился воином. Все, стар и млад, питались мясом и молоком. В качестве одежды они использовали шкуры убитых животных, а поверх набрасывали войлочные накидки. Полные сил воины всегда получали лучшее, старых и немощных презирали, им доставались крохи. На протяжении тысячи лет... процветал обычай, по которому к сыну переходили жены умершего отца (за исключением родной матери) а в наследство

младшим братьям доставались жены старших... Каждый мужчина был готов к сражению или набегу. Отступление перед врагом не считалось позором... Тактика ведения боевых действий заключалась во внезапных, плохо согласованных набегах, ложных маневрах и засадах. По мнению китайцев, хунну были совершенно лишены чувства сострадания или справедливости; они подчинялись единственному закону – силе»³¹⁹. Похоже, оседлые китайцы были предубеждены к степнякам не менее земледельческих народов Европы.

Первые сведения о северных варварах в китайских памятниках восходят к началу XIV века до Р. Х. Ради защиты от них и была построена протянувшаяся на тысячи километров Великая стена. Войны китайских государств с северными кочевниками были упорными и изнурительными и шли с переменным успехом для той и другой стороны. Не раз престол богдыханов доставался выходцам из степи, потомки которых обыкновенно относительно скоро китаизировались. Бывало и так, что преступники или несправедливо обиженные китайцы бежали на север к кочевникам и вливались в их орды. Одну из этих орд в IV столетии до Р. Х. составили тюркоязычные хунну.

Во времена создателя единой Китайской империи Цин Ши Хуанди правителем (шаньюем) хунну был Тумань. Он пережил смерть великого императора и распад созданного им государства. Воспользовавшись смутой, воцарившейся в Китае, орда Туманя продвинулась на юг, на территорию Ордоса, у северной излучины Хуанхэ. Своим наследником Тумань объявил сына от любимой молодой жены в обход старшего сына Модэ, которого он решил погубить, отправив заложником в государство Юэчжи – так китайцы называли Согд, и затем сразу напав на юэчжей в расчете, что сын его будет убит. Но Модэ разгадал коварство отца; когда тот начал военные действия, он убил стражника, вскочил на коня и вернулся к своим. Отец, оценив его мужество, поставил его командовать десятитысячным войском и управлять округом, где оно находилось. Модэ занялся воинской подготовкой подчиненных ему хунну. «Он усовершенствовал конструкцию “поющей стрелы” – нарикабуры древних японцев»³²⁰. В ее наконечнике проделывалось

отверстие, так что в полете она свистела, подавая сигнал воинам. С ее помощью Модэ приучал своих воинов к беспрекословному повиновению. Услышав свист стрелы, они обязаны были метить в ту же цель, что и их начальник. В противном случае им грозила казнь. И вот однажды Модэ «пустил стрелу в... своего любимого коня. Все ахнули... Но тем, кто не выстрелил, отрубили голову. Потом Модэ выстрелил в своего любимого сокола. Тем, кто не стрелял..., также отрубили головы. Потом он выстрелил в свою любимую жену. Не стрелявших обезглавили. А потом, во время охоты, он встретил шаньюя, своего отца, и... выпустил стрелу в него. Шаньюй мгновенно превратился в подобие ежа – так утыкали его воины Модэ стрелами»³²¹. В 209 г. до Р.Х. Модэ стал шаньюем хунну. Его правление началось с резни, в которой перебита была вся семья Туманя, за исключением одной его вдовы, которую он, по обычаю предков, взял себе в жены.

К востоку от хунну кочевала орда, по-китайски называвшаяся дун-ху. Воспользовавшись гибелью старого опытного полководца хунну Туманя, дунху решили поживиться за счет этого народа и направили к Модэ послов, требуя отдать им лучших коней за невмешательство в их внутренние дела. К изумлению своих советников, Модэ выполнил их требование. Затем дунху потребовали уже любимую жену Модэ. Молодой шаньюй уступил и на этот раз. После этого дунху стянули свои войска к границам хунну и потребовали уступить им спорную территорию. «Некоторые из советников Модэ, – по словам Паркера, пересказывающего китайские источники, – готовы были отдать то, что они называли бесполезной территорией, но поплатились головами за свою неспособность постигнуть всю глубину политики, проводимой их владыкой. Модэ незамедлительно объявил войну. Всякий боеспособный гражданин государства, не успевший встать «под ружье», подлежал немедленному обезглавлению. Дальновидные расчеты Модэ полностью оправдались: сочтя Модэ трусливым, тунгусы пренебрегли мерами предосторожности. Их войско было жестоко разбито в ходе одной короткой кампании, стада угнаны...

Многие женщины перешли к новым хозяевам. Пленные юноши стали воинами»³²².

Орда хунну стала доминировать в монгольской степи, а остатки разбитых дунху перекочевали на плато к северо-востоку от современного Пекина. Экспансия хунну распространялась во все стороны. Они оттеснили юэчже, или согдийцев, на юго-запад, подчинили живших на Саянах динлинов, прямых предков сохранившихся доныне енисейских кетов, их владения на севере простирались до Байкала и Амура. Под властью Модэ находилось до 300 тысяч воинов, так что вся его орда насчитывала, вероятно, более миллиона человек. Его титул звучал так: «тенгри куду шаньюй», что значит «сын неба, правитель». В подчинении Модэ и его преемников находилось 24 сановника, каждый из которых командовал 10 тысячами всадников. Модэ скончался в 173 г. до Р. Х., передав власть своему сыну Гиюю.

Гиюй, прозванный Лаошанем, правил в течение 11 лет, он успешно воевал с юэчжи, окончательно вытеснив их из Синьцзяня в Среднюю Азию, а также с Китаем, в котором правила династия Хань, вновь объединившая страну, распавшуюся после смерти Цинь Ши Хуанди. Война закончилась мирным договором, по которому «вся территория к северу от Великой стены принадлежит лучникам, а территория к югу – шляпам и поясам» – или, как сказали бы римляне, «тогам»³²³. Хунну регулярно совершал грабительские набеги на Китай, богдыхан направлял карательные экспедиции на север от Великой стены, но они имели весьма относительный успех. В то же время оба народа вели пограничную торговлю, главными предметами которой были шелк, ввозившийся из Срединной империи, и кони, которые закупались китайцами. В 162 г. скончавшегося Гиюя Лаошаня сменил его сын Гюньчен. В 127 г. после смерти Гюньчена верховная власть перешла к его младшему брату Ичисийе, которого в 114 г. сменил его сын Увэй. Когда он умер в 105 г., новым шаньюем стал его сын Ушилу, в правление которого императору Уди удалось отодвинуть китайскую границу на север и занять плато Ордоса, потеснив хунну.

Ушилу правил всего три года. После его смерти ввиду малолетства его сына власть перешла к брату покойного шаньюя Гюйлиху, а затем, после его смерти в 101 г. до Р. Х., к их младшему брату Цзюйдихэу. Ему на смену пришел его сын Хулагу, правивший с 96 по 83 г. Следующий шаньюй Хуанди, родственные отношения которого с предшественником в точности неизвестны, умер в 68 г., передав власть Хюйлюй-Цюанькюю. При нем хунну терпели жестокие неудачи в войнах с Китаем. Шаньюй был пленен и казнен, а при поставленном на его место правнуке Увэя УяньГюйди в орде разгорелась междоусобная война, воспользовавшись которой на хунну напали тунгусы. В 58 г. до Р. Х. Уянь-Гюйди покончил самоубийством. Его преемником стал сын ХюйлюйЦюаньяоа Хуханье. Гражданская война при нем продолжалась. Появилось не менее пяти претендентов на высшую власть, провозгласивших себя шаньюями.

Чтобы спасти положение, Хуханье решил опереться в борьбе с соперниками-узурпаторами на помощь Китая; в 51 г. он прибыл ко двору богдыхана и там признал себя вассалом императора Сюаньди. К богдыхану направляли свои посольства и узурпаторы. Правительство Китая интриговало, противопоставляя одних претендентов другим, но своим законным вассалом и шаньюем в Китае признавали все-таки Хуханье, в жены которому была отдана одна из императорских наложниц. Ставка шаньюя была перенесена из глубины монгольских степей на плато Ордоса, поблизости от Великой стены.

Хуханье предложил императору распустить китайские гарнизоны в западной части Великой стены, с тем чтобы охрану границ государства несли хунну. Большая часть императорских советников готова была принять это выгодное, как им казалось, предложение: в китайской армии служили либо наемники, которым приходилось платить, либо так называемые «молодые негодяи», обвинявшиеся в уголовных преступлениях, для которых служба была наказанием и на которых нельзя было положиться. Но один из советников императора возражал против принятия предложения шаньюя: «Нрав кочевников

таков, что они не преминут воспользоваться нашей слабостью, стоит нам только распустить гарнизоны, поскольку они боятся нас, только когда мы показываем зубы»³²⁴. Император прислушался к совету опытного сановника, и Хуханье направлено было письмо, представляющее собой шедевр дипломатического искусства: «В ответ на предложение шаньюя взять на себя охрану китайской границы и распустить китайские гарнизоны Китай сообщает, что глубоко тронут великодушием шаньюя и учтивостью, с которой было высказано предложение. Однако Китай имеет границы не только на севере, но по всему периметру государства, и пограничные посты призваны не только отражать атаки извне, но также и предупреждать посягательства китайских нарушителей закона на территории сопредельных государств. Китай глубоко ценит дружественные намерения, побудившие шаньюя сделать упомянутое предложение, и заверяет, что ни в коей мере не сомневается в их искренности, однако вынужден отклонить предложение и направляет к шаньюю посла с этим письмом»³²⁵. В ответ шаньюй отвечал с напускной незатейливостью, но не без дипломатического изыска: «Простой человек, каковым я являюсь, возможно, не в состоянии постичь все премудрости политики, в то же время я рад был услышать похвалы в свой адрес из уст императора»³²⁶.

В 31 г. до Р. Х. Хуханье умер. После него правил его сын Фучжулэю, который умер в 20 г., передав верховную власть брату Сусйе. Он умер в 12 г. до РХ. Его преемником стал старший сын Чжуанькюй, через 4 года умер и он, и власть перешла к его брату Учжулю, который правил до 13 г. от Р. Х. Его сын и преемник Улэй правил 5 лет и скончался в 18 г., затем в течение 28 лет правил его младший брат Юй, который взял имя Худурши Даогао-жоди. При сыне Худурши Удадиху орда хунну оказалась вверженной в междоусобную смуту. В 48 г. сын Учжулю открыл враждебные действия против Удадиху. Старейшины 8 южных родов провозгласили его шаньюем, дав ему имя Хуханье II, и отложились от законного правителя Удадиху. Не имея сил удержать власть без помощи Китая, Хуханье вместе с подчиненными ему южными хунну перешел в

прямое подданство богдыхану. В следующем году его брат Би нанес поражение войскам оставшихся независимыми северных хунну, захватив в плен командовавшего ими брата шаньюя. Северный шаньюй вынужден был уступить южному часть своей территории.

Так в середине I столетия от Р. Х. государство хунну разделилось на две орды: южную, о которой сохранились многочисленные упоминания в китайских текстах и которая, находясь в подчинении у Китая, вступила в процесс ассимиляции и прошла его до конца, до полной китаизации, и северную, сохранившую независимость, но вскоре почти исчезнувшую из поля зрения китайцев. Известно однако, что в 93 г. северные хунну были разбиты монголоязычным народом союзных Китаю сяньбийцев, у которых «кони были быстрее, а оружие острее, чем у хунну»³²⁷. После поражения хунну откочевали на запад и «закрепились на рубеже Тарбагатай, Саура и Джунгарского Алатау и продолжали войну с переменным успехом до 155 г.»³²⁸.

В этом году по ним был нанесен сокрушительный удар сяньбийским ханом Таншихом. После этого орда северных хунну распалась: часть их покорились сяньбийцам и слилась с ними; другая откочевала на юг, в сторону Великой стены, поближе к своим соплеменникам южным хунну, к тому времени уже основательно китаизированным; «двести тысяч “малосильных», – по словам Н. С. Гумилева, – попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатай и бассейна Черного Иртыша, где они пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье... А “неукротимые” хунну отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет, а потом о них забыли на 200 лет»³²⁹. До столкновения с готами гунны не попадали больше в поле зрения западных писателей, так что их история известна с разрывом между эпохой, когда за ними пристально наблюдали из Китая, и периодом их вторжения в зону влияния и интересов Римской империи, а потом и в ее пределы.

Н.С. Гумилев представил историю их перекочевки на запад в самом драматическом виде: со 155 по 158 г. «за 1000 дней было пройдено по прямой – 2600 км, значит – по 26 км ежедневно, а если учесть неизбежные зигзаги – то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, в которых и погибли семьи уцелевших воинов... На Запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки, покинув на родине тех, для кого седло не могло стать юртой. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях»³³⁰.

Поселившись в Прикаспийских степях от Урала до нижнего Дона, хунну в результате ассимиляции с приуральскими предками венгров и манси, представлявшими собой смешанную расу, а затем также с европеоидными аланами, господствовавшими ранее на занятой ими территории, а потом частично истребленными ими, частично покоренными и частично выдвинутыми дальше на запад, изменили свой антропологический тип, сохранив при этом исконное тюркоязычие, но и обогатив словарь заимствованиями из угрских и иранских языков.

Адекватное мифологическое отражение ассимиляции, лежащей в основе трансформации хунну в гуннов, Гумилев находит в той версии происхождения гуннов, которую предлагает Иордан: «Король готов Филимер... вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи»³³¹. Комментируя этот пассаж Иордана, Н. С. Гумилев остроумно замечает: «Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньбийцев, оказались почти без женщин... Описанная в легенде метисация

– единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения. Но эта метисация, вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением, так изменили облик хуннов, что, для ясности, следует называть их новым именем гунны»³³².

Победы, одержанные гуннами над аланами, Иордан объясняет наивно и крайне нелепо, но характерно: «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них... человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилев частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их... в бегство, потому что их... образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает свирепость их духа... Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости»³³³. Иордан здесь воспроизводит предубеждения, которым не чужд был и несравненно более образованный Аммиан Марцеллин, чья «История» ему могла быть известна.

Вторжение гуннов в Европу в тех ее границах, которыми она отделялась от Азии по представлениям того времени, то есть по Танаису, или Дону, совершено было через Керченский пролив. Согласно легенде, которую воспроизводят Иордан, Евнапий, Прокопий, Агафий и Созомен, гунны ранее не имели представления о том, что за проливом лежит суша, принимая пролив за бескрайнее море или даже считая Таманский полуостров концом земли. По Созомену, ни жившие в Крыму готы, ни гунны, обитавшие за проливом, не знали о существовании друг друга. «Но случилось, что один укушенный оводом вол перешел чрез озеро и что за ним следовал пастух, который, на другой стороне увидев землю, возвестил о том своим соплеменникам. А иные рассказывают, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показал гуннам олень, за которым они гнались. Подивившись стране, отличавшейся умеренностию воз-

духа и богатством плодов, они тогда возвратились и возвестили царю своего народа о том, что видели»³³⁴. По Иордану, это был олень, уже, естественно, без всякого пастуха, появление которого писатель объясняет кознями «тех самых духов, от которых гунны ведут свое происхождение»³³⁵.

Пройдя по степям северо-восточного Крыма, гунны под предводительством своего правителя, которого Иордан именует Баламбером, дошли до Перекопского перешейка и в 370-е гг. вторглись в пределы государства Германариха.

У Аммиана Марцеллина нет упоминаний ни о воле, ни об олене, нет у него и географических деталей относительно места вторжения гуннов во владения готов. Он пишет только, что «гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменериха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов»³³⁶.

Организовать оборону своих владений Германарих не мог, отчасти потому, что остготы были слабее гуннов, вместе с которыми сражались подчинившиеся им аланы, отчасти же из-за своей дряхлости, к тому же он страдал от ран, которые ему нанесли за несколько лет до нашествия гуннов ударами в бок братья Сар и Амий, мстя ему за казнь своей сестры Сунильды, которая за супружескую измену по приказу Германариха была привязана к коням и разорвана на части. Но была еще одна причина слабости Остроготской империи: она оказалась рыхлым лоскутным образованием – зависевшие от готов славянские племена не оказали поддержки поработителям: в гуннах они увидели своих освободителей, и впоследствии, подобно аланам, многие из них влились в гуннскую орду.

И все же остготы и без зависевших от них народов ни числом, ни храбростью не уступали гуннам. Но те имели над ними серьезное техническое преимущество. Гуннские всадники мастерски владели луками, и, что еще важнее, они употребляли

стремена, которые до них не применялись в европейских войнах. Готские всадники, подобно римским, не употребляя стремян, не могли делать резких поворотов, рискуя в этом случае упасть с коня, поэтому и у римлян и у воевавших с ними германцев основу вооруженных сил составляла пехота, тяжелая у одних и легкая у других, в то время как гунны все поголовно воевали на конях, малорослых, но стремительных, послушных и маневренных. Опираясь на стремяна, гунн мог в любой момент сделать внезапную остановку и повернуться в любую сторону вместе с конем или, резко поворачиваясь в седле, без страха упасть со спины своей лошади, и, что еще важнее, сидя в седле он мог свободно действовать обеими руками, натягивая лук и поражая врагов стрелами. «Этим великолепным всадникам остготы могли противопоставить только дико потрясающих копьями пехотинцев, которые были прекрасной мишенью для лучников»³³⁷.

Одно поражение остроготов следовало за другим. Перед лицом неизбежной катастрофы в 375 г. престарелый король Германарих покончил с собой. По Иордану, он прожил 109 лет. Смерть короля ускорила конечную победу гуннов над остроготами. Витимер, как его называет Аммиан Марцеллин, или, по Иордану, Винитарий был избран королем после самоубийства Германариха. Отступая на запад, остроготы вторглись в земли антов. Началась война, в ходе которой вначале готы потерпели поражение, но затем взяли верх, после чего, по словам Иордана, Винитарий «распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных»³³⁸. Это первый документально зафиксированный эпизод противостояния германцев и славян. Винитарий сохранял власть еще некоторое время, но после следовавших одно за другим поражений в боях с гуннским правителем Баламбером он пал в бою. «От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили к реке Данастию»³³⁹, то есть к Днестру.

В конце концов значительная часть остроготов была перебита. Из оставшихся в живых одни покорились гуннам и в будущем действовали заодно с ними, участвуя в их походах, другие же ушли к своим собратьям везиготам, обосновавшимся за Днестром – в Бессарабии и Дакии, оставленной римлянами. Народы, зависевшие ранее от остроготов, благодаря гуннскому нашествию обрели свободу. Некоторые из них, в том числе и славяне, подчинились гуннам и затем воевали вместе с ними на Западе. В своем продвижении на запад гунны в конце концов остановились в среднем Придунавье и Притисье, на территории современной Венгрии с ее прекрасными пастбищами, великолепно пригодными для корма коней и рогатого скота.

Правитель везиготов, или тервингов, Атанарих попытался оказать сопротивление гуннам, но тщетно. Он был разбит, и тогда большая часть этого народа, страшась уничтожения, во главе со своими предводителями Алавивом и Фритигерном направили посланников к Римскому императору Валенту, прося его разрешить им вселиться в пределы империи, в опустошенные и обезлюдившие области Мезии на правобережье Дуная, чтобы они жили там по своим обычаям, но под верховной властью императора. И, как пишет об этом Иордан, «чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке»³⁴⁰. Среди готов и тогда было уже немало христиан, но преобладали язычники.

Слухи о масштабных перемещениях народных масс за дунайским лимесом уже дошли до Рима и Константинополя, и они вызывали тревогу. Были все основания ожидать усиления давления на границы империи. Валент принял предложение Алавива и Фритигерна, и для поселения везиготам были предоставлены Мезия, Фракия и Прибрежная Дакия, то есть Добруджа. Существуют разные оценки числа готов, вселившихся в балканские провинции империи. По Ф. И. Успенскому, их «должно быть не менее миллиона, если верить Евнапию, что вооруженных было до 200 000»³⁴¹. Фюстель де Куланж оценил число переселившихся в империю варваров в 400 или 500 тысяч, «около половины которых могли носить оружие»³⁴².

Оценки эти в несколько раз преувеличивают действительное число готов, переселившихся на имперскую территорию. Чтобы обезопасить местное население, готы обязаны были, вступая в пределы провинций, сдать оружие. В случае нужды они могли получить его из рук римских чиновников, но провинциальные власти сквозь пальцы смотрели на исполнение этого предписания – разгильдяйству чиновников способствовал подкуп. Готы охотнее расставались с ценностями, которые они взяли с собой, чем с оружием. И, как оказалось, совсем скоро им пришлось его употребить.

Приняв готов, Валент, по словам Иордана, «поставил как бы стену государству своему против остальных (варварских) племен»³⁴³. Защищать римлян от варваров кровью варваров было давней и неизменной политикой империи. Православный христианин, Иордан выразил сожаление о том, что из-за арианства Валента и сами готы, и другие германоязычные народы стали еретиками: «Так как император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка, то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению... Так вот везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты»³⁴⁴. Иордан прав, придавая ключевое значение в принятии германскими народами арианства роли императора Валента, но арианство распространялось среди готов и ранее, в правление Констанция, когда епископом у них был приверженец умеренного арианства Вульфила – создатель готской письменности и переводчик Нового Завета на готский язык. Те везиготы, королем которых оставался побежденный гуннами Атанарих, в массе своей оставались язычниками, а готы, обосновавшиеся в Крыму и принявшие христианство еще до Никейского Собора, сохранили приверженность Православию.

9. Правление Грациана и Валента

После смерти Валентиниана в Римской империи осталось три императора: его старший сын Флавий Грациан Август, удостоенный титула августа в 367 г., младший брат Флавий Валент и, наконец, 4-летний ребенок Флавий Валентиниан Младший, который был аккламирован императором германскими легионами вопреки стремлению римского элемента армии назначить соправителем Грациана популярного генерала Севастиана. Грациан признал брата императором, предоставил в его владение Италию и Иллирик, но сохранил за собой надзор за положением дел в этих странах, оставив в своей непосредственной власти весь остальной Запад. Хотя Валент выразил недовольство провозглашением своего 4-летнего племянника императором без какого-либо участия с его стороны, но на разрыв с Грацианом не пошел, сохранив в своей власти восток империи.

Грациан родился в 359 г. от первой жены Валентиниана Севиры. Он получил основательное христианское и классическое образование под руководством поэта Авзония, был прекрасно начитан в латинской и греческой литературе, писал стихи, обладал, «золотым», по выражению его учителя Авзония, умом и незаурядными способностями атлета, наездника и охотника – его охотничьи таланты, по свидетельству того же Авзония, «граничили со сверхъестественными, он мог поразить льва одной стрелой»³⁴⁵. И самое главное в его положении – он оказался замечательным полководцем. Самостоятельным правителем Грациан стал в 17 лет. В отличие от своего дяди-арианина, он был ревностным приверженцем Никейского символа. Но, как и в правление его отца, личные религиозные взгляды императора мало влияли на положение Церкви в восточной части империи, находившейся во власти ревностного арианина Валента. Главной заботой юного императора была защита границы по Рейну. В сражении около Аргентария, современного Страсбурга, он нанес тяжелое поражение алеманнам, форсировавшим Рейн и вторгшимся в пределы империи.

Тем временем, однако, сложилась крайне опасная ситуация на Балканах, ответственность за которые нес Валент. Везиготы, поселившись в Мезии и Фракии с разрешения Валента, подвергались нещадным поборам со стороны римских чиновников. Согласно императорскому приказу, местные муниципальные учреждения обязаны были снабжать беженцев продовольствием. Приток в провинции значительного числа новых поселенцев создавал трудности в обеспечении их хлебом. Пользуясь нуждой готов, чиновники продавали им хлеб втридорога. Чтобы спастись от голода, готы продавали своих жен и детей. Среди варваров нарастало возмущение. Для предотвращения открытого бунта их попытались разделить: часть народа переселили в Малую Азию. Летом 377 г. везиготы восстали. К ним присоединились также отряды остроготов во главе с Алафеем и Савраком, гуннов и аланов, проникших за Дунай. Комит Фракийской провинции Лупицин был разбит варварами. Осенью и зимой Фракия и Мезия стали ареной жестоких стычек, опустошавших и без того уже разоренную страну.

Узнав о происходящем на Балканах, Валент выехал из Антиохии, где он тогда находился, в Константинополь. Осознав опасность сложившейся ситуации, он просил о помощи своего племянника Грациана, и тот обещал ее оказать, но, не дождавшись подхода западных легионов, Валент двинул находившиеся в его распоряжении войска во Фракию, навстречу варварам. Православные люди виновником бедствий, обрушившихся на государство, считали императора-арианина, преследовавшего благочестивых. По рассказу Феофана Византийца, «святой монах Исаакий, схватив за узду лошадь Валента, ехавшего уже на войну, сказал ему: “Куда ты спешишь, царь, воюющий против Бога и в Нем имеющий сопротивника?” Разгневанный царь велел взять его под стражу и грозил ему смертью, когда возвратится, как некогда Ахав Михею»³⁴⁶. Угрозе этой однако не суждено было исполниться – в войне с готами Валент потерпел катастрофическое поражение.

Битва, решившая исход войны, произошла под Адрианополем 9 августа 378 г. Ход сражения прекрасно описан Аммианом Марцеллином: после провала попытки договориться о мире,

«стрелки и skutarii, которыми... командовал ибер, Бакурий и Кассиан в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением... А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Савраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути»³⁴⁷. Очень может быть, что, потерпев поражение от гуннов, остроготы и аланы усвоили их тактику и технику, обзаведясь стременами. Имперская военная машина, вероятно, была более консервативной и не столь восприимчивой к варварским инновациям.

«Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы... Наши начали отступать, но стали опять, когда раздались задерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась как пожар... Наконец оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении. Левое крыло подступило к самому табору (варваров. – В.Ц.) ... Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась... без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход мечи и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба... Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться. Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей... и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии снова взяли за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири. Можно было видеть, как варвар... с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых... В этой страшной сумятице пехотинцы... когда... копья у большинства были

разбиты,., стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов... А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей... Все кругом покрылось черной кровью... повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. Высоко поднявшееся солнце... палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в безвыходных положениях: беспорядочно побежали, кто куда мог»³⁴⁸.

С поля битвы бежал и император. Попытка комита Виктора привести для защиты Валента отряд батавов ни к чему не привела. Те тоже бежали. Тогда бежал и сам Виктор. Варвары, преследуя беглецов, уничтожали их. Дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы коней вперемежку с людьми. По одной из версий, Валент пал, смертельно раненый стрелой. По другой – несколько евнухов из числа его слуг отнесли раненого императора в деревенский дом, и пока ему делали перевязку, дом обступили варвары, не знавшие, кто в нем скрывается. «Когда они пытались сломать запертые двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможность пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми»³⁴⁹. В сражении при Адрианополе пали полководцы Траян и Себастиан, а также 35 трибунов. Потери составили две трети армии. Это была одна из самых больших катастроф в военной истории Рима.

Характеризуя погибшего императора, Аммиан Марцеллин по своему обыкновению подводит баланс его достоинств и пороков: «Он был верен и надежен в дружбе, строго карал честолюбивые происки, сурово поддерживал военную и гражданскую дисциплину., добросовестнейшим образом охранял провинции, которые он берег от убытков как свой собственный дом, с особенным старанием смягчал тяжесть

податей, не допускал увеличения никаких налогов, был снисходителен во взыскании недоимок и являлся жестоким и озлобленным врагом проворовавшихся и уличенных в казнокрадстве правителей провинций. Восток не помнит лучшего в этом отношении времени»³⁵⁰. Переключаясь затем на недостатки Валента, историк пишет: «В стремлении заполучить большие богатства он не знал меры, не был вынослив в бранных трудах..., был склонен к жестокости. Он был мало образован... Он был груб в обращении, раздражителен, охотно выслушивал доносы, не отличая правды от лжи... От природы он был ленив и нерешителен»³⁵¹.

Одержав победу, варвары попытались взять Адрианополь, в котором сосредоточены были колоссальные, по их представлениям, богатства. Но штурм города закончился провалом. Затем они двинулись в сторону Константинополя. Попытка прорваться в столицу империи также не увенчалась успехом, и полчища готов, действовавших заодно с аланами и гуннами, растеклись по Балканам, совершая повсюду грабежи и убийства тех, кто пытался оказывать им сопротивление. Часть остготов двинулась на северо-запад Балкан, к подножию восточных отрогов Альп.

10. Эпоха святого Феодосия Великого

После гибели Валента императорами остались два его племянника: 19-летний Грациан и 5-летний Валентиниан II. Несмотря на поражение, которое потерпели алеманны в сражении при Кольмаре, Рейнский лимес по-прежнему оставался в угрожаемом положении и Грациан не мог его оставить. Между тем, ситуация, сложившаяся на Балканах, требовала, чтобы там присутствовал правитель, наделенный полнотой власти, и юный Грациан принял тогда решение, оказавшееся исключительно удачным.

В январе 379 г. он назначил своим соправителем с титулом императора одного из генералов – Феодосия, предоставив ему власть над Востоком и Фракией. С этих пор он стал именоваться Цезарем Флавием Феодосием Августом. Феодосий родился в испанском городе Италика, основанном Сципионом Старшим близ современной Севильи для ветеранов, в 345 г. в семье офицера, носившего одинаковое с ним имя и ставшего выдающимся полководцем, прославленным победами в Британии и в Африке при Валентиниане I. С юных лет будущий император участвовал в сражениях, сначала под командованием отца, а потом самостоятельно, обнаружив незаурядный полководческий талант. Император Валентиниан назначил его правителем Мезии, но вскоре, уже при Грациане, в 376 г., разразилась катастрофа. Его отец пал жертвой дворцовых интриг и был казнен по ложному обвинению. Перед казнью, совершенной в Карфагене, «он решил принять крещение в отпущение грехов. И вот после того как было совершено над ним Таинство Христово, которого он жаждал... он сам подставил под удар убийце шею»³⁵². После казни отца его сын удалился в свое испанское имение, откуда он и был призван Грацианом в соправители. Это решение предполагало особое доверие к генералу, отец которого подвергся в его правление смертной казни, причем без всякой, как это выяснилось потом, вины с его стороны. Подобный шаг юного императора представлялся неблагоприятным и крайне опасным, но доверие Грациана к

Феодосию его не подвело: Феодосий им не злоупотребил и до конца сохранил верность тому, кто его возвысил.

Став императором, Феодосий разместил свою штаб-квартиру в Фессалониках. В течение полутора лет, последовавших за назначением, он привел в порядок балканские провинции. Первоочередным делом он считал укрепление дисциплины в войсках, деморализованных поражением в битве при Адрианополе. Одержав затем победы в стычках с отрядами варваров, опустошавших балканские провинции, Феодосий вступил с ними в переговоры. Их успеху способствовала смерть короля вестготов Фритигерна, в лице которого они лишились искушенного политика и выдающегося полководца. Чтобы предотвратить консолидацию варваров, император пригласил для поселения в римских провинциях готов-язычников во главе с их вождем Атанарихом, который жестоко преследовал соплеменников, принимавших христианство, так что появилась возможность в случае нужды противопоставить их готам арианам.

24 ноября 380 г. Феодосий совершил торжественный въезд в Константинополь. Примирению римлян с готами способствовал пышный прием, который устроил император в честь престарелого Атанариха: 11 января 381 г. он встретил его за городской стеной и лично проводил до отведенной ему роскошной резиденции. Две недели спустя Атанарих умер, и Феодосий участвовал в его погребении, тем самым укрепив доверие к себе и к римлянам со стороны готов. Примирением с варварами удовлетворены были и жители Константинополя. Придворный оратор Фемистий произнес тогда речь, в которой провозгласил, что «самые мужественные враги Рима стали его самыми верными и преданными друзьями»³⁵³.

Мирный договор с готами был заключен в 383 г. Для окончательного водворения мира на Балканах Феодосий пошел на значительные уступки варварам. Поселившись в пределах империи, в Нижней Мезии и Фракии, они получали полную автономию. Готы имели своих королей и полностью изымались из юрисдикции правителей провинций, освобождались от уплаты каких бы то ни было налогов в пользу фиска. Более

того, за защиту римской границы государство выплачивало им денежное вознаграждение. В местах поселений готов действовало не римское, а традиционное право этого народа. Единственным институтом Римского государства, которому они подчинялись, была императорская власть. Готы, обосновавшиеся в римских провинциях, получили статус федератов: они обязаны были воевать по приказу императора, но своим строем, под началом своих предводителей, в то же время за солидную плату их вербовали в римские легионы, в которых вместе с выходцами из других германских народов они составили большинство.

Рим имел дело с федератами с самого начала своей экспансии, новизна сложившегося положения заключалась однако в том, что прежние федераты – зависимые союзники – проживали за пределами государственной территории Рима, а теперь они были внедрены в пространство самой империи, будучи по своему национальному характеру, по своей культуре и обычаям, в отличие от древних италиков, инородным в ней элементом. Феодосий однако рассчитывал на их постепенную интеграцию в римское общество, но интеграция эта происходила медленно и трудно, и прежде чем она завершилась, прошли столетия, в течение которых готский фактор стал одной из важнейших причин катастрофы, которую, правда, пережила не та часть империи, где поселились готы первоначально, а ее западные диоцезы.

Готы и другие варвары служили империи не только как федераты, но и в составе собственно римской армии, со временем составив в ней преобладающую долю и рядовых воинов, и офицерского корпуса, и ее высшего командования. В этом случае они, конечно, приобретали статус римских граждан, но не утрачивали окончательно своей идентичности, своего национального самосознания и даже, становясь христианами, принимали эту новую для них религию в виде арианства, ставшего своего рода национальным вероисповеданием и готов и других германских народов. А. Тойнби подметил характерную особенность в поведении варваров, находившихся на службе Рима: «Приблизительно в середине IV в. германцы, служившие в рим-

ской армии, стали возвращать себе свои первоначальные имена... Варвар стал достаточно самоуверенным, чтобы утверждать свое право считаться римлянином, не скрывая своего варварского прошлого»³⁵⁴. По замечанию Ш. Дилля, «германские вожди не только получали высокие командные должности, они добрались и до высших гражданских постов. Во время правления Феодосия консулами были Рихомер, Меробауд и Бауто. Позже появляется по крайней мере еще пять германских имен. Когда канцелярия, гордость императора, перешла в руки варваров, стало ясно, что бывшая исключительность исчезла и германцы завоевали прямой путь в сердце империи задолго до того, как прогремели их главные дела»³⁵⁵.

Не посягая на свободу вероисповедания федератов, ариан и язычников, святой Феодосий принимал меры по водворению религиозного единства среди римлян. Он вырос в христианской семье, но крещен был только в феврале 380 г. во время тяжелой болезни православным Фессалоникийским епископом Асхолием и с этих пор обнаруживал всецелую приверженность Никейскому символу. Еретики при нем подверглись существенным ограничениям в гражданских правах, особенно что касается составления завещаний. Им запрещалось совершать богослужения в городах, их храмы подлежали передаче католическим общинам.

По прибытии в Константинополь император предложил местному арианскому епископу Димофилу принять Никейский символ, но тот не подчинился и был выдворен из столицы, так что с этих пор столичные ариане собирались на богослужение за городскими воротами, а все принадлежавшие им ранее церкви были переданы православным никейцам – до тех пор православная община Константинополя во главе со святителем Григорием Богословом вынуждена была пользоваться единственной церковью в городе, освященной в честь Воскресения Христова, которая располагалась в частном доме.

Ради утверждения Православия Феодосий, следуя примеру равноапостольного Константина, в мае 381 г. созвал в Константинополе Вселенский Собор. Отцы Собора осудили и отвергли ереси, потрясшие церковную жизнь в

предшествующую эпоху, и, опираясь на никейское наследие, заново изложили Символ веры – тот самый, который употребляется в Православной Церкви поныне.

Преследуя еретиков, император Феодосий принимал меры, направленные на постепенное, шаг за шагом, подавление очагов языческого культа. Аналогичную политику проводил и правивший на Западе Грациан. Сознательный христианин, он в 382 г. отказался от принадлежавшего римским императорам со времен Цезаря и Августа титула *pontifex maximus* (верховный первосвященник) и соответствующих регалий. Впоследствии этот титул был воспринят епископами Рима, в результате чего, с одной стороны, он получил христианское переосмысление, а с другой – в этом титуле пап сохраняется свидетельство происхождения папских привилегий не изнутри самой Церкви, свидетельство присутствия в них наследия языческого Рима. Во всяком случае отказ императора-христианина от этого титула был шагом, подчеркивавшим разрыв государства с традиционной религией Рима, знаком окончательной утраты ею официального статуса.

Другим актом Грациана стало повторное удаление из зала заседаний сената жертвенника Виктории – Победы. Впервые жертвенник был удален из курии вместе с отменой ритуала жертвоприношений перед началом заседаний сената императором Констанцием, но Юлиан, восстанавливая официальный статус языческих традиций, приказал вернуть его в сенат. В ответ на требование Грациана, повторившего распоряжение Констанция, сенат направил для переговоров с императором своего представителя Аврелия Симмаха, который, как и большая часть сенаторов, оставался язычником. Сохранилась записка Симмаха, в которой он умолял Грациана оставить жертвенник на его прежнем месте, в сенате, ссылаясь на его предшественников, которые, хотя они уже были христианами, тем не менее с уважением относились к древним символам Римского государства: «Если вера, которой следовали древние, не может служить примером, то да послужит таковым попуцение ближайших императоров! Найдется ли такой малообразованный человек, который был бы

равнодушен к алтарю Победы! В нем наша безопасность на будущее время и наше спасение против всего необычайного. Воздадим, по крайней мере, символу ту честь, в которой отказываем божеству»³⁵⁶. Ходатайство Симмаха, по своей интонации граничащее с воплем о пощаде, не возымело успеха, и жертвенник Виктории был удален из курии.

В 383 г. Грациан распорядился конфисковать в пользу казны средства храма Весты. Конфискации подлежали все земельные владения языческих храмов. Субсидии храмам из казны были прекращены, а жреческие коллегии, включая и весталок, лишены всяких привилегий и льгот.

Римляне, среди которых все еще преобладали язычники, невзлюбили юного императора. Раздражение против него перекинулось и в военную среду. Особую остроту противостоянию придавал, помимо религиозного, национальный фактор. Грациан оказывал очевидное предпочтение своей личной гвардии, набранной из аланов. Недовольство армии обернулось мятежом британских легионов, которые в начале августа 383 г. провозгласили императором комита Британии Магна Климента Максима, если верить Оросию, «чуть ли не вопреки его желанию»³⁵⁷, и, переправившись через Ла-Манш, вторглись в Галлию. Грациан двинулся во главе своей армии навстречу мятежникам. В сражении с войсками узурпатора он потерпел поражение, главным образом из-за измены галльских легионов и мавританской конницы, перешедшей на сторону врага. Грациан бежал с поля битвы в Лугдун, где агенты Максима Магна заманили его в ловушку, и он был убит за пиршественным столом 25 августа 383 г., не дожив до своего 25-летия.

Его младшему брату Валентиниану II исполнилось 12 лет. В январе 383 г. Феодосий назначил соправителем и августом своего старшего сына 6-летнего ребенка Аркадия. Ввиду малолетства этих двух императоров полнота реальной власти после гибели Грациана находилась в руках Феодосия. Весть о гибели Грациана потрясла его. Но поскольку находившиеся под его командованием вооруженные силы сосредоточены были на границе с Ираном, а оставшиеся войска приходилось держать

на Дунайской границе, над которой нависала угроза вторжения со стороны гуннов, Феодосий вынужден был вступить в переговоры с узурпатором, которые велись через посланцев, отправленных в его штаб-квартиру в Трир. Со стороны Валентиниана в переговорах участвовал епископ Медиоланский святой Амвросий, который зиму 383–384 гг. провел в Трире.

Феодосий и Валентиниан признали Максима своим соправителем, оставив в его власти западные диоцезы, за исключением Италии, номинальным правителем которой остался Валентиниан, который спешно переехал из своей прежней резиденции в Сирмии в Медиолан. Именем этого подростка правила его мать Юстина, придерживавшаяся арианства и интриговавшая против святителя Амвросия, влияние которого выходило за границы церковной сферы и затрагивало государственные дела. Амвросий, в прошлом высокопоставленный сановник, опираясь на свою исключительную популярность в народе, не уступал ревностной арианке и в своих проповедях сравнивал ее с Иезавелью и Иродиадой. Но религиозное влияние матери на подростка оказалось более действенным, и пока Юстина была жива, Валентиниан II склонялся к арианству. Обратить императора в православие удалось лишь после последовавшей вскоре смерти его матери, но к тому времени ход событий приобрел самый печальный оборот для Валентиниана. Его арианство предоставило замечательный предлог Максиму для устранения соперника.

В 387 г. он повел свою армию через Альпы, чтобы, как он заявил, освободить империю от еретической скверны. Под рукой у Валентиниана не было сил, способных оказать сопротивление армии, вторгшейся в Италию, и он вместе с матерью бежал в Аквилею, а оттуда в Фессалоники под защиту Феодосия, который не имел возможности оказать ему немедленную помощь. Дело в том, что незадолго перед тем, в январе 387 г., он столкнулся с беспорядками в Антиохии. Недовольные повышением налогов, антиохийцы взбунтовались и разрушили статуи императора и его близких: умерших отца и первой жены Плакиллы. Для подавления мятежа было применено оружие,

пролилась кровь, – лишь к Пасхе удалось навести порядок в этом крупнейшем тогда городе азиатской части империи.

Свидетелем этих событий был Иоанн Златоуст, ставший впоследствии предстоятелем столичной церкви. В одной из своих бесед он рассказал о драматических происшествиях, происходивших в его родном городе. Феодосий собирался наказать мятежный город, но за него заступился местный епископ Флавиан. Он обратился к императору со словами: «Подумай, что теперь... и иудеи, и язычники, и вся вселенная, и варвары – ведь и они слышали об этом – обратили взоры на тебя и ждут, какой произнесешь приговор по этому делу. И если произнесешь приговор человеколюбивый и кроткий, все похвалят такое решение, прославят Бога и скажут друг другу: «Вот какво могущество христианства! Человека, которому нет равного на земле, который властен все погубить и разрушить, оно удержало, и обуздало, и научило терпению, какого и простой человек не показывал»³⁵⁸. Император внял просьбе епископа, сказав: «Если Господь Вселенной, Который для нас сошел на землю, для нас принял зрак раба и от облагодетельствованных был распят, молился за распявших Его Отцу Небесному, то как не простить ругавшихся надо мною мне, подобному им человеку?»³⁵⁹.

Вскоре после этого осложнилась ситуация на иранской границе. Начались переговоры о новом разделе сфер влияния в Армении, и Феодосий вынужден был уступить Сапору большую часть этой страны. Заключение мирного договора с Ираном позволило Феодосию снять значительные силы с восточной границы и использовать их против узурпатора Максима. Зимой император провел в Фессалониках, вплотную занимаясь подготовкой к походу в Италию. После смерти своей первой жены Плакиллы Феодосий вдовствовал, и в Фессалониках он вступил в новый брак с дочерью Валентиниана I и Иустины Галлой.

В июне 388 г. армия Феодосия выступила в поход. По численности она явно уступала войскам узурпатора. В изложении Оросия военные действия развивались следующим образом: «Максим... пребывал в Аквилее. Все бремя войны нес

Андрагаций, комит его. Он... перекрыл все возможные проходы через Альпы (в действительности через Динарские горы в Боснии. – В.Ц.) и переправы через реки», но затем, «по невыразимому суждению Бога», изменил план ведения войны, «намереваясь застать врага морским рейдом и разбить его на воде» и «оставил те преграды, которые возвел. И вот Феодосий, никем не замеченный, чтобы не сказать никем не сдерживаемый, прошел через открытые ворота»³⁶⁰ и разгромил противника в сражении на берегу Савы. Началось преследование, которое завершилось взятием Аквилеи. Находившийся там Максим Магн был схвачен и 28 августа казнен. Андрагаций, ранее собственноручно убивший Грациана, когда узнал о гибели Максима, покончил с собой, бросившись с корабля в море. Между тем правителем Галлии Максим оставил своего сына Виктора. Вернувшись к власти в Италии, Валентиниан Младший отправился с магистром армии Арбогастом, по происхождению франком, в Галлию для завершения войны. Войска, находившиеся под властью Виктора, были легко разбиты Арбогастом, а сам он казнен.

В 391 г. Валентиниан II и святой Феодосий покинули Медиолан: Феодосий вернулся в Константинополь, а Валентиниан в Галлию. Прибыв во Вьенн, Валентиниан увидел, что правивший Галлией со званием магистра армии и комита франк Арбогаст не собирается уступить власть ему, законному императору, откровенно игнорируя его распоряжения, не советуясь с ним в принятии решений по делам государственного управления, а часто даже не ставя его в известность о предпринимаемых им мерах. При этом он опирался на полную поддержку армии, в основном состоявшей из германцев. Самолюбивый юноша почувствовал себя униженным и не захотел смириться с ролью фиктивного правителя. В конце концов он отважился на отчаянный шаг. Он потребовал от Арбогаста отчета об уволенных и назначенных им чиновниках, в котором ему было отказано, затем он вручил Арбогасту письменный указ об отставке. В ответ заносчивый франк демонстративно разорвал документ и сказал, что «не нуждается в одобрении своих поступков, и его власть зависит не от

Валентиниана, а от остроты меча, что висит у него сбоку»³⁶¹. В гневе юноша замахнулся на Арбогаста кинжалом, который он выхватил из ножен находившегося рядом с ним телохранителя.

Несколько дней спустя, 15 мая 392 г., Валентиниана нашли задушенным в его опочивальне. Арбогаст объявил, что Валентиниан повесился от отчаяния. Он прожил 21 год. Воспитанный как христианин, Валентиниан II не успел принять Таинство крещения, хотя незадолго до своей кончины в письме святителю Амвросию просил его совершить над ним это Таинство. И все же в слове, посвященном кончине юного императора, Амвросий, обращаясь к его сестрам, сказал: «Позабудьте его несчастье, помните его добродетель. С упованием ожидайте от него помощи, ночью да предстанет он вам как архиерей, и пусть не разделяет вас от него и самый сон»³⁶².

Устранив Валентиниана, Арбогаст не присвоил себе императорского титула, потому что был язычником и в глазах римлян варваром. Императором он поставил своего клеврета Евгения, который ранее служил у него секретарем, потом стал высокопоставленным чиновником и ко времени своего возвышения занимал должность императорского секретаря, – православного христианина с прекрасным классическим образованием, который способен был привлечь на свою сторону в Риме как приверженцев языческих традиций, так и христиан-никейцев: на Западе крайне мало было ариан, а убитого императора подозревали в приверженности арианству, тем более что его мать Юстина, оказывавшая на своего сына влияние, которому, впрочем, не без успеха противодействовал святой Амвросий, и в самом деле была арианкой.

Провозглашенный императором 22 августа 392 г., Евгений направил к Феодосию посланников с щедрыми дарами. Вместе с Арбогастом, который был старым боевым товарищем Феодосия, оказавшим ему помощь в разгроме узурпатора Максима, они рассчитывали на то, что тому неизвестны обстоятельства гибели Валентиниана, но в этом они ошибались – Феодосий прекрасно был осведомлен о происшедшем святым Амвросием. Однако, чтобы выиграть время для подготовки военной кампа-

нии, он сделал вид, что поверил сообщению о самоубийстве своего соправителя.

Водворившись в Риме, Евгений приблизил к себе язычника из сенаторов Никомаха Флавиана. По словам немецкого историка Ф. Грегоровиуса, Флавиан, пользуясь своим влиянием, «немедленно же принялся восстанавливать древнюю религию... Низвергнутые статуи Зевса были снова воздвигнуты, и алтарь Победы по-прежнему поставлен в курии. Рим снова увидел древнее торжественное чествование богов, так как Флавиан, бывший консулом в 394 г., совершал празднества в честь Изиды, Magnae Matris... а Евгений нисколько этому не препятствовал. Правда, он не решился вернуть отобранное Грацианом в 383 г. имущество храмов., но все-таки подарил это имущество Флавиану и другим сенаторам, исповедовавшим старую веру. То был, – замечает историк, – последний взрыв языческой религии»³⁶³. Угроза языческой реставрации в Риме приобретала реальные очертания.

В начале лета 394 г. святой Феодосий, набрав армию, в основном из готов, которыми предводительствовал юный полководец Аларих, и других федератов, отправился в поход против Арбогаста, Евгения и Флавиана, предварительно провозгласив августом своего младшего сына Гонория – старший, Аркадий, к тому времени уже имел этот титул. Навстречу Феодосию двинулись войска под командованием Арбогаста, столь же варварские по своему этническому составу, как и армия Феодосия, так что участь Римской империи предстояло решить в войне одних германцев с другими, условно говоря, готов и франков.

Решающее сражение произошло у города Аквилеи в сентябре. Пройдя с армией альпийские перевалы, Феодосий приблизился к лагерю противника. Император попытался с ходу разгромить врага и дал приказ Бакурию, командовавшему набранным в Испании элитным отрядом, атаковать его, но враг оказался сильнее – 10 тысяч лучших солдат Феодосия пали на поле битвы. Феодосий приказал отступить, тем временем Арбогаст велел отряду под командованием комита Арбициона занять горные проходы в тылу противника. Феодосию грозило,

казалось, неизбежное поражение, и он «отказавшись и от пищи и от сна... один, распростершись телом на земле, сердце же вознеся к небу, молил Господа Христа»³⁶⁴.

И вот в ночное время Арбицион вместе с отрядом, который должен был, по приказу Арбогаста, напасть на войска императора с тыла, пришел в лагерь Феодосия и заявил, что не желает служить узурпатору. Ободренный переходом на свою сторону перебежчиков, Феодосий на рассвете отдал приказ возобновить сражение. Перед началом битвы случилось явление, которое воспринято было его свидетелями как чудо: «В лица врагов подул страшный и невыразимый ветер. Стрелы, пущенные нашими воинами, неслись по воздуху и, преодолевая огромное расстояние, пустить на которое их не хватило бы человеческой силы, не могли прекратить полета, не достигнув цели. А вихрь беспрестанно то бил в лица и грудь врагов, с силой ударяя в щиты, то, жестоко напирая на них, не позволял врагам двигаться, то, грубо вырывая их из рук, оставлял людей без защиты, то, насильно переворачивая, начинал напирать со спины. Стрелы же, которые они упрямо пускали сами, встреченные ветром, остановленные его порывом и принужденные лететь вспять, несчастным образом поражали самих (стрелков)»³⁶⁵. Для узурпатора битва закончилась полной катастрофой – его войска, понеся колоссальный урон, прекратили сопротивление и сдались на милость победителя. Сенатор Флавиан погиб в сражении. Евгений был схвачен, и ему отрубили голову. Арбогаст бежал и несколько дней скрывался в горах, а затем покончил с собой, пронзив грудь мечом. Офицеры и солдаты узурпаторов были пощажены. Одержав победу, Феодосий Великий прибыл в Медиолан, где его торжественно встретил епископ города святой Амвросий.

Полнота власти в Римской империи оказалась в руках Феодосия, соправителями которого с титулами цезарей и августов считались его сыновья 17-летний Аркадий и 10-летний Гонорий.

Феодосий Великий, оказывая откровенное покровительство Православной Церкви, сделал следующий после святого Константина, даровавшего христианам свободу, шаг в направлении симфонии священства и царства. В 380 г. им был издан

эдикт, по которому только те, кто верят в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа, могли называться кафолическими христианами, а все остальные объявлялись сумасбродными безумцами и еретиками. Острие эдикта направлено против арианства: «Об ядовитом арианском кощунстве да не будет и слуха»³⁶⁶. В последующие времена император издавал эдикты, которыми охранялись либо восстанавливались и даже расширялись исключительные права и льготы православных епископов и клириков, касавшиеся их гражданских повинностей. В то же время, защищая государственные интересы, он принимал меры, направленные на ограничение злоупотреблений, связанных с привилегиями церковей. Так, им был издан эдикт, которым государственным должникам воспрещалось искать убежище в храмах, а духовенству их укрывать.

В эдикте 381 г. христианам, занимавшим официальные должности, было запрещено каким бы то ни было образом соприкасаться с языческим культом: «Неприлично, чтобы забота о храмах и религиозных торжествах (языческих) (которую по традиции несли муниципальные чиновники. – В.Ц.) была предоставлена тем людям, которые исповедуют истинную и божественную религию; не должно возлагать на себя таких дел. Хотя бы они не были запрещены законом»³⁶⁷. Тогда же, в 381 г., ренегаты, отрекшиеся от Христа, лишены были права распоряжаться своим имуществом по завещанию. В соответствии с эдиктом 383 г., в праве распорядиться своим имуществом по завещанию были ограничены и отрекшиеся от Христа ренегаты из числа оглашенных. Этим же указом ренегаты лишались права получать имущество по завещанию.

В 90-е годы император издал ряд указов, сужавших свободу вероисповедания язычников. Феодосий окончательно запретил выдавать средства из казны на содержание языческих храмов и языческие празднества. В 391 г. в Милане им издан был эдикт, которым воспрещалось приносить жертвы идолам под угрозой денежных штрафов и конфискации имущества. Указом от 8 ноября 392 г., адресованным префекту претория Руфину, было запрещено впредь совершать языческие ритуалы как публично,

так и в частном порядке. В том же году вышел эдикт, по которому совершение жертвоприношений или гаданий по внутренностям животных рассматривалось как оскорбление величества и влекло за собой смертную казнь с конфискацией имущества. В 393 г. состоялись последние Олимпийские игры, связанные самим происхождением своим с языческим культом.

Символическим актом поражения язычества в его противостоянии христианству стало окончательное удаление алтаря Виктории из римской курии, предпринятое после устранения узурпатора Евгения, возвратившего его в здание сената. Святой Феодосий тогда в особом послании обратился к сенаторам с вопросом: «С кем вы? Почтение Юпитеру или почтение Христу должно быть государственной религией?»³⁶⁸. Хотя среди сенаторов было много язычников, выступить открыто в защиту алтаря они не решились.

Не везде и не всегда язычники безропотно принимали указы, направленные на ограничение их религиозных прав. Александрийские христиане в 391 г. получили от Феодосия разрешение на месте обветшавшего храма в честь бога Вакха построить церковь. Архиепископ города Феофил устроил в связи с этим крестный ход, а возмущенные язычники стали нападать на шествовавших по улицам города христиан, избивать их; пролилась кровь, и город на время оказался во власти мятежников. После подавления мятежа Феодосий приказал разрушить знаменитый храм Сераписа, который для язычников служил местом паломничества. Статуи богов были вынесены из разобранного храма, при этом «из разбитой головы Сераписа, к ужасу язычников, выбежала стайка крыс. После этого язычники массами стали переходить в христианство, включая самих жрецов, среди которых держалось древнее предание, будто их вера закончится, как только восторжествует религия Креста»³⁶⁹. Затем уже сами христиане, не дожидаясь императорских распоряжений, разрушили языческие храмы в Финикии, а также «знаменитый храм в Осроене, который Феодосий хотел было пощадить как произведение искусства»³⁷⁰. В последний год своего правления Феодосий внес изменения в официальный календарь, удалив из него языческие праздники. В нем однако

оставлены были дни, связанные с особенно важными событиями из истории Римского государства, с основанием Рима и Нового Рима, дни рождения августов.

Но разрушение храмов представляло собой при Феодосии не рутинную практику, а скорее эксцессы. Во всяком случае в древней столице империи Риме до конца IV столетия сохранилось около 150 языческих храмов и еще больше алтарей. Запрет жертвоприношений и гаданий не обозначал еще запрета всяких форм языческого культа. По-другому и быть не могло, среди жителей столицы и других городов Запада, не говоря уже о сельской глубинке, язычников все еще было больше, чем христиан, в то время как на востоке империи в эпоху святого Феодосия численное превосходство было уже на стороне христиан. В войсках, расквартированных в западных диоцезах, особенно в Галлии и Британии, преобладали западные германцы, франки и выходцы из других родственных им народов, сохранявшие религию своих предков, в отличие от армии, комплектовавшейся на востоке, в значительной части в среде готов-ариан. По контрасту с римскими гражданами, для которых арианство оказалось фактически запретным исповеданием, готы пользовались полной религиозной свободой.

Время единовластия Феодосия Великого продолжалось совсем недолго – всего 4 месяца. Его здоровье было вконец подорвано суровым воинским бытом, тяготы которого он разделял со своими солдатами. Местом его пребывания чаще бывали не императорские дворцы, но военные лагеря. Тяжело заболев, он стал готовиться к смерти и перед кончиной причастился Святых Таин от руки святителя Амвросия. Призванный к высшей власти в критический момент существования Римского государства после поражения и гибели Валента и спасший его от грозившего ему распада и уничтожения, он и на смертном одре позаботился о его будущем. Призвав к себе сыновей Аркадия и Гонория, которые к тому времени уже обладали титулами августов и императоров, Феодосий разделил между ними в порядке управления империю, предоставив Восток старшему сыну Аркадию, а Запад

– младшему Гонорию. Перед кончиной он дал им последнее наставление: «Вы должны от своих подданных отличаться более мудростью и добродетелью, нежели величием и властью. Тот находится в великом ослеплении, кто, давая законы всему миру, не умеет давать их самому себе. Тот не достоин повелевать народом, кто не умеет повиноваться Богу. Вы должны упрочить свое царство не собственным благоразумием, не силой оружия, но своей верностью Богу; в этом собственно заключается источник побед, покоя и всякого счастья для правителей»³⁷¹. 17 января 395 г. святой император Феодосий Великий отошел ко Господу на 50-м году своей земной жизни.

Феодосий – один из трех императоров Рима, которые были прославлены Церковью и в памяти потомков удостоены именованья Великими (Magnus). В этом ряду стоят еще имена святых и Великих Константина и Юстиниана. Среди его подвигов – спасение империи от готского нашествия, которому она подверглась после гибели Валента, сохранение единства и целостности Римского государства, победы над узурпаторами и устранение опасности реставрации язычества, организация II Вселенского Собора, окончательно отвергшего потрясшую Церковь арианскую ересь и составившего Символ веры, который хранится в Православной Церкви поныне без каких бы то ни было изменений, дарование Кафолической Церкви таких привилегий, которые в сумме своей могут быть обозначены как торжество христианства над язычеством и которые проложили путь к утверждению симфонии священства и царства.

Феодосий Великий был настоящим христианином, не свободным от порывов гнева, но способным к истинному покаянию в грехах, глубоко сознававшим человеческую немощь, которой не чужды и властители, подобно ему облаченные высшей властью; и потому в критические моменты государственной жизни он прибегал к молитве как самому надежному способу обрести выход из безвыходной ситуации, при том что он был выдающимся полководцем и мудрым государственным деятелем, умевшим находить единственно верное решение в трудных обстоятельствах политической борьбы. Искренняя сердечная вера во Христа, человеколюбие, доброжелательность

и милосердие, которое он нередко проявлял к побежденным врагам, готовность простить людей за их провинности, когда они не хватали через край и когда снисходительность не могла обернуться подрывом общественного порядка, – это те черты его духовного облика, которые привлекали к нему сердца лучших людей эпохи. Самая высокая оценка личности Феодосия содержится в словах его современника, святителя Амвросия Медиоланского: «Любил я этого мужа»³⁷².

12. Церковь на пути ко II Вселенскому Собору

Когда после гибели Юлиана Отступника верховная власть перешла к христианину и приверженцу Никейского символа Иовиану, епископы, отправленные в ссылку в правление ренегата, получили возможность вернуться на свои кафедры. Среди них были Афанасий Великий и Мелетий Антиохийский. Святитель Афанасий просил императора о поддержке «кафолической веры», Иовиан однако воздержался от вмешательства в богословскую полемику и за свое короткое, продолжавшееся всего 8 месяцев правление придерживался нейтралитета по отношению к борьбе разных группировок в Церкви.

Осенью 363 г. святой Мелетий созвал в Антиохии собор с участием 27 епископов. Среди его участников преобладали омиусиане, сторонники учения о подобосущии Сына Отцу, в том числе такие влиятельные иерархи, как Евстафий Самосатский и Пелагий Лаодикийский. Присутствовали на нем и арианствующие «омии», и среди них самый видный деятель этого направления епископ Кесарии Палестинской Акакий. Тем не менее собор заявил, что он принимает Никейский символ, который даже был включен в соборное послание императору Иовиану, правда, с интерпретацией, представляющей собой своего рода компромисс между никейским омиусианством и омиусианством, или, лучше сказать, соединение двух отличающихся богословским содержанием формул воедино: «Сын родился из существа Отчего» (никейская формула. – В.Ц.) и «по существу Он подобен Отцу»³⁷³ – ключевая формула омиусиан. Под актом собора подписался и Акакий Кесарийский, как это видно из его последующих дел, не потому, что изменились его убеждения, а по конъюнктурным соображениям, с оглядкой на вероисповедание императора.

Несмотря на то, что Антиохийский собор сделал решительный шаг в сторону полного признания Никейского символа, святой Афанасий отнесся к нему со скепсисом, возможно из-за участия в нем арианина Акакия, но главным образом потому, что у него оставалось тогда былое недоверие к

Мелетию и мелетианам, тем более что в Александрии и Риме законным православным епископом Антиохии признавали не его, но ставленника Люцифера Каларийского Павлина. Афанасий обратился с посланием к Иовиану, в котором предостерег его от доверия мелетианам, которых он обвинил в прикровенном арианстве: они «принимают вид, будто бы исповедуют» Никейскую веру, «в самой же истине отрицают, перетолковывая речение единосущный и хулят Духа Святого, говоря, что Он тварь и произведение Сына»³⁷⁴.

В действительности одни участники Антиохийского собора искренне становились на платформу никейского богословия, а другие, как верно заметил святой Афанасий, лишь делали вид, что пересмотрели свои прежние арианские взгляды, и все это обнаружилось вскоре, когда умер Иовиан, а новый избранник армии Валентиниан назначил своим соправителем, предоставив в его власть восточную часть империи, Валента, который, в отличие от него самого, склонялся к поддержке ариан. В 367 г., перед походом против готов, он принял крещение от одного из самых влиятельных в кругу омиев, епископа Евдоксия Константинопольского. Не раз Валент оказывал откровенную поддержку арианам. Вот один из примеров его небеспристрастия по отношению к разным церковным группировкам: «Находясь в прифронтовой полосе во время борьбы с готами, в городе Томи... Валент пришел в церковь. Епископ оказался энтузиастом никейства и в своей проповеди обличал ошибочное покровительство императора омийству. Валент просто повернулся и ушел в другую церковь. Но все-таки «дерзкий» епископ затем был наказан ссылкой»³⁷⁵.

5 мая 365 г. Валент повелел епископов, отправленных в ссылку Констанцием и затем возвращенных из нее Юлианом, выслать из их городов. В противном случае местные курии должны были платить штраф в казну. Следуя воле императора, префект Александрии Флавиан потребовал от святителя Афанасия оставить город. В народе начались волнения, продолжавшиеся в течение нескольких месяцев, затем Флавиан приказал воинскому отряду войти в церковь святого Дионисия, при которой имел жилище Афанасий. Тщательный осмотр

помещений не дал результата – найти опального епископа не удалось. За несколько часов до предпринятых мер он тайно скрылся из Александрии и нашел пристанище в пригородном селе, где были погребены его родители.

В столице Египта и других городах страны христиане обнаруживали острое недовольство гонениями на своего архипастыря. Во избежание волнений император Валент распорядился вернуть изгнанника на кафедру. Народ и местная администрация с почестями встретили исповедника, возвратившегося в свой кафедральный город 1 февраля 366 г., и с этих пор он уже не оставлял его до самой кончины. Попытка поставить в Александрию арианского епископа Луция вызвала столь сильное негодование православной общины, что префект вынужден был ради предотвращения беспорядков выдворить его из города уже через два дня после его прибытия.

По контрасту со своим младшим братом Валентиниан, будучи никейцем, последовательно воздерживался от поддержки той или иной стороны в богословских спорах. В самом начале его правления, в 364 г., группа епископов-омиусиан – Сократ ошибочно называет их омоусианами, иными словами, последовательными никейцами – обратилась к нему с просьбой позволить им созвать собор, а он ответил им: «Я принадлежу к мирянам и считаю неприличным вмешиваться в это дело. Пусть иереи, которым следует пещись об этом, съедутся, куда хотят, сами по себе»³⁷⁶.

Воспользовавшись этим, епископы-омиусиане собрались в 365 г. на собор в городе Лампсаке, расположенном на азиатском берегу Гелеспонта. Собор продолжался в течение двух месяцев. Созомен называет участников собора македонианами³⁷⁷, вероятно потому, что в ту пору самым авторитетным среди них был низложенный с Константинопольской кафедры при Констанции Македоний. В Лампсаке отвергнуты были постановления арианского Константинопольского собора 360 г. и Ариминского собора, собор осудил омиев Акакия и Евдоксия, призвав их к покаянию; участники собора решили вернуться к символу Антиохийского собора 341 г., подтвердили свою приверженность учению о том, что «Сын подобен Отцу по

существо, ибо, – как писал, комментируя эту формулу, апологет собора Сократ, – прибавка слова “подобный” необходима для отличия ипостасей»³⁷⁸.

Между тем Валентиниан удалился на Запад и участникам собора приходилось иметь дело с правившим на Востоке покровителем ариан Валентом. Когда посланцы собора доложили Валенту о решениях, принятых в Лампсаке, тот, не вдаваясь в обсуждение догматической темы, потребовал от них вступить в общение с Евдоксием. За отказ повиноваться омиусане, участвовавшие в соборе, были отправлены в ссылку. Чтобы получить поддержку со стороны Валентиниана, они решили обратиться к папе Либерию, и так как, по словам В. В. Болотова, «они понимали, что “никейская вера” – *conditio sine qua* поп всяких переговоров с Римом, то решились подписать Никейский символ и с этим документом отправили делегатов к Либерию, которые и возвратились с общительною грамотою от него»³⁷⁹.

Достигнутое вероисповедное единство западных никейцев и омиусиан, которых после подписания Никейского символа можно было уже, казалось, считать вполне православными омиусианами, таило однако две скрытые опасности: одну канонического характера, связанную с замещением Антиохийского престола и соперничеством между не признанным в Риме и Александрии Мелетием и признанным обоими папами Павлином, а другую – уже догматическую: Македоний и его сторонники, как выяснилось, правда уже после смерти самого Македония, последовавшей вскоре после Лампсакийского собора, и о чем в свое время предостерегал императора Иовиана святой Афанасий, отвергали Божество Святого Духа, так что впоследствии именно это заблуждение было анафематствовано II Вселенским Собором как македонианская ересь.

Богословские споры, в которые был вовлечен христианский Восток, велись не только между епископами и клириками: они выплеснулись далеко за границы корпоративной ангажированности богословов. В них включились миряне, знатные и простолюдины, богатые и нищие, *honestiores* и *humiliores*. Святитель

Григорий Нисский, бывший свидетелем этой всеобщей одержимости богословием, представил ее в ироническом тоне, которого она и заслуживала отчасти, но лишь отчасти, потому что, хотя и в не самом благообразном виде, так проявлялась не только многовековая эллинская страсть к спорам на умозрительные темы, но и сближающая их с евангельской Марией забота о едином на потребу. Правда, в отличие от сестры Марфы современники святого Григория предпочитали не столько слушать, сколько говорить, и при этом нечто еретическое: «Иные... оторвавшись от трудных занятий, стали какими-то внезапными преподавателями богословия; иные, может быть, слуги, не раз бичеванные, бежавшие от рабского служения, с важностью любомудрствуют у нас о непостижимом... Все в городе наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это торгующие платьем, денежные менялы, продавцы съестного. Ты спросишь об оволах, а он любомудрствует о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать о цене хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше, а Сын у него под рукою; если скажешь, что пригодна баня, решительно говорит, что Сын из ничего. Не знаю, как надлежит назвать это зло – бредом или сумасшествием»³⁸⁰.

Торговцы, менялы и слуги на латинском Западе не увлекались ни философскими, ни богословскими спорами. Там со времен Никейского Собора исповедовали никейское учение о единосущии Отца, Сына и Святого Духа, и когда западные епископы уклонялись от безукоризненной верности Никее, то они делали это не по принципиальным соображениям, а из конформизма, под давлением Констанция. Но отдельные случаи приверженности арианству случались, естественно, и на Западе. Одним из самых болезненных среди них было арианство епископа крупнейшего после Рима города Италии Медиолана Авксентия, единомышленниками которого были епископы Арелата Сатурнин и Периге Паттерн. Правда, Авксентий, имея кафедру в городе, являвшемся резиденцией императора-никейца, из конъюнктурных соображений подписал Никейский символ, но православные на Западе не склонны были доверять искренности его обращения.

В 374 г. Авксентий умер, и назначены были выборы нового предстоятеля Миланской церкви. Выдвинуты были два кандидата: один почитателями умершего епископа, другой – последовательными никейцами. Договориться сторонникам разных кандидатов не удавалось, споры затянулись и приобрели чрезмерно бурный характер. Между тем должность префекта Италии с резиденцией в Медиолане занимал Амвросий. В ту пору ему было 34 года, но, родившись в семье высокопоставленного сановника – префекта Галлии, обладая недюжинными способностями и получив основательное образование, он сделал незаурядную карьеру при Валентиниане I. Амвросий обязан был навести порядок, поскольку возникла прямая угроза опасного возмущения, и вот, в сопровождении воинского отряда, он вошел в собор, где возбуждение сторон достигло крайней остроты, и «напоминая о законах, единомыслии и благах мира, советовал прекратить вражду. Еще не перестал он беседовать об этом, как вдруг все, оставив гнев один на другого, жребий епископства, по общему мнению, предоставили советнику единомыслия»³⁸¹. Народное предание, сохранившееся в агиографии, главным виновником его избрания называет присутствовавшего в соборе ребенка, который, увидев вошедшего в храм сановника, закричал: «Амвросий епископ», и народ единодушно решил, что устами младенца глаголет Сам Бог.

Амвросий, как и большинство западных христиан, был приверженцем Никейского символа, но его религиозные взгляды были неизвестны последователям Авксентия, так что и они не возражали против его избрания. Определенное значение в этом их согласии могло иметь его высокое положение, его близость к императору. Но встретилось затруднение для поставления его в епископы, которое заключалось в том обстоятельстве, что он еще не был крещен. Оно однако было легко снято совершением над ним Таинства крещения, за которым последовало его рукоположение в диакона, затем в пресвитера и, наконец, епископская хиротония, дата которой известна точно – 7 декабря 374 г. Валентиниан, узнав об избрании святого Амвросия в епископа, «стал молиться и приносить

благодарение Богу, что к священнодействию присуждаются мужи, поставленные от него правителями»³⁸². Воля императора способствовала тому, что сам Амвросий, вначале решительно не хотевший принять свое избрание, затем уступил настояниям народа и согласился стать епископом. В связи с этим он незамедлительно получил отставку с государственного поста.

Святитель заботился о правильной организации приходской жизни в епархии, о неукоснительном исполнении священниками своего пастырского долга, о благотворительном служении бедным, сиротам и вдовам. Известен он и как духовный писатель. Его главные книги – «De officiis clericorum» (Об обязанностях клириков), «Hexameron» (Шестоднев), «De fide» (О вере). Сохранились письма святителя, адресованные разным лицам и представляющие значительную ценность не только своим богословским содержанием, но и как документы, отражающие эпоху. Святому Амвросию принадлежат тексты и мелодии богослужебных песнопений, вошедших в церковный обиход, особенно на Западе.

Его авторитет в церквях Италии и других стран Запада в последние десятилетия IV столетия был самым высоким и бесспорным, превосходя авторитет епископа Рима Дамаса, занимавшего первенствующую кафедру с 366 по 384 г., хотя это был иерарх с несравненно более сильным характером, чем его предшественник Либерий, который не всегда способен был к противостоянию давлению императорской власти и легко склонялся к компромиссам, усложнявшим положение никейцев в их стоянии за Православие.

Между тем на Востоке в правление Валента его безраздельным покровительством, как и при Констанции, продолжали пользоваться так называемые «омии», иными словами, последователи Ария. Им противостояли твердые никейцы, которые однако не были сплочены, поскольку существовала разделявшая их проблема с замещением Антиохийской кафедры, а также пневматомахи, или духоборцы, которых называли также и македонианами. А. В. Карташев, правда, замечает, что хотя «в церковное чинопоследование Недели Православия внесено имя Македония» как «главаря»

пневматомахов, нет твердых оснований считать таковым именно его: «от начала омиусианского движения с Анкирского собора 358 г. он примкнул к Василию Анкирскому и Георгию Лаодикийскому и шел с ними как столп омиусианства... При наступлении в 360 г. омиийской диктатуры он пострадал и омиийским Константинопольским собором 361 г. был послан в недалекую ссылку. Здесь в окружении преданных ему епископов-омиусиан он вскоре скончался... Споры о Святом Духе поднялись позднее его смерти... Несколько позднее... св. Василий Великий называет “главным представителем” ереси духоборцев... Евстафия Севастийского»³⁸³, в прошлом осужденного Гангрским собором как проповедника крайнего аскетизма с манихейской закваской, затем принесшего покаяние, бывшего одним из самых влиятельных омиусиан. Одно время Василий Великий считал его своим старшим другом. Пневматомахи, почитая Сына Божия подобосущным Отцу, отрицали и Божество и личное бытие Святого Духа, рассматривая Его как своего рода эманацию, или энергию, исходящую от Бога Отца.

Духоборческая ересь, увлекшая большую часть «подобосущников», способствовала окончательному преодолению омиусианства, поскольку отвергшие духоборчество омиусиане переходили на позиции омоусианства и безоговорочной верности никейскому богословию. К этому направлению присоединился и бывший в прошлом одним из самых авторитетных омиусион святитель Антиохийский Мелетий. Его поддерживал и новое богословское светило Василий Великий, сам скромно причислявший себя к числу мелетиан. Последователи Василия Великого получили в церковной истории именование «новоникейцев», которым их отличали от «староникейцев», чьим духовным вождем в течение почти полувека оставался предстоятель Александрийской церкви святой Афанасий, который в своем противостоянии разным вариантам арианской ереси опирался на поддержку христианского Запада.

Афанасий Великий не сразу признал правоту и православие новоникейского богословия. Но святой Василий упорно

добивался от него такого признания и преуспел в этом, о чем свидетельствует послание Афанасия пресвитеру Палладию, в котором он, отзываясь на дошедшие до него слухи о том, что некоторые из каппадокийских монахов осуждают предстоятеля своей церкви Василия за его, как им представлялось, излишнюю склонность к компромиссам – она выражалась в том, что он не спешил анафематствовать отрицавших Божественную природу Святого Духа, ограничиваясь осуждением тех только, кто положительно именовал Духа тварью, – писал: «Из рассказанного мне возлюбленным Дианием открывается, что негодуют они напрасно. Василий, как твердо уверен я, немощным бывает немощен, да немощная приобретает... И возлюбленные нами, взирая на цель и смотрение его – соблюсти истину, да прославят Господа, давшего Каппадокии такого епископа, какого желает иметь и всякая страна»³⁸⁴.

Василий Великий, правда, не успел довести дело до полного примирения и восстановления канонического общения между святыми Мелетием Антиохийским и Афанасием Великим, на что со стороны Афанасия последовало принципиальное согласие. Он дожидался только первого шага в этом направлении со стороны Мелетия, но пока тот медлил с этим шагом, Афанасий Великий преставился. Его исповедническое житие пресеклось 3 мая 373 г. Ко Господу отошел бесстрашный защитник истины, претерпевший ради нее несправедливые осуждения и изгнания с кафедры, которую он занимал в течение 47 лет. За пять дней до своего преставления он хиротонисал на Александрийский престол своего брата, пресвитера Петра, чтобы предотвратить занятие ее одним из ариан.

Главной темой богословия святителя Афанасия был тринитарный догмат и в связи с ним учение о единосущии Божественного Логоса Отцу, но в своих догматических трудах он не раз и с разных сторон обсуждал и христологическую тему, предвосхищая догматические оросы Эфесского и Халкидонского Соборов; при этом его догматические построения носили не умозрительный теоретический характер, а органично вырастали из сотериологии – из размышлений о спасении человеческого рода чрез воплощение, крестную смерть и воскресение Христа.

Святому Афанасию принадлежит поразительно сильная парадоксальная формула: Бог стал Человеком для того, чтобы человек стал богом, не по природе, но по благодати, иными словами, чтобы человек стал причастником вечной жизни с Богом.

После преставления Александрийского святителя самым авторитетным иерархом в стане никейцев стал архиепископ Кесарии Каппадокийской Василий Великий. Он родился в 329 г. в Неокесарии в знатной христианской семье землевладельца, занимавшегося адвокатской практикой и не имевшего недостатка в средствах. На формирование характера святителя особенно большое влияние оказала его бабка Макрина, почитательница святого Григория Чудотворца, во время Диоклетиановых гонений прятавшаяся в лесах. Дед святого по матери Емилии, родом из Каппадокии, окончил свою жизнь как мученик, а дядя был епископом.

Его братья Григорий и Петр и названная в честь бабки сестра Макрина получили доброе христианское воспитание. С ранних лет в душе Василия сформировалось аскетическое настроение. Уже в ранней юности он уединялся для сосредоточенной молитвы в келлии, устроенной им в окрестностях Неокесарии. Иногда он разделял ее с сыном епископа каппадокийского города Назианза Григория, одноименным со своим отцом. Их дружба выдержала испытания временем и сохранилась до конца земной жизни Василия Великого.

Отец святого, которого также звали Василием, позаботился о том, чтобы дать сыну основательное классическое образование: первоначально домашнее, а затем в Кесарии Каппадокийской, в Константинополе, у знаменитого ритора Ливания и, наконец, в Афинах, в лучшей на то время высшей школе, куда Василий отправился вместе со своим другом Григорием. В Афинах они познакомились с обучавшимся там в течение нескольких месяцев будущим императором Юлианом Отступником. Глубокая погруженность в богомыслие не заглушила в душе Василия стремления к приобретению внешних знаний, которые преподавались в Афинах языческими

профессорами, стоявшими на самом высоком уровне классической учености.

Характеризуя студенческие годы свои и своего друга Василия, Григорий Богослов писал в посвященном ему надгробном слове: «Нам известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая – это вторая и неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги – на праздники, в зрелища, в народные стечения, на пиршества, предоставляли мы желающим»³⁸⁵. Об учебных успехах своего друга, которыми тот обязан своим незаурядным талантам и несравненному прилежанию, святой Григорий пишет с восторгом и изумлением: «В каком роде наук не преуспел с избытком? как бы занимавшийся этой одной наукой? Так изучил он все, как другой не изучает одного предмета... У него не отставали друг от друга и прилежание и даровитость, в которых знания и искусства почерпают силу... Кто сравнится с ним в риторстве, дышащем силою огня, хотя нравами не походил он на раторов? Кто, подобно ему, приводит в надлежащие правила грамматику или язык, сводит историю, владеет мерами стиха, дает законы стихотворству? Кто был так силен в философии – в философии действительно возвышенной и простирающейся в горнее, то есть в деятельной и умозрительной, а равно и в той ее части, которая занимается логическими доводами и противоположениями, а также состязаниями, и называется диалектикою? ... Из астрономии же, геометрии и науки в отношении чисел изучив столько, чтобы искусные в этом не могли приводить его в замешательство, отринув он все излишнее, как бесполезное для желающих жить благочестиво... Врачебную науку – этот род любоумудрия и трудолюбия – соделали для него необходимою и собственные телесные недуги и хождение за больными»³⁸⁶.

В 354 г. Василий раньше своего друга прекратил занятия в Афинах и вернулся на родину, где, следуя примеру отца, занялся адвокатской практикой, но вскоре оставил ее, уединился для углубленной молитвы, затем принял крещение и был посвящен в чтецы, после чего отправился в путешествие по Сирии и Егип-

ту для бесед с тамошними подвижниками монашеского делания. Вернувшись в Каппадокию, он основал несколько монашеских общежитий на родине, подобных монастырям Египта, и составил для них устав, который лег затем в основание устройства христианских монастырей Востока, – 55 пространных и 313 кратких правил для монастырей и монахов. Эти правила и поныне являются законом для монашества. Они сводятся к неукоснительному соблюдению монахами трех обетов: послушания старшим, начальствующим с отречением от собственной воли; целомудрия; нестяжательности, с отказом от всякой собственности.

В 364 г. Василий был рукоположен в пресвитера и стал ближайшим помощником Кесарийского епископа Евсевия. Одной из главных его забот с этих пор стала благотворительность, устройство птохотрофий – приютов для бедных. Для этого он продал доставшееся ему от отца имение. Василий вступил тогда в полемику с крайним арианом Евномием, а также и с более умеренными арианствующими богословами, пользовавшимися покровительством императора Валента, отстаивая никейскую формулу о единосущии Божественного Сына Отцу, не разрывая при этом общения с приверженцами учения о подобосущии. Валент считал его своим противником в богословии, но, отдавая должное размаху его благотворительной деятельности, не подвергал прямому преследованию. В 370 г., после смерти Евсевия, Василий Великий был поставлен на Кесарийскую кафедру, первенствовавшую не только в Каппадокии, но и во всем Понтийском диоцезе, именно поэтому он носил титул не митрополита, будучи митрополитом для каппадокийских церквей, но архиепископа.

По характеристике протоиерея Георгия Флоровского, «св. Василий был пастырь по призванию... У него не было того боевого героизма, которым так выделялся св. Афанасий, точно молодевший в борьбе. Св. Василий от борьбы уставал. Но он был человек долга. И он старался преодолеть самого себя в послушании, в смиренном несении упавшего на него долга. В характере св. Василия было что-то крутое и властное, и его

властность многим казалась тяжелою... Но Василий не был человеком холодным. Он был очень впечатлителен, болезненно переживал житейские разочарования, предательство и измену друзей, – прежде всего Евстафия Севастийского. И иногда у него срывались слова горечи и отчаяния»³⁸⁷. Василий Великий с молодости имел слабое здоровье, часто болел, но, преодолевая телесные немощи, не позволял себе расслабиться, до конца своих дней оставаясь на страже духовного благополучия своей паствы, ее верности Православию, объединив вокруг себя круг друзей и единомышленников, к которому принадлежали его брат Григорий Нисский, Григорий Богослов и Амфилохий Иконийский.

За относительно короткую жизнь он написал корпус творений, которые принадлежат к самой драгоценной сокровищнице в патристическом наследии. Широкий читательский интерес на протяжении веков вызывал его «Шестоднев» – компендиум естественн-научных знаний эпохи позднего эллинизма и одновременно книга, полная мудрых и остроумных христианских нравственных наставлений. Вершина его богословского творчества – «Опровержения на защитительную речь злочестивого Евномия». Самонадеянному гносеологическому оптимизму Евномия, утверждавшего, что человек способен постигнуть сущность Бога, если ему известно Его действительное имя – Нерожденный, святой Василий противопоставляет апофатическую идею о непознаваемости Божества силою тварного человеческого ума, так что единственным источником знания о Нем является Его собственное Откровение о Себе, содержащееся в Священном Писании и Предании Церкви. Предвосхищая мысли святителя Григория Паламы, Василий Великий писал: «Постижение сущности Божией выше не только человеков, но и всякой разумной природы; под разумною природой разумею природу тварную. Ибо токмо Сыну и Святому Духу ведом Отец... А мы... из творений уразумевая Творца, приобретаем познание о Его благости и премудрости»³⁸⁸.

Святому Василию принадлежит огромной важности шаг в развитии богословского осмысления Троического догмата. Именно он довел тринитарную терминологию до той чеканной

строгости, до технического совершенства, которым она не обладала ни в творениях ранних отцов, ни у оОригена, ни даже у Афанасия Великого, не различавшего строго понятия уся (сущность) и ипостась, по преимуществу прилагая эти определения к Отцу и именуя Божественного Сына Его ипостасной Премудростью, единосущной Отцу, чем дававшего повод восточным богословам, в том числе и чуждым арианской идеи, об отличии Сына от Отца по сущности, подозревать его в криптосавеллианстве, тем более что союзник святого Афанасия Маркелл был справедливо осужден на Антиохийском соборе 341 г. за савеллианскую тенденцию, которой святой Афанасий не замечал или, по меньшей мере, не придавал ей важного значения.

В изложении Василия Великого никейское учение о единосущии было самым радикальным образом избавлено от подозрения в скрытом савеллианстве тем, что он говорил и писал, что в Божественной Троице единая сущность и три ипостаси, употребляя параллельно и два других термина – физис (природа) и прошлой (лицо). Эту терминологию, которая, по замечанию В. В. Болотова, «составила краеугольный камень нашей научно-догматической техники»³⁸⁹, он подробно комментирует в письме своему брату Григорию Нисскому: «Одни именованья, употребляемые о предметах многих и численно различных, имеют некое общее значение. Таково, например, имя: человек. Ибо произнесший слово сие означил этим именованьем общую природу, но не определил сим речением какого-нибудь одного человека... Потому что Петр не больше есть человек, как и Андрей, и Иоанн, и Иаков... Другие же именованья имеют значение частное, под которым разумеется не общность природы в означаемом, но очертание какого-либо предмета по отличительному его свойству... Таково, например, имя Павел или Тимофей... Посему утверждаем так: именуемое собственно выражается речением ипостась»³⁹⁰. Эти логические термины святитель переносит в область Троического богословия: «Исповедуем в Божестве одну сущность... а ипостась исповедуем в особенностях, чтобы мысль об Отце, и Сыне, и Святом Духе была у нас неслитною и ясною»³⁹¹.

В развитии богословских идей Василий Великий использовал понятийный аппарат, выработанный внешней философией, в особенности Аристотелем и неоплатониками, не попадая при этом, подобно еретику Евномию, в плен эллинизма и пантеизма, сохраняя неукоснительную верность библейскому Откровению о сущностном отличии твари от Творца. Логическая параллель между человеческими и Божественными ипостасями, к которой прибегает святитель, давала повод его оппонентам обвинять Василия Великого в языческом тритеизме, или троебожии. Отвергая подобные обвинения, он писал: «Укоряющим нас за троебожие да будет сказано, что исповедуем мы Бога единого не числом, но естеством... Ибо все, именуемое по числу единым, в действительности не едино, и по естеству не просто; о Боге же всеми исповедуется, что Он прост и несложен.... Всякое число означает нечто такое, что получило в удел природу вещественную и ограниченную, а единичность и единство есть признак сущности простой и беспредельной»³⁹². Стремясь приблизить непостижимую тайну Триипостасного Божественного бытия к тварному человеческому восприятию, святитель прибегал к образам, почерпнутым из природного мира. Излюбленной метафорой Триипостасного Божества у него была радуга, сияние которой одновременно и непрерывно и многоцветно.

Появление духоборческой ереси побудило Василия составить адресованное его другу Иконийскому епископу Амфилохию творение «О Святом Духе», в котором он отстаивает догмат об ипостасности и Божественной природе Святого Духа. Бескомпромиссный в вере и учении, Василий Великий был однако способен к далеко идущей икономии в церковной политике, направленной на созидание единства. Для воссоединения сомневающихся в божественной природе и ипостасном бытии Святого Духа святитель не требовал в качестве предварительного условия, чтобы они исповедали Его Божество, но только чтобы они не именовали Его кощунственно тварью, за что на него обрушивались незаслуженные упреки со стороны некоторых горячих ревнителей.

Об одном из таких случаев рассказывает Григорий Богослов в письме своему другу: «Был пир, и на пиру было не мало людей знатных и к нам благорасположенных, а в числе их находился некто из носящих имя и образ благочестия... Слово зашло о нас... Все дивятся твоим совершенствам, присовокупляют к тебе и меня... говорят о нашей дружбе, об Афинах, о нашем единодушии и единомыслии во всем; но этот любомудренный муж... вскричав, говорит: “Что же это, государи мои, так много вы лжете и льстите? Пусть похвалены они будут за другое, если угодно; ...за православие напрасно хвалят Василия, напрасно и Григория; один изменяет вере тем, что говорит, а другой тем, что терпит это... Я теперь... с собора, который был у мученика Евсихия... Там слышал я, как великий Василий богословствовал: об Отце и Сыне превосходно и весьма совершенно, и как не легко было бы сказать всякому другому; а в учении о Духе уклонился от прямого пути”»³⁹³. Как это видно из следующего письма Григория Богослова Василию Великому, тот обиделся на друга, заподозрив его в том, что и он колеблется относительно безукоризненности его православия, так что святому Григорию пришлось потом оправдываться.

Одним из единомышленников святого Василия в защите тринитарного догмата был епископ Лаодикийский Аполлинарий, но в 373 г. святитель вступил с ним в полемику, обнаружив в его сочинениях еретическое заблуждение, которое относилось не к Троическому догмату, но к учению о воплощении Сына Божия, тем самым предвеляя христологические споры, разгоревшиеся в следующем столетии, уже после смерти самого Аполлинария. Сын Божий, по Аполлинарию, при воплощении принял человеческие плоть и душу, но не ум, заменой которого в Нем явился Божественный Логос. Вступив в спор с еретиком, Василий Великий вовремя усмотрел опасность, потрясшую Церковь десятилетия спустя после его кончины.

С именем Василия Великого связано чинопоследование литургии, поныне совершаемой в воскресения Великого поста и в некоторые другие дни церковного года, включая Великий Четверг и Великую Субботу и день его памяти – 1 января. «Благодаря исследованиям современных ученых Б. Капелля, Э.

Разса, прот. Б. Бобринского, можно считать доказанным, что полная версия анафоры написана самим Василием Великим. Как показали И. Энгбердинг и позднее Дж. Фенуик, краткая версия анафоры лежит в основе полной; возможно, краткая версия анафоры – это обработанная Василием Великим древняя традиционная анафора Каппадокии или Египта»³⁹⁴.

Исключительно велик вклад святого Василия в формирование канонической церковной дисциплины. В канонический свод вошло его 92 правила, из которых 86 почерпнуты из трех его посланий к св. Амфилохию Иконийскому; 87-й канон – это послание к епископу Тарсийскому Диодору, 88-й – послание к Григорию пресвитеру, 89-й – к хорепископам, 90-й – к подчиненным ему епископам Каппадокийской митрополии, наконец, 91 и 92-й каноны взяты из сочинения Василия Великого «О Святом Духе». Правила Василия Великого первыми из святоотеческих вошли в канонические сборники. Их содержание охватывает разные стороны церковной жизни, среди них особенно много епитимийных правил, в которых устанавливаются различные прещения за грехи: вероотступничество, убийство, блуд. Ряд канонов святителя посвящен брачному праву, препятствиям к заключению брака.

В конце жизни главной заботой святителя стало устранение разделения между последователями Никейского символа в Антиохии, где одну православную общину возглавлял Павлин, имевший общение с Римом и Александрией, а другую, и несравненно более многочисленную, – пребывавший в ссылке, куда его отправил Валент, святой Мелетий, подозревавшийся на Западе и в Египте в не изжитом им до конца арианстве. Святому Василию почти удалось добиться полного признания православия мелетиан, в недавнем прошлом омоусиан, в переписке с Афанасием Великим, но после его кончины брат святителя Петр, ставший его преемником по кафедре, оказался не склонным к примирению, так что достижение церковного единства, к скорби святого Василия, оказалось отсроченным. В 376 и 377 гг. он направлял послания епископу Римскому Дамасу с просьбой о восстановлении общения с общиной Мелетия. Во втором послании условием примирения мелетиан с Павлином

был назван разрыв общения павлиниан с последователями анафематствованного на Востоке Маркелла.

Для рассмотрения этого послания в конце 378 г. папой Дамасом в Риме был созван собор, участвовать в котором пригласили и епископа Александрийского Петра, изгнанного из Египта по приказу Валента, поставившего епископом Александрии арианина Луция. На этом соборе Петр Александрийский назвал Мелетия Антиохийского и Евсевия Самосатского арианами. Пресвитер Дорофей, представлявший на Соборе Василия Великого, настолько резко возражал Петру, что тот решил обратиться с письменной жалобой на него к его епископу Василию Кесарийскому. Сделав выговор Дорофею, Василий Великий письменно извинился за него в письме к Петру, но настаивал на православии Мелетия и Евсевия. И все же собор открыл дверь для примирения православных староникейцев Египта и Запада с новоникейцами Востока. От Мелетия Антиохийского затребована была подпись под изложением веры, составленным на этом соборе. Оно оказалось приемлемым для мелетиян.

Но пока Римский собор продолжал свои деяния, Василий Великий, хрупкое здоровье которого заставляло его испытывать тяжелые телесные страдания, приблизился к могильной черте.

1 января 379 г. он отошел ко Господу. Брат святителя Григорий Нисский на его погребении сравнил подвиг Василия Великого, приведшего христиан Востока, на время охваченного арианской смутой, к познанию истины Никейского символа, с подвигом пророка Моисея, который преставился после того, как израильтяне под его водительством подошли к границе Земли Обетованной.

Друг Василия святой Григорий Богослов произнес хрестоматийно известное надгробное слово: «Голос и ум Василиев... столько превзошли и оставили ниже себя всякий голос и ум, сколько превосходим мы естество бессловесных... Кто больше его просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, и с Богом исследовал все, что ведомо о Боге? Кто обладал словом, лучше выражающим мысль, так что... одинаково достоин похвалы за мысль и за слово, везде оказывается равен самому

себе и в подлинном смысле совершен?»³⁹⁵. В своем панегирике Григорий начертал внешний облик усопшего друга, представил его манеры, которым многие из его почитателей не без тщеславия и неумело подражали: «Такова доблесть сего мужа, таково обилие славы, что многое маловажное в Василии, даже телесные его недостатки, другие думали обратить в средство к славе. Таковы были бледность лица, отращение на нем волос, тихость походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя... Таковы же были: вид одежды, устройство кровати, приемы при вкушении пищи, что все делалось у него не по намерению, но просто, и как случилось»³⁹⁶. Общение между друзьями не пресеклось смертью одного из них: «И теперь он на небесах, там, как думаю, приносит за нас жертвы и молится за народ... а я – Григорий, полумертвый, полуусеченный, отторгнутый от великого союза... влекущий жизнь болезненную и неблагоуспешную, не знаю, чем кончу, оставшись без его руководства. Впрочем и донныне подает он мне советы, и если когда престаю пределы должного, уцеломудривает меня в ночных видениях»³⁹⁷.

Осенью 379 г. в Антиохии состоялся собор под председательством святого Мелетия, в котором участвовало 153 епископа Востока, принадлежавших по своим богословским убеждениям к новоникейцам – последователям Василия Великого. Антиохийский собор подписал изложение веры, составленное Римским собором, созванным епископом Дамасом. Труды Василия Великого, направленные на достижение церковного единства православных общин Египта и Запада, с одной стороны, и Востока, окончательно преодолевшего арианское искушение, – с другой, увенчались успехом, хотя на локальном уровне, в самой Антиохии, требовалось еще принятие дополнительных мер, потому что между Мелетием и Павлином евхаристического общения так и не было установлено.

Катастрофическим для Православия оставалось положение дел в восточной столице империи – Константинополе, где все церкви находились в руках ариан-омиев, во главе которых

стоял епископ Демофил. В 379 г. «влиятельные мелетианские епископы (или согласно прямой воле Василия, или, по крайней мере, в духе его церковного плана) упросили Григория отправиться в Константинополь»³⁹⁸.

Родившийся в христианской семье близ каппадокийского города Назианза в 328 г., он рано познакомился со своим младшим сверстником святым Василием, но их сближение произошло уже в Афинах, где они вместе изучали классические науки. Вернувшись на родину, он крестился и уединился потом для молитвы. Против собственной воли Григорий был поставлен отцом, в ту пору уже епископом Назианза, в пресвитера, а затем, своим другом Василием, в епископа крохотного, но шумного городка Сасима, стоявшего у большой дороги. Недолго он находился на своей кафедре; перебравшись из Сасима в родной Назианз, он помогал престарелому отцу в управлении местной общиной, затем переехал в Севастию, откуда и был призван в столицу. Святой Григорий поселился там в доме своего родственника, который он обратил в храм, освятив его в честь Воскресения – Анастасии. Проповедником он был незаурядным. Сила и красота его слова привлекали к нему многих константинопольских христиан, отходивших от своих арианствующих пастырей и принимавших православные догматы. Глубина его богомыслия снискала ему имя Богослова. Встревоженные его успехом ариане устраивали шумные скандалы за богослужением в его храме и даже пытались устранить соперника, подсылали к нему убийц, но Господь хранил Своего верного служителя.

В Константинополе святителю пришлось столкнуться с интригой, обрушившейся на него с неожиданной стороны. В Александрии многие староникейцы по-прежнему с подозрением относились к православию Мелетия Антиохийского и его единомышленников, преобладавших в провинциях Сирии, Азии и Понта. В Григории они видели ставленника Мелетия. И вот, по инициативе Александрийского епископа Петра, решено было поставить во главе православной общины столицы выходца из Египта Максима, прозванного Киником за его прежнюю принадлежность к философской школе последователей

Диогена. Предлогом для устранения Григория при этом служило 15-е правило Никейского Собора, воспрещавшее епископам переходить с одной кафедры на другую – святой Григорий был, как сказано выше, хиротонисан на Сасимскую кафедру. К тому времени Максим пользовался доверием и дружбой святого Григория. Из Александрии в столицу в сопровождении торговцев прибыла группа египетских епископов, и, воспользовавшись болезнью святого Григория, организаторы этой акции самовольно отперли дверь храма Анастасии и начали совершать чин хиротонии, но почитатели святого Григория, узнав о происходящем, вовремя спохватились и прогнали непрошенных гостей.

Позже Григорий, в досаде на коварство своего притворного друга и интригу его александрийских покровителей, с сарказмом сравнивал прибывших из-за моря гостей с египетскими богами: «Сперва появились соглядатаи, каких в избранную израильскую землю посылал некогда доблестный Моисей. Но это были не Иисус и Халев – мудрецы, а нечто наглое из юношей и старцев, Амон, Апаммон, Арпократ, Стип, Родон, Анувис, Ерманувис – египетские боги, в виде обезьян и псов представшие демоны, жалкие и буйные моряки, которые не дорого себя продают... А вскоре потом прибыли и пославшие сих соглядатаев, достойные такого полчища вожди, или пастыри, если о псах приличнее сказать последнее»³⁹⁹. С нескрываемой обидой высказался святитель и о покровителе Максима Петре Александрийском: «От чего сам Петр, этот судия пастырей, сперва писанием своим, которое явным образом не заключает в себе никакого двусмыслия... признал меня возведенным на престол и почтил знаками своего утверждения, а теперь вместо девы оказался для меня ланью? Это – дело темное, которое требует объяснения. Видали ли что более похожим на лицедейство, хотя на свете и много разыграно лукавых дел?»⁴⁰⁰.

Рассказывая о происшедшем, Григорий сравнивает главного участника этой авантюры Максима, носившего по философской моде длинные волосы, которые перед хиротонией полагалось состричь, со стриженной собакой: «Была ночь, а я лежал больной. Как хищные волки, явившиеся вдруг в загоне овец, с

немалым числом наемных моряков... они спешат обстричь этого пса и возвести на кафедру прежде, чем стало то известно народу, вождям Церкви, и даже мне, если не более, то, по крайней мере, псу этого стада. Они говорят, что так было приказано... Остригши волосы самому злему из псов, Впрочем не употребив ни уз, ни насилия, потому что этот пес готов был и на большее, назначают его пастырем... Но из псов сделанный пастырем опять из пастырей стал псом, и... псом покинутым. Не носит уже он красивых волос, но не владеет и стадом, а бегают опять по мясным рынкам за костями»⁴⁰¹.

Отвергнутый православной общиной Константинополя, Максим однако был признан преемником скончавшегося в 380 г. Петра Тимофеем Александрийским и другими епископами Египта и Запада, и это обстоятельство препятствовало устранению трений между православными общинами Востока и Египта. Григорий Богослов хотел, чтобы вопрос о замещении Константинопольской кафедры получил окончательное разрешение на соборе широкого состава.

Между тем после гибели Валента и назначения императором и правителем Востока последовательного никейца Феодосия положение православных в восточных провинциях изменилось решительным образом. 3 августа 379 г. Грациан, правивший на Западе, издал эдикт, которым христианам дозволялось исповедовать лишь Никейский символ, а 28 февраля 380 г. император Феодосий повелел: «Нам угодно, чтобы все народы, управляемые нашим милосердием и умеренностью, твердо держались той религии, которой поучал римлян св. Петр, которая верно сохранялась Преданием и которую в настоящее время исповедует первосвященник Дамас и Александрийский епископ Петр – человек апостольской святости. Согласно с учением апостолов и правилами Евангелия будем верить в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа, соединяющихся с равным величием в благочестивой Троице. Последователям этого учения мы дозволяем принять название христиан кафолических, а так как всех остальных мы считаем за сумасбродных безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их сходы впредь не должны

присваивать себе почетное наименование церквей. Кроме приговора божественного правосудия они должны будут понести строгие наказания, каким заблагорассудится подвергнуть их нашей власти, руководимой небесной мудростью»⁴⁰². На основании этого распоряжения из Александрии, где решительно преобладали православные никейцы, был изгнан арианский епископ Луций, и все церкви города перешли под управление вернувшегося на свою кафедру Петра.

Прибыв в Константинополь 24 ноября 380 г., император Феодосий призвал к себе арианского епископа Демофила и, как об этом рассказывает Сократ, спросил его, «согласен ли он принять учение Никейского Собора, соединить народ и тем утвердить мир. Когда же тот отверг его предложение, царь сказал ему: “Если ты удаляешься от мира и единомыслия, то я повелеваю тебе удалиться из мест молитвенных”. Выслушав это... Демофил созвал в церковь своих приверженцев... и произнес к ним следующее: “Братие! Писано в Евангелии: егда гонят вы во граде сем, бегайте в другой (Мф.10:23). Так как царь изгоняет нас из церквей, то знайте, что завтра мы соберемся вне города”... Итак, он начал делать собрания за городскими воротами»⁴⁰³.

Кафедральный храм Константинополя, посвященный 12 апостолам, и Святая София были, по повелению Феодосия, переданы православной общине во главе со святым Григорием Богословом. В Софийскую церковь Григория ввел сам император. Он шел между шпалерами вооруженных воинов, а вокруг храма собралось множество ариан. По словам самого святителя, «туда... как морской песок, или туча, или ряд катящихся волн, стремился, непрестанно прибывая, весь народ с гневом и мольбами, с гневом на меня, с мольбами к Державному... Везде суеты, рыдания, слезы, вопли – точное подобие города, взятого приступом. А я – доблестный воитель и воевода, с этим немощным и расслабленным телом, едва переводя дыхание, шел среди войска и Императора»⁴⁰⁴. «Император, – по замечанию А.В. Карташева, – “назначивший” епископом Григория, понимал, что еще собор епископов должен утвердить его»⁴⁰⁵.

13. II Вселенский Собор

Императорская сакра о созыве Собора в Константинополе, текст которой не сохранился, была издана святым Феодосием Великим весной 381 г. На Собор приглашались епископы восточных провинций, которыми он правил. На западе империи властвовал Грациан, и единоличная юрисдикция Феодосия на западные провинции не распространялась. В Соборе участвовало 150 отцов. Вначале прибыли предстоятели православных общин из Сирии, Азии и Фракии, позже, когда соборные деяния уже начались, к ним присоединились епископы, приехавшие из Египта, во главе с Тимофеем Александрийским, а также из Македонии, среди которых первенствовал Асхолий Фессалоникийский. Среди участников Собора были святитель Кирилл, занимавший Иерусалимскую кафедру с 350 г., преемник Василия Великого по Кесарийской кафедре Элладий и родные братья святого Василия Григорий Нисский и Петр Севастийский, Акакий Веррийский, Амфилохий Иконийский, Оптим Писидийский, Диодор Тарсийский, Пелагий Лаодикийский, Евлогий Эдесский, Исидор Кирский и Отрей Мелитинский. В Константинополь приехали также 36 епископов пневматомахов, считавшихся последователями Македония, во главе с Элевсием Кизическим и Маркианом Лампсакийским. Переговоры с ними со стороны приверженцев Никейского символа и учения о равночестности Святого Духа Отцу и Сыну не дали результатов, и македониане, покинув Собор, выехали из столицы.

Собор открылся в мае 381 г. На его первых заседаниях председательствовал святитель Антиохийский Мелетий. Император Феодосий, присутствовавший на Соборе, накануне видел его во сне и, как рассказывает блаженный Феодорит, «объявил, чтобы не говорили ему, кто между ними Мелетий: он хотел сам, припоминая свой сон, узнать этого мужа. И действительно, лишь только весь сонм епископов вошел в царские палаты, Феодосий... прямо подошел к великому Мелетию и, как любящий отца сын, сначала долго наслаждался его лицезрением, потом обнял его и начал целовать ему очи,

уста, грудь, голову и... руку. При этом царь рассказал ему свой сон. Обласкал он также и всех других и попросил их, как отцов, рассудить о предложенных делах»⁴⁰⁶. В самом начале соборных деяний было рассмотрено дело о рукоположении на Константинопольскую кафедру Максима Киника, и оно признано было незаконным и недействительным.

Святой Мелетий, достигший преклонных лет, в самом начале соборных деяний отошел ко Господу. Мощи почившего были с почестями отправлены в его кафедральный город – Антиохию. Новым председателем Собора отцы избрали святителя Григория Богослова. Но тут в столицу прибыли епископы из Египта во главе с Тимофеем Александрийским, и на Соборе сразу был поставлен вопрос о замещении Антиохийской кафедры. Преемником Мелетия присутствовавшие на Соборе епископы Сирии избрали антиохийского пресвитера Флавиана. Этот выбор однако вызвал возражения со стороны египетских отцов, на стороне которых, как стало известно на Соборе, стояли Дамас Римский, Амвросий Медиоланский и другие епископы Запада, которые, хотя и вошли в общение с Мелетием, настаивали однако на том, чтобы по крайней мере теперь, после смерти Мелетия, единственным законным епископом Антиохии был признан Павлин, но для соборного большинства этот вариант оказался неприемлемым. Споры приобрели ожесточенный характер.

Всею душою стремясь к восстановлению церковного мира между восточными новоникейцами, с одной стороны, и египетскими и западными староникейцами – с другой, Григорий Богослов сделал неожиданное предложение, которое шло вразрез с настроением большинства соборных отцов, решительно поддерживавших кандидатуру Флавиана, подобно тому как ранее они поддерживали самого Григория против незаконно поставленного на его место Максима: «Престол пусть будет предоставлен во власть тому, кто владеет им доселе... Пусть дело решит старость и общий для всего нашего рода необходимый и прекрасный предел. Он (Павлин. – В.Ц.) преселится, куда давно желает, предав дух свой даровавшему его Богу; а мы по единодушному согласию всего народа и мудрых епископов, при

содействии Духа, дадим тогда престол кому-нибудь другому... Да утихнет наконец... эта буря, волнующая мир!»⁴⁰⁷.

Многими участниками Собора, представлявшими восточных новоникейцев, такое предложение воспринято было едва ли не как переход бывшего единомышленника в лагерь противной стороны: «Так сказал я; а они кричали каждый свое; это было то же, что стадо галок, собравшееся в одну кучу... вихрь, клубом поднимающий пыль, бушевание ветров... Они походили на ос, которые мечутся туда и сюда и вдруг всякому бросаются прямо в лицо. Но и степенное собрание старцев, вместо того чтоб уцеломудрить юных, им же последовало»⁴⁰⁸. Один из аргументов противников уступки египетским и западным епископам, которая виделась в предложении святого Григория оставить Павлина на Антиохийской кафедре до его, как можно было предполагать, недалекой уже по его возрасту кончины, заключался в том, что «надобно... чтобы наши дела текли вместе с солнцем, там воспринимая начало, откуда воссиял нам Бог под плотскою завесою»⁴⁰⁹, иными словами, *de Oriente lux*. Святитель Григорий этот довод от астрономии принимать всерьез не хотел.

Столкнувшись с непониманием и недоверием, которое шло от отцов, представлявших обе партии – восточную и египетскую, сохранявшую прежнее предубеждение против него, по причине которого и была в свое время предпринята провалившаяся попытка заменить его на Максима Киника, святой Григорий попросил уволить его на покой. Ни отцы Собора, ни император Феодосий не стали его удерживать, и святитель на прощание обратился к собратьям со словами: «Вопрос обо мне почитайте второстепенным... Устремите мысли свои к тому, что важнее, соединитесь, скрепите, наконец, взаимные узы любви. Долго ли будут смеяться над нами, как над людьми неукротимыми, которые научились одному только – дышать ссорами? Подайте с усердием друг другу десницу общения. А я буду пророком Ионою, и хотя не виновен в буре, жертвую собою для спасения корабля. ... Какойнибудь гостеприимный кит в морских глубинах даст мне убежище. ... Я не радовался, когда восходил на престол, и теперь схожу с него добровольно. К тому убеждает

меня и телесное мое состояние. Один за мною долг – смерть; все отдано Богу. Но забота моя о Тебе единственно, моя Троица! ... Прощайте и вспоминайте о трудах моих!»⁴¹⁰. В июне 381 г. святитель удалился из Константинополя в родной Назианз.

А на Соборе стала обсуждаться кандидатура на столичную кафедру. По предложению Диодора Тарсийского, с согласия императора, предстоятелем Константинопольской церкви был избран пожилой сенатор Нектарий, исполнявший должность претора столицы, в ту пору еще не принявший Таинства крещения, так что после избрания он был, подобно Амвросию Медиоланскому, вначале крещен, а потом рукоположен последовательно в три степени священства. Нектарий и стал затем уже третьим председателем II Вселенского Собора.

Важнейшим деянием Собора явилось принятие нового символа веры, буквально того самого, каким поныне пользуется Православная Церковь: «Веруем (пистовомен) во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята, и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребена. И воскресшаго в третий день, по Писанием. И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедуем (омологумен) едино крещение во оставление грехов. Чаем (проскомен) воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь»

В основании этого изложения веры лежит Никейский символ, который, однако, подвергся незначительной правке – из него было удалено выражение о рождении Сына «из сущности

Отца», а с другой стороны, он был восполнен более подробным изложением учения о Святом Духе, о Его исхождении от Отца и «споклоняемости» и «сославаемости», иными словами, – равночестности с двумя другими Божественными Ипостасями. В новый символ включены были также исповедание веры в Святую Церковь, учение о единокрятности крещения и о грядущем всеобщем воскресении и вечной жизни. По замечанию протоиерея Валентина Асмуса, обращает на себя внимание «близость к Символу II Вселенского Собора символа Иерусалимской Церкви, как его реконструируют по тексту Огласительных бесед святителя Кирилла Иерусалимского»⁴¹¹, в котором, однако, в отличие от Никейского символа, не содержалось термина «единосущный» – в 360-е гг. Кирилл, подобно Василию Анкирскому и святому Мелетию, принадлежал к сторонникам учения о «подобосущии», что дало повод церковному историку Сократу заметить, что ко времени Собора он «покаялся и стал единосущником»⁴¹².

II Вселенскому Собору принадлежат 7 правил. Они однако не были составлены на самом Соборе в виде отдельных канонов. Отцы Собора издали послание церковно-дисциплинарного содержания, которое впоследствии, в начале VI века, было разделено на 4 правила. Что же касается 3-х последних канонов, то происхождение их таково: в 382 г. в Константинополе состоялся собор епископов, в котором участвовало большинство отцов II Вселенского Собора; на нем обсуждался вопрос о взаимоотношениях восточных церквей с церковью Рима в контексте признания вселенского статуса Собора 381 г. Именно этот собор и издал 2 правила, которые включены были в состав канонов II Вселенского Собора как 5-е и 6-е. 7 правило представляет собой отрывок из послания, направленного из Ефеса Несторию Константинопольскому в 428 г. После осуждения Нестория III Вселенским Собором по понятным причинам одиозное имя адресата было удалено из послания. Но почему этот текст из каноникона Ефесской Церкви оказался включенным в число правил II Вселенского Собора? Возможно, потому, что содержательно он продолжал тему 1 правила этого Собора. Эти три канона (5–7) не включались в древние западные сборники.

Признавая, что 3 правило издано самим Константинопольским Собором, Римская церковь тем не менее отвергла его; причина этого очевидна – она связана с тем, что этим канон был возвышен статус Константинопольской церкви; но впоследствии Рим вынужден был всетаки признать установленное этим правилом место Константинопольской кафедры во вселенском диптихе.

В 1 правиле подтверждается непреложность символа веры «трех сот осмидесяти отцев, бывших на соборе в Никее, что в Вифинии» и предается анафеме всякая ересь, расходящаяся с этим символом, а затем следует перечень этих ересей: «евномиян, аномеев, ариан, или евдоксиян, полуариан, или духоборцев, савеллиан, маркеллиан, фотиниан и аполлинариан». Одна из этих ересей – савеллианская возникла задолго до Никейского Собора, в первой половине III века, и ее суть заключалась в отрицании ипостасного отличия Отца от Сына, вследствие чего она на Западе получила наименование патрипассианской, иными словами, из савеллианского богословия логически вытекает вывод, что на кресте пострадал не только Сын Божий, но и Божественный Отец. Эта ересь типологически не связана с арианством, и как раз ариане обвиняли своих противников, отстаивавших православное учение о единосущии Сына Отцу, в скрытом савеллианстве. Повод для таких обвинений давал действительно склонявшийся к савеллианству Маркел, бывший противником ариан и считавший себя единомышленником Афанасия Великого, и еще более его ученик Фотин. Собор анафематствовал их последователей: маркеллиан и фотиниан. Ариане в этом правиле обозначены именем приверженца этой ереси Евдоксия, рукоположившего в бытность его епископом Константинопольским Евномия в епископа Кизического. Наименование «полуариане» в исторических работах часто употребляется применительно к умеренным арианам, учившим о подобии Сына Отцу, но в данном правиле им обозначены так называемые духоборы, или последователи Македония, отрицавшие ипостасное бытие Святого Духа и Его единосущие Отцу. Наконец, аполлинарианская ересь, осужденная отцами II Вселенского

Собора, относится уже не к тринитарному, а к христологическому догмату, который стал главной темой последующих Вселенских Соборов начиная с Третьего.

Во 2 правиле II Вселенского Собора речь идет о незыблемости канонических территориальных границ между церквами: «Областные епископы да не простирают своея власти на церкви, за пределами своея области, и да не смешивают церквей». В нем впервые на языке канонов упоминаются более крупные поместные образования, чем церковные области, возглавляемые митрополитами, о которых шла речь в правилах Никейского Собора. Эти области были названы диоцезами. Их появление в канун II Вселенского Собора связано с развитием административного деления самой Римской империи, поскольку церковная организация последовательно приводилась в соответствие с административным делением Империи. Во 2 правиле упоминаются диоцезы лишь одной префектуры – Востока: «Александрийский епископ да управляет церквами только египетскими, епископы восточные да начальствуют токмо на востоке, с сохранением преимуществ Антиохийской церкви, правилами никейскими признанных: также епископы области асийския да начальствуют токмо в Азии: епископы понтийские да имеют в своем ведении дела токмо понтийския области, фракийские токмо Фракии». Относительно церквей за пределами империи, «у иноплеменных народов», Собор постановил сохранить прежний порядок – «соблюдавшееся доныне обыкновение отцев», которое заключалось в том, что церкви в Эфиопии находились в ведении Александрийских епископов, церкви в пределах Ирана, за восточными границами империи, – в юрисдикции Антиохийского престола, а церкви Восточной Европы зависели от первого епископа Фракии, который имел кафедру в Гераклее.

3 правило устанавливает место в диптихе епископа Константинополя. В нем говорится: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что град оный есть новый Рим». Известно, что в Риме неравенство чести кафедр связывают не с политическим значением городов, а с апостольским происхождением общин, и

поэтому на первые места в диптихе там ставили в древности Римскую, Александрийскую и Антиохийскую церкви, основанные апостолом Петром и его учеником Марком. В связи с этим Римские епископы в течение нескольких столетий упорно противились возвышению столичной кафедры Константинополя. Но 3 правило II Вселенского Собора недвусмысленно говорит о политических и, следовательно, исторически преходящих основаниях возвышения престолов. Гражданское положение города определяло, согласно этому канону, его место в диптихе.

Рим отвергал в древности и отвергает ныне политическую обусловленность ранга церковной кафедры, возводя приоритеты в диптихе к апостольскому происхождению церквей. Появление этой доктрины объясняется особенностями церковной истории Запада: «ввиду отсутствия на Западе общин, основанных апостолами, ввиду того, что здесь единственной такой общиной был Рим, первенствующее положение римского епископа выводили из основания Римской церкви апостолами и в особенности Петром, князем апостолов»⁴¹³. Что же касается Востока, то к нему это западное учение неприменимо: происхождение Коринфской церкви ничуть не менее почтенно, чем происхождение церкви Александрийской; между тем Коринфские епископы никогда не претендовали на равную честь с Александрийской. Однако общепринятая на Востоке тенденция объяснять церковный ранг кафедры политическим положением города вполне распространяется и на Запад: Рим – это первопрестольная столица империи, Карфаген – столица Африки, Равенна – резиденция императоров Запада. Таким образом, восточная точка зрения, прямо выраженная в 3 правиле, имеет все основания притязать на общецерковную значимость.

В 4 каноне II Вселенский Собор отверг действительность хиротонии Максима Киника на Константинопольскую кафедру, занятую св. Григорием Богословом: «О Максиме Кинике, и о произведенном им безчинии в Константинополе: ниже Максим был, или есть епископ, ниже поставленные им на какую бы то ни было степень клира: и соделанное для него, и соделанное им, все ничтожно». Канонический принцип, который можно вывести

из текста и контекста 4 правила, заключается прежде всего в том, что недопустимо одну и ту же кафедру занимать двум или несколькими епископам, а значит, до законного освобождения кафедры вследствие кончины, увольнения на покой, перевода на другую кафедру или низложения по суду занимавшего ее епископа поставления на нее других лиц незаконны, недействительны и ничтожны.

5 правило гласит: «Относительно свитка западных: приемлем и сущих в Антиохии, исповедающих едино Божество Отца, и Сына, и Святаго Духа». «Свиток», или томос «западных», – это один из догматических документов, но о каком именно документе идет в нем речь, по этому вопросу высказывались разные суждения. По толкованию Зонары и Вальсамона, в каноне речь идет об «исповедании веры» Сардикийского собора 343 г., который включал в себя по преимуществу западных отцов и материалы которого в оригинале были составлены на латинском языке. Но большинство современных ученых не разделяют этой точки зрения, главным образом, потому, что в определениях Сардикийского собора даже не упоминается Антиохийская церковь, к тому же между Сардикийским и II Вселенским Соборами протекло достаточно длительное время – 38 лет; таким образом, это была бы слишком запоздалая реакция.

В соответствии с интерпретацией обстоятельств, вызвавших составление 5 правила, которые давались Беверегием, Валеziем, Гефеле, Барди, а также православными канонистами епископами Никодимом (Милашем)⁴¹⁴ и Иоанном (Соколовым), архиепископом Петром Л'Оилье⁴¹⁵, в правиле речь идет о событиях, происходивших при папе Дамасе. В 369 г. в Риме состоялся собор, который изложил исповедание веры, осудил епископа Медиоланского Авксентия, главного защитника арианской ереси на Западе, и направил послание в Антиохию, прося восточных отцов высказать свое суждение об этом исповедании. В Антиохии было выражено согласие с ним. Это сделано было на Антиохийском соборе 378 г., как считает епископ Никодим (Милаш), или на соборе 375 г., в соответствии с мнением архиепископа Петра Л'Оилье, который при этом замечает: «Отцы

Константинопольского собора 382 г., приняв томос, одобренный уже в Антиохии, стремились показать единство веры с Западом, однако в тексте 5 правила не следует усматривать проявление какой-либо открытости в отношении Павлина и его группировки... Для отцов Собора 381 г. правильность поставления Флавиана была вне всякого сомнения, что явствует из их соборного послания... Рим решился признать Флавиана лишь около 398 г.»⁴¹⁶. В данном случае архиепископ Петр ЛТОилье полемизирует главным образом с Ф. Каваллерой⁴¹⁷ и Г. Барди, который, впрочем, высказывал по этому вопросу более осторожную точку зрения, считая, что восточные не были готовы признать, как на том настаивали на Западе, незаконность поставления Мелетия, но выразили в 5 правиле готовность принять тех павлиан, которые присоединятся к мелетианам.

6 правило имеет исключительно важное значение для церковного суда. В нем прежде всего устанавливаются критерии, которым должно соответствовать лицо, обращающееся в качестве обвинителя епископа или в качестве истца с жалобой на епископа в церковный суд. Правило различает жалобы и обвинения частного характера, с одной стороны, и обвинения в совершении церковных преступлений – с другой. Жалобы и обвинения частного характера, в соответствии с этим канонем, принимаются независимо от церковного статуса обвинителя или истца: «Аще кто принесет на епископа некую собственную, то есть частную жалобу, как-то в притязании им имения, или в иной какой либо потерпенной от него неправде: при таковых обвинениях не приимати в разсуждение ни лица обвинителя, ни веры его. Подобае бо всячески, и совести епископа быти свободною, и объявляющему себя обиженным обрести правосудие, какия бы веры он ни был». Но если речь идет об обвинении епископа в совершении церковных преступлений, то принятие его от еретиков, раскольников, устроителей незаконных соборщ (самочинников), изверженных клириков, отлученных мирян, а также от лиц, находящихся под церковным судом и еще не оправданных, не допускается. Жалобы и обвинения на епископов подаются, согласно 6 правилу, областному собору, т.е. на суд собору митрополичьего округа. В

том случае, если решение, принятое областным собором, не удовлетворяет обвинителя или истца, он может подавать апелляцию «большему собору епископов великия области», иными словами, собору диоцеза, которыми на Востоке в пору II Вселенского Собора были Азийский (с центром в Ефесе); Понтийский со столицей в Кесарии Каппадокийской, Фракийский (с центром в Гераклее), на территории которой находился и Константинополь, а также Сирийский (со столицей в Антиохии) и Египетский с Ливией и Пентаполем (главный город – Александрия). Кроме того, 6 правило категорически воспрещает подавать жалобы на епископов и апелляции императору, «мирским начальникам» и Вселенскому Собору.

В правиле есть еще одно замечательное положение, соответствующее характеру и церковного законодательства и нормам римского права: обвинитель в случае доказанной клеветы сам подлежит той ответственности, которая предусмотрена для совершившего преступление, в котором он обвиняет епископа: «Но не прежде могут они настояти на свое обвинение, как письменно поставят себя под страхом одинакого наказания с обвиняемым, аще бы, по производству дела, оказались клеветующими на обвиняемого епископа».

7 правило посвящено присоединению к Церкви бывших еретиков и раскольников. Согласно этому правилу, евномиане, монтанисты, названные «фригами», савеллиане и «все прочие еретики... приемлются яко же язычники», чрез крещение. Ариане, македониане, новациане и савватиане (последователи Савватия, отделившегося от новациан), четвередесятники и аполлинаристы – через анафематствование собственной ереси и миропомазание. Может вызвать недоумение то обстоятельство, что отцы II Вселенского Собора не только духовборцев-македониан, но даже и ариан постановили принимать без крещения. Объясняется это, вероятно, не только тем, что ариане не искажали крещальную формулу, но тем еще, что крайние ариане, кощунственно именовавшие Сына сотворенным и неподобным Отцу, ко времени

II Вселенского Собора выродились в секту евномиан, для которых при переходе их в Православие Собор предусматривал

перекрещивание, ибо ставил их наравне с язычниками, а наименованные в 7 правиле арианами своим учителем считали Евсевия Никомидийского, а впоследствии Акакия Кесарийского, который исповедовал Сына подобным Отцу.

9 июля 381 г. Вселенский Собор направил императору послание, в котором просил его об утверждении соборных постановлений. 19 июля святой Феодосий утвердил их, тем самым придав им силу государственных законов, и на этом основании своим эдиктом от 30 июля повелел «передать немедленно все церкви епископам, исповедующим одно величие и силу Отца, Сына и Святого Духа, одну славу и одну честь, и состоящим в общении с Нектарием в Константинопольской Церкви, в Египте с Тимофеем Александрийским, на Востоке с Пелагием Лаодикийским и Диодором Тарсийским, в Асийском диоцезе с Амфилохием Иконийским и Оптимом, епископом Антиохии Писидийской, в диоцезе Понта с Элладием Каппадокийским, Отрием Мелитинским и Григорием Нисским, в Мисии и Скифии с Терентием, епископом Томским, и Мартирием Маркианопольским. Всех, кто не вступит в общение с названными епископами, как явных еретиков, изгонять из церквей»⁴¹⁸. В эдикте Феодосия характерным образом не упомянута важнейшая кафедра на Востоке – Антиохийская, и сделано это было по очевидной причине: вопрос о ее замещении – кому ее надлежит занимать: Флавиану или Павлину – оставался для императора открытым; он дожидался соборного согласования кандидатуры. Важно и то обстоятельство, что, в отличие от эдикта 380 г., в котором критерием кафоличности местных общин объявлялось каноническое общение с престолами Рима и Александрии, здесь Римская кафедра не упомянута вовсе.

В церквах Сирии, Азии и Фракии Константинопольский Собор признавался вселенским изначально. Эфесский Собор, на ход которого оказал решающее влияние председатель Александрийской церкви святой Кирилл, не упоминал о Соборе 150 отцов, но на его символ и на его каноны содержатся ссылки в деяниях и постановлениях Халкидонского Собора. В Риме

признание вселенского достоинства Константинопольского Собора 381 г., по составу действительно исключительно восточного, относится к более позднему времени – это произошло уже при папе Гормизде в начале VI века.

14. Церковь в конце IV века

После II Вселенского Собора арианская ересь окончательно утрачивает влияние и маргинализируется в пределах Римской империи. Император Феодосий пытался примирить с Кафолической Церковью остатки ариан и других еретических группировок. С этой целью в 383 г. в Константинополь для богословской дискуссии с участием архиепископа Нектария были приглашены македонианин Елевсий Кизический, омиий Демофил, аномеий Евномий и новацианский епископ Агелий. На встречу в столицу империи прибыл и посланец готской арианской общины – последователь Вульфилы, скончавшегося в 381 г. Каждому из них предложено было представить свое исповедание веры. Рассмотрев их, святой Феодосий нашел новацианский символ содержательно идентичным с тем, что был утвержден на II Вселенском Соборе, а остальные он разодрал и в связи с этим издал знаменитый эдикт, согласно которому право именоваться кафолическими христианами могли лишь те, «которые согласно апостольскому наставлению (*disciplinam*) и евангельскому учению (*doctrinam*) верят в Единое Божество Отца и Сына и Святого Духа... Всем прочим вменяется бесчестие (*infamia*) еретического учения» и от мест их собраний отнимается имя церквей (*ecclesiarum nomen*)⁴¹⁹ Против еретиков принимаются меры, которые ставят их в положение, граничащее с нелегальным, в ответ некоторые из ариан прибегли к насилию против пользовавшихся покровительством государства кафоликов: епископ Самосатский Евсевий был убит фанатичной арианкой, которая бросила ему на голову черепицу с крыши дома.

На Западе энергичными мерами, направленными на обращение в православие приверженцев арианства, прославился святой Амвросий. Ему в наследство от его предшественника по Медиоланской кафедре Авксентия достались ариане, которые в других городах Италии и Запада встречались редко. Еще одним направлением его деятельности было ограждение независимости Церкви от вмешательства

государственной власти в церковные дела. И оба эти направления сфокусировались в противостоянии с супругой и потом вдовой императора Валентиниана Юстиной, откровенно покровительствовавшей арианам и предпринявшей попытку реанимировать ересь, которая на Западе ранее никогда не пользовалась популярностью. После убийства Грациана она правила именем малолетнего сына Валентиниана II, используя свое влияние на него для внушения ему арианских убеждений, и он поддавался ее внушениям.

В ссылку на Запад был отправлен ученик Вульфилы епископ Доростольский Авксентий. На Пасху 385 г., по наущению матери, Валентиниан II приказал предоставить ему одну из церквей Медиолана, но святой Амвросий отказался выполнить это распоряжение. На Пасху следующего года дело дошло до прямой попытки силой устранить самого святителя от управления Медиоланской церковью, так что по приказу юного императора войска окружили базилику, в которой заперся преследуемый епископ, и потребовали, чтобы он вышел из нее. В ответ Амвросий велел передать Валентиниану следующие слова: «Не сделаю этого добровольно, не предам волкам ограды овец, не уступлю храма хулящим Божество. Если же тебе угодно убить меня, вонзи в меня меч или копье здесь, внутри, я охотно приму такое заклятие»⁴²⁰. Воины не посмели поднять руку на святителя.

Вступив в переписку с юным императором, Амвросий бесстрашно отвергал его право требовать отчета от епископа в делах церковных: «Когда же ты слышал, всемилостивейший император, чтобы в деле веры миряне были судьями епископа?.. Кто же это может отрицать, что в вопросах веры... не императоры бывают судьями над епископами, а епископы над христианскими императорами... Вот станешь, Бог даст, постарше, тогда и сам поймешь, чего стоит тот епископ, который священническое право... повергает к ногам мирянина. Отец твой, по милости Божией, муж зрелого возраста, говаривал: “не мне быть судьей между епископами”; а твоя милость вот говорит: “я должен судить”. Он, крещенный во Христа, считал себя неспособным подъять такую тяжесть, как суд над

епископом; тебе же, всемилостивейший государь, еще только предстоит сподобиться Таинства крещения, и однако ты изъявляешь притязание на суд о вере, тогда как ты не знаешь Таинств этой веры»⁴²¹.

В ответ на прямое требование императора передать храм Авксентию святитель писал: «Передают мне приказ: “отдай базилику”». Отвечаю: “и мне нельзя отдать... и тебе, император, не полезно взять”... Ссылаются на то, что императору все позволительно, что все – его. Отвечаю: “пожалуйста, не воображай, государь, что ты имеешь какое-нибудь императорское право и над божественными предметами... Императору принадлежат дворцы, церкви – священнику... Что может быть почетнее для императора, как не то, что его называют сыном Церкви? Но император в Церкви, а не выше Церкви, *imperator enim intra ecclesiam, non supra ecclesiam est*»⁴²².

Не менее ярким примером мужества святителя Амвросия в отстаивании христианской нравственности и Божией правды стало наложение им епитимии на императора Феодосия после того, как по его приказу были перебиты жители Фессалоник. Эти трагические события произошли в 390 г. В Фессалониках были расквартированы готские федераты под командованием Ботериха, которому принадлежала военная власть в городе. Местное население чувствовало себя униженным варварскими, как ему представлялось, выходками готов, оскорблено тем предпочтением, которое оказывал им император, опиравшийся на военную силу верных ему федератов. В конце концов дело дошло до мятежа. Когда Ботерих, обвинив популярного возницу, неизменно побеждавшего на ипподроме, в содомском грехе, приказал бросить его в тюрьму, фессалоникийцы восстали: Ботерих был схвачен и убит. Узнав о мятеже, Феодосий, находившийся тогда в Медиолане, в гневе приказал войскам двинуться на Фессалоники и примерно наказать бунтовщиков. На этот шаг его подтолкнул советник Руфин, умело разжигавший ярость императора. Святой Амвросий тщетно пытался отговорить императора от расправы над фессалоникийцами. Некоторое время спустя император

одумался и попытался предотвратить избиение горожан, но новый приказ дошел до карательного отряда, когда дело уже было сделано. Солдаты, большую часть которых в ту пору составляли не римские граждане, но наемники из варваров, чаще всего германцев, в том числе и готов, рады были отомстить ненавидевшим их римлянам за убийство своих соплеменников. Войдя в Фессалоники, они дождались времени, когда горожане соберутся на ипподроме, и, окружив его со всех сторон, напали на легкомысленных зрителей. Убиты были все, кто пришел посмотреть на бега колесниц. Жертвой резни пали 7 тысяч фессалоникийцев. Весть о массовом убийстве разнеслась по империи. Репутация императора, которого любили многие за его справедливость и человечность, была подорвана.

Святитель Амвросий, авторитет которого в ту пору был самым высоким на христианском Западе, отважился на беспрецедентный шаг: удалившись из Медиолана, он написал императору письмо, в котором запрещал ему причащаться Святых Таин, пока он не принесет покаяние в содеянном. И император, обладавший верховной властью, подчинился приговору епископа. Сняв с себя императорское одеяние и облачившись в рубище, он приходил в Медиоланский собор и приносил там покаянные молитвы Богу, пока не получил разрешение от грехов. По словам Дж. Норвича, «это был поворотный момент в истории христианства, ибо впервые служитель Евангелия возымел мужество поставить права духовной власти выше прав власти мирской, и в первый раз в истории христианский правитель публично повиновался приговору, отлучению и наказанию, наложенному на него авторитетом, который он тем самым признал стоящим выше его собственного»⁴²³.

В 388 г. толпа христиан сожгла синагогу, и Феодосий приказал, чтобы, если в подстрекательстве к этому акту виновен местный епископ, он выстроил новую синагогу за счет Церкви. Узнав об этом распоряжении, святой Амвросий обратился к императору с укоризненным посланием: «Вспомни Юлиана, хотевшего восстановить Иерусалимский Храм: строители тогда сгорели от огня Божия. Ужели ты не боишься того, что было тогда? Да и за что строгость? ... Сожжена-то синагога, дом

неверия, нечестия и безумия. А иудеи сколько храмов сожгли при Юлиане в Газе, Аскалоне, Берите и других местах. Как после этого будет помогать тебе Христос?»⁴²⁴.

Святитель отошел ко Господу 4 апреля 397 г. и погребен в крипте базилики, где ранее по его указанию помещены были мощи миланских мучеников Гervasия и Протасия. Эта базилика была впоследствии названа его именем и служила многие века кафедральным храмом Милана. В своем противостоянии давлению светской власти Римские папы и другие епископы Запада в последующие времена опирались на наследие святого Амвросия.

В пору единовластия Феодосия арианство на всем пространстве империи оказалось фактически вне закона, с одной, впрочем, существенной оговоркой. Распространившись среди готов, а от них позаимствованное и другими германскими племенами, оно стало своего рода национальным вероисповеданием германцев, и не только тех, кто жил за пределами лимеса, но и, главным образом, федератов, поселившихся в пределах империи. Ариане готы, вандалы, гепиды, герулы, скиры, лангобарды, бургунды, равно как и франкиязычники, служившие империи, пользовались полной свободой исповедания, в отличие от природных римлян, которым при Феодосии предписывалось придерживаться православного вероучения. При этом римские граждане, остававшиеся язычниками, хотя и были ограничены в правах, но со стороны государства встречали большую терпимость, чем еретики, чье расхождение с Кафолической Церковью официально рассматривалось не как следствие косности, свойственной упрямым язычникам, но как проявление мятежного сумасбродства.

В результате вытеснения арианских и других еретических общин римское общество приобретало религиозную гомогенность, благоприятствовавшую правильной административной организации Церкви, в основе которого лежал территориальный принцип. В конце IV века, еще до II Вселенского Собора, появляются более крупные поместные образования, чем церковные области в границах провинций, возглавляемые

митрополитами. Процесс церковной централизации направлен был на то, чтобы привести церковную организацию в соответствие с административным делением Империи.

Территориально империя была разделена на 4 префектуры: Галлию, Италию, Иллирик и Восток – самую обширную из всех. При этом две столицы империи – Рим и Константинополь (Новый Рим) – имели особый статус и не входили в эти префектуры, имея своих особых префектов. Вместе с Иллириком префектура Восток составляла грекоязычную половину государства, а Италия и Галлия – латиноязычную. Префектура Иллирик с центром в Фессалониках включала в себя Македонию (в диоцез с этим названием входила также Эллада) и Дакию. В префектуру Восток входили следующие диоцезы: Азия (с центром в Ефесе), объединившая провинции, расположенные в юго-западной части Малой Азии; Понт со столицей в Кесарии Каппадокийской, занимавший северо-восточную часть Малоазийского полуострова и Армянское нагорье; Фракия (восточная оконечность Балканского полуострова с центром в Гераклее), на территории которой находилась и новая столица империи – Константинополь; Сирия со столицей в Антиохии и Египет с Ливией и Пентаполем (главный город – Александрия). Термин «диоцез» первоначально употреблялся применительно к гражданскому административному делению. Гражданские начальники диоцезов именовались экзархами (по-латыни – викариями) (vicarius). Затем экзархами, или, чаще, архиепископами, стали титуловать предстоятелей церквей в границах этих диоцезов. Юрисдикция Римской кафедры шаг за шагом распространялась на весь латиноязычный Запад, и все же церкви Африки, а на севере Италии – Медиолана сохраняли фактическую автокефалию, в то время как предстоятели церквей Галлии, Испании и даже Иллирика, в состав которых входили не только латиноязычные общины Далмации, но и грекоязычные церкви Македонии и Эллады, признавали юрисдикцию Рима.

После смерти епископа Дамаса в 389 г. на Римский престол взошел папа Сириций, который занимал его до своей смерти, последовавшей вскоре после кончины святого императора

Феодосия, в 398 г. Годом раньше преставился архиепископ Константинопольский Нектарий. Преемником скончавшегося в 385 г.

Тимофея Александрийского стал Филофей. Святителя Кирилла на Иерусалимской кафедре после его преставления в 387 г. сменил Иоанн II. В Антиохии до 392 г. сохранялся раскол. Помимо общины во главе с Флавианом сохранялась признаваемая на Западе и в Египте малочисленная община во главе с Павлином, которую после его смерти, с 388 по 392 г., возглавлял единолично поставленный им Евагрий, когда-то в прошлом друживший с Василием Великим. После смерти Евагрия, из-за поддержки государственной власти Флавиану, павлиане не смогли уже поставить своего епископа в Антиохию. В Константинопольском соборе 394 г., состоявшемся под председательством архиепископа Нектария, участвовали как Флавиан Антиохийский, так и Феофил Александрийский. Это было знаком признания Флавиана законным предстоятелем Антиохийской церкви со стороны Александрийской кафедры. Но в Риме Флавиана признали лишь в 398 г., а отдельное существование павлианской общины в Антиохии прекратилось воссоединением ее с антиохийскими «мелетианами» только 20 лет спустя, в 415 г.

Несмотря на свой уход со столичного Константинопольского престола, одним из самых влиятельных пастырей грекоязычного Востока оставался святитель Григорий Богослов, удалившийся в родной Назианз, где еще жив был его престарелый отец, занимавший епископскую кафедру этого города. После его кончины митрополит Тианский Феодор попросил Григория временно управлять Назианской общиной, которую в ту пору сотрясали споры, возбужденные учением Аполлинария, уже осужденным II Вселенским Собором. Вступив в полемику с Аполлинарием, святитель обратился с двумя посланиями к назианскому пресвитеру Каледонию. Когда вскоре потом на кафедру в Назианз был поставлен Евлалий, Григорий Богослов с радостью предался литературным трудам, посещению монашеских обителей Востока и аскезе. Святитель отошел ко Господу в 389 или 390 г., прожив на земле чуть более 60 лет.

Дела церковного управления, которыми Григорий всегда тяготился, отвлекали его от молитвы и погружения в богомыслие, и все же он успел написать творения, принадлежащие к самому драгоценному достоянию патристической эпохи. Вершина его творчества – 5 Слов о богословии, иными словами, о Божественной Троице. Он пишет о Ней: «У нас один Бог, потому что Божество одно. И к Единому возводятся сущие от Бога, хотя и веруется в Трех; потому что как Один не больше, так и Другой не меньше есть Бог; и Один не прежде, и Другой не после: Они и хотением не отделяются, и по силе не делятся; и все то не имеет места, что только бывает в вещах делимых... Божество в Разделенных неделимо, как в трех солнцах, которые заключены одно в другом, одно растворение света. Посему когда имеем в мысли Божество, первую причину и единоначалие, тогда представляемое нами – одно. А когда имеем в мысли Тех, в Которых Божество, Сущих от первой Причины, и Сущих от Нее довременно и равночестно; тогда Покланяемых – три»⁴²⁵.

После кончины святого Григория Назианзина самым глубокомысленным из остававшихся в живых новоникейских богословов остался младший брат Василия Великого Григорий, занимавший Нисскую кафедру в родной ему Каппадокии. Он родился около 332 г.; на формирование его личности особенно значительное влияние оказали его старший брат Василий и сестра Макрина. Приняв в молодости посвящение в чтецы, он затем пережил увлечение классической литературой, стал учителем риторики. Это был своего рода духовный кризис, отголосок которого отразился в адресованном ему письме Григория Богослова, датированном 366 г. «Что с тобою сделалось, мудрый муж? За что прогневался ты сам на себя, бросив священные, удобопиемые книги, которые некогда читал народу? Ужели не стыдишься, слыша это?»⁴²⁶.

Кризис был преодолен – Григорий вернулся к церковному служению и даже был потом, в 372 г., своим старшим братом хиротонисан в епископа на Нисскую кафедру, хотя тот и признавал отсутствие у него склонности к делам церковного управления. Святому Василию он, по словам протоиерея

Георгия Флоровского, «помогал не как церковный деятель, но как богослов»⁴²⁷, участвуя в полемике против арианского учения в его разных видах, особенно против крайнего еретика аномея Евномия. При императоре Валенте Григорий Нисский подвергся преследованиям за твердую приверженность Никейскому символу и защиту его в своих сочинениях: 3 года он пробыл в изгнании и вернулся на кафедру только после смерти Валента в 379 г. Святой Григорий тяжело пережил смерть старшего брата, которого он почитал своим учителем. Большим ударом для него явилась и кончина любимой сестры Макрины, о последних днях которой он рассказал в послании к монаху Олимпию.

В 379 г. Григорий Нисский, по поручению Антиохийского Собора, совершил поездку по церквам Аравии, целью которой было устранение распространившихся там суеверий и бесчинств. Посетил он и Святую Землю, и эта поездка подтолкнула его к высказываниям об отсутствии духовной пользы от паломничества: «Да и что большего получит тот, кто побывает в этих местах, – как будто Господь доселе телесно обитает в них, а от нас удалился или как будто Дух Святой обилует между иерусалимлянами, а к нам не может прийти? ... Посему боящиеся Господа хвалите Его в тех местах, в которых находитесь. Ибо перемена места не приближает к нам Бога»⁴²⁸.

Святой Григорий принадлежит к числу 150 отцов II Вселенского Собора, а в своем эдикте от 30 июля 381 г. Феодосий Великий причислил его к тем епископам, каноническое общение с которыми является критерием Православия. Он участвовал в поместных Константинопольских соборах, созывавшихся в 382 и 383 гг. Последнее известие о нем относится к его участию в соборе, состоявшемся в 394 г. и посвященном положению дел в христианских общинах Аравии. Вскоре после этого собора он скончался, но точная дата его смерти неизвестна.

Из Каппадокийских отцов Григорий Нисский испытал особенно глубокое влияние классической философии, причем не столько Аристотеля, как его старший брат, сколько Платона и неоплатоников, и он ближе других каппадокийцев, принадлежавших к антиохийской богословской школе, традициям александрийского богословия. Своим учителем он

всегда считал Оригена, хотя и не разделял учения этого богослова о предсуществовании душ и в своей триадологии, подобно другим отцам-каппадокийцам, преодолел оригеновский субординационизм. Но он до конца жизни оставался приверженцем не принятого Церковью и восходящего к Оригену учения об апокатастасисе – всеобщем восстановлении, что подразумевало конечное спасение всей твари, включая даже падших ангелов: «По истечении долгого времени изъято будет из естества зло, ныне к ним примешанное и сроднившееся с ними, поскольку совершится восстановление пребывающих ныне во зле в первоначальное состояние, единоголосное воздастся благодарение всей твари и всех, претерпевших мучение при очищении»⁴²⁹.

Основные труды Григория Нисского посвящены полемике с еретиками (Евномием, Аполлинарием, Македонием) и экзегетическим темам, но в них он, как правило, далеко выходит за рамки комментариев библейских текстов, выражая самые важные свои богословские идеи. Темой, увлекавшей его больше всего и напряженной всего, было богопознание. Верный апофатическим началам богословия старшего брата и в то же время предвосхищая идеи святого Григория Паламы о непостижимости Божественной сущности, Григорий Нисский писал: «Простота догматов... предполагает, что Бог не может быть охвачен ни именем, ни понятием, ни иной какой постигающей силою ума, что Он пребывает выше всякого не только человеческого, но даже ангельского и премирного постижения, что Он неизглаголан, неизречен, превышает всякого означения словом»⁴³⁰. И все же «человеческий многозаботливый и испытующий разум при помощи возможных для него умозаключений стремится к недоступному и верховному Существо и касается Его. Он не настолько проницателен, чтобы ясно видеть невидимое, и в то же время не вовсе отлучен от всякого приближения, так чтобы не мог получить никакого гадания об искомом... Ибо что не соответствует божескому естеству, разум понимает; а что именно должно думать о нем, того не понимает»⁴³¹.

Полнота Божественной жизни, по мысли святителя, осуществляется во взаимообщении Ипостасей, исполненном высшей и совершенной любви. Понятие ипостаси у него тождественно семантике его старшего брата Василия: «В каждом из имен собственно и отдельно подразумевается означаемая названиями Ипостась. Услышав об Отце, мы подразумеваем причину всего; узнав о Сыне, познаем силу, воссиявшую из первой причины для устройства вселенной; узнавши о Духе, уразумеваем совершительную силу того, что приведено в бытие творением от Отца чрез Сына. Итак, Ипостаси... неслиянно отделены одна от другой... а существо их, каково оно ни есть (ибо оно не вырази́мо словом и не постижимо мыслью) не разделяется в каку́юлибо инаковость природы»⁴³².

Одно из сочинений святого Григория – «Послание епископу Мелитинскому Литонию» – вошло в канонические сборники. Послание разделено на 8 правил, в которых святой Григорий, опираясь на изумительное понимание движений человеческой души, предлагает способы врачевания душ, уязвленных грехом, в том числе и епитимии – запрещения причащаться Святых Таин на разные сроки в зависимости от тяжести содеянных грехов, но при этом он рекомендует варьировать эти сроки с учетом действительного состояния душ кающихся грешников.

Епитимии, установленные соборами и отцами, применялись в церковной дисциплине с разной мерой строгости. К их неукоснительному соблюдению тяготели монастыри, насельники которых особенно остро сознавали душепагубность греха.

Древние патерики донесли до нас изречения монахов, подвизавшихся в Фиваиде и Тавеннисе, в Ските и в Нитрийской пустыне, исполненные евангельской мудрости: «Один воин спросил авву Миоса: неужели Бог принимает покаяние? После продолжительного наставления старец спрашивает его: скажи мне, возлюбленный, – бросаешь ли ты свою одежду, когда она раздерется? Воин говорит: нет, я зашиваю и потом опять ношу ее. Старец сказал ему: итак, если ты бережешь свою одежду, неужели Бог не пощадит Своего создания!⁴³³... Авва Пимен говорил: если человек согрешил и будет отрекаться, говоря: не грешен, – не обличай его; иначе ты погасишь в нем всю

ревность к добру. Если же скажешь ему: не унывай, брат, но остерегайся впредь; этим возбудишь душу его к покаянию⁴³⁴... Авва Пимен говорил: ...все, что противно умеренности, – от демонов⁴³⁵... Брат говорил авве Сисю: я замечаю за собою, что памятование о Боге всегда со мною. Старец отвечал ему на это: не важное дело, что ты размышляешь о Боге; но то важно, – видеть себя ниже всей твари⁴³⁶... Авва Серии говорил: во всю жизнь мою жал я, шил и плел; но при всем том, если бы рука Божия не питала меня, не мог бы я прокормиться⁴³⁷».

Возникнув в Египте, монашеское подвижничество распространилось далеко за его пределы. Во второй половине IV века монастыри появляются в разных провинциях Римской империи. Киновии, устроенные по образцу общины Пахомия Великого, созидались в Палестине, Сирии и Каппадокии. В эту эпоху появляются первые женские монашеские общины. Умножение числа иноческих обителей и их насельников объясняется, среди прочих причин, снижением общего уровня нравственности церковного народа вследствие наплыва в Церковь недавних язычников. Люди, стремившиеся осуществить в своей жизни высокий евангельский идеал, порывали связь с миром, который уже не гнал их, и уходили в пустыню, чтобы там претерпеть иное гонение, воздвигаемое исконным врагом человеческого рода.

Но «уходя от своих ближних, святые вступали в активные отношения со значительно большим кругом лиц, чем если бы они оставались в миру. В конечном счете они производили на мир более сильное воздействие, чем император или командующий войсками, ибо их устремленность к святости через поиски единства с Богом представляла собой социальное действие, более притягательное для людей, чем любое секулярное социальное служение. Современники сознавали, что отшельники движутся к высшей цели... с полной решимостью и бескорыстием; и этот акт самовыражения через самопожертвование поражал воображение современников, касался их сердец»⁴³⁸ – наблюдение тем более ценное, что принадлежит оно историку, которого трудно признать церковным христианином.

Первоначально монахам возбранялось принимать на себя духовный сан. Они приглашали для богослужения в свои обители священников, которым запрещалось даже переночевать в монастыре. Когда преподобному Пахомию предложили рукоположить его в пресвитера, он бежал, а пустынножитель Антоний отсек себе ухо, чтобы уклониться от епископства. Однако уже по уставу Василия Великого каждая община должна была иметь своих священников из среды самой братии. Этот порядок распространился вскоре и на монастыри Египта, Сирии и Палестины.

На Западе первая аскетическая община была устроена в Галлии, вблизи Пиктавии (Пуатье). Ее основателем был святой Мартин, впоследствии поставленный на Турскую кафедру. Мартин родился в паннонском городе Сабарии в 316 или 317 г. «от родителей хотя и язычников, но рода не низкого»⁴³⁹. Его отец был офицером, перед отставкой дослужился до чина военного трибуна, и сам Мартин, продолжая семейную традицию, в юности поступил на воинскую службу и был зачислен в схолу – гвардейскую часть.

Одно время его часть была расквартирована в Павии, где Мартин общался с христианами. Уверовав во Христа, он стремился во всем следовать Его заповедям. Однажды, когда Мартин служил уже на севере Галлии, в Амьене, он встретил у городских ворот нищего, полунагого и окоченевшего от стужи. Охваченный состраданием, он разрезал свой воинский плащ надвое и половину его отдал нищему, чтобы тот укрылся им от холода; и вот в последовавшую затем ночь в сонном видении святой увидел Спасителя, одетого в плащ, который он отдал нищему. По словам современного биографа святого Регины Перну, «он, конечно, не мог и вообразить, какую значимость будет иметь этот его жест в течение веков. Поныне он представлен на бесчисленных фресках, картинах, в скульптурах и на рукописных миниатюрах»⁴⁴⁰. Этот эпизод из жития святого Мартина стал своего рода эмблемой христианства на Западе. Между тем в ту пору Мартин был еще в чине оглашенных. Произошло это, возможно, в 335 г.

За этим последовало крещение святого, но еще долго, до 25 лет, он оставался на воинской службе. Ему, как солдату элитной гвардейской части – схолы, предоставлялся для услужения раб. Сослуживцев Мартина поражало то обстоятельство, что Мартин обедал за одним столом со своим рабом, нередко сам готовил пищу и даже чистил своему рабу обувь.

После увольнения со службы Мартин перебрался в Пиктавию (Пуатье), где выполнял должность экзорциста, пребывая под началом и духовным руководством епископа местной церкви святого Илария. Совершив путешествие на родину в Паннонию, чтобы повидать родителей, Мартин обратил свою мать, но убедить отца стать христианином ему не удалось. На обратном пути он задержался в Медиолане и там принес обеты послушания, бедности и целомудрия, иными словами, стал монахом, хотя монашеский институт в собственном смысле слова тогда на Западе еще не существовал. В ту пору православные никейцы страдали от засилия ариан. Святой Мартин был ревностным никейцем и много потерпел от еретиков. Основав аскетическую общину в окрестностях Пиктавии, он усердно проповедовал Евангелие и обратил ко Христу многих язычников. Его проповеди отличались безыскусностью и простотой, покоряли души слушавших его искренностью тона и горячей верой.

Избранный христианами Тура кандидатом в епископы, святой Мартин пытался уклониться от хиротонии, но его едва ли не силой заставили принять сделанный народом выбор. Заняв одну из важнейших кафедр Галлии, он остался смиренным иноком, образ жизни которого отличался крайней аскезой. Мартин поселился в построенной им самим хижине на высокой скале, возвышавшейся над Луарой. Позже вокруг этой кельи вырос знаменитый монастырь Мармутье. Совершая епископское служение, святитель особое усердие прилагал обращению к вере во Христа язычников, которые решительно преобладали еще в сельской глубинке Галлии. Миссионерское служение святого простиралось далеко за пределы его епархии: епископы из раз-

ных городов Галлии приглашали его в свои области для проповеди Евангелия язычникам.

Святитель Мартин Турский преставился 8 ноября 397 г. и был погребен в Туре. Посмертная слава святого распространилась вскоре за пределами Галлии и по всему христианскому миру. Еще в пору земной жизни святого народ почитал его как чудотворца. В его житии, составленном учеником Мартина Сульпицием Севером, записано много прижизненных и посмертных чудес, включая три случая воскрешения умерших. Мощи святого Мартина стали одной из самых чтимых святынь Галлии. Орлеанский собор 511г. уравнил паломничество к ним с паломничеством в Рим и Иерусалим. В 1562 г. гугеноты опустошили базилику, где покоились его мощи, а самые мощи сожгли, но от уничтожения удалось уберечь частицу его черепа. В 1793 г. базилика святого была вновь разграблена и обращена в стойло для лошадей, но почитание его от этого не уменьшилось, и, по подсчетам историка Лекуа де ла Марша, в XX веке «в одной только Франции насчитывалось 3678 церквей, посвященных святому Мартину»⁴⁴¹. «Помещение, в котором хранилась мантия святого Мартина, его сарелла, стало столь притягательным для народа, что из первоначального обозначения здания с этой сарелла возникло нарицательное понятие, вошедшее в... обиходный язык – капелла»⁴⁴², эквивалентом которого является наша часовня. Для христиан Запада образ святого Мартина стал своего рода архетипом святости. В этом отношении Р. Перу сравнивает его со святым Николаем Мирликийским, находя очевидные параллели в их житии, подвигах и духовном облике⁴⁴³.

15. Цивилизация Римской империи IV века

IV столетие явилось одним из самых динамичных периодов в истории Средиземноморья и Европы. Менялся этнический состав населения Римской империи. Главным фактором перемен был усилившийся наплыв в ее пределы германских варваров, в особенности восточных германцев – готов, скиров, бургундов, герулов, гепидов, процесс ассимиляции и романизации которых был заторможен принятием ими христианства в его арианской версии, в отличие от коренных римских граждан, которые, в особенности на Западе, но в конечном счете также и на Востоке, приняли Никейский символ. Арианство стало своего рода национальным исповеданием германских федератов, поселившихся в империи, в основном на Балканах и в придунайских провинциях. Вместе с германскими племенами в том же статусе федератов обосновались в империи и ираноязычные сарматы, среди которых доминировали аланы.

Был еще один фактор трансформации этнической карты Балкан, коснувшийся ареалов употребления классических языков. Перемещение императорской резиденции на берег Босфора привело к переселению в новую столицу из Рима латиноязычных сенаторов, чиновников, офицеров. Статистически число переселенцев было ничтожно, но создание Нового и при этом изначально латиноязычного Рима на месте греческого Византия повлекло за собой ускоренную латинизацию не грекоязычного, разумеется, элемента, но балканских фракийцев, а также новых переселенцев на Балканы из-за границы, так что баланс латинского и греческого языка как одного из средств романизации и ассимиляции на Балканах сместился в сторону языка латинского. Жители Константинополя и примыкающей к нему Фракии в первые века существования столицы были по преимуществу действительно римлянами, а не грекоязычными ромеями, каковыми они стали в позднейшую эпоху. Одним из современных свидетельств этого обстоятельства является даже не столько присутствие на Бал-

канах румын, прямые предки которых поселились в Придунавье относительно поздно, в средние века, ранее занимая в основном Карпатский регион – Трансильванию, сколько островки расселения близкородственных им арумын, влахов и куцевлахов в современных Греции, Болгарии, Македонии и Сербии. Еще один след доминирования латинского языка за пределами коренной Эллады и Македонии заключается в славянском этнониме, служащем для обозначения эллинов, – греки. Прорвавшие в VI веке балканский лимес славяне могли научиться именно так называть эллинов не у кого иного, как у их латиноязычных соседей, живших к северу от Эллады и Македонии.

Но исторически переломный характер IV столетия главным образом связан не с этническим сдвигом – такие сдвиги Европа и Средиземноморье в прошлом переживали многократно, – а с тем, что это была эпоха одряхления и угасания язычества и рождения христианского государства и христианского общества, которое, выйдя из подполья, где его держали прежде, вбирало в себя мир, ранее языческий, а теперь поклонившийся Христу. Религиозный пафос и нравственная высота христиан, принадлежавших гонимой Церкви, высоко возвышались над средним уровнем религиозности и морали христианского общества, составленного в основном из вчерашних язычников, но нравственная атмосфера греко-римского мира, после того как он стал миром крещеным, стала несравненно более человеческой, чем во времена безраздельного господства язычества.

В религиозном отношении общество представляло собой в IV веке пеструю мозаику: с одной стороны, оставались еще язычники, принадлежавшие к образованным классам, упорствовавшие в своем неприятии христианства из-за приверженности традиции, из римского патриотизма, из-за погруженности в мир философской или поэтической классики, но язычество прочно держалось также и в сельской глубинке: крестьяне, на латинском языке *рагани* («поганные», то есть язычники наших древнерусских памятников) преобладали еще среди сельского населения, особенно на Западе.

Характеризуя эту эпоху, протоиерей Георгий Флоровский писал: «Империя в лице равноапостольного Кесаря получает крещение. Церковь выходит из своего вынужденного затвора и приемлет под свои священные своды взыскующий античный мир. Но мир приносит сюда с собою свои тревоги, и сомнения, и соблазны... Еще рано было говорить об окончательной победе. Мир все еще оставался внешним для Церкви. Сразу же за церковной оградой продолжалась прежняя, языческая жизнь. Еще были открыты языческие храмы. Еще учили языческие учителя – и полемизировали с христианством»⁴⁴⁴.

Одним из заповедников не задетого христианским Откровением язычества долго оставалась Афинская школа, в которой на самом высоком по тому времени уровне преподавались философия, риторика, поэзия, математика, астрономия. Среди афинских студентов случались и христиане, подобные учившимся там Василию Великому и Григорию Богослову, но большую часть студентов и профессоров составляли приверженцы традиционной религии, хотя, за исключением краткого периода правления посещавшего ранее занятия в этой школе Юлиана Отступника, который запретил христианам преподавать классические науки, там могли преподавать и христиане, однако в целом атмосфера школы проникнута была традиционным эллинизмом, который на языке того времени уже обозначал не только и даже не столько греческий язык и греческий этнос, сколько приверженность язычеству.

По саркастическим воспоминаниям Григория Богослова, «весьма многие и безрассуднейшие из молодых людей в Афинах... имеют безумную страсть к софистам. С каким участием охотники до коней и любители зрелищ смотрят на состязующихся на конском ристалище? Они вскакивают, восклицают, бросают вверх землю, сидя на месте как будто правят конями, бьют по воздуху пальцами, как бичами, запрягают и перепрягают коней... Совершенно такую же страсть питают в себе афинские юноши к своим учителям и к соискателям их славы. Они заботятся, чтобы и у них было больше товарищей, и учителя чрез них обогащались. И... наперед уже захвачены города, пути, пристани, вершины гор,

равнины, пустыни, каждый уголок Аттики и прочей Греции, даже большая часть самых жителей; потому что и их считают разделенными по своим скопищам»⁴⁴⁵. Святой Григорий не сожалел однако о том, что провел в Афинах 10 лет, постигая там «внешние науки», хотя, по его же словам, «для других... душепагубны Афины; потому что изобилуют худым богатством – идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе»⁴⁴⁶.

Помимо приверженцев греко-римского язычества, в империи обретались адепты древних египетских и сирийских культов, в армейской среде сохранял популярность митраизм, среди германских наемников и федератов не все приняли арианскую версию христианства, некоторые хранили верность своим национальным божествам – Одину и Тору, Фрею и Фрее. Как и в более ранние времена, около десятой части римских граждан составляли иудеи. Их присутствие было особенно плотным в городах Сирии, Египта, Эллады и Италии.

С социально-психологической точки зрения, и христианское общество не было однородным: многие из сельских жителей и даже горожан, принимая крещение, сохраняли языческие суеверия, почитая, наравне с христианскими мучениками, древних богов или наделяя христианских чудотворцев чертами, которые свойственны были мифологическим полубогам и героям. Ядро церковного народа составляли христиане, выросшие и воспитанные в христианских семьях, а также новообращенные неофиты, всем сердцем принявшие Евангелие, но численно среди новообращенных преобладали теплохладные люди, немало было и таких новых христиан, кого вовсе не трогали религиозные темы и кто, подчиняясь духу времени, из неверующих язычников легко становились неверующими христианами.

В особенно концентрированном виде религиозное лицемерие, по понятным причинам, присутствовало при дворе, в окружении императоров, уверовавших во Христа. Примеру искренне обратившихся властителей следовали искушенные и находчивые царедворцы, внутренне не меняясь. Аммиан Марцеллин, оставшийся язычником, не может считаться беспристрастным свидетелем, и все же набросанный им очерк нравов,

господствовавших при дворе падкого на лесть и угождение Констанция, даже если находить его чрезмерно карикатурным, не лишен достоверности. «Большая часть придворного штата, – писал он, –являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями... Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. ...Отсюда произошло дикое обжорство пиров, и вместо победных триумфов появились столовые торжества, широкое использование шелка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне; под роскошные дома занимались все более широкие пространства»⁴⁴⁷. Читая Марцеллина, можно, правда, подумать, что алчность и роскошество начались со времен Констанция, а не столетиями раньше, по меньшей мере со времен Красса и Лукулла. На самом деле удивляться, и то лишь при поверхностном взгляде на вещи, можно разве только тому, что подобные нравы не исчезли при дворе христианских правителей, но, с другой стороны, не мог же двор святого Константина или его сына Констанция уподобиться монастырской общине.

Контрасты, присутствовавшие в духовной атмосфере, в общественной нравственности, нашли свое выражение в памятниках литературы, принадлежащих эпохе религиозной трансформации империи. В параллель с радикальной эволюцией смыслов литературного творчества, менялся и сам материал, который служил фиксации и сохранению текстов. В IV веке книга в виде свитка из папируса вытесняется пергаментным кодексом – ближайшим прототипом современной книги с бумажными листами. Пергаментные листы выделялись из телячьей, овечьей или, реже, козьей кожи. Впервые шкуру баранов научились использовать для нанесения на нее письменных знаков в Персии Ахеменидов; из Ирана эта техника проникла в Элладу, где пергаментные листы получили название дифтер, но в ту пору она не получила там распространения.

Само название «пергамент» восходит к малоазийскому городу Пергаму. «Происхождение пергамента римский историк Плиний Старший... связывает с царем Пергама Эвменом II (198–158 до н.э.), который решил создать библиотеку, способную соперничать с библиотекой в Александрии. Тогда фараон Египта запретил вывозить папирус в Пергам, и жители этого города использовали кожи для оснащения библиотеки... ВIV в. пергамент уже преобладал над папирусом, и в V–VI вв. в библиотеке одной египетской церкви насчитывается 21 книга на коже и три на папирусе»⁴⁴⁸. Преимущества пергамента над папирусом заключались в возможности писать на обеих сторонах листа, а также в том, что текст, написанный растворимыми в воде чернилами, которые изготавливались из сажи и камеди, а также из сока чернильного орешка, легко было стереть и заменить новым. Но папирус был, конечно, дешевле пергамента – в расход на пергаментный кодекс уходило целое стадо овец или коз.

Первоначально и пергаментные книги изготавливались в виде свитков (на латинском языке *volumen*); подобные свитки с текстами Торы и по сей день употребляются в синагогах, но со временем свитки были вытеснены кодексом, который получил особенно широкое распространение в христианской среде. Латинское слово *codex* в буквальном смысле значит «ствол дерева», его употребляли также для обозначения колодки, которую привязывали к ногам раба или преступника, которую он волочил за собой при ходьбе и мог присесть на нее отдыхая. Позже кодексами называли намазанные воском дощечки, предназначенные для записи коротких текстов, и, наконец, пергаментные книги, а потом уже законодательные сборники, писавшиеся некогда на пергаменте. Кодексы складывались из четвертиониев – тетрадей по 4 листа, согнутых пополам, так что получалось 16 страниц. Кодексы имели деревянные переплеты с металлическими украшениями и застежками. До наших дней сохранились выполненные в IV веке кодексы, содержащие Новый Завет, – Синайский и Ватиканский.

По замечанию итальянского византолога Г. Кавальо, кодекс, «вызвал “революцию” в способе чтения. В отличие от свитка,

который представляет собой вереницу строк, что затрудняло поиск нужного места или возвращение к нему, – так что древние имели обыкновение цитировать по памяти, не сверяя цитируемые места с текстом, – кодекс состоял из страниц, как правило пронумерованных, и поэтому он позволял читать некоторые места повторно, делать ссылки и сопоставления, возвращаться к чтению особенно важных страниц, а также цитировать»⁴⁴⁹.

На латинском языке писались трактаты, посвященные специальным отраслям: военному делу или агрономии. Литературные исторические тексты, выходявшие из-под пера языческих авторов или номинальных христиан IV века, несут на себе, за редкими исключениями, черты вторичности и эпигонства, лишены творческого вдохновения, и, если позволительно прибегнуть к отдаленным параллелям, это был своего рода позднеантичный постмодернизм. В исторической литературе характерным жанром становятся брeвиарии, рассчитанные на широкого читателя. В них в максимально доступном изложении компилировались исторические труды предшественников.

Одна из таких компиляций известна под своеобразным наименованием «*Historiae Augustae scriptores*» (Писатели истории августов). Она включает биографии императоров от Адриана до Кара, представляя собой продолжение «Истории двенадцати цезарей» Светония. Традиционно на том основании, что в «Историю» не вошла биография Диоклетиана и последующих императоров, время появления этой книги относили к самому началу IV века, но в XX столетии появились иные версии ее датировки. Так, в специально посвященной этой теме монографии Н. Бейнса⁴⁵⁰ утверждается, что эта компиляция составлена была по поручению императора Юлиана в целях антихристианской полемики. Известны имена авторов «Истории августов» – Элий Спартиан, Вулькаций, Галликан, Элий Лампридий, Юлий Капитолин, Требеллий Поллион, Флавий Вописк, но известны они только в связи именно с этой книгой и поэтому не дают оснований для более точной и документальной датировки.

В конце IV столетия был составлен свод под названием «История из трех частей» (*Historia tripartita*), в которую вошли три бревиария: анонимные сочинения – «Происхождение римского народа» и «О знаменитых мужах», содержащее биографии римских царей и выдающихся деятелей республиканской эпохи, включая Юлия Цезаря и Марка Антония, и написанная Секстом Аврелием Виктором, прозванным из-за его африканского происхождения Афром, книга «О цезарях». Выходец из крестьянской семьи, Виктор Афр получил основательное риторическое образование и сделал блестящую карьеру, на вершине которой была должность префекта Рима, занятая им при императоре Феодосии. Виктор Афр не принял христианства; от Юлиана Отступника, в бытность которого он правил Паннонией, он заслужил медную статую, но его карьера не оборвалась с приходом к власти императоров-христиан. В своих биографиях принцепсов Афр широко пользовался трудами предшественников, и все же в его сочинении присутствует и оригинальный стиль и своя концепция, или, по меньшей мере, своя шкала ценностей, отталкиваясь от которой он характеризует правителей, отдавая предпочтение тем из них, кто прошел суровую школу жизни и борьбы, сопряженной со смертельными опасностями, подобно его земляку Септимию Северу. В то же время Афр объективный биограф и не склонен скрывать темных сторон в характере и деятельности даже своих любимых персонажей. Отдавая предпочтение принцепсам, которые достигали верховной власти не по праву рождения, а оно, надо сказать, вообще мало что значило в Римской империи, во всяком случае в сравнении со средневековой Европой, историк с нескрываемым презрением пишет о случайных выскочках, которых выносила наверх стихия солдатских мятежей. По своим политическим взглядам Афр – последовательный сторонник автократии, и не раз на страницах книги он выражает скептическое отношение к моральным качествам и способностям сенаторов править Римской республикой, как это они умели делать в прежние времена, хотя, будучи приверженцем традиции и консерватором, он считает сенат полезным и необходимым учреждением.

По заказу императора Валента другой высокопоставленный чиновник, Евтропий, написал «Бревиарий от основания города» (*Breviarium ab urbe condita*). Излагая историю эпохи царей и классической республики, Евтропий опирается в основном на Тита Ливия и в меньшей мере на Саллюстия, но обнаруживает большую самостоятельность в представлении императорской эпохи. Главная тема «Бревиария» – рост военной мощи и расширение пределов Римского государства. В основу периодизации эпохи принципата он положил череду сменявших друг друга императоров. Лучшей эпохой в истории Рима Евтропий считает время правления династии Флавиев, и портрет основателя этой династии Веспасиана наделен у него апологетическими чертами. Святой Константин, которого Евтропий мог знать лично, представлен Евтропием многопланово. Историк не без осуждения пишет о его ответственности за убийство жены Фаусты, сына Криспа и других близких родственников, в то же время он ценит Константина за любовь к наукам, за его заботу о школьном деле, при этом, странным образом, почти вовсе не касаясь его религиозной политики. Нет сведений о том, принадлежал ли Евтропий к Церкви или оставался вне ее, и само его сочинение не дает твердых оснований судить об этом с достоверностью, заметно однако равнодушие историка к религиозным темам; правда, в своих моральных оценках Евтропий обнаруживает зависимость от принципов стоической этики, но это обстоятельство не позволяет еще решительно отвергать его возможное христианство, поскольку многих христианских авторов позднейшей эпохи, особенно на латинском Западе, затронуло влияние стои. Эта его приверженность стоической морали, а также увлекательность его повествования, пересыпанного историческими анекдотами, содействовали его успеху в средневековье.

Крупнейший и вполне самостоятельный историк IV века – Аммиан Марцеллин, имя которого можно поставить в один ряд с самыми громкими именами латинской историографии – Ливием, Саллюстием, Тацитом, а поскольку по происхождению и родному языку, хотя он и писал на латыни, Аммиан был антиохийским греком, то и с такими мастерами исторической прозы, как

Ксенофонт или Полибий. «История» Аммиана Марцеллина, от которой сохранились лишь последние книги – от 14 до 31, наряду с трудами церковных историков Евсевия, Сократа, Созомена, служит наиболее надежным источником по IV веку. Скомпрометированная в средневековые апологией Юлиана Отступника, под началом которого Марцеллин нес офицерскую службу, она была мало известна до эпохи гуманизма, но обнаруженная в книгохранилище Фульдского монастыря «История» была издана и с этих пор стала одной из самых читаемых книг в кругу гуманистов.

Одним из талантливых латинских поэтов IV века был Децим Магний Авзоний. Он родился в Аквитании в 310 г., получил классическое образование в Толозе и потом в Бурдигале (Бордо) и сам стал преподавателем риторики и филологии. В 364 г. император Валентиниан пригласил его к себе в Трир для обучения риторике своего сына Грациана, уже провозглашенного августом. Когда ученик Авзония стал правителем империи, он назначил его на одну из высших гражданских должностей – префектом Галлии. В 379 г. Авзоний был удостоен званием консула. После убийства Грациана в 383 г. он удалился на свою виллу на берегу Гаронны и там прожил до смерти, последовавшей в глубокой старости в 394 г. Другьями поэта были вождь языческой партии в римском сенате Симмах и бывший ранее его учеником святой Павлин; когда тот, раздав свое имение нищим и заняв Ноланскую епископскую кафедру, перестал писать стихи в прежнем стиле, Авзоний тщательно призывал его «вернуться туда, где царят “беотийские богини-музы”... Ответ Павлина в стихах свидетельствует о его любви к учителю, но он отказался вернуться к языческим музам»⁴⁵¹. Сам же Авзоний был предан им до конца жизни, хотя и верно служил императорам-христианам.

Он писал поэмы, эпиграммы, идиллии, переводил греческих поэтов и сам предпринимал опыты версификации на греческом языке. Его лучшее произведение – поэма «Мозелла», посвященная детальному описанию вод и берегов притока Рейна Мозеля с их виллами, сельскими хижинами, виноградниками, лесами, холмами, с обитающими в Мозеле

рыбами разных видов и пород, подробно перечисленных и зарисованных поэтом. Звучные и гармоничные стихи, яркие образы, представимо воспроизведенные в поэме ландшафтные красоты, многочисленные автобиографические сведения о поэте, его родственниках и друзьях, содержащиеся в ней, компенсируют риторическое многословие, недостаток эмоциональной напряженности, приглушенность душевных переживаний лирического героя. Это образец антологической, описательной поэзии, виртуозной по мастерству и культуре стиха, но лишенной лирического порыва, глубины чувств и творческого вдохновения, свойственного большим и по-настоящему оригинальным поэтам.

Темы, мотивы, литературные приемы классической поэзии, виртуозно отработанные на материале греческого языка в Александрии и усвоенные затем латинскими поэтами, становились шаблоном, повторялись и тиражировались. Творческое обновление поэзии и всей вообще литературы сопряжено было с радикальным обновлением смыслов, и эту новизну несло с собой христианство. Впрочем, эта новизна не представляла собой формально обязательной принадлежности литературного творчества всякого христианина, замечанию И. Н. Голенищева-Кутузова, даже папу Дамаса «как поэта, писавшего эпитафии мученикам не выходя за пределы риторической стилистики и античной фразеологии, может быть, следовало бы отнести не к христианским писателям, а к авторам “национальной школы”»⁴⁵². Поэтам предшествующей эпохи подражал в своих стихах, посвященных святому Константину и другим темам, префект Рима Порфирий, который, несомненно, был христианином. Его опусам свойственна формалистическая игра, граничащая с трюкачеством: Порфирий писал, например, стихотворения, количество строк в которых точно совпадало с количеством букв в каждой поэтической строке. Его младший современник Ювенк, стилистически подражая «Энеиде» Вергилия, написал поэму «*Evangeliorum libri IV*» (Четыре книги Евангелия), в которой изложил в стихотворной форме Священную историю земной жизни Христа.

Подлинную поэтическую новизну несла христианская гимнография. Молитвы и песнопения, составленные на языке, чуждом классической архаики, непонятной народу, лишенному высшего риторического образования, приближенном к живой современной речи, постепенно эволюционировавшей в вульгарную латынь, написанные к тому же не по законам традиционной греко-римской просодии, основанной на чередовании долгих и кратких слогов, но ритмическим метром – ямбом и хореем, построенными на чередовании ударных и безударных гласных, а в некоторых случаях даже и легко запоминавшимися рифмованными стихами – ранее к рифме прибегали лишь в шутовских, пародийных стихах либо также в народной поэзии, – стали широко применяться в церковном богослужении.

Одним из гимнографов-песнописцев был святой Иларий Пиктавийский, но настоящим основателем ритмической поэзии стал другой святитель, Амвросий Медиоланский, обладавший разнообразными дарованиями, и среди них поэтическим и композиторским. Вот один из примеров его песнотворчества, на века и тысячелетия вошедшего в обиход Западной Церкви: *Deus creator omnium polique rector, vestiens diem decoro lumine noctis soporis gratia* (в поэтическом переводе Голенищева-Кутузова этот гимн передан так: «Творец, создатель сущего, небесным сводом правящий, день светом облакающий, ночь сновиденьем благодным»). Правда, традиционно усваиваемый святителю Амвросию знаменитый гимн *Te Deum laudamus* (Тебе, Бога, хвалим), по мнению большинства современных ученых, ему не принадлежит и составлен был уже только в V столетии одним из подражавших ему учеников. Святитель, взяв за образец греческие напевы, установил строго определенные тональности, или гласы, для церковного песнопения, что получило затем на Западе название Амвросианского напева.

Греческий Восток империи был раньше и глубже христианизирован, чем латинский Запад, и в IV веке он уже не знал выдающихся писателей, сохранивших приверженность язычеству, за одним исключением – речь идет о знаменитом антиохийском риторе Либании, который родился в 314 и умер в 393 г. Его учи-

телем был другой антиохийский ритор – Зиновий, принадлежавший к направлению, которое в истории литературы получило наименование «второй софистики», а затем Либаний учился в Афинах у Диофанта. Получив основательное образование, он сам открыл школу в новой имперской столице, откуда вместе со своими учениками переселился вначале в Никомидию и, наконец, в 354 г., в родную Антиохию и там уже занимался преподаванием риторики, включавшим в себя изучение древних образцов красноречия и обучение искусству составления и произнесения речей. Среди учеников Либания самые знаменитые – император Юлиан Отступник, в честь которого он составил 6 панегириков и исполненное искренней скорби слово, посвященное его смерти, и святой Иоанн Златоуст. Известно, что перед собственной кончиной Либаний в ответ на вопрос, кому он хотел бы оставить свою школу, ответил: «Я назвал бы Иоанна, если бы не перехватили его у нас христиане»⁴⁵³. Несмотря на свою подчеркнутую, если не сказать демонстративную, неприязнь к христианству, Либаний пользовался благоволением не только Юлиана, но и христианских императоров Констанция, Валента и Феодосия Великого. Эллинизм Либания имел двоякий характер: антихристианский, в соответствии с новым осмыслением этого термина, и антилатинский: он не знал латыни и своим ученикам не советовал ее изучать.

Либаний писал прекрасным греческим языком, не чуждым риторических прикрас, характерных для стилистики позднего эллинизма, но, с одной стороны, эти изыски не были надуманными и посторонними по отношению к содержанию его сочинений, а с другой, он прибегал к ним сдержанно, экономно, не перегружая ими свои тексты. На его слог значительное влияние оказали классические образцы ораторского искусства, и более всего Демосфен. Либаний написал биографию этого великого оратора древности, а также краткое изложение его речей. Большую часть литературного наследия Либания составляют речи, посвященные разным темам: панегирики императорам, знаменитое похвальное слово родному городу и его гражданам, слова о содержании городских тюрем, в защиту мимов,

описания произведений искусства, составленные в учебных целях декламации на вымышленные темы. Либаний написал автобиографию, озаглавленную «Словом о собственной судьбе». Исключительно обширно его эпистолярное наследие – сохранилось 1607 его писем, написанных по разным поводам и с неизменным литературным мастерством. Эти письма содержат богатый фактический материал по истории эпохи и в этом отношении могут быть сопоставлены с латиноязычными письмами Цицерона или Плиния Младшего. Современники и близкие ему по времени потомки называли Либания «малым Демосфеном».

Одним из небесталанных учеников Либания был, как уже сказано, Юлиан Отступник, литературное наследие которого составляют памфлеты, и среди них наиболее известный «Мисопогон» (Ненавистник бороды), языческие гимны, философские речи: «К царю Солнцу», «Против невежественных киников», «Против христиан», – и письма, адресованные разным лицам: подчиненным чиновникам, философам, языческим жрецам, а также им самим составленные эдикты. Эллингист в обоих значениях этого слова – приверженец эллинской литературной традиции и языческих верований, Юлиан умело владел греческим языком, но на его сочинениях лежит печать его неуравновешенной, порывистой, истеричной натуры. Он писал чрезмерно эмоционально и пафосно, иногда сумбурно и велеречиво, его ирония, его насмешки, ядовитые по замыслу, не производят впечатления, на которое они рассчитаны, – видно, что они исходят от человека искренне рассерженного, но при этом лишенного подлинного остроумия, кажутся надуманными и натянутыми.

IV век не дал ни одного масштабного грекоязычного поэта языческой ориентации. Подлинно великим поэтом эпохи был учившийся одновременно с Юлианом в Афинах Григорий Богослов. Его поэтическое наследие составляют поэмы «О самом себе» (Пери тон каф эвтон), «Плач о страданиях души своей», «К епископам», «О стихах своих» и самая большая из них – «О своей жизни», молитвы в стихах, лирические стихотворения, посвященные богословским и философским темам, сюжетам,

почерпнутым из Священной истории Ветхого и Нового Завета, а также собственной духовной жизни, «надгробия», или эпитафии, среди которых выделяются выраженной в них остротой скорбных и просветленных чувств, исполненных благоговейной благодарности, стихи, посвященные памяти матери святителя Нонны, стихотворные послания, сатирические стихи, гномические циклы: «Мысли, писанные одностишиями», «двустышиями» (Гномаи дистихи) и «четверостишиями» (Гномология тетрастихос). Стихотворные произведения Григория Богослова переведены на русский язык полностью, но это прозаические переводы, опыты стихотворных переводов некоторых из них предпринимались Л. А. Фрейберг, М.Л. Гаспаровым, С. С. Аверинцевым.

Григорий Назианзин, при содержательной новизне его поэзии, выразившейся в ее христианской тематике, в отраженной в ней напряженной внутренней духовной жизни лирического героя, фактически тождественного с автором, отличался несравненно большей верностью традиционной поэтике, чем его латиноязычный современник Амвросий Медиоланский. В своих стихах он прибегал к классическим размерам: гекзаметру, ямбическому триметру, элегическому дистиху.

Гекзаметром написана его ранняя поэма «О самом себе». Вот как звучит в стихотворном переводе место из этой поэмы, в котором содержится пересказ евангельской истории о милосердном самарянине: «В Иерихон многославный, покинув Солима святыни, странник спешил, – а в пути на него нападают бродяги: рвут и терзают одежды, дубиной уродуют тело, жертву свою на дороге бросают в муках предсмертных, мимо идущие, с ними левит и священнослужитель, сетуют горько при виде такого злодейства – и только... Лишь самарянин помог несчастному словом и делом». Своим размером поэма явным образом напоминает Гомера, но сходство с древним рапсодом обнаруживается не только в версификации, но и в образной ткани этой поэмы. Состояние своей души, свои скорбные чувства христианский поэт выражает, прибегая к образу, почерпнутому из жизни природы, воспроизведенному с потрясающей выразительностью: «Словно на бреге потока, под

зимней бушующей бурей, или сосну или стройный платан, неизменно зеленый, у основания обьяв, волна сокрушает и рушит, прежде корни подмыв, в земле их ослабит и пошатнет над собой, и поклонятся ветви и сучья, ляжет ствол, вознесутся над почвой бессильные корни, рухнет древо, опоры лишась, в речную пучину, шумной пеной вскипев, и поток его мчит на порог, где и реки неустанный напор, и дожди проливные гнилью проникнут в него и в ничтожестве на берег кинут».

Григорий заимствует у Гомера и такой поэтический прием, как постоянные эпитеты, которые и повторяются и варьируют применительно к одним и тем же лицам. В отдельных случаях прямо заимствуются гомеровские эпитеты. Так, по наблюдению Л. А. Фрейберг, «один из очень значительных моментов в поэтике Григория – применение в гексаметрах и дистихах известных гомеровских эпитетов, которые порой неожиданно переосмысливаются. Интересно, например, сочетание определений дьявола в начале поэмы «О своих делах». «Злой демон» (даимон какоэргос) в другом месте превращается в «плетущего козни» (доломитис) – постоянный эпитет Гермеса у Гомера... Следующее же определение – «свету подобный» (фоти эикос), включая его контекст, – построенное по аналогии с гомеровским никти эикос, представляет собой не что иное, как лексический вариант названия Lucifer»⁴⁵⁴.

Поэтические образцы для себя Григорий находил не только у Гомера. Стихотворение «К своей душе» написано четырехстопным ямбом, к которому часто прибегал Анакреонт. Одно место из этого стихотворения напоминает Анакреонта и своей образностью: «Ты хочешь, чтоб застолье дышало благовоньем и яства были сладки? Чтоб лиры и тимпаны, звуча, бодрили сердце? Чтоб отрок извивался в немужественной пляске и девушки кружились, постыдно обнажаясь? Ты хочешь забавляться, как те, в чьем теле похоть бушует, воспаляясь от пламенного Вакха». Это описание пира, которое, если бы эту тему развивал Анакреонт, звучало бы в простодушно-мажорном тоне, но, в противоположность древнему поэту, святой Григорий воспроизводит сцену разгульного пиршества с язвительной горечью.

Широко пользуясь литературной техникой поэтов языческой древности, Григорий Назианзин отвергал этику, философские и жизненные ценности язычества, а в иных своих стихах выражал неприязнь и к самим произведениям древних поэтов: «Этих писаний соленая горечь противна мне стала – красок поддельных игра и позолот мишура».

Обличительные стихи Григория проникнуты высоким нравственным пафосом, остроумны и саркастичны, выдают его меткую наблюдательность. Вот отрывки из прозаического перевода стихотворения «На женщин, которые любят наряды»: «Если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, то есть не заимствуйте красоты у рук, – красоты, которую доставляет земля, которую распутные женщины покупают, покупают за несколько оводов, красоты, – которая стирается, стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселие приводит в трепет ланиту, – красоты, которую обличают в подлоге ручьи слез, увлажнивающий ланиты страх, и уничтожает капля росы... Если и достанет у тебя хитрости скрыть что-нибудь от супруга... то смотри, чтобы прогневанный Бог не сказал тебе так: “Отвечай, чуждая мне тварь! Кто и откуда этот творец? Я не пса живописал, но создал собственный Мой образ. Как же вместо любезного Мне образа вижу кумир?” ... Нимало не удивительно, если и ты, расцвеченная, розоперстая, одетая в роскошные ткани, носящая высоко голову, сведешь с ума молодого человека, и даже не одного, но всякого, для кого расписываешь себе лицо. Верю, что один мудрый муж своим искусством ввел в обман тельца, изобразив красками на доске телицу... Но и ты иногда ухищряешься возбудить то же в молодых людях... Если ты и не покоряешься плотской похоти, а служишь только похоти очей, то и эта воздушная любовь есть уже болезнь».

Энергия поэтического слога придавала мыслям святителя, выраженным в его гномических стихах, отточенность и афористический лаконизм: «Для всякого умершего человека целая земля есть гроб; потому что все, что из земли, на земле и в землю обращается», «Пастух, когда захочет, доит козлов, но вместо молока выжимает у них потоки крови»; «Ум озабоченный

– это моль, которая точит кости; тело цветет, когда избегает забот»; «Смотря на голые кости, убедишься, что все здешнее не принадлежит нам существенно»; «И у собак, которые сбежались на падаль, уважается порядок»; «Самая лучшая польза от жизни – умирать ежедневно», «Все разумеи, но делай, что позволительно делать».

Главная тема поэзии святого Григория сопряжена с богословием, а стихотворный жанр сообщал естественность и органичность свободному применению метафор для изложения догматов. При этом его богословская мысль, проникнутая библейским апофатизмом, не впадает в опасность переоценки значимости подобных образов, ибо Бог по существу своему абсолютно отличен от твари. В стихотворении «О Святом Духе» поэт нанизывает образы, наводящие на мысль о Триипостасном Божестве, и при этом вновь и вновь подчеркивается недостаточность и неадекватность таких уподоблений: «Из Единицы Троица, и из Троицы опять Единица – здесь не то же, что ключевая жила, ключ и большая река, и между тем единый ток, в трех видах стремящийся по земле; не то же, что свеча из пылающего костра, опять в него влагаемая; не то же, что слово, исходящее из ума и в нем пребывающее; не то же, что отблеск колеблющихся и освещенных солнцем вод, мелькающий на стене, ни на одно мгновение не останавливающийся, но прежде приближения удаляющийся и прежде удаления приближающийся; не то же, – потому что естество Божие не есть что-либо непостоянное, или текучее, или опять сливающееся; напротив того, Богу свойственна неизменность».

Одна из вершин мировой религиозной поэзии – стихотворение святого Григория «О Сыне», которое заканчивается словами, содержащими образы и идеи, воспроизведенные в богослужебных последованиях Господских праздников и Страстной седмицы: «Он был смертен, но Бог; род Давидов, но Адамов Создатель; плотоносец, но бестелесен; по Матери-Деве описан, но неизмерим. Ясли вместили Его, но звезда вела к Нему волхвов, и принесшие дары пришли и преклонили пред Ним колена. Как человек, был Он в борении, но, как неодолимый, в троекратной борьбе препобедил искушителя. Вкусал Он пищу,

но напитал тысячи и воду претворил в вино. Крестился; но очистил грехи; но Дух громогласно провозгласил Его Сыном Безначального. Как смертный погружался Он в сон и как Бог укрощал море. Утомлялся Он в пути; но у изнемогших укреплял силы и колена. Молился; но Кто же внял умиленным мольбам погибающих? Он был Жертва, но и Архиерей; Жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех. К чему же перечислять все подробно? Он приложился к мертвецам, но возбужден из мертвых, а прежде Сам воскрешал мертвецов. Если одно показывает нищету смертного; то другое – богатство Бесплотного. По крайней мере ты, видя в Нем свойственное смертным, не бесчести Божества. Оно соделало славным и перстный образ, который из любви к тебе образовал нетленный Сын».

Поэтическое наследие святого Григория Богослова являет собой модель христианского, воцерковленного эллинизма, органически присущего патристике. Это был своеобразный синтез, в котором выработанный античным миром, древней Элладой, культурный код служил инструментом для выражения библейского Откровения в такой форме, которая была естественна, приемлема и близка носителям культурных традиций эллинизма и потому способствовала их обращению.

Соприсутствие классических мотивов, форм и образов и христианских тем и идей характеризует не только литературу, но и изобразительное искусство IV века. Ваяние оставалось в это столетие самым массовым видом искусства, и по большей части это были скульптурные портреты императоров, высокопоставленных сановников, выдающихся и не знаменитых частных лиц, барельефные композиции на саркофагах. Продолжалось копирование, искусное или ремесленное, шедевров греческой пластики классической и эллинистической эпохи, в том числе и изображений олимпийских богов, наряду с победителями на Олимпийских играх, в основном для украшения городских площадей, базилик, терм, дворцов, вилл и домусов, принадлежавших состоятельным владельцам. Но спрос языческих храмов на новые изображения богов резко

упал, потому что сами эти храмы приходили в запустение и изготовление новых оригинальных кумиров сходило на нет.

К пластике, из всех искусств наиболее тесно связанной с политеистическим культом, у христиан сложилось особенно настороженное отношение. Поэтому статуи, изображающие богов, мягко говоря, не были особенно оберегаемы в средневековье, и хотя начиная с эпохи гуманизма и ренессанса в ходе раскопок удалось извлечь из-под земли огромное число изделий римских скульпторов, но поскольку IV столетие было несравненно менее продуктивно в этом искусстве, чем предшествующие времена, до нас, соответственно, дошло не много скульптурных произведений этого периода.

Одно из самых выразительных и характерных среди них – голова, руки и стопа Константина Великого – фрагменты колоссальной по своим размерам статуи, хранящейся в Капитолийском музее Рима. Неизвестно, кем был создатель этого монумента: язычником, что вероятнее, или христианином, но на этом памятнике лежит печать времени – тревожного и переломного. Это образ властителя с прекрасным и грозным ликом, взгляд которого устремлен вдаль, в его широко открытых глазах угадывается знак вертикальной устремленности души, и поэтому статуя равноапостольного императора не только по его месту в истории, по его значению для Церкви, но и своим собственным духовным содержанием сопрягается с новизной христианства, перед которым тогда преклонился языческий мир, преклонился императорский Рим.

Для скульпторов-христиан или выполнявших заказы христиан одним из способов уклонения от риска оказаться в плену языческого идолопоклонства было изображать человеческие фигуры не в натуральную величину, способную пробудить скандальные ассоциации с кумирами, но в миниатюрном масштабе и не в полнообъемном виде, а рельефно, причем с использованием таких форм, которые приближаются к плоскостному изображению. Эта тенденция более всего проявилась в пластике саркофагов. В саркофагах, украшенных барельефами, христиан погребали и раньше, по крайней мере с середины предшествующего столетия, но в эпоху гонений, когда

разрыв между языческим истеблишментом с его классической культурой и христианским обществом воспринимался с особой остротой, когда для останков усопших христиан изготавливались саркофаги, на которые помещали лаконичные символы – изображения рыб, птицы феникса, виноградной лозы, якоря или монограмму Христа, изобразительные композиции на христианских саркофагах ограничивались несколькими сюжетами: Доброго Пастыря, пророка Ионы, поглощаемого китом, реже – Христа в виде Орфея. Но в IV веке диапазон используемых сюжетов значительно расширился.

К числу самых прославленных памятников раннехристианской пластики относится принадлежащий Ватиканскому музею и экспонируемый в хранилище под собором святого Петра саркофаг, в котором был погребен скончавшийся в 359 г. префект Рима Юний Басс, крещенный незадолго до своей кончины. Передняя плита саркофага разделена тонкими колонками на 10 квадратных секций, расположенных в два ряда. В каждой из них помещен барельеф с одной из историй Ветхого или Нового Завета. Среди них – Спаситель на троне с апостолами Петром и Павлом, Вход Господень в Иерусалим, Христос перед судом Пилата, грехопадение Адама и Евы, Иов на гноище, жертвоприношение Авраама, Даниил во рву львином. Стилистически эти барельефы близки позднеэллинистической традиции, отличаясь от античной пластики символической глубиной содержания.

В Византийском музее Афин хранится рельеф с изображением Орфея, играющего на лире в окружении зверей. Это типичный для раннехристианского искусства символ Христа.

И все же скульптура не была тем искусством, в котором бы христианские идеи могли получить свое наиболее органическое воплощение. Таким искусством стала живопись и – в первые века после святого Константина в основном мозаика. Декоративные мозаичные полы IV века, в значительном числе сохранившиеся в археологических зонах городов Сирии и Северной Африки, Италии и Испании, экспонируемые в музейных собраниях Италии, в знаменитом музее Бардо в Тунисе,

стилистически трудно отличимы от подобных им мозаик эллинистической эпохи, а также последующих веков, даже если они украшали христианские храмы, потому что в церквах не принято было наносить священные изображения на полу, где они могли быть попираемы ногами, хотя в отдельных случаях христианские надписи, символы и изобразительные сюжеты встречаются и на мозаичных полах, не только в церквах, но и в профанных по своему назначению сооружениях.

В результате раскопок кипрского города Куриона обнаружен комплекс строений, получивший условное название виллы Евстолия, с хорошо сохранившимися фрагментами напольной мозаики, относящимися к первой трети IV века. Эти мозаичные изображения производят курьезное впечатление присутствием в них языческих и христианских мотивов. В атриуме находится помещенный в декорированный орнаментом круг бюст богини строительства Ктисис с измерительным инструментом, возможно канон, в правой руке. Длинный коридор, соединяющий южную часть здания с северной, был вымощен мозаичным орнаментом с греческой надписью: «Входи и чувствуй себя хорошо в этом доме». На полу портика прочитываются имя вероятного хозяина дома Евстолия, бога Аполлона и... Христа. Пол портика декорирован сложным переплетением узоров, в который вписаны изображения птиц, в том числе посвященного покровителю мантики Аполлону вещего ворона, и рыб, столь характерных для христианской символики. «Орнаментальный мозаичный бордюр состоит из исполненных в перспективе квадратов – любопытная попытка передать объем в мозаике. Богатая полихромия... придает этим мозаикам нарядный праздничный вид»⁴⁵⁵.

Но подлинной революцией в развитии этого искусства стало нанесение мозаичных изображений на стены, плафоны и своды церквей; это были сложные композиции, иллюстрирующие Священную историю, жития святых, несущие с собой радикально новое в сравнении с античной традицией христианское содержание. Параллельно этому изменился и самый материал, которым стали пользоваться мозаичисты: вместо разноцветного мрамора, которым декорировались полы, для настенных и

подкупольных панно употребляли кубики окрашенного стекла – смальту с ее более яркими мерцающими красками, устранявшими в восприятии зрителя непроницаемость стены, на которой выкладывалась мозаика, и создававшими эффект видения сквозь нее прекрасного неземного мира. Именно поэтому смальта нашла самое широкое применение в интерьерах христианских церквей.

В IV веке в христианской среде сохранялись еще предубеждения против антропоморфного искусства: из посланий преподобного Нила Синайского, написанных на рубеже IV и V столетий, видно, что стены христианских храмов в его время и до него украшались геометрическим орнаментом, особенно часто начертаниями креста, а также изображениями ландшафтов, растений и животных. По литературным и археологическим данным можно сделать заключение, что именно так обстояли дела в Армении, Месопотамии и Сирии. Но сам преподобный Нил гораздо шире смотрел на место и значение живописи в храмоводательстве: префекту Олимпиодору, который собирался построить церковь и украсить ее мозаикой и фресками, он писал: «Пусть рука превосходнейшего живописца наполнит храм с обеих сторон изображениями Ветхого и Нового Завета, дабы те, кто не знает грамоты и не может читать Божественных Писаний, рассматривая живописные изображения, приводили себе на память мужественные подвиги искренне послуживших Христу Богу и возбуждались к соревнованию достославными приснопамятными доблестями, по которым землю обменяли на небо, предпочтя невидимое видимому»⁴⁵⁶. Мысль преподобного Нила о священных изображениях в храме как своего рода Библии для неграмотных получила впоследствии большую популярность на христианском Западе, в то время как на Востоке, и прежде всего в имперской столице, позже выработано было более глубокое учение об иконе, составившее основу догматического ороса VII Вселенского Собора.

В IV веке в христианском искусстве существовало два основных направления, сложившихся еще во времена гонений. На Востоке доминировал геометрический орнаментализм, в то время как в Риме христианские художники не испытывали

опасений перед антропоморфным образами. По словам крупнейшего знатока византийского искусства, «только на римской почве мог сложиться тот вариант антикизирующего стиля, который получил название “христианской античности”»⁴⁵⁷. В христианском искусстве Рима и других крупных городских центров империи антропоморфные образы, изобразительные приемы, свойственные эллинистической живописи, проникли в церковное искусство, вполне отвечая вкусам тех новых христиан, которые одновременно были наследниками античной культуры. Но вторжение классической культуры во все сферы церковной жизни вызывало озабоченность у многих христиан Запада, особенно в провинциях. Отголоском таких настроений стало иконоборческое по своей сути постановление Эльвирского собора 313 г., в котором содержался радикальный запрет на какие бы то ни было живописные изображения в церквях, – запрет, который на деле однако игнорировался.

На перекрестке этих контрверс, характеризующих раннехристианскую эстетику, создаются сохранившиеся до наших дней мозаичные изображения в церквях Фессалоник, Рима, Милана и Неаполя, восходящие к IV веку.

Самыми ранними из дошедших до нас христианских мозаик являются композиции в мавзолее дочери Константина Великого святой Констанции, строительство которого было завершено в 361 г., после чего он и был украшен мозаикой. Мозаичные сцены в куполе мавзолея утрачены, но их сюжеты известны по рисункам, выполненным в XVI веке. Сохранились зато композиции, находящиеся в галерее мавзолея: Христос, стоящий на вершине горы, из которой истекают 4 райские реки; *Traditio clavium* (передача ключей) – Христос вручает ключи от рая апостолу Петру – и *Traditio legis* (передача закона), или Христос Законодатель, на которой Спасителю предстоят апостолы Петр и Павел, прислонившийся к растущей за его спиной пальме, при этом Христос вручает Петру свиток со словом «*Dominus pacem dat*» (Господь дарует мир).

По словам В. Н. Лазарева, «когда христианство получило официальное государственное признание и вскоре сделалось

господствующей религией, ему пришлось *volens nolens* использовать античную триумфальную тематику, поскольку перед победившей Христианской Церковью стояла задача окружить ореолом величия и блеска Христа – центральный образ всего христианского искусства... В результате образ Христа-Триумфатора... Властителя мира и Победителя смерти стал сближаться с образом императора-триумфатора. Все чаще изображают Христа восседающим на троне. Сцена передачи закона (*Traditio legis*) трактуется как композиционный вариант сцены посвящения императором чиновника в сан, а поклонение апостолов Христу и деисус – как варианты античной сцены поклонения императору»⁴⁵⁸. На композиции с вручением апостолу Петру ключей от рая Петр представлен безбородым, в то время как у Спасителя борода, а в *Traditio legis* апостол Петр с бородой, а безбородым юношей изображен Господь. Мозаики Санты Констанцы отличаются иератической торжественностью. Для них характерен светлый, почти белый фон, бедность цветовой палитры, придающая изображениям особую монументальность.

Несколько мозаичных композиций, выполненных в конце IV века, сохранилось в атриуме и в апсидах капеллы святого Аквилина, пристроенной к миланской базилике святого Лаврентия (Сан Лоренцо): в атриуме – фигуры патриархов и пророков, а в апсидах – поучение Христа апостолам и небольшой фрагмент взятия пророка Илии на небо.

Шедевром мозаичного искусства являются композиции в баптистерии Сан Джованни, примыкающей к базилике, посвященной святой Рескитуте, к которой в средневековье был пристроен готический кафедральный собор (*duomo*) Неаполя. Баптистерий построен был, вероятно, при епископе Севере, занимавшем Партенопейскую – официальным названием Неаполя было тогда Партенопея – кафедру в конце IV столетия. В это время и были выполнены знаменитые мозаики. Баптистерий представляет собой снизу четверик, который посредством угловых тромпонов переходит в восьмерик, увенчанный куполом. В зените купола, прямо под которым стоит каменная купель, выложен медальон с Крестом и монограммой

Христа, выполненной греческими буквами «альфа» и «омега» на фоне неба, усыпанного звездами. Вокруг медальона – декоративная кайма с изображениями фруктов и птиц. Ниже, в 8 трапециевидных секциях, на которые расчленен купол, в нескольких ярусах представлены композиции, и среди них – Христос, беседующий с самарянкой, брак в Кане Галилейской, крещение Христа (сохранилось со значительными утратами – видна нижняя часть фигуры с босыми ногами и в мокрой тунике), хождение по водам, чудесная ловля рыб, передача закона (*Traditio legis*). В подкупольных тромпах антропоморфный и зооморфные символы Евангелистов – Ангел, Лев, Телец и Орел с размещенным над ними многофигурным панно. В простенках между тромпами представлены фигуры не поддающихся персональной идентификации апостолов и мучеников, а также изображения овец, оленей у источников вод, павлина – символа нетления и олицетворяющей воскресение мифической птицы феникс.

Стилистика неапольской мозаики несет на себе черты влияния как римской, так и восточной, сирийской традиции, особенно характерно выразившейся в примыкающих одна к другой сценах беседы Христа с самарянкой и брака в Кане Галилейской.

Мозаики выполнены с поразительным колористическим мастерством. Предвосхищая позднейшие открытия импрессионистической живописи, мозаичисты баптистерия Сан Джованни прибегли к такому смелому приему, как цветные тени, которые особенно искусно нанесены на одеяниях Спасителя и святых. Мерцание звонких и чистых красок с преобладанием изумрудно-зеленой, голубой и матово-золотой, лаконизм рисунка, естественность в выражениях лиц с широко открытыми глазами, в которых удивительное соединение тревоги, умиротворения и радости, сообщает изображаемому двойственный характер сердечной интимности, евангельской простоты и человечности, абсолютной достоверности происходящего и одновременно его мистериальной, таинственной значимости, выводящей созерцаемое за горизонты земного мира.

На греческом Востоке в фессалоникийском храме великомученика Георгия сохранилась мозаика купола, созданная при перестройке этого сооружения из мавзолея Галерия в дворцовую церковь Феодосия Великого. Под куполом изображен Спаситель с Крестом в руке и четыре окружающих Его Ангела, фрагменты человеческих фигур, принадлежащих святым, и птица феникс. Характерная черта фессалоникийской мозаики – декоративность, доминирование архитектурного ландшафта. «Фризообразная композиция купола церкви св. Георгия представляет... монументальный календарь: на фоне сложных архитектурных кулис, состоящих из эдикул, аркад, куполов и конх, даны стоящие в позах орантов святые, чьи имена и месяцы их празднования обозначены в сопроводительных надписях... Эти образы святых на фоне богатой архитектуры символизировали небесный Иерусалим»⁴⁵⁹.

Образ Небесного Иерусалима становится центральным символом христианского храмоздательства и в известной степени также и градостроительства, что, конечно, органичней и естественней всего было осуществить при основании новой имперской столицы – Константинополя. Ветхий Рим ко времени святого Константина представлял собой грандиозный и по своему заверченный античный мегаполис, перестраивать который радикальным образом было уже невозможно, или, лучше сказать, подобное предприятие явилось бы повторением подвига Герострата или Нерона, если тот действительно поджег Рим, или предвосхищением оставшегося исключительно в мире идей проекта Корбюзье – разрушить Париж и выстроить на его месте город функциональных небоскребов. Прошло еще несколько столетий, прежде чем древний Рим под ударами вандалов и иных варваров не обратился в скопление классических руин, но в IV веке он еще не утратил своего античного великолепия.

Восторженное описание Рима времен императора Констанция составил Аммиан Марцеллин. Рассказывая о первом визите императора в Рим, историк писал: «Осматривая части города, расположенные на семи холмах по склонам и на равнине, а также предместья, он находил, что все, что он видел впервые,

затмевает все остальное: храм Юпитера Тарпейского, представлявший ему настолько выше всего другого, насколько божественное выше земного; здания общественных бань, обширные, как целые провинции; громада амфитеатра, сложенная из тибуртинского камня и такой высоты, что ее едва достает человеческий взор; Пантеон, круглое громадное здание, заканчивающееся вверху сводом; высокие столбы с внутренней лестницей, на которых воздвигнуты статуи консулов прежних императоров; храм города Рима, Форум Мира, театр Помпея, Одеон, Стадий и другие красоты Вечного города. Но когда он пришел на Форум Траяна, сооружение единственное в целом мире, достойное, по-моему, удивления богов, он остолбенел от изумления, обводя взором гигантские сооружения, которые невозможно описать словом и которые никогда не удастся смертным создать во второй раз»⁴⁶⁰.

После победы святого Константина над Максенцием Рим украсила еще одна, и последняя из сохранившихся в столи, триумфальная арка, воздвигнутая в 315 г. вблизи Колизея, у подножья Палатинского холма – в честь освободителя имперской столицы от тирана. Трехсводчатая арка Константина, опирающаяся на четыре коринфские колонны, замечательна гармонией своих пропорций, спокойной и величавой монументальностью облика. Для ее украшения были использованы мраморные статуи варваров, находившиеся ранее на форуме Траяна, а также барельефы со сценами охоты и жертвоприношений эпохи Адриана, помещенные в медальонах над боковыми пролетами арки.

Святой Константин и его преемники бережно относились к римским древностям. По словам знаменитого историка города Ф. Грегоровиуса, «в восточных провинциях были уничтожены многие храмы, в самом Риме некоторые из них были разорены во время народных возмущений... Но полному уничтожению сокровищ Рима препятствовали законы императоров, почтение к величию города и его прошлому и значительная власть языческой аристократии, которая в сенате все еще была многочисленной. Римляне... ревностно и с... любовью охраняли свои памятники. .. На обязанности городского префекта лежало

наблюдение за публичными зданиями, статуями и триумфальным арками... Ряд эдиктов... императоров доказывает, что последние заботились... о всем, что составляло красоту Рима... Законы запрещали префектам и другим должностным лицам возводить новые здания в Риме, предлагали иметь заботу о сохранении старых зданий. Теми же законами воспрещалось брать камни у старых памятников, разорять их фундаменты, снимать с них мраморную обкладку, пользоваться всем таким материалом для новых построек»⁴⁶¹.

На разорения языческих храмов, в отдельных случаях чинившихся христианами, император Констанций отреагировал эдиктом, в котором говорилось: «Хотя... всякое суеверие должно быть совсем уничтожено, мы хотим, однако, чтобы здания храмов, находящихся вне стен, оставались нетронутыми и неповрежденными. Так как некоторые храмы положили начало цирковым зрелищам и упражнениям, то не приличествует разрушать то, что составляет основу торжества древних игр римского народа»⁴⁶².

В IV веке вид столицы мало изменился в сравнении с прошлым, и все же за изданием Миланского эдикта, даровавшего христианам свободу вероисповедания и равноправие с язычниками, последовало строительство христианских храмов в разных городах империи и самых грандиозных по размерам и лучшим по своим архитектурным качествам в ее столице. Несколько знаменитых римских церквей воздвигнуто было уже в правление святого Константина; в своем храмоздательстве в Риме он обнаружил деликатность по отношению к языческому большинству жителей столицы – при нем церкви строились за пределами городской черты – померия, *extra muros*, или *fuori le muri* на современном итальянском языке, – это выражение вошло в наименования некоторых из них. Предание связывает с именем Константина строительство кафедрального Латеранского собора, а также базилик апостола Петра у подножья Ватиканского холма за Тибром, апостола Павла *fuori le muri* – на дороге, ведущей из Рима в Остию, Иерусалимского Креста на виа Лабикана, вблизи Кастренского амфитеатра, – основание этого храма предание усваивает матери императора

равноапостольной Елене, церковей святых Лаврентия за стенами, Агнессы за Номентанскими воротами и Петра и Марцеллины за Porta Maggiore.

Название Латеранского собора связано с тем, что супруга святого Константина Фауста владела дворцами, принадлежавшими ранее римскому магнату Латерану. И вот один из этих дворцов Константин и Фауста подарили епископу города Сильвестру; он и стал с тех пор основной резиденцией пап, оставаясь ею в течение почти тысячи лет. При святом Константине посреди латеранских дворцов воздвигли христианский храм базиликального типа. Его не раз перестраивали с тех пор. Современный вид Латеранский собор приобрел уже только после его последней радикальной перестройки в эпоху барокко. Первоначально Латеранский собор носил имя Христа Спасителя, и только в VI веке он был посвящен Иоанну Крестителю. Возле собора был сооружен перестроенный столетие спустя баптистерий, известный по своему итальянскому названию San Giovanni in Fonte – восьмигранник, в основу которого положена центрическая композиция мавзолеев и нимфеев. Конструкция этого сооружения послужила образцом для позднейших баптистериев Италии.

Ватиканский собор апостола Петра не раз перестраивался, прежде чем в XVI веке на его месте не был воздвигнут новый храм, вид которого с тех пор остается неизменным, а первоначальный облик этого храма, воздвигнутого на предполагаемом месте распятия апостола, около разрушенного цирка Калигулы, с трудом поддается реконструкции. В разные времена перестроены были и другие церкви, заложенные в Риме самим Константином или во время его правления, но в некоторых из них лучше сохранились их первоначальные конструктивные особенности.

Это замечание относится, в частности, к заложенной папой Юлием I в 340 г. церкви в честь святой Девы Марии за Тибром – in Trastevere, приобретшей свой современный вид после ряда позднейших перестроек. В середине IV столетия, при папе Либерии, уже не за городом, но внутри городской черты – на

Эсквилинском холме – был заложен храм, посвященный Божией Матери, – знаменитая базилика Santa Maria la Maggiore, подвергшаяся перестройке в V столетии, при Сиксте III, но сохранившая при этом свой архитектурный тип.

Первоначальный вид некоторых древних храмов известен из их подробных старинных описаний. Так, базилика апостола Павла fuori le mura, заложенная в 383 г. по эдикту императоров Валентиниана II, Феодосия Великого и Аркадия, адресованному префекту Рима Саллюстию, на месте посвященной апостолу надгробной часовни и достроенная уже только в 404 г., при Гонории, «имела 477 футов в длину и 258 футов в ширину. В помещение церкви вело несколько дверей, взгляд терялся в обширном пространстве ее величественных кораблей (нефов. – В.Ц.), которых было пять, отделенных друг от друга четырьмя рядами колонн. Последние, по 20 в каждом ряду, были взяты из древних зданий. ... Строитель связал колонны арками, переходившими в высокие стены. Последние в местах над колоннами были украшены мозаикой... Потолок кораблей блестел позолоченной бронзой, а пол и стены были из мраморных плит... Средний корабль замыкался большой триумфальной аркой, покоившейся на двух могучих ионических колоннах... Триумфальная арка св. Павла возвышалась над главным алтарем и над местом (confessione), в котором покоилось тело апостола в бронзовом гробу»⁴⁶³.

В IV столетии церкви строились не только в Риме и новой столице Константинополе, но и в других городах империи, на Западе и на Востоке, и среди них лучше других сохранили свой первоначальный вид основанная святителем Амвросием в его кафедральном городе Медиолане базилика, в которой он и был погребен и которая позже названа была его именем, а также ставший на века местом паломничества для христиан всего мира храм Рождества Христова в Вифлееме, заложенный святым Константином в 332 г и восстановленный после его разрушения императором Юстинианом Великим. Судя по материалам раскопок, Вифлеемский храм изначально имел пять нефов, под его апсидой, в которой установлен престол, находится пещера, где, по преданию, родился Спаситель.

Одной из святынь храма с самого начала служат хранящиеся в нем кости вифлеемских младенцев, избитых Иродом, – первых мучеников за Христа.

Архитектурным прототипом древних христианских церквей послужили не языческие храмы, но базилики. Именно поэтому базиликами и стали называться христианские церкви этого типа, характерного для храмостроительства первых веков истории христианской империи, а затем также, уже в Католической церкви, – храмы, имевшие особую значимость и в этом отношении подобные древним базиликам, независимо от их архитектурной конструкции. Любопытно, что на румынском языке слово «базилика», трансформированное в *biserica*, стало названием самой Церкви Христовой. В античном Риме базилики, образцом которым послужила греческая *стоя*, и в особенности «стоя василика», или «базилика», – царская *стоя*, являлись помещениями, где заседал суд, велась торговля, устраивались деловые встречи. Этот тип зданий с их большим внутренним пространством был замечательно приспособлен для молитвенных собраний христиан, в особенности, когда в IV веке христиане вышли из подполья, из катакомб, когда они могли легально совершать богослужение, когда число их выросло, и в то же время сохранялось еще стремление всех христиан города, если, конечно, он не был таким огромным, как Рим или Константинополь, собраться вместе под предстательством своего епископа – приходских храмов было тогда еще слишком мало.

Церкви, построенные по типу базилик, прекрасно соответствовали своему двоякому назначению: служить местом для молитвенного собрания тысяч христиан и, ввиду своей грандиозности и торжественного великолепия отделки, являть собой достойный дом Бога и Творца. Характерно, что сама этимология слова «церковь» на разных языках указывает в одних случаях на собрание молящегося народа: латинское *ecclesia* происходит от греческого слова «экклесия», которое обозначает народное собрание, а в других – на Дом Господень, именно таково значение греческого словосочетания «кириаки оикос» (Дом Господень), от которого произошли русское «церковь», а также

немецкое Kirche. Базилика наилучшим образом выражала обе эти экклезиологические идеи.

Христианин, посещающий базилику, вначале входил в атрий, где в случае, если храм не располагал отдельным баптистерием, находилась крещальная купель. Через портик, расположенный с противоположной от входа стороны атрия, он переходил в нартекс, или притвор. Именно там во время Евхаристического канона молились оглашенные, готовившиеся к крещению, и отлученные от причастия кающиеся грешники. Основное помещение базилики по-гречески называется наосом, который рядами колонн разделялся на нефы, что значит буквально «корабли»: центральный и расположенные по обе стороны от него боковые, так что вместе их могло быть три или пять. Центральный неф не всегда, но часто был выше и шире боковых. Свет проникал в наос через окна, которые находились в верхней части боковых стен храма. В вечернее и ночное время внутреннее пространство базилики освещалось лампадами и свечами. В наосе собирался народ, участвующий в литургии и в иных богослужениях. С противоположной от входа стороны наоса находилась кафедра и за нею полукруглая алтарная апсида, а в ее центре устанавливался престол для совершения на нем Евхаристии. В первых базиликах алтарь находился не на восточной, но на западной стороне храма, так что священник, совершая богослужение перед престолом, был обращен лицом к народу на восток. Позже, когда вошло в обычай и литургисающему священнику и народу взирать на восток, алтарная апсида поменялась местами с входом в храм и стала устраиваться на восточной стороне.

Первые базилики имели деревянные перекрытия. При их сооружении использовались нередко колонны, перенесенные из прежних построек, так что они могли быть разноордерными в одном храме и даже в одном ряду. От языческих храмов христианские базилики отличались аскетической простотой внешнего вида с незатейливой кирпичной кладкой стен, обычно лишенных декора, и этот их аскетизм контрастировал с внешним величием античных храмов с их колоннадами, портиками, роскошным декором аттаблементов и фриз и праздничным

великолепием внутреннего пространства, украшенного мраморной отделкой и мерцающей при свете лампад мозаикой, где все призвано было напоминать молящемуся о Горнем Иерусалиме, о Царстве Небесном, к которому устремлялись его помыслы.

Несмотря на бережное отношение императоров к древним языческим храмам Рима и некоторых других городов, со временем облик городов менялся: умножалось число христианских церквей, а языческие храмы ветшали и затем приходили в руинированное состояние, средства на их ремонт из казны не выдавались. На Востоке язычество пребывало в более плачевном состоянии, чем на Западе, во-первых, потому, что там было больше христиан и число тех, кто сожалел о приходивших в запустение капищах было невелико и с каждым десятилетием заметно убавлялось, и этот процесс не удалось прервать припадком истерического фанатизма, инспирированного Юлианом, а во-вторых, в отличие от римских храмов, которым выдавалась охранная грамота ради их вовлеченности в историю роста могущества Рима, которое и при христианских императорах составляло один из фундаментов государственной идеологии, храмы экзотических для римлян восточных божеств не служили напоминанием о величии Рима, хотя в свое время они и были инкорпорированы в имперский пантеон и потому не находили защиты со стороны государственной власти, когда становились жертвой религиозной ревности пылких христиан.

С запретом гладиаторских боев в запустение приходили и выстроенные в разных городах империи амфитеатры. Христиане не были подобно греческим и римским язычникам одержимы заботой о чистоте и красоте тела, в результате падал интерес к поддержанию в порядке сооружений античного фитнеса – терм, палестр и гимнасий.

Нескончаемая череда варварских вторжений привела к утрате былой безопасности городов, удаленных от границ, так что возникла насущная необходимость в строительстве крепостей там, где раньше обходились без них. В иных случаях недостаточно было крепостной стены, окружавшей город, и в

центре городов, на акрополях или capitoлиях, снова, как в давно ушедшую эпоху войны всех полисов против всех, стали воздвигаться укрепления, предназначенные для защиты городского ядра и горожан, получавших таким образом возможность продолжать оборону после прорыва осаждающим противником городской стены.

Типичный город IV века был окружен стеной, имевшей прямоугольную или неправильную конфигурацию, ориентированную на особенности рельефа. Если он вырос в римскую эпоху из военного лагеря, то планировка его улиц была регулярной, он имел кардус и декуманус, пересекавшиеся в его центре под прямым углом, в то время как улицы старинных городов пересекались между собой в хаотическом беспорядке. Главные улицы украшали колоннадами и портиками, в отдельных местах для защиты от непогоды над мостовой устроены были перекрытия, опиравшиеся на ряды колонн. В центре города мог находиться укрепленный акрополь или capitoлий, внутри которого располагались кафедральный собор базиликальной конструкции, дом епископа, нередко также больница или странноприимный дом, содержащиеся за счет местной церкви, в некоторых городах – императорский дворец, префектура, резиденция диоцезального викария, правителя провинции, здание городской администрации и базилика в старинном значении слова. Поблизости от них мог доживать свой век ветшающий языческий храм. Если город лежал на равнине, эти здания находились обыкновенно на центральной площади – агоре, или форуме. Города украшены были триумфальными арками, многочисленными статуями. Значительные площади занимали сады для прогулок и отдыха горожан. В большинстве городов улицы были замощены, городские власти заботились о содержании и ремонте акведуков и цистерн, в которых хранились запасы воды, о системе канализации, о термах, о рынках, об ипподроме, отчасти также о благоустройстве мастерских и жилых строений – это были домусы или, на окраинах и за городской чертой, виллы состоятельных владельцев, а также многоквартирные инсулы и лачуги бедняков.

Территория таких мегаполисов, как Рим, Александрия, Антиохия и приблизившийся к ним по численности населения Константинополь, превышала 10 квадратных километров. Самые мелкие города – их особенно много было в Африканском диоцезе – могли располагаться на площади в 1 гектар. Уровень урбанизации Римской империи в IV веке, хотя и понизился в сравнении со II столетием, когда он достиг максимума, оставался весьма высоким, превосходя в этом отношении не только средневековую Европу, но также древний Китай, Дамасский и Багдадский халифаты, Европу эпохи абсолютизма. В совокупности горожане составляли не менее одной пятой всего населения империи, суммарную численность которого можно оценить в 50 миллионов. Всего в империи насчитывалось более 2 тысяч городов. Кроме таких гигантов, как Рим, Александрия, Антиохия и Константинополь с их населением от полумиллиона до миллиона человек, в империи существовало еще не менее десятка городов, в каждом из которых проживало более 100 тысяч жителей: Лугдун, Кордуба, Трир, Медиолан, Карфаген, Тарент, Фессалоники, Никомидия, Эфес, Кесария Каппадокийская, Дамаск, Эдесса.

Снабжение многочисленных горожан продуктами питания представляло значительные трудности, тем более что вторжения варваров почти по всему периметру лимеса подрывали сельское хозяйство. И в городе и в деревне было много нищих. Неимущим легче всего было сыскать пропитание в имперских столицах – в Риме и Новом Риме, в Александрии и Антиохии, куда они стекались отовсюду. С братским состраданием писал о константинопольских нищих святой Григорий Нисский: «Большое количество людей лишено всего, они не имеют ни дома, ни очага. Перед каждой дверью теснится толпа военнопленных. Очень много мигрантов. Их можно увидеть везде просящими милостыню. Крышу им заменило небо. Портики превратились для них в постоянные дворы... Вместо одежды они носят лохмотья, своим пропитанием они обязаны жалости прохожих, их питье – это вода из фонтанов, где поят животных. Вместо чаш они используют свои руки, складки одежды для них стали кошельком, если одежда вообще

не порвана. Согнутые колена им заменяют стол, земля – постель. Они моются в воде рек и озер, естественных бань, созданных Богом для других целей. Они живут бродяжничеством как дикие, которыми они не были изначально, но стали из-за нужды и нищеты»⁴⁶⁴.

Правительство пеклось о пропитании нищих, и императоры видели в этом одну из своих очевидных христианских обязанностей. Заботилось оно и о содержании приютов для сирот и вдов, о лечении больных в лазаретах, которое для неимущих было бесплатным, то есть шло за счет казны. В значительной мере именно этим обстоятельством и патерналистской политикой христианского государства в целом, а не только неизбежными во все времена расходами на содержание армии, носителей высшей власти, бюрократического аппарата, давно вошедшими в традицию Рима большими тратами на внешнеполитические цели и дипломатию – иными словами, на подкуп иностранных династов и чиновников и в особенности на то, чтобы одних варваров натравливать на других, более опасных, объясняется повышенная нагрузка на казну, которую та испытывала в IV веке. Драгоценных металлов не хватало для выплаты всех расходов деньгами, поэтому приходилось часть оклада выдавать чиновникам, а также офицерам и солдатам в натуральном виде – продуктами питания, одеждой, высокопоставленным чинам – драгоценными шелковыми тканями и готовым платьем.

Нехватка средств в казне побуждала к увеличению налогов, а еще больше к ужесточению контроля за их поступлением. Между тем их главным источником были земля и крестьянский труд: несмотря на относительно высокий уровень урбанизации Римской империи, все же число крестьянских рабочих рук в несколько раз превышало число рук, занятых ремеслами и услугами, включая торговлю. И речь шла не только об увеличении штата финансовых контролеров, фискалов, но о более радикальном средстве – о прикреплении крестьян к земле, причем не только колонов, свободных арендаторов земли, принадлежавшей государству, императору или владельцам вилл и латифундистам, но также и

немногочисленных в ту эпоху крестьян-землевладельцев и рабов, посаженных на землю, так называемых *casati*, что значит «имеющих свой дом».

Толчком к изданию актов, прикрепивших колонов к земле, послужили многочисленные жалобы владельцев вилл на их бегство. Переход колона на землю нового арендодателя в случае погашения долгов прежнему владельцу арендовавшейся земли был законным, но расплатиться было, вероятно, нелегко, и часто колоны уходили тайно, не погасив долги, что, с одной стороны, давало повод для подобных жалоб, а с другой – наносило ущерб казне из-за недобора налогов. «Сборщики и ревизоры доносили о сокращении числа платежных единиц и уменьшении рабочей силы, бегстве колонов и разорении средних и мелких владельцев»⁴⁶⁵.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, Константин Великий 30 октября 332 г. издал эдикт, который гласил: «Тот, у кого будет найден принадлежащий другому колон... не только должен его вернуть туда, откуда он родом, но и должен заплатить подать, причитающуюся с него (колона) за все то время, какое у него колон находится. А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковывать в кандалы как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям»⁴⁶⁶. Несмотря на предусмотренные эдиктом суровые меры по отношению к беглым колонам, в нем положительным образом подчеркивается принадлежность колонов к числу свободных граждан, а не рабов.

В позднейшее времена издавались другие законодательные акты, которыми усугублялась крепость, привязывавшая колона к арендуемой им земле. Так в эдикте императора Валентиниана, изданном в 371 г., провозглашается принцип, по которому колоны прикрепляются к земле не в силу своих податных обязанностей, а по самому своему статусу колонов, ибо впредь «колоны... Иллирика и соседних областей не могут оставлять деревень, в которых они пребывают в силу рождения или родства. Пусть они служат земле не вследствие податных обязанностей, а вследствие имени и положения колонов»⁴⁶⁷.

Сохраняя личную свободу, – в этом отношении их положение отличалось от статуса русских крепостных послепетровской эпохи, – они, подобно им, утрачивали право на перемену места жительства. При этом они одинаково с поселенными на землю рабами и крестьянами-землевладельцами включались в категорию так называемых *adscriptitii* (приписанных) или *цензовых* (*censiti*) людей. Имущество колона в ряде актов стало именоваться *пекулием*, как ранее называлось имущество раба, а это значит, что им мог распоряжаться арендодатель.

По характеристике Н.А. Машкина, «*Jus census* (право, связанное с податным обложением), а также *jus originis* (право, заимствованное из практики эллинистических государств и привязывающее человека к месту рождения) позволяли законодателям рассматривать колона как раба земли (*servus ipsius terrae*), хотя в то же время колон признавался свободным человеком (*ingenuus*). В законах упоминались колоны различных категорий (*inquillini, adscriptitii, originarii, tributarii*), в зависимости от происхождения, состояния данного человека, приписки его к месту жительства, занесения его в кадастр»⁴⁶⁸.

Параллельно с этим процессом до минимума падает удельный вес рабского труда, который либо приобретает черты, аналогичные с трудом колонов, либо сводится к занятости в сфере домашних услуг. Рабство не было отменено ни святым Константином, ни его преемниками во власти, но расширению числа рабов положен был предел – пленников перестали продавать на невольничьих рынках, их сажали на государственную землю или отправляли в императорские салютусы в качестве колонов либо рекрутировали в войска. Но самое главное, на рабов, остававшихся в неволе, в отличие от времен языческих императоров, распространялась государственная опека, естественным образом вытекавшая из христианской идеи о равенстве всех людей пред Богом и евангельской заповеди человеколюбия. Святой Константин окончательно лишил рабовладельцев права казнить своих невольников. Господа по-прежнему могли подвергать рабов телесному наказанию, но издевательство над ними влекло за собой уголовное наказание. В случае неурожая казна выдавала субсидии на снабжение насущно необходимыми

продуктами питания не только свободных граждан пострадавших регионов, но и рабов. Иными словами, жизнь раба подлежала защите со стороны христианского государства. В этом смысле можно сказать, что, по-прежнему лишенные дееспособности, рабы в христианскую эпоху наделены были элементами правоспособности, подобными тем, которые принадлежат обыкновенно несовершеннолетним.

Тенденция к прикреплению разных категорий лиц к месту их проживания и деятельности затронула не только колонов и крестьян-землевладельцев, число которых резко сократилось, но и горожан: ремесленники прикреплялись к своим профессиям и коллегиям, похожим на средневековые цеха, так что и профессия и принадлежность к ремесленнической коллегии становились наследственными. Ремесленники лишены были права выдавать дочерей за мужчин, принадлежавших к чужой коллегии, а в случае женитьбы ремесленника на дочери лица из другой коллегии, чем он сам, он обязан был перейти в коллегию своего тестя. Номенклатура изделий производственных мастерских, их качества и цены, расход материалов, оплата труда наемных рабочих подлежали жесткой регламентации со стороны муниципальной администрации и государственной власти. Подобной же регламентации подлежала деятельность купцов, владельцев судов, банкиров.

В результате снижался объем продаж, падал товарообмен между разными регионами, что несло с собой угрозу оукливания и феодализации регионов – при том, что в целом правительство проводило централизаторскую политику. В крупных городах большой удельный вес приобрело производство государственных мастерских, в особенности таких, которые снабжали армию оружием, а военно-морской флот боевыми судами и их снаряжением. Одним из последствий такого порядка стало уменьшение доли товарного хозяйства в экономике империи в сравнении с натуральным, но это была лишь тенденция; в целом экономика оставалась товарной и денежной, в этом отношении принципиально отличаясь от хозяйственного строя раннего средневековья.

Политика прикрепления лиц к месту их деятельности распространялась и на муниципальную аристократию, на членов городских сенатов и курий: куриалы отвечали своим имуществом за своевременное и полное поступление в казну городских налогов. Поэтому должности куриалов, в прежние времена почетные и выгодные, становятся обременительными – их избегают, от них уклоняются. В ответ правительством принимаются меры, чтобы сделать их наследственными. Реакцией на это становится бегство куриалов из городов, в иных случаях даже и за границу или, пуще того, в разбойничьи или пиратские шайки. Беглецов ловили и подвергали уголовным наказаниям. А в города для контроля над деятельностью курий с 360-х гг. стали назначаться государственные чиновники с должностью защитника города – *defensor civitatis*. В их обязанности входила защита горожан от обид со стороны куриалов, сборщиков налогов, знатных и сильных частных лиц. Дефенсоры полномочны был принимать жалобы и выносить по ним решения в пределах своей компетенции, за ними также закреплялись контрольные и надзорные функции. Первоначально дефенсоров назначало правительство, позже их избрание предоставлено было самим горожанам.

Во многих отношениях экономический и административно-правовой строй Римской империи, который сохранялся в ней и в позднейшие времена, составив одну из характерных особенностей византизма, унаследованного государствами и экономиками, принадлежащими к миру восточнохристианской цивилизации с его этатизмом и патернализмом, с вездесущим контролем, не имевшим однако противоядия от коррупции, с исключительно высоким уровнем государственной регламентации, носил черты государственного капитализма.

До середины IV века экономика Римской империи была на взлете, успешно преодолевались стагнация и упадок, явившиеся неизбежным следствием нескончаемых смут, потрясавших империю в предыдущее столетие, но во второй половине столетия опять стали нарастать кризисные черты, выразившиеся в разорении многочисленных собственников средней руки: владельцев вилл, купцов, хозяев

производственных мастерских, не говоря уже о мелких крестьянах-землевладельцах. Обратной стороной этого процесса стал рост крупного землевладения. За исключением императоров, никто в эту эпоху уже не имел богатств, сопоставимых с теми, которые принадлежали магнатам времен, следовавших за победой над Карфагеном, никто в IV веке не мог сравниться по своему богатству с Крассом, Помпеем, Цезарем или Меценатом. И все же в этот период существовали крупные собственники: одни из них принадлежали к старинным сенаторским фамилиям, хотя и редко восходившим к эпохе до Августа, другие – и их было больше – разбогатели благодаря родству или дружбе с императорами.

О назначенном Валентинианом новым префекте претория Петронии Пробе, который возводил свое происхождение к императору Пробу, Аммиан Марцеллин писал: «Знатность рода, авторитет и колоссальное состояние принесли ему широкую известность в римском мире. Поместья он имел почти во всех провинциях»⁴⁶⁹, а их в империи насчитывалось около ста. В житии святой Мелании, «принадлежавшей к сенаторскому роду, говорится, что до поступления в монастырь она вместе со своим мужем владела латифундиями в Сицилии, Галлии, Испании, Британии, проконсульской Африке, Нумидии, Мавритании и в других провинциях... На размеры этих владений указывает хотя бы тот факт, что поместья Мелании около африканского города Тагасты по населению и по площади были больше самого города»⁴⁷⁰.

Богатство крупных магнатов росло и благодаря старинному римскому институту патроната, приобретшему в эту эпоху новые черты. Мелкие собственники, нуждавшиеся в защите со стороны сильных и влиятельных лиц, добровольно поступали под покровительство и защиту патрона, передавали ему свое имущество в собственность, получая его уже от него в пользование в качестве прекария, а это значило, что новый собственник мог в любое время потребовать от своего клиента передачи прекария в свое владение. В отдельных случаях магнаты, под предлогом необходимости защиты имущества от внешних врагов или от разбойников, строили собственные крепости, самочинно

усваивали себе право суда над свободными клиентами, принятыми ими под свой патроний, нанимали вооруженные отряды и даже заводи́ли частные тюрьмы не только для рабов и колонов, но и для клиентов.

Феодальные поползновения подобного рода, чаще имевшие место в отдаленных провинциях, на окраинах империи, встречали противодействие со стороны правительства и прямо пресекались им; тем не менее, когда затевалась борьба за захват верховной власти, выливавшаяся в гражданские войны, эти своего рода феодальные княжества становились очагами мятежей и опорой узурпаторов. Но императорская власть, хотя и не без осложнений, в конечном счете все же справлялась с опасностями, угрожавшими империи распадом, и находила средства для поддержания в государстве порядка и благоустройства.

Глава 3. Римская империя в V столетии

1. Правление Аркадия и Гонория.

После кончины Феодосия Великого, 17 января 395 г., правителями империи стали два его сына: 18-летний Аркадий Флавий и 11-летний Гонорий Флавий, к тому времени оба уже носившие титул августов. Умирая, отец завещал старшему сыну править на востоке империи, а младшему – на западе, где до своей гибели правил Валентиниан II, а ранее – его брат Грациан. Речь шла, естественно, лишь о распределении сфер ответственности, а не о разделении государства, которое сохраняло свою целостность, оставаясь единым политическим и юридическим пространством. Подобным же образом территория Римской империи разделена была в порядке управления после кончины святого Константина между тремя его сыновьями; принципиально от этой системы не отличались ни введенная Диоклетианом тетрархия, ни имевшие место и до него случаи соправительства августов, чреватые осложнениями в их взаимоотношениях, выливающимися порой в гражданские войны, но никогда не обозначавшими раздел государства. Как и прежде, годы именовались именами двух консулов: западного и восточного. Между тем последовавшее за смертью Феодосия Великого назначение двух преемников с разделением между ними имперской территории послужило для многих историков поводом для того, чтобы придать этому событию непомерное, гипертрофированное значение. Его перекалифицировали в раздел империи на два отдельных государства, и на этой основе была сконструирована никогда не существовавшая в реальном мире Западная Римская империя; более того, началом или концом ее призрачного бытия принято стало обозначать рубеж между античной эпохой и средневековьем.

Аркадий родился в Испании около 377 г., незадолго до того, как его отец был призван к участию в верховной власти. Феодосий назначил его своим соправителем с титулом августа еще ребенком, в 383 г., – в отсутствие формального института наследования императорской власти в Риме, остававшемся юридически республикой. Возведение в сан цезаря и затем

августа служило завуалированной формой объявления наследника. В Константинополе Аркадий получил основательное классическое и христианское образование – его учителями были известный ритор Фемистий и знатный сенатор Арсений, который незадолго до кончины Феодосия, около 394 г., покинул двор и мир, переправился в Египет и стал там монахом в Скитской пустыне. В историю Церкви он вошел с именем Арсений Великий. Святой Арсений давал уроки и младшему брату Аркадия Гонорию, который родился в 384 г., в бытность его отца уже императором. Впоследствии, со времен Ираклия, когда империя приобрела откровенно монархические черты, сыновей и дочерей императоров, рожденных во дворце, в пору правления их отцов, стали называть порфиророгенетами, или, по-русски, багрянородными. В 390 г. Гонорий был провозглашен августом.

Править самостоятельно не готов был не только подросток Гонорий, но и достигший совершеннолетия его старший брат, который не обладал выдающимися способностями отца. По характеристике Филосторгия, «малого роста, сухощавый, слабосильный, он имел смуглый цвет лица; вялость его души обличал характер его речи и свойство глаз, которые смыкались сонливо и болезненно»⁴⁷¹. Феодосий позаботился подобрать в помощь сыновьям способных и надежных, как он считал, полководцев и администраторов. В эту эпоху как грекоязычные, так и латиноязычные римляне избегали воинской службы, предоставляя это опасное и обременительное занятие наемникам из варваров. Большую часть армии составляли варвары, в основном из германцев. Из этой среды выходили выдающиеся полководцы, и император Феодосий, отражая варварские вторжения, подавляя мятежи федератов, доверял тем из них, кто добросовестно служил Риму, и всячески поощрял их, так что германцы стали надежной опорой его власти. Регентом Гонория он назначил магистра армии в Италии (*magister militum*) Стилихона, по происхождению вандала, сына кавалерийского офицера, состоявшего на службе у императора Валента. При Феодосии он достиг генеральского чина, отличился затем на военном и дипломатическом поприще – заключением выгодного для Рима договора

с иранским шахом Сапором III, и, наконец, стал членом императорской семьи, вступив в брак с племянницей Феодосия Серенной.

Помогать Аркадию в делах государственного правления призван был префект претория романизированный галл Руфин, уроженец аквитанского города Элузы. У себя на родине он получил риторское и юридическое образование и сделал потом блестящую чиновничью карьеру, став одним из ближайших помощников и советников Феодосия. Руфин был кафолическим христианином, построил великолепную церковь вместе с роскошной виллой в месте под названием Дуб, расположенном близ Халкидона, но его нравственные качества, мягко говоря, не соответствовали его вере. Это он был главным подстрекателем резни, учиненной Феодосием в Фессалониках. Человек незаурядного ума и импозантной наружности, он отличался высокомерием, тщеславием, непомерным стяжательством, абсолютной неразборчивостью в средствах для достижения цели, а ею, как выяснилось вскоре, было достижение верховной власти. Похоже, при Феодосии он умел скрывать свои худшие качества, но в правление его неопытного сына, который, казалось, всецело зависит от него, он, что называется, распоясался. По словам историка Евнапия, «вокруг него вилась огромная толпа льстецов, а льстецы были из тех людей, которые вчера или третьего дня выбежали из лавочки, чистили отхожие места или мыли пол. Теперь они носили красивые хламиды с золотыми застежками и имели на пальцах печати, оправленные в золото»⁴⁷².

Магистр армии Стилихон, в противоположность Руфину, отличался прямоотой и благородством, отчасти, вероятно, потому, что, несмотря на долгое пребывание на римской службе, он не утратил варварского прямодушия, которое принадлежало ему по праву рождения. Ему свойственно было магнетическое обаяние, привлекавшее к нему человеческие сердца. Поэт Клавдиан писал о Стилихоне: «Высокий красивый молодой вандал с преждевременно поседевшей головой излучал сияние, которое заставляло людей, встретившихся ему на улице, уступать ему дорогу»⁴⁷³.

Стилихон и Руфин, один из которых находился в Милане, где была резиденция Гонория, а другой в Константинополе, при возложенной на них Феодосием особой ответственности за благополучие его сыновей обязаны были нести солидарную заботу об империи, но тот и другой все же отдавали предпочтение политическим интересам того из августов, при котором они состояли. В самом начале правления братьев обозначилась проблема границы между их владениями. Префектура Иллирик, включавшая диоцезы Дакию и Македонию, иными словами, провинции восточной части Балканского полуострова, за исключением Фракии, до Феодосия Великого входила в сферу ответственности императора, имевшего резиденцию на западе, но Грациан, призвав к участию в верховной власти Феодосия, включил Иллирик в его область, с тем чтобы он навел порядок на Балканах после разорения, которому они подверглись в результате агрессии готов и поражения Валента. Этот акт воспринимался как вполне разумный и с той точки зрения, что в Иллирик входила коренная Эллада, и в этом отношении диоцез был ближе к восточной части империи с доминированием в ней греческого языка, чем к Западу. Дефектом подобного распределения была однако его диспропорция, потому что в таком составе Запад оказывался обделенным с точки зрения и народонаселения, и экономического потенциала, и финансовых, а значит и военных, ресурсов. Подобным образом распорядился и сам Феодосий в разделе территории империи между сыновьями, передав Иллирийский диоцез старшему из них, – и Аркадий вместе с Руфином взял его под свой контроль.

Такое положение дел не устраивало Стилихона. В интересах Гонория и его именем он потребовал от Аркадия передать Иллирик младшему брату. В ответ из Константинополя последовал отказ, отягощенный требованием вернуть воинские части, перемещенные ранее, при Феодосии, с востока в регион среднего Дуная. Стилихон пообещал лично прибыть в Константинополь, когда ему позволят обстоятельства, чтобы предоставить Аркадию отчет о положении дел на подведомственной ему территории и заодно предъявить полномочия, которые он получил

от умершего Феодосия, находясь у его одра. Такой ответ не мог удовлетворить Аркадия и Руфина.

Тем временем в Константинополе разыгралась интрига, изменившая властную конфигурацию. Руфин, стремясь, очевидно, к верховной власти, надеялся достичь ее, породнившись с императором. Пользуясь своим влиянием на Аркадия, он намеревался выдать за него замуж свою дочь. Между тем одним из соперников Руфина в состязании за влияние на императора был препозит священной опочивальни (*praepositus sacri cubiculi*) евнух Евтропий, который понимал, что брак Аркадия с дочерью его врага сулит ему скорую смерть. Поэтому он решил действовать без промедления. О таких, как Евтропий, дворцовых евнухах Аммиан Марцеллин писал в свое время: «Всегда безжалостные и жестокие, лишённые всяких кровных связей, они испытывают чувство привязанности к одному лишь богатству, как к самому дорогому их сердцу детищу»⁴⁷⁴. Ни армия, ни народ не имели к ним ни уважения, ни сочувствия, скорее презрение, а в меру их влияния – их ненавидели, но ориентализованные установления дворцового обихода делали их присутствие при дворе неизбежным. В юности Евтропий зарабатывал на жизнь проституцией.

Не имея собственного потомства, он выбрал в невесты императору дочь находившегося до своей смерти на римской службе генерала франкского происхождения Баутона, отличавшуюся редкой красотой. Выросшая в Константинополе, она получила классическое образование и носила греческое имя Евдоксия. Воспользовавшись отъездом Руфина в Антиохию, где он должен был проконтролировать вынесение смертного приговора и казнь одного из высокопоставленных местных чиновников, Евтропий вначале показал юноше портрет Евдоксии, а потом, воспользовавшись своим положением при дворе, ввел ее во дворец и познакомил с императором. Юный Аркадий был очарован ею, тем более что она отличалась также умом, могла поддерживать и вести беседу и, посвященная своим неожиданным покровителем в его матримониальные планы, сознательно участвовала в столь перспективной, но и смертельно опасной интриге. Ко времени возвращения Руфина

в столицу Аркадий и Евдоксия были уже помолвлены, но предусмотрительный Евтропий посоветовал держать имя императорской невесты в тайне.

Свадьба состоялась 27 апреля 395 г. Историк Зосима «со злорадством... рассказывает почти невероятную историю о том, как утром в день свадьбы впечатляющая процессия придворных чинов двигалась по улицам, чтобы привести во дворец невесту. Перед домом Руфина собралась толпа, жаждавшая увидеть свою будущую императрицу, и эти люди были немало поражены, когда шествие миновало дом и остановилось у несравненно более скромного жилища Евдоксии, которая вскоре появилась в наряде невесты, чтобы быть отнесенной во дворец к ожидавшему ее там жениху»⁴⁷⁵. Оскорбленный происшедшим, Руфин затаил злобу на своих обидчиков, столь ловко разрушивших его планы.

Как раз в это время начались волнения в лагерях вестготских федератов, расквартированных во Фракии. По убеждениям римлян, или ромеев, варварами вновь овладела жажда грабежей. Историк готского народа Иордан представил причину волнений в ином свете, более благоприятном для его соплеменников: «После того, как Феодосий, поклонник мира и друг рода готов, ушел от дел человеческих, сыновья его, проводя жизнь в роскоши, принялись губить оба государства, а вспомогательным войскам (т.е. готам) отменять обычные дары; вскоре у готов появилось к ним презрение, и они, опасаясь, как бы от длительного мира не ослабела их сила, избрали себе королем Алариха; он отличался чудесным происхождением из рода Балтов, второго по благородству после Амалов»⁴⁷⁶. Одной из причин мятежа Аларих назвал отказ предоставить ему в награду за оказанную им помощь Феодосию в сражении с узурпаторами Евгением и Арбогастом звание магистра армии, которое, вместо него, досталось тогда другому сподвижнику Феодосия вандалу Стилихону.

Полчище взбунтовавшихся варваров осадило Константинополь. Префект претория Руфин явился тогда в лагерь готов и вступил в переговоры с их 25-летним вождем Аларихом. Вернувшись во дворец, Руфин доложил императору, что варвары

готовы оставить Фракию, чтобы отыскать более удобные места для поселения: в Паннонии или на севере Италии – иными словами, в области Гонория. Но произошло нечто другое: сняв осаду столицы и оставив Фракию, готы двинулись опустошительным походом чрез Македонию и Фессалию.

Из Константинополя в Медиолан направлены были посланцы, потребовавшие именем императора оказать помощь в подавлении мятежа, и Стилихон отправился на Восток во главе армии, состоявшей в основном также из готов. В Фессалии армия Стилихона настигла полчища Алариха, готовая нанести по ним сокрушительный удар, но внезапно Стилихон получил приказ императора Аркадия оставить в покое «друга и союзника римского народа» Алариха, самому вернуться в Италию, а находившиеся в его распоряжения войска направить в Константинополь, поскольку при Феодосии они лишь на время были передислоцированы на запад для подавления мятежа тиранов Евгения и Арбогаста. Приказ подчеркивал непринадлежность Иллирика Гонорию. Похоже, что эта коварная по отношению к Стилихону интрига была спланирована не терявшим свое бывшее влияние Руфином, на которого молва возлагала ответственность за нее, но Евтропием. Стилихон подчинился и уехал в Италию, передав командование над оставленной им армией вестготу Гайне, который и повел ее в столицу.

27 ноября 395 г. Аркадий в сопровождении префекта претория Руфина прибыл к Золотым воротам Константинополя, чтобы там, по традиции, торжественно встретить армию Гайны. Накануне Руфину, для усыпления его бдительности, было обещано предоставить титул цезаря, призвав его к участию в верховной власти. Но неожиданно отряд воинов приблизился к Руфину, оттеснил его от императора и, обнажив оружие, зарубил его на глазах у Аркадия, очевидно заранее посвященного в план, осуществленный по замыслу Евтропия, вступившего в сговор с Тайной. Один из готов отрубил ему руку, и затем, потешаясь над алчностью павшего жертвой заговора сановника, эту руку в пьяном веселье носили по городу, изображая ею жест выпрашивания подаяния и сопровождая его

воплями: «Подайте ненасытному!». Вдова и дочь Руфина, которая предполагалась в невесты Аркадию, выехали в Иерусалим, где и провели остававшееся им время до самой кончины.

После отъезда Стилихона и ухода армии во главе с Тайной в Константинополь, войска Алариха двинулись на юг. Пройдя через Фермопильское училище, они вторглись в Беотию и Аттику, совершая грабежи и избиения местных жителей, разрушили до основания Пирейский порт, но Афинам удалось откупиться от захвата и грабежа золотом. Язычник Зосима в своей истории утверждает, что готы устремились видением богини Афины и Ахиллеса на крепостной стене города. Из Аттики готы ушли на Пелопоннес, захватив и подвергнув грабежу Аргос и Спарту. Весной 396 г. они повернули на север, но поблизости от Олимпии их ожидала армия Стилихона, который решил вмешаться в ход дел, на этот раз по собственному усмотрению, – свои войска он переправил из Италии через море. Вестготы Алариха были окружены, и, казалось, по ним будет нанесен смертельный удар, но внезапно Стилихон переменял намерение и дал противнику возможность уйти из ловушки, после чего готы продолжили движение дальше на север, в сторону Эпира, сопровождая поход грабежами и пожарами.

О причине, подвигшей Стилихона выпустить войска Алариха, и современники и историки судили по-разному. По очевидно неправдоподобной версии Зосимы, это была оплошность Стилихона, увлеченного пьяным разгулом и продажными женщинами и проморгавшего гарантированную победу; другая, и более убедительная, гипотеза – Стилихон и на этот раз выполнял приказ Аркадия, вступившего в сговор с Аларихом. Церковный историк Созомен, напротив, главным заговорщиком как раз считал Стилихона, который, «заведши вражду с полководцами» Аркадия, «старался воспламенить войну между самими империями и, с этой целью, выхлопотав достоинство римского военачальника готфскому вождю Алариху, убедил его занять Иллирию»⁴⁷⁷. Звание магистра армии для Иллирика (*magister militum per Illiricum*) в 397 г. было действительно предоставлено Алариху Аркадием, и, в соответствии со своим

новым званием, он обосновался в этом диоцезе вместе с подчиненными ему вестготами, вновь приобретшими статус федератов, что обозначало выдачу им трибута – денежной платы, а также вооружения и амуниции за счет казны. Есть основания полагать, что Стилихон намеренно сохранил войска Алариха в надежде использовать их в дальнейшем для возвращения Иллирика под контроль опекаемого им императора Гонория.

Между тем в самом Константинополе огромным влиянием стал пользоваться Гайна, воины которого нередко терроризировали жителей столицы, пользуясь полной безнаказанностью. Засилье варваров болезненно воспринималось латиноязычными и грекоязычными римскими гражданами. Ярким документом, выражающим негодование природных римлян на господство готского элемента в империи, является составленная Синезием, впоследствии епископом африканского города Птолемаиды, и адресованная Аркадию записка под названием «Об императорской власти». В ней он давал совет: «Прежде всего надо устранить (иноземцев) от начальственных должностей и лишить их сенаторских званий. ... В каждом доме, мало-мальски зажиточном, найдешь раба-скифа (т.е. гота); они служат поварами, виночерпиями; скифы же и те, что ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает на улице отдохнуть. Но не достойно ли крайнего удивления то обстоятельство, что те же самые белокурые и причесанные по эвбейской моде варвары, которые в частной жизни исполняют роль прислуги, в политической являются нашими повелителями? Государю надо очистить войско, как кучу пшеницы, из которой мы отделяем мякину... Отец твой, по своему крайнему милосердию, принял их... мягко и снисходительно, дал им звание союзников, наделил политическими правами и почестями и наградил земельными пожалованиями. Но варвары... увидели в этом нашу слабость, что внушало им дерзкую надменность и самохвальство. Увеличив наш набор и с набором укрепив наш дух и наши собственные войска, восполни в государстве то, чего ему недостает. Против этих людей нужна настойчивость. Или пусть варвары возделы-

вают землю, как в древности мессенцы, бросив оружие, служили илотами... у лакедемонян, или пусть уходят тем же путем, что пришли, возвещая живущим по ту сторону реки (Дуная), что у римлян более уже нет мягкости и что над ними царствует благородный юноша»⁴⁷⁸.

Ключ к избавлению от готского засилья был указан верный – набрать армию из числа римских граждан, но препятствие к решению этой проблемы как раз и заключалось в нежелании римлян нести бремя воинской службы, приведшем к утрате навыков военной профессии, так что «благородный юноша» вынужден был пользоваться иными средствами, которые ему давали его неблагородные советники, подобные Евтропию, для того чтобы спасти положение: искусно маневрируя, константинопольское правительство в конце концов избавилось от угрозы порабощения варварами, натравив их на западные диоцезы империи.

Предводитель готского гарнизона в столице Гайна догадывался о замыслах своих врагов, главным из которых он считал коварного евнуха Евтропия, влияние которого колоссально выросло в результате устроенной им свадьбы Аркадия с Евдоксией. Устраняя своих потенциальных противников, Евтропий обвинил лучших полководцев Абунданция и Тимасия: одного из них – в оскорблении величества, а другого, Тимасия, – в заговоре, направленном на захват верховной власти. Оба обвиняемых были подвергнуты ссылке. Свой авторитет в глазах Аркадия Евтропий укрепил тем, что, поставленный во главе армии с титулом патриция, которого ранее не удостоивался ни один евнух, он в 398 г. одержал победу над гуннами, вторгшимися из южнорусских степей в Армению через один из кавказских перевалов. После триумфального возвращения в Константинополь Евтропий был удостоен консульского титула. В ту пору консулат не был сопряжен с властными полномочиями, но обозначал высшее отличие. Это звание носили императоры, обыкновенно в течение нескольких сроков, лица, принадлежащие к их семьям с титулами цезарей или августов; для сановников, не принадлежавших императорской фамилии, консульское звание составляло вершину служебной карьеры. Имена

консулов, как и в республиканскую старину, лежали в основании летосчисления.

Всевластие Евтропия сопровождалось чудовищным разгулом коррупции. – Поэт Клавдиан писал о продажности правительства: «Один отдает свою виллу за то, чтобы его назначили править Азией, другой использует драгоценные украшения жены, чтобы купить на них Сирию, третий покупает Вифинию... В приемной Евтропия висит такса с указанием цен провинций... Евнух стремится потопить свой личный позор во всеобщем бесстыдстве, и подобно тому, как он некогда продавал себя, он хочет теперь продавать все остальное»⁴⁷⁹. Продажность правительства, падение нравов, общественный разврат стали темой обличительных проповедей, которые произносил архиепископ столицы святой Иоанн Златоуст, уроженец Антиохии, рукоположенный там в пресвитера и прославившийся своим проповедническим даром. В 398 г. он был хиротонисан на Константинопольскую кафедру, причем инициатива его перемещения в столицу принадлежала как раз Евтропию, но это обстоятельство не удерживало нелицеприятного проповедника от обличений могущественного временщика, возненавидевшего того, кого он считал своим протезе и уже замышлявшего его низложение.

Для Гайны консулат Евтропия был знаком, что ему пора действовать против всесильного фаворита. Запалом к их столкновению послужил бунт расквартированного во Фригии готского отряда, которым командовал Трибигильд. На его подавление направлены были войска под командованием клеврета Евтропия Льва, но вслед за ними во Фригию отправился и Гайна во главе своих готов. Не все детали происшедшего затем во Фригии известны, но Гайна вступил в очевидный сговор с мятежником, возможно, что и сам мятеж был учинен по его наущению. В результате Лев был убит, а Гайна доносил императору Аркадию, что главным виновником происшедшего является Евтропий, несправедливо обидевший Трибигильда. По его донесению, число восставших было слишком велико, чтобы справиться с ними, и для Рима,

советовал он, будет лучше договориться с мятежниками, но ценой этого соглашения должно стать устранение Евтропия.

Для Аркадия это была чрезмерно дорогая цена, он колебался, но требование Гайны было неожиданным образом поддержано супругой императора Евдоксией. Евтропий, устроивший ее брак с Аркадием, считал ее своей креатурой и не раз давал ей понять, кому она обязана своим успехом, чем, конечно, не мог расположить ее к себе, а однажды он прямо пригрозил ей удалением из дворца, если она не станет действовать в его интересах. Между тем Евдоксия не лишена была самолюбия и затаила мстительную неприязнь к своему былому благодетелю. По своему характеру она, имея германское происхождение, была гордой и властной. Своего слабовольного мужа, который и в зрелые годы не мог действовать вполне самостоятельно, всегда нуждаясь в советчиках, она держала в руках. Если верить современникам, Евдоксия бесстрашно и безнаказанно изменяла ему. Аркадий подчинился, и выдал злополучного Евтропия его врагам.

Потерпев поражение, евнух укрылся в храме Святой Софии, и святитель Иоанн взял его под свою защиту. Когда за павшим временщиком пришли солдаты, тот спрятался, дрожа от страха, в алтаре, а святитель решительно воспротивился его аресту, и солдаты вынуждены были уйти ни с чем. В результате состоявшихся затем переговоров, Евтропию гарантировали жизнь, он был предан суду и приговорен к ссылке на Кипр. Затем однако по требованию укрепившего свое влияние Гайны он был доставлен обратно, и под тем предлогом, что его иммунитет действует лишь в столице, он снова был отдан под суд, состоявшийся в Халкидоне, приговорен на нем к смерти и казнен.

Победа Гайны оказалась Пирровой. Его возросшее влияние на императора заставило действовать группировку патриотически настроенных сановников, которые главную опасность для государства находили в засилье готского элемента. Во главе этой партии стоял префект претория Аврелиан. При этом его родной брат Кесарий придерживался противоположной ориентации и поддерживал Гайну. Именно он

сообщил Гайне о том, что Аврелиан собирается возбудить дело по обвинению его в государственной измене. Узнав о грозящей опасности, Гайна решил действовать без промедления и потребовал от императора выдать ему Аврелиана и его сторонников: магистра армии Сатурнина и комита Иоанна, и император подчинился диктату. Гайна пощадил своих врагов, ограничившись увольнением их именем Аркадия от занимаемых должностей. Звание магистра армии, которого лишили Аврелиана, было предоставлено Кесарию. Готские отряды, верные своему предводителю, заняли ключевые позиции в столице. Гайна также потребовал от императора передать его соплеменникам и единоверцам арианами один из константинопольских храмов – до тех пор они собирались на молитву в загородной церкви. Аркадий готов был на уступку казавшемуся всесильным временщику, но против нее единодушно стояли столичные христиане, которые уже воспринимали никейское православие как свою национальную религию, решительно отделяющую их от варваров ариан. На страже неприкосновенности кафедральных храмов для еретиков стоял святой Иоанн Златоуст, который решительно воспротивился этой акции, опираясь в этом своем стоянии на всенародную поддержку, и колебавшийся император не подчинился ультиматуму.

Отказ Аркадия подтолкнул самых отчаянных и авантюрных готских военачальников вроде Трибигильда настаивать на вооруженных действиях, захвате императорского дворца и низложении Аркадия, но Гайна на этот шаг не решился. Жители столицы стали вооружаться, чтобы предотвратить переворот. В ночь с 11 на 12 июля 400 г. Гайна попытался вывести своих соплеменников, которые внутри городских стен не должны были носить оружия, из Константинополя. Сам он и часть его войска вышли через городские ворота, другие же были задержаны стражей, охранявшей крепостную стену, и оттеснены от ворот собравшимися для противостояния варварам римлянами. Началось избиение готов, некоторые из них попытались найти убежище в православной готской церкви, находившейся поблизости от дворца, но константинопольцы, пришедшие в

ярость, забросали храм горящими головнями, и укрывшиеся в нем люди сгорели в огне пожара. На следующий день после резни на улицах и площадях города было подобрано 7 тысяч трупов.

Остатки своего отряда Гайна пытался переправить через Гелеспонт в Вифинию, но азиатский берег мужественно защищал другой готский отряд, которым командовал Фравита, хранивший верность сыну Феодосия, которому он в свое время поклялся верно служить. Высадка не состоялась, и Гайна со своим отрядом вернулся во Фракию, форсированным маршем прошел ее в северном направлении до Дуная, переправился через него и встретился там с полчищем гуннов, которое перебило искавших спасения готов. 3 января 401 г. предводитель гуннов Гульдин доставил в Константинополь отрезанную голову Гайны. Полководца Фравиту Аркадий отблагодарил назначением его консулом на 401 г. На вопрос императора, какую еще награду Фравита хотел бы получить из рук императора, старый воин ответил, что он хотел бы поклоняться своим отечественным богам. Вскоре однако не доверявшие Фравите римские патриоты добились вынесения ему смертного приговора – по подозрению, вероятно необоснованному, в затеваемой им измене.

В начале V века ближайшими советниками Аркадия, так и не научившегося самостоятельно принимать решения, помимо его супруги Евдоксии, удостоенной в 400 г. титула августы, стали Аврелиан и Иоанн, которым вернули их прежние звания и титулы, в то время как брат Аврелиана Кесарий, взявший сторону Гайны, был заточен в темницу. Засилье готов в Константинополе и на всем востоке империи было преодолено. Восточные провинции благополучно освободились от присутствия германского элемента в таком числе, который бы мог влиять на принятие политических решений. С этих пор готская угроза переместилась на запад государства, оказавшийся более уязвимым.

В 401 г., «в консульство Стилихона и Аврелиана», король вестготов Аларих, имевший дарованное ему Аркадием звание магистра армии, «подняв свое войско, через Паннонию... и

через Сирмий, правой стороной вошел в Италию»⁴⁸⁰. Возможно, что трагическая участь его соплеменников на востоке империи побудила Алариха срочно увести свой народ подальше от Константинополя. Нет оснований считать, что уже тогда Аларих стремился к завоеванию Италии и Рима, – он искал более безопасные места для поселения готов в пределах империи на правах федератов. Но командовавший вооруженными силами Запада Стилихон, к тому времени породнившийся с Гонорием, – в 398 г. он выдал свою дочь Марию замуж за 14-летнего императора, – не находил смысла в переговорах с Аларихом, уверенный в превосходстве своей армии над варварским полчищем.

В ноябре 401 г. Аларих взял Аквилею, расположенную на границе Западного Иллирика и Италии, в наступившую затем зиму он продвинулся до Милана, где находилась императорская резиденция. Гонорий бежал из Милана в западном направлении, остановившись в городе Асти. Следом за ним двинулись вестготы, осадив этот город. Но на выручку императору из Вероны шла армия во главе со Стилихоном. 6 апреля 402 г., в день Пасхи, у городка Поллентии, расположенного на берегу южного притока Падуса Танаро в Коттейских Альпах, арьергард армии Стилихона – аланская конница под командованием Савла, состоявшая из язычников, не праздновавших Пасхи, – приблизившись незамеченной, напала на противника, когда готы-ариане совершали пасхальное празднество; и, как пишет Иордан, «внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью»⁴⁸¹. По замечанию комментатора Иордана Е.Ч. Скржинской, «Иордан изобразил... эту битву как победоносную для готов, хотя, по свидетельству современников... ни одна из сторон не получила решительного перевеса: битва была прервана наступлением ночи»⁴⁸². Начались мирные переговоры. Аларих согласился вернуться из Италии в Иллирик.

На обратном пути, двигаясь в сторону Бреннерского перевала, он попытался захватить Верону; через своих разведчиков Стилихон узнал о замысле противника, и его войска, стремительным маршем настигнув вестготов и окружив их в горном ущелье, нанесли им еще одно поражение, после чего Аларих вынужден был вернуться на Балканы. Тем не менее неудачный поход в Италию принес Алариху звание магистра армии, на этот раз предоставленное ему уже не Аркадием, а Гонорием, который к тому времени еще раз поменял свою резиденцию, перебравшись из Асти в Равенну, с этих пор надолго ставшую административным центром Италии.

Осенью 403 г. в Риме состоялся последний в истории этого города триумф. Он устроен был по случаю победы над готскими полчищами Алариха. Описание этого триумфа составил поэт Клавдиан. В комментированном пересказе Ф. Грегоровиуса этот поэтический репортаж выглядит так: «Гонорий проследовал через Мильвийский мост, имея возле себя, на своей победной колеснице, Стилихона, и медленно продвигался вперед через воздвигнутые ему триумфальные арки; всюду раздавались в честь то юного августа, то великого героя торжественные клики народа, который занял все дома улицы Капитолия и Палатина и поместился даже на крышах домов. С детским изумлением взирал народ на необычное зрелище, которое представляли толпы воинов, большей частью варваров, их развевающиеся знамена с драконами, стальные панцири, яркие и украшенные павлиньими хвостами шлемы. Императора встречало все население города; но милостивый император не дозволил, чтобы впереди его колесницы, как то было в старину, рабски шел пешком сенат»⁴⁸³. Гонорий поселился в императорском дворце на Палатине и провел там целый год.

При нем в Риме в последний раз сражались гладиаторы. Запрещенные еще святым Константином, гладиаторские бои возобновились после его кончины, в отсутствие императоров, перебравшихся в Константинополь или в Медиолан, тем более что большинство населения древней столицы все еще составляли язычники. Во время боя гладиаторов на арену неожиданно выбежал один монах по имени Телемах, пытаясь

разнять бойцов и остановить кровопролитие. Увлеченные зрители в ярости побили его камнями. И тогда, по преданию, Гонорий повелел причислить пожертвовавшего собой Телемаха к лику мучеников и окончательно запретил гладиаторские бои. С этих пор на арене Колизея еще в течение сотни лет продолжала литься кровь, но это была кровь зверей и раненых ими борцов с ними.

В 404 г. в Рим пришла весть о новом вторжении варваров в Италию, и Гонорий перебрался в Равенну, защищенную мощной крепостью и окружавшими город болотами – в ту пору на запад от Равенны лежали «болота, на которых, как ворота, остается единственный крайне узкий вход. С северной стороны находится тот рукав Пада, который именуется Рвом Аскона. С юга же – сам Пад, величаемый царем рек италийской земли, по прозванию Эридан»⁴⁸⁴. Полчище остготов во главе со своим королем Радагайсом вместе с кельтами и гуннами, возможно, также и с вестготами, переданными ему Аларихом, который был в сговоре с ним, пройдя из Паннонии через Альпийские перевалы, вторглись в Италию и двинулись на юг. По оценке современника этих событий Оросия, число готов достигало двухсот тысяч⁴⁸⁵. Эти сведения могут быть верны, если учитывать, что в Италию пришли не только воины, но, подобно восточным кочевникам, готы держали при себе жен, стариков и детей – это действительно было переселение народа, а не военная экспедиция. Радагайс «был еще и язычником, ... и как присуще таким варварам, пообещал посвятить всю кровь римского народа своим богам»⁴⁸⁶. Жителей италийских городов охватила паника. Римские язычники воспользовались ею для хулы на Христа: «Пришел-де враг, могущественный как благодаря обилию сил, так и благодаря поддержке богов, а Город потому в безнадежном положении и вот-вот готов пасть, что забыл богов и жертвоприношения»⁴⁸⁷.

Навстречу варварам двинулась армия во главе со Стилихоном, насчитывавшая около 40 тысяч легионеров, и примерно столько же вспомогательных войск из числа федератов, в основном франков. Противники встретились у стен Флоренции, осажденной Радагайсом. Стилихон велел

окружить лагерь варваров, чтобы лишить их возможности получать продовольствие. И вскоре в их стане, где было множество людей, для снабжения которых питанием требовался урожай целой провинции, начался голод. Попытка готов вырваться из окружения провалилась. В сражении с римской армией они потерпели поражение. Радагайс бежал, но был скоро захвачен и, проведя несколько месяцев в плену, 23 августа 406 г. был предан казни. «Количество пленных готов, – пишет Оросий, – было столь велико, что людей продавали повсюду толпами, подобно дешевой скотине, по одному золотому за каждого. Но Бог не допустил, чтобы хоть кто-то уцелел из этого народа и действительно, тотчас же все, кто были куплены, скончались, и в итоге, чтобы бессовестные покупатели не выиграли постыдным образом в результате этой сделки, все это они милосердно потратили на погребения»⁴⁸⁸. Слова о гибели целого народа были, конечно, преувеличением. Часть уцелевших остготов ушла из Италии в Галлию, сдавшиеся в плен были наняты на воинскую службу и включены в состав римского гарнизона либо, в количестве 12 тысяч, переправлены в Малую Азию, где они составили особую колонию.

Стилихона в Риме приветствовали как спасителя отечества: в его честь на форуме, вблизи ростр, была поставлена статуя из меди и серебра, но число его противников, подозревавших его в измене и стремлении к захвату верховной власти, ревновавших к его успеху, враждебно относившихся к нему по причине его варварского происхождения, выросло. Предубеждение против этого великого полководца, который, правда, действительно играл в собственную игру, очевидно не раскрывая всех карт даже и перед императором, с которым он связан был трояким родством – женатый на племяннице Феодосия и, значит, кузине Аркадия и Гонория Серене, он выдал двух своих дочерей – вначале Марию, а после ее ранней смерти Термантию, которая также вскоре скончалась, – замуж за Гонория, обручил своего сына Евхерия с сестрой императоров Галл ой Плацидией, разделял Оросий: «Комит Стилихон, происходивший из вандалов, народа подлого, алчного, вероломного и коварного, посчитав недостаточным, что при императоре он правит как император,

стремился каким-нибудь образом привести к власти своего сына Евхерия, который., будучи еще ребенком и частным лицом, помышлял о гонении на христиан. Поэтому-то он для поддержания страха и напряженности в государстве держал под рукой Алариха и весь народ готов, который слезно и искренне просил лучшего мира и хоть какого-нибудь места для поселения, которому втайне обещал договор, открыто же держал ситуацию между миром и войной»⁴⁸⁹.

И вот, когда 31 декабря 406 г. разноплеменные германцы вместе с аланами, форсировав Рейн в районе Вормса и Майнца и сломив сопротивление федератов-франков, верных союзному договору с Римом, вторглись в Галлию, затем в течение трех лет грабили и разоряли ее провинции, пока, уже осенью 309 г., не перебрались через Пиренеи, чтобы поселиться в Испании, молва, не имея на то оснований, обвинила Стилихона в сговоре и с этими варварами, тем более что среди них были и его соплеменники вандалы. По словам Оросия, разделявшего подозрения римлян, «он пробудил другие народы, огромные числом и невероятные по силе, которыми поработочены теперь провинции Галлии и Испании, а именно племена аланов, свевов, вандалов, а также бургундионов, пришедших в движение от общего волнения, по собственной воле призвав их к оружию, одним разом уничтожив страх перед римским именем. Он захотел, чтобы эти народы обрушились вдруг на берега Рейна и привели в смятение Галлии, надеясь, несчастный, что в этой ситуации нужды он сможет вырвать у зятя власть для сына, и что укротить варварские племена будет так же легко, как и привести в движение»⁴⁹⁰.

В Британии в 407 г. вспыхнул мятеж легионеров, провозгласивших императором одного из своих командиров – некоего Марка. Потом, убив его, они «облекли эту властью Грациана, когда же и Грациан, спустя не более четырех месяцев, был убит ими, то его место отдали Константину»⁴⁹¹, рядовому легионеру. Память святого императора, провозглашенного августом в Британии, бережно чтимая британскими легионерами, способствовала, вероятно, избранию солдата, который носил его имя. В 409 г. Константин высадился со своим отрядом на континенте

в Болонии (Булони) и пообещал местному населению защиту от варваров. Романизованные галлы приняли его как избавителя от оккупации. На его сторону стали и расквартированные в Галлии легионы.

Одержав ряд побед в стычках с вторгшимися в Галлию германцами и аланами, Константин стремительным маршем пересек Галлию от Ла-Манша до Пиренейских гор, а затем, поставив цезарем своего сына Константа, он послал его в Испанию. Сопротивление ему оказали отряды из крестьян и рабов, во главе которых стали четыре брата – Дидим, Верениан, Феодосиол и Лагодий, состоявшие в отдаленном родстве с императорами, отец которых Феодосий родился в Испании, но, несмотря на это высокое родство, остававшиеся частными лицами. Для подавления сопротивления Констант привлек маркоманов и уроженцев Африки мавров, и с их помощью отряды родственников императора были разбиты. Дидим и Верениан были схвачены вместе с их женами, а затем казнены; Феодосиол бежал в Италию к императору Гонорию, а Лагодий – в Константинополь. Гонорий вступил в переговоры с посланцами Константина и принял предложение узурпатора признать его своим соправителем с императорским титулом. Так, по существу дела, Британия, Галлия и Испания были потеряны для Рима – теперь там хозяйничали варвары, удержавшие за собой часть территорий этих стран, и войска узурпатора Константина, хотя и признанного в Риме, но действовавшего совершенно самостоятельно. Римская молва обвиняла в катастрофе вандала Стилихона.

Между тем в Константинополе, избавленном от тревог, протекавших от присутствия готов, переместившихся в Западный Иллирик, находившийся под управлением Гонория, в начале V века основные события связаны были с конфликтом между предстоятелем столичной церкви Иоанном Златоустом и императорским домом. В своих проповедях святой Иоанн обличал человеческие грехи, общественные пороки, в особенности жестокосердие богачей к нуждавшимся и нищим. Не требуя отмены рабства, он напоминал о его языческом происхождении и о его несовместимости с христианскими нравственными

идеалами. Некоторые из его проповедей были представлены императрице Евдоксии как направленные лично против нее. В 404 г., низложенный с кафедры, святитель был отправлен в ссылку в армянский городок Кукуз. Проведя два года в Кукузе, святой Иоанн Златоуст был затем отправлен в еще более дальнюю ссылку в Питиунт (современная Пицунда), но по дороге туда, в Команах, он отошел ко Господу.

1 мая 408 г. скончался император Аркадий. Это был человек болезненный, инертный и слабовольный, который всегда нуждался в советчиках, пользовавшихся его зависимостью, чтобы навязывать ему свою волю. И все же он пережил всех своих фаворитов. Несмотря на несомненную вину в гонениях на Иоанна Златоуста, Аркадий отличался благочестием. По словам церковного историка Сократа, это был «муж кроткий и миролюбивый, под конец жизни стяжавший славу боголюбезного по следующему случаю. В Константинополе есть очень большое здание, называемое Кариею... На дворе сего здания находится тминное дерево, на котором, говорят, был повешен и скончался мученик Акакий. По этой причине близ дерева построен и молитвенный домик. Царь Аркадий захотел посетить его, вошел, помолился и опять вышел. При этом все, живущие около молитвенного дома, сбегались посмотреть на царя... Тотчас после сего целое огромное здание, окружавшее молитвенный дом, обрушилось, и за этим следовали восклицания и удивление – все взывали, что только молитва царя спасла от гибели такое множество народа»⁴⁹².

Аркадий умер, оставив восьмилетнего сына Феодосия, «в консульство Васса и Филиппа, в первый день мая, во второй год 297-й Олимпиады. Царствовал он вместе с отцом своим Феодосием тридцать лет, а по смерти отца четырнадцать, вся же жизнь его продолжалась тридцать один год»⁴⁹³. Останки императора погребли рядом с его женой Евдоксией в храме Двенадцати апостолов.

2. Падение Рима

В Риме сенатская партия близоруких патриотов подозревала спасителя отечества Стилихона в том, что это он призвал своих соплеменников вандалов, а также свевов и аланов к вторжению в Галлию, обвиняла его в сговоре с Аларихом. Прямым поводом для интриг против него послужил новый поход Алариха, двинувшего свои полчища на Италию. Стилихон вступил с ним в переговоры. Аларих за отказ от вторжения в Италию потребовал выплатить ему 4 тысячи фунтов золота. Стилихон выехал в Рим, чтобы убедить императора и сенат в необходимости принять эти условия. Сенат согласился на контрибуцию, но один из сенаторов Лампадий отважился при обсуждении этой темы заявить: «Это договор не о мире, а о рабстве»⁴⁹⁴. Сказав это, он, правда, испугался за свою жизнь и укрылся в ближайшей к курии церкви, но городская молва разнесла по городу весть о смелом вызове, который Лампадий бросил всемогущему, как тогда казалось, Стилихону. Воспользовавшись нараставшим в Риме недовольством его политикой, «национально-римская партия, – как характеризует противников Стилихона Ф. Грегоровиус, – добила наконец падения великого мужа»⁴⁹⁵. Ей удалось убедить императора, который в ту пору, в 408 г., снова находился в Риме, в том, что его тесть Стилихон, остававшийся в удалении от него, в Равенне, стремится захватить верховную власть для себя или для своего сына Евхерия.

И Гонорий решил действовать: он приказал предать Стилихона суду, а суд вынес ему смертный приговор по обвинению в измене. Как и почему Стилихон оказался в руках своих врагов, пытался ли он сопротивляться, – об этом молчат сохранившиеся источники. Можно предположить, что подчиненные ему войска от него отвернулись: по словам Оросия, «Стилихон был убит возмущившимися солдатами»⁴⁹⁶. Известно только, что преданный своим зятем, интересы которого он верно отстаивал, Стилихон пытался найти убежище в одной из равеннских церквей, но его оттуда выманили обманом. 23 августа 408 г. он был

казнен. Его сын Евхерий бежал из Равенны в Рим, но пережил отца лишь на несколько месяцев и был также убит. Его сестра Термания, выданная замуж за Гонория, была изгнана из дворца и вернулась к своей матери – племяннице Феодосия Великого Серене, которую на этот раз пощадили. «Римляне, – по словам Ф. Грегоровиуса, – не без удовольствия узнали о гибели великого полководца, которому были обязаны своим спасением от варваров. Язычники ненавидели в Стилихоне христианина, который сжег книги сивилл; христиане же ставили ему и его сыну Евхерию в вину их тайное расположение к служителям языческих богов. Статуи Стилихона были низвергнуты, но в то время, когда евнухи показывали римлянам окровавленную голову молодого Евхерия, последние уже предчувствовали, что ожидает их самих»⁴⁹⁷.

Возможно, что предчувствовали, но своими последующими действиями римляне способствовали исполнению этих тревожных предчувствий: после казни Стилихона прорвалась наружу их сдерживаемая ранее ненависть к германцам и другим варварам, которые служили Риму. По всей Италии гарнизоны готов, вандалов, гуннов, составлявших вспомогательные войска, подверглись нападениям со стороны легионеров, набранных из числа римских граждан. Убивали не только воинов, но расправу чинили и над их семьями – над женами и детьми. Выжившие после этой резни варвары объединялись в шайки, которые грабили местное население и уходили в стан Алариха. В результате его армия приросла на 30 тысяч ожесточенных воинов – врагов Рима, готовых беспощадно мстить за гибель своих близких и боевых товарищей.

Алариху было отказано в уплате контрибуции, о которой ранее была достигнута договоренность, и ему было объявлено о лишении его звания магистра армии. У Алариха не могло оказаться лучшего повода для вторжения, а у Рима после казни Стилихона уже не осталось полководцев, способных дать ему отпор. И он повел своих соплеменников и союзных с готами варваров из других народов, охваченных гневом против коварного Рима, в Италию. Пройдя через альпийские перевалы, варвары вошли в плодородную Ломбардию, где легко было

снабжать войска продовольствием. Затем полчища Алариха форсировали Падуе и двинулись на юг. По рассказу церковного историка Сократа, «во время его похода к Риму один благочестивый муж, по образу жизни монах, уговаривал его не радоваться при виде столь великих бедствий, не наслаждаться убийством и кровью. На что он отвечал: “Не по своей воле я иду туда, кто-то каждый день беспокоит и мучит меня, говоря: ступай, опустоши город Рим”⁴⁹⁸. Гонорий при приближении варваров, оставив столицу, укрылся в окруженной топкими болотами и огражденной мощными укреплениями Равенне, ставшей одной из императорских резиденций.

Окружив Рим, вестготы и их союзники перерезали маршруты, по которым он снабжался продовольствием. В городе начался голод, одним из последствий которого стала эпидемия чумы. В отсутствие императора власть в Риме взял на себя сенат, в котором преобладал языческий элемент. Римляне подозревали вдову Стилихона Серену в том, что она призвала Алариха, чтобы отомстить римлянам за смерть мужа. Ее предали суду сената, а тот, обвинив ее в религиозном преступлении, заключавшемся в том, что много лет назад она, находясь в Риме вместе со своим дядей императором Феодосием, вошла в храм матери богов Реи и там сняла с шеи статуи богини ожерелье, надев его в шутку на себя, приговорил Серену к смерти за учиненное ею «кощунство», и она была казнена. Еще одним и уже совсем карикатурным рецидивом языческого суеверия стало приглашение гаруспиков из Тусции, владевших почти забытой уже в Риме «этрусской дисциплиной», совершить заклинания, чтобы снята была осада. Гаруспики обещали спасти Рим, утверждали, что врага поразит небесная молния, но потребовали от сената для успешного завершения дела «принести торжественные жертвы в Капитолии и в других храмах. Рассказывающий об этом языческий историк Зосима утверждает даже, что сам епископ Иннокентий допустил обратиться к этим авгурам (вероятно, все-таки гаруспикам. – В.Ц.), хотя и не одобрил этого. Тот же историк беспристрастно свидетельствует, что язычество оказалось уже умершим в Риме, так как никто не отважился присутствовать при

жертвоприношениях; кудесников отослали домой»⁴⁹⁹, так что за гаруспиков цеплялись уже как за последнюю соломинку, на которую, при более трезвом взгляде на вещи, на какой еще были способны в Риме, всерьез возлагать надежды не стали.

Состоялись переговоры, которые от лица Рима вели трибун императорских нотариусов Иоанн и испанец Базилий. Аларих потребовал отдать ему все золото и все драгоценности, какие есть в Риме, и отпустить к нему всех рабов варварского происхождения. Эти условия римские послы не приняли. Переговоры были прерваны, но вскоре затем возобновились. Аларих по-прежнему настаивал на освобождении рабов, но смягчил требования о контрибуции. Ее размер он определил в 5 тысяч фунтов золота, 30 тысяч фунтов серебра, 3 тысячи фунтов перца, 4 тысячи шелковых и 4 тысячи пурпурных одеяний. Сенат вынужден был принять условия Алариха. Для сбора затребованного количества драгоценных металлов переплавлялись статуи из языческих храмов. Получив затребованные ценности, Аларих в декабре 408 г. снял осаду и увел свою армию в Тусцию (Тоскану). Вместе с ним ушли 40 тысяч рабов, получивших свободу.

Для переговоров с правительством Гонория, находившимся в Равенне, выехали посланцы сената вместе с папой Иннокентием. Аларих требовал от Гонория выделить для поселения вестготам провинции Норик, Далмацию и Венету, вновь предоставить ему звание магистра армии и снабжать его армию и народ продовольствием и деньгами. В ходе дальнейших переговоров он смягчил свои требования, настаивая уже на предоставлении его народу для поселения единственной провинции – Норика, которая к тому же была основательно опустошена предшествовавшими войнами и почти безлюдна. От лица Гонория переговоры вел сторонник жесткой линии в отношениях с готами Олимпий, прославившийся тем, что в свое время бросил вызов Стилихону. В Равенне надеялись на помощь со стороны гуннов, с которыми пытались договориться о совместных действиях против готов.

Переговоры зашли в тупик и были прерваны. В декабре 409 г. Аларих снова повел свои полчища на Рим. Стремясь навязать

свою волю империи, он не собирался ее уничтожать: он хотел найти в ней максимально выгодное для своего народа положение. Поэтому он решил поставить императором Рима свою креатуру – для этой должности однако, считал он, не годился ни гот, ни иной варвар, но римский гражданин. Когда в Риме вследствие возобновившейся осады возник голод, народ восстал и потребовал от городских властей возобновить переговоры с Аларихом.

В результате этих переговоров римский сенат объявил о низложении Гонория, а императором был провозглашен по воле Алариха префект Рима Приск Аттал. Его облачили в пурпур, на его голову надели диадему. Народ приветствовал его, надеясь на избавление от бедствий осады, легионеры и воины из вспомогательных частей ему присягнули. Присягу принес и сам Аларих, чьей креатурой был узурпатор. В свою очередь Приск «даровал своему покровителю звание магистра обеих армий (*«magister utriusque militiae»*) и тем самым предоставил ему все средства для содержания войска»⁵⁰⁰. До тех пор Аттал не был крещен, однако, чтобы угодить готам-арианам, он принял крещение от одного из арианских епископов, но в то же время он разрешил открыть древние храмы и велел удалить с монет лабарум с монограммой Христа, распорядившись вместо изображения креста снова чеканить на них копье с Викторией. Атаульфа – мужа сестры Алариха Аттал назначил магистром конницы. Осада с Рима была снята, но голод в городе вскоре возобновился, потому что из Проконсульской Африки, где начальствовали верные Гонорию сановники, прекратился завоз зерна и масла.

Армия Алариха вместе с римскими легионерами, признавшими императором Аттала, двинулась на север и осадила Равенну, чтобы вынудить Гонория отказаться от власти. Начались переговоры, в ходе которых представители законного императора от его имени изъявляли готовность признать Аттала соправителем Гонория, но Аларих отверг это предложение, и переговоры зашли в тупик. Аларих предложил Атталу для возобновления снабжения Рима хлебом отправиться во главе армии, которую он ему готов был предоставить, в поход на

Африку, чтобы взять ее под свой контроль. Аттал отказался принять этот совет, и тогда в Римини, где располагалась ставка Алариха, Аттал был низложен, императорские регалии король вестготов отослал в Равенну Гонорию, с которым были возобновлены переговоры, а Аттала вместе с его сыном Амиелием Аларих удержал при себе уже как пленников.

Переговоры с Гонорием не давали результатов, а взятие Равенны представлялось делом бесперспективным – город был великолепно защищен своими стенами и болотами. И тогда Аларих решил снова идти на Рим. В третий раз осажденный город пытался сопротивляться, но тщетно – 24 августа 410 г. варвары вошли в Рим. По словам современника этих событий Созомена, Аларих «взял» город «изменою»⁵⁰¹. Обстоятельства падения «Вечного города» не известны в деталях, но историк, живший полтора столетия спустя, Прокопий Кесарийский, сообщает две версии этого события, дошедшие до него. Одна из них такова: Аларих, чтоб усыпить бдительность римлян, сделал вид, что снимает осаду, между тем «отобрав из своего войска триста молодцов, еще безбородых... тайно сообщил им, что собирается притворно подарить их некоторым римским патрициям, выдавая их за рабов... Он приказал, чтобы они, как только окажутся в домах этих римлян, проявляли величайшую кротость и благонравие... Вскоре затем, в назначенный день, приблизительно около полудня, когда все их владельцы после еды будут, как обычно, предаваться сну, пусть все они соберутся к так называемым Саларийским воротам, внезапно нападут на ничего не подозревающую стражу, перебьют ее и как можно скорее откроют ворота»⁵⁰². Этот план и был, по первой версии, приведен в исполнение.

По другой, и более правдоподобной, версии, которую также воспроизводит Прокопий, «одна женщина, по имени Проба, из сенатского сословия, блиставшая и славой, и богатством, сжалилась над римлянами, погибавшими от голода и других бедствий: ибо они уже стали поедать друг друга. Видя, что у них нет уже никакой надежды на лучшее, поскольку и река, и гавань находились в руках врагов, она приказала своим рабам открыть ночью ворота города»⁵⁰³. Собственно этот *coup de merci*,

нанесенный не врагом, а одной из самых почтенных римских матрон, вероятно, и получил у современников наименование измены, смягчающее одиум неслыханного поражения.

Захваченный город подвергся трехдневному грабежу, сопровождавшемуся эксцессами – убийствами и пожарами, которые однако не были предусмотрены королем готов. По словам историка готского народа Иордана, завоеватели «вступив в Рим... по приказу Алариха только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами»⁵⁰⁴. Можно предполагать, что Иордан тут выгораживает репутацию своих соплеменников, но его слова находят подтверждение и в свидетельствах современников, которые не могли быть заинтересованы в том, чтобы обелять завоевателей Рима. Вот что пишет о падении Рима Созомен: Аларих «дал позволение толпам своим расхищать, сколько кто может, имущество римлян и грабить все дома; приказал только из уважения к апостолу Петру сохранить неприкосновенным храм, в котором находится гроб его и которым занято огромное пространство. Вот причина, почему Рим не совсем погиб»⁵⁰⁵. Созомену вторит его старший современник Оросий, которому, разумеется, не был известен труд греческого историка: «Появляется Аларих, осаждает объятый страхом Рим, приводит его в смятение, однако, прежде дав указание, чтобы тех, кто найдет убежище в святых местах и особенно в базиликах святых апостолов Петра и Павла, оставляли целыми и невредимыми и, кроме того, чтобы, насколько это возможно, жаждавшие добычи готы воздерживались от кровопролития»⁵⁰⁶.

Павел Оросий, ученик блаженного Августина, рассказывает в своей «Истории против язычников», как один из варваров, «человек могущественный и в то же время христианин, в одном из домов, принадлежавших церкви, обнаружил святую деву Божью, уже пожилую летами» и «попросил у нее золота и серебра», а та вынесла ему сосуды, поразившие его своим «числом, величиной и красотой и неведомой формой» и сказала:

«Эти чаши – священная утварь апостола Петра, возьми, если посмеешь»⁵⁰⁷. Пораженный увиденным, гот доложил об этом Алариху, а «тот немедленно приказал отнести все чаши... обратно в базилику апостола, деву же, а также всех, кто бы ни присоединился к христианам, отвести туда же под охраной... И вот... открыто уносятся золотые и серебряные чаши, розданные каждая в чьи-то руки и возложенные на головы; торжественная процессия со всех сторон прикрывается обнаженными на случай защиты мечами; римлянами и варварами, поющими хором, возносится на виду у всех гимн Богу... Сбегаются отовсюду к чашам Петра живые сосуды Христовы, присоединяются к христианам также многие язычники»⁵⁰⁸.

Но в дни грабежа случались и иные истории. Благочестивая приятельница блаженного Иеронима «Марцелла, находившаяся в своем доме на Авентине, когда туда проникли дикие толпы варваров, была подвергнута ударам плети. Первая монахиня из благородного рода, она показывала на свое скромное платье и, подвергшись бешеным ударам мучителей, обнимала их колени и умоляла только пощадить целомудрие ее воспитанницы Принципии. Сердца варваров смягчились, и они отвели благочестивых женщин в убежище св. Павла. Но другие, ревностные ариане или еще остававшиеся язычниками... врывались в женские монастыри и насильственно освобождали несчастных монахинь от данного ими обета»⁵⁰⁹.

В Риме, по выкладкам Грегоровиуса, ко времени его захвата проживало уже меньше 300 тысяч человек. Тысячи из них пали жертвой варваров, были захвачены в плен и проданы потом на невольничьих рынках, другие тысячи бежали из «Вечного города» – и едва ли не большинство из них в него уже никогда не возвратилось, и все же при Аларихе Рим сохранил большую часть своего населения. Несмотря на многочисленные пожары, уцелело и большинство городских строений. Статуи, выполненные из драгоценных металлов, были захвачены грабителями, но как памятники искусства они не интересовали готов, и поэтому римские памятники, выполненные из мрамора или бронзы, украшали площади и улицы города и после его

трехдневного грабежа. В Риме сохранились и христианские базилики, и опустевшие языческие храмы.

Падение Рима потрясло воображение современников, воспринималось ими как катастрофа мирового масштаба. Древнюю столицу империи, которая в течение многих столетий побеждала одно государство за другим, подчиняя их себе, враг взял впервые после захвата ее галлами в IV веке до Р.Х. Впрочем, в патриотических анналах Рима в те давние и почти легендарные времена Рим не пал до конца – его спасли гуси и Капитолий остался неприступным для врага, а на этот раз варвары овладели городом полностью. Болезненная реакция на захват Рима усугублялась тем, что пал он под ударом не цивилизованного народа, но грубых и неотесанных варваров, каковыми почитали готов цивилизованные римляне.

И язычники, и христиане оплакивали падение Города. Потрясенный печальной вестью, блаженный Иероним писал из Вифлеема «своей сестре во Христе Евстохии»: «Я неожиданно узнал о смерти Паммахия и Марцеллы, о взятии города Рима и гибели стольких братьев и сестер. Я потерял рассудок и способность говорить; днем и ночью меня преследовала одна мысль, как помочь всему этому, и я думал, что я тоже в плену вместе со святыми. Яркий светоч земного круга погас; голова римского государства отделена от его тела, а вернее сказать – с этим городом погиб и весь мир, и я онемел и впал в отчаяние... Кто мог бы поверить тому, что Рим, созданный из добычи со всей земли, должен пасть, что город этот должен быть и колыбелью и могилой для своего народа, что все приморские поселения Азии, Египта и Африки наполнятся рабынями и девушками Рима, некогда властителя мира, что в священном Вифлееме ежедневно будут искать приюта, как нищие, мужи и женщины, некогда блиставшие благородством своего происхождения и своими чрезмерными богатствами?.. Голос мой прерывается, и рыдания не дают мне написать: покорен город, который покорила всю землю»⁵¹⁰. По ироническому и не бесспорному замечанию А. Тойнби, «слова Иеронима пронизаны восхищением Римом, горечью по отношению к его судьбе и возвышенной любовью к городу. По-видимому, все это отражает ту простую истину, что

между реальным Иеронимом и будущим христианским святым лежала нравственная пропасть»⁵¹¹.

Другого великого христианского писателя, блаженного Августина, весть о падении Рима не повергла ни в отчаяние, ни в смущение. Он узрел в ней исполнение справедливого суда Божия над людьми, погрязшими в грехах. Опровергая упреки язычников христианам, их утверждения, что Рим пал потому, что перестал чтить древних богов, Августин написал свою главную книгу «О Граде Божием», в которой он обозначил Божественный план истории человеческого рода: от творения Адама до Второго Пришествия Христа. В самом начале этой книги Августин укоряет язычников, неблагодарных за то, что многие из них спасли свою жизнь, потому что нашли укрытие в христианских храмах, под сенью христианских святынь: «Разве враждебными имени Христову оказываются не именно римляне, которых варвары пощадили ради Христа? Об этом свидетельствуют места мучеников и базилики Апостолов, которые во времена опустошения Рима приняли в убежище к себе и своих, и чужих»⁵¹².

Императору Гонорию, если верить Прокопию, «один из евнухов, вероятнее всего, смотритель его птичника, сообщил, что Рим погиб; в ответ василевс громко воскликнул: “Да ведь я только что кормил его из своих рук!”. Дело в том, что у него был огромный петух по имени Рим: евнух, поняв его слова, сказал ему, что город Рим погиб от руки Алариха; успокоившись, василевс сказал: “Ая-то, дружище, подумал, что это погиб мой петух Рим”. Столь велико, говорят, было безрассудство этого василевса»⁵¹³. Скорее всего, это только анекдот, но сам факт его сочинения красноречиво говорит о том, в каком фарсовом виде представляли римляне своего императора. Даже если они, изображая Гонория в столь мизерабельном облике, клеветали на него, уже сама эта острота обнаруживала губительное неблагополучие в отношениях между императором и народом, которое сулило римлянам, обитавшим в западных провинциях, новые поражения и бедствия. При дворе императора в Равенне находился тогда и епископ Рима Иннокентий, которого Оросий сравнивает с «праведным Лотом, уведенным из Содома

сокровенным Провидением Божиим», чтобы он «не увидел гибели грешного народа»⁵¹⁴.

Русский историк С. И. Ковалев патетически писал о падении Рима: «Морально-политическое впечатление от этого события было огромно. С 390 г. до н.э. в течение 800 лет неколебимо стоял Вечный город. Не было, казалось, силы, которая могла бы поднять руку на властелина вселенной. И вот союз тех самых рабов и варваров, которые много столетий являлись только объектами римской эксплуатации, свалил гордого хищника»⁵¹⁵. В этой оценке преувеличена роль рабов, а относительно варваров она, конечно, верна.

Варвары однако не собирались оставаться в завоеванном городе, где они чувствовали себя неуютно посреди его каменных громад. Аларих взял Рим не для того, чтобы властвовать над ним, – для этого он и подвластные ему готы, как сам он это прекрасно понимал, не располагали надлежащими интеллектуальными средствами, необходимыми для правильной организации администрации, способной править в городе, почти все жители которого были людьми грамотными, а значительная часть населения носителями высшей культуры, – а для демонстрации силы и для грабежа.

«На третий день, как варвары вторглись в Город, они, – пишет Оросий, – по доброй воле ушли, предав при этом огню несколько зданий»⁵¹⁶. Выйдя из Рима, победители двинулись по Кампании и Лукании, остановившись в Консенции (современной Козенце). Готы везли с собой многочисленные трофеи, и среди них самый драгоценный – захваченную заложницей дочь святого Феодосия и сестру Гонория Галлу Плацидию. Впоследствии шурин Алариха Атаульф вступил с ней в законный брак.

Аларих собирался переправиться вместе со своим народом из разоренной Италии на Сицилию, а оттуда в Африку. Как и в былые времена, Рим снабжали хлебом в основном Сицилия и Проконсульская Африка. Захват этих двух провинций не только гарантировал бы самим готам безбедное существование, но, контролируя поставки зерна в Рим и в другие города Италии, Аларих таким образом мог бы обеспечить за собой прочное и длительное господство над Италией. Однако эта радужная

перспектива оказалась разрушенной – шторм разметал корабли, предназначавшиеся для переправы через Мессинский пролив.

Наступившая вскоре смерть Алариха, которому исполнилось 35 лет и который ранее не жаловался на болезни, дает повод предполагать, что ее причиной послужила досада от не сбывшейся надежды. Об этом прямо пишет Иордан: «Пока Аларих, потрясенный этой неудачей, размышлял, что ему предпринять, он был внезапно застигнут преждевременной смертью и удалился от дел человеческих!»⁵¹⁷. У Иордана описан и крайне своеобразный образ погребения короля Алариха: «Готы оплакивали его по своей огромной любви к нему; они отвели из русла реку Бузент около города Консенции; ... посередине русла этого потока они, собрав толпу пленных, вырыли место для погребения и туда, в лоно этой могилы, опустили Алариха со множеством сокровищ, а затем вернули воды обратно в их русло. Но, чтобы никто не никогда не узнал того места, землекопы были все умерщвлены»⁵¹⁸.

Своим новым королем везиготы избрали шурина Алариха Атаульфа, по характеристике Иордана – «выдающегося и внешностью, и умом»⁵¹⁹.

3. Правление Феодосия II и Гонория

В Константинополе весть о падении Рима была воспринята со скорбью. Императором в Новом Риме был тогда сын Аркадия Феодосий II. Это был мальчик, которому ко времени катастрофы едва исполнилось 9 лет. Сын Аркадия и Евдоксии, он родился 10 апреля 401 г. и сразу после рождения был провозглашен августом и соправителем отца. Уже в младенчестве он был крещен святым Иоанном Златоустом – крестить детей христианских родителей вскоре после их рождения входило тогда в обычай. Вскоре после этого младенец «совершил» свой первый правительственный акт. По совету его матери Евдоксии святитель Газский Порфирий обратился с прошением о пожаловании средств из императорской казны для его епархии – по другим сведениям, в прошении речь шла о закрытии языческих храмов Палестины – на имя Феодосия, и это прошение было удовлетворено именем новокрещеного августа. Когда умер Аркадий, Феодосию исполнилось 7 лет.

Существует предание, что, умирая, император Аркадий просил персидского шаха Йездигерда, с которым у него сложились дружеские отношения, взять его под свою опеку. Эту курьезную историю рассказывает Прокопий Кесарийский, живший в VI столетии, а также Феофан Византиец, который в своей «Хронике», составленной, правда, 400 лет спустя после эпохи Аркадия и Йездигерда, писал: «Отец, видя Феодосия Младшего еще очень малым и неопытным, боялся злоумышлений против него, если тотчас провозгласить его царем, и потому в завещании назначил ему попечителем персидского царя Исдигерда, который, получив духовную Аркадия, хранил глубокий мир с римлянами, обеспечил царский престол Феодосию и, посылая Антиоха, удивительного и ученого мужа, в опекуны и наставники ему, писал в римский сенат послание следующего содержания: “По кончине Аркадия, назначившего меня попечителем сыну своему, посылаю к вам мужа, который займет мое место. Да не покусится никто на злоумышление против дитяти и тем да не возбудит непримиримой войны против римлян!”. Антиох по

прибытии своем находился при царе... И был мир между римлянами и персами; между тем как Антиох много писал в пользу христиан, и христианство таким образом распространялось в Персии»⁵²⁰.

Достоверность этого предания ставит под вопрос Агафий Миринейский, живший в VI столетии. Никаких других сведений о том, что влиятельный во дворце евнух Антиох был посланцем Йездигерда, нет, но в правление Йездигерда Рим и Персия действительно не воевали между собой, а христиане пользовались в Персии свободой, так что число христианских общин там умножилось. «Персидская традиция, которая, – по словам русского византолога А. А. Васильева, – отражает умонастроение магов и знати, называет Йездигерда «отступником», «безнравственным»... другом Рима и христиан и преследователем магов. Христианские же источники восхваляют его за доброту, мягкость и иногда даже заявляют, что он был готов обратиться в христианство»⁵²¹. В 409 г. Йездигерд предоставил персидским христианам право открыто совершать богослужения.

Действительным регентом при малолетнем Феодосии стал префект Востока Анфимий. В течение 6 лет он правил восточной половиной империи, действуя в контакте с императором Гонорием. В 408 г. Анфимий вел переговоры с посланником Йездигерда епископом из Месопотамии Маруфой, в результате которых был заключен договор с Персией о мире, корректировке границ и торговле. К скорейшему заключению мира Анфимия подталкивали возникшие тогда сложности с доставкой хлеба из Александрии в Константинополь, в котором не осталось запасов зерна. Перевозчики настаивали на повышение платы за транспорт. Анфимий устранил угрожавшую столице опасность голода, возложив коллегиальную ответственность за доставку хлеба на всю корпорацию судовладельцев.

В том же году во Внутреннюю Дакию и Фракию вторглись гунны во главе с ханом Ульдисом, к их орде присоединились также германоязычные скиры. Это нашествие было успешно отражено, и в плен попало множество варваров, особенно скиров, которых решено было разослать по малоазийским

провинциям. Еще одной заслугой Анфимия стало восстановление Дунайской эскадры, понесшей значительные потери в результате вторжения варваров.

Важнейшим предприятием Анфимия стало сооружение крепостных стен вокруг разросшегося Константинополя, численность населения которого к началу V века приблизилась к полумиллиону. В 412 г. стена, воздвигнутая при святом Константине, была основательно разрушена землетрясением, и тогда под руководством Анфимия начато было сооружение новой крепостной стены с 92 башнями, значительно западнее Константиновской; ее протяженность от Золотого Рога до Мраморного моря составляет около 7 километров. После очередного землетрясения, которым построенная Анфимием стена была значительно повреждена, уже в 447 г. ее отремонтировали и дополнительно укрепили. Известная с именем Феодосия, она, хотя и в перестроенном виде, дошла до наших дней, представляя собой один из самых грандиозных памятников крепостного зодчества. Крепости строились тогда и в других городах империи, особенно на Балканах, где проходила самая угрожаемая граница государства.

Благодаря участию Анфимия, удалось преодолеть церковный раскол, возникший в результате преследования святого Иоанна Златоуста, имя которого было внесено в диптихи, после чего восстановлено было общение между Римской и Константинопольской церквями, прерванное в связи с гонениями на него. С восстановлением канонического общения столичных церквей связано и преодоление политических разногласий между двумя правительствами одной и той же Римской империи.

После падения Рима власть Гонория распространялась лишь на малую часть Гесперии, как греки называли Запад. Император утратил контроль над Британией, Галлией, Испанией, Африкой, оказавшимися в руках вторгшихся варваров или узурпаторов. Юг Италии был оккупирован вестготами во главе с их новым королем Атаульфом. Он уже не был, подобно своему великому родственнику Алариху, варваром, едва задетым влиянием римской культуры. Атаульф

получил образование, владел латинским языком, понимал мир, который, казалось, лежал у его ног; именно поэтому он мог трезво оценить реальное положение дел и политическую немощь своего народа, обладавшего военным превосходством над римлянами.

Орозий внес в свою «Историю против язычников» исключительное характерное высказывание Атаульфа, которое дошло до него через блаженного Иеронима, услышавшего его в бытность свою в Вифлееме от «некоего мужа из Нарбонны, прославившегося на службе у Феодосия» и в свое время в Нарбонне дружившего с королем готов: «Он пламенно желал, чтобы, когда будет истреблено само имя римское, вся римская земля стала бы готской империей по факту, и по имени, и чтобы, если говорить попросту, то, что было Романией, стало бы Готией, а Атаульф стал бы тем, кем некогда был Цезарь Август. Однако, когда на большом опыте он убедился, что готы не могут повиноваться законам из-за своей неукротимой дикости, ни государство не может быть лишено законов, ибо без них государство – не государство, он решил наконец обрести себе славу человека, восстановившего в цветущем состоянии и укрепившего силами готов римское имя, и стать для потомков инициатором восстановления Римского государства, после того как не смог сделаться его преобразователем»⁵²².

Такое умонастроение побуждало его к переговорам с Римским правительством, ход которых ускорился из-за того, что король держал заложницей сестру императора Галлу Плацидию, судя по всему, тогда уже расположенную к нему. Атаульф формально попросил у Гонория руки Плацидии и получил от него согласие на этот брак. Свадебные торжества состоялись позже, в январе 414 г., в Нарбонне, но уже в 412 г. Атаульф заключил мирный договор с Римом, по которому готы в качестве римских федератов получили для поселения южную Галлию, между Луарой и Гаронной, и взяли на себя обязательство помочь Гонорию устранить узурпаторов, овладевших Галлией и Испанией. Следуя этому договору, Атаульф вывел свой народ из Брутия и прошел с ним через

Кампанию, Лаций, Этрурию и Лигурию, а затем через Альпийские перевалы на юг Галлии.

Вестготы Атаульфа действовали затем совместно с имперской армией, которой командовал комит Констанций, против узурпаторов, которые, пользуясь слабостью императорского правительства в Равенне, расплодились в значительном числе. Самым опасным из них оставался бывший в прошлом британским легионером Константин, овладевший значительной частью Галлии и Испании, правителем которой он назначил своего сына Константа, и даже вынужденным образом признанный Гонорием в качестве соправителя. Констанций осадил узурпатора Константина в Арелате. Оказавшись в безвыходном положении, он «сложил с себя багряницу и прочие знаки царского достоинства и, пришедши в церковь, рукоположен был в пресвитера. Осажденные же, взяв предварительно клятвы, отворили ворота, и все получили прощение»⁵²³. Но сам Константин, несмотря на свой пресвитерский сан, был схвачен и затем, уже в окрестностях Равенны, умерщвлен по приказу Констанция.

Другими тиранами были Максим, которого провозгласил императором порвавший с Константином его военачальник Геронтий, чьи солдаты схватили и казнили сына Константина Константа, а также ставленника царя аланов Гоара и короля бургундов Гундхара, овладевших средним течением Рейна, Иовин, родом из галлов, – в прошлом он вел переговоры с временной марионеткой Алариха Атталом, но, изменив Гонорию, перешел на сторону Аттала, вскоре потом низложенного Аларихом, вместе со своим братом Севастианом, которого он объявил своим соправителем. Еще одним узурпатором стал Гераклион: назначенный комитом Африки, он учинил мятеж, назвался императором и переправился в Италию, но, как рассказывает Оросий, «напуганный встречей с комитом Марином и обращенный в бегство, бросившись на корабль, один вернулся в Карфаген и там немедленно был убит солдатами»⁵²⁴. Добросовестно исполняя федератские обязанности, вестготы Атаульфа разгромили войска Иовина; головы его и его брата Севастиана были доставлены в Рим. Захвачен был и Аттал, которому однако сохранили жизнь.

В 413 г. возникла угроза разрыва союза между Римом и готами. Обещанное Гонорием продовольствие не поступило к варварам, и Атаульф захватил Бурдигаллу, Нарбонн и Толозу, но брак с Плацидией восстановил мир. По требованию Гонория Атаульф вывел свои войска из Галлии в Испанию, откуда он обязался изгнать овладевших страной вандалов, свевов и аланов. Переправившись через Пиренейские перевалы, готы овладели Барселоной. В этом городе у Атаульфа и Галлы Плацидии родился сын, которому дали имя его деда Феодосия, но он скончался в младенчестве. Союзнические отношения Атаульфа с Римом вызывали несогласие у многих его соплеменников. В 415 г. он пал жертвой заговора, «пронзенный мечом Эвервульфа в живот... После его смерти королем был поставлен Сегерих, но и он, умерщвленный из-за коварства своих же людей, еще скорее покинул как власть, так и жизнь. Затем уже четвертым после Алариха королем был поставлен Валия, человек весьма строгий и благоразумный»⁵²⁵.

Валия был ставленником антиримских элементов, поэтому Гонорий направил против него войска под командованием Констанция, которому он пообещал выдать замуж свою овдовевшую сестру Галлу Плацидию, если тому удастся вызволить ее из рук готов. Две армии, римская и готская, двинулись навстречу друг другу. Сблизившись в теснинах Пиренеев, они не вступили в бой. Состоялись переговоры, в результате которых договорились о выдаче Галлы Плацидии и о том, что готы останутся римскими федератами – «не будут отказывать римской империи в помощи, если в ней случится нужда»⁵²⁶. Такой договор был заключен в 416 г.

По словам Орозия, «и другие короли: аланов, вандалов и свевов», обосновавшихся в Испании, «вступили с нами, – имеются в виду римляне, – в договор, с той же любезностью вручая себя императору Гонорию»⁵²⁷, иными словами, признали себя федератами Рима. Еще раньше, в 413 г., бургунды, заключившие в 411 г. союз с узурпатором Иовином, вступили в федеративные отношения уже с законным императором Гонорием и получили для поселения местность, расположенную на левом берегу Рейна в его среднем течении, сделав своей

столицей Вормс. Таким образом, в прямом управлении императорского правительства осталась Италия и лишь часть территории Галлии и Испании. Британия была потеряна империей окончательно. С уходом оттуда войск узурпатора Константина в ней навсегда прекратилось присутствие римских легионов.

И все же, хотя и не надолго, на Западе были восстановлены мир и относительное спокойствие. Многие беженцы из Рима возвращались в столицу. «Олимпиодор говорит, что в один день в Рим вернулось 14 тысяч беглецов и что Альбин, префект города в 414 г., уведомил императора, что население возросло настолько значительно, что установленный размер раздачи хлеба оказывается недостаточным»⁵²⁸. В 417 г. Рим на короткое время в очередной раз посетил Гонорий. По саркастическому замечанию Ф. Грегоровиуса, не высоко ставившего этого императора, его «колеснице предшествовал, конечно, Аттал в цепях, покрытый позором, который падал на самого императора... Римляне... встретили своего властителя рабскими возгласами и немymi упреками... Гонорий увещевал римлян снова восстановить город из развалин, и... Рим в короткое время... оправился от последствий разграбления его готами»⁵²⁹.

В Новом Риме, избавленном от бедствий, с лихвой обрушившихся на Ветхий Рим, в эту пору правил уже подросток, приблизившийся к совершеннолетию Феодосий. Впрочем, он по-прежнему не обходился без стороннего влияния, но теперь таким советником был уже не префект претория Анфимий – им стала родная сестра императора Пульхерия. В 414 г. ей исполнилось 16 лет – возраст совершеннолетия, и она приняла титул августы. В здании сената были помещены бюсты Гонория, Феодосия и Пульхерии – символ соучастия в верховной власти этих трех потомков Феодосия Великого. Анфимий ушел в отставку, и обязанности регента формально взяла на себя сестра императора. В совсем еще юной Пульхерии удивительным образом соединялись искреннее сердечное благочестие аскетического настроения с трезвым государственным умом и блестящим образованием – богословским и классическим. Она, по характеристике Созомена, «не по летам обладала умом

мудрейшим и как бы божественным. Прежде всего и свое девство посвятила она Богу, и к тому же направляла жизнь своих сестер... Приняв на себя заботы правления, Пульхерия римским миром управляла прекрасно... делала хорошие распоряжения, скоро решала и излагала, что должно, старалась правильно говорить и писать на языках латинском и греческом»⁵³⁰.

Делом государственной важности она считала воспитание и образование своего брата-императора. Ради этого подобранные ею «люди сведущие учили его ездить на коне, владеть оружием и сообщали ему познания в науках»⁵³¹. Феодосий, как и Пульхерия, свободно владел латинским и греческим языками, изучал право и философию, математику и астрономию, «сама же сестра давала наставления, как держать себя прилично и по-царски в выходах, показывала, какое следует надевать платье, как надобно сидеть и ходить, воздерживаться от смеха, быть то кротким, то строгим, смотря по обстоятельствам, и прилично расспрашивать просителей»⁵³².

Особое внимание она уделяла его христианскому воспитанию, «приучая постоянно молиться, посещать церкви, украшать молитвенные дома приношениями и драгоценными утварями, почитать иереев и других добрых людей»⁵³³. Сама Пульхерия являла брату пример деятельного благочестия, сооружая церкви и устраивая монастыри, выделяя средства из казны на их содержание, равно как и на содержание домов для бедных. Прошло уже целое столетие с тех пор, как Римской империей стали править христиане, но, пожалуй, впервые в регентство святой Пульхерии уклад дворцового быта приобрел характерно «византийские» черты бытового благочестия, основу которого составляла живая вера правителей.

Воспитанный любящей и благочестивой сестрой, Феодосий и сам исполнен был заданным ею религиозным настроением. Его характер и образ жизни выразительно описывает Сократ Схоластик: «Хотя он родился и воспитывался в царском дворце, однако от этого воспитания не сделался несколько изнеженным; напротив, был так рассудителен, что разговаривавшие с ним предполагали в нем лично приобретенную опытность во многих

вещах. Притом он отличался такой терпеливостью, что мужественно переносил и холод и жар, часто также постился, а особенно по средам и пятницам, и это делал потому, что старался жить совершенно по-христиански. В царском дворце он учредил порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе со своими сестрами пел во славу Божию антифоны, поэтому знал на память Священное Писание и, встречаясь с епископами, рассуждал на основании Писания, как давно поставленный священник»⁵³⁴. Любимым занятием Феодосия было копирование древних христианских рукописей, он делал это с увлечением и замечательным искусством, так что получил прозвище «Каллиграфа». Переписыванием книг он занимался не только днем, но и ночью при свете им собственноручно изготовленной лампы.

Не только уклад жизни императора, но и образ его мыслей, его дела исходили из его христианских убеждений. По словам Сократа, «незлобием и человеколюбием превосходил он всех людей... Он не мстил никому, кто оскорблял его, да никто даже и не видывал его разгневанным. Некогда один из ближних спросил его: “Почему ты никогда не накажешь смертью человека, тебя оскорбившего?” – “О если бы, – отвечал он, – возможно было мне и умерших возвратить к жизни!” А на вопрос другого о том же он сказал: “Не великое и не трудное дело лишить человека жизни, но, раскаявшись, воскресить уже умершего никто не может, кроме одного Бога”»⁵³⁵.

Евангельское человеколюбие Феодосия не освобождало его от императорского долга властной рукой, а если нужно, то и силой оружия защищать границы и интересы государства и, что было в его сознании еще более важным, – защищать христиан, оказывать покровительство Церкви, противодействовать распространению ересей, вытеснять и даже, в иных случаях, подавлять инаковерие и религиозное инакомыслие. В 415 г. по подсказке святой Пульхерии Феодосий издал два указа, которыми воспрещалось монтанистам и евномианам устраивать молитвенные собрания под угрозой уголовного преследования. В 416 г. язычники были лишены права занимать государственные должности, в 418 г. аналогичная мера была

принята и относительно евреев, которым также воспрещено было служение в армии. Им однако предоставлялось право заниматься адвокатурой, а также входить в состав городских курий, при условии их принадлежности к сословию куриалов.

Принятию акта, ограничивавшего политические права евреев, предшествовало событие, о котором рассказывает Сократ: «В одном месте, называемом Инместар, которое находится между Халкидою и сирийской Антиохией», у иудеев «был обычай совершать какие-то игры. Во время этих игр... они, упоенные вином, издевались над христианами и над Самим Христом и, осмеивая как крест, так и уповающих на Распятого, между прочим придумали следующее: схватив христианского мальчика, они привязали его ко кресту и повесили, потом начали смеяться и издеваться над ним, а вскоре, обезумев, стали бить его и убили до смерти. По сему случаю между ними и христианами произошла сильная схватка. Когда же это сделалось известно царю, то областные начальники получили предписание разыскать виновных и казнить»⁵³⁶.

Случилось так, что самая трудная война, которую вел Феодосий, преследовала цель защиты гонимых христиан. В правление персидского шаха Йездигерда, которого император Аркадий по дружбе и доверию назначил опекуном своего малолетнего наследника Феодосия, христиане в его государстве пользовались свободой исповедания, более того, у них возникла надежда, а у приверженцев зороастризма опасение, что Йездигерд собирается принять учение Христа. Но в 420 г. Йездигерд умер, и его сын Бахрам начал массовые гонения на христиан. Блаженный Феодорит рассказывает о неслыханной жестокости гонителей: «Мучители у одних сдирали кожу с рук, у других – с хребтов, у иных обнажали от кожи голову, начиная со лба до подбородка, а некоторых покрывали разрезанным посередине камышом и разрезы приспособляли к телу, а потом, наложив крепкие связи от головы до ног, с силою извлекали каждую тростинку, чтобы, раздирая ею близлежащее место кожи, причинять жестокие страдания. Вырывали также ямы и, тщательно обмазав их, заключали в них стада крыс, в пищу им приносили подвижников благочестия со связанными руками и ногами... но

не поколебали мужества подвижников»⁵³⁷. Одни христиане охотно предавали себя на смерть, которая «приближала» их «к жизни нетленной»⁵³⁸, другие бежали из Персии под защиту христианского императора. Еще одним поводом для начала войны послужили жалобы римских купцов, которые вели торговлю в Иране, на притеснения, обиды и грабежи, которым они там подвергались.

По приказу императора войска под командованием полководца Ардавурия через Армению вторглись в персидскую сатрапию Арзанену, расположенную к западу от озера Ван, подвергнув ее опустошению. Навстречу римлянам выдвинулась персидская армия во главе с Нарсесом – судя по именам полководцев, стоявших во главе враждебных армий, оба они имели армянское происхождение. Понеся поражение в столкновении с римлянами, Нарсес отвел свою армию в Месопотамию и укрылся там за стенами Нисибинской крепости. Римляне готовились к штурму Нисибина. Тем временем Бахрам завербовал отряд арабов во главе с Аламундаром. Решающее сражение между персидскими и римскими войсками произошло на берегу Евфрата; персы понесли колоссальные потери, истреблен был и десятитысячный полк «бессмертных». В 422 г. состоялись мирные переговоры и был заключен мир, по которому, среди прочих благоприятных для римской стороны условий, Бахрам гарантировал свободу исповедания персидским христианам.

Пока шла война с персами, Феодосий вступил в брак. Когда ему исполнилось 19 лет, он сообщил о своем намерении жениться Пульхерии, и та подобрала ему невесту. Выбор пал на отличавшуюся поразительной красотой и незаурядным умом, прекрасно образованную юную гречанку по имени Афинаида, которая, впрочем, была на 9 лет старше Феодосия. Дочь известного философа Леонтия, одного из профессоров Афинской школы, она приехала в столицу с жалобой на своих братьев, которые после смерти отца оставили ее без средств, разделив наследство между собой. В Константинополе она добилась приема у Пульхерии, и та, исполнившись к ней сочувствия, пригласила ее пожить во дворце. Ее она и

предложила в невесты брату. Свою невесту Феодосий увидел через занавеску, и она взволновала его своей красотой. Выросшая в семье язычника, Афинаида не была крещена. Поэтому в преддверии брака она приняла от руки Константинопольского архиепископа Аттика Таинство крещения и получила новое имя Евдокия, ее восприемницей стала Пульхерия. Бракосочетание состоялось 7 июня 421 г.

Год спустя у молодоженов родилась дочь, крещенная с именем своей бабушки Евдоксии. В 423 г. Евдокия, по совету Пульхерии, была своим мужем удостоена титула августы, который сравнял ее по чести с золовкой. Евдокия искренне приняла христианство. Обладая поэтическим талантом и начитанная в классической греческой литературе, она писала поэмы, перелагая в стихах эпизоды из библейской истории.

Между тем в 417 г. Галла Плацидия, овдовевшая после смерти своего первого мужа, короля готов Атаульфа, и вернувшаяся в Равенну, была выдана замуж за римского полководца иллирийского происхождения Констанция, нанесшего ряд сокрушительных ударов по претендовавшим на верховную власть узурпаторам, не по расположению сердца, но по политическим и династическим соображениям. Император Гонорий в этом году удостоил ее нового мужа во второй раз званием своего коллеги по консулату – сам он провозглашался консулом уже в 11-й раз, а также титулом патриция. В следующем году в семье Констанция и Плацидии родилась дочь Гонория, а в 418 г. сын Валентиниан, грудным младенцем награжденный титулом нобилиссима, который в иерархии отличий занимал следующее место после цезаря. В 421 г. Плацидия была провозглашена августой, а ее муж – августом и соправителем императора Гонория. В Константинополе этого возвышения Констанция не признали, но и особой проблемы из возникшего в результате такого непризнания расхождения в отношении к рангу Констанция делать не стали, а полгода спустя зазор во взаимоотношениях двух дворов – Константинопольского и Равеннского – вовсе исчез ввиду смерти Констанция.

Неизвестно по какой причине, но отношения между единокровными братом и сестрой – Гонорием и Галлой – внезапно резко испортились и Галла вместе с двумя своими детьми в июле 423 г. отправилась морем из Равенны в Константинополь. Император Феодосий принял своих родственников с почестями, подобающими их высокому сану, а вскоре из Равенны пришло печальное известие: 15 августа 423 г. император Гонорий скончался от водянки. Он пережил семь узурпаторов, пытавшихся свергнуть его, и все-таки умер в относительно молодом возрасте – на 40-м году жизни. Его останки были перенесены в Рим и погребены в мавзолее у храма апостола Петра. В Константинополе объявлен был семидневный траур.

4. Церковь в эпоху святого Иоанна Златоуста и блаженного Августина

В 397 г. скончался престарелый архиепископ Константинополя Нектарий. По предложению императорского фаворита Евтропия на столичную кафедру был приглашен самый яркий проповедник своего времени, антиохийский пресвитер Иоанн, уже в ту пору прозванный за свое выдающееся красноречие Хризостомом, или, по-славянски, Златоустом.

Иоанн родился в Антиохии около 347 г. в грекоязычной семье состоятельного чиновника. По рождению и воспитанию он «принадлежал к эллинистическим культурным кругам малоазийского общества. Этим объясняется его высокая личная культурность, аристократическое благородство его облика, известная светскость его обхождения»⁵³⁹. Отец святителя Секунд умер вскоре после рождения мальчика, и его воспитанием занималась мать Иоанна Анфуса, посвятив всю себя сыну.

Когда он подрос, мать позаботилась дать ему классическое образование. Курс риторики Иоанн прошел у лучшего специалиста в этой области антиохийца Либания, который, пораженный талантом ученика, собирался передать ему свою кафедру, но препятствием к этому явились твердые христианские убеждения Иоанна и его рано сложившиеся аскетические устремления.

Язычник Либаний сетовал впоследствии о том, что христиане похитили его лучшего ученика.

В Священном Писании Иоанна наставлял предстоятель Антиохийской церкви святой Мелетий. В 367 г. он крестил Иоанна и три года спустя поставил его в чтеца. После ссылки Мелетия, которой тот подвергся при императоре Валенте в 372 г., Иоанн изучал богословие под руководством антиохийских пресвитеров Флавиана и Диодора, позже поставленного на Тарсийскую кафедру. Вместе с ним у них учился и известный впоследствии богослов Феодор Мопсуестийский, который был осужден V Вселенским Собором как главный виновник

несторианской ереси. Иоанн Златоуст, воспитанник Антиохийской богословской школы с ее библейским реализмом, неприязнью ко всякого рода отвлеченному теоретизированию и пассивной созерцательности, с ее обостренной чуткостью к нравственным проблемам, с ее всецелой приверженностью идеалу, начертанному в Нагорной проповеди, стал самым последовательным выразителем идей и установок этой школы.

После кончины матери, Анфусы, Иоанн оставил родной город и нашел прибежище в монастырях Сирии, потому что мир, принявший Христа, представлялся ему далеко отстоящим от подлинного преображения Евангелием. В пустыне он приобрел аскетический опыт, но и, по словам А. В. Карташева, «нажил себе на всю жизнь тяжелый катар желудка»⁵⁴⁰, так что впоследствии мог питаться только рисовой кашей, запивая ее разбавленным вином. В течение двух лет святой Иоанн пребывал в безмолвии, уединившись в пещере.

Ревностному монаху и знатоку Священных книг, обладавшему также блестящим классическим образованием, предлагали епископскую кафедру, но, исполненный бескомпромиссно высокого представления о епископском служении, он уклонился от епископства, написав в связи со своими размышлениями на эту тему «Шесть слов о священстве», ставших краеугольным камнем православной пасторологии. Пребывая в пустыне, Иоанн создал труды, посвященные иноческому подвижничеству: «Против вооружающихся на ищущих монашества» и «Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни».

После возвращения из ссылки в Антиохию святой Мелетий призвал к себе Иоанна и посвятил его в самый канун II Вселенского Собора в диакона. Совершая диаконское служение, Иоанн находил время для богословского творчества, написав такие творения, как «Книга о девстве», «К молодой вдове», «Книга о святом Вавиле и против Юлиана и язычников».

Преемник Мелетия Флавиан в 386 г. хиротонисал Иоанна в пресвитера, предоставив ему храм, расположенный в древней, впоследствии затопленной части Антиохии. В этом храме более 10 лет, обыкновенно дважды в неделю, при стечении множества

людей, часто приезжавших из дальних мест послушать знаменитого пастыря, святой Иоанн произносил проповеди, прославившие его имя во всем христианском мире и снискавшие ему прозвание Златоуста. Эти проповеди стенографически записывались его почитателями и редактировались им самим. В Антиохии им были произнесены поучения на праздники, слова, темой которых является обличение пороков и наставление в борьбе с грехами, а также толкования на Священные книги.

Ветхозаветным Писаниям посвящены «Девять бесед на Книгу Бытия», еще «шестьдесят семь бесед» на ту же книгу, «Беседы о Давиде и Сауле», «о пророчествах Ветхого Завета», «на Псалмы», «на пророка Исаию», «об Иове», «о святых Маккавеях» и ряд других творений. Экзегеза Нового Завета содержится в его «Беседах на Евангелие от Матфея» и «от Иоанна», «на Деяния», «в похвалу апостолу Павлу», «на Послание к римлянам», на «Два Послания к коринфянам» и на другие послания апостола Павла.

Иоанн Златоуст не знал еврейского языка и комментировал Ветхозаветные книги по Септуагинте, но в толкованиях на Новый Завет он обнаружил тончайшее понимание стилистических особенностей текста, языковых нюансов, в них во всем блеске проявилось его тонкое чувство стилиста, даже в грамматических формах, употребляемых новозаветными писателями, он улавливает богословски важные оттенки смысла Писаний. В то же время его толкования – не плод кабинетных штудий, рассчитанных на эрудированного читателя, но живое пастырское слово, призванное извлечь из Богодухновенных Писаний поучение, обращенное ко всякому человеку, стремящемуся жить по заповедям, либо сказанное для того, чтобы пришедшего послушать проповедника из праздного любопытства уловить в апостольские сети и побудить к обращению и перемене жизни.

Для святого Иоанна этический пафос христианства неразрывно связан с сотериологией. Истолковывая разные места Священных книг, он вновь и вновь напоминал людям, что нет иного пути ко спасению помимо исполнения заповедей во всей

их евангельской полноте и высоте. Святитель воспринимал слово Божие, в том числе и изреченное пророками в ветхозаветную эпоху, как живое и действенное во все времена человеческой истории. С удивительной естественностью он актуализировал Священные книги; отталкиваясь от их сюжетов или содержащихся в них идей и наставлений, он высказывался на злобу дня, по острым проблемам современности, нередко иллюстрируя мысли священных писателей примерами, почерпнутыми из повседневной жизни своего века.

Ученик Диодора Тарсийского, святой Иоанн следовал экзегетической традиции, сложившейся в Антиохийской школе, выявляя исторический контекст библейских книг. По характеристике протоиерея Георгия Флоровского, он «был близок к буквальному пониманию боговдохновенности... В Писании нет ничего лишнего и напрасного, – ни единой йоты, ни единого слога... Священные писатели писали и говорили «в Духе», – или говорил в них Дух. Однако это наитие Духа Златоуст решительно отличает от одержимости: сознание и ум остается ясным и уразумевает внушаемое. Это скорее озарение. И в этом существенное отличие профетизма от мантики. Поэтому священные писатели не теряют лица. И Златоуст всегда останавливается на личности писателя, на обстоятельствах написания отдельных книг»⁵⁴¹. Методы антиохийской экзегезы святитель Иоанн не доводил до абсурдной крайности. Высоко ценя буквальный смысл библейского текста, он не считал его приемлемым во всех случаях и отвергал буквальное понимание библейских антропоморфизмов, прилагаемых к Богу.

Мысль пригласить знаменитого проповедника на вдовствующую столичную кафедру пришла на ум всесильному тогда временщику Евтропию, вероятно, по двум соображениям: украсить Константинополь знаменитостью и надеждой, что, человек не от мира сего, Иоанн не в состоянии будет заметить его неприглядные интриги. Евтропий опасался, что Константинопольскую кафедру в противном случае займет ставленник влиятельного и властолюбивого архиепископа Александрии Феофила, который перемещение в столицу

выходца из Антиохийской школы пережил как поражение Александрии и уже тогда затаил мысль о реванше, невзлюбив святого Иоанна. Не без колебаний святитель принял приглашение, и в начале 398 г. состоялась его епископская хиротония.

В Константинополе святой Иоанн ввел антифонное пение за всенощным бдением, составил несколько молитв чина елеосвящения. Под его именем известно чинопоследование литургии, употребляемое по сей день и представляющее собой сокращение литургии Василия Великого.

Как и в родной Антиохии, святитель регулярно произносил в столице проповеди, теперь уже с самого высокого амвона, и они привлекали к себе всеобщее внимание, мало кого оставляя равнодушным. И тут обнаружилось, что Евтропий ошибся в расчетах, которыми он руководствовался, предлагая пригласить на столичную кафедру Иоанна. «Человек не от мира сего» оказался зорким и в высшей степени неравнодушным обличителем не только личных грехов, но и общественных пороков и язв, так что в своих проповедях крепко задевал сильных мира сего, виновных в страданиях «малых сих» – нищих и убогих, обиженных и оскорбленных. Своею жизнью он подавал пример подлинно христианского отношения к ближним. Он не устраивал, не в пример своему предшественнику, званых пиров для городских вельмож и избегал приглашения на подобные пиршества со стороны столичной знати. Средства, которые выдавались на содержание архиерейского дома, святитель тратил на устройство больниц и приютов, раздавал нищим. Всем этим он вооружил против себя городских богачей, которые обвиняли его в том, что он соблазняет народ, разжигает антагонизм и вражду между сословиями, между имущими и неимущими. Его невзлюбили многие из подведомственных ему константинопольских клириков, успевшие разбогатеть и развратиться. Суровые меры, которые он применял по отношению к недостойным пастырям, настраивали против него и тех, кто уже был им наказан, нередко лишением сана, и тех, кого ввиду его образа жизни и непримиримого отношения святителя к порокам духовенства ожидала подобная мера.

В его проповедях, посвященных социальной теме, звучал голос библейских пророков. Подобно тому как древние пророки бичевали грехи избранного народа, вновь и вновь попиравшего заповеди Божии и тем обнаруживавшего свою склонность к религиозному прелюбодеянию, а еще более преступления правивших народом судей и царей, так и святой Златоуст с амвона константинопольского кафедрального храма произносил исполненные праведного гнева и скорби слова, обличавшие поверхностное, по существу дела лицемерное исповедание Христа новообращенными массами, не пережившими евангельского преобразования ума и сердца, оставшимися в жизни своей язычниками, и в особенности злодеяния правителей и начальников, которые своими публично известными личными грехами искушали народ, а своими правительственными делами ожесточали его. «У него, – по словам протоиерея Георгия Флоровского, – было впечатление, что он проповедует людям, для которых христианство стало лишь модной одеждой. «Из числа столь многих тысяч, – говорил он, – нельзя найти больше ста спасаемых, да и в этом сомневаюсь»... И с горечью говорил он о наступившем благополучии: «безопасность есть величайшее из гонений на благочестие, – хуже всякого гонения»... Златоуста смущал нравственный упадок – не только разврат, но больше всего молчаливое снижение требований идеалов... Не только среди мирян, но и в клире... «Никто не остался бы язычником, если бы мы были действительными христианами»⁵⁴².

Одна из главных тем проповеди святителя – богатство и бедность. Как христианин и пастырь, как учитель народа, он не мог оставаться равнодушным к скандальному для христианского общества контрасту роскоши и нищеты. Свое обличение богатства он распространял даже и на старания украшать церкви, приобретать для них драгоценные сосуды, роскошные отделочные материалы, противопоставляя внешнему великолепию церковного убранства евангельскую простоту и бедность: «Не серебряная тогда была трапеза, не из золотого сосуда Христос преподавал Питие, – кровь Свою ученикам. Однако же все было там драгоценно и возбуждало

благоговение, ибо было исполнено Духа. Хочешь почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим... Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом... Христос, как бесприютный странник, ходит и просит кров, а ты, вместо того чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лошадям серебряные цепи, – а на Христа... связанного в темнице, и взглянуть не хочешь»⁵⁴³.

Зло богатства для проповедника евангельской бедности главным образом заключается в том, что не только неправедные пути его стяжательства, но и сама привязанность к нему губит душу, потому что делает человека пленником страсти стяжательства и удаляет от служения Богу. Более того, душепагубно не только стремление приобрести богатство, но и чрезмерная озабоченность о приобретении необходимых вещей. Душевредность богатства распространяется не только на тех, кто им обладает или стремится его приобрести, но и на обделенных им, потому что бедность спасительна тогда только, когда переносится благодушно, но в сердцах духовно немощных бедняков она способна породить губительную зависть, ненависть или отчаяние.

Корень социальной несправедливости и всеобщего неблагополучия святитель усматривал в частной собственности, ибо высшая справедливость заключается в том, что все земное достояние по природе вещей принадлежит Богу, а служить призвано удовлетворению насущных потребностей всех: «Если наши блага принадлежат общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем... И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежат всем; мы все в равной мере пользуемся ими... Касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходят распри, как будто вследствие того, что сама природа негодует, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особым усердием стараемся разъединиться

между собою, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: “то твое, а это мое”. ... Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение вещами, и оно более согласно с самой природой»⁵⁴⁴.

Социальный идеал общности имущества святитель Иоанн находил до конца осуществленным в первоначальной христианской общине, которая во все века церковной истории служила прообразом общежительного монашества: «Это жестокое и произведшее бесчисленные войны во вселенной выражение: “мое” и “твое” было изгнано из той святой Церкви, и они жили на земле, как Ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых, ни богатые не презирали бедных, потому что не было бедных. Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так... Во всем у них было равенство и все богатства смешаны вместе»⁵⁴⁵.

Неприятие частной собственности как явления противоестественного и греховного дало основание называть святого Иоанна проповедником христианского социализма. В известном смысле это приемлемая аттестация, но для того чтобы быть корректной, она должна учитывать следующие обстоятельства: при всем своем этическом максимализме святитель стоял на твердой почве трезвой христианской антропологии, основанной на понимании радикального значения для человеческой истории и условий человеческого существования, в том числе и в социальном измерении, первородного греха, последствия которого не преодолены до конца и самой крестной смертью Христа, так что упразднение неравенства возможно лишь в эсхатологической перспективе, и он не разделял утопических иллюзий хилиастов, мечтавших о построении Царства Божия на земле и этой своей мечтой заразивших социальных утопистов последующих веков. Более того, святой Иоанн не был прожектером и реформатором, он был далек от мысли призывать правителей к конфискации частной собственности; признавая рабство противоестественным установлением, он не требовал его отмены, считаясь, как реалист, с силой общественных предрассудков, но он напоминал

рабовладельцам о том, что по природе они ничем не отличаются от подвластных им рабов, и призывал господ к человеколюбию. Тем более он не предлагал радикальных и революционных способов преодоления греховного социального неравенства. Святитель никогда не призывал народ к бунту, напротив, в знаменитых «Словах о статуях», произнесенных в Антиохии, когда там возникло возмущение в связи с введением нового налога, в ходе которого были низвергнуты статуи императора Феодосия Великого и его супруги Флакиды, он призывал народ к повиновению законной власти.

Квинтэссенция его рассуждений о государстве и власти, содержащихся в «Словах о статуях» и в других его проповедях, произнесенных уже в Константинополе, заключается в том, что, хотя власть, по его убеждению, является одним из проявлений греховного неравенства, но она установлена Богом ввиду падшего состояния человечества. Если бы не было власти и господства, общество было бы ввергнуто в борьбу всех против всех, так что власть призвана противодействовать преступным посягательствам грешников, но греховны и носители самой власти, употребляющие ее не по совести, и дело пастыря обличать как власть имущих, так и подвластных, не посягая при этом на неприкосновенность законной власти, даже если она прибегает к порочным методам властвования. Еще более важный долг пастыря – нести слово утешения несправедливо обиженным и страдающим.

Не предлагая реформ, святой Иоанн не оставался пассивным созерцателем и теоретизирующим обличителем общественных язв. Напротив, он призывал паству к деятельной любви к ближнему и сам являл убедительный пример служения людям. Средства, предназначавшиеся для содержания архиепископии, он употребил на устройство и содержание больниц и гостиниц для паломников. Обличая пороки мирян и являя пример заботы о ближнем и христианского аскетизма, по отношению к клирикам, жизнь и дела которых не соответствовали их сану, святитель прибегал не только к увещаниям, но и к применению архипастырской власти. Он велел удалить из домов целибатных священников их

подозрительных «сестер» и потребовал от состоятельных диаконис отказаться от роскоши, а монашествующим запрещал свободно разгуливать по городу. Подобными мерами он нажил себе врагов в константинопольском духовенстве. Отказываясь, не в пример своему предшественнику архиепископу Нектарию, ходить на званые обеды к богачам столицы, святой прослыл в высшем обществе гордецом.

Многих раздражало его бесстрашие перед лицом сильных мира сего. А он произносил проповеди, задевавшие временщика Евтропия, который, однако, после своего падения укрылся в алтаре соборного храма под защитой святителя Иоанна, и тот не выдал его, так что несчастный евнух тогда только вышел из укрытия, когда получил гарантию сохранения ему жизни, на чем настаивал архипастырь. Когда новый временщик Гайна требовал предоставить его соплеменникам и единоверцам, готским федератам, один из константинопольских храмов, – ариане имели право собираться на молитву за городской стеной, – Иоанн настаивал на сохранении привилегий Кафолической Церкви, и всесильному Гайне было отказано в его требовании. Но Иоанн Златоуст был чужд ксенофобии и охотно совершал богослужения в православной готской церкви.

Святитель не уstraшился встать на защиту имущества вдовы и детей опального сановника от конфискации, чем вызвал раздражение у супруги императора Евдоксии. Его противники своими интригами сумели вызвать у нее стойкую непризнь к Златоусту. Проповедь, в которой он обличал суетных и тщеславных женщин, любящих украшать себя роскошными нарядами, была представлена ей как нацеленная лично против нее, так что Евдоксия стала искать способа избавиться от назойливого моралиста. Но расправа над архипастырем, популярным в народе и у тех клириков, которые с духовным горением совершали свое служение, по одному только политическому обвинению, без церковного суда, представлялась делом рискованным, способным вызвать опасные волнения. Поэтому, с одной стороны, нужно было найти повод для предания Иоанна соборному суду, а с другой – надо было подобрать ему замену, найти такого кандидата на

столичную кафедру, который бы не ударил в грязь лицом как проповедник.

Так возникла идея представить Евдоксии епископа Кавальского Севериана, который, подобно Иоанну, в свое время учился у Либания и был действительно красноречивым оратором, причем стилистически близким Златоусту, так что некоторые из его слов оказались впоследствии включенными в сборники творений святителя Иоанна. Севериан произвел ожидаемое благоприятное впечатление на августу, и она пригласила его крестить своего новорожденного сына Феодосия. В этом предстоятель столичной церкви усмотрел нарушение традиции, и в отношениях между ним и Северианом возникло напряжение. Еще одно малозначащее происшествие довело дело до прямого конфликта. Севериан обвинил ближайшего помощника святого Иоанна, диакона Серапиона, в том, что тот однажды при встрече с ним не поклонился ему. Святитель отреагировал временным запрещением диакона, но Севериану этого было мало: он настаивал на пожизненном запрещении, но в этом требовании ему было отказано, после чего Севериан с демонстративной обидой покинул Константинополь. Огорченная отъездом Севериана, Евдоксия потребовала примирения. И вот в один из воскресных дней она «явилась в церковь рано, до литургии. Иоанн сидел уже на своей кафедре. Императрица быстро подошла к епископу, положила ему на колени маленького Феодосия и во имя младенца просила простить Севериана. Златоуст был подавлен этим моральным насилием, но взял на себя подвиг формально помириться с Северианом»⁵⁴⁶.

Интриганы продолжали плести свои сети, аккуратно собирая обвинительный материал против святителя. «Златоуст не был изощренным администратором. Думал о пользе дела, а не о канцелярских формах. Он увидел недвижно лежащую грудку мрамора», предназначенную на постройку церкви, и «велел продать ее и выручку раздать бедным. Не совещаясь ни с кем, ставил кандидатов в епископы, и даже скопом – четырех за один раз. В диаконы поставлял даже вне чина литургии»⁵⁴⁷. Но этого было мало для того, чтобы низложить архипастыря,

которого почитали святым в народе, весьма и весьма способным настоять на своем, – правители империи всегда чувствовали над собой дамоклов меч народных волнений, легко перетекающих в мятежи.

Дело компрометации святителя наконец взял в свои руки один из самых влиятельных епископов своего времени, предстоятель Александрийской церкви Феофил – человек сильный, властный, упорный, искусный в интригах, лишенный особой щепетильности и моральной брезгливости, – иными словами, способный, может быть, и не на все, но на многое. Иоанна он невзлюбил с самого его поставления на Константинопольскую кафедру, потому что имел другие виды на нее. Его главной церковной заботой был, судя по всему, статус занимаемой им кафедры, которую он, как и другие Александрийские епископы, несмотря на состоявшееся на II Вселенском Соборе церковное возвышение Нового Рима, не хотел считать стоящей ниже столичной.

Поэтому он был задет до глубины души, когда Иоанн принял обращенную к нему, как епископу имперской столицы, но также, вероятно, и ввиду его личного авторитета, просьбу выступить в качестве третейского судьи по делу, возникшему в Ефесской митрополии. Епископы Ефесской церкви обвинили своего митрополита Антония в нарушении порядка хиротонии. Выехав в Эфес, святой Иоанн на месте вник в суть обвинений и признал их справедливыми, на основании чего он объявил низложенными как самого Антония, так и 13 хиротонисанных им епископов. На Эфесскую кафедру был поставлен Ираклид. Не только Антоний, но и архиепископ Александрии нашли в этом акте Златоуста канонически недопустимое вторжение в чужую область.

Между тем в действительности ситуация с границами юрисдикции Константинопольской кафедры в период между II и IV Вселенскими Соборами содержала в себе элемент неопределенности: с одной стороны, 3 правилом II Вселенского Собора Константинопольский престол был поставлен на второе место в диптихе после Римского с особым подчеркиванием его аналогии с Римом, ввиду его столичного статуса, а с друго, – только

Халкидонский Собор обозначил территориальные пределы юрисдикции Константинопольской кафедры, подчинив ей три диоцеза, в том числе Азийский с его главным городом Эфесом. Но IV Вселенский Собор лишь узаконил практику, уже раньше входившую в традицию. И святой Иоанн действовал в русле этой традиции. И до него епископы Азии, Понта и Фракии не раз обращались к архиепископу столицы, как первенствующему среди них, тем более что епископы Рима являли многочисленные примеры приема и рассмотрения апелляций от епископов и клириков западных церквей, не находившихся в их прямой юрисдикции, и лишь в отдельных случаях из этого вырастали осложнения и конфликты во взаимоотношениях кафедр. Но Феофилу Александрийскому действия, предпринятые Златоустом в Эфесе, послужили содержанием главной статьи обвинений против него.

Он, однако, давал себе отчет в том, что одно только обвинение во вмешательстве в дела чужой церковной области может оказаться неубедительным или недостаточным для соборного осуждения, поэтому для вящей надежды на успех решил вооружиться еще и обвинением Иоанна в ереси, а именно в приверженности учению Оригена. Причем, если, обвиняя святого Иоанна в каноническом преступлении, Феофил мог искренне считать себя правым, то он не мог обманывать себя относительно недобросовестности обвинения своего противника в ереси: святой Иоанн как истинный антиохиец не был приверженцем оригенизма. Подобно другим богословам своей эпохи, он читал и знал Оригена и в каких-то отношениях пользовался его богословским и особенно экзегетическим наследием, но не разделял заблуждений знаменитого александрийца ни относительно предсуществования душ, ни даже об апокатастасисе. В противоположность воззрениям Оригена, «самая многочисленность христиан смущала» его: «тем больше пищи для огня»⁵⁴⁸, – говорил Златоуст.

Более того, в действительности Феофил сам был большим приверженцем Оригена, чем его святой Иоанн. Его подчеркнутый антиоригенизм был лишь конъюнктурно избранной позицией, которую он оставил после того, как дело

было сделано, – Иоанн осужден и скончался в далекой ссылке: «удовлетворенный победой» Феофил, «не ополчался уже на Оригена. Он продолжал пользоваться им при случае. Ведь другого источника учености у него и не было. А на ядовитые замечания не без лукавства отговаривался: «Ориген – это луг, на котором растут разные цветы и травы. Надо умело их разбирать, чтобы пользоваться»⁵⁴⁹ – резонное суждение, но после расправы над святым Иоанном, обвиненным среди прочего и в оригенизме, исполненное особым цинизмом.

История превращения Феофила из почитателя Оригена, которым он был некогда, в заядлого антиоригениста началась с конфликта между ним и монахами Нитрийской пустыни, которых он справедливо осуждал за антропоморфизм, – одной из причин этого заблуждения было элементарное невежество. Преподобный Иоанн Кассиан писал, что один из египетских монахов, когда ему объяснили, что нельзя Богу усваивать человеческие качества, следуя буквальному пониманию библейских мест, где говорится, например, о руках или стопах Творца, хотя и согласился с основательностью доводов своих наставников, но при этом «со скорбью сказал, что у него “отняли Бога” и он теперь не знает, как ему молиться»⁵⁵⁰.

В пасхальном послании 399 г. Феофил обличал антропоморфистов, но когда задетые этими обличениями нитрийские монахи, вооружившись дубинами, пришли в Александрию к резиденции своего епископа, тот порядком напугался, ему с трудом удалось успокоить ревнителю, сказав им: «Отцы, я смотрю на вас как на образ Божий»⁵⁵¹, но впредь он решил их уже не озлоблять. Между тем не все монахи Нитрийской пустыни пребывали в столь глубоком невежестве, – и несогласных с ними невежды, представлявшие Бога в телесном виде, обвинили в оригенизме. Впрочем, среди нитрийских монахов был и действительный оригенист Евагрий, выходец из Понта, с которым сблизился переселившийся в Египет из родной ему Галатии Палладий, автор знаменитого патерика под названием «Лавсаик», но в глазах простодушных антропоморфистов, в основном имевших коптское происхождение, все, кто не разделял их заблуждений, уже по одному этому

оказывались оригенистами. И вот Феофил, чтобы угодить способным на бунт беспокойным пустынникам, в 400 г. открыл войну против наследия Оригена и оригенистов.

Между тем среди нитрийских монахов было четверо «долгих братьев», прозванных так за свой высокий рост: Диоскор, Евсевий, Евтихий и Аммоний. Они не разделяли антропоморфистских заблуждений и у своих оппонентов прослыли оригенистами. Феофил ценил их за просвещенность, и один из них, Диоскор, был им хиротонисан во епископа Гермопольского, Евсевий и Евтихий – в пресвитеров, а вот Аммоний, верный старой монашеской традиции уклоняться от священства, предпочел урезать себе ухо и угрожал лишиться себя языка, чтобы только избежать рукоположения, чем вызвал неприязнь со стороны своего властного епископа.

Открыв кампанию искоренения оригеновской ереси, Феофил добился у местного префекта распоряжения о высылке «долгих братьев» из Нитрийской пустыни. И «не откладывая, самолично отправился целым вооруженным походом в Нитрию. С ним были и епископы, и полицейские чины, служки и толпа уличных бродяг-громил. В самой Нитрии с ними соединилось большинство монахов-антропоморфистов... Но Диоскор, как подобает скромному епископу, встретил своего патриарха-папу с честью. Окружавшие Диоскора монахи несли в руках пальмовые ветви. Но паче меры взвинченный Феофил решил, что это стратегический обман, что надо начать превентивный бой. Раздалась команда, крики, над головами замелькали дубины. Диоскор и его монахи были обращены в бегство. Диоскор вбежал в церковь и сел на архиерейскую кафедру, но рабы Феофила схватили его за руки. Феофил скомандовал конец боя и тут же открыл епископский собор, на котором было осуждено все учение Диоскора... Кельи братьев Долгих были разгромлены и сожжены вместе с книгами»⁵⁵².

Собор вынес решение, запрещающее чтение сочинений Оригена. Этот акт вызвал одобрение со стороны Римского папы Анастасия, который в 398 г. сменил Сириция, и святого Епифания Кипрского, в ту пору уже приближавшегося к 100-летнему возрасту. Он отозвался на Александрийский собор так:

«Наконец-то Амалик истреблен до конца! На горе Рефидим воздвигнуто знамя креста. На алтаре Александрийской церкви слуга Божий Феофил воздвиг знамя против Оригена»⁵⁵³.

«Долгих братьев» Феофил запретил принимать в какой бы то ни было монастырь Египта. До 300 нитрийских монахов, на которых пало подозрение в приверженности учению Оригена, бежали в Палестину под защиту Иерусалимского архиепископа Иоанна, преемника святого Кирилла, который не разделял предубеждений Епифания Кипрского против Оригена. Среди них был и один из четырех «долгих» братьев Диоскор, а трое других отправились в столицу с жалобой на учиненный погром и свое изгнание.

Предстоятель Константинопольской церкви принял беженцев, выслушал их жалобы и нашел их основательными, но, соблюдая каноническую дисциплину, не допустил их до служения, пока они не будут оправданы в судебном порядке. Он обратился с письмом к осудившему их архиепископу Александрии, запросив у него объяснение по делу братьев. Феофил не стал отвечать Иоанну, но направил в Константинополь группу монахов-антиоригенистов. Посланцы Феофила, где только могли, публично и шумно обвиняли архиепископа столицы в том, что он взял под свое покровительство еретиков. В этой ситуации святой Иоанн посоветовал «долгим братьям» апеллировать к императорскому суду – они так и сделали, после чего Иоанн еще раз писал Феофилу, утверждая, что церковно-судебное разбирательство дела «долгих братьев» стало неизбежным. В своем ответе Иоанну Феофил отвергал его право на вмешательство в дела Александрийской церкви.

Императорский суд, рассмотрев жалобу «долгих братьев», оправдал их и одновременно осудил монахов, присланных Феофилом в столицу, за бесчинное поведение. По приговору суда одни из них были заточены в тюрьмы, другие отправлены на каторжные работы в каменоломни.

Для вынесения окончательного решения по делу в Константинополь вызван был Феофил. Отлагая отъезд, он через своих клеветников спешно искал сторонников за пределами Египта. Ему удалось вовлечь в интригу давнего соперника Иоанна

Севериана Кавальского, Макария Магnezийского, который отказался признать юрисдикцию поставленного святым Иоанном митрополита Ефесского Ираклида после низложения его предшественника Антония, Квирина Халкидонского, столетнего старца Акакия Веррийского, человека ушедшей эпохи, и, что было особенно ценно, митрополита Гераклеийского Павла. Дело в том, что Гераклея была главным городом провинции, на территории которой находился Константинополь, и до II Вселенского Собора кафедра Византия – Константинополя состояла в юрисдикции митрополита Гераклеи. Поскольку вопрос о границах юрисдикции епископа Нового Рима еще не был решен положительно, можно было настаивать на том, что у Гераклеийского митрополита остаются известные права относительно церкви столицы, – и в позднейшее века привилегия возглавлять хиротонию епископа, поставляемого на Константинопольскую кафедру, принадлежала Гераклеийскому митрополиту.

На просьбу Феофила оказать ему поддержку в его отчаянной борьбе с оригенистской ересью с радостью откликнулся святой Епифаний Кипрский. Это был подвижник и молитвенник высокой аскетической жизни, но при этом он отличался властным, крутым характером и исключительной прямолинейностью, чуждой всякого лукавства. У него, по характерному замечанию протоиерея Георгия Флоровского, «был особый вкус и ревность к обличению ересей»⁵⁵⁴. Его главный труд «Панарион» (противоядие) посвящен описанию и обличению ересей. Поскольку он считал, что изначальная вера праотцев совпадала с христианским вероучением, то первые ереси он возводил ко временам допотопным, включая в их число варварство, скифство, эллинизм и иудейство. Всех ересей он насчитывал 80, ни больше и ни меньше, опираясь в этой калькуляции на слова «Песни песней»: «Есть у меня шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа» (Песн 6:8). Одной из самых злых ересей Епифаний считал оригенизм. Феофил воспользовался простодушием Епифания и привлек его на свою сторону в борьбе со святым Иоанном

Златоустом, заставив его поверить в приверженность Иоанна учению Оригена.

Убежденный в оригенизме Иоанна, Епифаний по прибытии в Константинополь не принял приглашения архиепископа столицы остановиться у него в резиденции. Гости сразу окружили недруги Златоуста, и он пошел на такой канонически недопустимый шаг, как рукоположение диакона без санкции со стороны правящего епископа. Епифаний служил в церквах столицы без приглашения правящего архиерея, но когда он попытался войти для совершения литургии в кафедральный храм 12 апостолов, архидиакон Серапион преградил ему вход в храм, сказав: «Как это так, епископ Епифаний вторгается в чужой храм без законного разрешения епархиального начальника? Епифаний, – по характеристике А. В. Карташева, – был неистовый, но честный человек. Он внял объяснениям Серапиона»⁵⁵⁵ и решил вернуться домой. Сократ Схоластик писал: «Некоторые говорят, будто перед самым отплытием он так сказал Иоанну: «умрешь не епископом», на что Иоанн отвечал: «Надеюсь, что ты не достигнешь отечества». Не могу утверждать, правду ли говорили те, от которых я слышал это, но предсказания сбылись над обоими»⁵⁵⁶. На обратном пути на Кипр святой Епифаний скончался в возрасте 96 лет.

В сложившейся критической обстановке святой Иоанн не стал приспосабливаться к ситуации, не пытался привлечь на свою сторону императора и его супругу, окружавших их влиятельных сановников, но смелыми нелюбезными обличениями наживал себе новых врагов. Придворная дама Евграфия была обижена брошенным ей укором святителя: зачем она, вдова, рядится в роскошные одежды, красится и завивает кудри. С этих пор она стала ненавистницей строптивного обличителя, не желающего знать приличий, и стала энергично помогать Феофилу в его интригах.

После этого выпада Феофилу сообщили, что теперь он может спокойно выехать в Константинополь, где его ожидает благосклонное отношение со стороны императора Аркадия и Евдоксии. Феофил прибыл в столицу в сопровождении 28 епископов Египта, на преданность которых он мог положиться.

Вместо того чтобы предстать перед императорским судом, на который его вызвали, Феофил открыл соборный суд над святым Иоанном. Формально, правда, на соборе председательствовал не он – на эту роль был выдвинут митрополит Гераклеяский Павел, что придавало делу видимость большей каноничности, поскольку, как уже было сказано, Константинополь в известном смысле входил в состав Гераклеяской митрополии, но настоящим режиссером происходящего был все-таки сам Феофил. Местом проведения соборного суда была выбрана вилла «Под дубом», находившаяся на территории епископии противника Иоанна Квирина Халкидонского. В ответ на вызов на соборный суд святой Иоанн заявил об отводе четырех своих личных врагов: Севериана Кавальского, Акакия Веррийского, Квирина Халкидонского и Антиоха Птолемаидского. В этом требовании ему было отказано, и Иоанн решил игнорировать этот суд. Его поддержали 40 епископов Фракии, Азии и Понта, отказавшихся явиться на собор. Таким образом, в судилище участвовало всего 36 епископов, из которых 29 занимали кафедры в Египетском диоцезе.

Собор «Под дубом», названный так по месту его проведения, открылся в сентябре 403 г. На нем прозвучали разные обвинения в адрес святого Иоанна, даже и такие курьезные, как вкушение пищи на горнем месте после совершения литургии. Разумеется, в дело пошли обвинения во вмешательстве в дела Эфесской церкви, в приверженности учению Оригена, но главным обвинением стала сама неявка на собор. Святой Иоанн был приговорен к лишению сана. Мало того, в соборный приговор было включено и грозное политическое обвинение в *laese majestatis* (оскорблении величества), заключавшемся в публичном, с церковного амвона, оскорблении августы; такой вердикт давал карт-бланш императорскому суду для вынесения смертного приговора – так далеко простиралась мстительность Феофила.

Но сама Евдоксия, затеявшая гонения на святителя, отшатнулась от суровости соборного приговора своему обидчику. Император Аркадий приговорил Иоанна к ссылке, и его в тайне от почитавшего его народа увезли в Никомидию, но

предотвратить народные волнения все равно не удалось: имея много врагов среди сильных мира сего, святитель пользовался любовью простого народа. Лица, сопровождавшие прибывшего в Константинополь Феофила, подверглись нападениям со стороны жителей столицы, оскорбленных низложением и ссылкой своего предстоятеля и заступника. Собиравшиеся толпы горожан выкрикивали грозные призывы: «Утопить Феофила в Босфоре».

В ночь, последовавшую за вынесением приговора, случилось землетрясение, в котором и почитатели святителя, и многие из его недругов увидели проявление гнева Божия на несправедный приговор. В довершение зол несчастье обрушилось на беременную в ту пору августу – у нее произошел выкидыш. Этого было довольно, чтобы она уstraшилась дальнейших последствий несправедного суда, и по ее желанию святой Иоанн был возвращен в столицу. Евдоксия написала ему собственноручное письмо, в котором приглашала его вернуться на свою кафедру.

Святой изгнанник вначале не хотел возвращаться, настаивая на повторном соборном рассмотрении его дела, но император проигнорировал это требование, возможно, считая прежний собор лишенным какого бы то ни было канонического значения. В конце концов святитель все же решил вернуться. Толпы ликующих христиан встречали его на пристани на берегу Босфора. Святой Иоанн вновь стал совершать богослужения в столичных церквях, вновь в них зазвучал его проповеднический голос, обличавший людские пороки и, как и прежде, особенно болезненно задевавший сильных мира сего, так что у его врагов не было причин слагать оружие – примирения не состоялось. Феофил продолжил интриговать.

А через несколько недель после возвращения Иоанна Златоуста на свою кафедру разгорелся новый конфликт между ним и августой. На этот раз причиной послужило водружение вблизи Святой Софии серебряной статуи Евдоксии. По этому случаю префект Константинополя устроил возле кафедрального собора шумные игры, пантомимы и ристалища. Святитель отреагировал на это жесткой критикой языческих обрядов, устроенных

префектом, но Евдоксии донесли, что острое обличений направлено было против нее лично. В день памяти усекновения главы Крестителя Иоанна Златоуст произнес проповедь, которая началась так: «Опять Иродиада беснуется, опять неистовствует, опять пляшет, опять требует у Ирода главы Иоанна Крестителя! Опять Иезавель хочет захватить виноградник Нафавуя и изгнать святого Илию в горы... Что же возвестило нам Евангелие? Оно возвестило о том, как Ирод, схватив Иоанна, заключил его под стражу. По какому поводу? Иродиады ради, жены Филиппа брата своего (Мф.14:3). Кто не обвинит Ирода, уступившего безумным женщинам, в слабости? Но, с другой стороны, как изобразить, как описать необузданную злобу этих женщин? Кажется, нет на свете зверя беспощаднее злой жены»⁵⁵⁷.

Евдоксия поверила доносчикам, утверждавшим, что в этой проповеди содержатся прямые намеки на сложившуюся ситуацию в отношениях между столичным епископом и императорской четой. Подчиняясь требованию супруги, Аркадий приказал не впускать Иоанна в храм. В городе опять начались волнения. На Пасху 404 г. оглашенные, которые в этот день должны были принять крещение, по традиции собрались в константинопольских термах, а там раздались гневные речи в поддержку гонимого святителя, с обличениями императора и императрицы. Бунт был подавлен с пролитием крови. По свидетельству участников происшедшего, вода, предназначенная для крещения, окрасилась в красный цвет⁵⁵⁸.

Евдоксия настаивала на повторном осуждении Иоанна. Слабовольный Аркадий подчинился требованию жены. В марте 404 г. был созван новый собор по делу Златоуста. На этом повторном соборном суде святой Иоанн присутствовал. Феофил не участвовал в нем, но прибывшие из Египта епископы действовали по его наставлениям. На этот раз против святителя было выдвинуто обвинение в том, что он без пересмотра своего дела приступил к совершению богослужений и к делам церковного управления. Эти его действия подводили под 4 и 12 правила Антиохийского Собора. Святой Иоанн в свое оправдание, во-первых, заявил, что он не признал правомочности собора «Под дубом», а значит, не считал себя низложенным законной

церковной властью, а во-вторых, поставил под вопрос авторитет Антиохийского собора, издавшего эти правила, потому что в нем участвовали ариане и он созван был для осуждения святого Афанасия.

Собор однако медлил с вынесением приговора, настаивая на том, чтобы император своей властью, на основании ранее вынесенного по делу Иоанна постановления, отправил Иоанна в ссылку. Святитель продолжал совершать богослужения в Святой Софии, но 24 июня по распоряжению императора он был депортирован из столицы и отправлен на Кавказ, в армянский город Кукуз. Перед этапом святителю разрешил попрощаться с близкими ему людьми. Святитель призывал их и всех верных ему клириков и мирян подчиниться епископу, который будет поставлен вместо него, просил только не ставить подписи под какими бы то ни было документами с его осуждением. Он поступил так потому, что между ним и его противниками не было разделения в вере: ни он, ни Феофил не были отступниками от Православия, а пострадал он от человеческой несправедливости, и он не хотел, чтобы его несправедливое осуждение послужило причиной раскола.

Христианское население Кукуза и окрестных мест с уважением относилось к сосланному святителю. Не особенно понимали его и местные власти, под чьим надзором он состоял, во всяком случае ему не препятствовали вести переписку. В письмах, которые он направлял епископам Азии, Европы и Африки, а также своим преданным друзьям в Константинополе, святитель находил для них слова утешения и поддержки, давал советы, исполненные евангельской мудрости.

Когда Златоуста вывезли из столицы, в ней разразился пожар, обративший в пепел храм Святой Софии. Сильным ветром пламя было перенесено на расположенное поблизости здание сената. За ночь и храм и сенатская курия сгорели. В огне пожара погибли многочисленные античные статуи, свезенные при святом Константине в новую столицу из разных городов империи и хранившиеся в курии. Власти обвинили в поджоге иоаннитов, как стали тогда называть верных последователей Иоанна Златоуста, протестовавших против несправедливого

приговора. Многие из них подверглись репрессиям, некоторые были казнены. Три с половиной месяца спустя, 6 октября 404 г., у Евдоксии снова случился выкидыш и она умерла.

На столичную кафедру был поставлен брат предшественника Златоуста, Нектария, 80-летний Арсакий, который скончался в следующем, 405 г., и новым архиепископом Константинополя стал один из столичных пресвитеров Аттик из числа недругов святого Иоанна. Он приступил к чистке столичного духовенства.

От служения целенаправленно отстранялись преданные Златоусту клирики. Параллельно низлагались епископы, сохранившие преданность гонимому святителю. Ссылки, конфискации имущества обрушились и на многих мирян. Иоаннитам, не признающим Аттिका, запрещено было собираться на молитву в столице – свои богослужения они устраивали за городской стеной, и многие из гонимых уехали на Запад, среди них были клирики и епископы.

Тем временем архиепископ Феофил в послании папе Иннокентию, который взошел на Римский престол в 401 г., после кончины Анастасия, доложил о суде над Иоанном и о вынесенном ему приговоре. Только после этого послание в Рим со своей стороны направил и изгнанный Златоуст. С такими же по содержанию посланиями он обратился также к другим западным предстоятелям: архиепископам Миланскому и Аквилейскому. Папа затребовал от Феофила дополнительные документы по делу, включая протокол собора. Рассмотрев присланные материалы, Иннокентий пришел к заключению, что Иоанн был осужден несправедливо. К таким же выводам пришли и архиепископы Милана и Аквилеи. Папа направил Феофилу приглашение на собор, созываемый для рассмотрения дела Златоуста. Императора Гонория он просил договориться с Аркадием об участии в соборе, который он хотел созвать в Фессалониках, западных и восточных епископов.

Из Рима в Константинополь отправилась представительная делегация для ведения переговоров о созыве собора. В ее составе были и епископы, изгнанные из восточных диоцезов. По приказу Аркадия от посланников папы потребовали признания Аттика законным предстоятелем церкви Нового Рима. Они

отказались это сделать, после чего западных отправили назад, а восточных арестовали и сослали в отдаленные места. Папа в ответ на учиненное насилие разорвал общение со всеми, кто признавал Аттика, и таким образом каноническое общение между церквями Запада и Востока было прервано. Созванный папой в Риме по делу Иоанна Златоуста собор западных епископов признал осуждение Иоанна и самый собор недействительными.

В сложившейся ситуации властями в Константинополе решено было ужесточить режим содержания Златоуста. В Кукуз пришел приказ перевести его в расположенный на дальней границе империи, в современной Абхазии, Питиунт (Пицунду). Перед этапом святитель был прикован болезнью к постели. Несмотря на это, его, в сопровождении конвоя, повезли по тряским горным дорогам, везли в дождь и жару, не давая отдыха. Прибыв в селение Команы, он окончательно занемог. Его буквально принесли в ближайшую церковь Мученика Василиска, и, причастившись в ней Святых Таин, угодник Божий со словами «Слава Богу за всё!» отошел ко Господу. Кончина святителя Иоанна последовала 14 сентября 407 г. В Команах его и погребли, и только в 43 г. при святом архиепископе Константинопольском Прокле его мощи были перенесены в столицу.

В 408 г. умер император Аркадий. В правление Анфимия, бывшего регентом при малолетнем Феодосии, репрессивные меры против иоаннитов были смягчены, их уже не ссылали и имущество их не подвергали конфискации, но раскол продолжался. Иоаннитам, в общении с которыми был папа и весь Запад, по-прежнему не разрешалось совершать богослужения в Константинополе, и они собирались на молитву в загородных церквях; эти церкви были переполнены молящимися, в то время как городские храмы стояли полупустыми. Подобное положение дел беспокоило правительство, но настоящие перемены в его религиозной политике наступили лишь тогда, когда в 414 г. дела государственного правления взяла в свои руки достигшая совершеннолетия старшая сестра императора святая

Пульхерия, которая стремилась к преодолению раскола и восстановлению общения с Римской церковью.

Первый шаг к примирению был сделан в Антиохии. Когда святой Иоанн был осужден, Антиохийскую церковь возглавлял престарелый Флавиан, и в деле Златоуста он стоял на стороне своего земляка, как и весь почти епископат, клир и народ Сирийского диоцеза. Но уже 26 сентября 404 г. Флавиан скончался. Под давлением правительства на Антиохийскую кафедру был поставлен местный пресвитер Порфирий, один из немногих в этом городе противников Златоуста, и он взял курс на подавление оппозиции. В его поддержку был издан императорский указ не впускать в храмы тех, кто отвергает молитвенное общение с Аттиком, Феофилом и Порфирием. В результате Антиохийскую церковь сотрясал раскол, продолжавшийся целое десятилетие, пока в 414 г. не умер Порфирий. На его место был поставлен Александр, который восстановил в диптихе имя святого Иоанна. Клирики-иоанниты, а также двое епископов, Елпидий и Пап, устраненные от служения за преданность Златоусту, были воссоединены в сущем сане.

О состоявшемся примирении Александр сообщил папе Иннокентию, и общение Рима с Антиохией, разорванное при Порфирии из-за дела святителя Иоанна, было восстановлено. Затем Александр отправился в Константинополь и там настаивал на внесении имени Иоанна в столичный диптих, но Аттик противился этой инициативе. Благодаря своей примирительной политике Александр добился воссоединения с малочисленной общиной павлиниан, которую после смерти самого Павлина возглавлял Евагрий, скончавшийся в 392 г. и оставивший эту общину уже без предстоятеля. Правда, после кончины архиепископа Александра, последовавшей в 419 г., на Антиохийскую кафедру был поставлен противник Златоуста Феодот, который снова вычеркнул имя Иоанна из диптиха, но этот его выпад вызвал столь сильное возмущение в народе, что Феодот вынужден был подчиниться воле христианского народа, и имя угодника Божия было снова включено в антиохийский диптих, и уже навсегда. В 417 г., по указанию Пульхерии, Аттик

внес имя святого Иоанна в диптих Константинопольской церкви – раскол в столице был преодолен, что открыло путь к восстановлению канонического общения между Константинополем и Римом.

Дольше всех церковной реабилитации святого Иоанна противилась, естественно, Александрия. Пока был жив Феофил, этого произойти не могло. Враждебное к памяти Златоуста упорство Феофила вызывало несогласие со стороны многих христиан Египта, в том числе и пользовавшихся широкой известностью. Так, преподобный Исидор Пелусиот писал тогда: «Египет всегда был врагом Моисея, приверженцем фараона. Теперь против святого учителя выдвинул этого Феофила, человека жадного до драгоценных камней и золота. К нему примкнули... четыре отступника, как и он, – Акакий, Севир, Антиох и Квирин. И они его уничтожили»⁵⁵⁹. Сторонники Феофила шельмовали его обличителей как оригенистов.

В 412 г. Феофил умер. Несмотря на его невысокие моральные качества, имя почившего архиепископа было, естественно, внесено в Александрийский диптих, а впоследствии в Александрийской церкви он даже некоторое время почитался как святой. В канонический корпус Вселенской Православной Церкви вошли его 14 правил. После смерти Феофила на Александрийскую кафедру был поставлен его племянник святой Кирилл, который унаследовал от дяди властный характер, но был человеком более гибким, более совестливым, а кроме того, обладал гораздо лучшим богословским образованием. Но и он на первых порах противился реабилитации Златоуста, вероятно, искренне убежденный в справедливости его осуждения. Когда из Константинополя правительством и архиепископом Аттиком ему было предложено внести в Александрийский диптих имя Златоуста, он отреагировал на это с вызывающей резкостью: «Зачислить низложенного Иоанна в епископы – это все равно что Иуду поместить среди апостолов»... Он «говорил, что его дядя Феофил был судьей на соборе, и он – Кирилл – хорошо знает дело. Есть даже предположение, что и сам Кирилл в окружении дяди Феофила был на соборе “под Дубом”»⁵⁶⁰. Но до конца отстаивать безнадёжное

и неправо дело Кирилл не стал и в 419 г. уступил, распорядившись внести в Александрийский диптих имя оболганного угодника Божия, к которому он, по крайней мере прежде, испытывал наследственную неприязнь.

Предубежденная молва эпохи гуманизма и позднейших веков возлагает на святого Кирилла вину за гибель знаменитой Ипатии, математика и философа, не принявшей христианского учения, усматривая в ней жертву его фанатизма. Но вот как это произошло на самом деле – обстоятельства гибели Ипатии воспроизведены в «Церковной истории» Сократа, относившегося к ней, несмотря на ее приверженность язычеству, вполне сочувственно: «В Александрии была одна женщина, по имени Ипатия, дочь философа Феона. Она... превзошла современных себе философов, была преемницей платонической школы... и желающим преподавала все философские науки... По своему образованию... она со скромностью представала даже пред лицом правителей, да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную ее скромность все уважали ее и дивились ей. Против этой-то женщины вооружилась тогда зависть. Так как она часто беседовала с Орестом (префектом Александрии. – *В.Ц.*), то ее обращение с ним подало повод к клевете, будто бы она не позволяла Оресту войти в дружбу с Кириллом. Посему люди с горячими головами под начальством некоего Петра однажды сговорились и подстерегли эту женщину. Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками, а тело снесли на место, называемое Кинарион, и там сожгли. Это причинило немало скорби и Кириллу, и Александрийской церкви, ибо убийства, распри и все тому подобное совершенно чуждо мыслящим по духу Христову. Упомянутое событие произошло в четвертый год епископства Кирилла... в месяце марте, во время поста»⁵⁶¹.

В дело святого Иоанна Златоуста, сфабрикованное его недругами, был вовлечен один из выдающихся церковных деятелей эпохи блаженный Иероним, биография которого связывает его и с Западом и с Востоком империи. Он родился в

далматинском городе Стридоне около 347 г. в латиноязычной семье и учиться уехал в Рим. Там он, подобно другим студентам, и не только язычникам, вел рассеянную жизнь, так что впоследствии, после того как всем сердцем принял Евангелие и крестился, горько каялся в грехах юности, и эти его покаянные чувства побудили его к монашеству. Вместе со своим другом Руфином он перебрался из Рима на его родину в Аквилею, где составилась кружок ревностных христиан, хорошо образованных и аскетически настроенных. Из Аквилеи Иероним вместе с Руфином и еще несколькими друзьями отправились на Восток в прославленные уже тогда и на христианском Западе монашеские обители Сирии и Египта.

Добравшись до Антиохии, он слег больным и вынужден был на некоторое время задержаться в этом мегаполисе, где находилась прославленная богословская школа. В Антиохии Иероним усердно занялся изучением греческого языка, чтобы углубиться в постижение Библии. В эту пору его руководителем в библейских штудиях на время стал Аполлинарий Лаодикийский, но Иеронима не увлекла его еретическая христология – он вообще не склонен был к спекулятивным умозрительным построениям, не имел интереса к философии и не был поэтому богословом-догматистом, но он ценил экзегетическую или, лучше сказать, филологическую технику и текстологическую критику Аполлинария. При знакомстве с сирийскими монахами блаженного Иеронима удивила их горячая вовлеченность в богословские споры, которую он находил не подобающей отрекшимся от мира аскетам: «Стыдно сказать, из глубины пещер мы изрекаем осуждение вселенной. Валяясь во вретище и пепле, мы выносим приговоры епископам. Что делает дух власти под туникой кающегося. Вериги, рубище, длинные волосы – знаки не царской власти, а сокрушения и смирения»⁵⁶².

В Антиохии, где параллельно существовали две православные общины, не имевшие общения между собою – большая мелетианская и малочисленная павлинианская православие и каноничность которой признавали в Александрии и Риме, – Иероним, как латинянин по происхождению, примкнул к Павли-

ну, и тот рукоположил его в пресвитера. Перед посвящением он предупредил Павлина, что он не склонен к пастырской деятельности, и все-таки тот пошел на этот шаг, так что Иероним стал, по характеристике А. В. Карташева, «странствующим и кабинетным пресвитером»⁵⁶³.

После того как при Феодосии Великом совершилось торжество Православия и посрамление арианства во всех его разновидностях, Иероним приехал в Константинополь, общался там с великими каппадокийцами Григорием Богословом и Григорием Нисским и от них усвоил интерес к сочинениям Оригена – не к сомнительной догматической стороне его наследия, но к его экзегезе – и усердно принялся за перевод Оригена на латинский язык, затем он перевел «Хронику» Евсевия Кесарийского. В переводческом труде Иероним нашел свое призвание – обладая тонкой филологической интуицией и замечательным даром слова, он всю жизнь с увлечением занимался переводами.

В 382 г., после окончания II Вселенского Собора, Иероним уехал в Рим, и там папа Дамас, осведомленный о его переводческих опытах, поручил ему отредактировать латинский перевод Библии, который тогда был в употреблении на латинском Западе, названный впоследствии «древним» переводом – *Vetus Latina*. После кончины своего покровителя Дамаса Иероним вернулся на Восток, вначале в Антиохию, а затем в Александрию. В Сирии, Палестине и Египте в конце IV века появились своего рода колонии аскетически настроенных выходцев с Запада, которые, за неимением монашеских общин у себя на родине, стремились приобрести опыт подвижнического жития в восточных монастырях.

В Египте Иероним встретил своего давнего друга Руфина, а также обладавшую ранее колоссальным богатством римскую матрону преподобную Меланию, которая, истратив свое имение на церковные нужды и на дела благотворительности, обосновалась на Востоке. В течение многих лет Иероним состоял с ней в переписке, которая частично сохранилась, представляя собой исключительно ценный материал по истории своей бурной эпохи.

В Александрии в 386 г. Иероним познакомился со знаменитым Дидимом, прозванным Слепцом, потому что он потерял зрение в детстве. Он был великолепным знатоком Писания, которое изучал, слушая чтение своих помощников; в молодости, при святом Афанасии, он возглавлял Александрийскую богословскую школу. В своих богословских воззрениях Дидим был последователем Оригена, но не разделял его субординационистских ошибок, следуя в триадологии за Афанасием Великим, хотя, видимо, не без основания был осужден V Вселенским Собором за приверженность учению о предсуществовании душ. Подобно Оригену, но также и святому Григорию Нисскому, Дидим Слепец учил об апокатастасисе. Богословие он считал неотделимым от аскетической и молитвенной практики, и поэтому у него были ученики и почитатели в монашеской среде, к их числу принадлежали Евагрий Понтийский и автор «Лавсаика» Палладий, одним из его последователей стал друг Иеронима Руфин Аквилейский; но имея репутацию оригениста, Дидим сталкивался с недоверием к себе со стороны большинства монашествующих Фиваиды и Нитрийской пустыни – многие из его противников по невежеству придерживались антропоморфистских представлений. Их недоверие распространялось и на его учеников, в том числе и на тех латинян, которые, поселившись на Востоке, как казалось ревнителям, чрезмерно увлекались Оригеном.

Блаженный Иероним и Руфин Аквилейский переехали из Египта в Палестину: Иероним поселился в Вифлееме, а Руфин – в Иерусалиме. Вокруг них сложились маленькие монашеские общины латиноязычных эмигрантов. Хотя оба они находились в юрисдикции Павлина, но преемник святого Кирилла Иерусалимского святой архиепископ Иоанн, имея каноническое общение с Флавианом Антиохийским, относился к ним вполне дружелюбно.

По убеждению воинствующего антиоригениста Епифания Кипрского, Иоанн Иерусалимский и сам был заражен ересью оригенизма и потому покровительствовал еретикам. Рассадниками ереси он считал латинские монастыри на Елеоне в Вифлееме. Оставаться равнодушным к подозреваемой им

опасности Епифаний не мог, и он направил в Палестину своего помощника Атервия, который сам был из числа латинян, вероятно, выходцем из Испании, с миссионерской целью – для обращения оригенистов в православие. Красноречие и пафос проповедей Атервия с налетом неистовства и фанатизма оставили равнодушным Руфина, но произвели потрясающее впечатление на Иеронима, человека порывистого, увлекающегося и крайне резкого и прямолинейного в своих оценках. Затем в Палестину приехал сам святой Епифаний для развенчания ереси, и все это еще более укрепило Иеронима в решимости кардинально пересмотреть свои богословские воззрения. Он ужаснулся пагубности своих недавних еще действительных и мнимых заблуждений и с этих пор стал одним из самых пылких обличителей Оригена и его последователей. Между тем самым опасным оригенистом Епифаний в посланиях, адресованных в обители Святой Земли, называл друга Иеронима Руфина; и Иероним, со всей серьезностью относясь к своим новым убеждениям, порвал с Руфином и вовлекся в борьбу против оригенистов, в том числе мнимых, обрушившись с бесцеремонной и злой критикой на Иоанна Иерусалимского, так что тот даже пытался, но безуспешно, удалить неистового ревнителя из Вифлеема и из Палестины.

Когда папа Сириций получил сведения о разыгравшихся на Востоке спорах о богословском наследии Оригена, он занял, вопреки надежде Епифания, взвешенную позицию и, не поддержав его в стремлении до конца выкорчевать «оригенистскую заразу», склонился к поддержке Иоанна Иерусалимского. Узнав о позиции папы, Иероним умерил тон своих обличений и, оставшись в Вифлееме, углубился в дело библейского перевода. На Востоке он не только в совершенстве овладел греческим, но и основательно изучил еврейский и арамейский языки, так что, выполняя перевод, был во всеоружии филологической эрудиции. Отстранившись от полемики вокруг богословия Оригена, экзегетические труды которого ему были весьма полезны в его переводческом труде, он решил помириться со своим старым другом Руфином.

Примирение состоялось в Иерусалиме, у Гроба Господня, в 397 г.

После этого Руфин вернулся в Рим. И там он перевел на латинский язык «Апологию Оригена», написанную Евсевием Памфилом, а также важнейший догматический труд александрийского богослова «О началах». При переводе Руфин допустил вольности, которые можно было, при строгом отношении к делу, расценить как подлог: он прибег к корректуре оригеновского текста, удаляя из него в переводе очевидно неприемлемые идеи, устраняя из триадологии переводимого автора элементы субординационизма. Но эта правка все же и не была столь смелой, чтобы удалить из оригеновского текста все вообще места, которые расходились с православным богословием никейской эпохи, так что читатели книги «De principiis» – так она названа в латинском переводе – нашли повод обвинить Руфина в ереси. Дело было доведено до папы. Сириций решил не придавать важного значения обвинениям и отправил Руфина в родную ему Аквилею. Но Руфин вынужден был объясняться и оправдываться и в своих оправданиях прибег к опрометчивому и не безупречному приему – ввиду сложившегося уже на Западе прочного авторитета своего старого друга Иеронима, он стал ссылаться на одобрительные высказывания его об Оригене, не уточняя, что они относились к давнему времени, так что почитатели Иеронима нашли повод вступить за его репутацию и защитить его от «клеветы» Руфина. Ситуация особенно накалилась потому, что преемник скончавшегося в 398 г. Сириция Анастасий, не без влияния резко изменившего тогда отношение к Оригену Феофила Александрийского, ополчился на действительных и мнимых оригенистов.

В письмах из Рима блаженному Иерониму рассказали об отношении к Оригену нового папы и заодно о том, что Руфин, оправдываясь, ссылается на авторитет своего старого друга, выдавая его за единомышленника. Тогда Иероним взялся за новый и корректный перевод сочинений Оригена. Ознакомившись с ним, получив заключение о трудах Оригена со стороны богословски образованного епископа Кремонского

Евсевия, которому они высланы были на рецензию, папа пришел к окончательному заключению о том, что в них содержатся еретические мысли, и добился от императора Гонория издания указа об их запрете и истреблении.

Опасность прещений нависла над снискавшим репутацию оригениста Руфином, но в его защиту выступили тогда такие влиятельные лица, как святители Иоанн Иерусалимский и Павлин Ноланский, архиепископ Аквилейский Хроматий, преподобная Мелания. Руфин направил папе личное исповедание веры и заодно написал собственную «Апологию» в двух томах. И в ней он вновь ссылаясь на прежние хвалебные высказывания Иеронима об Оригене. Угроза отлучения миновала, но Иероним был в страшном гневе и написал крайне раздраженное письмо Руфину. Тот ответил не извиняясь, а скорее принимая вызов. Эпистолярная полемика между Иеронимом и Руфином переполнена личными выпадами, а со стороны красноречивого и в гневе Иеронима виртуозной брани. Эту вражду пытались погасить Хроматий Аквилейский, Мелания и новая яркая звезда на богословском небосклоне запада епископ Иппонский Августин, но все было тщетно. Иероним не примирился с Руфином до конца его жизни. Узнав о том, что Руфин умер на острове Сицилии, Иероним записал в своем дневнике: «Наконец-то скорпион залег в земле Тринакрийской, стоголавая гидра перестала шипеть»⁵⁶⁴. Возненавидев когда-то чтимую им Меланию за ее поддержку Руфина, он писал, что уже самое ее имя – Мелания в переводе с греческого значит «черная» – свидетельствует «о черноте ее души»⁵⁶⁵.

В разгар дела святого Иоанна Златоуста Иероним, поверивший Феофилу в его обличениях мнимого оригенизма святителя, и о нем высказывался в обескураживающе бранном тоне, клеймя его в одном из своих писем как «нечестивого, разбойника, святотатца, Иуду и сатану, которого достаточно наказать не может даже сам ад»⁵⁶⁶. До известной степени извинением подобной разнузданности языка и пера может служить лишь искренняя убежденность в неправоте Златоуста и буйный темперамент Иеронима.

В 405 г. в Палестине Иероним завершил главный труд своей жизни – перевод библейских книг на латинский язык, названный Вульгатой (Vulgata) – народной Библией, заменившей в широком употреблении ранее выполненные и менее совершенные переводы и впоследствии канонизированной католической традицией. 15 лет спустя, в 420 г., он преставился в Вифлееме и был погребен в храме Рождества Христова. В VII столетии его мощи были перенесены из Вифлеема в Рим, в базилику Санта Мария Маджоре. Именуемый в Православной Церкви блаженным, Иероним почитается на Западе как один из самых великих святых Католической Церкви.

Рубеж IV и V столетий явился своего рода паузой между двумя эпохами противостояния ересям, потрясшим Вселенскую Церковь и побудившим в IV веке найти адекватную формулу тринитарного, а в следующее столетие – христологического догмата. Споры вокруг богословского наследия Оригена возбуждены были ложной тревогой чрезмерно впечатлительных и подозрительных ревнителей и использованы в конъюнктурных целях ловкими церковными деятелями как жупел для устрашения и разгрома своих противников. Ориген высказывал, наряду с глубокими и верными идеями, ряд мыслей, несовместимых с Богооткровенным учением, но он был лучшим знатоком и глубокомысленным интерпретатором Писаний. Без пользования его сочинениями не обходился ни один из бесспорно православных крупных богословов IV века, ни один из отцов Церкви этой эпохи, и они в разной мере заимствовали его здравые мысли, относясь при этом к нему с уважением, но не без осторожной критики, так что громкий шум об опасной оригеновской ереси был поднят зря.

На рубеже столетий появилась, однако, новая ересь, едва замеченная на Востоке, но потрясшая христианский Запад. Это было учение выходца из Британии Пелагия, поселившегося в Риме около 380 г. В своем толковании на Послание апостола Павла к Римлянам он утверждал, что грехопадение Адама было только его личным грехом и действие этого греха не распространяется на потомков Адама, из которых каждый сохраняет способность отвергнуть зло и избрать путь

самосовершенствования. Господь Иисус Христос спас человеческий род не столько Своею Кровью, сколько примером добродетельного жития и праведной смерти, следовать которому может всякий ищущий спасения и святости. Господь помогает ему в этом, но в конечном счете все решает свободная воля человека, делающего осознанный выбор. По существу дела Пелагий отвергал догмат о первородном грехе. Доктрина Пелагия с ее безграничным антропологическим оптимизмом встретила самого последовательного критика со стороны епископа Иппонского Августина.

Августин Аврелий родился в нумидийском городе Тагасте (современный Алжир) в 354 г. в семье язычника Патриция и христианки Моники. Перед смертью в 370 г. отец блаженного Августина принял крещение. На перемену его убеждений повлияла его супруга. Благодаря матери Монике Августин уже в детстве ознакомился с христианским вероучением, в лице матери он видел живой пример глубокой сердечной веры и деятельной любви к ближнему, но лишь в зрелые годы Августин стал убежденным христианином и принял крещение. Светлые воспоминания о матери содействовали его обращению, от которого его раньше удерживали, с одной стороны, греховные страсти, а с другой, – не завершившиеся еще интеллектуальные поиски. С юности он имел потребность в выработке целостного стройного мировоззрения, при этом, имея критический склад ума, испытывал разные учения и религиозные системы, увлекаясь ими, но и подвергая их трезвому анализу. Августин изучал риторику в родном Тагасте, затем в Мадавре и, наконец, в африканской столице Карфагене. Завершив школьное образование, он сам преподавал риторику вначале в Карфагене, а позже, перебравшись в Италию, в Риме и Медиолане.

Еще в студенческие годы он увлекся манихейством, которое в интеллектуальном отношении привлекало его строгой системностью доктрины, а в этическом – последовательным ригоризмом требований, предъявляемых к адептам, возможно, также своим льстящим самолюбию юноши эзотеризмом. Но и после принятия манихейства у Августина оставались сомнения

относительно его истинности, которые со временем нарастали. И когда один из видных наставников этой секты Фавст не сумел ответить на вопросы, с которыми к нему обратился Августин, он отошел от манихеев.

В Медиолане Августин слушал проповеди святителя Амвросия и находил их глубокими по содержанию. К христианскому учению, о котором он знал от своей матери-христианки, Августин стал относиться со все большим доверием. Он начал усердно читать Ветхозаветные и Новозаветные книги. Переворот в его душе произошел при чтении Послания апостола Павла к Римлянам. Оно подвигло его на решение стать христианином, и в 387 г., на Пасху, Августин принял крещение в Медиоланском кафедральном соборе. Ему шел тогда 33-й год. После крещения он уехал на родину, в Африку, и в городке Иппоне основал аскетическую общину.

Вскоре за тем, в 391 г., он был рукоположен в пресвитера, а в 396 г. стал епископом и возглавил Иппонскую церковь, – из своей аскетической общины он устроил духовную школу, ставшую одним из главных очагов христианского просвещения в Африке. Епископу Иппонскому приходилось противостоять сохранявшему еще многочисленных приверженцев донатистскому расколу, а также секте своих прежних единоверцев манихеев. Он проводил многочисленные диспуты с религиозными оппонентами и в них обнаружил незаурядный дар полемиста. В результате одного из таких диспутов, проведенного в 404 г., проповедник манихейства Феликс вынужден был признать несостоятельность этого учения и принял крещение.

При появлении доктрины Пелагия Августин выступил ее самым настойчивым и обстоятельным критиком. В противоположность Пелагию Августин исходил из представления о глубокой поврежденности человеческой природы вследствие грехопадения прародителей – первородного греха. Чрез зачатие и рождение семя греха, наследственно передающееся от Адама, сообщается всякому человеку, приходящему в этот мир, и предрасположение к греху стало своего рода второй природой падшего человека. В результате грехопадения первозданной четы

не только человек, но и среда его обитания – космос уклонились от первоначального замысла Божия о творении. Но деградация человеческой природы и всего тварного мира не носит, по Августину, необратимого характера. Из любви к Своему творению, к человеку, Сын Божий нисшел в этот мир, принял на Себя человеческую плоть, стал Человеком, оставаясь Богом, чтобы на кресте искупить и спасти падшего Адама. Все мы являемся грешниками, справедливо заслуживающими вечной гибели, и пользуясь собственными силами, парализованными грехом, повредившим саму нашу волю, которая влечется ко злу, никто из людей, даже и праведники Ветхого Завета, не в состоянии спастись и войти в общение с Богом. Состояние падшего грешника Августин сравнивал с положением человека, которого полумертвым бросили на дороге разбойники и который сам уже не способен снова взойти на вершины праведности, с которых прежде спустился. Исцелить его подавленную волю может лишь истинный добрый Самарянин – Господь Иисус Христос. Его искупительная жертва сокрушила всевластие дьявола над человеком. – Спасение совершается действием благодати Божией, которая обильно излилась на род человеческий, когда Один из нас по Своей человеческой природе принял добровольную смерть, не имея в Себе и тени греха.

Понятие благодати имеет ключевое значение в сотериологии Августина. Благодатью Божией человек получает оправдание, но оправдание благодатью распространяется не на всех. По Своему всеведению Господь знал, что дарами Его благодати воспользуются не все, и только тех predetermined к вечному блаженству, кто способен уверовать во Христа и следовать за Ним. Августин с особым акцентом подчеркивал, что не от самого человека, а от Бога зависит его спасение, но человек, predetermined к спасению, в самой своей вере в спасающее действие благодати обретает свидетельство о дарованном ему спасении.

Усилиями Августина Пелагий и его последователь Целестин были осуждены на Карфагенских соборах 412 и 416 гг. В ходе полемики, возбужденной появлением пелагианской ереси, высказана была позиция, критическая по отношению к Пелагию,

но отличающаяся и от августиновской. Она была сформулирована и обоснована марсельским монахом преподобным Иоанном Кассианом, который утверждал, что спасение человека совершается не одной только волей Божией, но синергией Божественной благодати и человеческого произволения. Не разделяя оптимистического и «розового», если так можно выразиться, представления Пелагия о состоянии человеческой природы после грехопадения, Иоанн Кассиан не представлял падшего человека и в столь плачевном и бессильном положении, как Августин. Мысли Августина, при последовательном доведении их до абсурдных крайностей, много веков спустя вылились в доктрину Кальвина о Божественном предопределении одних ко спасению, а других к вечной гибели, и тоже ради вящей славы Божией. На Августина, а не только на односторонне понятое Послание к Римлянам опирался и Лютер в своем учении о спасительности одной только веры, без дел Закона. Августин, а вслед за ним и Западная церковь, отвергли мысли преподобного Иоанна Кассиана о синергии как полупелагианские, но его учение принято было на Востоке, и оно лежит в основе православной антропологии и сотериологии.

Литературное наследие Августина, по его собственному подсчету, включает 97 сочинений, 224 письма и более 500 проповедей. Сохранились его труды, написанные до обращения: «Против академиков (скептиков)», «О жизни блаженной», «О порядке», – но большая часть написанного им относится ко времени, последовавшему за его крещением. Среди его христианских сочинений слова «О бессмертии души», «Об истинной религии», «О свободной воле (О свободе выбора)», «Против послания Мани, именуемого Основоположным», «Против Фавста», «О духе и букве», «О Троице».

К самым значительным его творениям принадлежат трактаты «О христианском учении», «О Книге Бытия дословно», «О природе и благодати»; две его книги оказали колоссальное влияние не только на богословскую мысль последующих веков, но и на формирование самой парадигмы западноевропейской культуры – это «Исповедь», написанная в 400 г., и колоссальное

творение «О Граде Божьем», над которым Августин трудился с 412 по 426 г.

Поводом к написанию книги «О Граде Божьем» стало падение Рима, захваченного вестготами во главе с Аларихом. Язычники утверждали, что причиной падения стало отступничество римлян от веры отцов. Августин возражал им. Этот грандиозный труд явился первым опытом построения целостной концепции истории человечества. Земная история, по Августину, представляет собой череду появления и гибели государств, и настоящая причина переживаемых народных бедствий – войн, переворотов, падения царств, голода и болезней – коренится в человеческой греховности. Но над историей земных царств, пребывающих во власти сатаны, которому отдельные люди, народы и государства покоряются в силу своих грехов, возвышается иное царство – Град Божий, который покорствуется воле Божией и который в известном смысле слова тождествен Церкви; этому Граду предстоит при кончине века влиться в вечный блаженный покой Небесного Царства. Начало земным греховным царствам положило падение ангелов и последовавшее за ним грехопадение прародителей. Противостояние града земного и Града Небесного составляет стержень мировой истории, которая имеет свое начало – в творении, свое центральное событие – Боговоплощение и свой эсхатологический конец.

«Исповедь» Августина посвящена реконструкции духовного становления автора, который из язычника стал христианином. Эта книга написана с предельной искренностью, в ней с удивительной глубиной, проницательностью и тонкостью представлена драма человеческой души, стремящейся к свету и истине, но бессильной вырваться из тенет страстей и заблуждений без всемогущего действия на нее благодати, так что примером собственной жизни, примером личного опыта писатель иллюстрирует в «Исповеди» выношенные им антропологические и сотериологические идеи.

Августин преставился в своем кафедральном городе Иппоне во время его осады вандалами 28 августа 430 г. В Православной Церкви он, как и Иероним, признан блаженным, а

католиками почитается как великий святой и один из учителей Церкви.

Папа Иннокентий скончался в 417 г. Его преемником стал Зосима, грек по происхождению и родному языку, скончавшийся через год с малым после своего возведения на Римскую кафедру. За его кончиной последовало разделение в римском клире и пастве. Избрано было два папы: большинство субурбикарных епископов, названных так, потому что они занимали кафедры в пригородах Рима, а также представителей римских клириков и паствы проголосовало на избирательном соборе, состоявшемся в храме святого Марцелла, за Бонифация, но на параллельных выборах в кафедральном Латеранском соборе папой избран был ставленник префекта Симмаха, остававшегося язычником, его друг Евлалий. Благодаря настояниям Симмаха император Гонорий, имевший резиденцию в Равенне, своим эдиктом признал епископом Рима Евлалия. По приказу императора Бонифаций был удален из города и укрылся в базилике святого Павла, которая тогда находилась за городской чертой. В Риме начались волнения, и Гонорий изменил свою позицию. Он приказал обоим – Бонифацию и Евлалию – пребывать вне Рима, пока представители спорящих партий не явятся в Равенну, а затем в Сполето, где для разрешения конфликта должен быть созван собор. Бонифаций подчинился приказу императора, а Евлалий самовольно явился в Рим, чтобы совершить литургию в Латеранском соборе. Реакцией на это стало признание Гонорием законным папой Бонифация и удаление из Рима антипапы Евлалия.

Первосвятительское служение Бонифация продолжалось до его кончины в 422 г., после которой Римскую кафедру занял святой Целестин. В том же году умер предстоятель Антиохийской церкви Феодот, и на вдовствующий престол был возведен архиепископ Иоанн. Иерусалимскую кафедру после кончины святого Иоанна, следовавшей в 417 г., в течение 3 лет занимал Праилий, преемником которого стал святой Ювеналий. До своей смерти в 425 г. церковь Нового Рима возглавлял Аттик.

Благодаря сложившимся на короткое время дружественным отношениям между Римской империей и Ираном, когда им правил шах Йездигерд, положение персидских христиан изменилось в лучшую сторону. Они фактически обрели не только свободу вероисповедания, но и легальную возможность проповеди Евангелия. В 409 г. христианским общинам даровано было право открыто совершать богослужение и восстанавливать ранее разрушенные храмы. В 410 г. в восточной столице Ирана Селевкии был созван собор, на котором с титулом католикоса Селевкии и Ктесифона был избран предстоятель Персидской церкви Авда, который признавал над собою юрисдикцию архиепископа Антиохии. Собор выразил совершенную лояльность монарху: «Мы все единодушно умоляем нашего милостивого Бога, чтобы Он продлил дни победоносного и знаменитого царя Йездигерда, царя царей, и чтобы его годы были продолжены на поколения поколений и на годы годов»⁵⁶⁷.

По словам историка Феофана Исповедника, «персидский царь Исдигерд, следуя убеждениям Маруфы, епископа Месопотамского, и Авды, епископа царствующего града в Персии, вполне сделался благочестив. Он было хотел уже принять крещение из рук чудотворящего Маруфы, наказывая волхвов (магов), как обманщиков, но на двадцатом году скончался»⁵⁶⁸. Этому сообщению вполне соответствует одиозная репутация Йездигерда, которую он снискал среди приверженцев зороастризма.

После его смерти в 420 г. на престол шахиншахов вступил его сын Бахрам, прозванный Гором, что значит «дикий осел». При нем начались кровавые гонения на христиан. Повод для них дал католикос Авда одним своим неблагоразумным поступком. Как рассказывает Феофан Исповедник, «Авда, епископ столицы Персии... увлекаясь божественной ревностью и не по-должному пользуясь ей, сжег храм огня. Узнав о сем, царь велел разрушить все христианские церкви в Персии, Авду же казнил разными муками. Это гонение продолжалось пять лет, пострадали бесчисленные мученики; ибо волхвы тщательно отыскивали христиан, укрывавшихся по городам и селам; некоторые сами объявляли о себе, чтобы молчанием не пока-

зять, что они отрекаются от Христа. Когда нещадно истребляли христиан, то очень многие скончались среди мучений, а другие бежали к римлянам»⁵⁶⁹.

Преследование христиан послужило причиной войны между Римской империей и Ираном, которая закончилась для Рима в 422 г. победой. Шах Бахрам в мирном договоре взял на себя обязательство не преследовать христиан. Прямые гонения действительно прекратились, но христиане оставались в Иране дискриминируемой общиной. Никогда уже они не пользовались в этой стране такой свободой, какая существовала для них в царствование Йездигерда.

5. Правление Феодосия II и Валентиниана III

В 423 г. в Константинополь вслед за печальной вестью о кончине императора Гонория пришло тревожное сообщение о том, что притязания на императорский престол выдвинул один из сановников примикерий нотариев Иоанн, получивший поддержку со стороны многих военачальников Запада, и среди них одного из самых блестящих полководцев Аэция. С их помощью Иоанну удалось овладеть властью над Римом, Равенной и большей частью Италии. Но в Новом Риме узурпатора не признали. Феодосий II удостоил Валентиниана – младенца, родившегося в 419 г. от Галлы Плацидии и Констанция, титулом цезаря, а его мать и свою тетку Плацидию, гостившую тогда при дворе в Константинополе, провозгласил августой. Тогда же состоялась помолвка Валентиниана с малолетней дочерью Феодосия Евдоксией. Плацидия с сыном выехали на Запад, в Аквилею, в сопровождении военноморского флота. В Италию были переброшены войска под командованием полководцев Ардабурия и его сына Аспара, и в 425 г. они одержали победу над узурпатором. Взятый в плен, он был доставлен в Аквилею и там казнен после мучительных истязаний. Известие о поражении тирана Феодосий получил, находясь на ипподроме; он прервал скачки и возглавил крестный ход по улицам столицы.

При отъезде Плацидии с сыном на Запад было решено, что впредь императоры Запада и Востока будут править с большей самостоятельностью. При этом издаваемые ими законодательные акты будут действовать не во всей империи, а лишь на той территории, которая подведомственна правителю, издавшему акт.

Возможность подписания закона, изданного одним императором, другим и соответственно введения его в действие в другой половине империи сохранялась, но это была лишь возможность, в то время как ранее законодательные акты, принимаемые одним из императоров, принципиально должны были действовать на всем пространстве империи. Перед

отъездом Плацидии в Равенну договорились также и об окончательной передаче префектуры Иллирик, изначально входившей в состав владений западного императора и впоследствии служившей предметом споров между Римом и Константинополем, в ведение Константинопольского правительства.

В 426 г. в Риме 7-летний Валентиниан Флавий Плацид был провозглашен августом, облечен в императорский пурпур и затем вернулся в Равенну, где пребывал под опекой матери, которая и осуществляла верховное правление на Западе. Своими ближайшими помощниками она выбрала двух военачальников: Бонифация, который, когда Италией овладел узурпатор, морем переправился туда из Африки, имея под своим началом вооруженные силы, принявшие затем участие в подавлении мятежа, и Аэция, получившего прощение за поддержку, оказанную им узурпатору Иоанну в начале его выступления, – затем он отвернулся от него и перешел на сторону законной власти. Военачальники соперничали между собой, не доверяя друг другу. Аэций был не только искусным полководцем, но и ловким интриганом. Он внушал Плацидии недоверие к своему сопернику, трудно сказать, насколько успешно, а в душу Бонифация сумел заронить опасение, что Плацидия вынашивает против него коварные планы. И когда правительница Запада потребовала от Бонифация явиться из Африки в Равенну к императорскому двору, тот заподозрил в этом вызове намерение устранить его и решился на откровенную измену. В 427 г. он заключил тайный союз с королем вандалов Гундеригом, который вскоре после этого умер, оставив власть более решительному воину Гензериху, и тот, при бездействии Бонифация, обрушился на африканские провинции.

Когда друзья Бонифация, оставшиеся верными законному императору, открыли ему глаза на коварство Аэция, тот раскаялся в содеянной измене, отдал себя во власть Плацидии, готовый принять любое наказание, и получил прощение. Плацидия вновь предоставила ему командование над всеми вооруженными силами, расквартированными в Африке. Но отчаянное сопротивление римских гарнизонов в Африке было

сломлено варварами. Последним рубежом обороны стал город блаженного Августина Иппон, в прошлом резиденция нумидийских царей. В течение 14 месяцев гарнизон Иппона под командованием Бонифация удерживал город. Это был последний год земной жизни Августина, который в канун своей кончины часто и охотно беседовал с полководцем, ценя его за искреннее благочестие и прямоту. На помощь осажденным из Константинополя было направлено подкрепление во главе с Аспаром, но генеральное сражение, данное в 431 г. у стен Иппона, закончилось победой вандалов. 8 лет спустя завоевание африканских провинций вандалами было завершено. Римская Африка была потеряна для империи более чем на столетие, и местное население, в ту пору в основном романизированное и православное, попало под ярмо германских варваров арианского исповедания.

Несмотря на поражение, Бонифаций, вернувшись в Равенну, не был уволен со службы, – более того, его удостоили сана римского патриция и поставили во главе римской армии. Столь неожиданная карьера соперника встревожила Аэция, в ту пору командовавшего войсками, расквартированными в Галлии, и он во второй раз решился на измену. По его приказу галльская армия двинулась в Италию. Навстречу ей выступили верные законному императору войска под командованием Бонифация. Сражение закончилось разгромом мятежников, но в личном поединке между Аэцием и Бонифацием победу одержал Аэций. Бонифаций погиб, а Аэций объявлен был врагом римского народа и бежал к гуннам в Паннонию. Свидетельством полного крушения центрального правительства Запада стало триумфальное возвращение Аэция в Равенну вместе с многотысячным отрядом, который ему предоставлен был гуннами, полученное им прощение, дарование ему титула римского патриция – в ту пору исключительно высокое отличие, и назначение его на место убитого им Бонифация командующим римской армией – *magister militum*.

Отец Аэция происходил из знатного рода. Поступив на службу в римскую армию, он сделал блестящую карьеру, на вершине которой была должность магистра конницы. Его мать

родилась в Италии в знатной и богатой семье. Сам Аэций еще подростком был принят на службу телохранителем императора; в течение трех лет ему пришлось побыть заложником у готов Алариха, а затем у гуннов, где он завязал знакомства, оказавшиеся полезными ему впоследствии. Вернувшись от гуннов, он продолжил карьеру в лейб-гвардии и был назначен начальником доместиков – телохранителей императора. Женившись на дочери влиятельного сановника Карпилиона, Аэций был перемещен на должность смотрителя дворца в ту пору, когда Рим оказался во власти узурпатора Иоанна. Выразительную, но при этом комплиментарную характеристику этому полководцу и государственному деятелю дает Фригерид Профутор в своем не сохранившемся сочинении, которое цитирует историк франков святой Григорий Турский: «Он был среднего роста, крепок, хорошего сложения, то есть не хилый и не тучный; бодрый, полный сил, стремительный всадник, искусный стрелок из лука, неутомимый в метании копья, весьма способный воин и прославлен в искусстве заключать мир. В нем не было ни капли жадности, ни малейшей алчности, от природы был добрым, не позволял дурным советчикам уводить себя от намеченного решения; терпеливо сносил обиды, был трудолюбив, не боялся опасностей и очень легко переносил голод, жажду и бессонные ночи»⁵⁷⁰.

По существу дела с 433 г. именно ему принадлежала реальная власть в Гесперии. И теперь он пользовался ею для удержания римского присутствия на Западе, сдерживая натиск варваров по всему периметру имперских границ, а точнее сказать, после того как границы эти были фактически прорваны и варвары обосновались в пределах самой терзаемой ими империи в качестве федератов, удерживая этих «союзников» в рамках приемлемого для Римской власти *modus vivendi*, – это была, вероятно, единственно возможная тогда политика цепкого сопротивления натиску превосходящих сил, нацеленная на отсрочку в конечном счете неизбежного крушения.

Галла Плацидия была фактически отстранена от правительственных дел, а позже, когда ее сын достиг совершеннолетия, она и формально утратила положение регента. Но и сам

повзрослевший император Валентиниан III, похоже, тогда не стремился к тому, чтобы взять в свои руки бразды реальной власти, предпочитая царствовать, а не править, довольствуясь императорским титулом и репрезентативным блеском этого титула. 29 октября 437 г. в Риме состоялось пышное бракосочетание 18-летнего Валентиниана с ранее обрученной с ним дочерью Феодосия II Евдоксией, которая приходилась своему мужу двоюродной племянницей.

После замужества дочери и ее отъезда в Равенну мать новобрачной Евдокия отправилась в паломничество на Святую Землю. Ранее она дала обет посетить Иерусалим, когда дочь ее выйдет замуж. На пути в Палестину она остановилась в Антиохии. Город произвел на нее прекрасное впечатление и «возбудил в ней живые чувства эллинизма, которые она и изложила в речи своей к антиохийскому сенату. Указав на древние заслуги эллинизма, распространившего культуру до отдаленных мест Сирии, она затронула патриотизм антиохийцев, намекнув стихом Гомера, что она гордится происхождением от одной и той же с ними расы»⁵⁷¹. Кроме того, она выделила значительные средства на сооружение церкви, укрепление городской стены и строительство городских терм. Не только в благодарность за щедрые дары, но и из искреннего восхищения обаянием прекрасно образованной и литературно одаренной августы, к тому же имевшей греческое происхождение, муниципальные власти города, в ту пору являвшегося одной из культурных столиц грекоязычной части империи, постановили воздвигнуть на городской площади ее бронзовую, а в курии золотую статую.

В Палестине Евдокия не только молилась у Гроба Господня и других святынь, но беседовала с местными епископами и монахами, основывала монастыри, оказывала палестинским обителям денежную помощь. Проведя в паломничестве 8 месяцев, Евдокия вернулась в Константинополь в 439 г., привезя с собой в столицу палестинские святыни, и среди них мощи первомученика Стефана и цепь, которой связан был апостол Петр, пребывая в темнице. Эта цепь была затем переправлена в Рим и помещена там в базилике, построенной для хранения

этой святыни и получившей наименование San Pietro in Vincoli (святой Петр в цепях).

Случилось так, что по возвращении Евдокии из Палестины у нее испортились отношения с золовкой Пульхерией. Она почувствовала себя униженной тем, что в государственных делах ее муж следовал советам и рекомендациям сестры. Последствием соперничества двух август за влияние на брата стало дистанцирование Феодосия от них обеих. Вначале поражение в этом противостоянии потерпела Пульхерия.

Прямой повод для гнева она дала брату одной своей шуткой, которая действительно хватала через край. Феодосий имел обыкновение подписывать документы, не утруждая себя их прочтением, за что серьезнее относившаяся к делам государственного правления сестра не раз укоряла его. И вот однажды она попросила его подарить ей один из дворцовых садов. Феодосий охотно откликнулся на эту просьбу. Не глядя он подписал эдикт, текст которого был составлен сестрой. Затем на заседании сената Пульхерия огласила этот документ, в котором были и такие слова: «Весь дворец, дворы и сады императрицы дарованы мне императором. Императрица Евдокия становится моей рабыней»⁵⁷². В ярости на сестру, столь зло подшутившую над ним, Феодосий отстранил ее от всех дел. Задетая за живое бурной реакцией брата на свою, может быть, и неуместную шутку Пульхерия оставила императорский двор и некоторое время избегала встреч с братом. Это произошло, вероятно, в 439 г.

Но вскоре гнев Феодосия разразился над другой из близких ему женщин – его женой Евдокией, положение которой при дворе к тому времени, после удаления ее золовки, стало более влиятельным. Одним из любимцев Феодосия был его друг детства военачальник Павлин. Дружелюбное отношение к нему поддерживала и Евдокия. И вот однажды между ними случилось приключение, обернувшееся печальным концом. Предание об этом удивительном происшествии отражено в «Хронике», написанной уже в VI веке Иоанном Малалой, и затем воспроизведено у Феофана Византийца – достоверность рассказа скептическими историками нового времени

подвергается сомнению, но известная из разных источников внезапная резкая перемена в положении Евдокии и Павлина находит себе вполне правдоподобное объяснение в анекдотическом рассказе Малалы, сюжет которого таков: императору, когда он шел в церковь, неизвестный простолюдин подал фригийское яблоко необычной величины; пораженный его видом Феодосий велел заплатить за него 150 номисм – золотых монет. Это яблоко он затем подарил Евдокии, а та велела отослать его Павлину, который тогда не выходил из дома из-за раны на ноге. Не зная о происхождении яблока, Павлин в свою очередь преподнес его императору как свой собственный подарок. Заподозрив неладное, Феодосий пригласил к себе жену и спросил ее, что она сделала с фригийским яблоком, и та, чтобы избежать дальнейших объяснений, солгала, сказав, что она съела его. Разгневанный муж после этого показал ей целое яблоко и заключил, что своей ложью она обличила себя в прелюбодейной связи с Павлином. Евдокия отрицала свою вину, но муж ей не поверил: Павлин был отправлен в ссылку в Кесарию Каппадокийскую и там некоторое время спустя по приказу императора убит. Отлагательство казни объяснялось тем, что император не хотел немедленной карой вызвать в народе подозрение, бросающее тень на честь его семьи. Обвиненная мужем в супружеской неверности, Евдокия была лишена общения с императором, а год или два спустя, в 442 г., она оставила двор, удалившись на Святую Землю.

После отъезда Евдокии в Иерусалим Пульхерия помирилась с нею. Они переписывались, Евдокия посылала в дар золовке святыни Палестины, и среди них – образ Божией Матери, по преданию писанный апостолом Лукой, который был помещен в посвященном Богородице столичном храме.

Почти одновременно с опалой Евдокии в немилость к императору попал и самый влиятельный его советник, префект претория и префект, или, по-гречески, епарх Константинополя Кир. С его именем связан второй этап в строительстве крепостных стен, защищающих столицу со стороны суши и сохранившихся до нашего времени. Стены, воздвигнутые в малолетство Феодосия, при префекте Анфимии, пострадали от землетрясения. Но

Кир позаботился не только о восстановлении и ремонте полуразрушенной стены. Впереди нее была сооружена еще одна мощная стена с множеством башен, а перед нею вырыт широкий и глубокий ров, заполненный водой. Но в своих заботах о воздвижении оборонительных сооружений он не ограничился этим – под его надзором были выстроены стены по всему периметру столицы – по берегам Мраморного моря, Босфора и Золотого Рога. От тех лет до нас дошли две надписи на стенах с упоминанием императора Феодосия II: одна – на латинском и другая – на греческом языке. В результате Константинополь стал действительно неприступной крепостью, взять которую впервые смогли только участники 4-го крестового похода, без малого 800 лет спустя после Феодосия, имя которого закрепилось на века за этими стенами. Киру жители столицы обязаны устройством в ней ночного освещения. Популярность его в народе была колоссальной.

И вот, когда, по словам Феофана Византийца, «Кир... построил городские стены и возобновил весь Константинополь; почему византийцы, когда он сидел на конском ристалище вместе с царем, кричали: “Константин создал, Кир возобновил!”, царь рассердился, что о Кире так говорили, и под тем предлогом, что он сочувствовал язычникам, лишил его власти, а имение взял в казну. Кир прибегнул к Церкви и сделался монахом (из чего можно заключить, что обвинение в склонности к язычеству было вовсе неосновательным или, по меньшей мере, преувеличенным. –Б.Ц.). Тогда царь, сжалившись над ним, приказал рукоположить его в епископа Смирны. Жители Смирны встретили его перед Богоявлением и, подозревая в преданности язычеству, хотели убить его в церкви, но он, войдя в церковь и собираясь говорить к народу, воскликнул: “Мужи братия! Рождество Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа да почитается в молчании, ибо одним лишь слухом зачалось Слово Божие во Святой Деве, Ему слава во веки, аминь! Народ возрадовался, прославил Кира, и он епископствовал над ними благочестиво»⁵⁷³.

После удаления Кира из столицы ближайшим советником Феодосия стал препозит священной опочивальни евнух

Хрисафий, который собственно и внушил Феодосию подозрения в отношении намерений Кира. Это был корыстолюбец и прожженный интриган, использовавший свое влияние на доверчивого императора во вред тем, в ком он усматривал опасность для своего положения. «Ни один из тех, кто до этого управлял сыном Аркадия, не был, – по словам А. Тьерри, – одарен в такой степени лукавством, скупостью, жестокостью, интриганством и самой низкой лестью, как Хрисафий; но именно эти самые пороки и давали ему возможность влиять на слабого императора. Говорят, что он очаровывал Феодосия в особенности своим благородным видом и величественной поступью: Феодосий сделал его начальником дворцовой стражи и великим спафарием (так назывался сановник, который носил перед государем меч империи)⁵⁷⁴. Он сумел воспрепятствовать сближению Феодосия со своей сестрой, прилагая все усилия, чтобы держать ее на расстоянии от брата и от какого бы то ни было участия в государственных делах, свою компетентность в которых она обнаружила уже в юные годы. Чтобы окончательно лишить Пульхерию влияния на правительство, Хрисафий подсказал императору мысль о поставлении сестры, давшей Богу обет девства, в диаконисы, но архиепископ Константинополя святой Флавиан уклонился от исполнения этого замысла, не совпадавшего с намерениями самой Пульхерии. Тогда, стремясь удалить Пульхерию от двора, Хрисафий подсказал императору мысль вернуть в Константинополь свою супругу Евдокию, и Феодосий последовал этому совету. Евдокия вернулась во дворец, и благодаря интригам Хрисафия между двумя августами возобновились взаимная неприязнь и соперничество.

После смерти мужа Евдокия снова оставила столицу и поселилась в Иерусалиме, на этот раз уже навсегда. Позже, когда разгорелись богословские споры, возбужденные ересью Нестория, Евдокия в его споре со святым Кириллом склонялась, как, впрочем, первоначально и ее муж, на сторону ересиарха. Но в Иерусалиме она шарахнулась в противоположную сторону, выражая свою приверженность монофизитству, однако перед ее кончиной папе Льву Великому

удалось убедить ее в истине догматического ороса Халкидонского Собора и преставилась она верной дочерью Православной Церкви. Евдокия пережила мужа на 10 лет, скончавшись 20 октября 460 г. в возрасте 67 лет. На смертном одре она решительно отрицала возведенное на нее мужем обвинение в супружеской неверности. Опальную супругу императора погребли в построенной ее иждивением иерусалимской церкви Святого первомученика Стефана.

Интригами Хрисафия из дворца был удален его товарищ по несчастью евнух Антиох, возведенный ранее в сан патриция и в пору малолетства Феодосия служивший, по завещанию Аркадия, его воспитателем. Лишенный всех титулов, он был пострижен в монахи.

Около 446 г. в Риме против Валентиниана взбунтовался Иоанн Вандал. В Италии неоставало сил, чтобы справиться с узурпатором. И тогда Феодосий направил против него войска под командованием двух лучших полководцев, Аспара и Ардавурия, которые разгромили и пленили мятежника. Его привели к Феодосию, который собирался его простить, но Хрисафий своей властью распорядился убить его прямо во дворце. Жертвой происков этого царедворца пал префект столицы Руфин, обвиненный в измене. С влиянием Хрисафия связано ужесточение репрессивной политики в последние годы правления Феодосия, который в прошлом избегал применения смертной казни.

Имея императорский титул и обладая верховной властью над вооруженными силами, Феодосий не был полководцем и командовать армиями, участвовавшими в войнах с мятежниками и внешними врагами, которые сопровождали почти весь длительный период его правления, он назначал опытных и талантливых генералов.

В 438 или 439 г. умер шах Бахрам, учинивший в начале своего царствования массовое истребление христиан в Иране, но затем, по условиям мирного договора с Римом, заключенным после проигранной войны, возвративший христианам свободу исповедания и сделавший еще ряд уступок. Новый шах Йездигерд II стремился к реваншу. В 440 г. началась очередная

война Ирана с Римской империей. Войсками Рима командовали Аспар и Анатолий. Военные действия шли с переменным успехом. Вторжение гуннов в пределы империи на Балканах и почти синхронное с ним нападение эфталитов, которых называли «белыми гуннами», на владения персов побудили воюющие державы к приостановке боевых действий и переговорам, которые закончились заключением мирного договора в 441 г. Его главным предметом была, как всегда в отношениях Рима и Персии, Армения, где в 428 г. со смертью царя Арташеса IV пресеклась правящая династия Аршакидов. Договор уточнял границу между сферами влияния двух великих держав в Армении. Восток страны остался под персидским протекторатом, а запад – римским. При этом северная часть области, отошедшей к Риму, называвшаяся Великой Арменией, прямо включалась в состав империи и власть в ней принадлежала комиту, назначавшемуся императором, а южная часть была разделена на 5 княжеств, находившихся под управлением местных наследственных династов, поставление которых санкционировалось императором. Но главной внешнеполитической заботой Константинополя в последнее десятилетие правления Феодосия стали взаимоотношения с гуннами, прорвавшимися в центральную Европу и на Балканы.

Одним из самых замечательных деяний Феодосия II стало открытие в столице университета, названного Аудиторией, где преподавание велось 31 профессором на латинском и греческом языке. Это событие датируется 425 г. Некоторые ученые, в частности Ф. Фукс, правда, считают, что высшая школа в столице на Босфоре существовала и раньше, а при Феодосии она только была реорганизована⁵⁷⁵. С трудами юристов, преподававших в Аудитории, связано составление латиноязычного Кодекса, опубликованного в Константинополе в феврале 438 г., а затем подписанного Валентинианом III и с 1 января 439 г. введенного в употребление на всем пространстве империи. Этот сборник вошел в историю с именем Феодосия II. *Codex Theodosianis* состоит из 16 книг (*libri*), разделенных в свою очередь на главы (*tituli*), в которые включены действующие законы, изданные начиная с составленного юристом

Сальвианом в 130 г. «Вечного эдикта» Адриана (Edictum perpetuum Hadriani), который представлял собой компиляцию выработанных ранее основных норм римского права. Законы, издававшиеся после публикации «Кодекса», именовались уже *constitutiones novellae*, то есть новыми «конституциями», или «новеллами». *Codex Theodosianis* послужил основой для грандиозной компиляции VI столетия – Юстинианова *Corpus juris civilis*, который однако на Западе получил известность лишь в XII веке, а до тех пор там пользовались Кодексом Феодосия в переработке его, выполненной в Вестготском королевстве и получившей название «Бревиария Алариха» – именно его и считали в раннесредневековой Европе источником норм римского права.

Император Феодосий II скончался 28 июля 450 г. Причиной смерти послужило падение с коня, в результате которого был поврежден позвоночник. Многие историки видят в Феодосии заурядного правителя, человека слабовольного и бесхарактерного, не способного к принятию самостоятельных решений и потому постоянно находившегося под влиянием других лиц. Такая характеристика отчасти справедлива, но Феодосий заслуживает более справедливой оценки, чем та, которой его удостаивает, например, знаменитый Гиббон, считавший его попросту ничтожеством. Несравненно более объективно писал о нем русский византолог Ю. А. Кулаковский: «Глубоко и искренне благочестивый... мягкий и кроткий по характеру, Феодосий был преисполнен сознания высоты своего служения и своего сана и неукоснительно нес свой жребий как долг перед Богом и своим народом... Несмотря на свой мягкий и слабый характер и не отличаясь бойкостью ума, Феодосий был всегда прекрасно окружен и имел вокруг себя верных, честных и талантливых слуг... Государство окрепло в царствование Феодосия... В то время, как на Западе варварский элемент и всемогущество военных людей подрывали самые основы государственной власти, Восток империи остался свободен от этих бедствий... Варвары верно служили императорскому престолу и проливали свою кровь во славу римской идеи единого мира под скипетром одного Богом

поставленного государя... Феодосий сердцем чувствовал свой долг государя и скрепил своим жизненным подвигом империю, которая сознавала себя единой христианской державой... Этот простой и кроткий образ царя, неизменно твердого в своей сердечной вере, имеет право на высокое место в ряду византийских государей и является по-своему великим»⁵⁷⁶.

Портрет, набросанный пером русского византолога, гармонирует с теми чертами, которые усваивает Феодосию современный ему историк Сократ, который рядом примеров иллюстрировал его незаурядное сердечное благочестие: «Говорят, что, по смерти одного хевронского епископа, который умер в Константинополе, он отыскал верхнюю его одежду и, несмотря на крайнюю ее ветхость, покрывался ею – в том убеждении, что чрез это позаимствует несколько от святости почившего. В один холодный и ненастный год обычные и установленные зрелища, по просьбе народа, должен был он давать в ипподроме. Случилось, что в то время, как ипподром наполнился народом, холод увеличился и сделалась сильная вьюга. Тогда царь явно обнаружил свое благоговение перед Богом, объявив народу чрез глашатаев, что гораздо лучше оставить зрелище и всем вместе усердно помолиться Богу... Эти слова еще не вполне были сказаны, как все с величайшей радостью составили в ипподроме молитвенное собрание и начали единогласно воспевать гимны Богу.

Тогда весь город соделался одной Церковью, и царь, идя посредине, в простой одежде, управлял поющими. Да он и не обманулся в своей надежде, ибо воздух сделался благорастворенным и, вместо недостатка в пище, Божие человеколюбие даровало всем обилие плодов»⁵⁷⁷.

В 437 г. на Константинополь обрушилось одно из самых страшных землетрясений, которые пережил этот город в своей истории. Толчки повторялись в течение четырех месяцев. И вот, по рассказу Феофана Византийца, «в один день, когда земля ужасно тряслась и весь народ непрестанно восклицал: “Господи, помилуй!», вдруг в третьем часу в глазах всех какой-то юноша божественной силой восхищен был на воздух, где слышал божественный глас, повелевавший ему возвестить

епископу и народу такую молитву: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!»... Святой Прокл... приказал народу так петь, и землетрясение тотчас прекратилось»⁵⁷⁸, а затем распоряжением Феодосия пение Трисвятого было введено во всех церквах империи.

Душевная мягкость Феодосия распространялась и на бессловесных. По рассказу Сократа Схоластика, «однажды на константинопольском амфитеатре давал он зрелище звериной травли, – и народ стал кричать, чтобы с диким зверем сразился кто-нибудь из отважных смельчаков. “А вы не знаете, – отвечал он народу, – что мы привыкли смотреть на зрелища человеколюбиво?» – и сказав это, научил народ впоследствии довольствоваться такими зрелищами, в которых нет ничего бесчеловечного»⁵⁷⁹, иными словами, Феодосий запретил травлю зверей. С этих пор единственным массовым зрелищем в Константинополе остались конские ристалища в цирке. И там страсти азартных болельщиков кипели. Со времен Феодосия зрители скачек стали объединяться в димы – соперничающие цирковые партии, и «к 445 г. относится самое раннее известие о кровопролитиях, учиненных враждующими группировками димов в столице»⁵⁸⁰.

Историки сравнивали Феодосия с русским царем Феодором Иоанновичем. Более адекватными представляются, при всем несхождении эпох и судеб, параллели с последним Российским императором, с его сердечным благочестием, добротой и благожелательностью, доверием к советникам и при этом со способностью отстранять их от дел при утрате доверия. Сходство характеров и увлечений наблюдается даже в мелочах: в любви к охоте, в том, что современным языком могло бы быть названо хобби, – у одного это была каллиграфия, а у другого – фотография.

Превыше всего заботясь о Церкви Христовой, Феодосий не стеснялся прибегать к власти, чтобы затруднить или вовсе пресечь деятельность ее противников. В 428 г. он издал закон, подписанный также и Валентинианом, в ту пору еще ребенком, который гласил: «Неразумию еретиков должны быть поставлены ограничения. Прежде всего они должны вернуть

Кафолической Церкви все отнятые у православных и находящиеся в их владении храмы, ибо нельзя допустить, чтобы те, которым запрещено иметь свои церкви, дерзали удерживать в своей власти православными построенные и насилием у них захваченные храмы. Если кто из еретиков будет изобличен в принятии клирика или пресвитера, то подвергается пене в 10 фунтов золота. Арианам, приверженцам Македония и Аполлинария воспрещается иметь в городах свои церкви, другим еретикам воспрещается делать собрания для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить в городах. Еретики исключаются из военной службы, за исключением службы в провинциальных когортах и в гарнизонах. Точно так же они лишаются права делать дарственные записи на свое имущество, составлять завещания и вообще делать какиелибо распоряжения перед смертью остающимся после них имением. Воспрещается еретикам совращать в свое учение тех, кто исповедует христианскую веру»⁵⁸¹.

В 448 г. был издан эдикт, предписывающий уничтожать сочинения философа Порфирия, направленные против христианства: «Узаконяем, чтобы все сочинения, где бы и у кого бы ни нашлись они, написанные Порфирием, по побуждению собственного его безумия, против благочестивой христианской религии, были преданы огню; потому что мы желаем, чтобы ни о каких сочинениях, подвигающих Бога на гнев и наносящих вред душам, не было слуха между людьми»⁵⁸². По распоряжению Феодосия в 426 г. были сожжены языческие храмы в Олимпии. Некоторые из находившихся там статуй, и среди них изваянный Фидием Зевс, который в античном мире почитался одним из семи чудес света, были вывезены в Константинополь и помещены в императорском дворце, став украшением новой столицы империи, но случившийся вскоре после этого пожар во дворце уничтожил прославленного Зевса Олимпийского.

Самой серьезной церковной проблемой, с которой столкнулся Феодосий II в своей религиозной политике, стали споры и разделения, возбужденные своеобразным христологическим учением архиепископа Константинопольского

Нестория, которое его оппонентами было не без оснований названо еретическим. При всем своем уважении к епископам, попечению которых Господь вверил Свою Церковь, совершенно отстраниться от разразившегося богословского спора император не мог.

6. Третий Вселенский Собор

После смерти преемника Аттика Сисиния, занимавшего Константинопольский престол в течение двух лет до своей кончины в конце 427 г., местными кандидатами на вдовствующую столичную кафедру были, как и на предыдущих выборах, два знаменитых в городе пресвитера Прокл и Филипп, но возникли опасения, что поставление одного из них может вызвать ревность и противостояние со стороны почитателей другого кандидата. Поэтому им обоим вновь, как это было в случае со святым Иоанном Златоустом, предпочли знаменитого своим красноречием антиохийского пресвитера Нестория, по происхождению сирийца.

Его дед переселился из Персии в Самосату, входившую в Римскую империю, еще язычником, но затем крестился. Несторий родился в Кесарии Германикийской, там получил первоначальное образование, которое продолжил в Афинах. Затем он перебрался в Антиохию, где посещал уроки в школе Либания, в которой до него учился Иоанн Златоуст. Выйдя из школы, он поступил в расположенный близ Антиохии Евпрепийский монастырь, принявшись там за изучение Библии и творений отцов, но, по словам его биографа Амадея Тьерри, он «не любил... лишений бедности, из которых с ранней поры жизни он вынес слишком горький опыт... Что же касается толкований отцов, то они оттолкнули своей сухостью: живой, подвижный, но поверхностный ум неопита вовсе не был расположен к продолжительным и серьезным работам; его гением было ораторское искусство... в том его виде, в каком оно культивировалось тогда на форумах городов или в стенах церквей. К тому же он обладал величавой осанкой, полным и звучным голосом и природным даром слова; от природы бледное и сухое лицо его, светлый и глубокий взгляд придавали всей его фигуре нечто такое, что во все времена считалось принадлежностью оратора»⁵⁸³. «Наружности он был... благообразной и довольно приятной. Небольшого роста, но с

большими выразительными глазами и светлорыжеватой шевелюрой»⁵⁸⁴.

В священный сан Нестория посвятили монахом. Назначенный катехизатором, он скоро прославился проповеднической ревностью и даром слова, благодаря которому о нем узнали в столице. Правда, по словам его современника Маркелла, «он имел достаточно красноречия, но мало рассудительности»⁵⁸⁵. По своему характеру это был человек, склонный к решительным действиям, не всегда сообразуясь с реальной оценкой своих сил. Учителем Нестория в богословии был епископ Мопсуестийский Феодор. «Феодор, как профессор школы, хорошо знавший своего ученика Нестория, по случаю вызова Нестория в Константинополь напутствовал его и призывал быть умеренным и сдержанным»⁵⁸⁶, но наставление это, как оказалось впоследствии, не было воспринято.

В слове, произнесенном Несторием 10 апреля 428 г., при своем поставлении в архиепископы столицы, он, обращаясь к императору Феодосию, притязательно заявлял: «Царь!., дай мне землю, очищенную от ересей, – и я за то дам тебе небо; помоги мне истребить еретиков, и я помогу тебе истребить персов»⁵⁸⁷. Комментируя столь самоуверенное высказывание, Сократ резонно заметил: «Хотя некоторые простые люди, питавшие ненависть к еретикам, приняли произнесенные им слова с удовольствием, но от людей, умевших по словам заключать о качествах души, не укрылись... ни его легкомыслие, ни вспыльчивость, ни тщеславие; ...не отведав еще, как говорится, и городской воды, уже объявил себя жестоким гонителем»⁵⁸⁸. И уже в первые дни своего пребывания на столичной кафедре Несторий настоял на принятии императором крутых мер по отношению к македонянам, новацианам, евномиянам, монтанистам и четырнадцатникам. Он распорядился закрыть единственную арианскую церковь в Константинополе, находившуюся, впрочем, за городской стеной. Прихожане пытались силой защитить ее, но были изгнаны из нее вооруженной рукой и в отчаянии подожгли свой храм – пожар перекинулся на соседние строения, и выгорел целый квартал. После этого инцидента злые и острые языки прозвали Нестория «поджигате-

лем». А преподобный Иоанн Кассиан по поводу такой ревности Нестория впоследствии, когда ему пришлось заняться опровержением его заблуждений, саркастически заметил: «Несторий... заблаговременно принял меры, чтобы не существовало на свете других ересей, кроме его собственной»⁵⁸⁹.

Но «поджигателем» в фигуральном значении слова он стал, когда его синкел Анастасий, которого он привез с собой из Антиохии, в одной из проповедей, к изумлению и ужасу своих слушателей, высказался против именованя Девы Марии Богородицей (Феотокос), прибегнув к аргументу, с одной стороны, тривиальному и очевидному: не могло тварное создание родить превечно сущего Бога, – а отчасти рискованному и сомнительному, состоявшему в разделении Сына Человеческого, родившегося в Вифлееме, и Сына Божия на два различных субъекта, не говоря уже о том, что этот бесшабашный выпад задел и ранил религиозные чувства благочестивых христиан, давно уже молившихся Деве Марии под именем Богородицы. Обеспокоенный народ ожидал реакции со стороны самого Нестория. И эта реакция, которая не замедлила последовать, усугубила озабоченность встревоженной паствы.

В разгоревшейся полемике церковную традицию именовать Деву Марию Богородицей с особой ревностью и богословской убедительностью отстаивал святой Прокл, один из ближайших учеников Иоанна Златоуста. Поставленный на Кизическую кафедру, он не выехал в Кизик, и туда был направлен другой епископ – Далмаций, а Прокл, имея епископский сан, исполнял в столице пресвитерские обязанности. В одной из своих праздничных проповедей он с особым акцентом назвал Пречистую Деву Богородицей и затем, разъясняя уместность такого ее именованя, сказал: «Родившийся от жены не есть только Бог и не есть только человек: этот родившийся соделал жену, древнюю дверь греха, дверию спасения... Мы веруем, что Христос не чрез постепенное восхождение к Божественному естеству сделался Богом, но, будучи Бог, по Своему милосердию сделался человеком. Не говорим: человек сделался Богом: но исповедуем, что Бог воплотился»⁵⁹⁰.

В споре между Анастасием и Проклом Несторий стал на сторону своего синкела и объявил, что самым приемлемым именованием Пречистой Девы должно быть Христородица: называть Ее Богородицей абсурдно, потому что Она Сама, как и весь человеческий род, сотворена Богом и потому не может быть Ему Матерью, а имя Христос объемлет и Божественную и человеческую природу Спасителя. Сказано это было в канун Рождества Христова – 24 декабря 428 г. В этом своем выступлении Несторий обрушился с обвинениями и угрозами на тех константинопольских клириков, которые, как он считал, по своему богословскому невежеству, сеют смуту в церковном народе, а его единомышленник епископ Маркианопольский Дорофей довел возникшее в церковной среде напряжение до крайней остроты, провозгласив анафему тем, кто именует Святую Деву Богородицей. Но именно так называл Ее в своих творениях святой Григорий Богослов, и конечно, не он один из прежних отцов, такое ее именование можно найти в сочинениях Оригена и Евсевия Памфила. Противник Нестория Евсевий, в ту пору еще мирянин и схоласт, то есть юрист, а позже епископ Дорилейский, обвинил его в том, что, будучи земляком Павла Самосатского, он повторяет его учение. Такая оценка не была адекватной. Павел отрицал Божество Иисуса Христа и вместе с тем учение о Божественной Троице, впав в монархианскую ересь. Расхождение Нестория с его оппонентами не затрагивало тринитарный догмат, а относилось к христологической теме, иными словами, к вопросу об образе соединения Божественной и человеческой природы в Иисусе Христе. Несторий не сомневался в бытии и полноте Божества Сына Божия – и поэтому не разделял заблуждений ни Павла Самосатского, ни Ария, но он иначе, чем его богословские противники, отвечал на ключевой христологический вопрос – о Боговоплощении.

Вполне оригинальным богословом Несторий не был. Он лишь в заостренном и провоцирующем виде высказывал христологические идеи, которые были выработаны в лоне Антиохийской богословской школы. Своими учителями он считал не только Феодора Мопсуестийского, но и Диодора Тарсийского, одного из соратников Василия Великого в эпоху

противостояния арианской ереси. А из числа современников Нестория долго поддерживали не только Ива Эдесский, но и не разделявшие крайностей его богословия Иоанн Антиохийский и блаженный Феодорит Кирский, в ту пору самый авторитетный из богословов Востока. Диодор Тарсийский, по характеристике протоиерея Георгия Флоровского, «не только подчеркивал “совершенство» (т.е. полноту) человечества во Христе, – он резко различал и обособлял во Христе Сына Божия и Сына Давидова, в котором Сын Божий обитал, как в храме... Поэтому он считал невозможным говорить о “двух рождениях» Слова. “Бог Слово не претерпел двух рождений, одно прежде веков, а другое напоследок, но от Отца Он родился по естеству, а Того, кто рожден от Марии, Он уготовал Себе в храм»... Бог Слово не рождался от Марии, – от Марии родился только человек, подобный нам... Диодор отрицает, будто вводит “двоицу Сынов», – Сын Божий один, а воспринятая им плоть “или человек» есть Его храм и обитель»⁵⁹¹.

Следующий шаг в опасном направлении сделан был прямым учителем Нестория Феодором Мопсуестийским, который «со свойственной ему рассудочной прямою» соединение рожденного от Марии «совершенного человека» и Бога Слова «определял... как вселение Слова, как связь или соотношение. Ему кажется, что нельзя понимать буквально: «Слово плоть бысть» – это было бы «отчуждением от Его естества и низведением Его к низшим существам». «Стал», по мнению Феодора, может означать только «казался» – «поскольку казалось или являлось, Слово соделалось плотью»⁵⁹². Рожденный от Марии в его интерпретации имел не только иную, чем Бог Слово, природу, но и свою особую ипостась. Христос, считал он, «подобно всем людям, возрастал, – возрастал и телом и душою. Возрастал и в познании, и в праведности. ... Он боролся, преодолевая страсти и даже похоти. И в этом Ему содействовал Дух «Своими нравственными влияниями»... Феодор предполагал, что Божество отделилось от Христа во время смерти, «так как оно не могло испытывать смерти. Совершенно ясно, – резюмирует патролог, – что Феодор резко различает «двух субъектов»⁵⁹³. Представляя образ

соединения Сына Божия и Сына Давидова, Феодор прибегал к образу брачного союза мужа и жены.

Христологические формулы антиохийского богословия, заостренные в сторону подчеркивания полноты человеческой природы во Христе, явились реакцией на учение Аполлинария, отвергавшего присутствие во Христе человеческого ума, или духа, и тем самым впадавшего в давно отвергнутый Церковью гностический докетизм. Антиохийцы дорожили идеей полноты человечества во Христе, Его единосущия человеческому роду, справедливо придавая этому обстоятельству сотериологическое значение, но при этом рисковали перегнуть палку в противоположную сторону, превращая в призрак единство Лица во Христе и прямо отвергая Его ипостасное единство. Патрологи находят разные причины подобного уклонения, в частности семитический склад мысли приверженцев этой богословской традиции и в связи с этим склонность к впадению в то, что было в свое время названо иудеохристианством, – идиосинкразия к мысли о каком бы то ни было сближении абсолютно трансцендентного Божества с тварным человеком, а с другой стороны, – и похоже, это более солидный диагноз, – приверженность Антиохийской богословской школы, в отличие от Александрийской, использовавшей философский аппарат платонизма и неоплатонизма, аристотелевской философии с ее тенденцией к логической однозначности терминов, с ее отрицанием онтологической реальности материи без формы, из чего вытекает идея о призрачности не ипостасированной сущности, – для христианского богословия из этого постулата выводилась неприемлемость представления полноты человечества во Христе без Его собственной человеческой ипостаси, которая входит в соединение с ипостасью Слова, и хотя антиохийцы готовы были обозначать такое единение единством Лица, но у их оппонентов все равно возникало подозрение, что речь идет о двух Сынах: Сыне Божиим и Сыне Человеческом как о разных субъектах.

Феодор Мопсуестийский изложил свои мысли в систематизированном виде в книге «О воплощении». Несторий, не будучи самостоятельным богословом, тем более систематиком, высту-

пил как популяризатор этих идей, причем, ради вящего эффекта, он не удерживался от рискованных, соблазнительных формулировок. Не способный реально оценить ситуации и перспективы разрешения разгоревшихся споров, отличаясь избыточной самоуверенностью, Несторий, когда к нему пришла депутация его оппонентов для того, чтобы продолжить дискуссию и услышать его контраргументы на свои недоумения, не захотел с нею вести разговор, а вместо этого распорядился заточить оппонентов за неповиновение своему епископу в тюрьму где их подвергли бичеванию.

Жалобы и возмущение константинопольских противников Нестория, в том числе и пострадавших от него, дошли до Александрии, и предстоятель Александрийской церкви святой Кирилл решил вмешаться в развитие событий, потрясших церковную жизнь столицы. Он обратился к Несторию с посланием, в котором пока еще в деликатной форме, не обвиняя прямо своего адресата, выразил свою озабоченность тем, что «некоторые дошли до того, что не хотят исповедовать Христа Богом, а исповедуют Его органом или орудием Бога и человеком богоносным, и еще что-то нелепее этого»⁵⁹⁴. Не вынося категорического суждения о причастности к обозначенной им ереси самого Нестория, святитель дает ему ясно понять, что дело принимает нешуточный оборот, что наступает время исповеднического стояния за истину: «Да не усумнится твое благочестие, что мы за веру во Христа готовы терпеть все, подвергнуться узам и самой смерти»⁵⁹⁵. В ответном послании Несторий не захотел обсуждать вызвавшие споры и взаимные обвинения сторон богословские темы по существу, ограничившись укором Кириллу в недостатке любви: «С нашей стороны, несмотря на то что от твоего благочестия, надобно сказать ласковее, многое сделано не по братской любви, – надобно было написать приветственное письмо в духе терпения и любви»⁵⁹⁶. Несторий отвергал право Александрийского архиепископа вмешиваться в дела, относящиеся к Константинопольской церкви. Живое участие Кирилла в споре, который разгорелся в столице империи, очевидно, напомнило ему о противостоянии, которое имело место тремя

десятилетиями раньше, когда против святого Иоанна Златоуста, как и Несторий, выходца из Антиохии, выступил предстоятель Александрийской церкви тех лет, родной дядя Кирилла Феофил: свой спор с Кириллом Несторий с этих пор осмысливал в параллель с противостоянием Иоанна и Феофила, и в таком восприятии происходящего с ним солидарны были и другие епископы Востока, едва ли не большинство из них, в том числе и те, кто не разделял очевидных заблуждений Нестория; но это была ложная параллель, которая заводила Нестория в тупик: в споре между святителем Иоанном и Феофилом богословские темы не были затронуты всерьез, а на этот раз речь шла о самом существовании веры.

В начале 430 г. Кирилл обратился к Несторию со вторым посланием, в котором изложил свою веру, свою христологию, которую он, не без оснований, отождествлял с верой Церкви, с ее Священным Преданием: «Бог Слово воплотился и вочеловечился... Слово, соединив с собою, в единстве лица тело, одушевленное разумною душою, неизреченно и непостижимо для нашего ума., стало человеком, сделалось сыном человеческим, не волею одною и благоизволением, не восприятием только лица... естества, истинно соединенные между собою, хотя различны, но в соединении обоих сих естеств есть один Христос и Сын. Это мы представляем не так, что в сем соединении уничтожилось различие естеств, но божество и человечество, при неизреченном и неизъяснимом соединении, пребыли совершенными, являя нам единого Господа Иисуса Христа и Сына. ... Так как Он ради нас и ради нашего спасения родился от жены, соединив с собою, в свою ипостась, естество человеческое, то поэтому и говорится, что Он родился плотью. Это не так, что прежде родился от святыя Девы простой человек, а после сошло на Него Слово; но Оно, соединившись с плотью в самой утробе, родилось по плоти, усвоив себе плоть, с которою родилось. Таковым же мы Его исповедуем и в страдании и в воскресении: не говорим, что Слово Бога по своему естеству подверглось ударам, язвам гвоздиным и прочим ранам, потому что божественное естество, как бестелесное, не причастно страданию. Но так как всем этим

страданиям подверглось Его тело, которое есть Его собственное, то мы и говорим, что Слово страдало за нас... Таково учение правой веры, повсюду исповедуемой. Так мыслили святые отцы, как находим в их писаниях. Они дерзновенно говорили, что Святая Дева есть Богородица, не потому, что естество Слова или Божество Его началось по бытию от Святой Девы, но потому, что от Нее родилось святое тело, имеющее разумную душу; таким образом Слово, соединившись с ним ипостасно, родилось по плоти»⁵⁹⁷.

В ответном послании архиепископу Кириллу, написанном в высокомерном и менторском тоне, Несторий – в слегка завуалированной, но прозрачной форме обвиняет – адресата в приверженности патрипассианской ереси: «Выслушай же и наше, братское по духу, благочестия вразумление... Я хочу сказать, что ты, читая в каком-нибудь списке предание святых мужей, не сознал своего недоразумения, заслуживающего извинения, подумав, что они подверженным страданию назвали вечно пребывающее со Отцем Слово. Вникни... с большим вниманием в сказанные слова, и увидишь, что божественный лик отцев не называл единосущное божество страдавшим, соприсносущного Отцу рожденным во времени, восставившего разрушенный храм воскресшим»⁵⁹⁸.

По поводу этого обвинения святой Кирилл в своем послании к константинопольскому клиру писал: «Само Слово страдало, когда страдало тело Его, так же как говорим о человеке, что страдает душа его, когда страдает только ее тело, потому что она, по своему естеству, не подвержена страданиям»⁵⁹⁹. Для наглядного представления своих христологических воззрений он часто прибегал к сравнению образа соединения Божества и человечества во Христе с соединением души и тела в человеке. И вслед затем святитель указывает на самую суть заблуждений своих противников, и среди них, конечно, самого Нестория: «Скрытая мысль их – допустить двух Христов и двух Сынов, из которых один есть только человек, а другой есть только Бог, и допускать соединение только лиц»⁶⁰⁰. Правда, прямым образом Несторий отвергал подозрение в том, что он учит о двух разных сынах. Со своей стороны он, как, впрочем,

это делали и более рассудительные носители традиций Антиохийской богословской школы Иоанн Антиохийский и Феодорит Кирский, в своем послании Кириллу без оснований обвинял его в приверженности аполлинарианской ереси: «Тело Христа есть храм Божества Его, храм, соединенный с Божеством каким-то высоким, Божественным союзом, в котором Божественное естество усвоило себе то, что свойственно телесному. Но с словом: усвоение, приписывать Ему качества тела, с ним соединенного, каковы – рождение, страдание, смерть, – есть, возлюбленный брат, неправильная мысль, какую может принять только или ум еллинов, или ум, зараженный учением сумасбродного Аполлинария, Ария или других каких-либо еретиков, еще далее их заблудившихся»⁶⁰¹.

Несторий не услышал и не понял Кирилла, и тот ринулся в бой за святое дело – отстоять Предание Отцов, защитить изначальную веру Церкви. Это был сильный и закаленный борец, готовый идти до конца, не страшась возможных испытаний, и в то же время не стеснявшийся прибегать ко всем средствам, которые ему представлялись потребными в этой борьбе, в том числе и к небезукоризненным. Для Кирилла, помимо священного долга отстоять учение Церкви, немаловажное значение имело, очевидно, восходящее к его дяде Феофилу и даже еще к предшественникам Феофила Петру и Тимофею Александрийским соперничество Александрийской кафедры с Константинопольской, а ранее с Антиохийской, за первенство в грекоязычной части империи, тем более что столичную кафедру на этот раз, как и в случае с Иоанном Златоустом, к которому Кирилл испытывал стойкую неприязнь, опять занимал антиохиец. Племянник своего предшественника Феофила, Кирилл был «воспитан и образован под непосредственным надзором своего дяди. Основные черты нравственного характера дяди заметно выдавались и в характере племянника: та же пылкая, порывистая ревность о чистоте и славе веры... та же горячая жажда публичной деятельности и борьбы. Сильный умом и мужественный духом, Кирилл управлял живоподвижной, волнуемой пылкими страстями своей паствой твердой,

властной рукой, внушая к себе уважение, смешанное со страхом»⁶⁰².

А. В. Карташев, опираясь на древние источники, выразительно описал его внешность: «Житийное предание довольно подробно рисует нам портрет этого выдающегося из отцов и борцов. Кирилл был малого роста, но с очень ярким красочным лицом, на котором выдавались могучие, по всему лбу раскинутые брови; прямой тонкий нос, продолговатые, узкие скулы, широкие властные уста, большая длинная борода и редкие, курчавые, светлые, с легкой сединой волосы. Общее впечатление энергии и важности»⁶⁰³.

Святитель писал и рассылал письма константинопольским клирикам, выступившим против своего епископа, одобряя и поддерживая их в этом их противостоянии, а также папе Римскому Целестину в стремлении поднять против Нестория и самого папу, и вместе с ним весь западный епископат. Через доверенных лиц он вступил в переписку с членами императорского дома по поводу своего спора с Несторием, и ему удалось убедить в своей правоте сестру Феодосия святую Пульхерию, которая, впрочем, и до того, как к ней обратился с посланием Кирилл, была озабочена и возмущена проповедями Нестория и Анастасия. Не брезговал он и такими способами достижения своей цели – низложения Нестория, которую он отождествлял с делом всей Церкви, – как привлечение на свою сторону правительственных чиновников и столичных клириков щедрыми подарками, которые на языке эпохи принято было называть евлогиями – благословениями. Некоторые из клириков Александрии сетовали потом, что церковная казна оказалась опустошена этими расточительными евлогиями.

С посланиями к Целестину обращался тогда не только Кирилл, но и Несторий. Они оба стремились привлечь папу на свою сторону. При этом, возможно, для его последующей реакции не осталось без последствий и то обстоятельство, что Несторий беззаботно называл Целестина своим собратом, а более искушенный Кирилл – «святейшим отцом». Благодаря этой переписке возобновились добрые отношения между Римским и Александрийским престолами, царившие в пору

самоотверженной борьбы святого Афанасия за Никейский символ, – хотя каноническое общение между церквами, разорванные при папе Иннокентии из-за гонений, которым подвергся по проискам Феофила святой Иоанн Златоуст, возобновилось раньше, когда Кирилл внес в александрийский диптих имя святителя Иоанна, но до начала солидарных действий против Нестория эти отношения оставались прохладными.

Будучи простецом в богословии, папа Целестин распорядился перевести поступившие к нему послания и иные документы на латинский язык и отправил их в Массилию (Марсель) на экспертизу преподобному Иоанну Кассиану – ученику святого Златоуста. И тот вынес заключение в пользу христологии Кирилла, изложенное им в «Семи книгах о воплощении Христа» – обстоятельство, говорящее не в пользу авторов, которые на том основании, что Иоанн Златоуст принадлежал антиохийской богословской традиции и в его творениях не встречается именованная Пречистой Девы Богородицей, пытаются сблизить его христологические воззрения с учением Нестория. В августе 430 г. папа созвал в Риме собор италийских епископов, и тот на основании заключения, сделанного искушенным марсельским богословом, осудил христологическую ересь Нестория.

Целестин обратился к Несторию с посланием, в котором прямо, без обвиняков, обвинил его в ереси. Тон этого послания характерным образом отличался от того, в котором ранее вели свой спор Кирилл и Несторий, пытавшиеся донести друг другу свои аргументы, чтобы переубедить оппонента, исходя из предпосылки, что тот, хотя и заблуждаясь, искренне отождествляет свою богословскую позицию с учением Церкви. Для Целестина же Несторий – заведомый и сознательный еретик, злонамеренно противопоставляющий свою ересь Священному Преданию, которое ему, конечно, известно, но которое он отвергает. Скрывая, однако, свое вероотступничество, он действует как изворотливый преступник, стремящийся избежать заслуженной кары – в богословский спор с ним по существу затронутых вопросов Целестин не вступает: «Когда мы в твоих сочинениях

идем следом за тобой, настигаем тебя, схватываем тебя, ты стараешься увернуться от нас каким-то многословием, темнотой его прикрывая ясность истины; и потом снова утверждая то, что было отрицаемо... В посланиях же своих ты не столько изъяснил нашу веру, сколько выказал себя самого, желая дать иное учение о Боге Слове, а не то, какое содержит вселенская вера... Кто мог предположить, что под одеждой овцы скрывается хищный волк?»⁶⁰⁴. Одну из причин впадения своего адресата в ересь Целестин усматривает в том, что он занялся исследованием вопросов, превышающих возможности человеческого разума: «Откуда пришло тебе желание направить свои речи на такие вопросы, решение которых по началам разума есть нечестие? Зачем епископу проповедовать народу такое, чем ослабляется в нем благоговение к рождению Девы? Нечестивыми словами о Боге не должно возмущать чистоту древней веры»⁶⁰⁵.

За этими жесткими укоризнами стоит пастырская забота святителя о чистоте веры народа Божия. Его слова продиктованы здоровым богословским апофатизмом – разумным скепсисом к способности рационального постижения богооткровенных истин, но при ином, и не благожелательном отношении к его суждениям, изложенным в этом послании, Целестина легко обвинить в обскурантизме. Святой Кирилл выразил подобную мысль в послании к монахам своего диоцеза несравненно более тонко: он писал тогда, что в вопросе о способе соединения Божества и человечестве во Христе «и самые тонкие и проницательные умы едва только могут провидеть некое слабое мерцание света, а для умов простых и мало изощренных в понимании истины веры все представляется темным»⁶⁰⁶. В послании Целестина содержится и прямая угроза: «Мы готовим прижигание и железо; не надобно больше употреблять пластыря для тех больных членов, которые следует только отсечь»⁶⁰⁷. Папа, правда, давал Несторию десятидневный срок для публичного объявления о своем покаянии, в противном случае угрожая ему низложением. Своему собрату Кириллу Целестин поручил выступить с обвинениями

Нестория на церковном суде в качестве его местоблюстителя, если тот не отступится от своей ереси.

Исполняя поручение папы, Кирилл созвал в Александрии собор, на котором были одобрены составленные им «Главы (кефалаиа)», содержащие изложение православной христологии с присовокуплением анафем тем, кто не принимает ее: «1. Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему Святую Деву Богородицею, так как она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотию: да будет анафема... 5. Кто дерзает называть Христа человеком Богоносным, а не, лучше, Богом истинным, как Сына единого (со Отцем) по естеству, так как Слово стало плотию и приблизилось к нам, восприяв нашу плоть и кровь (Евр.2:14): анафема... 12. Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и наконец ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ, как Бог: анафема»⁶⁰⁸. Главы с 12 анафематизмами предназначались для того, чтобы их принял и подписал Несторий, в противном случае он, по мысли отцов Александрийского собора, подлежал низложению. Эти анафематизмы вместе с посланиями Целестина были доведены до сведения не только Нестория, но также Иоанна Антиохийского, Ювеналия Иерусалимского, Акакия Верийского.

Со стороны Иоанна Антиохийского и его единомышленников анафематизмы вызвали резкое неприятие. 3-й анафематизм («Кто во едином Христе, после соединения (естеств), разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть по воле или в силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств: анафема»)⁶⁰⁹ давал повод подозревать Кирилла в том, что его выражение «единение естеств» подразумевает их смешение, или поглощение человеческой природы Божественной, иными словами, интерпретировалось так, как впоследствии понимали Кирилла монофизиты, – в ту пору подобные мысли противниками не вполне корректно обозначались как аполлинарианская ересь. Правда, существует предположение, что, будучи по происхождению, возможно, коптом, Кирилл не влагал в слова «ката физис» (по природе) аутентично греческое значение, потому что на коптском языке

калька этого выражения имеет скорее значение «действительное», «истинное», а не «по природе», вроде как по-русски можно выразиться «натурально», «естественно», не имея в виду собственно натуру, природу, или естество, но эта аргументация от филологии имеет, конечно, лишь весьма относительное значение и основана на проблематичных допущениях.

Став известными «восточным», которых называли так потому, что их кафедры находились в пределах Сирийского, или, по-другому, Восточного диоцеза со столицей в Антиохии, они вызвали в их среде взрыв негодования. Иоанн поручил проанализировать «Главы» епископам Феодориту Кирскому и Андрею Самосатскому. И оба они сделали о них негативное заключение. В основном с такой оценкой согласился и Иоанн. Дело было, конечно, не в том только, что епископы, сложившиеся как богословы в лоне антиохийской традиции, не хотели выдавать на расправу одного из своих же антиохийцев, но главным образом в том, что некоторые из формулировок святителя Кирилла представлялись им действительно неприемлемыми. Феодорит и Андрей Самосатский обвинили Кирилла в аполлинарианстве. Это было неосновательное обвинение, но повод к нему он давал тем, в частности, что вновь и вновь повторял христологическую формулу, действительно принадлежащую Аполлинарию, но последователями этого ересиарха включенную подложно в одно из творений святого Афанасия, и Кирилл, конечно, принимал ее за афанасиевскую – «*μία φύσις τοῦ Θεοῦ Λόγος σαρκωμένος*» (единая природа Бога Слова воплощенная). В эту формулу Кирилл влагал православный смысл, чуждый отрицания полноты человечества во Христе, но терминологически это было весьма уязвимое выражение, не говоря уже о его происхождении из нечистого источника.

Дело в том, что святой Кирилл, как и его противники антиохийцы, не проводил резкой грани между понятиями «физис» (природа) и «ипостась». И в этом они шли вслед за Афанасием Великим, который по той же терминологической причине избегал говорить о Трех Божественных Ипостасях, потому что подобное выражение ему представлялось близким к выражению «три

природы», «три сущности». Употребление Василием Великим термина «ипостась» в значении, идентичном с «лицом», применительно к триадологии сняло недоразумения, устранило подозрение в том, что омусиане, «единосущники» впадают в савеллианскую ересь. До Халкидонского Собора, пока терминология Василия Великого не была перенесена в область христологии, богословы Антиохийской школы подозревали Кирилла, употреблявшего по отношению к Богочеловеку Иисусу Христу выражение «миа физис» (одна природа) в криптоаполлинарианстве, а сами в свою очередь употребляли не только правомерный термин «две природы», но также и «две ипостаси», хотя, разумеется, не говорили при этом о двух Лицах – подобным образом не выражался даже Несторий. И все же расхождение между Кириллом и «восточными», или антиохийцами, прежде всего с самим Несторием, не сводилось к терминологической неувязке, оно затрагивало и их богословское видение, а в известном смысле, и саму веру.

В. В. Болотов, резюмируя суть споров Кирилла с «восточными» богословами, писал: «Если Нестория нужно укорять за то, что он слишком конкретно понимал человечество во Христе, превращая его в отдельного человека, то в системе Кирилла человечество представлялось слишком отвлеченным, почти только свойством Богочеловека, а не Его природою, жизненною, реальною. Зато Кирилл спасал великую истину – личного единства Богочеловека»⁶¹⁰. Святой Кирилл был несомненно прав, когда отвергал идею Нестория и Феодора Мопсуестийского о нравственном совершенствовании Христа, о Его борьбе с искушениями, но с его христологической концепцией трудно совместить представление о реальном младенчестве Христа, о Его умственном развитии, и в его рассуждениях на эту тему появляется неизбежный оттенок докетизма – всеведущий Господь по икономии в младенчестве представлялся людям Младенцем, обладая в действительности как Бог полнотою ведения.

Поддержка, оказанная восточными епископами Несторию, не была безусловной. Наиболее умеренные и благоразумные среди них страшились разрыва с Александрией и Римом,

ужасались перспективе церковного разделения и потому советовали Константинопольскому архиепископу проявить миролюбие, сделать шаг навстречу своим оппонентам. Так, Иоанн Антиохийский писал ему, предлагая согласиться с именованием Приснодевы Богородицей: «В учении о спасении нас Христом... всего лучше употреблять слово, соответствующее Ему, употребляемое многими отцами, соответствующее истине спасительного рождения Его от Девы. Твое благочестие не должно отвергать этого, как такого, в чем нет опасности. ... Ибо если твой ум мыслит так же, как отцы и учителя Церкви... то для чего же тяготиться открыто сказать благочестивую мысль словом, соответствующим этой мысли, и притом в такое время, когда началось такое беспокойство от твоих толкований веры? Без сомнения, тебе известно, боголюбивейший, что везде, и в далеких от нас и в близких к нам местах все пришло в движение, везде слышен говор об одном и том же: какая-то сильная буря вдруг застигла церкви: везде верующие со дня на день отделяются одни от других вследствие этого толка. ... Так как... ты не самый смысл благочестивого верования устранишь, а не одобряешь только выражение его: то если бы кто из знаменитых учителей Церкви предложил тебе употребить и это слово, т.е. Святую Деву назвать Богородицею, то ты, без сомнения, не отказался бы от этого... Тех, которые употребляли его, было много, и притом знаменитых; а не употреблявшие не осуждали употреблявших... Прошу боголюбивую твою душу принять без спора этот совет... Предлагаю его не я один, но и все епископы, которые, как я говорил, были при мне... Все они... просят тебя, владыко, чтобы ты показал покорность, вникнув в содержание тех писем (имеются в виду послания Целестина и Кирилла. – В.Ц.), которых сила грознее бури: она не возмутит, не встревожит, если будем уступчивы, но низринет, если станем противиться ей»⁶¹¹.

В ответном послании Несторий высказывается против именованя Девы Марии Божией Материю, считая его аполлинарианским; соглашаясь с неприемлемостью именованя Ее «матерью человека», как благоприятного для

ереси Павла Самосатского, он вновь предлагает как лучший вариант имя Христородицы, которым объемлются обе природы рожденного Ею Сына. В новом послании Несторию Иоанн писал, что этого слова нет нигде ни в Священном Писании, ни у отцов, и по-прежнему настаивал на том, чтобы Несторий принял именование Приснодевы Богородицей. Он надеялся, что в конце концов ему удастся убедить Нестория пойти на уступку своим оппонентам.

Но 6 декабря 430 г. в Константинополь прибыли из Египта посланники святого Кирилла епископы: Фепемпт, Даниил, Потамон и Комар – с посланиями пап: Целестина, в котором содержалось требование покаяться в 10-дневный срок, и Кирилла с его анафематизмами. Несторий знал о содержании доставленных ему посланий. На следующий день после приезда посланников было воскресенье и Несторий совершал богослужение в храме Святой Софии. Гости вручили ему привезенные ими документы прямо в храме, и Несторий назначил им встречу в понедельник в своей резиденции, но когда они пришли в архиерейский дом, он не захотел их принять. Столь же неудачной оказалась и попытка гостей встретиться с ним на следующий день, во вторник. Тогда посланцы Кирилла стали навещать известных им противников Нестория в константинопольском клире, в особенности из числа игуменов и архимандритов.

В следующую субботу Несторий решил открыто, в храме перед народом принять брошенный ему вызов. Он «взошел на кафедру и... начал говорить о любви, долженствующей быть между чадами одной и той же веры... “Зачем же, – воскликнул он вслед за тем, – я, который люблю только мир, застигнут неумолимым врагом в самом святилище моего соборного храма?” Он не назвал этого врага по имени, но достаточно обозначил его именем «Египтянина»... «Египтянин бросает мне вызов даже среди моих пресвитеров, перед лицом самого моего стада. Он всюду распространяет клеветы, сеет раздор и нападает на меня с золотыми стрелами». Этим Несторий обвинил его в раздаче денег для подкупа его клира. «Согласие и благосостояние нашей Церкви уязвляет его; цветущий вид ее

вызывает у него яростные крики злобы; он ненавистен ему, потому что ему нужны смуты и разделения для утверждения и распространения своего господства. Египтянин, не вечный ли он враг Константинополя и Антиохии?». И оратор напоминал своим слушателям о вражде александрийских епископов против Мелетия и Флавиана, против самого Иоанна Златоуста, вызванного также из Антиохийской церкви и бывшего одним из его предшественников в имперском городе... «Меня преследуют, – продолжал он, – из-за одного только слова Феотокос – Богородица. Ну что ж, я готов, пожалуй, подарить и это слово из любви к миру... Есть, однако, одно слово, которое могло бы мгновенно прекратить всякие недоразумения, – и я предлагаю принять его; это слово – Матерь Христа, Христородица; оно послужило бы лекарством от всех наших несогласий». «О, – вскричал он, оканчивая свою речь, – пусть Египтянин придет сюда сам. Я не боюсь его; пусть он вступит в состязание со мною в присутствии императора и императриц, и я сумею обратить в ничто его дерзость. Это болезнь египтян – всюду вносить смуту»⁶¹². Делая формальную уступку, Несторий с тем большей рьяностью обнаружил свою враждебность и свой не по возрасту, в ту пору уже солидному, юношеский задор.

На следующий день, в воскресенье, он снова говорил с кафедры, и на этот раз, образумившись, с большим смирением, отчетливо и определенно соглашаясь с именованием Приснодевы Марии Богородицей: «Я признаю и исповедую, что Св. Дева Мария воистину есть Матерь Бога и Матерь Человека. Она Матерь Бога, потому что храм Божий, который есть Сын Ее Иисус, был соединен с Божеством. Значит, и по моему мнению, можно законно усвоить ей имя Богородицы»⁶¹³.

Казалось бы, вопрос был улажен, разномыслие преодолено и в Церкви, потрясенной христологическим спором, должен был воцариться мир, но исполненный духа противления, Несторий тотчас после примирительных заявлений принялся за составление ответа на «главы» святого Кирилла – это были уже его «анафематизмы», из которых с очевидностью вытекало, что его богословские взгляды в действительности остались прежними, а его уступка носила исключительно формальный характер и

сводилась только к имени, которому он однако отказывался придавать всю полноту смысла, из него вытекающего.

Уже самое начало этих «анафематизмов» вполне красноречиво: «1. Кто говорит, что Еммануил есть истинный Бог, а не с нами Бог, то есть, что Он обитал в подобном нашему естестве, так что соединился с нашим естеством, воспринятым от Девы Марии, кто будет называть ее также Материю Бога Слова, а не Еммануила, и будет говорить, что само Слово Божие превратилось в плоть, которую Оно восприняло для обнаружения своего божества, чтобы по виду стать как человек (Флп.2:7): – анафема»⁶¹⁴. И здесь, и в иных анафематизмах Несторий, представляя отвергаемые им утверждения, недобросовестно смешивает действительные мысли святого Кирилла с их еретическим заострением и искажением, которое они претерпели впоследствии в интерпретациях монофизитов, в особенности крайних из них, вроде Евтихия. Правда, в 5 пункте – «Кто дерзает говорить, что после восприятия человека Сын Божий есть един по существу тогда как Он Еммануил: анафема»⁶¹⁵ – содержится корректное изложение учения Кирилла, а комментарии к этому месту, помещенные в издании соборных Деяний («Здесь умышленное извращение православных понятий. Церковь не говорит об одном естестве или существе во Христе, состоящем из двух естеств: она признает в нем – два естества в одном лице»)⁶¹⁶ представляются чрезмерно наивными: учение Церкви представлено комментатором в том его изложении, которое дал Халкидонский Собор. Обвинять Нестория в том, что он хорошо знал это учение во времена, предшествовавшие Халкидонскому Собору, и злонамеренно его искажал – это, конечно, слишком сильная и, как кажется, фантастическая идея. В то же время в некоторых анафематизмах учение, противопоставляемое отвергаемым положениям, носит определенно еретический характер – например: «3. Кто признает Христа, который по существу своему есть Еммануил, единым не вследствие союза лиц, и не исповедует Его (состоящим) из двух лиц, Бога Слова и воспринятого им человека, сочетанных во едино в Сыне, при

чем единение их у нас сохраняется без смешения (естеств): анафема»⁶¹⁷.

Свое сочинение Несторий начал распространять, но написанное наспех и в задоре, оно переполнено было ошибочными, даже и с точки зрения антиохийской христологии, положениями. Спор возобновился. И в этой ситуации многим, в том числе и самому Несторию, лучшим выходом из сложившейся ситуации представлялся уже созыв Вселенского Собора. Несторий, похоже, не сомневался в его благоприятном для себя исходе. Анафематизмы Кирилла отвергались епископами Сирии. Против Нестория, правда, были церкви Египта и Запада, зато, в ту пору не без оснований, Несторий считал своим союзником императора Феодосия. Западного императора Валентиниана, ввиду его малолетства, он не принимал всерьез. Своему старшему другу Иоанну Антиохийскому он писал тогда: «На Соборе, который мы надеемся иметь, ... мы устроим все дело без скандалов и согласно... Скоро, если будет угодно Богу, все будут хвалить наш образ действий, и он увенчается успехом»⁶¹⁸.

А император Феодосий, недостаточно изощренный в богословии, чтобы до конца понять логику христологической полемики, и вынужденный в этом, как и во многих других делах, полагаться на советников (это видно уже по тому, как резко, на прямо противоположную, изменилась впоследствии его позиция по отношению к разным участникам спора), озабочен был, как и в свое время святой Константин, тем только, чтобы в Церкви водворился мир, главным же виновником возникшего раздора и противостояния он действительно склонен был тогда считать Кирилла Александрийского. Это предубеждение возникло у него и ранее, под влиянием той информации, которая приходила к нему из Египта от его префекта Ореста. «Светские историки, – писал А. В. Карташев, – беспощадные к его церковному значению, рисуют Кирилла в очень мрачных красках как самолюбивого деспота и громителя языческого просвещения руками преданной ему варварской черни. Действительно, Кирилл по положению Александрийского епископа играл роль соправителя области вместе с гражданским губернатором Оре-

стом. Орест был другом языческого просвещения и административным миротворцем среди сталкивающихся элементов населения: язычников и иудеев с христианами, греков с коптами. Между тем монахи и чернь, провозглашавшие своим вождем и владыкой св. Кирилла, учиняли бунты, погромы и убийства, как, например, известное убийство ученой философессы Ипатии... Орест аттестовал его Константинополю как беспокойного администратора»⁶¹⁹.

Еще одной причиной, усугубившей недоверие к нему Феодосия уже во времена начавшегося спора, была попытка Кирилла заручиться поддержкой святой Пульхерии в ситуации, когда он не мог полагаться на самого императора. Как писал А. Тьерри, «Кирилл хорошо понимал, что вся эта гордая и высокомерная осанка Нестория в отношении к Кириллу держится... на расположении к нему императора и его двора. Чтобы... поколебать эту опору... Кирилл отправил к императору мемуары или записку «о вере» – «пери пистеос просфонитикос», в которой, изложив различные неправоые мнения о Лице Иисуса Христа... а в том числе и новое учение, проповедуемое Несторием, в форме выдержек из его сочинений, не называя его, однако, по имени, доказывал явную неправоту его... призывая императора содержать и охранять святую истину веры отцов, как основание мира и благоденствия государства, в неизменной чистоте и положить конец религиозным смутам, возмущающим Константинопольскую церковь. Но... в то же время послал другой мемуар о том же предмете «царственным девам», т.е. Пульхерии и ее сестрам, – мемуар, значительно отличающийся от первого и содержанием и формой, полный многочисленных цитат из отеческих творений, сопровождаемых учеными комментариями их. Этот второй мемуар, видимо, написан был в ином духе, чем первый, и невольно заставлял предполагать в составителе его гораздо большее уважение к правоте и богословскому знанию тех особ, к коим он был адресован. Это различие в характере, содержании и форме мемуаров не ускользнуло от внимания Феодосия, задело его самолюбие и возбудило сильное раздражение»⁶²⁰.

Решив созвать Собор, император в послании, адресованном Кириллу от собственного имени и от имени соправителя Валентиниана, высказал ему свои укоризны, обвинив его в попытках поссорить лиц императорской фамилии: «Какая была причина – иное писать к нам и к супруге моей благочестивейшей Августе Евдокии, и иное к сестре моей благочестивейшей Августе Пульхерии, если ты не думал, что мы находимся в разномыслии, или надеялся произвести разномыслие между нами письмами своими? Если бы такое разномыслие и было на самом деле, то из любопытства узнавать о нем человеку, столько от нас отдаленному, совершенно предосудительно. А если не было разногласия, то желать произвести его свойственнее всякому другому, чем лицу священному. Поистине это могло произойти от одного намерения и стремления произвести разделение в делах церковных и царских, как будто нет другого случая к достижению славы.... Церковь и государство находятся в союзе между собою и под влиянием нашим еще более будут соединены Промыслом Спасителя нашего Бога. Но и тебе мы даруем прощение, чтобы не было предлога и ты не мог сказать, будто за дело веры и благочестия ты подвергся порицанию. Мы желаем только, чтобы это дело на священном соборе было рассмотрено и решено так, как окажется лучше. Мы однако же не потерпим, чтобы города и церкви были в смятении и чтобы осталось неисследованным учение»⁶²¹. Хотя Кириллу и было даровано императором прощение, но он явным образом обращается к нему как лицу, не заслуживающему доверия, как ошельмованному: «Посему и твое благоволение должно прибыть к тому времени, какое назначено будет другими грамотами, посланными ко всем епископам главных городов, и не надейся иначе возвратить наше благоволение, как только, если оставишь все оскорбительное для других и возмутительное, добровольно явишься для исследования вопросных предметов... Да если б ты и пожелал сделать иначе, мы не потерпим»⁶²².

Собор, как можно заключить из текста послания, замышлялся Феодосием не только для исследования

«вопросных предметов», но и в связи с ними для суда над Кириллом. Другой человек, получив столь тяжкие укоризны и угрозы от императора, повергся бы в страх и тревогу, но не святой Кирилл. Сознывая свою правоту, он готовился дать бой своим врагам, в которых он видел заодно и врагов православной веры. Преподобный Исидор Пелусиот, озабоченный разрастающейся церковной смутой, призывал его к большему миролюбию: «Тебя упрекают в желании мстить скорее за личные неприятности, чем за бедствия Церкви. Я слышу, как повторяют с разных сторон: Кирилл – племянник Феофила, он подражает образу действия своего дяди, ожесточенного гонителя Иоанна Златоуста, и ищет, подобно ему, славы в спорах... Заклинаю тебя, как твой отец по летам и как твой сын по сану, прекратить раздоры и ссоры и не переносить на бессмертное тело Церкви личных оскорблений, которые могут нанести тебе смертные люди»⁶²³.

Императорской сакрой от 19 ноября 430 г. созыв Собора назначался на ближайшую Пятидесятницу, которая приходилась на 7 июня 431 г. Для участия в соборных деяниях приглашались из каждой провинции митрополиты с немногими епископами. В действительности, однако, епископы Запада, потрясенного тогда варварскими вторжениями, на Собор не приехали, кроме тех, которые занимали кафедры на Сицилии. Папа направил на Собор легатов, а примас Африканской церкви Капреол прислал своим представителем одного из диаконов Карфагена Весулу. Император велел выслать особое приглашение самому авторитетному из богословов запада Августину Иппонийскому, но пригласительное письмо не застало святителя – блаженный Августин преставился в канун Собора.

Местом проведения Собора император назначил Эфес, и этот выбор оказался, чего он сам, очевидно, не предвидел, крайне неблагоприятным для дела Нестория: по преданию, именно в этом городе завершилась земная жизнь Божией Матери, последовавшей туда за апостолом Иоанном Богословом, которого Сам Господь, распятый на Кресте, усыновил Ей. И от апостольского века христиане Эфеса чтили Божию Матерь с особенной ревностью. Ей посвящен был

кафедральный храм города, а архиепископ Эфеса Мемнон, первенствовавший над митрополитами Азийского диоцеза, был единомышленником Кирилла. Для эфесских христиан Несторий, отвергавший правомерность именованя Небесной покровительницы их города Богородицей, был очевидным еретиком и кощунником.

Несторий прибыл в Эфес одним из первых. Кроме свиты, его сопровождал назначенный императором своим представителем на Соборе комит Кандидиан и еще один комит, Ириней, который был его почитателем, а впоследствии стал епископом у несториан, когда они были уже отлучены от Церкви. Архиепископ Мемнон не позволил Несторию совершать богослужение в городских церквах и даже входить в них как заведомому еретику, или попросту чтобы уберечь его от скандала, потому что отношение к нему эфесской паствы было ему хорошо известно.

Вслед за тем морем в Эфес прибыл святой Кирилл вместе с 46 епископами Египта, а также с множеством клириков, монахов и так называемых параваланов, прямым служением которых был уход за больными, но которые также составляли свиту своего епископа и при этом считали своим долгом его защиту от угрожавших ему опасностей. Нередко параваланы под предлогом такой защиты сами действовали агрессивно. Столь широкое представительство на Соборе Александрийской церкви (речь идет, естественно, о епископах, а не о монахах и параваланах), по видимости, расходилось с распоряжением императора митрополитам взять с собой лишь нескольких епископов, но в действительности в этом отношении ситуация с Александрийской церковью имела свои особенности. «Александрийский епископ, – по словам

В. В. Болотова, – имел под своим управлением все египетские области (оба Египта, две Августамники, Аркадию, две Фиваиды, две Ливии). Во всех их он занимал положение митрополита; он своею рукою рукополагал всех епископов. Следовательно, в египетских провинциях не было в собственном смысле митрополитов (т.е. имевших право председательствовать на соборах, рукополагать епископов):

всех утверждал епископ Александрийский... Кирилл приглашали с митрополитами, которых не было, а поэтому Кирилл должен был привезти по несколько епископов из каждой провинции, откуда получилось 46 епископов, число далеко не ужасное»⁶²⁴. 35 епископов представляли на Соборе Азийский диоцез, и все они были единомышленниками Кирилла. Епископы из балканских и понтийских провинций придерживались разной ориентации – среди них были сторонники и противники Нестория. На стороне Кирилла были 15 епископов Палестины во главе с Ювеналием Иерусалимским, прибывшие с 5-дневным опозданием. Епископы Востока, или Сирии, выехавшие на Собор в числе 35, опаздывали капитально.

Пока участники Собора съезжались в Эфес, на улицах вспыхивали стычки между приехавшими в город лицами из свиты и вооруженной охраны Нестория, с одной стороны, и горожанами, а также египетскими монахами, параваланами и александрийскими моряками – с другой. Архиепископ Кирилл стал настаивать на скорейшем открытии Собора. Он не хотел дожидаться приезда восточных. Его право на председательство, которое он имел и ввиду ранга его кафедры, и потому, что папа Римский Целестин поручил ему говорить и действовать от своего имени, назначив его своим заместителем, и потому также, что занимавший второй по диптиху вслед за Римским Константинопольский престол Несторий, в соответствии с постановлениями Римского и Александрийского Собора подлежал церковному суду, могло бы быть оспорено в случае присутствия на Соборе Иоанна Антиохийского, чья кафедра занимала в диптихе четвертое место, поскольку по косвенному смыслу императорской грамоты, адресованной Кириллу, он должен был представить Собору оправдания, но поскольку прямым образом в императорской сакре о суде над Кириллом речь не шла, присутствовавшие участники Собора согласились с председательством Кирилла. Находясь в Эфесе, Несторий отказывался участвовать в деяниях Собора до приезда восточных во главе с Иоанном, тем более в роли подсудимого.

Представитель императора Кандидиан протестовал против намерения большинства съехавшихся участников Собора

открыть заседания, не дожидаясь епископов из Сирии. Протестовали также 68 епископов, значительное большинство которых составляли сторонники и единомышленники Нестория. Тем не менее утром 22 июня по приглашению Кирилла и Ювеналия Иерусалимского как высших по положению иерархов в соборном храме Святой Марии собралось около 160 епископов. Святитель Кирилл занял место председателя. Посреди храма на высоком аналое положено было Евангелие. И вдруг в церковь вошел Кандидиан в сопровождении воинского отряда и нескольких епископов, представлявших группу противников безотлагательного созыва Собора.

Кандидиан объявил собравшимся: «Повеления благочестивейшего нашего императора воспрещают частные собрания, этот источник несогласия и расколов, и требуют для составления Собора присутствия возможно большего числа епископов. Но вы сами видите, что многих из них еще недостает, и прибытие их ожидается с часу на час; итак, вы не составляете Собора, вы только частное собрание, и я приглашаю вас немедленно разойтись»⁶²⁵. Тогда собравшиеся стали требовать от Кандидиана, чтобы он огласил императорскую сакру, на основании которой он воспрещает открытие Собора. Кандидиан вначале отказывался это сделать, сказав, что прочтет ее лишь перед законно составленным Собором. Поднялся шум. «Как же вы хотите, – говорили Кандидиану, – чтобы мы повиновались императорской воле, когда мы не знаем того, что он повелевает?»⁶²⁶. И тогда Кандидиан, не подозревая ловушки, выполнил это требование и огласил на латинском языке, которого значительное большинство отцов Собора не понимало, текст грамоты: «Самодержавные императоры Феодосий и Валентиниан, победоносные, торжествующие, великие, достопочтенные, августейшие, святому Собору. Много заботимся мы обо всем общепольном, по преимуществу о том, что относится до благочестия; ибо благочестие доставляет людям и прочие блага. ... Посему знатнейшему придворному сановнику нашему Кандидиану повелено прибыть к вашему святейшему Собору, с тем однако же, чтобы он нисколько не вмешивался в происходящее исследование о догматах... а с

другой стороны, чтобы он как мирян, так и монахов, и собравшихся уже, и имеющих еще собраться, всячески отдалял от самого города... равно он должен будет заботиться и о том, чтобы от неприязненных взаимно расположений разномыслие не дошло до больших размеров»⁶²⁷.

Когда сакра была затем оглашена в переводе на греческий язык, один из епископов сказал: «Теперь, когда мы знаем священную грамоту, мы намерены в точности сообразовываться с желанием нашего всемилостивейшего и благочестивейшего императора, и первым предметом наших рассуждений поставляем вопросы о вере; вследствие этого мы приглашаем светлейшего комита благоволить оставить собрание»⁶²⁸. Кандидиан, поздно спохватившись о собственном промахе, вынужден был удалиться, но, разумеется, донес в Константинополь о незаконности открывшегося в Эфесе собрания без участия восточных епископов.

Соборный протонотарий (глава секретариата) александрийский пресвитер Петр доложил отцам собора о главном предмете соборных деяний – лжеучении Нестория и о документации по этому делу, а затем, по предложению святителя Иерусалимского Ювеналия, огласил императорскую сакру, адресованную митрополитам. В самом начале деяний поставлено было два процессуальных вопроса исключительной важности – дожидаться ли прибытия восточных и можно ли судить Нестория в его отсутствие. Архиепископ Эфесский Мемнон напомнил Собору, что от срока открытия Собора, назначенного императорской сакрой, прошло уже 16 дней, а святой Кирилл сказал: «Святой и великий собор довольно времени провел в ожидании прибытия боголюбнейших епископов, на прибытие которых надеялся. Но как из епископов одни подверглись болезни, а некоторые и умерли, и время уже выполнять предназначенное нам дело, и для пользы всей поднебесной исследовать учение веры: то да прочтутся по порядку хартии, относящиеся к этому предмету»⁶²⁹.

В связи с отсутствием Нестория было доложено, что приглашение на Собор ему доставили, но он не дал определенного ответа о своем намерении участвовать в

соборных деяниях. Решено было направить к нему делегацию Собора, она вернулась с таким его ответом: «Когда соберутся все епископы, тогда и мы выйдем к ним»⁶³⁰. Вместе с приглашением, высланным до открытия Собора, это был уже второй вызов. Каноническая возможность для заочного суда над ним требовала троекратного отказа явиться на суд, но «депутация епископов с 3-м письменным приглашением даже не была допущена к Несторию военными, подчиненными Кандидиану»⁶³¹.

Собор приступил к заочному рассмотрению дела Нестория. По предложению святителя Ювеналия был зачитан Никейский символ веры в его первоначальной редакции, а не в той, какая дана была символу на II Вселенском Соборе. Затем епископ Мелитинский Акакий предложил огласить 2-е послание святого Кирилла Несторию, после чего 125 участников Собора, начиная с Ювеналия Иерусалимского, краткими репликами признали его согласным с символом: «Феодор, епископ Аривильский, сказал: и я принимаю послание святейшего и праведнейшего епископа Кирилла, которое по содержанию хорошо и православно и сходно с верою святых отцев наших, сошедшихся в Никее»⁶³²... Фома, епископ Дервийский, из Ликаонии, сказал: и я держусь того, что согласно с верою св. отцев и с посланием, писанным святейшим и благочестивейшим архиепископом Кириллом; и я одинаково с ним мудрствую и верую»⁶³³.

Затем епископ Амасийский Палладий предложил зачитать ответное «послание достопочтеннейшего Нестория... чтобы нам видеть, согласно ли и оно с символом святых отцов никейских»⁶³⁴. Когда послание это было оглашено, святой Кирилл обратился к отцам Собора с вопросом, что думают они о его согласии с «верою, утвержденною... в Никее»⁶³⁵. Первым отвечал Ювеналий Иерусалимский: «Нисколько не согласно с благочестивою верою, изложенною св. отцами в Никее: анафематствую тех, кто так верует; ибо все это чуждо православной вере»⁶³⁶. И затем аналогичные по содержанию ответы, сопровождавшиеся анафемами, один за другим давали другие участники Собора. Затем были зачитаны послание папы

Римского Целестина Несторию и ему же адресованное 3-е послание святого Кирилла, которые вызвали общее одобрение.

По просьбе председательствовавшего архиепископа Кирилла два участника Собора, Акакий Мелитинский и Феодот Анкирский, в прошлом дружелюбно относившиеся к Несторию и имевшие возможность встретиться с ним уже в Эфесе, накануне открытия Собора, и пытавшиеся убедить его отказаться от своих заблуждений, доложили о высказываниях Нестория, сделанных в ответ. «Скорблю о друге, – сказал Феодот, – но всякой дружбе предпочитаю благочестие. Как в послании он упорно отвергал, что Богу Слову, то есть Единородному, можно приписывать что-либо человеческое, считая это унижением для Него, так и в разговоре повторял то же самое. Как там утверждал, что о Боге нельзя говорить, что Он питался млеком или родился от Девы: так и здесь неоднократно говорил, что о Боге нельзя сказать, что Он – двух или трех месяцев»⁶³⁷. А по словам Акакия, утверждавшего, что он «более всех любил господина Нестория»⁶³⁸, тот в беседе с ним «нелепыми вопросами своими старался принудить собеседников или совершенно отвергнуть, что Божество Единородного воплотилось, или допустить ни с чем не сообразную мысль, что вместе с Богом Словом воплотилось и Божество Отца и Святого Духа... Потом, при другой беседе, вступил в разговор один из бывших с ним епископов, который утверждал, что иной есть Сын, претерпевший страдания, и иной – Бог Слово... Еще другой из бывших с ним оправдывал иудеев, утверждая, что они согрешили не против Бога, но против человека»⁶³⁹.

По предложению епископа Флавиана были оглашены выдержки из творений отцов, прямо или косвенно относящиеся к христологической теме: священномученика Киприана Карфагенского, святых Петра и Афанасия Александрийских, Феофила Александрийского, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, зачитаны были также под именами Римских пап Феликса и Юлия тексты, в действительности принадлежавшие последователям Аполлинария, послание к Собору епископа Карфагенского Капреола. При сопоставлении оглашенных

текстов с тут же зачитанными отрывками из проповедей Нестория выявились его расхождения с отцами. На этом основании отцы Собора изрекли обвинительный приговор: «Господь наш Иисус Христос, на которого он изрыгал хулы, устами сего Святейшего Собора определяет лишить его епископского сана и отлучить от общения церковного»⁶⁴⁰. Под этим актом поставили подписи 197 епископов.

Когда отцы Собора ночью уже расходились из храма святой Марии, огромная толпа, собравшаяся вокруг церкви с самого утра, узнав о вынесенном приговоре, с ликованием приветствовала их. Колонны благочестивых горожан с зажженными факелами, с курящимися кадильницами сопровождали епископов до домов, где они остановились. На следующий день, 23 июня, Несторию выслано было сообщение о состоявшемся над ним приговоре, составленное в исключительно энергичных выражениях: «Святый Собор, собранный благодатию Божиею, по повелению благочестивейших и христолюбивейших наших императоров в митрополии Ефесе, Несторию, новому Иуде. Знай, что ты, за нечестивые твои проповеди и противление канонам, в двадцать второй день текущего месяца июня, на основании церковных правил, низложен святым Собором и лишен всякой церковной степени»⁶⁴¹. В последующие дни отцы Собора совершали богослужения в церквях Эфеса и произносили в них обличительные проповеди против ереси Нестория, излагая православное учение о Боговоплощении.

От лица Собора было составлено донесение о его деяниях императорам Феодосию и Валентиниану. Со своей стороны Несторий и 10 его единомышленников (Фритил Гераклеяский, Елладий Тарсийский, Дексиан Селевкийский, Имерий Никомидийский, Александр Апамейский, Евфирий Тианский, Василий Фессалийский, Максим Аназаврский, Александр Иерапольский и Дорофей Маркианопольский) направили императорам послание, в котором происшедшее расценивалось как нетерпимое беззаконие, а его главным виновником назван был Мемнон. Он, как говорилось в этом послании, «запер для нас св. церкви... чтобы мы, в случае гонения, не могли найти в них убежища, им же напротив открыл великую церковь и

устроил там места для заседаний, угрожая в то же время всем нам смертью»⁶⁴².

Между тем 25 июня в Эфес наконец прибыли восточные епископы во главе с Иоанном Антиохийским, «в жалких одеждах, истомленные от пути и покрытые пылью, одни из них были верхом на лошадях, другие на носилках»⁶⁴³. У городских ворот они были встречены комитом Иринеем с эскортом, предоставленным Кандидианом. Иринеи рассказал прибывшим обо всем, что произошло в Эфесе, пока они находились в пути, обвинив Кирилла в отказе дожидаться их прибытия и до тех пор не открывать Собор. Архиепископ Иоанн с согласия своих спутников решил провести альтернативный собор. Когда к колонне восточных приблизилась делегация участников состоявшегося Собора, чтобы доложить о низложении Нестория и предупредить приехавших о недопустимости общения с ним, Иоанн отказался встретиться с нею, догадываясь о том, что он услышит.

В самый день своего приезда Иоанн открыл в доме, который был отведен для его пребывания в городе, соборное заседание. В нем участвовали его спутники и еще несколько епископов, ранее находившихся в Эфесе и либо прямо поддерживавших Нестория, либо по иным причинам не согласных следовать за Кириллом и потому не участвовавших в состоявшемся уже Соборе. Всех участников собрания под председательством Иоанна в епископском сане оказалось 43. В собственных актах это собрание, не называя себя Вселенским Собором, именуется «святым собором Восточного диоцеза и епархий Вифинии, Писидии, Пафлагонии, Каппадокии Второй, Европы, Родопы, Фессалии и Дакии»⁶⁴⁴. Это перечень не епархий в нашем смысле слова, а церковных областей, возглавляемых митрополитами, и тех только из них, которые находились за пределами Восточного, или Сирийского диоцеза.

На собрании под председательством Иоанна присутствовал Кандидиан. Вначале заслушана была императорская сакра. Кандидиан и епископы, ранее находившиеся в Эфесе, доложили обо всем, что произошло до приезда восточных. В ходе состоявшегося затем обсуждения действия, совершенные

Кириллом и Мемноном, были расценены как незаконные и преступные, приговор Собора по делу Нестория объявлен недействительным, а учение, содержащееся в «Главах» Кирилла с их анафематизмами, признано было еретическим. По предложению Иоанна Антиохийского вынесен был обвинительный приговор: «Святой собор, милостью Божиею собравшийся в Ефесе по грамоте благочестивейших и христолюбивых императоров наших, определяет следующее: мы хотели, чтобы... собор совершался мирно. Но вы, побуждаемые дерзостью, бесчинием и еретическим образом мыслей, собрались отдельно... и произвели всякого рода замешательства в городе и святом соборе с тою целью, чтобы не подвергались исследованию главы, согласные с зловерием и нечестием Аполлинария, Ария и Евномия... Посему ты, Кирилл Александрийский, и ты, Мемнон, епископ сего града, знайте, что вы низложены, лишены епископства и отлучены от всякого церковного священнодействия, как зачинщики и вожди беспорядка и беззакония, виновники нарушений отеческих правил и императорских предписаний. Вы же, все прочие, согласившиеся с теми нарушителями церковных правил и императорских предписаний, да будете отлучены, пока, сознавши свою вину, не раскаетесь... пока не предадите проклятию еретические главы, изданные Кириллом Александрийским, противные евангельскому и апостольскому учению»⁶⁴⁵. Под этим актом первую подпись поставил Иоанн Антиохийский, подписались также 13 митрополитов, а всего 43 епископа, и среди них такой выдающийся богослов, как Феодорит Кирский.

Отчет об отлучении святого Кирилла и епископа Эфесского Мемнона был направлен императору Феодосию, а также – в отдельных посланиях – августам Пульхерии и Евдокии, клиру, сенату и народу Константинополя, декурионам Эфеса с призывом провести избрание нового предстоятеля Эфесской церкви взамен низложенного Мемнона. Объявления об отлучении Мемнона были развешены на городских площадях и перекрестках, но жители города их срывали с негодованием. Восточных епископов не впускали в городские церкви, когда же они попытались войти в храм Апостола Иоанна Богослова, то

им силой воспрепятствовали сделать это. Префекту Востока они направили жалобу на чинимые над ними насилия: «Мы дошли до крайних бедствий и ежедневно видим смерть перед своими глазами... как во время войны, мы находимся в постоянном страхе нападений; жилища наши уже не один раз отмечались зловещими знаками, угрожавшими нападениями; нас держат в осадном положении, препятствуют собираться вместе»⁶⁴⁶.

О происшедшем в Эфесе императору сделал обстоятельный доклад комит Кандидиан. В то же время в столицу поступали и доносы на комитов Кандидиана и в особенности Ириней, которого обвиняли в прямой поддержке Нестория. Своей сакрой от 29 июля император отменил все решения, принятые в Эфесе, и повелел епископам, собравшимся в этом городе, не разъезжаться, пока они не завершат «рассмотрение догматов благочестия». Ввиду противоречивости поступающих сведений император распорядился послать в Эфес своего посланца Палладиана для расследования ситуации на месте и, чтобы оградить представителей верховной власти от оскорблений, на время была запрещена корреспонденция между Эфесом и столицей. Въезжающие в Константинополь путешественники подвергались досмотру, с тем чтобы изымались письма, касающиеся положения дел, связанных с Собором в Эфесе.

Но сторонники Кирилла Александрийского нашли способ обойти эту полицейскую меру. Кирилл составил послание своим единомышленникам в столице – епископам, пресвитерам и монахам и поручил одному городскому нищему доставить это письмо константинопольскому архимандриту Далмату. Нищий спрятал послание в узловатой палке, с которой и отправился на корабле. Чиновники, досматривавшие багажи приезжавших в столицу, не заподозрили одетого в рубище нищего, которого моряки из милости бесплатно довели до Константинополя, а тот немедленно по прибытии в гавань отправился к Далмату.

Это был в прошлом офицер из дворцовой стражи Феодосия Великого, который, приняв после смерти жены и детей постриг, дал обет до самой кончины безвыходно пребывать в монастыре.

48 лет он не выходил из обители, но полученное им известие настолько встревожило его, что он решил нарушить обет и отправиться к императору. Духовный авторитет подвижника был велик, и Феодосий принял его. На этой аудиенции Далмат передал императору послание отцов Собора, на котором председательствовал святой Кирилл, и сказал: «Справедливо ли это, благочестивейший Август, чтобы голос одного нечестивца (он обозначил этим именем комита Кандидиана) имел для вашей совести больше значения, чем голоса шести тысяч епископов, распространенных по всей вселенной, которые следуют учению отцов, собранных в Эфесе?»⁶⁴⁷. Далмат добился от Феодосия разрешения официальным посланцам Собора прибыть в Константинополь, чтобы со своей стороны доложить императору о происшедшем в Эфесе. Это распоряжение было изложено в грамоте, которую Далмат взял с собой.

При выходе из дворца его поджидали собравшиеся у ворот монахи и миряне. И все вместе они с зажженными свечами направились в церковь Святого Мокия. По пути к процессии присоединялись новые люди. Шествовавшие воспевали 150 псалом: «Хвалите Господа во святых Его», а время от времени раздавались крики: «Анафема Несторию». В храме Святого Мокия было оглашено послание отцов Собора во главе с архиепископом Кириллом. Затем архимандрит Далмат с амвона рассказал народу о своей аудиенции у императора. Свою речь он закончил словами: «Я уверен, что император последует внушению Бога и святого Собора, а отнюдь не развращенным людям; итак, молитесь, братья, за императора и за нас». В церкви снова раздался крик «анафема Несторию»⁶⁴⁸. Такая реакция соответствовала настроению большинства жителей столицы. Константинопольская паства, в которой раньше было немало сторонников у Нестория, была им явным образом потеряна.

Когда в Эфесе узнали о принятом императором решении, отцы Собора направили в столицу двух епископов из Египта: Феопемпта Кабазского и Даниила Дарнийского, позже в Константинополь прибыл синкел архиепископа Кирилла и его

личный врач Иоанн. В свою очередь с посланием к императору от лица участников «собора Восточных» отправился комит Ириней. Император принимал тех и других, обсуждал положение дел с Собором в императорской консистории, выслушивал противоречивые советы. Его прежнее доверие Несторию было поколеблено. Едва ли понимая до конца богословскую суть спора, он начинал уже видеть именно в Нестории зачинщика потрясшей Церковь и империю смуты, но не спешил и становиться на сторону Кирилла. В Эфес император решил направить комита Иоанна с поручением всеми силами добиться примирения враждующих сторон.

Между тем в Эфес прибыли легаты папы Римского Целестина: епископы Аркадий и Прокт и пресвитер Филипп. 10 июля в резиденции епископа Мемнона под председательством святителя Кирилла состоялось второе заседание Собора. Восточных во главе с Иоанном Антиохийским на это деяние не пригласили. В самом начале заседания было оглашено послание папы Целестина, адресованное Вселенскому Собору, вначале на языке подлинника и затем в переводе на греческий. Епископ Рима в нем выражал поддержку отцам Собора и призывал их хранить кафолическую веру и защищать спокойствие церквей. За чтением послания последовали приветственные аккламации: «Это суд справедливый! Весь собор благодарит нового Павла – Келестина, нового Павла – Кирилла, Келестина стража веры, Келестина единогодушного с собором! Один Келестин, один Кирилл, одна вера собора, одна вера Вселенной!»⁶⁴⁹. На следующий день состоялось третье деяние Собора, на котором легаты Целестина ознакомились с соборным приговором по делу Нестория и после его повторного оглашения поставили под актом об отлучении свои подписи.

На соборных заседаниях, состоявшихся 16 и 17 июля, рассматривалась жалоба, поданная святым Кириллом и Мемноном, на свое осуждение «собориком» восточных во главе с Иоанном Антиохийским. «Поскольку епископ Иоанн, несмотря на трехкратное приглашение прибыть и дать отчет о своих поступках, так и не явился на заседание Собора, он вместе с 33 его сторонниками был объявлен отлученным от церковного

общения вплоть до раскаяния, а противозаконное низложение святителя Кирилла и епископа Мемнона – «не имеющими совершенно никакой силы»»⁶⁵⁰.

На последовавших затем соборных деяниях, состоявшихся до конца июля, рассматривались вопросы, связанные с символом веры, составленным пресвитером Харисием, со статусом Кипрской церкви и другие темы. В результате были приняты постановления дисциплинарного содержания, из которых впоследствии было составлено 8 канонов. Первые 6 правил были изданы на 7-м, или последнем, заседании Собора 31 июля 431 г. Все вместе они составляют заключительную часть соборного послания, адресованного епископам, пресвитерам, диаконам и мирянам Вселенской Церкви, разделенную при редактировании соборных актов на 6 правил. 7 правило было издано на 6-м заседании Собора – 22 июля, 8 – на 7-м заседании в связи с жалобой кипрских епископов Ригина, Зинона и Евагрия на действия Антиохийского епископа Иоанна, который стремился подчинить своей юрисдикции Кипрскую церковь. В канонические сборники Западной Церкви правила Эфесского Собора не вошли. В отдельных латинских рукописях встречаются лишь отрывки из соборных определений, иные, чем те, которые получили канонический авторитет на Востоке.

Первые 6 канонов Эфесского Собора предусматривают прещения для епископов и клириков, приверженных ереси Нестория, а также ереси Целестия, который разделял воззрения Пелагия относительно первородного греха, более известную поэтому как пелагианство. При этом 1 правило предусматривает предавать суду и извергать из сана митрополитов, принявших учение Целестия, 2-е касается отступников из числа епископов, для которых предусмотрено аналогичное прещение, 3-е объявляет недействительными какие-либо прещения, уже наложенные или впредь могущие быть наложенными Несторием и «его сообщниками», 4 канон подвергает извержению из сана всех клириков, которые держатся ереси Нестория и Целестия, 5-й – провозглашает недействительность пересмотра дел клириков, осужденных самим Эфесским Собором или иной законной церковной властью, со стороны Нестория и его «единомышленни-

ков», и, наконец, 6 правило осуждает всякого клирика и мирянина, пытающегося нарушить определения Собора, угрожая клирикам извержением из сана, а мирянам – отлучением от церковного общения.

В 7 правиле говорится о том, как следует хранить неповрежденной никейскую веру. В сокращенном изложении Аристина это пространное правило имеет такой вид: «Епископ, проповедующий другую веру, кроме Никейской, лишается епископства, а мирянин изгоняется из Церкви. Тот, кто, кроме веры, составленной святыми отцами, собравшимися в Никее, предлагает иной нечестивый символ на развращение и на пагубу обращающихся к познанию истины из эллинства или иудейства или от какой бы то ни было ереси, если мирянин, должен быть предан анафеме, а если епископ или клирик, должен быть лишен епископства и служения в клире». Прямой смысл канона заключается в запрете самовольного составления символов веры, подобных тому, который был представлен неким Харисием. Впоследствии это правило использовалось православными полемистами против латинского искажения Никеоцареградского символа добавлением в него *filioque*.

Наконец, последнее, 8 правило Собора утверждает автокефалию Кипрской церкви, которая оспаривалась Антиохийской кафедрой, притязавшей на юрисдикцию над Кипром. Поучительно положение, которым оканчивается это правило: «То же да соблюдается и в иных областях, и повсюду в епархиях; дабы никто из боголюбнейших епископов не простирал власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников; но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную: да не преступаются правила отец; да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския; и да не утратим по малу, не приметно, тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков».

В канонических сборниках вслед за правилами Эфесского Собора помещают послание Собора «К священному Собору Памфилийскому о Евстафии, бывшем их митрополите». Это

послание составлено в связи с делом епископа Евстафия, который вначале подал письменное отречение от своей кафедры, после чего она была замещена другим епископом – Феодором, а потом просил Собор сохранить за ним сан епископа без всякого права на управление епархией. Собор удовлетворил эту его просьбу по снисхождению, из икономии, подтвердив однако содержащийся в ряде канонов принцип, который заключается в недопустимости произвольного оставления своей церкви епископом.

В начале августа в Эфес прибыл посланец императора комит Иоанн, на которого возложена была обязанность добиться примирения епископов, разделившихся на враждующие партии. Миссия эта однако на тот момент оказалась неисполнимой. Приглашенные комитом в его резиденцию для заслушивания императорской сакры и совместных поисков выхода из сложившейся ситуации епископы отказывались участвовать в совещании, ссылаясь на обоюдные отлучения: святой Кирилл и его сторонники – на отлучение Нестория и Иоанна, а восточные – на отлучение Кирилла. О том, что происходило тогда в Эфесе, комит Иоанн докладывал Феодосию: «Несторий явился почти вместе с зарею, пришел Иоанн благочестивейший епископ и Кирилл со всеми благочестивейшими епископами; не было только одного Мемнона. Тогда начались шум и смятение. Пришедшие с Кириллом говорили, что не должно сносить и вида Нестория, который отлучен ими... А святейшие епископы, бывшие с благочестивейшим епископом Иоанном, настаивали на том, что Кириллу не следует присутствовать при чтении послания, так как он вместе с Мемноном отлучен ими. Таким образом, об этом был великий спор... Я не знаю, откуда взялось у них такое ожесточение»⁶⁵¹.

Действуя в соответствии с инструкцией, данной императором, Иоанн приказал арестовать Кирилла, Мемнона и Нестория, и уже в их отсутствии зачитана была императорская грамота своеобразного содержания. В ней Феодосий признавал одинаково действительными акты Собора под председательством Кирилла Александрийского и собрания во главе с Иоанном Антиохийским об отлучении Нестория, Кирилла

и Мемнона, делая вид, что эти решения идут от согласной воли одного и того же Собора: «Мы одобрили произнесенные вашею святостью отлучения Нестория, Кирилла и Мемнона. Относительно же прочего мне известно, что вы сохраняете христианскую веру и православное учение, принятое нами от отцов и дедов и утвержденное святейшим собором, бывшим при блаженном Константине»⁶⁵².

Восточные выразили готовность подчиниться императорскому указу, но настаивали на осуждении 12 глав Кирилла, в которых они по-прежнему усматривали совокупность ересей – апполлинарианской, арианской и евномианской. Сторонники Кирилла не могли примириться с его осуждением и ходатайствовали об освобождении святителя, равно как и Мемнона Эфесского. Для продолжения переговоров комит Иоанн предложил обеим сторонам направить по 8 представителей в Константинополь. Делегацию сторонников содержавшегося под стражей Кирилла возглавил святитель Ювеналий Иерусалимский. В ее составе находились также папские легаты епископ Аркадий и пресвитер Филипп. Делегацию восточных возглавил Иоанн Антиохийский.

Среди других делегатов вместе с ним был и Феодорит Кирский. Делегации направились в столицу разными путями: сторонники святого Кирилла – морем, а восточные – по суше. При подъезде к Константинополю те и другие были приглашены в пригород столицы Халкидон для встречи там с императором. В столицу их решено было не впускать из-за опасений вызвать волнения, особенно в монашеской среде, которая вся почти стояла на стороне Кирилла. Подобную же позицию занимал и епископ Халкидона, не пускавший делегатов «восточной» партии в городские храмы, так что они совершали богослужения в частном доме; блаженный Феодорит произносил проповеди догматического содержания, заостренные против анафематизмов Кирилла. Они вызывали интерес у многих жителей города, приходивших туда послушать красноречивого и искусного богослова.

Тем временем, выполняя поручение Феодосия, префект претория Антиох, состоявший ранее в дружеских отношениях с

Несторием, направил ему письмо, в котором говорилось, что «император, принимая в соображение выраженное архиепископом желание жить в уединении, позволяет ему оставить Эфес и выбрать по своему желанию как место убежища своего, так и путь, по которому намерен туда отправиться; а для того, чтобы избавить его от всяких забот и неприятностей, ему дается стража для охранения и предоставляются в распоряжение его государственные перевозные средства»⁶⁵³. Несторий правильно понял, что это в деликатной форме составленный приказ о ссылке. Он подчинился, выразив пожелание отправиться в антиохийский монастырь Евпрепии, откуда незадолго до этого он был вызван в столицу империи. Но в своем ответе он настаивал только на том, чтобы император публично осудил заблуждения Кирилла. Несторий был отправлен в Антиохию, а Кирилл и Мемнон остались под арестом в Эфесе.

Переговоры в Халкидоне зашли в тупик. Условием примирения Иоанн и его сторонники по-прежнему ставили осуждение богословских заблуждений Кирилла, а их оппоненты настаивали на том, чтобы еще до начала богословской дискуссии были освобождены архиепископы Александрийский Кирилл и Эфесский Мемнон. В конце концов император решил прекратить переговоры, приказав представителям восточных оставаться в Халкидоне, а делегатам Вселенского Собора последовать за собой в Константинополь для избрания и посвящения нового предстоятеля столичной Церкви. По существу дела это обозначало победу святого Кирилла, но он по-прежнему содержался под арестом в Эфесе. Иоанн Антиохийский и его сторонники пытались предотвратить ставший уже очевидным исход конфликта: «Мы нашли необходимым уведомить настоящим посланием ваше благочестие... что если кто-нибудь из еретичествующих будет определен в должность прежде, нежели будут рассмотрены правые догматы, то необходимо расстроится все тело церкви, при общем разногласии клира и народа. Ибо никто из благочестивых не согласится принять еретичествующих в общение и погубит собственное спасение»⁶⁵⁴. Предупреждение это однако било мимо цели, потому что значительное большинство жителей столицы,

большинство христиан на Балканах, в Асийском и Понтийском диоцезе, в Палестине, и фактически весь христианский Египет и Запад стояли на стороне святого Кирилла, сторонники которого названы в этом послании «еретичествовыми», так что если бы император оставался, как в начале конфликта, на стороне восточных, то, поддерживая их властной рукой, он столкнулся бы с несравненно более массовым и жестким сопротивлением. Поэтому Феодосий оставил без последствий предостережение восточных, в котором в завуалированной форме содержалась угроза, не подкрепленная однако реальной силой.

Император принял решение закрыть Собор, и «почти одновременно были опубликованы противоречащие одна другой сакры: согласно первой, Собор распускался по домам, но святитель Кирилл и епископ Мемнон объявлялись низложенными... по второй – они признавались епископами наравне с остальными, император отказывался осудить «восточных» и просил отцов Собора позаботиться о восстановлении церковного мира»⁶⁵⁵. В действие приведена была вторая императорская сакра.

В Константинополе состоялось избрание нового предстоятеля и затем, 25 октября 431 г., хиротония избранного собором епископов, приехавших вместе с императором из Халкидона, престарелого константинопольского пресвитера Максимиана, который был родом из Рима и в детстве дружил с Целестином, ставшим папой. Переехав в новую столицу империи, он сблизился там со святым Иоанном Златоустом. Святой Максимиан не отличался выдающимися способностями, но пользовался уважением в среде духовенства и народа за свою аскетическую жизнь и благотворительность – он на свой счет сооружал саркофаги для погребения малоимущих христиан, известных своим благочестием. При избрании архиепископа другим кандидатом был еще один почитатель Иоанна Златоуста, знаменитый своим красноречием и глубиной богословских познаний святой Прокл, но и на этот раз, как это случалось и прежде, он должен был уступить другому избраннику. После своего избрания святой Максимиан вступил в общение со святителем Кириллом. Затем вместе с архиеписко-

пом Кесарийским Фирмом он низложил четырех митрополитов, кафедры которых находились в пределах Понтийского и Фракийского диоцезов: Дорофея Маркианопольского, Имерия Никомидийского, Евфирия Тианского и Элладия Тарсийского за их упорство в поддержке Нестория. Император распорядился освободить Кирилла и Мемнона из-под стражи. 30 октября святой Кирилл с триумфом возвратился в свой кафедральный город.

Иоанн Антиохийский и его единомышленники, искренне убежденные в правоте своих подозрений относительно православия Кирилла, были обескуражены таким исходом противостояния с ним. Еще раз они пишут императору послание, исполненное обиды и горьких укоров: «Мы не таких последствий ожидали от призвания нас сюда вашим благочестием... Но наша скромность, по-видимому, нисколько не послужила нам в пользу, а еще более повредила нам. Ибо мы, так повинующиеся вам, до настоящего дня были удерживаемы в Халкидоне, а теперь увольняемся домой. А те, которые все привели в смятение и весь мир наполнили возмущением, которые стараются уничтожить церкви и открыто гонят благочестие, отправляют священнические должности, собирают народ в церкви и, по их мнению, имеют власть управления. ..., производят в церкви возмущения, и то, что дано в пользу бедных, издерживают на своих воинов... Но ты поставлен императором не над ними только, а и над нами. Ибо Восток, в котором всегда сияла правая вера, составляет немалую часть твоей империи, а с ним и другие провинции и епархии, из которых мы сюда собрались... Бог будет помощником вам во всем, если вы будете заботиться о благочестивых Его догматах и не позволите расторгать тело церкви. А оно расторгается, если утвердится мнение, привнесенное в веру Кириллом и утверждаемое еретиками... Мы нашли необходимым снова донести вашему величеству, что те, которым позволено иметь церкви, учат в церквях тому же, чему учили Арий, Аполлинарий и Евномий... и погубляют души приходящих и слушающих их... Мы... просим ваше величество внять нашим мольбам и не позволять никаких прибавлений к вере святых отцов никейских. Но, если и после

этой просьбы... ваше благочестие не предпримет никакой меры, то мы отрясем прах от ног и воскликнем с блаженным Павлом: “чисты есмы от крови вашей (Деян.18:6)”»⁶⁵⁶.

Собор, состоявшийся в Эфесе под председательством святого Кирилла, был признан каноническим и вселенским, в отличие от «соборика восточных». Такому исходу богословского спора способствовала ревность о чистоте Православия святой Пульхерии, которая, рискуя испортить отношения с братом, неустанно стремилась убедить его в опасности еретических заблуждений Нестория и в конце концов преуспела в этих своих стараниях. «Пульхерии, – по словам А. Тьерри, – принадлежала вся честь этой победы, и никто не ошибся, называя ту руку, которая всем заправляла в Халкидоне. Православные епископы поздравляли ее наперерыв друг перед другом, а один собор выразился о ней такими подлинными словами: “Она изгнала Нестория”»⁶⁵⁷.

Несторий был анафематствован и отправлен в ссылку, но император не признал действительности соборного акта об отлучении Иоанна Антиохийского и его сторонников. В то же время сам Иоанн и единомышленники с ним епископы, в основном из Сирийского диоцеза, продолжали считать Кирилла и Мемнона находящимися под отлучением. В результате разорвано было общение между церквями Сирии и остальных диоцезов империи. Такое положение дел не могло быть терпимым – император, как и прежде, настаивал на примирении, тем более что, в отличие от граничивших с кошунством еретических заблуждений Нестория, его восточные защитники, всегда в той или иной мере дистанцировавшиеся от его крайностей, имели известные основания для разделяемых ими опасений: Иоанн Антиохийский и блаженный Феодорит преувеличивали, если не сказать передергивали, обвиняя святого Кирилла в приверженности аполлинарианской ереси, но формулу «*μία φύσις του θεου λόγου σεσαρκωμένη*» (единая природа Бога Слова воплощенного), осмысливая ее в русле православной христологии, Кирилл, не зная того, позаимствовал действительно из текстов Аполлинария, и, что еще важнее, эта формула стала потом знаменем и оружием в руках

богословов, впавших в ересь, противоположную несторианской – монофизитство. Среди пылких апологетов Кирилла уже тогда находились богословы и простецы со взглядами, отвергнутыми позже, на Халкидонском Соборе, подобными тем, которые вскоре стал декларировать и развивать Евтихий, уже в пору Эфесского Собора бывший известным и влиятельным архимандритом в столице и одним из пресвитеров, присутствовавших на Соборе.

Поэтому великим благом для Церкви оказалось то обстоятельство, что Феодосий, чьи убеждения изменились за время Собора, не дошел в этой метаморфозе до крайности, до признания действительности соборного акта об отлучении «восточных». По настоянию императора между ними и сторонниками Кирилла возобновилась богословская дискуссия, целью которой было достижение примирения и восстановление евхаристического общения. Посредником в этих переговорах Феодосий назначил имперского нотариуса (государственного секретаря) Аристолая. Одним из средств давления была угроза низложения и Кирилла и Иоанна и ссылки их в Никомидию в случае их уклонения от примирения. На встрече Аристолая с Иоанном Антиохийским тот заявил, что он согласен вступить в общение с Кириллом при условии его отречения от своих анафематизмов, анафематствования Аполлинария и признании обязательности исповедания Никейского символа с тем его толкованием, которое содержится в послании святителя Афанасия епископу Коринфскому Эпиктету, направленном против ереси Аполлинария. С изложением этого предложения, по поручению императорского нотариуса, к Кириллу обратился в своем послании епископ Верийский Акакий, которому тогда исполнилось уже 110 лет. Это послание привез с собой Аристолай.

По словам А.В. Карташева, который с увлечением и, вероятно, не без сгущения красок и передержки вскрывает изнанку церковно-политических процессов, «прошло уже больше года после Ефеса. Неугомонный борец Кирилл хорошо был осведомлен, что императорский двор не успокаивался на позиции незалеченной раны церковного раскола... Поэтому Кирилл, по

методу своего дяди Феофила, не переставал подкупающими дарами обогащать столицу и истощать александрийскую казну... Кроме денег это были целые транспорты предметов комфорта и роскоши – ковры, коврики, занавески, скатерти, покрывала, подушки, кресла, скамейки и столики слоновой кости, вплоть до живых страусов»⁶⁵⁸. Святой Кирилл в ответном письме Акакию с готовностью принял предлагаемые догматические формулы, анафематствовал Аполлинария, учение которого он никогда не разделял, но отказался осудить свои анафематизмы, соглашаясь однако дать им интерпретацию, которая бы могла устранить недоразумения, и конечно, настаивал на том, чтобы Иоанн анафематствовал Нестория.

В Антиохии ответ Кирилла был принят благоприятно, хотя не все восточные реагировали на него с такой же готовностью к достижению согласия, как сам Иоанн. Среди епископов, сохранявших недоверие к Александрийскому предстоятелю, самыми влиятельными были Андрей Самосатский и Феодорит Кирский. Но Иоанн направил в Александрию для переговоров с Кириллом епископа Эмесского Павла, который привез с собой проект согласительного исповедания, им же, вероятно, и составленный, но включенный в послание, адресованное Кириллу и подписанное Иоанном Антиохийским. В этом послании Иоанн, со своей стороны, соглашался анафематствовать Нестория: «Мы хотели бы, чтобы прекращен был всякий спор, чтобы всем святым церквам Божиим, рассеянными по всему миру, возвращен был мир и уничтожены были все соблазны; чтобы Несторий, прежний епископ Константинопольский, был низложен, а неправое и нечестивое учение его было анафематствовано»⁶⁵⁹. Послание заканчивалось братским обращением к адресату: «Прощай, благочестивейший и преосвященнейший владыка, искреннейший мой брат, и продолжай молиться о нас»⁶⁶⁰. Догматическая формула, предложенная для подписи Кириллу, предвосхищала орос Халкидонского Собора.

В ответном послании Иоанну, отправленном в 433 г. и вошедшем в историю Церкви под названием, воспроизводящем предпосланный ему эпиграф из Псалтири: «Эуфрэнэфосан и

урани» (Да возвеселятся небеса) (Пс.95:11), святой Кирилл воспроизвел предложенную ему формулу: «Мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, едиnorodный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный человек, (состоящий) из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время, ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы – по человечеству; что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству; ибо (в Нем) совершилось соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслитного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицу, потому что Бог Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый. Известно, что знаменитые богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе обыкновенно делают общими, как принадлежащие одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают раздельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к божественности Христа, недостойные же Бога – к Его человечеству»⁶⁶¹.

Собор в Эфесе не принял ороса; примирительная догматическая формула, предложенная со стороны восточных и подписанная святым Кириллом, по существу дела и явилась аналогом догматического ороса, которым достойно завершились соборные деяния. Для народного благочестия исключительную важность имело то обстоятельство, что Собор отстоял почитание Девы Марии как Божией Матери. До III Вселенского Собора в христианском мире был один знаменитый храм, воздвигнутый в честь Девы Марии, – в Эфесе, а после Собора повсюду сооружаются церкви, посвященные Божией Матери, и одна из них была построена в Константинополе на средства святой Пульхерии. А в Риме при преемнике святого Целестина папе Сиксте была воздвигнута грандиозная базилика, сохранившаяся до наших дней, – Santa Maria La Maggiore, посвященная Пречистой Деве.

Примирение между Кириллом Александрийским и Иоанном Антиохийским состоялось, евхаристическое и каноническое

общение церквей, дотоле разъединенных, было восстановлено. Жертвой достигнутого примирения стал незадачливый Несторий, но винить в своем низложении ему было некого – его учение действительно радикально расходилось с Преданием, представляя собой доведенные до запретной черты крайние выводы из антиохийской богословской традиции, аутентичным выразителем которой был тогда Иоанн Антиохийский и другие умеренные антиохийцы, пришедшие к взаимопониманию с Кириллом, представлявшим альтернативную александрийскую традицию в богословии. А еще Несторий стал жертвой собственного высокомерия, упрямства и легкомыслия. Узнав о состоявшемся примирении и своем анафематствовании со стороны теперь уже своих бывших защитников, он вновь обнаружил свой немирный и нераскаянный нрав и объявил о непризнании им Максимиана, неправоммерно занявшего его кафедру. Реакцией на это выступление стало распоряжение императора об удалении Нестория из Антиохии.

Местом его новой ссылки стала прежняя столица Набатейского царства Петра, расположенная в труднодоступном изолированном ущелье в гористой пустыни, но и там его скитания не закончились – из Петры он был вскоре переправлен в один из египетских оазисов Ибис. «Это была, – по словам А. Тьерри, – тюрьма, которая сама стерегла свои жертвы без тюремщика и большую часть времени без солдат»⁶⁶². Оазис окружен безводной песчаной пустыней, кишасей ядовитыми змеями и насекомыми, обрекавшими на верную смерть всякого беглеца-одиночку. Этот оазис он покинул, взятый в плен вместе с другими обитателями Ибиса вторгшимися кочевниками из племени блеммиев, которые надеялись получить выкуп за пленников от римских властей. Узнав о приближении кочевников из другого и более сильного племени, блеммии бежали, бросив пленников посреди песчаного моря. Оставленным умирать в пустыне повезло – поблизости находился город Панополь, куда и добрался Несторий, изнемогая от усталости. В ту пору он был уже стариком. В Панополе Несторий провел несколько лет. Потом по распоряжению прокуратора Египта он был выслан на нильский остров Элефантину, расположенный на границе Египта

с Эфиопией. По пути к месту новой ссылки он упал с коня и поломал себе руку и ребра. Сопровождавший его конвой доставил его обратно в Панополь, где он вскоре, в 451 г., умер.

О последних годах его жизни и обстоятельствах его смерти известно мало. До Нестория доходили сведения о разбойничьем соборе в Эфесе, о насильственной смерти святого Флавиана, об адресованном ему томосе папы Льва Великого. Он умер, когда уже было объявлено о созыве Собора в Халкидоне, но до его открытия. Есть сведения, что Несторий собирался апеллировать к отцам Собора. Из его письма жителям Константинополя известно, что в споре Диоскора с Флавианом он был на стороне Флавиана. Несторий одобрительно высказывался о христологическом томосе святителя Льва, считая, — конечно, ошибочно, — что его содержание тождественно с его собственной христологией.

В изгнании он занимался литературными трудами. В начале XX века был найден его написанный на сирийском языке трактат «Тегурта Гераклида», слово «тегурта» буквально значит «коммерция», но в данном контексте обозначает просто «трактат», а Гераклид — это псевдоним: надписание книги действительным именем автора обрекало бы ее на неминуемое уничтожение — по распоряжению императора Феодосия все сочинения Нестория подлежали сожжению. Это своего рода автобиография и самоапология. Книга заканчивается словами: «Возвеселися со мной, пустыня, подруга моя, прибежище и утешение мое, и ты, земля изгнания, мать моя, которая сохранит мое тело до дня воскресения»⁶⁶³. Несторий смирился со своей печальной участью и в изгнании своим находил утешение. «Мое горячее желание, — пишет он в трактате, — да будет благословен Господь небес и земли! А Несторий пусть останется анафемой. Господу угодно, чтобы люди примирились с Ним, проклиная меня. Я не отказался бы зачеркнуть то, что я говорил, если бы я был уверен, что это нужно и что люди через это обратятся к Богу»⁶⁶⁴. Это написано, наверно, искренне, но, как кажется, не без рисовки и позерства, которые и ранее свойственны были этому самолюбивому, но незадачливому деятелю. Из этих слов не видно, что он испытывал раскаяние в

учиненной не без его вины церковной смуте. Принципиально не изменились и его богословские воззрения.

Излагая его христологию, как она отразилась в его последнем сочинении, А.В. Карташев писал: «Он две природы мыслит до того полными и действенными, что считает, что каждая из них не может не быть и ипостасной и личной, так что единое лицо (просопон) у него получается “из двух природ, из двух ипостасей и из двух лиц (!), соединенных в одно, в свободном (вольном) общении». В “Трактате Ираклида” Несторий придумал даже особый термин для этого “сложного лица»: “Лицо единения (просопон тис эносеос)”, подчеркивая тем ипостасную полноту каждой природы, вплоть до особого ее (данной природы) лица»⁶⁶⁵. У Халкидонского Собора, осудившего ересь, противоположную Несториевой, не было оснований для его реабилитации, и он подтвердил правомерность провозглашенной ему на III Вселенском Соборе анафемы.

Между тем после восстановления общения между Иоанном Антиохийским и его сторонниками, с одной стороны, и святителем Кириллом – с другой не вся христианская Сирия одобрила шаги к примирению, предпринятые Иоанном. В числе оппозиционеров были и епископы. Особенную энергию в дискредитации Иоанна обнаружил епископ Иерапольский Александр, который организовывал соборы, на которых Иоанна обвиняли в предательстве и вероотступничестве. С колеблющимися по поручению Иоанна вел вразумляющие беседы блаженный Феодорит, который, поддержав примирительную позицию своего кириарха Иоанна и приняв «согласительное исповедание», уклонился от анафематствования Нестория. Подобно ему поступили и некоторые другие епископы Востока, приняв догматическую формулу 433 г., составленную, собственно, в самой же среде восточных богословов, не настаивая на осуждении 12 анафематизмов святого Кирилла, но и не анафематствуя Нестория.

Своим успехом в деле привлечения к примирению с «Египтом» сомневавшихся в допустимости подобного «компромисса» архиепископ Иоанн и блаженный Феодорит обязаны были поддержке, которую им оказал имевший огромное влияние на цер-

ковный народ смиренный инок, преподобный Симеон. Ранее он уединялся на дне высохшего озера, потом у подножья горы, затем на ее верху, где он приковал себя железной цепью к забору, который поставил вокруг хижины, построенной на этой горе, чтобы не иметь возможности выходить из нее. Эту цепь он снял лишь по повелению святителя Антиохийского Мелетия и с этих пор держал себя прикованным к скале умом и волей и уже не сходил с нее. Наконец он изобрел особый вид подвижничества, который получил название столпничества. В окрестностях Антиохии он поставил столп высотой около 10 метров, на его вершине находилась площадка для стояния или сидения. В своем жизнеописании подвижника блаженный Феодорит рассказывает, что однажды посетитель святого захотел сосчитать число делаемых им непрерывно поклонов, досчитал до 1244 и затем от усталости сбился со счета, а преподобный Симеон продолжал совершать поклоны.

К столпу удивительного подвижника потянулись люди вначале из ближних мест, из Антиохии, потом из всей Сирии, из Киликии, Палестины и, наконец, из самых далеких провинций Римской империи и из-за ее пределов. Приходили для того, чтобы быть свидетелями его подвига, чтобы попросить его о молитве за себя и своих близких и чтобы послушать его вдохновенную проповедь, так что столп преподобного Симеона стал самой высокой кафедрой христианской Церкви. Помимо живого общения с христианами, приходившими к этому столпу, он общался с теми, кто искал духовного наставления через письма. В переписке с ним состояла жившая на далеком Западе, в Лютеции (Париже), святая Геневефа, которую по-французски именуют Женевьевой. Преподобный убедил тысячи колеблющихся в своем отношении к Эфесскому Собору сирийских христиан признать его Вселенским Собором. Симеон Столпник отошел ко Господу в 459 г., прожив 103 года.

И все же оставались и непримиримые последователи Нестория, которые лишены были возможности свободно исповедовать свою веру в пределах империи. Их преследовали, подвергали ссылке, лишали привилегий и гражданских прав. Из числа высокопоставленных сановников упорным несторианином

остался комит Ириней, который находился в Эфесе вместе с Кандидианом по частной инициативе, хотя и с позволения императора, и там всячески противодействовал святому Кириллу и Мемнону, защищая «восточных» и Нестория. За свою приверженность ереси он был лишен чина, уволен от службы и принял епископское рукоположение от несториан. Большая часть несториан уходила за границы империи, переселяясь в основном в Иран, где несториане, в противовес местным кафолическим христианам, пользовались покровительством правительства. В Римской империи со второй половины V века несторианство стало вполне маргинальным явлением.

На богословски противоположном несторианству полюсе церковной жизни, – а географически в Александрии и Египте, – было не меньше противников согласительной формулы 433 г., усматривавших в подписании ее своим кириархом его отступление от истины, в их представлении запечатленную в его анафематизмах, которым они при этом давали интерпретацию, близкую к той, что составила содержание монофизитской христологии, отвергнутой позже Халкидонским Собором. Но открыто и публично святого Кирилла осудили за компромисс и отступничество лишь немногие из его бывших почитателей, к тому же не имевшие особого влияния, вроде александрийского диакона Максима и некоторых монахов – столь велик был его авторитет в Египте. Оппозиционеры держали свои убеждения при себе, дожидаясь удобного момента, который наступил для них после преставления святителя. И тогда болезнь, затаившаяся внутри церковного организма, прорвалась наружу, угрожая Церкви большой бедой. Конечным результатом этой болезни стало отпадение от Кафолической Церкви целых народов и стран, увлеченных монофизитским соблазном.

7. Разбойничий собор в Эфесе

Примирение между святым Кириллом Александрийским и Иоанном Антиохийским, достигнутое принятием согласительной христологической формулы, лишь на время прекратило богословские споры. Они возобновились после ухода из земной жизни обоих архипастырей: архиепископа Иоанна в 441 г. и святителя Кирилла в 444-м, при их преемниках Диоскоре и Домне. Римскую кафедру с 440 г., после кончины преставившегося в 432 г. преемника святого Целестина Сикста, занимал Лев Великий, а Константинопольскую с 434 по 447 г. – святитель Прокл.

О том, что богословская полемика на христологическую тему не была завершена, о надеждах, возбужденных в среде восточных уходом святого Кирилла, красноречиво говорит один своеобразный документ, который зачитан был на V Вселенском Соборе как послание блаженного Феодорита архиепископу Антиохийскому Иоанну, хотя в действительности он не может ему принадлежать, потому что адресован иерарху, скончавшемуся за 3 года до смерти святого Кирилла. Начинается послание с выражения радости по поводу кончины Кирилла: «Наконец поздно и насилу умер злой человек... Надобно позаботиться, и твоей святости нужно особенно предпринять эту поспешность, – приказать обществу носильщиков умерших положить какой-нибудь величайший и тяжелейший камень на гробницу, чтобы он опять сюда не пришел и снова не стал доказывать нетвердые мнения. Пусть возвещает новые догматы находящимся в аду и пусть там разглагольствует днем и ночью как хочет»⁶⁶⁶. Эта злая выходка, кем бы ни был сочинен текст, послуживший компрометации памяти блаженного Феодорита на V Вселенском Соборе, ему приписана, но нет оснований сомневаться в подлинности слов, сказанных Феодоритом в беседе с архиепископом Домном после получения известия о смерти Александрийского святителя и также оглашенных на V Соборе: «Никто уже никого не принуждает богохульствовать. Где говорящие, что Бог распят

на кресте? Бог не распинается. Распят на кресте человек Иисус Христос, который от семени Давида, сын Авраама. Умерший есть человек Иисус Христос; а Бог Слово воскресил свой храм... Нет уже спора: Восток и Египет под одним игом. Умерла ненависть, и вместе с тем прекратился спор; пусть успокоятся феопафиты»⁶⁶⁷. Теопасхитскую ересь – учение о страдании Божества – приписывали святому Кириллу его оппоненты.

Феодорит Кирский заблуждался, надеясь на прекращение богословских споров после кончины Кирилла. В действительности они именно тогда как раз и возобновились с былым ожесточением и нетерпимостью. Те последователи Кирилла, кто внутренне не принял согласительной формулы 433 г., считая ее ненужной или вынужденной уступкой несторианству, в котором они подозревали всех видных богословов Антиохийской школы, снова вступили в ожесточенную полемику против действительных и мнимых несториан.

Эпицентром противостояния на этот раз оказался один из монастырей столичного предместья, а его главным участником стал архимандрит этой обители Евтихий, достигший маститой старости и пользовавшийся популярностью в народе – почитатель святого Кирилла и непреклонный враг Нестория в пору его пребывания на Константинопольской кафедре. Лучшей христологической формулой он считал отстаиваемое святым Кириллом выражение, которое в действительности принадлежало Аполлинарию, но контрабандой было включено в списки творений Афанасия Великого: единая природа Бога Слова воплощенного (миафизис тоу теу логу сесаркомени), которую он, в отличие от самого Кирилла, осмысливал с монофизитским акцентом, радикально несовместимым с восточной христологией. «12 анафематизмов» своего учителя он считал вершиной богословской мысли, отвергая согласительную формулу 433 г. По существу дела он не был до конца согласен с христологией Эфесского Собора, считая, что, осудив Нестория, Собор сделал лишь полдела, потому что отвергнуть следовало все вообще восточное, антиохийское богословие, в котором содержится порочная, с его точки зрения, идея полноты человеческой природы во Христе.

Выразительную характеристику дал ему А. Тьерри: «Евтихий, с самых юных лет живший в стенах монастыря, не получил правильного, систематического образования и, хотя был довольно изворотлив, вовсе не был ученым богословом; да по своеобразному строю своего ума он не очень-то и ценил богословскую ученость. Он хорошо знал Св. Писание, которое читал постоянно, но что касается до толкований и учений св. отцов, то он далеко не придавал им того высокого значения в деле разумения истины христианской веры, какое они приобрели в общем сознании Церкви его времени... «Я испытываю, – говорил он, – одно только Св. Писание; оно несравненно тверже и достовернее изложений св. отцов». Этой заносчивостью он очень напоминал Нестория, несмотря на глубокое различие в направлении и строе их мыслей»⁶⁶⁸.

Но сходство между Несторием и Евтихием относится не только к их личным качествам, но и, как это может показаться неожиданным на первый взгляд, к богословским идеям, при всей их видимой противоположности. Это обстоятельство, лишний раз напоминающее о незыблемости тривиального, но от этого не менее верного изречения о том, что крайности сходятся, обнаруживается и в том, что они оба, хотя и по-разному, склонялись к уничижению Божией Матери: Несторий прямо, отрицая правомерность именованя Ее Богородицей и предлагая вместо этого имени свое собственное вычурное изобретение – Христородица, но также и Евтихий, отвергавший единосущие Господа Иисуса Христа Своей Пречистой Матери. И что может быть еще важнее и принципиальней: настаивая на единстве естества Спасителя после соединения, он считал, что «прежде соединения» «Господь наш состоял из двух естеств»⁶⁶⁹. Между тем само представление о существовании человеческой природы во Христе до соединения носит вполне несторианский характер, и оно, конечно, ошибочное, потому что до соединения, иными словами, до воплощения человеческой природы во Христе быть не могло, ибо до того, как «Слово стало плотью» (Ин.1:14), пребывало превечное Слово, не соединенное ипостасно с не существовавшей еще тварной человеческой плотью Спасителя, под которой надлежит

понимать всецелого человека с телом и разумной душой: до тех пор, пока Дева Мария не сказала небесному вестнику «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк.1:38) Слово Божие имело одну, а именно Божественную природу, и лишь в момент воплощения сложилось единение двух различных природ: Божественной и человеческой – во Христе. Папа Римский Лев Великий, ознакомившись с сутью христологического спора, писал в своем знаменитом томосе святому Флавиану: «Столь же нечестиво говорить, что Единородный Сын Божий двух естеств до воплощения, сколько нелепо утверждать, что в Нем одно естество после того, как Слово плоть бысть»⁶⁷⁰.

После смерти святого Далмата Евтихий стал самым влиятельным архимандритом в Константинополе, своего рода вождем столичного монашества. Его положение было тем более прочным, что к числу его почитателей принадлежал его крестник – всесильный в последние годы правления Феодосия временщик Хрисафий. Свои мысли Евтихий высказывал в беседах с приходившими к нему людьми, так что они приобрели широкую известность, вызвав особенно острое неприятие со стороны восточных богословов. В 447 г. блаженный Феодорит написал и распространил составленный в виде диалога полемический трактат под названием «Эранист», что значит «коллекционер», в котором, не называя имени Евтихия, но прозрачно намекая на него, представил его как аполлинариста, разделявшего три его еретических заблуждения: об изменяемости Бога, о слиянии природ во Христе и о страдании Божества. Евтихий читал этот трактат и узнал в нем себя.

Акт возмездия последовал скоро. Не без участия крестника Евтихия, препозита священной опочивальни Хрисафия, 16 февраля 448 г. императором был издан эдикт, которым отвергались все изложения веры, кроме Никейского символа, определений Эфесского Собора и 12 анафематизмов Кирилла Александрийского, иными словами, дезавуировалась согласительная формула 433 г. Тем же эдиктом все последователи Нестория, в том числе бывший комит Ириней, поставленный епископом на Тирскую кафедру, объявлялись низложенными и

отлученными⁶⁷¹. Вместо него епископом Тирским, без согласия архиепископа Домна, был поставлен Фотий. Затем император повелел блаженному Феодориту немедленно покинуть Антиохию и водвориться в своем кафедральном городе Кире.

Заблуждения Евтихия стали известны епископу Дорилейскому Евсевию, его старому другу со времени Эфесского Собора, когда они вместе сражались против Нестория. Евсевий навестил Евтихия в его монастыре в начале 448 г. и в продолжение нескольких бесед с ним на богословские темы убедился в его уклонении от православного учения. После тщетных попыток переубедить друга Евсевий, в прошлом схоласт, юрист, решил действовать формальным образом, тем более что Евтихий, в свою очередь, обвинил его самого в ереси. Зная о высоком покровительстве Евтихию и о его популярности в народе, Евсевий мог ожидать для себя опасных последствий.

8 ноября 448 г. в Константинополе состоялось заседание «синода эндимуса» – это было уникальное учреждение: поскольку столичная кафедра, несмотря на свой высокий ранг в диптихе, усвоенный ей II Вселенским Собором, не имела митрополичьего статуса и от нее не зависели другие кафедры, в Константинополе, вместо обычных епископских соборов, которые созывались в митрополиях, действовал этот своеобразный орган, в котором под председательством столичного архиепископа заседали епископы, оказавшиеся по разным делам в столице. И Евсевий Дорилейский, принимавший участие в заседании «синода эндимуса», поднял на нем вопрос о заблуждениях Евтихия. Как заправский юрист, он представил свое обвинение в письменном виде, не раскрывая однако в нем содержания заблуждений Евтихия, с тем чтобы тот сам, будучи вызванным на синод, вслух всех обнаружил свою ересь: «Я просил Евтихия... дабы он не предавался такому поражению чувств, опьянению мышления и исступлению ума, чтобы забыть страх Божий и пренебречь страшным судилищем Христа, Спасителя всех нас... Но он, имея невоздержные уста и необузданный язык, не перестает отрицать благочестивые догматы православия, отметаться от святых отцов и меня, который никогда не был подозреваем

еретиком, а напротив, всегда сражался с еретиками... Умоляю и прошу вашу святость, не оставьте без внимания моей просьбы; но прикажите Евтихию... явиться на святой ваш собор и защищаться в том, в чем я обвиняю его»⁶⁷².

Председательствовавший на заседании архиепископ Константинопольский Флавиан, преемник святого Прокла, преставившегося в 447 г., отличаясь особым миролюбием и кротостью, выразил в связи с этим доносом свое изумление: «Прочитанное удивляет нас, потому что взводит такую укоризну на почтеннейшего пресвитера и архимандрита Евтихия. Однако пусть удостоит твое благочестие сходить к нему и побеседовать с ним о правой вере; и если в самом деле он найден будет мудрствующим неправильно, тогда будет вызван святым собором и станет защищаться»⁶⁷³. Но епископ Евсевий категорически отверг несколько раз повторенную просьбу пойти в монастырь к Евтихию и попытаться переубедить его: он лучше Флавиана, не чуждого доверчивого прекраснодушия, знал своего бывшего друга, знал его убежденность в своих идеях, его упрямство и высокомерие, а еще, зная также и о могуществе его крестника Хрисафия, имел основание опасаться за свою собственную участь.

Святой Флавиан уступил, и в монастырь к обвиненному в ереси архимандриту направлена была официальная делегация в составе пресвитера и экдика Иоанна и диакона Андрея, с тем чтобы вручить ему копию поданного против него обвинения и вызвать его на заседание синода, но, как докладывали потом синоду Иоанн и Андрей, «он идти и оправдываться совершенно отказался, говоря, что у него определено и как бы законом положено от начала – никогда и никуда не отлучаться от своего братства, а жить в монастыре некоторым образом как в гробе»⁶⁷⁴. Вступив с посланцами синода в обсуждение богословских тем, Евтихий отверг как клевету возводимые против него обвинения в том, что он будто бы говорил, «что Бог Слово принес (с Собою) плоть с неба»⁶⁷⁵. Выслушав доклад Иоанна и Андрея, синод направил к нему других посланцев, пресвитеров Маму и Феофила, которые взяли с собой адресованное ему послание синода, в котором говорилось:

«Неразумно, в оправдание себя, говорить, что ты решился не выходить из монастыря, когда тебя обвиняют в таких вещах»⁶⁷⁶. Евтихий долго не хотел принимать посланцев, а когда наконец принял, сказал им то же самое, что раньше говорил Иоанну и Андрею, сославшись на свой обет никогда не выходить из обители, а также на свою старость и заодно попросив не утруждать ни себя, ни других новыми вызовами, о чем присланные и доложили синоду. Решено было, во исполнение канонической нормы о допустимости заочного судебного рассмотрения дела после троекратного отказа подсудимого явиться на суд, направить к нему новых посланцев: пресвитеров Мемнона и Епифания и диакона Германа. На этот раз архимандрит отказался явиться по вызову, сославшись на болезнь, о которой доложил синоду посланный им архимандрит Авраамий. Святой Флавиан, услышав это сообщение, сказал: «Мы подождем, не будем настаивать. От Бога зависит даровать здоровье, а наше дело ожидать его выздоровления. Мы желаем не отсечения, а приращения. Бог не веселится о гибели живых... Мы дети человеколюбия Божия, а не жестокости»⁶⁷⁷.

Получив отсрочку до 22 ноября, Евтихий, что называется, не терял времени даром: монахи его монастыря, которые, очевидно, не были обязаны, подобно своему архимандриту, пребывать безвыходно в обители как во гробе, начали с бешеной энергией подстрекать насельников других монастырей к возмущению против святого Флавиана, которого они обвиняли в приверженности ереси Нестория и в замысле учинить гонения на православных монахов; и эта агитация возымела эффект – многие монахи были встревожены и возбуждены, утратив доверие к своему архипастырю. Покровитель Евтихия препозит Хрисафий имел особую причину для неприязни к Флавиану. Уже само его поставление на место, которое он прочил для своего крестного отца Евтихия, вызвало его нерасположение к нему, которое переросло в ненависть, когда новопоставленный святитель нарушил сложившуюся в Константинополе традицию после возведения на столичную кафедру посылать в дар благословение (евлогию) в виде золотых монет взамен ранее преподносимым в подобных случаях благословенным хлебам.

Флавиан вначале проигнорировал этот обычай, а когда Хрисафий напомнил ему о нем, он послал императору несколько маленьких хлебов. Вельможный евнух, через которого были переданы во дворец евлогии, «не хотел их принять: “Императору нужно приносить не хлеб... а золото”. Архиепископ отвечал, что у него самого лично нет золота, а церковные деньги принадлежат Богу и бедным, но так как Хрисафий продолжал настаивать, то послал ему священные сосуды из своего собора. ... Хрисафий... отверг эти странные евлогии, потому что если бы принял их, то стал бы в глазах народа грабителем святыни; но не мог простить оскорбления Флавиану»⁶⁷⁸.

Желая выручить Евтихия и погубить Флавиана, Хрисафий представил происходящее на Синоде императору в нужном свете, убедив его в том, что его восприемнику угрожает опасность со стороны враждующих против него несториан, и когда в назначенный день, 22 ноября, Евтихий явился наконец на заседание синода, он был не один, но в сопровождении вооруженного отряда, который в заботе о безопасности обвиняемого направил для его охраны сам Феодосий, а также им же посланного префекта Нового Рима Флавия Флоренция, консулярия и патриция, который, присутствуя на заседании, участвовал в допросе Евтихия. Прежде чем начался этот допрос, епископ Евсевий выразил свою крайнюю озабоченность тем, что Евтихий может, отказавшись от сказанного им ранее, выразить согласие с православным учением о воплощении и в этом случае он, его обвинитель, может оказаться сам в свою очередь под обвинением в клевете: «Я беден, ничего не имею; он грозит мне ссылкой. А он богат; он уже назначил мне Оазис... Если я окажусь клеветником, то потеряю сан»⁶⁷⁹, но председательствовавший на заседании Флавиан успокоил его: «Не будет тебе осуждения за его теперешнее изложение»⁶⁸⁰.

Начался допрос Евтихия. На вопрос святителя Флавиана: «Исповедуешь ли ты теперь, что (Христос) из двух естеств?» – он ответил: «Исповедуя Бога моего, Господа неба и земли, я до сих пор не позволял себе рассуждать о Его естестве; признаюсь, я доныне не признавал прежде, что Он единосущен

нам... но Святую Деву исповедую единосущною нам и (исповедую), что от Нее воплотился Бог наш» На замечание патриция Флоренция: «Когда Мать единосущна нам, то без сомнения и Сын единосущен нам» – Евтихий отреагировал с явным раздражением: «До сего дня я не признавал (этого); ибо так как я исповедую самое тело Божие, – вникнул ли ты? – то я не признавал тело человека телом Бога, а человеческим телом: и (исповедую), что от Девы воплотился Господь; если же должно признавать (Его) от Девы и единосущным нам, то я и это признаю, господин». На вопрос Флоренция: «Знаешь ли ты Господа нашего, родившегося от Девы, единосущным и из двух естеств после воплощения или нет?» – Евтихий ответил: «Исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество»⁶⁸¹. Отказ отречься от учения о единой природе во Христе после воплощения и анафематствовать это учение послужил основанием для осуждения Евтихия.

По предложению святого Флавиана синод постановил: «Евтихий, бывший пресвитер и архимандрит, страждет заблуждением Валентиниана и Аполлинария и неизменно следует их злохулениям. Не устыдившись нашего убеждения и внушения, он не захотел согласиться с истинными догматами. Посему, вздыхая и оплакивая совершенную его гибель, мы о Господе нашем Иисусе Христе, им злословимом, определили отчуждить его от всякой священнической службы, общения с нами и начальства над монастырем. Пусть все те, которые после этого будут разговаривать или сходиться с ним, знают, что и сами они будут повинны епитимии отлучения, как не уклонившиеся от беседы с ним»⁶⁸². Под этим актом поставлены подписи 32-х епископов и 23-х архимандритов константинопольских монастырей, большая часть которых имела пресвитерскую степень, но среди них был также один диакон и архимандрит по имени Иаков, а также несколько архимандритов, не имевших священного сана и подписавшихся «монах и архимандрит».

Это был суровый приговор, в котором характеристика заблуждений Евтихия как будто бы не соответствует его

действительным взглядам – сознательным последователем ни Аполлинария, ни, тем более, гностика Валентиниана он, конечно, не был; но именно так в эпоху Вселенских Соборов, когда, в противостоянии ересям, оттачивались богословские формулы, выражающие богооткровенные догматы, и когда ввиду опасности заблуждений в судебных приговорах обозначался их крайний предел, запечатленный в той или иной древней и уже отвергнутой ереси, реагировала Церковь на богословские заблуждения, при этом однако всякий обвиняемый имел возможность, заявив об отказе от своих прежних воззрений, избежать каких бы то ни было прещений. Константинопольский синод, и в особенности его председатель святой Флавиан, отлучив Евтихия, действовал с исключительным мужеством и самоотверженностью, потому что для его участников не было тайны в сочувствии и поддержке, на которую отлученный мог рассчитывать со стороны верховной власти.

Известие об осуждении Евтихия вызвало на Востоке удовлетворение и даже радость. Блаженный Феодорит писал тогда епископу Анкирскому Евсевию: «Господь приник с небес и Сам изобличил тех, которые сплетали на нас клевету, и обнаружил их нечестивое мудрование»⁶⁸³. В ту пору в Тире и Вирите (Бейруте) велся процесс по обвинению епископа Эдесского Ивы в приверженности ереси Нестория. И вот под влиянием решения, принятого на Константинопольском синоде по делу Евтихия, Ива был оправдан и благополучно возвратился на свою кафедру в Эдессу.

Между тем Евтихий отнюдь не собирался смириться со своим отлучением – выслушав приговор, он сразу обратился к Флоренцию с заявлением о намерении подать апелляции епископам Рима, Александрии, Иерусалима и Фессалоник. Обращаться к архиепископу Антиохийскому Домну он не намеревался, потому что заранее был уверен в том, что тот не поддержит его, – всех восточных он подозревал в несторианстве. Флоренций, как рассказывает об этом А. Тьерри, «побежал уведомить об этом архиепископа, уже оставившего свое место, и просить его, чтобы в актах собора упомянуто было об этой апелляции

обвиняемого», но поскольку Флавиан «ничего не слышал об апелляции, то и отказался включить ее в протокол»⁶⁸⁴. Это было оплошностью, которая дала повод Евтихию обвинять святителя в подлоге протокола.

Александрийский архиепископ Диоскор решительно и всецело стал на сторону Евтихия, в надежде, что пересмотром его дела будет нанесен еще один, после осуждения Нестория, удар по репутации Константинопольской, а заодно и Антиохийской кафедры. Епископ Рима Лев Великий в ответном послании Евтихию выразил ему свою признательность за его беспокойство о чистоте Православия и пообещал содействие в искоренении несторианства. В послании архиепископу Флавиану Лев запросил от него все материалы по делу осужденного архимандрита, чтобы на основании этих документов вынести справедливое заключение по нему. В ответном послании папе Флавиан изложил заблуждения Евтихия.

Вникнув в суть богословского спора между Евтихием и его оппонентами, святой Лев убедился в правоте синода, осудившего Евтихия, и изложил православное учение о Боговоплощении в знаменитом послании, или томосе архиепископу Флавиану, идеи которого легли в основу христологического ороса Халкидонского Собора. О воплощении Сына Божия он писал: «При сохранении свойств того и другого естества и при сочетании их в одно лицо, воспринято величием уничижение, могуществом немощь, вечностью смертность»⁶⁸⁵. Христологическая тема в томосе Льва Великого сопряжена с сотериологической: «Для уплаты долга естества нашего, бесстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы один и тот же, «Ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус (1Тим.2:5), и мог умереть по одному (естеству) и не мог умереть по другому, как того и требовало свойство нашего врачевания»⁶⁸⁶. Лев Великий обладал редким даром слова, умел находить точные, богословски безукоризненные формулы, выраженные не на языке умозрительной философии, но проникнутые живой библейской образностью и поэтому внятные, говорящие уму и сердцу не только искушенного богослова, но и не книжного христианина: «Сын Божий, низойдя с небесного

престола, приходит в сии дольные (страны) мира, и не разлучаясь от славы Отца, рождается новым способом, новым рождением... Невидимый в собственном естестве стал видимым в нашем, непостижимый благоволил соделаться постижимым, предвечный начал быть во времени, Господь вселенной восприял образ раба, сокрыв безмерность своего величия, бесстрастный Бог не возгнушался сделаться человеком, могущим страдать, и бессмертный подвергся закону смерти»⁶⁸⁷.

Хрестоматийно известны новозаветные реминисценции, к которым прибегает святитель, чтобы с предельной наглядностью приблизить к человеческому постижению тайну соединения во Христе Божественной и человеческой природы: «Рождение плоти есть обнаружение человеческого естества; а что Дева рождает, это есть знамение Божественной силы. Младенчество Отрочати свидетельствуется бедными пеленами; величие же Всевышнего возвещается пением ангелов... Его, как человека, искушает диавольское коварство; и Ему же, как Богу, служат чины ангельские. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человеку; но пять тысяч человек насытить пятью хлебами, но жене самарянской дать воду живую... но немокрыми ногами ходить по поверхности моря и утешением бури укрощать возмущение волн, без сомнения, есть дело Божественное. Как не одного и того же естества дело – и плакать из сострадания по умершем друге, и его же, по удалении камня от четверодневной могилы, воскрешать к жизни силою одного слова; или – висеть на древе и в то же время превратить день в ночь и поколебать все стихии; или – быть пригвожденным (ко кресту) и в то же время отверзать вере разбойника двери рая»⁶⁸⁸.

По делу Евтихия, которое дало повод для изложения христологического догмата и иллюстрации его с поразительным искусством подобранными фактами Священной истории, Лев Великий замечает: «Он хорошо начал было отступать от своего убеждения (как видно из хода соборных деяний), когда, по вашему требованию, обещался признавать то, чего раньше не признавал, и успокоиться на той вере, которой прежде был чужд. Но когда он не захотел изъявить согласия предать

анафеме (свой) нечестивый догмат, то ваше братство из этого заключило, что он остается в своем нечестии и заслуживает приговора осуждения. Впрочем, если он искренне и нелицемерно кается и сознает, хотя бы и поздно, как справедливо подвиглась против него власть епископская, или если он, для полного оправдания, осудит все свои худые мысли и устно и собственноручною подписью, то милосердие к исправившемуся, как бы оно ни было велико, не будет предосудительно»⁶⁸⁹.

Евтихий однако не искал милосердия и прощения, он стремился к победе и торжеству над своими обличителями. Поэтому он не ограничился апелляциями первенствующим епископам, но подал также жалобу императору, а его сторонники развешивали по всему городу афиши, в которых архиепископ Флавиан обвинялся в фальсификации протокола судебного заседания синода. И благодаря заступничеству Хрисафия, крестника Евтихия, император склонился на сторону осужденного, заподозрил архиепископа Флавиана в уклонении в несторианскую ересь и в начале 449 г. затребовал от него исповедания веры. Святой Флавиан смиренно предоставил свое изложение христологического догмата: «Исповедуя Христа в двух естествах, после Его воплощения от святой Девы и вочеловечения, мы исповедуем в одной ипостаси и в одном лице одного Христа, одного Сына, одного Господа. И не отрицаем, что одно естество Бога Слова воплощенное и вочеловечившееся: потому что из двух (естеств) один и тот же есть Господь наш Иисус Христос»⁶⁹⁰. К диафизитской формуле, которая затем легла в основание Халкидонского ороса, Флавиан присовокупил выражение «единое естество Бога Слова воплощенное», которое обыкновенно употреблял святой Кирилл, придав ему при этом ограничительное значение («не отрицаем»), иными словами, принимая его постольку, поскольку оно не противоречит учению о двух природах во Христе.

Император распорядился образовать специальную комиссию для рассмотрения обвинения Евтихием Флавиана в фальсификации судебного приговора. Комиссия имела смешанный состав: из епископов и судебных чиновников. Ее председателем

был назначен архиепископ Кесарии Каппадокийской Фалассий. В комиссию вошел и префект Константинополя Флоренций. Трибун консисторских нотариусов Македоний исполнял в комиссии должность референдария, или докладчика. Комиссия заседала с 8 по 27 апреля 449 г. в Константинополе. На ней рассматривались апелляция Евтихия и его обвинение Флавиана в фальсификации протокола, которую он, собственно, усматривал в том, что в него не было внесено его заявление о подаче апелляции, что должно было задержать приведение приговора в исполнение до ее рассмотрения. После тщательного исследования актов синода, осудившего Евтихия, которые сохранились в нескольких экземплярах, сделан был вывод об отсутствии в них каких бы то ни было фальсификаций и подчисток. Имевшиеся в разных экземплярах актов разночтения объяснялись неизбежными оплошностями нотариусов, которые по слуху записывали выступления участников заседаний. Таким образом, обвинение Евтихия в подлоге комиссия решила оставить без последствий.

Но еще до начала ее работы, 30 марта, император издал сакру о созыве Вселенского Собора 1 августа 449 г. Местом проведения Собора вновь избран был Эфес. О том, какое направление должен был принять Собор по мысли императора, остроумно писал А.В. Карташев: в сакре «явно обозначена его цель... с корнем вырвать ересь... Нестория (!). Искусственная тема – как бы о прошлогоднем снеге... На самом деле церковь захватывалась монофизитами, а для отвода близоруких глаз кричали, что грозит несторианство»⁶⁹¹. Собор открылся через неделю после намеченного срока, 8 числа, в храме Пресвятой Девы Марии, где за два десятилетия до него проходил III Вселенский Собор.

Председательствовал на соборе по назначению императора архиепископ Александрийский Диоскор. Преемник святого Кирилла, он, подобно своему предшественнику, отличался неукротимой энергией, но также крайним властолюбием и неразборчивостью в средствах достижения цели и сребролюбием. Его личная жизнь была далеко не безупречной. «Его епископский дворец и даже бани архиерейского дома постоянно посещались

женщинами дурного поведения»⁶⁹². А еще ему свойственна была неблагодарность. Обязанный своим возвышением покровительству святого Кирилла, он после его кончины, как пишет А. Тьерри, «начал преследовать родственников и друзей своего благодетеля. По завещанию Кирилла преемник его, кто бы он ни был, делаясь наследником всего его имущества, должен был выдать из него довольно значительную сумму денег сестрам и племянникам покойного... Диоскор, завладев имуществом Кирилла, не хотел ничего выдать из него родственникам его. Те обратились с жалобой на него в суд, но он застрашал судей; и тогда они подали апелляцию в императорский суд и поехали в Константинополь. Диоскор подкупил в свою пользу евнуха Хризафия»⁶⁹³. В Александрии и Египте он обладал властью большей, чем наместник, и со свойственной ему заносчивостью говорил: «Здесь нет другого императора кроме меня»⁶⁹⁴. В богословских спорах Диоскор декларировал приверженность христологии своего предшественника, святого Кирилла, насколько искренне, – сказать трудно. Утверждая нормативное значение «12 анафематизмов» святителя Кирилла как своего рода эталона православной христологии, он игнорировал его же послание, известное с названием «Эвфрэнесфосен» (Возрадуемся), которое впоследствии, наряду с томосом Льва Великого Флавиану, легло в основание диафизитского Халкидонского ороса.

Заместителем Диоскора был назначен архиепископ Иерусалимский Ювеналий. Предстоятелю Антиохийской церкви Домну, которого император Феодосий и Диоскор подозревали в несторианстве, было выказано явное пренебрежение тем, что в президиуме собора, который располагался на горнем месте храма, он занимал четвертое место. По правую руку от Диоскора восседал легат Римского епископа Льва Великого епископ ПUTEОЛЬСКИЙ Юлий, от которого намеренно отделили другого легата, диакона Илария, впоследствии папу; в отличие от главы римской делегации, он знал греческий язык, на котором велась дискуссия. Следить за ходом соборных деяний Юлию помогал специально посаженный рядом с ним епископ

Лидийский Флоренций, свободно владевший обоими языками. Третий легат, посланный в Эфес из Рима, пресвитер Ренат, умер в дороге. В состав римской делегации входил также нотариус Дульций. Архиепископ Константинопольский святой Флавиан занял в президиуме пятое место. Среди видных участников собора были также Фалассий Кесарийский, Василий Селевкийский, Евсевий Анкирский, Онисифор Иконийский и Евстафий Виритский. Вместе с Диоскором из Египта прибыли на собор 20 епископов и целая толпа параваланов. Церкви Сирии и Палестины представлены были в Эфесе каждая примерно 15 епископами. Всего в соборе участвовало 135 архиереев.

Среди полноправных членов собора оказалась, в соответствии с распоряжением императора, и такая колоритная личность, как сирийский монах архимандрит Варсума, или Бар-Саумо, который пришел в Эфес с толпой монахов из монастырей, расположенных на границе с Ираном. По, вероятно, гиперболизированной характеристике Тьерри, Варсума «составил шайку, вооруженную палками, лопатами, заступами, и во главе ее разорял соседние долины Евфрата, грабил церкви и жег монастыри, которые казались ему недостаточно православными, изгонял или убивал епископов, которых по своему грубому рассуждению принимал за несторианцев... и его имя наводило ужас на Сирию... Случай привел его в Константинополь, император пожелал его видеть, и Евтихий взял его под свое покровительство. Герой несторианских убийств говорил только по-сирийски и не понимал ни слова по-гречески»⁶⁹⁵.

Императора на соборе представлял комит Елпидий и военный трибун Евлогий. Вместе с ними в Эфес прибыл воинский отряд, призванный следить за порядком, так что храм, в котором проходили заседания, все время был окружен солдатами.

На собор не были допущены ни Ива Эдесский, против которого вновь выдвинуто было обвинение в приверженности несторианской ереси, ни Феодорит Кирский, которому запрещено было покидать свой кафедральный город, ни Евсевий Дорилейский, хотя он и находился в это время в

Эфесе, остановившись в доме епископа этого города Стефана, после чего вокруг него собралась агрессивная толпа монахов, параваланов и возбужденных горожан, готовая ворваться, чтобы извлечь Евсевия из дома и расправиться над ним как над «врагом императора». Возбужденных людей с трудом удалось успокоить и убедить разойтись.

Именно этот собор вошел в историю Церкви как разбойничий (синодос листрики, *consilium latrocinium*). Он начался с чтения императорской сакры протонотарием собора пресвитером Иоанном. Затем, как писал святой Флавиан в поданной им впоследствии апелляции епископу Римскому Льву, Диоскор, «прервав всех епископов, говоривших, что сначала следует иметь рассуждение о правой вере и предварительно прочитать исповедание... 318 отцов, и то, что прежде было постановлено... в Ефесе... запретил это»⁶⁹⁶. Слово взял епископ Путеольский Юлий, заявив, что после оглашения императорской сакры надлежит зачитать адресованное собору послание епископа Рима. Диоскор был осведомлен о диафизитском содержании томоса Льва Великого святому Флавиану и ничего хорошего для себя и своих сторонников монофизитов от его послания собору не ожидал и поэтому, прервав легата, сказал, что для оглашения послания Льва будет более подходящее время. Епископ Юлий несколько раз пробовал это сделать, но при каждой такой попытке у Диоскора находился повод отложить чтение папского послания.

По предложению Диоскора первым делом решено было рассмотреть апелляцию Евтихия, который предстал перед участниками Собора не расслабленным старцем, каковым он казался на синоде в Константинополе, но полным энергии и сил. Лишенный сана, он вошел в храм в облачении архимандрита. В связи с подачей жалобы Евтихия Диоскор велел зачитать акты синода эндимуса, осудившего его. Когда при оглашении актов было упомянуто о требовании Евсевия, чтобы Евтихий исповедал две природы во Христе, в храме раздался крик параваланов и монахов из банды Варсумы: «На костер Евсевия, сжечь его живьем! Рассечь надвое разделяющих Христа надвое!»⁶⁹⁷. Этот боевой клич раздавался

потом в храме при всяком упоминании о двух природах во Христе. Самое имя Евсевия, значащее в переводе на русский «благочестивый», дало повод для издевательских комментариев: его следует называть не Евсевий, но «Асевий» (нечестивый). Архиепископ Флавиан просил пригласить на собор самого Евсевия, который выступил на синоде в Константинополе обвинителем Евтихия, но комит Елпидий отклонил эту просьбу. По приглашению Диоскора Евтихий передал адресованную императорам Феодосию и Валентиниану апелляцию, которая одновременно была и обвинением Евсевия Дорилийского, святителя Флавиана и всех участников Константинопольского синода, осудившего его, протонотарию, и тот зачитал ее. Исповедание веры, которое представил собору Евтихий и в котором говорилось о двух природах во Христе до соединения и одной после соединения, признано было его участниками православным. «Так и мы веруем», – заявил Диоскор»⁶⁹⁸. В результате опроса Евтихий был оправдан: ему возвратили священство и сан архимандрита.

Затем Диоскор предложил огласить отрывки из актов III Вселенского правила и, в частности, его 7 правило, воспрещающее составлять новую веру, кроме той, что содержится в Никейском символе. Участники собора на вопрос об их согласии с этим канонем дали, естественно, положительный ответ. Попытка римского легата в этот момент снова взять слово в очередной раз не увенчалась успехом. И Диоскор объявил формулу о двух природах во Христе «новым изложением веры», представленным Флавианом и Евсевием. «Поэтому... мы... присуждаем упомянутых Флавиана и Евсевия к лишению всякого священнического и епископского достоинства»⁶⁹⁹. Святой Флавиан, услышав предложение Диоскора, сказал: «Отвергаю тебя», что значило: подаю апелляцию. К его протесту присоединился папский легат диакон Иларий: «*contradictur*» (возражаю).

Епископы Василий Селевкийский, Онисифор Иконийский, Маринан Синадский, Нунехий Лаодикийский и Епифаний Пергский встали со своих мест, подошли к Диоскору и, припав к его коленам, умоляли его остановиться и не доводить дело до

осуждения Флавиана и Евсевия, а тот, сделав вид, что ему угрожают, потребовал ввести в храм стражу, и комит Елпидий выполнил его требование. Церковь наполнилась солдатами, причем в руках у некоторых из них были наручники, толпой египетских параваланов, сирийских монахов, вооруженных дубинками, матросов из Александрии и беспокойных людей с улицы. По описанию А.В. Карташева, «епископы были подавлены, некоторые стали прятаться под скамьи. Флавиан пытался укрыться в алтаре. Солдаты потащили его... Произошла общая толкотня. Враги кричали Флавиану: «Смерть ему!». Свои клирики едва высвободили его. Что Диоскор сам бил Флавиана и оттого Флавиан и умер на третий день – это сказка»⁷⁰⁰. Подобные сведения о происшедшем, с упоминанием о прямом насилии над ним, есть у византийских историков, но в 1874 г. были обнаружены изданные вскоре за тем апелляции святого Флавиана и Евсевия Льву Великому, в которых сказано и о безобразной сцене, учиненной на разбойничьем соборе в Эфесе, но в них не говорится о том, что Диоскор бил и даже топтал Флавиана.

Под исключительно сильным впечатлением от происшедшего участники собора стали подавать голоса за осуждение Флавиана и Евсевия. Первым высказался епископ Иерусалимский Ювеналий: «Флавиан и Евсевий показали себя чуждыми священства и епископского сана, когда покусились нечто прибавить или убавить в (святой) вере, изложенной святым собором никейским»⁷⁰¹. Даже архиепископ Антиохийский Домн, несмотря на то что его собственные догматические взгляды были далеки от еutihianского монофизитства, за что он на одном из последующих заседаний «разбойничьего собора» и сам был лишен сана, подал голос за осуждение Флавиана и Евсевия. Затем о своем согласии с осуждением заявили Фалассий Кесарийский, Евсевий Анкирский и другие участники собора. Епископ Имерийский Ураний потребовал казни отлучаемых епископов: они «должны быть не только лишаемы церковного достоинства, но даже посекаемы мечом»⁷⁰². Приговор об отлучении Флавиана и Евсевия был подписан в первый же день соборных заседаний. Римские легаты тайком покинули

Эфес и отправились в Рим с апелляцией от Евсевия и святителя Флавиана и с докладом папе о ходе и актах разбойничьего собора. Святой Флавиан по распоряжению комита Елпидия был отправлен в ссылку во Фригию. Но через три дня после своего осуждения он скончался в пути, в местечке Ипеп.

Ход собора был прерван, но по требованию Диоскора епископы должны были оставаться в Эфесе, готовые к продолжению соборных деяний, которые возобновились через две недели. 22 августа и в последующие дни собор заседал уже без участия римских легатов и архиепископа Антиохийского Домна, который от пережитого унижения слег в постель. Целью собора Диоскор провозгласил искоренение остатков несторианства, и для этого по его предложению были заочно низложены блаженный Феодорит Кирский, Ива Эдесский, Даниил Харранский, Иринеи Тирский и Акилин Библосский. Соборные акты об их отлучении приносили на подпись больному Домну Антиохийскому, и он послушно подписывал их. После чистки Сирийского диоцеза от подозреваемых в несторианстве епископов очередь дошла и до его предстоятеля самого Домна. По поводу обнаруженного им малодушия А.В. Карташев с мрачным сарказмом писал: «Прежде такое сокрушение личности казалось нам непонятным, почти невероятным. Но после духовно страшного опыта XX столетия мы свои сомнения откладываем. Безмерность картины сокрушения личности на этом Диоскоровом, якобы «вселенском» соборе доведена до геркулесовых столбов. После малодушного подписания Домном осуждения... своих антиохийских братьев он сам был выброшен, как выжатый лимон. Как бы издеваясь над его трусостью и предательством своих братьев, Диоскор в заключение соборно низложил и его самого»⁷⁰³.

Разбойничий собор в Эфесе завершен был прославлением памяти святого Кирилла Александрийского и его 12 анафематизмов как правила веры. Согласительный акт 433 г. был отброшен. Император Феодосий не без участия Хрисафия утвердил акты разбойничьего собора, сообщив им силу государственных законов. Император в своем эдикте одобрил

низложение епископов Евсевия, Домна и Феодорита и присудил их к изгнанию, запретив давать им пищу и убежище под угрозой аналогичного наказания всякому, кто дерзнет иметь с ними общение.

Из Эфеса Диоскор вместе с группой зависевших от него епископов Египта направился в Константинополь, где на вакантную кафедру Нового Рима ими был поставлен апокрисий Александрийского архиепископа в столице империи диакон Анатолий. Затем, на обратном пути в Египет, Диоскор остановился в Никее и там, составив синод из подручных епископов Египта, анафематствовал папу Римского Льва как пособника несториан. В Александрии Диоскора встречали как триумфатора, одержавшего блестящую победу над первенствующими престолами греческого Востока: Константинопольским и Антиохийским – и не уstraшившимся бросить вызов предстоятелю Западной церкви. Вместо низложенного и удаленного для вечного пребывания в монастыре вблизи Иерусалима Домна на Антиохийскую кафедру был поставлен Максим, до своего избрания имевший сан диакона. Блаженный Феодорит водворен был в монастыре близ Апамеи, откуда он сумел переслать апелляцию в Рим. Ива, низложенный с Эдесской кафедры, подвергся тюремному заточению.

Между тем в Риме 13 ноября 449 г. состоялся собор под председательством Льва Великого, на котором после рассмотрения доклада легатов, присутствовавших на соборе в Эфесе, и апелляций святого Флавиана, блаженного Феодорита и Евсевия Дорилейского все постановления разбойничьего собора были отвергнуты и объявлены лишенными силы. Папа обратился к императору Феодосию с посланием, в котором настаивал на незаконности актов собора, состоявшегося в Эфесе под председательством Диоскора, и просил о созыве Вселенского Собора: «Со слезами и стенаниями умоляют вашу кротость все церкви наших областей, все священники, чтобы вы, как справедливо подали свой голос наши послы и как епископ Флавиан подал апелляционную записку, повелели собраться внутри Италии вселенскому собору, который бы все возникшие

несправедливости так порешил, или укротил, чтобы более не оставалось ни какого-нибудь сомнения в вере, ни разделения в любви, при сошедшихся из восточных областей епископах»⁷⁰⁴. Папа писал Феодосию и по поводу поставления на Константинопольскую кафедру Анатолия, выразив готовность признать его законным предстоятелем при условии согласия его с православным учением, как оно изложено не только в определениях Вселенского Собора в Эфесе, на котором председательствовал святой Кирилл, но и в других авторитетных документах, в том числе и в томосе самого папы, адресованном его предшественнику Флавиану: «Пусть не презрит прочесть даже и мое послание, которое он найдет во всем согласным с благочестием отцов»⁷⁰⁵.

Император однако был вполне удовлетворен результатами собора под председательством Диоскора и не желал пересмотра его решений. Папа обратился с посланием к августу Пульхерии, чьи православные убеждения были ему известны, прося ее умолить брата санкционировать созыв собора в Италии, но к успеху это ходатайство не привело. Лев Великий убедил соправителя Феодосия Валентиниана просить его о согласии на созыв Вселенского Собора в Италии. С аналогичными просьбами к нему обратились также императрица Галла Плацидия и даже дочь Феодосия и супруга Валентиниана Евдоксия, но Феодосий стоял на своем: в Эфесе «в присутствии досточтимейших епископов, – писал он в ответном послании Валентиниану, – с полной свободой и совершенною истиною, отлучены недостойные священства и восприняты те, которые признаны достойными. И мы знаем, что ими ничего не сделано противного правилу веры и справедливости. Итак весь спор прекращен священным судом. АФлавиан, который признан виновником вредной новизны, получил достойное наказание. И с удалением его царствует в церквах всякий мир и всякое согласие и процветает не иное что, как чистая истина»⁷⁰⁶. Относительно истины Феодосий мог искренне заблуждаться; что же касается мира в церквах, то ему не могла не быть известной буря негодования, возбужденная на Западе и в Сирии оправданием Евтихия и низложением святого Флавиана и

других епископов, отвергших монофизитскую ересь. Поразительный пример высокомерного игнорирования реального положения дел, проистекающий, правда, в основном не от характера Феодосия, но от принятой триумфальной стилистики императорских актов. Неизбежные перемены, ибо Бог поругаем не бывает, наступили только после смерти Феодосия, сломавшего себе позвоночник при внезапном падении с коня на охоте.

8. Варварские королевства в пределах империи

В V столетии запад Римской империи пришел в состояние смертельной опасности: он подвергся череде атак со стороны варварского мира. В пределы империи вторглись разные народы, в основном германцы, вместе с ними в великое переселение были вовлечены также гунны, аланы, славяне, а во вторжениях в римскую Британию участвовали племена пиктов и скоттов.

Нашествие варваров воспринималось как вселенская катастрофа. Епископ галльского города Оша Оре́нт писал под свежим впечатлением оккупации своей страны в 417 г.: «Смотри, сколь внезапно смерть осенила весь мир и с какой силой ужасы войны обрушились на народы... Все оказалось под властью варваров. Одни погибли, став жертвой подлости или клятвопреступления, а другие были выданы на смерть своими согражданами. Немало гибло в засадах врагов, но не меньше – из-за насилия, творимого народом. Те, кто сумели устоять перед силой, пали от голода. Несчастливая мать распростерлась вместе с детьми и мужем.

Господин вместе с рабом сам оказался в рабстве. Многие стали кормом для собак; другие живьем сгорели в своих домах, охваченных пламенем. В городах, деревнях, виллах, вдоль дорог и на перекрестках, здесь и там – повсюду смерть, страдание, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожаре»⁷⁰⁷.

И хотя, как правило, поселявшиеся на имперской территории варвары не стремились к полному юридическому суверенитету, не боролись с призраком римского имени, которое они научились ценить, так что готовы были по-прежнему признавать над собой номинальное верховенство императоров, но территория, реально контролируемая равеннским правительством, сжималась, как шагреновая кожа. На месте бывших провинций Рима появлялись королевства варваров. В этих новых образованиях пришельцы составляли малую, в некоторых странах ничтожно малую, часть населения. «Франков было, – по словам Ф. Броде-

ля, – возможно, примерно 80 000 человек, бургундов – 100 000, вандалов – 20 000 (когда они пересекали Гибралтарский пролив, их было примерно 80 000), и остальных не больше. Столкнувшись с населением, достигающим многих миллионов человек, они не могли не подпасть под действие закона численности. Анри Пиренн любил повторять, что варвары варваризировали Империю, но утонули в массе ее населения, утратив свой язык и переняв латынь и романские языки, утратив свою религию и переняв христианство»⁷⁰⁸. В приведенную калькуляцию Ф. Бродель вносит существенное уточнение применительно к Галлии: «Те, кто подчеркивает количественную незначительность этих движущихся на запад народов, правы. Однако, вне зависимости от любых “нашествий”, на территории всей Галлии постоянно жили люди с примесью “варварской” крови. Считается даже, что в целом их было около миллиона. Это не имело бы большого значения, если бы население Римской Галлии составляло от 20 до 30 миллионов человек, как утверждают некоторые, но я в это не верю. Естественно, если мы примем цифру в 10 миллионов, то соотношение будет иным»⁷⁰⁹.

Римляне на оккупированных германцами территориях сохраняли обыкновенно, по крайней мере в континентальных провинциях Европы, свое некогда исключительно почетное римское гражданство, но теперь оно обозначало уже не привилегию, но второсортность в сравнении с высшей кастой королевств, которую составляли господствовавшие над римлянами варвары, при том, что режим этого господства был по-разному жестким или, что то же, по-разному гуманным. Сами варвары в одних новообразованных государствах, например Бургундии, так себя и именовали, не ощущая в этом слове негативной коннотации, а в других избегали прилагать его к самим себе, как это отразилось, например, в Салической правде, где варварами наименованы лица, не принадлежащие ни к римской, ни к франкской нации. Позже, начиная с VII века, варварами стали по преимуществу называть германцев, оставшихся язычниками.

Но в восприятии римлян, к которым, естественно, принадлежали и потомки давно уже романизованных варваров кельтов, иллирийцев, фракийцев, имя варвара оставалось одиозным. Так, по словам Л. Мюссе, «Сидоний Аполлинарий (Carmina, XII) мстит бургундам, которых вынужден терпеть, высмеивая их костюм, прическу и гастрономические вкусы. Язык – когда он не принадлежит лучшим авторам – не интересует приверженцев литературных традиций античности. Когда они упоминают о нем, то только для того, чтобы объявить его хриплым, отвратительным или неудобоваримым»⁷¹⁰. Самый вид германского воина внушал Сидонию отвращение: «Его одежда прилегает к телу и сшита, в отличие от драпированного одеяния древнего римлянина... наиболее характерная деталь его облачения – штаны... он носит длинные волосы (вплоть до того, что делает из них шиньон вроде бытовавшего у свевов “свевского узла” и смазывает их жиром); иногда его украшает борода. Германская пища, приготовленная на жире, приводит римлян в ужас... И наконец, самое ужасное, германцам неведомы термы и гимнастические упражнения»⁷¹¹.

В то же время римляне отдавали должное художественному мастерству германских ювелиров: выражение *barbaricum opus* обозначало златокузнечество – звериный стиль этого искусства заимствован был у иранских народов. Впрочем, некоторые из римских писателей ценили не только искусство варваров. «Сальвиан в своем сочинении «Об управлении Божьем» охотно распространяется о социальных и моральных качествах – правосудии, человечности, целомудрии, – чтобы противопоставить варваров, которых он превозносит, ненавистным для него чиновникам Империи»⁷¹² – литературная традиция, идущая от Тацита, но в данном случае продолженная под пером христианского писателя.

Символом тектонического сдвига во взаимоотношениях римлян и варваров стала трансформация латинского юридического термина *gentilii* в название дворянского сословия на французском языке – *gentilhommes*. Покоренных варваров, пока они не были достаточно цивилизованы и романизированы, пока они не приобрели способность к муниципальной организации само-

управления, Рим оставлял при их былом племенном устройстве, подчиняя их однако власти провинциальных проконсулов или пропреторов – это и были *gentilii* (народы, племена), в эпоху позднего принципата и домината варвары составили костяк вооруженных сил империи: одни из них, приобретая римское гражданство, служили в армии Римского государства, а другие в качестве федератов, то есть союзников в автономных отрядах с их собственным варварским строем. Их тоже называли *gentilii*. В относительно стабильной и прочной восточной половине империи они служили на договорных основаниях и по существу дела оставались наемниками, хотя порой и приобретали непомерное влияние, а на Западе, куда они вторгались с боями, прорывая лимес и подчиняя себе местное население, условия сожительства с покоренными римлянами устанавливали варвары, обыкновенно при этом сохранявшие за собой не лишенный удобств и выгод статус федератов. Это они, федераты, *gentilii*, носили оружие и воевали, а туземные римляне лишались этой привилегии или повинности, которая давно уже стала для них обременительной обузой. В этом смысле можно утверждать, что не только по причине поражения и завоевания, но и по собственному расположению и выбору римляне становились, если так можно выразиться, прибегая к номенклатуре совсем другой эпохи, людьми третьего сословия либо первого, духовного, уступая бремя войны и господства варварам, которые в результате превращались из *gentilii* в *gentilhommes*, в дворян, в феодальную знать. Но этот процесс, представленный здесь в схематическом абстрактном виде, был, естественно, растянут на века.

Реальная история завоевания Рима и вызванной им трансформации средиземноморского и европейского общества представляла собой весьма пеструю, многоцветную картину, различаясь, с одной стороны, в зависимости от предыстории и характера завоевателей, а с другой – от особенностей покоренных провинций, а также от обстоятельств самого завоевания, в одних случаях сопровождавшегося обильным кровопролитием, а в других почти мирного, от того, происходило ли это вторжение с молниеносной стремительностью либо,

напротив, протекало медленно и верно, в течение столетий. В основном темп завоевания зависел от принадлежности завоевателей восточногерманским или западногерманским народам. Для восточных германцев, ринувшихся на штурм империи, характерны стремительные, молниеносные броски на огромные расстояния, в ту пору как западные германцы осваивали в основном места, соседние с ареалом их проживания, и скорее колонизировали и заселяли новые для себя земли, чем завоевывали их, нередко делая это с согласия римской администрации и пользуясь в самой империи поддержкой своих прямых земляков или германцев из родственных племен и народов, уже ранее наводнивших империю в качестве федератов, тем более что их самые успешные соплеменники занимали высокие, иногда ключевые посты в римских вооруженных силах и, реже, штатской администрации. При этом значительная, а в иных случаях большая часть народа не уходила с насиженных мест, оставаясь на родине, в то время как не вовлеченные в переселение остатки восточногерманских народов – готов, вандалов, бургундов – были настолько малочисленны, что скоро подвергались ассимиляции пришельцами, занявшими освободившиеся, опустевшие территории, – в основном славянами. Исключение из правила относительно разных моделей вторжения в зависимости от принадлежности народа к западным или восточным германцам составляли свевы – один из западногерманских народов, знаменитый со времен Цезаря, которого авантюрный и хищнический порыв забросил в далекую Испанию.

Участниками европейской драмы, названной историками «великим переселением народов», в V столетии были готы, вандалы, бургунды, свевы, алеманны, франки, саксы, англы, а также, помимо германцев, гунны, аланы, пикты и скотты. Другие восточногерманские народы – юты, фризы, герулы, гепиды, скиры, ругии – присоединялись к главным акторам переселения, не исполняя в этой драме самостоятельной роли и потому не передав своих этнонимов новообразованным варварским королевствам.

После заключения мирного договора между королем Валией и Римом в 416 г. вестготы вступили в победоносную войну с обосновавшимися до них в Испании вандалами, свевами и аланами, возвратив большую часть освобожденной от них страны под управление представителей имперской власти. Свой народ Валия вывел из Испании, и с согласия Рима вестготы обосновались в Аквитании, на юго-западе современной Франции, в статусе федератов. Граница Вестготского королевства со столицей в Толозе проходила по Пиренейским горам и побережью Средиземного моря на юге, Луаре – на севере и северо-востоке, протянувшись на юго-востоке до границ Прованса – исторически первой римской провинции в трансальпийской Галлии. Это была, по характеристике Л. Мюссе, «одна из самых богатых» областей в Галлии, «она менее всех пострадала от предшествующих вторжений и, конечно, была одной из наименее воинственных (в отличие от Оверни)»⁷¹³. Обладание ею прекратило среди вестготов распри между сторонниками компромисса и установления добрых отношений с Римской империей и антиримской партией, к которой ранее принадлежал сам Валия, после оккупации львиной и лучшей доли Галлии с согласия императорского правительства не планировавший уже новых авантур. В 419 г. он, по выражению Иордана, «удалился от дел человеческих»⁷¹⁴, то есть умер.

Его преемником стал Теодорид I, правивший вестготами более 30 лет, до своей гибели в сражении с гуннами Аттилы в 451 г. Мирные и союзнические, федеративные отношения с Римом прерваны были в 439 г., «в консульство Феодосия и Феста», когда, по словам Иордана, «римляне, нарушив мир, пошли против» Теодорида «войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска»⁷¹⁵. Инициатором разрыва союза был магистр армии Аэций, который в ту пору пользовался неограниченным влиянием на императора Валентиниана III, а командовал войсками, выступившими против готов, Литорий, но, как это видно из «Истории» Иордана, сражение не состоялось: «Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не

оказались слабее (противника); тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись. В этом мирном договоре (участвовал) Аттила, повелитель всех гуннов»⁷¹⁶. Союз вестготов с вандалами, заключенный в 442 г., был вскоре разорван благодаря вмешательству Аэция.

Вестготский король признавал верховенство императоров, оказывал вооруженную помощь Риму, в частности против багаудов, партизанская гверилья которых вновь запылала в Галлии в 435 г., когда ее возглавил некий Тибатто. Позже, при новом обострении противостояния во главе багаудов стоял уже хорошо образованный врач с греческим именем Евдоксий. Бунт перекинулся из Галлии через Пиренейские горы в Тарраконскую Испанию и продолжался там с перерывами до 454 г., когда он был окончательно подавлен вестготами, которых направил против мятежников Аэций.

Король Теодорид был полновластным сувереном в границах своего королевства, за тем только ограничением, что подчиненные ему гало-римляне, численно многократно превосходившие вестготов, сохраняли римское гражданство, жили по законам Римской империи, пользовались муниципальным самоуправлением, судились по тяжёбным делам у своих собственных судей, свободно исповедовали православную веру, в то время как готы оставались арианами. Правовой приоритет готского элемента по отношению к римскому заключался прежде всего в том, что римлянам запрещалось носить оружие, а значит, они освобождались от воинской службы, но в этом не было для них большой новизны, поскольку не юридически, а фактически римские граждане по всей империи давно уже не пользовались оружием, избегали мобилизации, отделываясь выплатой налогов на содержание армии, предоставляя защиту лимеса от варваров самим варварам – федератам и наемникам, в лучшем случае романизованным варварам, приобретшим на службе и за службу гражданские права и составившим военную элиту Рима. Неизбежным следствием малочисленности готов в сравнении с зависимыми

от них римлянами Аквитании – их общее число едва ли превышало 100 тысяч – стала их латинизация. Вероятно, до конца V столетия вестготы владели еще родной речью, но не могли уже обходиться без свободного знания языка оккупированной страны. Во всяком случае никаких следов употребления в официальных актах и в каких бы то ни было иных сохранившихся памятниках вестготского происхождения языка Вульфилы не обнаружено, все они написаны на латыни.

Языковая латинизация готов влекла за собой и их культурную романизацию, но препятствием для глубокой и необратимой ассимиляции служило их инаковерие по отношению к римлянам, естественным следствием которого являлся запрет на *conubiū* – права на вступление в смешанные браки, что укрепляло сегрегацию и поддерживало, условно говоря, относительную «расовую чистоту» пришельцев, укреплявшую в них сознание собственного превосходства над подданными римлянами.

По своему социальному положению вестготы составили военную и землевладельческую аристократию. При этом они не становились собственниками земли, а владели ею на основании юридического института «гостеприимства». В Римской империи давно уже сложилась практика предоставлять военным постольцам в распоряжение и пользование на безвозмездной основе землю частных собственников, на которых эта обязанность возлагалась в порядке гражданской повинности. Этот режим гостеприимства распространен был и на поселившихся в Галлии вестготов, как, впрочем, и на других варваров, получивших статус федератов. Готам предоставлялись земли императорских сальтусов, фиска, а также крупных частных владельцев в местах компактного проживания варваров. Юридическими собственниками участков, переданных во владение варварам, признавались их прежние владельцы – римляне и римские юридические лица. Готы лишены были права продавать предоставленные им имения, а в случае переселения на новое место земля переходила во владение ее юридического собственника. Пропорция, в которой делилась земля, была такой: две трети переходило во владение варваров, а одна треть сохранялась за собственником, но не

следует думать, что так поделены были земли всей Аквитании, оказавшейся под властью готов. Гостеприимство варварам оказывалось только там, где они действительно проживали, и это были лишь островки посреди земель, режим владения которыми оставался прежним. Хотя в бытность пребывания в плодородном Северном Причерноморье готы научились земледелию, в завоеванной Аквитании они уже не занимались ни полевыми работами, ни, похоже, даже надзором за работниками, предоставляя это скучное занятие, недостойное воина, управляющим, нанятым из числа толковых и грамотных галло-римлян. По словам Л. Мюссе, «подобный режим... позволил избежать конфискаций и беспричинного насилия: варвар – в том случае, если он благоразумен, – должен быть заинтересован в успешном ведении хозяйства, часть прибылей от которого достается ему... Фактически варвары имплантировались в римскую среду... Если режим гостеприимства существовал долго, то становился мощной движущей силой ассимиляции»⁷¹⁷.

При ограниченности любых сравнений и параллелей вестготы стали своего рода дворянством – военным и землевладельческим сословием, тем более что и генезис позднейшего западноевропейского дворянства восходит к варварами, в том числе и к вестготам; правда, вследствие позднейшего переселения готов из Галлии в Испанию они составили исходный человеческий материал не для французских жантильоммов, а для испанских грандов, кабальеро и идадьго. Но в V столетии и в Галлии и в Испании существовала еще старая римская земельная аристократия, которая однако была оттеснена новой знатью, почти поголовно неграмотной, зато владевшей оружием и имевшей, в отличие от местных сенаторов, страсть и волю к его употреблению, не страшившейся проливать чужую и свою кровь, подобно римлянам времен царей и ранней республики.

На рубеже IV и V столетий вандалы, контакты которых с Римской империей не имели столь длительной и богатой событиями истории, как у готов, стояли на низшей ступени культурного развития, чем готы, и в этом смысле представляли собой вполне классических варваров, не задетых римской

цивилизацией. Местом их происхождения также была Скандинавия, но не территория Швеции, а север Ютландии, где и поныне существует область, называемая Вендюссель. Подобно готам, и они на рубеже эр переместились в южном направлении, заняв земли по обоим берегам Вислы, где вандалы разделились на два племени: силингов, сообщивших свой этноним славянской впоследствии Силезии, и поселившихся к востоку от них, между верховьями Вислы и Днестра, асдингов. Но это была только временная остановка в продвижении народа дальше на запад и на юг. Во второй половине III века присутствие силингов было зафиксировано уже в верховьях Майна, а асдингов – в Паннонии, откуда их в конце IV века вытеснили гунны. В ту пору обе ветви народа были уже христианами арианского толка. Отступив от более мощных восточных варваров в западном направлении, асдинги соединились со своими родичами силингами, участвовали затем вместе с другими германцами и аланами в прорыве рейнского лимеса в 406 г., но в том же году потерпели поражение от римлян, потеряв в проигранной битве своего короля Годагизела. Позже, действуя вместе с силингами под началом сына погибшего короля Гундериха, который правил с 406 по 428 г., они прорвались на просторы Галлии.

Оставив затем Галлию вестготам, вандалы вместе со свевами и аланами в 409 г. перешли через Пиренейские горы и два года спустя закрепились в Испании, при этом асдинги получили в свое распоряжение северо-запад полуострова – Галисию, где их соседями стали свевы, а силинги – юг страны, древнюю Бетику, или современную Андалусию. Король вестготов Валия, действуя по поручению Римского правительства, нанес поражение силингам, взяв в плен их короля, отправленного затем в Равенну. Остатки племени вновь соединились с асдингами, а также с разбитыми тем же Валией аланами. В 419 г. вандалы и аланы оставили Галисию на растерзание свевам и снова перебрались в Андалусию.

По словам Л. Мюссе, «государство вандалов в Испании... не вышло из самой начальной стадии армии, расквартированной во вражеской стране»⁷¹⁸. Между тем

вестготы, действуя заодно со свевами, не дали вандалам и присоединившимся к ним остаткам аланов спокойно грабить завоеванную страну, вытеснив их и из Андалусии. Народу грабителей грозило уничтожение, если бы, поселившись на побережье, они не научились строить суда и управлять ими. В 425 г. они начали совершать морские набеги на мавританский берег и Балеарские острова, а в мае 429 г. вандалы и аланы, к которым присоединились и некоторые испано-римляне, заразившиеся авантюрным и воинственным настроением своих завоевателей, во главе с королем Гензерихом, побочным сыном Годагизела, наследовавшим власть после смерти своего единокровного брата Гундериха, всем народом переправились через Гибралтар и обосновались в бессильной оказать им сопротивление римской Мавритании. В Африку они были приглашены ее наместником Бонифацием, который враждовал со всесильным в ту пору Аэцием.

Завоеватели, вооруженные мужчины вместе с женами, стариками и детьми, насчитывали не более 100 тысяч человек. По словам Х. Лева, успеху агрессии «благоприятствовали восстания мавров, религиозные и социально-революционные движения (донатисты, циркумцеллиане), а также конфликт наместника с центральным правительством»⁷¹⁹ в Равенне. Циркумцеллианами (кружащими вокруг амбаров) прозвали религиозных фанатиков-донатистов, вооруженных дубинами и нападавших на путников, которым они предлагали убить их под угрозой в противном случае расправиться с ними самими в надежде на то, что благодаря насильственной смерти, хотя бы и причиненной им по их собственному принуждению, они удостоятся Царства Небесного. Из Мавритании варвары двинулись на восток через Нумидийскую пустыню с ее редкими оазисами, понеся немалые потери от безводья и голода, и уже через год добрались до удаленного на 2 тысячи километров от места их высадки на африканском континенте Иппона, начав упорную, продолжавшуюся более года осаду этого города, во время которой преставился епископ Иппонский блаженный Августин. После падения Иппона вандалы двинулись дальше на восток, овладев вслед за Нумидией Проконсульской Африкой.

Стремясь избежать совершенной утраты африканских провинций, Римское правительство предложило варварам союз – *foedus*, и Гензерих принял это предложение; в соответствии с договором, новым федератам были предоставлены для поселения Ситифенская Мавритания, север Нумидии и западная часть Проконсульской Африки. Но, пренебрегая условиями договора, в 439 г. Гензерих фактически без боя занял столицу Африки Карфаген, подвергнув город грабежу, сопровождавшемуся губительными пожарами. В ходе дальнейшей экспансии на восток завоеватели овладели Триполитанией, а в 440 г. отряд вандалов высадился на Сицилии. Стремясь уступками предотвратить вторжение варваров в Италию, в 442 г. Валентиниан III заключил с Гензерихом новый *foedus*, по которому в его власть передавалась уже вся Проконсульская Африка с Карфагеном, ставшим столицей королевства вандалов и аланов, как оно официально называлось, и часть Триполитании.

Едва ли не большая часть завоевателей обосновалась в Карфагене и его окрестностях. Небольшие гарнизоны разместились в других относительно крупных городах Африки: Иппоне, Утике, Типасе, Шершелле. В них были учреждены арианские епископские кафедры. Вандалы составляли тонкий слой населения завоеванной страны, так что они неизбежным образом утратили вскоре свой язык, заговорив на латыни. От более полной ассимиляции, от превращения во всего лишь аристократический слой поработенной нации их, подобно готам, удерживало арианское исповедание и сопряженный с ним запрет на смешанные браки, нарушение которого каралось смертной казнью.

Режим, который создан был вандалами для покоренных афро-римлян, отличался несравненно большей жестокостью, чем в королевстве вестготов. Аборигены не только лишены были права носить оружие, но и, в отличие от положения дел в вестготском королевстве, не допускались к участию в гражданском государственном управлении, в том числе местном, муниципальном, за исключением канцелярских дел, участие в которых римлян было неизбежным ввиду почти поголовной неграмотности завоевателей в первом поколении. В отличие от

готов, вандалы не ограничивали себя нормами закона гостеприимства, и большая часть обрабатываемой земли перешла в собственность короля и частных лиц из числа вандалов, а местные крестьяне в результате этой конфискации были превращены в колонов, или крепостных. Православные римляне страдали и от религиозной дискриминации в самых грубых формах: их храмы подвергались конфискации и грабежам в пользу малочисленных и привилегированных арианских общин, обвинение в попытках обратить арианина в православие влекло за собой смертную казнь. Со временем и очень скоро вандалы и аланы однако пристрастились к образу жизни прежней аристократии покоренной страны, по большей части бежавшей из Африки или выселенной из нее в Италию, Египет, Сирию, увлеклись театральными представлениями, ипподромом и особенно термами, что со временем подорвало их воинский дух и обрекло народ завоевателей на поражение и в конечном счете на его совершенное исчезновение.

Маршрут миграции еще одного восточногерманского народа – бургундов, начинаясь, возможно, в норвежском Боргунде, маркируется далее, и уже бесспорно, балтийским островом Борнхольм и берегами Вислы в ее среднем течении. В III столетии бургунды двинулись из современной Польши на запад, безуспешно участвовали вместе с алеманнами в штурме лимеса на Декуматских полях, закрепившись у границ империи на территории Швабии. 31 декабря 406 г. бургунды участвовали вместе с другими варварами в знаменитом прорыве рейнского лимеса, после чего заняли левый берег Рейна между Кобленцем и Вормсом, который стал их столицей. В 411 г. они вступили в союз с узурпатором Иовианом, что не помешало им после поражения и устранения Иовиана заключить *foedus* с законным императором Гонорием. В период между 413 и 436 гг. бургунды приняли арианское христианство.

В течение 20 лет они мирно уживались с империей, но в 430-е годы попытались продвинуться далее на запад, в глубь Бельгии; в ответ на эту их экспансию Аэций натравил на бургундов своих друзей гуннов. В 437 г. в сражении с гуннами был захвачен и сожжен Вормс, погиб король бургундов

Гундахар, или Гунтиарий. Истреблена была большая часть мужчин, а женщины подверглись массовым насилиям. «Антропологи установили – пишет Л. Мюссе, цитируя далее Марка Сотера, – что «в культурном и расовом отношении бургунды были “заражены” гуннами», на что указывает и обычай черепной деформации»⁷²⁰. Память о Вормсской катастрофе сохранилась в преданиях германских народов и отразилась в скандинавской «Старшей Эдде», в средневековом немецком эпосе «Песне о нибелунгах», в которой действуют герои с именами бургундских королей Гунтиария (Гюнтер) и Гизельхера, остготского короля Теодориха и царя гуннов Аттилы – в германизированном виде его имя звучит как Этцель.

Уцелевшие бургунды были, по указанию Аэция, переселены к югу от их прежнего ареала. Для поселения им были отведена Сапаудия, позднейшая Савойя, – местность, лежащая вокруг Женевского озера и с южной стороны французской Юры. В 443 г. с бургундами был заключен новый *foedus*. С этих пор они в течение полутора десятилетий верно служили империи, и режим, установленный в Бургундском королевстве для зависимых гаалло-римлян, был более благоприятным, чем в других германских владениях – бургунды допускали галло-римлян к участию в управлении государством. Хотя при разделе земли по закону гостеприимства бургунды, как и вестготы, претендовали на две трети, но есть основания полагать, что это были в основном заброшенные земли.

В великом передвижении народов участвовали не только восточногерманские народы, но и западногерманское племя свевов. Этот народ, входивший некогда в племенной союз гермионов, известен был в Риме давно, по крайней мере со времен Юлия Цезаря, который изгнал из Галлии вторгшихся туда свевов во главе с их вождем Ариовистом за Рейн. Затем этот их этноним употреблялся наравне с другим – квады, служившим для обозначения того же самого племени, обитавшего тогда в центральной Европе, в Моравии, откуда свевы, или квады совершали постоянные вторжения в соседние римские провинции Норик и Паннонию.

Тацит называл Балтийское море Свебским – Suebicum mare, но это название относится уже, конечно, не к свебам, а к скандинавским свеям, или шведам, – другое дело, что это сходство этнонимов, вполне возможно, восходит к временам до разделения единого германского народа на западных, скандинавских и выделившихся из них восточных германцев, в этом едином народе могло существовать племя, часть которого, собственно свевы, осталась на южном берегу Балтики или Северного моря, спустившись оттуда впоследствии в центральную часть Германии, а другую часть одно из доисторических переселений могло занести в Скандинавию, так что впоследствии свевы и свей стали уже совсем разными народами.

В начале III века свевы входили в состав алеманнского союза племен и обитали западнее их прежнего ареала, ближе к той местности, которую они занимали во времена Ариовиста, иными словами, на земле, топонимом которой и поныне служит их трансформированный этноним – Швабия. Вместе с другими алеманнскими племенами свевы участвовали во вторжениях через Альпы в цизальпинскую Галлию, или северную Италию, пока в 277 г. по алеманнам не был нанесен сокрушительный удар императором Пробом, остановившим их экспансию на юг, но не помешавшим им прочно закрепиться на северном берегу Дуная, который был навсегда потерян для империи.

В 406 г. свевы, выделившись из алеманнского союза и оставив часть соплеменников у себя дома, двинулись вместе с другими народами на прорыв рейнского лимеса, который закончился удачей для агрессоров. С 407 по 40 г. они продвинулись по югу Галлии до Пиренейских гор и затем вторглись в Испанию. В 411 г., при разделе этой страны между варварскими народами, они вместе с присоединившимися к ним аланскими родами получили южную часть Галлекии, или Галисии, которая включала и север современной Португалии, где столицей их стал город Брага. Затем, в 41 г., при короле Гермерихе, после ухода вандалов-асдингов с севера Галисии, свевы заняли оставленную ими территорию. История пиренейских свевов, не имевших, подобно готам, франкам или

англо-саксам, своих летописцев, таких, как Иордан, Григорий Турский или Беда Достопочтенный, известна крайне скудно и фрагментарно, с существенными лакунами. Местные испано-римляне пытались сопротивляться поработителям, просили о помощи Аэция, но тот не нашел у себя под рукой достаточного воинского контингента для защиты римских граждан Испании, и местная администрация в 433 г. заключила со свевами foedus, который воспроизводился затем с поправками в 437 и 438 гг. При короле Рехиаре, после ухода вандалов в Африку, свевы расширили свои владения, распространив их на Мериду, или Эстремадуру, часть Севильи и даже на часть Картахены, расположенной на берегу Средиземного моря, создав не надолго, пока их не разгромили вестготы, самое обширное королевство в Испании.

В прорыве рейнского лимеса, осуществленном 31 декабря 406 г., участвовали не только свевы, но и другие алеманнские племена. Форсировав Рейн, алеманны стали осваивать территорию современных Пфальца и Эльзаса, покоряя и частично поработывая в прямом смысле слова местное галло-римское население. Их дальнейшая экспансия в северо-западном направлении была остановлена оказавшимся более сильным племенным союзом франков.

В V столетии самым могущественным германским народом считались готы, но наиболее прочный успех, последствия которого определили ход позднейшей истории, сопровождал завоевания франков. Их племенной союз сложился относительно поздно, уже только в III веке. Его составили известные из эпохи Цезаря и Тацита бруктеры, хамавы, хаттуарии, амписварии, тенктеры, узии и сикамбры, а также часть батавов и хаттов. Первое упоминание франков встречается в «Истории Августов», в рассказе о событиях, относящихся к 241 г. Франки упоминались затем в источниках как участники вторжения германцев в Галлию при императоре Галлиене. При императоре Пробе «группа франков, оказавшихся неведомым образом на Черном море, вернулась на родину через Гибралтар»⁷²¹. Наварх Караузий, позже учинивший мятеж против Диоклетиана, в 286 г. защищал

галльский берег Северного моря от набегов саксонских и франкских пиратов. Наиболее вероятное значение этнонима «франк» – храбрый; именно это значение имеет родственное слово *frekk*, употребляемое в написанных на древненорвежском языке «Старшей» и «Младшей Эдде» – франкский диалект эпохи образования племенного союза не известен из памятников и может быть лишь реконструирован на материале письменно зафиксированных текстов позднейшей эпохи, но несомненна преемственная связь с ним современных франконских диалектов немецкого языка, а также нидерландского языка, в особенности в его фламандских диалектах.

Союз франков изначально состоял из двух объединений, которые между собой связаны были непрочными узами. Название первого из них «салии» хорошо известно из многих документов, их ареалом был правый берег Рейна ниже Колонии Агриппины, то есть Кельна. Относительно происхождения этнонима «салии» или «салические франки» существуют разные версии: по одной из них, он идет от правобережного притока Рейна, протекающего по территории Голландии, – Эйсел, который ранее назывался Сала. Правобережье Рейна в Голландии до сих пор носит наименование «Салланд». По другой версии, этноним «салии» происходит от древнегерманского слова «*sala*», обозначавшего берег моря.

Выше по течению Рейна, до местности, расположенной напротив римского Могонтиака, то есть Майнца, расположен регион, где обитала другая группа франкских племен. «Равеннский космограф», памятник, скомпилированный во второй половине V века, называет территорию, расположенную южнее ареала салиев, «*Francia Rinensis*», что значит Рейнская Франкония, которая однако в ту пору распространялась также и на рейнское левобережье до долины Мозеля. Словом *ripa* (отсюда рипуарии) древние германцы обозначали берег реки. Этноним «рипуарии», или «рипуарские франки», стал употребляться в латинских документах уже только во второй половине I тысячелетия.

Первый король франков, известный из литературы, – Генобавд, заключивший foedus с Римом в 288 г. Он не принадлежал к знаменитой династии Меровингов. В источниках упомянуты имена 7 правителей IV века, и среди них еще один Генобавд, Маркомер и Суннон. С конца IV столетия править франками стали «длинноволосые» короли из салического племени сикамбров, носившие впоследствии династическое имя Меровингов. Григорий Турский, автор «Истории франков», писал о том, как франки «избрали себе длинноволосых королей из своих первых, так сказать, более знатных родов»⁷²². Длинные волосы, по мифологическим представлениям древних германцев, носил верховный бог Один, или Вотан, и такую привилегию имели лишь короли, которых германцы почитали как его потомков. У Григория Турского, писавшего свою книгу в VI столетии, можно прочесть, что длинные волосы вначале были отличием королей из разных франкских династий, но позже прозвище «длинноволосые» стало фактически синонимом Меровингов. Это родовое отличие они сохраняли затем в течение столетий, вплоть до полного угасания династии.

По Григорию Турскому, первые из длинноволосых королей не были прямыми предками знаменитого Хлодвига, хотя один из них, Хлогион, принадлежал к одному роду с ним: ссылаясь на «Консульские фасты», Григорий писал, что «Теодомер, король франков, сын Рихимера, и мать его Асцила пали от меча. Говорят также, что тогда королем у франков был Хлогион, деятельный и весьма знатный среди своего народа человек... Говорят, что из этого же рода происходил и король Меровея, у которого был сын Хильдерик»⁷²³. Имена Хлогиона и Хильдерика, живших уже в середине V века, известны из разных бесспорно достоверных источников. Хлогиона упоминает современный ему писатель Сидоний Аполлинарий в панегирике императору Майориану. Л. Мюссе считает Хлогиона отцом живших в конце V столетия Рагнахара, Рихария и Ригномера, «приходившихся Хлодвигу кузенами с неизвестной степенью родства»⁷²⁴.

Фредегар, живший столетие спустя после Григория Турского, в VII веке, в своей «Хронике» называет отцом Хлогиона Теодомера, а неизвестный автор «Книги истории франков» (VIII

век) родоначальником династии Меровингов объявляет некоего Фрамонда, сына Маркомира, имя которого упоминается в источниках в связи с событиями конца IV века, и заодно внука гомеровского Приама, что уже представляет собой хронологически ни с чем не сообразную фантазию, свидетельствующую о глубоком затмении исторического сознания на Западе в эту эпоху. Нелепица о происхождении Меровингов от Приама не была бесцельной выдумкой, она призвана была обосновать идею о родственной близости франков римлянам, поскольку и франки, по меньшей мере в лице своих королей, оказывается, тоже происходят из Трои, причем они выше римлян по благородству, поскольку те восходят к одному из троянцев Анхизу и сыну его Энею, а франки – к самому царю Трои Приаму.

Но обозначенное Григорием Турским династическое преемство (Меровей-Хильдерик – Хлодвиг) представляется заслуживающим доверия, несмотря на отсутствие упоминаний о Меровея в источниках V века. Вероятно, однако, что у Григория пропущено одно или несколько звеньев в генеалогической цепи, но нет серьезных оснований считать Меровея «скорее мифическим эпонимом династии, нежели реальным персонажем», как это делает Л. Мюссе⁷²⁵. Очевидно только, что время его жизни относится к эпохе до прорыва рейнского лимеса 406 г., в котором франки если и участвовали, то в качестве одиночек, присоединившихся к свевам, бургундам, вандалам или вестготам.

Проникновение франков в пределы Римской империи происходило задолго до этого события, и не столько в виде локальных набегов, последствиями которых, даже в случае успеха, редко становилось расселение внутри лимеса, потому что и самые их цели были в основном иными – грабительскими, хотя иногда вторгшимся варварам и предоставлялись для поселения земли, подвергшиеся запустению, сколько чрез поступление многочисленных франков на воинскую службу империи, и некоторые из франкских наемников делали в Риме блестящую карьеру, становились выдающимися военачальниками. Из военной истории Рима известны имена франкских полководцев:

Бонита, отличившегося в правление святого Константина, его сына Сильвана, дерзнувшего выступить в роли провалившегося узурпатора, консула Рихимера, сын которого Теодомер стал франкским королем, а племянник по имени Арбогаст попытался в 392 г. свергнуть законного императора и поставить вместо него своего ставленника из римлян Евгения. Кроме того, на землях империи власти создавали поселения франкских пленников летов, становившихся своего рода государственными колоннами, но из их среды также поступали рекруты в римскую армию.

Прорыв 406 г., в котором не принимало участия ни одно из франкских племен, способствовал их экспансии за Рейн, поскольку он разрушил систему пограничных укреплений, и северо-восточная Галлия оказалась беззащитной. Правда, Аэций в конце 420-х гг. вытеснил на время франков из части занятых ими земель, но вскоре экспансия возобновилась. К середине V столетия захвачены были подвергшиеся грабежу и разрушениям Кельн, Майнц и Трир, хотя основная масса франков селилась отнюдь не в этих городах, где еще долго оставалось римское население, а в окружающих их деревенских поселениях, которые представлялись германцам гораздо более приспособленными для нормального человеческого проживания, чем напоминавшие им гробницы каменные городские строения.

В самом начале V столетия Римская империя навсегда утратила Британию. Последствия этого события наложили свою печать на всю дальнейшую историю острова вплоть до наших дней. Выразительной иллюстрацией этого факта может служить уже то обстоятельство, что в то время как все государства континентальной Европы пользуются юридической системой, выросшей на базе римского права, в Англии и ее бывших колониях действует иное, англосаксонское право, основу которого составило обычное право германских народов.

Но первыми смертельный удар по римской Британии нанесли не германские племена, а родственные бриттам пикты и скотты. В 407 г. узурпатор Константин, овладевший Британией, переправился с римскими легионами, расквартированными на подвластном ему острове, в Галлию,

чтобы изгнать из ее пределов вторгшихся туда варваров. Вернуться в Британию легионерам, взбунтовавшимся против законного императора, уже не удалось, но и Гонорий не находил уже у себя под рукой вооруженных сил, которые бы он мог направить на восстановление римской власти на острове.

Местные брито-римляне попытались устроиться самостоятельно, сохранив римскую систему муниципального управления и даже фикцию принадлежности к империи, тем более что, по словам Л. Мюссе, «поскольку остатки администрации были... скомпрометированы в период правления самозванца Константина, от них легко было избавиться под флагом теоретической лояльности по отношению к императору Гонорию... Власть перешла к *civitates* (городским общинам). Они сохраняли некоторый контакт с империей»⁷²⁶, но он был окончательно прекращен после того, как франки оккупировали Бельгику, разорвав коммуникации, связывавшие Галлию с Британией, и, как пишет тот же историк, «когда в 429 г. святой Герман Оксеррский прибыл в Британию, чтобы бороться с пелагианством, он уже не нашел там никаких представителей империи, однако обнаружил исправно функционирующие власти, например *vir tribunicae potestatis*... в Веруламии. С этого времени Британию следует считать независимой кельто-римской страной, непрочной федерацией городов. Большинство из них, должно быть, сохранило своих декурионов, и все большее их число имело своих епископов»⁷²⁷.

Между тем степень романизации бриттов была, вероятно, слишком низкой. В начавшейся затем конкуренции между элементами, стремившимися сохранить римские начала администрации и права, и теми, кто тяготел к регенерации, видимо, лишь потесненной, подавленной из больших городов, но прекрасно сохранившейся исконно кельтской правовой, политической, бытовой и культурной стихии, верх одержали носители и ревнители автохтонного менталитета. Когда святой Герман еще раз, уже в 40-е гг., прибыл на остров, он застал там полный крах муниципальной системы управления – власть повсюду уже находилась в руках бриттских племенных вождей.

Борьба двух политических и культурных начал оказалась включенной в контекст религиозной полемики между пелагианами, среди приверженцев которых выделялся один из бриттских племенных вождей Вортигерн, и православными бритто-римлянами, стремившимися восстановить порванные узы единства с имперской властью. Признанным лидером этой партии был Амвросий Аврелиан, который считался или действительно был потомком одного из консулов Рима. Память о нем, расцвеченная фантазией, порожденной средневековой рыцарской культурой, превратила его в прославленного короля Артура, хотя существует и иная версия происхождения предания о короле Артуре, исходящая из реального существования бриттского племенного вождя или короля с этим именем в более позднюю эпоху, уже в конце V века, который, возможно, был племянником Амвросия Аврелиана. Амвросий и его соратники, принадлежавшие к партии романофилов, тщетно взывали к магистру армии Аэцию, призывая его прислать на остров воинские подкрепления, – Аэций не захотел или не смог откликнуться на этот призыв.

Помощь требовалась не для противостояния племенной аристократии бриттов, – с нею муниципальная аристократия вела скорее политическую, чем вооруженную борьбу, – реальным врагом были вторгавшиеся на территорию римской Британии с моря из близлежащей Гибернии, или Ирландии, скотты, а также пикты, совершавшие набеги с севера, из Каледонии, через вал Адриана, обветшавшие и рухнувшие руины которого после ухода римских легионеров из Британии некому было защищать.

Как и бритты, ирландские скотты, которых по-другому называли также гэллами, говорили на одном из кельтских языков, но это был язык, принадлежащий к группе q, в то время как язык бриттов принадлежал к группе p. Потомками древних бриттов, и биологическими и лингвистическими, могут считаться сохранившие свои близкородственные языки валлийцы и бретонцы, а потомками гэллов являются шотландские горцы, сохранившие этот этноним, и ирландцы, из которых лишь немногие свободно пользуются гэлльским языком своих предков. Современные

жители большей части Шотландии, называющие себя скоттами, также, очевидно, могут считаться в основном потомками древних, или средневековых гэллов, но со временем они утратили родную речь, приняв английский язык завоевателей, при этом отличаясь как от католиков-гэллов, так и от англичан кальвинистским, или пуританским вероисповеданием.

Пикты изначально были носителями не кельтского и вообще не индоевропейского языка, но ко времени умножившихся набегов на Британию, откуда ушли римские легионы, они сохранили свой исконный язык, который не известен из-за скудости оставленных им топонимических и ономастических следов, лишь на севере Каледонии, а в основном говорили уже преимущественно на кельтском языке, принадлежавшем к языковой группе р, решительно отличаясь однако от бриттов обычаями и бытовой культурой: согласно принятой в Римской империи классификации народов по степени их цивилизованности, пикты являлись не варварами, но дикими – *furii*, подобно германцам – кимврам и тевтонам – времен Мария. Есть свидетельства существования у пиктов каннибализма. При этом этнонимы «гэллы», «скотты» и «пикты» не являются самоназваниями народов и представляют собой в одном случае латинское слово («пикты», что значит «нарисованные» – связано с обычаем наносить на тело красочную татуировку), в другом (скотты от *Scottia*) латинизированную форму ирландского слова со значением «грабители», в третьем (гэллы) – позднейшую трансформацию появившегося уже только в VII веке этнонима «гойделлы», происхождение которого наиболее вероятным образом связано с валлийским названием Ирландии – *Gwiddel*, которое, правда, и в самой Ирландии впоследствии заменило более древние самоназвания – эрины и фении.

Первое вторжение пиктов в Британию через вал Адриана относится к 367 г., скотты совершали морские набеги из Гибернии на западный берег соседнего острова уже с середины IV века, но пока в Британии присутствовала римская армия, хотя нападения эти сопровождались грабежами и пожарами, реальной угрозы захвата Британии варварами не существовало. Ситуация однако радикально изменилась после эвакуации

римских гарнизонов. Об отчаянном положении, сложившемся тогда в Британии, английский историк VI столетия Гильдас Мудрый писал: «После этого Британия лишилась всей ее армии, ее военных припасов, ее правителей, хоть и жестоких, и ее доблестных юношей, которые последовали за упомянутым тираном (имеется в виду узурпатор Константин. – В.Ц.) и так и не вернулись. Совершенно не знакомая с военным делом, она в первый раз оказалась открыта нападению двух крайне жестоких чужеземных народов, скоттов с северо-запада и пиктов с севера, и много лет продолжались в ней плач и стенания. Подвергаясь набегам этих народов и испытывая жестокие бедствия, Британия отправила посольство с письмами в Рим, слезно прося помочь ей военной силой и обещая, если враги будут изгнаны, подчиниться власти римлян нерушимо и чистосердечно»⁷²⁸.

Гильдас и заимствовавший у него сведения об этом периоде британской истории Беда Достопочтенный писали, что такая помощь была оказана и римский экспедиционный корпус дважды громил варваров и грабителей, многие историки однако сомневаются в достоверности этого сообщения. Во всяком случае и Гильдас и Беда пишут затем о том, что в конце концов Рим все-таки оставил романизованную Британию наедине с ее врагами: «После этого римляне объявили нашей стране, что они не могут постоянно предпринимать такие экспедиции и не могут ради поддержания знаков римской власти держать на суше и море столь большое войско, защищая невоинственных, трусливых, вороватых жителей. Они побуждали самих бриттов взяться за оружие и храбро сражаться ради защиты своей земли, имущества, жен, детей и того, что еще дороже – свободы и жизни... Они снабдили их щитами, мечами и копьями»⁷²⁹. За этим последовали новые набеги варваров: «Ужасные полчища скоттов и пиктов тут же высадились из своих курук, на которых плавали как через проливы, так и в далекие моря; так с подъемом солнца и усилением жары темные скопища червей вылезают из расщелин своих нор. Они следовали своим привычкам и прежде всего жажде крови; она свойственна им так

же, как обыкновение более прикрывать свои грубые лица волосами, чем свою наготу лохмотьями»⁷³⁰.

Святой Герман Оксеррский, прибывший в эту бедственную пору в Британию, «вспомнив, – по словам Л. Мюссе, – что в молодости он был наместником галльской провинции», собрал ее жителей, способных носить и употреблять оружие, и под его командованием они одержали победу над скоттами и пиктами в сражении, которое состоялось на Пасху 429 г. и оттого получило наименование “аллилуйной победы”⁷³¹. Но Герман должен был оставить страну, а бритты продолжали подвергаться нападениям со стороны варваров-язычников.

Таким образом, к середине V века в Британии связь с империей, и то вполне номинальную, почти только эпистолярную и ментальную, сохранили лишь те земли, которые находились под властью романофильски настроенных местных правителей, подобных Амвросию Аврелиану или Артуру, если это было иное лицо, чем Аврелиан.

Образованные на территории континентальных римских провинций германские королевства связаны были с правительством в Равенне почти столь же воздушными узами, что и островки римской Британии, вожди которой сохранили имперское самосознание. Прямой контроль равеннской администрации сохранился лишь там, где были расквартированы наступательные мобильные армии, а именно на севере и северо-западе Галлии, где во главе войска стоял *magister militum* Аэций, в Далмации, куда были отведены основные силы Дунайской армии, и в Италии, заслоненной от вторжения легионами, размещенными между Медиоланом и Равенной, но также еще в Провансе, где расквартированы были лишь малочисленные римские гарнизоны, так что его оккупация варварами была всего лишь отложена на время – завоевателям нелегко было сразу освоить доставшиеся им огромные территории. Посты, лагеря и крепости по периметру имперского лимеса были оставлены. Империя уже не обладала на западе ни человеческими ресурсами, ни финансовыми средствами для его обороны. Поэтому правительство в Равенне благоразумно решило не распылять имеющийся потенциал по бесчисленным

пограничным укреплениям, и укрепления эти постепенно приходили в руинированное состояние, но процесс их разрушения длился из-за их монументальной прочности веками, так что рудименты лимеса уцелели в разных регионах до наших дней.

9. Держава Аттилы и ее крах

В середине V столетия и Римская империя и варварские королевства, сложившиеся на ее территории, столкнулись с угрозой, масштабы которой представлялись современникам апокалиптическими. В таком свете предстало и римлянам и германским варварам продвижение из центра Европы на ее запад гуннской орды во главе с ханом Аттилой, который вошел в историю как своего рода предтеча Чингис-хана.

В конце IV века гунны, наследники и потомки восточных хунну, в своем продвижении на запад остановились у границ римской Паннонии, в Придунавье и Притисье – в стране с лучшими в Европе пастбищами для скота. Эта земля до их прихода не была безлюдной, но обитавшие в ней племена – славянские, германские, иранские, а также оставшиеся еще не ассимилированными фракийцы-даки – вынуждены были подчиниться завоевателям-кочевникам, которые ранее нанесли сокрушительный удар по готам, дав этим разгромом толчок великому переселению народов.

Греческие писатели с их архаическим литературным вкусом по большей части именуют гуннов этнонимом, который принадлежал народу, к тому времени фактически исчезнувшему, – скифам, в то же время в современных памятниках, в том числе и в главном из них «Сказании» Приска Паннийского, сохранившемся в отрывках, встречается и самоназвание пришельцев из Азии – гунны. В одних случаях эти этнонимы – действительный и антикизирующий – обозначают один и тот же народ, но в других они имеют разное значение. Один из авторитетных тюркологов Э. А. Томпсон писал, что Приск аккуратно различал эти этнонимы, что «скифы» у него – это «общее обозначение всех кочевников, а поскольку многие кочевые народы объединились под Аттилой, был найден очень удобный термин для их определения... Гунны были скифами, но не все скифы были гуннами... Позже, когда работы Приска стали, в свою очередь, классикой, мы находим историков, которые используют термин “гунн”, так же как Приск термин “скиф”»⁷³². Томпсон прав относительно

позднейшей «канонизации» этнонима «гунны» и употребления его по отношению к аварам, туркам, хазарам или печенегам, но у Приска, вопреки его утверждению, нет терминологической однозначности в употреблении названий «скиф» и «гунн». И тот и другой этноним он употребляет в разных случаях в разных значениях, обозначая ими и гуннов в теснейшем смысле слова, и зависевшие от гуннов другие тюркоязычные народы, но также и в ту пору уже скорее оседлых, чем кочевых германцев, славян, иранцев – алан и языгов. Среди этих народов, которые Приск безразлично называет и скифами и гуннами, были также анты, представлявшие собой своеобразный симбиоз ираноязычных аланов и славян.

Из того обстоятельства, что Приск называет гунном приближенного к Аттиле сановника Эдеко, вероятного отца знаменитого впоследствии германского вождя Одоакра, Томпсон делает опрометчивый вывод, что тот был не германцем, а гунном в собственном смысле слова, замечая при этом: «Если Эдеко был германцем, то почему Хрисафий разговаривал с ним через переводчика Вигилу»⁷³³. Аргумент этот, однако, не представляется веским – почему Хрисафий должен был владеть германскими наречиями или Эдеко, будучи германцем, собственно скиром, служившим Аттиле, – греческим или латинским, в конце концов, он мог бы знать один из этих языков и в том случае, если бы был природным тюркоязычным гунном, каковым его считает Томпсон. Пожалуй только один анахронический этноним, употребляемый Приском, имеет относительно узкое значение – это «царские гунны». Именно так он часто называет господствующее гуннское племя, обосновавшееся вокруг ханской ставки в Восточной Венгрии.

Еще одно соображение относительно номадизма или, как предпочитает выражаться Томпсон, пасторализма гуннов: в начале IV столетия кочевой или полукочевой образ жизни вели, вероятно, уже только те гуннские племена, которые задержались в своем продвижении на запад в степях Причерноморья и Прикаспия, а также такие тюркоязычные народы, как акациры, отчаянно сопротивлявшиеся гуннам, пока те не разгромили их, алциагиры, алцилдзуры, барсилы, савиры,

утургуры и кутургуры, угроязычные хуннугуры и сарагуры, в то время как продвинувшееся в Придунавье господствующее племя, во главе которого со временем стал Аттила, представляло собой своего рода аристократию, жившую военными грабежами, взиманием дани с подчиненных народов и подарками, по существу той же данью, которыми откупалась от них Римская империя в стремлении избежать больших потерь, сопряженных с грабительскими вторжениями, работорговлей и продажей награбленного, в основном предметов роскоши.

Став оседлым народом, господствующие гунны сохранили военную тактику и вооружение своих предков-кочевников: обоюдоострую или одностороннюю саблю, короткий лук с костяной накладкой, из которого они умели стрелять с поразительной меткостью, и такое замечательное оружие степняков, как аркан. Гунны сражались сидя на своих конях, малорослых, но исключительно выносливых, быстрых и способных к самым виртуозным мгновенным поворотам, так что гуннская конница отличалась поразительной маневренностью. Одним из изобретений гуннов, обеспечивших им военное превосходство над противниками, явилось жесткое седло с деревянной основой, скрепленной металлическими пластинами. Вместе с тем гунны умели пользоваться и артиллерийской, или, лучше сказать, стенобитной техникой, которой их предки овладели еще во времена нескончаемых войн с Китаем, позаимствовали ее у него.

Прямыми данниками гуннов были германоязычные остроготы, или остготы, гепиды, тайфалы, герулы, скиры, ругии, бургунды, вандалы, туринги, баювары, лангобарды, ираноязычные аланы и языги, а также славяне, хотя и не упоминаемые Приском, но присутствие которых в империи Аттилы имеет надежные подтверждения в его сочинении. Рассказывая о путешествии посольства, отправленного императором Феодосием Малым к Аттиле, в котором участвовал автор, по территории современной Восточной Венгрии, он пишет: «В селениях отпускали нам в пищу вместо пшеницы просо, вместо вина – так называемый у туземцев

медос»⁷³⁴, в котором, если отбросить греческое окончание, легко узнается славянский «мед» – хорошо известный легкий алкогольный напиток древних славян и руси. Через левобережные притоки Истра, или Дуная, посланцы императора перебирались на моносилах – «однодеревках, употребляемых береговыми жителями тех рек»⁷³⁵ – столь хорошо известных из позднейших источников лодок, на которых плавали, конечно, не только славяне, но и славяне также. Наконец, еще один, и более значимый, аргумент в доказательство славянского присутствия в гуннской орде находим у Иордана, который в гуннских сюжетах своей «Гетики» опирался на Приска, пересказывая его близко к тексту, и при этом воспроизвел также и утраченные места из его «Сказания». Рассказ о погребении Аттилы заканчивается у него так: «После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством»⁷³⁶.

Слово «страва» не из тюркского лексикона. Крайне неубедительной натяжкой представляется поддержанная Моммзенем версия сказочника и филолога Я. Гримма о том, что это слово произошло от готского *straujan*, что значит «простирать», которое у Иордана обозначает «погребальный костер, как ложе, на котором простирали мертвеца для сожжения»⁷³⁷. Ни с чем не сообразный довод как с филологической точки зрения, так и исходя из здравого смысла и прямого понимания текста Иордана, который ясным образом пишет не о кремации, а об ингумации останков Аттилы. Между тем, как писал еще А. А. Котляревский в книге «О погребальных обычаях языческих славян», изданной в 1867 г., славяне «и доныне обозначают стравой пищу, кушанье, запас яств, составляющих обед», причем в таком значении употребляется это слово и «теперь в наречиях польском, чешском, словацком, малой великорусском», а также «в памятнике старой чешской письменности» и «именно со значением погребальных поминок, пира по смерти»⁷³⁸.

Бесспорно славянская этимология слова «страва» позволяет предполагать нечто большее, чем только присутствие славян

среди гуннов. Версия русского историка Иловайского о славяноязычии и даже славянстве гуннов – это, конечно, преувеличение, но заимствования славянской лексики в родном для гуннов тюркском языке и даже владение гуннами, обитавшими в Придунавье и Притисье, славянским языком является весьма вероятным, если не сказать доказанным фактом, который находит объяснение в численном превосходстве славян над природными гуннами на этой территории, где славянами были ассимилированы автохтонные фракийцы и откуда значительная часть поселившихся тут ранее восточных германцев к тому времени ушла на запад. Томпсон вполне резонно писал об относительно незначительной численности гуннов: «В 409 году Гонорий использовал 10 тысяч гуннов против Алариха... Олимпиодор, лично наблюдавший жизнь гуннов, описал невероятные усилия, предпринятые императором для обеспечения продовольствием этой армии союзников... В 409 году гуннский отряд, разгромивший готов Атаульфа, насчитывал 300 человек... Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что в среднем численность групп гуннов, совершавших набеги на римские провинции в начале V века, превышала 1200 человек»⁷³⁹. Резюмируя свои выкладки, историк приходит к выводу: «Мы можем констатировать, что грандиозные захваты гуннов совершались «смехотворно малыми группами всадников»⁷⁴⁰. На территории Венгрии в пору ее оккупации гуннами в языковом отношении происходил процесс, подобный тому, который в IX веке завершился в Болгарии полной языковой ассимиляцией малочисленных завоевателей болгар ближайшими родичами гуннов, считавшихся современниками их прямыми потомками, численно многократно превосходившими их покоренными ими славянами.

Г. В. Вернадский отождествляет завоеванных гуннами славян в основном со славянским элементом в антском аланославянском симбиозе⁷⁴¹, но по преимуществу это относится к славянам, обитавшим в северном Причерноморье, а также в пределах современной Бессарабии и румынской Молдавии. На левом берегу Дуная, в восточной Венгрии, где находилась ставка гуннского хана, местные славяне принадлежали,

вероятно, главным образом к словенским племенам, а не к антам, и подчинялись гуннам напрямую, а не через аланскую верхушку, как в случае с антским племенным союзом. Впрочем, и Вернадский не исключает подобного допущения: «Кажется возможным, писал он, – что кроме аланских соединений в гуннской армии были славянские соединения»⁷⁴².

Германские, славянские и ираноязычные племенные союзы и племена, а также зависевшие от гуннов тюркоязычные народы и угроязычные хуннугуры имели своих собственных королей и вождей, состоявших в вассальной зависимости от верховного хана господствующей гуннской орды и его соправителей. Гунны не только совершали агрессивные набеги на империю, но и вступали с нею в союзнические отношения. В 400 г. по приказу гуннского хана Ульдина был убит бежавший в пределы его орды Гайна, римский военачальник вестготского происхождения, учинивший мятеж против императора Аркадия. В битве римлян с вторгшимися в Италию германцами под предводительством Радагайса, состоявшейся в 406 г. под Фьезоле и закончившейся поражением варваров, на римской стороне участвовали аланы и гунны во главе со своим ханом Ульдином.

Прорыв рейнского лимеса, осуществленный 31 декабря 406 г., в результате которого значительная часть германцев, особенно восточных, и аланов, продвинувшихся ранее в центральную Германию, переместилась на территорию империи – в Галлию и Испанию, создали в разных местах центральной Европы вакуум, заполненный гуннами и зависимыми от них народами, в особенности славянами.

В 408 г. острие гуннских грабительских набегов было переориентировано с западного направления на южное, где находились лучше защищенные, но и менее разоренные предшествующими войнами провинции. В этом году орда, в состав которой, кроме гуннов, входили также германоязычные скиры, во главе с прежним союзником Рима Ульдином форсировала Дунай и захватила заслонявшую Нижнюю Мезию крепость Кастра Марис. Разорив города Мезии, Ульдин вторгся во Фракию. Римский военачальник вступил в переговоры с Ульдином, но тот повел себя с крайней надменностью: он

«указал на восходящее солнце и заявил, что если захочет, то легко найдет способ подчинить всю землю, которую освещает солнце. Он потребовал немыслимую сумму за мир»⁷⁴³. Но римский сановник мастерски владел многовековым искусством римской дипломатии подкупать, разделять и разлагать варваров. За спиной Ульдина с помощью золотых и серебряных монет переговоры велись с предводителями отдельных улусов, и в гуннском стане начались раздоры, в результате которых удовлетворенные взятками вожди со своими отрядами один за другим покидали Ульдина, так что ему с трудом удалось избежать пленения, для чего понадобилось срочно переправиться через Дунай в северном направлении. Набег гуннской орды на Мезию и Фракию побудил правительство Нового Рима предпринять срочные меры по укреплению безопасности балканских провинций и столицы. Именно тогда вокруг Константинополя была выстроена стена, названная в честь императора Феодосия II, а в портовых городах Дуная стали строиться военные суда.

Тем временем правительство западной части империи – Гесперии, постоянно нуждавшееся в наемниках и союзниках из числа варваров, после казни полководца вандальского происхождения Стилихона, отвратившей от него германский элемент, находит новый ресурс пополнения своих вооруженных сил в гуннской орде. Для гуннов служба империи была выгодным ремеслом, но чтобы не стать жертвой римского коварства, гунны требовали заложников, и Равеннское правительство удовлетворяло эти требования – одним из таких заложников стал тогда прославленный впоследствии полководец Флавий Аэций, родом из Мезии, сын военачальника Гауденция, в ту пору еще юноша. Пребывание в гуннской орде дало ему знания, знакомства, опыт, которыми он искусно пользовался как в дипломатических переговорах с гуннами, в заключении союзов, так и в войнах с ними.

Неудача Ульдина и рост военного могущества империи отвратили гуннов от новых вторжений в ее пределы. На время интересы гуннской орды переключились с Римской империи на Сасанидский Иран, путь к которому лежал через Кавказские

горы, примыкавшие к восточным кочевьям гуннской орды. Приск Панийский передает услышанный им от посланца Равеннского правительства, с которым он встретился в ставке Атилы, рассказ о том, как в прошлом гунны уже побывали в этой стране: «Когда кто-то из присутствующих спросил, по какой дороге Атила может пройти в Персию, Ромул сказал, что Мидия не очень далека от Скифии; что гуннам неизвестна ведущая к ней дорога и что они давно в нее вторгались в то время, когда у них свирепствовал голод... что в Мидийскую область дошли Васих и Курсих, те самые, которые впоследствии приехали в Рим для заключения союза, мужи царского скифского рода и начальники многочисленного войска. По рассказам их, они проехали степной край, переправились через какое-то озеро, которое Ромул полагал за Меотиду (полагал правильно, это действительно было Азовское море. – В.Ц.), и по прошествии пятнадцати дней, перейдя какие-то горы (Кавказские. – В.Ц.), вступили в Мидию»⁷⁴⁴. Персам, или мидянам однако удалось успешно отразить вторжение. «Скифы отступили и перешли опять горы, унося с собой не много добычи... Боясь преследования неприятельского, скифы обратились к другой дороге, ехали... по той, где пламя поднимается из скалы подводной (подобный феномен наблюдался в Каспийском море, близ Апшерона. – В.Ц.), и воротились в свою страну»⁷⁴⁵.

В начале 420-х гг. во главе гуннской орды стояли три хана, которые, вероятно, были братьями: Ругил – в разных источниках его имя воспроизводится также как Роил и Руа, Мундзук и Октар. Каждый из них правил одним из трех улусов. Верховным ханом признавался Ругил. После смерти императора Гонория в 423 г. Аэций, в ту пору уже один из самых влиятельных военачальников и сановников на западе империи, решил поддержать узурпатора Иоанна. Сохранив со времени своего пребывания заложником в орде приятельские отношения с влиятельными гуннами, Аэций обратился к Ругилу с просьбой о военной помощи; хан направил в Италию целую армию из гуннов и аланов, но когда она вошла в пределы империи, поддержавший племянника Гонория мальчика Валентиниана и

его мать Галлу Плацидию полководец Бонифаций уже одержал победу над Аэцием и Иоанном. Узурпатор был казнен, но в результате переговоров между аланом Ардабуром, который командовал войсками, присланными из Константинополя в поддержку законных прав Валентиниана, и предводителем направленного из гуннской орды полчища удалось избежать войны между Римской и гуннской державами, а по настоянию гуннской стороны Аэций получил прощение и вскоре оказался одним из ближайших помощников Галлы Плацидии в управлении империей. Гунны помогали Аэцию в его войнах с вестготами, франками и бургундами.

Между тем соперничество между Бонифацием и Аэцием продолжалось, и когда в 432 г. дело дошло до военного столкновения между армиями во главе с соперничающими сановниками, в котором набранная в Галлии армия Аэция потерпела поражение, а Бонифаций был убит в личном поединке со своим врагом, Аэций, объявленный врагом римского народа, бежал к своим друзьям гуннам, но вскоре вернулся в Равенну с отрядом, предоставленным ему гуннским ханом, получив в результате давления со стороны ханского правительства официальное прощение, титул римского патриция – в ту пору самое высокое отличие для частного лица, не принадлежащего императорской династии, – консульское звание, которое, как известно, в отличие от титула патриция, носило не пожизненный, но временный характер, обыкновенно по традиции носилось в течение года и лишь в исключительных случаях предоставлялось не императору и не его близким родственникам более одного раза. Назначенный на место убитого им Бонифация командующим армией – *magister militum*, Аэций, ввиду отсутствия соперника на властном Олимпе в Равенне и нежного возраста императора Валентиниана, стал фактическим правителем Гесперии.

С этих пор его дружба с гуннами и благодарность за оказанную ими неоднократную помощь уже не связывала его и он в отношениях с ними стал проводить политику, ориентированную на защиту интересов подвластной ему части Римской империи. Впрочем, он все-таки отблагодарил своих друзей за поддержку,

потому что, очевидно, вынужден был сделать это. Верхняя Паннония была им уступлена гуннам – «возможно, что именно в связи с этим соглашением сын Аэция Карпилион, повторив судьбу отца, стал заложником кочевников»⁷⁴⁶. С этих пор Паннония вместе с примыкавшим к ней с востока левобережьем Дуная стала местом обитания орды, господствующей в Гуннской державе, протянувшейся от Волги до Рейна. После того как власть орды распространилась на эту провинцию, в ее состав, помимо поселившихся там славян и аланов, вошло и местное латиноязычное население, в основном, вероятно, из романизованных кельтов и иллирийцев, в результате чего среди гуннской аристократии появились люди, знавшие латинский язык, которому они могли научиться от римлян Паннонии.

Поддерживая дружественные отношения с Аэцием, гунны не считали себя связанными мирными обязательствами перед правительством Константинополя и продолжали тревожить находившиеся под его контролем провинции: Фракию, Дакию и Нижнюю Мезию – грабительскими набегами. В 424 г., чтобы откупиться от разорительных нападений гуннов, император Феодосий Малый договорился с гуннами о выплате ежегодных «подарков» хану, фактически дани в размере 350 ливр золота. Дань исправно поступала из Константинополя в ставку Ругила, но у гуннов появился еще один предлог для давления на императора – вопреки достигнутой ранее договоренности Феодосий принимал на службу гуннов, которые вышли из повиновения хана, возможно, это были выходцы не из собственно гуннских, но покорившихся гуннам тюркоязычных или аланских племен, и вот Ругил через своего посланника Ислу потребовал их выдачи; в этом случае перебежчикам грозила неизбежная смертная казнь – предателей гунны распинали. Феодосий отказался выполнить требование и выдать перебежчиков на верную смерть. В 433 г. гуннская армия во главе с ханом Ругилом вторглась в Нижнюю Мезию и, пройдя ее насквозь, вошла во Фракию, угрожая столице. Святитель Прокл Константинопольский в проповеди, сказанной по поводу варварского нашествия, сравнил гуннов с предсказанным пророком Иезекиилем нашествием князей Роша и Мешеа (Иез.38:22) и молился вместе с народом

о том, чтобы на Ругила и «на полки его, и на многие народы, которые с ним» «пролился... всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и сера»⁷⁴⁷.

В разгар войны, сопровождавшейся убийствами, пожарами и грабежами, умер Ругил. Во избежание возможной междоусобицы гунны поспешно возвратились туда, где находилась ханская ставка, и там преемниками умершего правителя избраны были два его племянника – сыновья Мудзука Аттила и Бледа, из которых один, а именно Аттила, и стал настоящим властным вождем, в то время как другому ханский титул предоставлен был, вероятно, только из уважения к его династическим правам, из-за его возможного старшинства по возрасту.

Выразительный портрет Аттилы – его внешнего вида, его осанки, его психотипа и того образа, который врезался в воображение современников и потомков, мастерски набросал живший столетием позже автор знаменитой «Гетики» Иордан, пользовавшийся книгой Приска, в том числе и ее позже утраченными фрагментами: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который... наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войн, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения»⁷⁴⁸, иными словами, своей принадлежности к смешанной европеоидно-монголоидной южносибирской расе на языке современной этноантропологии.

Авторитету Аттилы среди его соплеменников немало способствовал случай – своего рода археологической находки, которым он искусно воспользовался в политических целях. По словам Иордана, его «самонадеянность» «возросла... от находки Марсова меча, признававшегося священным у

скифских царей... Некий пастух... заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила, пастух выкопал меч и тотчас принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах»⁷⁴⁹.

Когда в Константинополе узнали о смерти Ругила, по решению сената и императора для переговоров с гуннами направлены были два посланника, Плинфа и Эпиктет. Их встреча с посланцами хана состоялась в городе Марге, расположенном при впадении Моравы в Дунай. Гунны, как писал еще Аммиан Марцеллин, всеми делами занимались сидя верхом на конях. Пришлось и римским послам, чтобы не уронить достоинства, вести переговоры верхом. Их результаты для Римской империи оказались тяжелыми, близкими к капитуляции.

В передаче Приска, условия мира были таковы: договорились, «чтобы гуннам были выдаваемы бегущие из Скифии люди, равно и прежде бежавшие к римлянам, также и бывшие у них в плену римляне, без выкупа перешедшие к своим, в противном случае за каждого пленного римлянина, бежавшего к своим, римляне были обязаны платить захватившим его по праву войны по восьми золотых монет; чтобы римляне не помогали никакому варварскому народу, с которым гунны вели войну; чтобы торжища между римлянами и гуннами происходили на равных правах и без всякого опасения; чтобы за сохранение договора римляне платили царским скифам ежегодно по семьсот литр золота (эта дань простиралась прежде до трехсот пятидесяти литр)»⁷⁵⁰. Приск откровенно называет эти ежегодные выплаты данью. Официально в Риме они ради соблюдения приличий именовались подарками. Ценой этих «подарков» и унижения, до потери лица, был куплен мир, обезопасивший границы империи на востоке Балкан.

Выданные в соответствии с заключенным договором знатные гунны, бежавшие из орды и нашедшие в империи убежище, оказавшееся столь ненадежным, были распяты. Константинополь получил передышку, которая продолжалась около 8 лет.

Заключение мирного договора с Римом позволило Атилле и Бледе вплотную заняться подавлением волнений ранее покоренных народов Северного Кавказа. К 440 г. Атилле удалось окончательно покорить и замирить их. Границы гуннских владений с этих пор проходили по Большому Кавказскому хребту. Тем временем Аэций с помощью нанятых гуннских и аланских отрядов успешно воевал с вестготами и бургундами. В войне с бургундами гуннами командовал сам Атила. В 437 г. столица Бургундского королевства Вормс была захвачена и сожжена, король бургундов Гундахар, или Гунтиарий убит, большая часть мужчин была истреблена, а женщин победители подвергли массовым изнасилованиям.

Для Константинополя мирная передышка на Балканах закончилась в 442 г. Воспользовавшись вовлеченностью императора Феодосия в войну с персидским шахом Йездигердом и отправкой военно-морского флота на Сицилию для защиты ее от агрессии со стороны вандалов, так что эти две операции обнажили балканскую границу империи, Атила возобновил против нее боевые действия. Предлогом для войны послужило обвинение епископа пограничного города Марга в том, что он «перейдя в земли их, обыскивал царские кладовые и унес хранившиеся в них сокровища»⁷⁵¹, иными словами, его обвинили в том, что в наше время называется черной археологией, и потребовали его выдачи. В исполнении этого требования гуннам было отказано, после чего они перешли Дунай и вторглись в пределы империи. Жертвы нашествия сетовали на отказ правительства выдать епископа, за жизнь которого приходилось платить столь дорогую цену. Тогда, по словам Приска, этот епископ, «подозревая, что он мог быть выдан скифам, тайно от жителей Марга перешел к скифам и обещал сдать им этот город, если цари их изъявят ему свою благосклонность. Они дали слово сделать ему много добра,

если он исполнит свое обещание... Епископ возвратился в Римскую землю с многочисленной толпой варваров и поставил их в засаду против самого берега реки. Ночью, по условленному знаку, он поднял варваров, которые и завладели городом с его помощью»⁷⁵². Приск не сохранил для потомства имени этого епископа. Неизвестна и его позднейшая участь. Гунны захватили пограничные города Сингидун (Белград), Виминаций, Ратиарий и крупнейший город в центре Балкан Сирмий, уцелевшие жители которого были обращены в рабов, затем двинулись на юг по долине Моравы, овладели Наиссом (Нишем), знаменитым тем, что он был родиной святого Константина, затем Сардикой и направились в сторону Халкидики, взяли Херсонес Фракийский, фактически не встречая сопротивления на этом маршруте. Дорога на столицу империи была открыта.

Несмотря на легкость одержанных побед – сопротивление захватчикам оказывали малочисленные крепостные гарнизоны, – гунны подвергли захваченные города разорению и сожжению, а их жителей массовому избиению. Жуткие следы катастрофы, пережитой жителями дунайских провинций, сохранялись в течение многих лет. Приск, проехавший в составе посольства, отправленного Феодосием к Аттиле по этим местам 6 лет спустя, в 448 г., рассказывает: «Мы приехали в Наисс и нашли этот город безлюдным и разрушенным неприятелями. Лишь немногие жители, одержимые болезнями, укрывались в священных обителях. Мы остановились поодаль от реки, на чистом месте, а по берегу ее все было покрыто костями убитых в сражении»⁷⁵³.

Перед лицом смертельной опасности, нависшей над столицей империи, император Феодосий отозвал флот из Сицилии, чтобы прикрыть Константинополь, но употребить его против гуннской конницы, пока она не вышла на морской берег, фактически было невозможно. Поэтому вызван был отряд храбрых горцев исавров, прославленных своими разбойничьими подвигами, и он пополнил столичный гарнизон. Под руководством префекта Кира началось восстановление крепостной стены, серьезно пострадавшей от землетрясения,

перед которой была сооружена еще одна мощная стена и – выкопан глубокий ров, заполненный водой. Атилл приостановил наступление на столицу, и начались мирные переговоры. В результате договорились о новой выдаче перебежчиков из гуннской орды и о выплате ежегодных «подарков» по 2000 литр золота.

Эти условия однако не были выполнены императорским правительством в полной мере. Константинополь воспользовался замешательством в самой орде. Обстоятельства его неизвестны, но известен результат – брат Атиллы Бледа был убит; это произошло в 444 или 445 г. Устранение соправителя послужило однако консолидации гуннской державы. Власть Атиллы в орде с этих пор стала безраздельной, по крайней мере над «царскими скифами» – господствующим племенем, обосновавшимся в Восточной Венгрии и Паннонии, а также над подданными славянами или даками, обитавшими в этой стране, в то время как орды, кочевавшие на востоке, за Днестром, вроде алциагиров, савиров, утургуров, кутургуров, хуннугуров и сарагуров пользовались автономией, а их ханы были вассалами Атиллы, в вассальных отношениях с Атиллой состояли и короли зависимых германских народов.

Замечательное по меткости наблюдений описание обстановки в ставке и резиденции Атиллы и придворного этикета оставил Приск: дворец Атиллы был «великолепнее всех дворцов, какие имел Атилл в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, нежели к защите... При въезде в селение Атилл был встречен девами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами... Сии девы, предшествуя Атилле, пели скифские песни»⁷⁵⁴. Еще одним строением, выделяющимся из прочих жилищ гуннской столицы своими размерами, был дом самого влиятельного сановника Онигисия. Возле него стояла построенная архитектором из Сирмия каменная баня, вероятно единственная в столице. Этот архитектор надеялся «получить свободу в награду за свое искусство, но... Онигисий сделал его своим банщиком»⁷⁵⁵. Когда

Аттила со свитой проезжал мимо дома Онигисия, его супруга «вышла из дому со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино, – это у скифов знак отличнейшего уважения. Она приветствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила... В угодность жене любимца своего Аттила, сидя на коне, ел кушанье из серебряного блюда, высоко поднятого служителями. Вкусив вина из поднесенной ему чаши, он поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении»⁷⁵⁶. В этом описании современного читателя поражает совсем не царская скромность резиденции могущественного властителя, перед которым трепетали многочисленные монархи и правители. Удивляла она, вероятно, и автора этого текста.

После визита, нанесенного одной из многих жен Аттилы Креке, имевшей свой собственный отдельный дом, Приск еще раз видел Аттилу: «Я увидел, что идет толпа; на том месте произошел шум и тревога, в ожидании выхода Аттилы. Он выступил из дому, шел важно, озираясь в разные стороны. Когда, выйдя вместе с Онигисием, он остановился перед домом, многие просители, имевшие между собой тяжбы, подходили к нему и слушали его решения. Он возвратился потом в свой дом, где принимал приехавших к нему варварских посланников»⁷⁵⁷.

Приск составил колоритное описание пира, на котором он был гостем Аттилы вместе с другими посланцами императора: «В назначенное время (около 9 часов дня. – В.Ц.) пришли мы и посланники западных римлян и стали на пороге комнаты, против Аттилы. Виночерпцы... подали чашу, дабы и мы помолились прежде нежели сесть... Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны; в самой середине сидел на ложе Аттила; позади него было другое ложе, за которым несколько ступеней вели к его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавесами... Онигисий сидел на скамье направо от ложа царского. Против Онигисия, на скамье, сидело двое из сыновей Аттилы; старший же сын его сидел на краю его ложа... из уважения к отцу потупив глаза в землю. Когда все расселись по порядку, виночерпец, подойдя к Аттиле, поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и

приветствовал того, кто был первый в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал... При каждом из гостей находилось по одному виночерпцу... После того как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей так, чтобы каждый мог брать из наложенного на блюде кушанья... Первый вошел слуга Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб. Для других варваров и для нас были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах; а перед Аттилой ничего более не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водится у других скифов. После того как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены... на каждый стол поставлено было второе блюдо, с другими кушаньями. Все брали с него, вставали по-прежнему, потом, выпив вино, садились. С наступлением вечера зажжены были факелы. Два варвара, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносили его победы и оказанную в боях доблесть. Собеседники смотрели на них: одни тешились стихотворениями, другие воспламенялись, вспоминая о битвах, а те, которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы. После песней какой-то скиф юродивый, выступив вперед, говорил речи странные, вздорные, не имеющие смысла и рассмешил всех»⁷⁵⁸.

В обстановке ханского пиршества присутствовали лишь рудименты бытовой культуры кочевников-степняков, каковыми гунны были изначально, – тут особенно характерно употребление в пищу самим Аттилой исключительно мясной пищи, а впрочем в этикете пира можно наблюдать элементы римских, иранских, возможно также славянских и более всего, наверно, германских обычаев.

В 447 г. армия Аттилы еще раз вторглась в пределы империи. Предлогом для войны вновь послужил прием перебежчиков и еще задолженность в выдаче «подарков». Опустошению подверглись более 70 городов. Сражение, которое состоялось под Херсонесом Фракийским, судя по итогам последовавших переговоров, было проиграно римлянами. По сведениям, почерпнутым у историка Марцеллина, гунны в своем дальнейшем наступлении дошли тогда до Фермопильского ущелья. По мирному договору, переговоры о котором с римской стороны вел Анатолий, предусматривалось: «выдать гуннам переметчиков и шесть тысяч литр золота, в жалованье за прошедшее время; платить ежегодно определенную дань в две тысячи сто литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего в свою землю без выкупа, платить двенадцать золотых монет; если принимающие его не будут платить этой цены, то обязаны выдать гуннам беглеца. Римлянам не принимать к себе никакого варвара, прибегающего к ним»⁷⁵⁹. Условия были унижительными и обременительными для казны. Фиговый листок «подарков» и даже «пожалований» плохо скрывал фактически даннические отношения к орде, в которые загнана была империя серией поражений, своей неспособностью нанести по гуннам мощный ответный удар.

После заключения мира в Константинополь один за другим из орды приезжали посланники, требовавшие выдачи перебежчиков. Римляне утверждали, что перебежчиков у них нет, и засыпали гостей щедрыми подарками, так что Аттила командировал в Новый Рим одного за другим своих любимцев специально с целью их обогащения. Резюмируя печальное положение, в которое попало его отечество, Приск горестно писал: «Римляне повиновались всякому его требованию; на всякое с его стороны понуждение смотрели как на приказ повелителя. Не с ним одним боялись они завести войну, но страшились и парфян, которые делали приготовления к войне, и вандалов, беспокоивших их на море, и исавров, которые восставали для грабежей, и сарацинов, делавших набеги на восточные края державы, и эфиопских народов, соединявшихся против них. Посему уничтоженные римляне Аттилу ласкали, а против других

народов делали приготовления, набирали воинов, назначали вождей»⁷⁶⁰.

В 448 г. в Константинополь вновь прибыли посланцы Аттилы, на этот раз одним из них был знатный германец из племени скиров Эдикон, а другим – римлянин из Паннонии Орест. Поразительным образом впоследствии случилось так, что сын одного из них, Эдикона, Одоакр, ставший королем германского союза племен, вторгшегося в Италию и овладевшего западной столицей империи Равенной, лишил сына другого посланца, Ореста, – Ромула Августа императорского титула, который приобретен был для него отцом. Посланники, принятые Феодосием, как это уже было заведено, требовали выдачи перебежчиков. Это требование содержалось в оглашенной ими грамоте Аттилы. А еще хан настаивал на том, чтобы римляне перестали обрабатывать пограничную землю, которую он считал завоеванной им и из которой сами гунны, вероятно, ушли, не испытывая из-за своей малочисленности стесненности в освоенной ими Восточной Венгрии и Паннонии. Аттила потребовал также, чтобы для дальнейших переговоров послами к нему были направлены высокопоставленные сановники в консульском звании.

В качестве переводчика в переговорах участвовал Вигила. Вместе с ним Эдикон нанес визит самому влиятельному тогда царедворцу евнуху Хрисафию, который подсказывал императору важнейшие решения. Узнав из разговора с Эдиконом, что тот входит в число ближайших к Аттиле телохранителей, он предложил ему совершить убийство хана, пообещав дорого заплатить за такую услугу Риму. Эдикон изъявил согласие, сказал только, что деньги должны быть переданы не сразу, как это намеревался сделать Хрисафий, а позже, чтобы не вызвать подозрений. Из рассказа Приска трудно заключить, в самом ли начале интриги он принял решение притворно принять преступный заказ, сохранив верность Аттиле, что более вероятно, или он и в самом деле собирался сперва отважиться на покушение, но позже передумал. Во всяком случае Аттила узнал о заговоре от него. Между тем посланцами в ханскую ставку были направлены высокопоставленный сановник Максимин, а также в качестве переводчика Вигила, который один был посвящен в

план убийства и взял с собой мешок с золотыми монетами, которыми должен был расплатиться с Эдиком. Максимин пригласил отправиться вместе с ним к гуннам своего друга, ритора и софиста из фракийского городка Панин Приска, который принял это приглашение, обнаружив затем незаурядный дипломатический талант. Как и его покровитель Максимин, Приск узнал о неудачном заговоре уже только после возвращения в Константинополь.

Посланники Рима отправились в путь вместе с Эдиком и Орестом. По дороге они остановились в Сардике, где во время обеда, для которого жителями города доставлены были быки и бараны, между римскими и гуннскими дипломатами вспыхнула ссора. Та и другая сторона превозносила каждая своего правителя, и тогда Вигила «заметил, что не было прилично сравнивать божество с человеком, что Атила человек, а Феодосий божество»⁷⁶¹. Было ли это неумной выходкой подвыпившего верноподданного, обнаружившего в нем языческий образ мыслей, или сознательной провокацией, цель которой разгадать нелегко, но которую можно заподозрить, ввиду того что именно он был посвящен в заговор хитроумного евнуха, – сказать трудно, но ссору нелегко было погасить, так что неловкость пришлось заглаживать «ласковым обхождением, а после обеда Максимин задобрил Эдика и Ореста подарками – шелковыми одеждами и драгоценными камнями»⁷⁶² – римская казна, видно, далеко еще не была истощена. Проехав через Наисс, путники затем на моносилах – одnodеревках местных жителей, вероятно славян, переплыли через Истр (Дунай) и отправились дальше в сторону ханской резиденции. Множество встретившихся варваров навело Приска на мысль о военных приготовлениях, но сопровождавшие послов после переправы специально приставленные к ним путеводители объяснили это скопление вооруженных людей намерением Аtilы устроить большую охоту. Затем Эдикон и Орест, оставив римских послов, отправились к своему повелителю, чтобы доложить ему о гостях. Из ставки Аtilы поступил приказ послам ехать к хану.

На следующий день «к девяти часам утра» римские послы, по словам Приска, «прибыли к шатрам Аtilы – их было у него

много. Мы хотели, – пишет он далее, – разбить свои шатры на одном холме; но попавшиеся нам навстречу варвары запретили это делать, говоря, что шатер Аттилы стоит на низменном месте. Мы остановились там, где нам было назначено»⁷⁶³. К ним в шатер прибыли затем Эдикон, Орест и вместе с ними еще один гуннский вельможа, брат Онигисия Скотта, и потребовали доложить им о цели посольства. Максимин ответил, что он уполномочен императором говорить об этом лишь с самим Аттилой, но Скотта сказал, что этот вопрос повелел задать им Аттила. Максимин однако заявил, что их требование противоречит дипломатическим правилам и он не станет докладывать им о цели визита. «Тогда, – по словам Приска, – скифы уехали к Аттиле и возвратились к нам без Эдикона. Они пересказали нам все то, что было нам поручено сказать Аттиле, и советовали уезжать скорее, если нам более нечего сказать. Слова их еще более изумили нас, потому что мы не могли постигнуть, каким образом обнаружилось то, что втайне было постановлено царем»⁷⁶⁴. Объяснением этой загадки может служить лишь присутствие при дворе императора шпионов Аттилы. Не принадлежал ли к их числу и сам Хрисафий – уж очень простодушным при его-то хитрости, изобретательности и искушенности представляется задуманный им план покушения. Жертвой провокации в этом случае мог стать сам император. Подобного подозрения однако, надо признать, не высказывает ни Приск, ни историки нового времени.

Посланцы Феодосия стали собираться в обратный путь, но от Аттилы пришел новый приказ – остаться на месте, чтобы переночевать, а утром гостям вновь приказано было возвращаться домой. Изобретательный Приск сумел найти способ добиться аудиенции у Аттилы: для этого он воспользовался честолюбием Скотты, которого он попросил о содействии, заметив при этом: «Мне было известно по слуху, Аттила слушается и его советов, но что я не мог полагаться на одни слухи, если и на опыте не узнаю, какую силу имеет он при своем государе»⁷⁶⁵. Задетый подозрением о своей незначительности, простодушный Скотта взялся помочь и убедил Аттилу принять посольство. «Аттила, – продолжает

Приск, – призвал нас к себе через Скотту. Мы вошли в его шатер, охраняемый многочисленной толпой варваров. Аттила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль от его седалища, а Максимин, подойдя к варвару, приветствовал его. Он вручил ему царские грамоты и сказал, что царь желает здоровья ему и всем его домашним. Аттила отвечал: “Пусть с римлянами будет то, чего они мне желают”. Затем, обратив вдруг речь к Вигиле, он называл его бесстыдным животным, потому что решился приехать к нему, зная, что при заключении мира между ним и Анатолием было постановлено посланникам римским не приезжать к нему, пока все беглецы не будут выданы гуннам»⁷⁶⁶. С грубой бранью Аттила обратился не к главе посольства Максиминому, а к Вигиле только потому, что ему стало известно, что о готовящемся покушении из римских посланников известно лишь ему. Вигила оправдывался за свое правительство – Аттила распорядился зачитать список перебежчиков Вигиле и приказал послам возвращаться без промедления, чтобы передать императору требование о выдаче беглецов. Встретившись тайно с Вигил ой перед его отъездом, Эдикон, делая вид, что он исполнен решимости совершить покушение на Аттилу, велел ему захватить с собой в обратный путь обещанное золото.

Когда же Вигила вернулся в ставку Аттилы, «он, – по словам Приска, – был окружен приставленными к тому варварами, которые отняли у него привезенные Эдикону деньги»⁷⁶⁷. Допрашиваемый Аттилой, он на вопрос, зачем вез с собой столько золота, ответил, что вез его для снабжения себя и своих спутников продовольствием и на иные возможные непредвиденные путевые расходы, а кроме того, он собирался на него выкупить военнопленных, о чем его просили их родственники. «“Зверь лукавый! – сказал тогда Аттила. – Ты не скроешься от суда своими выдумками и не найдешь достаточного предлога для избежания наказания, ибо находящееся у тебя золото превышает количество, нужное тебе на расходы, на покупку лошадей и прочего скота и на выкуп военнопленных...». Сказав это, Аттила велел поразить мечом сына Вигилы (который тогда, в первый раз, последовал за

отцом своим в варварскую землю), если он тотчас не объявит, за что и кому он везет те деньги»⁷⁶⁸. В ответ на эту угрозу Вигила во всем признался, назвав соучастниками заговора императора, евнуха Хрисафия и Одекона. Вигила был взят под стражу, а в Константинополь Атила отправил его сына, с тем чтобы тот вдобавок к конфискованному золоту привез еще 50 литр для выкупа отца. Получив затребованный выкуп, Атила отпустил Вигилу, но потребовал от императора выдачи Хрисафия, и тот, преданный ему всею душою, дал выкуп также и за него. Так провалом закончилась злополучная авантюра с попыткой убить Аттилу, о которой намеченный в жертву хан знал с самого начала и потому обратил ее в выгоду себе явным образом, не без помощи своей агентуры в Константинополе, посвященной в самые секретные тайны правительства.

Тем временем сестра Валентиниана III Гонория вступила в связь с управляющим ее равеннским дворцом Евгением.

Когда об этом позоре стало известно императору, он приказал умертвить Евгения, а сестру срочно отослал к ее матери Плацидии и своему двоюродному брату Феодосию в Константинополь, где она провела 16 лет. Желая отомстить брату, Гонория весной 450 г. через верного слугу евнуха Гиацинта отправила кольцо с печаткой Аттиле, предлагая ему себя в жены. Вскоре император Феодосий Малый скончался, и тогда Атила воспользовался сватовством к нему Гонории, чтобы предъявить свои требования империи, тем более что новый император в Константинополе Маркиан радикально пересмотрел политику в отношениях с гуннами. Любимец Феодосия Хрисафий, сторонник уступок Аттиле, был отстранен от власти и казнен. Маркиан готов был дать отпор орде, заявив посланникам Аттилы, что больше не будет посылать им золота, как это делалось прежде.

Тогда Атила отправил два посольства: в Константинополь и Равенну. Валентиниану он велел сообщить, что Гонория является его невестой, в доказательство чего было предъявлено ее кольцо, и что в качестве приданого он требует половины империи. В Константинополе Маркиан в ответ на требование гуннских послов о выдаче дани сказал, что он не

намерен давать Аттиле столько подарков, сколько давал их по щедрости своей Феодосий. Гонория же была переправлена к своему брату в Равенну. Из Равенны Аттиле ответили, что Гонория уже обручена с другим (ей срочно подыскивали жениха – пожилого сенатора Геркулания) и потому не может стать его женой и что в Римской империи женщины не наследуют власть и Гонории не принадлежит и малая часть имперской территории.

Полученные Аттилой почти одновременно два отказа принуждали его к войне, потому что в противном случае он бы потерял лицо и подверглся риску утратить власть над вассальными ордами, зависимость которых могла сохраняться лишь до тех пор, пока он оставался победителем над врагами. Воевать сразу и на Балканах и против Гесперии Аттила не мог, и он решил напасть на слабейшую часть империи. Весной 451 г. гунны двинулись из Венгрии на запад, переправились через Рейн около Майнца и начали опустошать города и села Бельгии. 8 апреля пал и затем был сожжен Мец. Патриций Аэций, в прошлом друг и союзник Аттилы, на этот раз стал готовиться к отпору, стремясь составить коалицию, в которую ему удалось вовлечь вестготов во главе с их королем Теодорихом, бургундов, а также часть франков и аланов. В свою очередь Аттила, и без того располагая силами зависимых от него тюркских орд, а также аланов, остготов, гепидов, привлек на свою сторону короля вандалов и аланов Гейзериха, другую часть франков. Обе враждебные армии двинулись в сторону Аврелиана (современного Орлеана), которым правил князь одного из аланских кланов Сангибан. Аэций первым достиг цели, и ранее колебавшийся Сангибан вынужден был подчиниться римлянам.

Аттила повернул назад и остановился в Шампани, близ города Труа, на Каталаунских, или, по-другому, Мавриакских полях. Там и произошло сражение коалиции римлян и германцев с гуннами и их союзниками. Рассказ об этой битве есть у Иордана. Характеризуя местность, где она произошла, он пишет: «Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско

стремилось завладеть им... правую его сторону занимали гунны со всеми своими (союзниками), левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами»⁷⁶⁹, причем «правое крыло держал Теодорид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана..; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей... По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами... Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинившиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера»⁷⁷⁰ из рода Амалов.

Ход битвы Иордан характеризует самыми драматическими выражениями: «Сходятся врукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле... сильно разлился от крови из ран... он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – и пролили»⁷⁷¹.

Гунны прорвали ряды противника в центре их расположения, куда поставлены были аланы во главе с Сангибаном, затем направили основной удар против вестготов, их король Теодорих пал в сражении, но в результате контрудара римской армии наступавшие гунны и гепиды были опрокинуты и отступили, после чего римляне взяли высоту, возвышавшуюся над полем битвы. Благодаря тому, что они заняли выгодную позицию, сражение, продолжавшееся затем с вечера в течение всей ночи, развивалось успешно для римлян. Наконец Аттила приказал гуннам и их союзникам отступить в лагерь, который они окружили телегами, готовые обороняться до конца. Противник, окружив табор и перекрыв подвоз продовольствия, приступил к осаде. Аттила, по словам Иордана, «бряцал оружием, трубил в трубы... он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее:

уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный. .. Рассказывают, что... он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался»⁷⁷².

Вестготы, потеряв своего короля, собирались продолжать осаду, но тут Аэций, обеспокоенный перспективой стремительного роста их могущества после победы над Аттилой и вероятным уничтожением его державы, дал лукавый совет сыну убитого Теодориха Торисмунду немедленно возвращаться в Толозу, чтобы предотвратить захват престола его братьями. Властолюбивый Торисмунд последовал совету, и готы ушли с поля битвы, после чего осада была снята и Аттила получил возможность отвести своих уцелевших воинов. «Пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов»⁷⁷³. Историки единодушно считают эти сведения сильно, если не сказать многократно, преувеличенными, но других данных о величине потерь в битве на Каталаунских полях нет.

Аттила вернулся в Паннонию летом 451 г., не считая себя побежденным. В сентябре он направил один из своих отрядов на разорение Восточного Иллирика, находившегося под управлением императора Маркиана. Римляне дали ему отпор, и Аттила снова двинул свою орду вместе с вассалами и союзниками на запад.

В 452 г. гунны перешли через перевалы Юлийских Альп, не встретив сопротивления. Первым большим и превосходно укрепленным городом на пути его орды была Аквилея. Осада Аквилеи оказалась трудным делом и стоила больших потерь. Наступил момент, когда Аттила, который при всей своей решительности, отваге и упорстве в достижении поставленной цели неизменно сохранял способность к трезвой оценке ситуации и в случае непреодолимых препятствий мог отказаться от принятых раньше решений, отдал уже приказ снять осаду и

отойти. Но тут, как пишет Прокопий Кесарийский, опираясь на сведения, полученные от предшественников и, в частности, от Кассиодора или Иордана, «варвары... вдруг увидели, что аист, гнездо которого... располагалось на одной из башен городских стен, внезапно поднялся оттуда со своими детенышами... Аистята, еще не вполне оперившиеся, то летели рядом с ним, то сидели на спине отца. Так они улетели далеко от города. Увидев это, Атила, человек очень сообразительный и умевший истолковывать всякое явление, приказал войску остановиться... сказав при этом, что птица никогда понапрасну не улетела бы отсюда со своими птенцами, если бы не предчувствовала, что с этим местом в скором времени случится что-то неладное»⁷⁷⁴. Гунны поверили прозорливости своего повелителя, остановились и, вновь взяв город в осаду, с утроенной отвагой бросились на штурм неприступной дотоле крепости. Аквилея пала и была разрушена, а ее жители одни перебиты, другие взяты в плен. Затем подобная же участь постигла Патавий (Падую).

Двигаясь далее на восток, вдоль русла Падуса, гунны взяли Вицетию (современную Виченцу), Верону, Бриксию (Брешию), Бергамо и, наконец, крупнейший город на севере Италии Медиолан. В императорском дворце Милана внимание Атилы было привлечено фреской, на которой были изображены императоры Запада и Востока, восседающие на золотых престолах, а у их ног тела убитых варваров. Атила приказал местному живописцу, оказавшемуся под рукой, переписать картину, поместив на троне его, повелителя гуннов, а перед ним – двух императоров, высыпавших к его ногам золотые монеты из мешка. После взятия Милана той же участи подвергся Тицин (современная Павия).

Император Валентиниан укрывался в Равенне, прекрасно защищенной мощными стенами и окружающими город болотами. Атила не стал осаждать ее, готовясь к походу на Рим в обход Равенны, – в Италии не было больше войск, способных отстоять древнюю столицу империи. Правда, некоторые советники пытались отговорить его от этого предприятия, напоминая об участии короля вестготов Алариха, который умер

вскоре после захвата Рима. «И вот, пока дух Атиллы, – по словам Иордана, – колебался относительно этого опасного дела – идти или не идти – и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбулейское поле в провинции Венетий, там, где река Минций пересекается толпами путников. Атила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир»⁷⁷⁵. Никто не знает, что было сказано святым епископом Рима Львом Великим Аттиле, но результат этих переговоров потряс воображение современников. Во внезапном уходе гуннов из Италии и их возвращении в Паннонию христиане узрели несомненное действие Божественного Промысла. Историк XX века А. Тойнби обнаружил в этом событии нравственный триумф Церкви: «Властью, которая действовала столь неотразимо просто потому, что противопоставляла Силе явление совсем иного порядка – Доброту, – папа Лев остановил Атилу на его пути к Риму»⁷⁷⁶.

Атила продолжал настаивать на том, чтобы ему прислали его невесту Гонорию, но никто не собирался выполнять это его требование. В 453 г. Атила повел гуннов в новый поход на запад, на этот раз – в Галлию. Его цель состояла в том, чтобы подчинить себе тех аланов, которые обосновались в Арморике. Но навстречу ему из Толозы двинулись вестготы под предводительством своего нового короля Торисмунда. На берегу Лигера (Луары) произошло сражение, в котором гунны потерпели поражение, и они вернулись в Паннонию. Тогда мысли Атиллы обратились к востоку империи, где правил Маркиан. Он вновь требовал от императора дани, угрожая в противном случае разорением пограничных провинций. Император не подчинился диктату варваров. Атила собирался возобновить войну, но его планам не суждено было осуществиться.

Как рассказывает Иордан, опираясь на не дошедший до наших дней текст Приска Панийского, Атила «взял себе в супруги – после бесчисленных жен... – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал,

плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. ... На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего... от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтоб превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей»⁷⁷⁷.

Произошел ли несчастный случай или Аттила пал жертвой убийства, осуществленного невестой, которая, судя по ее имени, принадлежала по происхождению одному из германских народов и могла таким образом отомстить врагу, поработившему ее соплеменников, – сказать трудно. Иордан не высказывает подобного подозрения, но при виде умирающего мужа Ильдико во всяком случае не звала на помощь ему слуг, так что он, очевидно, в течение многих часов лежал бездыханным возле своей новой жены – обстоятельство, наводящее на размышление. В одной из скандинавских саг говорится о том, что Атти был убит женой, отомстившей ему за смерть своих братьев от его руки. Дальнейшая участь Ильдико неизвестна, похоже, что если ее и подозревали в покушении, она смогла оправдаться. Иначе бы существовала иная версия смерти Аттилы.

Императору Маркиану, по словам Иордана, «предстало во сне Божество и показал – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие»⁷⁷⁸. Иордан называет это видение чудом.

Останки правителя гуннов были помещены в шелковом шатре посреди степи, и лучшие гуннские всадники гарцевали вокруг шатра, отдавая последние почести своему хану. Тогда составлена была погребальная песнь, которую приводит Иордан в латинском переводе: «Praecipuus Hunnorum rex Attila, patre genitus Mundzuco, fortissimarum gentium dominus, qui

inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica régna possedit nec non utraque Romani urbis imperia captis civitatibus terruit et, ne praedae reliqua subderentur, placates praecibus annum vectigal accepit: cumque haec omnia proventu felicitatis egerit, non vulnere hostium, non fraude suorum, sed gente incolume inter gaudia laetus sine sensu doloris occubrit. Quis ergo hunc exitum putet, quem nullus estimât vindicandum?»⁷⁷⁹ (Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умиловленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?).

Эту погребальную песнь Иордан, или еще до него Кассиодор, нашел у Приска и перевел с греческого языка, а тот «... получил эту песню от гота, который перевел слова с гуннского языка. Однако, – замечает Э. А. Томпсон, – хотя песня пережила как минимум три перевода, Иордану удалось сохранить красоту стиха в прозаическом сочинении»⁷⁸⁰.

Тело Аттилы поместили в золотой гроб, который вложили в серебряный, а его в свою очередь в железный. Земле останки предали в ночное время. Вместе с трупом в землю зарыли оружие и фалеры из драгоценных металлов и иные украшения, а чтобы могила не подверглась ограблению, ее местоположение решено было сохранить в тайне, для чего могильщики, вероятно рабы, были после погребения умерщвлены, так что в тризне, устроенной на могильном кургане Аттилы, которую Иордан называет славянским словом «страва»⁷⁸¹ участвовал лишь узкий круг близких родственников и сподвижников повелителя народов. Из жизни ушел полководец, заслуживший у современников-христиан знаменательное прозвище «Бич Божий», напоминавшее о библейском Навуходоносоре.

Сыновья Аттилы, «коих, – по словам Иордана, – по распущенности его похоти (насчитывалось) чуть ли не целые народы»⁷⁸², после смерти отца вступили в распрю из-за власти над зависимыми племенами, которые в конце концов они договорились разделить между собой жребием, причем, как пишет тот же писатель, «надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами»⁷⁸³. В этом обстоятельстве – дележе не территории, а племен – проявилась характерная черта политического устройства степных орд. Но, не обладая ни авторитетом, ни талантами Аттилы, его наследники не сумели удержать зависимых королей в положении вассалов.

А. Дж. Тойнби в скором распаде гуннской державы обнаружил закономерный феномен: «Главная слабость варварского этического кодекса состоит в том, что он носит личный, а не общественный или институциональный характер. Преданность вождю, которая опирается на ряд индивидуальных нравственных императивов, не может считаться равноценной заменой цивилизованной социальной системы. Варвары абсолютно не способны создать устойчивые длительные социальные и политические институты. Попытки такого рода творчества с их стороны всегда сопровождаются распрями и вспышками зверств. Внезапное падение с высот всемогущества в трясину разброда – обычная судьба варварской власти. Ярким историческим примером подобной судьбы может служить падение западных гуннов после смерти Аттилы... Кончина одной незаурядной личности может положить начало анархии. Варварское государство-преемник может также получить контрудар от своей жертвы»⁷⁸⁴.

Первым против господства гуннов восстал король гепидов Ардарих. К нему присоединились правители других германских народов, но трудно сказать, каких именно. Главное сражение произошло в 454 г. в Паннонии, на берегу притока Савы Нетавы, которую Иордан называет Недао. Описание этой битвы у Иордана красочное, но туманное. Из него не видно, кто на какой стороне там бился: «Можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламыва-

вающего дротики в его... ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула – с легким оружием»⁷⁸⁵. Можно только предполагать, что – ругии, раз они сражались, как это видно из цитируемого текста, если, конечно, Иордан не перепутал обстоятельства битвы, против гепидов, остались на стороне гуннов. Против восставших действовали, вероятно, и аланы, а также не упомянутые у Иордана анты, в то время по преимуществу славяноязычные, хотя и включавшие в себя сарматский элемент, а также паннонские славяне. Сражение закончилось поражением гуннов и гибелью их хана Эллака, старшего и любимого сына Атиллы. По несомненно преувеличенной оценке Иордана, в битве у Нетавы погибло около 30 тысяч гуннов вместе с их верными вассалами, или союзниками⁷⁸⁶.

Свободу от гуннского господства получили тогда и те народы, которые в сражении держали сторону гуннов. Остатки орды Эллака во главе с его братьями Денгизаком и Ернаком позже ушли на восток, остановившись в причерноморских степях. Победители гуннов гепиды заняли Паннонию и Дакию. Молниеносная стремительность распада гуннской империи связана отчасти с малочисленностью господствующей орды не только в сравнении с зависевшими от нее германскими, иранскими и славянскими племенами, но также и при сопоставлении ее численности с другими тюркоязычными ордами, которые вскоре потом составили новые конгломераты, по существу дела представлявшие собой прямых наследников гуннов, так и именовавшиеся обыкновенно римскими писателями, но сами себя называвшие уже иначе, по преимуществу булгарами. Часть гуннов, вероятно, смешалась со славянами, аланами или германцами, а некоторые поступили на службу Римской империи.

10. Правление Маркиана и Валентиниана III

После кончины Феодосия II самым большим влиянием среди его ближайших родственников пользовалась августа Пульхерия. Дочь Феодосия Евдоксия была замужем за Валентинианом III, а ее мать и вдова покойного императора Евдокия находилась в Иерусалиме, по существу дела в изгнании. Мать Валентиниана и злополучной Гонории Галла Плацидия вошла уже в преклонный возраст и скончалась вскоре после смерти Феодосия, 27 ноября 450 г., в Риме, откуда ее останки были переправлены в Равенну. Самыми могущественными сановниками в последние годы правления Феодосия Малого были евнух Хрисафий, имевший придворный чин препозита священной спальни, и магистр армии Аспар, консул 447 г. Он имел смешанное происхождение: его отцом был выдающийся полководец алан Ардавурий, а матерью дочь Плинты – гота, сделавшего блестящую воинскую карьеру на службе Римской империи. Царедворец Хрисафий был предметом всеобщей ненависти и держался только благодаря покровительству Феодосия. Пульхерия, против которой он в свое время интриговал, не доверяла ему. Поэтому выбор императора она сделала по совету Аспара, который сам не мог претендовать на высшую власть, будучи арианином, и этот выбор пал на сенатора Маркиана.

По характеристике Иоанна Малалы, «он был высок, с прямыми волосами, седой и с больными ногами»⁷⁸⁷. По словам С. Б. Дашкова, «до наших дней в итальянском городе Барлетто сохранилась бронзовая статуя императора, его лицо поражает суровой красотой»⁷⁸⁸. Ввиду его относительно скромного положения возникла необходимость радикальным образом повысить статус Маркиана, и 54-летняя Пульхерия решила ввести его в императорскую семью, выйдя за него замуж. Предварительным условием такого замужества она объявила согласие Маркиана на то, чтобы и в браке она могла исполнять данный ею Богу обет целомудрия. Пожилой вдовец – свою дочь от первого брака он выдал замуж за внука опекуна императора

Феодосия в пору его детства Анфимия, – Маркиан принял это условие. И все же архиепископ Константинопольский Анатолий перед вступлением в брак снял с Пульхерии обет девства. 24 августа 450 г. в Евдоме, где находился загородный дворец, в котором жила Пульхерия, в присутствии сената и войск Маркиан был поднят на щите и аккламирован императором.

В. Зиккель, опираясь на слова Феофана Исповедника: «Пульхерия, призвав патриарха и сенат, объявила его римским императором»⁷⁸⁹, – высказал предположение, что патриарх (собственно архиепископ – патриарший титул официально стал употребляться позже, не ранее правления Зенона) Анатолий возложил на Маркиана императорскую диадему и что таким образом это был первый в истории Римской империи случай коронования императора первосвященником⁷⁹⁰, но другой немецкий византолог В. Энслин убедительным образом опроверг эту гипотезу, доказав, что первым императором, которого венчал первосвященник, был преемник Маркиана Лев⁷⁹¹.

Император Валентиниан попытался воспрепятствовать провозглашению Маркиана императором, объявив себя после получения известия о кончине Феодосия временно единственным правителем всей империи, с тем чтобы позже самому назначить соправителя для ее восточной части, но на Востоке он не получил поддержки, а средствами навязать свою волю правительству в Константинополе, обладавшему несравненно более мощными вооруженными силами, чем он, император Гесперии, Валентиниан не располагал и потому вскоре вынужден был признать Маркиана своим соправителем.

Флавий Маркиан родился около 390 г. в семье офицера невысокого чина, вероятно центуриона, и по происхождению романизованного фракийца. В юные годы он поступил на службу в легион, расквартированный в Филиппополе (современном Пловдиве) простым солдатом. Имя его, как новобранца, полагалось в списке легионеров поместить на последнем месте, но, оценив его силу и статью, начальник велел записать его на место незадолго пред тем умершего легионера Августа. В

результате получилась запись: «Маркиан, который также и Август»⁷⁹².

С ним и позже не раз случались знаменательные приключения. Во время войны с персами он заболел, был отчислен из армии и поселился в ликийском городе Сидиме, где подружился с двумя братьями, Юлием и Татианом. Когда он уже поправился, братья взяли его с собой на охоту, в полдень они легли спать, и по преданию, записанному в «Летописи» святого Феофана Исповедника, «Татиан, пробудившись, увидел, что Маркиан лежит против солнца, а огромный орел, спустившись над ним, распростер крылья и тенью своей закрыл его от лучей солнечных. Увидев это, он разбудил брата и показал ему чудо. Долго дивились они такой дружеской услужливости пернатого, наконец разбудили Маркиана и сказали ему: “Если ты когда-либо будешь царем, какую милость нам окажешь?”. Тот отвечал им: “Что я за человек, чтобы со мной смогло это случиться?”. Они еще раз повторили свой вопрос, и Маркиан отвечал: “Если это Бог пошлет мне, то я буду величать вас отцами моими”»⁷⁹³. Братья посоветовали ему идти в Константинополь, чтобы там вновь поступить на службу, и дали ему денег на дорогу. Став императором, Маркиан назначил Татиана префектом столицы, а Юлиана правителем Ливийской провинции.

В Константинополе Маркиан был принят в когорту личных телохранителей Ардавурия и его сына Аспара. В 430 г. он под командованием Аспара участвовал в походе против вандалов, оккупировавших Африку, и там был захвачен в плен. Пленников привели ко дворцу короля Гезериха, посадили их на землю под палящим африканским солнцем, а король рассматривал их. «Среди них, – по словам историка этой войны Прокопия Кесарийского, – находился и Маркиан, который совершенно беззаботно спал. И тут, говорят, орел стал летать над ним в воздухе на одном месте, прикрывая своей тенью одного только Маркиана. Увидев сверху, что происходит, Гизерих... сообразил, что это делается по воле Божьей, послал за Маркианом и стал расспрашивать, кто он такой. Тот сказал, что был у Аспара приближенным по секретным делам; римляне на своем языке называют

таких лиц domestиками. Когда Гизерих услышал это... ему стало ясно, что этот человек самой судьбой предназначается для царского престола... Поэтому Гизерих взял с Маркиана клятву, что, если когда-либо это будет в его власти, он не поднимет оружия против вандалов. С этим он отпустил Маркиана, и тот прибыл в Византий»⁷⁹⁴. Возможно, что рассказанные Феофаном Исповедником в IX столетии и Прокопием в VI веке истории осенения Маркиана орлиными крылами представляют собой позднейшую дубликацию одного и того же эпизода, но, как бы там ни было, в памяти потомков восхождение Маркиана к высшей власти сопровождалось небесными знаменами. Под началом Аспара Маркиан дослужился до чина воинского трибуна, а затем, по его же, вероятно, протекции, стал сенатором.

Выбор его в императоры был сделан не только ввиду его близости к Аспару, но и потому что, будучи человеком малограмотным, – он едва умел читать, – Маркиан отличался рассудительностью, житейским умом. Среди его достоинств была хладнокровная храбрость, способность в любой ситуации сохранять самообладание и трезвый взгляд на вещи, решительность, удачно сочетавшаяся с благоразумной осторожностью. Пульхерия оценила и эти его качества, но еще больше строгость его нравственных правил, и более всего его благочестие и преданность Кафолической Церкви. Правда, существует предположение о его принадлежности в прошлом к арианству. Слова Феофана Исповедника о том, что он «присоединился к арианам, Ардавурию и Аспару»⁷⁹⁵, могут быть поняты по-разному: что он стал служить под началом ариан или что он сам стал арианином. В последнем случае он мог до знакомства с этими полководцами быть язычником, каковых немало еще оставалось в войсках, получить крещение у ариан, а позже, оставив ересь, принять православие. Во всяком случае с его образом и его судьбой, с отношением к нему святой Пульхерии не вяжется предположение о его временном отпадении от Православной Церкви.

Августа Пульхерия была фактической соправительницей Маркиана. Одним из первых ее деяний стало устранение Хрисафия. Она отдала его на расправу Иордану, сыну узурпатора

Иоанна, которому после его отказа от притязаний на императорскую власть было обещано прощение, но, по приказу вероломного Хрисафия, он был убит. Иордан казнил виновника смерти своего отца. Народ встретил известие о гибели Хрисафия с ликованием. В самом начале своего правления Маркиан повелел даровать свободу сосланным и заточенным, многие из которых были осуждены невинно по интригам Хрисафия.

Еще одним актом императорской милости стало издание эдикта о сложении с римских граждан недоимок за 9 лет, предшествовавших его вступлению во власть. Впоследствии этот его пример послужил основанием для традиции, соблюдавшейся при начале правления императоров. Чтобы при этом казна не несла потерь, Маркиан отменил обычай, когда при вступлении в должность консулы, как и встарь сменявшие друг друга каждый год, а в иных случаях и чаще, тратили колоссальные средства на устройство празднеств для развлечения столичных жителей, вместо этого они должны были впредь направлять их на благоустройство города, тем самым облегчая нагрузку казны. На средства консулов в Константинополе был восстановлен водопровод. При этом Маркиан прекратил укоренившуюся практику продажи государственных должностей в целях пополнения казны. Современники ценили его и за то, что он гнал от себя льстецов и интриганов.

Главной заботой императора было повышение мощи вооруженных сил, пришедших в упадок в предыдущее правление, в результате чего Феодосий Малый оказался фактически в положении данника Аттилы, стыдливо прикрывая срам фикцией великодушных подарков. В этом отношении положение дел при Маркиане изменилось радикально: подарки, по давней римской традиции, использовались для подкупа варваров и натравливания одних врагов империи на других, но на требование Аттилы о выдаче дани Маркиан дал хрестоматийно известный ответ: «Если Аттила будет оставаться в покое, то он пришлет ему дары, но если будет грозить войной, то он выведет силу, которая не уступит его силе»⁷⁹⁶. И хан гуннов не дерзнул начать

военные действия против Маркиана, двинув свои орды на запад.

Важнейшим событием в правление Маркиана стал Вселенский Собор, созванный в Халкидоне в октябре 451 г. в связи с появлением новой, монофизитской ереси. Его созыв и результаты его деяний, провозглашенный им христологический орос, явились подвигом не только соборных отцов, епископа Римского Льва Великого, возвысившего свой голос в защиту православных догматов, но также императора Маркиана и августы Пульхерии, присутствовавших на Соборе.

Эдиктом, изданным 7 февраля 452 г., император Маркиан запрещал дальнейшие споры на богословские темы, уже решенные Халкидонским Собором: «Исполнилось всеобщее ожидание, борьба о правой вере прекратилась, и наступило единение в народах. Теперь нет более места для вражды, ибо только безбожник может думать, что после приговора столь многих епископов осталось еще что-нибудь для решения собственного ума. Никто, какого бы звания и состояния ни был, не смеет заводить о вере публичные споры. Если клирик будет обвинен в публичных спорах о вере, то извергается из духовного сана, если военный – лишается звания, всем частным людям угрожает изгнание из столицы и предание суду»⁷⁹⁷. С точки зрения общества, в котором религия рассматривается как частное дело, подобное вмешательство государства в богословские споры представляется по меньшей мере неуклюжим жестом, но Маркиан жил и действовал в другую эпоху, в которую мысль о том, что религия – это частное дело и вера – это дело личного выбора, где идея свободы совести посещала редко какую голову, римское право без всяких околичностей относилось к религии не к сфере частного, но публичного права (*jus publicum*, а вовсе не *privatum*). Религия Рима изменилась, но и защита новой, христианской религии рассматривалась как важнейшая задача государственной власти. И император, следуя древней правовой традиции Рима, но также и по своей христианской совести, не мог устраниваться от защиты правой веры силою государственной машины.

Эдикт Маркиана направлен был против монофизитов, отвергших Халкидонский орос. Приверженность монофизитству обнаруживала большая часть христиан в Египте, в особенности коптов, для которых оно стало знаменем национального движения. Его подхватили и грекоязычные сепаратисты Александрии. Положение дел там граничило с бунтом. В Александрии была предпринята попытка прекратить вывоз хлеба из страны в Константинополь, задушив столицу империи голодом. В ответ на шантаж Маркиан распорядился направлять двигавшиеся по Нилу суда, груженные египетским хлебом, мимо Александрии в портовый город Пелусий, откуда затем хлеб уже морем доставлялся в столицу империи. В результате голод обрушился на саму Александрию, жители которой вынуждены были смириться и оставаться в подчинении римской власти, хотя они по-прежнему в большинстве своем отвергали Халкидонский Собор.

Монах Феодосий, родом из Египта, до переселения на Святую Землю бывший одним из приближенных Диоскора, вернувшись в Палестину после Собора в Халкидоне, на котором он присутствовал в свите святого Ювеналия, утверждал, что Собор принял учение Нестория и что архиепископ Ювеналий на этом Соборе изменил православию. Своей пропагандой ему удалось разжечь страсти, тем более что его поддержала вдова императора Феодосия Евдокия, которая потом, правда, образумилась и призывала участников вспыхнувшего возмущения сложить оружие и вернуться в лоно Кафолической Церкви. При подавлении монофизитского мятежа в Палестине пролилась кровь.

Прожив недолго после Вселенского Собора, святая Пульхерия преставилась в июле 453 г. в возрасте 55 лет. Ее останки были погребены в храме Святых апостолов возле гробниц ее отца Аркадия и брата, верной помощницей и советницей которого она служила в течение многих лет, не раз встречая с его стороны непонимание и неблагодарность. Все свое имущество она завещала раздать бедным, и ее муж Маркиан неукоснительно исполнил ее волю.

За кончиной святой Пульхерии последовала скоро насильственная смерть Валентиниана, но ей предшествовало убийство его ближайшего помощника в делах военных и правительственных, прославившегося своей победой над Аттилой полководца Аэция. Император обещал Аэцию выдать одну из своих дочерей Евдоксию или Плацидию замуж за его сына – Карпилиона или Гауденция. В окружении Валентиниана перспектива такого брака, сулившая рост могущества Аэцию, который и без того пользовался исключительно сильным влиянием, вызывала беспокойство. Начались интриги, нацеленные на то, чтобы посеять в душе императора подозрения относительно намерений своего ближайшего советника. Валентиниану внушали мысль о вероломстве Аэция, для чего напоминали о том, что в прошлом, в пору малолетства Валентиниана, при появлении узурпатора Иоанна он поддержал его и действовал против матери законного императора Галлы Плацидии. Еще одним оружием интриги служили давние дружественные отношения Аэция с гуннами и с самим Аттилой. То обстоятельство, что после победы на Каталаунских полях Аэций не стал добивать гуннов и позволил Аттиле сохранить власть и вновь повести свою орду в Италию, было представлено как следствие вероятного сговора притворных противников, которые, мол, на самом деле действовали заодно. В конце концов интриганам удалось убедить Валентиниана в том, что патриций опасен для него.

Развязка наступила в Риме в 454 г. Временно находясь в своей римской резиденции, где в то время оказался и Аэций, Валентиниан разговаривал с ним на повышенных тонах. «Аэций, – по словам Ф. Грегоровиуса, – настойчиво приступил к Валентиниану и, ссылаясь на свои доблести и заслуги, стал требовать у него исполнения данного им клятвенного обещания. По-видимому, такая сцена была подготовлена коварными врагами генерала с целью довести дело до катастрофы»⁷⁹⁸. Валентиниан в ярости схватил меч и поразил им победителя Аттилы, после чего «на Аэция, повергнутого и лежавшего на мраморном полу, набросилась с кинжалами и мечами толпа евнухов и придворных. Ликуя, они наносили раны уже трупу

последнего великого римского полководца, а “безумный получеловек” Валентиниан... лежал в обмороке на руках кастрата»⁷⁹⁹. Затем началась резня, жертвой которой пали сторонники преданного и убитого полководца. Среди них был префект претория Бозций, дед знаменитого впоследствии мыслителя.

Возмездие не заставило себя ждать. Одним из пороков Валентиниана было сластолюбие. Среди тех, кого он удостаивал своим вниманием, встречались и замужние женщины. Но супруга знатного сенатора Петрония Максима, дважды бывшего консулом, не поддавалась его настойчивости, и тогда он, заманив ее во дворец, учинил над ней насилие. Жена Петрония, вскоре потом скончавшаяся, не скрыла происшедшего от мужа, и он решил постоять за свою честь. Его гнев против Валентиниана подкреплялся еще и тем, что он, вероятно, был одним из сторонников Аэция. Петроний вовлек в задуманный им заговор верных приверженцев Аэция готов Оптила и Траустила, которые, по его протекции, были приняты на службу в число телохранителей императора. Одним из главных участников заговора и покушения стал преданный Аэцию военачальник свев Рицимер. 16 марта 455 г. убийцы закололи Валентиниана на военных учениях в Риме, и никто из их сослуживцев «не вынул своего меча из ножен в защиту императора»⁸⁰⁰.

На следующий день заговорщики провозгласили Максима Петрония императором. Чтобы довершить месть Валентиниану и упрочить свою власть, Максим принудил его вдову Евдоксию вступить с ним в брак, а своего сына Палладия он женил на ее дочери, объявив его цезарем. Когда Евдоксия вскоре после этого узнала, что ее новый муж был главным виновником смерти Валентиниана, она в ярости решила отомстить узурпатору и отправила своих доверенных слуг посланниками к королю вандалов Гензериху, призывая его в Италию и на Рим, с тем чтобы он устранил узурпатора. Гензерих откликнулся на приглашение. Когда в Риме узнали о том, что флот вандалов движется на Рим, горожан охватила паника – народ бросился вон из столицы, Максим Петроний в растерянности не знал, что

предпринять, и решил также бежать из Рима, но когда он вышел из дворца, его забили камнями. Это произошло 12 июня 455 г.

Через день после гибели узурпатора оставшиеся дома римляне стали свидетелями второго в течение одного столетия падения прежней столицы полумира. Ф. Грегоровиус прибегает к патетической фразеологии, изображая захват безоружного города вандалами: «Злополучные римляне смотрели, как в сердце их города... вторгаются... алчные сыны африканских степей, бедуины из страны Югурты и вместе с германскими вандалами раздирают это сердце так же, как дикое животное рвет внутренности своей жертвы... Вандалы могли предаться грабежу с бесстыдным спокойствием, так как Гензерих дал им долгий срок в 14 дней. ...Грабеж происходил одновременно по всем улицам, и сотни нагруженных добычей повозок выезжали через портовые ворота к кораблям, которыми был покрыт Тибр»⁸⁰¹.

Тотальному разграблению подверглись императорский дворец, храм Юпитера на Капитолии, с крыши которого содраны были позолоченные бронзовые дощечки, другие языческие храмы, христианские церкви, особняки частных граждан. Корабли вандалов нагружены были золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, бронзовыми и мраморными статуями. Одной из добыч Гензериха стали переправленные им в Карфаген священные сосуды из Иерусалимского Храма, доставленные в Рим Титом. Грабеж сопровождался пожарами и убийствами пытавшихся защитить свое имущество римлян и массовыми изнасилованиями. Число жителей Рима, и прежде уже резко сократившееся в сравнении с тем, каким оно было до его первого падения при Аларихе, даже после возвращения беженцев в родной город сократилось, по выкладкам Ф. Грегоровиуса, до 150 тысяч⁸⁰², так что многие из его дворцов, особняков и инсул стояли полупустые, а полуразрушенные строения некому и незачем было восстанавливать – великий город, в котором некогда кипела яркая и беспокойная жизнь, превращался в полумертвый город руин. Само имя вандалов, прославленное на века разорением Рима, стало с тех пор нарицательным понятием.

Среди многих тысяч пленников, увезенных для продажи на невольничьих рынках Африки, находились Евдоксия и две ее дочери: Евдокия и Плацидия. Евдокию Гензерих принудил к браку со своим сыном Гуннерихом, с которым она прожила 16 лет, после чего бежала из Карфагена в Иерусалим, где вскоре после этого умерла и была погребена рядом со своей бабушкой, носившей после крещения одинаковое с ней имя, но прежде именовавшейся Афинаидой. Ее сестра Плацидия после кончины императора Маркиана была вместе с матерью отпущена в Константинополь.

Когда вандалы оставили дымящийся от пожаров Рим, оставшимся в нем малочисленным сенаторам и гражданам, разоренным, обескураженным и растерянным, было не до избрания императора. Род Феодосия Великого в его потомстве по мужской линии угас с гибелью Валентиниана III. В империи тогда оставался один законный император – Маркиан, но, по уже сложившейся традиции, кроме автократора, который имел резиденцию в Новом Риме, на Западе должен был быть свой отдельный император. Генералы, командовавшие войсками, расквартированными в западных провинциях, не стали дожидаться распоряжений о назначении императора для Запада, и 10 июля в галльском Арелате войска и народ аккламировали императором своего полководца Авита, происходившего из знатного рода романизованных галлов. Римский сенат вынужден был подчиниться воле армии и, пользуясь своей старой привилегией, давно ставшей архаической формальностью, утвердил совершенное уже избрание и пригласил Авита в Рим. 1 января 456 г. зять Авиты Аполлинарий Сидоний произнес перед сенаторами панегирик новому императору, в вознаграждение за что был удостоен бронзовой статуи на площади Траяна. Император Маркиан признал Авита своим соправителем.

Римские сенаторы однако не настроены были поддерживать овладевшего верховной властью провинциала, вступив в тайный сговор с военачальником из числа варваров свевом Рицимером, матерью которого была дочь вестготского короля Валлии. Удостоенный звания комита, он был ближайшим

сподвижником Аэция, за убийство которого отомстил участием в свержении Валентиниана. Недовольный тем, что Авит был поставлен без совещания с ним и опираясь на тайную поддержку сената, Рицимер поднял против него мятеж. После того как он овладел Римом, сенат объявил Авита низложенным, и тот бежал вначале в Плаценцию, а затем на свою родину – на юг Галлии, где был настигнут убийцей уже в сентябре 456 г. Власть в Риме и в контролируемых римской армией западных провинциях оказалась в руках Рицимера, который однако не стал императором из-за своего арианства.

Тем временем война велась на восточных границах империи. В 456 г. римская армия вступила в Колхиду – современную Гурию и Мингрелию, населенную лазами. Царь лазов Говаз обратился с просьбой о помощи к иранскому шаху, но тот, не желая новой войны с Римской империей, уклонился от вмешательства во взаимоотношения между Римом и лазами. Говаз вынужден был подчиниться диктату Рима, уступив престол своему сыну, который признал себя союзником, что значило вассалом Рима. Переговоры с Говазом вел магистр армии Евфимий, который пользовался доверием императора и был одним из самых влиятельных сановников. А сам император Маркиан был тогда прикован к постели, страдая от гангрены ноги. Мучительная болезнь продолжалась пять месяцев, сведя его в могилу. Император Флавий Маркиан скончался 25 января 457 г.

11. Четвертый Вселенский Собор

Император Маркиан, действуя по совету своей супруги святой Пульхерии, в самом начале правления издал ряд актов в поддержку православных диафизитов. По его распоряжению мощи святителя Флавиана были перенесены в столицу и погребены в храме 12 апостолов. Епископы, лишённые сана разбойничьим собором и сосланные императором Феодосием, были возвращены из ссылки. Евтихия Маркиан приказал выдворить из его монастыря и отправить в ссылку. Архиепископ Константинополя Анатолий, поставленный Диоскором, после встречи с легатами епископа Рима выразил письменное согласие с томосом Льва Великого, дав пример другим архиереям, участвовавшим в разбойничьем соборе, а теперь письменно заявлявшим о том, что в Эфесе они под давлением и по принуждению подписывались под актами об отлучении Флавиана, Евсевия Дорилейского, Феодорита, Ивы Эдесского и Домна Антиохийского, и своими подписями свидетельствовавшим о совершенном согласии с томосом святого Льва. Аналогичную подпись дал и архиепископ Максим, поставленный на Антиохийскую кафедру после низложения Домна. В посланиях Льву Великому епископы Востока один за другим выражали свое единомыслие с ним.

Диоскор однако не захотел смириться с поражением и, переоценивая свои силы, пытался противопоставить себя императору: не страшась обвинения в государственной измене, он в беседах с друзьями, о которых скоро становилось известно в Константинополе, бахвалясь, утверждал, что в Египте настоящий император – он, Диоскор, а не Маркиан. Тем самым он создавал ситуацию, удобную для того, чтобы верховной власти, отвернувшейся от монофизитов, именно его, Диоскора, а не императора Феодосия, объявить главным виновником преступлений, учинённых на разбойничьем соборе в Эфесе.

Для обвинения Диоскора и окончательного отвержения евтихианской ереси нужен был Собор, и император Маркиан предложил созвать его. Но папа Лев перед лицом своего

фактически уже состоявшегося триумфа и поражения монофизитов переменял отношение к созыву Собора, на чем он настаивал ранее в переписке с Феодосием. Теперь он больше не видел в нем надобности и в связи с этим писал Маркиану: «Нам довольно вашей ревности о вере, мир возвращается в Церковь, а через Церковь и в государство... Не будем производить больше прискорбных споров, одно бесстыдство которых есть уже позор для Церкви. Будем стараться по возможности избегать поднимать нечестивые и безрассудные вопросы, которые Святой Дух учит нас заглушать при первом их появлении; нехорошо постоянно исследовать то, во что мы должны верить, как будто тут может быть место сомнению; и теперь должно быть известно, что мнения Евтихия нечестивы и что Диоскор, обвинивший Флавиана, погрешил против веры»⁸⁰³.

Но известное Льву Великому и императору Маркиану нечестие Евтихия не было столь же хорошо известно в Египте, где Диоскора по-прежнему поддерживало большинство христиан, в особенности среди коптов, а также многим монахам не только в Египте, но и в Сирии, Палестине и даже в Константинополе, где у Евтихия осталось немало сторонников. Подозрение, что в томосе Льва содержится прикровенное несторианство, высказывалось епископами Иллирика. И если в самом Риме все более очевидной представлялась идея о монополии на истину престола апостола Петра – позднейшая формула *Roma locuta est* (Рим сказал), обозначавшая окончание богословского спора после того, как Римская кафедра высказала свою позицию по теме этого спора, – то это не значит еще, что подобную идею разделяли на Востоке, где высший учительный авторитет Церкви отождествлялся с Вселенскими Соборами. Этой мысли придерживался и император Маркиан. В ходе дальнейшей переписки папа вынужден был согласиться с созывом Собора.

17 мая 451 г. император Маркиан от своего имени и от имени своего соправителя Валентиниана издал адресованное митрополитам послание о созыве Вселенского Собора в Никее, прославленной тем, что в ней при святом Константине состоялся Первый Вселенский Собор, отвергший ересь, потрясшую Церковь, в сентябрьские календы, то есть в начале

месяца: «Победители Валентиниан и Маркиан, славные триумфаторы, постоянные императоры, ко всем благоговейнейшим епископам всех стран. Всем занятиям должны быть предпочитаемы Божественные дела. Ибо мы верим, при благоволении всемогущего Бога, общество будет сохранено и улучшено. А так как возбуждены некоторые недоумения касательно нашей православной веры, о чем свидетельствует и послание боголюбезнейшего архиепископа славного города Рима – Льва: то нам благоугодно было, чтобы состоялся святой собор в Никее, городе вифинском... А кто отвергнет имеющий быть вселенский и целому миру полезный собор, тот и погрешит пред самым Божеством, и оскорбит наше благочестие. Да ведает также твоя святость, что и наше величество будет находиться на этом почтенном соборе, если только какие-нибудь государственные нужды не задержат нас в походе»⁸⁰⁴. Митрополитам предлагалось взять с собой в Никею столько находящихся в их юрисдикции епископов, сколько они сочтут необходимым.

В конце лета имперская почта доставила в Никею епископов из Иллирика, Азии, Сирии, Палестины, Египта. Запад представлен был лишь легатами папы: епископом Лилибеи Сицилийской Пасхазином, епископом Асколийским Люценцием и римским пресвитером Бонифацием, который прибыл в Никею вместе с нотарием, а также двумя епископами из Африканского диоцеза. В Никею по своему произволению стекались также равнодушные к исходу предстоявшего Собора клирики, монахи, миряне. Обстановка в городе из-за скопления разномыслящих и отчасти беспокойных людей складывалась напряженная и нервная. Возникли трудности со снабжением скопившегося люда пропитанием. В связи с этим августа Пульхерия распорядилась удалить из Никеи монахов и мирян, которые прибыли в этот город самовольно, без дозволения своего епископа.

Между тем прошли сентябрьские календы, а император Маркиан, занятый организацией обороны Иллирика и Фракии от вторжения полчищ Атиллы, не являлся на Собор. Съехавшиеся в Никею епископы попросили Маркиана разрешить начать

соборные деяния в его отсутствие, но император, опасаясь риска возникновения на Соборе беспорядков, подобных тем, которые вывалили в грязи репутацию второго собора, созванного в Эфесе, отклонил эту просьбу и вместо того распорядился изменить место проведения Собора, чтобы он проходил ближе к столице. Выбор пал на другой вифинский город – Халкидон, расположенный на азиатском берегу Босфора, напротив Константинополя: «Если угодно будет вашему благочестию, – писал он в послании епископам, съехавшимся в Nikeю, – благоволите перейти в город Халкидон. Туда не замедлим мы явиться, хотя нас и задерживают здесь общественные дела. Ибо, признаем мы, всему надлежит предпочитать то, что споспешествует истине и православной вере, а также миру и благоустройству святых Кафолических Церквей»⁸⁰⁵.

Переезд в Халкидон завершился в начале октября. В «Церковной истории» Евагрия Схоластика прекрасно описано место, где состоялся Собор, – храм святой Евфимии, не сохранившийся до наших дней: к этому храму «ведет плавно поднимающаяся дорога, поэтому путь в храм мученицы не труден для проходящих, которые, попадая в ограду храма, неожиданно для себя оказываются наверху, так что глаза, обзревая все с этой высоты, видят и стелющуюся гладкую и ровную равнину, зеленеющую травой, волнуемую нивами и улаждающую взор видом разнообразных деревьев, и горы, заросшие лесом до самых вершин, сводообразно поднимающиеся и горделиво возвышающиеся, и изменчивые воды, то багровеющие в покое и кротко и радостно играющие с высокими берегами там, где нет ветра, то кипящие и бушующие волнами... Храм расположен напротив Константинополя, так что он прекрасно смотрится на фоне этого столь великого города. В священной ограде находятся три огромных здания: одно – открытое, украшенное со всех сторон колоннами и продолговатым двором; другое за ним – почти равное ему по ширине, длине и колоннам, отличающееся лишь тем, что покрыто крышей; у его северного крыла, поднимающегося к солнцу, – круглое здание в виде ротонды, обрамленное внутри искусно украшенными колоннами

из одних и тех же материалов и одинаковой высоты. Они возносятся ввысь под самую крышу верхний этаж, так что (находясь) там, желающие могут молиться мученице и присутствовать при Таинствах. Внутри же ротонды, в ее восточной части, расположена прекрасная часовня, где пресвятые останки мученицы пребывают в продолговатой раке... чрезвычайно искусно сделанной из серебра»⁸⁰⁶.

О числе участников Собора есть разные данные: в историю он вошел как Собор 630 отцов. Среди них, очевидно, числятся и те епископы, кто лично не присутствовал в Халкидоне, но за которых другие епископы, обычно их митрополиты, уполномочены были поставить подписи под соборными актами. В послании Собора папе Льву говорится о 520 его участниках. В любом случае это был самый представительный по числу участников Вселенский Собор. В нем участвовали предстоятели церквей: Константинопольской – Анатолий, Александрийской – Диоскор, Антиохийской – Максим, Иерусалимской – Ювеналий, легаты епископа Рима. Император Маркиан не явился в Халкидон ко дню открытия Собора, 8 октября, но направил туда своих представителей – 18 высших сановников во главе с магистром армии консулярием и патрицием Анатолием, который и председательствовал на большей части соборных заседаний. Два нотариуса императорской консистории Вероникиан и Константин исполняли должности соборных секретарей и переводчиков, переводя оглашаемые документы с латинского на греческий или с греческого на латинский язык.

Сановники во главе с патрицием Анатолием заняли места у алтарной преграды. Напротив них стояли скамьи для обвинителей, обвиняемых, просителей и свидетелей. Отцы Собора восседали справа и слева от президиума между колоннами, ряды которых простирались от входа в храм до алтаря. Слева от президиума разместились папские легаты, затем архиепископы Константинополя и Антиохии, архиепископы Кесарии Каппадокийской Фалассий и Эфеса Стефан и далее митрополиты Сирии, Азии и Понта и за их спинами зависевшие от них епископы. С противоположной правой стороны от президиума заняли места архиепископы Александрийский

Диоскор, Иерусалимский Ювеналий, епископ Ираклии Македонской Квинтиля, представлявший архиепископа Фессалоник, епископ Бизийский Лукиан, представлявший епископа Ираклии Фракийской Кириака, и епископы Египта, Палестины и Иллирика. Распределение епископов по местам соответствовало не только расположению епархий, но и позиции, которую занимало большинство из них до разбойничьего собора и отчасти на нем самом, так что покровители Евтихия оказались слева от президиума, а их оппоненты – справа. Посредине церкви на подвижном переносном аналое лежало Евангелие.

Первым на заседании Собора, состоявшемся 8 октября 451 г., взял слово папский легат Пасхазин. Выйдя на середину храма, он сказал, обращаясь к сенаторам и другим сановникам, занявшим места в президиуме: «Блаженнейший и апостольский епископ города Рима, главы всех церквей, дал нам повеление, которым он удостоил приказать, чтобы Диоскор... не присутствовал на Соборе, если же он попытается сделать это, то был бы изгнан... Итак, если ваша знатность повелит, то или пусть он выйдет, или мы удаляемся»⁸⁰⁷. Сановники попросили объяснить, в чем состоит вина Диоскора. В ответ епископ Бизийский Луценций сказал, что он восхитил себе право судьи над епископами и «дерзнул составить собор без авторитета апостольского престола, чего никогда не было и не должно быть»⁸⁰⁸. С канонической и исторической точки зрения утверждение, что такого никогда не было и быть не должно, весьма сомнительно. Президиум не выполнил требование легатов об удалении Диоскора, здраво рассудив, что поскольку обвинение против него было выдвинуто, его следовало доказать.

Диоскору предложили сойти со своего места и занять скамью в середине храма, где находились места для обвинителей и обвиняемых. Процесс и в государственных судах и в судах церковных в соответствии с нормами римского и канонического права носил характер частного обвинения, поэтому для рассмотрения дела нужен был добровольный обвинитель. Эту роль взял на себя опытный в прошлом юрист епископ

Дорилейский Евсевий, низложенный на разбойничьем соборе по предложению Диоскора. Он начал с того, что огласил поданное им на имя императоров Валентиниана и Маркиана прошение о ревизии результатов разбойничьего собора; в этом прошении Евтихий именовался еретиком. Выслушав содержащееся в нем обвинение, Диоскор потребовал зачитать протоколы второго Эфесского собора, с чем согласился и Евсевий. Диоскор однако настаивал на том, чтобы прежде чтения протоколов было произведено «исследование веры» – иными словами, он хотел увести отцов Собора от обвинительного процесса в сторону богословской дискуссии, видимо, искренне полагая, что ему удастся доказать несторианские заблуждения своих оппонентов. Но председательствовавшие на Соборе сановники предложили начать с оглашения документов.

После прочтения послания императора Феодосия Диоскору, в котором епископу Феодориту Кирскому воспрещалось присутствие на соборе в Эфесе, сановники, как сказано в соборных деяниях, сказали: «Пусть войдет и почтеннейший Феодорит, чтобы участвовать в соборе, потому что ему и святейший архиепископ Лев возвратил епископию и священнейший и благочестивейший император повелел присутствовать на святом соборе»⁸⁰⁹. Когда блаженный Феодорит вошел в храм святой Евфимии, с той стороны, где расположились епископы Египта, Палестины и Иллирика, раздались возгласы: «Помилуйте, вера погибает; его изгоняют правила; изгоните его вон»⁸¹⁰, а на другой стороне храма восклицали: «Мы подписались на неписанной бумаге; нас били, мы подписались. Вышлите вон манихеев; вон изгоните врагов Флавиана; вон изгоните врагов веры»⁸¹¹. Диоскор, обвиняя оппонентов в сочувствии Феодориту, сказал: «Почему изгоняется Кирилл, который был анафематствован им?»⁸¹². В ответ он услышал: «Диоскора-человекоубийцу вон изгоните; кто не знает действий Диоскора»⁸¹³. Собор начинался с жесткого противостояния его участников, одни из которых подозревали других в скрытом несторианстве, а те в свою очередь своих оппонентов – в единомыслии с Евтихием. Шум не смолкал долго, пока

президиум не потребовал самым жестким образом прекратить его.

Возобновилось оглашение документов, продолжавшееся до вечера. Попутно сановники вели допрос участников разбойничьего собора о ходе его заседаний и об их участии в них. С особым пристрастием допрашивали обвиняемого – Диоскора. И он, по словам А. В. Карташева, «вел себя как узкий фанатик, мужественно. Большинство же епископата его предавало, ссылаясь на террор Диоскора. “Ах, бедненькие, они боялись!” – издевался над ними Диоскор. “Это христиане-то боялись! О, святые мученики, так ли вы поступали?!”»⁸¹⁴.

После прочтения послания святителя Кирилла к Иоанну Антиохийскому 433 г. и изложения веры святого Флавиана Константинопольского, составленного им по требованию императора Феодосия в канун разбойничьего собора, с обеих сторон раздались возгласы о православии и единомыслии обоих святителей. Президиум предложил всем участникам Собора высказаться о православии Флавиана. Один за другим епископы, начиная с папского легата Пасхазина, вслух выражали свое убеждение в том, что Флавиан не уклонился от Православия. В этом смысле высказались его преемник Анатолий Константинопольский, архиепископы Антиохийский Максим, Кесарийский Фалассий. Архиепископ Иерусалимский Ювеналий, исполнявший на разбойничьем соборе в Эфесе должность заместителя председателя, вместе с другими епископами Палестины в знак перемены своего отношения к святителю Флавиану встал и перешел с левой стороны храма на правую. За ними последовали епископы Иллирика и четверо из 19 епископов Египта. Диоскор, как обвиняемый, спрошенный последним, стоял на своем: «Флавиан осужден за то, что признавал два естества после соединения. Я же имею свидетельства святых отцев, Афанасия, Григория, Кирилла, во многих местах, что не должно признавать двух естеств после соединения, но одно воплотившееся естество Слова»⁸¹⁵.

Секретарь Собора Вероникиан продолжил оглашение документов. Ввиду того, что значительным большинством участников Собора было выражено убеждение в православии святого

Флавиана, епископы, ранее участвовавшие в его осуждении, стали оправдываться тем, что в Эфесе на них оказано было давление, в котором они обвиняли уже не одного только Диоскора, но и других ключевых деятелей разбойничьего собора.

В завершение первого дня соборных деяний президиум Собора, «славнейшие сановники и знаменитейший сенат»⁸¹⁶ вынесли постановление: «Мы усматриваем, что точнейшее исследование о православной и католической вере должно быть тщательнее произведено в следующий день, в присутствии Собора. Но так как оказывается, что блаженной памяти Флавиан и почтеннейший епископ Евсевий осуждены несправедливо... то нам кажется справедливым и богоугодным... подвергнуть тому же наказанию имевших тогда власть и председательство на соборе»⁸¹⁷. Аресту подверглись Диоскор Александрийский, Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарийский, Евсевий Анкирский, Евстафий Беритский и Василий Селевкийский. Все они, по заключению сановников, представлявших императора, подлежали за учиненные ими беззакония извержению из сана. Заседание закончилось пением Трисагиона – Трисвятого, впервые зафиксированным документально – по преданию, этот гимн стал употребляться впервые в Константинополе при святом архиепископе Прокле. После пения долго еще продолжались восклицания, отраженные в соборных «Деяниях»: «Многая лета императорам! Нечестивый всегда бежит! Диоскора Христос низложил. Это – справедливый приговор; это – святой Собор... За мучеников Бог отомстил»⁸¹⁸. В заключение президиум затребовал от участников Собора письменного изложения веры.

Второе заседание, традиционно датируемое 10 октября, хотя «современный исследователь актов Халкидонского Собора Е. Хрисос датирует его 14 октября»⁸¹⁹, проходило без участия Диоскора и других ранее арестованных епископов и было посвящено исследованию веры – христологическому учению Церкви. В самом начале заседания выяснилось, что требование президиума предоставить свои изложения веры было проигнорировано участниками Собора. Епископ

Севастопольский Кекропий, выражая настроения большинства, сказал: «(Когда) возникло дело Евтихия, образец в отношении к нему дан святейшим архиепископом Рима, и мы следуем ему и все подписались под посланием»⁸²⁰. Некоторые из отцов при этом ссылались на 7 правило III Вселенского Собора, интерпретируя его содержание как запрет на составление новых символов. Зачитаны были Никейский символ в его оригинальной редакции и потом Символ 150 отцов II Вселенского Собора – из сохранившихся древних актов в «Деяниях Халкидонского Собора» впервые приводится его текст. Оглашены были послание святителя Кирилла Иоанну Антиохийскому и томос Льва Великого Флавиану, а также отрывки из творений святых Илария Пиктавийского, Григория Богослова, Амвросия Медиоланского, блаженного Августина.

Епископ Никопольский Атик выразил сомнение в православии некоторых мест из томоса папы Льва, для исследования соответствующих выражений из томоса он предлагал огласить «12 анафематизмов» святого Кирилла, но президиум, зная, что «анафематизмы» Кирилла служили орудием в руках Евтихия и его единомышленников, отказал в этой просьбе Атику. Комментируя этот момент соборных деяний, В. В. Болотов писал: «Если бы вопрос был поставлен открыто, как предлагал Атик, то нужно было бы пересмотреть всю догматическую деятельность Кирилла, и тогда бы открылось, что не всякая строка из сочинений Кирилла должна быть принимаема церковью к сведению, а тем более к догматическому руководству... Св. Кирилл в своей полемике с Несторием дошел до крайностей»⁸²¹. Правда, сам Атик стремился, конечно, к тому, чтобы было сделано противоположное заключение, подрывающее авторитетом святого Кирилла значимость диафизитских выражений из томоса Льва Великого, которые расходились с формулой Кирилла о «единой природе Бога Слова воплощенного». Не желая рисковать, представители императора для убеждения или переубеждения сомневающихся в богословской безукоризненности томоса предложили образовать специальную комиссию под председательством архиепископа Константинопольского Анатолия, которой и было

поручено составить согласованный проект соборного ороса. В конце заседания иллирийские епископы просили сановников освободить арестованных иерархов и допустить их на Собор, но в этой просьбе им было отказано.

13 октября епископы заседали в отсутствие сановников под председательством папского легата Пасхазина. Это заседание было посвящено суду над Диоскором. Первым нотарием Собора архидиаконом Константинополя Аэцием было оглашено адресованное Собору прошение епископа Дорилейского Евсевия, в котором он, изложив преступные действия Диоскора, предпринятые против него и против почившего святителя Флавиана, настаивал: «Постановите: что все, учиненное против нас, не имеет силы ... что мы удерживаем сан священства; скверное учение его анафематствовать; слово благочестия утвердить; а его самого за дерзости очистить наказанием, чтобы он в продолжение остальной жизни служил примером для вразумления всех, которые бы вздумали поступать подобно ему»⁸²².

Трижды к Диоскору приходили посланники Собора звать его на соборный суд, и трижды он отказался подчиниться, сославшись в первый раз на запрет со стороны стражи, во второй, когда стража разрешила ему отлучиться, чтобы предстать перед отцами Собора, – на болезнь и, наконец, в третий раз заявив, что он «не имеет ничего прибавить к тому, что уже сказано... "Что я сказал, то сказал; и этого для меня довольно"»⁸²³. После тоекратного отказа Диоскора явиться на соборный суд возникла каноническая возможность судить его заочно, и этот суд был открыт.

На вопрос Пасхазина, какого наказания достоин обвиняемый, последовали ответы: «достоин низложения». Диоскору инкриминировались единомыслие с еретиком Евтихием и общение с ним, отказ на втором соборе в Эфесе огласить послание папы Льва Великого, отлучение папы, жалобы на несправедливости и обиды, поданные александрийцами и среди них родственниками святого Кирилла, и, наконец, отказ предстать перед судом Собора. Председательствовавший на соборном суде епископ Пасхазин

предложил вынести постановление: «Святейший и блаженнейший архиепископ великого и старейшего Рима Лев, чрез нас и чрез настоящий святейший собор, вместе с треблаженнейшим и всехвальным апостолом Петром, который есть камень и утверждение Кафолической Церкви и основание православной веры, лишает его епископства и отчуждает от всякого священнического сана»⁸²⁴. Формула приговора стилистически звучала как папистская, но эта сторона дела тогда мало волновала епископов Востока. Поэтому возражений она не вызвала. Один за другим начиная с Анатолия Константинопольского отцы Собора высказывались за низложение Диоскора, при этом по большей части главным основанием для извержения его из сана они называли отказ явиться на соборный суд. Из присутствовавших за осуждение высказались 192 отца. Затем они поставили подписи под соборным приговором. «Среди подписавших приговор (согласно латинскому тексту – 308 участников, греческому – 252) встречаются активные деятели “разбойничьего” собора, принимавшие участие и в настоящем Соборе»⁸²⁵. Диоскор был извещен о приговоре в письменном виде. Отчет о принятом по его делу решении с его подробным обоснованием направлен был императорам Маркиану и Валентиниану, а также святой Пульхерии.

На заседании, состоявшемся 17 октября, епископы Палестины и Иллирика, ранее выразившие сомнение в православии некоторых выражений из томоса Льва Великого, на этот раз свои возражения против томоса сняли. Вновь обсуждался вопрос о возвращении на Собор бывших руководителей «разбойничьего собора», кроме, конечно, Диоскора. Основанием для снисхождения к ним являлось заявленное ими согласие с томосом. Сановники обратились с этой просьбой к императору.

Маркиан предоставил решение вопроса на усмотрение отцов Собора, после чего Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарийский, Евсевий Анкирский, Евстафий Беритский и Василий Селевкийский были освобождены и заняли места среди участников Собора.

13 епископов Египта, отказавшихся поставить свои подписи под томосом Льва Великого, подали свое особое исповедание веры, в котором, чтобы отмежеваться от крайнего монофизитства, анафематствовали ересь «тех, которые говорят, что плоть Господа нашего была с неба, а не от Святой Богородицы Девы Марии, по подобию всех нас, кроме греха»⁸²⁶. Но отцы Собора не были удовлетворены таким исповеданием и потребовали от своих собратий анафематствования Евтихия и согласия с томосом Льва. Анафему Евтихию они произнесли, но от них требовали большего: «Пусть подпишут послание Льва. Не подписавший послание есть еретик»⁸²⁷. В ответ епископы из Египта сказали: «Мы не можем подписать против воли (нашего архиепископа)»⁸²⁸, иными словами, они просили позволить им отложить подписание томоса до поставления нового архиепископа Александрии вместо низложенного Диоскора. Они умоляли дать им отсрочку, утверждая, что если они здесь и сейчас поставят свои подписи, то будут убиты у себя на родине – столь велик был для египетских христиан авторитет Александрийской архиепископии. Участники Собора не хотели идти им навстречу, но руководившие соборными деяниями сановники проявили уступчивость, удовлетворив просьбу египетских епископов.

В тот же день к отцам Собора обратились с петицией 18 архимандритов из Константинополя во главе с Каросом и Дорофеем, по большей части единомышленники Евтихия, в которой они просили никого из монахов не изгонять из их монастырей. В другой петиции они просили о восстановлении Диоскора на Александрийском престоле. Среди архимандритов, приглашенных изложить свои прошения отцам Собора, находился и знаменитый Варсума, при виде которого отцы Собора стали восклицать: «Варсума опустошил всю Сирию, он привел против нас тысячу монахов», «выгоните вон человекоубийцу Варсуму! На площадь человекоубийцу! Анафема Варсуме! В ссылку Варсуму!»⁸²⁹. Собор напомнил архимандритам об их долге безоговорочного послушания своим епископам и дал Каросу, Дорофею и Варсуме отсрочку до 15 ноября для «размышления о повиновении святому и все-

ленскому собору», в противном случае они «будут лишены степени и всякого достоинства и общения, а вместе с тем отставлены и от настоятельства над монастырями»⁸³⁰.

Кульминационным событием IV Вселенского Собора стало принятие догматического ороса на заседании, состоявшемся 22 октября. Началось это заседание с драматических разногласий, которые, казалось, ставили под угрозу успех Собора, призванного утвердить православное учение о воплощении Спасителя и водворить в Церкви единомыслие и мир. Накануне, 21 октября, на частном совещании отцов Собора комиссией под председательством архиепископа Константинопольского Анатолия был представлен проект христологического ороса, текст которого не сохранился. Известно только, что в нем говорилось, что Господь «из двух естеств», а не «в двух естествах», и этим он отличался от томоса Льва Великого. Когда на соборном заседании 22 октября этот проект был оглашен константинопольским диаконом Асклепиадом, епископ Германикийский Иоанн, взяв слово, сказал: «Нехорошо составлено определение и должно быть исправлено»⁸³¹. Эта критика, исходившая от епископа города, бывшего родиной Нестория, вызвала острую и бурную реакцию со стороны большинства отцов, кроме, как сказано в «Деяниях» Собора, «римских и некоторых восточных». Раздались грозные возгласы: «Определение нравится всем. Это вера отцов. Мудрствующий противно этому – еретик. Если кто мудрствует иначе, да будет анафема! Несториан вон!»⁸³².

Папские легаты, видимо, солидарные с критической оценкой проекта ороса Иоанном Германикийским, усмотрели в бурной реакции большинства участников Собора попытку монофизитского реванша и, что им могло представляться не менее важным, неуважение к голосу предстоятеля Римской церкви – и заявили: «Если не соглашаются с посланием апостольского и блаженнейшего мужа папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим собор окончится»⁸³³. Угроза срыва Собора была, конечно, неприемлема для правительства Маркиана, и по предложению его представителей решено было образовать новую комиссию для

пересмотра выработанного уже проекта. Большинство отцов не хотело соглашаться с пересмотром представленного текста, опасаясь, что в новой редакции он уклонится в несторианство: «Определение всем нравилось, – восклицали они, – несториан вон; вон богоборцев!.. Вселенная православна... Император православный. Августа православная. Августа изгнала Нестория... Кто не подписывает определения, еретик... Святая Мария есть Богородица... Святой Дух диктовал определение»⁸³⁴. Сановники пытались урезонить возмущенных отцов, напомнив им о только что состоявшемся осуждении Диоскора: «Диоскор говорил, что он за то низложил Флавиана, что он говорил: «два естества», а в определении говорится: «из двух естеств»⁸³⁵. На это архиепископ Анатолий возразил: «Диоскор низложен не за веру, но за то, что отлучил господина архиепископа Льва и, будучи вызываем в третий раз, не пришел; за это и низложен»⁸³⁶.

Тогда сановники, чтобы спасти положение, срочно обратились к императору – благо, Халкидон находился вблизи столицы, – и от него получено было повеление составить новую комиссию с включением в нее архиепископа Анатолия, папских легатов, 6 епископов Сирийского диоцеза и по три епископа от диоцезов Понта, Азии, Фракии и Иллирика. В противном случае каждый епископ должен был представить в письменном виде исповедание веры через своих митрополитов либо созванный в Халкидоне Собор будет распущен и новый Собор состоится на Западе. Но сторонники немедленного принятия составленного проекта не отступали: «Многая лета императору! Или пусть имеет силу определение, или мы уйдем... Противоречащие пусть объявятся; противоречащие – несториане; противоречащие пусть уходят в Рим»⁸³⁷.

Тогда сановники, дирижировавшие ходом соборных деяний, поставили вопрос ребром: «Диоскор говорил: “из двух естеств” принимаю, но “два” (естества) не принимаю. А святейший Лев говорит, что во Христе два естества, соединенные неслитно, неизменно и нераздельно в одном Единородном Сыне, Спасителе нашем. Итак кому следуете, святейшему Льву, или Диоскору?»... Епископы воскликнули: «как Лев, так веруем.

Противоречащие – евтихианисты. Лев изложил православно»⁸³⁸. Воспользовавшись заявленным отцами согласием с формулой Льва Великого, сановники предложили: «Итак прибавьте к определению, по мысли святейшего... Льва, что во Христе два естества, соединенные неизменно, нераздельно и неслитно»⁸³⁹, после чего трое председательствовавших сановников вместе с 23 отцами, среди которых были папские легаты, Анатолий Константинопольский, Максим Антиохийский, Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарийский, Евсевий Дорилейский и другие епископы, представлявшие диоцезы Сирии, Понта, Азии, Фракии и Иллирика, перешли в молельню храма святой Евфимии, где покоились ее мощи.

После продолжительной дискуссии, перипетии которой остались неизвестными, члены комиссии вернулись к ожидавшим их отцам Собора и архидиакон Константинополя Аэций огласил выработанный в молельне текст – знаменитый Халкидонский орос, в который вслед за символами двух первых Вселенских Соборов включено было изложение православного учения о воплощении: «Последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедывать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по Божеству и единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по Божеству и в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы – по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, – так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо и одну Ипостась, – не на два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем, и (как) Сам Господь Иисус Христос научил нас, и (как) предал нам символ отцов»⁸⁴⁰.

В Халкидонском оросе синтезированы вероизложения, содержащиеся в примирительной догматической формуле 433 г., включенной в послание святителя Кирилла Иоанну Антиохийскому, известное под названием «Эуфрэнефосан и урани» (Да возвеселятся небеса), и в томосе папы Льва Великого. В оросе отождествляются понятия «ипостась» и «лицо», в которые ранее вкладывалось не до конца идентичное содержание; христологическая терминология в нем идентична терминологии тринитарной. Это относится одинаковым образом к терминам «ипостась», «лицо» (просопон), «естество» (усиа). Вершиной апофатической богословской мысли отцов Халкидонского Собора стало употребление четырех отрицательных понятий для определения образа соединения Божественной и человеческой природы во Христе – «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». Эта чеканная формула указывает на непостижимость тайны Боговоплощения и в то же время она отвергает как его несторианскую (нераздельно, неразлучно), так и монофизитскую (неслитно, неизменно) интерпретацию. После Халкидонского Собора монофизитская терминология (мона физис) (единая природа), к которой еще прибегал святой Кирилл, поставлена была вне закона в православной христологии, но от Кирилла идет содержащаяся в оросе идея тождества Божественного Слова как одной из Божественных Ипостасей с Ипостасью Богочеловека Иисуса Христа. «Парадокс Халкидонского ороса, – писал протоиерей Георгий Флоровский, – в том, что сразу исповедуется “совершенство” Христа “в человечестве”... – и отрицается, что Христос был (простым) человеком, – Он есть Бог воочеловечившийся... Он не “воспринял человека”, но “стал человеком”»⁸⁴¹. Разъяснению этого парадокса должен был впоследствии послужить догматический орос V Вселенского Собора.

Выслушав текст, составленный в молельне святой Евфимии, отцы Собора «воскликнули: “Это вера отцов. Митрополиты пусть подпишут тотчас; пусть немедленно подпишут в присутствии самих сановников; хорошо определенное пусть не подвергается отсрочке. Это вера

апостолов. С нею все мы согласны; все так мудрствуем”»⁸⁴². Но сановники заявили, что составленное определение следует представить на одобрение верховной власти.

25 октября в Халкидон прибыли император Маркиан и августа Пульхерия в сопровождении высших чинов и сенаторов. Они торжественно вошли в храм святой Евфимии, и там император произнес перед отцами Собора речь вначале на латинском языке, а потом в переводе на греческий. Ее он закончил словами: «Наша тихость заботится, чтобы все народы, имея одну и ту же мысль о божественном, чтили истинное и кафолическое богослужение и веру, которую вы изложите им по преданным от святых отцов догматам. Итак, да будет делом вашего благочестия, чтобы, как на святейшем соборе отцов в Никее явленная вера освободила людей от заблуждений... подобно и ныне все сомнительное, явившееся в это непродолжительное время... по развращению и корыстолюбию некоторых, единодушно было отсечено, а определенное вами сохранялось бы вечно. Делом же Божественного Промысла будет, чтобы то, о чем мы стараемся с благочестивым намерением, всегда твердо соблюдалось на пользу при вашем содействии»⁸⁴³. Раздались приветственные аккламации: «Маркиану, новому Константину, (многая лета)! Императору многая лета! Многая лета августу!»⁸⁴⁴.

Затем архидиакон Аэций огласил текст соборного ороса, под которым поставили подписи 452 участника Собора, начиная с папского легата Пасхазина и заканчивая епископом Дивелльским Ювеналием. Храм снова огласился приветственными восклицаниями: «Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду, (многая) лета... Вы – мир вселенной!.. Да сохранит вас вера ваша!.. Многая лета августу... Да сохранит Бог хранительницу веры! Маркиан – новый Константин; Пульхерия – новая Елена... Ваша вера – слава церквей!.. Ты изгнала еретиков. Несторию и Евтихию и Диоскору – анафема!»⁸⁴⁵.

В честь состоявшегося в Халкидоне Вселенского Собора кафедре города, где он проходил, Маркиан предоставил честь митрополии, сохранив при этом митрополичьи права в Вифинии

за ее столицей Никомидией. Еще раз взяв слово, император сказал: «По объявлении святым и вселенским собором святой и вселенской нашей веры по изложению отцов, наша мерность сочла делом справедливым и вместе полезным уничтожить наконец всякий повод к спорам о святой вере. Итак, если кто-нибудь, частный ли человек, или военный, или клирик, публично соберет толпу и под предлогом рассуждений о вере произведет возмущение, тот пусть знает, что, если он частный человек, то будет изгнан из царствующего города, а военный потеряет свою службу, клирик – свою степень, и подвергнется другим наказаниям»⁸⁴⁶. После новых аккламаций: «Многая лета императору!.. Ты восстановил церкви, ты утвердил православие... Вы изгнали еретиков... Троица осудила троих; Троица извергла троих. Царство ваше да будет в век»⁸⁴⁷ – отцы Собора стали просить императора отпустить их, но Маркиан повелел им продолжить свои труды, пока не будут разрешены все вопросы, требующие соборного рассмотрения.

Соборные деяния продолжались до конца октября. На них принимались решения по статусу отдельных епископов, по спорам между предстоятелями церквей, вопросы церковного управления и церковной дисциплины.

На одном из заседаний Собора вновь рассматривалось дело Феодорита Кирского. Сделано это было по его просьбе. Он, вероятно, хотел получить соборное одобрение своих богословских взглядов, своей христологии и потому предложил отцам Собора ознакомиться с его сочинениями. Но раздались восклицания: «Мы не хотим ничего читать; анафематствуй сейчас Нестория»⁸⁴⁸. Блаженный Феодорит попытался уклониться от анафематствования: «Я не стану говорить, если не изложу того, как я верую»... И когда он говорил (это), – сказано в «Деяниях» Собора, – почтеннейшие епископы воскликнули: «он еретик, он несторианин; вон еретика!». Почтеннейший епископ Феодорит сказал: «анафема Несторию и тому, кто не признает Святую Деву Марию Богородицею, и тому, кто единого и Единородного Сына разделяет на двух сынов»⁸⁴⁹. Добившись от Феодорита анафематствования еретика, в сочувствии которому он подозревался, отцы Собора сказали:

«Феодорит достоин престола; православного церкви! да примет церковь пастыря!»⁸⁵⁰. Так блаженный Феодорит был окончательно реабилитирован как православный епископ, но, как оказалось впоследствии, эта реабилитация не распространялась на все его сочинения.

Более трудным оказалось дело епископа Эдесского Ивы, которое также рассматривалось на Соборе. Низложенный разбойничьим собором в Эфесе, он настаивал на оправдании. В вину ему вменялась хула на святого Кирилла, приверженность ереси Нестория, и в особенности слова, которые он будто бы сказал однажды в проповеди: «Не завидую Христу, сделавшемуся Богом, ибо насколько сделался Он, сделался и я»⁸⁵¹. На вопрос, говорил ли он это в действительности, Ива ответил: «Я дозволю рассечь себя десять тысяч раз, чем говорить эти слова: нет, мне даже не думалось это. Но я знаю, что каждый спасается чрез исповедание»⁸⁵². Не все участники Собора готовы были оправдать Иву, но после анафематствования им Нестория он был оправдан. При рассмотрении дела Домна Антиохийского, который по малодушию подписывал несправедливые приговоры о низложении епископов на разбойничьем соборе, а потом и сам был низложен по обвинению в несторианстве и который не подавал прошения о восстановлении его на Антиохийском престоле, видимо, по сознанию своей греховной слабости, решено было выдавать на его содержание часть доходов Антиохийской кафедры.

На своих последних заседаниях Собор издал 27 канонов, которые вошли в «Синагогу» Иоанна Схоластика и в древние латинские сборники, а затем и в Номоканон Патриарха Фотия в XIV титулах. Тогда же было принято Собором и постановление о преимуществах Константинопольской кафедры, которое в конце V века было включено в собрание канонов Халкидонского Собора как его 28 правило. В это собрание вошли также выдержки из деяний четвертого заседания Собора, обозначенные как 29 и 30 правила Собора. В западных канонических сборниках приводится лишь 27 канонов IV Вселенского Собора. 28 правило, касающееся прерогатив Константинопольского епископа, было уже на самом Соборе оспорено легатами епископа Рима Льва Велико-

го, подобно тому как Римская кафедра отвергла и 3 правило II Вселенского Собора, на которое сделана ссылка в 28-м каноне.

1 каноном Халкидонского Собора утверждались правила предшествовавших Соборов: «От Святых Отец, на каждом Соборе, доньше изложенныя правила соблюдать признали мы справедливым». По словам архиепископа Петра ЛТОилье, «это решение... имеет отношение к сборнику, который постепенно сложился на Востоке и чей нормативный авторитет признавался уже на деле. Халкидонский Собор просто утвердил это признание со стороны Церкви»⁸⁵³. В состав этого сборника входили правила I Вселенского, Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и, вероятно, Лаодикийского Соборов, а также послание II Вселенского Собора 381 г., не разделенное еще тогда на отдельные каноны⁸⁵⁴.

Во 2 правиле Халкидонского Собора осуждается симония. Поводом к изданию этого правила послужила жалоба против епископа Эдесского Ивы, поданная на 9 и 10 заседаниях. Правило гласит: «Аще который епископ за деньги рукоположение учинит, и непродаемую благодать обратит в продажу, и за деньги поставит епископа, или хореепископа, или пресвитера, или диакона, или иного коего от числящихся в клире, или произведет за деньги во иконома, или ектрика, или парамонария, или вообще в какую-либо церковную должность, ради гнуснаго прибытка своего, таковой... да будет подвержен лишению собственного степени...». Вслед за 2 правилом, осуждающим симонию, отцы Собора изрекли 3 правило, в котором под угрозой церковных наказаний воспрещается епископам, клирикам и монахам из сребролюбия брать на себя попечение о чужом имуществе, заниматься откупам и вообще «вступать в распоряжение мирскими делами». Исключение сделано только относительно дел, связанных с попечением о малолетних, сиротах и вдовах, а также ходатайств по делам, связанным с защитой церковного имущества, причем принимаемым на себя не произвольно, но по поручению своего епископа.

7 канон Собора гласит: «Вчиненным единожды в клир и монахам, определили мы не вступати ни в воинскую службу, ни

в мирский чин; иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме». Общецерковное законодательство коснулось монахов и монастырей только в V веке. Специально этой теме посвящено 4 правило Халкидонского Собора, которое ограждает церковное управление от вмешательства беспокойных монахов. Правило было издано под впечатлением насилия, учиненного монахами и параваланами на разбойничьем соборе в Ефесе. В соответствии с 16 канонем, монах или «дева, посвятившая себя Богу», если потом вступают в брак, подвергаются лишению церковного общения. 24 правило угрожает прещением всякому, кто осмелится нанести ущерб монастырскому достоянию. На основании ряда правил Халкидонского Собора монастырь из частного общества превращался в церковный институт.

В 6 каноне сформулирован один из важнейших принципов, относящихся к поставлению клириков, – запрет абсолютных рукоположений, не связанных с назначением на определенное место служения. 15 правило касается поставления диаконис. В нем установлен возрастной ценз для их посвящения – 40 лет. В этом правиле предусмотрено также тяжкое прещение для диаконисы, вступившей в брак, – предание и ее и вступившего с ней в брак лица анафеме. Такое наказание является явным доказательством того, что диаконисы не принадлежали к числу клириков, поскольку наказанием для клириков было не отлучение от церковного общения, но извержение из сана. С исчезновением чина диаконис правило, естественно, перестало применяться по своему буквальному смыслу. Но оно содержит в себе некий экклезиологический принцип, который не утратил практического значения в связи с исчезновением института, о котором – в нем говорится. Например, оно может служить отправной точкой в рассуждении церковной власти об установлении возрастного ценза для назначения женщин на какие-либо церковные должности.

Ряд правил Халкидонского Собора посвящен дисциплине клириков, монахов и мирян. В соответствии с 8 правилом, клирики, служащие «при богадельнях, монастырях и храмах мученических», то есть сооруженных в память мучеников,

иногда прямо на их могилах, или на их мощах, одинаково с соборными и приходскими клириками, должны под угрозой церковных прещений «пребывать под властью епископов». В этом правиле говорится, что и миряне и монашествующие, дерзающие не повиноваться своим епископам, подлежат за это «отлучению от общения церковного». В 20 каноне перемещение клирика из одного города в другой, и значит из-под власти одного епископа в юрисдикцию другого, допускается исключительно в том случае, когда клирик «лишился отечества своего». Под «лишением отечества», по общепринятому толкованию, подразумевается захват города, в котором клирик служил, неприятелем. В 23 правиле клирикам и монашествующим воспрещено без поручения своих епископов приходить «в царствующий град Константинополь» и долго пребывать там без нужды. Таковым, согласно этому правилу, экдик Константинопольской церкви должен был напоминать о необходимости удалиться из столицы, в случае же пренебрежения ими этим напоминанием, они подлежали принудительному выдворению и возвращению в свою епархию.

В 18 правиле клирикам и монашествующим, под угрозой «низвержения со своего степени», воспрещено «связывать друг друга клятвою», «составлять скопища», а также «строить ковы епископам, либо своим сопричетникам». Это правило ставит вне закона всякого рода церковные фракции, ставящие своей целью внутрицерковную борьбу, соперничество и противостояние. Принципиально им осуждается всякого рода партийность, в том числе и в государственной или политической жизни. 27 правило предусматривает для клириков извержение из сана, а для мирян предание анафеме, если таковые «похищают жен для супружества или содействуют» в этом или хотя бы «соизволяют похитителям», то есть выражают свое согласие на умышку, являющуюся уголовным преступлением согласно византийскому законодательству и тяжким грехом, поскольку она попирает важнейшее условие христианского брака – добровольное согласие на него со стороны невесты.

26 правилом учреждается должность эконома, на которого Собор возлагает обязанность распоряжаться церковным имуще-

ством «по воле своего епископа, дабы домостроительство церковное не без свидетелей было, дабы от сего не расточалось его имущество, и дабы не падало нареkania на священство».

Ряд канонов IV Вселенского Собора относится к темам, связанным с юрисдикцией митрополитов и экзархов и с взаимоотношениями между поместными церквами. Так, 12 правило воспрещает образовывать новые церковные области во главе с митрополитами, путем разделения одной области на две на основании императорских «прагматических грамот» без санкции собственно церковной соборной власти. При этом относительно уже учрежденных императорами митрополичьих престолов Собор в этом правиле постановил, чтобы занимающие их епископы «единою честью довольствовались», то есть сохранили свой сан, но не обладали властью, соответствующей полномочиям митрополита, иными словами, чтобы их юрисдикция не выходила за пределы их собственной епископии. Поводом для издания этого правила послужили споры между епископами Тирским Фотием и Беритским Евстафием, а также между Никомидийским Евномием и Никейским Анастасием о юрисдикции. Данным правилом подтверждалась юрисдикция епископов Тирского и Никомидийского в качестве действительных митрополитов, а за епископами Беритским и Никейским признавалось лишь право на ношение титула митрополита.

19 правило подтверждает древнюю норму, содержащуюся в ряде канонов, в частности в 37 Апостольском правиле, о созыве областных соборов не реже двух раз в году, возлагая эту обязанность на митрополитов и предоставляя им право председательствовать на соборах. В обязанности епископов, в соответствии с этим правилом, входит являться по приглашению первого епископа на собор. 25 канон предписывает митрополитам не позже трех месяцев по освобождении архиерейской кафедры созывать собор для избрания нового епископа на вдовствующий престол, допуская отлагательство лишь в случае «неизбежной нужды», угрожая в противном случае церковной епитимией, конкретная форма

которой в правиле не обозначена. Этим канонем распоряжение доходами вдовствующей церкви, или обязанность их хранения, возлагается на эконома.

Исключительно важное значение в истории Церкви получило 28 правило IV Вселенского Собора, принятое как отдельное постановление не в ряду канонов. После ссылки на 3 правило II Вселенского Собора в нем говорится: «Престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества; поскольку то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и 150 боголюбнейшие епископы, предоставили равныя преимущества святейшему престолу новаго Рима, праведно разсудив, да град, получивший честь быти градом царя и синклита, и имеющий равныя преимущества с ветхим царственным Римом, в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем».

Возвышение Константинопольской кафедры II Вселенским Собором не сопряжено было с расширением области ее юрисдикции, которая по-прежнему распространялась лишь на столичный город и его окрестности. И вот Халкидонский Собор привел в соответствие с высоким рангом столичной кафедры размеры подведомственной ей территории, включив в ее юрисдикцию Фракийский, Азийский и Понтийский диоцезы. В 28 правиле содержится также упоминание о епископах «у иноплеменников»: «... Токмо митрополиты областей Понтийския, Асийския и Фракийския, и такожде епископы у иноплеменников вышереченных областей, да поставляются от вышереченнаго святейшаго престола святейшия Константинопольския церкви...». Смысл этого места из правила ясен: в нем идет речь о христианских общинах во главе с епископами, находящихся за пределами империи на территориях, примыкающих к Фракийскому или Понтийскому диоцезам – Азийский диоцез не соприкасался с внешними границами империи.

28 правило Халкидонского Собора не было признано папой Львом Великим; тем не менее оно вошло в канонический корпус в эпоху, когда Рим еще не выпал из вселенского единства Церкви, и Рим вынужден был с этим смириться, что безусловно доказывает отсутствие у него в ту пору претензий на неограниченную законодательную власть во Вселенской

Церкви, которые появились позже, уже во втором тысячелетии от Р. Х.

С 28 канонем содержательно связаны два других: 9-й и 17-й, в которых также упоминается титул экзархов как иерархов, отличных от митрополитов. Согласно 9 правилу, митрополиту принадлежит право принимать жалобы на епископов и назначать соответствующие расследования. Это правило далее гласит: «Аще же на митрополита области епископ, или клирик, имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великия области, или к престолу царствующаго Константинополя», а в 17 каноне сказано: «Аще же кто будет обижен от своего митрополита, да судится перед экзархом великия области, или пред Константинопольским престолом».

В этих правилах речь идет, конечно, не о всех вообще мирянах, клириках и епископах, а только о тех, которые относятся к Фракийскому, Азийскому и Понтийскому диоцезам, которые 28 правилом были включены в юрисдикцию Константинопольской кафедры. Иоанн Зонара в толковании на 17 правило Халкидонского Собора писал: «Но не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему». Смысл этих правил заключается в том, что для жалоб на одного из митрополитов этих трех диоцезов предлагаются альтернативные инстанции: либо по-старому – подавать апелляцию экзарху диоцеза, либо в связи с новым, вводимым Халкидонским Собором порядком – сразу жаловаться архиепископу Константинопольскому.

В 9 правиле содержится также положение о том, что даже гражданские тяжбы между клириками, то есть когда истец и ответчик духовные лица, подлежат исключительно церковному суду. 17 правило запрещает епископам присваивать себе приходы, принадлежащие другой епархии. В соответствии с данным правилом, тридцатилетний срок давности существования границ признается достаточным основанием для признания их законности и без наличия документов подтверждает права прихода на ту или иную территорию.

В 29 правиле Собора содержится категорический запрет низводить епископа на степень пресвитера. В случае

доказанной вины правило предусматривает совершенно лишать его священства, а если он осужден был несправедливо, то есть при доказанной его невиновности, пострадавшему епископу должна быть возвращена епископская степень. Этот принцип распространяется и на иные священнослужительские и церковнослужительские степени. Лишение степени во всех случаях подразумевает не низведение на низшую степень, но совершенное исключение из клира.

Заключительное, 30 правило Халкидонского Собора носит не нормативный характер, но представляет собой частное определение. Оно дает епископам Египетского диоцеза отсрочку в подавлении своей подписи в знак согласия с христологическим оросом Льва Великого. Эта отсрочка мотивирована была тем, что первенствующий епископ диоцеза архиепископ Александрийский Диоскор был низложен Собором. Поэтому и отсрочка назначалась на время до избрания нового предстоятеля Александрийской церкви.

IV Вселенский Собор, на котором сформулирован был христологический орос, по своей значимости сопоставим с Никейским. Богооткровенное и непостижимое учение о воплощении Божественного Слова выражено в этом оросе с предельным совершенством для человеческого языка, неизбежным образом ограниченного по причине тварной природы человеческого сознания. Богословские затруднения, связанные с изложением христологического догмата, были сняты Халкидонским оросом; тем не менее он оказался камнем преткновения для многих христиан, живших в Египте и на Востоке, за пределами Европы. Но причины последовавшего за Халкидонским Собором противостояния между православными диафизитами и монофизитами лежат уже не в области чистого богословия, а сопряжены с обстоятельствами национально-политической борьбы – монофизитство стало знаменем народов, стремившихся выйти из империи, в которой, каким бы ни было происхождение самих императоров, доминировал греко-латинский элемент. В попытках удержать эти народы в имперском лоне сами императоры не раз потом прибегали к

богословским компромиссам, беспочвенным там, где решается вопрос не о примирении интересов, но об истине.

12. Правление императора Льва

После смерти императора Маркиана, который через брак со святой Пульхерией принадлежал к династии Феодосия Великого, встал вопрос о его преемнике. Остававшиеся в живых потомки Феодосия все были женщинами – его внучка Евдоксия, вдова Валентиниана III, томилаь вместе со своими дочерьми в африканском плену у вандальского короля Гензериха. Ее мать Евдокия, пребывая на Святой Земле, достигла уже по тем временам преклонных лет, к тому же в глазах православных диафизитов она скомпрометировала себя участием в мятеже палестинских монофизитов. Вдова Феодосия Малого, она по рождению не принадлежала к правящей династии и о верховной власти не помышляла. Самым влиятельным сановником в Константинополе в 457 г., как и в предшествующее правление, был магистр армии консулярий и патриций Флавий Ардавур Аспар, алан по отцу и гот по матери, но как арианин, он не мог быть признан императором ни Церковью, ни сенатом, ни народом, верховная власть ему могла достаться лишь в результате кровавого насилия, сопряженного с риском потерять все, включая жизнь – свою, близких родственников, а также составлявшего его опору остготского и аланского по происхождению офицерского корпуса. Но не желая вовсе расставаться с властью, он решил поставить императором генерала, которому доверял. Его выбор пал на романизованного фракийца из племени бессов Льва – в ту пору он имел сан комита и чин военного трибуна.

В «Книге церемоний», составленной Константином Порфирогенетом, приведены отрывки из написанного Петром Патрикием, который в правление Юстиниана Великого занимал должность магистра оффиций, трактата «О гражданском устройстве», и в одном из них описан чин поставления императора Льва, совершенный 27 января 457 г. После его избрания в сенате, которое, разумеется, было лишь формальностью, поскольку сенаторы давно уже, еще со времен принципата, своим выбором дублировали решение, которое

принималось военной верхушкой, состоялась торжественная церемония в военном лагере в пригороде Константинополя Евдоме, где находился также один из императорских дворцов.

Там собрались офицеры и солдаты дворцовых схол – своего рода лейб-гвардии – и армейских частей. Там же присутствовали магистр оффиций Марциал и патриарх Константинопольский Анатолий. Характерным образом Петр Патрикий не упоминает о том, что легионеры поднимали Льва на щите, – в прошлом именно этот акт имел символически ключевое значение в поставлении императора, избранника армии: «Лабарумы и штандарты сложены на земле, символизируя траур империи, временно лишившейся императора»⁸⁵⁵. Раздаются молитвенные воззвания и аккламации: «Приклони ухо Твое, Боже, и услышь нас, вопиющих к Тебе! Даруй жизнь Льву. Услышь нас, Боже: да будет Лев императором. Боже человеколюбивый, республика просит себе Льва императором. Армия просит себе Льва императором. Закон на стороне Льва. Дворец на стороне Льва. Таково желание дворца. Таково требование войска. Таково желание сената. Такова воля народа. Мир ожидает Льва. Армия на стороне Льва. Да придет наш общий благой выбор – Лев! Услышь нас, Боже, вопиющих к Тебе!»⁸⁵⁶. Затем «комит Лев возводится на трибуну... первый кампидуктор... возлагает на него свою гривну... а второй – влагает ему свою в правую руку. Сразу же лабарумы вздымаются при радостных криках: “Август Лев, ты победитель, ты благочестив и почитаем. Бог сотворил тебя, пусть Он сохранит тебя! Почитая Христа, ты всегда будешь победителем! Да царствует Лев на многие лета! Да сохранит Господь христианское царство!”. Тогда, прикрытый щитами кандидатов, выстроившихся “черепажой”, Лев прямо на трибуне переоблачается в императорскую хламиду, надевает диадему и является в таком виде народу, павшему ниц; он берет в руки копье и щит и в таком воинском обликии провозглашается императором»⁸⁵⁷.

Затем было оглашено обращение Льва к воинам: «Император кесарь Лев, победитель, всегда август. Всемогуший Бог и ваше суждение, храбрые боевые товарищи, избрали меня в

добрый час императором Римского государства... Вы будете иметь во мне владыку – начальника, сослуживца – воина в ваших трудах, которые я научился выносить, отправляя службу вместе с вами... Я знаю, какие дары я должен войскам. За достижение моего святого и благополучного царства я вам дам по пяти номизм и по фунту серебра на человека»⁸⁵⁸. После раздачи вознаграждения раздались аккламации, которыми прославлялась щедрость императора: «Тобою в мир вошло счастье и благо. Да будет твое царство золотым веком для нас»⁸⁵⁹.

В другом месте Петр Патрикий описывает уже чин императорского входа в столицу, который совершался при подавлении разных императоров до Льва, но также и самого Льва. Император пешком в сопровождении свиты покидает Марсово поле и направляется в сторону церкви Святого Иоанна на Евдоме, входит в храм и там снимает с головы диадему и совершает молитву. Выйдя из церкви, император, верхом на белом коне и с диадемой на голове, в сопровождении сановников направляется в столицу империи. Подъехав к Золотым воротам в стене Феодосия, он спешивается и входит в расположенный там храм Иоанна Предтечи и, слагая с головы венец, кладет его на престол, затем, после молитвы, вновь надевает его на себя и едет в сторону императорского дворца в квартале Еленниане, где его встречают веститоры с выносным крестом, «который будет его сопровождать весь остаток пути. Здесь он сходит с лошади, приходит в метаторий, чтобы облачиться в пурпурную хламиду, белый дивитесий и консульские сандалии...; в этом новом облачении он садится в колесницу и посреди кортежа из военных и гражданских, пересекая врата Старых стен, подъезжает к форуму Константина, где его встречает префект города и сенат. Первенствующий член сената передает ему традиционный золотой венец... Император один садится в колесницу, сенаторы и чиновники предвзряют его путь через площадь Августеона до Орлогия, атриума и нартекса Святой Софии»⁸⁶⁰.

Затем совершается Божественная литургия с входом императора в храм. Во время входа он снимает со своей головы диа-

дему, входит в алтарь, «вместе с Патриархом возлагает золото и прочие дары на престол, заходит в специально устроенное для него помещение в южном притворе, слушает Евангелие»⁸⁶¹ и по завершении литургии получает диадему из рук патриарха. Петр Патрикий не упоминает о причащении Святых Таин, которое, однако, вероятно имело место.

Ф.И. Успенский писал: «Вступление Льва на престол ознаменовано в первый раз... церковным венчанием на царство и миропомазанием, совершенным патриархом Анатолием»⁸⁶², но в описании Петра Патрикия нет упоминания о помазании святым миром. Оно, вероятно, и не имело места при поставлении Льва императором.

Перед выходом из Святой Софии император раздает подарки клирикам и пешком направляется во дворец, перед воротами которого его «встречают офицеры схол... а также сенаторы и префект города, которые, – как пишет в своем изложении текста Петра Патрикия Ж. Дагрон, – передают ему «питтакион на тысячу ливров серебра и сразу получают воздаяние. Последние события происходят в консистории, где префект, сенаторы и сановники собираются вместе, затем в палате (cubiculum), куда императора сопровождают лишь одни патриции, и в большом триклинии, где имеет место трапеза, и на следующий день на ипподроме, где император... назначает скачки»⁸⁶³.

Чреда церемоний, из которых состоял акт поставления императора, соединяет разнородные элементы: избрание армией, символизирующее военное происхождение императорской власти, ритуальное участие в избрании сената и народа, подчеркивающее преемство по отношению к древней Римской республике, и, наконец, церковное благословение, впоследствии приобретающее решающее значение и вытесняющее военно-политический компонент. Во всяком случае в поставлении Льва напичан отсутствовал элемент династический и, следовательно, монархический, как он осмысливался в эллинистическом мире, в средневековую эпоху на Западе, или во времена абсолютизма. Наследственный фактор, даже тогда, когда он фактически играл свою роль при смене правителей, не имел легитимирующего, если не сказать

легитимного, значения при смене императоров ни в более раннюю, ни в более позднюю эпоху, которую принято называть византийской. Государственный переворот, осуществляемый армией или дворцовыми схоллами, воспринимался как ничуть не менее законный способ смены правителя, чем переход верховной власти по наследству к сыну или иному близкому родственнику – в успешном захвате власти народ в языческие времена видел следствие благоволения богов к победителю, свыше дарованное ему счастье, а в христианскую эпоху – знак благословения Божия, избрания, совершенного Самим Спасителем. Сыновья, внуки, братья, а нередко усыновленные зятья или дальние родственники почившего императора становились его преемниками чаще всего не по прямому праву наследования, а потому, что императоры привлекали их к участию в верховной власти еще при своей жизни с титулами цезарей или августов. Иными словами, императорская власть была подобна не классической монархии, но диктатуре, облеченной в республиканский антураж.

Лев родился в самом начале V века во Фракии, в пределах современной Болгарии, к северу от Родопских гор в семье простолюдинов. Вместе со своей женой Вериной он переселился в столицу империи, где завел мясную лавку, отчего и получил прозвище Мясника-Макелл. В Константинополе долго потом показывали лавку, в которой Лев продавал мясо. Затем он, оставив торговлю, поступил на воинскую службу, участвовал во многих походах и сражениях, дослужившись до чина трибуна. Служил он и под началом Аспара, который надеялся на то, что, став императором, Лев будет проводить угодную ему политику. Но будучи креатурой Аспара, он не захотел мириться с ролью его марионетки и уже в самом начале правления проявил характер: отказался выполнить просьбу Аспара возвести в сан цезаря его сына Ардавура.

Вскоре Льву пришлось столкнуться с мятежом в Египте, учиненным тамошними монофизитами. Жертвой мятежников пал святой архиепископ Александрии Протерий, на место которого был поставлен последователь Диоскора Тимофей по прозвищу Элур, что значит «кот». После подавления бунта

император приказал низложить Тимофея, в 460 г. он был арестован и отправлен в ссылку, а на Александрийскую кафедру был хиротонисан православный архиепископ Тимофей Салофакиол, что значит «Белый», но признан он был, конечно, лишь православными дифизитами Египта. Монофизиты, составлявшие большинство, продолжали считать своим предстоятелем сосланного Тимофея Элуга, в их глазах приобретшего ореол гонимого изгнанника.

Законодательство императора Льва было направлено на защиту Церкви, христианских ценностей, традиций и обычаев. В 467 г. он издал эдикт, которым воспрещалось нарушать святость церковных праздников игрой на музыкальных инструментах. Эти дни объявлялись неприсутственными. В 469 г. запрещено было работать, осуществлять судопроизводство и арестовывать должников в воскресные дни. Годом раньше вышел эдикт, по которому впредь государственные должности в администрации и суде могли занимать лишь православные христиане. Этот запрет не распространялся на армию, где ключевые посты принадлежали арианам начиная с всемогущего Аспара и его сына Ардавура. Но когда императору доложили о языческих убеждениях квестора Исокасия, император приказал предать его суду.

В 469 г. по распоряжению Льва в столицу империи была перенесена риза Божией Матери, купленная у одной иудейки в Иерусалиме. Ее положили во Влахернском храме, сооруженном святой Пульхерией на окраине города, и она стала одной из самых чтимых святынь Константинополя. Император Лев почитал своего великого современника преподобного Даниила, который подвизался на столпе около столицы. В зимнюю пору святому угрожала смерть от простуды. Лев, узнав об этом, посетил преподобного и просил его на коленях о позволении устроить навес над его столпом. Однажды императору случилось проезжать мимо столпа преподобного верхом, и он упал с коня. Страдая от ушибов, император послал Даниилу Столпнику письмо, в котором просил помолиться о нем и писал со смирением: «Виновник моего бедствия – я сам, потому что

дерзнул перед твоими очами сесть на коня, а не отошел подальше от святого столпа твоего»⁸⁶⁴.

Преподобный, беседуя с императором, предсказал великое народное бедствие – пожар столицы, и этот пожар действительно обрушился на город в 469 г. Яркий рассказ о нем содержится в «Церковной истории» Евагрия Схоластика: «В час, когда зажигают лампы, некий творящий зло демон-убийца в женском обличье или на самом деле какая-то женщина, зарабатывающая поденным трудом, которую укусил демон... пришла на рынок купить кое-что из вяленого, принеся с собой лампаду, и, оставив ее там, незаметно ушла; огонь же, принявшись за паклю, превратился в великое пламя и сжег дом быстрее слова; ... так как пожар длился четыре дня... весь центр города был опустошен от северной стороны до южной... Прекрасные (здания) ... за одно мгновение превратились в непроходимые и неприступные, образовавшиеся из самых разнообразных материалов холмы и горы, полностью исказившие прежний вид»⁸⁶⁵. Иоанн Малала писал об этом пожаре, что такого прежде никогда не бывало, «ибо горело от моря до моря; и, опасаясь за дворец, царь Лев отправился на другой берег... к св. Маме (знаменитый монастырь на азиатском берегу Босфора. – В.Ц.) и оставался там шесть месяцев (участвуя) в религиозных процессиях»⁸⁶⁶.

Еще одним бедствием, случившимся ранее, в начале правления Льва, было землетрясение, разрушившее Антиохию. Чтобы облегчить страдания выживших жителей города, которые потеряли близких, дома которых лежали в руинах, император простил городу недоимки в размере тысячи талантов золота и направил средства из казны на восстановление Антиохии.

Лев не был человеком высшей культуры, но с большим уважением относился к хорошо образованным людям. Однажды он распорядился выдать денежную награду философу Евлогию, и тогда один из дворцовых евнухов дерзнул упрекнуть императора, сказав, что лучше было бы это золото потратить на солдат. В ответ он услышал: «Дай Бог, чтобы в мое время жалование воинов было даваемо ученым!»⁸⁶⁷.

Обеспокоенный чрезмерной властью арианина Аспара, император в 464 г. назначил магистром армии,

дислоцированной в прилежащей к столице Фракии, брата своей супруги Верины Василиска, а магистром Востока, которому были подчинены войска, расквартированные в Азии, Понте, Сирии и Египте, состоявшего много лет на римской службе Трассикодиссу, или, по другим источникам, Арикмесия – одного из племенных вождей исаврийского народа. Два года спустя Лев выдал за него замуж свою дочь Ариадну. Вступив в этот брак, тот принял греческое имя Зенон, которое ранее носил его знаменитый соплеменник Флавий Зенон – магистр армии Востока с 447 по 451 г. Цель возвышения Василиска и Зенона заключалась в том, чтобы отодвинуть Аспара, властные амбиции которого давно уже раздражали Льва. С назначением Зенона магистром Востока в войсках усилилось присутствие исаврийского элемента, который, по мысли Льва, призван был уравнивать составлявшую значительную часть армии готскую военщину, засилье которой тревожило и угнетало греко-римскую знать и простых граждан Константинополя.

В 467 г. в границы империи на Балканах вторглись полчища остготов и гуннов. Им навстречу двинулась римская армия во главе с Аспаром, Василиском, Анагастом и Острисом. Римлянам удалось запереть варваров в ущелье, где они стали страдать от недостатка продовольствия. И тогда скифы, как их по сложившейся литературной традиции называет Приск Панийский, «послали в римское войско поверенных и предлагали сдать себя римлянам и быть у них в повиновении, если получат от них земли для поселения»⁸⁶⁸. В ходе переговоров римские военачальники предложили для более удобного снабжения их съестными припасами, чтобы они разделились «на столько отрядов, сколько было их в римском войске»⁸⁶⁹. Простодушные и доверчивые варвары приняли этот совет. После этого «Хелхал, родом гунн, наместник Аспара... придя к готскому отряду, который... был многочисленнее других, начал им говорить, что даст готам земли, но не для них самих, а в пользу гуннов; что гунны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходить к готам и похищать у них пищу... что хотя он, Хелхал, и гордится тем, что он гунн, однако же из любви к справедливости объявил им все это... Готы, смущенные этими

словами... соединились и истребили всех бывших у них гуннов... Узнав о том, Аспар и начальники другого войска построили своих в боевой порядок и убивали всякого варвара, кто бы ни попался»⁸⁷⁰. Лишь немногим из них удалось прорваться сквозь вражеские ряды и спасти себе жизнь. Классический, на грани с гротеском, пример применения традиционного принципа римской дипломатии: разделяй и властвуй, тем более что обманывали и затем истребляли варваров не совсем настоящие римляне, а их же братья по крови, состоящие на службе Римского государства и только потому именовавшиеся римлянами. Даже их полководцы, за исключением Василиска, судя по всему, эллинизированного или романизированного фракийца, были германцы: Анагаст, Острис и, наконец, Аспар, имевший смешанное происхождение: полугот и полуалан.

Роль, подобную той, которую в Новом Риме играл Аспар, на Западе империи усвоил себе комит Рицимер, свев по отцу и внук готского короля Валлия по матери. Как и Аспар, он придерживался арианского вероисповедания. Устранив императора Авита, он в течение 6 месяцев самовластно правил Римом, Италией и теми землями Запада, которые не были еще отторгнуты у империи варварами. 28 февраля 457 г. римский сенат провозгласил его патрицием – в ту пору это было высшим званием. Тогда же он назначил на должность магистра армии (*magister militum*), которую ранее занимал он сам, своего старого боевого товарища Майориана, а месяц спустя, 1 апреля, в военном лагере под Равенной Юлий Валерий Майориан был аккламирован императором Рима. Римский сенат принял его, человека классической культуры, с воодушевлением; император Лев признал его своим соправителем. Папа Лев Великий и другие епископы Запада ценили его как приверженца Халкидонского ороса.

Это был полководец и государственный деятель, чуждый авантюрного духа, исполненный сознания своего долга перед государством, дороживший сохранившимися еще учреждениями и традициями Римской республики, уважительно относившийся к сенату и заботившийся о сохранности древних сооружений Рима, которые пострадали не только от варварских захватов

Вечного города, от учиненных вандалами грабежей и пожаров, но и оттого, что сами римляне, не ценившие «старинную рухлядь», употребляли камни и кирпичи древних храмов, амфитеатров, терм на строительство новых зданий, превращая Рим в гигантскую каменоломню.

Стремясь пресечь вандализм уже не вандалов, но римлян, Майориан издал своеобразный эдикт, который, возможно, был первым в истории законом об охране памятников истории и архитектуры: «Мы... решили положить конец бесчинству, которым обезображивается вид почитаемого города и которое давно уже вызывает в нас отвращение... Под тем предлогом, что камень нужен для возведения общественных зданий, древние величественные сооружения разоряются, и таким образом уничтожается великое, чтобы устроить где-то и что-то ничтожное. А затем является уже и такое злоупотребление, что при постройке частного дома... необходимый материал берется из общественных зданий; между тем то, что составляет блеск города, должно было бы оберегаться любовью граждан. Поэтому мы устанавливаем как общий закон, что все те здания, которые были воздвигнуты в древности для общей пользы и украшения города, будут ли то храмы или иные памятники, не должны быть никем разоряемы, и к ним никто не должен прикасаться. Судья, потворствующий нарушению этого закона, штрафуется пятьюдесятью фунтами золота; повинующиеся противозаконному приказу судьи и не оказывающие ему сопротивления в этом слуги судьи и нумерарии подвергаются наказанию плетью и, кроме того, им отрубаются руки... Все, что присвоено было до сих пор обманными происка-ми, не может быть ни в каком случае отчуждено от государства, и мы приказываем вернуть ему все... Если же потребовалось бы какое-нибудь древнее здание уничтожить, ввиду ли постройки нового общественного учреждения или невозможности ремонта, то об этом надлежит ведать просвещенному и досточтимому сенату, который... должен представить свое заключение нашему заботливому рассмотрению. И то, что ни в каком случае уже не может быть восстановлено, должно пойти на украшение какого-нибудь другого общественного здания»⁸⁷¹. Главными

бенефициариями в подобных случаях становились римские церкви, украсившиеся древними колоннами из мрамора.

Это был замечательный закон, достойный подражания и в наше время, может быть, только за исключением «отрубания рук», которое ныне могло бы быть разве только символическим и ритуальным. Оценить его могли однако лишь те римляне, которые принадлежали к культурной элите; в среде простых чиновников и граждан-домостроителей эдикт Майориана не способен был прибавить ему популярности. Эдикт лишь притормозил, но не остановил продолжавшийся столетиями процесс превращения бурлящего энергией мегаполиса в живописную грудку античных руин, в которых находило себе пристанище его стократно сократившееся к концу тысячелетия население.

Подобно императору Льву, Майориан также стал тяготиться зависимостью от того, кто поставил его императором; но Рицимер не хотел мириться с каким бы то ни было пренебрежением к нему, тем более со стороны своего ставленника. Поэтому он воспользовался неудачной военной экспедицией Майориана в союзе с королем вестготов Теодорихом против вандалов. Римская армия была морем доставлена из Галлии в испанскую Сарагосу, которой владели вандалы, чтобы оттуда вместе двинуться на Африку. Но в карфагенской гавани значительная часть римского флота была потеряна в результате умело осуществленной вандалами операции, и оставшиеся суда с экипажами на борту вынуждены были вернуться в Галлию, откуда они начали поход. Возникли слухи, что в сговоре с вандалами был Майориан. 2 августа 461 г. по приказу Рицимера он был схвачен. Майориан без сопротивления отрекся от императорского сана, тем не менее 7 августа ему отрубили голову.

Три с половиной месяца спустя Рицимер поставил нового императора Запада – выходца с юга Италии Ливия Севера, и его «бесцветное управление... продолжалось до осени 465 г., когда он окончательно надоев своему всемогущему министру»⁸⁷², после чего тот в течение полутора лет правил Италией и примыкающими к ней территориями уже от своего

лица, не дерзая, однако, из-за своего арианского исповедания провозглашать себя императором, оставаясь всего лишь патрицием.

В римском сенате еще не до конца угас былой патриотизм, униженный тем, что Рим, в прошлом повелитель полумира, со своими древними учреждениями, стал марионеткой в руках самовластного варвара и германской военщины. Засилью германцев сенаторы предпочли зависимость от Нового Рима, созданного на берегах далекого Босфора, но копировавшего римские институты, бережно хранившего римские государственные традиции и высоко державшего римское имя. Поэтому сенат обратился к императору Льву с просьбой назначить соправителя для Запада, и Рицимер, реалистически оценивая могущество империи, не стал противодействовать этому плану. Избранником Льва стал сенатор Нового Рима Анфимий Прокопий, который был женат на дочери императора Маркиана от его первого брака Евфимии. В Риме смирились и с тем обстоятельством, что Анфимий имел греческое происхождение и его родным языком не была латынь, хотя, как все сановники и военачальники на Востоке империи, он свободно знал ее, потому что официальным языком всей империи оставалась латынь. Вскоре в 467 г. состоялась торжественная встреча Анфимия сенатом, армией и народом Рима. 12 апреля в этом же предместье, которое называлось Бронтотос, Анфимий был аккламирован императором Рима.

За согласие принять императора, избранного в Константинополе, а не своего ставленника Рицимеру заплатили выдачей за него замуж дочери Анфимия и внучки Маркиана. Таким образом он породнился с императорской фамилией. Брак Рицимера и дочери императора праздновал весь Рим. Эти торжества описал галло-римский поэт Сидоний: в театрах и гимназиях, на рынке и площадях декламировались фесценины – шутливые и часто не скромные свадебные стихи. Почти все жители города давно уже были христианами, но развлекались они на старый языческий лад. Характерно и то обстоятельство, что за свой стихотворный панегирик, написанный в традициях риторической поэзии позднего Рима, Сидоний был удостоен должности

префекта Рима, а три года спустя он переехал из Рима в родную ему Галлию, став епископом города Клермона.

В самом начале правления на Западе ставленника Льва велась подготовка к совместной кампании против обосновавшихся в Африке вандалов, которые не только вовсе не считались с империей, откровенно грабили и всячески притесняли местное латиноязычное и православное население, но подвергали Кафолическую Церковь Африки дискриминации и прямым гонениям. Ни в одном другом варварском королевстве на территории Римской империи положение православных римлян не было столь приниженным и бедственным, как в государстве арианина Гензериха.

Военные действия против него велись в трех направлениях. Западноримский флот под командованием Марцеллина, отчалив от берегов Далмации, двинулся на Сардинию, которая принадлежала вандалам, и легко овладел островом. От Сардинии корабли поплыли в сторону Карфагена. Туда же через пески и оазисы Ливии и Триполитании маршировала набранная в Египте армия во главе с Ираклием. Основные силы были посажены на флот, насчитывавший 1113 судов, чтобы плыть в сторону Африки. На снаряжение флота затратили огромные средства, по Прокопию Кесарийскому, – тысячу триста кентинариев⁸⁷³, по другим данным – 65 тысяч фунтов золота и 700 тысяч фунтов серебра. Командующим этим флотом и военным десантом, в совокупности насчитывавшим около ста тысяч моряков и легионеров, был, по подсказке Аспара, назначен шурина императора Василиск, не имевший ни опыта управления столь значительными массами войск, ни особых военных талантов, так что Аспара, единове́рца Гензериха, подозревали в том, что он рассчитывал на печальный итог кампании, который, по его планам, мог поспособствовать его возвышению. Впрочем, его вполне устроил бы и успех кампании, потому что он привел бы к усилению влияния Василиска, с которыми он поддерживал дружеские отношения.

Флот высадился в гавани городка Меркурий, примерно в 40 километрах от Карфагена. По замечанию Прокопия Кесарийского, если бы Василиск без промедления двинул армию на Карфа-

ген, «то он сразу же взял бы его и покорил бы вандалов... Однако медлительность военачальника, возникшая либо от трусости, либо от измены, помешала успеху»⁸⁷⁴. Гензерих договорился с Василиском о пятидневном перемирии, а за это время по его приказу корабли вандалов были снаряжены горючим материалом, и до истечения перемирия, когда римские войска не ожидали нападения, они при попутном ветре, «подняв паруса и взяв на буксир суда без людей», начиненные горючим, «поплыли на врагов. Оказавшись вблизи них, они подожгли суда, которые они вели с собой, и когда ветер надул их паруса, пустили их на римский флот... Эти горящие суда, куда бы они ни попадали, легко все зажигали... Смятение охватило весь римский флот; крики смешивались с шумом ветра и треском пламени... Тут и появились вандалы, тараня и топя корабли и захватывая убежавших солдат и их оружие»⁸⁷⁵. Затем вандалы атаковали и разбили армию Ираклия, взяв в плен самого военачальника и множество солдат и офицеров.

Грандиозное предприятие, обеспеченное и человеческими ресурсами – совокупный воинский контингент, задействованный в войне с вандалами, едва ли не превосходил численность всего народа вандалов вместе со стариками, женщинами и детьми, – и вооружением, и продовольствием, и финансовыми средствами, закончилось провалом. Древняя могущественная империя и на этот раз спасовала перед дерзким хищником, и не только из-за гениальной изобретательности Гензериха, но также и из-за несостоятельности главнокомандующего, или, как подозревали современники, из-за измены: говорят, писал Прокопий, что Гензерих передал ему «большую сумму денег, чтобы купить перемирие»⁸⁷⁶. Впрочем, согласие Василиска на перемирие, погубившее римское войско, народная молва объясняла и иным образом – сговором с Аспаром, заинтересованным в провале кампании.

По окончании этой злополучной кампании «Ираклий вернулся домой, Марцеллин... был коварно убит одним из своих сотоварищей. Прибыв в Византий, Василиск укрылся с мольбами в храме великого Бога Христа (византийцы называют этот храм Софией) ... Благодаря просьбам Василисы Верины он

избежал опасности»⁸⁷⁷. На первых порах после военной катастрофы и дискредитации Василиска влияние Аспара выросло. В 468 г. он добился для своего сына Патрикия консулата на следующий год. Поскольку он был арианином, среди православных жителей столицы возник ропот недовольства. Архимандрит монастыря «неусыпающих» Маркелл обвинил императора в том, что он предает Православие. Лев оправдывался тем, что Патрикий обещал принять православную веру. Обещание это не было исполнено, и тем не менее, подчиняясь давлению со стороны Аспара, Лев выдал замуж за Патрикия свою 12-летнюю дочь Леонтину – порфирородную, как называли детей императора, родившихся во времена их правления, после чего Патрикий был провозглашен цезарем.

После гибели Патрикия Леонтия была выдана замуж за Маркиана – сына императора Анфимия.

Между тем во Фракии был поднят мятеж магистром армии Анагастом. При подавлении его Анагаст выдал адресованное ему письмо Ардавура, в котором тот подстрекал его к открытому выступлению против императора. Приближалась развязка в негласном противостоянии императора, который мог опереться на наводнивших столицу исаврийцев во главе с его зятем Трассикодиссой Зеноном, и могущественного сановника Аспара с его готами.

Окончательно решив избавиться от Аспара, Лев пригласил его вместе с сыновьями Ардавуром и Патрикием в свой дворец, и там они были убиты телохранителями Льва. Третий сын Аспара Арменрих, друживший с Зиномом, был им спасен от гибели и бежал в Исаврию, где находился в укрытии до кончины Льва, после которой он вернулся в столицу и породнился с Зеноном, женившись на дочери его побочного сына. Расправа над Аспаром учинена была в 471 г. По одной из версий прозвищем Макелл (Мясник) Лев обязан не своей прежней профессии, но совершенной по его приказу резней. После убийства Аспара и его сыновей в Константинополе вспыхнул мятеж, «ибо на их стороне, – пишет Иоанн Малала, – было множество готов, комиты, другие их слуги и многочисленные приверженцы... Один

гот, из числа сторонников Аспара, комит по имени Острис, ворвался с другими готами во дворец, стреляя из лука; и когда разгорелся бой между экскувитами (дворцовой стражей. – В.Ц.) и Острисом, многие были убиты. И будучи окружен, он увидел, что потерпел поражение, и бежал, взяв наложницу Аспара, готскую красавицу, которая на коне отправилась вместе с ним во Фракию; и он опустошал эти области»⁸⁷⁸. Устранив Аспара и тем самым окончательно избавив столицу империи от засилья готской военщины, император Лев обрушился с гонениями на ариан, которым запрещено было иметь церкви и совершать богослужение.

Поражение Римской империи в войне с вандалами подорвало позиции императора Гесперии Анфимия – ставленника Льва. Надежды на то, что тесные взаимоотношения с Константинополем помогут западной части империи восстановить свою целостность, начав с возвращения Африки в лоно империи, разбились в прах. В меру разочарования Анфимием росло влияние Рицимера, умалившееся в годы правления императора, который поставлен был не по его воле. А с другой стороны, расправа Льва над подобным по своей роли Рицимеру Аспаром могла послужить примером для Анфимия. В этой ситуации в 472 г. Рицимер решился на откровенный разрыв с императором. Он уехал в Милан и оттуда вел переговоры с вождями германских племен, обитавших за Альпами, о совместных действиях против Анфимия. Набрав наемников, Рицимер двинул их на Рим, и вскоре началась осада Вечного города. В лагерь к Рицимеру у Анненского моста из Константинополя прибыл сенатор Аниций Олибрий, женатый на Плацидии, дочери Валентиниана III и Евдоксии, побывавшей вместе с матерью в африканском плену, затем отпущенной Гензерихом и вернувшейся в Константинополь, куда при захвате Рима вандалами бежал Олибрий. Через брак он принадлежал династии Феодосия Великого, так что он казался вполне приемлемым кандидатом в императоры Запада, на место Анфимия, который мужественно защищал город, но он располагал недостаточными боевыми силами, а в Риме было

много сторонников Рицимера и ариан. К тому же в городе разразилась чума и наступил голод.

Капитуляция Рима была отсрочена приходом из Галлии армии под командованием гота Билимера, который был врагом свева Рицимера. Но в решающем сражении у Аврелианских ворот Билимер пал, защитники города не смогли отразить атаку, и в город вошли варвары. «Свирепые наемники, представлявшие пеструю смесь германских племен арианского вероисповедания, убивали и грабили все на своем пути. Это было 11 июля 472 г.»⁸⁷⁹. Император Анфимий был схвачен в храме апостола Петра, где он пытался укрыться, и изрублен на куски. Диадема досталась ставленнику Рицимера Флавию Анцию Олибрию, которого император Лев направил в Рим, чтобы разрешить конфликт между Анфимием и Рицимером, а он вступил в сговор с Рицимером, и тот поставил его императором. Император Лев признал его своим соправителем.

Но в Риме продолжала свирепствовать чума. Ее жертвой пал фабрикант императоров Рицимер. Он умер через месяц после того, как его войска овладели городом, 18 августа. Командующим войсками федератов Олибрий назначил племянника Рицимера Гундобада, или Гундебальда, отцом которого был король бургундов Гундиох, а вскоре после этого, 23 октября, император Олибрий умер от чумы. В течение полугода Запад жил без императора. И Римом и Италией распоряжались германские варвары во главе с Гундебальдом. Но из уважения к традиции 5 марта 473 г. по его указанию в Равенне был аккламирован императором вполне марионеточный Гликерий. Вскоре после этого Гундебальд покинул Италию, чтобы унаследовать престол своего отца, бургундского короля Гундиоха. Без опоры на него Гликерий правил недолго – уже в 474 г. он был низложен и поставлен епископом в далматинский город Салону.

В 473 г. здоровье состарившегося императора Льва пошатнулось. Он вынужден был думать о наследнике: ввиду отсутствия какого бы то ни было закона о преемстве императорской власти – юридически она оставалась еще республиканским институтом – существовал единственный

относительно надежный способ обеспечить переход верховной власти к избранному в наследники: поставить его своим соправителем с титулом цезаря или августа. Избранником Льва стал его внук, носивший одинаковое имя с дедом – его отцом был исавр Зенон. 18 ноября 473 г. на столичном ипподроме в присутствии архиепископа Константинопольского Акакия, сановников, войск и народа Лев Великий, как его называют некоторые из византийских историков, после молитвы, произнесенной архиепископом столицы, провозгласил своего внука цезарем и августом и возложил на голову 6-летнего мальчика диадему. Армия приветствовала Льва Младшего на латинском, а народ на греческом языке.

4 февраля 474 г. император Лев Макелл скончался от дизентерии в возрасте 73 лет.

13. Правление императора Зенона

Через 5 дней после кончины Льва Великого, 9 февраля 474 г., его малолетний внук император Лев II, по совету матери Ариадны и бабки Верины, совершил на столичном ипподроме коронацию своего отца Зенона, возложив на него диадему. Спустя 9 месяцев Лев II скончался в возрасте 7 лет. Злая молва называла виновником его смерти отца, вероятно, не имея на то оснований.

Трасикодисса, переименованный в Зенона в связи с женитьбой на дочери императора Льва Ариадне, родился около 430 г. и принадлежал к племенной знати исавров – народа, обитавшего в горах Тавра по соседству с Киликией, свободолюбивого и воинственного. В течение многих столетий он входил в состав государств эллинистического мира, оставаясь однако слабо задетым эллинистической цивилизацией и сохраняя свои исконные нравы и обычаи. Большая часть исавров приняла христианство, но от этого они не утратили репутации опасных разбойников, и, конечно, они были храбрыми воинами, имели вкус к войне, за что их ценило правительство Рима, охотно нанимая на службу. Трасикодисса появился в Константинополе при императоре Феодосии II, около 447 г., во главе отряда соплеменников-федератов, отличившись затем в войнах, которые вела империя. Лев, ставленник Аспара, увидел в нем потенциального конкурента поднадоевшего ему ментора и, породнившись с ним через брак своей дочери, назначил его в 464 г. магистром армии, затем комитом экскувитов, составлявших дворцовую стражу, а в 469 г. удостоил его консульского сана. Год спустя, после увольнения Василиска, катастрофически провалившего морскую экспедицию против вандалов, Зенон был назначен на его прежнюю должность магистра фракийской армии – той, что защищала столицу от агрессии со стороны Балкан. Так Зенон стал самыми могущественным военачальником империи, хотя, будучи храбрым и удачливым командиром, он не обладал талантом и стратегическим кругозором полководца, но, удостоившись

императорского титула, он после смерти сына остался единственным императором на Востоке.

Зенон не был образованным человеком, но по своему положению он не мог не знать, кроме родного ему языка, греческий и латынь, и совсем невеждой он не был. И все же, достигнув высшей власти, он предался самым грубым порокам и разгулу, о чем, не входя в подробности, вполне определенно писал Евагрий: «Когда после смерти сына Зенон облекся единоличной царской властью, он... не удержался ни от одного из неподобающих и бесчестных (пороков)» и «полагал... что совершать их тайно и скрытно свойственно (лишь) низшим, а открыто и как бы на виду у всех (есть дело) царское и подобающее только самодержцу»⁸⁸⁰. Евагрий присоединяет к этому обличительному пассажу рассуждения об идеальном монархе, продолжающие идеи эллинистического стоицизма и в то же время созвучные христианской этике: «Самодержец познается... по тому, что он прежде всего властвует и управляет самим собой, не давая проникать в себя тайком ничему неподобающему, до такой степени являясь неуязвимым для неумеренных страстей, что становится живой картиной добродетелей для подражания... воспитывая подданных. Он же, впусив в себя удовольствия, постепенно и незаметно стал их гнусным рабом... постоянно переходящим от хозяина к хозяину»⁸⁸¹.

К прочим своим недостаткам, Зенон был тщеславен и легкомыслен, но он не был лишен и достоинств, отличаясь не только храбростью, вообще свойственной его соплеменникам исаврам, но также благодушием, отсутствием злопамятства, отходчивостью в гневе и щедростью, о которой в народе слагали легенды. Согласно одной из них, «Зенон однажды пытался силой овладеть дочкой одной вдовы, и, отчаявшись, та молилась Богородице с просьбой отмстить Зенону за такую обиду. Но Пресвятая Богородица, явившись вдове, ответила: “Ничего не могу Я сделать против царя Зенона, ибо он милостив к убогим и рука его всегда отверста на благотворения”»⁸⁸². Несмотря на его распутство, Ариадна любила мужа и не покинула Зенона, когда на него обрушилось несчастье и,

лишенный власти, он вынужден был скрываться от преследователей, сама рискуя жизнью и действуя против воли своей матери Верины, значит, у него были качества, достойные преданности жены.

В самом начале правления он направил патриция Севира для ведения переговоров с новым королем вандалов Гензерихом, и тот отпустил римских пленников. Свободу получил и выкупленный за большие деньги военачальник Ираклий, но, возвращаясь на родину, он по дороге был убит нападшими на него и его спутников готами. По репутации Зенона наносило удар наглое взяточничество его фаворита Севастиана, который без зазрения совести продавал государственные должности. Протестуя против неприкрытой коррупции, префект, или, по-гречески, епарх Константинополя, популярный в народе Эрифрий, ушел в отставку. И все же во взяточничестве сановников не было ничего нового для житейского опыта ромеев. Существовал более сильный раздражитель, отталкивавший обывателей имперской столицы от своего нового императора. На ключевые должности Зенон назначал своих соплеменников исавров, на которых он мог положиться в критической ситуации, но тем самым он и спровоцировал кризис.

Зенон был ставленником греческой партии, его использовали для уничтожения готского засилья в правительстве и армии. Хотя «в культурном отношении исавры, – по замечанию византолога Г. Острогорского, –... стояли на значительно более низкой ступени, чем готы, для которых уже давно открылись сокровища греко-римского образования, но в противоположность германцам они были давними подданными империи и по греко-римским понятиям не считались варварами. Тем не менее византийское население видело в них чужаков, и режим исавров возбудил не меньшее недовольство, чем засилье германцев при Аспаре»⁸⁸³. На этой почве на вершинах власти созрел заговор «грекофильской» партии против Зенона, сделавшего свое дело и после устранения готов ставшего ненужным.

Во главе заговора стояла теща императора Верина, которая в свое время, вероятно, была главным инициатором поставле-

ния Зенона соправителем своего сына и ее внука – на первых порах после кончины Льва ей больше не на кого было положиться. В круг заговорщиков входили также магистр оффиций Патрикий, который вступил в близкие отношения с пожилой вдовой императора Льва и которому она намеревалась подарить верховную власть и титул императора, отняв его у зятя, а также готский военачальник Армат и даже один из исаврийских военачальников Илл, у которого с Зеноном были старые счеты, возникшие еще на их общей родине – в Исаврии, возможно, связанные со старинной родовой или клановой враждой. К заговору был причастен и брат Верины, незадачливый и бездарный военачальник Василиск, который только благодаря заступничеству сестры избежал казни, потому что его обвиняли в измене, и он, вернувшись в Константинополь, искал убежища в храме Святой Софии; получив прощение, он выехал в Гераклею и жил там как частное лицо; но у него были свои виды и свой план действий, который он не открывал Верине.

9 января 475 г. Зенон находился на ипподроме, неожиданно для него он был срочно приглашен во дворец к своей теще, и та, представив зятю положение дел в самом неблагоприятном, лучше сказать, безнадежном для него положении, дала ему родственный совет немедленно покинуть столицу, чтобы спасти жизнь.

Это был ультиматум, устранивший Зенона, и он счел за лучшее вместе со своей матерью спешно перебраться через Босфор и, в сопровождении отряда телохранителей исавров, мчаться на свою родину, где он укрылся в крепости Сбида, по другим данным, – в сирийской крепости Вара, а уже оттуда переехал в исаврийскую Тесседу⁸⁸⁴ или, еще один вариант, – в Салмон⁸⁸⁵. Супруга Зенона Ариадна, презрев совет матери, выехала из столицы к мужу и в скором времени присоединилась к нему.

Между тем Василиск сплел нити заговора внутри заговора, сам стремясь к верховной власти и переманив на свою сторону Армата и Илла с его братом Трокундом, а также полководца из знатного готского рода Амалов Теодориха. После бегства Зенона к столице приблизились войска под командованием Илла и

Трокунда, и на Марсовом поле в Евдоме, в присутствии армии и народа, неожиданным для Верины образом императором был аккламмирован ее брат Флавий Василиск, а тот, в свою очередь, объявил своего сына Марка цезарем, а жену Зионду – августой. За этим последовала расправа над Патрикием, которого обвинили в организации беспорядков – он действительно пытался возмутить народ, в большинстве своем вполне довольный происшедшим, – и приговорили к смерти. Обманутая интриганка, Верина утратила за свою жизнь и укрылась в церкви, затем Армат, имея собственные замыслы и желая использовать ее ради их осуществления, помог ей найти надежное убежище, где она теперь уже обдумывала способы устранения своего брата и возвращения Зенона.

В стремлении заполучить как можно больше сторонников узурпатор по подсказке своей жены Зионды, которая, вероятно, придерживалась монофизитских убеждений, издал энциклику, в которой отвергал томос Льва Великого и христологический орос Халкидонского Собора. Архиепископ Константинополя Акакий осудил эту энциклику.

Захватив власть, узурпатор принял меры, чтобы уничтожить бежавшего в Исавию Зенона. Туда направлены были войска под командованием братьев Илла и Трокунда, которые выбраны были потому, что лучше других военачальников знали гористую и труднодоступную местность Исавии, а еще потому, что, имея своих сторонников в этой стране, они могли успешнее других отвратить исаврийский народ от поддержки своего низложенного земляка. Илл и Трокунд взяли в осаду крепость, в которой скрывался Зенон.

По характеристике историка Малха, Василиск был «ума тяжелого и легко предавался обманщикам... Жадность его к деньгам была чрезмерная. Он не брезговал принимать их и от таких лиц, которые отправляют самые низкие ремесла»⁸⁸⁶. Ради умножения казны, он ввел новые налоги, которые «заставили всех проливать слезы»⁸⁸⁷. Столичный народ, радовавшийся устранению «дикого исавра», стал сожалеть о происшедшей перемене, и тогда, желая вновь привлечь сердца подданных, Василиск великодушно позволил горожанам учинить избиение

исаврийских воинов, которых с уходом войск под командованием Илла и Трокунда в столичном гарнизоне оставалось уже не много, и погромщики легко справились с ними. Слух о резне соплеменников в имперской столице скоро дошел до Илла и Трокунда, осаждавших крепость, в которой оборонялся Зенон. Их естественной реакцией на это известие был переход на сторону Зенона, правда, чтобы гарантировать себя от возможного вероломства с его стороны, Илл оставил в Исаврии, где он обладал большим влиянием, по существу дела в положении заложника брата Зенона Лонгина. Имея под рукой у себя войска исавров, жаждавших отмщения за своих избитых соплеменников, Зенон повел их на столицу империи.

Оказавшись в крайней опасности, Василиск попытался опереться на жителей столицы, большая часть которых сохраняла приверженность Халкидонскому оросу, и издал новую энциклику, в которой дезавуировал содержание предыдущей и заявлял о приверженности учению Халкидонского Собора.

Когда Зенон приблизился к столице, навстречу ему Василиск двинул фракийскую армию под командованием военного магистра Армата. Василиск «заклинал его святым крещением, так как он был новообращенным, не предавать его»⁸⁸⁸. Зенон через посланцев вступил в переговоры с Арматом, пообещав ему в случае перехода на его сторону пожизненную должность магистра армии и сан цезаря для его сына, и Армат предал узурпатора и повел свою армию мимо войск Зенона в сторону Исаврии. Защищать Василиска было некому. Войска Зенона переправились через пролив и вошли в столицу. Перед лицом неминуемой катастрофы Василиск с женой и детьми укрылся в баптистерии Великой церкви, откуда его выманили обещанием не проливать крови ни его самого, ни его близких. И обещание это было исполнено. Василиск вместе со своей семьей был схвачен и отправлен в каппадокийскую крепость Ливны, где исаврийская стража держала их в заточении без еды и питья, так что все они были умерщвлены, как и было обещано им, без пролития крови. Так в июле 477 г. Зенон вернул себе власть. Два месяца спустя, 21 сентября, на Константинополь и другие города империи обрушилось страш-

ное бедствие – разрушительное землетрясение, от последствий которого столица не сразу оправилась.

К тому времени знаменательные перемены произошли на западе империи. 24 июня 474 г., после низложения императора Гликерия, поставленного епископом в далматинский город Салону, новым императором в Риме был аккламирован Юлий Непот, сын Непотиана, уроженец Далмации, присланный в Италию по распоряжению Верины, которая, пока жив был ее внук Лев II, обладала на востоке империи большей властью, чем ее зять Зенон, провозглашенный соправителем своего сына. Император Юлий после коронации уехал в Равенну, и пока он вел там переговоры с королем вестготов Еврихом, в управление которого он готов был передать Овернь, против него поднял мятеж магистр армии федератов Орест, сам родом римлянин, в свое время заброшенный бурными обстоятельствами военной жизни в ставку Аттилы, где его застал одним из ближайших сановников великого хана знаменитый историк Приск Панийский, когда он участвовал в посольстве, отправленном к гуннам императором Феодосием II. Затем он перешел на службу в империю под началом «творца императоров» Рицимера. Германцы и аланы из армии Ореста не выполнили приказ о передислокации в Галлию. Под рукой у Юлия Непота не оказалось ресурсов для подавления мятежа; не было и надежды на помощь из Нового Рима. 28 августа 475 г. Юлий бежал на корабле через Адриатику в ту же Салону, куда поставлен был епископом низложенный им предшественник Гликерий.

Орест однако не стал домогаться императорской диадемы – 31 октября 475 г. он возложил ее на своего несовершеннолетнего сына Августа Ромула, оказавшегося последним императором Запада. Само его имя, соединяющее имя первого царя Рима и первого принцепса империи, при этом, что особенно замечательно, – в уменьшительном виде, нечто вроде Августенка, в этой перспективе представляется особенно удачным, что называется, нарочно не придумаешь. Реальная власть, конечно, находилась в руках его отца. Правление Ромула Августула продолжалось менее года.

Переворот осуществила армия федератов, в состав которой входил разноплеменный сброд и которой командовал Одоакр, сын Эдикона, принадлежавшего к малочисленному восточногерманскому народу скиров. По удивительному совпадению Эдикон в одно время с Орестом состоял на службе у Атиллы и потом командовал отрядом наемников, служивших империи. Когда он находился в Норике, один монах предсказал ему верховную власть: «Иди в Италию... иди теперь, когда ты одет в бедные шкуры, ты скоро получишь возможность оделять многих богатыми дарами»⁸⁸⁹.

Одоакр потребовал у регента империи Ореста трети итальянской территории для поселения на ней находившихся в подчинении у него готов, скиров, герулов, гепидов, а также аланов. Орест отказал Одоакру, и тогда по его призыву к нему стали стекаться наемники-варвары со всей Италии и из близлежащих земель. Варвары провозгласили его своим королем и вскоре осадили Равенну. Орест бежал из нее в Тицин (Павию), пытаясь найти защиту у епископа этого города Епифания и оставив сына-императора на милость победителей. Полчища Одоакра окружили городскую крепость и взяли ее штурмом. Орест бежал затем из захваченного и ограбленного Тицина в Плаценцию, но под натиском варваров пала и Плаценция. Орест был схвачен, и по приказу Одоакра ему незамедлительно отрубили голову. Затем Одоакр вернулся в Равенну и обнаружил там во дворце мальчика, к которому он почувствовал жалость. Он пощадил Ромула Августула и велел переправить его к богатым родственникам в Кампанию, назначив ему солидную пенсию.

Но предварительно он должен был отречься от верховной власти в столице империи, перед римским сенатом. Это произошло 23 августа 476 г. Будучи арианином, Одоакр не захотел присваивать себе императорский титул, но он, в отличие от своего предшественника Рицимера, в руках которого также была Италия, не стал искать подходящую марионетку для облачения ее в императорский пурпур. Подобно многим другим варварам, овладевавшим империей, Одоакр с пиететом относился к ее древним институтам, к ее юридическим

традициям, к самому имени Рима. К тому же он, как и его современники, римляне и федераты, греки, латиняне и варвары, проникнут был сознанием того факта, что, несмотря на разделение имперской территории в порядке управления на две части, несмотря даже на существование двух имперских столиц – двух Римов – на Тибре и на Босфоре, существует однаединственная идеально неделимая Римская империя. И он решил, что по разным причинам будет удобнее устранить фикцию и призрак второго императора: императора-дублера, императора-двойника. Одоакр не вступал в контакт с узурпатором Василиском; когда же, год спустя после отречения Ромула, он узнал о возвращении в Константинополь Зенона, по его приказу римский сенат отправил в Новый Рим посланцев, «которые от имени сената и народа должны были объявить: для Рима не нужно больше самостоятельного императора; достаточно одного императора и для Востока, и для Запада; защитником Италии избран испытанный в делах мира и войны Одоакр, и пусть Зенон даст ему звание патриция и поручит управление Италией»⁸⁹⁰. С собою они захватили императорские регалии, чтобы вручить их Зенону.

Зенон не сразу подчинился требованию Одоакра, переданному через римских сенаторов. Дело в том, что низложенный Юлий Непот просил помочь ему вернуться на Запад императором. Поэтому Зенон ответил сенаторам, что «они из двух императоров, которых он дал Риму, одного прогнали, другого убили. Первый еще жив, следовательно, они должны принять его обратно, и дело уже Непота дать Одоакру звание патриция»⁸⁹¹, но с такого заявления он начал переговоры с сенаторами, а закончились они тем, что Зенон принял золотую диадему и другие регалии императоров Запада на хранение в своем дворце, объявил о даровании Одоакру титула патриция римлян и предоставил ему право управлять Римом и Италией под верховной властью императора, однако его возможности вмешиваться в управление Италией были весьма ограничены. При этом в Риме оставался сенат, фактически ставший муниципальным учреждением, но юридически остававшийся

одним из высших государственных учреждений Римской империи.

В широко распространенном варианте периодизации мировой истории 476 год, когда Ромул Августул отрекся от верховной власти, принято обозначать как дату конца существования Западной Римской империи. Но поскольку такой империи никогда не существовало, то и событие это не может претендовать на эпохальное значение. Тем более не основательно видеть в нем рубеж между двумя фазами мировой истории – античной и средневековой. Уже во времена святого Константина Римская империя пережила столь глубокую трансформацию, что в ее истории началась действительно новая эпоха, но, конечно, еще вовсе не средневековье, которое в основном относится к первой половине второго тысячелетия от Р. Х. Столетия, протекавшие от издания Миланского эдикта до провозглашения Римским императором короля франков Карла Великого, составляют особую и самостоятельную эпоху мировой истории, или по меньшей мере истории Европы, которая не имеет еще своего устоявшегося названия. И лишь одной из не самых заметных дат в рамках этой эпохи был 476 г., когда от верховной власти отрекся последний император Запада.

Но для Италии отречение Ромула Августула, санкционированное в Константинополе, явилось значимым событием. Страна и раньше знала засилье германского элемента, но в 476 г. правление варварского короля было легитимировано дарованием ему римского титула патриция, при том что варвары составляли лишь тонкий слой на верху италийского общества, ассимиляции которого препятствовали разные факторы, но более всего не его иноязычие – из-за своей малочисленности германцы усваивали местную латынь, – но особый юридический статус варваров (это была своего рода привилегированная военная каста), и главным образом их религиозное диссидентство – исповедание большинством из них арианства.

Вернув себе власть и, по причине от него мало зависевшей, символически распространив ее на Гесперию, Зенон принимал меры по ее консолидации и предотвращению повторных попы-

ток узурпации. Император выполнил обещание, которое он дал Армату, – ему дарована была пожизненно должность магистра армии, а его сына Василиска провозгласили цезарем. Но вскоре за тем, как излагает произошедшее Иоанн Малала, когда «во время конных состязаний Василиск сидел рядом с самим Зеноном», император задумался: «“Армат... стал клятвопреступником, поклявшись именем святого крещения царю Василиску, что не предаст его, но, соблазненный мною, предал его, и тот погиб... Как же он сохранит верность моей царской власти? Ибо немного спустя, как только его сын кесарь повзрослеет, он точно так же изменит и мне...”. И вот (Зенон) приказал убить Армата как клятвопреступника: он был убит, когда поднимался по Декимону, чтобы посмотреть конные состязания»⁸⁹². Сын Армата Василиск был по приказу императора пострижен и поставлен епископом Кизика, хотя он был тогда еще ребенком.

Самым влиятельным сановником империи стал соплеменник Зенона Илл, которому было пожаловано консульство на 477 г., а в следующем году он был назначен магистром оффиций, возглавив правительственный аппарат и дворцовые службы. В 479 г. в столице был поднят мятеж Маркианом – сыном низложенного императора Запада Анфимия и внуком императора Маркиана от его первой жены. Узурпатор был женат на дочери Льва и Верины Леонтии, которая, в отличие от ее старшей сестры Ариадны, считалась порфирородной. У Маркиана были династические основания усваивать себе больше прав на верховную власть, чем у Зенона, но в Римской империи сам по себе династический фактор ничего не значил, явно уступая такому обстоятельству, как военное счастье. Восстание развивалось успешно: был подожжен дворец, из которого Зенону едва удалось вырваться живым. Затем в сражении между мятежниками, которыми командовали братья тирана Прокопий и Ромул, и войсками, оставшимися верными Зенону, в основном исаврами, победу одержали братья Маркиана, но в ночь после битвы Иллу удалось подкупить нескольких командиров мятежников, и те вместе со своими отрядами перешли на сторону Зенона: в сражении, которое произошло на

следующий день, мятежники были разбиты. Схваченный после поражения Маркиан был пострижен в монахи и рукоположен в пресвитеры.

Подозрения в подстрекательстве к мятежу пали на Верину. Илл настоял на ее удалении из дворца: Верина была вывезена в Халкидон, где тогда находились ее дочь Леонтия и Маркиан. Верина жаловалась дочери в письмах на свою участь, и Ариадна стала настаивать на возвращении матери во дворец, но, по словам ее мужа, решить ее участь мог лишь Илл – столь велика была зависимость от него императора, которой он, конечно, не мог не тяготиться. Он посоветовал жене обратиться с просьбой к нему, а тот в ответ спросил ее язвительно: «Зачем ты заботишься о ней? Чтобы она опять поставила другого царя вместо твоего мужа?»⁸⁹³. Ариадна вновь обратилась к Зенону: «Во дворце тебе нужнее Илл или я?» – «Если что-то можешь, делай, я выбираю тебя»⁸⁹⁴.

По рассказу монофизитского историка Иоанна Никиусского, Ариадна приказала начальнику дворцовых евнухов Адриану устроить покушение на Илла, и тот «отправил одного мужа по имени Схоларий, который как начальник охраны мог входить со своими людьми в императорский дворец когда пожелает. И он вошел (во дворец) и извлек свой меч, чтобы поразить (Илла) ... Однако один из телохранителей, увидев это, стремительно подбежал и вырвал у него меч, поэтому тот отсек у Илла правое ухо... Когда же император Зенон услышал об этом, он клятвенно заявил: “Я ничего не знаю об этом покушении евнуха на Илла”»⁸⁹⁵.

Выздоровев после покушения, Илл просил Зенона разрешить ему выехать для отдыха в Антиохию, и император отпустил его, назначив его на должность магистра армии Востока, а на его прежнюю должность магистра оффиций поставив Евлалия. Вместе с Иллом из столицы выехал его друг патриций Леонтий Сириец. Илл больше не доверял императору и, вступив в сговор со своим прежним врагом – Вериной, взбунтовал расквартированные в Сирии легионы и войска федератов. В конце 480 г. при поддержке Верины в Тарсе императором был провозглашен Леонтий. Мятеж перекинулся в

Египет, где нашел поддержку среди местного населения, приверженного в большинстве своем монофизитству. Верина до конца своей жизни – ее смерть последовала в 483 г., – рассылала по всей империи воззвания с призывом признать императором Леонтия и поддержать его в борьбе против Зенона.

В критически сложной ситуации по подсказке столичного архиепископа Акакия Зенон в 482 г. издал эдикт о единстве – знаменитый «Энотикон», в котором фактически дезавуировал Халкидонский орос без прямого обвинения его участников в ереси. Он надеялся, что предлагает приемлемый для противостоящих сторон, в том числе и для диафизитов, компромисс – его в особенности убеждало в этом то обстоятельство, что сама идея издания «Энотикона», а может быть и его текст, принадлежала Акакию, который при Василиске пострадал за свою приверженность Халкидонскому оросу, но он ошибся в своих расчетах. Политический выигрыш, который Зенон рассчитывал приобрести изданием «Энотикона», не получился. Последовательные диафизиты и монофизиты отвергли его, более того, шараханье императора в монофизитскую сторону оттолкнуло от него еще более сирийских несториан, которые в развязанной Вериной, Иллом и их ставленником Леонтием гражданской войне поддерживали православного узурпатора Леонтия.

27 июня 484 г. его войска овладели Антиохией. Оказавшись перед лицом прямой угрозы поражения и утраты власти и жизни, Зенон сумел консолидировать остававшиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы бросить их против Леонтия и Илла. Это была армия под командованием Иоанна Скифа и войска остготских федератов во главе с магистром армии Теодорихом, сыном Тудимира. Армия Иоанна Скифа нанесла мятежникам поражение. В 485 г. в Константинополь возвратился брат императора Лонгин, вырвавшийся из Исаврии, где его удерживал ранее заложником Илл. Остатки мятежников во главе с Иллом были заперты в считавшейся неприступной исаврийской крепости Папурии, где они долго еще продолжали сопротивление. Но среди осажденных нашелся предатель, открывший врагу город-

ские ворота. Крепость пала, и Илл вместе с Леонтием оказались в руках Иоанна Скифа. Он переправил их в Селевкию в распоряжение правителя Исаврийской провинции. После допросов, они «были обезглавлены, а головы их, насаженные на кол, были привезены Зенону в Константинополь, их перенесли на другую сторону пролива в Сики, к (храму) Св. Конона, и огромная толпа приходила смотреть на них»⁸⁹⁶. Шел 488 г. В столице и в провинциях агенты императора выявляли сторонников уничтоженных мятежников и тех, кто им только сочувствовал. Расследование сопровождалось казнями.

Между тем, пока велась гражданская война, император столкнулся с еще одной опасностью. После поражения, нанесенного войскам Илла Иоанном Скифом, Зенон перестал нуждаться в помощи со стороны федератов Теодориха, и он приказал им возвратиться в Паннонию, где они обитали ранее, но Теодорих не подчинился, и, вернувшись на Балканы, вооруженные остготы занялись грабежом Фракии. Перезимовав в этой стране, в 487 г. варвары двинулись под стены имперской столицы. Чтобы спасти положение, Зенон направил в стан Теодориха его сестру Амалофриду, которую он держал в заложницах, и она отговорила брата от его рискованного намерения, передав ему щедрые подарки императора. А вскоре потом опасность для Константинополя со стороны готов окончательно исчезла.

Осенью 487 г. ругии во главе со своим королем Февой, подстрекаемые агентурой Зенона, двинулись из Норика в сторону Италии против правившего ею Одоакра, но в сражении, которое произошло 18 декабря, они были наголову разбиты. Фева вместе с женой были взяты в плен, отвезены в Равенну и там казнены, их сын Фридрих возобновил военные действия против Одоакра, но ругии снова потерпели катастрофическое поражение, и Фридрих бежал к Теодориху. В долгих беседах с Теодорихом он рассказывал о богатстве, мягком климате и красоте Италии и в конце концов навел его на мысль о завоевательном походе в эту страну. Зенон поддержал эту идею, и Теодорих действовал в согласии с ним и при его финансовой поддержке. В 488 г. остготы – воины с женами,

детьми и стариками, целый народ, насчитывавший до 100 тысяч человек, – вместе с отрядом ругиев во главе с их королем Фридрихом двинулись из Фракии на северозапад, а затем, уже в следующем году, они вторглись в пределы Италии. 28 августа 489 г. Теодорих нанес первое поражение Одоакру, затем войска Одоакра были разбиты у стен Вероны. Третье поражение нанесено было ему в битве на берегу реки Адды 11 августа 490 г. Остатки войск Одоакра держали однако в Вероне оборону в течение еще двух с половиной лет. Так восток империи навсегда избавился от германской угрозы.

Пока шла война Теодориха с Одоакром, Зенон скончался от приступа падучей, которой он страдал много лет. Он умер, перешагнув 60-летний рубеж. Закончилось многомятежное правление императора, имевшего много врагов даже среди своих соплеменников-исавров. Будучи православным халкидонитом по убеждениям, он из политических соображений издал пресловутый «Энотикон», отвергнутый ревнителями чистоты веры, последовательными приверженцами Халкидонского ороса.

14. Правление императора Анастасия

После кончины Зенона у него не осталось детей. Его старший сын от первого брака умер в молодом возрасте из-за разгульной жизни, а другой сын, Лев II, скончался ребенком. В живых оставался его брат, который однако не был любим народом, но опирался на поддержку своих соплеменников исавров.

В ночь на 9 апреля 491 г., за два дня до погребения почившего императора, в портике дворца перед Большим триклинием сошлись сенаторы и высшие сановники империи. Дворец окружен был стражей. В это время народ собрался на ипподроме, войска находились там же, заняв места перед императорской ложей. К присутствовавшим во дворце вышла вдова Зенона Ариадна, облаченная в пурпур, в сопровождении Константинопольского патриарха Евфимия, магистра оффиций, двух препозитов и других сановников. Сановники попросили августу отправиться с подобающей свитой на ипподром к народу и солдатам. Когда она появилась там, раздались возгласы: «Ариадна августа, твоя победа! Православного царя для Вселенной!.. Славная Пасха миру! Порядок и благочиние городу!.. Все блага да будут тебе, римлянка!»⁸⁹⁷.

В своем обращении к собравшимся Ариадна объявила, что она уже отдала необходимые распоряжения сенату и представителям армии – им приказано выдвинуть в императоры христианина и прирожденного римлянина. После удаления Ариадны в свои покои в консистории начались совещания о кандидатуре императора, которые, однако, не дали согласованного результата. Препозит Урбикий предложил, чтобы выбор был сделан самой августой. И этот совет был принят сановниками и Ариадной. Она назвала имя мало известного дворцового служителя силенциария Анастасия: в обязанности силенциария входила церемониальная охрана дворцовых дверей во время приемов и заседаний консистории. Выбор был неожиданным, но он не вызвал возражений, и Анастасия без промедления доставили во дворец.

10 апреля императора Зенона по традиции погребли в храме 12 апостолов. Патриарх Евфимий, вопреки обыкновению, потребовал от Анастасия подать письменное исповедание веры: когда, по словам Евагрия, «Ариадна пожелала облечь Анастасия в пурпурное одеяние, Евфимий... согласился (на это) только после того, как Анастасий представил... собственноручно написанное свидетельство, (скрепленное) на бумаге страшными клятвами, что действительно будет хранить веру незапятнанной и не введет никакого новшества в святую Церковь Бога, если обретет скипетр... Сделал же (Евфимий) это потому, что многие считали Анастасия истинным (приверженцем) манихейского учения»⁸⁹⁸. По некоторым сведениям, манихеи и ариане возлагали на него большие надежды, оказавшиеся, конечно, тщетными. Известно было также о том, что он высказывал монофизитские суждения, и это обстоятельство несло с собой гораздо более реальную опасность.

На следующий день состоялась коронация Анастасия, описанная магистром оффиций при Юстиниане Великом Петром Патрикием, текст которого вошел в знаменитую книгу Константина Порфиrogenета «О церемониях». В пересказе ЖДагрона этот пассаж из книги выглядит так: «Гражданские и военные чины... приходят во дворец в белых хламидах, после чего происходит прием в консистории, где вместе с ними принимают и одновременно пришедшего патриарха. Анастасий идет в портик Большого триклиния, где он приносит клятву в том, что будет править по совести и чести, потом идет в императорскую ложу ипподрома, являющуюся частью дворца. Сначала он входит в триклиний ложи... дабы облачиться в дивитесий, тубии и кампагии (позолоченные сандалии и ленты, которыми обвязывались ступни. – В.Ц.), затем восходит на трибуну и становится лицом к солдатам... чьи знамена и штандарты положены к ногам, и к приветствующему его народу, сидящему на ступенях ипподрома. Анастасия поднимают на щит, и *campiductor* возлагает на него свою гривну. Знамена и штандарты тут же воздвигаются. Венчание закончено, новый император сходит со щита, вновь вступает в триклиний... где патриарх, возгласив *кирие элеисон*, облачает его в хламиду и

венчает диадемой. В таком облачении он появляется на трибуне... приветствуемый толпой, величающей его августом... Император велит своему “пресс-секретарю”, либеллисию, произнести речь, раздает солдатам мзду, отправляется с процессией в Святую Софию для краткой службы, возвращается во дворец и распускает всех, кроме приглашенных на трапезу»⁸⁹⁹.

Сравнивая коронацию Анастасия с теми, которые происходили раньше, Дагрон замечает: «В этой сжатой церемонии... Марсово поле Евдома вместились в тесные рамки императорской ложи и расположенного перед ним пространства... но все необходимые элементы здесь присутствуют... Христианская тональность здесь усиливается: слагающаяся традиция стремится выбрать дни церковных праздников для венчания (в данном случае Пасха). ... Евангелие, возложенное в зале совещаний... наконец, патриарх участвует во всех событиях... Такая христианизация церемониала, безусловно, показательна, но повсеместное присутствие патриарха не означает институционального признания роли Церкви, которая является лишь гарантом “православия” нового государя, подозреваемого в симпатиях к ереси монофиситов... Настоящее венчание все еще совершается *campiductorom*, а не патриархом»⁹⁰⁰.

Через 40 дней после коронации 60-летний император женился на избравшей его 40-летней вдове предшественника и дочери Льва и Верины Ариадне, ставшей ему верной помощницей и советницей.

Анастасий родился около 430 г. на берегу Адриатики, в иллирийском городе Диррахии – современном албанском Дурресе в латиноязычной семье скромного достатка. Есть сведения, что его родители принадлежали к арианской или даже манихейской секте, но сам он впоследствии присоединился к Православной Церкви. О его прошлой жизни известно мало. Карьера его до неожиданного избрания его императором не была особенно блестящей, но в последние годы он служил во дворце, где его, вероятно, смогла увидеть и оценить Ариадна. Внешний вид его был импозантен и своеобразен: «Он был, – по описанию, – Иоанна Малалы, –

очень высоким, с коротко стриженными волосами, статным, круглолицым, с наполовину седыми головой и бородой, его правый глаз был серым, а левый – черным»⁹⁰¹, отчего его и прозвали Дикором, что значит «разноглазый». Анастасий имел репутацию человека безупречной нравственности, справедливым, честным, великодушным, рассудительным. Он был хорошо образован, начитан, греческий язык знал одинаково хорошо с родным латинским. Свое христианское благочестие и ревность он обнаруживал участием в богословских дискуссиях; будучи мирянином, он произносил проповеди в храме Святой Софии, но его христологические воззрения вызвали озабоченность у патриарха Евфимия, и он, до его избрания императором, запретил ему впредь богословствовать с церковной кафедры.

Анастасий Дикор был ставленником национальной партии, во всяком случае его коронация вызвала разочарование в среде наводнивших дворец и столицу при его предшественнике исаврах, рассчитывавших на то, что верховная власть перейдет от Зенона к его брату Лонгину, который попытался поднять своих соплеменников и симпатизантов на мятеж. В столице начались столкновения – пролилась кровь, разразился пожар, охвативший центральные кварталы Византия, дотла сгорел ипподром. Враги императора таскали по городским улицам связанные веревками статуи императора и августы. Для пресечения беспорядков Анастасий прибег тогда к жестким мерам, которые предприняты были мужем его сестры Кесарием, занимавшим должность префекта Нового Рима. Лонгин был схвачен, пострижен в монахи и выслан из столицы. Вместе с ним из Константинополя выслали и его сторонников. Ответом на эту акцию явилось вооруженное восстание исавров под предводительством бывшего правителя Исаврийской провинции Лингинина, на подавление которого направлены были войска под командованием магистров армии Иоанна Скифа и Иоанна Кирта, что значит Горбуна. После поражения в сражении близ города Коттией и гибели Лингинина в 492 г. остатки разбитых повстанцев укрылись в горах своей родины и там продолжали сопротивление еще в течение 6 лет, пока не захвачен был их последний предводитель Лонгин Селинунтский. По приказу

Иоанна Скифа он был казнен, а головы его и нескольких других мятежников были отправлены в Константинополь. Когда началась война с исаврами, Анастасий издал эдикт о конфискации всего имущества, которое им принадлежало в столице. Действие этого акта распространялось и на наследство императора Зенона. Ранее, при Зеноне, в Исаврию направлялась ежегодная помощь в размере 1500 фунтов золота. Выдача этой дотации была прекращена.

После подавления мятежа империя освободилась от головоломной исаврийской проблемы, подобно тому как в конце правления Зенона восток империи был окончательно избавлен от засилья готов и других германцев. 5 марта 493 г. Равенна пала, 10 дней спустя Теодорих Великий собственноручно заколол своего врага Одоакра мечом. Теодорих был провозглашен конунгом, или королем остготов. Основную территорию этого королевства составила Италия, там и поселился этот народ, так что на Балканах, в Паннонии и Норике остались лишь его остатки. Овладев наследием Одоакра, Теодорих начал через посланников и переписку вести переговоры с императором о своем признании правителем Италии. Они велись долго и закончились только в 497 г., когда в Равенну, ставшую резиденцией короля остготов, были высланы из Константинополя регалии императоров Запада, но не для того, чтобы они были возложены на короля варваров. Анастасий даровал ему титул римского патриция и признавал правителем Италии при сохранении зависимости от верховной власти императора, которая в политическом отношении была фиктивной, но давала легитимную защиту местному православному и латиноязычному населению страны – римлянам, которые продолжали и под властью германцев жить по своему традиционному римскому праву.

В правление Анастасия на Балканах империя столкнулась с новой угрозой – со стороны болгар; по сложившейся уже традиции, грекоязычные авторы давали новым для них народам наименования классических варваров – скифов или гетов или употребляли по отношению к ним к тому времени слегка уже устаревший этноним «гунны». Война с ними приобрела затяж-

ной, перманентный характер, представляя собой изнурительную цепь регулярно в летнее время совершаемых грабительских набегов со стороны варваров и выдавливания их за пределы государства с последующим преследованием отступающих разбойников. В ходе этой войны римляне несли порой тяжелые потери: в 493 г. в ночном сражении был убит полководец Юлиан, в 499 г. «геты» разгромили во Фракии римский отряд под командованием Ариста, положив несколько тысяч воинов. В 502 г. болгары подвергли грабежу и разорению Фракию, а в 517 г. они дошли до Эпира и Македонии, оставив после себя горящие селения и десятки тысяч трупов. Для защиты столицы от северных варваров по приказу Анастасия была построена «Длинная стена» протяженностью в 420 стадий, или 80 километров, она шла от города Дергона на берегу Черного моря до Оливрии на Мраморном море. Эта стена задерживала нападавших, но непреодолимой для них она не была, и все же затруднения, с которыми сталкивались варвары при осаде Длинной стены, давали военному командованию драгоценное время на подготовку к обороне Константинополя, взять который никому не удалось в течение еще 700 лет, вплоть до 4-го крестового похода.

Но самый мощный противник империи по-прежнему оставался на ее восточных границах – это был сасанидский Иран, перемирие с которым, продолжавшееся со времен Феодосия Малого, было прервано при Анастасии. В 502 г. иранский шах Кавад, вынужденный платить дань кочевникам эфталитам – восточным иранцам, близким к сакам, откупаясь таким образом, подобно римлянам, от варварских вторжений, на основании договора, заключенного в 441 г., «попросил, – по словам историка Прокопия Кесарийского, – автократора Анастасия одолжить ему»⁹⁰² деньги. В императорской консистории было решено не вступать в эту сделку, потому что «невыгодно укреплять дружбу (исконных) врагов с эфталитами и., гораздо выгоднее... ссорить их между собой»⁹⁰³. По Феофану Исповеднику, Кавад требовал деньги не взаймы, а в качестве дани, и Анастасий в ответ на это требование велел передать шахиншаху: «Если он хочет занять деньги, то пусть пришлет

расписку, иначе он не даст»⁹⁰⁴. Такой ответ был воспринят при дворе Кавада как издевка, и персы начали военные действия против римлян. На стороне персов в этой войне действовали их недавние враги эфталиты и кавалерийские отряды во главе с арабскими шейхами.

Войска под командованием Кавада вторглись в римскую Армению и захватили город Феодосиополь (Эрзерум), затем, повернув на юг, подошли к Амиде и осадили ее. Несмотря на малочисленность гарнизона, крепость упорно сопротивлялась. На крепостные стены поднялись жители города, и даже монахи. Попытки персов пробить крепостную стену таранами не дали результата – столь прочным оказалось это строение. Тогда Кавад велел для штурма крепости насыпать искусственный холм, превосходящий высоту стен. Но осажденные жители города прорыли подземный ход из крепости под этот холм: унося оттуда землю, они создали под ним пустоты. И когда войска забрались на него для начала решительной атаки, холм провалился и большинство готовых к штурму воинов погибло. На следующий день шах приказал начать отступление.

Но тут случилось анекдотическое происшествие, изменившее ход осады. Ликуя о грандиозном успехе и казавшемся уже неизбежном снятии осады, горожане совершили нечто постыдное. Как писал об этом происшествии Прокопий, «некоторые гетеры, подняв безо всякого приличия свои платья, принялись показывать находившемуся по близости Каваду те части тела, которые женщинам не подобает обнаженными показывать мужчинам. Увидев это, маги предстали перед царем и помешали отступлению, решительно утверждая, что случившееся – верный признак того, что амидяне в скором времени покажут Каваду все сокровенные и скрываемые части города»⁹⁰⁵.

И маги оказались правы. Кавад послушался их, осада продолжилась. Несколько дней спустя один из персов заметил вблизи крепостной башни слегка приваленный камнями лаз в старый подземный ход. Охрана этой башни была «возложена на самых целомудренных христиан, которых, – по словам Прокопия, – обычно называют монахами. Случилось так, что в

тот день они справляли какой-то ежегодный праздник Господень. Когда наступила ночь, они, утомленные празднеством и сверх обычного насытившись едой и питьем, заснули... и... персы... проникли по подземному ходу внутрь укрепления, поднялись на башню и, застав там монахов все еще спящими, всех их перебили»⁹⁰⁶. Начавшийся затем штурм оказался нелегким делом для персов – был момент, когда Каваду пришлось лично употребить акинак, чтоб его смертоносными ударами остановить отступающих подданных, и все же Амида пала. Произошло это 11 января 503 г. Судя по дате, можно предположить, что накануне праздновалось Богоявление. Началось беспощадное умерщвление амидян, которое не прекращалось, пока к Каваду «не подошел старец-священник и не сказал, что не царское это дело – избивать захваченных в плен. Кавад, все еще охваченный гневом, ответил ему: “А почему вы решили воевать со мной?” Тот, подхватив его слова, сказал: “Божья воля была передать тебе Амиду не по нашему решению, а в силу твоей доблести”. Каваду очень понравились эти слова, и он запретил впредь кого-либо убивать, но велел персам грабить богатства, а оставшихся в живых обращать в рабство»⁹⁰⁷. В Амиде шах оставил гарнизон из тысячи воинов и вернулся назад, великодушно отпустив пленных на свободу.

Получив известие о падении Амиды, Анастасий направил на границу с Ираном войска, разделенные на четыре армии под командованием магистра Востока Ареовинда, правнука знаменитого Аспара, и зятя западного императора Олибрия, Келера, подобно Анастасию, выходца из Иллирии, имевшего должность магистра *militum praesentalis*, то есть командующего войсками, дислоцированными в столице и охранявшими дворец – Прокопий называет их по-гречески дворцовыми тагмами. Еще двумя армиями командовали племянник императора Ипатий и фригиец Патрикий. В составе войск находились и другие выдающиеся генералы: будущий император Юстин, колх, или лаз Фаресман, Годидискл и Весса – из тех остготов, которые не последовали за Теодорихом Великим в Италию, комит федератов Патрикиол, романизованный гот, и его сын Виталиан, десять лет спустя

учинивший мятеж. Казна вооруженных сил, участвовавших в походе, находилась в распоряжении египтянина Апиона, имевшего сан патриция и на время войны наделенного Анастасием чрезвычайными полномочиями бесконтрольного распоряжения денежными средствами, но при этом войска не имели единого главнокомандующего, – вероятно, Анастасий опасался, что в его лице он рисковал столкнуться с претендентом на верховную власть. Командование войсками, не имея единого начальника, действовало несогласованно, генералы перессорились между собой, и летом 503 г. Анастасий перегруппировал участвующие в походе войска, подчинив их единому военачальнику – магистру Келеру. С этих пор война для римлян пошла успешнее. Они осадили Амиду, и зимой в начале 504 г. эта крепость была возвращена римлянам за денежный выкуп. Покинувший город командир персидского гарнизона Глон в столкновении с преследовавшим его противником погиб вместе со всем своим отрядом.

Война с персами продолжалась еще более двух лет, но вторжения кочевников в северные пределы Ирана заставила Кавада пойти на мирные переговоры с Римом. Их вели с персидской стороны Аспевад, а с римской – Келер. Мирный договор был подписан в 506 г., по нему восстановлена была прежняя граница между двумя империями. Для укрепления восточной границы государства по приказу Анастасия вблизи нее, в местечке Дара, напротив пограничного персидского города Нисибина, была выстроена мощная крепость, которую император назвал своим именем Анастасиополь. На протест Кавада против строительства этой крепости, которое он находил противоречащим заключенному ранее договору, Анастасий ответил уверениями в своей дружбе. И, трезво оценивая свои силы и свое стратегическое положение, шахиншах вынужден был смириться с игнорированием его озабоченности. По приказу Анастасия были укреплены стены другой пограничной крепости – Феодосиополя.

Войны на Балканах и в Месопотамии, строительство крепостных стен требовали средств, и император находил способы их собрать. При нем была проведена масштабная налоговая

реформа. Со времен святого Константина в пользу фиска взимался так называемый хрисаргир – налог в виде золота и серебра, который платили торговцы раз в 5 лет, но со временем он распространен был на всех собственников и стал налогом с имущества, причем им облагалась и самая незначительная собственность, даже ослы и собаки. Хрисаргир стал тяжким бременем для народа и вызывал у него ропот. В свое время знаменитый оратор Ливаний в речи, обращенной к императору Феодосию Великому, говорил: «Это – непосильная подать... вызывающая трепет с приближением грозного пятилетия. Название этому источнику дохода дано благовидное, якобы подать взимается с торговцев, но так как эти самые торговцы морем ускользают от подати, то гибнут те люди, которым их ремесло едва дает возможность прокормиться. Даже штопальщик обуви не избегает этой подати... Я не раз видел, как, подняв к небесам свой резак, сапожники клялись, что только на него вся надежда. Но даже это не избавляет их от сборщиков, которые приходят к ним, лают и чуть ли не кусаются... Учащаются случаи перехода в кабалу, лишаются свободного состояния дети, продаваемые отцами»⁹⁰⁸. Этот ненавистный налог, составлявший основной источник поступления в казну, Анастасий отважился отменить.

Чтобы преодолеть уловки коррумпированных и изобретательных налоговиков, которые, как предвидел император, при первой возможности попытаются его восстановить, он прибег к хитрости, приказав сжечь книги, в которых регистрировалось облагаемое хрисаргиром имущество. Чиновники фиска нарушили приказ и тайно сохранили многие из этих книг в надежде, что они еще понадобятся. И вот некоторое время спустя Анастасий пригласил их во дворец и там объявил об отмене сделанного ранее распоряжения и попросил их принести все сохранившиеся документы, которые могут способствовать восстановлению уничтоженных книг. Ликующие налоговики в указанное время принесли сохраненные ими налоговые книги и иные фискальные документы, и тогда император приказал сжечь всю эту документацию, развеяв ее пепел по ветру.

Вместо упраздненного хрисаргира император, который, разумеется, не мог оставить казну без источников пополнения, ввел хрисотелий – денежный налог на земельную собственность, отменив натуральную подать и поставку рекрутов из числа колонов, которая возлагалась на землевладельцев. В 498 г. Анастасий провел денежную реформу, введя, в дополнение к золотым и серебряным, медные монеты, в которых остро нуждались малоимущие люди. В 500 г. он издал эдикт, по которому после 30-летнего владения обрабатываемой землей она переходила в собственность арендатора. Указом, изданным в 501 г., воспрещалась продажа государственных должностей. Финансовое законодательство Анастасия оказалось исключительно успешным. При нем поступления в казну не только не убавились, но значительно выросли, потому что в результате принятых им мер выросла налогооблагаемая масса, иными словами, экономика переживала подъем. Ко времени его кончины, последовавшей в 518 г., в казне накопились огромные средства – 320 тысяч фунтов золота, что при расчете на душу населения, вполне сопоставимо с золотовалютными резервами современных государств.

Главной болью императора, от которой ему не удалось избавиться до конца правления, был религиозный плюрализм, который в эпоху, далеко не равнодушную к вере, вызывал глубокие политические разделения, подрывавшие целостность государства изнутри. Менее всего это связано было с благополучно умиравшим язычеством. Явные и тайные политеисты сохранялись еще в немалом числе в сельской глубинке – так называемые *pagani*; в среде старинной знати, особенно из числа римских сенаторов, встречались особы, ностальгировавшие по исконной религии древнего Рима, платоническим или неоплатоническим паганизмом заражена была значительная часть грекоязычной интеллигенции, духовным отечеством которой оставались Афины с ее прославленной философской школой, не закрытой, несмотря на очевидную оппозицию христианству. Но в политическом отношении все это были ничтожные величины, равно как и скры-

вавшиеся в подполье еретики: гностики, павлиане, монтанисты и манихеи, в принадлежности к секте которых, впрочем, подозревали самого императора. Не представляли серьезной опасности и малочисленные несториане, задержавшиеся в пределах империи, в то время как большинство из них переселилось в Иран. Ариане оставались грозной политической и военной силой, но уже на периферии государства, остававшейся в его границах лишь юридически и почти номинально, не имея больше заметного влияния в имперской столице. К тому же у арианства той эпохи было свое характерное этническое лицо – это были варвары-германцы, в редких случаях граждане Рима, но чаще имевшие статус федератов.

Главной по своим политическим последствиям проблемой было разделение христиан на православных диафизитов и монофизитов. Камнем преткновения стал томос папы Льва Великого и христологический орос Халкидонского Собора. Церковный Запад единодушно стоял за Халкидонский орос, но этот Запад представлял собой в основном римских граждан, живших на территории, подвластной арианским или языческим королям варваров. Приверженцы Халкидона преобладали в имперской столице, в Элладе, на островах Эгейского моря, в провинциях Азийского и Понтийского диоцезов. В Сирии диафизиты и монофизиты поддерживали равновесие, но Египет, представлявший собой богатейший регион империи, снабжавший столицу хлебом, от поставок которого зависело ее выживание, тотально монофизитствовал, в особенности это относится к ее автохтонному коптскому элементу, но и в грекоязычной Александрии монофизиты преобладали. Предшественник Анастасия Зенон выбрал провалившуюся, потому что изначально и принципиально несостоятельную, политику богословского компромисса, который принят был лишь равнодушными к вере приспособленцами и бесхребетными оппортунистами, усугубляя раздражение против власти со стороны последовательных диафизитов и монофизитов. Анастасий, письменно исповедавший под давлением патриарха Евфимия в канун коронации Халкидонский орос, затем пытался

продолжать религиозную политику Зенона, но, убедившись в ее бесперспективности, вынужден был сделать выбор, и он сделал его в вероятной зависимости от собственных богословских убеждений, которые он имел, – не даром до своей императорской аккламации он, будучи мирянином, проповедовал с кафедры Софийского храма. Этот выбор был в пользу монофизитской партии, что подтолкнуло в лагерь его недоброжелателей ревнителей православия и, конечно, сделало его последовательным противником папский престол в Риме.

Именно это обстоятельство послужило одной из причин потасовок на ипподроме в 501 г. В ходе возмущения погиб внебрачный сын Анастасия, в отместку его смерти император приказал казнить виновников и участников возмущения. 7 лет спустя взбунтовались александрийские диафизиты, репрессии против них встретили одобрение и поддержку со стороны местных монофизитов, составлявших в городе и стране очевидное большинство. Но в 511 г. при почти всеобщем сочувствии на ипподроме раздались возгласы: «Другого императора ромеям!»⁹⁰⁹. Анастасий обвинил в подстрекательстве к возмущению православного патриарха столицы Македония, и по его указанию он был низложен.

В следующем году поводом к волнениям в столице стало внесение в Трисвятое дополнительных слов «распныйся за ны», которые воспринимались диафизитами как содержащие в себе монофизитскую и даже теопасхитскую идею – о распятии Божественного Сына и в полемическом контексте – мысль о том, что Господь пострадал на кресте не только по человеческой, но и по Своей Божественной природе – монофизиты же не допускали самой возможности сосуществования двух природ во Христе. Начался мятеж, грозивший опрокинуть государство, и тогда Анастасий, по словам Евагрия, «был вынужден прийти на ипподром, стеною и без венца, и послать к народу глашатаев, чтобы объявить, что он готов полностью сложить с себя царскую власть, однако невозможно, чтобы все получили ее, поскольку она не допускает к себе многих, и только одному будет суждено после него владеть ею»⁹¹⁰. Эти слова, рассчитанные на отрезвление

тех, кто охвачен был не столько ревностью об истине, сколько мятежным порывом, успокоили страсти возбужденной толпы: до ее разумения дошла очевидная неизбежность того, что кому-то все равно придется править – опьяняющее чувство безвластия и мятежной вседозволенности быстро пройдет, а вот за отсутствием готового кандидата в императоры складывалась перспектива пугающей неизвестности.

Но вскоре такой кандидат объявился. В 513 г. сын полководца Патрикиола Виталиан, унаследовавший от отца должность комита федератов, выступил как защитник Православия. Опасаясь многочисленных сторонников Виталиана в столице, Анастасий укрылся во Влахернском квартале на северо-востоке Византии. Узурпатор вовлек в мятеж подчиненных ему федератов, внушив им мысль требовать от имперского правительства увеличения своего жалования. Магистр Фракии Ипатий отказал им, и федераты восстали, легко овладев Фракией и вынудив Ипатия бежать из нее. Виталиан привлек на свою сторону болгар и славян, поселившихся во Фракии, Мизии и Скифии. В 514 г. мятежники подступили к стенам столицы; на городских домах, по распоряжению Анастасия, были водружены кресты, чтобы отвести выдвигавшиеся против него обвинения в принадлежности к манихейской секте. Правительство вынуждено было начать переговоры с узурпатором. Виталиан ставил условием перемирия возвращение православного патриарха Македония на Константинопольский престол и затем созыв нового Вселенского Собора. Анастасий затягивал переговоры, пока его агентура не тратила времени даром, разлагая подкупамися военачальников и солдат Виталиана. Клятвенно пообещав наконец принять требования мятежников, Анастасий не спешил выполнять их, сосредоточивая надежные войска для продолжения борьбы с узурпатором. Виталиан вынужден был отвести свою разлагавшуюся армию от стен столицы. Император же на обвинения в обмане и вероломстве ответил простодушно или цинично, что «правитель в случае нужды вправе нарушить любую клятву»⁹¹¹. Тем временем он набрал 80-тысячную армию, во главе которой поставил полководца

Кирилла, но тот был убит в преторской палатке своей подкупленной противником охраной. Новым командующим назначен был Ипатий, и в первом же сражении с мятежниками армия его была разбита, а сам он оказался в плену. После этой победы Виталиан был провозглашен своими сторонниками императором и снова подступил к стенам столицы. Анастасий инициировал новые переговоры, которые привели к повторному заключению перемирия, но пока велись эти переговоры, император организовал военно-морскую армаду для разгрома флота Виталиана. В происшедшем затем морском сражении флот узурпатора был разгромлен, сам он бежал, скрываясь от преследования, а оставшиеся в живых мятежники присягнули на верность Анастасию. Мятеж был окончательно подавлен. В морской баталии отличился комит экскувитов Юстин.

В ночь с 8 на 9 июля 518 г. император Анастасий Дикор скончался на 89-м году жизни – по тем временам это было редкое долголетие. В эту ночь над столицей империи бушевала гроза. Недоброжелатели покойного императора утверждали, что он был поражен молнией в наказание за свое отступничество от православия. У ревнителей Халкидонского ороса он получил прозвище Нечестивого. Монофизитские писатели превозносили его до небес за защиту вероучения, которое они считали православным. Высокую оценку его государственной деятельности дал историк позднейшей эпохи Прокопий, считая его высшим достижением как правителя колоссальное пополнение имперской казны. «Анастасий, – писал он в своей “Тайной истории”, – бывший предусмотрительнейшим и рачительнейшим из всех автократоров... до отказа наполнил все сокровищницы золотом»⁹¹².

15. Церковь во второй половине V – начале VI века

Халкидонский Собор составил христологический орос, безусловно отточенный в своих догматических формулах, однако для массового сознания он не обладал такой степенью очевидности, чтобы уже навсегда прекратились богословские споры на христологическую тему. Многие из христиан, и не только миряне, но и клирики, в своем отношении к Халкидонскому оросу не были способны опереться на собственное квалифицированное понимание логики христологической полемики, на ориентацию в богословских нюансах, разделяющих диафизитов, приверженных учению о двух – Божественной и человеческой – природах во Христе, и монофизитов, отстаивавших формулу о единой богочеловеческой природе. «Догматические противники, – по словам В. В. Болотова, – стояли так близко друг к другу, что только мысль, прошедшая богословскую школу, могла сознательно относиться к разности двух вероисповедных воззрений, обыкновенная же масса в данном случае более могла полагаться на авторитет и слово своих духовных вождей и послушно идти за ними»⁹¹³. Между тем вожди и авторитеты оказались в зависимости от своих местных богословских традиций, которые к тому же имели этническую окраску – эллинскую, латинскую, коптскую, сирийскую или армянскую. Поэтому и богословская полемика оказалась вовлечена в контекст межнациональных противоречий и политического противостояния и разные вероисповедные формулы стали знаменем борьбы за локальные национальные интересы, знаменем этнического сепаратизма, угрожавшего целостности империи, что побуждало императоров и правительство искать компромиссные формулы, способные примирить полемизирующих противников.

Так, несториане впоследствии назвали свою церковь этническим именем – Халдейской. Халдеи, или восточные арамеи, во времена Навуходоносора отвоевали Вавилонию у Ассирии и создали на ее территории свое государство. Несторианство

стало вероисповеданием иранских христиан – в сасанидскую Персию бежали несториане из Римской империи. Западные арамеи, составлявшие основную массу населения Сирии, напротив, оказались восприимчивы к монофизитской христологии. Она же принята была и большинством армян, причем похоже, что главную роль в этом разделении сыграло в церковном отношении совершенно случайное обстоятельство. В самом начале правления Маркиана армянские послы просили императора защитить их народ от очередной агрессии со стороны Ирана, но Маркиан не откликнулся на этот их вопль о помощи, возможно потому, что он не рассчитывал на успешный исход войны с могущественным соседом, с которым к тому же как раз при его предшественнике заключен был мирный договор, давший империи передышку. Сражаясь с персами в одиночку, армяне потерпели поражение, и с тех пор имя Маркиана стало для них одиозным, а вместе с ним лишен был авторитета и созданный этим императором Вселенский Собор, на котором они не захотели присутствовать.

Но самую широкую опору монофизитство обрело в Египте с его многократно превосходящим тонкий слой греческого элемента, присутствовавшего в основном в Александрии, автохтонным коптским населением, при том что и грекоязычные александрийцы в большинстве случаев также имели местные, египетские корни. Монофизиты своим учителем почитали святого Кирилла, и в Диоскоре они находили его прямого ученика и последователя, в то же время готовые отречься от крайностей Евтихия, вплоть до его анафематствования. Церковное самосознание египетских христиан, связанное с особым устройством Александрийской церкви, замечательно охарактеризовал В. В. Болотов: «Александрийский папа был митрополитом всего Египта... Все нити церковной жизни были стянуты к кафедре св. Марка, и египтянин привык смотреть на своего епископа с величайшим благоговением. ... Изгнание Константином св. Афанасия... окружило его ореолом особой святости; быть гонимым стало синонимом «быть православным», а вследствие этого авторитет Константинополя в догматическом отношении для Египта был равен нулю. Когда

гонение коснулось и Кирилла Александрийского... то египтяне стали смотреть на преемников св. Марка вообще как на непогрешимых в догматических вопросах. Диоскор воспользовался славою своих предшественников, и вдруг – он осужден, низложен: авторитет его от этого только возвысился»⁹¹⁴. Так монофизитство стало знаменем египетского, коптского национализма в еще большей мере, чем армянского и сирийского. Национализм в сочетании с религиозным воодушевлением, когда отстаивание национальной самобытности освящалось пафосом стояния за мнимую истину, представляло собой гремучую смесь, провоцировавшую массовый фанатизм, выливавшийся в мятежи и гражданские войны.

Первой жертвой народного ослепления стала Палестина. Ситуация там взорвалась сразу после IV Вселенского Собора потому, что предстоятель Иерусалимской церкви Ювеналий до этого Собора воспринимался монофизитами как единомышленник Диоскора, он был своего рода вице-председателем на разбойничьем соборе в Эфесе, он участвовал в осуждении ненавистного монофизитам Флавиана Константинопольского. Поэтому присутствие его на Соборе в Халкидоне, его подпись под анафематствованием Диоскора расценены были не только в Египте, но и в его собственной церкви противниками Халкидона как предательство. Монах египетского происхождения Феодосий, присутствовавший на Соборе в Халкидоне, утверждал, что Собор принял несторианскую ересь, и поднял восстание, во главе которого, по словам Ф.И. Успенского, «стояло до 10 тысяч палестинских монахов»⁹¹⁵.

Мятежный монах, как рассказывает Феофан Исповедник, «своими скверными руками варварским образом присвоил священнодейственную власть... и рукополагал в городе новых епископов, когда настоящие епископы не возвратились еще с Собора. Он выгнал из города Авериана, епископа Скифопольского... некоторых мучил, иных лишил имения, дома других предал огню, так что казалось, город только что взят варварами. Сверх того он умертвил Афанасия, диакона храма Святой Анастасии, который порицал и обличал его безбожие; тело сего святого

приказал влачить по городу и потом отдать псам на съедение. Домн, епископ Антиохийский, равно и Ювеналий Иерусалимский, бежали от него в пустыню. Целых двадцать месяцев занимал Иерусалимский престол погибельный Феодосий»⁹¹⁶.

Денежную помощь мятежникам оказала жившая в Иерусалиме вдова императора Феодосия Евдокия, вероятно из неприязни к покровительнице диафизитов святой Пульхерии. Евдокия открыто заявила о своем несогласии с Халкидонским оросом. В разгар мятежа к августу Евдокии обратились ее дочь Евдокия вместе с мужем Валентинианом, а также епископ Римский Лев Великий, умоляя ее принять Халкидонский орос и не поддерживать бунтовщиков, и, по словам Ш. Дия, «в конце концов она уступила уговорам римского первосвященника, и, чтобы заслужить Небесное Царство, какое он ей обещал, она употребила все оставшееся у нее влияние, чтоб умиротворить поднявшихся против своего епископа палестинских монахов и привести к халкидонской вере раскаявшихся еретиков»⁹¹⁷.

После подавления мятежа, достигнутого относительно малой кровью, поскольку значительная часть монахов прислушалась к голосу Евдокии и возвратилась в лоно Кафолической Церкви, Феодосий бежал от преследования на Синайскую гору, где и нашел укрытие. Незаконно рукоположенные мятежниками епископы и клирики были низложены, а на Иерусалимскую кафедру был возвращен святитель Ювеналий, занимавший ее еще в течение нескольких лет, до своей кончины в 458 г. Его преемником стал Анастасий I, носивший уже патриарший титул.

В Египте мятеж был учинен монофизитами уже в первые месяцы правления императора Льва. Весть о кончине императора Маркиана, непоколебимого защитника православных диафизитов, пробудила у александрийских монофизитов надежду на перемены. Воспользовавшись тем, что правитель Египта Дионисий вместе с войсками, расквартированными в этой стране, отбыл на юг, ближе к границе с Нубией, предводители монофизитской партии во главе с Тимофеем, прозванным за свою хитрость, изобретательность и коварство «Котом» –

Элуrom, решили низложить православного архиепископа Александрии Протерия. В кафедральном соборе египетской столицы два епископа, отвергавшие Халкидонский орос, Евсевий Пелусиотский и Петр Ивер, происходивший из грузинской княжеской династии и занимавший Майумскую кафедру, рукоположили при жизни Протерия на его место Тимофея. Срочно вернувшись в Александрию, Дионисий арестовал Элурa и отправил его в ссылку в Тафосирион, или «Гробницу Осириса», но волнения не прекращались, сторонники Тимофея учиняли погромы и избиения своих противников, и Дионисий, чтобы успокоить монофизитов, возвратил Тимофея в Александрию.

Но столкновения между диафизитами и монофизитами не утихли. По меткому замечанию Евагрия Схоластика, «демос легко воспламеняется гневом, и любые представившиеся поводы служат ему горючим материалом для смут; не последняя среди остальных и чернь города Александра, отличающаяся и великим числом, и незнатностью, и тем, что гораздо на сборища, а также кичащаяся безрассудной дерзостью в своих порывах»⁹¹⁸. В праздник Пасхи мятежники ворвались в баптистерий кафедрального собора, где укрылся от них Протерий, и зверски расправились с ним. Об обстоятельствах кончины священномученика православные епископы и пресвитеры Египта писали в послании, адресованном «благочестивому, христолюбивому, богоизбранному, победоносному, повергающему врагов в бегство Августу Льву»⁹¹⁹: «Спешившие привести в исполнение главную цель Тимофея... не стыдясь ни святости места, ни времени – ибо был праздник спасительной Пасхи... убивают невинного и жестоко закалывают его вместе с шестью другими. И влача повсюду его истерзаный труп... они бесчеловечно обращались с телом... разрывая его на куски, и не колебались отведать, словно звери, внутренности того, кто недавно признавался посредником между Богом и людьми; предав огню то, что осталось от его тела, они развеяли пепел его по ветру... Виновником и искусным архитектором всех этих злых дел был Тимофей»⁹²⁰.

По надуманной версии монофизитского автора Захарии Ритора, убийцей святого Протерия был некий римлянин, иными словами, воин из александрийского гарнизона, который будто бы возмутился тем, что Протерий укорял римских солдат за то, что они берут у него золото, но «не обагрили руки кровью его врагов, тогда в сердце одного римлянина вспыхнула ярость и закипел гнев; и он пригласил Протерия выйти посмотреть окрест себя, чтобы тот увидел тела убитых, лежащие на (земле). И вдруг он незаметно выхватил меч и вонзил его Протерию в ребра»⁹²¹. Впрочем, участия мятежной толпы в зверском надругательстве над останками епископа историк не отрицает: «Римляне бросили тело и ушли. Тогда народ, узнав об этом и придя в великое возбуждение, стал влачить... тело и, наконец, сжег его на ипподроме»⁹²².

После подавления бунта император Лев вступил в переписку с предстоятелями Церквей, желая выяснить их отношение к Халкидонскому оросу и поставлению на Александрийскую кафедру монофизита Тимофея. Убедившись в их твердой приверженности диафизитскому догмату, император приказал низложить Элур. В 460 г. он был вновь арестован и переправлен в малоазийский город Гангру, а в 464 г., по просьбе местного епископа и приказу императора, его сослали еще дальше – в Херсонес Таврический. На Александрийскую кафедру был возведен православный архиепископ Тимофей Салофакиол, что значит «Белый», но его признали лишь православные диафизиты Египта.

Когда в 474 г. верховную власть в Константинополе захватил узурпатор Василиск, у египетских монофизитов возродилась надежда на свое торжество над диафизитами. В стремлении заполучить как можно больше сторонников Василиск в самом начале правления издал адресованную, по одним сведениям, находившемуся в изгнании монофизиту Тимофею Элuru, «богобоязненнейшему и боголюбивейшему архиепископу великого города александрийцев»⁹²³, а по другим – «к митрополитам и мирянам по всей вселенной»⁹²⁴ энциклику, в которой отвергал томос папы Льва и догматический орос Халкидонского Собора: «А то, что разрушает единство и благой

порядок святых от Бога Церквей и мир во всем мире, под чем разумею называемый томос Льва и все то, что было сказано и содеяно в Халкидоне... мы приказываем всем святейшим епископам здесь и повсюду, в каждой Церкви, подвергнуть анафеме и предать огню там, где (оно) будет обнаружено»⁹²⁵.

Отменяя заодно с оросом Халкидонского Собора и его правила, в том числе 28-й канон, Василиск воспретил Константинопольскому архиепископу вмешиваться в дела церквей, которые были включены Халкидонским Собором в юрисдикцию столичной кафедры. Архиепископ Константинополя Акакий, поставленный на столичную кафедру после преемника Анатолия святого Геннадия, занимавшего ее с 458 по 471 г. и особенно известного своим посланием против симонии, вошедшим в канонический корпус, отверг энциклику и в знак скорби по поводу вероотступничества Василиска и гонения на православных облачился в черные одежды и велел покрыть престол Святой Софии черным покровом. Примеру архипастыря последовало столичное духовенство, не страшась бросить вызов узурпатору.

Преподобный Даниил тогда впервые за 15 лет сошел со столпа, чтобы обличить вероотступника Василиска и потребовать от него отменить энциклику. Приход Даниила Столпника в столицу перепугал Василиска, и тот удалился в загородную резиденцию императоров. Но толпа ревнителей Православия, увлеченная проповедью святого, двинулась в сторону летнего дворца.

«Когда же охрана преградила толпе путь во дворец, святой призвал народ по-библейски отрясти дворцовый прах со своих одежд – и это было сделано с таким усердием и энтузиазмом, что большая часть охраны оставила кесаря и примкнула к Столпнику»⁹²⁶. Святой предсказывал столице бедствия в случае, если не будет отменена еретическая энциклика, и бедствие обрушилось на Византий, подвергшийся в 476 г. одному из самых истребительных в своей истории пожаров. Он разгорелся во время народных волнений, вспыхнувших при попытке отправить в ссылку архиепископа Акакия. В огне погибла библиотека, в которой хранилось около 120 тысяч

свитков, сгорели античные статуи, и среди них знаменитые Гера Самосская и Афродита Книдская.

Упорствуя в поддержке монофизитства, Василиск приказал немедленно вернуть из ссылки в Александрию Тимофея Элур. Освобождены и возвращены были все, кто, по словам Феофана Исповедника, «показывал себя врагом святого Халкидонского Собора и смело восставал против истины»⁹²⁷. И как пишет тот же историк, «Элур немедленно собрал всякую сволочь из александрийцев, проживавших в Византии, и отправился с крестным ходом во храм, сидя на осле. Не дойдя до церкви, называемой восьмиугольной, он свалился с него, ушиб себе ногу и со стыдом принужден был возвратиться»⁹²⁸. Вернувшись наконец в Александрию, Элур был принят там своими последователями с энтузиазмом, но энциклика Василиска и принятые им меры вызвали отторжение в столице империи – Византии, где большинство составляли халкидониты, хотя в монастырях находилось немало монофизитов, и даже крайних, почитавших своим учителем Евтихия.

Стремясь теперь перед угрозой реванша со стороны Зенона опереться на жителей столицы, большая часть которых, следуя за своим архипастырем, сохраняла приверженность Халкидонскому оросу, Василиск издал новую энциклику, в которой дезавуировал содержание предыдущей: «Мы предписываем, чтобы и то, что было содеяно в наше царствование – будь то энциклика, либо другие (послания) ... не имело силы и прекратило (действовать); при этом мы подвергаем анафеме Нестория и Евтихия и любую другую ересь и всех, кто мыслит подобное... (мы предписываем) также возвратить богобоязненнейшему и святейшему патриарху и архиепископу Акакию те епархии, (правом) рукоположения в которые обладает трон этого царствующего и славного города»⁹²⁹. Это был один из первых официальных документов, в котором по отношению к предстоятелю Константинопольской церкви Акакию употреблялся, помимо титула архиепископа, также и патриарший титул. Вынужденный обстоятельствами лихорадочный поворот в религиозной политике лишь дискредитировал Василиска: оттолкнув монофизитов, он не

вселил к себе доверия со стороны православных жителей «царствующего и славного города».

После устранения Василиска император Зенон сам оказался в трудном положении. Против него действовали новые мятежники, и одна из причин непрочности режима заключалась в конфессиональной розни. И тогда он по совету Акакия прибег к радикальному средству, целью которого было привлечь на свою сторону монофизитов, не оттолкнув при этом и православных диафизитов. В 482 г. он издал знаменитый «Энотикон», в котором провозглашалась незыблемость решений, принятых тремя первыми Вселенскими Соборами, а относительно Халкидонского ороса было сказано обтекаемо, чтобы не задеть прямо ни монофизитов, отвергавших его, ни последовательных халкидонитов: «Любого же, кто что-то другое мыслил или мыслит, либо ныне, либо еще когда-нибудь, либо в Халкидоне, либо на каком-нибудь другом соборе, мы предаем анафеме и, в первую очередь... Нестория и Евтихия и тех, кто разделяет их учения»⁹³⁰.

Зенон находил, что, издавая «Энотикон», он предлагает приемлемый для противостоящих сторон компромисс, но поскольку в делах веры, как, впрочем, и в науке и всюду, где речь идет не об интересах, а об истине, по природе вещей нет места для компромисса, инициатива императора и патриарха Акакия, как стали в эту пору уже официально титуловать предстоятелей пяти первенствующих по диптиху церквей, основана была на зыбкой почве и успехом не увенчалась. Результатом издания этого акта вместо преодоления разделений стало их умножение: появилась партия сторонников «Энотикона», набранная из прежних диафизитов, вроде Акакия и преемника святителя Ювеналия Иерусалимского Анастасия, и монофизитов – Петра Монга Александрийского и Петра Гнафевса, или Сукновала, Антиохийского; последовательные халкидониты и монофизиты отвергли «Энотикон», так что составилось не три, как часто характеризуют сложившуюся ситуацию историки, а четыре партии: отвергшие «Энотикон» православные и монофизиты, и принявшие его ради лояльности императору, но оставшиеся со своими прежни-

ми диафизитскими или монофизитскими убеждениями, склонные к беспринципным компромиссам «потаковники», как называли подобных им иерархов и других церковных деятелей в допетровской России.

В год издания «Энотикона» скончался православный патриарх Александрии Тимофей Салофакиил. После смерти Элуга, с 477 г., египетские монофизиты признавали своим предстоятелем его преемника Петра Монга, но он был неприемлем для православных диафизитов Египта, и они избрали своим предстоятелем эконома церкви святого Иоанна Александрийского Иоанна Талайу. Посланник нового Александрийского папы, явившись в столицу, допустил оплошность: вместо того, чтобы вручить известительную грамоту о поставлении Иоанна Талайи патриарху Константинополя, он отправился из столицы сразу в Антиохию, где в то время находился влиятельный сановник Илл, назначенный магистром Востока и уже замышлявший мятеж против Зенона. Встретиться с Иллом представителю Иоанна Талайи рекомендовано было православными александрийцами, потому что его считали покровителем диафизитов. Патриарх Акакий был оскорблен тем, что его проигнорировал посланец новоизбранного папы Александрии, поэтому он пошел на признание умеренного монофизита Петра Монга, признавшего «Энотикон», законным предстоятелем Александрийской церкви в надежде, что ему удастся достичь примирения и восстановления единства Египетской церкви.

При этом, естественно, решено было пожертвовать Иоанном Талайем, который бежал в Рим и там получил поддержку. На запрос папы Римского Феликса, преемника скончавшегося в 483 г. Симплиция, о том, действительно ли Акакий вступил в общение с монофизитом Петром Монгом, получен был утвердительный ответ. Реакцией на него стал созыв Феликсом III собора в Риме, который 28 июля 484 г. объявил о низложении патриарха Акакия заодно с папскими легатами, отправленными в Константинополь для встречи с ним и с императором Зеноном, которые, несмотря на данные им инструкции, сослужили в имперской столице с Акакием, в их присутствии

внесшем в константинопольский диптих имя Петра Монга. Разрыв общения между церквами Рима и Нового Рима продолжался 35 лет: с 484 по 519 г., и на Западе он получил название акакианской схизмы.

После смерти Акакия в 489 г. на его место был поставлен Франт, или Флаита, скончавшийся несколько месяцев спустя, и уже в 490 г. столичную кафедру занял святой патриарх Евфимий, последовательный халкидонит. Склонявшийся в монофизитскую сторону император Анастасий отправил его в 496 г. в ссылку, но и его преемник Македоний тоже оказался приверженцем диафизитства. В 511 г. он был низложен и отправлен в ссылку в Евхаиты – город на черноморском побережье Понтийского диоцеза. На его место, по указанию Анастасия, был хиротонисан послушный императору Тимофей, приемлемый для местных монофизитов.

Между тем бурные события происходили после Халкидонского Собора и в Антиохии. Характеризуя религиозные настроения жителей Сирии, А.В. Карташев писал: «Здесь богословие эллинов в школе Антиохии было явлением «аристократическим», не отражавшим вкусов масс. Носителями местного народного духа были монахи, а не епископы. В верхах епископата здесь господствовал образ мысли несторианский, а в низах – монофизитский. Тут веял дух восточного дуализма и спиритуализма. «Ревнители благочестия» находили миа физис более мистическим и более благочестивым лозунгом, чем дуо физис. Ни Павел Самосатский, ни ариане здесь не были популярны из-за их «нечестивого» уклона в отношении прославления Иисуса Христа... Здешним аскетам казалось, что правительство, римская церковь и Халкидонский Собор «несторианствуют»»⁹³¹.

Монофизитство широко распространилось в Северной Месопотамии, но на защиту Православия встали тогда предстоятель Антиохийской церкви Василий, сменивший в 455 г. на этой кафедре Максима, а также имевшие огромный авторитет в народе знаменитые сирийские столпники святые Симеон, Варадат и Иаков. Антихалкидонитов Сирии возглавил пресвитер из Халкидона Петр Гнафевс, или Сукновал, который,

познакомившись с Зеноном, пользовался затем его покровительством. Когда император Лев назначил Зенона магистром армии Востока, он пригласил священника халкидонской церкви Святой мученицы Вассы Петра Гнафевса в Антиохию, где находилась его резиденция. В 469 г. Петр при поддержке Зенона был поставлен архиепископом на Антиохийский престол. Это он ввел в текст Трисвятого пререкаемое дополнение «распныйся за ны», распространившееся затем и в других поместных церквях. Выражение «распныйся за ны» стало лозунгом и паролем монофизитства. Но в том же 471 г. архиепископ Константинопольский Геннадий добился от императора Льва указа о низложении Петра и ссылке его в египетский Оазис. Но Петр бежал из Оазиса и Египта и нашел убежище в константинопольском монастыре акимитов (неусыпающих). После захвата верховной власти узурпатором Василиском и издания им «Энциклики» Гнафевс, популярный в среде монофизитов, был вновь поставлен на Антиохийскую кафедру, но падение Василиска в 476 г. повлекло за собой его устранение с кафедры, репутация Петра в глазах Зенона была подмочена тем, что во второй раз он занял Антиохийский престол как ставленник узурпатора. Его заковали в цепи и в таком виде отправили в ссылку в понтийский город Евхаит.

Православную общину Антиохии в эти бурные годы возглавляли последовательно архиепископы Василий, Акакий, Мартирий, Иулиан. После изгнания Гнафевса на Антиохийскую кафедру был поставлен Иоанн Кодонат, но пробыл он на ней всего три месяца, после чего ее занял халкидонит Стефан II, в монофизитской среде, естественно, считавшийся несторианином, и потом Стефан III. Этих двух патриархов с одинаковыми именами, занимавших кафедру один следом за другим с 477 по 482 г., некоторые византийские историки – в частности, Евагрий Схоластик и Иоанн Малала – принимают за одно лицо. В 482 г. антиохийские монофизиты совершили злодеяние, убив Стефана III: его же собственные клирики, как пишет Малала, поразили его «заостренными камышовыми палками, когда он вышел за город в так называемые Варлаи на

празднование Собора сорока святых, и тело его было сброшено в реку Оронт»⁹³².

По указанию императора Зенона на его место был поставлен приверженец Халкидонского ороса Каландион, но после издания «Энотикона» Зенону снова понадобился Сукновал. По словам Иоанна Никиусского, «император вернул его в Антиохию, а Каландиан, патриарх Антиохии, скрылся из страха быть убитым, так как он был халкедонитом, ведь (антиохийцы) прежде уже предали смерти патриарха Стефана, его предшественника»⁹³³. Вместе с Каландионом Антиохийским низложены были и другие епископы Сирии: Евсевий Самосатский, Мана Имерийский, Андрей Феодосиопольский и еще несколько архиереев, отказавшихся принять «Энотикон». Их обвинили в несторианстве, что на самом деле, вероятно, обозначало твердую приверженность православному диафизитству. Поставленный в третий раз на Антиохийскую кафедру в 484 г., Петр Гнафевс из крайних монофизитов совершил дрейф в сторону компромиссного, умеренного монофизитства, благодаря чему он и понадобился Зенону. На этот раз он занимал кафедру уже до самой смерти, последовавшей в 489 г. С 490 по 498 г. Антиохийский престол занимал монофизит Палладий, но его преемник Флавиан II, подписавший «Энотикон», впоследствии перешел в стан твердых халкидонитов. Тогда на защиту монофизитов в Антиохию прибыл епископ Иерапольский Филоксен в сопровождении многих монахов. Антиохийские христиане вступились за своего патриарха. В городе начались потасовки, их жертвами пали несколько пришлых монахов. Император Анастасий обвинил в учиненных беспорядках патриарха Палладия и приказал его низложить, а на его место в 512 г. был поставлен Севир, занимавший Антиохийский престол до смерти своего покровителя Анастасия и низложенный по указанию его преемника Юстина в 519 г.

Это был самый выдающийся богослов у монофизитов. Он родился в городе Писидийской провинции Созополе, получил образование в Александрии и Вирите (Бейруте), крещение принял в 488 г. и затем постригся в монофизитском монастыре в

Маюме близ палестинской Газы. Севир, ранее принимавший «Энотикон», позже отверг его ввиду его беспринципности. Но будучи противником богословских компромиссов, он не принадлежал к партии крайних монофизитов. Севир развивал учение о единой сложной природе во Христе, причем, считал он, и по воплощении сохраняется различие между Божеством и человечеством. Низложенный при православном императоре Юстине с Антиохийского престола, Севир перебрался в Александрию, и там он в течение многих лет вел богословский спор с крайним монофизитом Юлианом Галикарнассским. В центре этого спора стоял вопрос о тленности тела Христова. Юлиан придерживался мысли о его нетленности, тем самым фактически утверждая принципиальное отличие тела Христова от обычного человеческого тела. Севир, естественно, не считал, что тело Спасителя подверглось тлению, но, в этом не отличаясь от православных диафизитов, писал, что по природе Своей оно тленно. Исходя из идеи единосущия Христа всему человеческому роду, он находил мысли своего оппонента склоняющимися в сторону докетизма, ибо если тело Христово нетленно, то оно не единосущно нам и, следовательно, само страдание Христа носило иллюзорный характер. Впрочем, и Юлиан не отрицал единосущия Христа Адаму и поэтому отвергал обвинения его в докетизме, но при последовательном развитии идеи о нетленности тела Спасителя логически неизбежным образом вытекали докетические выводы. Богословское направление Севира одержало победу в полемике, разгоревшейся внутри монофизитского лагеря, и поэтому позднейшее монофизитство, сохранившееся и до наших дней, носит более умеренный и трезвый характер, чем оно было в своих истоках, во всяком случае в сравнении с богословием Евтихия, Юлиана Галикарнассского и даже Диоскора.

Незадолго до кончины императора Анастасия, в 518 г., на столичный престол был возведен патриарх Иоанн. Разделяя монофизитские воззрения и при этом придерживаясь формально «Энотикона», император Анастасий по политическим соображениям не раз пытался восстановить

каноническое общение с Римом. Именно поэтому ранее на Константинопольскую кафедру вместо низложенного святителя Евфимия был поставлен столь же твердый приверженец Халкидонского ороса Македоний. Но преемник папы Феликса III Геласий, занимавший Римскую кафедру с 492 по 496 г., и после него папы Анастасий, Симмах и Гормизда условием восстановления общения ставили анафематствование Акакия, на что император Анастасий пойти не захотел.

В ходе противостояния папского престола монофизитству и беспринципному компромиссу, заклеяменному в Риме под именем акакианской схизмы, обнаружилась не только неколебимая преданность Римской кафедры наследию святителя Льва Великого и Халкидонскому оросу, но и приверженность новой экклезиологии, которая в своем дальнейшем развитии вылилась в папизм, разорвавший церковное единство ветхого Рима и Рима Нового. Притязания Римского престола на властную монополию во Вселенской Церкви с особой энергией и последовательностью выразились в деятельности папы Геласия.

Истоки знаменитой в средневековье теории двух мечей, призванной подчеркнуть подчиненное положение светских государей, включая императора, по отношению к папской власти, восходят к Геласию. В 488 г., еще будучи диаконом и начальником канцелярии папы Феликса, он писал епископам Востока: «И если вы мне скажете: “Но император вселенский», я мог бы ответить императору, не желая обидеть его, что он лишь сын, но не иерарх Церкви; в делах веры ему подобает учиться, но не учительствовать; он обладает преимуществом власти (*potestas*), которую он получил от Бога, дабы править вещами градскими (*res publica*); но да воздержится он, не довольствуясь имеющимися привилегиями, от того, чтобы узурпировать нечто, что противоречило постановлениям Божественного порядка. Ибо Богу угодно, дабы управление Церковью вернулось епископам, а не к властям века сего»⁹³⁴. Выраженная в этом послании мысль о независимости епископов в делах церковных от власти императора не вызывает принципиальных возражений с точки зрения православной экклезиологии, хотя и не

совпадает с более тонко нюансированной идеей симфонии священства и царства, ставшей квинтэссенцией сложившейся на Востоке концепции церковно-государственных отношений. Позже, став папой, Геласий в послании императору Анастасию, отправленном в 494 г., писал уже не о власти епископской в ее соотношении с властью императоров, но более определенно – о полномочиях понтификов, иными словами, римских пап.

Характерен и самый тон этого послания, наставительный, с оттенком сознания собственного превосходства: «Есть две вещи, августейший император, которыми сей мир изначально управляется: священная власть понтификов и власть царская (*auctoritas sacra pontificum et regalis potestas*). И из сих двух священники обладают самой тяжелой, ибо они дадут отчет пред Богом и за самих государей... Хотя через твое достоинство ты поставлен во главе рода человеческого, ты смиренно преклоняешь выю перед иерархами, пекущимися о вещах Божественных, и от них ты ожидаешь средств к своему спасению. И дабы получить небесные таинства и распорядиться ими, якоже подобает, ты признал, что должен подчинить себя правилам правой веры более, нежели распорядиться ими, и посему ты зависишь от суда (епископов) и не можешь претендовать подчинить их твоей воле... Ни один человек ни под каким человеческим предлогом не может вознестись над привилегиями и почитанием того, которого слово Христово поставило во главе всего мира, которого достопочтенная Церковь признавала всегда и почитательно помещала поперед всех... Если христианские императоры нуждаются в понтификах для жизни вечной, то понтифики подчиняются императорским повелениям в течение вещей временных... Те, кто наделен вещами века сего, не должны являться председательствующими в вещах Божественных»⁹³⁵.

Актуально папа Геласий, лишь отстаивает принцип невмешательства светской власти в дела церковные, но сказано в этом послании гораздо больше, чем требовалось для отстаивания этой идеи, хотя в этом документе нет еще квалифицированной теории двух мечей, как она сформулирована была в средневековье, это только первый подступ к ней: папа Геласий, в отличие от средневековых

понтификов, признает за императором право требовать повиновения от епископов, в том числе и первого из них, в «вещах временных». По замечанию Ж. Дагрона, «бурный успех геласианских идей на Западе и их превращение в учение произошли преимущественно потому, что они следовали за Блаженным Августином... Две власти были некоторым образом уподоблены “двум градам”, которые противопоставляли духовное мирскому»⁹³⁶, хотя сам Августин не склонен был упрощать проблему и потому не отождествлял государство со злом, позитивно относясь к самому факту существования христианского государства, которое своими средствами противостоит злу, и в частности злу ересей. В восточной же части империи, в противоположность геласианской идеологии, развивалась тенденция к сакрализации империи, которая сбалансирована была изобретенной уже при святом Юстиниане исключительно удачной формулой симфонии.

Между тем на Западе идея превосходства священства над царством явилась главным стимулом введения обязательного celibата для клириков. Расхождения в каноническом устройстве церквей Востока и Запада обнаружились уже раньше, одним из документальных свидетельств их существования и нарастания является латинский перевод Апостольских правил, выполненный в конце V века римским аббатом Дионисием Малым, имя которого прославлено составленным им летосчислением от Рождества Христова, ставшим основой современной системы летосчисления – эры от Р. Х. и до Р. Х.

Сборник «Правил Святых Апостолов» (Canones Apostolorum) включает 85 канонов. Но в некоторых греческих манускриптах помещено лишь 50 правил. Дионисий использовал для перевода список, содержащий 50 канонов. В предисловии к своему переводу Дионисий пишет, что в его время эти правила не пользовались общим признанием и не считались апостольскими. В начале VI века при папе Геласии Римским поместным собором они были отнесены к числу подложных и апокрифических. Тем не менее, поскольку канонический сборник Дионисия, включавший в себя 50 правил,

вошел на Западе во всеобщее употребление, эти правила в конце концов получили и там канонический авторитет.

Рим отверг авторитет 35-ти последних правил не в последнюю очередь потому, что в некоторых из них содержатся нормы, не согласующиеся с обычаями Западной Церкви. Первое из отвергаемых Апостольских правил – 51-й канон – гласит: «Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака и мяса и вина не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что вся добра зело и что Бог, созидавая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом хуля клеветает на создание, или да исправится, или да будет извержен из священного чина, и отвержен от Церкви. Такожде и мирянин». Правило это говорит не в пользу принятого в Риме обязательного celibата духовенства. В 63-м Апостольском правиле осуждается пост в субботу, входивший в обычай Римской церкви. В 77-м правиле сказано: «Аще кто лишен ока, или в ногах поврежден, но достоин быть епископ: да будет. Ибо телесный недостаток его не оскверняет, но душевная скверна». И это правило не согласовалось с римской практикой считать телесное уродство препятствием к священству.

Не во всех церквах латиноязычного Запада вошли в обычай обряды и установления Римской церкви, но юрисдикция Римского епископа к концу V столетия распространилась на весь Запад. Западные церкви постепенно, одна за другой, входили в подчинение папам. Происходило это не без сопротивления с их стороны. Особенно упорное противодействие папским притязаниям оказывала Африканская церковь; Карфагенский собор в 424 г. включил в свои правила «Послание к папе Римскому Келестину», которое вошло во все восточные своды правил. В нем отвергается право Римского папы принимать апелляции на судебные постановления собора африканских епископов. Но после нашествия вандалов ариан обескровленная Африканская церковь оказалась вынужденной искать защиты у пап. В пределах самой Италии церкви Милана и Аквилеи долго не признавали над собой юрисдикции Рима в собственном смысле слова, разве только некоторые права,

вытекающие из примата Римской кафедры. В то же время церкви Галлии и Испании не претендовали ни на автокефалию, ни даже на хотя бы некоторые элементы автономии.

В результате такого развития к началу V века папская юрисдикция простиралась на оказавшиеся под контролем варваров прежние префектуры империи: Италию и Галлию, а также на оставшуюся в пределах империи и по преимуществу грекоязычную префектуру Иллирик, состоявшую из двух диоцезов: Дакии и Македонии. Это и был патриархат Запада. На территории одной оставшейся префектуры находились четыре других Патриархата: Константинопольский, включавший три диоцеза – Фракийский, Азийский и Понтийский, Александрийский – в пределах Египта, Ливии и Пентаполя, Антиохийский – в границах Сирийского диоцеза, за вычетом трех провинций: Палестины I, Палестины II и Палестины Салютарис, церкви которых составили Иерусалимский Патриархат.

Еще на исходе IV века на первое место на Востоке выдвигается Константинопольский архиепископ. Благодаря политическому значению столицы, к нему первому из всех епископов обращался император, что и давало ему существенные преимущества перед другими восточными первоиерархами. Он фактически получил статус своего рода посредника между императором и другими предстоятелями церквей. Являясь в столицу, Александрийский, Антиохийский или Иерусалимский первоиерархи могли представляться императору только после предварительного доклада у архиепископа Нового Рима. Значение остальных Восточных церквей было подорвано христологическими ересями, когда большая часть населения Египта и значительная часть сирийцев отпали от Православной Церкви.

Во второй половине V века прежние архиепископы, или экзархи, стали титуловаться патриархами. Но, как писал митрополит Сардийский Максим, «не все экзархи носили титул патриархов, а лишь те, которые стояли во главе главных диоцезов, епископы городов, которые были важнее других как политические центры либо ввиду исторических воспоминаний, как в случае с епископом Иерусалимским»⁹³⁷. В церковных

источниках слово «патриарх» по отношению к епископам употребляется с конца IV века, первоначально, однако, без однозначного, фиксированного значения. Так, II Вселенский Собор вверил каноническое окормление отдельных областей восточной половины Римской империи епископам, которых он именует патриархами⁹³⁸. В актах Халкидонского Собора еще не упоминается патриарший титул. Но скоро после Собора он вошел в широкое употребление. Первым официальным документом, в котором слово «патриарх» употреблено как высший иерархический титул, является «Конституция» Зенона от 477 года. В канонах титул патриарха появляется спустя два столетия, впервые в 7 правиле Трулльского Собора, тематика которого однако совершенно не связана с характеристикой значения патриаршего сана.

Патриархаты и поместные церкви, возглавляемые архиепископами, делились на митрополии, границы которых в большинстве случаев совпадали с сохранившимися или существовавшими раньше границами провинций Римской империи. Подобные митрополии ранее, до середины IV века, являлись фактически автокефальными образованиями и утратили эту свою независимость вследствие того, что были иерархически подчинены архиепископам. Название «митрополия», или «митрополичий округ» – в данном случае анахронизм. Их действительным греческим названием было «эпархия». В свою очередь митрополии делились на епархии в современном значении слова, то есть церкви, возглавляемые епископами.

В первые века истории Христианской Церкви епископ был в каждом городе, где существовала христианская община.

Юрисдикция такого епископа распространялась обычно на город и его периферию (хору). В древности обычным греческим названием возглавляемой им общины, сосредоточенной в городе, титул которого носил епископ, и прилегающих к нему пригородных селениях, было «парикия» (впоследствии от этого слова на славянских языках произошли слова «парохия», или «парафия», означающие «приход»), либо «энория». В течение некоторого времени, в IV и начале V века, в сельские места ставились так называемые хорепископы (от греческого «хора»,

что значит «село»), права которых были ограничены в сравнении с ординарными епископами. Поставление хореепископов было запрещено 57 правилом Лаодикийского Собора, но практика эта еще продолжалась в течение полувека и окончательно прекратилась к середине V столетия. Но и после того, как исчез институт хореепископства, в некоторых епархиях в помощь правящему архиерею посвящались епископы-помощники с титулами ранее существовавших и упраздненных епархий – титулярные епископы, которые впоследствии послужили прообразом викарных архиереев. С упразднением хореепископских кафедр число епископий резко сократилось, и все же они существовали почти во всех городах империи. При императоре Анастасии в пределах империи насчитывалось более двух тысяч епископских кафедр, сотни других существовали за имперскими границами на Западе и на Востоке.

В апостольский век первые епископы избирались и поставлялись самими апостолами. Со временем, в эпоху мужей апостольских, было установлено, что в избрании епископов участвуют епископы ближайших общин, а также клир и народ как свидетели добропорядочности ставленника. В V столетии, во избежание беспорядков и смут при избрании епископа, миряне стали представлять знатные люди. Окончательным образом избрание епископа совершалось на соборе епископов области под председательством митрополита. Избрание епископа не могло состояться без согласия митрополита. Если при избрании обнаруживалось разногласие, дело решалось большинством голосов.

В Древней Церкви на епископскую кафедру избирался обычно пресвитер, в иных случаях диакон, в особенности это характерно было для церквей Рима и Александрии с ограниченным числом диаконов, занимавших высокое административное положение, или даже мирянин – перемещения архиереев с одной кафедры на другую представляли исключительное явление: епископ – жених Церкви, в которую поставлен, и это были пожизненные брачные узы. Исключения допускались, но в древности они случались редко. Высшая власть в епархии, принадлежала всегда

правлящему епископу. Епископ, как преемник апостолов, в соответствии с экклезиологическим учением Православной Церкви, канонами и иными основополагающими церковно-правовыми актами, является верховным учителем веры в своей епископии, первосвященником своей церкви и главным правителем ее дел. От него зависели все пресвитеры, диаконы и церковнослужители, все храмы, молитвенные дома и монастыри епархии. При этом сам он не должен предпринимать ничего, превышающего его власть, без ведома первого епископа.

Помощниками епископа в управлении епархии были пресвитеры и диаконы, особенно те, что служили в кафедральном храме. Уже с III века при кафедрах везде почти существовали пресвитериумы, своего рода пресвитерские советы. В V веке обязанности отдельных членов пресвитериума находят свое закрепление в канонах (Гангр. 7, 8; Феоф. 10; IV Всел. 2, 3, 23:25). Как институт наиболее полное развитие пресвитериум получил в Константинопольской церкви, по примеру которой устраивались пресвитериумы и в других церквях империи. Среди должностных лиц Константинопольского пресвитериума были: эконо́м; сакелларий, заведовавший монастырскими делами; скевофилакс – ризничий; канстризий – помощник скевофилакса (ризничего); хартофилак – хранитель официальных документов; ипомниматограф – помощник хартофилакса, заведовавший нотариальными делами; сакелий, на попечении которого находились приходские церкви и приходское духовенство; протэкдик – главный ходатай по церковным делам; протопресвитер – ему вверялись богослужебные дела и испытание ставленников в пресвитеры и диаконы; иеромнимон, помогавший протопресвитеру в заведовании богослужебными делами; референдарий – посредник между патриархом и государственной властью; логофет – счетовод и помощник протэкдика и хартофилакса.

В V веке в империи уже повсеместно существовали христианские храмы в сельской местности. Увеличение числа таких храмов вызвано было массовым обращением язычников; почти все языческие храмы были перестроены в христианские церкви.

Кроме того, новые церкви строились за счет государственной и муниципальной казны, сельскими общинами, частными землевладельцами на принадлежащих им землях. Христианские храмы воздвигались на местах, освященных мученической кровью и святыми мощами. В сельских и во многих городских общинах в V столетии служил обыкновенно один пресвитер. Диаконы в основном состояли в штатах кафедральных соборов. Свои обязанности пресвитеры и диаконы исполняли как лица, уполномоченные на то епископом, однако эти их полномочия носили не временный, а постоянный характер и вручались через Таинство рукоположения, которое всегда совершалось с назначением хиротонисуемого на определенное место служения. В границах прихода приходской священник имел полноту пастырской духовной власти. Без его ведома никакой священник со стороны не мог совершать богослужения в его приходском храме. Духовная власть приходского священника распространялась на всех православных христиан, состоящих постоянными членами церковной общины, а также временно пребывающих на территории прихода. Решающий голос в поставлении пресвитеров, диаконов, а также низших клириков всегда принадлежал правящему епископу. Но в древности епископ обыкновенно выслушивал предварительно мнения своего клира и голос народа о кандидате на пресвитерскую должность.

В конце V столетия значительное большинство населения Римской империи было обращено в христианство. Христианская Церковь приобрела официальный государственный статус и стала, говоря современным языком, национальным вероисповеданием римлян, принадлежавших, естественно, к самым разным этносам. Это обстоятельство благоприятно сказывалось на нравственном состоянии общества, но религиозно-нравственный уровень самих церковных общин, наполнившихся вчерашними или позавчашними язычниками, которые принимали новую для себя веру часто не по причине сердечного обращения, а подчиняясь потоку жизни — майнстриму, неизбежным образом понизился в сравнении с эпохой гонений.

«Огромные толпы народа, присутствовавшего на службе, – писал протоиерей Иоанн Мейендорф, – состояли из христиан только по названию, и эти люди вряд ли были способны удовлетворить требованиям, предъявляющимся к регулярно причащающимся. Начиная с Иоанна Златоуста духовенство стало проповедовать приуготовление, пощение и самоиспытание как необходимые предусловия Причащения»⁹³⁹. Это верно подмеченная перемена в литургической жизни Церкви, но, как кажется, получившая в этом пассаже не сбалансированную негативную оценку. Между тем при многократном росте числа христиан, когда главным стимулом обращения не были религиозные искания, эта черта религиозной жизни сложилась неизбежным образом. Альтернатива, то есть отказ Церкви принимать обратившихся язычников, вера и жизнь которых не выдерживали строгой экзаменовки, значила бы отказ от того союза с империей, инициатором которого явился святой Константин. Донатисты и новациане отвергли дар Константина, а Кафолическая Церковь его приняла, пойдя на компромисс, но не в самой вере, где он неуместен и невозможен по самой природе вещей, а в дисциплине – иными словами, прибегая к икономии в духе Христа, Который пришел спасти не святых, но грешников со всем возможным снисхождением к немощам кающихся.

Церковь должна была гармонизировать свои отношения с государством, существовавшим задолго до Р. Х. и в своем законодательстве, в своем политическом предании сохранившим наследие древности, которое оно постепенно под духовным водительством архипастырей и пастырей очищало от специфически языческих элементов. Одним из узлов взаимодействия государственной и церковной юрисдикции применительно к частной жизни были матримониальные отношения. В Римской империи граждане вступали в брак чрез посредство государственной магистратуры, и этот порядок сохранялся в течение нескольких веков после Константина Великого. Но к началу VI века почти все римские граждане были одновременно и христианами. Поскольку брачная жизнь христиан должна была соответствовать евангельским

заповедям, христиане, вступая в брак по гражданским законам Римской империи, предварительно испрашивали на него благословение своего епископа. Таким образом, они вступали в брак и через церковное благословение, и через принятый в римском государстве юридический договор.

Семейную жизнь вело большинство христиан, но те из них, которые выбирали безбрачие и давали монашеские обеты, пользовались исключительно высоким уважением и авторитетом в народе. В V столетии стремительно росло число монашествующих и число монашеских обителей. Судя по тому, как проходил разбойничий собор в Эфесе, некоторые из иноков, имея ревность паче разума, злоупотребляли своим влиянием на народ, так что Халкидонский Собор вынужден был принимать правила, строжайшим образом подчинявшие монастыри и монахов епископской власти, вводившие их в колею церковной дисциплины.

Но истинное лицо монашества этой эпохи представляют всетаки не Евтихий и Варсума, а смиренные молитвенники и аскеты, одним из которых был преподобный Савва Освященный. Он родился около середины V столетия в Каппадокии в семье офицера. Уехав по делам службы в Александрию, отец преподобного оставил сына на попечение дяди, и в 8 лет тот был принят в находившийся поблизости от его родного города монастырь святой Флавианы. Спустя 10 лет родители настаивали на том, чтобы он вышел из обители и женился, но Савва остался в монастыре и в 17 лет принял постриг. Через 10 лет он отправился на Святую Землю и, поклонившись святыням Иерусалима, поступил в обитель близ Иордана, основанную преподобным Евфимием Великим, а тот посоветовал ему перейти в близлежащий общежительный монастырь аввы Феоктиста. После преставления старца Феоктиста его преемник благословил Савву, которому в ту пору было около 30 лет, уединиться в затворе, из которого он выходил в монастырь для участия в богослужении и принятия пищи раз в неделю, в субботу, а затем он взял на себя подвиг полного затворничества, не выходя из пещеры в течение 5 лет. Позже он снова поступил под руководство преподобного Евфимия и вме-

сте с ним удалялся в пустыню, расположенную вблизи Мертвого моря, пребывая там каждый год с 4 января до Входа Господня в Иерусалим. Евфимий Великий называл своего ученика отроком-старцем.

После преставления святого Евфимия, в 473 г., его ученик переселился в пещеру вблизи обители преподобного Герасима Иорданского. Несколько лет спустя туда стали приходить другие иноки, искавшие его наставничества в духовной жизни. Так, в 484 г. была основана знаменитая Лавра преподобного Саввы, прозванного Освященным ввиду изобилия благодати, дарованной ему от Бога. «По указанию свыше (через огненный столп) иноки устроили в пещере церковь... Многие чудеса были явлены по молитвам преподобного Саввы: среди Лавры забил источник, во время засухи пролился обильный дождь, происходили исцеления больных и бесноватых»⁹⁴⁰.

Когда в правление Анастасия в Палестине развернулась борьба между монофизитами, которым покровительствовал император, и православными диафизитами, Лавра преподобного Саввы стала главной опорой Православия в Палестине и на всем Востоке. Святой Савва поддержал православного патриарха Иерусалима Илию, который занимал кафедру апостола Иакова с 494 г., после кончины своего предшественника Саллюстия. В 509 г. под давлением Анастасия Антиохийский патриарх Флавиан подписал «Энотикон», после чего Патриарх Илия заявил о приверженности своей церкви Халкидонскому оросу. Два года спустя патриарх Илия направил в столицу империи делегацию монашествующих во главе с преподобным Саввой, и ввиду его огромного авторитета среди православных халкидонитов император принял делегацию, беседовал со святым ревнителем Православия, но переменить свою позицию не захотел. Пребывая полгода в Константинополе, святой сплотил столичных халкидонитов, вдохновил их на исповедническое стояние за Халкидонский орос.

После неудачного восстания против Анастасия, которое вспыхнуло под знаменем защиты Православия, император в 512 г. распорядился низложить колебавшегося Антиохийского

патриарха Флавиана, чья подпись под «Энотиконом» была вынужденной, и заменить его последовательным монофизитом Севиром. Столичный престол после низложения святого Македония занимал признавший «Энотикон» Тимофей. Александрийский престол занимал монофизит Иоанн Никиот – в Александрии православных патриархов не было с 483 по 539 г. На христианском Востоке оставался единственный православный патриарх Илия. Но 20 июля 516 г. и он был низложен по указанию императора. Для подавления возможных протестов со стороны диафизитов, составлявших большинство христиан Святой Земли, в Иерусалим были введены войска под командованием правителя Палестины Олимпия. На Иерусалимский престол был возведен Иоанн, согласившийся подписать злополучный «Энотикон».

Тогда в базилике первомученика Стефана, расположенной в окрестностях Иерусалима, состоялось собрание епископов и монахов Святой Земли. На нем преподобный Савва и Феодосий Кинонарх, взойдя на амвон, провозгласили: «Четыре Собора, четыре Евангелия»⁹⁴¹ – и изрекли анафему всем, кто отвергает учение четырех Вселенских Соборов. Персональная анафема провозглашена была и Севиру Антиохийскому. Этот акт вызвал поддержку со стороны участников собрания и затем, когда о нем стало известно, значительного большинства палестинских христиан... Со своей стороны император Анастасий также решил временно прекратить давление⁹⁴² на Иерусалимскую церковь.

Незадолго до своей кончины, уже в правление святого Юстиниана, в 531 г., преподобный Савва Освященный совершил поездку в столицу, чтобы просить императора о денежной помощи на восстановление церквей и монастырей Палестины, разрушенных в ходе восстания евреев и самарян, и это трудное путешествие старца преклонных лет не осталось бесплодным – Юстиниан выделил значительные средства на восстановление святыни. Преподобный Савва Освященный отошел ко Господу вскоре по возвращении в основанную им Лавру в 532 г.

Преподобный Савва составил в виде наставления своему преемнику авве Мелессию богослужебный устав, или «типик», который был потом принят в монастырях Святой Земли, получив впоследствии название Иерусалимского; в значительно переработанном виде он лег в основу порядка богослужения, совершаемого в Православной Церкви поныне.

На характер богослужения и еще более на его богословскую интерпретацию огромное влияние оказал корпус сочинений, написанный неизвестным автором на рубеже V и VI столетий и усвоенный ученику апостола Павла Дионисию Ареопагиту – так называемые «Ареопагитики». Первые ссылки на Ареопагитический корпус, в который входят такие творения, как «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «Об именах Божиих» и «Мистическое богословие», относятся к началу VI века. Они принадлежат монофизиту Севиру Антиохийскому и толкователю Апокалипсиса святому Андрею Критскому. В 530-е-540-е гг. Иоанном Скифопольским, составителем жития преподобного Саввы Освященного, были написаны первые комментарии на «Ареопагитики». На них как на подлинное творение Дионисия Афинского ссылались позже Леонтий Византийский, Максим Исповедник и Иоанн Дамаскин, на Западе – папы Григорий Великий и Мартин Исповедник. «Ареопагитики» были переведены на сирийский, коптский, армянский, арабский и латинский языки.

По словам протоиерея Георгия Флоровского, «вплоть до эпохи Возрождения сомнений в древности и подлинности Ареопагитик... не возникало ни на Востоке, ни на Западе, – кроме, быть может, патриарха Фотия... Только с началом новой филологической критики в XVI веке вопрос об Ареопагитиках был впервые поставлен – сперва Георгием Трапезундским, Феодором Газским, на Западе Лоренцо Валлою и Эразмом, потом Сирмондом, Пентавием и Тиллемоном, – позднее происхождение Ареопагитского сборника было показано совершенно ясно»⁹⁴³. Предпринимавшиеся до сих пор попытки обнаружить действительного автора «Ареопагитик», которого отождествляли с монофизитами Севиром Антиохийским или Петром Ивером, не могут быть признаны доказательными.

Огромный и заслуженный авторитет этого корпуса творений на протяжении полутора тысяч лет в церквях разных конфессий не может опираться на имя его в действительности неизвестного автора, но лишь на его высокие и бесспорные внутренние достоинства.

Главная тема «Ареопагитик» – учение о богопознании, в котором автор корпуса следует за Василием Великим и Григорием Нисским. Бог, по нему, непостижим в своей сущности, но открывается в Своих «сущетворных исхождениях», в Своих «благодетельных промыслениях», в Своих силах и энергиях. «Не следует... ни думать, ни говорить о пресущественном и сокровенном Божестве ничего кроме того, что нам Божественно открыто в Слове Божиим»⁹⁴⁴. Резюмируя учение «Ареопагитик» о богопознании, Георгий Флоровский писал: «Познание никогда не проникает в сокровенные и неизреченные глубины Божественной жизни... Бог постижим и описуем двояко. Или чрез резкое и решительное противопоставление миру, т.е. через отрицание о Нем всех речений и определений, свойственных и подобающих твари... Или чрез возвышение всех определений, прилагаемых к твари... Так открываются два пути богопознания и богословия: путь положительного, или капафатического, богословия, и путь богословия отрицательного, или апофатического. И путь апофатического богословия есть высший, – только он вводит в тот Божественный мрак, каким является для твари Свет неприступный»⁹⁴⁵. Катафатическое богословие является одновременно учением о творении и Промысле Божиим. Все в мире, сотворенном Богом, исполнено высшей гармонии и поэтому иерархично. Иерархия – это «священный чин, знание и деятельность, по возможности уподобляющаяся Божественной красоте и, при озарении, сообщаемом ей свыше, направляющаяся к возможному Богоподражанию»⁹⁴⁶. Зло автор «Ареопагитик» не считал самосущим, это только порча и помрачение, ничто из сотворенного Богом не может быть злым по своей природе. Некоторым образом зло – это только мнимость, и хотя он не писал о конечном исчезновении зла, но в своих рассуждениях о зле и грехе он определенным образом сближается со святым Григорием Нисским, но также и со своим

старшим современником неоплатоническим философом Проклом, автором сохранившегося в латинском переводе трактата *De malorum substantia* (О сущности зол).

Высшую степень иерархии тварного мира, по «Ареопагитикам», занимают ангельские чины. Именно в этом корпусе творений систематизировано церковное учение о девятичленной небесной иерархии, состоящей из трех триад, первую из которых составляют Херувимы, Серафимы и Престолы, вторую – Господства, Силы и Власти, и третью – Начала, Архангелы и Ангелы. На каждой низшей ступени небесной иерархии умалется сила божественных озарений, которые в высочайшей мере, доступной для тварных существ, открываются на высшей ступени Херувимов. Ангелы, стоящие на нижней ступени девятичленной иерархии, ближе высших чинов к земному миру. Они приставлены к народам и отдельным людям как их хранители.

За небесной иерархией следует иерархия земная. Высшая цель человека в общении с Богом, путь к богообщению ведет чрез участие в церковных Таинствах. Поэтому на высшей ступени земной иерархии стоят совершители Таинств – «иерурги»: епископы, или иерархи, пресвитеры и диаконы, которые в «Ареопагитиках» именуются также литургами, призванными способствовать «очищению», или приуготовлению мирян к крещению. В мирском чине автор «Ареопагитик» также находит три чина, высший из них составляют монахи, или терапевты, призванные вести «монадическую», целостную жизнь, всецело устремленную к богообщению, второй чин – это участники Таинств, священный народ, то есть крещеные христиане, и, наконец, третью степень составляют нуждающиеся в очищении оглашенные, а также кающиеся и одержимые.

В «Ареопагитиках» упоминаются три Таинства: крещение, миропомазание и Евхаристия, которая является средоточием мистерияльной жизни Церкви, и каждому из Таинств дается развернутая символическая интерпретация. При этом, как писал протоиерей Георгий Флоровский, автор «Ареопагитик» «стремится к симметрии и параллелизму, – отсюда иногда насильственные сопоставления. Обращает на себя внимание постоянное

употребление выражений, взятых из словоупотребления мистерий, часто вместо освященных церковным обычаем названий и слов. Вряд ли случайно, скорее с умыслом, – чтобы с особой четкостью противопоставить истинные “мистерии» Церкви мнимым языческим “таинствам”»⁹⁴⁷. Протоиерей Иоанн Мейендорф упрекал автора «Ареопагитик» в том, что он способствовал «отчуждению духовенства от верующих и приданию литургии характера скорее зрелища, чем общего действия всего народа... А Церковь с готовностью принимала это, будучи, также и по иным причинам, озабоченной сохранением таинственного характера культа и недопущения профанации со стороны масс, которые ныне заполнили храмы»⁹⁴⁸.

Корпус «Ареопагитик» был написан в эпоху христологических споров, но эти споры в нем не нашли отклика. Благодаря именно этому до известной степени парадоксальному обстоятельству, автора «Корпуса» патрологи ищут как в православных, так и в монофизитских кругах. В этих творениях вообще не много упоминаний имени Господа Иисуса Христа. Богомыслие их автора трудно охарактеризовать как христоцентричное, отсюда идет подчеркивание в литературе, посвященной «Ареопагитикам», их зависимости от неоплатонической традиции. Влияние неоплатонизма их автор, несомненно, испытал, но более важным и принципиальным было влияние, исходившее из бесспорного и чистого источника, – творений Каппадокийских отцов. Автор «Ареопагитик» часто вступает в неявную полемику с неоплатониками, прибегая при этом к языку и логике, внятным приверженцам этой философской школы. Порой создается впечатление, что эти творения написаны были отчасти и с миссионерской целью, чтобы привлечь ко Христу последних из остававшихся еще философствующих «эллинов» – в ту эпоху это слово утрачивало окончательно прежнее нейтральное этническое значение, становясь негативным и одиозным термином для обозначения язычников.

16. Цивилизация Римской империи V столетия

В V веке римское общество стало христианским. Христианский облик приобрела и его культура, в которой однако сохранялись стилистические черты, выражавшие ее связь с античным наследием – происходил культурный синтез, который однако не затрагивал содержания христианской веры, составлявшей духовное ядро греко-римской цивилизации этой эпохи.

Рудименты язычества, не затронутого христианским благовестием, не исчезли совершенно из жизни общества, но приобрели маргинальный и экзотический характер. В сельской глубинке, особенно на периферии империи, оставались еще не крещеные крестьяне, или, лучше сказать, *pagani* – «поганные», потому что русское слово «крестьянин», как хорошо известно, представляет собой как раз трансформацию слова «христианин». Особенный класс жителей империи составляли федераты, в основном из разноплеменных германцев, среди которых встречались и язычники и православные христиане, но их своего рода национальным исповеданием стало арианство. В столице на Тибре жили еще сенаторы, державшиеся за исконную религию Римской республики, в чем они находили один из источников возгревания своей сословной спеси. В Афинах еще не была закрыта академия, в которой по преимуществу преподавали язычники.

Греко-римское общество в V столетии сохраняло высокий культурный уровень античной цивилизации везде, где оно не подверглось деформации в результате варварских завоеваний, массового проникновения варваров или прямых разрушений и истребления местного романизованного населения. Самый удручающий пример выкорчевывания развитой культуры явлен был в Британии, но тяжелые утраты понесли также придунайские и альпийские провинции, Африка, в меньшей мере, Галлия и Испания, варваризации подверглась даже Италия. Но там, где сохранялась сложившаяся структура позднеантичной цивилизации, уровень массовой культуры оставался на высоте, совершенно не сопоставимой со

средневековой Европой. Римский народ, в особенности на востоке империи, где он предпочитал называть себя по-гречески ромейским, оставался в преобладающем большинстве народом грамотным, это в полной мере относится к горожанам, но и среди сельских жителей грамотные люди не представляли собой исключения.

Духовным стержнем римского общества эпохи завершения его христианизации стала Церковь, институциональную основу его внешней культуры составляла школа, которая оставалась массовой и широко доступной, во всяком случае таковым было начальное образование. Новым явлением в образовательной системе империи стало появление монастырских школ, в которых обучались не только монахи и послушники, но и дети, которых родители отдавали туда не для того, чтобы они принимали постриг или становились клириками, а чтобы они одновременно с научением грамоте получали христианское воспитание и навык к чтению духовных книг, в чем благочестивые люди видели несомненную пользу при выборе любого поприща профессиональной деятельности. Как и в прошлые века, сохранялась практика домашнего обучения родителями, грамотными рабами или нанятыми учителями, но преобладающее большинство детей учились читать, писать и считать в школах – по преимуществу частных, за обучение в которых надо было платить, и государственных – бесплатных или льготных, причем они существовали не только в городе, но и в сельской местности и охватывали более широкий круг детей, чем, например, начальные школы – городские училища, земские и церковно-приходские – в России на рубеже XIX-XX веков. В начальной школе обучение велось на одном, чаще всего родном, языке ребенка; преобладал греческий, в оскудевшей населением и подвергшейся культурной деградации западной части империи – латинский, но на Востоке в школьном употреблении были и другие письменные языки, известные в империи: коптский, сирийский, армянский.

Продолжительность обучения в начальной школе составляла два или три года, и поступали в нее в 6, 7 или 8 лет, иногда в более зрелом возрасте. Девочек чаще обучали грамоте

дома, но существовали и такие школы, которые предназначены были для них, в особенности в женских монастырях. Совместное обучение детей разного пола не практиковалось. Характеризуя методы обучения в начальной школе, византолог А. Гийу писал: «Ученики учили буквы, потом слоги, потом целые слова. Слоги, а потом и тексты читали хором и учили наизусть, базовыми текстами были псалмы (автор писал это о византийской школе без хронологической привязки, преобладание псалмов в обучении чтению относится к более поздней эпохе, когда общество стало монолитно христианским, в V веке среди самих учителей встречались еще язычники, а кроме того, сохранялись античные традиции и в выборе текстов. – В.Ц.). Писали на дощечках. Их помещали на колени или на камни, иногда использовали счеты – табличку, на которой были выдолблены отверстия с цифрами, ученики клали пальцы в соответствующее отверстие»⁹⁴⁹.

В отличие от начальной школы, средняя, обучение в которой продолжалось около 10 лет, предполагала оплату, доступную состоятельным родителям или тем, кто принадлежал к среднему классу: чиновникам, офицерам, торговцам, лицам свободных профессий, владельцам мастерских. Дети чиновников в таких школах, вероятно, преобладали, потому что окончание средней школы в большинстве случаев являлось непременным условием для того, чтобы идти по стопам отца и быть принятым на муниципальную или государственную службу. С худшим образованием можно было заниматься бизнесом или сделать военную карьеру, хотя малограмотные военачальники в римской армии представляли собой все-таки исключение, более терпимое, если речь шла о выходцах из варварских народов. В то же время окончание средней школы открывало путь к чиновной карьере простолюдину. Сословные перегородки в империи были несравненно более проницаемыми, чем в феодальной и абсолютистской Европе, и в этом отношении римская правовая система стояла ближе к современному бессословному обществу. В грекоязычной части империи средние школы существовали повсеместно в провинциальных столицах, но также и в более мелких городах. В крупных

культурных центрах вроде Константинополя, Александрии, Антиохии или Фессалоник их число могло превышать один десяток. На разоренном Западе многие школы вынуждены были закрыться. Средние школы могли быть государственными и частными, учителями в них обыкновенно трудились философы – лица, получившие высшее образование. Число учащихся в каждой из таких школ доходило до нескольких сот.

В основе учебной программы средней школы, как и прежде, лежали классические тривиум и квадравиум. В большинстве из них в разном объеме изучались оба классических языка – греческий и латинский, но, поскольку родным для большинства учеников, ввиду более высокого уровня образования в восточной половине империи, был греческий, то и его присутствие в школьном образовании было более масштабным, несмотря на то что государственным языком, а следовательно, и языком делопроизводства правительственных канцелярий оставалась еще латынь.

Характерной чертой в постановке преподавания греческого языка было значительное расхождение между разговорным греческим этой эпохи, представлявшим собой дальнейшую стадию в развитии койне, и тем классическим языком Демосфена, Фукидида, Платона, который преподавался в школе. Ученики под руководством преподавателей читали поэмы Гомера, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, комедии Аристофана. Читались также ветхозаветные тексты, переведенные на койне и на нем же написанные Новозаветные книги, а также, в меньшей мере, – творения отцов Церкви, особенно Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, написанные на языке классическом. Школьники изучали грамматику, риторику, философию, математику, астрономию, музыку. Изучение истории занимало в образовании периферийное место, главным образом оно состояло в чтении текстов Геродота, Фукидида и Ксенофонта. В средней школе преподаванию права не придавалось особенно важного значения, хотя многим из выпускников, поступавшим на государственную или муниципальную службу, поневоле приходилось затем приобретать знания в этой области ввиду потребностей их професси-

ональной деятельности. Медицина и техника тем более не входили в учебные планы средней школы.

Сохранился замечательный текст, характеризующий, в несколько хвастливом тоне, объем знаний, который приобретали в подобной школе. Он, правда, относится к значительно более поздней эпохе, началу VIII века, но при высокой степени стабильности имперских институтов, установлений и традиций, не многое, вероятно, изменилось в постановке учебного дела за два столетия, прошедших со времени императора Анастасия. Это сетование захваченного арабами в плен уроженца Сицилии монаха Космы, которого выкупил из рабства отец преподобного Иоанна Дамаскина, сделав его учителем своего сына: «Меня печалит... что, проникнув в глубины человеческого знания, я, упражнявшийся в риторике, знающий методику и приемы дискуссии, познавший мораль Аристотеля и Аристона Хиосского, изучивший все, что доступно человеку в познании природы, научившийся арифметике, глубоко постигший геометрию, с успехом сопоставляющий аккорды гармонии и музыки, я, знающий небесное движение и изменения звезд и, благодаря своим знаниям, постигший величие и красоту созданий, способный провести аналогии с учением Создателя, я, изучивший тайны теологии, оставленной нам греками и объясненной четко и ясно нашими теологами, наполненный этими знаниями, –я не нашел, как из них можно извлечь выгоду»⁹⁵⁰.

В крупных культурных центрах Эллады, Египта, Сирии, а также Сицилии и Италии сохранились высшие школы. Приезжая в университетский город, абитуриенты обязаны были представить в городскую магистратуру документы о своем происхождении и состоянии родителей, заявить об избранной им специальности и сообщить свой городской адрес. «Местная полиция должна была следить за поведением молодых людей; в случае нарушения дисциплины они подвергались наказанию и теряли право на пребывание в университетском городе»⁹⁵¹. Высшее образование в Римской империи, в отличие от среднего, носило специализированный характер. При этом в рамках одной школы могли быть разные направления, или специальности, подобные позднейшим средневековым

факультетам. В Александрии главным образом изучали астрономию с астрологией, медицину и богословие, в Бейруте – юриспруденцию, в Нисибине – медицину и богословие. Знаменитая Афинская академия оставалась оплотом внешней, профанной философии.

По указу Феодосия Малого в 425 г. была учреждена высшая школа в имперской столице, названная позже «Аудиторией», потому что для нее было построено здание с просторными аудиториями, в которых студенты слушали лекции профессоров. По своей многопрофильное™ это был действительно университет. По штатному расписанию в нем предусматривались кафедры для 31 профессора: трех латинских и пяти греческих раторов, или софистов, десяти греческих и десяти латинских грамматиков, одного философа и двух юристов. Профессора получали солидное жалование из казны, в связи с чем им воспрещалось давать частные уроки. По своему статусу они были чиновниками, и даже высокопоставленными: при открытии университета несколько профессоров были возведены императором в сан комитов, которым удостаивались среди прочих президы провинций. Остальным предоставлялось право быть возведенными в этот титул при условии успешного прохождения преподавательской карьеры в течение 20 лет. «Новый христианский центр просвещения в Константинополе явился опасным соперником для Афинской языческой школы, которая приходила во все больший упадок. В последующей истории Византии высшая школа Феодосия II явится тем очагом, около которого будут объединяться лучшие умственные силы империи»⁹⁵².

Хотя в V столетии Афинская школа склонялась уже к закату, но популярность ее еще была велика и в этом веке в ее аудиториях читал лекции один из крупнейших философов неоплатонизма – последний из могикан язычества Прокл, прозванный Диадохом, то есть преемником своего предшественника по возглавлению школы. Он родился в 410 г. в Константинополе в семье выходцев из ликийского города Ксанфы, учился в Александрии у философа-перипатетика Олимпиодора и у математика Герона и в Афинах у неоплатоника Плутарха и его

дочери Асклепигении, которая обучила его теургической оккультной практике, а затем у Сириана. Прокл вел аскетическую жизнь, не вступал в брак, не вкушал мяса и соблюдал особые посты, которые практиковались почитателями Кибелы; его биограф Марин писал о его общении с являвшимися ему богами. Прокл преподавал философию и математику и написал многочисленные сочинения по этим наукам, значительная часть которых дошла до нас в греческом подлиннике, а некоторые – в переводе на латинский язык. Среди них «Элементы теологии», «О богословии Платона», «О “Тимее” Платона», «О десяти сомнениях касательно Промысла», «О сущности зла», «Комментарии к I книге “Элементов» Евклида». Ученый прожил по тем временам долгую жизнь и умер в 485 г.

В его трудах приведены в систему идеи неоплатоников. В основе его философской системы «лежат три идеи: 1) ... о первом начале, или Божестве, как превосходящем всякое понятие и определение, сверхсущем и неизреченном; 2) общая с Плотинном и другими неоплатониками идея о трех “начальных ипостасях” – Едином, или Благе, Уме и Мировой Душе; 3) более специально принадлежащая Проклу... идея тройственного диалектического закона мирового развития»⁹⁵³. Этот закон заключается в том, что все существующее и всякое отдельное существо неизбежным образом проходит три стадии: пребывание в себе, выступление из себя и возвращение к себе. Эта конструкция предваряет знаменитую в новое время гегелевскую диалектическую схему, с той только существенной разницей, что у Гегеля диалектический процесс составляет самую суть бытия, а у Прокла – это только форма процессов, не затрагивающая онтологии.

Триадологическую конструкцию Прокл усваивает и миру богов. Кронос, по нему, – это чистый Ум, Рея – животворящая сила, а Зевс-Зиждитель – самомыслящий творческий ум, который из себя выводит все роды существ с помощью младших богов-зиждителей. Мировая Душа, связывая умопостигаемый мир с чувственным миром, расчленяется на множество иерархически соподчиненных одушевленных

существ – божественных, демонических, астральных, человеческих и животных. У Прокла, как и у других неоплатоников, все элементы природы одушевлены, а материю он выводил из начала умопостигаемой беспредельности. В связи с этим он усваивал материальность, или телесность, богам, отличительным признаком низших существ признавая не телесность как таковую, но сложность и грубость их телесного строения, в отличие от тел высших существ, которым свойственна простота.

Зло Прокл считал не следствием телесности и материальности, а видел его в искаженной ориентации, в предпочтении миру умопостигаемому чувственных вещей, в привязанности к ним. В природных катаклизмах и болезнях философ усматривал либо естественное следствие мирового устройства, необходимые условия бытия, либо проявления божественной педагогики, нацеленной на исправление и совершенствование миропорядка, на установление большего и лучшего блага. Высшей силой человеческой души Прокл считал способность к непосредственному восприятию Единого. В ней он видел цвет человеческой сущности, именуя ее единым в душе, высшим ума. А пребывание души в состоянии такого восприятия Абсолюта он называл мистическим энтузиазмом, или священным безумием. Прокл разделял учение Платона о метампсихозе – переселении душ, исключая однако возможность вселения человеческой души в тело животного. «Историческое значение Прокла, – по оценке А. Ф. Лосева, – определяется не столько интерпретацией мифологии, сколько тонким логическим анализом, непосредственно не связанным ни с какой мифологией, ни с какой метафизикой и представляющим огромный материал для изучения истории диалектики»⁹⁵⁴.

Самым прославленным западным, латиноязычным философом рубежа V-VI столетий был Боэций, полное имя которого состояло из многих элементов, включавших имена родов его знатных предков – Анций Манлий Торкват Северин Боэций. Он родился около 475 г. в богатой семье, принадлежавшей старинному сенаторскому роду Анциев, его отец Флавий Анций

Манлий Боэций был консулом в 487 г., а тестем знаменитого философа был Квинт Аврелий Симмах, консул 478 г. Боэций получил блестящее образование, которое он, возможно, завершил в Афинской школе. Косвенным образом об этом говорит адресованное ему письмо, составленное от имени готского короля Теодориха начальником королевской канцелярии Кассиодором: «Я знаю, что ты сумеешь внутреннее действие тех искусств, которыми люди обычно занимаются практически, не зная их свойств. Ты давно вошел в Афинскую школу»⁹⁵⁵. «Слова Кассиодора: “*Atheniensium scholas longe positus introisti*” некоторыми учеными толкуются иносказательно, другие считают, что Боэций действительно учился в Афинах»⁹⁵⁶. Боэций сделал блестящую государственную карьеру на службе при дворе короля Теодориха Великого и в 510 г. удостоился консульского звания. В 522 г. он был назначен на высшую государственную должность магистра оффиций и ради заслуг отца два его несовершеннолетних сына были награждены консулатом – высшим отличием в Римской империи, которое сохранено было при правлении Италией Остготского короля.

Но в 524 г. Боэций пал жертвой подозрительности Теодориха. Обвинение в заговоре и измене было предъявлено сенатору и патрицию Альбину. Боэций защищал его, за что навлек на себя гнев Теодориха, который и его заподозрил в участии в заговоре. По приказу короля он был арестован, заключен в тюрьму в городке Кальвенцане близ Медиолана и там казнен после мучительных пыток. В следующем, 525 г. смертный приговор был вынесен и его тестю Симмаху, который открыто обвинял короля в несправедливой расправе с Боэцием.

У Прокопия есть замечательный рассказ о гибели Боэция и Симмаха и раскаянии, которое испытывал Теодорих после убийства своих советников и помощников: «Они пользовались большой славой и вызвали зависть злых людей, которые лживыми речами убедили Теодориха, что они оба готовят переворот. Теодорих казнил их и наложил запрет на их имущество, перешедшее в его казну. Через несколько дней после убийства, когда Теодорих сидел за обеденным столом, слуги поставили

перед ним голову большой рыбы. Она показалась ему похожей на голову Симмаха. Голова смотрела на короля ужасающим образом, прижав зубы к нижней губе; взгляд рыбьих глаз был пристален и зловещ. Нежданный ужас обуял короля. Дрожа он побежал к своему ложу. Теодорих закутался с головой в одеяло, которое по его повелению принесли ему добропоспешающие слуги. Был призван врач Эльпидий, и Теодорих поведал ему со слезами о преступлении, им совершенном. Но муки и угрызения совести непрестанно терзали его, и вскоре после этого он скончался»⁹⁵⁷.

Бозций не был оригинальным философом и ученым. Он не стремился к открытиям, к исследованию неведомых ранее тайн природы, а видел свою задачу в передаче научного и культурного наследия эллинизма латинскому Западу. Он замышлял перевести на латинский язык всего Платона и всего Аристотеля. Этому грандиозному проекту не суждено было сбыться, но он успел перевести «Категории» Аристотеля и его же труд «О толковании» (*De interpretatione*), снабдив последний двумя комментариями, которые признаются классическим трактатом по логике. Бозций написал также два комментария к «Введению» (Исагоге) Порфирия, переведенному ранее на латинский язык Марием Викторином. Он составил трактаты по арифметике (*De Institutione arithmetica*) и по музыке, которая в древности считалась математической дисциплиной (*De Institutione musica*). В его наследие входят также богословские трактаты: «Против Евтихия и Нестория», «Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества», «Могут ли “Отец”, “Сын” и “Святой Дух” сказываться о божестве субстанционально», принадлежность которых ему до открытия в конце XIX века отрывков из сочинений Кассиодора подвергалась сомнению.

В своих теологических трактатах Бозций предлагает виртуозно выполненный дифференцирующий анализ содержания греческих терминов «усиа», «физис», «просопон», «ипостась» и их латинских эквивалентов *substantia*, *essentia*, *subsistentia*, *natura*, *persona* и, проделав изощренное терминологическое и логическое исследование, прилагает его результаты к тринитарной и христологической темам. При этом он, по словам

Г. Г. Майорова, «приходит к выводу, что если говорить о Троице, то следует считать, что в ней одна сущность (усиа, эссенция), одна субсистенция (субъект сущности, усиос), но три субстанции и три лица (персоны, просопы). Он, правда, тут же оговаривает, что Церковь не позволяет говорить о Боге как о трех субстанциях, и... в дальнейшем следует... предписанию Церкви»⁹⁵⁸. В истории европейской мысли трактаты Боэция по богословию и философии явились своего рода мостом между патристикой и неоплатонизмом, с одной стороны, и средневековой схоластикой – с другой.

Боэций был переводчиком, комментатором, эрудитом и компилятором, философом, математиком и богословом, но в историю мировой культуры он вошел более всего своей написанной в тюрьме перед казнью книгой «Утешение философией» (*De consolatione philosophiae*). Текст «Утешения» состоит из чередующихся стихов и прозы, и начинается она стихотворной ламентацией, отражающей бедственное состояние, в котором оказался автор: «Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы, вынужден ныне на путь скорбный направить, увы! Снова, в слезах, мне писать повелевают Камены, с ликом заплаканным, вновь – на элегический лад.... Славою был я богат в юности ранней когда-то, ныне судьбу старика грустного им утешать. Беды ускорили старость, что наступила нежданно, и приказала болезнь с нею сдружиться навек. Снегом моя голова будто покрылась глубоким, немощно тело мое, старчески кожа дрожит»⁹⁵⁹.

Удрученному скорбью старику явилась затем персонифицированная в женском облике Утешительница Философия, и первым делом она распорядилась отогнать от одра окруживших его поэтических муз: «Кто позволил этим распутным лицедейкам приблизиться к больному, ведь они не только не облегчают его страдания целебными средствами, но, напротив, питают его сладкой отравой? Они умерщвляют плодородную ниву разума бесплодными терзаниями страстей и приучают души людей к недугу, а не излечивают от него. Но если бы их ласки увлекли кого-либо непросвещенного... я думаю, что перенесла бы это менее болезненно... Но его – возвращенного на учениях элеатов и

академиков?»⁹⁶⁰. Удалив муз, Философия сама принялась за дело – утешать удрученного жизнью страдальца. Первая из 5 книг «Утешения» по содержанию своему носит характер исповеди, вторая – моралистической диатрибы, третья – сократического диалога, четвертая и пятая – философского трактата. Книга завершается призывом к благочестивой жизни, благочестивым мыслям и молитвенной благодарности Богу: «Ведь существует же Бог, наблюдающий все свыше, все предзнающий: Он охватывает взором, всегда и извечно, как настоящие наши будущие деяния, определяя добрым награды, а дурным – наказания. Не пусты надежды на Бога и молитвы, ибо если они искренни, не могут остаться безответными. Поэтому отвернитесь от пороков, заботьтесь о добродетели, устремите свой дух к праведным надеждам, вознесите к небу смиренные молитвы. Великая и невыразимая необходимость благочестия возложена на все, ибо живете вы под оком всевидящего Судьи»⁹⁶¹.

Как верно заметил И. Н. Голенищев-Кутузов, «ничто не противоречит христианской морали в этой книге, но в ней нет прямых указаний на Св. Писание»⁹⁶². Это парадоксальное обстоятельство исследователи Боэция пытались объяснить самыми разными причинами. «Некоторые считали, что религиозность Боэция была не достаточно глубокой, поэтому в роковой момент своей жизни он доверился не религии, а той, кому он всегда был безраздельно предан и на кого возлагал наибольшие надежды, – философии. А. Момильяно... пришел даже к выводу, что Боэций перед смертью отрекся от христианства... В наш век одни (Р. Картон, Э. Силк, Э. Жильсон) находят в «Утешении» христианский (августинский) дух и неявные цитаты из Библии, другие, как Э. Рэнд, рассматривают эту книгу как философскую часть не законченного по причине смерти более общего труда, второй частью которого должна была бы служить книга религиозно-теологическая. Наконец, такие, как П. Курсель, связывают умолчание о его вере со спецификой той задачи, которую он ставил перед своим творчеством, а задачей его была легализация свободного философ-

ствования в рамках теоцентрической средневековой культуры»⁹⁶³.

Г. Г. Майоров высказывает еще одну гипотезу на этот счет, полагая, что, находясь в заключении, Боэций не терял надежды на оправдательный приговор, и тогда «его нежелание касаться вероисповедальных тем в философской книге становится понятным: ведь именно конфессиональные и богословские разногласия явились той искрой, от которой затаенная вражда между готами и римлянами вспыхнула с новой силой»⁹⁶⁴. И в самом деле, отправной точкой в преследовании Боэция и Симмаха явилось подозрение арианина Теодориха, что эти сановники вступили в преступный, с его точки зрения, сговор с единоверным им императором Нового Рима, даром что верховенство императора Теодорих признавал юридически, рассматривая контролируемую им территорию как интегральную, хотя и автономную часть империи, несмотря на ее политическую самостоятельность.

Во всяком случае в средневековую эпоху «Утешение философией» не вызывало подозрения относительно чистоты христианской веры ее автора. Это была одна из самых читаемых на Западе книг в эпоху раннего средневековья, и поэтому с появлением письменности на национальных языках ее стали интенсивно переводить: король Альфред Великий перевел «Утешение» на англо-саксонский язык, монах Ноткер из Сент-Галленского монастыря – на древневерхненемецкий, автор «Романа о Розе» Жан де Мень – на старофранцузский. Трактат Боэция о Троице комментировал Фома Аквинат. Образ Боэция присутствует в X песни Дантевского «Рая»: «Узрев все благо, радуется там безгрешный дух, который лживость мира являет внявшему его словам. Плоть, из которой он был изгнан, сиром лежит в Чельдоро, сам же он из мук и заточенья принят в царство мира». В 1883 г. папа Лев XIII санкционировал местный культ Боэция в Павийской епархии, где его издавна почитали как христианского мученика.

Лучшими греческими историками V века были продолжившие, каждый по-своему, классический труд Евсевия Кесарийского: уроженец столицы Сократ, Созомен, родившийся близ

палестинской Газы, и блаженный Феодорит Кирский, сириец, писавший на греческом языке. Крупнейшим из современных им западных историков был выходец из Испании Орозий, который около 417 г. завершил работу над написанной под прямым влиянием блаженного Августина и продиктованной апологетической идеей историей мира – «История в семи книгах против язычников». Марсельскому епископу, а по другим сведениям, – священнику Сальвиану, родом из Трира, захваченному и разоренному франками в 418 г., в пору юности автора, принадлежит трактат «О Промысле Божиим» (*De gubernatione Dei*). В нем Сальвиан задается вопросом, почему варвары и язычники безнаказанно грабят и убивают римлян и христиан, и ответ на этот вопрос у него тот же, что давали русские летописцы по поводу нашествия на Русь Батыя: по грехам самих христиан они претерпевают мучения от варваров. Чтобы проиллюстрировать этот свой тезис, он рассказывает о злоупотреблениях римских чиновников, о беспощадной жадности крупных земельных собственников – галлов и римлян, о том, как они отягощают участь бедняков, вынужденных продавать своих детей, чтобы не умереть от голода, о восстании багаудов – нищих разоренных крестьян, о том, что бедные люди часто бегут с территорий, контролируемых римской властью, на земли, захваченные варварами, где они надеются устроиться более благополучно.

Самой актуальной и прагматической наукой в V столетии оставалось, как и в былые времена Римской империи, право. Трудami ученых юристов, близких ко двору Феодосия II, и правительственных чиновников создан был знаменитый кодекс, известный с именем этого императора. Комиссия, образованная указом Феодосия, работала над ним в течение 8 лет, и затем, 15 февраля 438 г., он был опубликован: вначале для восточной части империи, затем, с 1 января 439 г., актом императора Валентиниана III введен в действие и на Западе. Язык кодекса, естественно, латинский. Нужда в этом кодексе вызвана была тем, что до него в юридической практике приходилось прибегать к разрозненным императорским конституциям и эдиктам. Наличие противоречий между нормами разных актов затрудняло их использование, вносило путаницу в решение

судебных дел. Предшественниками этого сборника, на который могли опираться его составители, были два других ранее созданных кодекса: *Codex Gregorianus*, составленный при Диоклетиане и названный так, вероятно, по имени своего составителя, в который вошли императорские конституции от Адриана до Диоклетиана, и представляющий собой его продолжение *Codex Hermogenianus*, в который его составителем Гермогеном были включены акты Диоклетиана от 291 по 294 г. Обе эти компиляции до нас не дошли и известны только по цитатам из них.

При работе над кодексом Феодосия составителям было предоставлено право редактировать императорские конституции, устраняя имеющиеся в них противоречия, повторы, делая разумные сокращения и, главное, систематизируя законодательный материал по его содержанию. В кодекс вошло более 3 тысяч императорских конституций, начиная с правления святого Константина, а именно с 312 г. *Codex Theodosianus* состоит из 16 книг, разделенных тематически на главы, или *tituli*. Внутри глав законодательный материал помещен в хронологической последовательности. 1 книга посвящена источникам права, книги со 2 по 5 – праву частному (*jus privatum*), 6–15 – праву публичному (*jus publicum*), 16 книга – церковному праву (*jus ecclesiasticum*). Кодекс Феодосия сохранился с утратами – от книг с 1 по 6 и от 11 остались лишь незначительные фрагменты.

Кодекс Феодосия служил основным законодательным сборником до издания в правление Юстиниана нового и более грандиозного собрания *Corpus juris civilis*, создатели которого очевидным образом опирались на предшествующую компиляцию. *Codex Theodosianus* стал главным источником для издания законодательных сборников в варварских королевствах. Так, в начале VI века в Вестготском государстве появился законодательный сборник под названием «Римский закон вестготов» (*Lex romana visigotorum*) – он применялся по отношению к римским гражданам, жившим в королевстве и составлявшим там значительное большинство населения. Другое название сборника – «Бревиарий Алариха» – указывает

на имя короля, в правление которого он был введен в действие, и на то, что он представляет собой сокращенную версию кодекса Феодосия.

Римская империя, по крайней мере на востоке, сохраняла характер цивилизованного правового государства на всем протяжении своей истории. В ней действовало филигранно разработанное римское право, облагороженное и одухотворенное влиянием на него христианской этики. Законы, естественно, нарушались, иначе и не бывает, но они составляли надежную плотину для сохранения правопорядка и общественной нравственности против греховных и преступных посягательств как со стороны частных граждан, так и со стороны чиновников. Обильный свет на правоприменительную практику и ее восприятие людьми проливает одно место из «Сказания» Приска Панийского, который с дипломатическими целями побывал в ставке Аттилы в составе официального посольства, посланного императором Феодосием, и там встретил перебежчика, который беседовал с Приском на родном им обоим греческом языке. Оправдывая свой выбор, он стал язвительно говорить о порядках в империи, не в их пользу сравнивая их с образом жизни, который установился в гуннской орде: «Я предпочитаю настоящую жизнь своей прежней, ибо иноземцы, находящиеся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную: каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый; тогда как живущие под властью римлян во время войны бывают легко уводимы в плен», а «бедствия, претерпеваемые римлянами во время мирное, тягостнее тех, которые они терпят от войны, по причине жестокого взимания налогов и притеснений, претерпеваемых от дурных людей; ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дел своих, тот должен понести налагаемое законами наказание, если не умрет до решения своего дела, потому что тяжбы тянутся весьма долго и на них издерживается множество денег, а это дело самое гнусное – получать только за деньги то, что следует по закону. Обиженному не оказывается правосудия, если не даст денег судье и его

помощникам»⁹⁶⁵. Одним словом, перебежчик вспоминал о зле, которого едва ли смогло избежать какое бы то ни было из развитых обществ, в отличие от примитивных.

И Приск решил не оставлять инвективы собеседника без ответа: «Что касается случающейся продолжительности тяжёбных дел, тому причиной попечительность законов. Таким образом судьи поспешным и необдуманым решением дела не погрешают против правил осторожности, рассуждая, что лучше разбирать тяжбы долго и медленно, чем, поступая с поспешностью, не только обижать подсудимого, но и погрешать против Бога, Который есть источник правосудия. Законы поставлены для всех равно. Сам царь повинуется им. Несправедливо говоришь ты в обвинении своем, будто бы богатые притесняют бедных безбоязненно. Может быть, иной из них, быв виноват, укрывается от наказания суда; но мы видим, что в этом положении бывают не только богатые, но и бедные; ибо и они, быв виноваты, не получают наказания за свою вину, когда нет достаточных улик»⁹⁶⁶. Иными словами, в правосудии действует принцип презумпции невиновности, который в иных случаях позволяет при отсутствии веских доказательств виновному уйти от справедливого наказания. Затем Приск обратился к положению рабов, сказав: «Римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары. Они обращаются с ними, как отцы или наставники... Господа исправляют ошибки рабов, как собственных детей своих. Им не позволено предавать их смерти, как это водится у скифов. Рабы имеют много способов получать свободу. Господа не только посреди жизни, но и при смерти своей могут отпускать их на волю»⁹⁶⁷. Выслушав патристическую отповедь Приска, его собеседник вспомнил об утраченной родине и расплакался от охватившего его приступа ностальгии, потому что слова дипломата, очевидно, не противоречили его воспоминаниям о мире, в котором он жил, пока не оказался среди гуннов. Но не желая терять лица, он не удержался от резонерского обобщения: «Законы хороши, и римское общество прекрасно устроено; но правители портят и расстраивают его, не поступая так, как поступали древние»⁹⁶⁸.

В V столетии на греческом и латинском языках творили поэты незаурядного литературного дара. Одним из самых своеобразных среди них была супруга императора Феодосия Малого Евдокия, до крещения и замужества именовавшаяся Афинаидой, дочь профессора Афинской школы Леонтия. Евдокия составила стихотворные переложения библейских книг Захарии и Даниила, написала стихотворения, посвященные победе римской армии над персами и в честь города Антиохии, в котором ей оказана была при ее посещении триумфальная встреча. Но ее самое знаменитое сочинение – поэма «О святом Киприане». Из ее трех частей сохранились не полностью первая (без начала) и вторая (без окончания), а завершающая третья утрачена без остатка. Но сюжет поэмы известен также из ее краткого изложения, помещенного в «Миробиблионе» патриарха Фотия, который высоко оценил и содержание реферируемой им поэмы, и поэтическое мастерство ее автора.

Содержание первой части поэмы Евдокии святитель Фотий представил в таком виде: она «посвящена подвигам блаженной мученицы Юстины... Некий человек был охвачен любовью к ней и, так как усилия его были напрасны, пришел к искушенному в искусстве магии Киприану, прося его помочь погибающему от любви и на него направить помыслы девушки. Далее излагается, как Киприан пытался применить все способы волшебства и наигибельнейших демонов насылал на девицу, чтобы сломить ее целомудрие; но они были посрамлены, обессилены и отогнаны святым крестным знамением, как он узнал это от них самих. Поэтому он отказался от этих нечестивых помыслов и сжег все колдовские книги. Наконец, вскоре проникнувшись верой христианской, он принял крещение и был назначен священнослужителем в храме. Поэтому он и дар получил от Бога изгонять и болезни и демонов, а затем достиг и сана архиепископа»⁹⁶⁹.

Вторую книгу составляет исповедь Киприана, в которой он с покаянием рассказывает о своей прошлой жизни начиная с детства и заканчивая обращением ко Христу. В 10 лет он уже прислуживал на Элевсинских мистериях и на Панафинеях, но затем удалился на гору Олимп. В течение пяти лет он пре-

давался созерцательному оккультному опыту, общаясь с теми, кого считал тогда богами и кто, как он понял впоследствии, в действительности являлись злыми духами. Он много путешествовал и много повидал: в Спарте он видел деревянного идола Артемиды, во Фригии изучил искусство гадания по внутренностям животных. Одновременно с оккультной практикой кающийся Киприан рассказывает и о том, как он постигал закономерности природных явлений: «Понял, как воздуха вихри весь мир обтекают по кругу, понял родство меж струей водяной и землей плодородной, между потоком дождя и божественной воздуха силой». Посетив Мемфис, Киприан спускался в подземное царство, общался и там с духами лжи, зависти, мести. Свое обучение магии он завершает в 30 лет постижением тайн астрологии – «халдейской науки». Тогда к нему и обратился Аглаид, полюбивший Юстину, с просьбой приворожить ее. Но все усилия его оказались тщетными. Киприан «начинает творить всевозможные злодеяния, в которых он кается... Ужасы здесь нагромождены со всей силой фантазии»⁹⁷⁰.

Достигнув предела на пути злодеяний, Киприан приходит в отчаяние, и тут ему встречается старец Евсевий, который смог переубедить его и обратить к вере во Христа, после чего Киприан сжег имевшиеся у него трактаты по магии. В третьей, утраченной книге, содержание которой известно из изложения патриарха Фотия и жития святых Киприана и Иустины, составленного Метафрастом, рассказано о том, как Киприан, крестившись, стал прислуживать при совершении литургии, затем был посвящен в пресвитера и, наконец, стал епископом, назначив Иустину диаконисой одного из женских монастырей. Святые Киприан и Иустина Антиохийские погибают мученической смертью за Христа.

Ш. Диль писал: «Легко понять, что приключение Киприана Антиохийского должно было особенно пленить Афинаиду-Евдокию: отчасти это ее собственная история. Как это было с магом, так и ее родители хотели, чтобы она научилась всему, «что есть на земле, в море и воздухе». Как и он, она была посвящена «в мнимую мудрость греков». Как и он, «она думала,

что живет, когда на самом деле была мертва». Далее, подобно ему, она отвергла «нечестивую веру в идолов» и разбила «ложные кумиры богов». И, наконец, подобно ему же, став христианской и предавшись благочестию, она хотела наставлять «тех, кто еще услаждался нечестивыми кумирами». Вот почему можно с полным основанием думать, что в поучительную историю, рассказанную ею, она вложила и кое-что свое»⁹⁷¹. Поэма написана гомеровским гекзаметром, которым Евдокия владеет свободно и виртуозно. Ее поэтический дар обнаруживает себя в яркости образов, меткости метафор, живости тона, энергии интонации.

Одной из популярных тем греческой поэзии христианской эпохи были события Троянской войны, по преимуществу те, которые остались за рамками «Илиады», хронологически следовавшие за тем ее эпизодом, который воспет Гомером, или, реже, предшествовавшие ему, известные из мифологического предания, но оставлявшие простор для фантазии автора. В середине V столетия появились «Взятие Трои» Трифиодора и «Похищение Елены» Коллуфа. Репутация этих поэм у историков византийской литературы не высока, поскольку та и другая носят эпигонский характер. Большей удачей стала написанная Квинтом Смирнским поэма с кабинетным названием «Послегомеровские события». Само обращение поэтов христианской эпохи и вероятных христиан к троянской истории, к гомеровской традиции было, по словам Л. А. Фрейдберг, «санкционировано еще в предыдущий век аллегорическими толкованиями гомеровских поэм, содержащимися в речах Григория Назианзина»⁹⁷².

Самым ярким греческим поэтом конца V столетия был Нонн Панополийский. О синкретическом, или, лучше сказать, синтетическом характере культуры и, в частности, поэтического творчества эпохи говорят уже самые названия двух его поэм: «Деяния Диониса» и «Переложение Евангелия от Иоанна». Поэмы написаны гекзаметром, но это был гекзаметр, основанный уже не на строго квантитативной основе, а запечатлевший в своем звучании переход к тоническому стихосложению, звуковую основу которого составляет не чередование долгих и кратких, но удар-

ных и безударных слогов. Аналогичный процесс переживал тогда и самый греческий язык, а точнее сказать, изменения, наблюдавшиеся в живой народной разговорной речи, находили запоздалое отражение в поэзии, при том что литературная речь, естественно, обнаруживала фонетический консерватизм и пуризм, приверженность к сохранению классических квантитативных размеров, доколе это делать позволяла переживавшая трансформацию фонетическая материя.

Аналогичные процессы происходили и с латинским языком в связи с вытеснением из сферы живой речи латыни классической латынью вульгарной, от которой одна линия преемства ведет к средневековой книжной латыни, а другие – к романским языкам средневековья. В латинской поэзии на смену квантитативным также приходят тонические размеры. Лучшими латинскими поэтами V века были Рутилий Намациан и Аполлинарий Сидоний, оба родом из южной Галлии.

Рутилий определенно оставался язычником, что не помешало ему сделать блестящую карьеру при христианских императорах. В правление Гонория он имел звание квестора и одно время занимал должность префекта Рима. Самая замечательная поэма Рутилия – «О возвращении» (*De reditu*), рукопись которой была найдена гуманистом Саннадзаро в 1493 г. В ней звучными классическими стихами воспевается величие и красота Рима, которую он сохранил и после того, как подвергся захвату и ограблению полчищами Алариха. Прямым образом поэма обращена, по давней традиции, богине «Вечного города» РOME: «Ширится милость твоя, как лучи благодатного Феба, до пределов земли, что охватил Океан. Двигается лишь для тебя, что в себе все содержит, светило, в римских пределах встает, в римских заходит морях. Поступь твою задержать не в силах песок раскаленный Ливии, и не страшит севера холод тебя... Родиною всех племен, о богиня вышняя, стала, и подъяремный народ благословляет тебя». После падения Рима подобная патриотическая гордыня стала уже не смешным анахронизмом, но Рутилий адекватно воспроизводит чувства римских стародумов, которые убаюкивали себя пленительным сном о величии Рима времен Августа, не столько в надежде на

его возрождение, сколько утешая себя увлекательной пассаистской игрой.

Аполлинарий составлял панегирики императорам Запада, один из которых, Авит, был его тестем, подобного же панегирика удостоился от него и преемник Авита Майориан, а затем и ставленник Льва Анфимий, за что панегиристу поставили статую на площади Траяна, удостаивали звания консула, назначали префектом Рима. «Поэзия Аполлинария, – по характеристике ее знатока И. Н. Голенищева-Кутузова, – полна языческих образов. В его стихах пляшут вакханки и фавны, его героев хранит от бедствий Аполлон, благословляет Паллада... Любимый жанр Аполлинария – свадебная песнь (эпиталама)»⁹⁷³.

Судя по его стихам, Аполлинария можно было бы принять за такого же язычника, как и Рутилий, но из его биографии хорошо известно, что это было бы ошибочным предположением. Выехав из Рима в Галлию в 469 г., он был вскоре поставлен епископом Клермон-Феррана. Очевидно, что христианином он был и раньше, когда писал стихи, насыщенные мифологическими мотивами, образами, персонажами, но все это было только литературой, подобно тому как поэты и художники эпохи Ренессанса и классического века обильно черпали из сокровищницы греко-римской мифологии, не становясь от этого религиозными язычниками. Вопросом при этом остается, насколько религиозны они были как христиане. Во всяком случае, став епископом, Аполлинарий уже не писал стихов об Аполлоне и Афине Палладе. С этих пор в его литературном творчестве главное место занимает эпистолография – он писал письма, в которых рассказывал о родной ему Галлии и о Риме, об исторических событиях, о варварских королях, с которыми ему случалось встречаться, и эти его письма представляют собой ценный исторический материал.

V век дал немало талантливых прозаиков и поэтов – латиноязычных и грекоязычных, но ни один из них не обладал даром великого мастера слова; художественный гений классических народов в эпоху, когда завершалась христианизация общества, реализовался в храмостроительстве и храмовых мозаиках – в

искусствах, которые отвечали насущным потребностям времени и выражали его духовную ориентацию. Христианские церкви строились в Константинополе и Риме, в Фессалониках и в Равенне, на относительно благополучном Востоке и разоренном варварами и почти утраченной империей Западе.

Как и в предшествующий век, по преимуществу воздвигались храмы базиликального типа. Почти все древние христианские храмы разрушились, либо были перестроены впоследствии, утратив первоначальный вид, либо лежат в руинах, но в самом Константинополе сохранилась с узнаваемыми оригинальными формами достроенная в 463 г. церковь Студийского монастыря, расположенного поблизости от Золотых ворот, в южной части городской стены Феодосия, вблизи Мраморного моря. Правда, в архитектурной композиции храма наблюдается уже эволюция от базиликального типа в сторону центрического начала: «здание мало развито в длину, вместительные хоры окружали средний неф с трех сторон»⁹⁷⁴.

Несмотря на пережитые Римом превратности исторической судьбы, в нем лучше сохранились церкви V века, и среди них базилики святой Праксиды на Эсквiline, близ современного городского вокзала, святого Хрисогона в Трастеврине, церковь святого Виталия на Квиринале и святой Сабины на Авентине, сохранившая, или, точнее сказать, вновь обретшая после высококлассной реставрации свой первоначальный вид. Знаток архитектуры Рима А. И. Опочинская, характеризуя ее интерьер, особенным образом отметила «простор светлого нефа с плоским потолком (ранее с открытыми стропилами крыши); благородство продольных аркад на колоннах – античных, выполненных из греческого мрамора в коринфском ордере, – главной теме, появившейся впервые во дворце Диоклетиана в Сплите и утвердившейся на века в церковной архитектуре Рима» и «праздничность узора мраморной облицовки, частично сохранившейся на стенах»⁹⁷⁵. В Санта Сабине сохранились кипарисные двери, современные храму: столь древние деревянные изделия – огромная редкость.

В церковном зодчестве V столетия сложился новый архитектурный тип, который особенно часто стал

использоваться при сооружении баптистериев, мавзолеев, воздвигаемых над гробницами лиц императорской фамилии, но также и приходских церквей, – центрической конструкции, или ротонды. К нему прибегали и в Сирии, и в Малой Азии, и в Италии. Одна из самых прекрасных ротонд – это римская церковь Святого Стефана на Целии, построенная во второй половине V века. У нее четыре апсиды, расположенных крестообразно. Внутреннее пространство храма представляет собой цилиндр, который первоначально был окружен двумя концентрическими колоннадами, наружная колоннада впоследствии была заменена стеной. Сохранившиеся гранитные колонны внутреннего круга несут на себе архитравное перекрытие, а над ним возвышается барабан с высокими окнами. Интерьер храма производит впечатление удивительной гармонии, тишины, сосредоточенной интимности, обладая особой способностью отвлекать молящегося от шумной суеты города, обращая его мысленный и сердечный взор внутрь своей души, открывая ее для общения с вечностью и Богом.

При папе Сиксте III в 430-е гг. в Риме была воздвигнута одна из самых прославленных базилик – Санта Мария Маджоре на Эсквiline, которая, хотя и перестраивалась в последующие века, но в своем интерьере лучше других и ранее нее заложенных грандиозных римских базилик – Сан Джованни ин Латерано, Сан Пауло fuori le mure (за стеной) и Сан Лоренцо fuori le mure – сохранила изначальный тип. Внутреннее пространство храма разделено рядами колонн на пять протяженных нефов. Самый широкий центральный неф, отделенный от примыкающих к нему справа и слева более узких нефов колоннадой ионического ордера, завершается триумфальной аркой, за которой расположен алтарь. В крипте, спуск к которой ведет из центрального нефа под арку, хранится одна из великих христианских святынь – колыбель Младенца Христа.

На триумфальной арке и стенах главного нефа над колоннадой прекрасно сохранились мозаики, современные самому храму. На стенах нефа представлены ветхозаветные сюжеты: явление трех Ангелов Аврааму и гостеприимство Авраама, сцены из жизни Иакова, пророка Моисея и Иисуса

Навина. Темы мозаик триумфальной арки почерпнуты из Нового Завета и церковного предания о детстве Спасителя. Существует несомненная связь между тематикой и стилистикой изображений триумфальной арки и учением состоявшегося в самый канун их создания Эфесского Собора, который отверг несторианскую ересь, отстаивал богословскую правомерность именования Девы Марии Богородицей и провозгласил полноту Божества во Христе. В сценах Благовещения, видения праведного Иосифа, сретения принесенного в Иерусалимский Храм Божественного Младенца праведным старцем Симеоном и пророчицей Анной, избиения вифлеемских младенцев, обнаруживающей бессилие Ирода повредить Богомладенцу Христу, поклонения волхвов акцентируется идея царственного величия Богомладенца и Его Пречистой Матери. На мозаике, изображающей Благовещение, Дева Мария облачена в царственное одеяние, Ее голова увенчана диадемой, на шее Ее жемчужное ожерелье, а на груди – осыпанный драгоценными камнями аграф, вокруг Нее стража из пяти Ангелов. В поклонении волхвов Спаситель представлен не на коленях Матери, как обыкновенно, но восседающим на престоле рядом с Нею и в окружении Ангелов и волхвов. На мозаике, посвященной бегству в Египет, проиллюстрирована апокрифическая история о том, как правитель египетского города Сотина Афродиасий, узнав, что при появлении Сына Божия Христа в Египте в языческом храме упало наземь 355 идолов, вышел со свитой навстречу Святому Семейству, чтобы поклониться истинному Богу Христу.

Характеризуя стилистику мозаик Санта Мария Маджоре, В. Н. Лазарев писал, что «в них еще... много античного... В трактовке пространства чувствуются пережитки старого иллюзионистского стиля, пропорции фигур и типы лиц несут на себе печать живых античных традиций. И хотя в композициях явно дает о себе знать тенденция к усилению фронтального начала, общий тон рассказа лишен иератической скованности»⁹⁷⁶. В мозаиках Санта Мария Маджоре В. Н. Лазарев находит черты влияния константинопольской школы, аналогичные произведения которой в самой столице на Босфоре,

относящиеся к V столетию, до нас не дошли, хотя, судя по косвенным данным, в основном по позднейшим мозаикам, мастера этой школы достигли самого высокого совершенства в этом характерно «византийском» искусстве: «Тщетно было бы искать... стилистические аналогии» мозаикам Санта Мария Маджоре «в чисто римских мозаиках Санта Костанца, Санта Пуденциана и Санта Сабина. Не только их иконография связана с восточными источниками, но и стиль, отмеченный печатью большой живописной свободы. Здесь настойчиво дают о себе знать традиции античного импрессионизма, которые в такой чистой форме удержались в V веке лишь на почве Константинополя и тяготевшей к нему Равенны»⁹⁷⁷.

Именно там, в Равенне, сохранились лучшие мозаики эпохи. Этот город в 402 г. стал резиденцией западных императоров, а после низложения Ромула Августула – столицей варварского королевства Одоакра и затем, после убийства Одоакра, резиденцией короля остготов Теодориха Великого. В нем строились дворцы, мавзолеи правителей, христианские храмы – православные для местных италийцев, эмигрантов и переселенцев из греческих городов и из Сирии и арианские для варваров. Среди великолепных архитектурных сооружений Равенны V века, доживших до наших дней, – мавзолей Галлы Плацидии, капелла архиепископа Равенны Петра II, базилика апостола Иоанна Богослова, православный и арианский баптистерии. Оба баптистерия прославлены своими замечательными мозаиками, но шедевром мозаичного искусства Равенны являются композиции в мавзолее Галлы Плацидии, примыкавшем к нартексу дворцовой церкви Святого Креста.

Дочь Феодосия Великого Галла построила этот мавзолей для погребения своих останков вскоре после своего возвращения из Константинополя во второй четверти V века. Вначале это была капелла, посвященная святому мученику Лаврентию, мозаичный образ которого помещен в люнете напротив входа. Мавзолей в плане имеет форму латинского креста, его стены, сдержанно декорированные пилястрами и тимпанами, сделаны из кирпича. Тесное внутреннее пространство сооружения перекрыто куполом, который с

внешней стороны скрыт четырехскатной кровлей, цилиндрические своды рукавов крестообразного интерьера помещены под двухскатными крышами. Внутри мавзолей отделан желтовато-серым мрамором, из которого выполнены также саркофаги Галлы, ее сына императора Валентиниана III и ее мужа Констанция, и украшен великолепными мозаиками.

Купол мавзолея увенчан золотым изображением креста в окружении золотых звезд на небесно-голубом фоне. В нижней части купола по четырем сторонам представлены тетраморфные символы евангелистов: ангел, лев, телец и орел, на парусах – образы пророков, а над арками и на боковых сводах – апостолы в светлых одеждах, у ног двоих из них два голубя у фонтанирующего источника, под ними мученик Лаврентий, шествующий с крестом – символом страдания за Христа – на плече, а перед ним горящая решетка, изображающая ту, на которой он был заживо сожжен, рядом с нею раскрытый шкаф с четырьмя Евангелиями на его полках. На сводах мавзолея изображены пьющие из источника олени, символизирующие человеческие души, алчущие правды, а также виноградные ветви и лозы, фрукты в корзинах, букеты цветов, орнаменты насыщенной цветовой гаммы в медальонах. В люнете над входом на фоне скалистого ландшафта – Господь в образе Доброго Пастыря с золотым нимбом и в золотом хитоне, с наброшенным на колена пурпурным плащом, окруженный агнцами. Он представлен в виде безбородого юноши, восседающего в царственной позе и опирающегося на золотой крест, который Он держит в Своей руке.

По словам В. Н. Лазарева, «мозаики мавзолея выделяются своим исключительно высоким качеством... Входя в этот небольшой, скудно освещенный интерьер... сразу ощущаешь перенесенным себя в иной, неземной мир, где все дышит чудом... Стены облицованы мрамором, чья полированная, блестящая поверхность контрастирует с неровным мерцанием мозаических кубиков и одновременно усиливает это мерцание. Величавые фигуры в белых одеяниях, переливающихся серовато-зелеными и голубоватыми тонами, как бы выплывают из густого синего фона... Своды покрыты разнообразными

декоративными узорами, напоминающими дорогие ткани и ковры... Карнация выполнена в легких, как бы акварельных, пепельно-серых, беловатых и розоватых тонах; с большим искусством введены в них отдельные кирпично-красного цвета кубики, вспыхивающие яркими огоньками, придающие лицам оттенок призрачного и эфемерного. В этом магическом пространстве краски загораются и горят неземным блеском»⁹⁷⁸.

По предположению В. Н. Лазарева, мозаики мавзолея выполнены двумя мастерами, одного из которых, обладавшего более высоким мастерством и изобразившего Доброго Пастыря и мученика Лаврентия, а также символы евангелистов, Галла могла привезти с собой из Константинополя⁹⁷⁹, в таком случае – это единственный дошедший до нас продукт столичной школы мозаичистов, относящийся к V веку.

Хотя самые самые совершенные художественные творения V столетия сохранились на западе империи – в Риме и Равенне, это обстоятельство не отражает реального соотношения в положении дел на Западе и на Востоке в этот период, это всего лишь следствие катастроф, пережитых христианским Востоком и самим Константинополем в более поздние эпохи.

Во времена, когда в равеннских церквах созданы были прекрасные мозаичные композиции, именно Запад переживал трагический упадок, вызванный главным образом внешними обстоятельствами, попросту говоря, варварским завоеванием, а Восток пребывал в несравненно более благополучном состоянии, и бесспорным культурным, экономическим и политическим центром империи был уже не ветхий, но Новый Рим, который в V веке стал, вероятно, самым большим мировым мегаполисом к западу от Китая, так что численность его населения превзошла не только пришедший в упадок Рим, но и относительно благополучные Александрию и Антиохию. Но и в целом восток империи, не только Малая Азия, но Сирия, Египет, Греция и даже Фракия и Иллирик были безопаснее и богаче; жители этих стран, которые римлянами назывались уже в основном по-гречески, так что получалось «ромеи», менее своих сограждан, проживавших в многострадальной Галлии, в Италии, Испании или Африке, потерпевшие от варварских вторжений и

завоеваний, сохранили более высокий уровень образования и бытовой культуры, чем латиноязычные римляне Запада.

«Греческий Восток, – писал немецкий историк культуры Арнольд Хаузер, – во время великого переселения народов не пострадал от культурной катастрофы, подобно Западу. Городское и денежное хозяйство, которое в Западно-Римской империи почти полностью разложились, продолжало процветать на Востоке и даже оказалось жизнеспособнее, чем когда-либо еще. Число жителей Константинополя уже в V веке превысило миллион (это, конечно, преувеличение. – В.Ц.), и то, что рассказывали современники о его богатстве и роскоши, звучало как сказка о феях. Для всего средневековья Византия была страной чудес и неисчерпаемых сокровищ, сверкавших золотом дворцов и нескончаемых праздников; всему миру она служила образцом элегантности и репрезентативности. Средства, которыми поддерживалось это великолепие, поступали от торговли и транспорта. Константинополь еще более красноречивым образом, чем древний Рим, был метрополией в современном смысле слова; городом с интернационально смешанным и космополитически настроенным населением, центром индустрии и экспорта, узлом международной торговли и транзита»⁹⁸⁰.

Социальная структура ромейского общества сохранила в основном прежние черты, хотя в V веке в ней происходили некоторые изменения, связанные, во-первых, – и это было, наверно, самой заметной переменной, – с миграцией готов на запад, в результате которой в составе населения резко сократилась доля федератов, во-вторых, христианизация общества способствовала не только смягчению режима рабовладения – рабы получили вполне надежную защиту своей жизни со стороны римского законодательства, – но и уменьшению их числа. Благочестивые рабовладельцы более нечестивых склонны были отпускать рабов на волю, в особенности, когда они составляли завещание, помышляя о том, что им самим предстоит вскоре дать отчет за прожитую на земле жизнь Владыке всех.

Характеризуя положение раба, французский византолог А. Гийу писал, что «кем бы он ни был по происхождению: военнопленным, сыном раба, обедневшим крестьянином империи, рабом, купленным на побережье Адриатического или Черного морей, – условия» его «жизни, как и его цена, изменялись в зависимости от его личных качеств и ситуации на рынке. Находящийся под покровительством богатого человека, он носил шелковые одежды, умащивал себя благовониями, обладал большой властью либо становился жертвой безнравственного хозяина или тирана; цена колебалась от 20 до 30 номисм за раба, владеющего какойлибо профессией, до 50 – если речь шла о юристе, или 60 – врача, евнух стоил 50 номисм и 60, если он владел каким-либо ремеслом, самая большая сумма, которая встречается в источниках, равна 72 номисмам»⁹⁸¹. Относительно евнухов следует заметить, что кастрация была запрещена еще в эпоху принципата, но евнухов приобретали на невольничьих рынках за пределами империи – на Кавказе, в Эфиопии, в Персии, некоторые из них рождались такими или становились в результате болезней и несчастных случаев. Большой спрос на них был в императорском дворце, где некоторые из придворных должностей могли исполнять исключительно скопцы, а также в домах самых богатых и влиятельных сановников.

Римские граждане, ромеи, отличавшие себя этим именем от иностранцев, федератов и рабов, в основном делились на две категории: *honestiores* и *humiliores*, по-гречески динатов, или архонтов, то есть знатных и начальствующих, и архоменов – тех, чей долг заключался в подчинении архонтам. К первым причислялись чиновники разных рангов, генералы и офицеры, придворные чины, а также клирики, ко вторым – крестьяне, ремесленники и торговцы, включая и вполне состоятельных купцов или банкиров, так что подобное разделение по преимуществу носило юридический, и в этом смысле сословный характер, а не социальный или классовый, потому что мелкие чиновники или низшие клирики были, естественно, беднее банкиров или судовладельцев. Их юридическое неравенство выражалось прежде всего в том, что «за одно и то же

преступление первые наказывались ссылкой, а вторые – смертной казнью»⁹⁸². Динаты также, в отличие от архоменов, освобождались от так называемых «грязных» повинностей (*munera sordida*): подводной, от поставки строительных материалов, молотьбы казенного зерна и других, подобных им.

Среди динатов по своим привилегиям выделялось сословие сенаторов, часть которого составляли лица, принадлежавшие к нему по наследству, а другие – вследствие достижения высоких служебных рангов. Принадлежность к сенаторскому сословию не была, как встарь, связана с участием в заседаниях сената, которые проводились крайне редко. В состав сенаторов входили потомки старинной римской аристократии, переселившиеся в Константинополь, высокопоставленные сановники, не принадлежавшие к сенаторскому сословию по рождению, – как находящиеся на государственной службе, так и ушедшие в отставку, и среди них выходцы из варварских народов, в основном это были генералы, состоящие на римской службе. Сенаторы освобождались от всех повинностей в муниципиях, где находились их латифундии или виллы, даже если они там проживали. Они обладали правом привилегированной подсудности – их не могли судить муниципальные и провинциальные власти. Где бы они ни жили, как сенаторы Нового Рима они были подсудны лишь префекту Константинополя. Сенаторы принадлежали к кругу богатейших людей империи, составляя в нем значительное большинство, и их главным богатством была земля. Им принадлежали латифундии колоссальных размеров в Азии, Сирии, Египте и в других диоцезах.

В то же время настоящих сословий, подобных тем, что существовали в Западной Европе в средневековье и в эпоху абсолютизма или в послепетровской России, империя ромеев не знала. Принадлежность к архонтам, или архоменам (подчиняющимся) определялась не происхождением – благородным или подлым, но зависела от служебной карьеры. Хотя на государственную службу было легче поступить сыну архонта, чем частного лица, но принципиально она была доступна всем свободным гражданам, и главным фактором в

этом являлось образование – для чиновников низших рангов требовалось среднее, а для высших должностных лиц – высшее образование, и затем уже карьера зависела от способностей и, вероятно, разного рода случайных обстоятельств, но не от знатности предков, а на военной службе успех выпадал порой и на долю малообразованных или даже полуграмотных солдат, становившихся офицерами и даже генералами благодаря храбрости и способностям. Причем воинская служба открывала путь и на самую вершину карьерной пирамиды – к императорской власти. При дворе властными вельможами становились нередко вольноотпущенники, в том числе и евнухи, купленные на невольничьих рынках, так что залогом успеха в большей мере являлись хорошее образование, способности и усердная служба, чем происхождение. В этом отношении Римейская империя ближе к Срединному царству или эгалитарным государствам XX века, вроде СССР, чем феодальному или абсолютистскому Западу.

В империи существовала иерархия чинов с особой титулатурой, в целом унаследованная от эпохи позднего принципата и домината. На вершине чиновной лестницы, вслед за императором, который все еще мыслился стоящим не над служебной пирамидой, а на ее высшей ступени, стояли префекты претория: Востока, Иллирика и Константинополя, по-гречески называвшиеся епархами; среди них первенство принадлежало префекту Востока, под управлением которого после фактической утраты западных префектур, Италии и Галлии, находилась большая часть империи. Рядом с префектами стоял магистр оффиций, который управлял дворцовыми службами, командовал схолами, охранявшими императора, начальствовал над 4 правительственными канцеляриями, ведал дипломатической службой. Под его началом находилась имперская почта – основная транспортная система государства. Квестор «священных палат» контролировал деятельность судов, возглавлял юридическую службу, и под его руководством разрабатывались предлагавшиеся на усмотрение императора законопроекты. К высшим чинам принадлежали также два комита, ведавших финансами: комит

«священных щедрот», управлявший государственной казной – фиском, и комит частного имущества императора, своего рода министр двора, под управлением которого состояли императорские дворцы, земельные владения – сальтусы, императорские конные заводы. К высшим должностным лицам принадлежали и два военачальника – магистры армии, или презенталы, называвшиеся так потому, что их штаб-квартиры находились, «присутствовали» в столице, но также и препозит священной опочивальни (*sacrum cubiculum*), управлявший императорскими покоем, который назначался непременно из евнухов. Высшие сановники составляли императорский совет, или консисторию, в которой обсуждались важнейшие вопросы государственной политики.

Высокопоставленными чиновниками в регионах империи были и подчиненные префектам викарии, или, по-гречески, экзархи, возглавлявшие администрацию и суды в диоцезах: Египетском, начальник которого, впрочем, все еще именовался не викарием, но августалом, Восточном, или Сирийском, Понтийском, Азийском и Фракийском – в префектуре Восток и Дакийском и Македонском – в префектуре Иллирик. В состав диоцезов, в свою очередь, входили провинции, общим числом около 60, из 100, насчитывавшихся в империи со времен Диоклетиана и святого Константина и до утраты Запада. Во главе провинций стояли президы, которых по-гречески также называли епархами, поскольку греческим эквивалентом слова *provincia* и было «эпархия», но их, конечно, отличали от епархов – префектов, носивших титул *spectabilis* (периблептос).

Общие титулы *spectabilis*, *clarissimus*, *illustrius*, *magnificus*, *gloriosus* со временем, благодаря щедрости императоров в их раздаче, девальвировались и заменялись другими, которые отодвигали прежние на низшие ступени чиновной лестницы. Среди званий и чинов высших сановников империи сохранялись как те, что унаследованы были от классической Римской республики, вроде консула, сенатора или патриция (патрикия), так и восходившие к эпохе принципата – комиты. Высшее республиканское звание консула лишь в исключительных случаях даровалось лицам, не принадлежавшим

императорскому дому. Эта честь была слишком затратной и непосильной для частных лиц – удостоенный консулата обязан был на свои личные средства устроить дорогостоящие праздничные зрелища для столичного люда.

Многочисленная бюрократия, заполнявшая канцелярии центрального правительственного аппарата в Константинополе, административные учреждения в столицах диоцезов и провинций, в социальном отношении принадлежала в основном среднему классу, но по своему юридическому статусу причислялась, как и высшие сановники, к сословию динатов, или *honestiores*, и по своему положению в обществе возвышалась над состоятельными собственниками предприятий, торговых судов, над купцами и банкирами. Крупная земельная собственность оставалась в основном привилегией высшего сенаторского сословия, принадлежность к которому сопряжена была со службой на высокопоставленных должностях. Чиновники средних и низших рангов, занимавшие должности, служба на которых, считалось, требовала лишь образовательного ценза, как правило в объеме средней школы, но не особых способностей, нередко приобретали должность за плату, причем такая продажа, вроде продажи офицерских патентов в Великобритании эпохи колониальных захватов, не рассматривалась как коррупционная практика, но была узаконена.

Покупатели должностей, особенно относившихся к финансовому и, более прямо, налоговому ведомству, стремились затем, при прохождении службы, с лихвой компенсировать понесенные затраты, так что народной любовью чиновники, как правило, не пользовались. Жалованье мелких чиновников отличалось от жалованья высокопоставленных сановников колоссально, разница составляла несколько тысяч раз. Годовой оклад мелкого чиновника мог равняться 15 номисмам (примерно 15 тысячам рублей), на которые он не мог существовать, даже если был холост, так что ему требовался иной источник доходов – чаще всего, вероятно, от приношений зависимых от него граждан, особенно налогоплательщиков, он был что называется на кормлении, – а у префекта претория оклад достигал 70 тысяч

номисм. И все же даже мелкие государственные служащие причислялись, подобно низшим клирикам, к сословию *honestiores*.

Принципиально иным был статус муниципальной магистратуры. Формальным образом и городские куриалы, или декурионы, также принадлежали к числу *honestiores*, они обыкновенно были землевладельцами средней руки, но их действительный социальный статус был незавидным. Муниципальные куриалы отвечали своим имуществом за поступление налогов в казну, и потому они жили под прессом постоянной угрозы конфискации имущества, так что многие из декурионов, приобретавшие этот статус фактически по наследству, при том что государственная власть стремилась удержать их в этом их наследственном статусе, тяготились им и стремились любой ценой избавиться от него. В свою очередь правительство предпринимало меры, чтобы прикрепить декурионов к их городу и к их юридическому статусу.

К сословию *humiliores* принадлежало значительное большинство населения империи: горожан и сельских жителей. В сельском населении, которое, несмотря на сохранившийся в империи высокий уровень урбанизации, достигнутый еще в эпоху принципата, преобладало над городским, хотя, как и встарь, обладало несравненно меньшим влиянием на ход политических событий, как, впрочем, и жители мелких городов, росла доля крестьян, утративших право собственности на землю, ставших арендаторами, положение которых сближалось с положением поселенных на земле рабов и колонов, подобных крепостным крестьянам средневековья, хотя они, разумеется, сохраняли личную свободу и гражданские права, которыми однако по обстоятельствам деревенской жизни они мало могли воспользоваться.

Одним из способов превращения крестьян-землевладельцев в прикрепленных к земле арендаторов-колонов был древнеримский институт патроната. «Мелкие земледельцы передавали себя и свою землю под покровительство сильных людей – магистрам армии, комитам, проконсулам, префектам, викариям, сенаторам, трибунам... –

заклучали с ними, с соблюдением всех формальностей, юридическую сделку, в силу которой их земля становилась полной собственностью магната. По существу эта сделка была фиктивной (если это был, например, акт продажи, то патрон, конечно, денег не платил), но результаты ее были вполне реальны. Земля переходила в собственность патрона. При этом патрон обычно отдавал землю прежнему собственнику в пользование в качестве прекария, т.е. без юридического обеспечения, с правом в любое время взять ее назад, и получал с клиента за пользование часть продуктов. Богатство, влиятельное положение, общественная роль магнатов ставили земли и держателей этих земель в привилегированное положение. Неудивительно, что в патронат отходили целые селения»⁹⁸³.

Главный интерес самих крестьян поступать в клиенты к патронам и в конечном счете становиться колонами заключался в освобождении от податей. Арендная плата, очевидно, в большинстве случаев уступала налоговым повинностям перед имперской и муниципальной казной. Превращение мелких землевладельцев в колонов сокращало налогооблагаемую базу, казна поэтому препятствовала подобным сделкам. В соответствии с «Кодексом Феодосия» патроны за каждое хозяйство своего клиента «должны были платить высокий штраф – 25 ф. золота. В дальнейшем эти кары были усилены, фиктивные юридические сделки, оформлявшие патронат, объявлялись недействительными, и составлявшие их нотариусы подлежали суровому наказанию»⁹⁸⁴. Клиентов полагалось в подобных случаях подвергать порке и возвращать их в прежнее состояние облагаемых налогом землевладельцев. И все же административные и судебные меры правительства могли лишь затормозить, но не остановить процесс обезземеливания крестьянской массы, добровольно переходившей в статус безземельных арендаторов и колонов.

Общество структурировано было в зависимости от правового статуса и обязанностей перед государством. Но в нем сохранялись и элементы демократического самоуправления, правда, в весьма своеобразной форме цирковых партий, или димов, представлявших собой исключительно важный политический

фактор в жизни столицы, а значит, и всей империи. Димы представляли собой двойственное явление: с одной стороны, это были объединения цирковых болельщиков, или, как их называют в наше время, фанатов, а с другой – муниципальные организации, выполнявшие хозяйственные и полицейские функции в городских районах.

Во времена христианских императоров римский народ представляло собрание всех столичных димов в ипподроме: аккламации в ипподроме при поставлении императора и обозначали его всенародное избрание – это был ритуальный символический акт, выражавший уважение к древним республиканским традициям, но в критические моменты димы могли превращаться в грозную оппозиционную силу. Димы существовали в разных городах, но реальную политическую значимость имели димы Константинополя. В их цирковые обязанности входило содержание возниц, актеров, зверинцев, участие в расходах на устройство игр; правда, основную долю в этих расходах несли консулы, каковыми были сами императоры, их близкие родственники с титулами августов или цезарей и, лишь в редких случаях, иные высокопоставленные лица.

Принадлежность к димах отчасти была делом произвольного выбора, отчасти же привязана была к месту жительства. В Константинополе изначально существовало 4 дима, названных по цветам одежд цирковых возниц, за которых они болели: венетами (голубыми), прасинами (зелеными), левками (белыми) и русиями (красными). Два последних дима – левки и русии – в источниках упоминаются редко, и похоже, что в более позднюю эпоху, в VI столетии, они исчезают, так что с этих пор риск политического противостояния связан был уже с соперничеством венетов и прасинов, в более грозных случаях – с солидарными выступлениями обоих димов против правительства. Некоторые историки связывают голубых и зеленых либо с разными социальными классами, либо с приверженностью или сочувствием разным богословским направлениям, полагая, что венеты объединяли более состоятельных горожан и при этом православных диафизитов, а прасины – менее имущие слои, одновременно склонные к монофизитству. Во всяком

случае, есть сведения о том, что венеты обитали в лучших кварталах столицы, в том числе на главной улице города Месе с ее дворцами и особняками, в то время как дома и квартиры прасинов концентрировались в торговых и ремесленных кварталах Константинополя. В административном отношении димы зависели от чиновников, именовавшихся димархами и димократами и подчинявшихся префекту, или епарху Константинополя. Во время осады столицы димы обязаны были выставять милицию для защиты городских стен вместе с регулярными войсками. Ее численность, правда, бывала незначительной – примерно по тысяче человек от дима.

Элементарной ячейкой общества всегда является семья. Христианизация империи неизбежным образом влекла за собой преобразование семейного уклада. В Риме и Элладе брак издревле был моногамным, но мера его моногамности в эпоху поздней республики и принципата была весьма относительной, особенно на верхних ступенях социальной лестницы. Синхронное единобрачие легко уживалось с – последовательной полигамией – многократными разводами и переменой не только жен, но и мужей, с конкубинатом, гаремами из рабынь и рабов, с адюльтерами супругов, с противоестественными гомосексуальными отношениями, с педерастией в собственном смысле слова, тождественной с тем, что ныне принято называть педофилией, не вызывавшей ни скандала в общественном мнении, ни, тем более, уголовного преследования, с катастрофическим падением рождаемости. По мере торжества христианства, вытеснения и угасания язычества радикально меняется общественная мораль и весь строй семейной жизни. Меняются и законодательные нормы, регулирующие брачные отношения, сообразуясь с христианской этикой.

В эпоху гонений христиане вступали в брак в соответствии с римским правом, но непременно после предварительного благословения епископа. Святой Игнатий Богоносец в Послании к Поликарпу Смирнскому писал: «А те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти. Пусть все будет во

славу Божию»⁹⁸⁵. Браки, не объявленные церковной общине, по свидетельству Тертуллиана, приравнивались в Церкви к блуду и прелюбодеянию. Тертуллиан писал, что истинный брак совершался пред лицом Церкви, освящался молитвой и скреплялся Евхаристией.

Такой порядок оставался неизменным и в первые столетия христианской империи. При этом христианские императоры, осуждая тайные, неоформленные браки, в своих законах говорят лишь о гражданской юридической стороне брака, не упоминая о церковном браковенчании, которое по-прежнему совершалось чрез епископское благословение. В 428 г. императоры Феодосий II и Валентиниан подтвердили существовавшую норму римского права, согласно которой между свободными гражданами брак заключается путем выражения согласия жениха и невесты, которое удостоверяется свидетелями. Браки, не сопровождаемые никакими юридическими формальностями, дозволялись только лицам низшего сословия, лицам же средних классов предписывалось являться к церковному нотариусу (экдику) и заявлять пред ним о желании вступить в брак; лицам из сословия сенаторов указано было обставлять вступление в брак заключением письменного договора о приданом и предбрачном даре. Со своей стороны Церковь настаивала на необходимости освящать браки своим благословением, но она признавала и действительность таких браков между христианами, которые были заключены без ее благословения в гражданском порядке. Это видно из того, что Церковь, хотя и не благословляла тогда повторные браки, но признавала их действительными.

Венчанию брака предшествовало обручение. До тех пор, пока венчание не стало обязательным для всех христиан, церковное обручение, за которым следовало реальное начало брачных отношений, рассматривалось как действительное заключение брака. Канонические последствия церковного обручения были те же, что и церковного венчания. Обрученный, лишившийся невесты и вступивший в брак с другой особой, считался второбрачным. Что же касается гражданского обручения, то Церковь не признавала его действительности,

если оно было заключено родителями жениха и невесты до достижения детьми семилетнего возраста. Если же оно заключалось в более совершенном возрасте, то в некоторых отношениях уравнивалось с церковным обручением. Например, лицо, обручившееся посредством гражданского обряда в возрасте старше семи лет, а потом женившееся на другой особе, не могло быть рукоположено в священный сан по причине второбрачия.

Гражданские законы запрещали браки монашествующим под угрозой уголовных наказаний, но брак христиан, давших обет целомудрия, до IV века не подлежал расторжению. Святой Василий Великий в 18-м правиле свидетельствует, что древние отцы относились к таким бракам кротко, снисходя к человеческой немощи, но сам он, рассматривая подобный брак как прелюбодеяние, прямо говорит: «Должно принимать в церковное общение поемшего девицу, посвященную Богу, не прежде, чем он престанет от греха».

Идеал христианского брака – абсолютная моногамия, исключая второй брак. Тем не менее, снисходя к немощи человеческой, христианский закон позволяет вдовцу или вдовице вступать в новый брак: по слову апостола Павла, «жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе» (1Кор.7:39). Но всякий вступающий во второй брак, в соответствии с канонами, подвергался отлучению от причастия на год или на два года. Что же касается вступления в третий брак, то, согласно 50 правилу Василия Великого, «на троебрачие нет закона; посему третий брак не составляется по закону. На таковые дела взираем как на нечистоты в Церкви, но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшие нежели распутное любодеяние». Вдовство после третьего брака или расторжение третьего брака считалось непреодолимым препятствием к новому браку.

Римское право не допускало брак между лицами, связанными кровным родством по прямой линии. Запрещались и браки между родственниками по боковым линиям, которые удалены от общего родоначальника на разное число степеней

родства (например, дядя и племянница, двоюродная тетя и двоюродный племянник). В отдельные времена этот запрет распространялся на двоюродных брата и сестру. В Церкви брак между лицами, находящимися в 4-й степени бокового родства, всегда рассматривался как непозволительный. Возбранялись также и браки между лицами, состоящими в близких степенях свойства. Препятствием к браку стало считаться и наличие духовного родства, которое возникает вследствие восприятия новокрещенного от купели. Древняя Церковь запрещала и браки православных с еретиками, однако это не распространялось на те случаи, когда к Православной Церкви присоединялся один из супругов, при том что другая сторона оставалась вне Церкви.

Христианские императоры, считаясь, с одной стороны, с укоренившейся в обществе древней практикой, а с другой – с христианским учением о браке, в своих брачных законах не раз запрещали и вновь разрешали свободный развод. Господь назвал единственное основание для развода – прелюбодеяние, которое оскверняет брак. Вопреки языческим римским представлениям о браке, Евангелие требует строгого соблюдения супружеской верности не только от жены, но и от мужа. Но поскольку такое требование было слишком высоким для общества, церковный суд считался с предписаниями гражданского права, которое лишь постепенно вбирало в себя христианские нормы. В 21 правиле Василия Великого говорится: «Аще муж... впадет в блуд, такового почитаем блудником... Впрочем не имеем правила подвергати его вине прелюбодеяния, аще грех соделан с свободною от брака.... Но соблудивший не отлучается от сожителства с женою своею, и жена должна принята мужа своего, обращающегося от блуда: но муж оскверненную жену изгоняет из своего дома. Причину сему дата не легко, но тако принято в обычай». По-разному трактуя последствия супружеской измены со стороны мужа и жены, святой Василий считается с общественными нравами и нормами гражданского права.

Законы различали причины развода, связанные с наказанием и запрещением брака для виновной стороны (развод *суп дамно*), и причины развода, не связанные с виной супругов

(развод *sine damno*). Основаниями для развода *cum damno* признавались покушение на императора, злой умысел против него, а также недонесение начальству об умысле на автократора со стороны иного лица, покушение одного супруга на жизнь другого и непредупреждение одним из супругов другого об известном ему злом умысле, прелюбодеяние жены, истребление женой утробного плода, наконец, восприятие собственного ребенка от купели крещения. Прелюбодеяние переставало быть причиной для развода, если муж пропустил пятилетний срок для подачи жалобы. Прелюбодеяние в суде доказывалось с помощью показаний свидетелей, фактом рождения ребенка или беременности, несмотря на разлуку с мужем, а также другими уликами. К прелюбодеянию приравнивалось и добрачное распутство жены в том случае, если муж не знал о нем до вступления в брак, а также такие поступки жены, которые клали тень на ее добропорядочность: если она участвовала, против воли мужа, в пиршествах с посторонними мужчинами, мылась с ними в бане, самовольно отлучалась из дома и ночевала не в доме родителей, ходила без ведома супруга смотреть на конские ристалища, бой зверей и театральные представления. Посещение таких зрелищ в христианскую эпоху стало считаться неприличным для женщин. Жена могла требовать развода в случаях, если муж пытался свести ее с другим мужчиной, если он перед судом обвинял ее в прелюбодеянии и не смог доказать ее вины, если он сожительствовал с посторонней женщиной в доме, где живет и его жена, а также если муж без нужды жил в разлуке с женой в течение продолжительного времени.

Развод *sine damno* (без вины) в византийском законодательстве допускался по причине неспособности к супружескому сожитию, приобретенной до вступления в брак; лишь через 2 года с момента заключения брака супруга могла искать развода по этой причине. Безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5 лет, а воинов – в течение 10 лет, причем вероятность смерти супруга должна была подтверждаться не неопределенными слухами, а надежными свидетельствами, также давало основание для официального признания брака

прекратившимся, после чего открывалась возможность вступления вероятной вдовы или вдовца в повторный брак, при этом однако в том случае, если после вступления жены солдата во второй брак первый муж возвращался, он имел право взять к себе свою жену, и для этого не требовалось согласия ни самой жены, ни ее нового мужа. Пленение воина не являлось основанием для развода с ним. Об этом ясно говорится в 33-й новелле Льва Философа. Сумасшествие супруга, являясь препятствием к браку, не могло служить основанием для развода, если оно было приобретено в супружестве.

Брак расторгался в силу монашеского пострига одного из супругов с согласия другого. Святой Иоанн Златоуст считал, что другой супруг в этом случае не вправе вступать в новый брак, ибо такой брак подвергал бы сомнению благочестивую настроенность жены или мужа, давших согласие на постриг супруга. Но гражданские законы, приравнивая монашество к естественной смерти, не лишали оставшегося в миру супруга возможности вступления во второй брак. Брак, естественно, расторгали и при обоюдном произнесении супругами монашеских обетов.

Развод производился по судебному решению гражданской власти. Супруги, разведенные *cum damno* (с виной), не лишались права восстановить супружеские отношения между собой, если тому, конечно, не препятствовали какие-либо новые обстоятельства, вроде монашеских обетов или заключения нового брака. Возможность возобновления брака открыта была для разведенных, за исключением развода по причине прелюбодеяния: муж, пожелавший взять к себе бывшую жену, разведенную с ним по обвинению ее в прелюбодеянии, подлежал обвинению в сводничестве.

Рудименты былой, унаследованной от эпохи принципата распушенности нравов – нарушение супружеской верности мужьями, употребление рабынь как наложниц, девиантное сексуальное поведение – сохранялись в семейном быту новых христиан, обратившихся подчиняясь господствующему течению жизни, но развратные нравы и обычаи отодвигались на периферию всеобщим признанием норм христианской морали,

порок уже не выставляли наружу, а прятали, в противном случае рискуя не только остракизмом, но и, при уклонении от признанных обязательными моральных норм, уголовным преследованием. Особенно опасны были связи с замужними женами, еще больший риск несли с собой гомосексуальные отношения – в особо скандальных случаях они карались не только телесным наказанием, конфискацией имущества и ссылкой, но и кастрацией. Суровость общественной морали загоняла порок в подполье, но и содействовала его искоренению, и, конечно, существовало немало семей, в которых христианским нормам жизни следовали не за страх, а за совесть. Широкое распространение и всеобщее признание в обществе получил целомудренный образ жизни: и не только уход в монастыри, но и девство по обету с тем, что давшая или, несколько реже, давший его оставался в миру, в родительской семье, пока живы были родители.

Благотворное влияние Евангелия на общественную нравственность сказалось во всеобщей благотворительности – подаче милостыни нищим, помощи бедным, пожертвованиях на монастыри и церкви. Христианская империя была благоустроенным, высоко цивилизованным государством. Поэтому, помимо индивидуальной благотворительности, широкое распространение получило содержание сиротских приютов и вдовьих домов, больниц, странноприимных заведений, ночлежек для бездомных. Подобные заведения, которые в старой России назывались богоугодными, содержались за счет имперской, муниципальной или церковной, особенно монастырской казны, а также на средства частных жертвователей.

Христианизация общественной и семейной жизни влекла за собой перемены и в порядке приема пищи. Посты (в среду и пятницу, в Риме и на Западе – в пятницу и субботу, в продолжение всей Четыредесятницы и на Страстной неделе, индивидуально – в канун причащения Святых Таин) становятся нормой быта. Однодневные посты, а у особенно благочестивых христиан и длительные посты, состояли в сухоядении. В связи с умножением числа постящихся в рационе большее, чем прежде, место стала занимать овощная пища, а также рыба и другие

продукты моря – особенно мидии. Христианская этика сдерживала гастрономическую похоть любителей изысканно вкусных и редких экзотических блюд, из общественной жизни высшего класса уходит столь характерное для эпохи принципата безмерное обжорство, поддерживаемое искусственно вызываемой рвотой, чтобы освободить желудок для продолжения трапезы.

Менялся и внешний вид римлян и ромеев. Большинство мужчин, по крайней мере горожан, по-прежнему брились, но на Востоке, а он собственно только и оставался в империи на рубеже V и VI веков, клирики непременно носили бороды. Брадобрития избегали также так называемые философы, получавшие высшее образование и занимавшиеся преподаванием, вожди цирковых партий, варвары-федераты, сирийцы и армяне, многие из крестьян грекоязычных провинций и те природные греки, кому не нравился заимствованный у латинян обычай брить бороду. Тога перестала быть регулярно употребляемым одеянием. Ее надевали лишь по самым торжественным и официальным поводам. Повседневным платьем стали туники, более короткие, до колен, у рабочего народа и более длинные, сшитые из дорогих тканей, у состоятельных людей, у особенно богатых – сшитые из завозимого из Китая шелка. На ногах носили сандалии и кожаные сапоги. В летнее время малоимущие люди часто ходили босиком. Женщины носили длинные туники, подол которых доходил до ступней, на голову надевали платок, конец которого мог использоваться как шарф.

«Официальные костюмы, – по словам Д. Т. Райса, – были богатыми и весьма вычурными. Их основой служила длинная шелковая туника с узкими облегающими рукавами, поверх которой надевали далматик, нечто вроде ризы, украшенной вышивкой на плечах и по подолу. Поверх него надевали паллиум, длинный отрез материи, вышитый или усаженный драгоценными камнями, с отверстием в центре для головы. На спине паллиум образовывал некое подобие шлейфа, который обычно подхватывали вперед и перекидывали через левую руку. Мы можем увидеть, как это выглядело на портрете императрицы Ариадны

(около 500 г.). ... Корона с подвесками по бокам, сделанная из украшенной драгоценными камнями кожи, была частым головным убором правителей... Самым верхним одеянием, целиком окутывавшим фигуру, был плащ»⁹⁸⁶. Ювелирные украшения в виде браслетов, перстней носили мужчины и женщины, более состоятельные – из золота и драгоценных камней, малоимущие – из серебра и стекла, самым обычным украшением женщин служили серьги и ожерелья.

Запад, завоеванный варварами, пережил тотальную, в том числе и экономическую, катастрофу, которая в разной мере разрушительной тяжести легла на римское население новообразованных германских королевств, в то время как восток империи сохранил былое благополучие. Уровень его производительности, вероятно, превосходил самые высокие хозяйственные достижения позднего средневековья, за исключением только нескольких городов Италии и Нидерландов, ставших своего рода экономическими и финансовыми метрополиями Западной Европы.

О «цветущей сложности», говоря языком К. Н. Леонтьева, экономики империи косвенным образом, но весьма красноречиво говорит уже один только перечень цехов, или гильдий Константинополя. Это были гильдии банкиров, или трапезариев, аргиопратов (серебряников), вестиопратов (продавцов китайской шелковой одежды), прандиопратов (торговцев сирийским шелком), красильщиков, торговцев полотном, продавцов парфюмерии, торговцев воском, торговцев мылом, салдамариев (поставщиков съестных припасов), кожевников, мясников, свиноторговцев, рыботорговцев, артопиев, или пекарей, капилов (содержателей мелочных лавок и питейных заведений, маклеров при покупке коней, быков и коров, объединенных в одну гильдию), ремесленников – столяров, слесарей, маляров, живописцев, мраморщиков⁹⁸⁷.

Характерной чертой экономического строя империи была детальная регламентация номенклатуры, объема производства и стандарта качеств изделий, регулирование цен и доходов мастерских, устанавливаемая государственной властью или муниципальной администрацией. Еще одной особенностью эконо-

номики являлась высокая доля государственной и личной императорской собственности в национальном богатстве. Императору принадлежали огромные латифундии – сальтусы, рудники, верфи. «Двор, – по словам А. Хаузера, – со своими монополиями, сам представлял собой большое промышленное и торговое предприятие... Ограничение... монополиями хозяйственной свободы приводило к тому, что основным источником частного богатства, несмотря на капиталистическую структуру византийской экономики, была не торговля, но землевладение. Большие доходы от торговли поступали не частным лицам, но государству и императорскому двору... Мобильный частный капитал поэтому никогда не мог обрести подлинный размах. Авторитарная экономическая политика короны давала свободу действий крупному землевладельцу в своем имении в провинции, а в городе все контролировалось и регулировалось строжайшим образом центральной властью»⁹⁸⁸.

По существу дела это была система государственного капитализма, ставшая своего рода моделью для экономического строя стран, чья цивилизация генетически восходит к империи ромеев. При таком строе не стихия рынка, но финансовая политика правительства и расстановка приоритетов высшей властью оказываются важнейшими факторами процветания или регресса, но внешнеполитическая обстановка, складывавшаяся не по воле императорского правительства, вносила свои коррективы в развитие ситуации в сторону экономического роста или упадка. Необходимость отвечать на внешние угрозы или возможность использовать слабость врага для экспансии, в обоих случаях возлагавшие на казну бремя дополнительных расходов, не всегда могли быть сбалансированы ростом казенных доходов и налоговых поступлений, что грозило расстройством финансовой системы и истощением казны.

Одним из самых успешных правителей империи, правда, с узкой и односторонней финансовой точки зрения, был Анастасий, который во главу угла ставил заботу о пополнении казны и накоплении денежных средств. Несмотря на немалые расходы, вызванные налоговыми льготами провинциям и городам,

несмотря на большой размах строительных работ – крепостей на восточной границе, Длинной стены во Фракии, восстановление маяка в Александрии, он, по словам Прокопия Кесарийского, противопоставлявшего его в этом отношении Юстиниану Великому, скопил такие колоссальные богатства в казне, что накопленного им «золота хватило бы на сотню лет любому, даже самому расточительному василевсу. Ведавшие сокровищницами, казначейством и всеми прочими царскими деньгами утверждали, что Анастасий, правивший римлянами более двадцати семи лет, оставил в казне три тысячи двести кетинариев»⁹⁸⁹, иными словами, около 130 тонн, что по покупательной способности, с учетом значительного подорожания золота, составляло приблизительно эквивалент 150 миллиардам современных российских рублей.

Глава 4. Германские королевства и варварские народы Европы

1. Теодорих Великий и королевство остготов

В 493 г. остготы под предводительством Теодориха вместе с остатками ругиев, во главе которых стоял их король Фридрих, овладели Равенной.

Теодорих Великий родился около 454 г. и по рождению принадлежал к древнему и самому знатному готскому роду Амалов. Его отцом был потомок знаменитого Германариха Тиудемир, брат короля остготов Валамира, а матерью Эрельева, в крещении Евсевия. В отличие от большинства готов она была не арианского, но православного исповедания. В ту пору большая часть остготов обитала в Паннонии, в недавнем прошлом они были верными вассалами Аттилы, но после его смерти и распада гуннской державы остготы отпали от его сыновей и заключили союзный договор – *foedus* с Римской империей, по которому местом их поселения стали окрестности паннонского озера Балатон; за службу империи им выплачивалось вознаграждение, которое они считали данью, и в случае запаздывания дани или ее недостаточности они совершали набеги на провинции Иллирика. Во Фракии тогда обосновалась другая часть народа остготов во главе с королем Теодорихом Страбоном, что значит в переводе с латинского «косоглазый», сыном Триария.

Проводя традиционную для Рима политику противопоставления одних варваров другим, император Маркиан перестал платить так называемую стрену (новогодний подарок) сыну Тиудемира и выдал ее другому Теодориху. «Король Валамир и братья его Тиудемир и Видимир, – писал Иордан, – ввиду того, что запаздывала обычная выплата от императора Маркиана, которую они получали наподобие стрены и за это соблюдали мирный договор, послали посольство к императору и узнали, что Теодорих, сын Триария... процветает вместе со своими, связан дружбою с римлянами и получает ежегодную выплату; на них же смотрит с презрением. Охваченные гневом, они взялись за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику, разграбили и разорили его. Тогда император... вернулся к

прежней дружбе; он послал (к ним) посольство и не только принес с последним пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудемира Теодориха»⁹⁹⁰. В ту пору мальчику было 7 лет. Его отвезли в Константинополь в 461 г., когда правил уже император Лев, и там он оказался в распоряжении знаменитого полководца Аспара, полуалана-полугота. В столице империи мальчик провел 10 лет, получил там, вероятно, образование и, как это видно из его позднейшей деятельности, сумел оценить преимущества развитой цивилизации, сохранив при этом характер прирожденного германца – воина и захватчика.

Ко времени его возвращения к отцу Тиудемиру тот после гибели Валамира в сражении со скирами уже правил остготами вместе со своим младшим братом Видимером. Тиудемир сумел отомстить убийцам своего брата, поразив в битве при Болии короля скиров Эдикона, отца Одоакра. Воинственность и честолюбие Теодориха обнаружились уже в юности, когда он, по словам Иордана, «пригласив некоторых из сателлитов отца и приняв к себе желающих из народа и клиентов, что составило почти шесть тысяч мужей... с ними, без ведома отца, перешел Данубий и напал на Бабая, короля сарматов (языгов. – В.Ц.) ... Настигнув его, Теодорих убил его, захватил семью с челядью и имущество и повернул с победой обратно к своему родителю. Затем напал на город Сингидун, который занимали эти сарматы; и, не возвратив его римлянам, подчинил его своей власти»⁹⁹¹. Грабеж, как откровенно писал сын готского народа Иордан, был для готов одним из главных средств добычи средств существования. Готы занимались и скотоводством и земледелием, но, похоже, в основном те из них, кто не годился для войны и грабительских набегов. «Людам, которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь»⁹⁹² – и они потребовали от своего короля Тиудемира вести их в поход в какую угодно сторону и против кого угодно. И тогда решено было, что его брат Видимер поведет меньшую часть остготов в Италию против правившего там императора

Гликерия, а сам он во главе оставшейся части народа пойдет против более могущественного императора Востока Льва.

Видимер умер в начале этого похода, передав бразды правления своему сыну, одноименному с ним, и тот договорился с Гликерием о мире. Император задобрил готов дарами, предоставив им для поселения земли в южной Галлии, где уже раньше обосновались их собратья везиготы, или вестготы, и, как пишет Иордан, Видимер повел свой народ в Галлию и там «объединившись с родственными везеготами, образовал с ними одно целое, как было некогда»⁹⁹³.

Тем временем старший брат во главе большей части остготов двинулся на восток; посланный им вперед авангард во главе с его сыном Теодорихом захватил города Ульпиану, Стобы, Гераклею и Лариссу, а сам он во главе основных сил своей армии осадил Фессалоники. Правительство империи вступило в переговоры с остготами, и достигнута была договоренность об их поселении в Македонии и Фракии. Вскоре после этого, в 474 г., в Церрах, близ Фессалоник, король Тиудимер «отошел от дел человеческих»⁹⁹⁴. Перед смертью он назначил своего сына Теодориха, находившегося тогда в Иовах (Свиштове) на Дунае, преемником – «королем своего племени», по словам Иордана. В связи с этим Е.Ч. Скржинская замечает, что «Иордан “модернизировал” церемонию облечения королевской властью, сказав о назначении на престол наследника, *designatio heredis*... Едва ли так могло случиться в V в. у остготов, у которых первенствующую и решающую роль играло народное собрание; обычно оно и аккламировало нового вождя племени. Надо думать, что Иорданом руководило желание... показать, что еще в период, предшествовавший приходу в Италию, положение династии Амалов было уже вполне укрепившимся, поэтому-то он и сказал, что Теодорих облечен королевской властью по волеизъявлению умирающего отца»⁹⁹⁵. В действительности, считает она, «став преемником отца, Теодорих был провозглашен «*dux Gothorum*», и лишь позднее, после смерти Одоакра (в 493 г.), он стал называться «*Flavius Theodericus rex*». Однако правителем Италии он считал себя со дня перехода через реку Изонцо 28 августа 489 г.»⁹⁹⁶.

Новый император Зенон признал Теодориха правителем римских федератов – остготов. Летом 477 г., после того как Теодорих помог римской армии отстоять столицу, осажденную соименным ему сыном Триария, разбив его в сражении у городских стен, его с почестями принимали в императорском дворце Константинополя. Он получил звание патриция и затем удостоился именованья сына императора «по оружию», вероятно, с той дальней мыслью, что сын не может идти войной против отца; ему усвоено было родовое императорское имя Флавия. После смерти другого Теодориха, сына Триария, в 483 г. его еще раз принимали в столице империи, и там ему предоставлена была высшая военная должность *magister militum praesentalis*, иными словами, его назначили командующим вооруженными силами империи на Балканах. В очередной свой визит в столицу Теодорих был назначен консулом, а его народу предоставлены были для поселения две провинции: Дакия Прибрежная и Верхняя Мезия. После победоносного похода против тюркского племени болгар, поселившихся за Дунаем, в 485 г. Теодориху был устроен триумф в Константинополе и в том же году, в благодарность за оказание помощи Зенону в борьбе против узурпатора Леонтия, на одной из столичных площадей была воздвигнута его конная статуя. Несмотря на то, что императорские почести сыпались на Теодориха как из рога изобилия, его взаимоотношения с римлянами не стали вполне идиллическими и временами обострялись настолько, что возникала опасность военного столкновения. Так, в 486 и 487 гг. он угрожал осадой и взятием столицы, для предотвращения войны в ход, как обычно, пошли щедрые дары.

Из осложнений, сопряженных с пребыванием немалого числа готов, в глазах ромеев – настоящих варваров, единственным увлекательным занятием которых были война и грабеж, – на Балканах, найден был приемлемый для обеих сторон выход: отправить их во главе с Теодорихом в Италию, где бы они смогли, устранив узурпатора Одоакра, признание которого правителем Италии было для правительства Нового Рима вынужденной уступкой, поселиться, избавив от своего присутствия новое

сердце империи – Фракию и сопредельные с нею Македонию, Дакию и Иллирик. У Иордана инициатором решения о переселении готов выступает сам Теодорих, в уста которого историк влагает такие слова: «Гесперийская сторона, которая недавно управлялась властью предшественников ваших, и город тот – глава и владыка мира – почему носятся они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов? Пошли меня с племенем моим, и здесь освободишь себя от тяжести издержек, и там, буде с помощью Господней я одержу победу, слава благочестия твоего воссияет... Если смогу победить, буду владеть вашим даянием, вашей благостынею; если окажусь побежденным, благочестие ваше ничего не потеряет»⁹⁹⁷. По словам Иордана, император с печалью отпустил готов в Италию, но эта печаль могла быть только притворной.

Теодорих повел свой народ через Сирмий, Паннонию и Венетскую провинцию. В сентябре 489 г. у переправы через речку Сонций, или Изонцо, к северу от Вероны, состоялось генеральное сражение готов с разноплеменными войсками Одоакра. Теодорих одержал победу. Затем, уже в 490 г., он еще раз разбил Одоакра, взяв Милан, после чего началась затянувшаяся на три года осада Равенны, которая пала в начале весны 493 г. Одоакру была обещана жизнь, но вскоре после водворения Теодориха в равеннском дворце Одоакр, приглашенный в этот дворец, был убит собственной рукой своего победоносного противника. В ходе учиненной резни погибло большинство верных Одоакру скиров и торкиллингов.

После гибели Одоакра, в 493 г., остготы провозгласили Теодориха своим королем. Еще до взятия Равенны вся Италия и Сицилия признали его власть. Он признан был правителем Италии римским сенатом. Осенью 490 г. сенатор Фест отправился в Константинополь к императору Зенону с просьбой прислать Теодориху императорские регалии. С 491 г. в Константинополе правил уже преемник Зенона Анастасий. Лишь в 497 г., после долгих и трудных переговоров, из Константинополя в Равенну на хранение были высланы регалии императоров Запада – пурпурная мантия и диадема, самому же Теодориху император Анастасий даровал титул римского

патриция и признал его правителем префектуры Италия при сохранении ее принадлежности империи, которая однако политически была фиктивной, но давала юридическую защиту местному православному населению страны: оказавшись под властью варваров, оно осталось однако в пространстве римского права. В состав владений Теодориха кроме Италии входили также примыкавшие к ней с севера и северовостока Реция, Норик, Паннония и Иллирийский диоцез, включавший Далмацию, в то время как расположенная к востоку от него Иллирийская префектура с диоцедами Дакия и Македония остались под прямой властью императора.

Остготы и присоединившиеся к ним ругии, а также влившиеся в их массу остатки тех германцев, которые ранее пребывали под властью Одоакра, – скиров и торкиллингов, вместе с другими германцами, которые, оставив свои племенные союзы, примкнули к Теодориху, – вестготами, герулами и даже выходцами из далекой Скандинавии, – расселились в основном по городам и селам, расположенным по берегам реки Падуса, в Равенне и ее окрестностях, а также в Пицене и Тоскане. Южнее располагались лишь малочисленные готские гарнизоны. В городах готы селились в отдельных кварталах, расположенных вокруг арианских церквей. Вероятно, лишь в местах компактного проживания в сельской местности готы занимались крестьянским трудом – земледелием и скотоводством. В основном это был все-таки народ воинов, который, пользуясь режимом гостеприимства и претендуя на треть доходов от земли, на которой они поселились, жил за счет местного населения, но в отличие от порядка, установленного вандалами в Африке, готы не превратились, подобно тем, в крупных землевладельцев-латифундистов, нещадно эксплуатировавших покоренных римлян. Даже близкие сородичи остготов вестготы по-другому распределяли доходы от земель, которыми они владели на основании режима гостеприимства, забирая себе две трети, – правда, им достались более богатые и не столь разоренные, как Италия, страны – южная Галлия и Испания. Как и в вестготском королевстве, юридическими

собственниками земли, которой владели готы в качестве гостей, оставались их прежние хозяева – римляне.

Общее число германцев, обосновавшихся в Италии, может быть оценено не больше, чем в 200 тысяч, львиную долю среди них составляли остготы. В соотношении с местным латиноязычным населением Италии, Сицилии и северных территорий королевства, насчитывавшим, вероятно, несмотря на разорения, опустошения и переселения на восток, вызванные великим переселением народов, все еще больше 5 миллионов, это была численно ничтожная доля, которая, естественно, заняла привилегированное положение в королевстве, но это не был режим господства завоевателей над поверженным противником.

Лучший знаток эпохи переселения народов Л. Мюссе писал: «Ни одно варварское королевство, – кроме, быть может, государства вандалов, – не знало диктатуры некоего *Herrenvolk* (господствующего народа) над массами, полностью лишенными всех прав. Повсюду имел место компромисс, более или менее законченный синтез различных элементов»⁹⁹⁸. И как раз самый уважительный по отношению к местному населению режим властвования сложился в государстве Теодориха. Прожив 10 лет почетным заложником в Константинополе, хотя это были его детские годы, он проникся искренним уважением к развитой цивилизации империи, там он, вероятно, овладел латинским и греческим языками, стал римлянином по культуре, оставаясь готом по тем нравственным ценностям, которые он ставил превыше всего. Понимая, что без опоры на римский элемент невозможно создать и наладить надежно функционирующий государственный аппарат, «он демонстрировал приверженность прошлому Рима и его институтам; он почти искренне говорил о древних императорах, называя их *majores nostri* (великие наши), и объявлял себя *bono reipublicae natus* (рожденным в славном государстве). Его коронационное путешествие в Рим в 500 г. стало поводом для программной речи, которая не разочаровала бы самого убежденного в своем превосходстве древнего римлянина: «Мы рады жить согласно римскому праву, которое мы желаем защищать с оружием в руках... Зачем отказываться

от варварского хаоса, если не для того, чтобы почерпнуть свои жизненные правила из законов»⁹⁹⁹.

Сенат, духовенство во главе с папой Симмахом и народ встречали Теодориха у Апианского моста. Несмотря на свое арианство, король первым делом после этой встречи направился в православную базилику апостола Петра, чтобы там поклониться его святым мощам, и лишь затем по Адрианову мосту перебрался через Тибр и въехал в Вечный город. Впоследствии германские правители Рима, включая Карла Великого и императоров Священной Римской империи германской нации, следовали этой традиции и перед тем, как въехать в Рим, поклонялись первоверховному апостолу в его храме.

Но при всем уважении к Риму Теодорих не стал до конца ассимилированным римлянином, не забыл о своей германской крови, которую, очевидно, считал более благородной и чистоту которой он стремился сохранить и в своем роде и в своем народе. И сам он и его дети вступали в брак исключительно с невестами и женихами из германских династий: в жены он взял дочь франкского короля Хлодвигу Аудофледу. До женитьбы он, по словам Иордана, имел «двух внебрачных дочерей, которых породил еще в Мезии от наложницы: одну по имени Тиудигото, другую – Острогото. Вскоре по приходе в Италию он сочетал их браком с соседними королями, а именно: одну он отдал Алариху, королю везеготов, а другую – Сигизмунду, королю бургундзонов. От Алариха родился Амаларих, которого дед Теодорих, когда тот в отроческих годах лишился своих родителей, лелеял и опекал... Теодорих узнал, что в Испании живет Евтарих... потомок рода Амалов... Он призвал его к себе и сочетал его браком с дочерью своей Амаласвентой... Он сестру свою Амалофриду, мать Теодахада, который впоследствии стал королем, отправил в Африку в жены Тразамунду, королю вандалов; дочь же ее – племянницу свою Амалобергу – сочетал с королем турингов Герминефредом»¹⁰⁰⁰.

Но не только династические лица не вступали в брак с римлянами. Такие браки запрещены были и его подданным остготам и всем вообще германцам. Основанием для такого запрета

служило различие вероисповедания: германцы были арианами, а римляне – православными христианами. Теодорих изобрел вполне оригинальную систему юридической сегрегации своих подданных по религиозно-этническому признаку. Римлянам под страхом смертной казни запрещалось носить оружие, а германцам – заниматься прозелитизмом среди православных.

Для германцев Теодорих был королем, который правил, опираясь на графов, или комитов, – военных и гражданских начальников, связь с которыми поддерживалась через так называемых сайонов – посланцев, доставлявших графам королевские приказы. А для римлян он был назначенным императором магистром армии для Италии, триумфатором, носившим римское звание консула и патриция. При нем сохранялись традиционные римские звания, чины и должности, включая магистра оффиций, префекта Рима, префекта претория, его викариев, начальника канцелярии (*magister scrinii*), комита финансов (*comes sacrarum largitionum*), квестора, сенаторов и муниципальных декурионов. Почтовая связь между римскими административными учреждениями поддерживалась через *cursum publicum* – государственную почту. В неприкосновенности были сохранены и продолжали действовать для римлян нормы римского права, в то время как германцы пользовались своим обычным правом. Таким образом, в государстве Теодориха, как и в других германских королевствах, возникших на руинах западных диоцезов Римской империи, легислатура носила не территориальный, но персональный характер.

Как правитель римлян Теодорих официально именовался «триумфатором», «августом», но не «императором», хотя и считал, что император делегировал ему полноту власти императора в пределах Италийской префектуры. Во дворце он нередко облачался в пурпур, и однажды он велел отчеканить золотую монету, на что исключительным правом пользовался император. На монете он изображен был в императорском облачении, но эта монета была выпущена ничтожным тиражом, так что известен лишь один ее экземпляр. Среди эдиктов Теодориха, собранных Кассиодором, сохранилось несколько его

посланий, адресованных римскому сенату, в которых он выражает ему свое уважение. «Назначая кого-либо в виду его заслуг патрицием, консулом или на какую-либо другую должность, король в вежливой форме обращался к сенату и просил его принять в свою среду как товарища, избранного им, королем, кандидата»¹⁰⁰¹.

Теодорих вел в своей столице грандиозные строительные работы. В Равенне строились православные и арианские церкви, баптистерии, дворцы. В центре города была воздвигнута его конная статуя. При этом в равеннских сооружениях, даже в арианских церквях – об архитектуре и мозаиках которых можно судить по сохранившемуся арианскому баптистерию, – не заметно влияния художественных традиций, которые бы шли от искусства германских варваров. Даже если строителями и мозаичистами арианского баптистерия в Равенне были ариане и готы, как мастера они творили вполне в русле местных итальянских и общих для искусства всей империи стилистических традиций. Строительные работы при Теодорихе велись также в Милане и Риме. В Вечном городе Теодорих позаботился о ремонте и реставрации церквей, которые, за, вероятно, ничтожными исключениями, все были православными, а также крепостных стен, дворцов, мостов через Тибр, акведуков, знаменитой римской клоаки, театра Помпея, амфитеатра Тита, Колизея и цирка.

В 509 г. в римском цирке случились беспорядки: сенаторы Импортун и Теодорих, болевшие за голубых, вместе со своими клиентами напали на зеленых, и в потасовке один человек был убит. На имя короля была подана жалоба, и Теодорих Великий повелел предать обоих сенаторов суду, а затем он издал закон, «каравший всякое насилие сенаторов над свободным человеком, а равно и оскорбление сенатора кем-нибудь из лиц низшего класса, и старался защитить возниц более слабой партии. В то же время тех сенаторов, которые в своем аристократическом высокомерии не умели отнестись с добродушием к оскорбительным и презрительным возгласам народа, король увещевал не забывать о том, в каком месте они находятся, так как “в цирке не приходится искать Катонов». В общем, король

признается, что в глубине души презирает зрелище, которое совсем помрачает здравый смысл, ведет к нелепой вражде и упраздняет всякую благопристойность... и... что он сохраняет цирковые игры только потому, что не находит в себе сил бороться с детскими наклонностями народа и думает, что мудрость велит делать иногда уступку глупости»¹⁰⁰².

Конечно, автором текста эдиктов Теодориха был не он сам, но его помощники, которых он сумел подобрать из самых образованных и выдающихся умов. Среди них были Кассиодор, Эннодий, ставший впоследствии епископом Павии, патриций Альбин, великий философ Боэций, по должности магистр оффиций, и его тесть Квинт Аврелий Симмах, глава (caput) римского сената. Уроженец Калабрии Флавий Магнус Аврелий Кассиодор Сенатор с 507 по 534 г. занимал должность квестора дворца и, как квестор, он и был литературным автором большей части эдиктов Теодориха, позже он стал магистром оффиций и префектом претория. В 514 г. Кассиодор был удостоен консульского звания. В конце жизни он принял монашеский постриг. От Кассиодора сохранились многочисленные письма, известные под заголовком «Variae» (Разное). Знаменитая «Гетика» Иордана представляет собой переработку не дошедшего до нас труда Кассиодора по истории готского народа.

Опираясь на высококвалифицированных советников, Теодорих проводил искусную внешнюю политику: он умел ладить с императором, по крайней мере пока верховная власть в Константинополе принадлежала Анастасию, а по отношению к германским королям он не без успеха в течение длительного времени играл роль покровителя и арбитра, которому нередко удавалось разрешать возникавшие между ними споры и распри и предотвращать войны. Но власти над королями, которых он рассматривал как своих младших братьев, он, естественно, не имел, поэтому свои права на арбитраж приходилось защищать вооруженной рукой или угрозой войны.

Так, в 506 г., после нескольких побед над алеманнами короля франков Хлодвиг, на сестре (так у Григория Турского) или дочери которого (если верить Иордану) Аудефледе был

женат Теодорих, он потребовал от Хлодвига прекратить военные действия против этого народа, и тот вынужден был подчиниться этому требованию – алеманны, обитавшие в Реции, к югу от Боденского озера, были тогда по их собственной просьбе приняты в состав остготского королевства. После победы франков над вестготами в сражении при Вогладе (Вуйе), в котором пал вестготский король Аларих II, Теодорих направил графа Иббу во главе войска против франков, и тому удалось, одержав победу в битве у моста через Рону, освободить город Арелат от осады франков и союзных им бургундов, после чего старая римская Провинция (Прованс) была включена в состав остготского королевства.

Несмотря на стремление Теодориха поддерживать мирные отношения с императором, верховенство которого он признавал, в 505 г. остготы оказались на грани войны с империей. Столица Иллирийского диоцеза Сирмий (Сремская Митровица) была тогда занята гепидами во главе с их королем Тразарихом – федератами империи. Ему противостояла орда смешанного происхождения во главе с Мундоном, по словам Иордана, «происходившего от каких-то родичей Атиллы; он бежал от племени гепидов за Данубий и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников и, заняв башню, которую называют Герта... вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг»¹⁰⁰³. На помощь гепидам, выступившим против банды Мундона, двинулась 10-тысячная армия под командованием консула и магистра армии Иллирика Флавия Савиниана. А Теодорих направил на помощь Мундону своего комита Питцама с 2 тысячами пехотинцев и 500 всадников. Действуя вместе с ордой Мундона, остготы разгромили армию Савиниана в сражении, которое состоялось на берегу Моравы у города Ровный Марг. После оказанной ему помощи Мундон признал над собой власть Теодориха Великого, а Иллирийский диоцез был крепко привязан к Остготскому королевству. Но победа над армией Савиниана не стала поводом к большой войне империи против Теодориха. Император Анастасий, оза-

боченный положением дел на восточной границе и внутренними нестроениями, не захотел дополнительных осложнений и предпочел смириться с потерей спорной территории Западного Иллирика, где к тому же римское население было малочисленным и в любом случае хозяйничали варвары германского или гуннского племени.

Но отношения Теодориха с империей оказались под угрозой разрыва после смерти Анастасия, при императоре Юстине. Ревнитель православия, он в 523 г. издал эдикт, которым арианство объявлено было вне закона, а арианские храмы передавались Кафолической Церкви. Теодорих протестовал и требовал свободы исповедания для своих единоверцев, но его требование было проигнорировано. Закрытие арианских церквей на Востоке приободрило православных латинян Остготского королевства, которые числом многократно превосходили привилегированный готский и арианский элемент. У более решительных людей, особенно среди клириков и сенаторов, появилась надежда на освобождение от власти варваров и еретиков. И тогда Теодорих пригрозил в ответ на антиарианские действия Юстина запретить православное богослужение на подвластной ему территории. За угрозой последовало распоряжение разрушить одну из церквей Вероны. Подозрение в заговоре пало на сенаторов Боэция и его тестя Симмаха, занимавших ключевые посты в администрации. Они оба были казнены. Убедившись в их невиновности, Теодорих искренне сожалел о необдуманной расправе над сановниками, которые верно служили ему.

Но раскаявшись в казни Боэция и Симмаха, Теодорих все равно продолжал подозревать православное духовенство и римских сенаторов в нелояльности. Он вызвал к себе в Равенну епископа Римского Иоанна, незадолго до этих событий, в 523 г., после смерти папы Гормизды, занявшего первенствующую кафедру.

Король направил его в сопровождении нескольких клириков и сенаторов: Феодора, Импортуната и двух Агапитов – в Константинополь для переговоров с императором о разрешении арианам свободно исповедовать свою веру и совершать бого-

служения. Папу и сопровождавших его лиц в столице империи встретили с почестями. Иоанн совершил в Святой Софии пасхальное богослужение, но переговоры, которые он вел по поручению Теодориха, не привели к желанному для него результату. По возвращении в Верону и папа и сенаторы были обвинены в сговоре с императором и заключены в тюрьму, где папа Иоанн I скончался 18 мая 526 г. Западной церковью он был канонизован как мученик. После смерти Иоанна Теодорих впервые решил распорядиться престолом Рима, и по его указанию папой был избран и поставлен Фимбрий, клирик родом из Беневента, принявший имя Феликса IV. Усваивая себе императорские prerogative, Теодорих подтвердил эдикт своего предшественника Одоакра, изданный в 484 г., о том, что никакой выбор папы не может состояться без согласования с ним – *sine nostrae consultationae* (без совещания с нами). Преемники Теодориха, будучи арианами, сохранили за собой право указывать кандидатуру православного епископа Рима.

Вскоре после преставления папы Иоанна, 30 августа 526 г., в своем Равеннском дворце умер король Теодорих, перевалив за 70-летний рубеж. Его останки похоронили в мавзолее, который был выстроен по приказу самого короля еще при его жизни и в полуруинированном виде просуществовал до наших дней. «Книга пап утверждает, что эта смерть была ниспосланным Богом наказанием за те мучения, которым был предан папа Иоанн; другой же историк говорит, что Теодорих умер в тот самый день, когда должен быть приведен в исполнение декрет, который был составлен «иудеем» Симмахом, юристом короля, и которым предписывалось передать католические церкви арианам... Монахи сообщают, что душу Теодориха, закованную в цепи, повлекли по воздуху гневные души папы Иоанна и патриция Симмаха и с острова Липари ввергли ее в кратер вулкана. Все это видел собственными глазами один анахорет, живший на том острове»¹⁰⁰⁴. Рассказ об этом содержится в одном из диалогов святого папы Григория Великого.

В ином тоне пишет о смерти Теодориха Великого его соплеменник, хотя и не единоведец Иордан: «Когда он достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он

созвал готов – комитов и старейшин своего племени – и поставил королем Аталариха, сына дочери своей Амаласвенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он (Теодорих) объявил им в повелениях, звучавших как завещание, чтобы они чтили короля, возлюбили сенат и римский народ, а императора Восточного, – (храня) всегда мир с ним и его благосклонность, – почитали (вторым) после Бога»¹⁰⁰⁵.

Если верить Иордану, перед смертью Теодорих считал кризис в отношениях с империей преодоленным и настаивал на сохранении тех принципов государственного строя Остготского королевства, которые были положены в его основание после завоевания Италии: правление готского короля в стране, при признании древних прерогатив римского сената и исконных прав римского народа, за которыми сохраняется юридическая автономия, признание верховенства императора и его номинальной юрисдикции над Западом империи. Иными словами, государственный строй королевства должен был сохранить свой гибридный характер и опираться на положенную в его основание правовую сегрегацию римлян-кафоликов и политически доминировавших готовариан. Остготское королевство со столь своеобразным устройством, отчасти изобретенным гением Теодориха и его советников из числа просвещенных римлян, отчасти сложившимся под давлением обстоятельств, на поверку историческим опытом оказалось непрочным образованием, просуществовавшим недолго после смерти своего создателя. Теодорих Великий остался в исторической памяти италийцев и германских народов; его образ, приобретая черты полумифического героя, отразился в сказаниях и эпических поэмах, в знаменитой «Песне о нибелунгах», в которой он носит имя Дитриха Бернского.

2. Королевство вестготов

После гибели Теодорида I в битве с гуннами на Каталлаунских полях в 451 г. его сын Торисмунд по совету Аэция увел свой народ на юг Галлии, в Толозу, и там был провозглашен новым королем вестготов. Вскоре ему представилась возможность еще раз сразиться с ордой Аттилы, потерпевшей поражение в битве с римлянами и готами, но не разгромленной до конца. Атила повел гуннов против алан, которых приключения великого переселения народов забросили из Восточной Европы на берег Лигера (Луары). Торисмунд упредил Аттилу, который вел свою орду из Паннонии: стремительным броском он двинул свои войска из Толозы навстречу гуннам, и на берегу Луары произошло сражение, в котором Атила снова потерпел поражение и вернулся в Паннонию. Возвратившись в свою столицу, Торисмунд заболел, и когда ему выпускали кровь из вены, заговорщики напали на него, воспользовавшись его слабостью и тем, что в руках у него не было оружия. Но Торисмунд не оставил своих убийц безнаказанными и, как рассказывает Иордан, «при помощи одной руки, которая оставалась у него свободной, он схватил скамейку и убил несколько человек, покушавшихся на него, став... мстителем за кровь свою»¹⁰⁰⁶.

Поверженному Торисмунду наследовал его брат Теодорид. На него пало подозрение в организации заговора, нити которого были сплетены агентурой Равеннского правительства, обеспокоенного намерением Торисмунда разорвать союз (foedus) с империей. Это был образованный правитель, настолько хорошо знавший классическую латынь, что он читал Вергилия. Теодорид правил с 453 по 466 г. и проводил политику, согласованную с правительством в Равенне. Выполняя обязанности федерата, Теодорид участвовал в подавлении мятежа багаудов. В 456 г. он, действуя в согласии с императором Авитом, воевал со свевами, которые владели северо-западом Пиренейского полуострова – Галисией и севером Лузитании. Король свевов Рехиар, тесть Теодорида, стремился овладеть всей Испанией,

которая, после ухода вандалов и аланов в Африку, принадлежала вестготам, за исключением той территории, которой владели свевы. Центр тяжести королевства вестготов находился в Галлии, их присутствие в Испании было немногочисленным, и поэтому Рехиар надеялся на то, что зять легко уступит своему родственнику не особенно нужную ему страну. Но Теодорид отказался выполнить требование тестя, войска которого уже вторглись в пределы его королевства, и направил к нему послов, пытаясь убедить Рехиара отказаться от мысли о захватах. А тот в ответ «преспесиво изрек:

“Если уж и на это ты ропщешь и упрекаешь меня, что я пришел только сюда, то я приду в Толосу, в которой ты сидишь; там, если будешь в силах, сопротивляйся”»¹⁰⁰⁷.

Теодорид выступил в поход против свевов в союзе с бургундами, которые, как и вестготы, были верными федератами империи, и в сражении на берегу реки Орбиго, близ города Астурии, одержал победу, направив к свевам правителем своего ставленника Агривульфа и послав к ним епископа Аякса, которому удалось насадить среди свевов, ранее, при Рехиаре принявших православие, арианство. Когда же Агривульф попытался править свевами как самостоятельный король, он был по приказанию Теодорида разбит, пленен и обезглавлен. Но при поддержке императора Майориана свевы восстановили независимость, и ими стал править новый король Ремисмунд, которого вестготы вынуждены были признать.

После свержения и гибели Майориана в 461 г. Теодорид расширил свои владения в Галлии захватом Септимании. В 466 г. он пал жертвой заговора, который привел к власти его младшего брата Эвриха, весьма вероятного виновника его гибели.

В 468 г. император Анфимий, противодействуя экспансии вестготов в Галлии, направил против них переселившихся из Британии в Арморику бриттов во главе с их королем Риотимом. 12 тысяч бриттов высадились на морском берегу и, по словам Иордана, «были приняты в городе битуригов»¹⁰⁰⁸, иными словами, в Аварике (Бурже), расположенном довольно далеко от моря и места возможной высадки, которое в источниках не

обозначено. Там его встретило значительно превосходившее численностью войско Эвриха, который однако «долго сражался, пока не обратил Риутима, короля бриттонов, в бегство еще до того, как римляне соединились с ним. Тот, потеряв большую часть войска, бежал с кем только мог и явился к соседнему племени бургундзонов, в то время римских федератов»¹⁰⁰⁹. За этим последовал захват Эврихом всей Аквитании и Ареверны (Оверни) – уже после смерти Анфимия, при императоре Олибрии, правившем в 472 г., и важнейших городов старой римской Провинции: Арелата (Арля) и Массилии (Марселя). В 475 г. император Непот признал завоевания Эвриха.

Два года спустя, когда Римом овладел низложивший последнего императора Запада Ромула Августула Одоакр, он также признал новые границы Вестготского королевства, которое простиралось теперь на значительную часть Галлии, имея на севере границей Луару, и почти на весь Пиренейский полуостров, за исключением Галисии, где по-прежнему правили свевы. Резиденции Эвриха находились в Толозе, Бурдигале (Бордо) и в конце его жизни – в Арелате.

Во время завоевания Галлии местное православное население подверглось гонениям со стороны вестготов-ариан. «Еврих, – по словам Григория Турского, – перейдя испанскую границу, начал в Галлии жестокие гонения на христиан. Повсеместно он убивал не согласных с его ложным учением, клириков бросал в темницы, епископов отправлял в изгнание или закалывал мечом. А самые входы в священные храмы он приказал засадить терновником, конечно, для того, чтобы, редко посещая храмы, христиане забыли истинную веру. Во время этих гонений были сильно разорены города Новемпопуланы и обе Аквитании»¹⁰¹⁰.

На время правления Эвриха приходится деградация императорской власти в Равенне и низложение последнего императора Запада Ромула Августула Одоакром. Воспользовавшись падением имперской власти на Западе, Эврих действовал совершенно самостоятельно, хотя положительных данных о том, что он формально разорвал foedum с империей, все же нет и его сношения с императором

Зеноном, возможно, выходили за рамки только дипломатических контактов. При Эврихе Тулузское королевство достигло максимальной в его истории мощи.

И все же он вошел в историю не только как завоеватель, но и как просвещенный законодатель. По его распоряжению был составлен, на латинском языке, свод вестготского обычного права. Отстаивая независимость королевства, он упразднил в нем летосчисление по именам консулов, заменив его на счет лет по годам своего правления. В то же время, подобно старшему брату Теодориду, Эврих ценил классическую римскую культуру. К управлению государством он, несмотря на свое арианство, привлекал высокообразованных римлян, знатоков римского права, назначал их, наравне с готами, комитами. «Его министр и советник Лев, – по словам Л. Мюссе, – предвосхищал Кассиодора... Сам одеваясь как готский король, он охотно допускал малые титулы имперского протокола (*dementia vestra*, *mansuetudo vestra*)»¹⁰¹¹. Эврих скончался в 484 г., оставив престол сыну своему Алариху II.

Аларих продолжал политику отца. Он так же заботился о благоустройстве государства, о совершенствовании законодательства. При нем был составлен и 2 февраля 506 г. обнародован сборник законов, по которым должны были жить римские подданные короля, – так называемый «Бревиарий Алариха» (*Breviarium Alaricianum*), представляющий собой сокращенную переработку «Кодекса Феодосия». Этот сборник оказал колоссальное влияние на средневековое право западноевропейских государств. По словам А.А. Васильева, «когда в период раннего средневековья на Западе ссылались на римский закон, то имели в виду почти всегда “Римский закон вестготов”, а не настоящий Феодосиев кодекс. Последний... влиял на законодательство Западной Европы в раннее средневековье, включая и каролингскую эпоху, через посредство “Бревиария Алариха”, сделавшегося главным источником римского права на Западе»¹⁰¹²: «Корпус» Юстиниана стал широко известен на Западе лишь с XII столетия. А болгарский ученый Стефан Бобчев доказал, что «Бревиарий Алариха» оказал влияние и на правовую систему

первого болгарского царства, потому что именно этот сборник был послан папой Николаем I болгарскому царю святому Борису¹⁰¹³.

Аларих принимал меры к усилению вестготского присутствия на всей территории королевства. На 490-е гг. приходится массовое переселение готов в Испанию, где ранее их было ничтожно мало для удержания власти в стране. В основном они поселились на территории Старой Кастилии, Астурии и Каталонии – в северной части страны. Но главной заботой Алариха было удержание северной границы королевства по берегу Луары. На ней ситуация изменилась радикально после того, как франки под предводительством короля Хлодвиг в 486 г. уничтожили галло-римское государство Сиагрия – последнего островка Римской империи в Галлии со столицей в Суассоне, существование которого продолжалось некоторое время после низложения Ромула Августула. Сам Сиагрий бежал в Толозу к Алариху, а тот, выполняя требование Хлодвиг из-за страха войны с ним, «приказал связать Сиагрия и выдать его послам»¹⁰¹⁴ Хлодвигу, по приказу которого Сиагрий был заколот мечом. С этих пор на правом берегу Луары находились уже владения франков, экспансия которых была тогда на подъеме. Но выдача Сиагрия лишь отсрочила войну с Хлодвигом.

После его крещения в Православной Церкви кафолики, жившие на территории Вестготского королевства и составлявшие там значительное большинство, стали тяготиться господством ариан, в надежде на защиту со стороны единоверного короля франков, и Хлодвиг воспользовался подобными настроениями. По просьбе Алариха на острове разделяющей владения двух королей реки Луары, вблизи деревни Амбуаз и города Тура, состоялись переговоры между ними. «Поговорив между собой, они вместе пообедали, выпили вина и расстались с миром, пообещав друг другу дружбу»¹⁰¹⁵. Дружбу однако расстраивали продолжавшиеся притеснения кафоликов со стороны ариан. Особое возмущение вызвало среди кафолических франков известие об удалении со своей кафедры епископа Родезского Квинциана, которому было предъявлено обвинение в измене в пользу новообращенного

народа франков: «Ведь ты желаешь, – говорили ему, – чтобы франки владели этой страной и здесь господствовали»¹⁰¹⁶. Ему угрожали смертью, так что он вынужден был тайно покинуть город и перебраться в Клермон, который тогда принадлежал бургундам.

В 507 г. Хлодвиг решил воевать против вестготов. Он, по словам святителя Григория Турского, «сказал своим: “Я очень обеспокоен тем, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдемте с Божьей помощью на них и, победив их, подчиним нашей власти страну”. И так как его речь понравилась всем, Хлодвиг, выступив с войском, направился в Пуатье»¹⁰¹⁷, где тогда находился Аларих. Сражение франков с вестготами произошло в долине Вогладе (Вуйе), близ Пуатье. Вестготы потерпели поражение, а сам Аларих пал в этой битве. И лишь вмешательство короля остготов Теодориха Великого, на дочери которого был женат павший король, спасло королевство вестготов от уничтожения. Новым королем вестготов стал сын Алариха и по матери внук Теодориха Великого, 5-летний Амаларих, которого увезли в Испанию. Ввиду его несовершеннолетия правил государством оруженосец Теодориха Тиудис, которого он назначил опекуном (tutor) своего внука.

В Галлии однако с франками продолжал воевать незаконнорожденный сын Алариха Гезалих, пока он не умер в 511 г. Развивая успех в этой войне, франки оккупировали Аквитанию, по меньшей мере до Гаронны, овладели столицей вестготов Толозой, захватили хранившуюся там королевскую казну, а затем, действуя в союзе со своими недавними противниками бургундами, осадили Арелат. Но Теодорих, решив вмешаться в ход военных действий, направил войска под командованием комита Иббы против франков и бургундов, и тот одержал победу: враги, по, возможно, преувеличенной оценке Иордана, потеряли более 30 тысяч человек убитыми¹⁰¹⁸. Оставшиеся в живых франки и бургунды ушли на север.

После их поражения не вся старая римская Провинция была возвращена вестготам: ту ее часть, которая расположена к востоку от Ронны, Теодорих включил в состав своего

королевства, но Септимания (Семиградие) с городами Нарбонн, Ним, Каркассон, Магалон, Лодев, Агд и Безье была оставлена вестготам. Главный город провинции Нарбонн и стал, после утраты Толозы, захваченной франками, новой столицей Вестготского королевства. С этих пор не только территориально, но и по количеству готского населения основную часть королевства составляла уже Испания. Туда уже в массовом порядке переселялись остававшиеся до тех пор в Галлии готы. К северу от Пиренейских гор вестготское население сохранилось лишь в Септимании. Эмиграция стала особенно массовой после того, как постановлением собора, созванного в Орлеане в 511 г., все арианские церкви в пределах Франкского королевства были закрыты. Переселенцы селились в Астурии, Каталонии, Леоне, Арагоне, Старой Кастилии, но теперь также и на юге страны – в Новой Кастилии, Эстремадуре, Севилье. Королевская резиденция была со временем перенесена из Нарбонна в испанскую Барселону.

Отношения вестготского королевства с франкским были нормализованы. Когда Амаларих подрос, он женился на дочери Хлодвиг Хлотхильде. К тому времени сам Хлодвиг умер, но его сыновья, разделившие между собой королевство франков, охотно отдали сестру замуж за короля вестготов. Когда между наследниками Хлодвиг началась междоусобная борьба, Амаларих решил вмешаться в нее. В результате сын Хлодвиг Хильдеберт стал его врагом. Между тем супруга Амалариха Хлотхильда, исповедовавшая православие, терпела от мужа, тщетно пытавшегося склонить ее к переходу в арианство, притеснения и оскорбления. Как рассказывает Григорий Турский, «когда она шла в святую церковь, он приказывал бросать в нее навоз и различные нечистоты, и наконец, говорят, он так ее жестоко избил, что она переслала брату платок, пропитанный ее кровью»¹⁰¹⁹.

В 531 г. Хильдеберт оправился в поход в Испанию против своего зятя. «Узнав об этом, Амаларих приготовил корабли для бегства. Когда Хильдеберт был уже недалеко, а Амаларих должен был подняться на корабль, он вспомнил, что оставил много драгоценных камней в своей кладовой. И когда он возвращался

в город, чтобы взять их, войско Хильдеберта отрезало ему путь в порт. И, видя, что ему не удастся бежать, он в поисках убежища устремился к христианской церкви. Но прежде чем он достиг священного порога, один из преследователей метнул в него копье и смертельно ранил его, и там он упал и испустил дух»¹⁰²⁰. Так в возрасте 29 лет в Барселоне погиб последний король из династии Балтов.

Королевский престол перешел к бывшему оруженосцу Теодориха Великого и опекуну Амалариха остготу Тиудису, который и при повзрослевшем короле продолжал держать в своих руках бразды государственного правления, так что никто не осмелился выступить против него, когда он провозгласил себя королем, не будучи лицом династическим. Тиудис окончательно перенес столицу королевства в Барселону, завершив трансформацию остготского королевства из галло-римского в испано-римское с той же самой готской и арианской верхушкой, тонким слоем возвышавшейся над многократно превосходившей численно массой латиноязычных кафоликов.

3. Королевство свевов

Свевы, в отличие от готов, принадлежали к западногерманским народам и в начале III века входили в состав алеманнского союза племен. В 406 г. часть народа двинулась вместе с другими германцами и аланами на прорыв рейнского лимеса. В 411 г., при разделе захваченного варварами Пиренейского полуострова, они получили южную часть Галлекии, или Галисии, в состав которой входил и север современной Португалии, где находилась столица их королевства Брага. История пиренейских свевов, не имевших, подобно готам, франкам или англо-саксам, своего летописца – такого, как Иордан, Григорий Турский или Беда, – известна крайне скудно и фрагментарно, с существенными лакунами.

Преемник Гермериха, при котором создано было королевство со столицей в Браге, Рехила, как и его отец, до конца жизни оставался язычником, но его сын Рехиар, правивший с 448 по 456 г., принял православное христианство; примеру короля последовал его народ, что, с одной стороны, способствовало смягчению режима господства над ставшими их единоверцами местными иберо-римлянами, а с другой – снискало свевам покровительство со стороны имперской власти. В королевстве свевов чеканилась монета римского образца, что символизировало его принадлежность империи. При Рехиаре свевы существенно расширили свои владения, захватив земли, оставленные вандалами, которые ушли в Африку. Королевство простиралось тогда на почти всю западную часть Пиренейского полуострова и доходило до Средиземного моря.

Но в 456 г. экспансии свевов был положен предел. Они вступили в войну с вестготами и бургундами, окончившуюся для них катастрофой. В сражении под Асторгой на берегу реки Орбиго, состоявшемся 5 октября 456 г., свевы потерпели жестокое поражение от вестготов и бургундов. Почти все они были перебиты. Король Рехиар, как пишет Иордан, бежал с поля битвы в сторону моря, сел на корабль, но, «отброшенный назад бурей на Тирренском море, попал в руки везеготов.

Переменною стихии, – философически замечает Иордан, – несчастный не отсрочил смерти»¹⁰²¹. Король вестготов Теодорид удержал однако победителей от убийств сдавшихся в плен и мирных свевов, поставив правителем над ними своего клиента из германского племени варнов Агивульфа.

Из Толозы к свевам направлен был арианский епископ Аякс, который переманил их в свою ересь. Когда ставленник вестготского короля Теодорида Агивульф попытался править самостоятельно как король, Теодорид выслал против него отряд, который легко одержал победу над дружиной вышедшего из повиновения вассала. Агивульф был схвачен и обезглавлен. Свевы, как рассказывает Иордан, послали к Теодориду священников, чтобы «молить его о пощаде»¹⁰²². В русском переводе соответствующего места из Иордана говорится о жрецах¹⁰²³, но переводчик и комментатор Иордана Е. Ч. Скржинская здесь допускает ошибку: Иордан пишет о *contuentes locorum sacerdots*¹⁰²⁴ (священниках этих мест). Со времен правления короля Рехиара свевы приняли православное христианство, после гибели Рехиара они под давлением победителей-вестготов перешли в арианство, но местное латиноязычное население оставалось, разумеется, православным, и посланцами к Теодориду направлены были христианские священники, более вероятно, что православные, но, возможно, и ариане, но только не языческие жрецы. Король, как пишет Иордан, «принял их с подобающей их... сану почтительностью»¹⁰²⁵ и не только не подверг свевов изгнанию из страны, но и разрешил им избрать себе короля из своего народа. Избранным оказался Римисмунд. В действительности свевы восстановили тогда свою независимость от вестготов не столько из-за великодушия Теодорида, как объясняет дело Иордан, сколько опираясь на поддержку со стороны Римского императора Майориана, который был недоволен тем, что Теодорид содействовал поставлению императором его предшественника Авита, оказавшегося кратковременным правителем. Это произошло, вероятно, в 461 г., незадолго до свержения Майориана.

На этом сведения о королевстве пиренейских свевов прерываются до середины VI века, когда правивший ими король Харарих вместе со своим народом перешел из арианства в Православие.

4. Королевство бургундов

Восточногерманский народ бургундов, перебравшийся некогда из Скандинавии на берега Вислы, переселился оттуда на Рейн. С пребыванием их на Рейне связан вопрос о времени их обращения в христианство. «По утверждению Орозия, они приняли ортодоксальное христианство в 417 г.; но большинство авторов полагает, что из язычества они сразу перешли в арианство, и случилось это где-то между 413 и 436 гг.»¹⁰²⁶. В 437 г., при взятии рейнской столицы бургундов Вормса гуннами, погиб король Гундахар и истреблена была большая часть народа.

После этой катастрофы остатки народа были по приказу всемогущего тогда в империи Аэция размещены в Сапаудии, или Савойе, расположенной вокруг Женевского озера и с южной стороны Юрского хребта. Их новой столицей стала Женева. Бургунды селились в занятой ими стране родами, так называемыми фарами, отчего принадлежащих к ним лиц называли фараманами. Местное население, страдавшее не от малоземелья, но от обременительных налогов в пользу имперского фиска, не враждовало с пришельцами. По словам клирика V века Сальвиана, римский плебс просил о том, чтобы ему «было позволено жить с варварами»¹⁰²⁷. Режим, установленный бургундами для местных галло-римлян, был относительно благоприятным. Король привлекал образованных римлян к делам государственного управления. Правда, при разделе земли бургунды, подобно вестготам, но в отличие от остготов, брали в пользование себе две трети, а не одну треть, но это были в основном земли, заброшенные своими галло-римскими собственниками, так что это бремя не было разорительным для местных жителей. В 443 г. империя заключила с ними новый союз – foedum. Бургунды сражались бок о бок с римлянами на Каталаунских полях в 451 г.

Но в 456 г. они, действуя уже вопреки воле имперского правительства, воевали в союзе с единоверными арианами вестготами против незадолго до этого принявших православие све-

вов. Возвращаясь в следующем году с Пиренейского полуострова домой, бургунды по пути захватили две имперские провинции: Лионскую и Вьеннскую. Император Майориан приказал дать им вооруженный отпор – бургунды отступили, но когда римские войска ушли, они вернулись, вновь овладели этими провинциями и устроили свою новую столицу в Лионе, так что с этих пор у них было две столицы: одна в Лионе, а другая в Женеве. В последующие десятилетия территория королевства расширялась в северном и южном направлении по обоим берегам Ронны, в конце V века простираясь от Шампани до Приморских Альп.

Первым королем бургундов после их поселения в Сапаудии был Гундиох. Григорий Турский называет его сыном вестготского короля Атанариха¹⁰²⁸. Эта версия ни в каких других источниках не находит подтверждения и поэтому едва ли достоверна, можно предполагать, что этот король имел все-таки бургундское происхождение и, возможно, состоял в родстве с павшим при защите рейнской столицы королевства от гуннов Гундахаром, или Гунтиарием. В 473 г. он умер, после него осталось четыре сына: Гундобад, Хильперих, Годегизил и Годомар.

Гундобад по матери был племянником знаменитого фабриканта западных императоров Рицимера. Годом раньше император Олибрий назначил его магистром армии федератов. После смерти Олибрия от чумы в течение полугода на Западе не было императора и Италия находилась во власти германских варваров во главе с магистром и патрицием Гундобадам. По его указанию в марте 473 г. в Равенне был провозглашен императором во всем зависевший от него Гликерий. Но получив известие о смерти отца, Гундобад покинул Равенну и уехал в Бургундию. Вначале братья договорились о разделе отцовского наследства на три части, но почти сразу между ними разгорелась междоусобная борьба. Более опасным соперником Гундобада был Хильперик, которому при разделе королевства достался Лион. Победив Хильперика, Гундобад убил своего брата мечом, а его жену утопил в реке, привязав к ее шее камень. Несмотря на свое арианство, Хильперик благосклонно относился к своим православным подданным, поддерживал дружеские отношения

с епископом Лиона святым Пациентом, и его жена была православной. В Православии были крещены и две их дочери, оставшиеся сиротами: Хрона, принявшая впоследствии монашеский постриг, и святая Хродехильда, или Клотильда, ставшая женой короля франков Хлодвиг. После устранения Хильдерика большая часть бургундского королевства оказалась под властью Гундобада. Меньшей частью владел Годегизил, об участии в дележе отцовского наследства и в последовавшей затем междоусобной войне четвертого из братьев, Годомара, ничего не известно.

Король бургундов и римский патриций, Гундобад в 490 г. не удержался от вмешательства в вооруженную борьбу, в ходе которой решалась судьба Италии, поддержав Одоакра против Теодориха Великого, но его помощь не повлияла на окончательный исход войны, в которой Одоакр потерпел поражение, а в лице Теодориха Гундобад нажил себе могущественного врага. Но Теодорих в стремлении к сплочению германских народов способен был пренебречь старыми счетами, в примирении с ним заинтересован был и бургундский король. Поэтому в 494 г. остготский и бургундский короли заключили союзный договор. Этот союз направлен был главным образом против короля франков Хлодвиг, который в ту пору оставался язычником.

В 500 г. разгорелась междоусобная война между Гундобадом и Годегизилом. Войне предшествовал сговор Годегизила с Хлодвигом, который незадолго до этого принял крещение от православного епископа Реймса Ремигия. Годегизил, по словам Григория Турского, тайно отправил к Хлодвигу «послов с такими словами: “Если ты мне окажешь помощь в преследовании моего брата, чтобы я смог убить его в сражении или изгнать из страны, я буду ежегодно выплачивать тебе установленную тобой дань в любом размере”. Тот с радостью принял это предложение, обещал ему помощь, где бы она ни потребовалась, и в условленный срок послал войско против Гундобада»¹⁰²⁹. Не подозревая Годегизила в предательстве, Гундобад, узнав о том, что войско франков двинулось в поход против него, просил брата помочь ему отраз-

ить общего врага: «Объединимся против враждебного нам народа, чтобы нам, если мы будем действовать поодиночке, не претерпеть того, что претерпели другие народы». И тот ответил: «Я приду со своим войском и окажу тебе помощь»»¹⁰³⁰. Войска трех королей сошлись на поле битвы около крепости Дижона. Следуя предварительному сговору, Хлодвиг и Годегизил вместе напали на отряд Гундобада и разбили его. Сам король, потерпевший жестокое поражение, бежал в Авиньон, а Годегизил водворился в отнятом у брата Вьенне. Гундобад был в страхе не только за свою власть, но и за самую жизнь, но Хлодвиг не захотел отнимать у побежденного противника ни жизни, ни даже его королевства, ограничившись наложением ежегодной дани, и Гундобад принял это условие и выплатил дань за текущий год, пообещав выплачивать ее и впредь, после чего решил отомстить брату за его коварство.

Он осадил Вьенн, где тот заперся. Когда в городе стало иссякать продовольствие, Годегизил приказал изгнать из него «меньший люд»¹⁰³¹. Среди изгнанных оказался и мастер-водопроводчик, который, негодуя на оказанное ему пренебрежение, «пришел к Гундобаду и показал, каким образом он может проникнуть в город и отомстить брату. Под его началом вооруженный отряд направился по водопроводному каналу, причем многие, шедшие впереди, имели железные ломы, так как водопроводный выход был закрыт большим камнем. По указанию мастера они, пользуясь ломami, отвалили камень и вошли в город»¹⁰³², напав с тыла на защитников городских стен. Крепостные ворота были открыты, осаждающие ворвались в город и начали истреблять его защитников и мирных жителей. Годегизил укрылся в арианской церкви, но его извлекли оттуда вместе с епископом ариан, и обоих убили. Затем были казнены сенаторы и бургунды, державшие сторону убитого короля. Среди защитников Вьенна был отряд франков. Их Гундобад приказал переправить в Тулузу к королю вестготов Алариху II. Так вся Бургундия была воссоединена под властью единого правителя.

Несмотря на пленение франков, Гундобаду удалось избежать новой войны с Хлодвигом, и позже, в 507–510 гг., он как

союзник франков воевал против вестготов. В сражении, состоявшемся в долине Вогладе около Пуатье, войска вестготов были побеждены, а их король Аларих пал в этой битве. Вестготы вынуждены были после этого оставить почти все свои владения в Галлии, и они были разделены между франками и бургундами, но из-за вмешательства Теодориха Великого, выступившего в защиту интересов своих побежденных сородичей, бургунды вынуждены были передать занятый ими Прованс остготскому королю.

Если верить Григорию Турскому, находясь во Вьенне, Гундобад тайно принял от православного епископа этого города святого Авита миропомазание, тем самым присоединившись к Православной Церкви, но, несмотря на увещевания епископа, призывавшего его открыто и всенародно исповедовать истину: «Ведь ты, король, боишься народа, не зная, что лучше: или чтобы народ следовал твоей вере, или чтобы ты потакал слабости народной? Ибо ты – глава народа, а не народ – глава тебе... Ведь “Бог поругаем не бывает”, потому что Он не любит того, кто из-за земной власти не исповедует его в этом мире» –... Гундобад... до конца своей жизни упорствовал в своем безрассудстве и не хотел всенародно признать единосущность Троицы¹⁰³³.

По словам того же историка, Гундобад «среди бургундов установил более мягкие законы, по которым они не должны были притеснять римлян»¹⁰³⁴. Эти законы изложены в так называемой «Бургундской правде», в подлиннике – «Lex Burgondionum» или «Lex Gundobada» (Закон Гундобада), который дошел до нас в позднейшей редакции, относящейся уже к 530-м годам. По характеристике Л. Мюссе, «“Бургундская правда” – один из самых римских среди всех варварских кодексов – недвусмысленным образом утверждает равенство в статусе между римлянами и бургундами¹⁰³⁵. «Правда» позволяет римлянам носить оружие и служить в армии, допускает смешанные браки, назначает одинаковый вергельд – денежный штраф за убийство бургундов и галло-римлян.

В свои ближайшие советники бургундские короли приглашали образованных и умудренных опытом римлян – при

Хильперике это был знаменитый Сиагрий, при Гундобаде – Лаконий при его преемнике Сигизмунде – Пантаганат. Административное устройство королевства имело черты дуализма, параллельные с остготским государством Теодориха Великого. Король для галло-римлян носил титулы *magister militum* (магистр армии), *patricius Galliae* (патриций Галлии), *vir illuster* (сиятельный муж), а для бургундов он был «господином нашим королем» (*dominus noster rex*). В округа – паги – назначалось по два губернатора – граф для бургундов и комит для римлян, как правило, из среды самих римлян, нередко из числа наследственных сенаторов. Летосчисление в королевстве велось по консульским датам.

Король Гундобад умер в 516 г., и бургундский престол мирно и благополучно перешел к его сыну Сигизмунду.

5. Королевство франков и Хлодвиг

После прорыва рейнского лимеса в 406 г., в котором однако не участвовало ни одно из франкских племен, франки начали более интенсивную инфильтрацию на земли, расположенные на левом берегу Рейна, – экспансии способствовало разрушение пограничных кастелов.

В отличие от готов или вандалов, франки в основном воевали в пешем строю, немногочисленная кавалерия составляла у них воинскую аристократию. Их наступательным оружием были короткий меч с одним лезвием – скрамасакс, а также копье – фрамея. Лишь всадники сражались длинными обоюдоострыми мечами. Оригинальным видом вооружения являлся метательный топор, или секира, которую позже в Испании стали называть по народу, от которого она была заимствована, – франциской. В бою использовали и так называемый ангон – разновидность копья с треугольным наконечником, употреблялся и такой вид оружия, как лук. Сравнительно редко франки применяли оборонительное оружие – щиты и шлемы. Характеризуя воинские нравы франков, Л. Мюссе писал: «Воин является главной опорой франкского государства... Франкское завоевание знаменовало собой победу Kriegerkultur (воинской культуры) над все еще глубоко гражданской цивилизацией поздней Римской империи»¹⁰³⁶.

К середине V столетия франки захватили важнейшие города рейнского лимеса: Трир, Кельн и Майнц, а затем продвинулись дальше на запад, овладев территорией современной Бельгии, французской Фландрией и Пикардией, включая города Аррас и Камбре. При этом они, как правило, не любили селиться в самих городах, каменные строения которых представлялись им похожими на гробницы, но в сельской округе, оставляя города, которыми они овладевали, их прежним жителям – романизованным галлам и романизованным германцам.

Характерная особенность расселения франков внутри лимеса, отличавшая их от восточно-германских народов, или

свефов, совершавших стремительные рейды из одного конца империи в другой и составлявших при завершении своих походов исключительно тонкий слой на многократно превосходящей массе покоренных и безоружных римлян, заключалась в том, что они, во-первых, не уходили далеко от своей исторической родины, на которой осталась значительная часть народа, и, во-вторых, в том, что на завоеванной территории они составляли значительную часть населения, вынужденные поэтому продолжать заниматься крестьянским трудом: разводить скот и пахать землю, в то же время готовые в любой момент под началом своих королей воевать с противником, иными словами, это была своего рода милиция, подобная казачеству, а не военная аристократия, правившая завоеванными туземцами. Поэтому у франков, и до их крещения, не было острой необходимости в неукоснительной сегрегации с галло-римским населением – ношение отдельными римлянами оружия и их участие в войнах бок о бок с завоевателями, ввиду многочисленного присутствия франков в стране, не несло с собой угрозы их власти.

По оценке Х. Леве, доля германцев в населении северной Франции составляла от 15 до 20 процентов; в любом случае она во много раз превосходила долю восточных германцев в численности населения римских провинций, в которых они господствовали. «Северная Галлия поэтому в течение долгого времени была двуязычной»¹⁰³⁷. Но сравнительно высокая плотность франкского присутствия относится, естественно, лишь ко времени их пребывания на северо-востоке Галлии, а не к позднейшей эпохе, когда при Хлодвиге они овладели большей частью страны. Около 100 тысяч франков приходилось на примерно полмиллиона галлоримлян до Хлодвига, а затем, к концу его правления, – на страну с населением, приближавшимся к 5 миллионам, иными словами, пропорции стали соизмеримыми с теми, которые характеризовали соотношение римлян и варваров в Испании и Италии.

Отношение местного населения к пришельцам истории нового времени характеризуют по-разному. Замечательная подборка таких оценок сделана Ф. Бродемом: «Анри Пиренн любил

повторять, что варвары варваризировали Империю, но утонули в массе ее населения, утратив свой язык и переняв латынь и романские языки, утратив свою религию и переняв христианство. Но кто только не поносил в более или менее сильных выражениях этих, как пишет Люсьен Ромье, “обжорливых, громогласных, дурно пахнущих проходимцев”! Для одного знаменитого историка франки – это “рассадник всех пороков, средоточие разврата, предательства, жестокости”... Теперь на смену прежнему образу свирепых воинов, обрушившихся на Западную Европу, приходит образ “людей, в изумлении взирающих на то, как обваливаются стены Империи, в ворота которой они до сих пор стучались и входили на цыпочках” (*limes* для германцев была *Teufelmauer*, стеной дьявола). Что же до их вождей, то уже Франсуа Гизо, ставший в этой области предтечей современных историков, описывает, как они “упорно рядились в какие-нибудь римские обноски, подобно негритянскому царьку, что облачается в европейский мундир”»¹⁰³⁸.

Сам Ф. Бродель особый акцент делает на постепенности и длительности процесса инфильтрации франков, наряду с иными варварскими народами, – процесса, начало которого на целые столетия предшествовало эпохе великого переселения: «Процесс проникновения варварских народов из-за Рейна начался очень рано. Осуществлялось оно тысячами способов, посредством римской армии и шло веками: *limes* по Рейну выступал щитом, но одновременно и фильтром, давая возможность безопасно вербовать солдат и рабочую силу. Рабы-варвары трудились у крупных землевладельцев, варвары-солдаты... смешивались с местным населением... Варвары повсеместно изменяют сельский ландшафт, ибо разрушение и поджоги *villae* оборачивались появлением разбросанных там и сям деревень и деревушек, в которых отразился способ ведения хозяйства у древнего населения Германии... Я отнюдь не сторонник теории Огюстена Тьерри – что франки были предками дворян эпохи старого режима, а галлы – предками сервов и пролетариев... однако замечу, что франкская знать пополнила ряды... местной галло-римской знати... Франкская аристократия упрочила и закрепила ту структуру общества,

которая... сохранится с необходимыми трансформациями по крайней мере до конца Старого порядка, если не дольше»¹⁰³⁹.

В V веке у салических франков было несколько королевств: так, в конце V века в Камбре правил король Рагнахар, королем франков, которых с известной долей условности называют рипуарскими, был Сигиберт Хромой, резиденция которого находилась в Кельне, но самым сильным было королевство, которым с середины столетия правил Хильдерик из рода или племени сигамбров, потомок Меровея, по Григорию Турскому, – его сын, в действительности однако отделенный от него двумя или тремя коленами. В любом случае Меровея, ставший эпонимом династии, жил до прорыва рейнского лимеса. Родовым отличием Меровингов было ношение длинных волос. В связи с этим Ж. Ле Гоф писал не без доли иронической брезгливости, едва ли оправданной: «Франкский король, возводимый на трон поднятием его на щите, в качестве инсигний, вместо скипетра или диадемы, имел лишь копье, а его отличительным знаком являлись длинные волосы (*rex crinitus*). Этаким царь Самсон с гривой волос, переезжавший из одного своего владения в другое в сопровождении нескольких писцов, домашних рабов и гвардии антрустионов. И ко всему прилагались дивные титулы, позаимствованные из словаря поздней Римской империи. Старший конюх именовался “главным конюшим», или коннетаблем, личные охранники – “палатными графами», и все это собрание пьяных солдат и неотесанных служащих величалось “славными, или именитыми, людьми”. Налоги более не поступали, и богатство короля было заключено в сундуках с золотыми монетами, стеклянными изделиями и драгоценностями, которые после его смерти оспаривали друг у друга его жены, наложницы, законные и незаконные дети, производя одновременно раздел земель и всего королевства»¹⁰⁴⁰.

Столицей Хильдерика был город Турн. Григорий Турский рассказывает, что франки, возмущенные тем, что Хильдерик, «отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей»¹⁰⁴¹, лишили его королевской власти и изгнали из страны. Это не было мятежом – верховная власть в германских

королевствах принадлежала собранию свободных мужчин, способных носить оружие. Это случилось, наверное, в самом начале его правления, в середине 450-х гг. Хильдерик нашел убежище у короля тюрингов Базина. Оставшись без короля, франки признали над собой власть назначенного императором Майорианом магистра армии Эгидия, резиденция которого находилась в Суассоне. Но правление чужеземца оказалось чрезмерно обременительным для франков, и народ захотел, чтобы им снова правил их природный король.

Хильдерик вернулся из изгнания, в котором оставался 8 лет, а вскоре после этого к нему из Тюрингии прибыла супруга тамошнего короля Базина, оставившая своего мужа. Если верить Григорию Турскому, она сказала Хильдерiku: «Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобою»¹⁰⁴², и Хильдерик взял ее в жены. Роман их, вероятно, начался в Тюрингии. От этого брака родился Хлодвиг. В 463 г. Эгидий нанял Хильдерика как федерата для ведения войны с вестготами, и войско франков вместе с римской армией сражалось с ними вблизи Орлеана, отстояв границу римских владений на севере Галлии по Луаре. Затем, уже в 468 г., сменивший Эгидия римский военачальник Павел, действуя вместе с франками Хильдерика, в битве под Анжером отразил нападение саксов, ранее овладевших островами на реке Луаре между Анжером и Сомюром, но сам был убит в этом сражении, а Хильдерик со своими франками и с римлянами преследовал их до их возвращения на свои острова. Имя Хильдерика исчезает из хроник и других документов с 468 г. до его кончины, а умер он в 481 г. в возрасте около 40 лет. В 1653 г. в Турне была найдена его могила.

Наследником Хильдерика стал его 16-летний сын Хлодвиг, родившийся от Базины. Григорий называет его «великим и могучим воином»¹⁰⁴³, Фредегар пишет, что он был храбрым, как лев¹⁰⁴⁴, а в «Салической правде» он назван «стремительным и прекрасным»¹⁰⁴⁵. Первое упоминание о его королевских деяниях у Григория относится к его войне с сыном Эгидия Сиагрием, которая приходится на пятый год его правления, следовательно, речь идет о событиях, происходивших в 485 г.

Римский патриций и магистр армии, Сиагрий правил на севере Галлии как представитель Римского государства, в то время как сама римская власть на Западе пала, упраздненная Одоакром. Поэтому не провозглашая себя императором и оставаясь римским чиновником, Сиагрий никакому императору не подчинялся – Константинополь находился слишком далеко от Галлии, и связи со столицей империи на Босфоре Сиагрий не поддерживал, так что лишь благодаря его уважению к римским традициям и неприятию сепаратизма его владения юридически оставались частью римского диоцеза. Своей резиденцией Сиагрий, подражая отцу, выбрал Суассон, расположенный между Парижем и Реймсом.

О войне, уничтоживший этот последний отколовшийся от потонувшего материка островок римского мира, известно из рассказа Григория Турского: «Против Сиагрия выступил Хлодвиг вместе со своим родственником Рагнахаром, у которого тоже было королевство, и потребовал, чтобы Сиагрий подготовил место для сражения. Тот не уклонился и не побоялся оказать сопротивление Хлодвигу. И вот между ними произошло сражение. И когда Сиагрий увидел, что его войско разбито, он обратился в бегство и быстрым бегством двинулся в Тулузу к королю Алариху»¹⁰⁴⁶. Хлодвиг потребовал от короля вестготов выдачи Сиагрия, и «Аларих, боясь, как бы из-за Сиагрия не навлечь на себя гнев франков, – готам ведь свойственна трусость, – приказал связать Сиагрия и выдать его послам»¹⁰⁴⁷. Хлодвиг повелел содержать побежденного противника под стражей, а потом он был по его приказу заколот мечом. В результате этой войны территория королевства Хлодвига более чем удвоилась, охватывая весь север Галлии, за исключением Арморики, которая в результате переселения туда бриттов, бежавших с острова от англосаксов, становилась тогда Бретанью и ни от кого не зависела, и простираясь до Луары, за которой находились уже владения вестготов. На юго-востоке королевство франков граничило с Бургундией. Его новой столицей стал отнятый у Сиагрия Суассон.

Захватив новые земли, франки с увлечением занялись грабежом, разоряя многочисленные виллы и церкви, «так как Хлод-

виг, – по меланхолическому замечанию его биографа Григория Турского, «был еще в плену языческих суеверий»¹⁰⁴⁸. На нравы короля и его воинов, на политический строй и порядки королевства обильный свет проливает одна история, случившаяся в связи с разграблением церквей. В одном из разоренных храмов была похищена чаша удивительной красоты, и тогда епископ, имя которого Григорий не называет, но, по Фредегару, это был Ремигий, кафедра которого находилась в Реймсе, обратился к Хлодвигу с просьбой, если уж невозможно вернуть все награбленное в этой церкви, то чтобы, по меньшей мере, он приказал возвратить эту чашу, и король, выслушав посланцев епископа, сказал: «Следуйте за нами в Суассон, ведь там должны делить всю военную добычу. И если этот сосуд, который просит епископ, по жребию достанется мне, я выполню его просьбу»¹⁰⁴⁹.

В Суассоне при дележе добычи Хлодвиг попросил воинов уступить ему, кроме законно принадлежащей ему доли, еще и эту чашу. В ответ те воины, кто, по словам Григория, «были поразумнее, сказали: «Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!». Как только они произнесли эти слова, один вспыльчивый воин, завистливый и неумный, поднял секиру и с громким возгласом: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию», – опустил ее на чашу. Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью. Он взял чашу и передал ее епископскому послу»¹⁰⁵⁰. Из происшедшего видно, что король не обладал абсолютной властью, что он не многим отличался по своему статусу от племенных вождей и что «неразумный» воин пошел на столкновение с королем, настаивая на неприкосновенности старинного права свободных франков делить добычу между всеми, включая короля, по жребию, от которого готовы были отказаться другие воины, те, что «поразумнее», принимая новый, еще только складывавшийся порядок, основанный на признании исключительных прав короля, простирающихся уже так далеко, что и

самих себя «разумные» готовы были признавать находящимися во владении короля.

Уступив при дележе добычи, Хлодвиг однако решил отомстить непокорному и дерзкому франку, и, чтобы преподать урок другим, он сделал это принародно, на глазах у воинов, собравшихся год спустя на Мартовском поле – это был традиционно созывавшийся в марте боевой смотр, носивший, очевидно, также характер народного собрания, на котором вооруженные воины выносили важнейшие решения: «Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержат они свое оружие. И когда он обходил ряды воинов, он подошел к тому, кто ударил (секирой) по чаше, и сказал: “Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся». И вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: “Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне”»¹⁰⁵¹.

Свою власть, идущую вразрез с древними обычаями, Хлодвиг отстаивал с непоколебимой решительностью и жестокостью, готовый к риску – реакцией на расправу могло бы стать возмущение, тем более что еще относительно недавно его отец Хильдерик подвергался низложению и изгнанию волею народа. Власть над все еще свободными франками Хлодвиг наилучшим образом мог удержать военным успехом, победами над врагами. И его правление сопряжено было с чередой таких побед.

В 491 г. он воевал с обитавшими в сердце Германии тюрингами, с которыми у него могли быть родовые или семейные счеты – мать короля Базина в первом браке была замужем за королем тюрингов – и одержал над ними победу. Ход этой войны и условия мира почти не известны, но потерпевшие поражение тюринги, сохранив королевство, признали свою зависимость от франков, которая, возможно, выражалась и в выплате дани.

Два года спустя Хлодвиг принудил выдать за него замуж племянницу бургундского короля Гундобада 18-летнюю Хродехильду, или Клотильду, мать которой была утоплена по приказу ее дяди. В ту пору бургунды вместе со своими королями исповедовали арианство, но Хродехильда унаследовала от матери православие и, как и ее сестра Хрона, обнаруживала горячую приверженность вере. Ее муж Хлодвиг ко времени брака имел уже сына Теодориха от наложницы. Когда же Хродехильда родила мальчика, она настояла на том, чтобы он был крещен в православной церкви. Но ребенок, названный в крещении Ингомером, умер, по словам Григория Турского, «еще в белых одеждах»¹⁰⁵². В гневе отец сказал тогда жене: «Если бы мальчик... был освящен именем моих богов, он непременно остался бы живым...». На что королева ему отвечала: «Я благодарю всемогущего Господа, Творца всего, за то, что он не счел меня недостойной и захотел взять рожденное из чрева моего в царство Свое. Душа моя не печалится по этому поводу, ибо я знаю, если кто-то призван из этого мира в белых одеждах, то должен пребывать в царстве Божием»¹⁰⁵³. Вскоре за тем королева родила второго сына, и тот был также крещен – с именем Хлодомера. Когда и он заболел, отец с укором говорил жене, что «с ним случится то же, что и с его братом... Крещенный во имя вашего Христа, он скоро умрет». Но, спасенный, – по словам Григория, – молитвами матери, сын по воле Божией выздоровел»¹⁰⁵⁴.

Клотильда не уставала убеждать мужа принять учение Христа и, вероятно, посеяла в его душе сомнение в вере своих предков, но Хлодвиг продолжал держаться за нее, пока в нем не произошла перемена, вызванная обстоятельствами новой войны, которую он вел на этот раз с алеманнами. В этот племенной союз входили и знаменитые со времен Цезаря свевы, часть которых, отделившись от оставшихся на исторической родине – на Десятинных полях между верховьями Дуная и Рейна – соплеменников, отвоевала себе землю на северо-западе Пиренейского полуострова, создав там государство со столицей в Браге. Алеманны первыми напали на франков. В грозной сече успех склонялся уже на сторону

алеманнов. И тогда Хлодвиг, отчаявшись в помощи от своих отечественных богов, обратился с молитвой к Иисусу Христу, «Кого Хродехильда исповедует Сыном Бога живого»¹⁰⁵⁵, дав Ему обет креститься в случае победы. По словам Григория Турского, «как только произнес он эти слова, алеманны повернули вспять и обратились в бегство. А увидев своего короля убитым, они сдались Хлодвигу»¹⁰⁵⁶. Подобно тюрингам, и алеманны оказались под своего рода протекторатом франков.

Вернувшись в Суассон, Хлодвиг стал думать об исполнении данного им обета. Чтобы укрепить его в решимости стать христианином, королева пригласила епископа близлежащего Реймса святого Ремигия для беседы с мужем. Сомнения Хлодвиг связаны были с опасением, что после крещения от него отвернется его народ, приверженный вере предков, но его опасения оказались напрасными. Франки изъявили готовность к перемене религии. Крещение Хлодвиг состоялось в праздник Рождества Христова в баптистерии Реймского кафедрального собора. По приказанию Ремигия баптистерий, собор и улицы города были празднично украшены, и, как писал святой Григорий, «новый Константин подошел к купели, чтобы очиститься от старой проказы и смыть свежей водой грязные пятна, унаследованные от прошлого. Когда он подошел, готовый креститься, святитель Божий обратился к нему с такими красноречивыми словами: “Покорно склони выю, Сигамбр, почитай то, что сжигал, сожги то, что почитал”»¹⁰⁵⁷. Вслед за королем крестилось, как рассказывает Григорий Турский, более 3-х тысяч воинов, крестилась и сестра Хлодвиг Альбофледа, которая вскоре после этого отошла ко Господу. В относительно скором времени крещено было, вероятно, большинство тех франков, которыми правил Хлодвиг.

Победа над алеманнами и последовавшее за нею крещение Хлодвиг в «Истории франков» отнесено к «15-му году его правления»¹⁰⁵⁸. Это место из книги считается позднейшей вставкой. Разные историки датируют это событие интервалом от 496 по 498 г. Но существует и принципиально иная точка зрения относительно времени крещения Хлодвиг, когда оно переносится на значительно более позднюю дату. Она

высказана была Б. Крушем Ван ден Вивером¹⁰⁵⁹. Эта версия базируется на написанном около 567 г. письме епископа Турского Ницетия, адресованном лангобардской королеве Хлотинде, внучке Хлодвиг, в котором тот связывает крещение ее деда с посещением им Тура, где покоятся мощи покровителя этого города святителя Мартина, а такое посещение наиболее вероятным образом могло произойти во время его войны с вестготами, поскольку в конце V века Тур оставался еще под властью вестготов¹⁰⁶⁰. Излагая эту версию, Л. Мюссе сам склоняется к традиционной дате: «Ортодоксальная вера Хлодвиг благоприятствовала ему в борьбе с готами в 507 г.; было бы правдоподобней, если он уже восемь или десять лет принадлежал к ортодоксальной Церкви, чем если точкой отсчета было только минувшее Рождество. Но это предположение, – пишет однако историк, – не является доказательством»¹⁰⁶¹.

И все же при иной версии – крещении Хлодвиг незадолго до его кончины – многие из событий, относящихся к его правлению, становятся труднообъяснимыми. Его поразительные военно-политические успехи не только с высшей, но и с вполне прагматической точки зрения представляются вполне понятными с учетом того обстоятельства, что в течение последних 15 лет он воспринимался народом Галлии, в том числе и жившими под властью арианских королей вестготов и бургундов, как естественный союзник и защитник ввиду его единоверия с ним. Франки одержали верх над другими германскими народами в борьбе за господство над Галлией и в конечном счете над всем Западом, потому что, в отличие от других варваров, они вслед за своим королем приняли не еретическое арианство, а православие, которое исповедовали романизованные народы Запада, многократно превосходившие численностью своих завоевателей. Немаловажным фактором превосходства франков над религиозными отщепенцами готами, вандалами, бургундами и свевами было и то, что, крестившись, они стали единоверцами могущественных императоров, правивших в Константинополе.

В 500 г. Хлодвиг вмешался в междоусобную вражду между бургундскими королями братьями Гундобадом и Годегизилом на

стороне Годагизила, который в свое время спас от смерти его жену Клотильду, отец которой Хильперик вместе со своей женой, матерью Клотильды, был погублен Гундобадам. В решившем исход войны сражении под Дижоном Гундобад потерпел поражение, после чего он взял на себя обязательство платить ежегодную дань Хлодвигу.

Самым грандиозным успехом Хлодвига стала его победа над вестготами, с владениями которых королевство франков граничило по Луаре. В эту войну он вступил в 507 г. под религиозным знаменем освобождения православных римлян от господства еретиков-ариан. На этот раз в союзе с ним действовал король бургундов Гундобад. В битве, состоявшейся в долине Вогладе (Вуйе) в окрестностях Пуатье, вестготы были разбиты, а их король Аларих II погиб. За этим последовала оккупация франками Аквитании вплоть до Гаронны. Победители овладели столицей вестготского королевства Толозой, захватили королевскую казну, а затем, действуя вместе с бургундами, осадили Арелат. Но в дальнейший ход войны, как уже было сказано, вмешался король остготов Теодорих Великий. Он направил к Арелату войско под командованием графа Иббы, и тот в сражении у стен города, состоявшемся в 508 г., одержал победу – осада Арелата была снята.

Но поражение в сражении с остготами не помешало франкам занять принадлежавшие вестготам земли на юге Галлии. В результате войны Аквитания перешла во власть Хлодвига, и таким образом размеры его королевства удвоились, охватив большую часть Галлии. У вестготов в Галлии остались лишь Гасконь и Септимания – западная часть Прованса, который был разделен по течению Ронны, так что ее левый берег с Арелатом отошел к остготскому королевству. Зависевшая от Хлодвига Бургундия сохраняла статус отдельного королевства, а на северо-западе полной независимостью пользовались заселившие Арморику бритты.

Города Аквитании были многочисленнее, богаче и благоустроеннее городов севера – Нейстрии, что значит «новой земли», – так называлась часть королевства франков, составлявшая прежде государство Сиагрия, и тем более Австразии (восточной

земли), которую Хлодвиг унаследовал у своего отца Хильдерика. Поэтому Хлодвиг задержался на юге, проведя целую зиму в Бурдигале (Бордо), затем побывав в Толозе и Ангулеме, откуда он прибыл в Тур, кафедральный город святого Мартина, где покоились его мощи. Там он принес «много даров святой базилике блаженного Мартина»¹⁰⁶².

В этот город ему была доставлена грамота императора Анастасия «о присвоении ему титула консула, и в базилике святого Мартина его облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец. Затем король сел на коня и на своем пути от двери притвора базилики... до городской цер, с исключительной щедростью собственноручно разбрасывая золото и серебро собравшемуся народу. И с этого дня он, – по словам Григория, – именовался консулом или августом»¹⁰⁶³. Эти его титулы были значимы и важны для его галло-римских подданных, которые продолжали мыслить себя гражданами Римского государства, в то время как для соплеменников франков он, естественно, оставался прежде всего их королем.

Комментируя дарование Хлодвигу консульского титула, Л. Мюссе писал, что его «возведение... в ранг почетного консула (ясно, что о фактическом консульстве речь не шла) не было из ряда вон выходящим событием; это достоинство и раньше уже присваивалось варварам (которые, правда, служили империи непосредственным образом): это был дипломатический шаг с целью поздравить короля с победой над вестготами и добиться продолжения союза с ним в борьбе против остготов. Но что подумать об императорских атрибутах (пурпурная туника, диадема) и титуле Августа? Историки придерживались самых разных взглядов. Для одних (прежде всего Фюстеля де Куланжа) в этом было зерно истины: Анастасий попытался узаконить власть Хлодвигу и сделать его своим представителем на Западе; для других... речь идет просто-напросто о легенде... На самом деле Анастасий пожаловал королю франков только звание почетного консула; остальное было лишь инсценировкой по местной инициативе, исходившей либо от самого Хлодвигу, либо от турецкого духовенства, желавшего отпраздновать свое избавление от готов»¹⁰⁶⁴. Именно это, собственно, и вытекает

прямым образом из слов Григория Турского, который писал о присвоении Хлодвигу консульского титула и о том, что он сам уже именовался после этого не только консулом, но и августом. Из Тура Хлодвиг не вернулся в Суассон, но сделал своей столицей Лютецию парисиюв, или Париж.

В последние годы своего правления Хлодвиг переключил внимание с юга Галлии на исконные земли франков, лежавшие по обоим берегам Рейна, где еще сохранялись независимые королевства франков. Они и стали объектом дальнейшей экспансии, завершившейся их поглощением.

Первым делом он решил разобраться со своим родственником, королем Сигибертом, под властью которого находились франки, традиционно называемые в историографии рипуарскими. Для ликвидации государства Сигиберта он воспользовался властолюбием его сына Хлодериha и отправил к нему посланца, поручив ему передать такое предложение: «Вот твой отец состарился, у него бо́льшая нога, и он хромает. Если бы он умер, то тебе по праву досталось вместе с нашей дружбой и его королевство»¹⁰⁶⁵. Предложение оказалось заманчивым, и когда однажды Сигиберт, покинув свою столицу Кельн, отправился погулять в Буконском лесу, сын подослал к нему убийц. О гибели отца Хлодериh немедленно известил Хлодвиг, и тот направил к нему посланцев, которым отцеубийца решил показать отцовскую кладовую. И, как пишет Григорий Турский, «во время осмотра различных драгоценностей он им сказал: “В этом сундучке обычно мой отец хранил золотые деньги». В ответ на это они ему предложили: “Опусти до дна руку... и все перебери». Когда он это сделал и сильно наклонился, то один из них поднял секиру и рассек ему череп»¹⁰⁶⁶. Узнав о случившемся, Хлодвиг прибыл в Кельн и созвал там народ, которому он представил происшедшее в таком виде, чтобы отвести обвинение от себя. Хлодериh, виновный в гибели отца, по его словам, «погиб, не знаю, кем сраженный, когда он открывал кладовую своего отца. Но во всем этом я совершенно не виновен. Ведь я не могу проливать кровь моих родственников, поскольку делать это грешно»¹⁰⁶⁷. Трудно сказать, поверил ли народ заверениям Хлодвиг в своей

невиновности, но его совет: «Обратитесь ко мне, дабы вам быть под моей защитой»¹⁰⁶⁸ – народом был принят: люди «в знак одобрения стали ударять в щиты и кричать, затем подняли Хлодвигу на круглом щите и сделали его над собой королем»¹⁰⁶⁹.

Характеризуя способ, которым Хлодвиг присоединил к своим владениям Кельнское королевство, А. Азимов называет его «невероятно подлым» «даже по его собственным меркам»¹⁰⁷⁰. Но удивляет в этой кровавой интриге не сама по себе подлость, которая, вероятно, во все времена была неотъемлемым качеством политической борьбы, а ее варварское простодушие, рассчитанное то ли на поразительную доверчивость народа, то ли на его полное безразличие к нравственной стороне дела. Биограф Хлодвигу Григорий Турский, в отличие от придирчивого современного писателя, свой невозмутимый рассказ об уничтожении кельнского королевского дома завершает философическим замечанием: «Так ежедневно Бог предавал врагов его в руки его и увеличивал его владения, ибо он... ходил с сердцем правым перед Господом и делал то, что было приятно Его очам»¹⁰⁷¹.

Затем наступила очередь еще одного родственника Хлодвигу – Харариха, который, вероятно, не имел королевского титула, но был вождем, то есть герцогом салических франков, обитавших в устье Рейна. Хлодвиг обвинил его в том, что он остался сторонним наблюдателем во время войны с Сиагрием. Многократно превосходивший его силой, Хлодвиг разгромил противника, сам Харарих и его сын были схвачены и по приказу Хлодвигу принудительно рукоположены: отец – в пресвитера, а сын – в диакона. Владения Харариха перешли Хлодвигу. Вынужденные стать клириками, бывшие властители, которые, как и сам Хлодвиг, принадлежали к роду Меровингов, не теряли надежды вернуться к власти. Хлодвигу стали известны слова, сказанные сыном Харариха: «Эти ветви срезаны на зеленом дереве, но ветви вовсе не засохли и быстро могут вновь отрасти. Если бы так же быстро погиб тот, кто это сделал»¹⁰⁷². В них содержалась угроза: «они отрастят себе волосы и убьют его»¹⁰⁷³. И. Хлодвиг приказал отрубить им головы.

Затем он расправился с королем Рагнахаром, столицей которого был город Камбре. Подкупленные Хлодвигом лейды, слуги Рагнахара, обратились к нему с просьбой пойти войной против их собственного короля, и тот откликнулся на эту просьбу. Остававшиеся верными королю дружинники были легко разбиты. Рагнахар и его брат Рихар бежали, но были схвачены своими же людьми, им связали руки за спиной и в таком виде привели к Хлодвигу, и тот, обращаясь к Рагнахару, сказал ему с укором: «Зачем ты унижил наш род тем, что позволил себя связать? Лучше тебе было бы умереть». И, подняв секиру, рассек ему голову»¹⁰⁷⁴. Затем с подобным же наставлением он зарубил его брата Рихара, третий брат был убит в своем городе Ле-Манне по его же приказу. Умерщвлены были и другие его родственники, имевшие королевское достоинство.

По рассказу Григория Турского, уничтожив всех своих реальных и потенциальных соперников, Хлодвиг, собрав своих людей, сказал им: «Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности»¹⁰⁷⁵. Как справедливо замечает в связи с этой жалобой биограф Хлодвига, «это он говорил не из жалости к убитым, а из хитрости: не сможет ли он случайно обнаружить еще кого-либо (из родни), чтобы и того убить»¹⁰⁷⁶. Но коварство короля, столь очевидное для Григория, не препятствует ему быть апологетом этого «нового Константина», к которому он испытывал искреннюю благодарность за его главный подвиг – крещение франков, благодаря которому православные галло-римляне в лице своих завоевателей обрели защитников от иноверцев, будь то язычники или ариане.

В 511 г. в Орлеане состоялся собор епископов Франкского королевства, на котором вынесено было постановление об изгнании из страны еретиков-ариан.

Хлодвиг умер в Париже 27 ноября 511 г. в возрасте 45 лет, после 30 лет правления. Его останки были погребены в парижской церкви Святых апостолов, которая была построена его иждивением. Впоследствии она была посвящена святой

Женевьеве. Вдова Хлодвиг Хродегильда, или Клотильда, причисленная Западной церковью к лику святых, «после смерти своего мужа приехала в Тур, и там она прислуживала при базилике святого Мартина, проводя все дни своей жизни в высшей степени скромно и добродетельно и редко посещая Париж»¹⁰⁷⁷.

В последние годы правления Хлодвиг был составлен «Салический закон» (Lex Salica), у нас, по примеру древнерусских юридических сборников, получивший название «Салической правды». Этот сборник сохранился в значительном числе рукописей, представляющих его разные редакции, но относящихся к более поздней эпохе, так что его оригинальная версия представляет собой результат текстологических реконструкций. Первоначальная редакция сборника включала 65 статей. Как писал исследователь «Салической правды» А. Дживилегов, «вопрос о времени появления древнейшего текста поддается приблизительному разрешению. Подспорьем при этом служит самый текст. В статье 46-й упоминается Луара; если только это не позднейшая глосса, что мало вероятно, то Салическая Правда не могла возникнуть раньше войны Хлодвиг с вестготами (507)»¹⁰⁷⁸. В прологе к сборнику говорится о том, что после своего крещения франки установили эти законы на трех судебных собраниях, созванных в разных местах.

Главным источником законодательных норм «Салической правды» является обычное право франков, весьма близкое праву других германских народов. Некоторые из норм заимствованы из готского права. Влияние римского права на «Салическую правду» минимально. В состав сборника вошли также законы, направленные на защиту Церкви и церковного достояния и содержательно восходящие к каноническому праву. «Салическая правда» написана на латинском языке – франки времен Меровингов своей национальной письменности не имели, но это варварская латынь с множеством отступлений от классической латинской грамматики, с германизмами в синтаксисе и орфографии, обильно уснащенная германскими вокабулами. Помимо того, составители включили в латинский

текст, в его наиболее важных местах, так называемую мальбергическую глоссу, написанную на франкском наречии и предназначенную для судоворения – *in mallobergo* значит «на собрании», или «на суде».

«Салическая правда» предназначена была для франков – право во Франкском королевстве носило персональный характер, и галло-римляне жили по римскому праву после отвоевании Аквитании у вестготов – в том его изложении, которое содержится в «Бревиарии Алариха», представляющем собой краткую версию «Кодекса Феодосия», а германцы – по своему обычному праву, которое и изложено было в «Салической правде» с учетом перемен, вызванных, с одной стороны, поселением франков на территории, где местное население, покоренное ими, продолжало существовать в пространстве римского права, а с другой – обращением народа в христианскую веру.

Сборник состоит из двух частей: в первой речь идет о вызове в суд и о штрафах, во второй – о судебном производстве и о нормах семейного и брачного права. Затрагиваются в нем и другие темы, и в целом его содержание, с учетом сведений, почерпнутых из иных, менее информативных источников, дает комплексное представление о государственном устройстве франкского королевства, юридическом статусе лиц разных сословий, о правовых институтах и социальной структуре франкского общества, об экономических отношениях и хозяйственной деятельности франков.

Королевство франков (*Regnum francorum*), фактически независимое, юридически со времени крещения Хлодвиг считалось частью имперской территории. С тех пор как император Анастасий даровал Хлодвигу консульское звание, он стал в глазах местного галло-римского населения представителем императорской власти, его агентом. Наглядным выражением юридической, хотя и вполне номинальной зависимости была чеканка монет в королевстве с изображением императора Анастасия, а позже, до 613 г., – его преемников на их аверсе.

Реальная власть в государстве принадлежала народному собранию и королю. И исторические данные и текст «Салической правды» в ее разных редакциях говорят о том, что в соотношении этих двух источников верховной власти происходил сдвиг в сторону умаления полномочий народного собрания – *mallus*. На общегосударственном уровне это был своего рода воинский смотр, созывавшийся в марте и потому называвшийся Мартовским полем, на который обязаны были являться все свободные мужчины, годные для войны, и непременно с оружием. На поле король и его графы проверяли качество оружия и боевую годность франков. На таком собрании могли объявляться и одобряться важные политические решения, особенно связанные с войной и миром. Более реальным прагматически был осуществляемый на таких собраниях дележ воинской добычи. Собрание было полномочно рассматривать возникавшие в связи с таким дележом споры. Король, конечно, манипулировал ходом дел на Мартовском поле, но он вынужден был считаться с настроениями воинов – абсолютной властью он не обладал, и рудиментом эпохи военной демократии было верховенство собрания.

Королевская власть была наследственной, принадлежала исключительно Меровингам, которые, по политическим верованиям франков, обладали сакральным статусом и таинственной мощью, символом которой служили их длинные волосы, но порядок наследования внутри королевского дома не был установлен однозначными правилами, поэтому давал повод для распрей и конфликтов, однако от наследования королевского престола безусловно устранялись женщины, не только вдовы, но и дочери усопшего короля: это был принцип, который определял также порядок наследования земельных владений у франков и который в истории права получил название салической нормы, или салического закона. Король обладал властью главнокомандующего, был верховным правителем государства, но его законодательная и судебная власть ограничена была обычным правом и народным собранием – *mallus*.

Региональное управление осуществлялось принципиально по-разному на территории исконного обитания франков, а также над франками, жившими по соседству с галло-римлянами, с одной стороны, – и над галло-римским населением королевства, которое уже после присоединения Нейстрии, ранее управлявшейся Сиагрием, и тем более после победоносной войны с вестготами, многократно превосходило по численности господствующий слой франков – с другой. Король назначал правителями территорий, ранее приблизительно совпадавших с местом обитания отдельных племен, составивших франкский племенной союз, или, что почти то же, с покоренными им королевствами салических и рипуарских франков, графов. Граф обладал судебной властью на управляемой им территории. В свою очередь графства делились на сотни, которые назывались так потому, что для войны каждая из них должна была выставить по сто воинов, так что при монолитно франкском населении сотни оно насчитывало около тысячи человек, включая женщин, детей, стариков, рабов и полусвободных – литов, или лейдов. Точное число графств неизвестно, но их, конечно, было не менее 10, а сотен было, вероятно, в 10 раз больше.

На уровне сотни максимально полно обнаруживалось римское народное самоуправление. На собрание сотни, которое на латинском языке назывались *mallus*, а по-германски тингом или тунгом, приходили все свободные взрослые мужчины. Председательствовал на нем избранный самим собранием тунгин. Эти собрания «избирали из числа знатоков права коллегия судебных заседателей – рахинбургов»¹⁰⁷⁹, что в переводе значит «лучших людей». Графы направляли на эти собрания своих представителей – сотников, или центенариев, которые приводили в исполнение вынесенные судом приговоры и собирали в пользу королевской казны третью часть судебных штрафов, чем, собственно, и ограничивались полномочия агентов коронной власти.

Франки вносили в королевскую казну лишь штрафы по судебным приговорам, в отличие от галло-римлян, с которых взыскивались налоги. Франки служили королю вооруженной рукой, а галло-римляне – это, конечно, кабинетный этноним,

назывались они просто *romani* (римляне, или романцы), – свой долг перед государством выполняли уплатой денег в казну или натуральными поставками, хотя после крещения франков между этими двумя категориями лиц происходило сближение и для галло-римлян также открыта была возможность поступления на воинскую службу, до известной степени ставшая для части из них обязанностью, которая и их делала франками, в то время как природные франки все в большей мере стали употреблять язык завоеванной страны, так что со временем «франки» или «французы» стало названием уже единой и при этом романоязычной нации, но на завершение этого процесса понадобились столетия, и закончился он много позже эпохи Хлодвига, в которую франки, даже и знавшие латинский язык в его галло-римской версии, в своей среде пользовались еще германским языком своих предков.

В местах преобладания обложенного налогами галло-римского населения – в Нейстрии и Аквитании – административная система сохраняла в трансформированном виде унаследованное у Римского государства муниципальное устройство: более высокий, провинциальный, уровень административного деления исчезает на этой территории вместе с падением реальной власти Рима.

Главной административной единицей здесь являлся сохранившийся со времен романизации Галлии *civitas* (город и подчиненная ему сельская периферия. Эти округа до известной степени совпадали с древними галльскими племенными пагами. Правителями таких округов являлись назначаемые королем из среды франкской знати комиты – аналог графов, которые ставились для управления франкскими округами. На территориях с совместным проживанием галло-римлян и франков, вероятно, существовала параллельная администрация графов и комитов, либо одно и то же лицо являлось графом для франков и комитом для местного населения. При комите существовал чиновный аппарат, формируемый в основном из местного образованного или по крайней мере грамотного элемента. Его верхушечный слой мог состоять из лиц, принадлежавших к сенаторским фамилиям, а основную массу составляли потомки

куриалов, или декурионов античной эпохи. Civitates делились на викариатства, подобные по размерам собственно франкским сотням, во главе которых стояли назначаемые королевской властью викарии. Главным делом администрации был сбор налогов. Правда, в результате варварского завоевания и вызванного им культурного упадка бюрократическая система была основательно разлажена, а чиновный аппарат утратил прежнюю квалификацию, и такое замечательное средство налогообложения как ведение земельного кадастра, было прекращено. Муниципальная администрация, которая при этом утрачивала собственно муниципальные, основанные на самоуправлении, черты осуществляла также судебные функции по отношению к местному галло-римскому населению, что заодно являлось одним из средств пополнения королевской казны.

В местной администрации со временем всю большую роль стали играть епископы – границы епархий, или, как их стали называть на западе, диоцезов, часто совпадали с границами civitates и епископ являлся наравне с комитом или графом важнейшим сановником округа. При этом именно он выступал как защитник интересов и прав народа перед лицом коронной власти и непосредственно перед королем, тем более что нравы франков, даже и уже крещеных, все еще отличались варварской свирепостью, жертвой которой особенно легко становились безоружные и оттого фактически беззащитные без заступничества со стороны епископа или зависевших от него священников галло-римляне. Епископские кафедры часто занимали выходцы из сенаторского сословия, представители которого, несмотря на свое относительное бесправие в сравнении с франкской знатью и даже простыми франками, нередко сохраняли колоссальные богатства в виде земельной собственности, вилл, золотых монет и драгоценностей.

О сословной структуре франкского элемента в государстве Меровингов можно судить по размерам вергельда – назначаемого в «Салической правде» возмещения за убийство в пользу родственников убитого, ставшего заменой кровной мести, иными словами, это был достаточно полный аналог виры из

«Русской правды», этимологически родственной «вергельду» – у англосаксов *wege*. По сумме выплачиваемого за убийство вергельда франки делятся на три разряда, или сословия: королевских антрустионов, или дружинников, к числу которых принадлежали и занимавшие высшее положение среди них графы, жизнь которых была защищена вергельдом в 600 солидов; свободных франков, не принадлежавших к кругу служебной знати, в состав которой вошла и старая родовая знать, за убийство которых полагалось платить 200 солидов, и, наконец, так называемых лейдов, или литов, жизнь которых ценилась вдвое ниже – в 100 солидов. Их обыкновенно характеризуют как полусвободных, возможно это были потомки вольноотпущенников и завоеванных иноплеменников, ставших частью франкского народа, но не уравненных в правах с природными франками.

В «Салической правде» приведена колоритная такса вергельда, который взимается при нанесении разного рода увечий: «Кто вырвет другому руку, ногу, глаз или нос, платит 100 солидов (таким образом рука, глаз или нос полноправного франка уравнены в цене с жизнью лита. – *В.Ц.*); но если рука еще висит, то лишь 63 солида. Оторвавший большой палец платит 50 солидов, но если палец остается висящим, то только 30. Кто оторвет указательный палец (палец необходим для стрельбы из лука), платит 35 солидов; за другой палец – 30 солидов; если оторвет два пальца вместе – 35 солидов, а три пальца – 50 солидов»¹⁰⁸⁰.

Галло-римское население в «Салической правде» подразделялось также на три сословия: «королевских сотрапезников», к которым принадлежали епископы, высокопоставленные чиновники, по происхождению по большей части из сенаторских фамилий, как правило, они были крупными землевладельцами; поссесоров – землевладельцев средней руки, подобных по размерам земельной собственности средним и мелким помещикам императорской России, но это были также крестьяне, владевшие землей, которую они обрабатывали; и, наконец, трибутариев – земледельцев-арендаторов, обложенных повинностями в пользу владельцев земли, на

которой они были посажены, их правовой и социальный статус был подобным статусу колонов античного мира и средневековых сервов, или крепостных.

В собственности как франков, так и, гораздо чаще, галлоримлян находились лишенные гражданской правоспособности рабы, но рабский труд, за редкими исключениями, имевшими место в основном на юге страны, не являлся существенно важным фактором экономической жизни, в основном рабы заняты были домашним услужением состоятельным лицам. В отличие от древних времен рабовладелец, будь то франк или римлянин, не имел права распоряжаться жизнью и смертью своего раба. В случае криминального убийства раба вергельд не полагался, но владельцу убитого полагалось возмещение убытка. Вольноотпущенники из числа королевских рабов нередко включались в королевскую дружину, становились антрустионами и могли назначаться на высшие должности, в том числе графами или комитами.

Помимо франков и галло-римлян, в королевстве постоянно или временно проживали также выходцы из Леванта и других стран Востока, которых обыкновенно называли сирийцами и которые говорили по-гречески, а по вероисповеданию были либо христианами, и в таком случае их правовой статус был аналогичным с галло-римлянами, либо евреями, – и тогда они рассматривались как своего рода иностранцы, обладая в местах компактного проживания, главным образом в городах Аквитании, – в своих кварталах, – самоуправлением, на базе которого складывались впоследствии еврейские гетто. Занятием большей части сирийцев, будь то христиане или евреи, была торговля, и в особенности торговля деньгами: они владели меняльными конторами, ссужали деньги в кредит под проценты, иными словами, это были купцы и банкиры, но также ремесленники, особенно часто ювелиры. Это «они, – по словам Ф. Броделя, – поставляют государям дорогие ткани, пряности, наркотические вещества, именно они скупают золотые слитки и рабов»¹⁰⁸¹.

Присутствие в едином Франкском государстве двух обществ – франкского и галло-римского – затрагивало и экономическую область, и такой ее базовый элемент, как землевладение. Галло-римляне владели землей, представлявшей в ту эпоху главное богатство, по праву частной собственности – у франков преобладало общинное землевладение. Несмотря на бесчисленные бедствия, пережитые в ходе завоевания Галлии варварами: убийства, грабежи, пожары, хозяйственный упадок и разорения, – многие из потомков сенаторов и при франках оставались крупными собственниками земли, на которой посажены были трибутарии, или колоны, настоящими магнатами, жившими в роскошных виллах, подобных и по архитектуре и по хозяйственному устройству виллам рабовладельцев античного мира, и нередко владевшими сотнями рабов. Но и положение колонов иногда мало чем отличалось от рабской неволи. По характеристике Ф. Броделя, «галло-римская вилла с ее чудовищным скоплением людей... – это машина для подавления, перемалывания человеческих существ»¹⁰⁸², независимо от того, становились эти существа, которых «силой вербовали» из числа «нищих, странников, злоумышленников, солдатдезертиров»¹⁰⁸³, колонами или их прямо делали рабами.

У франков земля находилась в собственности короля или общин. Именно поэтому в «Салической правде» вовсе нет статей, которые бы касались сделок с землей. Один из важнейших институтов салического права – аллод. Этим термином обозначается собственность, передаваемая по наследству, причем наследниками аллода могут быть только мужчины. Применительно к двору, скоту, хозяйственному инвентарю и всему вообще движимому имуществу аллод – это собственность, но что касается земли – аллодом в эпоху Хлодвига был семейный надел, который не мог подлежать произвольному отчуждению, а в конечном счете оставался в собственности общины. Об отсутствии частной собственности на землю косвенным образом свидетельствует статья «Салической правды», в которой предусматривается случай, когда обедневший франк не может заплатить долг, штраф или

вергельд, он должен тогда поклясться, что «ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал»¹⁰⁸⁴, после чего он получал право обратиться за помощью к сородичам. «Для этого он должен был, стоя на пороге, бросить в них горсть земли, собранную из четырех углов своего дома. В первую очередь за помощью обращались к отцу и братьям, если же не хватало и их имущества, то к трем другим родственникам по матери и к трем по отцу»¹⁰⁸⁵.

Община у франков до Хлодвиг и завоевания Галлии основана была на кровном родстве и представляла собой поселение рода или большой семьи, включавшей родственников трех поколений, а после того как франки обосновались на новых землях, произошла неизбежная перегруппировка семей, проживавших в одном поселении, и на смену кровнородственной общине приходит соседская община, или марка, названная так от германского слова *marke*, что значит «граница», или, если угодно, межа, разделяющая земельные владения общины. В марке селились выходцы из нескольких родов, но между многими общинниками все равно имелись кровнородственные отношения. Относительно переселенцев в «Салической правде» существовало такое положение: «Если кто захочет... переселиться в виллу (здесь это не римская вилла, усадьба, но франкская деревня, в сложившемся позже французском языке слово *ville* и стало обозначать деревню, а позже в основном город. – В.Ц.) к другому и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права переселиться»¹⁰⁸⁶.

Поскольку общинники, входившие в марку, были связаны менее тесными узами, чем сородичи кровнородственной общины, они обладали большей хозяйственной самостоятельностью. Во времена до Хлодвиг между общинниками преобладали отношения, подобные тем, которые до XX века составляли основу русской общины: двор, скот, хозяйственный инвентарь находились в частной собственности; пастбища, леса, луга, покосы – в общем пользовании и общинной собственности; а пахотная земля – в общинной собственности и семейном

владении с регулярными переделами, обусловленными неизбежными изменениями в составе малых семей, которые ею пользовались. Затем наделы пахотной земли переходили в наследственное владение, но не в собственность семей, огораживались на время изгородью или плетнем, которые снимались после уборки урожая, и в конце лета земля становилась общинным пастбищем.

Хотя в эпоху Хлодвигу кровнородственная община уступала место марке, род оставался важным юридическим институтом у франков. Родичи давали поручительство за обвиняемого в суде, они помогали франку выплачивать штрафы, а «в случае его убийства делили пополам с его детьми причитавшийся за него вергельд. В отсутствие детей они наследовали его имущество. Вдова умершего находилась под опекой родни мужа, не властной помешать ее повторному браку с чужаком, но способной в этом случае вернуть в род часть нажитого ею с первым мужем имущества»¹⁰⁸⁷. Франк, желавший выйти из своего рода, заявлял об этом на судебном собрании в сотне (mallus). Если он затем умирал бездетным, его наследство переходило в королевскую казну.

Из разных мест «Салической правды» можно составить представление о хозяйственной деятельности франков. Они разводили скот: коров, овец, коз, свиней, домашнюю птицу, а также лошадей; рабочим скотом служили не только лошади и волы, но также ослы и мулы. Скот считался главным богатством семьи. За кражу и увечье скота налагались значительные штрафы. Занимались пахотным земледелием: сеяли рожь и пшеницу, овес и ячмень, бобы и горох, выращивали лен, – огородничеством, садоводством и даже виноградарством. Землю пахали плугом с железным лемехом. В эпоху Хлодвигу «улучшились методы обработки почвы. Обычными стали двухили трехкратная вспашка, бороньба, прополка посевов, молотьба с помощью цепов, вместо ручных начали применяться водяные мельницы... Прогресс в хозяйстве был следствием не только внутреннего развития франкского общества, но и результатом заимствования франками, а еще раньше вестготами и бургундами на юге Галлии более совершенных

методов ведения сельского хозяйства, с которыми они столкнулись на завоеванной римской территории»¹⁰⁸⁸. В пахотном земледелии франков стало преобладать двухполье. Побочное значение в хозяйственной жизни имели охота, рыболовство и бортничество. Ремеслами и торговлей во Франкском государстве в основном занимались галло-римляне.

Поселения франков, как правило, состояли из малого числа дворов, расположенных чаще всего в хаотическом беспорядке, представляя собой деревни или хутора. Жилые строения возводились в основном из дерева, но полы в таких домах были земляными. В центре более крупных поселений находилась площадь, на которой строилась церковь, обыкновенно из камня. Если это было торговое село, то торг велся на этой площади. Там же проходили сходки, на которых обсуждались общинные дела. В поселениях, являвшихся центрами сотен, проводились народные собрания – тунги.

О крупном землевладении у франков «Салическая правда» не дает сведений, вероятно, что в местах их компактного проживания не было земли, которая бы могла в крупных размерах изыматься из общинной собственности. И крупными землевладельцами франки были там, где основную массу населения составляли галло-римляне и где они устраивали виллы, подобные тем, что принадлежали римским магнатам. На этой территории находились, очевидно, и имения, входившие в королевский домен. Землей, населенной трибутариями, или колонами, владели также и монастыри.

В эпоху Хлодвига в Галлии, особенно на юге страны, еще сохранились многочисленные города, в основном с римским, а не франкским населением, решительно предпочитавшим деревенский простор, но численность их населения резко падает. При этом города меняют свой облик. Вокруг них возводятся крепостные укрепления там, где их не существовало раньше или где они были разрушены вторгшимися в Галлию варварами. Кроме того, в центральной части городов возводятся цитадели, в которых иногда умещаются все их жители. Нередко в цитадели перестраивались древние сооружения, имевшие иное назначение – амфитеатры, арены.

В городах строились приходские и монастырские церкви, в центре крупных городов воздвигались кафедральные соборы. На территории Галлии в эпоху Хлодвигу более 100 городов имели епископские кафедры. При этом деление страны на церковные провинции, во главе которых стояли митрополиты, в основном соответствовало тому устройству, которое восходило ко временам Феодосия Великого. Митрополичьи престолы находились в Реймсе, Трире, Везонтии (Безансоне), Ротомане (Руане), Туре, Битуриге (Бурже), Сеноне (Сансе), Бурдигале (Бордо), Элузе (Озе), Нарбоне, Арелате, Вьенне, Лионе.

Святой Григорий Турский в своей «Истории» называет имена многих епископов, занимавших кафедры Галлии. Так, цепь преемства своих предшественников по кафедре он начинает со святого Мартина Турского, за которым последовали Брикций, Арменций, Евстохий, Перпетуй, Волузиан, Вер и Лициний, на 11-м году служения которого умер Хлодвиг. Григорий Турский упоминает также нескольких епископов бургундского города Клермона: Артемия, Венеранда, Рустика, Намация, Епархия, Сидония – знаменитого поэта и оратора, который был зятем императора Авиты. Почти всех названных им епископов Григорий Турский именует святыми. Среди них он особым образом выделяет епископа Реймса Ремигия, который совершил крещение Хлодвигу. Воздавая хвалу святителям, возглавлявшим церкви Галлии, Григорий Турский цитирует некоего Павлина, возможно, это был епископ Ноланский: «Если же ты посмотришь сегодня на достойных епископов Господних, как, например, на Эксуперия из Тулузы, или на Симплиция из Вьенны, или на Аманду из Бордо, или на Диогениана из Альби, или на Динамию из Ангулема, или на Венеранда из Клермона, или на Амитию из Кагора, или, наконец, на Пегасия из Периге, то, как ни порочен наш век, ты все же безусловно увидишь, что они самые достойные хранители всей веры и благочестия»¹⁰⁸⁹.

6. Завоевание Британии англосаксами

Оставленные Римской империей бритты в середине V века подвергались грабительским нападениям пиктов с севера и скоттов со стороны моря, из Ирландии. Набеги варваров побудили бриттов к объединению. В результате появилось королевство логров во главе с Вортигерном, предки которого, возможно, принадлежали к местной романизованной знати и который был приверженцем получившего распространение в Британии пелагианского учения, отвергнутого Кафолической Церковью. Королевство логров, расположенное в юго-западной части Британии, было самым сильным из примерно десяти подобных ему бриттских королевств. В 453 г. логры в сражении со скоттами одержали победу, убив верховного короля Ирландии по прозвищу Ниал Девяти Заложников.

На некоторое время набеги прекратились и, по словам первого из историков Британии Гильдаса Мудрого, в страну вернулось былое благополучие, которое она знала в эпоху римской оккупации: «Остров сделался так богат всевозможными продуктами, что никто не помнил такого изобилия»¹⁰⁹⁰, а затем на Британию вновь обрушились бедствия варварских вторжений, и их причину Гильдас, верный традиции христианской историософии, идущей от Августина, находит в умножении грехов народа: «Вместе с... продуктами появилась и роскошь. С ней явились и пороки... Появилось не одно лишь блудодеяние, но все пороки... Царями делались не верные имени Божьему, а те, кто превзошел прочих в злодействах, и в скором времени их убивали те же, кто вознес... И не только простые люди были повинны в этом, но и паства Господня, и даже ее пастыри, следовавшие примеру всего народа. Словно пропитавшись вином, из-за своего пьянства, стали они тупыми и вялыми и... ослабли от опухоли злости, от лихорадки враждебности, от цепких когтей зависти, от неразличения добра и зла»¹⁰⁹¹. Риторический стиль Гильдаса не лишает читателя возможности обнаружить в его иеремиадах указания на пороки, которые характеризуют

национальные черты бриттов: пьянство, сварливость, склонность к раздорам.

И «Бог пожелал очистить Свою семью, запятнанную такой лавиной грехов»¹⁰⁹². На остров вновь обрушились бедствия: нашествие старых врагов – пиктов и скоттов, которые сеяли «по своему обычаю опустошение от одного края страны до другого»¹⁰⁹³ и в довершение зол, чума, которая «без меча скосила такое количество народа, что оставшихся в живых не хватало даже на то, чтобы похоронить мертвых»¹⁰⁹⁴. Обезлюдившая Британия оказалась уже не в состоянии дать отпор врагам. Тогда король логров Вортигерн после совещания с сановниками решил призвать на помощь против диких варваров германский народ саксов, которых раньше они хорошо знали потому, что их единоплеменники служили в римских гарнизонах британских городов. По горестному замечанию Гильдаса Мудрого, «защитой для страны, ставшей на деле ее погибелью, сочли они диких саксов, проклятых и ненавидимых Богом и людьми, и решили пригласить их на остров, как волков в овчарню, чтобы они прогнали северных варваров»¹⁰⁹⁵. В «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного есть указание на время этого призвания – оно приходилось на правление императора Маркиана¹⁰⁹⁶, следовательно, на 450-е гг., вероятно на середину десятилетия.

По словам Беда, «народ англов или саксов, приглашенный Вортигерном, приплыл на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова»¹⁰⁹⁷, первоначально собственно на юго-востоке Британии. Упоминание о трех кораблях отражает, вероятно, лишь первый момент в переселении выходцев из северной Германии. За первой морской экспедицией, своего рода рекогносцировкой, несомненно последовали другие. Поскольку саксы прибыли на остров по приглашению, как союзники, у них не было оснований опасаться за безопасность авангарда, который высадился в ничтожном числе, размещенном всего лишь на трех судах.

Назвав гостей англами или саксами, Беда затем уточняет, что это были, более определенно, выходцы «из трех сильнейших народов – саксов, англов и ютов»¹⁰⁹⁸. Саксы были действи-

тельно одним из самых многочисленных племенных союзов на севере Германии, который занимал приблизительно территорию современной Нижней Саксонии. В Британию переселилась лишь малая часть саксонского народа, тем не менее среди переселенцев именно они составили большинство, хотя впоследствии в результате перипетий позднейшей политической истории англосаксонских королевств язык, на котором говорили переселенцы из Германии, не имевший существенных диалектных различий, получил, как известно, название от другого этнонима – англов, которые, как и юты, едва ли были сильнейшими на своей германской родине, как о том пишет Беда. Юты занимали северную часть Ютландского полуострова, ту, что после их ухода занята была скандинавским народом данов и ныне составляет полуостровную часть Дании, но не весь народ ютов выселился с континента, иначе мог бы исчезнуть сам топоним Ютландия. А вот англы, занимавшие территорию, расположенную между саксами и ютами, соответствующую современному Шлезвигу, похоже, в конечном счете выселились почти полным составом, хотя и они оставили на исторической родине топоним Ангелн. Страна, покинутая англами, с тех пор опустела, и лишь некоторое время спустя она была заселена оставшимися по соседству с нею саксами.

У Прокопия Кесарийского, сведения которого о далекой для него Британии носят полужанровый характер, что признает и сам автор – один из своих рассказов о Британии он называет «совершенно подобным сказке»¹⁰⁹⁹, – упоминается еще один германский народ, поселившийся в Британии, – «фриссоны», то есть фризы – выходцы из Фрисландии, расположенной по берегам Северного моря в Нидерландах и Нижней Саксонии: «Имена этих племен следующие: ангилы, фриссоны и одноименное с названием острова бриттоны»¹¹⁰⁰. Бриттоны – это, конечно, кельтоязычные бритты, а вот германоязычное население Британии в эпоху, на одно столетие отстоящую от начала ее завоевания, Прокопий разделяет на два народа ангилы, под которыми подразумеваются, очевидно, англы, саксы и юты, и фризов. Фризы, сохранившие свою этническую и языковую идентичность до сих пор, действительно должны были иметь

отличие от близкородственных англов, саксов и ютов. Но на территории Британии, ставшей в результате ее завоевания германцами Англией, они относительно скоро были ассимилированы англосаксами. Впрочем, есть и иная интерпретация того обстоятельства, что из всех германских народов, поселившихся в Британии, Прокопий упоминает лишь «фрисонов» и «ангилов»: по предположению археолога Д. М. Вильсона, «хотя фризы, по всей видимости, населяли побережье Северной Голландии, возможно, что в то время фризы и саксы слились в одно племя... Фактически к моменту переселения в Англию племена англов, саксов и фризов (в меньшей степени более независимые юты) смешались в одну народность. Эту точку зрения подтверждает смешанный характер погребального инвентаря из наиболее ранних англосаксонских захоронений. Англосаксонские племена были близки и имели много общего до того, как прибыли в Англию»¹¹⁰¹.

Дело в том, что все эти племена принадлежали к северозападной, ингевонской группе германских народов и связаны были тесным языковым родством и общностью хозяйственных, культурных и бытовых традиций, проистекавшей от того, что вся их жизнь зависела от моря. Сам этноним «фризы», по словам Е. А. Шервуд, «произошел от слова “Frese” или “Fries”, переводимого как “закругленный край” или “кайма” и связанного с побережьем Северного моря», подобно тому как наименование «свевы» происходит «от слова “Saiws” или “Sewe”, означавшего море»¹¹⁰². Этноним «фризы» оставил свой след в топонимике Великобритании: залив у Эдинбурга в Шотландии поныне называется «Фризским морем». Со временем однако этнонимы «фризы» и «юты» были вытеснены, на тех и других распространилось название более многочисленного племени – саксы. Юты, правда, дали название острову Уайт, который у Беды именуется Вектой, – по отношению к ютам Беда употребляет нередко название «виты».

В «Войне с готами» Прокопия Кесарийского имеются меткие наблюдения над образом жизни завоевателей Британии: «Эти островитяне являются самыми сильными из всех нам известных

варваров и на бой идут пешими. Они не только никогда не занимались верховой ездой, но и не имели даже понятия, что такое за животное лошадь, так как на этом острове никогда не видели даже изображения лошади. По-видимому, такого животного никогда не бывало на острове Бриттии»¹¹⁰³. Это, конечно, преувеличение, но воевали англосаксы пешими, вероятно, и в хозяйстве они до некоторых пор не использовали лошадей. Корабли, на которых плавали англосаксы, были гребными, причем «у них не было специальных гребцов, но все они были сами гребцами»¹¹⁰⁴. Археологические данные подтверждают достоверность информации, содержащейся у Прокопия, кроме, разумеется, той, которую и сам он считает сказочной.

Беда, ссылаясь на народное предание – «говорят», – называет «первыми предводителями» выходцев из Германии, приплывших на остров, братьев Хенгиста и Хорзу. Поскольку имена эти в переводе значат «жеребец» и «кобыла», некоторые историки считают их слишком нарочитыми и вымышленными: для Л. Мюссе это «немыслимые имена»¹¹⁰⁵, историк отвергает и достоверность имени призвавшего их Вортигерна, «представляющего собой не что иное, как уэльский перевод латинского выражения, принятого за личное имя». Другие историки, однако, относятся с большим доверием к древним источникам, в частности к Гильдасу, Беде и «Англосаксонской хронике»: «Сегодня, – по словам Л. Мюссе, – история происхождения Кента в том виде, в каком ее прослеживает, например, Дж.НЛ.Майерс на основании археологических указаний или К. Джексон, в основном исходя из лингвистических свидетельств, охотно дает место анекдоту о Вортигерне, Хенгисте и Хорее, по крайней мере в качестве удачного символа. Некоторые, например Т. С. Летбридж и С.Ф.С.Хоукс, идут еще дальше и наделяют этих героев исторической реальностью, в которой им раньше было отказано»¹¹⁰⁶. Д. М. Вильсон называет Вортигерна, Хенгиста и Хорсу «полулегендарными» лицами, имена которых «возможно, выдуманы»¹¹⁰⁷.

У Беды приведена родословная братьев Хенгиста и Хорсы: «они были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих

провинций»¹¹⁰⁸. Праотец правителей Воден, или Оден, –лицо несомненно мифическое, это божество германцев, к которому возводили свое происхождение и другие короли англов, саксов и ютов, относительно достоверности иных предков Хенгиста и Хорсы, упомянутых Бедой, судить затруднительно.

В «Истории» Беды представлена карта расселения народов, обосновавшихся в Британии, в следующем виде: «Жители Кента и Векты происходят от ютов, как и обитатели земель напротив острова Векты в провинции западных саксов (Уэссекс. – *В.Ц.*), до сих пор называемых народом ютов. От саксов из области, известной ныне как старая Саксония (Нижняя Саксония. –*В.Ц.*), происходят восточные саксы, южные саксы и западные саксы (эти названия связаны с занятыми ими территориями Эссекса, Сассекса и Уэссекса. –*В.Ц.*) ... Из страны англов... вышли восточные англы, средние англы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии, то есть те, кто живет к северу от реки Хумбер»¹¹⁰⁹. Королевство Нортумбрия сложилось из двух более ранних образований: Дейры и Берниции, которая занимала южную часть Шотландии, ограниченную с севера заливом Ферт-оф-Форт. Но обозначенные Бедой регионы расселения германских племен в Британии отражают ситуацию, сложившуюся два столетия спустя после вторжения англосаксов.

Характеризуя действительный процесс колонизации на его начальном этапе, относящемся к середине V века, Л. Мюссе писал: «Двигаясь из трех зон высадки – эстуарий Темзы и Кент; Фенские горы; эстуарий Хамбера, – саксы быстро завладели восточной третью острова... Колонизация охватывала пахотные земли (новоприбывших скотоводство привлекало меньше, чем бриттов), разворачиваясь вдоль речных долин (которые бритты использовали мало). ... Это движение не было непрерывным и единообразным. Существовали саксонские аванпосты, глубоко вонзавшиеся в сердце страны, например в верховьях Темзы, и уцелевшие бриттские островки далеко на востоке, например вблизи Кембриджа»¹¹¹⁰. Маршруты продвижения поселенцев на запад проходили вдоль рек – от устья, где эти реки впадали в море, к их верховьям.

Англосаксы прибыли на остров как наемники, приглашенные местным правителем Вортигерном для помощи в отражении нападений пиктов. И «сначала, – как рассказывает Беда, – саксы сразились с врагами, нападавшими с севера, и одержали победу. Известия об этом вместе со слухами о плодородии острова и о слабости бриттов достигли их родины»¹¹¹¹, и оттуда стали прибывать новые переселенцы, получавшие землю для поселения. Так в Британии образовалась «непобедимая армия» саксов – «число пришельцев возросло настолько, что они начали наводить ужас на призвавших их местных жителей»¹¹¹². И не зря – «внезапно они заключили временное перемирие с пиктами... и повернули оружие против своих союзников»¹¹¹³. Поводом для войны послужило неисполнение постоянно возраставших требований о снабжении пришельцев съестными припасами.

Реакцией на агрессию стало вооруженное сопротивление. Бритты в этой войне потерпели поражение и подверглись массовому уничтожению. Но потери несли и захватчики. Так, под 455 г. в «Англосаксонской хронике» помещено известие: «Хенгест и Хорза сражались с королем Вортигерном в месте под названием Эгелестреп. Хорза был убит, и королевство досталось Хенгесту и его сыну Эску»¹¹¹⁴, но, несмотря на гибель короля, победы одерживали захватчики. Уже под следующим, 456-м годом в «Хронике» сообщается: «Хенгест и Эск сражались с бриттами в месте под названием Креганфорд и сразили там четыре дружины. Бритты оставили Кент и в великом страхе бежали до самого Лондона», а 9 лет спустя «Хенгест и Эск сражались с валлийцами у Виппеделсфлета и убили двенадцать валлийских элдорменов. С их стороны был убит один из танов по имени Виппед», и далее, под 473 г. читаем: «Хенгест и Эск сражались с валлийцами и захватили бесчисленные трофеи. Валлийцы бежали от англов, как от огня»¹¹¹⁵. «Англосаксонская хроника», составление которой началось в конце IX века, не может отличаться особой достоверностью в описании событий, происходивших четырьмя столетиями раньше, но общий абрис событий, связанных с завоеванием Британии, в ней все-таки отражен.

Характерно, что с некоторых пор противники англосаксов именуются в ней уже не бриттами, но валлийцами. И действительно, последним оплотом бриттов, сдержавших девятый вал агрессии германских захватчиков, стал Уэльс, где только и сохранилась в Великобритании просуществовавшая до наших дней валлийская, бриттская народность, другая часть которой эмигрировала на континент – в Арморику. О каннибальской беспощадности захватчиков выразительно говорит то обстоятельство, что, по данным современной генетической этноантропологии, в крови современных англичан примесь генов местного кельтского населения Британии ничтожно мала: бритты фактически не подверглись ассимиляции англосаксами – они были вытеснены в Уэльс, на Корнуолл, в Арморику и по большей части истреблены. Эта практика повторена была более тысячи лет спустя при освоении населенной индейцами Северной Америки.

Затрагивая тему истребления бриттов, Л. Мюссе писал: «Английский язык позаимствовал из языка бриттов только 15 или 16 слов, совершенно незначительных, и названия некоторых крупных рек (Темза) и городов (Лондон, Йорк, Линкольн), которые, вероятно, были известны завоевателям еще до падения Рима. Большинство городов было заброшено за ненадобностью (английская поэзия считает их *eald anta geweorc*, «древними постройками великанов»), практически ни одна вилла не была освоена вновь. Христианство исчезло (кроме расплывчатых очагов, выдаваемых названиями Экльс, Экльстон). Оружие, одежда, украшения, погребальная утварь полностью принадлежат к германской традиции»¹¹¹⁶. И все же на поставленный им вопрос: «Все ли бритты были уничтожены или изгнаны?» он дает отрицательный ответ, допуская ассимиляцию «какого-то количества романобриттов»: «В Кенте мы, вероятно, замечаем следы промежуточной фазы: в конце VI в. там существовал социальный класс *laet* (летов), который в германском мире обычно состоял из представителей покоренных народов, а в Кентербери в момент прибытия первых миссионеров (597 г.) еще сохранялась память о церковном характере некоторых зданий»¹¹¹⁷.

Патетическое описание обрушившихся на Британию бедствий, принадлежащее перу бриттского историка Гильдаса, почти буквально воспроизведено Бедой Достопочтенным: «Огонь этого свирепого вторжения охватил все здешние города (археологические данные не подтверждают буквальной достоверности этого утверждения – города подвергались постепенному запустению, обветшанию, которое началось задолго до вторжения саксов и даже пиктов и скоттов, а не были разрушены в результате вражеского штурма. – В.Ц.) и всю местность от восточного до западного и пылал, не оставляя никакого укрытия, пока не пожрал почти весь этот обреченный остров. Частные и общественные здания лежали в руинах, священников повсюду убивали у их алтарей, прелаты и народ равно... предавались огню и мечу, и некому было даже похоронить тех, кто принял жестокую смерть. Иные из несчастных уцелевших были загнаны в горы и безжалостно вырезаны; другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте, некоторые в печали отправлялись за море (в Арморику, настолько плотно заселенную тогда эмигрантами из Британии, что она получила новое наименование Бретани. – В.Ц.), в то время как другие остались на своей земле и владели жалкое существование, охваченные вечным страхом среди гор, лесов и высоких скал»¹¹¹⁸.

Не все англосаксы прибыли на остров для того, чтобы там поселиться, у многих цели были исключительно грабительскими, и они возвращались с награбленным на свою континентальную родину. И вот, когда число пришельцев в Британии уменьшилось, бритты, воспрянув духом, стали собираться в отряды, чтобы бороться с захватчиками: когда, «по прошествии времени жестокие разбойники вернулись домой, – пишет Гильдас Мудрый, – остатки несчастных жителей начали собираться с разных сторон, подобно стае пчел, рассеянных бурей, и всем сердцем воззвали к Нему, как говорится, “эфир наполнив мольбами». Чтобы не быть окончательно уничтоженными, они взяли оружие и выступили против своих победителей под началом Амброзия Аврелиана, который у бриттов именовался

Эмрисом Вледигом. Он же был почтенным мужем, единственным из народа римлян, пережившим ту бурю, в которой погибли и его родители, по праву носившие пурпур»¹¹¹⁹.

Амвросий Аврелиан, как и ранее него Вортигерн, был правителем «королевства логров», но в отличие от своего предшественника, в свое время призвавшего англосаксов, приверженца пелагианства, он был верным сыном Православной Церкви. Упоминание о пурпуре, который носили его предки, вызывает вопросы. Беда, воспроизводящий рассказ Гильдаса, не пишет о пурпуре, а только о том, что он «носил царское имя и достоинство»¹¹²⁰. Возможно, что в пору, последовавшую за эвакуацией римских легионов из Британии, кто-то из предков Амвросия, не исключено, что его отец, будучи романизованным бриттом и одним из высокопоставленных сановников римской администрации и в то же время принадлежа к местному знатному или даже королевскому роду – в народных преданиях Амвросий носит титул «короля логров», – провозглашал себя цезарем или даже августом и правил, подобно Сиагрию в Галлии, какой-то частью оставленной римлянами Британии. В недавнем прошлом Амвросий Аврелиан отличился в войнах с пиктами и скоттами.

Под его предводительством «бритты собрали силы, вынудили своих победителей к битве и с помощью Божьей победили. С того времени побеждали то бритты, то их противники, до года битвы у горы Бадон, где бритты сразили немалое число своих врагов спустя сорок четыре года после прибытия тех в Британию»¹¹²¹. Так датирует победоносное для бриттов сражение Беда. Но Гильдас, чьим сочинением он пользовался, упоминает 44 года в ином контексте: «случилось это, как мне ведомо, сорок четыре года и один месяц назад, и это был также год моего рождения»¹¹²². Весьма вероятно, что Беда, воспроизводя в пересказе Гильдаса, допустил ошибку, неправильно поняв текст предшественника, или, что более вероятно, пользовался рукописью, искажающей аутентичный текст. Гильдас написал свое сочинение «О разорении Британии» около 540 г., и поскольку он корректно датирует битву у Бадона, она, как считает большинство историков Британии, произошла в

493 или 496 г.¹¹²³. Наиболее вероятным местом этой битвы были окрестности курортного города Бата, расположенного вблизи Бристольского залива, отделяющего Уэльс от полуострова Корнуолл. Иными словами, натиск англосаксов был приостановлен в юго-западной части острова. Предводителем бриттов в этой битве был Амвросий Аврелиан, рядом с ним, возможно, сражался его племянник Артур – полулегендарный герой народных преданий и рыцарских романов средневековья, но ни Гильдас, ни Беда не упоминают короля Артура, в народном и литературном предании считавшегося племянником Аврелиана.

Амвросий, или Эмрис, согласно традиции, правил бриттским племенем логров до своей смерти в 508 г., передав королевский престол племяннику Артуру, если тот действительно существовал. Его кончину та же традиция, за достоверность которой поручиться трудно ввиду отсутствия подтверждающих ее надежных документов, относит к 542 г., когда король Артур пал в сражении с саксами при Камлане.

На рубеже V и VI веков граница между территориями, занятыми германцами и сохранившими независимость от них бриттами, проходила с севера на юг от залива Ферт-оф-Форт до Портсмута на берегу Ла-Манша, разделяя Британию на две примерно равные половины, при этом в населении страны все еще преобладали бритты, поскольку англосаксы не присутствовали в свободной от них Британии, а в завоеванной еще не все кельты были истреблены или изгнаны. К тому же значительная часть их переместилась с покоренного врагами востока острова на запад, в Уэльс, а не только в Арморику. Изначальное соотношение местного населения острова, не считая пиктов и скоттов его северной части – современной Шотландии – и пришельцев, составляло до 10 раз в пользу бриттов: их на острове проживало около миллиона, а число захватчиков, вероятно, не достигало и 100 тысяч. В результате истребления и эмиграции бриттов за море это соотношение, конечно, изменилось в пользу пришельцев, но на начальном этапе завоевания еще не самым радикальным образом.

Завоеватели не поселялись в городах, выстроенных в римскую эпоху. Как писал историк римской Британии А. Твэйт, «англосаксы не были жителями городов; маленькая деревня, окруженная открытым полем, была для них естественным местом жительства. Они не чувствовали себя как дома и в виллах, которые казались им столь же чуждыми, какими представляются арабским кочевникам нашего времени опрятные фермы итальянских колонистов в Ливии»¹¹²⁴. Завоеватели пренебрегали даже мощеными римскими дорогами, широкими и прямыми, предпочитая передвигаться по рекам или извилистым лесным тропинкам. Римское наследие в их представлении было связано с проявлениями темных и опасных сил, с которыми лучше не соприкасаться. В этой связи историки употребляют своеобразный термин *horror romani*, который обозначает ужас, внушаемый всем, что связано с Римом.

На завоеванной англосаксами территории материальная культура, насколько о ней можно судить по обнаруженным в ходе археологических раскопок артефактам, носила гомогенные аутентично германские черты. В раскопанных погребениях англосаксов языческой эпохи, в том числе и в ранних могильниках, относящихся к эпохе завоевания Британии, обнаружены многочисленные и разнообразные предметы: серебряные фибулы разных видов, пряжки, бытовая утварь – железные котлы, керамическая и бронзовая посуда, рога для питья, кубки; оружие – мечи, боевые топоры, копья, щиты. Реже встречаются украшения из золота и драгоценных камней, изделия из стекла, обломки музыкальных инструментов, не истлевшие куски ткани.

Своих покойников завоеватели и кремировали и предавали земле, но в более ранних захоронениях кремация преобладает над ингумацией. В отдельных, относительно редких, случаях они, подобно скандинавским германцам, перед сожжением полагали труп в корабль.

Поэтическое описание погребения короля, тело которого предается огню, содержится в англосаксонской поэме «Беовульф», написанной в VIII столетии, сюжет которой, хотя он относится к истории не Британии, но Скандинавии, и главным

образом к народу данов, воспроизводит, в мифическом преломлении, события, происходившие в эпоху, когда выходцы из родственных скандинавским народам и особенно данам ингевонских племен переселялись в Британию, завоевывая ее, так что в «Беовульфе» отражены обычаи и нравы и, главное, строй мыслей, чувств и верований не только данов, но и англосаксов, тем более что поэма написана на древнеанглийском языке и в Англии. Беовульф – король и мифический герой, победивший чудовищного дракона Гренделя, опустошавшего страну.

Когда состарившийся Беовульф умер, тело его сожгли на костре: «Костер погребальный воздвигли ведеры, мужи дружинные, украсив ложе щитами, кольчугами, как завещал им дружиннодержатель еще при жизни, – там возложили на одр возвышенный скорбные слуги старца-конунга; и скоро на скалах вскипело пламя, ратью раздутое; черный взметнулся дым под небо; столам пожара вторили плачи (ветра не было); кости распались, истлились мышцы, сгорело сердце... Дым от кострища растаял в небе; десять дней насыпали гауты курган высокий над прахом владыки, бугор могильный, заметный издали, морескитальцам знак путеводный. Ограду крепкую вокруг могильника они воздвигли, из камня стены, мужи искусные. Захоронили в холме сокровища, добычу битвы, витые кольца, и все, что было в пещере драконьей, – и вернулось в землю наследие древних и будет золото лежать под спудом вовек, как и прежде, от смертных скрытое».

7. Ирландия

В V веке в пространство цивилизованного мира впервые со времен существования Римской империи входит европейская страна, никогда не составлявшая части этой империи. Свой переход из доисторической, примитивной стадии развития в историческую она осуществила благодаря принятию ее народом христианства. Это была Ирландия. За нею тем же путем последовали другие страны и народы. В предшествующие столетия в пределах Европы включение в орбиту развитой цивилизации совершалось в результате завоевания Римом – впредь народы стали приобщаться к цивилизации чрез обращение ко Христу. Но это была уже качественно иная цивилизация: в V веке античный мир окончательно ушел в прошлое, уступив место миру христианскому.

Ирландия, Эйре – на исконном, но в свое время фактически забытом и в XX веке лишь с относительным успехом возрожденном гэльском, или гойдельском языке, в классической литературе известная как Гиберния, представляет собой остров, с трех сторон омываемый водами Атлантического океана, а с восточной – отделенный от Британии Ирландским морем и двумя проливами: Северным и Святого Георгия. Протяженность острова с северо-востока на юго-запад составляет около 775 километров, а в перекрестном направлении – около 440. Береговая линия отличается чрезвычайной изрезанностью, особенно на севере и западе, где расположены извилистые по своей конфигурации фьорды со скалистыми берегами. Восточный берег – низменный. На разном удалении от береговой линии разбросаны многочисленные острова миниатюрных размеров.

Поверхность страны в основном ровная, особенно в центральной части, которая так и называется Центральной низменностью. Посреди равнины возвышаются холмы. Распространены карстовые формы рельефа: воронки, пещеры. Вдоль берегов на разных сторонах острова расположены невысокие горные массивы гранитной породы: Коннемара и

Нефин-Бег на западе, Дерива на севере, Уиклоу на востоке, Керри на юго-западе. Самая высокая вершина, Каррантуил, возвышающаяся над горным массивом Керри, достигает 1041 метра. В недрах Ирландии лежат запасы свинцовой, цинковой, медной и серебряной руды, которые разрабатывались уже в древности. В горах много мрамора, особенно черного, гранита, известняка и других пород, пригодных для строительства и отделки. В равнинной части острова преобладают подзолистые и болотные почвы, подпочвенный слой богат залежами торфа.

По острову протекает самая полноводная река Британских островов – Шаннон и другие реки: Лиффи, Барроу, Блэкуотер.

Совокупная протяженность рек составляет около 15 тысяч километров. Ирландия – это также страна озер, которые называются на гэльском языке лохами: Лох-Ней, Лох-Корриб, Лох-Аллей, Лох-Ри, – и болот, заросших камышом и вереском. В древности значительная часть острова была покрыта широколиственными, в основном дубовыми лесами, но в течение многих веков они вырубались и в наше время сохранились в основном в горах. Для ландшафта Ирландии особенно характерны вересковые пустоши, мхи и лишайники. В то же время на острове произрастают средиземноморские растения, например мирт. В стране обитают те же звери, что и в центральной Европе: кабаны, лисы, зайцы, барсуки, куницы, горностаи. Среди редких видов перелетных птиц – зимующий в Ирландии гренландский гусь. И пресные воды острова и омывающий его берега океан богаты рыбой – особое промысловое значение имеют судак, треска, лососевые.

Морской климат Ирландии находится под господствующим влиянием Гольфстрима. Остров открыт ветрам океана, которые дуют с запада в течение 9 месяцев в году и летом несут прохладу, а зимой тепло. В результате разница между зимней и летней температурами минимальна: зима мягкая, вполне сопоставимая со средиземноморской: средняя температура января – от +5 градусов на востоке до +7 на западе, а лето прохладное, в июле средняя температура около 15 градусов. Влажность на острове исключительно высока, моросящие дожди идут в

течение всего года, но особенно интенсивно в зимние и осенние месяцы.

Благодаря изобилию влаги, земля Ирландии всегда покрыта зеленью, страну недаром называли Изумрудным островом. Такое ее восприятие отразилось и в поэзии ее древних филидов: «Стремлюсь я к ирландской земле, омытой морем обильным, обильны частые горы, часты леса многоводные, многоводны реки в извилах, в извилах глубины озер, глубок на холме источник... Великий корабль Ирландия, Ирландия гор зеленых».

Люди впервые поселились в Ирландии в эпоху мезолита, это были переселенцы из Британии, которая связана была тогда с Ирландией сушей. Они добывали себе пропитание охотой на кабанов, рыбной ловлей, сбором ягод, грибов и съедобных трав. Новые переселенцы появились на острове на рубеже IV и III тысячелетий, это были уже носители неолитической культуры уиндмиллхилла, однотипной с той, которая тогда же распространилась в Британии. Ее характеризуют длинные курганы, в которых погребали пепел кремированных трупов, а также керамические изделия с круглым дном. С проникновением этой культуры на остров связано начало земледелия и скотоводства. При раскопках поселений обнаружены остатки или следы круглых и прямоугольных домов, загоронок для содержания скота, кости домашних животных, черепки примитивной керамики.

Во второй половине III тысячелетия на острове появляется культура, которую по месту раскопок, где обнаружено значительное число ее артефактов, называют Бойн. Носители этой культуры кремировали своих покойников, погребая пепел в подкурганных могилах мегалитического типа с крестовидной в плане гробницей, которая перекрывалась ступенчатым сводом. К гробнице вел длинный коридор, на каменных стенах которого наносились резные изображения лодок, спирали, ромбы и другие геометрические фигуры. Вокруг курганов водружались каменные стелы. Еще одним типом погребальных памятников служили дольмены. Кроме мегалитических погребений встречаются одиночные или парные могилы. К позднему этапу археологической культуры Бойн относятся хенджи – каменные

круги. Нет данных, которые бы давали ключ к выявлению языков, на которых говорили носители этих доисторических культур.

На рубеже III и II тысячелетий в Ирландию с континента проникает халколитическая культура колоколовидных кубков, распространившаяся на западе и в центре Европы, там, где в позднейшие времена фиксируется присутствие кельтоязычных племен, родственная культурам шнуровой керамики и шаровидных амфор. В Ирландии, как и в Британии, Бретани и Португалии, с этой культурой связаны мегалитические могилы, в то время как в центральной Европе покойников, принадлежавших к этой культуре, погребали в скорченном виде, без курганов. Культура получила название от керамических кубков колоколовидной формы, украшенных шнуровой керамикой. В раскопках обнаружены сделанные из меди кинжалы, ножи и украшения. Носители этой культуры владели табунами коней, а также стадами коров, стреляли из лука и вели полукочевой образ жизни. Вероятно, они представляли собой как в Ирландии, так и в других регионах своего пребывания господствующее над местным населением меньшинство. В недавнем прошлом эту культуру сближали с западным ареалом распространения индоевропейских языков.

В настоящее время более вероятной считается версия, что язык индоевропейской языковой семьи носители культуры колоколовидных кубков переняли от своих восточных соседей – прагерманцев, праиталийцев, или праиллирийцев, так что их собственный и неизвестный язык послужил для образовавшегося в результате синтеза нового языка своего рода субстратом. Весьма возможно, что эта лингвистическая конвергенция связана с генезисом пракельтского языка.

Начало бронзового века в Ирландии восходит к местной культуре Фуд-Вессел, для которой характерна ингумация останков в скорченном положении в деревянных колодах, или цистах – каменных ящиках. Самыми характерными находками раннего бронзового века являются бронзовые топоры. Их на территории Ирландии найдено более 2-х тысяч экземпляров. С культурой Фуд-Вессел преемственно связана культура

«погребальных урн» среднего бронзового века, хронологически относящаяся ко второй половине II тысячелетия. Поздний бронзовый век в Ирландии представлен культурой Даурис, которой принадлежат многочисленные находки бронзовых, золотых и медных изделий незаурядного художественного качества и высокого технического совершенства. Это ожерелья, торквессы, браслеты, а также утилитарная утварь – бронзовые котлы, крюки для разделывания мясных туш.

Около 700 г. до Р. Х. в Ирландии появляются артефакты гальштата – культуры железного века. Самыми частыми находками гальштата являются железные мечи. Затем, уже в середине I тысячелетия, в Ирландию из континентальной Европы, а также, возможно, из Британии проникает культура Ла-Тен. Особенно изящными артефактами этой культуры являются гравированные бронзовые ножны для железных мечей и декорированные бронзовые уздечки.

С появлением в Ирландии латенской культуры связывают начало господства на острове гойдельского языка, принадлежащего к одной из двух групп кельтской языковой семьи, а именно к группе Q, к которой относится также язык близкородственных ирландским гойделам гэлов Шотландских гор, в отличие от валлийского и бретонского языков из группы P, преемственно восходящих к языку бриттов. В Галлии, как, вероятно, и среди кельтов центральной Европы, преобладали языки или диалекты группы P, но, по словам Т. Пауэлла, «Q-кельтские элементы все же прослеживаются в названиях на территории Галлии и Испании, а также в... эпиграфическом материале, касающемся римской эпохи»¹¹²⁵.

Некоторые археологи само появление кельтов в Ирландии возводят к культуре Ла-Тен и, следовательно, относят уже только к середине I тысячелетия до Р. Х. или даже к еще более поздним временам: «В 4 в. до н.э. Ирландию начали заселять кельтские племена, пришедшие из Северной Галлии и Британии. С ними связывают распространение на территории Ирландии культуры Латен. К началу н.э. пришельцы овладели всем островом. В результате ассимиляции ими докельтского населения сложились гэлы»¹¹²⁶ – и, надо полагать, в таком случае тогда

только и появился гойдельский язык. Но, как писал Т. Пауэлл, «язык древнеирландской литературы считается предшественником современного гэльского и относится к той ветви кельтской языковой семьи, которую принято называть Q-кельтской и которая содержит больше архаических элементов, чем P-кельтская ветвь, включающая в себя галльский, бриттский и валлийский языки»¹¹²⁷. А если так, то более вероятным будет предположение о гораздо более раннем кельтоязычии Ирландии, чем появление в ней латенской культуры, которое вообще могло быть и не связано с переселениями, а только с импортом изделий и культурным влиянием, побудившим к заимствованию художественного стиля, тем более что артефактов латенской культуры в Ирландии обнаружено относительно мало.

Существует вопрос о происхождении самого этнонима «гэлы», или «гойделы», и его соотношении с иными древними названиями жителей Ирландии: «эринны» и «фении». Этноним «эринны», от которого произошло исконное название страны «Эйре», что в англоязычной переделке превратилось в «Ирландию», весьма вероятно, являлся самоназванием одного из кельтских племен, идентичным с наименованием всей индоевропейской общности «ариями». Отдельные племена, индские и иранские, включая иронцев Осетии, а также кельтское, поселившееся на крайнем северо-западе ареала расселения носителей индоевропейских языков, сохранили этот этноним.

Убедительную версию генезиса слова «гойделы» предлагает Т. Пауэлл: «Древние *erain* (эрины), а также племена *ulad*, *connachta*, *lagin*, давшие названия провинциям Улад, Коннахт и Лагин, впоследствии ставшие Ульстером (*Ulster*), Коннахтом (*Connaught*) и Лейнстером (*Leinster*), имели разное происхождение, место обитания и социальный статус на острове. Лишь в процессе дальнейшей эволюции возникла необходимость в общем названии всего народа Ирландии, но появившееся в конце VII века слово “*goidel*” (гойделы) обусловлено вовсе не политическим воссоединением племен – враждовавшие в те времена династии были далеки от этой

мысли. Наиболее правдоподобной представляется этимологическая связь слова “goidel” с валлийским названием Ирландии – Gwyddel... Название местности Gwynedd (Гвинед) в Северном Уэльсе происходит от названия ирландских переселенцев, именовавшихся у себя на родине feni (фении). Созвучное слово Gwyddel могло попасть в Ирландию и освоиться в языке в фонетически измененном варианте Goidel”»¹¹²⁸, а произошло это «благодаря пришествию на остров в V-VI веках христианских миссионеров из Северного Уэльса... Крещенные ирландцы приняли название «гойделы»... начиная новую, христианскую жизнь»¹¹²⁹, что же касается слова «фении», то оно «изначально было названием древнего населения Ирландии, чье политическое превосходство, по крайней мере в центральной части острова, было весьма ощутимо в период, непосредственно предшествовавший началу христианизации»¹¹³⁰.

Во второй половине I тысячелетия до Р. Х. в Ирландии на холмах, на склонах гор, на берегу океана строились сооружения крепостного типа – хиллфорты, включавшие земляной вал и ров. Внутри таких земляных укреплений сооружались мегалитические гробницы или насыпались курганы, Это были места религиозного культа, где также во время войны могли укрываться жители близлежащих селений. Жилые помещения внутри них устраивались редко. Один из самых впечатляющих хиллфортов воздвигнут на острове Инишмор, на 100-метровой скале, возвышающейся над океаном.

На рубеже эр в Ирландии воздвигались многочисленные культовые комплексы, которые в христианскую эпоху считались резиденциями древних королей. Одно из них сооружено было в Темре, или Таре, где в дохристианские времена совершался языческий обряд посвящения верховного короля Эйре. По описанию отечественного археолога (Рат-на-Риг – Крепость королей) находятся 2 кургана (Тех-Комрака – Дом Комрака и Форрад – Трон) и коридорная гробница (так называемый Курган заложников). Камень на кургане Тех-Комрак отождествляется с легендарным камнем Лиа-Фаль, который использовался при инаугурации верховных правителей Ирландии»¹¹³¹.

Одним из характерных типов поселений начиная от позднего бронзового и вплоть до конца первого тысячелетия от Р. Х. являются так называемые кранноги – название идет от древнегидельского слова *krann*, что значит «дерево». В стране сохранилось около 1200 кранногов. Их строили на маленьких островках, расположенных на озерах, а также посреди рек и даже на море, реже на берегах водоемов и посреди болот – по соображениям безопасности для поселений выбирались места труднодоступные и защищенные самой природой. На острове или на мели для расширения площади под строениями сооружалась платформа из бревен, хвороста, камней и песка, сверху насыпалась земля и уже на ней стлался пол из бревен или каменных плит. Поселение обносилось каменной оградой, внутри которой ставились деревянные хижины, реже – дома, стены которых выкладывались из необработанного камня. Такие кранноги соединялись с берегом плотиной, но иногда жители обходились без плотины, употребляя для связи с внешним миром лодки, вырубленные из одного дерева, или более своеобразные суда – куруки, сшитые из кож, натянутых на деревянный каркас, на которых плавать можно было и гребя веслами и под парусом; на этих утлых суденышках древние фении совершали морские путешествия на берега континента и на острова, удаленные от родной земли на тысячи километров, вплоть до Испании, Норвегии, Исландии и Фарерских островов. Существовали и кранноги основательно укрепленные, с относительно крупными каменными домами, служившие усадьбами родовой и военной знати и даже резиденциями королей.

Основным занятием в Ирландии в первые столетия от Р. Х., как и в предшествующие века, было скотоводство – разведение коней, коров, овец, свиней; земледелие играло в хозяйстве второстепенную роль, меньшую даже, чем рыболовство. Жители острова испытывали спортивную страсть к охоте. Разбой, похищение скота, в особенности быков и коров, составляющие часто повторяющийся сюжетный мотив ирландских саг, морское, или, лучше сказать, океаническое пиратство также увлекало чрезвычайно склонных к опасным авантюрам фениев. Судя по найден-

ным при раскопках высококачественным артефактам туземного производства, особенно выполненным из металла: оружию, конской сбруе и ювелирным украшениям, – местные ремесленники обладали замечательным техническим мастерством, фантазией и художественным вкусом. Стилистически эти изделия несут на себе черты «звериного стиля», заимствованные германцами и кельтами у ираноязычных кочевников, с которыми они соприкасались в центральной Европе.

Верования и культовая практика фениев, весь строй их религиозной жизни с ее календарными праздниками, вроде самайна, с ее кровавыми жертвоприношениями, в исключительных случаях человеческими, были идентичными с религией и мифологией кельтов континента и Британии, которые известны нам из сочинений Страбона, Цезаря, Тацита, а полнее и отчетливее всего как раз из ирландских саг, записанных уже в христианскую эпоху, но в устной традиции бытовавших со времен языческой древности. Божества кельтов – Дагда, Морриган, Медба, Гоибниу, Кредне, Луг Самилдонгах и множество других – предстают не в качестве только этикеток, к которым античные авторы любили подбирать греко-римских двойников, но как персонажи с кельтским характером, с фантастически затейливыми приключениями, с вычурными пристрастиями и страстями, с капризным своеобразием как раз в ирландских литературных памятниках, в ирландской поэзии и потому в ирландской редакции, которая, очевидно, не вполне совпадает с не столь причудливо, пестро и ярко расцвеченным галльским вариантом кельтской мифологии, известным по сочинениям греческих и римских классиков.

Из ирландского эпоса мы почерпаем больше информации о характере служения и статусе друидов, чем, например, из кратких сведений, помещенных в «Записках» Цезаря «О галльской войне». Друиды занимали в ирландском обществе примерно то же место, что брахманы в Индии после ее завоевания арийцами, и, вероятно, это не типологическая параллель, а следствие генеалогического родства: в этих двух странах, расположенных на двух полюсах индоевропейского мира – крайне западном и крайне восточном – наилучшим образом сохранилась

выявленная Дюмезилем изначальная трехчастная структура арийского общества, включавшая жрецов, воинов и производительный класс.

«Само слово “druid” произошло от корня, означающего “знание о дубе” или, возможно, “великие, глубочайшие познания”. Плиний сравнивал его с греческим названием дуба, намекая на то, что такая связь не случайна, – ему был знаком кельтский обряд срезания растущей на дубах омелы, сопровождавшийся жертвоприношением быков. Размышляя о друидах, Плиний, возможно, вспоминал и о растущем на Олимпе священном дубе... Если дуб... выступал символом божества, то “знание о дубе” было необходимо тем, кто служил посредником между миром простых смертных и миром сверхъестественного»¹¹³². Друиды почитались как обладатели высшего знания и высшей мудрости, как знатоки божественного мира – мифов, относящихся к происхождению и взаимоотношениям богов, к происхождению мира и человека, к праистории народов, к преданиям о давнем и недавнем прошлом фениев, об их поселении на земле Эйре. И это знание они приобретали как естественным путем, из предания, чрез школу, чрез заучивание наизусть мифологических прозаических и поэтических текстов, которые легли в основу записанных позже саг – для ирландской литературы это кабинетный термин, заимствованный от отдаленно напоминающих их исландских саг, где слово это было названием жанра, возникшего в среде творцов этих саг, – так и, по верованиям народа, сверхъестественным путем: в саге, посвященной избранию короля Тары, друид вкушает окровавленное мясо закланного быка, после чего при чтении заклинаний впадает в состояние транса, а когда выходит из него, указывает на приметы того человека, которого надлежало избрать королем. Этот обряд вкушения друидом мяса жертвенного быка с целью приобретения тайного знания, недоступного без вхождения в транс, назывался tarbfeis. О высочайшем духовном авторитете друидов выразительным образом свидетельствует то обстоятельство, что, как пишет современный знаток кельтской мифологии и литературы С. В. Шкунаев, «в

христианских текста Ирландии могло встречаться обращение к Богу:

“О мой Друид!”¹¹³³ – друиду уподобляется даже не святой угодник, но Сам Бог.

Страбон в своей «Географии» упоминает, наряду с друидами, бардов – поэтов и певцов, и предсказателей, или прорицателей – ватов. Это слово созвучно с ирландским *faith*, которое происходит от корня, означающего «вдохновенный» или «экстатический». Как известно, *faith* – одно из редких кельтских заимствований в английском языке – приобрело в нем значение «вера».

В Ирландии известен был еще один разряд обладателей тайного знания, стоявших однако, как и ваты, на лестнице сакрального служения ниже друидов. Это были филиды, которые изначально воспринимались как вдохновенные прорицатели, а позже как сказители саг, владевшие знанием мифологии и истории, наделенные поэтическим и вообще литературным талантом. Впоследствии, в христианскую эпоху, филиды записывали саги, обладая свободой творчества в изложении их прозаической части, но при этом обязанные с большей бережностью относиться к стихотворным вставкам, которые создавались, усовершенствовались и хранились их предшественниками по поэтическому ремеслу.

После принятия жителями Ирландии христианства друиды не были объявлены вне закона, как на континенте, где их преследовали уже в эпоху господства в Галлии языческого Рима как распространителей опасных суеверий, но, являясь носителями и идейными защитниками религиозного ядра мифологии, они неизбежным образом вступали в конкуренцию с христианскими миссионерами и относительно рано были вытеснены с авансцены национальной жизни в ее языческое подполье, а затем и вовсе исчезли.

Ремесло филидов оказалось более гибким и способным к адаптации в изменившихся условиях. Христианская церковь Ирландии, равнодушная к прошлому своего народа, нашла им применение, и они пользовались ее покровительством в сохранении фольклорной и литературной традиции, продолжая

воспроизводить, пересказывать и записывать древние саги, в мифологических сюжетах которых содержались драгоценные крохи причудливо переиначенных и расцвеченных буйной фантазией исторических преданий, хранились воспоминания о героическом прошлом, хранилась историческая память народа. Сами названия некоторых саг красноречиво говорят об этом: «Книга захватов Ирландии», «Установление владений Тары», «Старина мест». В сагах, наряду с богами и мифическими королями и героями вроде Кухулина, Муга Нуадата, Миля, Фингена, Финна и сына его Ойсина – знаменитого в эпоху литературного сентиментализма и романтизма Оссиана, – присутствуют имена исторических правителей: королей Лугайда Риабндерга, Конна Ста Битв, Арта Одинокого, Ниялла с Девятью Заложниками.

Включенные в саги стихотворные фрагменты, посвященные природе родной страны, любви, битвам, гибели героев, обнаруживают высокий поэтический дар их слагателей; и судя по колоссальному вкладу ирландцев в англоязычную литературу нового времени, литературный талант кельтов не угас, несмотря на тысячелетнее порабощение народа и его языковую ассимиляцию. В саге «Убийство Ронаном родича» отец, оплакивая убитого сына, «говорил... у его “изголовья”»: “Холодно под порывами ветра любому, кто пасет стада Айфе, незачем стадо пасти, без коров и без встречи с любимыми. Холоден ветер перед домом героев, мертвыми воины были, что лежали меж мною и ветром. Спи, дочь Эхайда, ветер суров непомерно, горе мое – то убийство Маэла Фотартайга из-за похоти женщины. Спи, дочь Эхайда, нет мне покоя, хоть ты и не спишь, – смотреть на Маэла Фотартайга в кровавой рубахе его”».

В дописьменную эпоху, которая для Ирландии совпадает с дохристианской, сюжеты и даже тексты преданий, составившие основу саг, заучивались наизусть. «Огромные тексты удерживались в памяти дословно и передавались от одного поколения к другому... Дожившие до наших дней школы браминов в Индии демонстрируют, каким образом знания сохраняются и передаются в устной форме, и во многом помогают понять суть схожей традиции, существовавшей у

древних кельтов. Методика устного обучения состоит в постоянном повторении нараспев простых стихов или ритмической прозы. Четкий ритм провоцирует состояние, близкое к трансу, и за долгие годы ученики запечатлевают в памяти огромные массивы текстов... В Ирландии школы устной передачи знаний долго не сдавались и лишь со временем уступили свои позиции монастырским скрипториям»¹¹³⁴. К записи саг, осуществленной в христианскую эпоху, в той или иной мере (в какой именно – предмет научной полемики) действительно самым прямым образом были прикосновенны ученые монахи средневековья – пример более чем толерантного отношения к наследию языческой древности, не бывалый нигде больше в Западной Европе средневековой эпохи, объясняемый более всего относительной независимостью Ирландской церкви от епископов Рима.

А вот принадлежность друидов, и вслед за ними ватов, бардов и филидов, к своего рода «первому сословию» роднит кельтскую Ирландию со средневековой романо-германской Европой. «Вторым сословием» у древних ирландцев была родовая и военная аристократия, главным богатством которой был скот, потому что в предысторическую эпоху Ирландия не знала частной собственности на землю, находившуюся во владении рода и не подлежавшую отчуждению, но распределявшуюся в порядке владения между большими семьями.

Род (fine) состоял из больших патриархальных семей (derbfine), подобных римской familia, включавших потомков от общего пращура до троюродных братьев по мужской линии включительно и в свою очередь делившихся на малые семьи, которые жили одним домом. Это были родители, их дети и иногда также внуки. В Ирландии дозволялось многоженство, но правом иметь несколько жен могли реально пользоваться лишь состоятельные люди. Экзотическим явлением были «парные» браки, в которые сразу вступали двое мужчин и две девицы. Браки могли заключаться на время. Существовал, как и у галлов, обычай отдавать детей на воспитание в чужие, но дружественные семьи.

Несколько родов, связанных или, реже, не связанных узами общего происхождения, составляли клан – туат (tuath), представлявший собой уже своего рода политическое образование. При численности населения Ирландии в дохристианскую эпоху в несколько сот тысяч человек и существовании в ней около 150 кланов. Клан насчитывал в лучшем случае до 10 тысяч человек, но чаще, вероятно, имел в несколько раз меньшее население, занимавшее тот или иной топографический ареал: долину, территорию, окружавшую озеро: два соседних туата могли граничить по водоразделу. Вождь клана именовался *гі*, традиционно переводимым на русский язык словом «король». Король правил пожизненно, его избирали из большой семьи *derbfine* его предшественника, принадлежавшей к самому знатному роду в клане, но вовсе не непременно из числа сыновей умершего короля. Король обладал военной, административной, судебной и сакральной властью, но верховная власть принадлежала собранию клана – *oenach*. На собраниях, которые созывались королем, помимо решения политических вопросов, в особенности связанных с объявлением войны и заключением мира, производилась торговля, устраивались состязания колесничих, филиды нараспев читали саги.

В состав клана входила аристократия (*nemed*) и простолюдины, принадлежавшие к незнатным родам *saor*. Кроме того, на территории клана проживали зависимые люди – рабы (*tug*), люди, лично свободные, но не обладавшие правом голоса на народных собраниях – *boaire*, полусвободные крестьяне – *fuidir*, обыкновенно по происхождению принадлежавшие к покоренным кланам или вовсе чужеземцы. В зависимость от других лиц люди, искавшие покровительства, могли вступать и по свободному договору. Такие отношения назывались *celsine*. Они связывали патрона (*flaith*) и клиента (*cele*) и напоминали, с одной стороны, римскую клиентулу, а с другой – феодальный вассалитет. Своеобразным институтом ирландского общества была так называемая цена чести (*log n-enech*), которая соответствовала размеру компенсации в случае убийства или тяжкого оскорбления того лица, которому она принадлежала: она зависела от его статуса, размеров состояния и репутации. Бесчестные поступки

(нарушение клятвы, отказ от гостеприимства, уклонение от суда) или разорение снижали эту цену. Весомость свидетельства на суде также зависела от цены чести.

Правосудие в калане осуществлялось на основании норм обычного права – *recht n-aicing*, которые были идентичными или весьма близкими во всех ирландских кланах. До своей относительно поздней записи, осуществленной лишь в VII и VIII столетиях от Р. Х., они хранились в памяти знатоков – так называемых бритемов – правоведов, которые «помогали королю в отправлении правосудия и выступали в роли третейского судьи в спорах между отдельными родами или даже королевствами. Готовили правоведов в особых школах, где слушатели прилежно заучивали наизусть огромные массивы информации»¹¹³⁵. Занимаясь не только хранением правовых норм в своей памяти, но и толкованием обычного права, бритемы развивали и совершенствовали обычное право. Изменения в правовую систему, действовавшую в границах одного туата, или клана, могли также вноситься по предложению короля на народных собраниях.

Кланы часто воевали между собой, заключали союзы, в случае поражения король мог вступать вместе со своим туатом в отношения зависимости – *celsine* от короля-победителя. В результате перипетий военных столкновений, побед и поражений, заключения неравноправных союзов и иных договоров в первые столетия от Р. Х. в Ирландии сложилась политическая система, в рамках которой мелкие кланы были объединены в 5 больших королевств, или пятин (*coiced*): Лаген (ныне Лейнстер) – на востоке острова, на территории этой древней пятины находится и современная столица Ирландии Дублин, Улад (Ольстер) – на севере, Коннахт (Коннахта) – на западе, Муман (Мунстер) – на юге, и в центре острова – Миде; ее древней столицей была Темра или Тара, власть над которой предоставляла королю статус верховного правителя Эйре – ард-риага, который однако носил ритуальный и символический характер, поскольку политического объединения страны в одно государство так и не состоялось вплоть до ее завоевания англосаксами, но борьба за обладание священной Тарой составляла важнейший нерв

политического соперничества и военного противостояния на острове в течение многих веков его истории. В IV и V веках за верховенство в Ирландии боролись две королевские династии: О'Нейллов и Эогангахтов.

Характеризуя нравы кельтов, что в полной мере относится и к жителям острова Эйре, Т. Пауэлл писал: «Храбростью, доходившей до безрассудства на поле брани, радушием и безупречной учтивостью по отношению к гостям в доме кельты могут... превзойти многих своих европейских преемников, чье существование оставило более заметный след в истории. Что касается общего впечатления насчет их горячности, не сказать – повышенной возбудимости, и неспособности к согласованным действиям, ему можно противопоставить свидетельства о существовании у них индивидуальной ответственности и обязательств в рамках определенной социальной системы. Любовь к ярким цветам и украшениям, похвальбе и увеселениям, пирам и дракам – европейцам и поныне присущи все эти слабости»¹¹³⁶.

Пиршественное обжорство древних ирландцев, если в этом доверять национальному преданию, отразившемуся в сагах, носило гомерические черты. Для героя, со славой вернувшегося с выигранной битвы, достойным вознаграждением считалась свинья, зажаренная целой тушкой. Пирующие победители заодно поглощали домашнее пиво в немереном количестве, а если удавалось раздобыть, то и импортированное с далекого юга вино. Под стать героям были и боги ирландцев: так, в саге «Битва при Маг Туиреде» рассказывается, как демонические существа фоморы, заключив перемирие с богом Дагдой, приготовили для него в насмешку «кашу, ибо с большой охотой ел ее Дагда, наполнили ею королевский котел в пять локтей глубиной, что вмещал четырежды двадцать мер свежего молока, да столько же муки и жира. Вместе с кашей сварили они козлятину, свинину и баранину, а потом вылили ее в яму. И сказал Индекс Дагда, что не миновать ему смерти, если не опустошит он ту яму и не наестся до отвала, дабы после не попрекать фоморов негостеприимством... Под конец... он...

погрузился в сон, наевшись каши. Словно домашний котел раздулось его брюхо, и над тем потешались фоморы»¹¹³⁷.

Ирландцы прославились среди окрестных народов своим поразительным бесстрашием и свирепостью. Характеризуя их воинские нравы по материалам саг, русский ученый А.А. Смирнов писал: «Способ ведения войны отличался большой жестокостью. Население целых поселков иногда сплошь избивалось, посеvy уничтожались, весь скот угонялся. Сражались и женщины. Иногда водили в бой специально обученных боевых псов. Был обычай отрезать головы убитых врагов и сохранять черепа в качестве трофеев. Про одного из героев, Кета, сына Матаха, в сагах рассказывается, что он не мог уснуть иначе как подложив под колено голову убитого им в тот день врага. Более упрощенным способом было отрезание и хранение языков»¹¹³⁸.

VIII веке от Р. Х. участились грабительские морские экспедиции ирландцев на близлежащие западные берега римской Британии, в особенности в Уэльс. В конце столетия они уже настолько освоились там, что стали основывать на этой земле свои поселения. Трудно сказать, насколько далеко разошлись тогда кельтские языки ветвей Р, на которых говорили в Британии, и Q, которыми пользовались ирландцы, и могли ли они понимать друг друга, но очевидно, что языковое родство с туземцами помогало пришельцам освоиться в их окружении, хотя, конечно, появление ирландских поселений в Британии не носило характера мирной колонизации – это была силовая экспансия. Ирландцев знали в Уэльсе под двумя племенными, или клановыми названиями: десиев, обосновавшихся на юге страны, и фениев – это было самое многочисленное и влиятельное племя, имя которого служило порой для обозначения всех вообще ирландцев – на севере Уэльса, в Гвинедде. На юге Уэльса обитало бриттское племя деметов, которое, враждуя со своими восточными соседями – непокорными Риму силурами, обнаруживало лояльность имперской власти, и потому Рим не видел необходимости держать на территории этого племени свои гарнизоны. Воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, ирландские десии прибрали к рукам эту землю, и там в течение пяти столетий правила ирландская

династия – так на юго-западе Уэльса возник локальный ареал гэльского языка.

На севере Уэльса фении столкнулись с принципиально иной ситуацией: Рим вытеснил оттуда пришельцев, противопоставив им не только собственные вооруженные силы, но и бриттское племя вотадинов, переселенных со своей исторической родины, расположенной на севере Британии, между валами Антонина и Адриана. Это переселение относится уже к рубежу IV и V столетий, иными словами, – к финальному периоду пребывания римских легионов в Британии, но вотадины, именовавшие себя сыновьями легендарной Кунедды, и без помощи римлян отстояли Северный Уэльс от экспансии фениев.

Экспансия ирландцев оказалась однако более успешной на крайнем севере Британии, не пережившем римской оккупации, – на территории современной Шотландии. В IV веке морских разбойников, приплывавших на своих куруках из Ирландии в Британию ради грабежа, стали называть скоттами. Слово «scotti» означает в переводе с гойдельского «совершать набег», «грабить». «Это было не самоназвание племени, а определение для отрядов искателей приключений, и в результате их частых нападений латинское название Scottia получила Ирландия, откуда прибывали разбойники»¹¹³⁹.

В V веке скотты прочно обосновались в Аргайле, расположенном на западе современной Шотландии, по соседству с пиктами, и на островах, лежащих между Шотландией и Ирландией, и на этих землях появляется королевство под названием Дал Риада, идущим от имени правившей в нем династии, представлявшей собой одну из ветвей королевского рода Дал Риада, чей клан занимал территорию на северо-востоке Ирландии. В королевстве ДалРиада господствовал гойдельский язык переселенцев из Ирландии, сохранившийся и по сей день в горах на западе Шотландии, но на латинском языке Дал Риаду, как и Ирландию, стали именовать Scottia, по-английски Scotland, то есть Шотландия, а на всю страну это название было перенесено уже только в XI веке, после того как бриттские королевства Стратклайд и Регед были уничтожены в результате экспансии

гэлов Дал Риادا и англов, продвигавшихся с юга, из Нортумбрии.

В ходе одного из грабительских набегов скоттов на Британию в плену у них оказался человек, радикальным образом повлиявший на историю страны, куда его привезли разбойники. Это был Патрик, ставший просветителем Ирландии. В составленной им в глубокой старости, около 460 г., на латинском языке «Исповеди» (Confessio) святой представляет себя читателю: «Я – Патрик, последний грешник и последний неуч (чего не скрываю), и потому часто презираемый людьми. Отец мой был Кальпурний, диакон, сын Потита, священника. Жили мы в городке, называемом Баннавента Берния, а за городом у нас была усадьба, куда мы, бывало, выезжали на праздники»¹¹⁴⁰. Родной город святителя расположен у северной границы римской Британии. Вероятно, он происходил из семьи романизованных бриттов. Существует версия, по которой у Патрика до его пострига было иное имя – Суккат. Из слов святого о том, что в юности он «не знал истинного Бога», некоторыми его биографами делается вывод, что в сохранившуюся рукопись «Исповеди» вкралась ошибка и вместо «diaconus» следует читать «decurionus», но, поскольку и при этой версии дед святителя все равно остается священником (sacerdotus), в котором едва ли можно усматривать языческого жреца – к тому времени прошло уже полсотни лет со времени издания Миланского эдикта, – то недоумение, вызываемое признанием Патрика в неведении Бога, остается, но, как кажется, оно разрешается без особой натяжки, покаянным настроением истинного монаха, каковым был автор «Исповеди», и тем, что в молодости он очевидно мало задумывался о вечности и спасении души и в этом смысле не знал Бога, тем более что дальше он прямо кается в том, что «мы... изменили и солгали перед Господом, не соблюли заповедей Его, хотя не раз слышали увещания священников наших»¹¹⁴¹. Мать Патрика Концесса состояла в родстве со святым Мартином Турским.

В 15 лет Патрик «вместе с тысячами других»¹¹⁴² был увезен в Ирландию, в северное королевство Улад. Набег, жертвой которого стал Патрик, был совершен в 380-е или 390-е годы,

после государственного переворота, учиненного правителем римской Британии Максимом, когда расквартированные в Британии римские войска вместе с узурпатором покинули страну. Учитывая возраст, в котором Патрик попал в плен, он родился в последней трети IV века. Пребывая в неволе и занимаясь выпасом овец, Патрик осознал свою греховность и исполнился вместе с покаянием надежды на милосердие Божие. С этих пор он, по его собственным словам, «будучи в поле... посвящал все свое свободное время молитве – а молиться, – пишет он о себе, – я мог весь день... За день у меня получалось не менее сотни раз обратиться к Богу и немногим меньше этого – за ночь»¹¹⁴³.

После 6 лет рабства Патрик бежал от своего хозяина и направился в сторону моря с уверенностью, что он безопасно дойдет до гавани, потому что перед бегством во сне ему был голос, сказавший: «Правильно делаешь, что постишься, ибо скоро вернешься ты в родную сторону... Пойди и взгляни – твой корабль ждет тебя»¹¹⁴⁴. Беглец дошел до берега моря, вошел в гавань, и там увидел корабль, который спускали на воду. Капитан не захотел брать на судно неизвестного ему человека, но один из матросов позвал его к себе, другие матросы также были согласны взять его на борт и предложили ему свою дружбу, на что Патрик дал своеобразный ответ, сказав, что он не станет «целовать им соски», ибо, «боясь Бога, я не желал оставить Его и стать язычником»¹¹⁴⁵. Тут возможны разные интерпретации, одно из них, и наиболее вероятное, – подобное целование было у кельтов знаком дружеской приязни, а Патрик отказался прибегнуть к нему, считая его языческим обрядом. И все же его взяли на корабль – «мы подняли паруса и отправились в плавание»¹¹⁴⁶.

Через три дня корабль причалил к берегу Арморики, в ту пору обезлюдившей и еще не заселенной вновь беженцами из Британии: моряки и вместе с ними Патрик «почти месяц шли посуху, по земле, никогда не знавшей человеческой заботы. Запасы еды закончились... Однажды капитан сказал мне: “Ну, христианин, что ты скажешь теперь? Ты говоришь, что твой Бог всемогущ, так почему бы тебе не помолиться о нас? Ты ведь

видишь, что мы умираем с голоду”. Патрик пообещал спутникам, что Господь позаботится о них и пошлет пропитание. “И с Божией помощью, – продолжает он свой рассказ, – так оно и было – внезапно мы увидели большое стадо свиней, они стояли прямо на нашем пути. Не теряя времени, мы забили нескольких и пировали на том месте два дня”»¹¹⁴⁷. Путь до ближайшей деревни продолжался еще долго, но в конце концов они дошли до нее, и затем Патрик вернулся уже в Британию, к своим родителям.

Однажды, уже на родине, ему было сонное видение: пред ним предстал пришедший из Ирландии муж по имени Викторий и вручил ему письмо, в котором тот прочел слова «Голос ирландцев», и, читая эти слова, он вспомнил о жителях Ирландии, которые «как будто восклицали... все как один: «Святой брат, приди к нам и снова будь с нами»»¹¹⁴⁸. В этих словах Патрик узнал призыв Самого Бога к проповеди Евангелия язычникам Ирландии. С тех пор некоторое время он подвизался в монастырях Галлии. В Леринском монастыре, расположенном на острове в Средиземном море, близ города Канны, он спасался вместе с Иларием, ставшим впоследствии епископом Арелата. Их учителем в духовной жизни и богословии был святой Герман Оксеррский, который, в свою очередь, был другом преподобного Иоанна Кассиана. Оба они в свое время подвизались в Палестине, в Вифлеемском монастыре, затем получили рукоположение от святителя Иоанна Златоуста: Герман – в пресвитера, а Иоанн – в диакона. Таким образом, Патрик впитал традиции восточного подвижничества и восточного богословия.

Когда на Западе разгорелся спор по вопросу о последствиях первородного греха между блаженным Августином и Пелагием, в этой полемике особую позицию занял подвижник из Марселя преподобный Иоанн Кассиан. Отвергая ересь Пелагия, отрицавшего поврежденность человеческой природы вследствие падения прародителей, он не соглашался и с Августином, который в своих рассуждениях о состоянии человека после грехопадения Адама и Евы делал слишком сильный нажим на всецелом пленении человеческой души

влечением ко греху, на бессилии человека освободиться от уз греха и утверждал, что спасение человека совершается исключительно по воле Божией, действием Его благодати. Преподобный Кассиан развивал учение о синергии Бога и человека в деле спасения. Это его учение было отвергнуто на Западе, но оно аутентично выражает антропологические и сотериологические воззрения восточных отцов, и через Германа Оксеррского оно оказало влияние на святого Патрика, а затем уже и на богомыслие и на характер монашеского подвижничества созданной им Ирландской церкви.

Параллельные черты в сирийском и ирландском монашестве отмечали многие исследователи: «Кельтская аскетическая традиция, – писал А. Л. Дворкин, – являет родство с сирийским монашеством, правда, с поправкой на местные климатические условия. Для смирения плоти практиковались многочасовые воздевания рук, тысячи поклонов, длительные погружения в холодную воду»¹¹⁴⁹, а крайний аскетизм сирийских подвижников проявлялся в том, например, что они «жили в крохотных помещениях (меньше человеческого роста) на открытом воздухе либо в подвешенных корзинках; ... носили вериги, приковывали себя цепями к скалам; многие, не вкушая даже хлеба и вина, питались травой, как повествуют блаженный Феодорит и Созомен»¹¹⁵⁰.

Святой Патрик был рукоположен в диаконы и затем в пресвитеры. Около 420 г. он обращался к папе Бонифацию с просьбой направить его на миссионерское служение в Ирландию, но получил отказ. Вторую подобную попытку Патрик предпринял уже только в 432 г._м и на этот раз папа святой Целестин посвятил Патрика в епископа и он направился в Ирландию проповедовать островитянам учение Христа.

Правда, и ранее, «до первой половины V века, в стране имелись приверженцы христианства, общины которых располагались на юге острова – на землях племен Осрайге, Деси и Корку Лойгде. Тамошние монастыри чтили своих святых-основателей, жития которых частично дошли до нас. И скорее всего они действительно имели достаточно древние корни»¹¹⁵¹. Подавлению Патрика предшествовала проповедь, которую

начал на юге Ирландии епископ Палладий, посланный по просьбе епископа Проспера Аквитанского в Шотландию. «Почему Палладий попал в Ирландию, был ли этот акт запланированным или же епископ ревностно стремился к просвещению нового народа – на это ответа... нет»¹¹⁵². Но Палладий скончался в самый год своего прибытия на остров, так что в историю апостолом Ирландии вошел не он, но святой Патрик.

В своем миссионерском служении Патрик претерпел много опасностей, столкнулся с враждебными выпадами со стороны друидов, но получил поддержку со стороны королей, а также родовой и военной знати. Короли предоставляли ему земли для строительства церквей и монастырей. «Правда, друид Мата, сын Умойра, предостерег верховного короля Ирландии Лозгайре, что Патрик отберет у него власть над живыми и мертвыми, потому что король и не пожелал склониться перед авторитетом святого. (Хотя один из авторов жития Патрика VII в. полагает, что и Лозгайре принял христианство). Предание гласит, однако, что он все же велел запрячь для него колесницу с девятью конями, ибо «так приличествовало богам»¹¹⁵³.

Одна из причин поддержки, оказанной проповеднику христианства королями и аристократией, заключалась в том, что «мощное корпоративно организованное жречество сделалось к этому времени стесняющим обстоятельством для аристократии... Типологическую параллель такому положению дел дает противоположная периферия индоевропейского мира – Индия, где в свое время военное сословие кшатриев... встало на сторону буддизма, во многом преемственного по отношению к религии брахманов, но дававшего гораздо больший простор социальной активности сословий, смягчавшего всеобъемлющую ритуализацию жизни – основу общественного положения и значимости жречества»¹¹⁵⁴.

Святой Патрик устроил свою кафедру в Армаге, расположенном в Уладе, ставшую первенствующей в Ирландии, когда были поставлены и другие, зависимые от него епископы. Имена некоторых из них – Ауксильий, Изернин, Секундин – сохранились в источниках. Патрик крестил новообращенных, которые были

выходцами из разных слоев общества – рабов и свободных, простолудинов и королей, рукополагал священников, совершал освящения приходских церквей, постригал монахов, устраивал монастыри и монастырские школы. Около 60 лет продолжались апостольские труды святого, в результате которых значительная часть народа в Ирландии приняла крещение, христианами стало большинство королей, Патрик обратил к вере во Христа многих друидов и филидов и некоторых из них рукоположил.

О времени кончины святого есть разные сведения. Из двух дат, существующих в предании, – 461 и 493 год, – последняя представляется более надежной. При этом его земная жизнь оказывается, подобно жизни чтимых им восточных подвижников вроде Антония Великого, исключительно долгой. Если он отошел ко Господу в 493 г., то он определенно переступил 100-летний рубеж земного жития.

Потомкам святой Патрик оставил Ирландскую церковь, оставил учение о духовной жизни, изложенное в его «Исповеди», написанной на латинском языке. В его литературное наследие входит также гимн «Щит святого Патрика», который по-другому называется «Мольбой оленя». С ним связано такое предание: когда верховный король Ирландии Лозгайр, видя, как много ирландцев приняли проповедуемую Патриком веру, и опасаясь за свою власть, подослал к святому наемных убийц, Патрик вместе со своими учениками предстали перед наймитами в облике оленей поразительной красоты. «Мольба» составлена на гойдельском языке, который не был родным для святого, но который он знал совершенно еще со времен своего пребывания в рабстве на острове, тем более что с детства он мог знать не только латинский, но и бриттский язык, на котором говорили в стране, где он родился. Впрочем, Патрик появился на свет на самом севере римских владений в Британии, около города Думбартона, ныне относящегося к Шотландии. В этих краях уже в те времена поселялись скотты, собственно те же ирландцы, давшие имя стране, и их язык Патрик мог усвоить даже еще до того, как оказался в плену у тех же скоттов.

Вот отрывки из «Мольбы оленя» в переводе В. Заславского с древнегидельского на русский язык: «Сегодня в путь выхожу я, облеченный могучею силой, призывая Единого Бога, исповедуя три Его Лица, своего Создателя славя. Сегодня в путь выхожу я, и сила Христа со мною – через Его крещение, страдания и смерть на Голгофе, славное воскресенье и возвращенье на небо. И знаю, что в день последний, когда моя жизнь прервется и тело опустят в могилу, – за гробом Христос меня встретит... Сегодня в путь выхожу я, пусть дадут небеса мне силы: солнца свет мне да будет в помощь, и луны ночное сиянье, и огонь, горящий во тьме, и быстрая молния из туч, и дикий ветер на равнинах, и глубокое бескрайнее море, и земля, чье основание прочно. И камень, что тверже стали. Сегодня в путь выхожу я, и Бог пребудет со мною. Его сила мне будет защитой, Его мудрость меня направит, Его око за мной присмотрит, Его ухо меня услышит. Его слово меня оправдает, Его руки меня поддержат, Его путь лежит предо мною, Его щит от врагов избавит... Божью силу я призываю, чтоб меня охранить надежно от яда и от поджога, кинжала и стрел смертоносных, от смерти в водах глубоких, чтоб труд свой я совершил и награду обрел пред Богом. Да пребудет Христос со мною, пусть объемлет меня Он повсюду – пусть идет впереди меня, пусть идет за моей спиной, пусть идет и справа и слева и мне наполняет сердце, простираясь до вышних высот, до глубин сокровенных сердца, до самых далеких пределов – в широте, долготе, глубине... Спасенье дано от Христа. Пусть же Твое спасенье, Триединый Господь, пребудет с нами вовеки».

Этот молитвенный гимн обнаруживает связь с литературной традицией Ирландии поразительно интенсивным переживанием красоты природы, в мировосприятии святого Патрика – сотворенной Триединым Богом и восстановленной Христом, распятым на Голгофе. Столь же острое восприятие красоты мира, сотворенного Богом и наполненного благодатью, присутствует и в других молитвенных текстах, созданных в Ирландии. С особенной энергией это чувство выражено в «Кельтской молитве ко Святому Духу», переведенной Н.А. Румянцевой: «О всемогущий Святой Дух, снизойди на нас,

утеши и настави нас – с Небес, где обыкновенные, малые вещи становятся святы и прославлены, омой нас Своим Светом, брызнувшим и рассыпавшимся в утренней росе, сверкающей на солнце мириадами бриллиантов».

Среди тех, кто последовал за апостолом Ирландии в его миссионерском служении, были не только святые мужи, но и святые жены, и самая знаменитая среди них – Бригитта Килдарская. Она родилась около 450 г. и была дочерью короля одного из кланов Улада (Ольстера) Дувтаха и его рабыни Брокки, которую крестил сам Патрик. В детстве Бригитта слышала проповедь Патрика. Сведения о ее молодости фрагментарны и не вполне отчетливы. Одно время она жила в доме друида: по одной версии, она была отдана ему на воспитание, по другой – продана в рабство. Затем она вернулась к своему отцу, а обратилась ко Христу и была крещена около 468 г.

Некоторое время спустя она поселилась в уединенном месте, устроив себе жилище под ветвями дуба, предаваясь подвигу поста и молитвы. Святая Бригитта почитается как первая монахиня Ирландии. Ее вместе с другими подвижницами около 480 г. постриг епископ Мэль в присутствии другого епископа, Майкайла. Она была поставлена игуменией, или аббатисой первого женского монастыря Ирландии – Килдарского, названного так, потому что словосочетание «келл-дарпа» значит «храм из дуба». На месте этого древнего монастыря вырос существующий поныне город Килдар. В житии Бригитты содержатся рассказы о многих чудесных деяниях, совершенных по ее молитвам: о претворении воды в молоко, об исцелениях больных и воскрешении умерших. Особенной популярностью пользуется в Ирландии «чудо о пиве» – рассказ о том, как святая Бригитта вместе с монахинями своей обители «наварила из одной кадки восемнадцать бадей пива для восемнадцати церквей в Маг Тлахе, которое не иссякало от Пасхи до Фомина воскресенья»¹¹⁵⁵. Святая преставилась около 525 г.

Всего лишь курьезом должно считаться встречающееся в литературе отождествление святой Бригитты Килдарской, лица

вполне исторического, с языческой богиней Бригиттой: «все мы привыкли к тому, – писал знаток ирландской мифологии и литературы С.В. Шкунаев, – что божества поверженного язычества занимали в системе нового христианского мировоззрения место... бесовских созданий... В Ирландии им была уготована иная, куда более почетная судьба – они становились святыми в ряду с самим Патриком. Такова одна из трех наиболее почитаемых в Ирландии святых... – Бригитта. Языческая богиня, ... она значилась покровительницей... монастыря, который можно считать одним из наиболее своеобразных в Ирландии Этот смешанный монастырь, где одна половина отводилась монахам, а другая монахиням, находился на месте древнего святилища, связанного с культом богини»¹¹⁵⁶. Основание христианских церквей и монастырей на местах языческого культа, предпринимавшееся по миссионерским соображениям, – практика, хорошо известная из истории разных национальных церквей, но в ней нет никаких оснований для отождествления святых, носивших традиционные имена, совпадавшие в разных случаях с именами языческих божеств, с этими божествами. Причина, по которой святая Бригитта носила имя богини, заключалась, естественно, в том только, что имена богов и богинь у большинства языческих народов не были табуированы и их нередко давали новорожденным младенцам.

Церковное устройство, сложившееся в Ирландии при святом Патрике и сохранявшееся потом в течение многих веков, пока за его реорганизацию по латинскому шаблону не принялся Рим, носило своеобразные черты. Основу церковной структуры составили кланы, политически организованные в туаты, или королевства. В каждом из них со временем выросло церковное поселение, ядром которого служил монастырь, в некоторых из них проживали епископы, и в этом смысле это были епископские кафедры – ради пребывания там епископов подобные поселения в источниках могли именоваться «городами» (civitates), фактически ничем иным не отличаясь от других монастырских поселений, где не было кафедр, потому что, хотя в древней Ирландии существовало много, до 150, королевств, или кланов, и каждое из них имело королевскую

резиденцию, но настоящих городов там не было вовсе. Вблизи королевских «столиц» чаще всего и устраивались такие поселения. Еще одна особенность ирландских монастырей заключалась в том, что часто при одном храме создавались мужская и женская община – подобные учреждения у нас на Руси назывались «двойными монастырями», и в таких общинах, кроме монахов и монахинь, послушников и послушниц, проживали и миряне, на время предаваясь молитвенному подвигу, заодно выполняя монастырские работы, а также, когда надо, готовые к защите обителей и находившихся при них поселений вооруженной рукой. При многих монастырях воздвигались высокие оборонительные башни, подобные по своей архитектуре родовым башням Кавказских гор по обе стороны хребта – в Ингушетии или Сванетии, но построенные многими веками раньше.

Характерная черта церковного строя Ирландии, сближавшая его с христианским Востоком и контрастировавшая с порядками, устанавливавшимися в странах, на которые распространялась прямая юрисдикция Рима, – отсутствие обязательного celibата: и низшие клирики, и пресвитеры, и даже епископы могли иметь жен и детей.

Значительная часть ирландского клира не имела постоянного жительства, находясь в течение многих лет в разъездах, а более определенно, плавая в сшитых из кожи куруках от острова к острову, от побережья Галлии и Германии до берегов Скандинавии. И это были миссионерские путешествия. «Для ирландца, – писал И. Петровский, – разлука с соплеменниками и родной землей, добровольное изгнание на чужбину было испытанием более суровым, чем, скажем, пост... Ирландцы отправлялись на чужбину – как отшельники или как миссионеры – именно потому, что сильно любили родину. Ирландские монахи в поисках Божественного откровения уходили в дебри, уплывали на самые дикие острова. За основу поведения бралось подражание жизни Христа и ветхозаветных пророков в сочетании с аскетизмом святого Павла. Группы монахов садились в утлые лодки и отдавались воле морских волн»¹¹⁵⁷. Расставание с родиной ради служения Христу в тра-

дициях ирландского подвижничества называлось «белым» мученичеством, в отличие от «красного», сопряженного с пролитием крови, и «зеленого» – отшельничества в удалении от мест человеческого обитания. Выходцы из Ирландии начиная со времен святого Патрика и в последующие века несли свет Христова учения народам Британии, северной Германии, Скандинавии, рискуя погибнуть в морской пучине, от рук язычников или от голода.

В свое время, когда ирландские монахи и клирики совершали подвиг христианского просвещения Британии, погрузившейся после захвата острова англосаксами в одичание и языческий мрак, и вводили свои традиции в основанных ими приходах и монастырях, они столкнулись с конкуренцией со стороны носителей другой, римской традиции. Курьезным образом одной из самых спорных тем при этом оказались особенности тонзуры. Римская тонзура, название которой связано с именем апостола Петра, заключалась в том, что на макушке выстригался кружок разных размеров в зависимости от сана, а у ирландцев применялась тонзура апостола Иакова, когда наголо остригалась передняя часть головы, – эта тонзура была подобна той, которую практиковали на Востоке, но там ее связывали с именем другого апостола – Павла. По преданию, одним из первых принял тонзуру святого Иакова обратившийся благодаря проповеди Патрика привратник верховного короля Лоэграй.

Другой темой, вокруг которой ломались полемические копы в Британии, была Пасхалия. В Ирландии употреблялся 84-летний пасхальный цикл, введенный в Риме в III веке, хотя сама Римская церковь позже, в 465 г., при папе Иларии, приняла 19-летний цикл, изобретенный незадолго до этого Викторином Аквитанским и в основном, но не вполне совпадавшим с александрийским циклом, принятым на Востоке, заменив его в 531 г. циклом Дионисия Малого, одновременно с введением летосчисления от Рождества Христова, которое также принадлежит Дионисию.

На рубеже V и VI столетий были созданы «Каноны Патрикия, Ауксилия и Изернина», усваиваемые первому

епископскому собору, созванному святым Патриком. В них, в частности, христианам предписывалось избегать лишних контактов с язычниками, воспрещалось принимать у них милостыню, подавать иски в суды, когда судьями в них были язычники, но предписывалось исполнять гражданские обязанности перед властями, даже языческими, если они не противоречили христианской совести. Клирикам каноны безусловно воспрещали употреблять оружие. Собор, как это видно из его канонов, состоялся в переходный период от Ирландии языческой к Ирландии христианской, закончившийся окончательным торжеством христианства уже после преставления святого Патрика.

Благодаря его подвигу, Ирландия стала христианской и цивилизованной нацией, опередив в этом отношении многие из стран Западной Европы. Со времен Патрика в Ирландии начала употребляться как латиноязычная, так и, что более примечательно, в первой из западноевропейских стран, письменность на народном языке – гэльском, или гойдельском, для которого использовалась латинская графика. Появление национальной письменности на германских языках, если вывести за скобки перевод Нового Завета, выполненный Вульфилой на востоке Европы, отстает на несколько веков от создания гэльской письменности.

Впрочем, в Ирландии и раньше, еще до Патрика, но лишь с V столетия от Р. Х. существовало так называемое огамическое письмо, подобное рунической письменности германских народов, но сфера его употребления была крайне узкой. Своим названием оно обязано некоему Огме, легендарному или полулегендарному лицу, о котором ничего достоверно не известно, но имя которого напоминает имя древнегалльского божества красноречия Огмия. 20 букв огамического письма почти идентичны с 20 буквами латинского алфавита, но начертания их совершенно иные – это черточки, которые проводились перпендикулярно или наклонно к краю камня или деревянной доски, на которых вырезались письмена. Язык огамических надписей исключительно гэльский. Их содержание крайне лаконично. В основном это были вотивные,

посвятительные надписи. В средневековье огамическое письмо употреблялось в качестве тайнописи или шифра.

Создателем подлинно национальной ирландской письменности, не оригинальной, но употреблявшейся для фиксации текстов самого разного содержания, в том числе и весьма пространных по объему как церковных, так и светского содержания, в особенности знаменитых саг, стал святой Патрик. В сотнях монастырских скрипториев, основанных им и его преемниками, писались творения святых отцов, учителей христианской жизни и многочисленные саги, в которых языком мифа запечатлена была национальная память удивительно своеобразного и щедро одаренного талантами народа древней Эйре.

9. Германские народы Скандинавии и Центральной Европы

Восточногерманские народы в V столетии почти полным составом внедрились в пределы Римской империи, разодрав ее западную часть на фактически суверенные королевства. Вне старой имперской территории из германской семьи народов остались лишь западногерманские и скандинавские племена.

О народах Скандинавского полуострова, удаленного от лимеса и цивилизованной средиземноморской эйкумены на расстояние, превышающее тысячу километров, и потому оказавшегося вне поля наблюдения греческих и латинских историков, известно относительно мало, и главным поставщиком сведений о них является не историография, но археология. В V веке граница, разделяющая ареалы германоязычных народов и саами, как и в предшествующее столетие, проходила южнее Полярного круга.

В литературных памятниках самый полный перечень племен, обитавших в Скандинавии, содержится у Иордана: «В северной части (острова Скандзы) живет племя адогит... Есть там еще племя – скререфены... Другое племя, живущее там же, – суэханс... Следует затем целая толпа различных племен: тевсты, вагот, бергио, халлин, лиотида; населенная ими местность представляет собой плодородную равнину, почему они и подвергаются там нападениям и набегам других племен. За ними живут ахельмил, финнаиты, фервир, гаутигот, племя жестокое и в высшей степени склонное к войнам. За ними миксы, евагры, отингис. Все они живут по-звериному в иссеченных скалах, как бы в крепостях. С внешней стороны от них находятся остроготы, раумарции, эрагнарции, кротчайшие финны... а также похожие на них виновилот; светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных (величиной) тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода... пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего исключительного роста. Однако статностью сходны с ними также граннии, аугандзы, евниксы, тэтель, руги, арохи, рании...

Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью»¹¹⁵⁸.

Для корректной интерпретации этого перечня необходимо учитывать ряд обстоятельств: он составлен был в середине VI века, при этом автор знаменитой «Гетики» опирался на труд Кассиодора, написанный в правление Италией Теодориха, но при этом Иордан перечисляет племена Скандинавии в том их составе, который предшествовал переселению некоторых из них – готов, герулов, ругиев – с прежних мест обитания на южный берег Балтийского моря; кроме того, Иордан приводит наименования как германоязычных, так и финноязычных племен в одном ряду, без разделения; и еще: автор почерпает сообщаемые им сведения в основном не из документальных источников, хотя в «Гетике» дается ссылка на Птолема, который упоминает названия лишь семи скандинавских племен: хединов, фавонов, фиресов, финнов, гутов, давкионов и левонов, – а на устные предания, в том числе, очевидно, и легендарного характера. Поэтому перечень Иордана включает и вымышленные либо до полной неузнаваемости искаженные этнонимы. И все же упомянутые у Иордана скререфинны, финны, а также виновилот и адогит относятся к финноязычным народам или к предкам родственников им саами, в то время как к германоязычным племенам относятся суэханс, гаутиготы, светиды, даны, а также граннии, аугандзы, евниксыв тэтель, руги, арохи и раннии.

Суэхансов Иордана можно без опасения впасть в ошибку отождествить с упоминаемыми в разных источниках свеями, или свеонами, этноним которых и стал названием самого многочисленного из современных народов Скандинавии – шведов. Характеризуя их образ жизни, Иордан писал, что они, «подобно турингам, держат превосходных коней. Это они-то... и пересылают посредством торговли через бесчисленные другие племена сапфериновые шкурки для потребления римлян и потому славятся великолепной чернотой этих мехов. Племя это, живя в бедности, носит богатейшую одежду»¹¹⁵⁹. Гаутиготы Иордана – это, конечно, те же гуты Птолема, или известные из других источников гауты, часть которых, получившая

известность под именем готов, переправилась через море вначале на остров, названный по ним Готландом, а потом к устью Вислы. В этнонимах бергио, халлины, лиотиды легко угадываются названия шведских провинций – Бьяре, Халланд, Лютгуд, «называются также народы, живущие в Раумарике и Ранрике (нынешний Богуслен) и в Норвегии: грании из Гренланда, аугандзы из Агдира, арохи из Хердаланда, ругии из Рогаланда»¹¹⁶⁰. Впрочем, ругии эмигрировали из Скандинавии на южный берег Балтики еще во времена, предшествовавшие поселению там готов, хотя, конечно, часть этого народа, вероятно, осталась на своей исторической родине, дав название норвежской провинции Ругаланн.

Даны в V столетии переселились с юга современной Швеции на острова Борнхольм, Зеландию, Фальстер, Фюн, а также на Ютландский полуостров, покинутый его прежними обитателями – англами и давшими ему наименование ютами, переселившимися в Британию; кроме того, даны, по словам Иордана, «вытеснили герулов с их собственных мест»¹¹⁶¹, но это вытеснение очевидным образом предшествовало поселению данов в Ютландии и на островах и произошло еще в конце II столетия от Р. Х. и скорее всего относится к перемещению данов по территории южной Швеции, где и обитали герулы до своего выселения через Балтику на континент. Около 505 г. герулы были разбиты лангобардами в сражении, состоявшемся на территории современной Венгрии, после чего остатки народа вернулись на север, на свою исконную родину, и поселились в соседстве с гаутами на юге современной Швеции.

В IV и V столетиях германоязычные племена Скандинавии остались в стороне от великого переселения народов, главными участниками которого стали их ближайшие родичи – отделившиеся от них в начале христианской эры восточные германцы. Но это их неучастие относится к этносам, отдельные выходцы из которых, отличавшиеся храбростью и авантюризмом либо выброшенные за борт обывательского существования своими более спокойными соплеменниками, присоединялись к народам, вторгавшимся в пределы Римской империи, и одни из

них поселялись там навсегда вместе с приютившими их готами, гепидами, скирами, ругиями или саксами и англами, а другие возвращались на родину, и часто не с пустыми руками, свидетельством чему служат артефакты, найденные при раскопках скандинавских погребений, относящихся к этой эпохе, а также извлеченные из кладов.

«С V века на север, – по словам Х. Э. Дэвидсон, – потекло золото. Это было не только следствием удачной торговли, но и результатом военных набегов, которые жители Скандинавии совершали на территории разваливающейся Римской империи. Изысканные золотые изделия тонкой филигранной работы хранятся сейчас в Стокгольме... В клады, находимые по всей территории Дании, как правило, входили кольца, надевавшиеся на пальцы, руки и шею, золотые подвески – брактеаты... В жертву продолжали приносить оружие... о чем свидетельствуют находки в Хадерслеве и Иллерупе»¹¹⁶². Ювелирные украшения и оружие не только ввозились с юга, но и изготавливались мастерами севера. Среди их изделий случались и произведения высокого искусства.

Особым совершенством из подобных сокровищ выделялись два золотых рога, датируемых началом V века и найденных в деревне Галлехус на севере Шлезвига, откуда они попали в королевскую коллекцию в Копенгагене, но в 1802 г. были украдены, и вор, который был обнаружен, успел их расплавить, но сохранились их выполненные в XVIII столетии описания и зарисовки. На внутренней золотой поверхности каждого рога были нанесены изображения человеческих фигур, зверей, птиц, рыб, звезд. Особый интерес вызывают многофигурные композиции. Одна из них представляет оленя и змею, облизывающих своих детенышей и целящегося в них лучника, другая – танцующих воинов в шлемах с изогнутыми рогами, один из них держит в руках серп и жезл, а другой – копье, кольцо и жезл, напротив них выгравирована другая пара воинов с мечами и щитами в руках. Некоторые исследователи находили в этих фигурах изображения богов – Тиуса, Одина, Фрейра, Тора, но Х. Э. Дэвидсон полагает, что это скорее «адепты различных культов или жрецы, принимающие участие в

сезонных обрядах... Появление на роге таких предметов, как копье и серп, кольцо и жезл, свидетельствует о связи держащих их персонажей с божествами войны и плодородия»¹¹⁶³. Наиболее вероятным назначением рогов было использование их для жертвоприношений. В рога сливали кровь жертвенных животных; не исключено, что также и человеческую кровь, которую выпивали жрецы и другие участники обряда. На одном из рогов выгравирована руническая надпись: «Я, Хлевагаст из Хольта (или – сын Хольта), рог сделал»¹¹⁶⁴.

Изобретение рунической письменности, которой пользовались во всем германском мире, принадлежит одному из западногерманских народов, вероятно, обитавшему около римского лимеса, но особенно широкое применение эта письменность нашла в Скандинавии. Время ее появления в точности неизвестно, но во всяком случае руны появились не позже IV века, потому что рунические буквы были использованы Вульфиллой при создании готского алфавита. К этому же столетию относится и древнейшая из известных рунических надписей, сделанная на готском языке и нанесенная в виде серебряной инкрустации на железном наконечнике копья, найденного близ волинского города Ковеля. Рунические надписи V века найдены были в Германии, Британии, Румынии, но более всего в Дании, Швеции, а позже также в Норвегии и Исландии.

Рунические буквы представляют собой трансформацию латинских, предпринятую для приспособления письма к особенностям писчего материала, каковым первоначально служило дерево: «Дугообразные и круглые линии, – по словам русско-немецкого германиста Ф. Брауна, – видоизменяются в ломаные (C. G. O. R.); горизонтальные черты, параллельные к волокнам деревянных палочек, превращаются в косые, причем последние ведутся преимущественно сверху вниз (H. T. L. A.) и лишь редко снизу вверх (F.); в общем преобладают вертикальные линии, пересекающие волокна дерева под прямым углом»¹¹⁶⁵. Рунический алфавит в своем древнейшем виде состоит из 24 букв, которые располагаются в определенном порядке. По названиям первых букв алфавита (f, u, th, a, g, k) его так и

принято называть футарком. Правда, в IX веке в Скандинавии в употребление вошел упрощенный алфавит из 16 букв. Название этой письменности связано со словом *runa*, которое в переводе с древневерхненемецкого языка значит «тайна», а также «мудрость» и «волшебство».

Рунические надписи чаще всего наносились на копья, мечи, щиты и перстни. При их изрядной многочисленности они, подобно этрусским надписям, бедны содержанием. В основном это имена владельца или мастера, изготовившего артефакт. Богаче содержанием и пространнее надписи, нанесенные на камне, которые встречаются в Скандинавии и Британии. Чаще всего это эпитафии, в которых порой содержится не только имя покойника, но и сведения о его жизни, иногда настоящие биографии, причем написанные не только прозой, но и стихами. «В скандинавских рунических надписях, – писал Джонс Гвин, – постоянно встречается слово *erilar*... что, по всей вероятности, означало «эрульский»; похоже, эрулы (герулы. – В.Ц.) настолько прославились как знатоки рун, что их имя стало нарицательным»¹¹⁶⁶.

Германцы Скандинавии политически были объединены в королевства, относительно крупные, вроде королевств данов, свеев и гаутов, или мелкие, не превышавшие численности одного племени, каковые преобладали на севере современной Швеции, а также в Норвегии с ее фьордами и горами, разделявшими места обитания трудно преодолимыми естественными границами. Но имена королей, или конунгов V века остаются неизвестными, за, возможно, единственным исключением. Из англосаксонского эпоса «Беовульф» известно имя короля геатов (вероятно, гаутов) Хределя и его сыновей Херебальда, Хадюона и Хигелака. Хигелак однажды повел своих воинов в дальний морской поход против франков; высадившись во Фризии, он пал в сражении с хетварами – франкским племенем, обитавшим в устье Рейна: «Сгинул Хигелак, войсководитель, гаутский конунг: в пылу сраженья на поле фризском потомок Хределя пал наземь, мечами иссеченный». Имя этого конунга, правда, иначе транскрибированное – Хлохлаих, встречается в «Истории франков» Григория Турского. У Григория он назван королем

данов, но имя этого народа, более других скандинавских этнонимов известное в Галлии, часто служило для обозначения любых северных варваров.

Гибель Хлохилаиха Григорий относит ко времени правления сына Хлодвига Теодориха, и, следовательно, примерно к 520 г.: «Даны со своим королем по имени Хлохилаих, переплыв на кораблях море, достигли Галлии. Высадившись на сушу, они опустошили одну область в королевстве Теодориха и взяли пленных. После того как они нагрузили корабли пленными и другой добычей, они решили вернуться на родину. Но их корабль остался на берегу, ожидая, когда корабли выйдут в открытое море, чтобы затем самому последовать за ними. Когда Теодориху сообщили о том, что его область опустошена иноземцами, он направил туда своего сына Теодоберта с сильным и хорошо вооруженным войском. Убив короля (данов) и разбив в морском сражении врагов, Теодоберт возвратил стране всю захваченную добычу»¹¹⁶⁷. Этот морской набег закончился провалом, но он предвещал континентальной Европе бедствия, которые обрушили на нее в последующие века северные варвары – норманны.

В центральной Европе граница, разделяющая германский и славянский мир, вследствие переселения восточногерманских народов в пределы империи и занятия мест их прежнего обитания славянами сдвинулась в V веке далеко на запад: от Вислы до Эльбы. Территорию от Эльбы до Рейна и от побережья Северного моря до Альп занимало несколько племенных союзов, каждый из которых носил уже такое название, которое сохранилось и до наших дней для обозначения поныне существующих субэтносов: фризы, саксы, тюринги, баювары, алеманны, хатты.

На северо-западе западногерманского ареала обитали фризы, известные еще со времен Тацита. Они занимали пространство от устья Везера до устья Рейна, так что их восточными и южными соседями были саксы, а западными – франки. Помимо побережья, фризы населяли также острова Северного моря, которые так и называются – Фризскими. Значительную часть этой территории покрывало Буртангское

болото. Относительно небольшая часть народа была вовлечена в завоевание и колонизацию Британии, но большинство фризов осталось на своей исторической родине. Бесстрашные рыбаки и пираты, фризы занимались также скотоводством и земледелием. Политическое объединение фризов носило рыхлый характер, лишь на время войны они избирали военных вождей – герцогов (herizogo), каковых римляне называли дуксами, а в мирное время жили родо-племенным строем.

Восточными и южными соседями фризов был многократно превосходивший их численностью племенной союз саксов, в который вошли известные по Тациту херуски, занимавшие бассейн Везера и ставшие, вероятно, его ядром, хавки, марсы и ангриварии, а также, возможно, остатки кимбров и тевтонов. Саксы были самым многочисленным из германских народов, завоевавших в V столетии Британию, но их экспансия направлена была также на юг. В конце V века саксы заняли левобережье Эльбы в ее среднем течении, покинутое лангобардами и свевами, и оба берега ее притока Заале, а также горную область Гарца в глубине Германии. Таким образом, территория саксов к концу V столетия простиралась от Шлезвига, расположенного на юге Ютландии, где их новыми соседями стали даны, до верховьев Везера и Заале, и в широтном направлении – от Эмса до Эльбы, правый берег которой заняли продвинувшиеся далеко на запад славяне.

Подобно фризам, саксы сохранили родо-племенной строй, в общих чертах описанный еще Тацитом. Мелкие племена, или своего рода кланы, являлись у них реально действующими политическими образованиями, высшая власть в которых принадлежала народному собранию – тингу. Правом голоса на тинге обладали эделинги (благородные) – лица, принадлежавшие знатным родам, и фрилинги – свободные простолюдины. Этого права однако были лишены не только малочисленные, как и у всех германских народов, рабы, но и так называемые леты (современное Leute, то есть «люди»; соответствующее русское слово при этом имеет общее происхождение с немецким эквивалентом). Леты обладали личной свободой, но были лишены политических прав, по своему происхождению

они были инородцами – римлянами, кельтами, славянами или даже германцами, но выходцами из враждебных и побежденных племен. Лишь для ведения войны саксы избирали из числа эделингов вождя – герцога, полномочия которого прекращались с окончанием войны. Во время войны элемент самоуправления сохранялся в виде собрания воинов, которое могло выносить самые важные решения – о заключении мира или продолжении борьбы, в случае неудачных действий полководца – о его низложении и замене на другого предводителя.

В хозяйстве саксов животноводство по-прежнему преобладало над земледелием, которым по преимуществу занимались леты, обрабатывая поля, арендуемые у общины – марки, к которой они прямо не принадлежали, в то время как скот – лошади, свиньи, коровы, овцы – находился в частной собственности эделингов и фрилингов.

Саксы имели репутацию особенно упорных приверженцев национального германского культа, служителями которого были профессиональные жрецы, принадлежавшие к сословиям эделингов или фрилингов. Христианство проникло к саксам позже, чем к другим германским народам континента, утвердившись среди них уже только в эпоху каролингов.

К югу от саксов на территории, расположенной между Гарцем, верховьями Майна и Заале, обитали туринги, прямые потомки известных из Тацита гермундуров. Этноним «туринги» представляет собой трансформацию прежнего названия народа, из которого выпала его первая часть *hermun*, после чего осталось лишь *duri*, позже трансформированное в *turi* и в *turingi* – туринги.

Южнее Тюрингии лежит Бавария – страна баюваров. Этот этноним восходит к наименованию кельтского народа бойев, которые были завоеваны маркоманами и квадами и ассимилированы ими, так что усвоили германский язык, но сохранили образовавшемуся в результате новому народу свое название. В Баварию из Богемии (Чехии), где сложился их союз, баювары переселились, пройдя через Норик. Они заняли затем земли по обе стороны римского лимеса, иными словами, по обоим берегам Дуная в его верхнем течении, но не у истока великой реки, а

восточнее его: вероятно, их область простиралась от Донауверта до Пассау на современной границе Баварии и Австрии. Причем миграция баюваров внутрь старой имперской территории, сопряженная с овладением оставленной римлянами Региной Кастрой (Регенсбургом), произошла относительно поздно, уже на закате эпохи переселения народов.

Первое упоминание баюваров встречается у Иордана – в памятнике середины VI столетия: обозначая границы области свевов, или свавов, он писал, что к востоку от нее живут «байбары» (baibari)¹¹⁶⁸. Таким образом, в отличие от большинства германских народов, о баюварах нет упоминаний в литературе до эпохи великого переселения – несомненное свидетельство позднего образования их племенного союза, которое, вероятно, относится уже только к III веку. Их вторжение в пределы империи Л. Мюссе датирует периодом, хронологические рамки которого он обозначает так: «между 488 и 539 гг.» – временем, «когда лангобарды, покинув Нижнюю Австрию, отправились в Паннонию»¹¹⁶⁹. Баювары обосновались в равнинной части современной Баварии, а их расселение в предгорьях Альп, тогда еще занятых римлянами, или романизованными ретами – прямыми предками современных швейцарских ретороманов, – и кельтами, и переход через Альпийские перевалы в пределы Южного Тироля совершался уже только в VII и VIII столетиях.

Западными соседями баюваров были алеманны, разнородный союз которых с доминированием в нем свевов, оставшихся в Германии, сложился в предшествующую эпоху, в III и IV веках. Ареал обитания алеманнов и свевов в соотношении с местами поселения других германских народов Иордан характеризует так: «Славская область имеет с востока байбаров, с запада – франков, с юга – бургундзонов, с севера – турингов. Со славянами в союзе были тогда алеманны, которые владели вообще круто вздымающимися Альпами, откуда, низвергаясь с сильным шумом, текут многие потоки в Данубий»¹¹⁷⁰. Иными словами, свевы занимали территорию, которая и ныне зовется их именем, – Швабию, а их союзники

алеманны, которых Иордан отличает от свевов, обитали в немецком Бадене, германоязычной Швейцарии и, как известно, также за Рейном, в ныне французском Эльзасе, где они вынуждены были признать свою зависимость от франков.

От франков зависел также относительно малочисленный народ хаттов, территория которого практически совпадала с современной немецкой землей Гессен (Hessen), расположенной к северу от швабско-алеманского Баден-Вюртемберга и к югу от Нижней Саксонии и Вестфалии. Само название земли Гессен идет от народа гессенцев, или, что то же, хаттов (hatten).

В этой трансформации этнонима отразился лингвистический феномен исключительной важности, охвативший южный ареал обитания западных германцев – так называемое второе передвижение согласных, названное так в отличие от первого передвижения, относящегося к глубокой древности и сопровождавшего обособление германского праязыка от индоевропейского языкового единства. В результате второго передвижения в начале VI века произошло разделение единого языка западных германцев на два: древневерхненемецкий, включавший диалекты алеманнов, баюваров, турингов и хаттов, и древне-нижненемецкий, который не претерпел этого передвижения и сохранил древнегерманский консонантизм и на котором говорили саксы, фризы, а также переселившиеся в Британию англ и юты. Франки оказались разделенными границей передвижения, или перебоя согласных, так что нижнефранкские диалекты оказались в ареале нижненемецкого, а среднеи верхнефранкские – в числе диалектов древневерхненемецкого языка. Граница передвижения сохранилась поныне и проходит примерно там же, где она пролегла полторы тысячи лет назад, – севернее Кельна и Касселя, южнее Магдебурга, Берлина и Франкфурта-на-Одере. В настоящее время эта граница, по словам выдающегося русского германиста В. М. Жирмунского, «пересекает Рейн у м. Бенрат, несколько южнее Дюссельдорфа, и потому получила название “линии Бенрата”»¹¹⁷¹. Современные нижненемецкий, или Plattdeutsch, а также английский и нидерландский языки сохраняют древнегерманский консонантизм, а верхненемецкие диалекты и литературный

немецкий язык несут на себе следы пережитого в середине первого тысячелетия перебоя.

Он заключался собственно в том, что звуки t, p, k трансформировались в ss, f, ch, так что при сопоставлении английских слов с немецкими получается: water – Wasser, sleep – schlafen, break – brechen. Так из hatten получилось Hessen. При этом формы соответствующих нидерландских и нижненемецких слов обнаруживают большее сходство с английским, чем с литературным немецким языком, восходящим к сложившемуся в середине первого тысячелетия древневерхненемецкому языку, получившему, впрочем, письменную фиксацию значительно позже, уже только в VIII столетии.

За восточной границей ареала обитания западных германцев, проходившей после великого переселения народов по Эльбе, оставался лишь один западногерманский народ – лангобарды, из восточных германцев – гепиды, а также малочисленные остатки готов в горной части Крыма, исповедовавших, в отличие от своих более многочисленных сородичей, не арианство, а православие. В иноязычной среде на Балканах, в Центральной и Восточной Европе встречались, вероятно, также отдельные поселения, семьи или только индивиды из числа ругиев, герулов, вандалов, бургундов и скиров, которых не унес с собой поток переселения на запад и юг Европы или в Африку, но о них фактически нет никаких сведений, кроме разве некоторых обнаруженных археологами артефактов, говорящих о присутствии остаточного германского элемента в славянском или славянизированном мире центральной Европы.

Лангобарды, название которых на русский переводится как «длиннобородые», обитавшие на рубеже эр на правом берегу нижней Эльбы, еще во II столетии переместились в юго-западном направлении, в результате чего оказались на границе римской Паннонии. Хотя лангобарды возводили свое происхождение к Скандинавии, они говорили не на восточногерманском, как другие выходцы с севера, но на западногерманском языке. В связи с этим обстоятельством А. Мюссе замечает: «Скандинавское происхождение лангобардов

исключать нельзя. Лангобарды говорили на западном диалекте – точнее, *Elbgermannisch*, но до нашей эры Скандинавия говорила не только на северном диалекте (как кажется, нет подтверждений этому, если, конечно, обитавших на севере Ютландии ютов не считать скандинавами – Ютландия составила часть Скандинавии лишь после ее заселения данами. – В.Ц.). Лангобардское право, по-видимому, имеет скандинавские параллели. Данные археологии нейтральны»¹¹⁷².

В период великого переселения народов лангобарды, в отличие от восточных германцев, удержались от дальних эскапад и лишь подвинулись дальше на юг, перебравшись через Дунай в римскую провинцию Норик, на территорию Нижней Австрии, в ту пору называвшуюся Ругиландом, хотя уже покинутую ругнями; там они оказались в тесном соприкосновении с герулами и с гепидами. Возможно, что там, до ухода герулов, они находились в положении их клиентов. В конце V века лангобарды приняли христианство, правда, подобно их восточногерманским соседям, в его еретической, арианской версии. Существует предположение, что ранее по крайней мере часть народа исповедовала православие, но твердых подтверждений этому нет.

Около 505 г. лангобарды воевали с герулами, от которых ранее зависели, и одержали над ними победу, так что большая часть герулов ушла на север, после чего лангобарды заняли Паннонию, откуда они совершали набеги на римскую Далмацию. В ту пору ими правил король Вахо, который, по словам А. Мюссе, «был крупной фигурой международного уровня: он выдал своих дочерей за меровингских королей Теодоберта, Теобальда и Хлотаря, имел прочные связи с Византией»¹¹⁷³. На войне лангобарды, по словам М. Тодда, «больше полагались на кавалерию, чем большинство их соседей... Оружием... всадников были длинные «спаты» и копья. Отдельные копья, очевидно, были очень длинными: рассказывают, что один витязь-лангобард пронзил византийского воина и поднял его на конце копья высоко в воздух»¹¹⁷⁴. Лангобардские законы, письменно зафиксированные, правда, в более позднюю эпоху, когда этот народ уже имел владения в Италии, часто содержат

упоминания о лошадях и о таком преступлении, как конокрадство. В раскопанных могилах лангобардов археологи нередко обнаруживали скелеты лошадей и конскую сбрую.

Земли к востоку от лангобардов занимал единственный из восточногерманских народов, оставшийся на рубеже V и VI веков в центральной Европе как единое целое – близкородственные готам гепиды. Вместе с готами они были покорены гуннами, сохранив однако известную долю автономии и имея собственного короля Ардариха. В сражении на Каталаунских полях гепиды во главе с Ардарихом, как и остготы, дрались на стороне Аттилы, но после его смерти они восстали на сыновей хана и в битве при реке Нетаде одержали победу над гуннами, после чего те сошли с авансцены мировой истории. Ардарих стал суверенным правителем королевства, занимавшего центральную часть державы гуннов – восток Венгрии в междуречье Дуная и Тиссы, а также часть Дакии в современной румынской Трансильвании. Гепиды, очевидно, составляли лишь верхний господствующий элемент населения королевства, в состав которого входили романизованные и, может быть, также не романизованные даки, славяне, остатки гуннов, ираноязычные языги и родственные гепидам германцы из разных восточногерманских племен. Преемником Ардариха стал Трафстил. В начале VI века правителями гепидов были его сыновья Тразарих и Гундерит; возможно, что братья разделили свое государство на два отдельных королевства.

10. Народы Восточной Европы

В Восточной Европе, вне пределов Римской империи, на рубеже V и VI столетий обитали уральские народы, включавшие угро-финнов, а также саами, или лопарей и самодийцев Крайнего севера, балты, ираноязычные сарматские племена, из которых самым многочисленными и сильными были аланы, автохтоны Северного Кавказа, тюркоязычные орды – осколки гуннской державы и, наконец, славяне, большая часть ареала расселения которых оставалась однако в центральной Европе.

Иордан, очерчивая границы владений остготского короля Германариха, перечисляет народы, которые, как он это представил, подчинялись ему. Это было, мягко говоря, преувеличением, поскольку он называет этносы, ареалы которых расположены более чем за тысячу километров от территории, занятой остготами, но этот перечень интересен с точки зрения этнической карты Восточной Европы. Германарих, если верить Иордану, а в этом, как уже сказано, верить ему до конца не стоит, «покорил много весьма воинственных северных (arctoi) племен и заставил их повиноваться своим законам... Покорил... племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинброков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов»¹¹⁷⁵.

Комментируя это загадочное место «Гетики», Е. Скржинская высказала остроумное предположение, что Иордан воспроизвел сведения, почерпнутые из некоего итинерария (путеводителя): «Подозрительным кажется вклинившееся в латинский текст греческое слово “arctoi»; Иордан употребил его как прилагательное: arctoi gentes, хотя на самом деле здесь это – существительное... (аи арктои – “северные медведи», переносно – “север»); оно указывает, что данное место откуда-то списано, но едва ли заимствовано у Кассиодора, отличавшегося своим отделанным стилем. Иордан приводит длинный список этнических названий, несомненно чуждых как его читателю, так и ему самому... Среди названий: Thiudos “чудь», Vas “весь», Merens “меря», Mordens “мордва», Слово

Inaunxis, будучи разделено (in Aunxis) свидетельствует о пребывании чуди на территории между Ладожским и Онежским озерами, на что указывал Ф. А. Браун... Быть может, подобным же образом следовало бы разделить и другие непонятные слова в данном списке, начинающиеся на in, а именно: Vas in Abroncas, Mordens in Niscaris, хотя объяснить такое местонахождение веси и мордвы затруднительно. Остальные названия в списке Иордана остаются неясными. Однако и четырех названий финских племен (относящихся к бассейнам Оки и Волги) достаточно, чтобы наметить линию торгового пути от Балтийского моря на восток – одного из «янтарных» путей, отходивших в разных направлениях от юго-восточных балтийских берегов. Вообще ряды этнических названий наводят на мысль об итинерариях, где области, по которым пролегал путь, нередко обозначались названиями населявших их племен... Приведенный перечень племенных наименований свидетельствует о направлении пути и о том, что в VI веке, когда пользовались тем дорожником, который служил источником Иордану, упоминаемые им чудь, весь, меря, мордва уже представляли собой определенные этнические группы»¹¹⁷⁶. Итак, из 13 этнонимов, поименованных Иорданом, или 10, если некоторые из них расшифровывать топографически – Mordens in Niscaris, Е. Скржинская достоверными считает, как это прочитано было и раньше нее, лишь четыре.

Б. А. Рыбаков, приняв гипотезу Скржинской о неизвестном итинерарии как источнике Иордана и о маршруте, обозначенном в нем, попытался прочертить этот маршрут до конечного пункта, которым у него оказалась Колхида, при этом он отверг предположение о топографическом значении некоторых из элементов списка: in Niscaris, Vas in Abroncas, интерпретируя все 13 названий в качестве этнонимов, более того, некоторые из них он прочитал как сдвоенные этнонимы, объемлющие два родственных племени: «Васинбронки, по всей вероятности, – обозначение племенного союза «Весь – Пермьяки»¹¹⁷⁷. В результате весьма изобретательных, но, как кажется, не лишенных фантастического привкуса интерпретаций у Рыбакова, кроме бесспорных 4-х этносов: чудь (эстонцы), весь (вепсы), меря,

мордва – получились еще: балтоязычные галинды (известные из русских летописей как «голядь») из «гольтескифов», ингры, или ижорцы, – из «инаунксов», марийцы, или черемисы, из «имнискаров», расшифрованные так через наименование современной марийской столицы Йошкар-Ола, угры из Иордановых «рогов», бацбийцы из «бубегенов», колхи (от Колхиды) из Иордановых колдов. В «атаулах» Б. А. Рыбаков находит один из тюркских народов, обитавших в устье Волги, и в «навего» – одно из нахских племен Северного Кавказа, возможно ингушей. Не поддающимся расшифровке этнонимом у Рыбакова остались лишь загадочные «тадзанс»¹¹⁷⁸.

При скептическом отношении к изобилующим натяжками и произволом выводам маститого историка можно было бы отвергнуть достоверность всех его идентификаций по списку Иордана. И все же на уровне остроумных гипотез можно допустить, что под Иордановыми «гольтескифами» и «рогами» действительно скрываются галинды (голядь) и угры и что «колхи» и в самом деле могут обозначать указанный в путеводителе конечный пункт янтарного маршрута в закавказской Колхиде, хотя все же более вероятной остается общепринятая идентификация Иордановых «рогов» как германоязычных ругиев, а «колдов» как балтоязычных галиндов, или, на языке древнерусских летописей – голяди.

На крайнем северо-востоке Европы, в приполярном и заполярном поясе, ранее необитаемом, полторы тысячи лет назад появились бродячие самодийцы, язык которых относится к уральской семье. Сами себя они именуют ненцами, что значит «люди», а русские называли их самоедами, то есть людоедами, каннибалами. В этой кличке (людоеды, каннибалы) была, конечно, доля клеветы, и возникла она скорее всего потому, что русских поражало употребление ненцами в пищу сырого оленьего мяса и свежей крови. Ареал обитания самодийцев до их переселения на север, куда их оттеснили воинственные тюркоязычные орды, начиная с гуннов, на рубеже эр находился в лесостепных предгорьях Алтая и Саян. Водворившись в приполярной тундре, они долго еще, в течение веков, оставались народом рыболовов и охотников. В тундре главным

объектом их охоты стал северный олень, и лишь в исторически недавние времена – в XVII и XVIII столетиях – они начали разводить оленей и оленеводство стало их основным занятием. Как и ныне, ненцы, заняв огромные пространства северной тундры, от Пинеги на западе до устья Лены на востоке, были малочисленным этносом, насчитывая не более нескольких десятков тысяч человек и составляя лишь малую часть потомков древних самодийцев, основная масса которых в разные периоды была ассимилирована угро-финскими и тюркскими народами, возможно, также восточными славянами – по версии Л. Н. Гумилева, возводящего славяноязычных северян к этнониму «савиры» и топониму «Сибирь», в генезисе северян присутствовал самодийский компонент.

Другим народом Крайнего Севера были саами (лопарь). В отличие от ненцев, их переселение на запад с востока, возможно из Приуралья, имело место на несколько тысячелетий раньше, на заре неолитического периода, во всяком случае до появления в Европе арийских народов. Оттесненные германцами Скандинавии на север, предки лопарей полторы тысячи лет назад все еще занимали территорию, расположенную выше 65 градусов северной широты: норвежские провинции Нурленн и Финнмарк, шведский Норботтен, северную часть Карелии и Мурманскую область с Кольским полуостровом. В расовом отношении саами принадлежат клаппоноидам – европеоидам с заметной примесью монголоидной расы, в отличие от ненцев, у которых пропорция европеоидного и монголоидного антропологического типа иная, с преимуществом монголоидной доли. Относительно низкий рост саами, их темные волосы, контрастирующие с обликом германоязычных скандинавов, послужили, вероятно, антропологическим материалом для мифических троллей.

Как и у ненцев, исконным занятием саами полторы тысячи лет назад были охота и рыболовство, но в новое время и они, подобно ненцам, занялись разведением прирученных оленей. Охотясь на оленей, они вынуждены были кочевать вслед за миграциями их стад, и потому образ их жизни обыкновенно обозначается как бродячий. Жилищами этих бродячих охотников

и рыболовов служили шалаши из жердей, покрытые оленьей шкурой, которые на языке саами называются куваксами или котами; у ненцев это чумы.

Язык саами одни лингвисты выделяют в особую разновидность внутри уральской языковой семьи, другие же относят его к угро-финской группе, не включая его при этом ни в ее финскую, ни в угорскую ветвь.

Ареал финноязычных народов к середине I тысячелетия еще не подвергся сжатию, явившемуся впоследствии результатом расселения восточных славян, и, соприкасаясь на севере с местами обитания саами и ненцев, на юге простирался до бассейна Западной Двины, верховьев Днестра и Волги, затем его граница шла по Москва-реке до ее впадения в Оку, затем резко поворачивала на юг, так что финноязычный ареал включал в себя бассейн Оки в ее среднем и нижнем течении со всеми ее правобережными притоками, охватывал правый берег Волги, доходя до Саратова, а затем граница финского ареала шла вверх по Волге до Симбирска, охватывала бассейн Камы и севернее Екатеринбурга продолжалась по Уральскому хребту – совпадая с границей Европы. Таким образом, ареал финноязычных народов занимал большую часть территории Восточной Европы, включая Финляндию, Эстонию, север Латвии, а также европейскую Россию от Крайнего Севера до южных притоков Оки.

Древние угры, прямыми языковыми потомками которых являются современные венгры, а также народы Западной Сибири ханты и манси в VI столетии обитали на своей прародине, которая приблизительно совпадала с современной Башкирией, так что башкирский народ по своему происхождению может быть охарактеризован как тюркизированные угры, но значительная часть угров была вовлечена в продвижение гуннов на запад, и с тех пор их история оказалась теснее связанной с бурными приключениями, пережитыми тюркскими ордами, чем с бедной историей их финноязычных сородичей, недаром ромеи называли венгров турками. Присутствие угрского элемента в гуннских ордах не означает, что предки венгров – мадьяр переселились

на берега Дуная вместе с Аттилой. Под его началом находилось лишь несколько угорских племен, к тому же та их часть, которая осталась в Придунайской пуште, подверглась впоследствии ассимиляции тюркоязычными аварами, а также славянами, но мадьяры, несколько столетий спустя овладевшие Среднедунайской равниной, застали там осколки родственного им по происхождению и, возможно, обычаям, но едва ли уже по языку, этноса.

Из самоназваний угро-финских племен, зафиксированных в античной литературе, относительной достоверностью обладает этноним «иирки», имеющийся у Геродота. Его можно соотнести со словом «угры». Упоминания же об андрофагах, меланхленах, фиссагетах, вероятно, как-то связаны с финноязычными народами, но не могут быть интерпретированы как их собственные названия. Хотя геродотовых будинов некоторые историки считают славянами, более вероятным, исходя из этнической карты Европы середины I тысячелетия до Р. Х, и их считать финноязычным или, возможно, балтоязычным народом. В «Германии» Тацита прямо упомянуты фенны, но это тоже, конечно, не самоназвание – так поныне называют народ суоми германцы, включая скандинавов, и славяне. У цитированного выше Иордана перечислено несколько угро-финских народов; идентификация некоторых этнонимов – тиудов (чуди, эстонцев), васинабронков (веси, вепсов), меренс (мери), морденс (мордвы) общепринята и сомнений не вызывает. Вполне вероятно, что и другие финноязычные народы – карелы, ижора, водь, коми, удмурты – уже во времена Иордана имели названия, подобные тем, какие они носят ныне, но документальных подтверждений этому не имеется.

У Иордана приведен еще один список народов, включавший и те племена, которые обитали на крайнем севере Европы, в Приполярье и Заполярье, в том числе и на севере Финляндии. Перечисляя народы севера, Иордан, помимо германоязычных скандинавов, упоминает также финноязычные племена и близкородственных им саами, или лопарей: «В северной части (острова Скандзы) живет племя адогит... Есть там еще племя – скререфены... они не требуют хлебного питания, но живут

мясом диких зверей и птичьими яйцами»¹¹⁷⁹. В перечень скандинавских народов Иордан включает также «кротчайших финнов – наиболее низкорослых из всех обитателей Скандзы, а также похожих на них виновилот»¹¹⁸⁰.

В середине I тысячелетия от Р. Х. финские языки уже существенно различались. Как и ныне, они составляли при этом две группы: прибалтийскую, к которой ныне относятся финны, карелы, эстонцы, ижорцы, водь, и пермско-волжскую – коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва. Таким образом, к первой из этих групп принадлежали иордановы тиуды и васинабронки, а ко второй – меренс и морденс.

Археологические культуры, бесспорно принадлежавшие угрофинским народам, – дьяковская, названная так по раскопкам в подмосковном селе Дьякове – ее ареал распространялся на юг до Оки, городецкая – по селу Городец в нижнем течении Оки, пьяноборская – от села Пьяный Бор в бассейне Камы.

Поселения носителей всех трех культур располагались на высоких речных берегах с крутыми склонами. Это были маленькие деревни, защищенные со стороны поля валами, рвами и нередко также деревянным тыном. Жилые строения представляли собой деревянную хижину с односкатной кровлей, которую на зимнее время ради сохранения тепла покрывали землей. Очаг не имел дымохода, и помещение отапливалось по-черному. «Вотяки, – по словам Г. В. Вернадского, – жили в таких же примитивных домах еще в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Мордовские амбары для сушки зерна – того же типа»¹¹⁸¹. Пьяноборцы погребали останки умерших в мелких ямах, куда они клали оружие, орудия труда, пряжки поясов – в могилы мужчин и массивные украшения – в могилы женщин. «Несмотря на то, что археологам известны сотни дьяковских поселений, дьяковских могильников до сих пор обнаружено не было. По-видимому, – полагает А. П. Смирнов, – у дьяковцев существовал обычай наземного погребения или же обычай хоронить своих мертвых на деревьях, как делали это до недавнего прошлого некоторые сибирские народы»¹¹⁸².

У угро-финнов существовали капища и жрецы, которые пользовались большим влиянием. Позднейшие отголоски особой склонности финских волхвов ко всякого рода чародейству запечатлелись в русских летописях. Финские колдуны внушали страх норманнам. В капищах «практиковались человеческие жертвоприношения, и символические пережитки такой практики могут быть обнаружены в фольклоре некоторых восточнофинских племен даже сейчас»¹¹⁸³. Религиозные верования угро-финнов несли черты, сближающие их с шаманизмом народов Сибири, – возможно, их исконной родины. В то же время им не чуждо было и представление о высшем божестве – Юмале на языке собственно финнов и эстонцев, Юме – у марийцев и Ене – у коми-пермяков. Мир, по представлениям финских народов, населен духами, особенно часто принимающими вид зверей или птиц, в основном злыми, вредящими человеку, которых однако можно умиловать жертвоприношениями.

Хозяйственными занятиями дьяковцев, пьяноборцев и носителей городецкой культуры были рыболовство, земледелие, скотоводство и ремесла. Но особенно важной отраслью хозяйства служила промысловая охота – звериные меха, которые добывали охотники, продавались на рынках Средиземноморья и Востока. В обмен на меха на север поступали оружие, ювелирные изделия, золотые и серебряные монеты, которые употреблялись не только для торговли и тезаврации, но и как женские украшения в виде монистов. Большая часть орудий труда изготавливалась из рога и кости, гораздо реже встречаются железные топоры, ножи и серпы – вероятно, они стоили дорого, тем не менее они не были исключительно импортным товаром, в раскопках обнаружены тигли для плавки металла, литейные формы, железные шлаки. Пьяноборцы в основном были скотоводами, разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей.

Дьяковскую культуру, принимая во внимание ареал ее распространения, можно связать с хорошо известным из средневековой истории Руси народом «меря» – Иордановыми «меренс», близкородственным, если не вполне идентичным, современным марийцам, которых в прошлом русские называли черемисами, а

также, вероятно, с муромой, городецкую – с мордвой (морденс), более определенно – с эрзя. Труднее поддается этнической идентификации пьяноборская культура, но наиболее вероятными потомками «пьяноборцев» являются угры, то есть венгры, или мадьяры, но возможно также, что и удмурты (вотяки), антропологический тип которых из финских народов особенно близок к угорскому в его исконном варианте, выраженном у ханты и манси, а не у европеизированных венгров.

Часть угров, как уже сказано, подверглась ассимиляции гуннами, некоторые угорские племена были включены в гуннскую орду и вовлечены в гуннское движение на запад. Среди племен, которые после смерти Атиллы и скорого распада его кочевой империи обрели независимость, в источниках упоминаются несомненно угорязычные хуннугуры и сарагуры («белые угры» русских летописей). Л. Н. Гумилев усваивает угорское происхождение и другим гуннским племенам: кутригурам и утигурам, но в действительности речь может идти лишь об угорском компоненте, который, вероятно, участвовал в их этногенезе, но нет оснований сомневаться в их тюркоязычии. Хуннугуры и сарагуры обосновались в степных предгорьях Кавказа и там оказались в тесном соседстве с аланским народом яссов – прямых предков осетин. Следы их контактов запечатлены в лексических заимствованиях из осетинского языка в венгерском, которые приводит Г. В. Вернадский: венгерское *aladar* (сотник) из осетинского *aeldar* (князь, правитель), венгерское *legeny* (юноша, воин) из осетинского *laeg* (мужчина), венгерское *kard* и осетинское *kard* (меч), венгерское *vert* и осетинское *vart* (щит), венгерское *vendeg* (чужестранец, пришелец) и осетинское *faendag* (дорога), *hid* и *khid* (мост), *gazdag* и *haezdug* (богатый), *jicet* и *jid* (платить), *uveg* и *avg* (стекло)¹¹⁸⁴.

Западными соседями угро-финских народов в Восточной Европе в середине I тысячелетия, как и в прошлом, оставались балтские племена. У Геродота упомянуты невры, которых многие историки и археологи, в том числе такой выдающийся знаток балтских древностей, как Мария Гимбутас, отождествляют с балтами¹¹⁸⁵. У Иордана упоминается племя эстов, «которое населяет отдаленнейшее побережье Германского океана»¹¹⁸⁶.

Ранее него Тацит применил этот этноним, вероятно, лишь по отношению к одному или, может быть, нескольким из балтоязычных племен, обитавших на берегу Балтийского моря, но впоследствии он был перенесен на соседний народ финно-угорской языковой семьи – эстонцев. Младшему современнику Тацита Птолемию «были известны судины и галинды, судовяне и галиндяне»¹¹⁸⁷. В перечне народов, покоренных готским королем Германарихом, Иордан называет колдов, а также «гольтескифов»¹¹⁸⁸ – один из этих этнонимов можно отождествить с голиндами, или, по-русски, голядь. Есть основания считать, что уже в первой половине I тысячелетия от Р. Х. существовали известные из позднейших источников такие балтские этнонимы, как пруссы, литва, курши, земиголы, судины, жмудь, селя (шелоняне). В отличие от славян, близкородственные им балты значительно раньше подверглись языковой и этнической дивергенции, причем она была более глубокой, чем у славян, которые, вероятно, до конца тысячелетия легко понимали друг друга, когда каждый говорил на своем диалекте, несмотря на более значительные расстояния, территориально разделявшие отдельные славянские племена и народы.

Впрочем, ареал расселения балтов две тысячи лет назад был несопоставимо более обширным, чем в наше время. На рубеже эр балты занимали большую часть современной Латвии, Литву, Восточную Пруссию, польскую Мазурию, Мазовию и Подлясье, Белоруссию, бассейн Припяти, среднее течение Днепра до границы леса с лесостепной зоной, а также Смоленскую, Калужскую, Брянскую и Орловскую области, южную часть Псковской, юго-запад Тверской и запад Московской области. Таковы данные гидронимики и отчасти археологии.

Но в последующие века ареал балтоязычных народов радикально убавился, главным образом из-за экспансии славян, которая однако в основном носила мирный характер, хотя, конечно, не могла проходить совсем без военных столкновений, но никаких археологических следов резни и депортаций автохтонов пришельцами не существует. Дело в том, что

балтоязычные племена, подобно угро-финским, занимая обширную территорию, имели низкую плотность населения. В прошлом, как и другие арийцы, они были почти исключительно скотоводами, остро нуждавшимися в пастбищах. Освоив со временем земледелие, ставшее главным видом их хозяйственной деятельности, балты при своей малочисленности, довольствовались лишь отдельными участками занятой ими земли, так что между их поселениями, в основном по берегам рек и озер, лежали девственные лиственные и смешанные леса. Еще большие расстояния разделяли территории племен. Между тем их более многочисленные соседи славяне, занимавшие земли, лежавшие тогда в основном к югу и западу от балтов, подверглись удару со стороны вторгшихся в Европу гуннов; и хотя одни славяне приспособились к зависимости от завоевателей, другие не пожелали терять свободу и целыми родами или даже племенами уходили из зоны широколиственных лесов и лесостепи центральной Европы на лесистый север.

Главным объектом славянской колонизации стали бассейн Припяти, Полесье, Белоруссия, западные области современной Российской Федерации, изменившие в течение нескольких веков свое этническое лицо и из преимущественно балтских ставших в основном славянскими. Балтские поселения, окруженные славянскими весями, со временем подвергались языковой славянизации. Есть основания предполагать, что целый племенной союз кривичей изначально был балтоязычным – прямым свидетельством этого обстоятельства является культ бога Крива, а косвенным – латвийский этноним русских – кривы, но со временем подвергся славянизации, что и стало важнейшим событием в процессе славянизации Белоруссии, Смоленской и Псковской областей, западных районов Московской и Тверской области. Но на этнической карте Восточной Европы при этом долго еще сохранялась чрепалосица: по соседству со славянами продолжали жить еще не ассимилированные балты. Последним из таких островков балтского мира, оказавшимся оторванным от родственного материка и просуществовавшим до XII века в

окружении руси, были поселения голяди на территории вокруг Можайска и Гагарина – на границе Московской и Смоленской областей. Эта «голядь» русских летописей в этническом отношении тождественна или близка обитавшим на юге Пруссии голиндам, вошедшим в прусский племенной союз.

Подвергшиеся экспансии со стороны славян, сами балты расширили ареал своего обитания в северном и западном направлениях. Территория к северу от Западной Двины в ее нижнем течении приблизительно до современной границы Латвии и Эстонии, в прошлом финноязычная, подверглась частичной балтизации, хотя там долго еще оставался финноязычный народ ливов, давший название Лифляндии, не до конца ассимилированный латышами до наших дней. Балтоязычные пруссы после ухода готов с берегов Балтийского моря заняли оставленную ими территорию на правом берегу устья Вислы, которую они, вероятно, занимали раньше, до прихода туда готов из Скандинавии.

Балты – прямые наследники культуры курганных погребений. Курши и земгалы в середине I тысячелетия от Р. Х. по-прежнему предавали останки своих покойников земле, насыпая над ними курганы, но пруссы перешли к кремации умерших, помещая урны или горшки с прахом в плоских могилах. Литовцы и судовяне в V веке стали сжигать трупы, насыпая над прахом низкие курганы: литовцы ставили вокруг земляного кургана каменное ограждение, а судовяне клали камни на самый курган, так что по способу погребения археологи могут легко определить племенную принадлежность кладбища. Помимо предметов, извлеченных из курганов, многочисленные артефакты были обнаружены археологами при раскопках, проведенных на местах поселений балтов. Некоторые из поселений, особенно на территории Пруссии, занимали обширное пространство и были укреплены, представляя собой своего рода протогорода. Но большая часть балтов жила не в таких укрепленных поселениях и не в деревнях, а на хуторах, принадлежавших большим семьям, включавшим по два или по три поколения взрослых родственников со своими женами и детьми.

Жилищами балтов «в большинстве случаев... были, – по словам Г. В. Вернадского, – бревенчатые хижины... Судя по описанию семнадцатого века, типичный литовский дом возводился из еловых бревен; большая печь, сложенная из камней, занимала середину комнаты; дымохода не было; зимой скот держали дома»¹¹⁸⁹. Раскопки поселений и погребений дали археологический материал, проливающий свет на хозяйство, быт и культуру балтских племен середины первого тысячелетия, а также на их торговые связи с внешним миром.

Важнейшей статьей экспорта балтов, как и в прошлом, служил янтарь, который вывозился в основном в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток. Теми же давно проложенными янтарными маршрутами, но в обратном направлении к балтам поступали золотые и серебряные монеты из Римской империи, готские фибулы, ожерелья. Сами балты также изготавливали фибулы из серебра и бронзы, которые обнаружены в раскопках в значительном числе и в разных регионах, но особенно на землях западных балтов – в Пруссии. Среди них встречаются фибулы крестовидной формы, хотя едва ли в этих находках можно усматривать следы влияние христианства – балты в течение еще многих и многих столетий оставались упорными язычниками; самое многое, крестовидность фибул служит свидетельством контактов с христианским миром и представляет собой простое заимствование, как если бы крест был всего лишь декоративным мотивом, подобным другим геометрическим фигурам балтских фибул. Среди археологических находок местного происхождения – массивные серебряные браслеты, ожерелья из серебряной проволоки, а также оружие: щиты с железными умбонами, железные наконечники копий, предметы конской упряжи – стремяна и детали уздечек.

Артефакты, найденные в результате раскопок, дают представление об одежде и украшениях балтов, особенно женщин: «Женские головы украшали диадемами, изготовленными из бронзовых спиралей и трубок, разделенных рядами бус, шею – ожерелье из стеклянных и янтарных бусин. Бронзовые цепочки, прикрепленные к бронзовым или

серебряным фибулам или булавкам, украшали грудь. Девушки до конца железного века продолжали носить тканые или вязаные шапочки, обильно декорированные бронзовыми спиралями и подвесками»¹¹⁹⁰.

В степях Восточной Европы, от Волги до Дуная и Тиссы, по соседству со славянами, угро-финнами, кавказскими автохтонами и тюркоязычными осколками гуннской орды в середине I тысячелетия обитали ираноязычные народы, среди которых доминировали аланы. Правда, значительная часть этого народа вместе с близкими им языгами потоком великого переселения была унесена на запад Европы и в Африку. Топонимические следы пребывания аланов в Испании и Франции сохранились до сих пор: во Франции существует город Алансон, знаменитый своими кружевами. Одна из вероятных версий интерпретации происхождения этнонима «каталонцы» – готы и аланы. Варварское государство на севере Африки со столицей в Карфагене известно в основном с именем вандалов, но его действительным и полным названием было «королевство вандалов и аланов».

Но аланы, под именем которых фигурируют и другие ираноязычные племена и племенные союзы, в значительной мере ассимилированные ими, – аорсы, роксоланы, асы, по-другому ясы, языги, – не все ушли на запад, составляя численно, возможно, доминирующий элемент населения восточноевропейской степной зоны, включая Крым и предгорья Кавказа. Ираноязычный компонент присутствовал и среди антов, которые от аланов получили свой этноним. В восточнославянский, русский язык через сарматов, и в частности аланов, вошли такие заимствования из иранского словаря, как «хата», «смерд», «шаровары», «топор», «собака».

Характеризуя соотношение иранского и славянского элементов у антов, Г. В. Вернадский писал: «Часть аланов, или ас, смешалась со славянами (антами). Поэтому, когда мы встречаемся со свидетельствами относительно ас или антов, не всегда ясно, подразумеваются ли иранцы, славяне или же смешанные ирано-славянские племена. В целом иранский элемент был более выражен среди восточных, нежели среди

западных антов. После миграции аланской орды из Дакии в Испанию и Африку иранский колорит постепенно убывал у бессарабских антов до того, что они в конце концов стали практически чистыми славянами. Асы и анты в азовском регионе и Тавриде продолжали представлять собою симбиоз иранцев и славян. Среди ас Северокавказского региона (осетинов) преобладали иранцы, хотя даже там могли быть славянские общины как многочисленные анклавны на иранской территории. В районе Дона иранские и славянские элементы сосуществовали, возможно, с начала христианской эры»¹¹⁹¹.

В цитированном пассаже Г. В. Вернадского обозначены ареалы расселения ираноязычных народов Восточной Европы: Молдавия и Бессарабия, где название города Яссы служит свидетельством иранского присутствия, степной Крым и примыкающие к нему Таврия и Кубань, бассейн Северского Донца и Дона, предгорья Кавказа в их центральной части. Автохтоны Кавказа, жившие в горах, зависели от аланов, так что границы их владений в разных местах могли проходить по Большому Кавказскому хребту. Само название Дарьяльского ущелья, соединяющего Северный Кавказ с Закавказьем, указывает на присутствие в нем аланов – в переводе с арабского Дарьял (Дариль-алан) значит «Врата аланов». Оттесненные в позднейшие времена тюркскими кочевниками в высокогорье, потомки аланов осетины одни только из иранцев Восточной Европы сохранили свое ираноязычие. Потомками аланов в значительной мере являются, очевидно, и тюркоязычные народы Кавказа – балкарцы и карачаевцы, которые по отношению к себе употребляют также этноним «аланы», тем самым храня память о своем происхождении.

На крайнем севере ареала ираноязычных народов – в междуречье верхнего Дона и его притока Хопра – в средневековье обитал народ буртасов, впоследствии переселившийся на северо-восток от мест своего прежнего поселения – на юг современной Мордовии и там ассимилированный в языковом отношении русскими, татарами и, главным образом, мордвой, но до начала XX века потомки буртасов помнили о своем ином,

чем мордва, происхождении, о своей этнической самобытности и о своем национальном имени.

В этнологии и лингвистике имеются разные версии языковой принадлежности бургасов: их язык относят к угро-финской, к тюркской или, что представляется наиболее вероятным, иранской языковой семье. Г. В. Вернадский, один из лучших знатоков этнической карты Восточной Европы I тысячелетия от Р. Х., отождествляет бургасов с мордвой, но он же, ссылаясь на арабского писателя из Исфахана Мохамеда Ибн-Руста, правда, жившего на рубеже IX и X веков, пишет, что во времена Ибн-Руста бургасы «были сильным племенем, способным мобилизовать десять тысяч всадников»¹¹⁹². Но другие финские народы, чтобы мобилизовать 10 тысяч всадников, должны были бы иметь численность не менее миллиона человек, численность же бургасов едва ли составляла десятую долю от миллиона. Выставить столь мощную по тем временам кавалерию народ, насчитывающий менее 100 тысяч человек, мог лишь в том случае, если он был народом скотоводов, или, лучше сказать, конных пастухов; из угро-финских народов такими были лишь предки мадьяр, вовлеченные в орду Аттилы, но народом скотоводов и великолепных всадников были также сарматы и аланы. Уже сам этноним бургасов, во второй своей части содержащий столь характерное «ас», указывает на их принадлежность к иранской семье народов.

Есть данные о высокорослости бургасов, которая выделяла их из среды окружающей мордвы и русских. Между тем места их первоначального обитания находятся поблизости, к востоку от региона, где древние писатели локализовали народ «спалеев», или «сполов». «Согласно Плинию, спалеи жили в бассейне реки Танаис... Имя притока Донца, Аскола, кажется отражающим имя людей, упомянутых как Плинием, так и Иорданом (Оскол или Оспол) ... Славянское слово «исполин» («гигант») должно быть выведено из имени сполы... Возможно, что под сполами, или гигантами, донецкие славяне подразумевали аланское племя, которое занимало бассейн Донца»¹¹⁹³. Вероятными потомками сполов и были бургасы.

Ираноязычные народы Восточной Европы на рубеже V и VI столетий уже не были кочевниками в собственном смысле слова, подобными их предкам сарматам, скифам времен Геродота или господствовавшим над ними в недавнем прошлом гуннам. Но в их хозяйственной деятельности скотоводство преобладало над земледелием, и они сохранили подвижность своих предков, легко переселяясь с места на место, подобно современным им восточным германцам или славянам, одна из ветвей которых, анты, как уже было сказано, находилась в симбиозе с ираноязычными аланами, или ассами, настолько тесном, что вожди антов, как правило, носили иранские имена: Ардагаст, Пейрагаст, Келагаст. Артефакты V и VI столетий, обнаруженные в раскопках, произведенных в разных ареалах южнорусских степей, вроде массивных поясных пряжек, браслетов, височных колец, гребней, фибул, застежек, подвесок, при атрибуции с трудом поддаются дифференциации: принадлежат ли они по своему происхождению славянизированным или ираноязычным антам или аланам.

Значительное большинство иранцев Восточной Европы, в отличие от своих соплеменников, ушедших на запад, оставались язычниками, и все же христиане среди них встречались чаще, чем среди соседних народов – славян, балтов, тюрок, за исключением, естественно, греков, а также готов-трапезитов, которые исповедовали не арианство, как их сородичи вестготы и остготы, но православие. В особенности это относится к ираноязычным жителям Крыма и Тамани, находившимся в орбите византийского мира, либо (на южном и западном берегу Крыма, в Климатах) – на территории, прямо входившей в состав империи: в Херсонесе Таврическом находилась резиденция епарха. Боспор, изначально эллинская колония Пантикапея, подвергся в свое время глубокой иранизации, оставшись при этом в лоне эллинистической культуры, ставшей со временем христианской. В Тавриде находилось несколько епископских кафедр, одна из них в Боспоре – среди участников I Вселенского Собора были епископы Херсонский Филипп и Боспорский Кадм. На рубеже IV и V столетий святой Иоанн Златоуст хиротонисал епископа для таврических готов Унилу. Где находилась его кафедра – неиз-

вестно, но впоследствии готские епископы имели резиденцию в Дори (Ески-Кермане). Боспор, в прошлом Пантикапея, позже, во времена Хазарского каганата, был переименован в Керчь, и вот «в девятнадцатом столетии на окраине Керчи было раскопано несколько христианских погребальных пещерных камер (нечто схожее с катакомбами). В катакомбах 491 г. была захоронена аланская чета, что явствует из имен на надписях (Саваг и Фоиспарта)»¹¹⁹⁴. Это была, конечно, не единственная ираноязычная христианская семья в Боспоре.

Аланы степей Северного Кавказа ассимилировали меотов Приазовья и Прикубанья и вытеснили в предгорья и горы автохтонов Кавказа – наследников древних майкопской и кобанской культур, говоривших на языках адыгских, нахских и дагестанских. Родство нахов, или вайнахов, с автохтонами Дагестана с лингвистической точки зрения бесспорно, а генетические связи тех и других с адыгами вероятны.

Прокопий Кесарийский, перечисляя народы, населявшие горные склоны Кавказа, писал: «Тут живет много различных племен, в том числе аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами»¹¹⁹⁵. Авасги жили к югу от Большого Кавказского хребта, а остальные народы, названные Прокопием, – на его северных склонах и в предгорных степях. Зихи, которых позже русские летописи назовут касогами, были прямыми предками современных адыгейских народов, собственно адыгов, а также черкесов, кабардинцев, шапсугов, абхазцев и близкородственных им абазин. К востоку от зихов в предгорьях Большого Кавказского хребта обитали ираноязычные ассы, или аланы, а далее на восток, в высокогорных верховьях Терека, на склонах Терского и Сунженского хребтов и на примыкающей к ним предгорной равнине, жили вайнахи – ныне это чеченцы и ингуши; и, наконец, в Прикаспии, между Тереком и Большим Кавказским хребтом, – от Кизляра до Дербента – находились аулы многочисленных и разноязыких, но родственных между собой горских общин – автохтонов Дагестана, чьими прямыми

потомками являются ныне аварцы, даргинцы, лезгины, лаки, табасаранцы.

Объясняя причину поразительного многоязычия Кавказа, русский этнограф В. Миллер писал: «В течение многих столетий Кавказский перешеек служил убежищем для племен, оттесняемых другими из северных прикавказских степей – главного, в древние и средние века, пути из Средней Азии в Европу. Попав однажды на Северный Кавказ, племена, теснимые другими, были, так сказать, припираемы к стене и не имели выхода, будучи заперты со всех сторон. ... Таким образом Кавказский хребет становился “горою языков», и если в настоящее время языки и наречия считаются в нем десятками, то в глубокой древности их было еще больше, так как многие народы гибли в борьбе с суровыми природными условиями, и от языков их не осталось и следа»¹¹⁹⁶.

Горцы Кавказа жили в горных аулах, но на юге современного Дагестана находился значительный по своим размерам город – Дербент. Самое раннее поселение на месте Дербента существовало уже в III тысячелетии до Р. Х, а на рубеже IX–VIII веков оно было обнесено каменными крепостными стенами. Современное название Дербента известно из персидских источников VI столетия от Р. Х., арабы его называли Баб аль-Абваб, а его тюркским наименованием было Темир-Капы. В первые 4 столетия христианской эры Дербент входил в состав кавказской Албании, большинство населения которой составлял народ, родственник современным лезгинам. Албания, как и соседние Грузия и Армения, была христианским государством, так что христианская община существовала тогда и в Дербенте. «О процветании города» в эту эпоху «свидетельствуют многокомнатные здания в крепости и постройки за ее пределами, ближневосточные стеклянные изделия, привозная парфянская, закавказская и греческая керамика, женские фигурки из слоновой кости»¹¹⁹⁷.

Дербент разрушил иранский шах Сапор III в 252–253 гг., но после пережитой катастрофы город был восстановлен. Прикаспийский Дербентский проход, связывающий Северный Кавказ с Закавказьем, в IV веке стал эпицентром противостояния Ирана

с гуннами и их наследниками, а позже с Хазарским каганатом. В середине V века из сырцового кирпича была построена стена длиной в 3 с половиной километра, которая шла от городской крепости до моря. Во второй половине V века, когда пала Кавказская Албания, завоеванная сасанидским Ираном, Дербент оказался во власти Ирана, став с этих пор одним из очагов распространения зороастризма на Кавказе. «Стремясь укрепиться на Восточном Кавказе (в том числе и в южном Дагестане), сасаниды поселяли в укрепленных пунктах переселенцев из Ирана»¹¹⁹⁸. Ираноязычные таты Дербента и других городов Дагестана, христианского, мусульманского и иудейского вероисповедания, – наследники этих переселенцев.

В середине I тысячелетия от Р. Х. на Каспийском побережье, от устья Терека до устья Волги, обитал народ, который составил впоследствии автохтонный компонент знаменитых в истории хазар и который, вероятно, был первоначальным носителем этого этнонима. Место его первоначального обитания находилось в устье Терека, простираясь на север до устья Кумы. На север от Кумы до волжской дельты хазары расселились позже, но еще до прихода на Кавказ тюркоязычных гуннов. О изначальной языковой принадлежности хазар судить затруднительно, можно лишь предполагать родство их языка с языками Кавказа. Но тюркский язык по крайней мере часть хазар усвоила, вероятно, еще до Аттилы, когда гунны впервые появились в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Наиболее вероятным актором тюркизации хазар стало племя акациров. При этом однако подвергшиеся языковой тюркизации хазары не стали кочевниками, не изменили своего прежнего образа жизни, своего хозяйственного уклада, а он в основном связан был с рыбной ловлей в исключительно богатых ею водах Волжской дельты и в Каспийском море, а также в выращивании фруктов и овощей. Выдающийся тюрколог Л. Н. Гумилев, характеризуя антропологический тип исконных хазар, писал, что ему «доводилось находить в низовьях Волги их скелеты; казалось, они принадлежат подросткам. Длина скелета составляет около 1,6 м, сами кости мелкие и хрупкие. Подобный антропологический

тип сохранился у терских казаков. Следы обитания хазар у Каспия сейчас скрыты наступившим морем, и лишь дагестанский виноград, принесенный хазарами в дельту Волги, остался свидетельством их миграции»¹¹⁹⁹.

Распад державы Аттилы, случившийся вскоре после его смерти, послужил толчком к освобождению от гуннского господства народов Восточной Европы, и все же, утратив былую власть над иноплеменниками, тюркоязычные орды, явившиеся продуктами распада единого ханства, остались самыми динамичными и агрессивными насельниками южнорусской степи, продолжавшими теснить ираноязычные и славяноязычные народы. Ромеи по-старомодному называли их гуннами или даже скифами, но у каждой такой орды было и собственное имя, существовавшее еще и до Аттилы, превратившего конгломерат прежде независимых ханств в иерархически выстроенный союз зависимых от него улусов.

После катастрофической для гуннов битвы у Нетавы, в которой пал сын и наследник Аттилы Еллак, остатки его собственной орды ушли на восток. Орды двух его братьев Денгизака и Ернака остановились в Дакии и Бессарабии, вытеснив оттуда обитавшее там аланское племя за Дунай, в Добруджу. Правителем этого племени был Кандак, секретарем которого служил дед историка Иордана остгот Парна. В орду Денгизака входило племя кутригуров, а Ернак был ханом утигуров. Тех и других по-другому назывались болгарами. В византийских памятниках они фигурируют под этим именем либо под устаревшим именем гуннов, а также заодно со всеми другими варварами Восточной Европы упоминаются как скифы. Денгизак, вторгшийся со своей ордой во Фракию в 468 г., был разбит римской армией под командованием Анагаста, судя по имени, – алана, и пал в сражении. Его голову Анагаст отправил в столицу империи, а там ее с триумфом носили по улицам.

Остатки орды кутригуров «вновь пересекли Дунай и отступили на восток, следуя за Ернаком, молодым ханом, который не поддержал своего брата в его атаке на византийские владения»¹²⁰⁰.

После ухода болгар из Дакии и Бессарабии туда стали переселяться славяне, составившие на рубеже V и VI столетий большинство населения этой полиэтнической страны; по месту их нового жительства ромейские писатели с этих пор усвоили им ставший классическим этноним гетов, как уже раньше он был подарен готам.

В своем движении на восток утигуры во главе с ханом Ернаком остановились на несколько лет в нижнем Приднепровье, после чего перекочевали в степной Крым. Перебравшись в зимнее время по льду Керченского пролива, утигуры раскинули свои шатры на Тамани и в Приазовье. «Пересекая крымские степи, они пришли в контакт с крымскими готами, часть которых, – как полагает Г. В. Вернадский, – последовала за ними к таманской стороне пролива. Эти готы, поселившиеся на восточном побережье Азовского моря, иногда более точно называются трапезитами (тетракситами)»¹²⁰¹. Эти сведения почерпнуты историком у арабского писателя Ибн-Фадлана. Впрочем, наименование тетракситы, или трапезиты, в византийских источниках обыкновенно усваивается и крымским, а не только менее известным таманским готам. Остатки орды Денгизака, или кутригуры, следовавшие по следам своих сородичей, остановились в степях Северной Таврии и в степном Крыму. Появление кутригуров в близком соседстве с принадлежавшим империи Херсонесом и Климатами побудило местного епарха к реставрации разрушенных землетрясением крепостных стен вокруг Херсонеса – форпоста империи в северном Причерноморье. Их возобновление началось в 488 г.

На степной равнине Северного Кавказа в 460-е гг. на роль гегемона претендовали сабиры, или савиры. По рассказу Приска Панийского, помещенному под 463 г., «к восточным римлянам отправлены были посольства от сарагуров, урогов и оногуров – народов, оставивших свою страну, потому что с ними вступили в бой савиры, изгнанные аварами. Последние были также изгнаны народами, жившими на берегах океана. Таким образом и сарагуры, теснимые другими народами, пришли к гуннам-акатирам и требовали у них земли. Они имели с ними много сражений, одолели их и прошли к римлянам, желая быть с ними

в дружбе. Посланники их были приняты благосклонно, получили подарки от царя и его приближенных и были отпущены»¹²⁰². Приведенные Приском сведения о событиях, происходивших в степях, относительно далеко отстоявших от границ империи, не отличаются такой полнотой и отчетливостью, которые бы позволяла интерпретировать их однозначно.

Одну из версий их интерпретации предлагает Л. Н. Гумилев: «Ныне эти странные для греков названия расшифрованы и ход событий восстановлен с законным допуском. Сарагуры, оногуры и уроги – угры, предки древних булгар; савиры – этнос самодийской группы, населявший окраину сибирской тайги; абары – джунгарское племя, их соседи – мукрины, предки киргизов, известные во II–V вв. как “Западная сяньбийская орда”»¹²⁰³. В связи с этой этнической идентификацией уместны уточняющие замечания: сарагуры, онногуры и уроги, несомненные угры, не могут считаться предками тюркоязычных болгар, т.е. кутригуров и утригуров, в собственном смысле слова – в состав болгарских племен, или орд, вошли, вероятно, и угры, но болгары, как это совершенно очевидно относительно их прямых и не прямых этнических потомков – волжских булгар, кавказских балкарцев, а также балканских протоболгар, – были по языку тюрками.

Примерно то же относится и к савирам, изначально они действительно могли быть самодийцами, часть которых, перебравшись далеко на север, в приполярный и заполярный край, стала впоследствии известна русским как самоеды, вполне вероятно, что это их этноним дал название Сибири, но савиры V века, угрожавшие уграм, по языку, господствовавшему в их орде, были уже не самодийцами, но тюрками. Процесс тюркизации они пережили, оказавшись в составе гуннской орды, в основном, вероятно, в IV столетии, еще до Атилы. А их перекочевка в регион нижнего Поволжья из Западной Сибири действительно была вызвана перемещениями тюркоязычных, монголоязычных и тунгусоязычных кочевников, происходившими в азиатских степях. В 460-е гг., после падения гуннов, они перекочевали из Поволжья на степную равнину Дагестана и в Калмыкию, разгромив там угроязычные племена в недавнем прошлом таких же, как и они, вассалов Атилы.

Но на этом передвижения сабиров не остановились. По версии Л. Н. Гумилева, позже «савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток»¹²⁰⁴. В бассейне Десны произошла затем славянизация савиров и, как полагают Гумилев, а также Ю.Ю. Шевченко, восточнославянское по языку племя северян заимствовало свое название от савиров¹²⁰⁵. Но это была только часть народа. Другие савиры, оставшись на Кавказе, позже вошли в состав хазарского каганата; наконец, часть савиров отправилась через Дербентский проход в грабительский поход против Ирана, и в конце концов они там застряли, принятые на воинскую службу шахами.

В северном Причерноморье и на Кавказе во взаимоотношениях между этносами установилась иерархия зависимости и господства. На вершине властной пирамиды стояли тюркоязычные орды, которых на рубеже V и VI столетий суммарно обозначали как болгар, или, по приверженности традиции, называли гуннами. Следующую ступень иерархии составляли ираноязычные племена, главным образом аланы, а также угры – хуннугуры и сарагуры, германоязычные гепиды и готы-трапезиты, а внизу пирамиды находились автохтоны Кавказа, романизованные и, если таковые еще оставались, не романизованные фракийцы – геты и славяне.

11. Славянский мир

Славяне вышли из-за кулис европейской истории на ее авансцену в VI столетии, когда начался их натиск на границы Римской империи на Балканах, но бурная экспансия славянских племен в направлении на север, запад и восток восходит к предыдущему веку. Воспользовавшись грандиозными переменами на этнической и политической карте центральной Европы, славяне занимали земли, оставленные их соседями германцами, бросившимися на поиск лучшей жизни в пределах империи, которая в своей западной части оказалась в параличе.

Упоминания славян в литературных памятниках до эпохи святого Юстиниана редки, но они все-таки существуют: хотя и под иным именем – венедов – славяне присутствуют уже в «Естественной истории» Плиния Старшего и в «Географии» Птолемея, который, возможно, упоминает славян и под их собственным именем, если, конечно, именно к ним относится употребленный им по отношению к соседям венедов этноним «ставане», а также в «Германии» Тацита: «Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю... Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати... Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»¹²⁰⁶. Тацит отличает венедов от действительных германцев – певкинов, или бастарнов, но, рассуждая об их возможной принадлежности к числу германских или сарматских народов, справедливо усматривает в их образе жизни большую близость к германцам.

В титулатуру соправителя и сына Галла императора Волусиана, правившего вместе с отцом в 251–253 гг., входило наименование его «Венедским», которое усвоено было ему за одну из одержанных им побед. Северные соседи славян, финны

и эстонцы, называют славян вендами, точнее говоря, ввиду особенностей угро-финских языков – вэнэ.

Гипотетическое упоминание славян у Геродота под именем скифов-пахарей, а также, по Рыбакову, невров, следует, вопреки концепции Нидерле, Рыбакова и М. Гимбутас, помещавшими регион обитания славян южнее Припяти и в верховьях Днестра, а также по правому берегу Днепра в его среднем и нижнем течении и даже, по Рыбакову, на его левобережье, отождествлявшими его с ареалом комаровской культуры, признать не относящимся в действительности к славянам, поскольку присутствие славян в эпоху Геродота на территории современной Украины, где локализуются геродотовы скифы-пахари, если и имело место, то в дисперсном виде и было совсем немногочисленным, да и по образу жизни славяне не были тогда по преимуществу пахарями, но, как и германцы, в большей мере занимались разведением скота, а также рыбной ловлей, охотой, бортничеством. С версией Рыбакова и Гимбутас трудно совместить факт многочисленных заимствований в финских языках из иранского, поскольку при локализации первоначального расселения славян территорией Украины значительно сокращается зона возможных контактов финноязычных и ираноязычных народов. Геродотовыми неврами вполне могли быть, как и считает М. Гимбутас, балты, в то время как «скифы-пахари» – это, вполне вероятно, подвергшиеся фракизации наследники палеоевропейской трипольской культуры, а ареал обитания славян в геродотову эпоху, в середине I тысячелетия до Р. Х., находился западнее – в верховьях Одера, в Силезии и Малой Польше, в междуречье Вислы и Западного Буга, на северных склонах Карпат.

Бесспорным образом, при выведении за скобки птолемеевых «ставан», этноним «склавлены», «славяне», «словени» впервые встречается в источниках VI столетия – у Прокопия Кесарийского и Иордана, использовавшего утраченный труд Кассиодора. Славяноязычная этимология этнонима очевидна: «словени» значит «словесные», то есть обладающие даром речи, в отличие от соседних «немцев» – «немых», речь которых, ставшая непонятной протославянам уже во II тысячелетии до Р.

Х., уподоблялась таким образом невразумительному бормотанию немых. Мы наблюдаем здесь аналогию с греческим словом «варвары», которое, правда, те относили не к некоему определенному этносу, но ко всем, кто не умеет говорить на греческом языке, презрительно уподобляя их речь вороньему карканью – вар-вар. Иордан, живший почти тысячелетие спустя после Геродота и на 4 столетия позже Тацита, первым употребляет этноним «славяне», правда, в искаженном виде «склавени» (sclaveni), относя его не ко всем вообще славянам, что соответствовало современной ему ситуации с самоназваниями славянских племен, а лишь к одной из трех ветвей славяноязычных племен, которые, конечно же, было бы опрометчиво отождествлять, как это делают некоторые авторы, с позднейшим разделением славян на западных, восточных и южных¹²⁰⁷.

Обращаясь к истокам славянства, или употребляя более точную терминологию, к исходному моменту расщепления балто-славянской языковой общности, представлявшей собой по существу дела позднюю стадию развития праиндоевропейского языка, на прабалтийский и праславянский языки, хотя, правда, само существование этой общности признается не всеми индоевропеистами, при том что ближайшее родство славянских языков с балтийскими является бесспорным общепризнанным фактом, мы сталкиваемся со значительными трудностями в датировке этого процесса ввиду отсутствия текстов, которые бы созданы были в столь раннюю эпоху. И все же начало процесса языковой дивергенции может быть гипотетически датировано второй половиной II тысячелетия, а его конец большинство славистов относит к середине I тысячелетия до Р. Х. Однако ввиду близости этих родственных языков возможность общения между их носителями без помощи переводчиков оставалась еще в течение длительного периода – немцами, то есть немymi, славяне называли не балтов, а германцев, языковое взаимопонимание с которыми у славян прервалось, очевидно, значительно раньше.

С этим обстоятельством – долго существовавшей тесной языковой близостью славян и балтов – связана и присутствующая в славистике значительно более поздняя датировка выделения славянского праязыка. Так, польский лингвист З. Штибер считает, что «общеславянский язык возник, по всей видимости, в начале первого тысячелетия нашей эры как одна из ветвей праиндоевропейского языка... Прабалто-славянский, на котором говорили по крайней мере в первом тысячелетии до нашей эры, был промежуточным этапом между праиндоевропейским и праславянским языком»¹²⁰⁸. В славистике по отношению к языку, который Штибер называет прабалто-славянским, нередко употребляют термин «протославянский», акцентируя таким образом перспективу его трансформации в праславянский язык. Дело в том, что после дивергенции значительно большим изменениям подвергся тот диалект этого языка, который стал самостоятельным праславянским языком, в то время как балтские языки, особенно литовский, и до наших дней сохранили архаические черты – не даром для индоевропейцев столь важным материалом исследования праиндоевропейского языка является язык литовский. Происхождение праславянского языка из прабалтославянского, который существенным образом совпадает с прабалтийским, подтверждается тем, что, как считали русские филологи В. В. Иванов и Топоров, концепцию которых резюмирует Х. Бирнбаум, ранний праславянский язык «по существу, выводим из гипотетической прабалтийской лингвистической модели. Обратное возведение общей... балтийской языковой структуры к ее раннему праславянскому соответствию кажется фактически невозможным»¹²⁰⁹.

Праславянский язык затем в течение длительного времени, вероятно до середины I тысячелетия от Р. Х., не подвергался языковой дивергенции, начало которой, явившееся следствием масштабного расселения славян на обширном пространстве Центральной и Восточной Европы, привело к образованию диалектов, ставших уже отдельными самостоятельными языками никак не ранее рубежа I и II тысячелетий.

Наиболее вероятным археологическим эквивалентом ранней праславянской общности в момент, когда она стала пользо-

ваться своим особым диалектом прабалтославянского, или протославянского языка, была тшинецкая культура, ареал которой локализуется на юге Польши – от верхнего течения Одера до Западного Буга – и датируется XV–XII веками до Р. Х. Эта культура преемственно связана с более древней культурой «полей погребальных урн», занимая географически северо-восточную часть ее ареала.

Западнее региона тшинецкой культуры, в Силезии и междуречье Одера и Эльбы, расположен ареал современной ей лужицкой культуры, который территориально почти идентичен с северной частью предшествовавшей унетицкой культуры. Польский археолог В. Хенсель, характеризуя этническое лицо этой культуры, отождествляет его с индоевропейским этносом венетов, которые зафиксированы и на иных территориях – на побережье Венецианской лагуны, на северо-западе Балкан, а также в Бретани и даже на западе Анатолии, где они известны были как энеты. Венетов отождествляли с иллирийцами или кельтами, но Полибий, историк, живший во II столетии до Р. Х., определенно отличает их и от иллирийцев, о которых он пишет особо, и от кельтов: «Странами, доходящими уже до Адриатики, завладело другое очень древнее племя, носящее имя венетов; в отношении нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым»¹²¹⁰. Венеты со временем были ассимилированы другими народами – италиками, кельтами, германцами, а на территории лужицкой культуры – славянами, которые унаследовали их этноним. Возможно, что усвоению себе имени венетов предшествовало перенесение его на славян их прежними соседями германцами, которые, очевидно, не придали особого значения или вовсе не заметили постепенной перемены языка этого народа с неизвестного нам венетского на праславянский. Немцы и по сей день называют словенцев и лужицких сербов, или сорбов, виндами.

Процесс славянизации Силезии и междуречья Одера и Эльбы протекал в конце II тысячелетия до Р. Х., когда еще сохранялась языковая общность славян и балтов. Но затем западное направление славянской экспансии было перекрыто кельтами, ареал обитания которых в I тысячелетии

стремительно разбухал фактически во всех направлениях, в том числе и на восток из региона их первоначального обитания в верховьях Рейна и Дуная. Вытесняемые с юга восточной Германии и Силезии кельтами, славяне стали переселяться на юг и восток. Новые маршруты их экспансии пролегли через невысокие Судетские горы на север Чехии, где они стали северными соседями вытесняемых оттуда иллирийцев, а также кельтского племени бойев, давших наименование стране, сохранившееся по сей день, – Богемия. Дальнейшее продвижение славян на юг было остановлено кельтами.

Другие славянские племена переселились с юга Польши в Моравию и в предгорья Карпат на севере Словакии, а оттуда, обходя Карпаты с севера и востока, в верховья Днестра – на Волынь и в Галицию, где их соседями стали даки – фракизированные наследники палеоевропейской культуры триполья. Высотская культура рубежа II и I тысячелетий до Р. Х., локализуемая окрестностями волынского города Броды, включала в себя как славянский, так и дакийский элемент, который впоследствии подвергся славянизации.

В VIII и VII столетии славяне подверглись влиянию культуры галынтатта и таким образом вступили в железный век.

В середине и второй половине I тысячелетия до Р. Х. на западе своего ареала славяне стали жертвой первого германского *Drang nach Osten*, в результате которого они утратили занятую ими ранее территорию лужицкой культуры. На севере Богемии их потеснило германское племя маркоманов. Зато фактически беспрепятственно продолжалась колонизация славянами Галиции, Волыни и Полесья, вплоть до среднего Приднепровья, куда они проникли, вклинившись между местами обитания балтов и кочевьями сарматов. В дисперсном виде славянские поселения появились также по берегам Прута, среднего и нижнего течения Днестра, Южного Буга и Днепра, в степи, по которой кочевали сарматские племена. На исконной территории обитания славян, в Польше, в V столетии до Р. Х. локализуется подклешевая культура.

С местами расселения славян рубежа эр связаны археологические культуры: пшеворская в северном

Прикарпатье, липицкая в верхнем Приднестровье и зарубинецкая в бассейне Припяти, а также на правом и левом берегах Днепра в его среднем течении и по берегам Десны, Сейма и Сожа – так далеко на восток простерлась экспансия славян. Культуры этой эпохи, к которым причастен был славянский компонент, не обладали этнической «чистотой», скорее им свойственна была полиэтничность. По словам С. В. Алексеева, «со II в. до н.э. праславяне внедряются в несколько разнородных культур, не составляя бесспорного этнографического целого. Это пшеворская культура на западе, зарубинецкая, позже Черняховская (вобравшая и пшеворский элемент) культуры на востоке»¹²¹¹.

Находясь в процессе экспансии на восток, славяне в свою очередь в эту эпоху вновь столкнулись с натиском германских народов – на этот раз переселившихся на рубеже эр из Скандинавии восточных германцев: готов, гепидов, герулов, вандалов, ругиев, бургундов, скиров. Продвинувшись на юг от устья Вислы и Одера, где они поселились ранее, на рубеже эр, германцы оттеснили славян из междуречья Одера и Вислы в их среднем течении к прикарпатским верховьям этих рек. Готы вместе с гепидами затем ушли дальше на юг: гепиды в Дакию, а готы в северное Причерноморье, где они разделились на везиготов, поселившихся на правом берегу нижнего течения Днепра до устья Днестра, и остроготов, регионом обитания которых стало левое Поднепровье, а также готов-трапезитов, или тетракситов, обосновавшихся в горном Крыму. Готы, овладевшие югом России, или Украиной, где они оказались в соседстве с ираноязычными сарматскими народами, грекоязычными гражданами приморских городов, а также славянами, не истребили и не вытеснили из этого региона славян и сарматов, но покорили их. Отличавшиеся исключительной воинственностью во времена Иордана, то есть в середине I тысячелетия от Р. Х., в прошлом славяне, как пишет тот же писатель, были миролюбивы и представляли опасность для своих соседей лишь из-за своей многочисленности.

Археологическим свидетельством симбиоза славян с германцами стала Черняховская культура, ареал которой

охватывал Украину и Молдавию. Ее существование продолжалось с начала III до конца IV столетия, когда началось великое переселение народов. В этой культуре присутствовали явным образом различавшиеся этнические компоненты: готский, сарматский, дакофракийский, на севере ареала – балтский, а также славянский. Артефакты черняховцев, принадлежавших к разным этносам, дифференцируются по способам погребения. Славяне погребали пепел кремированных покойников в урнах, которые полагались в неглубоких ямах, в отличие от готов, помещавших пепел в каменных ящиках, и сарматов, употреблявших ингумацию и зарывавших покойников в глубоких могилах. На обширной территории Черняховской культуры выявлено более 1000 поселений, которые различаются в зависимости от их этнической принадлежности. Так, вокруг днепровских порогов обнаружены поселения, состоящие из землянок и полуземлянок, в которых, вероятно, жили славяне.

Контакты готов и славян оставили заметный след в славянском словаре, хотя некоторые из заимствований могли прийти к славянам от западных германцев: слово «князь» произошло от готского *kunī* (старейшина клана), «полк» от *fulkaz* (вооруженный отряд, народ), «витязь» от *viking*, «шлем» от *hilms*, «меч» от *mekeis*, «хлев» от *hlaiv* (могила), «хлеб» от *hlebu*, «блюдо» от *biuls*, «лихва» от *leihve* (заем), «долг» от *dulgu*, «купить» от *kaupan* с тем же значением, «пенязи» от *pennings* (кусочек металла), «скот» от *skattaz* (скот, богатство), серьга от *ausihrigg*.

Ареал расселения славян в канун великого переселения народов включал междуречье верховьев Вислы и Одера, а также их среднего течения, где они однако жили дисперсно в окружении господствовавших над ними восточных германцев, север Богемии, Моравии и Словакии, восточное Прикарпатье, Галицию, Волынь, южное Полесье, где они соседствовали с балтами, Подолье и Приднепровье к югу от Киева, берега Десны, Сейма и Сожа, а также северное Причерноморье, где они теснее всего соприкасались с господствовавшими над ними готами, и оставленная римлянами Дакия, где славяне постепенно ассимилировали оставшихся в этой стране даков,

или гетов, включая и тех, которые ранее подверглись романизации и где они зависели от гепидов.

В степях Украины, в Дакии и Венгрии ближайшими соседями славян были кочевые и полукочевые сарматские народы, среди которых преобладали аланы. В Подолье ареал обитания славян совмещался с местом проживания ираноязычных антов, которым они подчинялись, но, обладая значительным численным превосходством, они ассимилировали господствующий элемент, так что тот усвоил славянский язык, передав сложившемуся в результате ассимиляции этносу свое имя. Вполне вероятно, что аристократические роды антов имели аланское происхождение. Известны и другие славянские этнонимы, заимствованные у ираноязычных народов, в том числе сохранившиеся до наших дней – «сербы», или «сорбы», а также «хорваты». Анты оказались затем самым воинственным и сильным славянским народом, составив, наряду с венетами и теми, кто так себя и называл славянами, – одну из трех ветвей славянства. Из этих трех ветвей Иордан изначально считает венедскую: «Эти (венеты) ... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов»¹²¹².

В венгерской пуште ближайшими соседями славян были ираноязычные языги, которые пришли туда уже в первом столетии от Р. Х. и с этих пор почти непрерывно воевали с римлянами, прорываясь через паннонский лимес. Из разных источников известно, что там в 334 г. произошла междоусобная война между свободными сарматами и рабами сарматов (*servi sarmatarum*). Свободными сарматами и были языги. В этой войне они потерпели поражение. Восставшие рабы сарматов прогнали своих поработителей за Дунай, и там они были приняты святым Константином на поселение, а в венгерской пуште остались прежде покорные им *servi*. Комментируя эти сведения из греческих и римских источников IV и V столетий, Л. Нидерле писал: «При описании событий 334 года речь идет... о борьбе двух больших групп, заселявших Венгерскую низменность. Если одна из них была свободной и властвовала над другой, несвободной, и если вместе с тем одна группа вела кочевой образ жизни, а другая была оседлой и обрабатывала

пашни... то тогда ни у кого не возникает сомнение, что кочевники, то есть иранские сарматы подчинили себе в Венгрии народ другого происхождения, народ, занимающийся земледелием. Народом же этим могли быть только славяне»¹²¹³. Отождествление славян с сарматами не только запечатлено в исторических памятниках, у немцев эта традиция просуществовала фактически до наших дней. В немецкой литературе еще недавно поляки или все вообще славяне именовались сарматами, подобно тому как греко-римляне называли готов, а потом и гуннов скифами.

Нашествие гуннов, явившееся толчком к великому переселению народов, вызвало радикальные изменения в этнической карте юго-восточной и центральной Европы. «Остатки Черняховского населения сохраняются в V веке только в верховьях Днестра и Южного Буга, отчасти в Прутско-Днестровском междуречье и, возможно, в Среднем Поднепровье, где отмечено сближение черняховцев с балтской (или балто-славянской?) киевской культурой»¹²¹⁴. Государство Германариха рухнуло под ударом гуннов, вестготы бежали от агрессивных пришельцев в пределы империи, за Дунай. Остготы, герулы, а также едва ли не большая часть аланов, а вместе с ними и анты были захвачены движением гуннов на запад и вместе с ними переместились в центральную Европу, в том числе в Паннонию, где расположилась ставка Аттилы. Г. В. Вернадский отождествлял покоренных гуннами славян в основном с антами¹²¹⁵. В действительности однако не все анты ушли с Аттилой в центральную Европу, а с другой стороны, там, в Подунавье, гунны застали более многочисленную ветвь славянства – ту самую, которая, очевидно, и усвоила себе славянское имя, в отличие от их сородичей антов и венедов.

Присутствие многочисленного славянского элемента в гуннской державе убедительным образом зафиксировано Приском Панийским, который рассказывает о том, как посольство к Аттиле, в котором он участвовал, оказавшись после переправы через Дунай в пределах его державы, пользовалось гостеприимством местных жителей, очевидно, не кочевников, а оседлых, которые к тому же «отпускали» им «в пищу вместо

пшеницы просо, вместо вина – так называемый у туземцев «медос»»¹²¹⁶, иными словами, если отбросить греческое окончание слова – мед. Принадлежность этого слова к славянской лексике очевидна. Но помимо лингвистической важности этого свидетельства не лишено значения и то обстоятельство, что мед – традиционный напиток славян, а бортничество – их старинный промысел.

Интерес представляет с той же этнической точки зрения и сообщение Приска: «Следующие за нами служители получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называют «камос»». Комментируя это место, немецкий историк XIX века Нейман писал: «Не ослышался ли Приск? Известно, что монголы и калмыки кумысом называют кобылье молоко. Издатель первого русского перевода Приска Г. С. Дестунис со своей стороны добавляет к процитированному им комментарию Неймана ироническое замечание: «Кобылье молоко из ячменя! Г. Вельтман уверен, вместе с Венелиным, что камос – квас»¹²¹⁷. На квас, вероятно, оказалось перенесенным употреблявшееся гуннами название другого напитка – кумыса.

Еще одно свидетельство тесных языковых контактов господствовавших гуннов и подчиненных им, но численно превосходивших их славян является знаменитое место из «Гетики» Иордана, где он, описывая тризну по умершему Аттиле, называет ее бесспорно славянским словом «страда»: «После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (strava) (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством»¹²¹⁸. «Гунны, – по замечанию комментатора Иордан Е.Ч. Скржинской, – либо переняли у славян обычай погребальных пиров, которые называли “страдами”, либо – что вероятнее – переняли только славянское название подобного обряда. Напрашивается предположение, что уже в первой половине V в. славяне были насельниками тех областей по Дунаю, куда пришли гунны»¹²¹⁹. Многочисленные тюркские заимствования в славянских языках, особенно в русском, в основном относятся к более поздней эпохе, к контактам славян с аварами, печенегами, торками,

половцами, тюрками в составе орд Чингисхана и Батыя, но некоторые из них гипотетически могут восходить к эпохе Аттилы.

Обмен лексикой, взаимные языковые заимствования являются дополнительными свидетельствами своего рода симбиоза славян и гуннов. Его реальность подтверждает и относящийся к более поздней эпохе германский и скандинавский эпос, в котором часто упоминается гунно-славянский союз против германцев. В гуннской державе однако славяне, в отличие от германцев, объединенных в вассальные королевства, не обладали политической автономией, и как предполагает С. В. Алексеев, «как и остатки романцев в Паннонии и Дакии... представляли собой особую социально-этническую группу кастового типа»¹²²⁰.

Гунны избавили славян Восточной Европы от господства готов, а когда вскоре после смерти Аттилы держава его распалась и исчезла, славянские племена обрели свободу, которая и позволила им начать в следующем столетии натиск на Римскую империю. К эпохе, когда своего рода эпицентром славянского мира стало среднее Подунавье, территория современной Венгрии, восходят сохранившиеся в преданиях разных славянских народов воспоминания об этой земле как о прародине славян, которой она в действительности не была, но с которой связан особенно важный период в истории той ветви славянства, которая сохранила свое славянское самоназвание, в отличие от венедов и антов, наименования которых были заимствованы у других народов – венетов и одного из аланских племен. Это предание отразилось в польской хронике Богухвала, в чешской хронике Далимила и в более ранней и более достоверной русской «Повести временных лет»: «По мнозех же времях сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидошася по земле»¹²²¹. Болгарская земля заселена была славянами двумя столетиями позже Угорской, но все равно задолго до преподобного Нестора и составления Первоначальной русской летописи.

На рубеже V–VI веков началась мирная реконкиста славян, в основном венедов, на обширном пространстве от Вислы до Эльбы, оставленном восточногерманскими, а также некоторыми

западногерманскими народами вроде лангобардов: славянские племена не завоевывали эту страну, а колонизовали и заселяли ее, лишь в слабой степени воспользовавшись плодами трудов своих временных предшественников – германцев: заброшенными полями там, где они не успели в промежуток запустения вновь зарости лесом, руинами жилых и хозяйственных строений, лесными тропами и болотными гатями. Мирная славянская инфильтрация в регион древней лужицкой культуры, которой их предки владели раньше, вступив в права наследства создателей этой культуры – венетов, ассимилированных ими, продолжалась медленно и долго и завершилась, вероятно, уже только в VII веке.

Если все же, несмотря на крайне скудную заселенность Западной Польши и Восточной Германии, включить всю эту территорию в ареал расселения славян начала VI столетия, то его очертания можно обозначить так: граница славянского мира на севере шла от перешейка, отделяющего Ютландский полуостров от континента по берегу Балтики до устья Вислы, за которым уже находились места обитания балтов, далее граница, отделявшая места расселения славян от ареала балтов шла по Висле, Западному Бугу, затем поворачивала на восток и проходила по Припяти до Днепра, затем по Десне до впадения в нее Сейма, на крайнем востоке славянский ареал захватывал верхнее течение Северского Донца, после чего его граница шла на юг в сторону Азовского моря, по Азовскому побережью, Перекопу, по берегу Черного моря до устья Дуная и затем вверх по его течению, по нижнему течению Моравы, по Йиглаве, Сазаве и Влтаве, впадающей в Эльбу, и затем по Эльбе до ее устья.

Но эта граница не разделяла славян и их соседей непроходимым барьером, своего рода разделительной полосой. Она была динамичной, так что постоянно смещалась – в ту эпоху в пользу славян, – и легко проницаемой. Поселения балтов от устья Вислы до Десны и Сейма сохранялись с внутренней стороны этого «лимеса», в то же время славяне селились и за ним, внутри балтского ареала. На территорию Белоруссии, в ту эпоху населенную по преимуществу балтами,

уже в V веке проникло славянское племя, вступившее в отношения симбиоза с туземцами, от которых к ним перешел балтский по своему происхождению этноним «кривичи». На территории Украины славяне не составляли численно преобладающей массы, помимо них там оставались места обитания полукочевых и оседлых аланов и других менее знаменитых ираноязычных сарматских народов вроде росоманов и роксоланов. На территории Молдавии, Валахии, Трансильвании и восточной Венгрии славяне также не составляли еще этнического большинства, там также присутствовали ираноязычные аланы и языги и, в еще большем числе, романизированные и не романизированные даки и римские колонисты, не имевшие местного происхождения. В городах Причерноморья сохранилось грекоязычное население.

Кроме того, на западе славянского ареала оставались еще поселения, в которых соседями славян являлись застрявшие на старых обжитых местах германцы, принадлежавшие к разным народам: готам, герулам, гепидам, скирам, ругиям, вандалам, маркоманам, лангобардам. Смесь прибывавших и умножавшихся числом славян и постепенно ассимилировавшихся ими германцев была особенно характерна для Богемии, кельтский компонент в населении которой, давший название стране, к середине I тысячелетия уже окончательно выветрился, в меньшей мере, для Силезии, сохранившей однако название, идущее от занимавших ее до великого переселения народов силингов, представлявших собой один из двух вандальских народов. Славяне и западные германцы жили по обоим берегам Эльбы, так что Эльба лишь приблизительно обозначала границу германского и славянского мира. Кроме того, в разных местах очерченного здесь ареала, особенно на Украине и в Румынии, находились кочевья тюркоязычных орд – осколков державы Аттилы.

Внутри славянского ареала славяне в узком смысле слова, которых, ради терминологического удобства, можно выделить из общеславянской массы этнонимом, который потреблялся ими как самоназвание – словене, численно преобладали и занимали его центральную часть, включавшую Малую Польшу, Богемию,

Моравию, Словакию, Карпатскую Русь, Буковину, Трансильванию, восточную Венгрию, Волынь; анты обитали на территории Украины, Молдавии и Валахии; венеды в эту эпоху проникли на обширное пространство между Вислой на востоке и Эльбой на западе, оставленное германцами, выселившимися оттуда, однако не до последнего человека, так что славяноязычные венеды на востоке Германии и западе Польши жили бок о бок, часто в одних и тех же поселениях, с германцами, а в устье Вислы – с балтами, лишь со временем окончательно ассимилировав своих соседей, дисперсно присутствовавших среди них. Существовали в очерченных здесь регионах земли, в которых словене соседствовали с венетами и с антами: с первыми – в Малой и отчасти в Великой Польше, в ту пору в основном венедской, а также в Богемии, со вторыми – на севере Валахии и Молдавии, на востоке Венгрии и в Трансильвании, в Полесье.

Славянские народы, как и любой другой этнос, занимающий обширную территорию и в ходе своей истории вступающий в контакты с самыми разными соседями, не обладают пресловутой расовой чистотой. Если в попытках выявить исконный славянский тип вывести за скобки монголоидные черты, которыми, в разной мере, обладают многие великорусы, особенно из тех, чье происхождение связано с востоком страны, а также украинцы, реже болгары, поскольку эти соматологические особенности очевидным образом унаследованы у тюркоязычных народов, примесь крови которых присутствует у современных славян, а также если не учитывать своеобразный балканский тип, свойственный болгарам и в меньшей мере сербам и хорватам, как приобретенный теми славянами, предки которых переселились на Балканы, смешавшись там с местным населением, то все-таки остается выбирать: какой из двух распространенных антропологических типов следует считать исконно славянским: белокурый, голубоглазый, долихоцефальный, свойственный польским кашубам, белорусам, великорусским поморам, либо ныне безусловно преобладающий – темноволосых и кареглазых брахицефалов.

Сделать определенный и доказательный вывод на этот счет не помогает и антропологический материал, добытый в ходе археологических раскопок, хотя археология указывает на преобладание в прошлом долихоцефального типа над брахицефальным среди славян, но примерно так же обстоит дело и с расово близкими славянам германцами. Характеризуя ситуацию с выявлением исконного расового типа славян, Л. Нидерле писал: «Череп из славянских погребений IX–XII веков в большинстве своем такой же удлинённой формы, как и череп древних германцев, и очень близки им... Древние погребения южнорусских славян содержали скелеты, из которых 80–90% имели долихоцефальные и мезоцефальные черепа... Чешские антропологи при изучении скелетов древних чехов выяснили, что среди последних черепа долихоцефальных форм встречались чаще, чем у современных чехов»¹²²². В то же время Нидерле констатирует: «Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос»¹²²³. Славяне, по характеристике Прокопия Кесарийского, не были ни черными, ни белыми, а темными блондинами¹²²⁴, иными словами, шатенами.

Среди литературных портретов славян особенно интересны те, что принадлежат восточным авторам, ввиду того, что их восприятию свойственна была большая остротность, чем более привычным к контактам со славянами средиземноморцам. У арабского поэта VII века Ал-Ахтала есть стихи: «Верблюды каравана сторонятся встречных людей, точно видят в них толпу златокудрых саклабов», что значит «славян». «Якут, – как писал Л. Нидерле, – называет их народом с румяным цветом лица и русыми волосами. Так же описывает их и Масуди, а Казвини о них говорит: «Славяне – русоволосые... и обладают большой силой». Абд-ар-Рахмана ибн Хабиба за стройную фигуру, светлые волосы и голубые глаза называли славянином, а согласно Якуту... люди со светлой кожей вообще назывались сиклаб или сакалиб. Гардизи (XI век) объясняет светлую окраску, которая временами отмечалась среди киргизов, смешением их со славянами»¹²²⁵. Комментируя замечание еврейского путешественника X столетия Ибрагима ибн Якуба:

«интересно, что жители Чехии смуглые», – Л. Нидерле писал: «Слово «интересно» выдает его удивление по поводу того, что чехи смуглые, из чего можно заключить, что остальные северные славяне в целом не были таковыми»¹²²⁶.

Вопрос о цвете волос и глаз и о форме черепа исконных славян историками, археологами и антропологами ставится, как правило, для того, чтобы в зависимости от ответа на него сделать заключение о том, принадлежат ли древние славяне по своему происхождению к арийцам или представляют собой народ, арианизированный по языку, но не арийского происхождения. Но подобная логика основана на ошибочном предположении об определенности соматологического типа исконных арийцев.

Шведский антрополог первой половины XIX века А. Ретциус выявил две расы внутри одной большой белой расы: длинноголовую, или долихоцефальную, и короткоголовую, брахицефальную. К первой он относил германцев, кельтов, римлян, греков, а также азиатов – индусов, персов, арабов и евреев, а ко второй – славян, латышей, венгров, басков, турок, древних этрусков. В свое время эта концепция была принята большинством европейских антропологов, но при более комплексном подходе к теме важное значение стали придавать и таким антропологическим качествам, как рост, сложение, цвет волос и глаз, форма носа. В результате выявлен был так называемый нордический тип, который преобладает в Скандинавии, Англии, на севере Германии и который был отождествлен с типом древних германцев. Другой тип, короткоголовый и темноволосый, стал рассматриваться как доминирующий среди древних славян и кельтов. Этнологами был поставлен вопрос о принадлежности носителей индоевропейского праязыка к одному из этих двух типов, поскольку и германские, и кельтские, и славянские языки бесспорно принадлежат к числу индоевропейских. Большая часть антропологов и этнологов Германии и Великобритании отождествили праиндоевропейцев, или исконных арийцев, с носителями нордического соматологического типа. Славяне же большинством ученых рассматривались как народ, арианизированный

своими соседями нордического типа, иными словами, славяне – это инородцы по отношению к истинным арийцам, язык которых они усвоили. В нацистской Германии, как известно, эта гипотеза приобрела статус официальной идеологии. Во французской науке присутствовали обе концепции: о долихоцефалии и о брахицефалии носителей индоевропейского праязыка. Между тем при добросовестном подходе к теме вопрос об исконном антропологическом типе языковых праиндоевропейцев оказывается фактически неразрешимым средствами современной археологии и классической антропологии.

Дополнительный свет на эту проблему, лишенную по существу дела идеологического акцента, который ей придают расисты, но не безынтeресную с исторической, лингвистической и антропологической точек зрения, пролили новейшие достижения антропологической генетики, а именно теория родовых гаплогрупп, согласно которой все существующее ныне человечество восходит к предкам по мужским линиям, каждый из которых нес в себе передаваемый исключительно от отца к сыну фрагмент генетического кода, вид которого зависит от пережитой этим предком мутации хромосомы Y; эти предки-родоначальники в свою очередь восходят к одному праотцу по мужским линиям, который в науке получил наименование генетического Адама, подобно тому как происхождение по женской линии восходит в конечном счете к праматери, которую именуют в генетике митохондриальной Евой. Этих условных Адама и Еву не следует отождествлять с библейскими, но во всяком случае в генетике есть прямое указание на единство происхождения человеческого рода, учение о котором является богооткровенным догматом для христиан.

Выявлено было 18 основных типов, или гаплогрупп, названных буквами латинского алфавита: от А до R. Порядковые места букв в алфавите соответствуют хронологической последовательности появления в результате периодически повторяющихся мутаций соответствующих гаплотипов. Более подробное разделение на группы обозначается дополнительными цифрами и буквами. При этом точно вычисляется число поколений, отделяющих современных носителей генного

элемента, определяющего принадлежность к той или иной гаплогруппе, потому что мутации происходят с известной правильностью чрез определенное число поколений от предка, пережившего очередную мутацию, что позволяет делать достаточно достоверные заключения и о времени жизни этого гаплогруппа. Сам по себе мутирующий фрагмент гаплогруппы не сообщает никаких качеств тем лицам, которым он передается, но он служит маркером происхождения, являясь своеобразной биологической «фамилией» отцовского рода – весьма многочисленного, поскольку некоторые из гаплогрупп включают сотни миллионов современных людей.

Одна из гаплогрупп, а именно R1a1, имеет особенно важное значение для выявления генетического родства славян с другими народами. Существуют относительно точные статистические данные, основанные на выборочных исследованиях, доли лиц данного гаплогруппа в разных этносах, в частности и среди славянских народов, выраженной в процентах. А данные эти таковы: 57% поляков, 54% украинцев, 47% русских, по 40% белорусов, чехов и словаков, 30% хорватов, 17% сербов, 16% словенцев, 15% македонцев, 12% болгар. При этом другие гаплогруппы представлены у русских в следующих долях: 22% составляют лица, относящиеся к гаплогруппа N3, который принято называть сибирским. К нему принадлежит также значительная часть лиц финноязычных этносов, а также сибирских тюрков, в том числе, например, якутов; он заметно присутствует также у германоязычных скандинавов, составляя у шведов 14%; 12% русских принадлежат к гаплогруппа I1b, преобладающей на западе Балкан: к ней относятся 58% бошняков, 41% хорватов, 39% сербов, но также по 17% чехов и словаков и столько же австрийских немцев; 7% русских относятся к гаплогруппа R1b, доминирующему в Центральной и Западной Европе, включая Британские острова: он маркирует 48% немцев, 56% англичан, 44% итальянцев, но лишь 13% шведов; наконец, 5% русских принадлежат к гаплогруппа I1a, более всего распространенной на севере Европы – к ней относятся 40% норвежцев, 36% шведов, 30% англичан, 25% немцев; к североафриканской гаплогруппа E3b1

принадлежит около 3% русских, еще меньшие доли к гаплогруппам: ближневосточной J1, которую называют также семитской, поскольку к ней относятся до 3/4 арабских бедуинов, 1/3 феллахов и 1/4 иудеев, средиземноморской J2 и кавказской G принадлежит менее 3% к каждой, присутствие остальных гаплотипов среди русских статистически ничтожно.

Гаплогруппу I1b принято, с учетом ареала ее распространения, сблизать с динарской расой – отождествлять невозможно, поскольку элемент генного кода, определяющий гаплогруппу, бессодержателен и не сообщает тому, кому он передается от отца, никаких соматических и психических качеств, он служит, как уже сказано, всего лишь маркером происхождения, подобно тому как, например, фамилия Ким, не имея по существу прямого отношения ни к дальневосточной расе, ни к корейскому этносу в целом, все же с большой долей вероятности свидетельствует о корейском происхождении ее носителя, хотя она может принадлежать и относительно известному современному русскому поэту, имеющему, правда, корейские корни, и, в виде псевдонима, менее известному советскому писателю 1920-х гг., у которого она представляла собой аббревиатуру Коммунистического интернационала молодежи. Вполне легко вообразить североамериканского афроамериканца или датчанина, которые принадлежат к черной и белой расам, но у которых один и тот же дальний предок по мужской линии, от кого эти умопостигаемые разноязычные и разноликие родственники Кимы унаследовали свою фамилию, действительно был корейцем, только отдаленным от них 7 поколениями, так что в жилах их обоих, выражаясь по-старинному, течет корейская кровь, составляя 1/128 их впрочем чистейшей крови африканской и европейской, все же при этом в обоих случаях ни черной и ни белой, подобной цвету их кожи, а такой же красной, как и у их давнего корейского предка, относимого к желтой расе.

Нордическая раса, которую явно не принадлежавший к ней Гитлер отождествлял, вслед едва ли не господствующему в антропологии и этнологии предубеждению, с арийской, очевидным образом соотносится с гаплотипом 11a, который у

немцев составляет 25% населения, в то время как преобладает у них, равно как и у англичан, французов и итальянцев, гаплотип Rib, который, учитывая ареал его распространения, в прошлом занятый кельтскими народами, обыкновенно называют кельтским.

Доминирующая среди восточных и западных славян гаплогруппа R1a1 присутствует и у народов других языковых семейств, составляя у латышей 41%, у литовцев – 38%, у шведов – 24%, у норвежцев – 22%, у датчан и немцев – по 20%, у албанцев и греков – по 10%, у англичан – 5%, у итальянцев – 2%. Такова доля представителей этой гаплогруппы среди индоевропейских народов Европы: как видим, она доминирует, помимо славян, у балтов, и ее доля убавляется по мере удаления от России на запад. У одного из не индоевропейских народов Европы присутствие этого гаплотипа также весьма значительно – к нему принадлежат около 30% венгров, но причина этого обстоятельства ясна – венгры обосновались в среднем Подунавье и в Паннонии, до них населенных славянами.

Но как обстоит дело с присутствием гаплотипа R1a1 у индоевропейских и не-индоевропейских народов Азии? В этом отношении ключевое значение имеет состав населения северной Индии. 16% жителей Индии – носители гаплогруппы R1a1. Среди лиц, принадлежащих к высшим кастам, они составляют около половины. Концентрация носителей этого гаплотипа среди высших каст – брахманов и кшатриев – потомков ариев, которые уберегали себя от смешения с поверженными и покоренными темнокожими и дравидоязычными туземцами, позволяет с большой долей вероятности сближать эту гаплогруппу с носителями индоевропейского праязыка, которые, возможно, называли себя ариями, а возможно, и нет, но так несомненно обозначали себя скотоводы, которые пришли с севера, из Восточной Европы, в долину Инда и Ганга, ставшего их священной рекой.

На пути в Индию арии прошли через Казахстан и Туркестан, вероятно, этим объясняется значительная, до 60%, доля носителей гаплотипа R1a1 среди киргизов, несмотря на то что

они говорят на тюркском языке и в расовом отношении принадлежат в большей мере к монголоидной, чем к европеоидной расе. Значительное расхождение между типичной и не типичной расовой принадлежностью этносов, относящихся по преимуществу к одной и той же гаплогруппе, наиболее понятным образом может объясняться такой метисацией, когда в ходе войны истребляются мужчины побежденного народа и численно многократно уступающие побежденным завоеватели передают свой гаплотип сыновьям, рожденным доставшимися им в добычу женщинами, тем более когда потом их потомки мужского пола заводят детей не только от таких же, как и они, метисок, но и от женщин, которые были рождены от перебитых отцов одной расы с их матерями – в результате в мужском потомстве этого нового этноса биологически преобладает «кровь» побежденного народа – ведь гены передаются в равной мере от отцов и матерей, а доминирует гаплотип завоевателей, антропологически весьма мало похожих на своих дальних потомков.

Именно так можно объяснить тождество не только доминирующей гаплогруппы киргизов и мало похожих на них славян и индоариев высших рас, но также гаплотип западных европейцев, Rib, с одной стороны, и древних тохар, которые, впрочем, тоже, как оказалось, говорили на одном из индоевропейских языков, причем, как и языки западной ветви, – кентумной, а не сатемной ветви, но еще и тюркоязычных башкир – с другой.

Родственная, условно говоря, арийской гаплогруппе, доминирующей у славян, гаплогруппа Rib, именуемая кельтской, вероятно, занесена была на запад Европы пришедшими из Азии носителями культуры колоколовидных кубков, всадниками и скотоводами, говорившими на не известно каком именно языке, но определенно не на языке европейских автохтонов, впоследствии подвергшихся языковой арианизации, в результате чего и появился кельтский язык. Уменьшение числа носителей гаплотипа R1a1 по мере удаления на запад Европы связано было, очевидно, с тем, что там арийские предки германцев вторгались в численно преобладающую массу кельтов, или – на севере Европы – носителей нордической расы,

маркированной гаплогруппой 11a, в то время как на западе Балкан арийцы вступали в контакт с преобладавшей популяцией динарцев, в Греции, Фракии и в Италии – средиземноморцев (гаплогруппа J2), а в Испании и на Сардинии, кроме них, также с родственными северным африканцам носителями гаплогруппы E.

Гаплотип R1a1 у современных восточных и западных славян доминирует относительно, значительно превосходя долю носителей других гаплогрупп, так что к ней принадлежит около половины лиц из этих народов, но поскольку примеси инородные – кельтские, нордические, сибирские и динарские (на западе Балкан) – появились в силу происходивших уже в исторически обозреваемые эпохи смешений, есть основания постулировать высокую степень не расовой чистоты, но гаплогруппной гомогенности праславянской популяции, легко объясняемой скудной населенностью занятого ею пространства в северных предгорьях Карпат, в то время как предки германцев, продвинувшись дальше на запад, попали в более плотную среду.

Имея в виду времена доисторические, можно с большой долей вероятности предполагать, что носители нордического расового типа, с которым встретились германцы, поселившиеся на берегах Балтики и Северного моря, были наследниками древних охотников палеолита. Такими же охотниками были очевидно и динарцы западных Балкан. В лице средиземноморцев (гаплогруппа J1) арийцы-скотоводы, равно как и их близкие родичи из гаплогруппы Rib, создатели культуры колоколовидных кубков, столкнулись с народами, которые принесли в Южную Европу с Ближнего Востока культуру земледелия. Победителями над технологически опередившими их средиземноморцами и над стоявшими на низшей, чем они, ступени хозяйственной эволюции охотниками нордической расы оказались скотоводы арийцы, пользовавшиеся конницей в бою, но, покинув благоприятные для кочевого скотоводства степи Причерноморья и Казахстана, они – арийские предки балтов, славян, германцев, иллирийцев, итальянцев, фракийцев, греков – вынуждены были, приспособляясь к иным природным

условиям, поступить в ученики к завоеванным им народам; лучше всего это получилось у греков-ахейцев, которые овладели регионом высокоразвитой критской культуры. У славян и балтов не оказалось столь высокоразвитых учителей, – до многого приходилось доходить по преимуществу своим национальным умом и потому с известным опозданием в сравнении с соседями – иллирийцами, кельтами и даже континентальными германцами, которые раньше славян вступили в соприкосновение с развитыми цивилизациями Средиземноморья.

Славянский мир, несмотря на то что в середине I тысячелетия от Р. Х. он простирался на обширном пространстве Центральной и Восточной Европы, все еще сохранял общность языка, слабо дифференцированного на диалекты, а также религиозную и культурную гомогенность при полном отсутствии политического, тем более государственного единства.

О верованиях и мифологии древних славян известно меньше, чем о религии германцев; основными источниками сведений служат редкие и при этом малоинформативные фрагменты в сочинениях историков этой эпохи, написанных во времена, близкие к середине I тысячелетия. Наибольшую ценность представляют известия, которые содержатся в «Готской войне» Прокопия Кесарийского, обширные пассажи апологетического содержания в памятниках христианской письменности самих славянских народов, относящихся, правда, без исключения к значительно более позднему времени – в основном ко II тысячелетию, фольклор мифологического содержания, записанный в разные времена, но в основном уже только в XIX и XX веках, результаты этнографических и религиоведческих исследований языческих суеверий, распространенных у славянских народов вплоть до самых последних пор, по меньшей мере сохранившихся там, где не была вконец разрушена патриархальная деревенская культура, и лишь в последнюю очередь археологические материалы, среди которых артефакты религиозного назначения – идолы или фрагменты святилищ – представляют собой большую редкость. Более информативны материалы славянских захоронений языческой эпохи, относительно хорошо обследованные.

Адекватный анализ самого характера погребений проливает свет на верования древних славян.

Религия славян до начала их натиска на Римскую империю и инфильтрации на Балканы обладала высоким уровнем гомогенности. Расхождения в верованиях, обрядах, именах богов и демонических существ углублялись в ходе завоевательных войн на Балканах и мирной экспансии на севере и востоке ареала под влиянием заимствований у греко-римлян, германцев, балтов, ираноязычных и финноязычных народов, так что, реконструируя славянскую религию и мифологию в ее первоначальном состоянии по материалам позднейшим, когда славяне окончательно разделились на разные этносы, необходимо отличать основу, унаследованную у собственных предков, от элементов, заимствованных у соседних народов, и от тех, что явились результатом позднейших трансформаций, хотя бы и имманентных по своей природе.

В верованиях славян определенно различаются анимистические представления, которые условно можно назвать верой в духов или демонов либо, прибегая к латинской терминологии, – в так называемых *dei minores*, с одной стороны, – и вера в главных и могущественных богов, число которых, если иметь в виду общеславянский пантеон, весьма ограничено; и эти два вида объектов поклонения пережили разную участь после крещения славян: вера в главных богов была преодолена с несравненно большим успехом, чем верования во всякого рода демонические существа вроде домовых или леших, хотя, впрочем, игрища, посвященные Яриле, в России, судя по проповедям святителя Тихона Задонского, устраивались еще даже в XVIII веке. И все же хорошо известный феномен «двоеверия» связан был не с культом Ярилы или давно уже забытого Перуна, но с верой в существование неограниченного множества всякого рода сверхъестественных существ, населявших леса и водоемы, тайком вселявшихся в человеческие жилища, добрых и злых, полезных и вредоносных, с существованием которых приходилось считаться в каждодневных и даже еже-часных занятиях, употребляя надлежащие ритуальные жесты или, реже, произнося заклинания, чтобы уберечь себя от непри-

ятностей или настоящей беды. В плену суеверных и в крайних случаях изуверных языческих предрассудков оставались умы и души многих русских, хорватов, болгар, когда они насчитывали за собой уже десятки поколений крещеных предков. Причина большей устойчивости верований в *dei minores*, чем в *dei majores*, видимо в меньшей мере связана была с тем, что она представлялась менее опасной христианским миссионерам и пастырям, чем с ее более глубокой укорененностью в религиозном сознании и религиозной психологии народа. Из этого было бы однако опрометчиво заключать, что культ главных богов – Перуна или Сварога – был феноменом позднейшим и искусственно насаждавшимся правителями при равнодушии к нему самого народа. В их культе очевидным образом прослеживаются древние индоевропейские или, если угодно, арийские корни, при том что сердцу народа действительно ближе были анимистические верования.

Как бы там ни было, массовая народная религиозность славян имела много общего с верованиями древних эллинов, населявшими мир, космос, мириадами воображаемых существ – нимф, дриад, менад, силенов, по нравам похожих на людей, хотя сверхъестественным существам, в которые веровали славяне, присуща была несколько большая утилитарная узорность, что сближало их с богами римского народа, но славянским демонам было, конечно, далеко до высокотехнологичной функциональной расчлененности римского пантеона.

Древнейший пласт религиозных верований славян, поддающийся фиксации, – это рудименты гидролатрии, в особенности почитание источников, дендролатрии, например культ священного дуба, зоолатрии и связанного с нею тотемизма: в фольклоре славянских народов присутствуют следы почитания коня, быка, волка, медведя, само название которого, восходящее к индоевропейскому «*h₂rtko*» было, как в германских и многих других языках, табуировано и заменено словом, обозначающим любителя меда – в германских языках акцентировано пристрастие этого зверя к ягоде: *Baer* – медведь, *Beer* – «ягода» по-немецки, но также мелких животных – змеи, зайца, петуха. Древние славяне чтили лесных духов – леших, а

также вил: водяных или горных духов. Прокопий Кесарийский писал, что они «почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания»¹²²⁷.

Комментируя слова Прокопия о почитании славянами рек, равно как и позднейших авторов о почитании славянами источников, горных вершин, рощ, Л. Нидерле справедливо заметил: «Все это, будь то деревья, источники или горы, они чтили не потому, что это были предметы мертвой природы, а потому, что одухотворяли их. Славяне вкладывали в них представления о живых существах – духах, которых почитали и которых поэтому в случаях необходимости просили о помощи; их же они благодарили и в то же время боялись, стараясь отвести от себя их влияние»¹²²⁸.

Среди духов, или демонов, большую часть, вероятно, составляли духи усопших – навии и в особенности духи предков: щуры, или чуры, призыв которых на помощь – «чур меня!» со временем, по мере забвения первоначального смысла этого возгласа, перешел в язык детских игр, а также деда (дзяды), известные в основном из поминальных обрядов поляков и белорусов, и бабы, домовые, но также злые духи умерших людей: вурдалаки и упыри – покойники, способные восставать из своих могил, чтобы нападать на живых и пить из них кровь, злыдни, бесы, дивы, мары, черти, болезнетворные нежити, юды, персонифицировавшие ураганные ветра, хороможители, полудницы, русалки, название которых заимствовано было позже, во времена войн славян с империей на Балканах, из римских розалий – праздника роз; в русалок превращались, по верованиям славян, души рано умерших девочек, девушек и незамужних женщин, в особенности утопленниц и самоубийц. Злым и опасным духам противопоставлялись добрые покровительницы и защитницы – берегини и рожаницы, помогавшие матерям при родах.

Число богов в собственном смысле слова, *dei majores*, в противоположность духам, которыми религиозное воображение плотно населяло мир видимый со всеми его стихиями и элементами, и невидимый, тем более бесспорно общих для

всех праславян и не заимствованных у соседних народов, крайне ограничено. Само славянское слово «бог» большинство индоевропеистов и славистов считает заимствованием из иранского языка, но Л. Нидерле, может быть и не без оснований, находил, что оно, подобно древнеиндийскому *bhagas*, древнеперсидскому *bagā* и армянскому *baġin*, «является со времен индоевропейской древности общим наследством группы языков сатем»¹²²⁹. Тот же ученый полагал, что все три ветви древнего славянства: венеды, словене и анты – поклонялись лишь Перуну и Сварогу и его сыну Даждьбогу, и еще Велесу, на Руси – Волос. Известный из Первоначальной русской летописи пантеон, включавший, кроме них, также Мокошь, Хорса, Стрибога и Семаргла, не был общеславянским и в таком виде сложился под влиянием заимствований у соседних народов позже, уже на Руси. Божества вендских племен, особенно хорошо известные по верованиям и культу балтийских славян – Святovit, Триглав, Радгост, Ругевит, – также не являются общеславянским достоянием.

Перуна, впрочем, некоторые исследователи тоже считают заимствованным у балтов, почитавших Перкунаса. Одним из аргументов в пользу происхождения инородного для славян, на Руси навязанного князем Владимиром культа Перуна является та легкость, с которой русские расстались с этим импозантным божеством, кумир которого, с серебряной головой и золотыми усами, был воздвигнут в Киеве перед княжеским теремом, так что следы его бывшего почитания относительно рано теряются, а вне Руси культ его почти не прослеживается по литературным источникам. Но Л. Нидерле собрал немало косвенных, в особенности топонимических, свидетельств присутствия этого культа у балканских и западных славян: «О его существовании у южных славян свидетельствует ряд топонимических наименований на Балканском полуострове, название цветка “перуника”... сообщение VII века “Об оракуле Пырине”, а также термин “перун” в переводе Иоанна Малалы... X века, где он соответствует термину *dia*... На западе имя Перуна удержалось в местных польских именах... а также в словацких поговорках... В Коренице, городе поморских славян, поклонялись богу

Porenutius, очевидно Перуновицу... а славяне на нижней Эльбе называли четверг *peruendan*, то есть Перунов день. Это название, очевидно, образовалось аналогично германскому *Donnerstag*, но *Donner* здесь заменен славянским Перуном»¹²³⁰.

Ближайшим функциональным аналогом славянского Перуна в германской мифологии является Тор, бог грома (*Donner*) и молнии, бог грозового неба. Вполне возможно, что когда князь Владимир, до своего обращения, насаждал в Киеве культ Перуна, его почитанию сообщались дополнительные черты божества его варяжских дружинников, но у почитания Перуна была прежде всего своя славянская история. Схожесть славянского и балтского наименования имен божества – Перун и Перкунас – объясняется, вероятно, не заимствованием, но общим происхождением славян и балтов, причем, ввиду большей архаичности балтской фонетики в сравнении со славянской, можно согласиться с тем, что на этапе протославянской общности балтов и славян имя этого бога звучало ближе к его балтскому варианту.

У Прокопия Кесарийского именно Перун, очевидно, имеется в виду, когда он пишет о том, что славяне «считают, что один только Бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»¹²³¹. Прокопий, наверно, преувеличивает монотеистическую ноту в верованиях древних славян, но он ее определенно фиксирует. По крайней мере в пантеоне славян присутствовал иерархический элемент, возможно, по преимуществу в сознании и религиозной политике князей и жрецов, а не в народных верованиях, не систематизированных и даже не упорядоченных, как это обыкновенно бывает по природе вещей. Раннему изживанию и забвению Перуна славянами способствовало то обстоятельство, что народная религиозность после крещения славянских народов перенесла некоторые из его атрибутов на пророка Илию.

Култ Сварога, бога огня, существовал бесспорно у антов и венедов, он засвидетельствован и у западных славян, происхождение которых связано со словенами, но не у балканских. Отсутствие упоминаний о нем однако не должно давать основа-

ний утверждать, что оказавшиеся на Балканах славяне утратили этот культ, забыли о нем, хотя и такая возможность не исключается. Происхождение имени Сварог восходит к «индоевропейскому и праславянскому корню “свар”, означающему нечто жгучее, сияющее»¹²³². В культе Сварога обнаруживаются черты греческого Гефеста – он не только своего рода персонификация огня, но еще и покровитель кузнечного дела, в славянской мифологии он именуется «Божественным Ковалем», а еще от него вели свое происхождение династии вождей и князей разных славянских племен. По верованиям славян, сын Сварога Сварожич, или, по-другому, Дажьбог (эквивалент римскому deus dator (бог дающий)) является божественной персонификацией солнца. Хотя, как уже сказано, у южных славян не засвидетельствован культ Сварога, но известный в традиции сербского язычества Дабог, почитавшийся как владыка земли, в отличие от владыки неба, тождествен русскому Дажьбогу и тем самым также венедскому Сварожичу. А еще он приобрел в змееборческой мифе черты бога-змееборца.

Его антогонистом в этом мифе оказывается Траян, отождествляемый с Велесом, или, по-русски, Волосом. В «Повести временных лет» говорится о том, что, заключая договоры с греками при князьях Олеге, Игоре и Святославе, русские дружинники клялись Перуном и Волосом. В «Слове о полку Игореве» поэт Боян именуется «Велесовым внуком». В канун крещения Руси его почитали на Руси как «скотьего бога», но изначально Велес был хтоническим божеством, богом подземного и потустороннего мира – скот являлся главным богатством древних ариев и происшедших от них индоевропейских народов, но, как известно, у греков бог подземного мира Плутон был одновременно и олицетворением богатства: для славян после их вторжения во враждебные пределы Римской империи, поражавшей их воображение своей фантастической роскошью, она стала своего рода потусторонним миром – царством Велеса. Но в исторической памяти ассимилированных частично славянами даков, с которыми греческие и латинские писатели нередко отождествляли славян, сохранился внушающий ужас и трепет

образ императора Траяна – и так Траян стал хтоническим божеством славян, тождественным изначально почитавшемуся Велесу.

Славянами люди иных народов «в соответствии с общей для первобытных мифологий тенденцией... воспринимались как существа, отчасти принадлежащие “иному” миру, не “настоящие” люди. К таковым словене и анты с полной уверенностью относили, пожалуй, лишь друг друга, возможно, балтов, а также в какой-то степени германцев. Последние в славянских преданиях воспринимаются как “братья”, но, с другой стороны, всегда – как немцы, “немые”, в противовес словенам – “говорящим”. Видимо, со светлыми силами ассоциировались (по крайней мере у родственников им антов) аланские кочевники – об этом можно судить хотя бы по заимствованиям имен богов. Романцы (волохи), напротив, связывались с богом загробного мира, антагонистом Перуна и покровителем скотоводства Волосом-Велесом»¹²³³. В христианскую эпоху в народных верованиях на святого мученика Власия просто из-за созвучия имен были перенесены некоторые атрибуты языческого скотьего бога Велеса: святой Власий стал почитаться как угодник, к которому следует обращаться с молитвенными прошениями о благополучии скотины, в особенности коней.

Хтоническим божеством являлась также «Мать Сыра Земля», почитание которой на века пережило культы Перуна, Сварога и Велеса, в контексте двоеверия этот образ осмысливался как одно из именовании Божией Матери. Впрочем, этот культ известен в основном на Руси и, возможно, был заимствован у финноязычных народов. Во всяком случае этот образ встречается в «Калевале», составленной Леннротом уже только в XIX веке, но представляющей собой литературную обработку народной поэзии – рун мифологического содержания: «Из яйца, из нижней части вышла мать-земля-сырая, из яйца, из верхней части стал высокий свод небесный».

В космогонических представлениях славян мир делился на три части: небо, земля людей, которая в основном отождествлялась с местами обитания самих славян и тех народов, которых они считали относящимися к человеческому

роду, и потусторонний мир. «Сакральным центром и связующей осью мира мыслилось древо (иногда дуб), растущий на острове посреди моря. Море воспринималось как часть, возможно основная, потустороннего мира»¹²³⁴. Мифическими жителями потустороннего темного мира мыслились существа, которые в русском фольклоре известны с именами Змея, Бабы Яги Костяной Ноги, Кощея Бессмертного, имя которого, тюркского происхождения, могло стать известным славянам не ранее их первых контактов с тюрками, то есть не ранее эпохи гуннского хана Аттилы. Впрочем, Кощей бессмертным считался только по факту своего долголетия, но не по природе, он только казался бессмертным, потому что убить его было нелегко, было делом подвига, ибо, по его собственным словам, известным из русских мифологических сказок: «На море на окиане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, а в сундуке заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце – моя смерть». По толкованию Б. А. Рыбакова, «устойчивый мотив местонахождения смерти Кощея в яйце приводит нас к одному из самых распространенных символов жизни, жизненной силы, динамики развития и перевоплощения яйца в птицу»¹²³⁵.

Самые древние из сохранившихся скульптурных изображений славянских богов восходят к эпохе, предшествовавшей крещению славянских народов, но поскольку по большей части они изготовлены из дерева – материала, не отличающегося долговечностью, и гораздо реже из камня, можно предположить, что и в середине I тысячелетия у славян существовали деревянные статуи богов, но они не дошли до нас. В славяноязычных сочинениях христианских писателей средневековья изображения богов обычно именуются по-гречески идолами либо также словами, заимствованными из тюркских языков: кумиры, болваны, истуканы. Их названиями славянского происхождения были «модла» или «кап». Идолы водружались на столпах, поставленных в святилищах, которые часто устраивались на возвышенных местах, на берегах рек и озер, на островах, причем существовали как святилища одного селения или рода, так и целого племени. Судя по позднейшим археологическим материалам и описаниям, их могли устраивать

на открытом месте, а могли обносить оградой, водружать над ними крышу и тем самым придавать им вид настоящего храма, вероятно, всегда деревянного. Помимо идолов, предназначенных для общественного поклонения, в своих жилищах древние славяне держали домашние пенаты – идолов покровителей дома, домовых, которые ставились «на очаг или в углу против печи, и если, – как пишет Л. Нидерле, – на Украине и в Польше такой угол и полку, на которую ставят святые иконы, называют божник, а сами иконы – боги, то это явная реминисценция древнего языческого периода»¹²³⁶.

Религиозный культ у древних славян, как и у большинства других народов мира, выражался в молитвенных прошениях, обращенных к богам – «молитва», и жертвоприношениях – «треба», «жертва». Из позднейшей эпохи сохранилось свидетельство Ибн Руста, который писал о том, как «славянин, держа в руках просяное зерно, просит послать обильный урожай»¹²³⁷. Жертву приносили отцы семейства, родовые старейшины, воеводы и князья. Существование особой касты совершителей жертвоприношения – жрецов засвидетельствовано лишь у балтийских славян, но поскольку жрецы имелись у балтов, с которыми славяне на раннем этапе этногенеза составляли балто-славянскую, или, иначе, протославянскую общность, было бы опрометчиво делать вывод, что этот институт появился лишь у одной из ветвей славянства и относительно поздно, уже на исходе языческой эпохи.

Прокопий Кесарийский писал о славянах, что «когда им вотвот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву, что обещали, и думают, что спасение им куплено ценой этой жертвы»¹²³⁸. В жертву приносили как плоды земледелия – просо, жито, так и животных, в особенности быков. При этом часть приносимого в жертву сжигалась на костре, а часть употреблялась за праздничной трапезой. От этого обычая идет двойное значение славянского слова «жрати»: приносить жертву и вкушать.

«У славян, – по словам С. В. Алексеева, – долго сохранялся древний индоевропейский обычай сезонных человеческих жертв Земле. Жертва воспринималась как заместитель сакрального правителя... После убийства ритуального “князя” – заместителя из числа дружинников или членов воинского братства – появлялся настоящий князь, символизировавший в данный праздничный момент воскресшее божество плодородия (Перуна-Сварога?)”»¹²³⁹. При засухе, грозящей неурожаем и голодом, в жертву приносили девушку. Широкий размах практика человеческих жертвоприношений приобретала во время войны, на вражеской территории, в особенности если врагом были не славяне, а люди, сама принадлежность которых к нормальному человеческому роду отрицалась, например «волохи» – латиноязычные или грекоязычные римляне.

В жертву приносили пленных воинов, но в случае победы, доставшейся особенно дорогой ценой, также и мирных жителей из числа врагов. По рассказу Льва Диякона, русский князь Святослав, воюя с ромеями, был осажден в Доростоле, и после одной из неудачных вылазок его воины ночью вышли из крепости, чтобы подобрать тела погибших собратьев, и вот «когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы (так или еще тавроскифами, по византийской традиции, называет русов Лев. – В.Ц.) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (нескольких) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра»¹²⁴⁰. Это происходило во времена, отделенные от середины I тысячелетия более чем четырьмя веками, но историк называет это массовое жертвоприношение «обычаем предков», тем самым указывая на его древность. Имея в виду варяжское происхождение части дружины Святослава и самого князя, можно было бы гекатомбы пленников под стенами Доростола отнести на счет норманнского влияния, но хотя норманнское влияние при этом и

могло иметь место, оно не расходилось с аутентично славянскими воинскими обычаями и религиозными традициями.

Далекий след жертвоприношения пленных врагов можно обнаружить в описанной Б. А. Рыбаковым чешской детской игре в ворота: «В эту игру играет 12 мальчиков, из которых двое заранее отделяются... Они образуют “ворота”, остальные выстраиваются гуськом, цепочкой, во главе с “вождем”, который ведет переговоры с воротами». «“Ворота” поют: *Zlata brana otevrena, kto v ni pujde – strati hlavu, pojd, voisko, poid*” (золотые ворота открыты, кто в них пойдет – потеряет голову, иди, войско, иди)»¹²⁴¹.

Человеческие жертвоприношения, введенные князем Владимиром в Киеве, воспринимались там, если судить по «Повести временных лет», как новшество, вселявшее в жителей города, и наверно не только немногих христиан, но и язычников, ужас и отвращение. Но княжеская затея, предпринятая под влиянием его варяжского окружения, не была абсолютной новацией, а всего лишь, можно предполагать, реанимацией давно забытого старого обычая, тем более что принесение в жертву врагов в ходе войны практиковалось, как это видно из «Истории» Льва Диякона, еще его отцом Святославом.

Гораздо лучше кастовых жрецов известны в среде древних славян мужчины и женщины, которые, не имея соответствующего официального статуса, считались обладателями всякого рода сверхъестественных даров, знатоками невидимого мира, имевшими навык в общении с ними, способными повлиять своими магическими заклинаниями или иным образом на участь отдельных людей и целого рода, вызвать болезни и смерти или предотвратить их, приворожить мужчину или женщину и угадать будущее. Одни из них пользовались почетом и уважением, других страшились и избегали, потому что любой контакт с ними представлялся зловещим и опасным. Их самый главный дар заключался в знании, ведении, недоступном прочим, поэтому их называли ведунами, вещими, или, женщин, – ведьмами, вещуньями. Им также усваивалась способность совершать магические действия.

Знаток славянского язычества Б. А. Рыбаков по литературным материалам Древней Руси приводит обширный каталог таких знатоков и умельцев: «волхвы, волшебники, облакопрогонители (это, конечно, русская калька с греческого, почерпнутая русским христианским писателем из античной теологической номенклатуры. – В.Ц.) ... ведуны, чародеи, чаровники, хранильники, потворники, кощунники, баяны, кудесники, кобники... ведьмы, чародейки, чаровницы, обавницы, паузницы, потворы, потворницы»¹²⁴². В этот перечень можно было бы добавить еще широко известных и даже популярных и по сей день колдунов, а также несравненно более уникальных зелейников – видимо, мастеров по изготовлению всякого рода отрав, или, если угодно, лекарств.

Но человеческое воображение более всего поражали оборотни, способные превращаться в существа другого рода, в животных, и особенно в волков – так называемые волкодлаки. Вера в реальность оборотничества, в иных случаях демонстрируемого не в порядке обмана и шарлатанства, а сопутствуемого самообманом, иллюзией действительного превращения, вызываемой употреблением наркотических средств – ядовитых грибов, конопляных или маковых семян, сближала древних славян с древними германцами, особенно с норманнами с их знаменитыми воинами-берсерками.

Религиозные праздники древних славян были приурочены к определенным временам и дням года – к календарю. Вообще в середине I тысячелетия славянский календарь «состоял из 12 месяцев по 30 дней каждый. Следовательно, уже произошел переход от древнейшего лунного календаря (с которым связан смысл славянского и индоевропейского слова «месяц») к лунно-солнечному, видимо, с использованием какой-то формы високоса»¹²⁴³. Древние названия месяцев носили ярко выраженный метеорологический характер и сохранились без особых изменений на украинском и других славянских языках – сичень, травень, лютый, но не на русском, на котором их заменили латинские заимствования. Год издревле делился на четыре сезона и начинался с дня зимнего солнцестояния.

Особые праздничные обряды полагались в дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния, к наступлению зимы и весны, а также к агрономическим хозяйственным срокам – окончанию полевых работ и уборки урожая. Начало года, приходившееся на зимнее солнцестояние, называлось по-славянски овсень, усень, но позже под влиянием контактов с римлянами появилось в параллель с ним другое название – коляда, представляющее собой трансформацию латинского *calendae*, или календы, откуда собственно и идет само слово «календарь». Никакого божества под именем Коляда никогда не существовало, даже и в религиозном воображении древних славян.

Начало весны отмечалось праздником под названием Марена, этимологически связанным со смертью, когда изготавливалось соломенное чучело, которое с песнями проносили по селению и затем топили в реке. «Обряд вынесения Марены-смерти скорее всего является пережитком жертвоприношений, приносившихся весенней воде, освободившейся ото льда. Жертва, приносившаяся воде и называвшаяся Марена, первоначально была настоящей и лишь позднее заменена чучелом. Никакой богини Марены... не было»¹²⁴⁴.

В дни летнего солнцестояния славяне праздновали купалы. В христианскую эпоху этот праздник, сохранив в народном быту во многом свой прежний характер, был приурочен к Рождеству Иоанна Крестителя, отчего и сам святой получил народное прозвище Ивана Купалы. Откровенно языческим названием праздника осталось встречавшееся в разных местах на Руси название Ярила. В праздник зажигали огни, юноши и девушки прыгали через них, это было временем умыкания невест и всякого рода эротических вольностей, вплоть до свального греха. Купальскому празднику предшествовало поминовение предков. Во времена войн с империей эти дни поминовения получили название русалий, под очевидным влиянием римских *rosalia*, посвященных поминовению усопших. А уже потом из русалий вышел и мифологический образ русалок.

Религиозные обряды сопровождали важнейшие экзистенциальные моменты человеческой жизни: рождение, брак, смерть. Об обрядах, сопровождавших у древних славян появление человека на свет, в основном известно из этнографии, предметы исследования которой хронологически относятся в основном к XIX и XX веку, но когда их дохристианское происхождение очевидно, можно, ввиду консерватизма патриархального строя жизни, возводить их к глубокой древности. Перед родами на порог дома или в постель матери клали топор, иглу или нож, в доме роженицы развязывали узлы, придавая этим манипуляциям магическое значение. Новорожденного ребенка, чтобы уберечь от сглаза, не показывали посторонним. Если ребенок был чрезмерно слабым, его клали в теплую печь – это действие так и называлось допеканием. По прошествии некоторого времени после родов мать подвергалась гигиеническому и одновременно ритуальному омовению, а над ребенком совершался обряд принятия его в семью: его клали на порог или на печь, обносили вокруг избы и помещали в купель для омовения.

Если ребенок был нежеланным, лишним, его убивали. «Этот обычай, – по словам Л. Нидерле, – с полной достоверностью засвидетельствован у балтийских славян, поморян и лютичей, где матери душили новорожденных детей женского пола, если их было много в семье, чтобы можно было лучше заботиться об остальных»¹²⁴⁵. Подобная селекция известна и из нравов соседей славян – германцев и балтов, как, впрочем, существовал он и у классических народов – греков и римлян. Другим способом избавиться от ненужного ребенка было обращение к колдуньям, которые давали беременной женщине травы или питье, приводившие к выкидышу.

При вступлении в отроческий возраст мальчика передавали из-под опеки матери отцу или тому, кто в большой патриархальной семье заменял отца. Нередко мальчика отдавали на воспитание в семью или род его матери, и там его воспитанием занимался дядя по матери – вуй. Возможно, что роль воспитательницы девочки брала на себя ее тетка по отцу. Такая передача сопровождалась «постригом» – отец или почетный

гость выстригал на голове отрока прядь волос. В княжеских семьях существовал обряд первой посадки отрока на коня. В казачьей среде подобный обряд сохранился до XX века: мальчика сажают на коня и дают ему в руки саблю.

В 12 лет над подростком производились обряды инициации, выдержав которые, он уже считался взрослым. Эти обряды представляли собой, по словам С. В. Алексеева, «серию суровых испытаний, которым дети подвергались в изоляции от общины жрицей (ведьмой), символизирующей богиню-мать в ее “гневном”, кровожадном обличье. Эти ритуалы нашли частичное отражение в мифологическом образе Яги»¹²⁴⁶. После инициации подросток в некоторых племенах совершал первое боронование, а отроковица – первое прядение. Иногда при инициации подростку давали новое имя, которое он и носил потом всю жизнь. Это могли быть имена, заимствованные у соседних германцев или аланов, односоставные славянские имена либо, в аристократической среде – в семьях воевод, князей или жрецов – двусоставные имена, такие, как Ростислав, Мстислав, Болеслав, Доброслава, Людмила.

Усопшие, по вере древних славян, уходили в мир, подобный роскошному саду, который они называли раем. Представление о рае у древних славян было ближе к верованиям иранцев с их парадизом, чем германцев, которые своих покойников мысленно отправляли в hell, или валхалу. Лингвистический факт, очевидно, не лишенный значения для компаративистского религиоведения: когда славяне и германцы приняли учение Христа и с ним христианскую эсхатологию, славянское название загробного мира стало употребляться для обозначения рая, а германское у германских народов – ада.

Из славянских обрядов эпохи, предшествовавшей их вторжению в пределы Римской империи, наиболее достоверно известны те, что связаны с погребением, потому что они находят подтверждение в материалах раскопок. В эти времена славяне почти без исключения предавали останки своих покойников кремации. Тело умершего, в одежде и иногда с оружием, в сопровождении скорбящих и плачущих родственников и друзей, а также нанятых плакальщиц,

выносили из его жилища и везли на кладбище на санях – одинаково и зимой и летом: хотя славяне давно уже употребляли для перевозок колесные повозки, но в погребальном обряде соблюдалась древняя традиция, идущая от времен, когда единственным транспортом у славян были сани. Обычай привозить покойника на кладбище на санях сохранился в глухих уголках словацких Карпат. На кладбище тело покойника возлагали на костер из поленьев –либо на месте, отведенном для всех, кого погребали на кладбище, либо устроенный около предназначенной для него могилы. Костер поджигали самые близкие родственники. Потом пепел с обгоревшими костями собирали в кучу и высыпали ее в могилу или полагали в урну, которую зарывали, над могилами насыпали курганы разной высоты: если это была могила не знатного человека, а простолюдина, то высота кургана не достигала и одного метра. У восточных славян широкое распространение получили погребальные сооружения в виде «срубных домиков (1,5 x 2м) с двускатной крышей и маленьким, в толщину одного бревна, оконцем. «Иногда, – как писал Б. А. Рыбаков, – четвертой стены в срубе нет, и это дает возможность ставить внутрь домовины различные “приносы” во время поминаения мертвых»¹²⁴⁷.

Обряд ингумации покойников, распространенный в более раннюю эпоху, наравне с кремацией, стал снова шире применяться при погребении под греко-римским влиянием, когда славяне начали воевать с империей на Балканах, но, окончательно победивший кремацию после обращения славянских народов в христианство, он до конца языческой эпохи применялся все-таки реже кремации, так что по способу погребения в эпоху христианизации можно делать приблизительные, конечно, но надежные относительно географии и темпов обращения в разных регионах славянских стран заключения. При ингумации покойников хоронили в ладьевидных колодах, вырубленных из дубовых стволов.

Брак у древних славян был экзогамным по отношению к роду, но эндогамным по отношению к племени: в жены брали невест из чужого рода, но из соплеменниц. Известны два варианта этимологии слова «невеста»: один, обозначающий ее

девство, – не ведущая мужа и другой, более вероятный, – неизвестная, из чужого рода. Характерно и то, что в славянском фольклоре типичный случай жениха – это чужак, выходец из иного рода, чем невеста, которую он добывает. Исключения из такого порядка вещей (родовая экзогамия и племенная эндогамия) случались, но не считались нормой, и виновные в заключении неправильных браков, как мужья так и жены, могли подвергаться смертной казни или изгнанию, в любом случае позору. По большей части браки были моногамными, но знатные мужи, жрецы, люди состоятельные, храбрые и удачливые воины могли иметь по несколько жен, у князей их число могло составлять десятки и сотни. Кроме того, они держали в своих гаремах наложниц, или, как их еще называли, суложниц или приложниц. Случай хорошо документированный, но уже из VIII века: франк Само, возглавивший первое квазигосударственное образование славян – чехов и словенцев – имел 12 жен-славянок и прижил от них 37 детей. Экстравагантный характер имели полиандрические браки, в основном в воинских братствах, среди бойников, или разбойников. Развод и повторные браки как при вдовстве, так и после развода допускались, но в основном они практиковались мужчинами.

Брачный возраст у славянских юношей и девушек наступал в 15 лет. Свадьба, брак или *vesele*, обычно игралась в осеннюю пору, после уборки урожая, но брачный сговор совершался чаще всего в купальские праздники, в разгар лета. Жених или семья жениха, иногда его род, могли покупать невесту, выплачивая ее отцу или тому, кто его заменял, вено. Но широко практиковалась также умычка невесты: чаще всего с ее согласия, нередко и с согласия ее отца, так что это была скорее игровая имитация умыкания, но случались и действительно криминальные похищения невест (*porvanie* по-польски, *upos* по-чешски, *влачене* – по-болгарски, *отмица* – по-сербски), которые влекли за собой кровную месть со стороны сородичей похищенной.

Если жених и невеста вступали в брак по договору с выплатой вена отцу невесты, то брачный обряд начинался в доме родителей невесты с обручения: невеста вкладывала свою руку в руку жениха, и новобрачные обменивались дарами, среди

которых были яблоко, а также черный петух или курица. Затем невесту одевали в свадебный наряд и приводили в дом жениха вместе с ним – там их встречали хлебом и медом, обсыпали злачными зернами, семенами мака, горохом. Невесту трижды обводили вокруг домашнего очага, она кланялась идолам семьи своего жениха, ее сажали потом на звериную шкуру, ей расплетали косу, постригали волосы и надевали на голову чепец, обернутый фатой. Гостям в это время раздавали в подарки свадебный каравай. «Наконец, невеста развязывала мужу обувь в знак того, что она ему полностью подчиняется... и жених даже наносил ей символические удары, после чего женщины и дружки одевали новобрачных в новые рубахи и торжественно укладывали их на ложе. Остальные же собравшиеся на свадьбу гости... отдавались буйному веселью с оттенком фаллического культа. После брачной ночи молодоженов... отводили очиститься водой»¹²⁴⁸.

Есть убедительные литературные, фольклорные и этнографические данные о том, что в языческую эпоху целомудрие невесты не было непременно условием для вступления в брак. Ряд элементов в обычаях и брачных обрядах разных славянских народов «указывают, – по словам Л. Нидерле, – на остатки существовавшего в древности промискуитета молодежи, в котором немалое участие принимали и молодые женщины»¹²⁴⁹. Ранние христианские памятники разных славянских народов наполнены язвительными обличениями языческого гетеризма, следы которого долго сохранялись в обычаях новопросвещенных народов.

Неизвестный автор летописи Переславля-Залесского писал в начале XIII века: «Обычные браци не возлюбиха, но игрища меж сел и ту слегахуся рищюще на плясаниа и от плясаниа познаваху, котораа жена или девица до младых похотение имать, и от очного взозрения, и от обножения мышца и от пръст ручных показаниа, и от пръстней даралаганиа на пръсты чюжая, таж потом целованиа с лобзанием и плоти с сердцем раждегшихся слагахуся, иных поймающе, а других, поругавше, метааху на насмеание до смрти... Зане слаб сущи женскыи обычаи и начаша друга пред другою чернити лице и белим

трети, абы уноша въжелел ея на похоть»¹²⁵⁰. Русский летописец обличает бесстыдство не только незамужних, но и мужних жен. По словам арабского путешественника, географа и историка X века Аль-Масуди, «славянская девушка в кого влюблялась, с тем и делила свою любовь, а если мужчина, женившись, устанавливал, что его жена девственница, то он просто выгонял ее, говоря: “Если бы ты что-либо стоила, тебя бы мужчины любили”»¹²⁵¹.

Но есть и другие свидетельства – об исключительной верности и преданности славянских жен своим мужьям. В разных источниках рассказывается о добровольном самоубийстве вдов, восходивших заживо на погребальный костер мужа, соблюдавших обычай, унаследованный из арийской древности и до наших дней не окончательно изжитый в Индии. Маврикий писал о славянских женах: «Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь»¹²⁵².

Семья у древних славян, как и у других народов, находившихся на аналогичной стадии общественного развития, была большой, подобной просуществовавшей у балканских славян до XX века задруге, включала два или три поколения взрослых и женатых родственников: отцовской, если общий предок, отец или дед своих взрослых потомков был жив, либо братской, когда главой семьи считался старший из братьев, дети, внуки или даже правнуки которых входили в такую семью. Это была так называемая патронимия. Глава патронимии вместе со своей малой семьей жил в доме, где находился семейный очаг и который поэтому назывался огнищем. Отсюда идет и наименование главы задруги «огнищанин» – этот термин известен из древнерусских источников. В доме огнищанина «члены задруги, – по словам М. Гимбутас, – собирались в часы досуга, здесь же готовили и принимали пищу»¹²⁵³. В братской семье власть главы неизбежным образом была ослабленной в сравнении с семьей отцовской.

Статус лиц, входивших в большую семью, был разным. Жены, за исключением супруги главы семейства, дочери и дети

занимали в ней подчиненное положение. Старшая женщина, которой в некоторых случаях была не непременно супруга главы семьи, а, например, его вдовствующая мать, пользовалась особым уважением и имела власть над всеми женщинами семейства, распоряжалась домашним хозяйством, в особенности всем, что связано было с приготовлением пищи, имела авторитетный голос при решении вопросов, связанных с выдачей замуж дочерей, внучек, правнучек, племянниц. В наиболее приниженном положении находились вдовы, если не их сыновья возглавляли семью, а также сироты обоего пола, которые при разделе имущества покойного отца должны были делиться с его братьями.

Большая семья совместно владела имуществом, включая жилые и хозяйственные постройки, инвентарь, а также скот, составлявший, как у германцев и кельтов, основное богатство, но не землю. Она занимала один чаще всего огороженный плетнем двор, в котором однако лишь при ее бедности находилось одно жилое помещение, а обыкновенно во дворе их было несколько, по числу взрослых и женатых членов большой семьи, и там же располагались хлев для скота и ямы, предназначенные для хранения зерна, которые впоследствии заменены были большими ящиками – ларями. Жилище главы патрионии, огнище, обычно, по описанию М. Гимбутас, «состояло из одного большого помещения с углубленным в землю очагом. Жилища других членов семьи группировались вокруг него, часто образуя полукруг, фактически это были не дома, а места для ночевки. В сербском, хорватском и словенском оба типа жилищ четко различаются: огнище называют “куча”, “хижа”, “зоба”, “изба”, что означает “жилище с очагом”, в отличие от другого типа, называемого “клеть”, “комора”, что означает “помещение” или “комната”»¹²⁵⁴.

О жилищах славян Прокопий Кесарийский писал: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга»¹²⁵⁵, он же и указал на причину непрезентабельности славянских жилищ: «Все они очень часто меняют место жительства»¹²⁵⁶. Частые переселения вызывались не только военными походами против империи, свидетелем которых был

сам Прокопий, переселением на новые для славян места в бассейне Одера и Эльбы, оставленные германцами, но также и перемещениями внутри давно сложившегося славянского ареала в северном и восточном Прикарпатье, по берегам Припяти, которые были неизбежны из-за подсечно-огневого способа землепользования, сопряженного с быстрым истощением земли и необходимостью освоения новых участков. При таком образе жизни не было смысла прочно обживаться и основательно обустраиваться. Маврикий в конце VI века писал: «Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей (слова Маврикия о многих выходах, если их понимать буквально, не находят археологических подтверждений, но он мог иметь в виду не отдельные жилища, а комплекс строений большой семьи или целого рода, и в таком случае его замечание справедливо. – В.Ц.). Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую»¹²⁵⁷.

Жилища славян середины I тысячелетия чаще всего имели вид землянок или полуземлянок. Одним из первоначальных названий славянского дома, кроме «землянка», было, вероятно, «куча», сохранившееся по сей день у сербов. Греки называли славянские жилища калибами или скиниями, что в переводе значит «хижина». Раскопки, проведенные в Северной Буковине в 1970-е гг., выявили местный вариант славянских жилых строений V века, относящийся к пражской археологической культуре. Поселения там устраивались в холмистой местности, «как правило, на южных или восточных склонах... первых надпойменных террас рек, рядом с родниками питьевой воды, в окружении удобных для земледелия и выпаса скота земель, под защитой лесов, болот, оврагов и холмов... На поселениях Северной Буковины раскопано около 40 жилищ. Все они оказались прямоугольными, приближающимися к квадрату постройками. Длина их стен не превышает 5,2 м и не бывает меньше 2,2 м. Нижняя часть жилищ всегда опущена в материк на глубину от 0,3 до 1 м. Деревянные стены их имели

столбовую конструкцию... Стены жилища складывались из горизонтально положенных бревен, закрепленных в пазах вертикальных столбов-стояков. Подобная конструкция деревянных стен прослежена у большинства раскопанных полуземлянок... Большая часть деревянных стен жилищ возвышалась над землей... Это были деревянные постройки, у которых только нижняя часть находилась в земле. Крыша у домов была деревянно-земляной... В большинстве случаев крыша была двускатной. В центре она поддерживалась коньком, а по краям – столбами, расположенными по периметру стен... Во всех раскопанных на Буковине жилищах обнаружены печи-каменки. Они, как правило, расположены в северных (северо-западном или северо-восточном углах дома и всегда имеют прямоугольную форму (длина их не превышает 2,2 м). В большинстве случаев их боковые стенки складывались без связующего раствора из каменных плит, поставленных на ребро, а пространство между ними забрасывалось каменным бутом. Подом печей всегда служила материковая глина, подмазанная жидким глиняным раствором... Все полуземляночные жилища на Буковине оказались однокамерными»¹²⁵⁸.

У антов распространены были дома, которые назывались хатами – словом, заимствованным у их ираноязычных соседей, построенные из бревен, обмазанных глиной, с двускатной крышей, покрытой камышом или соломой, – прототип беленых украинских хат. Дым из очага в таких строениях выходил через отверстие в крыше. У славян, живших в соседстве с германцами, строились деревянные дома, состоявшие из двух половин, одна из которых имела печь и называлась «истьба» (изба), а другая была не отапливаемой, называлась сенями и использовалась для хранения припасов. В более состоятельных семьях дом мог состоять из трех частей: неотапливаемых сеней посредине и примыкающих к ним двух теплых помещений.

Знать и особенно князья жили в домах, состоявших из многих помещений; они назывались храмами, или хоромами. Южнославянский вариант слова «храм» стал названием церкви. Одно из помещений княжеского «храма», строившееся в виде многоэтажной башни, предназначалось для княжеских жен и

наложниц и называлось тремом или теремом, позже это слово перенесено было на весь княжеский дворец. Спальня самого князя называлась у западных славян «ложницей», или одриной, одром – германское заимствование, а у восточных и южных – чертогом, из иранского «чартак», отсюда же происходит и слово «чердак».

Большая семья, разрастаясь, делилась на новые семьи одинакового с нею статуса, но связи между семьями, происходившими от общего родоначальника, сохранялись, и вместе они составляли патронимию, или, по-славянски, род, который в одних случаях имел свое отдельное поселение – весь либо, в других, несколько таких патронимий, связанных или не связанных узами родства, селились рядом и составляли одну общину, которая совместно владела землей, распределявшейся в порядке пользования между большими семьями. «Возможно, с совместным поселением двух патронимий связано и появление правильной двухрядной застройки на многих пеньковских и некоторых корчакских поселениях. Стихийно формирующаяся кучевая застройка больше соответствует разрастанию селения из первоначального семейного двора»¹²⁵⁹.

Если это была не патронимическая, а соседская община, она обыкновенно называлась не родом, а миром, потому что основана была на своего рода мирном договоре двух или иногда и большего числа патронимических родов, так что слова «мир» в значении, противоположном войне, и «Mір» (община, общество, мироздание) не омонимы, но имеют общую этимологию. Во главе общин стояли старосты, или родовые старейшины, хотя они могли называться и по-другому, потому что эти названия почерпнуты из более поздней эпохи. С. В. Алексеев высказал предположение, что сосуществование терминов «род» и «мир» находит параллели в двух основных способах именования славянских племен – по территории (например, «поляне») и по происхождению (например, «кривичи») ¹²⁶⁰. Остроумная гипотеза историка имеет очевидные ограничения: по модели словообразования «дреговичи» стоят в одном ряду с такими действительно патронимическими названиями, как кривичи, вятичи, радимичи, возможно также лютичи, но хорошо

известно, что этот этноним происходит от старославянского слова «дрегва», обозначающего болото, характеризующего местность, на которой обитали дреговичи, – в самом сердце современной Белоруссии, в ту пору еще не пережившей масштабной мелиорации.

В отдельных случаях несколько соседних весей по разным причинам, хозяйственным или потому, что они дорожили общностью происхождения, тем, что выросли из одной патронимии, составляли одну общину, но чаще соседние веси, расположенные «гнездами», образовывали союз общин, который позже на Руси назывался «вервь», у сербов – «околина», у поляков – *ороль*, представлявшую собой переходную ступень между общиной в виде рода или мира и племенем, по подобию кланов, тейпов, фратрий или римских территориальных триб. Такие верви насчитывали, вероятно, от нескольких сот до нескольких тысяч человек в местах особенно плотного населения. Их объединяло общее святилище, кладбище, или погост, а также торг. У западнобалканских славян во второй половине I тысячелетия главы таких союзов, или кланов, именовались титулом, заимствованным у тюркоязычных авар, – жупанами.

Наконец, на более высоком, политическом уровне стояло племя, объединявшее по несколько вервей или околин и десятки родов. Племя, в том случае если оно мыслилось происшедшим от одного родоначальника, хотя в действительности лишь его ядро мог составлять действительно один разросшийся род, также могло называться родом. Насчитывая тысячи или даже десятки тысяч человек, племя занимало территорию, которую можно сравнить с позднейшими российскими уездами, но которая называлась при этом волостью и численностью своей едва ли превосходило российские волости XIX века. У племени имелось центральное поселение, обыкновенно укрепленное, огороженное тыном или также рвом и потому называвшееся городом. Там находилось его главное святилище, место для проведения племенного вече или сонма (сейма), а также резиденция главы племени, называвшегося владыкой, вождем или воеводой, причем это не были синонимы.

Владыка, вероятно, являлся наследственным властителем, подобным германскому *kuning* – королю, в полномочия которого входили, помимо судебных и военачальнических, также и сакральные, жреческие обязанности; наследственность власти не исключала, как и у германских и кельтских народов, избрания владыки, иными словами, его избирали на вече, но не из кого угодно, а из тех, кто принадлежал к самому знатному, правящему роду. Это однако только предположение, не имеющее бесспорных документальных подтверждений, сделанное по аналогии. А вот вожди, или воеводы, были военачальниками вроде германских *herizogo*, которых на латинском языке называли *dux*. Воеводами избирались опытные, способные и успешные воины, возможно невзирая на происхождение. Высшая власть в племени принадлежала однако не владыкам и вождям, но народному собранию – вече или сейму. Об этом ясно писал Прокопий Кесарийский: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в... демократии, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы общие»¹²⁶¹.

У германцев для обозначения племенного вождя заимствовано было слово «князь», но этот титул чаще употреблялся уже по отношению к главам более крупных образований – союзов племен, которые, похоже, не имели других названий, кроме княжений. Территория же племенного союза называлась землею. Там, где по отношению к главе племени употреблялся титул князя, главу племенного союза могли титуловать великим князем. Латинские и греческие источники называют их архонтами, игемонами, принцепсами, но также *rex* (царь, или король) и даже *rex superbus*. Племенные союзы являлись образованиями не только политического, но и в известной мере этнического характера, поскольку отличались один от другого обычаями, традициями и языковыми, или, лучше сказать, диалектными особенностями.

Такие союзы племен хорошо известны из позднейшей эпохи: древляне, вятичи, ободриты, хотя, вероятно, большая часть их сложилась уже во второй половине I тысячелетия. Есть

однако основания предполагать, что еще до походов на Балканы уже существовали племенные союзы дулебов, лендзян, или, по-другому, лехитов, кривичей, хорватов, сербов. Этнонимы «венеды» и «словене» имели исключительно этнический характер, они не были названиями политических союзов, причем среди венедов племенные союзы появились уже только во второй половине I тысячелетия. У словен образование племенных союзов относится к концу V столетия, когда после распада кочевой империи Аттилы народы, зависимые от гуннов, и среди них славянские племена, обрели свободу. Этноним «анты», вероятно, имел не только этническое значение, но был одновременно и названием племенного союза, который сложился задолго до вторжения гуннов в Восточную Европу, правда, образован был не славянами, а аланами, но славянское большинство, многократно превосходившее числом тонкий слой его правящей верхушки, в конце концов славянизировало этот союз и политически.

Союзы племен создавались главным образом для ведения войны, хотя до экспансии на Балканах славяне уступали в воинственности своим соседям германцам, не говоря уж о кочевых и полукочевых сарматах и гуннах. И все же все свободные взрослые мужчины в случае военной опасности обязаны были участвовать в боевых действиях своего племени или племенного союза. Каждый род или мирставлял воинов, которых называли воями, войниками или ратниками, под предводительством главы общины – старейшины рода или старосты. Командовал войском племенной вождь, воевода, князь или великий князь. Детальных сведений о военном строе, военной подготовке, возрастном цензе военнообязанных нет, но известно, что большая часть воинов дралась в пешем строю, а конницу составляли княжеские дружины. Дружинников называли витегами, позже витезями – словом, образованным от германского слова «витинги», которое в скандинавском языке приобрело форму «викинг», а также – младших или низших по положению – княжескими отроками или гриднями. Дружины формировались, вероятно, не столько из родовой аристократии, сколько из храбрых искателей воинских приключений, в том

числе и из иноплеменников и даже выходцев из других этносов – германцев, сарматов, гуннов.

Одним из источников пополнения княжеских дружин служили «братства, связанные с представлением об оборотничестве и тотемным по происхождению культом волка»¹²⁶², подобные скандинавским берсеркам. Входявшие в эти братства изгои назывались бойниками или также, в более поздние времена, бродниками, а еще те, кто имел репутацию оборотней, – волкодлаками; жили они в стороне от поселений, обычно в лесу, часто меняя места своего обитания, скрываясь от преследования со стороны мирных людей. Средства существования они добывали охотой, рыбной ловлей и грабежом. «В течение волчьего месяца (у балтославян он примерно соответствовал декабрю) “волкодлаки” в волчьих шкурах обходили селения и собирали с них дары, служившие по сути откупом»¹²⁶³. Этот обряд напоминает луперкалии италийских народов и, в частности, латинов и римлян, с которыми он, возможно, связан генетически, восходя по своему происхождению к древней индоевропейской общности.

«В среде воинских братств долго сохранялись пережитки многомужества. Судя по связанным с разбойниками сказочным сюжетам, их “большим домом” в лесу ведала женщина, считавшаяся одновременно сестрой и женой братьев... В древности обряд посвящения в братство включал жестокий ритуал “обагрения оружия” кровью первого встречного, даже если это близкий родич... Человеческое жертвоприношение завершалось каннибальской трапезой. ... В описываемый период (V-VI века), однако, этот древний кровавый обычай, видимо, уже уходил в прошлое – братства, стремившиеся влиться в племенные институты, отступали от резкого противостояния с обществом»¹²⁶⁴.

Со временем одни бойники становились откровенными врагами общества – разбойниками; другие, сохраняя независимость от племенных вождей и князей, участвовали вместе с княжескими дружинами в войнах, особенно против имперских армий на Балканах, являясь своего рода институциональными предшественниками казаков, бродников, храбров, юнаков и

гайдуков позднейших эпох – возможно, что генетические корни этнической группы карпатских бойков восходят к древнеславянским бойникам; наконец, часть их вливалась в княжеские дружины и сближалась с родовой и племенной аристократией, составляя самый воинственный и самый надежный элемент в окружении князя.

По словам Прокопия Кесарийского, оружием славян были «щиты и дротики», а «панцирей они никогда не надевают»¹²⁶⁵. Но знаменитый историк тут несомненно преувеличивает скудость вооружения древних славян. В действительности они пользовались в бою и другим и более эффективным оружием: луками, копьями с заостренными деревянными либо стальными наконечниками – об употреблении славянами мечей, секир, боевых топоров, а также кольчуг и шлемов известно лишь из археологических находок, относящихся уже только ко второй половине I тысячелетия.

Воинские отряды, которые действовали самостоятельно или отдельно, независимо от своей численности назывались у славян полками. Ядро такого полка могла составлять княжеская дружина. У полка и его подразделений имелись свои эмблемы или знамена, которые латинские авторы называют *signum* или, у конницы, *vexillum*. Эти знамена представляли собой либо лошадиные хвосты (обычай, заимствованный, вероятно, у гуннов), либо полотнища с изображениями тотемных животных или богов. «Когда нужно было идти в бой, командир, – как это представил Л. Нидерле, – прежде всего выстраивал свои полки в боевом порядке – по древней летописной терминологии “нарядити, иставити полки, исполчитися”... затем он обращался к воинам, призывая их к храбрости, после чего по его приказу поднимались знамена и войско с громкими криками и под звуки труб бросалось на врага»¹²⁶⁶. Во многих случаях большой бой, по-славянски сеча, заменяли поединком предводителей или самых храбрых и сильных воинов с обеих сторон. Во время похода славянские войска на ночь разбивали лагерь, который обыкновенно для защиты окружали телегами, нагруженными припасами, и лишь при длительном пребывании на одном месте вокруг лагеря рыли окопы.

О военной тактике славян существуют замечательные свидетельства греческих историков. По словам Маврикия, «сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями и днем и ночью, изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей»¹²⁶⁷. Иными словами, славяне предпочитали регулярной войне партизанскую тактику, которая блистательно оправдывала себя на протяжении всей последующей истории славянских народов, вызывая острое неприятие со стороны западноевропейских врагов славянства, будь то Наполеон или Гитлер, находивших приводившие их в крайнее раздражение партизанские методы борьбы противоречащими военной этике. Продолжая характеристику славянской боевой тактики, Маврикий писал: «Если же и придется им отважиться на сражение... они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса»¹²⁶⁸.

Маврикий подметил и главную слабость и уязвимость славян, которая заключалась во взаимном недоверии и вражде: «Так как господствуют у них различные мнения... они либо не приходят к согласию, либо, даже если и соглашаются, то решенное тут же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому»¹²⁶⁹. Преодолеть этот порок смогли лишь восточные славяне, а именно великороссы, когда властвовать над ними стали московские цари, овладевшие искусством держать своих анархических по натуре подданных в железной узде, в то время как западные славяне пали жертвой *Drang nach Osten* своих более дисциплинированных соседей.

Судебной властью в общине обладали старейшины, а в племени – властители, воеводы и князья, но также, наверно, и народное собрание – вече. Членов большой семьи – задруги заодно с рабами судил глава такой семьи. Что собой

представлял древнеславянский процесс – уголовный и тяжёлый – мы из-за отсутствия свидетельств толком не знаем. Опираясь на письменные источники позднейших эпох, можно заключить, что при рассмотрении дела имели значение свидетельские показания, при рассмотрении обвинительных дел во внимание принимались прямые и косвенные улики, вещественные доказательства; самопризнание и в те времена почиталось «царицей доказательств». Судьи приговаривали преступников к штрафам, или вирам, к телесному наказанию, к изгнанию из рода или племени, а также, в исключительных случаях, к смертной казни. Лишения свободы как вида наказания не существовало. В заточении, наравне с пленниками, держали подозреваемых в тяжких преступлениях, пока они ожидали суда. Судебная власть уступала место кровной мести там, где совершалось убийство сородича.

Характеризуя социально-сословную структуру древнеславянского общества, Л. Нидерле писал: «Как и у других соседних народов, так и у славян племя в конце языческого периода делилось на три класса: 1) рабов, 2) свободных и 3) немногочисленного слоя, состоявшего из людей, выделявшихся своей родовитостью, богатством или положением на княжеской службе»¹²⁷⁰. Это, конечно, верная, но упрощенная классификация. Более дифференцированную схему предлагает М. Гимбутас: «Социальная организация у славян была типично индоевропейской и близкой к той, что описал Геродот в V в. до н.э. у фракийцев и Тацит в I–II вв. н.э. у германцев. Племя состояло из “князей, знати, свободно-рожденных, освобожденных и рабов”»¹²⁷¹. Между тем в праиндоевропейском или арийском обществе, как это выявил в своих исследованиях Демюзиль, выделялись три основных сословия, разделенных по выполняемым ими функциям: жрецов, воинов и производителей материальных благ. Так и у славян, помимо правителей и воинов, к которым относились как родовая аристократия, так и выходцы из воинских братств – бойники, составлявшие ее низший и более многочисленный, чем родовитая по своему происхождению старшая дружина, элемент, в позднейшие времена именовавшийся княжескими

отроками или гриднями, существовало еще жреческое сословие, к которому примыкали также претендовавшие на особо тесные контакты со сверхъестественным миром волхвы, колдуны, ведуны, ведьмы и подобные им экстравагантные особы, как бы сказали в наше время, одаренные «харизмой».

М. Гимбутас, ссылаясь на Геродота, среди славян выделяет свободных и освобожденных простолюдинов. В действительности речь идет о так называемых «людях» (по-старославянски – льюдые). Полноправными членами рода были как раз «люди», хотя имеющее общее происхождение германское слово «liute» (в современном немецком «Leute») обозначало как раз неполноправных, но свободных лиц, подобных смердам у славян и, как и славянские смерды, состоявших в основном из иноплеменников. «Смердами, – по словам С. В. Алексеева, – становились представители покоренного “чужого” племени, жившие непосредственно на территории, подвластной “своему” и заселенной им. Такую зависимую группу населения в словенском и антском обществе, насколько можно судить, в описываемый период представляли только аборигены дунайско-карпатских земель – романизованные данубии-рипианы (жители дунайского левобережья. – В.Ц.) (волохи). Они жили вместе со славянами, занимались гончарством и скотоводством... и, очевидно, несли связанные с этим повинности в пользу славянских племен»¹²⁷². С. В. Алексеев здесь обозначил, может быть, и самый типичный, но отнюдь не единственный вид смердов, которых он выделил по этническому и географическому основанию – смердами становились, вероятно, и выходцы из других народов – балтов, германцев, угрофиннов, аланов – само слово «смерд» является заимствованием из иранского языка, – а также, во многих случаях, из враждебных славянских племен.

Рабство у славян существовало, но число рабов было невелико; едва ли не единственным источником порабощения служила война, поскольку рабов относительно скоро отпускали на волю, после чего они и становились смердами, у славян фактически не было рожденных рабами невольников, ничего неизвестно и о долговой кабале. В хозяйственной жизни доля рабского труда была ничтожной и само это рабство носило

патриархальный характер. Обо всем этом писал Маврикий: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей»¹²⁷³. Рабы у славян ставились почти наравне с младшими членами семьи. Выразительным свидетельством такого положения вещей является язык: по отношению к рабам употреблялись слова, обозначающие детей: слово «раб» является этимологически однокоренным со словом «роб», отсюда – ребенок, рабов называли также отроками, челядью, или чадью, то есть чадами – детьми.

Помимо сословных различий в древнеславянском обществе существовало и социальное, имущественное расслоение. Кроме людей умеренного достатка, который, по нашим меркам, соответствует нищете, были люди бедные – убогие, как их называли, и богатые, которые именовались гопанами, то есть владельцами коров – корень «гов» из праиндоевропейского «говеда» в современном русском языке сохранился лишь в слове «говядина». От старославянского слова «гопан» произошли слова «пан» и «господарь», последнее в свою очередь дало два новых слова: господин – в значении владелец, собственник имущества и государь – рабовладелец, а от него уже пошло полушутливое «сударь». Скот, и особенно крупный рогатый скот, считался тогда главным богатством, но гопаны, как правило, владели не только стадами коров, овец и свиней, но также гаремами с женами и наложницами, рабами, боевыми конями, роскошной одеждой, ювелирными изделиями, дорогой домашней утварью; и самые их жилища, состоявшие из многих помещений, имели вид хоромов. Их кладовые были заполнены припасами, в том числе и теми, что ввозились с юга, – вином, изюмом, оливковым маслом.

Характеризуя пищевой рацион древних славян, Г. В. Вернадский приводит пространный перечень слов, обозначающих съестные продукты, в том числе животных, чье мясо или молоко шло на стол славянам, опираясь при этом исключительно на

общеславянскую лексику, иными словами, на славянский словарь эпохи языкового единства: «хлеб, мясо, мука, дрожжи, тесто, пиво, мед, квас... рожь, жито... овес, просо... яблоня, груша, слива, орех, горох, лук, репа... бык, вол, корова, теля... баран, овца, вепрь, поросся... молоко, сыр, масло, гусь, кура... утка, яйцо... мед... олень, рыба, окунь, лосось, щука, угорь»¹²⁷⁴.

Одежда славянина состояла из льняной у словен и венеков или конопляной у антов рубахи, которая на праславянском языке называлась собственно роб, а также чехл и представляла собой подобие греческой туники, по длине она доходила до колен, имела ворот и рукава. Короткая рубаха с вышитой каймой называлась сракой или срачицей. На нижнюю часть тела мужчины надевали штаны, которые назывались ноговицами, гатями или портами. Их поддерживали бечевкой, позже ремненным поясом, и подвязывали под коленами. У сарматов славяне, в основном, вероятно, анты, переняли обычай носить широкие штаны со складками, для которых употреблялось ираноязычное слово «шаровары». Верхней одеждой в осеннее и весеннее время, а также в прохладную погоду летом была сукня, сукно, или сукман, который шился из грубой шерстяной ткани. У римлян заимствовано было название ее кошулей – из латинского *casula*; другим видом верхней одежды, своего рода курткой, являлась свита, которую греки называли «иматион». В зимнюю пору славяне, мужчины и женщины, надевали меховой кожух, который позже стал называться заимствованным из арабского языка словом «шуба». «Все эти одежды стягивались поясом (... опас), изготавливавшимся из различных тканей и, как правило, просто завязывавшимся (без пряжек). На поясе висело оружие, мешочек с огнивом, ножик и футляр с туалетными принадлежностями»¹²⁷⁵. В середине тысячелетия у славян получило широкое распространение употребление застежек в виде фибул, заимствованных у римлян и у готов.

Основной женской одеждой служила длинная, ниже колен, рубаха, которая подпоясывалась в талии. В теплое время она была единственным одеянием, в прохладное поверх нее надевали свиту, а также ниже пояса своего рода фартуки – спереди и сзади.

Зимой женщины, как и мужчины, носили меховые кожухи. Обувь делалась из кожи – крепа, или опанки, а также из лыка – лапти. Употреблялись также низкие, доходившие до щиколоток сапоги – черевяки или скоры. На голову надевали шапки, ранние формы которых неизвестны, зимой – с меховыми околышами и наушниками. Известные названия головного убора – клобук (из тюркского «калпак») или собственно шапка (из латинского сарра) восходят к рубежу I и II тысячелетий. Замужние женщины, в отличие от девушек, всегда покрывали голову чепцом или платком, который назывался наметкой, завоем или убрусом.

До замужества девицы ходили с непокрытой головой, которую могли украшать повязкой в виде диадемы и серебряными височными кольцами, форма которых различалась в зависимости от племени, так что эти изделия, по большей части, правда, более позднего происхождения, чем эпоха славянского единства, служат замечательным археологическим индикатором, позволяющим уточнять границы расселения племен. Мужчины носили длинные волосы, которые иногда заплетали в косы, и длинные бороды. Обычай подстригать волосы на голове и на лице у славян имел относительно позднее происхождение и получил широкое распространение уже только на рубеже I и II тысячелетий.

Хотя Прокопий Кесарийский писал, что «образ жизни» славян «грубый и неприхотливый, как и у массагетов; и, как и те, они постоянно покрыты грязью»¹²⁷⁶, добавив к этому: «впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но и в простоте (своей) сохраняют гуннский нрав», а святой Исидор Севильский полвека спустя, перечисляя пороки разных народов («зависть иудеев... хитрость греков, раболепие сарацин... обжорство галлов... дикость франков, глупость саксов... злобу британцев» «нечистоту» присвоил двум народам: «свевам» и «славянам»¹²⁷⁷ – это был все же взгляд на варваров изнутри мира рафинированной цивилизации. Если же проводить уместные сравнения, то нельзя не признать, что славяне отличались от соседних народов – балтов, угро-финнов, а также гуннов и сарматов – чистоплотностью, по меньшей мере не

уступая в этом германцам. Умывались они иначе, чем германцы, – в проточной, а не стоячей воде, в домашних условиях мылись не в корыте, но в бане. «Паровую баню, представлявшую собой комнату, посреди которой находился очаг с раскаленными камнями, славяне издавна, возможно, переняли с Востока; что же касается избы с построенной внутри печью, приспособленной под баню, то последняя пришла к славянам примерно в V или VI веках с Запада из державы франков и первоначально ее переняли западные славяне, а уже от них она быстро распространилась и среди славян восточных»¹²⁷⁸.

Средства существования славяне, как и другие народы, добывали скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, бортничеством. В сравнении с кочевниками-скотоводами, славяне могли казаться земледельческим народом, но в действительности, видимо, почти до самого конца I тысячелетия их главным богатством, как и у германцев или кельтов, был скот, и его разведение составляло их главное хозяйственное занятие. Меткий наблюдатель Маврикий, говоря об имуществе славян, скот поставил на первое место: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы»¹²⁷⁹. Если бы они не были скотоводами, они не приносили бы в жертву Перуну быков. Славяне разводили коров, овец и свиней, гораздо реже коз, а также домашнюю птицу: кур, гусей, уток.

Самым большим богатством считались кони. При этом в некоторых регионах славянского ареала: в Померании, Силезии, в Приднепровье – паслись многочисленные табуны, и не только прирученных, но и диких лошадей, на которых велась охота. Конь использовался на войне, для перевозок, реже – для езды верхом, употребляли его и на полевых работах, хотя главным рабочим скотом служили волы. Конское мясо употреблялось в пищу, вероятно, только в случае крайней нужды, при угрозе голодной смерти. Скот держали во дворах, в загонах, а также в крытых хлевах. Пастухи, или пастыри, пасли скот с помощью собак. Коней подковывали, самцов – жеребцов, быков, баранов,

хряков – холостили, кроме тех, которые оставались на развод. Профессионалов этого ремесла называли коновалами.

Прародина славян находилась в лесистом междуречье Вислы и Одера, в северном Прикарпатье – в местах, мало удобных для земледелия, но и в более позднюю эпоху славяне расселились в основном в столь же мало приспособленном для обработки земли болотистом Полесье, на Волини, покрытой лесными массивами; плодородная лесостепь, и тем более степь, и в середине I тысячелетия составляли лишь относительно малую часть славянского ареала.

Поэтому у славян преобладало подсечно-огневое земледелие: на выделенном в лесу участке с древесных стволов с помощью топора сдирали кору, после чего в течение многих лет дожидались, пока деревья засохнут и их легче будет валить. Срубленные деревья поджигали, и затем сеяли без пахоты или после вспашки выжженной земли, удобренной золой. В следующую весну выжигали новый участок леса. В первый год на выжженной подсеке сеяли лен или коноплю, во второй – хлебные злаки, более всего просо, которое долгое время оставалось главным зерновым продуктом славян, но также рожь, ячмень, овес, и лишь на степном юге славянского ареала – в Приднепровье, Приазовье, Причерноморье, в Бессарабии и Валахии – пшеницу. В третий год на том же поле сажали овощи–лук, репу, капусту. Затем его оставляли для выпаса скота. Постепенно выжженное поле вновь зарастало лесом, и тогда этот лес вновь подсекали и выжигали, и цикл повторялся. Сравнительно скоро земля, расположенная вблизи поселения, истощалась, и поскольку в свободных землях не было недостатка, а жилища не представляли большой ценности, к тому же они успевали обветшать, целый род, или мир, оставлял старую весь и искал себе новое место для поселения. Некоторые историки подобный образ жизни называют бродячим.

Землю обрабатывали мотыгой, деревянной или с железной насадкой, а потом также деревянным ралом с железным наральником – лемехом. В рало впрягали одну лошадь или двух волов. Лошадь запрягали с помощью хомута, а волам надевали на загривок деревянное иго, или ярем. Вспаханное

поле боронили деревянной бороной, реже – бороной с железными зубьями. Урожай убрали серпом, который был орудием женщин, или, мужчины, – косой. Применение серпа или косы зависело от местности, на которой находилось поле. Серп считался более приспособленным для заболоченных низин и крутых склонов. Скошенные колосья связывали в снопы и затем их молотили на гумне или на току цепями либо по ним прогоняли волов. Само название «гумно» восходит к древнеславянскому корню «гов» – корова. Затем зерно провеивали, отделяя от него сорняки, высушивали его в овинах, а хранили в ямах, позже в ларях. Для приготовления из него пищи зерно перемалывали в муку жерновами или в ступах. Главным продуктом земледелия у славян был, естественно, хлеб, но они выращивали также горох, бобы, лук, чеснок, репу, морковь, огурцы, мак, сажали яблони, груши, черешни и вишни, в Причерноморье – виноград, технология его культивирования и изготовления вина была заимствована антами в III или IV столетии у готов, которые в свою очередь переняли ее у римлян.

Пищевой рацион древних славян восполнялся благодаря охоте. Зверей убивали также ради меха. Охотились на туров, лосей, оленей, кабанов, а также на медведей, волков, лис, соболей и куниц, на горностаев, бобров, зайцев и белок. Беличий мех еще до Р. Х. поступал в мир Средиземноморья с севера, благодаря торговле со славянами, так что праславянское название белки (веверица) вошло в латинский язык – *vivera*. Охотились также на промысловых птиц – гусей, уток, тетеревов. Зверей ловили сетями – тенетами, силками, убивали стрелами и копьями, с востока к антам пришла соколиная охота и использование прирученных ястребов-перепелятников.

Ареал славянского расселения с его бесчисленными реками, речками и озерами был исключительно богат рыбой, которую вылавливали удой, остью (гарпуном), но в основном неводами, влаками, мрежами, сетями, а также вершами. Ловили лососей, судаков, угрей, лещей, шук, карасей, сазанов. Славяне умели заготавливать рыбу на зиму – солить, сушить, коптить.

Одним из самых популярных в славянском мире промыслов было бортничество. Вначале пчел содержали в дуплах деревьев, а потом для них стали изготавливать колоды, которые назывались бортами, а позже ульями и которые ставились вблизи дома либо вблизи поселения, но не в лесу. «Павсаний свидетельствует, что в Грецию ввозился самый лучший мед из земли алазонов на Днестре»¹²⁸⁰. Когда Приднестровье было заселено славянами, они переняли у ассимилированных ими гетов бортнический промысел, затем он распространился по всему ареалу славянства. Продуктами пчеловодства был не только мед, из которого путем брожения умели делать хмельной напиток – эквивалент вина или пива, но также воск.

Из ремесел у славян особенно высоко ценилось кузнечное дело, которое включало и металлургию. Металлургия восходит к глубокой древности: железный век у предков славян начался еще в эпоху балтославянской общности. «Общеславянские названия для золота, серебра, олова и железа, – писал Нидерле, – можно считать древними, праславянскими, и, следовательно эти металлы были давно уже известны славянам... Славянское слово “руда” столь же древнее, так как уже в эпоху индоевропейской первобытности оно перешло из шумерского *urudu* к финнам и соседним индоевропейцам. Зато славянские названия олова (*ein*) и латуни (*mosaz*) заимствованы из немецкого языка»¹²⁸¹. Золотоносным песком были богаты реки Померании, Силезии, Чехии и Моравии. Золото, равно как и серебро, ввозили в Центральную Европу из Малой Азии и Армении, с Урала и Алтая. Медь доставляли с Урала и из Средней Азии.

Магнетиты, лимониты и гематиты, из которых выплавлялось железо, добывались в славянском ареале почти повсеместно. Железную руду плавил в глиняных печах. Полученное после плавки железо обрабатывали ковкой или литьем. Преобладала технологияковки, мастеров этого ремесла называли ковалями, ковачами, а позже также кузнецами, от «кузни» – плавильной печи. Кузнецы выковывали оружие, орудия труда и хозяйственную утварь – топоры, пилы, молотки, гвозди, клещи,

замки и ключи, котлы, лемехи, подковы. Металлическая продукция хозяйственного назначения, которую изготавливали славяне, уступала по прочности продукции германских кузнецов, зато ювелирные изделия славянского происхождения отличались высоким мастерством, художественным совершенством и безукоризненным вкусом. Славянские ювелиры использовали технику филиграни, эмали, чеканный орнамент. «Славянские девушки и женщины, – по характеристике Л. Нидерле, – в своих изящных и легких серебряных украшениях бесспорно выглядели более красиво, чем их соседки»¹²⁸² – из балтских, финно-угорских и тюркских народов с их «тяжелыми шумящими привесками... тяжелыми и массивными бронзовыми ожерельями (часто надеваемыми по несколько штук сразу), огромными застежками и запонами причудливых форм, тяжелыми браслетами – иногда по девяти штук на руке»¹²⁸³.

Керамические изделия древние славяне изготавливали в основном без применения гончарного круга, так что в этом ремесле они отставали от своих германских соседей. Их лепили не профессионалы, это был вид ремесла, который, подобно ткачеству или шитью, существовал почти в каждой семье. Вылепленный вручную сосуд обжигали в домашней печи. «Лепная посуда не отличалась разнообразием... Орнамент отсутствует или очень беден. Использовалось глиняное тесто с примесью дресны, песка и шамота»¹²⁸⁴. Древние славяне обнаруживали большее мастерство в бондарном ремесле – в изготовлении деревянных бочек, деж, ведер, бадей, кадей, а славянские женщины – в ткачестве, прядении и шитье. Особенно высокими художественными качествами отличается славянская вышивка, известная по значительно более поздним образцам, сохранившимся до наших дней, но ввиду исключительного консерватизма этого искусства музейные экспонаты воспроизводят орнаментальные мотивы и фигуры, восходящие к глубокой древности.

Ремесленные изделия изготавливались как по заказу, так и на продажу. Торговля велась внутри общин, внутри племен и племенных союзов, а также между племенными союзами.

Славянский мир поддерживал торговые отношения и с другими народами, в особенности с Римской империей, откуда ввозились вино, оливковое масло, пряности, фрукты, оружие, ювелирные украшения, высококачественная керамическая, металлическая и стеклянная посуда, сосуды для хранения продуктов, драгоценные ткани, включая шелковые и пурпурные, наконец, золотые и серебряные монеты, клады которых нередко обнаруживаются на южной периферии славянского мира, но также и в удалении от лимеса. Своих монет славяне не чеканили, это однако не значит, что внутренняя торговля осуществлялась исключительно в бартерном порядке – в торговле употреблялись римские монеты, а также, реже, попадавшие к славянам иранские дирхемы. Но главным эквивалентом товарной стоимости во внутренней торговле служили шкуры куниц (откуда пошло слово «куна» в значении денег), а также белок – вевериц. Позже в качестве денег стали употребляться также серебряные обручи (гривны), обыкновенно стандартного веса.

Предметами вывоза у славян служили хлебное зерно, сушеная и соленая рыба, мед, воск, меха, а также рабы. Через славянский регион осуществлялась транзитная торговля янтарем, который везли из Балтики на юг, в пределы Римской империи и в Сасанидский Иран. Профессионально торговлей занимались купцы, именовавшиеся гостями. При переезде из одной земли в другую гость обязан был платить пошлину – мыт, почти всегда, вероятно, натурой, в пользу местного князя или княжения.

Товары перевозились зимой в санях, в летнее время в телегах, в которых запряжены были лошади или волы. Но основными торговыми маршрутами служили многочисленные реки, по которым славяне плавали и перевозили товары в ладьях-однодеревках – греки называли их моноксилами. При переправе от верховья одной реки до верховья другой, например между истоками Припяти и Днестра, Одера и Моравы, ладьи, нагруженные товаром, тащили волоком.

Славяне в поле зрения греческих историков в основном попали в ту пору, когда они вели агрессивные войны против

Римской империи на Балканах. Это обстоятельство не мешало добросовестным свидетелям эпохи отдавать должное достоинствам этого народа. «Племена славян и антов, – писал император Маврикий, – многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, при переходе их из одного места в другое охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел (какойлибо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца»¹²⁸⁵.

Греческие авторы оценили художественную одаренность древних славян, которая проявлялась в музыкальном искусстве. В этом отношении особенно характерен рассказ Феофилакта Симокатты, посвященный событиям, происходившим уже в конце VI века, при императоре Маврикии, и написанный не без стилизации, идеализирующей патриархальный народ, не испорченный цивилизацией, тем не менее этот рассказ проливает свет на национальные черты древних славян: «Трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия... были взяты в плен телохранителями императора. С ними были только кифары, и ничего другого они не несли с собой. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они находятся в ромейских пределах. Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного Океана (надо полагать, на берегу Балтики, а значит, они могли быть из племени ободритов или поморян. – В.Ц.), что каган (аварский хан. – В.Ц.) отправил к ним послов, с тем чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам. Дары они приняли, но в союзной помощи ему отказали... А их отправили к кагану в качестве заложников... Обманув (кагана), они выбрали удобный момент и удалились во Фракию. Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие – их страна не знает железа (это, конечно, неправда. – В.Ц.), и потому мирно и безмятежно про-

ходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы. Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени, и самих этих варваров... он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею»¹²⁸⁶.

Не все в этом эпизоде, рассказанном Симокаттой, вызывает доверие. Миролюбие пленников могло быть притворным, и в каких отношениях они в действительности были с аварским ханом, воевавшим вместе со славянами против империи, – сказать затруднительно. Вполне возможно, что император был дезинформирован, но выдавать себя за музыкантов не умея играть они, конечно, не могли – их музыкальный талант, очевидно, подвергся проверке. Древние славяне музицировали, играя на пищалях, свирелях, свистках, бубнах, цевницах и гуслях, которые и были названы Симокаттой кифарой. История, рассказанная Симокаттой, дает повод предполагать, что у славян были и профессиональные музыканты – гусельники, игроки, глумцы, скоморохи, которые и играли, и пели, и плясали, и устраивали забавные представления. С такими скоморохами, оказавшимися в плену, и мог беседовать император Маврикий. А благодаря своему артистизму и изобретательности на выдумки они легко могли убедить его в своей искренности.

В восприятии греко-римского мира славяне имели общие черты со своими соседями германцами – такими же не искушенными, простоватыми, грубыми северными варварами, и эти наблюдения были верны. В то же время в психотипе германцев и славян существовали и существуют заметные отличия. Сопоставляя германский и славянский национальные характеры, Л. Нидерле писал: «Склонность к свободе и демократии, переходящая даже в анархичные формы, склонность к сентиментализму, скептицизму, мистицизму и постоянному размышлению, склонность к увлечению тем или другим делом; и в то же время славяне обладают меньшими способностями завершать дело и утверждать его, обладают меньшей силой воли, зато им свойственна склонность к высокой справедливости и общему миро-

люблю, к приветливости и искренности. Все эти черты отличают славянский характер от германского, хотя они и не выражаются у всех народов одинаково»¹²⁸⁷.

Конечно, это впечатления, полученные скорее от общения с современниками историка, жившими на рубеже XIX и XX столетий, чем из исторических штудий в области первоначальной истории славянства. Характеристика Нидерле не в равной мере отражает черты психотипа всех трех ветвей славянства, по преимуществу воспроизводя склад души скорее западных, чем южных и восточных славян. И не со всем, что обнаружил в славянине и германце при их сопоставлении чешский историк, писавший, правда, также и на немецком языке, мог бы легко согласиться его немецкий коллега. Сентиментальность, склонность к мистицизму и постоянному размышлению свойственны немцам, по крайней мере двухсотлетней давности, не менее, чем славянам, в то же время скептицизм, в сильной степени присущий чехам, украинцам, болгарам, едва ли так уж характерен для сербов или поляков, скорее склонных к энтузиазму.

Приземленные, бытовые наблюдения контактов славян с германцами, более узко – немцев с русскими, приводят к такой констатации: при критическом взгляде русского на немца он предстает упрямым и упертым тугодумом, эмоционально тупым и высокомерным, а русский в глазах немца – легкомысленным и лукавым вертопрахом, на которого ни в чем нельзя положиться, потому что у него семь пятниц на неделе. Насколько эти претензии справедливы – сказать трудно, но что-то за ними стоит и, вероятно, истоки расхождения восходят к глубокой древности, к тем стародавним временам, когда германцы стали для славян немцами – немцами.

В середине I тысячелетия славяне стали одним из самых многочисленных народов Европы. Демографическая оценка может быть, конечно, лишь приблизительной. Наиболее реалистичной будет, возможно, такая – около 5 миллионов. Для сравнения: численность германцев, оставшихся за пределами имперского лимеса в эту эпоху, могла быть примерно такой же, при том что занятая ими территория на европейском континенте

в результате великого переселения народов значительно сократилась в сравнении с прошлым. В германских королевствах, образовавшихся в западных диоцезах империи, проживало более 20 миллионов человек, из которых германцы, в том числе и те, что утратили родные языки, составляли никак не больше десятой доли. В европейских провинциях империи на Балканах вместе со столицей Константинополем оставалось около 5 миллионов жителей, в два раза большей была численность населения азиатских провинций империи и Египта. В целом население Европы середины I тысячелетия, включая кельтов Ирландии, балтов, угро-финнов, иранцев, тюрок и народы Кавказа, составляло оценочно от 40 до 50 миллионов – примерно пятую часть всего человечества.

Примечания

- ¹ - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. М., 1996. С. 34.
- ² - Там же. С. 35.
- ³ - Там же. С. 39.
- ⁴ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд.. С. 46.
- ⁵ - Там же. С. 47.
- ⁶ - Там же. С. 42.
- ⁷ - Там же. С. 47.
- ⁸ - Буркхард Якоб. Век Константина Великого. М., 2003. С. 263.
- ⁹ - Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 3, М., 1994. С. 9.
- ¹⁰ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 43–44.
- ¹¹ - Там же. С. 44–45.
- ¹² - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 8.
- ¹³ - Болотов В. В. Цит. изд. С. 12.
- ¹⁴ - Там же.
- ¹⁵ - Там же. С. 13.
- ¹⁶ - Там же.
- ¹⁷ - Болотов В. В. Цит. изд. С. 13.
- ¹⁸ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 45.
- ¹⁹ - Буркхард Якоб. Цит. изд. С. 286.
- ²⁰ - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 16.
- ²¹ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 45–46.
- ²² - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 42–43.
- ²³ - Буркхард Якоб. Цит. изд. С. 266–267.
- ²⁴ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 50.
- ²⁵ - Там же. С. 50–51.
- ²⁶ - Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 358.
- ²⁷ - Евсевий Памфил. Цит. изд. С. 358.
- ²⁸ - Там же. С. 360.

- 29 - Там же.
- 30 - Там же.
- 31 - Бейкер Джордж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004. С. 174.
- 32 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 60.
- 33 - Cit.: Norwich J.J. Byzanz. Der Aufstieg des Ostroemischen Reiches. Duesseldorf u. Muenchen. 1998. S. 37.
- 34 - Бейкер Джордж. Цит. изд. С. 183.
- 35 - Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996. С. 9.
- 36 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 56.
- 37 - Там же. С. 63.
- 38 - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 64.
- 39 - Там же. С. 65.
- 40 - Там же.
- 41 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». СПб, 2001. С. 82–83.
- 42 - Евсевий кесарийский. Жизнь Константина. С. 71.
- 43 - Там же. С. 72.
- 44 - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 71–72
- 45 - Там же. С. 86.
- 46 - Там же. С. 86–87.
- 47 - Там же. С. 88.
- 48 - Там же. С. 88–89.
- 49 - Там же. С. 89.
- 50 - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 91.
- 51 - Там же. С. 91.
- 52 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 2. С. 400.
- 53 - Евсевий Памфил. Церковная история. С. 361–362.
- 54 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 2. С. 404.
- 55 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 2. С. 416.
- 56 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 14.
- 57 - Феодорит, епископ Кирский. Церковная история. М., 1993. С. 26.

- 58 - Там же.
- 59 - Там же.
- 60 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 10.
- 61 - Там же.
- 62 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 11–12.
- 63 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 36.
- 64 - Там же.
- 65 - Там же.
- 66 - Там же. С. 36–37.
- 67 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 94
- 68 - Там же. С. 95.
- 69 - Там же.
- 70 - Там же. С. 97.
- 71 - Там же. С. 96.
- 72 - Там же. С. 98.
- 73 - Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь Православия. М., 2007. С. 114.
- 74 - Вселенские Соборы. М., 2005. С. 19.
- 75 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 27.
- 76 - Там же. С. 24.
- 77 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 39.
- 78 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 19.
- 79 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 106.
- 80 - Там же. С. 107–108.
- 81 - Там же. С. 108.
- 82 - Феодорит, епископ кирский. Цит. изд. С. 50.
- 83 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. СПб, 1996. С. 69–70.
- 84 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 44.
- 85 - Там же.
- 86 - Duchesne L La question de la paqueau consile de Nicee. – Revue des questions historiques. Т. XXVIII, 1880. Р. 5–42.
- 87 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 2. С. 428–451.
- 88 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 110–111.

⁸⁹ - См.: Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1983, 113. С. 257.

⁹⁰ - См.: Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра. 1996. С. 65–66.

⁹¹ - См.: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 2. М., 1994. С. 428–451.

⁹² - Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1983, 113. С. 25.

⁹³ - Богословские труды. Сборник 7. М., 1971. С. 207.

⁹⁴ - Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1983, 113. С. 261.

⁹⁵ - Созомен. Церковная история. СПб, 1851. С. 73.

⁹⁶ - Там же.

⁹⁷ - Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. С. 173–174.

⁹⁸ - 1 Созомен. Цит. изд. С. 74.

⁹⁹ - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 109.

¹⁰⁰ - Евсевий Кесарийский. Цит. изд. С. 152.

¹⁰¹ - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 50–51.

¹⁰² - Дагрон Жильбер. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме». СПб, 2010. С. 174–175.

¹⁰³ - Poggi, Vincenzo. Costantino Vescovo di quelli di fuori. – Da Roma alla Terza Roma. Campidoglio, 21–23 aprile 2002. P. 5–6.

¹⁰⁴ - Бейкер Джордж. Цит. изд. С. 245.

¹⁰⁵ - Там же.

¹⁰⁶ - См.: Буркхард Якоб. Цит. изд. С. 338.

¹⁰⁷ - Christ, Karl Geschichte der Roemischen Kaiserszeit. Muenchen, 1992, S. 760.

¹⁰⁸ - Бурюсард Якоб. Цит. изд. С. 343.

¹⁰⁹ - Успенский Ф.И. История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996. С. 52.

¹¹⁰ - Цит. по: Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 2006. С. 601.

¹¹¹ - Иордан. Цит. изд. С. 83.

- 112 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 39–40.
113 - Там же. С. 40.
114 - Созомен. Цит. изд. С. 80.
115 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 150–151.
116 - Там же. С. 138.
117 - Там же. С. 154.
118 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 48–49.
119 - Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 43.
120 - Там же. С. 44.
121 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 49.
122 - Цит. по: Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С.
135.
123 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 45.
124 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 50.
125 - Там же. С. 51.
126 - Там же. С. 52.
127 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 71.
128 - Там же.
129 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 50.
130 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 61.
131 - Евсевий Кесарийский. Жизнь Константина. С. 170–171.
132 - Там же. С. 172.
133 - Там же.
134 - Там же.
135 - Там же. С. 174.
136 - Там же. С. 175.
137 - Sieh Norwich John Julius, cit. op. S. 83.
138 - Ibidem. S. 83.
139 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 103.
140 - Созомен. Цит. изд. С. 212.
141 - Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005. С.
252–253.
142 - Там же. С. 250.

- 143 - Там же. С. 231.
- 144 - Там же. С. 253.
- 145 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 250.
- 146 - Там же.
- 147 - Там же. С. 88.
- 148 - Там же. С. 250.
- 149 - Там же. С. 252.
- 150 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 11.
- 151 - Там же. С. 4–5.
- 152 - Там же. С. 35.
- 153 - Там же.
- 154 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 37.
- 155 - Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005. С. 42.
- 156 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 76.
- 157 - Там же. С. 100.
- 158 - Там же. С. 101–102.
- 159 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 117–118.
- 160 - Там же. С. 118–119.
- 161 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 166.
- 162 - Там же. С. 178.
- 163 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 199.
- 164 - Там же. С. 209–210.
- 165 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 212.
- 166 - Там же. С. 222–223.
- 167 - Там же. С. 359.
- 168 - Там же. С. 229.
- 169 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 248–249.
- 170 - Там же. С. 251.
- 171 - Там же. С. 252.
- 172 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 52.

- 173 - Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра. 1994. С. 78–79.
- 174 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 74.
- 175 - Афанасий Великий, святитель. Творения в 4 томах. Т. 1. М., 1994. С. 284–285.
- 176 - Там же. Т. 1. С. 329.
- 177 - Цит. по: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4., М., 1994. С. 57.
- 178 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 66–67.
- 179 - Там же. С. 67.
- 180 - См. Петр (Л'Юилье), архиепископ. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 338.
- 181 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 63.
- 182 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 86–87.
- 183 - Созомен. Цит. изд. С. 190.
- 184 - Там же.
- 185 - Там же. С. 191.
- 186 - Там же. С. 200.
- 187 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 125.
- 188 - Павлов А. С. Курс церковного права. СПб, 2002. С. 44.
- 189 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 87.
- 190 - Святитель Афанасий Великий. Творения в четырех томах. Т. 2, М., 1994. С. 123–125.
- 191 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 73.
- 192 - Созомен. Цит. изд. С. 230.
- 193 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 102.
- 194 - См.: Карташев А. В. Цит. изд. С. 76.
- 195 - Там же.
- 196 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 94–95.
- 197 - Там же. С. 95
- 198 - Афанасий Великий. Цит. изд. Т. 2. С. 174–175.
- 199 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 67.
- 200 - Афанасий Великий. Цит. изд. Т. 2. С. 80.

- 201 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 79.
- 202 - Афанасий Великий. Цит. изд. Т. 2. С. 137.
- 203 - См.: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 68.
- 204 - Шмеман Александр, протоиерей. Цит. изд. С. 128.
- 205 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 81.
- 206 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 94–95.
- 207 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 80.
- 208 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 95.
- 209 - Цит. по: Созомен. Цит. изд. С. 250–252.
- 210 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 107.
- 211 - Цит. по: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 77.
- 212 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 86.
- 213 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 120.
- 214 - Созомен. Цит. изд. С. 282.
- 215 - Там же. С. 283.
- 216 - Афанасий Великий. Цит. изд. Т. 3. С. 146–147.
- 217 - Цит. по: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 59.
- 218 - Цит. по: Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998. С. 124.
- 219 - Там же. С. 125.
- 220 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 134.
- 221 - Цит. по: Успенский ФМ. История Византийской империи. Т. 1. М., 1996. С. 90.
- 222 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 362.
- 223 - См.: Ковалев С. И. История Рима. М. – СПб., 2006. С. 805.
- 224 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. Т. 1. С. 82.
- 225 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 259.
- 226 - Там же.
- 227 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. Там же. С. 261.
- 228 - Там же. С. 261–262.
- 229 - Там же. С. 237–238.
- 230 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 357.

- 231 - Цит по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 80.
- 232 - Павел Орозий. История против язычников. СПб, 2009. С. 479.
- 233 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 66.
- 234 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 148.
- 235 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 362.
- 236 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 86–87.
- 237 - Павел Орозий. Цит. изд. С. 479.
- 238 - См.: Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 87.
- 239 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 262.
- 240 - Там же. С. 279–280.
- 241 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 83–84.
- 242 - Там же. С. 84.
- 243 - Там же.
- 244 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 123.
- 245 - Созомен. Цит. изд. С. 328.
- 246 - Там же. С. 330–331.
- 247 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 150.
- 248 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 72.
- 249 - Там же. С. 71.
- 250 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 147–148.
- 251 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 295.
- 252 - Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М., 1991. С. 456.
- 253 - Васильев А.А. Цит. изд. С. 126–127.
- 254 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 83.
- 255 - Там же.
- 256 - Там же.
- 257 - Там же.
- 258 - Цит. по: Там же. С. 81.
- 259 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 346–347.
- 260 - Там же. С. 347.
- 261 - Там же. С. 355.

- 262 - Созомен. Цит. изд. С. 378–379.
- 263 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 136.
- 264 - Там же.
- 265 - Там же. С. 135.
- 266 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 357–358.
- 267 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 157.
- 268 - Цит. по: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последнее века. Кн. 1. М., 1988. С. 404–405.
- 269 - Там же. С. 400–401.
- 270 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 157.
- 271 - См.: Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 370.
- 272 - Там же. С. 374.
- 273 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 163.
- 274 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 378.
- 275 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 378–379.
- 276 - Там же. С. 533.
- 277 - Созомен. Цит. изд. С. 388.
- 278 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 387.
- 279 - Там же. С. 570.
- 280 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 391–392.
- 281 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 172.
- 282 - Norwich John Julius, cit. op. S. 112–113.
- 283 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 425.
- 284 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 503–504.
- 285 - Там же. С. 525–526.
- 286 - Там же. С. 526.
- 287 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 199.
- 288 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 533.
- 289 - Там же.
- 290 - Там же. С. 532.
- 291 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 200.
- 292 - См.: Иордан. Цит. изд. С. 83.
- 293 - Иордан. Цит. изд. С. 84.

- 294 - См.: Там же. С. 83.
- 295 - В. Хенсель. Венеты, венецы и их связь с населением Северной Италии и Польши. – Древности славян и Руси. М., 1988. С. 158.
- 296 - Там же. С. 158–159.
- 297 - См.: Там же. С. 159.
- 298 - Иордан. Цит. изд. С. 84.
- 299 - Там же.
- 300 - Там же. С. 67.
- 301 - Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь. Тверь – М., 1996. С.125–126.
- 302 - Там же. С. 125.
- 303 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 540.
- 304 - См.: Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 125.
- 305 - Иордан. Цит. изд. С. 84.
- 306 - См.: Там же. С. 261.
- 307 - Там же. С. 83.
- 308 - Там же.
- 309 - Там же. С. 84.
- 310 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 538.
- 311 - Там же.
- 312 - Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 120.
- 313 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 538.
- 314 - Гумилев Л. Н. Цит. изд. С. 121.
- 315 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 538–539.
- 316 - Там же. С. 539.
- 317 - Там же. С. 539.
- 318 - Там же.
- 319 - Паркер Эдуард. Татары. История возникновения великого народа. М., 2008. С. 9–12.
- 320 - Паркер. Цит. изд. С. 16.
- 321 - Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1992. С. 23.

- 322 - Паркер. Цит. изд. С. 17.
- 323 - Паркер. Цит. изд. С. 27.
- 324 - Паркер. Цит. изд. С. 49–50.
- 325 - Там же. С. 50–51.
- 326 - Там же. С. 51.
- 327 - Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 81–82.
- 328 - Там же. С. 83.
- 329 - Там же.
- 330 - Там же. С. 83–84.
- 331 - Иордан. Цит. изд. С. 84–85.
- 332 - Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 102.
- 333 - Иордан. Цит. изд. С. 85.
- 334 - Созомен. Цит. изд. С. 464.
- 335 - Иордан. Цит. изд. С. 85.
- 336 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 542.
- 337 - Азимов Айзек. Темные века. Раннее средневековье в хаосе войн. М., 2006. С. 38.
- 338 - Иордан. Цит. изд. С. 108.
- 339 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 543.
- 340 - Иордан. Цит. изд. С. 86.
- 341 - Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 107.
- 342 - Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1904. P. 408.
- 343 - Иордан. Цит. изд. С. 86.
- 344 - Там же.
- 345 - Norwich John Julius, cit. op. P. 118.
- 346 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 64.
- 347 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 565–566.
- 348 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 566–567.
- 349 - Там же. С. 568.
- 350 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 570.
- 351 - Там же.
- 352 - Орозий. Цит. изд. С. 484.

- 353 - Norwich John Julius, cit. op. P. 117.
- 354 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 386–387.
- 355 - Цит. по: Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 387.
- 356 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 98.
- 357 - Орозий. Цит. изд. С. 487.
- 358 - Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. II. Кн. 1. М., 2006. С. 303.
- 359 - Цит. по: Величко А. М. История византийских императоров в 5 томах. Т. I. М., 2009. С. 254.
- 360 - Орозий. Цит. изд. С. 488.
- 361 - Величко А. М. Цит. изд. С. 228.
- 362 - Цит. по: Величко А. М. Цит. изд. С. 229.
- 363 - Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 31.
- 364 - Орозий. Цит. изд. С. 490.
- 365 - Там же.
- 366 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 96.
- 367 - Цит. по: Величко А. М. Цит. изд. С. 279.
- 368 - Там же. С. 281.
- 369 - Величко А. М. Цит. изд. С. 281.
- 370 - Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 102.
- 371 - Величко А. М. Цит. изд. С. 263.
- 372 - Величко А. М. Цит. изд. С. 284.
- 373 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 386.
- 374 - Афанасий Великий, святитель. Творения в 4 томах. Т. 3. М., 1994. С. 176.
- 375 - Карташев А.В. Цит. изд. С. 103.
- 376 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 390.
- 377 - См.: Созомен. Цит. изд. С. 171.
- 378 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 390.
- 379 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 85.
- 380 - Святитель Григорий Нисский. Догматические сочинения. Т. 1. Краснодар, 2006. С. 152.

- 381 - Созомен. Цит. изд. С. 425.
- 382 - Там же.
- 383 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 106–107.
- 384 - Афанасий Великий. Цит. изд. Т. 3. С. 366.
- 385 - Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1. Св. – Троицева Сергиева Лавра. 1994. Т. 1. С. 616.
- 386 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 618.
- 387 - Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Париж, 1931, репр. М., 1992. С. 58.
- 388 - Василий Великий. Творения. Т. 3. М., 1993. С. 40–41.
- 389 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 89.
- 390 - Цит. по: Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 77–78.
- 391 - Там же. С. 78.
- 392 - Там же. С. 81.
- 393 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. С. 443–444.
- 394 - Православная Энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 150.
- 395 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 645.
- 396 - Там же. С. 652.
- 397 - Там же. С. 653–654.
- 398 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 106.
- 399 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 2. С. 368.
- 400 - Там же. С. 368–369.
- 401 - Там же. С. 369–370.
- 402 - Цит. по: Гидулянов П. В. Восточные Патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Ярославль, 1908. С. 475.
- 403 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 211.
- 404 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 2. С. 378.
- 405 - Карташев АВ. Цит. изд. С. 129.
- 406 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 180–181.
- 407 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 385.
- 408 - Там же. С. 386.

- 409 - Там же.
- 410 - Там же. С. 389–390.
- 411 - Вселенские Соборы. М., 2005. С. 41.
- 412 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 212.
- 413 - Гидулянов П. В. Восточные Патриархи в период первых четырех Все ленских Соборов. Ярославль, 1908. С. 494.
- 414 - См.: Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматин ско-Истрийского. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра. 1996. С. 259–262.
- 415 - Петр Л'Юилье, архиепископ. Правила четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 210.
- 416 - Там же. С. 211–212.
- 417 - Cavallera F., Le schisme d Antioche, Paris, 1905. P. 248, note 2.
- 418 - Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 38.
- 419 - Цит. по: Карташев А В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 143.
- 420 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 189.
- 421 - Цит. по: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 74–75.
- 422 - Там же. С. 76.
- 423 - Norwich, John Julius, cit. op. S. 123.
- 424 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 3. С. 78–79.
- 425 - Святитель Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 451.
- 426 - Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Цит. изд. Т. 2. С. 424.
- 427 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 124.
- 428 - Свт. Григорий Нисский. Догматические сочинения. Т. 1. Краснодар, 2006. С. 327–328.
- 429 - Свт. Григорий Нисский. Цит. изд. Т. 1. С. 39–40.
- 430 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 136.
- 431 - Там же. С. 137–138.
- 432 - Свт. Григорий Нисский. Цит. изд. Т. 1. С. 358–359.
- 433 - Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1993. С. 124.

- 434 - Там же. С. 138.
- 435 - Там же. С. 152.
- 436 - Там же. С. 174.
- 437 - Там же. С. 185.
- 438 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 516.
- 439 - Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 19.
- 440 - Pernoud Regine. Martin von Tours. Freiburg. Basel. Wien. 1997, 26.
- 441 - Pernoud Regine, cit. op. P. 164.
- 442 - Ibidem. P. 163–164.
- 443 - Ibidem. P. 190.
- 444 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 7.
- 445 - Григорий Богослов. Цит. изд. Т. 1. С. 612–613.
- 446 - Там же. С. 616–617.
- 447 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 260.
- 448 - Гийу Андре. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 316.
- 449 - Cavallo Guglielmo. Lire a Byzance. Paris, 2006. P. 12.
- 450 - Baynes N. H. The Historia Augusta, its date and purpose. London, 1926.
- 451 - Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 30.
- 452 - Там же. С. 28.
- 453 - См.: Феофан Византиец. Цит. изд. С. 74.
- 454 - Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV–X вв. и античные традиции. Византийская литература. М., 1974. С. 37.
- 455 - Коровина А. К., Сидорова Н.А. Города Кипра. М., 1973. С. 74.
- 456 - Цит. по: Успенский Л. А. Богословие иконы. Париж, 1989. С. 53–54.
- 457 - Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 23–24.
- 458 - Там же. С. 26.
- 459 - Лазарев В. Н. Цит. изд. С. 24.

- 460 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 88–89.
461 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 28.
462 - Цит.: Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 28–29.
463 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 41.
464 - Цит. по: Гийу Андре. Цит. изд. С. 291–292.
465 - Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. II. 1938. С. 679.
466 - Цит. по: Ковалев С. И. Цит. изд. С. 811.
467 - Там же. С. 811.
468 - Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 2006. С. 609–610.
469 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 435.
470 - Машкин Н.А. Цит. изд. С. 609.
471 - Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997. С. 26.
472 - Цит. по: Дашков С. Б. Цит. изд. С. 26.
473 - Norwich, John Julius, cit. op. S. 132.
474 - Аммиан Марцеллин. Цит. изд. С. 276.
475 - Cit.: Norwich, John Julius, cit. op. S. 134.
476 - Иордан. Цит. изд. С. 89.
477 - Созомен. Цит. изд. С. 615.
478 - Васильев А. А. Цит. изд. С. 150–151.
479 - Cit.: Norwich, John Julius, cit. op. S. 138.
480 - Иордан. Цит. изд. С. 89.
481 - Там же. С. 90.
482 - См. Иордан. Цит. изд. С. 289.
483 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 46.
484 - Иордан. Цит. изд. С. 89.
485 - Орозий. Цит. изд. С. 494.
486 - Там же. С. 494.
487 - Там же.
488 - Там же. С. 496.
489 - Орозий. Цит. изд. С. 496.
490 - Там же. С. 496–497.

- 491 - Созомен. Цит. изд. С. 627.
- 492 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 265.
- 493 - Там же. С. 265.
- 494 - См. Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 48.
- 495 - Там же. С. 48.
- 496 - Орозий. Цит. изд. С. 497.
- 497 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 48.
- 498 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 275.
- 499 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 51.
- 500 - См.: Иордан. С. 290.
- 501 - Созомен. Цит. изд. С. 625.
- 502 - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 179.
- 503 - Там же. С. 180.
- 504 - Иордан. С. 90.
- 505 - Созомен. Цит. изд. С. 625.
- 506 - Орозий. Цит. изд. С. 497.
- 507 - Там же. С. 498.
- 508 - Там же.
- 509 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 59–60.
- 510 - Цит. по: Грегоровиус Ф. С. 63.
- 511 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 487.
- 512 - Блаженный Августин. О Граде Божием в 22 книгах. Т. 1. М., 1994. С. 3.
- 513 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 180.
- 514 - Орозий. Цит. изд. С. 498.
- 515 - Ковалев С. И. Цит. изд. С. 820.
- 516 - Орозий. Цит. изд. С. 499.
- 517 - Иордан. Цит. изд. С. 91.
- 518 - Там же. С. 91.
- 519 - Там же.
- 520 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 78–79.
- 521 - Васильев А. А. Цит. изд. С. 154.

- 522 - Орозий. Цит. изд. С. 505.
- 523 - Созомен. Цит. изд. С. 632–633.
- 524 - Орозий. Цит. изд. С. 504.
- 525 - Иордан. Цит. изд. С. 92.
- 526 - Там же.
- 527 - Орозий. Цит. изд. С. 506.
- 528 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 66.
- 529 - Там же.
- 530 - Созомен. Цит. изд. С. 607–608.
- 531 - Там же. С. 608.
- 532 - Созомен. Цит. изд. С. 608.
- 533 - Там же. С. 608–609.
- 534 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 286.
- 535 - Там же.
- 536 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 280.
- 537 - Феодорит, епископ Кирский. Цит. изд. С. 212–213.
- 538 - Там же. С. 213.
- 539 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 205.
- 540 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 172.
- 541 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 218.
- 542 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 207–208.
- 543 - Там же. С. 213.
- 544 - Цит. по: Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 214.
- 545 - Цит. по: Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 215.
- 546 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 174.
- 547 - Там же. С. 175.
- 548 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 207.
- 549 - Карташев А.В. Цит. изд. С. 184.
- 550 - Цит. по: Карташев А В. Цит. изд. С. 164.
- 551 - См.: Карташев А. В. Цит. изд. С. 166.
- 552 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 168.
- 553 - Цит. по: Карташев А В. Цит. изд. С. 168.
- 554 - Флоровский Г. В. Цит. изд. С. 200.

- 555 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 177.
- 556 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 256.
- 557 - Святой Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2, СПб., 1898. С. 607.
- 558 - Sieh Norwich, John Julius, cit. op. S. 145.
- 559 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 185.
- 560 - Там же. С. 187.
- 561 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 280.
- 562 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 160.
- 563 - Карташев АВ. Цит. изд. С. 160.
- 564 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 170.
- 565 - Там же.
- 566 - Там же. С. 184.
- 567 - Цит. по: Васильев А. А. Цит. изд. С. 155.
- 568 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 81.
- 569 - Там же.
- 570 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 36.
- 571 - Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 131.
- 572 - См.: Величко А. М. Цит. изд. С. 352.
- 573 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 93.
- 574 - Тьерри Амедей. Ересии V века. Несторий и Евтихий. Минск, 2006. С. 199.
- 575 - Sieh Fuchs F. Die Hoeheren Schulen von Konstantinople im Mittelalter. Berlin und Leipzig, 1926. S. 2.
- 576 - Кулаковский Ю.А. История Византии в 3 т. Т. 1. СПб, 2003. С. 293–295.
- 577 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 287.
- 578 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 90.
- 579 - Сократ Схоластик Цит. изд. С. 287.
- 580 - Дашков С. Б. Цит. изд. С. 35.
- 581 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 195–196.
- 582 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1, СПб, 1996. С. 585–586.

- 583 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 13.
584 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 198.
585 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 13.
586 - Карташев А.В. Цит. изд. С. 198.
587 - Сократ Схоластик. Цит. изд. С. 294.
588 - Там же.
589 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 18.
590 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 138–139.
591 - Флоровский Г.В. Восточные отцы V–VIII веков. Париж, 1933. С. 9.
592 - Там же.
593 - Там же. С. 10.
594 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. Цит. изд. С. 142–143.
595 - Там же. С. 143.
596 - Там же. С. 144.
597 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 145–146.
598 - Там же. С. 147.
599 - Там же. С. 153.
600 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 153.
601 - Там же. С. 149–150.
602 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 32.
603 - Карташев АВ. Цит. изд. С. 208.
604 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 167–168.
605 - Там же. С. 168.
606 - Цит. по: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 52–53.
607 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 168.
608 - Там же. С. 407–414.
609 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 408.
610 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 188.
611 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 188–190.
612 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 60–61.
613 - См.: Там же. С. 61.
614 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 202.

- 615 - Там же. С. 203.
- 616 - Там же. С. 203, прим.
- 617 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 202.
- 618 - Цит. по: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 63.
- 619 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 208.
- 620 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 44–45.
- 621 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 208.
- 622 - Там же. С. 209.
- 623 - Цит. по: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 69.
- 624 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 199–200.
- 625 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 92.
- 626 - Там же. С. 93.
- 627 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 213.
- 628 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 93–94.
- 629 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 218.
- 630 - Там же. С. 220.
- 631 - Вселенские Соборы. М., 2005. С. 55–56.
- 632 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 228.
- 633 - Там же. С. 231.
- 634 - Там же. С. 238.
- 635 - Там же.
- 636 - Там же.
- 637 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 244–245.
- 638 - Там же. С. 245.
- 639 - Там же.
- 640 - Там же. С. 260.
- 641 - Там же. С. 266.
- 642 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 270.
- 643 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 98.
- 644 - См.: Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 57.
- 645 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. С. 286.
- 646 - См.: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 105.
- 647 - См.: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 111.

- 648 - Там же. С. 113.
- 649 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 296.
- 650 - Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 59.
- 651 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 355–356.
- 652 - Там же. С. 354.
- 653 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 147.
- 654 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 361.
- 655 - Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 61.
- 656 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 361–363.
- 657 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 161.
- 658 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 228.
- 659 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 1. С. 535.
- 660 - Там же.
- 661 - Там же. С. 541.
- 662 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 164.
- 663 - Цит. по: Карташев А. В. Цит. изд. С. 260.
- 664 - Там же. С. 259.
- 665 - Там же. С. 260.
- 666 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. СПб., 1996. С. 400.
- 667 - Там же. С. 401.
- 668 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 201.
- 669 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 2. СПб, 1996. С. 129.
- 670 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 237.
- 671 - См.: Карташев А. В. Цит. изд. С. 245.
- 672 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 2. С. 94.
- 673 - Там же. С. 94–95.
- 674 - Там же. С. 113.
- 675 - Там же.
- 676 - Там же. С. 115.
- 677 - Там же. С. 118.
- 678 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 209–210.
- 679 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 2. С. 126.
- 680 - Там же.

- 681 - См.: Там же. С. 128–129.
- 682 - Там же. С. 130–131.
- 683 - Цит. по: В. В. Болотов. Цит. изд. Т. 4. С. 253–254.
- 684 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 230.
- 685 - Деяния Вселенских Соборов. Т. II. СПб, 1996. С. 233.
- 686 - Там же.
- 687 - Там же. С. 234.
- 688 - Там же. С. 235.
- 689 - Там же. С. 237.
- 690 - Деяния Вселенских Соборов. Т. II. С. 17.
- 691 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 248.
- 692 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 243.
- 693 - Там же. С. 242.
- 694 - Там же. С. 243.
- 695 - Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 245.
- 696 - Цит. по: Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 261.
- 697 - См.: Карташев А. В. Цит. изд. С. 251.
- 698 - Там же.
- 699 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 207.
- 700 - Карташев АВ. Цит. изд. С. 252.
- 701 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 207.
- 702 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 212.
- 703 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 253.
- 704 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 33.
- 705 - Там же. С. 47.
- 706 - Там же. С. 45.
- 707 - Цит. по: Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 21.
- 708 - Бродель Фернан. Что такое Франция? Люди и вещи. М., 1995. С. 86.
- 709 - Там же. С. 87.
- 710 - Мюссе Люсьен. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 198.

- 711 - Там же. С. 306, прим.
- 712 - Там же. С. 198–199.
- 713 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 54.
- 714 - Иордан. Цит. изд. С. 94.
- 715 - Там же.
- 716 - Там же. С. 94–95.
- 717 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 269.
- 718 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 72.
- 719 - Loewe, Heinz. Deutschland im fraenkischen Reich. – Gebhardt Bruno. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1956. S. 81.
- 720 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 81.
- 721 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 85.
- 722 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 39.
- 723 - Там же. С. 39.
- 724 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 88.
- 725 - См.: Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 88.
- 726 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 124.
- 727 - Там же. С. 125.
- 728 - Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб., 2001. С. 214–215.
- 729 - Там же. С. 215.
- 730 - Там же. С. 216.
- 731 - См.: Мюссе Люсьен. Цит. изд.. С. 125.
- 732 - Томпсон Эдвард А. Гунны. М., 2008. С. 22.
- 733 - Там же. С. 23, прим.
- 734 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 480.
- 735 - Там же.
- 736 - Иордан. Цит. изд. С. 110.
- 737 - Там же. С. 333, прим.
- 738 - См.: Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 39–42.
- 739 - Томпсон Эдвард А. Цит. изд. С. 65–66.

- 740 - Там же. С. 69.
- 741 - См.: Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 147–151.
- 742 - Там же. С. 159.
- 743 - Томпсон Эдвард А. Цит. изд. С. 46.
- 744 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 496.
- 745 - Там же. С. 498–499.
- 746 - Томпсон Эдвард А. Цит. изд. С. 83.
- 747 - См.: Там же. С. 93.
- 748 - Иордан. Цит. изд. С. 95–96.
- 749 - Там же. С. 96.
- 750 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 456.
- 751 - Там же. С. 457.
- 752 - Там же. С. 457–58.
- 753 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 470.
- 754 - Там же. С. 485.
- 755 - Там же. С. 485.
- 756 - Там же. С. 485–486.
- 757 - Там же. С. 494–495.
- 758 - Там же. С. 501–503.
- 759 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 460–461.
- 760 - Там же. С. 464.
- 761 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 468.
- 762 - Там же. С. 467–468.
- 763 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 472.
- 764 - Там же. С. 473–474.
- 765 - Там же. С. 476.
- 766 - Там же.
- 767 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 506.
- 768 - Там же. С. 507.
- 769 - Иордан. Цит. изд. С. 98
- 770 - Там же. С. 98–99.
- 771 - Там же. С. 100.
- 772 - Иордан. Цит. изд. С. 101.

- 773 - Там же. С. 102.
- 774 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 188.
- 775 - Иордан. Цит. изд. С. 103.
- 776 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 351.
- 777 - Иордан. Цит. изд. С. 109.
- 778 - Там же. С. 109.
- 779 - Там же. С. 164.
- 780 - Томпсон Эдвард А. Цит. изд. С. 180.
- 781 - Иордан. Цит. изд. С. 110.
- 782 - Там же.
- 783 - Там же.
- 784 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 553.
- 785 - Иордан. Цит. изд. С. 111.
- 786 - См.: Там же.
- 787 - Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб, 2010. С. 484.
- 788 - Дашков С. Б. Цит. изд. С. 38.
- 789 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 99.
- 790 - Sieh Sickel W. Das byzantinische Kroenungsrecht bis zum 10. Jhr. – Byzantinische Zeitschrift, 7 (1898). S. 517–518).
- 791 - Sieh Ensslin W. Zur Frage nach der ersten Kaiserkrönung durch den Patriarchen und zur Bedeutung dieses Aktes im Wahlzeremoniell. – Byzantinische Zeitschrift, 42 (1943). S. 100–115).
- 792 - Величко А. М. Цит. изд. Т. 1. С. 441–442.
- 793 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 100.
- 794 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 185–186.
- 795 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 100.
- 796 - Там же. С. 511.
- 797 - Цит. по: Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 182.
- 798 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 76.
- 799 - Там же.
- 800 - Там же. С. 77.

- 801 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 78.
- 802 - См.: Там же. С. 81.
- 803 - Цит. по: Тьерри Амедей. Цит. изд. С. 280.
- 804 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 2. СПб, 1996. С. 50.
- 805 - Там же. С. 54.
- 806 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 109–110.
- 807 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 66.
- 808 - Там же.
- 809 - Там же. С. 69.
- 810 - Там же.
- 811 - Там же.
- 812 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 69.
- 813 - Там же. Т. 2. С. 69.
- 814 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 266.
- 815 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 107.
- 816 - Там же. Т. 2. С. 219.
- 817 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 219.
- 818 - Там же. Т. 2. С. 220.
- 819 - Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 82.
- 820 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 229.
- 821 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. М., 1994. С. 258.
- 822 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 2. С. 248.
- 823 - Там же. С. 266.
- 824 - Там же. С. 268.
- 825 - Вселенские Соборы. Цит. изд. С. 84.
- 826 - Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. СПб, 1996. С. 23.
- 827 - Там же. С. 25.
- 828 - Там же.
- 829 - Там же. С. 28–29.
- 830 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 3. С. 35.
- 831 - Там же. С. 43.
- 832 - Там же.
- 833 - Там же.

- 834 - Там же. С. 43–44.
- 835 - Там же. С. 44.
- 836 - Там же.
- 837 - Там же. Т. 3. С. 45.
- 838 - Там же.
- 839 - Там же.
- 840 - Там же. С. 48.
- 841 - Там же. Т. 3. С. 26.
- 842 - Там же. С. 48.
- 843 - Деяния Вселенских Соборов. Цит. изд. Т. 3. С. 55–56.
- 844 - Там же. С. 56.
- 845 - Там же. С. 68.
- 846 - Там же. С. 68–69.
- 847 - Там же. С. 69.
- 848 - Там же. С. 74.
- 849 - Там же. С. 75.
- 850 - Там же.
- 851 - Там же. С. 90.
- 852 - Там же.
- 853 - Архиепископ Петр (Л'Юилье). Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 330.
- 854 - См.: Петр Л'Юилье. Цит. изд. С. 335–345.
- 855 - Цит. по: Дагрон Жильбер. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме». СПб, 2010. С. 87.
- 856 - Там же.
- 857 - Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 87–88.
- 858 - Цит. по: Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. СПб, 2003. С. 316–318.
- 859 - Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 88.
- 860 - Там же. С. 89–90.
- 861 - Там же. С. 90.
- 862 - Успенский Ф. И. Цит. изд. С. 208.
- 863 - Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 90.

- 864 - Цит. по: Величко А. М. Цит. изд. Т. 1. С. 513.
- 865 - Евагрий Схоластик Цит. изд. С. 139–140.
- 866 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик Цит. изд. С. 486.
- 867 - См.: Величко А. М. Цит. изд. Т. 1. С. 513.
- 868 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 529.
- 869 - Там же. С. 529–530.
- 870 - Там же. С. 530.
- 871 - Цит. по: Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 83–84.
- 872 - Там же. С. 85.
- 873 - См.: Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 191.
- 874 - Там же. С. 192.
- 875 - Там же. С. 193.
- 876 - Там же.
- 877 - Там же. С. 194.
- 878 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 485.
- 879 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 88.
- 880 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 175.
- 881 - Там же.
- 882 - Величко А. М. Цит. изд. Т. 1. С. 527–528.
- 883 - Острогорский Георгий. История Византийского государства. М., 2011. С.104–105.
- 884 - См.: Феофан Византиец. Цит. изд. С. 115.
- 885 - См.: Евагрий Схоластик. С. 177, прим. 5.
- 886 - Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец. СПб, 1868. С. 237.
- 887 - Там же.
- 888 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 489.
- 889 - Цит. по: Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 90.
- 890 - Там же. С. 90–91.
- 891 - Там же. С. 91.

- 892 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик.
Цит. изд. С. 490.
- 893 - Там же. С. 492.
- 894 - Там же.
- 895 - Иоанн Никиусский. Хроника. – Евагрий Схоластик. Цит.
изд. С. 551.
- 896 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик.
Цит. изд. С. 493.
- 897 - Величко А. М. Цит. изд. Т. 1. С. 585.
- 898 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 232–233.
- 899 - Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 94–95.
- 900 - Там же. С. 95–96.
- 901 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик.
Цит. изд. С. 494.
- 902 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 21.
- 903 - Там же. С. 22.
- 904 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 135.
- 905 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 23.
- 906 - Там же. С. 24.
- 907 - Там же.
- 908 - Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990. С.
310.
- 909 - См.: Дашков С. Б. Цит. изд. С. 53.
- 910 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 271.
- 911 - См.: Дашков С. Б. Цит. изд. С. 53.
- 912 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 381.
- 913 - Болотов В. В. Цит. изд. Т. 4. С. 315.
- 914 - Там же. Т. 4. С. 321.
- 915 - Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 185.
- 916 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 103.
- 917 - Диль Шарль. Византийские портреты. М., 2011. С. 66.
- 918 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 128.
- 919 - Там же. С. 130.

- 920 - Там же. С. 132.
- 921 - Захарий Ритор. Церковная история. – Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 446.
- 922 - Там же.
- 923 - Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 179–180.
- 924 - Там же. С. 179, прим. 3.
- 925 - Там же. С. 180–181.
- 926 - Тойнби А. Дж. Цит. изд. С. 516.
- 927 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 115.
- 928 - Там же.
- 929 - Цит. по: Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 188.
- 930 - Там же. С. 200.
- 931 - Карташев А. В. Цит. изд. С. 304.
- 932 - Иоанн Малала. Хронография. – Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 490.
- 933 - Иоанн Никиусский. Хроника. – Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 549.
- 934 - Цит. по : Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 380.
- 935 - Там же. С. 380–381.
- 936 - Дагрон Жильбер. Цит. изд. С. 382.
- 937 - Maxime des Sardes, metropolite. Le Patriarchat oecumenique dans l'Eglise Orthodoxe. Paris, 1975. P. 76.
- 938 - См.: Заозерский Н. О власти. Сергиев Посад, 1912. С. 241–242.
- 939 - Мейендорф Иоанн, протоиерей. Византийское богословие. Минск, 2007. С. 43–44.
- 940 - Настольная книга священнослужителей. Т. 2. М., 1978. С. 363–364.
- 941 - См.: Евагрий Схоластик. Цит. изд. С. 240, прим. 2.
- 942 - Православная Энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 462.
- 943 - Флоровский Г. В. свящ. Византийские отцы. V–VIII. С. 95–96.
- 944 - Цит. по: Флоровский Г. В. свящ. Византийские отцы. V–VIII. С. 101.

- 945 - Там же. С. 101–102.
946 - Там же. С. 110.
947 - Там же. С. 116–117.
948 - Мейендорф Иоанн, протоиерей. Цит. изд. С. 44.
949 - Гийу Андре. Цит. изд. С. 323–324.
950 - Гийу Андре. Цит. изд. С. 324.
951 - Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 174.
952 - Васильев А. А. Цит. изд. С. 159.
953 - Соловьев В. С. Прокл – Энциклопедический словарь. Т
25. СПб., 1898. С. 383–384.
954 - Философская Энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 389.
955 - Цит. по: Голенищев-Кутузов И. Я. Цит. изд. С. 105.
956 - Там же.
957 - Цит. по: Голенищев-Кутузов И.Н. Цит. изд. С. 103–104.
958 - Майоров Г. Г. Судьба и дело Боэция. – Боэций.
«Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 390–
391.
959 - Боэций. Цит. изд. С. 190.
960 - Там же. С. 191.
961 - Там же. С. 290.
962 - Голенищев-Кутузов И.Н. Цит. изд. С. 108.
963 - Майоров Г. Г. Судьба и дело Боэция. – Боэций. Цит.
изд. С. 392.
964 - Там же. С. 393.
965 - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 489.
966 - Там же. С. 491.
967 - Там же.
968 - Там же. С. 491–492.
969 - Цит. по: Византийская лит. Цит. изд. С. 41–42.
970 - Там же. С. 44.
971 - Диль Шарль. Византийские портреты. М., 2011. С. 72–
73.
972 - Византийская лит. Цит. изд. С. 46.

- 973 - Голенищев-Кутузов И. Н. Цит. изд. С. 40.
- 974 - Брунов Н. И. Архитектура Византии. – Всеобщая История Архитектуры. Т. 3. Л. – М. 1966. С. 34.
- 975 - Опочинская А. И. Рим. М., 1995. С. 95.
- 976 - Лазарев В. Н. Цит. изд. С. 31.
- 977 - Там же. С. 32.
- 978 - Лазарев В. Н. Цит. изд. С. 34.
- 979 - См.: Там же. С. 34.
- 980 - Hauser Arnold. Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. Bd. 1. Muenchen, 1953. S. 135–136.
- 981 - Гийу Андре. Цит. изд. С. 205–206.
- 982 - Левченко М. В. История Византии. М. – Л. 1940. С. 13.
- 983 - Левченко М. В. Цит. изд. С. 15–16.
- 984 - Там же. С. 16.
- 985 - Писания мужей апостольских. М., 1862. С. 429.
- 986 - Райс Дэвид Т. Византийцы. Наследники Рима. М., 2009. С. 114.
- 987 - См.: Успенский Ф.И. Цит. изд. С. 161–168.
- 988 - Hauser. Cit. op. S. 136.
- 989 - Прокопий Кесарийский. Цит. изд. С. 381.
- 990 - Иордан. Цит. изд. С. 113.
- 991 - Там же. С. 115.
- 992 - Там же.
- 993 - Там же. С. 116.
- 994 - Там же.
- 995 - Там же. С. 354–355, прим. 735.
- 996 - Там же. С. 355, прим. 736.
- 997 - Иордан. Цит. изд. С. 117.
- 998 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 164.
- 999 - Там же.
- 1000 - Иордан. Цит. изд. С. 118.
- 1001 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 103.
- 1002 - Там же. С. 110–111.

- 1003 - Иордан. Цит. изд. С. 119.
1004 - Грегоровиус Ф. Цит. изд. С. 118.
1005 - Иордан. Цит. изд. С. 119.
1006 - Иордан. Цит. изд. С. 104.
1007 - Там же.
1008 - Иордан. Цит. изд. С. 106.
1009 - Там же.
1010 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 47.
1011 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 55.
1012 - Васильев А.А. Цит. изд. С. 160.
1013 - См.: Бобчев Стефан С. История на старобългарското право. София, 1910. С.117–120.
1014 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 48.
1015 - Там же. С. 54.
1016 - Там же.
1017 - Там же. С. 55.
1018 - См.: Иордан. Цит. изд. С. 119.
1019 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 66.
1020 - Там же.
1021 - Иордан. Цит. изд. С. 105.
1022 - Там же.
1023 - Там же.
1024 - Там же. С. 160.
1025 - Там же. С. 105.
1026 - Мюссе Люсьен. Цит. изд., прим. 54. С. 319.
1027 - Цит. по: История средних веков. Т. 1, М., 1977. С. 74.
1028 - См.: Григорий Турский. Цит. изд. С. 48.
1029 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 51.
1030 - Там же.
1031 - Там же. С. 52.
1032 - Там же. С. 53.
1033 - Там же.
1034 - Там же.

- 1035 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 80–81.
- 1036 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 284–285.
- 1037 - Loewe Heinz. Deutschland im fraenkischen Land. – Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1., Stuttgart, 1956. S. 97–98.
- 1038 - Бродель Фернан. Цит. изд. С. 86–87
- 1039 - Там же. С. 87–88.
- 1040 - Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 37.
- 1041 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 41.
- 1042 - Там же.
- 1043 - Там же.
- 1044 - Там же. С. 365, прим. 119.
- 1045 - Там же. С. 365.
- 1046 - Там же. С. 47.
- 1047 - Там же. С. 47–48.
- 1048 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 48.
- 1049 - Там же.
- 1050 - Там же.
- 1051 - Там же. С. 48.
- 1052 - Там же. С. 49.
- 1053 - Там же.
- 1054 - Там же.
- 1055 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 50.
- 1056 - Там же.
- 1057 - Там же. С. 50–51.
- 1058 - Там же. С. 50.
- 1059 - Там же. С. 369, прим.
- 1060 - См.: Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 289.
- 1061 - Там же. С. 289.
- 1062 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 57.
- 1063 - Там же.
- 1064 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 289–290.

- 1065 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 57.
- 1066 - Там же.
- 1067 - Там же.
- 1068 - Там же. С. 58.
- 1069 - Там же.
- 1070 - Азимов Айзек Темные века. Раннее средневековье в хаосе войн. М., 2006. С. 83.
- 1071 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 58.
- 1072 - Там же.
- 1073 - Там же.
- 1074 - Там же.
- 1075 - Там же. С. 59.
- 1076 - Там же.
- 1077 - Там же.
- 1078 - Дживилегов А. Салическая правда. – Энциклопедический словарь. (Брокгауз, Ефрон). Т. 56, СПб., 1900. С. 128.
- 1079 - Филиппов И. С. Франкская держава. – История средних веков. Т. 1, под редакцией С. П. Карпова. М., 2010. С. 110.
- 1080 - Цит. по: Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. Цит. изд. С. 37.
- 1081 - Бродель Фернан. Цит. изд. С. 98.
- 1082 - Там же. С. 83.
- 1083 - Там же.
- 1084 - Филиппов И. С. Франкская держава. – История средних веков. Т. 1. Цит. изд. С. 105.
- 1085 - Там же. С. 107.
- 1086 - Там же. С. 106.
- 1087 - Филиппов И. С. Франкская держава. – История средних веков. Т. 1. Цит. изд. С. 107.
- 1088 - История средних веков. Т. 1, М., 1977. С. 88.
- 1089 - Григорий Турский. Цит. изд. С. 42.
- 1090 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 217.

- 1091 - Там же.
- 1092 - Там же. С. 218.
- 1093 - Там же.
- 1094 - Там же.
- 1095 - Там же.
- 1096 - См.: Там же. С. 21.
- 1097 - Там же.
- 1098 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 21.
- 1099 - Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 84.
- 1100 - Там же. С. 79.
- 1101 - Вильсон Дэвид М Англосаксы. Покорители кельтской Британии. М., 2004. С. 24–25.
- 1102 - Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 75.
- 1103 - Прокопий Кесарийский. Война с готами. Цит. изд. С. 82.
- 1104 - Там же.
- 1105 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 291.
- 1106 - Там же. С. 292.
- 1107 - Вильсон Дэвид М. Цит. изд. С. 25.
- 1108 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 21.
- 1109 - Там же.
- 1110 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 126–127.
- 1111 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 21.
- 1112 - Там же. С. 21–22.
- 1113 - Там же. С. 22.
- 1114 - Там же. С. 223.
- 1115 - Там же.
- 1116 - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 128.
- 1117 - Там же.
- 1118 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 22.
- 1119 - Там же. С. 219.

- 1120 - Беда Достопочтенный. Цит. изд. С. 22.
- 1121 - Там же.
- 1122 - Там же. С. 220.
- 1123 - См.: Там же. С. 315, прим. 1327.
- 1124 - Thwaite Anthony. Cit. op. P. 114.
- 1125 - Пауэлл Теренс. Кельты. Воины и маги. М., 2004. С. 65.
- 1126 - Большая Российская Энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 680.
- 1127 - Пауэлл Теренс. Цит. изд. С. 65.
- 1128 - Там же. С. 205–206.
- 1129 - Там же. С. 206.
- 1130 - Там же. С. 207.
- 1131 - Православная Энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 587.
- 1132 - Пауэлл Теренс. Цит. изд. С. 178–179.
- 1133 - Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. – Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 12.
- 1134 - Пауэлл Теренс. Цит. изд. С. 181–182.
- 1135 - Пауэлл Теренс. Цит. изд. С. 85.
- 1136 - Там же. С. 80–81.
- 1137 - Предания и мифы средневековой Ирландии. Цит. изд. С. 41–42.
- 1138 - Смирнов А.А. Древнеирландский эпос. М., 1973. С. 555.
- 1139 - Пауэлл Теренс. Цит. изд. С. 204.
- 1140 - Цит. по: Старшов Евгений. Святые древней Ирландии. М., 2010. С. 129.
- 1141 - Цит. по: Старшов Евгений. Цит. изд. С. 130.
- 1142 - Там же.
- 1143 - Там же. С. 139.
- 1144 - Там же. С. 140.
- 1145 - Там же. С. 141.
- 1146 - Там же. С. 142.
- 1147 - Цит. по: Старшов Евгений. Цит. изд. С. 142.

- ¹¹⁴⁸ - Там же. С. 145.
- ¹¹⁴⁹ - Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Новгород, 2005. С. 1–2.
- ¹¹⁵⁰ - Стартов Евгений. Цит. изд. С. 52.
- ¹¹⁵¹ - Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. – Предания и мифы средневековой Ирландии. Цит. изд. С. 8.
- ¹¹⁵² - Старшов Евгений. Цит. изд. С. 17.
- ¹¹⁵³ - Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. – Предания и мифы средневековой Ирландии. Цит. изд. С. 8.
- ¹¹⁵⁴ - Там же. С. 12.
- ¹¹⁵⁵ - Стартов Евгений. Цит. изд. С. 65.
- ¹¹⁵⁶ - Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. – Предания и мифы средневековой Ирландии. Цит. изд. С. 12–13.
- ¹¹⁵⁷ - Цит. по: Стартов Евгений. Цит. изд. С. 53.
- ¹¹⁵⁸ - Иордан. Цит. изд. С. 65.
- ¹¹⁵⁹ - Там же.
- ¹¹⁶⁰ - Гвин Джонс. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 17.
- ¹¹⁶¹ - Иордан. Цит. изд. С. 65.
- ¹¹⁶² - Дэвидсон Хильда Эллис. Древние скандинавы. Сыны северных богов. М., 2008. С. 94.
- ¹¹⁶³ - Там же. С. 103.
- ¹¹⁶⁴ - Там же. С. 98.
- ¹¹⁶⁵ - Браун Ф. Руны. – Энциклопедический словарь. (Брокгауз, Ефрон). Т. 53. СПб, 1899. С. 290.
- ¹¹⁶⁶ - Гвин Джонс. Цит. изд. С. 22–23.
- ¹¹⁶⁷ - Григорий Турский. Цит. изд. С. 62.
- ¹¹⁶⁸ - См.: Иордан. Цит. изд. С. 115.
- ¹¹⁶⁹ - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 103.
- ¹¹⁷⁰ - Иордан. Цит. изд. С. 115.

- ¹¹⁷¹ - Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965. С. 127.
- ¹¹⁷² - Мюссе Люсьен. Цит. изд. С. 107.
- ¹¹⁷³ - Там же.
- ¹¹⁷⁴ - Тодд Малькольм. Варвары. Древние германцы. М., 2005. С. 147.
- ¹¹⁷⁵ - Иордан. Цит. изд. С. 117.
- ¹¹⁷⁶ - Там же. С. 265–266, прим. 367.
- ¹¹⁷⁷ - Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1988. С. 33.
- ¹¹⁷⁸ - См.: Рыбаков Б. А. Цит. изд. С. 32–35.
- ¹¹⁷⁹ - Иордан. Цит. изд. С. 65.
- ¹¹⁸⁰ - Там же.
- ¹¹⁸¹ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 249.
- ¹¹⁸² - Смирнов А. Я. Угро-финские племена. – История СССР. Т. 1, М., 1966. С. 313.
- ¹¹⁸³ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 249–250.
- ¹¹⁸⁴ - См.: Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 254–255.
- ¹¹⁸⁵ - См.: Гимбутас Мария. Балты. Люди янтарного моря. М., 2004. С. 25–26.
- ¹¹⁸⁶ - Иордан. Цит. изд. С. 84.
- ¹¹⁸⁷ - Гимбутас Мария. Цит. изд. С. 27.
- ¹¹⁸⁸ - См.: Иордан. Цит. изд. С. 83.
- ¹¹⁸⁹ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 244.
- ¹¹⁹⁰ - Гимбутас Мария. Цит. изд. С. 150–151.
- ¹¹⁹¹ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 163–164.
- ¹¹⁹² - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 238.
- ¹¹⁹³ - Там же. С. 124–125.
- ¹¹⁹⁴ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 170.
- ¹¹⁹⁵ - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Цит. изд. С. 168.
- ¹¹⁹⁶ - Миллер Всеволод. Кавказские языки. – Энциклопедические языки. (Брокгауз, Ефрон). Т. 26. СПб, 1894. С. 814.

- ¹¹⁹⁷ - Дербент. – Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. 554.
- ¹¹⁹⁸ - Хан-Магомедов С. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979. С. 15.
- ¹¹⁹⁹ - Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 31.
- ¹²⁰⁰ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 167.
- ¹²⁰¹ - Там же. С. 169.
- ¹²⁰² - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 521–522.
- ¹²⁰³ - Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М, 1993. С. 143.
- ¹²⁰⁴ - Там же. С. 143.
- ¹²⁰⁵ - Шевченко Ю. Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы. С. 39–58.
- ¹²⁰⁶ - Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л., 1967. С. 372–373.
- ¹²⁰⁷ - См.: Иордан. Цит. изд. С. 67.
- ¹²⁰⁸ - Цит. по: Бирнбаум Хенрик. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987. С. 39.
- ¹²⁰⁹ - Там же. С. 19.
- ¹²¹⁰ - Полибий. Всеобщая история. Т. 2, М., 2004. С. 116.
- ¹²¹¹ - Алексеев С. В. Славянская Еврорпа V–VI вв. М., 2008. С. 43.
- ¹²¹² - Иордан. Цит. изд. С. 84.
- ¹²¹³ - Нидерле Любор. Славянские древности. М.. 2010. С. 60.
- ¹²¹⁴ - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 47.
- ¹²¹⁵ - См.: Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 147–148.
- ¹²¹⁶ - Феофан Византиец. Цит. изд. С. 480.
- ¹²¹⁷ - См.: Там же. С. 480–481, прим. 59.
- ¹²¹⁸ - Иордан. Цит. изд. С. 110.
- ¹²¹⁹ - Там же. С. 333, прим. 629.
- ¹²²⁰ - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 48.

- 1221 - Начало русской литературы. XI – начало XII века. – Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 24.
- 1222 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 15–16.
- 1223 - Там же. С. 17.
- 1224 - См.: Там же. С. 16. С. 254.
- 1225 - Там же. С. 254.
- 1226 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 16.
- 1227 - Цит. по: Нидерле Любор. Цит. изд. С. 660, прим. 6
- 1228 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 381.
- 1229 - Там же. С. 388.
- 1230 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 392–393.
- 1231 - Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297.
- 1232 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 395.
- 1233 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 102.
- 1234 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 102.
- 1235 - Рыбаков Б. А. Цит. изд. С. 321.
- 1236 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 410.
- 1237 - Там же. С. 412.
- 1238 - Цит. по: Нидерле Любор. Цит. изд. С. 660, прим. 6.
- 1239 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 103.
- 1240 - Лев Диакон. История. М., 1988. С. 78.
- 1241 - Рыбаков Б. А. Цит. изд. С. 160.
- 1242 - Там же. С. 298.
- 1243 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 104–105.
- 1244 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 419.
- 1245 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 257.
- 1246 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 110.
- 1247 - Рыбаков Б. А. Цит. изд. С. 91–92.
- 1248 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 262.
- 1249 - Там же. С. 266.
- 1250 - Там же. С. 267.
- 1251 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 268.

- 1252 - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в.н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.
- 1253 - Гимбутас Мария. Славяне. Сыны Перуна. М., 2005. С. 164.
- 1254 - Гимбутас Мария. Славяне. Сыны Перуна. Цит. изд. С. 164.
- 1255 - Прокопий из Кесарии. Война с готами. Цит. изд. С. 297.
- 1256 - Там же. С. 297.
- 1257 - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.
- 1258 - Тимощук Б. А. Славянские поселения VI–VII вв. в Северной Буковине. – Древняя Русь и славяне. Цит. изд. С. 186.
- 1259 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 95.
- 1260 - См.: Алексеев С.В. Цит. изд. С. 95.
- 1261 - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.
- 1262 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 121.
- 1263 - Там же. С. 122.
- 1264 - Там же. С. 122–123.
- 1265 - Прокопий из Кесарии. Война с готами. Цит. изд. С. 297.
- 1266 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 523.
- 1267 - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.
- 1268 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 254.
- 1269 - Цит. по: Алексеев С. В. Цит. изд. С. 245.
- 1270 - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 423–24.
- 1271 - Гимбутас Мария. Цит. изд. С. 172.
- 1272 - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 115.
- 1273 - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней

истории. 1941, 1. С. 253.

¹²⁷⁴ - Вернадский Г. В. Цит. изд. С. 129.

¹²⁷⁵ - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 326.

¹²⁷⁶ - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.

1. М., 1995. С.185.

¹²⁷⁷ - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.

2. М., 1995. С. 357.

¹²⁷⁸ - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 271–272.

¹²⁷⁹ - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.

¹²⁸⁰ - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 457.

¹²⁸¹ - Там же. С. 468.

¹²⁸² - Там же. С. 348.

¹²⁸³ - Там же.

¹²⁸⁴ - Алексеев С. В. Цит. изд. С. 88.

¹²⁸⁵ - Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. – Вестник древней истории. 1941, 1. С. 253.

¹²⁸⁶ - Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 161–162.

¹²⁸⁷ - Нидерле Любор. Цит. изд. С. 587.